

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

رنگ
۱۳۱۵
C. M. ...

Кондратьев Самуил.

Batiuskovskij, N. N.

СОЧИНЕНІЯ
К. Н. БАТЮШКОВА.

ИЗДАНЫ

П. Н. Батюшковымъ.

СО СТАТЬЕЮ О ЖИЗНИ И СОЧИНЕНІЯХЪ К. Н. БАТЮШКОВА, НАПИСАННОЮ Л. Н. МАЙКОВЫМЪ, И ПРИМѢЧАНІЯМИ, СОСТАВЛЕННЫМИ ИМЪ ЖЕ И В. И. САНТОВЫМЪ.

ТОМЪ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Наб. Екатерининск. кан., № 78.

1887.

891.71
B3316
v.1

ПРЕДИСЛОВІЕ ИЗДАТЕЛЯ.

Изданіе сочиненій Константина Николаевича Батюшкова давно лежало у насъ на сердцѣ, какъ дань признательности къ дорогой памяти брата, которому мы обязаны попеченіемъ о нашемъ осиротѣломъ дѣтствѣ и первоначальномъ воспитаніи. Много лѣтъ тому назадъ, сверстники и друзья покойнаго, графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ и князь Петръ Андреевичъ Вяземскій, вызывали насъ къ исполненію этого предпріятія. То же желаніе было неоднократно выражаемо сестрою нашею Юліей Николаевной Зиновьевою. Еще при жизни ихъ, въ шестидесятихъ годахъ, мы обращались къ одному извѣстному библіографу съ предложеніемъ приготовить задуманное нами изданіе; но личныя наши обстоятельства не дозволили намъ въ то время заняться этимъ дѣломъ. Только въ 1883 году представилась намъ возможность приступить къ исполненію этого намѣренія. По предложенію нашему, завѣдываніе изданіемъ принялъ на себя Леонидъ Николаевичъ Майковъ. Имъ выработанъ планъ изданія, написано обширное введеніе, содержащее въ себѣ обзоръ жизни и сочиненій К. Н. Батюшкова, и составлены подробныя примѣчанія къ его произведеніямъ. Въ подготовленіи текста и составленіи примѣчаній принялъ также обязательное участіе почтенный знатокъ нашей библіографіи Владиміръ

Ивановичъ Сайтовъ. Считаемо долгомъ выразить нашу глубокую признательность Л. Н. Майкову за его безкорыстные труды, а также В. И. Сайтову за его усердное содѣйствіе нашему предпріятію ¹⁾).

Изъ трехъ первыхъ изданій сочиненій К. Н. Батюшкова только первое, вышедшее въ 1817 году подъ заглавіемъ „Опыты въ стихахъ и прозѣ“, было приготовлено къ печати самимъ авторомъ, а печаталось подъ наблюденіемъ Н. И. Гнѣдича. Согласно желанію Константина Николаевича, въ этотъ сборникъ были внесены только тѣ изъ его произведеній, которыя онъ признавалъ наиболѣе достойными вниманія читателей. Два послѣдующія изданія сочиненій К. Н. Батюшкова, появившіяся въ 1834 и 1850 годахъ, хотя и сдѣланы были при жизни Константина Николаевича, но уже въ то время, когда онъ находился въ состояніи тяжкаго душевнаго недуга, и потому не могъ принять въ нихъ никакого участія. Они только отчасти пополнили пробѣлы „Опытовъ“; но въ изданія 1834 и 1850 годовъ не были внесены даже тѣ поправки и дополненія, которыя К. Н. Батюшковъ еще успѣлъ сдѣлать на экземплярѣ „Опытовъ“, ему принадлежавшемъ и хранившемся со времени его болѣзни у В. А. Жуковскаго. Настоящее, четвертое по счету, изданіе сочиненій К. Н. Батюшкова содержитъ въ себѣ по возможности полное собраніе его произведеній: писатель столь замѣчательный, каковъ былъ покойный поэтъ, несомнѣнно заслуживаетъ изученія во всемъ ходѣ своей литературной дѣятельности; поэтому мы сочли полезнымъ напечатать полное собраніе его сочиненій, а не только выборъ изъ нихъ. Время

¹⁾ В. И. Сайтову принадлежатъ подборъ вариантовъ въ текстѣ, нѣкоторыя примѣчанія и замѣтки о рукописяхъ и прежнихъ изданіяхъ сочиненій К. Н. Батюшкова. Составленные г. Сайтовымъ примѣчанія помѣчены буквами В. С.

его дѣятельности уже на столько удалено отъ насъ, что представилось возможнымъ обнародовать и собраніе его писемъ, а также приложить къ его произведеніямъ біографію и подробный историко-литературный комментарий. Составленная Л. Н. Майковымъ біографія К. Н. Батюшкова изображаетъ его жизнь съ достаточною обстоятельностью и притомъ въ связи со всѣмъ умственнымъ и общественнымъ движеніемъ его времени — славной эпохи нашихъ военныхъ доблестей, подъема народнаго духа и честнаго, безкорыстнаго стремленія къ творчеству въ области роднаго слова.

Задуманное нами предпріятіе было встрѣчено живымъ сочувствіемъ со стороны многихъ лицъ, въ рукахъ которыхъ сохранились бумаги нашего брата или имѣлись какіе-либо свѣдѣнія и матеріалы касательно его жизни и дѣятельности. Считаемъ пріятною для себя обязанностью выразить нашу душевную признательность всѣмъ лицамъ, которыя отозвались на нашу просьбу подѣлиться съ нами матеріалами, касающимися покойнаго поэта.

Недавно скончавшійся родственникъ нашъ Григорій Абрамовичъ Гревенсъ доставилъ намъ обширное собраніе писемъ Константина Николаевича къ сестрѣ Александрѣ Николаевнѣ, а также нѣкоторые другіе документы изъ семейныхъ бумагъ.

Князь Павелъ Петровичъ Вяземскій дозволилъ снять копии съ не изданныхъ писемъ Константина Николаевича къ его отцу, князю Петру Андреевичу.

Павелъ Васильевичъ Жуковскій сообщилъ подлинники писемъ К. Н. Батюшкова къ его знаменитому отцу и сохранившіяся въ бумагахъ Василія Андреевича записную книжку и нѣсколько стихотвореній его друга, частію не изданныхъ, а также нѣкоторые письма общихъ пріятелей о К. Н. Батюшковѣ.

Е. И. Елагина разрѣшила перепечатать нѣсколько писемъ брата къ В. А. Жуковскому, находящихся въ ея распоряженіи и уже помѣщенныхъ въ Русскомъ Архивѣ.

Отъ А. Г. Стояновской, внуки А. Н. Оленина, поступили къ издателю письма К. Н. Батюшкова къ ея дѣду, всегда столь благосклонно относившемуся къ покойному поэту.

М. И. Постникова, внука Е. Г. Пушкиной, сообщила воспоминанія о нашемъ братѣ, написанныя ея бабкою.

Письма Константина Николаевича къ Е. Г. Пушкиной, доселѣ не изданныя, сообщены были для напечатанія В. К. Вульффертомъ чрезъ любезное посредство М. А. Веневитинова.

П. Н. Тихановъ доставилъ намъ рукопись нѣсколькихъ юношескихъ стихотвореній К. Н. Батюшкова, большею частію не бывшихъ въ печати и сохраненныхъ М. Е. Лобановымъ въ составѣ бумагъ Н. И. Гнѣдича.

П. А. Висковатовъ сообщилъ рукописный сборникъ стихотвореній поэта, содержащій въ себѣ нѣкоторые интересные варианты къ напечатаннымъ піесамъ; особенную цѣну этому сборнику придаетъ то обстоятельство, что онъ писанъ рукою одной изъ племянницъ В. А. Жуковского, А. А. Воейковой, и вѣроятно, когда-нибудь принадлежалъ ему.

П. Я. Дашковъ изъ своего богатаго собранія автографовъ удѣлилъ намъ для напечатанія нѣсколько писемъ К. Н. Батюшкова къ Н. И. Гнѣдичу, А. Е. Измайлову и М. Е. Лобанову.

М. И. Семевскій разрѣшилъ перепечатать изъ Русской Старины помѣщенные тамъ письма нашего брата къ Н. И. Гнѣдичу и доставилъ подлинники ихъ для провѣрки текста.

Баронъ Н. К. Богусевскій доставилъ намъ для сличенія одинъ автографъ поэта, также напечатанный въ Русской Старинѣ.

И. В. Помяловскій сообщилъ любопытное письмо Константина Николаевича къ графу С. С. Уварову.

Нѣсколько матеріаловъ о К. Н. Батюшковѣ получено было отъ А. Н. Тургенева, изъ Парижа, чрезъ посредство протоіерея Прилежаева.

Ө. М. Дмитріевъ изъявилъ согласіе на перепечатку писемъ брата къ его дѣду И. И. Дмитріеву.

А. Ө. Бычковъ разрѣшилъ воспользоваться автографами Константина Николаевича, хранящимися въ Императорской Публичной Библіотекѣ, и передалъ для нашего изданія любопытное письмо Д. В. Дашкова о состояніи К. Н. Батюшкова во время болѣзни, изъ собственнаго собранія автографовъ.

Баронъ Ө. А. Бюлеръ прислалъ намъ свѣдѣнія и документы касательно службы К. Н. Батюшкова по министерству иностранныхъ дѣлъ, изъ управляемаго имъ Московскаго архива этого министерства.

Вдова доктора Антона Дитриха предоставила въ наше распоряженіе врачебный дневникъ, веденный ею мужемъ въ бытность его при больномъ Константинѣ Николаевичѣ, и записку о его болѣзни, также составленную докторомъ Дитрихомъ. Любопытные документы эти были высланы намъ при содѣйствіи протоіерея русской православной церкви въ Висбаденѣ, о. Тачалова.

П. И. Бартеневъ сообщилъ для воспроизведенія въ нашемъ изданіи оригиналъ портрета К. Н. Батюшкова, который принадлежалъ Е. Г. Пушкиной.

П. А. Безсоновъ, прислалъ намъ экземпляръ „Освобожденнаго Іерусалима“ въ подлинникѣ, съ замѣтками К. Н. Батюшкова.

А. И. Сомовъ далъ возможность ознакомиться съ письмами изъ Италіи живописца С. Ѳ. Щедрина, въ которыхъ нашлись любопытныя извѣстія о пребываніи К. Н. Батюшкова въ Неаполѣ.

А. П. Барсуковъ доставилъ нѣкоторыя свѣдѣнія о предкахъ К. Н. Батюшкова.

Сверхъ названныхъ лицъ, разныя свѣдѣнія о К. Н. Батюшковѣ были сообщаемы намъ Е. В. Барсовымъ, Н. П. Барсовымъ, О. А. Бородиною, г. Вакселемъ, А. Е. Влангали, Я. К. Гротомъ, П. А. Марковымъ, Ѳ. А. Оомомъ, барономъ Д. Ѳ. Стуартомъ и Д. Е. Шевичемъ. Академикъ И. П. Пожалостинъ принялъ на себя трудъ выгравировать портретъ нашего покойнаго брата, съ оригинала, рисованнаго О. А. Кипренскимъ. Любезное содѣйствіе всѣхъ названныхъ лицъ навсегда останется для насъ доказательствомъ ихъ вниманія къ предпріятію, которымъ мы желали оказать услугу отечественной словесности.

Отъ редактора. Принявъ на себя, по предложенію П. Н. Батюшкова, завѣдываніе изданіемъ произведеній его знаменитаго брата, считаю необходимымъ изложить здѣсь тѣ правила, которыми я руководствовался при исполненіи этого труда.

Какъ извѣстно, сочиненія К. Н. Батюшкова до сихъ поръ не были изданы въ полномъ составѣ ¹⁾. Для того, чтобы сдѣлать настоящее изданіе возможно полнымъ, потребовалось пересмотрѣть наши журналы, альманахи и другіе сборники за первыя тридцать лѣтъ текущаго вѣка и извлечь изъ нихъ тѣ произведенія К. Н. Батюшкова, которыя не вошли въ прежнія изданія его сочиненій. Полезнымъ пособіемъ при этомъ пересмотрѣ послужилъ списокъ сочиненій поэта, со-

¹⁾ Библиографическія свѣдѣнія о прежнихъ изданіяхъ сочиненій К. Н. Батюшкова, а также о сохранившихся рукописяхъ его произведеній, сообщены въ особой замѣткѣ В. И. Саитова, помѣщаемой вслѣдъ за симъ.

ставленный М. Н. Лонгиновымъ и помѣщенный въ Современникѣ 1875 года, № 11, а затѣмъ въ Русскомъ Архивѣ 1863 года. Но непосредственное знакомство со старинными періодическими изданиями, съ одной стороны, дало возможность пополнить списокъ Лонгинова, а съ другой—не позволило признать произведеніями Батюшкова нѣкоторыя піесы, указанныя Лонгиновымъ какъ таковыя. Кромѣ того, нѣкоторыя произведенія Константина Николаевича въ стихахъ и прозѣ напечатаны въ настоящемъ изданіи съ его рукописей, сохранившихся, къ сожалѣнію, въ незначительномъ количествѣ. Письма также изданы большею частью по подлинникамъ, если только послѣдніе были доступны редактору, при чемъ оказалось возможнымъ сдѣлать нѣкоторыя исправленія и пополненія въ прежде напечатанныхъ текстахъ. Меньшая часть писемъ повторена съ прежнихъ печатныхъ изданій, ибо подлинники остались мнѣ недоступными. Объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ нельзя не пожалѣть, ибо письма, напримѣръ, въ изданіи 1834 года, появлялись не въ полномъ видѣ.

Батюшковъ очень заботился о слогѣ и многократно исправлялъ его въ своихъ произведеніяхъ; поэтому въ основаніе текста ихъ, напечатаннаго въ настоящемъ изданіи, была принята та послѣдняя редакція, которая дана ему самимъ авторомъ: для большей части произведеній нашего поэта это—редакція „Опытовъ“ 1817 года. Варианты болѣе раннихъ редакцій, а также изданія 1834 года, сообщены въ примѣчаніяхъ ¹⁾. Впрочемъ, исправленія, сдѣланныя Батюшковымъ на принадлежавшемъ ему экземплярѣ „Опытовъ“, введены въ текстъ настоящаго изданія, потому что принадлежность ихъ автору не подлежитъ сомнѣнію и служитъ доказательствомъ постоянныхъ заботъ его объ усовершенствованіи своего слога. Двѣ піесы—стихотвореніе „Мечта“ и „Похвальное слово сну“—напечатаны цѣликомъ въ двухъ редакціяхъ, самой ранней и самой поздней, по той причинѣ, что въ этомъ послѣднемъ видѣ онѣ слишкомъ измѣнены противъ первоначальнаго, который однако представляетъ свой интересъ.

Какъ литературныя произведенія, такъ и письма Батюшкова, расположены въ хронологическомъ порядкѣ. Уже по отпечатаніи самаго текста нѣкоторыя произведенія и письма оказались приурочен-

¹⁾ Происхожденіе вариантовъ, впрочемъ немногочисленныхъ, встрѣчающихся въ изданіи 1834 года, намъ не извѣстно; но приписывать ихъ самому автору нѣтъ никакихъ основаній.

ными въ немъ не къ тѣмъ годамъ, къ какимъ слѣдовало. Неточности эти оговорены и исправлены въ примѣчаніяхъ.

Комментарію даны въ настоящемъ изданіи значительные размѣры: онъ служитъ не только для ближайшаго уразумѣнія текста Батюшкова, но и предлагаетъ различныя свѣдѣнія касательно нашей литературной исторіи начала нынѣшняго вѣка. Такое расширеніе комментарія казалось небезполезнымъ въ виду еще недостаточнаго изученія литературныхъ явленій того времени.

Въ настоящемъ изданіи не дано особаго списка имѣющихся въ нашей литературѣ трудовъ о К. Н. Батюшковѣ. Ихъ очень не много, и общій обзоръ можетъ быть представленъ здѣсь.

Свѣдѣнія о жизни Батюшкова впервые были сообщены въ печати Н. И. Гречемъ въ его „Опытѣ краткой исторіи русской литературы“, приложенномъ къ его „Учебной книгѣ россійской словесности“ (4 части. С.-Пб. 1819—1822). Свѣдѣнія, собранныя Гречемъ, послужили основнымъ источникомъ для всѣхъ послѣдующихъ біографій Батюшкова, каковы, напримѣръ, статья В. Т. Плаксна въ V-мъ томѣ „Энциклопедическаго Лексикона“ и статья А. Д. Галахова въ примѣчаніяхъ къ 3-му изданію его „Полной русской христоматіи“ (М. 1849); г. Галаховъ пополнилъ извѣстія Греча нѣкоторыми данными, извлеченными изъ писемъ Батюшкова, напечатанныхъ въ изданіи его сочиненій 1834 года. Въ 1855 году внукомъ поэта, П. Г. Гревенсомъ, была напечатана въ Вологодскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ статья о послѣднихъ годахъ жизни Батюшкова. Въ томъ же году въ Москвитянинѣ (№ 23 и 24) былъ помѣщенъ критико-біографическій очеркъ о Батюшковѣ, составленный Н. О. Бунаковымъ, который, живя въ Вологдѣ, имѣлъ возможность умножить данныя біографіи поэта нѣкоторыми извлеченіями изъ семейныхъ бумагъ. Затѣмъ обзоръ жизни и сочиненій Батюшкова вторично представленъ былъ А. Д. Галаховымъ въ его „Исторической христоматіи новаго періода русской словесности“ (ч. II, С.-Пб. 1864). Въ 1867 году въ Русскомъ Архивѣ П. И. Бартенева появился болѣе подробный очеркъ жизни Батюшкова, со включеніемъ многихъ дотоѣ не изданныхъ писемъ его къ Е. О. Муравьевой, А. Н. Оленину и А. И. Тургеневу. Изъ этого любопытнаго труда заимствованы свѣдѣнія о жизни Батюшкова, встрѣчающіяся въ различныхъ курсахъ исторіи русской словесности, вышедшихъ въ свѣтъ въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ. Изъ иноязычныхъ книгъ слѣдуетъ упомянуть о книгѣ Г. Кенига: *Literarische Bilder aus Russ-*

land. Stuttgart und Tübingen. 1837,—гдѣ, въ параграфѣ, посвященномъ Батюшкову, сообщено нѣсколько самостоятельныхъ и любопытныхъ извѣстій для его біографіи, безъ сомнѣнія, полученныхъ Кенигомъ изъ русскихъ непечатныхъ источниковъ. Перечислять здѣсь отрывочныя извѣстія о Батюшковѣ, встрѣчающіяся въ запискахъ и письмахъ его современниковъ, не представляется нужнымъ: всѣ извѣстія такого рода указаны въ вводной статьѣ и въ примѣчаніяхъ къ настоящему изданію.

Критическая оцѣнка произведеній Батюшкова начинается рецензіями, появившимися по случаю изданія, въ 1817 году, его „Опытовъ въ стихахъ и прозѣ“; рецензіи эти исчислены въ водной статьѣ къ настоящему изданію. Появившіеся затѣмъ, въ двадцатыхъ годахъ, разборы сочиненій Батюшкова, написанные П. А. Плетневымъ, въ недавнее время перепечатаны въ собраніи его сочиненій, изданномъ П-мъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ (т. I. С.-Пб. 1885). Изданіе 1834 года подало поводъ къ рецензіи Бѣлинскаго, который, сверхъ того, неоднократно говорилъ о Батюшковѣ въ другихъ своихъ статьяхъ; указанія на отзывы его собраны въ извѣстномъ трудѣ К. М. Петрова „Указатель къ сочиненіямъ Бѣлинскаго“. Въ 1840 году, въ Одесскомъ Альманахѣ, была напечатана статья А. В. Никитенка: „Батюшковъ. Изъ характеристики русскихъ поэтовъ“. Вышедшія въ томъ же году „Чтенія о русскомъ языкѣ“ Н. И. Греча также содержатъ въ себѣ нѣсколько замѣчаній о Батюшковѣ. Наконецъ, въ 1853 году, въ Харьковѣ, издана была книга профессора Харьковскаго университета Н. Т. Костыря: „Батюшковъ, Жуковскій и Пушкинъ, русскіе поэты XIX вѣка (изъ лекцій эстетической критики, читанныхъ въ 1851 году въ историко-филологическомъ факультетѣ)*¹⁾“. Вся эта книга, составляющая лишь первую часть труда Костыря (156 страницъ), посвящена разбору стихотвореній Батюшкова и есть самое обширное въ нашей литературѣ сочиненіе объ его произведеніяхъ; авторъ смотритъ на поэтическую дѣятельность Батюшкова вообще довольно правильно; но его страсть къ отвлеченнымъ построеніямъ и пренебреженіе къ фактамъ біографическимъ и бібліографическимъ такъ велики, что нерѣдко приводятъ его къ натяжкамъ и преувеличеніямъ и подрываютъ довѣріе къ его заключе-

¹⁾ Книга эта не поступила въ продажу и потому нынѣ весьма рѣдка и малоизвѣстна.

ніямъ; темнота изложенія также вредитъ немало труду Костыря. Со времени появленія этого сочиненія особыхъ критическихъ этюдовъ о Батюшковѣ не появлялось.

Въ заключеніе считаю долгомъ выразить искреннюю благодарность А. П. и Н. П. Барсуковымъ, П. И. Бартеневу, Ѳ. Д. Батюшкову, К. Н. Вестужеву-Рюмину, графу А. А. Бобринскому, И. М. Болдакову, Ѳ. А. Брауну, А. Ѳ. и И. А. Бычковымъ, А. Н. Веселовскому, А. Д. Галахову, Я. К. Гроту, В. П. Ламбину, И. В. Помяловскому, А. И. Сомову, В. П. Титову и В. Г. Трирогову, сообщавшимъ мнѣ различныя свѣдѣнія и указанія. Особенную признательность пріятно мнѣ выразить моему постоянному и дѣятельному сотруднику по настоящему изданію В. И. Саитову: его въ высшей степени полезное содѣйствіе значительно облегчило мнѣ трудъ по изученію одного изъ лучшихъ русскихъ поэтовъ.

О рукописяхъ и прежнихъ изданіяхъ сочиненій К. Н. Батюшкова.

I.

Изъ переписки Батюшкова, которой посвященъ третій томъ настоящаго изданія, видно, что поэтъ нашъ въ дѣлѣ литературной критики особенно дорожилъ мнѣніями В. А. Жуковскаго, Д. Н. Влудова, князя П. А. Вяземскаго и Н. И. Гвѣдича. Прежде чѣмъ печатать свои произведенія, Батюшковъ нерѣдко отдавалъ ихъ на судъ друзьямъ и держался этого обычая даже тогда, когда находился съ ними въ разлукѣ. Онъ отдавалъ на просмотръ имъ, какъ вновь написанныя произведенія, такъ и бывшія уже въ печати, но съ теченіемъ времени подвергшіяся передѣлкѣ. Не смотря на выраженное въ письмѣ къ Гвѣдичу убѣжденіе, что „лучшій судья, послѣ двухъ или трехъ лѣтъ, самъ сочинитель, если онъ не зараженъ.... самолюбіемъ“ (т. III, стр. 43), Батюшковъ, приготовляя къ печати первое собраніе своихъ сочиненій, уже большею частію исправленныхъ имъ, просилъ Жуковскаго, чтобъ онъ просмотрѣлъ списокъ его стиховъ, находящійся у Влудова, и виѣстѣ съ послѣднимъ „замѣтилъ то, что стоитъ печатанія, и то, что предать огню истребителю“ (т. III, стр. 346, 358). Согласно со сказаннымъ, каждое изъ упомянутыхъ четырехъ лицъ имѣло въ своихъ рукахъ автографы или копии произведеній Батюшкова; у Д. Н. Влудова находилась даже цѣлая тетрадь его стихотвореній, о которой Константинъ Николаевичъ неоднократно упоминаетъ въ

письма къ Гнѣдичу, Вяземскому и Жуковскому (т. III, стр. 207, 209, 212, 339). Нѣкоторые изъ рукописныхъ сборниковъ стихотвореній Батюшкова, сохранившіеся до нашего времени, послужили пособіемъ при настоящемъ изданіи. Тетрадь, находившаяся у Д. Н. Влудова, по видимому, не сохранилась. Въ архивѣ князя Вяземскаго нашелся только написанный Батюшковымъ собственноручно черновой набросокъ плана поэмы „Русалка“ (см. въ т. III, стр. 453—454). Что же касается бумагъ Гнѣдича и Жуковскаго, то онѣ дали довольно богатый матеріалъ собственно литературному отдѣлу настоящаго изданія.

Представляя обзоръ рукописей произведеній Батюшкова, которыя могли быть употреблены при приготовленіи настоящаго изданія, раздѣляемъ ихъ на двѣ группы: 1) хранящіяся въ Императорской Публичной Библіотекѣ и, 2) принадлежащія частнымъ лицамъ.

I. Рукописи Императорской Публичной Библіотеки.

1) Къ Филісѣ. Изъ бумагъ М. Е. Лобанова. Писано рукою Гнѣдича на листѣ писчей бумаги. Эпиграфъ къ стихотворенію написанъ не перомъ, очевидно, на память. На поляхъ сдѣланы слѣдующія замѣтки: противъ 19-й строки— „чародѣй“; противъ 29-й— „поклонниковъ“; противъ 36-й— „опущена“.

2) Выздоровленіе. На одномъ полулистѣ почтовой бумаги. Писано рукою самого поэта, но безъ подписи.

3) Мои пенаты. Черновой автографъ, на 6-ти полулистахъ почтовой бумаги, безъ подписи.

4) Посланіе къ И. М. Муравьеву-Апостолу. Черновой автографъ, на одномъ листѣ почтовой бумаги, съ подписью В. Рукою Лобанова прибавлено: „Муравьеву-Апостолу“.

5) Вечеръ у Кантемира. На семи полулистахъ почтовой бумаги. На чисто переписано рукою Батюшкова, но безъ подписи.

II. Рукописи частныхъ лицъ.

A) А. Н. Аванасьева (ум. въ 1871 г.). Сборникъ стихотвореній, въ листъ, писанный красивымъ почеркомъ незнакомой руки. Сборникъ этотъ, мѣстонахожденіе котораго нынѣ не извѣстно, описанъ въ Библіографическихъ Запискахъ 1861 г., № 20, ст. 633—643, и состоитъ изъ слѣдующихъ произведеній Батюшкова, относящихся къ 1807—1812 гг.: Мои Пенаты, Сонъ Могольца, Ложный страхъ, Петину, Отвѣтъ Гнѣдичу, Воспоминанія 1807 года, Вечеръ, Къ Жуковскому, Посланіе гр.

Віельгорскому, Дружество, Источникъ, Посланіе къ Гнѣдичу, Счастливецъ, М. Л—вой (Ты хочешь горсткой омиіама...), Книги и журналы (Кротъ мыши прошепталь), Русскій витязь (О хлѣбъ-соль русская...), Видѣніе на берегахъ Леты.

В) П. Н. Батюшкова:

1) Мечта. На 2^{1/2} полулистахъ почтовой бумаги. Изъ нихъ 6 страницъ писаны неизвѣстнымъ почеркомъ, а остальные—рукою поэта и оканчиваются его подписью. На стран. 8, противъ стиха:

Какъ свѣтлые лучи, или солнце въ облакахъ

рукою Батюшкова отиѣчено: „поправь“.

2) Сборникъ, на двухъ листахъ писчей бумаги съ клеймомъ 1815 г. Писанъ неизвѣстною рукою, съ ошибками противъ смысла въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Сборникъ этотъ заключаетъ въ себѣ пять слѣдующихъ стихотвореній, относящихся къ 1815 году и тѣсно связанныхъ между собою по содержанию: Таврида, Разлука (Напрасно покидалъ страну моихъ отцевъ...), Пробужденіе, Элегія (Я чувствую, мой даръ въ пѣвѣхъ погасъ...), Мой геній.

3) Собственноручная записная книжка Батюшкова, подъ заглавіемъ Чужое—мое сокровище, въ 4-ку, въ бумажномъ переплетѣ. Въ концѣ послѣдней, чистой страницы сдѣлана замѣтка: „Въ трехъ ящикахъ: книгъ: въ 1-мъ 170, во 2-мъ—61, въ третьемъ—60“. Послѣ подведенія итога прибавлено: „три года Вѣстника, полгода Сына Отечества“. Надписи, находящіяся на внутренней сторонѣ переплета, приведены въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ въ т. II, стр. 282 и 367.

4) Изреченіе Мельхиседека. На одномъ листкѣ.

Эти рукописи получены П. Н. Батюшковымъ отъ П. В. Жуковского, сохранившаго ихъ въ бумагахъ своего отца.

5) Къ числу рукописей мы относимъ и уцѣлѣвшій въ бумагахъ Жуковского экземпляръ II-й части „Опытовъ“ съ собственноручными поправками и дополненіями Батюшкова. Предполагая сдѣлать со временемъ новое изданіе своихъ сочиненій, Батюшковъ постепенно готовилъ его въ теченіе 1819—1821 гг., какъ это видно изъ датъ самого поэта, выставленныхъ имъ на страницахъ указаннаго экземпляра. Составъ предполагавшагося изданія, которое сначала озаглавлено было „Опыты въ стихахъ“, а въ другомъ мѣстѣ „Стихотворенія К. В.“, долженъ былъ быть значительно измѣненъ противъ изданія 1817 года. Послѣ предисловія издателя, сохраненнаго съ исключеніемъ шести послѣднихъ строкъ, помѣщена „Рѣчь о вліяніи легкой поэзіи на языкъ“ въ исправленномъ видѣ, а затѣмъ стихотворенія; изъ числа этихъ, помѣщенныхъ въ „Опытахъ“ 1817 года, исключены: Тибуллова элегія III, Веселый часъ, Къ Петину, Сонъ воиновъ, Сонъ Жогольца, эпиграммы: Вседельный

гость, Какъ трудно Бибрису со славою ужиться, Памфилъ забавень за столомъ; Надпись къ портрету Н. Н., Надпись на гробъ пастушки. Слѣдующія за стихотворенія помѣщены въ исправленномъ видѣ: Надежда, На развалинахъ замка въ Швеціи, Элегія XI изъ Тибулла, Тѣнь друга, Разлука (Напрасно покидалъ страну моихъ отцовъ...), Таврида, Гезіодъ и Омиръ, Къ другу, Посланіе Къ Тургеневу, Къ Н., Странствователь и Дюссѣдъ. Изъ напечатанныхъ стихотвореній, но не вошедшихъ въ первое изданіе, Ватюшковъ хотѣлъ включить переводы изъ греческой Антологіи, изданныя въ 1820 году. Что касается новыхъ произведеній Ватюшкова, то во второе изданіе должны были войти: Надпись для гробницы дочери г-жи Калышевой и шесть мелкихъ стихотвореній подъ общимъ заглавіемъ Подражанія древнимъ, написанныхъ въ Шафгаузенѣ 7-го іюня 1821 года, какъ помѣчено самимъ поэтомъ. Кромѣ того, въ новое изданіе предполагалось по ищикоу, внести еще нѣсколько произведеній Ватюшкова, поименованныхъ въ оглавленіи, но потомъ тщательно вымаранныхъ. Вотъ тѣ изъ нихъ, заглавія которыхъ доступны для прочтенія: Воспоминанія Италіи, Поэма, Море, Судьба поэта, Псалмы.

В) П. А. Висковатова: Сборникъ стихотвореній, на 6½ полулистахъ почтовой бумаги, писанный рукою А. А. Воейковой. Сюда входятъ слѣдующія произведенія Ватюшкова, относящіяся къ 1807 — 1814 гг.: Пльвинный, Дружество, Посланіе къ Дашкову, Радость, На смерть Кокошкиной, Сны воинновъ, Челнокъ (Мѣсяцъ плавалъ надъ рѣкою...), Веселый часъ, Воспоминанія на 1807 годъ, Счастливецъ, Мечта, Разлука (Пусаръ на саблю опираясь...), Въ день рожденія NN, Къ Гидичу (Только дружба общается...).

Г) П. Н. Тиханова:

1) Видѣніе на берегахъ Леты. На полутора листахъ писчей бумаги; на листѣ заглавія М. Е. Лобанова: „Сочиненіе К. Ватюшкова, переписанное рукою Гидича. Л.“

2) Богъ. Писано неизвѣстною рукою, на полулистѣ синей почтовой бумаги съ водянымъ знакомъ 1804 г.; рукою Лобанова написано чернилами: „К. Н. Ватюшкова“, а карандашемъ: „1803 (полагаю)“.

3) Сборникъ стихотвореній, писанныхъ одновременно неизвѣстною рукою, на 4½ полулистахъ почтовой бумаги. На первой страницѣ помета карандашемъ рукою Лобанова: „1804 или 1805 года“. Сборникъ состоитъ изъ слѣдующихъ произведеній Ватюшкова: Сатира (Стихи мои, опять за васъ я принималъ...), съ эпиграфомъ—рукою Ватюшкова позднѣйшей приписки; Посланіе къ Хлоѣ, Элегія (Какъ счастье медленно приходитъ...), Переводъ Лафон-

теновой эпитафiи, Къ Филисѣ, Переводъ I-й сатиры Воало. Эпиграфъ и послѣднiя 16 строкъ этого стихотворенiя составляютъ позднѣйшую приписку самого Батюшкова. На поляхъ замѣтка Лобанова: „Это рука К. Батюшкова. Л.“

Имѣются указанiя на нѣсколько произведенiй Батюшкова, несомнѣнно существовавшихъ, но не появившихъ въ печать. Къ числу таковыхъ принадлежатъ: 1) Одна изъ самыхъ раннихъ пiесъ Батюшкова, изъ которой онъ приводитъ два стиха въ письмѣ къ Гнѣдичу, отъ 1-го апрѣля 1810 г. (т. III, стр. 87); 2) подражанiе Пѣснѣ пѣсней, пiеса, которую Батюшковъ въ 1810 году посылалъ на просмотръ Гнѣдичу (т. III, стр. 104, 106); 3) басня Сиротка, о которой упоминается въ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому, отъ 19-го декабря 1811 г. (т. III, стр. 167); 4) стихи въ альбомѣ графинѣ Салтыковой, которые Д. В. Дашковъ посылалъ кн. Вяземскому при письмѣ, отъ 19-го декабря 1813 г. (Р. Арх. 1866 г., ст. 494); 5) четверостишие къ императору Александру, написанное въ 1814 году (П. Собр. соч. кн. Вяз., т. VII, стр. 418). 6) Искательный характеръ, сатирическая статья, написанная Батюшковымъ въ 1815 году (т. III, стр. 359, 410); 7) стихотворенiе Рожео и Юлiя, о которомъ говорится въ письмѣ къ Гнѣдичу, отъ начала сентября 1816 г. (т. III, стр. 394).

Въ библиотекѣ Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ хранится рукопись трагедiи С. П. Жихарева Атрей, которая была представлена въ первый разъ 11-го декабря 1811 г. Въ текстѣ встрѣчаются нѣсколько поправокъ, сдѣланныхъ, по свидѣтельству самого Жихарева, рукою Батюшкова (см. Отчетъ музеевъ за 1879—1882 гг., стр. 82); поправки эти не значительны и не представляютъ интереса.

II.

Собранiя сочиненiй Батюшкова были издаваемы три раза: въ 1817, въ 1834 и 1850 годахъ.

1) Во второй половинѣ 1816 г. Батюшковъ, находясь въ Москвѣ, задумалъ издать собранiе своихъ стихотворенiй, о которыхъ въ одномъ изъ писемъ къ Гнѣдичу онъ отзывался такъ: „Съ горестью вижу, что это бездѣлки, но печатать надо. Ихъ изуродовали въ журналахъ и вездѣ мое имя выставили. Даже Каченовскiй дѣлаетъ это противъ воли моей“. Вести печатанiе въ Москвѣ Батюшковъ не хотѣлъ и не могъ. „Мнѣ дадутъ деньги на бумагу“, писалъ онъ Гнѣдичу, — „но не хочется одолжаться и жить въ Москвѣ. Дѣла требуютъ моего присутствiя въ деревнѣ“. И. И. Дмитриевъ уговаривалъ его продать

изданіе одному изъ московскихъ книгопродавцевъ, но Батюшковъ опасался, что они „изуродуютъ изданіе и на мѣсто завода напечатаютъ два“. Онъ не согласился даже на предложеніе Каченовскаго, бравшагося руководить изданіемъ, такъ какъ держался того мнѣнія, что въ Москвѣ вообще „изуродуютъ книги“ (ср. письмо Каченовскаго къ Н. И. Гнѣдичу, отъ 14-го апрѣля 1818 г.—Р. Архивъ 1868 г., ст. 970, 971).

Гнѣдичъ, видя сомнѣнія и нерѣшительность Батюшкова, предложилъ ему свои услуги въ дѣлѣ изданія. Онъ принималъ на себя всѣ типографскіе расходы и, сверхъ того, обязывался уплатить автору 1500 р. Благодаря Гнѣдичу за его предложеніе, Батюшковъ писалъ: „Оно мнѣ пріятно по многимъ причинамъ“, но „ты разорисься, и я никакъ не могу на это согласиться“. Между тѣмъ намѣренія Батюшкова относительно плана изданія измѣнились. Вмѣсто одного тома стихотвореній онъ рѣшилъ напечатать собраніе своихъ сочиненій въ двухъ томахъ, изъ которыхъ одинъ заключалъ бы въ себѣ стихи, а другой—прозу. Посовѣтовавшись съ Каченовскимъ, Батюшковъ высчиталъ всѣ расходы по изданію и, убѣдившись, что убытка ожидать нельзя, предложилъ Гнѣдичу свои условія. За два тома онъ выговаривалъ себѣ 2000 р., изъ которыхъ одну просилъ прислать немедленно, а другую—черезъ шесть мѣсяцевъ по отпечатаніи втораго тома. „Это тебя не расстроитъ и мнѣ будетъ выгодно“, писалъ онъ Гнѣдичу,—но „печатать отнюдь не по подпискѣ: я на это никакъ не соглашусь“. Указывая на свою „лѣнь и нерѣшимость“, Батюшковъ убѣждалъ Гнѣдича принять на себя изданіе его сочиненій, но просилъ печатать „безъ шума и грома, обѣ книги вдругъ выпустить“. Требуя рѣшительнаго отвѣта, онъ прибавлялъ: „Ни слова въ моемъ условіи не перемѣню: я обдумалъ все на дусугѣ“ (Соч., т. III, стр. 389, 394—396). Получивъ, наконецъ, согласіе Гнѣдича и посылая ему томъ прозы, Батюшковъ, въ письмѣ отъ 25-го сентября, говорилъ: „Выкидывай... марай, поправляй, дѣлай, что хочешь: но Бога ради, ситациі вѣрнѣе напечатай... Пришли мнѣ условіе, какое хочешь я его подпишу. Могу умереть, и ты останешься въ дуракахъ. Согласенъ пять лѣтъ не издавать снова. Экземпляровъ печатай 1500 или двѣ, не болѣе. Но книгопродавцамъ о такомъ великомъ числѣ не объявляй: это можетъ повредить“. Въ заключеніе Батюшковъ выражалъ увѣренность, что предпринимаемое изданіе будетъ „не варварское, достойное почитателя Гомеровыхъ комментаторовъ и любителя Ельзевировъ и Водони“ (т. III, стр. 400—401). Получивъ отъ Гнѣдича 1000 р. и препроводивъ къ нему подписанное условіе, Батюшковъ просилъ начать печатаніе съ прозы, рассчитывая тѣмъ временемъ приготовить томъ стиховъ (т. III, стр. 408). По пріѣздѣ въ деревню, въ январѣ 1817 г., Батюшковъ усердно занялся приготовленіемъ къ печати втораго тома

своихъ сочиненій и въ концѣ февраля выслалъ Гнѣдичу книгу стиховъ, при чемъ писалъ: „Развѣщай ихъ, какъ хочешь, но печатай безъ толкованій и замѣчаній, Бога ради, и безъ похвалъ“ (т. III, стр. 418, 420). Во все послѣдующее время, вплоть до выхода въ свѣтъ своихъ сочиненій, Батюшковъ дѣятельно работалъ надъ улучшеніемъ изданія, исправляя старыя піесы, нѣкоторыя выкидывая вовсе и замѣняя ихъ новыми, написанными въ деревенскомъ уединеніи. Кромѣ самого Батюшкова и Гнѣдича, просмотрѣ и исправленіями, по просьбѣ автора, занимались князь Вяземскій и Жуковскій (т. III, стр. 413, 425, 440, 446, 458). Наконецъ, печатаніе, производившееся въ типографіи Н. И. Греча, было кончено, и сочиненія нашего поэта вышли въ свѣтъ подъ заглавіемъ: „Опыты въ стихахъ и прозѣ Константина Батюшкова“, въ 8-ку. Часть I. Проза, съ эпитафюмъ изъ Монтана: „*Et quand personne ne me lira, ay ie perdu mon temps, de m'estre entretenu tant d'heures oysives à pensemens utiles ou agréables?*“ — Часть II. Стихи, съ эпитафюмъ изъ Овидія: „*Vade, sed incultus*“ (Trist. 1, lib. 1, v. 3). Но эпитафюмъ этотъ не вполне примѣнимъ къ стихамъ Батюшкова, ибо ихъ нельзя назвать „не обдѣланными“. Приготовляя къ печати второй томъ, самъ Константинъ Николаевичъ въ письмахъ къ Гнѣдичу (т. III, стр. 394, 395, 400, 409) неоднократно упоминаетъ о сдѣланныхъ имъ исправленіяхъ и между прочимъ говоритъ: „Стихамъ не могу сказать: *Vade, sed incultus*. Надобно кое-что поправить“ (стр. 408). Обѣ части „Опытовъ“ были украшены фронтисписами, рисованными И. А. Ивановымъ по мысли А. Н. Оленина и гравированными И. Ческиимъ; фронтисписы эти воспроизведены въ настоящемъ изданіи. Первой частью „Опытовъ“, заключающей въ себѣ статьи Батюшкова, помѣщенные въ настоящемъ изданіи подъ номерами: I, VII—XVI, XIX—XXII, предпослано слѣдующее предисловіе Гнѣдича: „Въ двухъ сихъ книжкахъ помѣщены почти всѣ произведенія г. Батюшкова въ стихахъ и прозѣ, разбѣяныя по разнымъ періодическимъ изданіямъ, и присоединены еще новыя, нигдѣ не печатанныя. Говорить о нихъ въ предисловіи я считаю излишнимъ. Скажу только, что случай, доставившій мнѣ средства предпринять сіе изданіе, я считаю пріятнѣйшимъ въ жизни: ибо увѣренъ, что удовлетворю желаніе просвѣщенныхъ любителей словесности“. Вторая часть „Опытовъ“ состоитъ изъ стихотвореній, напечатанныхъ въ настоящемъ изданіи подъ номерами: XI, XVI, XIX, XX, XXIV, XXV, XXVIII, XXIX, XXX, XXXIII, XXXVI (только первая половина), XXXVII, XL, XLI, XLIII—XLIX, LI, LIV, LV, LVIII—LX, LXII, LXIII, LXV—LXVII, LXIX, —LXXI, LXXV—XCI (только первая половина), XCII—CVII. Изъ числа этихъ стихотвореній четыре (XLIV, XLV, XLVII, LI) встрѣчаются только въ нѣкоторыхъ эк-

ОПЫТЫ
ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗЪ
К. Батюшкова.

Я
ВЪ С. ПЕТЕРБУРГЪ
1817.

ОПЫТЫ
ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗѢ
К. Батюшкова.

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ
1817.

земляках „Опытовъ“. Вторая часть сочиненій Батюшкова также сопровождается предисловіемъ Гнѣдича, въ которомъ онъ говоритъ: „Мы должны предупредить любителей словесности, что большая часть сихъ стихотвореній была написана прежде „Опытовъ въ прозѣ“, въ равныя времена, посреди шума лагерей или въ краткія отдохновенія война; но назначать время, когда и гдѣ что было написано, мы не почли за нужное. Издатель надѣется, что читатели сами легко отличать послѣднія произведенія отъ первыхъ и найдутъ въ нихъ большую зрѣлость въ мысляхъ и строгость въ выборѣ предметовъ“.

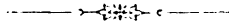
Первая часть „Опытовъ“ появилась въ іюлѣ, а вторая—въ октябрѣ 1817 года. Не смотря на всѣ просьбы Батюшкова печатать, не дѣлая подписки (т. III, стр. 394, 400, 440, 442, 458), послѣдняя была объявлена Гнѣдичемъ вслѣдъ за выходомъ первой части, которая и предлагалась подписчикамъ, а на вторую выдавался билетъ. Оба тома продавались по 15 р.; по окончаніи же подписки предполагалось увеличить цѣну (В. Квр. 1817 г., ч. XCIV, № 14, стр. 164; Сынъ Отеч. того же года, ч. XXXIX, стр. 29). Число подписавшихся, какъ видно изъ списка, приложеннаго въ концѣ второй части „Опытовъ“, простиралось до 187.

Въ типографскомъ отношеніи изданіе было на столько неисправно, что вызвало неудовольствіе Батюшкова, выраженное въ письмахъ къ кн. Вяземскому, Гнѣдичу и Дмитріеву (т. III, стр. 452, 460, 463, 476). Ошибки, которыми въ типографіи „немилосердно изуродовали“ текстъ, оговорены въ началѣ второй части „Опытовъ“.

2) Сочиненія въ прозѣ и стихахъ, 2 части. С.-Пб. Въ типографіи И. Глазунова. 1834. Въ 8-ку. Цензурное одобреніе, подписанное А. В. Никитенкомъ, помѣчено 19-мъ октября 1833 г. Издателемъ былъ И. И. Глазуновъ (Краткій обзоръ книжной торговли и издательской дѣятельности Глазуновыхъ за сто лѣтъ. С.-Пб. 1882, стр. 36), но кто завѣдывалъ редакціей—не извѣстно. Первая часть, сохранившая эпиграфъ изъ Монтаня, заключаетъ въ себѣ прозу; вторая, безъ всякаго эпиграфа—стихи. Обѣ части украшены фронтисписами, гравированными С. Галактіоновымъ съ рисунковъ А. П. Брюллова. Кромѣ того, къ первой части приложенъ портретъ Батюшкова, работы О. А. Кипренскаго, гравированный тѣмъ же Галактіоновымъ. Изящное съ внѣшней стороны, изданіе это отличается довольно исправнымъ текстомъ и полнотою. Первая часть полна повѣстью Предслава и Добрыня и восемью письмами, напечатанными въ настоящемъ изданіи подъ номерами: СХХVI, СХХХ, ССVI, ССLXV, ССLXXII, ССLXXIX, ССLXXX, ССLXXXIII. Во второй части прибавлены: статья С. С. Уварова „О греческой Антологіи“ (безъ предисловія) и 23 стихотворенія, помѣщенныя въ настоящемъ изданіи подъ номерами: XII,

XV, XVII, XXI, XXII, XXXV, XXXIX, XLII, XLIV, XLV, LI, LIII, LVI, LVII, LXXIII, CVIII, CIX, CX, CXI, CXIV, CXV, CXVII, CXIX.

3) Сочиненія Батюшкова, 2 тома. С.-Пб. Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ. 1850. Въ 12-ю д. л. Это изданіе, принадлежащее къ составу „Полнаго собранія сочиненій русскихъ авторовъ“, которое было предпринято А. Ф. Смирдинымъ, представляетъ перепечатку изданія 1834 года, съ прибавленіемъ только Видѣнія на берегахъ Леты. Это изданіе отличается не-исправностью текста и вообще небрежностью, доходящею до того, что стихотвореніе „Воспомнанія 1807 года“ раздѣлено на двѣ части, изъ которыхъ первая помѣщена на стр. 30 — 32, а вторая безъ всякаго заглавія — въ началѣ тома.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Страницы
текста. при-
чанин.

О жизни и сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова. Статья Л. Н. Майкова	1
---	---

Приложенія:

I. Докладная записка о К. Н. Батюшковѣ, представленная графу Капо д'Истриа въ 1817 году	317
II. Письма двадцатыхъ годовъ, относящіяся до К. Н. Батюшкова	318
III. Записка доктора Антона Дитриха о болѣзни К. Н. Батюшкова	334
Указатель лянчыхъ именъ	354

Стихотворенія.

✓ Мечта (первоначальная редакція)	1	301
✓ Богъ	5	303
✓ Посланіе къ стихамъ моимъ	7	304
Посланіе къ Хлоѣ (подражаніе)	10	306
Переводъ Лафонтеновой эпитафіи	13	307
Къ Филисѣ (подражаніе Грессету)	14	"
✓ Переводъ I-й сатиры Боало	19	309
Посланіе къ Н. И. Гнѣдичу (Что дѣлаешь мой другъ...)	24	"
✓ Элегія (изъ Парни)	29	310
✓ На смерть И. П. Пнина	31	311
На книгу подъ названіемъ „Смѣсь“	33	312
Эпиграмма (Безриемна совѣтъ...)	33	"
Къ Мальвинѣ	34	313
✓ Совѣтъ друзьямъ	36	"

	Страницы	
	только.	примѣчаній.
Пастухъ и соловей (басня)	39	314
√ Н. И. Гнѣдичу (Только дружба общается...)	41	314
Отрывокъ изъ элегіи	43	315
Н. И. Гнѣдичу (Прерву теперь молчанья узы...)	45	"
Сонъ Могольца (басня изъ Лафонтена)	47	"
Выздоровленіе	49	317
Къ Тассу	50	"
Отрывокъ изъ I-й пѣсни „Освобожденнаго Іерусалима“	55	318
Отрывокъ изъ X-й пѣсни „Освобожденнаго Іерусалима“	59	"
Посланіе графу М. Ю. Велеурскому	65	319
Отвѣтъ Н. И. Гнѣдичу (Твой другъ тебѣ на вѣкъ отнынѣ...)	67	"
Стихи Е. С. Семеновою	69	320
Кротъ и мышь (басня)	71	"
Мадригалъ новой Сафѣ	72	321
Мадригалъ Мелинѣ, которая называла себя нимфою	"	322
Эпиграмма (Какъ трудно Бибрису...)	"	"
Эпиграмма на переводъ Виргилія	73	323
Эпиграмма (Не годенъ ни къ чему Глушницкаго журналъ...)	"	"
Тибуллова элегія III-я (изъ III-й книги)	74	324
Видѣніе на берегахъ Леты	76	325
Эпитафія	86	328
Воспомянія 1807 года	87	329
Къ И. А. Петину	91	330
На переводъ Генріады или превращеніе Вольтера	93	331
√ Къ Машѣ	94	"
√ Веселый часъ	95	332
Привидѣніе (изъ Парни)	98	333
Стихи на смерть М. П. Даниловой	100	"
Тибуллова элегія X-я изъ I-й книги (вольный переводъ)	101	334
Эпиграмма (Извѣстный откушчикъ Ѳадей...)	105	335
Въ день рожденія N.	106	"
√ Истинный патріотъ	107	337
Ложный страхъ (подражаніе Парни)	108	"
Совѣтъ эпическому стихотворцу	110	338

	Страницы	
	текста.	прилѣжаній.
На поэмы Петру Великому	110	338
Отъѣздъ	111	339
Сравненіе двухъ полководцевъ	112	"
Изъ Антологіи	113	340
Надпись на гробъ пастушки	114	"
Источникъ (изъ Парни)	115	341
На смерть Лауры (изъ Петрарки)	117	342
Вечеръ (подражаніе Петраркѣ, sonzone IV)	118	"
Радость (подражаніе Касті)	120	343
Счастливецъ (подражаніе Касті)	122	"
Сонъ воиновъ (изъ поэмы Парни: „Иснель и Аслега“, пѣснь 3-я)	125	345
Мадагарская пѣсня (изъ Парни)	127	347
Надпись къ портрету N.	128	"
Эпиграммы (Всегдашній гость...)	"	348
Филомела и Прогна (басня изъ Лафонтена)	129	"
Мои Пенаты (посланіе къ Жуковскому и Вяземскому)	131	349
Дружество (изъ Біона)	142	253
Хоръ для выпуска благородныхъ дѣвицъ Смольнаго мона- стыря	143	"
Къ В. А. Жуковскому	145	"
Отвѣтъ А. И. Тургеневу (Ты правъ...)	148	355
Къ Д. В. Дашкову	151	372
Переходъ русскихъ войскъ черезъ Нѣманъ 1-го января 1813 года	154	374
Отрывокъ изъ Шиллеровой трагедіи	156	"
Пѣвецъ въ Бесѣдѣ Славянороссовъ	167	375
Переходъ черезъ Рейнъ	176	383
Разлука (Гусарь, на саблю опираясь...)	181	384
Плѣнный	183	385
Тѣнь друга	186	"
На развалинахъ замка въ Швеціи	189	386
Судьба Одиссея (изъ Шиллера)	193	388
Элегія изъ Тибулла (вольный переводъ)	194	389

	Страницы голова.	примѣ- чаній.
На смерть супруги <i>Θ. Θ. Кокшнина</i>	197	390
Любовь въ челнокѣ	201	392
Посланіе <i>И. М. Муравьеву-Апостолу</i>	203	393
Странствователь и домохъдъ	207	394
Эпиграмма (<i>Памфилъ забавенъ...</i>)	220	397
Напись къ портрету графа <i>Эммануила Сень-При</i>	"	"
Таврида	221	"
Разлука (<i>Напрасно покидалъ страну...</i>)	223	398
Пробужденіе	225	399
Воспоминанія	226	"
Мой геній	230	400
Послѣдняя весна	231	401
Надежда	233	403
Къ другу	235	"
Пѣснь <i>Гаральда Смѣлаго</i>	238	"
Мщеніе (<i>изъ Парни</i>).	240	406
Посланіе къ <i>А. И. Тургеневу</i> (<i>О ты, который среди обѣ-</i> <i>довъ...</i>)	243	"
Къ цвѣтамъ нашего <i>Горація</i>	246	407
Къ портрету <i>Жуковского</i>	"	"
Гезіодъ и <i>Омиръ</i> соперники	247	408
Умирающій <i>Тассъ</i>	253	409
<i>Вакханка</i>	261	412
Мечта (<i>последняя редакція</i>)	263	414
Къ <i>Н. М. Муравьеву</i>	270	416
Бесѣдка музъ	173	417
Къ друзьямъ	275	"
Къ <i>С. С. Уварову</i>	277	"
<i>Н. М. Карамзину</i>	278	418
Подражаніе <i>Аріосту</i>	280	419
Посланіе къ <i>А. И. Тургеневу</i> (<i>Есть дача за Невой...</i>)	281	420
Эпиграмма (<i>Я вижу тѣнь Боброва...</i>)	283	421
Изъ греческой <i>Антологіи</i> (<i>I—XIII</i>)	284	"
Князю <i>П. И. Шаликову</i>	291	434

XXVII

	Страницы текста. примѣ- чаній.
Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ...	293 438
Ты пробуждаешься, о Байя, изъ гробницы...	294 439
Надпись для гробницы дочери г-жи Малышевой	295 440
Подражанія древнимъ (I—VI)	296 441
Изреченіе Мельхиседека	298 „

Дополнительныя примѣчанія во всѣмъ тремъ томамъ:

Къ тому I-му	442
Къ тому II-му	443
Къ тому III-му	445
Указатель личныхъ именъ	447

Приложенный къ I-му тому портретъ К. Н. Батюшкова гравированъ академикомъ И. П. Пожалостинымъ съ оригинала, рисованнаго О. А. Кипренскимъ и принадлежащаго нынѣ П. Н. Батюшкову.

Кромѣ портрета, къ I-му тому приложены: 1) два воспроизведенные гелиогравюрой (въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ кредитныхъ бумагъ) фронтисписа, которые находятся въ I-й и II-й частяхъ „Опытовъ въ прозѣ и стихахъ“ 1817 года; 2) факсимиле съ первой страницы одного изъ писемъ К. Н. Батюшкова къ его сестрѣ Александрѣ Николаевнѣ. Фронтисписы эти рисованы П. А. Ивановымъ по мысли А. Н. Оленина, а гравированы И. Ческимъ.

О ЖИЗНИ И СОЧИНЕНІЯХЪ К. Н. БАТЮШКОВА.

О ЖИЗНИ И СОЧИНЕНІЯХЪ

К. Н. БАТЮШКОВА.

Новая русская литература богата преждевременными утратами. Не будемъ утверждать, что причина тому заключается въ особомъ свойствѣ нашихъ общественныхъ условій; но указанное явленіе сохраняетъ свою прискорбную непреложность: Грибоевъ и Пушкинъ, Веневитиновъ, Лермонтовъ и Гоголь сошли въ могилу—одни въ пору высшаго развитія своихъ дарованій, другіе—даже не обнаруживъ всей мѣры ихъ. Къ этимъ славнымъ именамъ по справедливости должно быть присоединено имя Батюшкова, съ тою лишь печальною особенностью, что дѣятельность его изящнаго таланта была прервана не преждевременною кончиной, а тяжкимъ недугомъ, поразившимъ его блестящія умственныя способности: въ этомъ недугѣ, почти безъ просвѣтлѣнія, онъ провелъ около половины своей семидесятилѣтней жизни.

Дружественная рука умной женщины сохранила намъ живую, къ сожалѣнію, слишкомъ короткій очеркъ этой замѣчательной личности:

„Я познакомилась съ Константиномъ Батюшковымъ въ 1811 году. Его умъ и то блестящее воображеніе, которое дало ему

+1

мѣсто въ ряду лучшихъ поэтовъ, увлекли меня съ первой же нашей встрѣчи. Впослѣдствіи онъ почтилъ меня названіемъ своего друга. Не могу объяснить себѣ ту странность, которая господствуетъ иногда надъ моими рѣшеніями; но несомнѣнно, что въ то время, о которомъ я говорю, я упорно не желала, чтобы Батюшковъ былъ введенъ въ мой домъ. Уступая наконецъ настояніямъ моего брата, котораго онъ былъ товарищемъ по военной службѣ, и который непремѣнно желалъ представить его мнѣ, я наконецъ назначила день его перваго посѣщенія. Онъ явился и—лишь заставилъ пожалѣть, что я такъ долго медлила принять его къ себѣ.

„Батюшковъ въ теченіе многихъ лѣтъ служилъ въ военной службѣ и совершилъ походъ въ Финляндію. Онъ былъ въ немъ раненъ и ободенъ при производствѣ. Оскорбленный въ душѣ и въ своемъ честолюбіи, онъ подалъ въ отставку, получилъ ее и пріѣхалъ въ Москву, чтобъ утѣшиться отъ испытанной несправедливости въ обществѣ друзей и музъ, которыхъ былъ баловнемъ. Батюшковъ былъ небольшого роста; у него были высокія плечи, впалая грудь, русые волосы, вьющіеся отъ природы, голубые глаза и томный взоръ. Оттѣнокъ меланхоліи во всѣхъ чертахъ его лица соотвѣтствовалъ его блѣдности и мягкости его голоса, и это придавало всей его фізіономіи какое-то неумовное выраженіе. Онъ обладалъ поэтическимъ воображеніемъ; еще болѣе поэзіи было въ его душѣ. Онъ былъ энтузіастъ всего прекраснаго. Всѣ добродѣтели казались ему достижимыми. Дружба была его кумиромъ, безкорыстіе и честность—отличительными чертами его характера. Когда онъ говорилъ, черты лица его и движенія оживлялись; вдохновеніе свѣтилось въ его глазахъ. Свободная, изящная и чистая рѣчь придавала большую прелесть его бесѣдѣ. Увлекаясь своимъ воображеніемъ, онъ часто развивалъ софизмы, и если не всегда успѣвалъ убѣдить, то все же не возбуждалъ раздраженія въ собесѣдникѣ, потому что глубоко прочувствованное увлеченіе всегда извинительно

само по себѣ и располагаетъ къ снисхожденію. Я любила его бесѣду и еще болѣе любила его молчаніе. Сколько разъ находила я удовольствіе въ томъ, чтобъ угадывать и мимо-летнюю мысль его, и чувство, наполнявшее его душу въ то время, когда онъ казался погруженнымъ въ мечтанія. Рѣдко ошибалась я въ этихъ случаяхъ. Тайное сочувствіе открывало моему сердцу все то, что происходило въ его душѣ. Это сочувствіе установило между нами короткость съ первыхъ дней нашего знакомства...“¹⁾

Таковъ былъ Батюшковъ въ самую свѣтлую пору своей жизни, въ то время, когда, двадцати-четырехлѣтнимъ молодымъ человѣкомъ, онъ своими дарованіями обратилъ на себя вниманіе лучшихъ своихъ современниковъ, и на него стали смотрѣть какъ на одну изъ блестящихъ надеждъ русской словесности.

Въ этой глубоко прочувствованной характеристикѣ Батюшковъ является очень привлекательною личностью, и таковъ онъ былъ по самой сущности своего характера. Его любили и цѣнили всѣ знавшіе, и въ отзывѣхъ современниковъ о немъ есть очень сочувственные, есть пожалуй сдержанные, но нѣтъ ни одного неблагопріятнаго. Всѣхъ строже судилъ себя онъ самъ: черта, ярко свидѣтельствующая въ его пользу и достойная глубокаго уваженія.

Обстоятельства жизни Батюшкова не многосложны. Человѣкъ мысли болѣе, чѣмъ практической дѣятельности, онъ и не искалъ практическаго дѣла; поэтъ, онъ всего болѣе любилъ ту созерцательную жизнь, которая по преимуществу питаетъ творчество. Но, увлеченный великими событіями своего времени, онъ не могъ не стать въ ряды русскаго войска въ эпоху героической борьбы съ Наполеономъ и честно исполнилъ долгъ

¹⁾ Переводъ съ французской рукописи Е. Г. Пушкиной. Подлинникъ напечатанъ въ приложеніи къ предлагаемой статьѣ.

въ своей скромной военной роли. Яркою полосой проходитъ въ жизни Батюшкова то несравненное воодушевленіе, которое окрыляло русскія войска и воодушевляло русскій народъ въ то славное время. Нравственное значеніе этихъ войнъ для русскаго общества—смутное разумѣніе національныхъ задачъ, имъ предшествовавшее, и въ связи съ нимъ, неопредѣленный характеръ нашего просвѣщенія въ первые годы текущаго столѣтія, а затѣмъ, послѣ торжества надъ Наполеономъ, крупныя успѣхи національнаго сознанія и, вслѣдъ за ними, нарожденіе новыхъ существеннѣйшихъ вопросовъ въ нашей внутренней жизни,—находятъ себѣ замѣтное отраженіе въ развитіи образа мыслей Батюшкова. Мы только отчасти можемъ предугадывать, какой дальнѣйшій ходъ приняла бы дѣятельность его мысли, внезапно прерванная тяжкимъ недугомъ; но оставляя въ сторонѣ догадки и изучая только то, что дала намъ первая половина его жизни, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что это былъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и характерныхъ представителей своего времени въ нашемъ отечествѣ. Онъ много обѣщалъ, но и не мало успѣлъ проявить въ періодъ разцвѣта своихъ счастливыхъ дарованій.

I.

Предки К. Н. Батюшкова.—Его рожденіе и воспитаніе въ петербургскихъ пансіонахъ.—М. Н. Муравьевъ и его вліяніе на дальнѣйшее образованіе Батюшкова.

Батюшковы — одинъ изъ старинныхъ дворянскихъ родовъ. Представители его съ XVI вѣка извѣстны въ числѣ служившихъ людей Московскаго государства и съ того же времени состояли помѣщиками въ Новгородской области, въ мѣстности Бѣжецка и Устюжны Желѣзнопольской. Въ 1543 году Семень Батюшковъ ходилъ посломъ въ Молдавскую землю къ воеводѣ Ивану Петровичу. По Бѣжецкимъ писцовымъ книгамъ 1628 и 1629 годовъ за Иваномъ Никитичемъ Батюшковымъ значилось „старое отца его помѣстье“ въ Есенецкомъ стану—сельцо Даниловское, „а въ немъ дворъ помѣщиковъ“, и нѣсколько деревень. Сынъ Ивана Батюшкова, Матвѣй, участникъ войнъ съ Польшей при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и съ Турціей при его сынѣ, за многую службу свою царямъ и всему Московскому государству въ 1683 году былъ пожалованъ изъ помѣстья въ вотчину половиной сельца Даниловскаго и прилежавшими къ нему деревнями въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, да сверхъ того, деревнями и пустошами въ Новоордецкомъ станѣ Угледскаго уѣзда ¹⁾.

Внукъ Матвѣя Ивановича, Андрей Ильичъ, началъ службу при Петрѣ I и продолжалъ ее до временъ Елизаветы, все въ

¹⁾ Карамзинъ, Ист. Госуд. Росс. VIII, прим. 129; Архивъ ист. юрид. свѣд. о Россіи, Калачова, III, отд. 2, стр. 46; Акты Археогр. Экспед. II, стр. 293, 275; IV, стр. 283; кн. Долгоруковъ, Росс. родосл. книга, IV. Эти указанія, равно какъ и свѣдѣнія о поземельныхъ владѣніяхъ Батюшковыхъ и о службѣ предковъ поэта, сообщены А. П. Барсуковымъ, который изыскъ ихъ изъ дѣла департамента герольдіи 1854 г., № 356.

гражданских должностях. По семейному преданию ¹⁾, онъ былъ „человѣкъ нрава крутаго и твердый духомъ“. У него было нѣсколько сыновей, и нѣкоторые изъ нихъ воспитывались въ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ ²⁾: доказательство, что еще въ первой половинѣ прошлаго вѣка интересы книжнаго просвѣщенія были не чужды семьѣ Батюшковыхъ. Изъ сыновей Андрея Ильича выдаются двое—старшій Левъ и второй Илья. Левъ служилъ сперва въ военной ³⁾, а потомъ, подобно отцу, въ гражданской службѣ и послѣ смерти отца управлялъ родовымъ имѣньемъ. Въ 1767 году онъ былъ избранъ депутатомъ отъ дворянства Устюжны Желѣзнопольской въ знаменитую Екатерининскую комиссію для составленія проекта новаго уложенія, но вскорѣ по открытіи ея засѣданій сдалъ свое депутатство другому лицу ⁴⁾. Тѣмъ не менѣе самое избраніе его въ депутаты даетъ поводъ полагать, что это былъ человѣкъ дѣловитый и уважаемый въ своемъ краю.

Второй сынъ Андрея Ильича, Илья Андреевичъ, сперва служилъ въ конной гвардіи, а затѣмъ поселился въ деревнѣ и въ 1770 году, за худыя рѣчи объ императрицѣ и за умыселъ свергнуть ее съ престола и возвести на него цесаревича Павла Петровича былъ сосланъ въ Мангазею. Попытки исходатайствовать ему прощеніе оставались безуспѣшными во все царствованіе императрицы Екатерины II, не смотря даже на то, что еще при слѣдствіи по дѣлу Льва Андреевича въ немъ обнаружена была склонность къ умопомѣшательству, и что по самому приговору, состоявшемуся надъ нимъ, дозволено было не

¹⁾ Соч., т. III, стр. 567.

²⁾ Имянной списокъ всѣмъ бывшимъ и нынѣ находящимся въ сухопутномъ шляхетномъ корпусѣ штабъ-оберъ-офицерамъ и кадетамъ. С.-Пб. 1761. Ч. I, 249.

³⁾ Русск. Архивъ 1880 г., ч. II, стр. 108.

⁴⁾ Имянной списокъ господамъ депутатамъ, выбраннымъ въ комиссію о составленіи проекта новаго уложенія, по 1-е января 1768. М., стр. 17; Сборн. Имп. Р. Истор. Общ., т. IV, стр. 67.

употреблять его въ ссылкѣ на казенныя работы въ случаѣ возобновленія его болѣзни. Онъ былъ прощенъ только по воцареніи Павла, 12-го декабря 1796 года, но если не ошибаемся изъ ссылки не возвратился: царская милость не застала его въ живыхъ ¹⁾.

Умыселъ Ильи Батюшкова былъ только однимъ изъ многочисленныхъ проявленій того недовольства, которое обнаруживалось среди дворянства противъ императрицы Екатерины II въ началѣ ея царствованія. Но въ семьѣ Батюшковыхъ несчастная участь Ильи Андреевича должна была оставить самое тяжелое впечатлѣніе, и конечно, всего сильнѣе оно отразилось на старшемъ сынѣ его брата Льва—Николаѣ. Пятнадцатилѣтнимъ юношей, состоя солдатомъ Измайловскаго полка, онъ былъ привлеченъ къ слѣдствію по дѣлу дяди. Онъ далъ чистосердечное показаніе о всемъ, что слышалъ и зналъ изъ рѣчей и намѣреній Ильи Андреевича. Тѣмъ не менѣе, Николаю Батюшкова судили, и въ приговорѣ было постановлено: „отпустить его въ домъ по прежнему, а чтобъ однакоже, когда онъ будетъ въ полку, то бѣ по молодости лѣтъ своихъ не могъ иногда о семь дѣлѣхъ разглашать, то велѣно его отъ полка, какъ онъ не въ совершенныхъ лѣтахъ, отпустить, ибо по прошествіи нѣкотораго времени, особливо живучи въ деревнѣхъ, могутъ тѣ слышанныя имъ слова изъ мысли его истребиться; при свободѣ же накрѣпко ему подтвердить, чтобъ всѣ тѣ слова, какъ онѣ вымышлены Ильею Батюшковымъ, изъ мысли своей истребилъ и никому во всю жизнь свою ни подъ какимъ видомъ не сказывалъ“.

Такимъ образомъ Николай Львовичъ, былъ обреченъ провести свою молодость, такъ сказать, подъ опалой, и это, безъ сомнѣнія, повліяло на его характеръ: съ годами нравъ его сдѣлался

¹⁾ А. Барсуковъ. Разказы изъ новой русской исторіи. С.-Пб. 1885, статья: „Батюшковъ и Опочининъ (попытка дворянской оппозиціи въ царствованіе Екатерины II)“.

неровень и своеобразенъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, указанное обстоятельство имѣло вліяніе на общественное положеніе и служебные успѣхи Николая Львовича. Въ то время, какъ младшій братъ его Павелъ удачно шелъ по службѣ и достигъ впоследствии званія сенатора, старшій, человѣкъ по своему времени хорошо образованный, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ номинальной военной службы и затѣмъ кратковременнаго пребыванія въ должности прокурора въ Вяткѣ, вышелъ въ отставку, лѣтъ сорока съ небольшимъ, и поселился въ своемъ родовомъ Даниловскомъ. Здѣсь онъ занимался хозяйствомъ и въ послѣдніе годы жизни увлекся промышленными предпріятіями, которыя значительно содѣйствовали разстройству его состоянія. Онъ скончался въ ноябрѣ 1817 года. Большой любитель французской литературы и почитатель философіи XVIII вѣка, онъ собралъ богатую бібліотеку, со множествомъ роскошныхъ изданій, которая и понынѣ составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній села Даниловскаго. Въ пользу нравственной личности Николая Львовича свидѣтельствуетъ дружеская связь, соединявшая его съ его родственникомъ и однополчавиномъ, извѣстнымъ Михаиломъ Никитичемъ Муравьевымъ, однимъ изъ лучшихъ людей своего вѣка.

Николай Львовичъ дважды вступалъ въ супружество: въ первый разъ онъ былъ женатъ на Александрѣ Григорьевнѣ Бердаевой и имѣлъ отъ этого брака четырехъ дочерей—Александрю, Анну, Елизавету и Варвару и одного сына—Константина. Вторично Николай Львовичъ женился на Авдотѣ Никитишнѣ Теглевой; отъ этого брака у нихъ были сынъ Помпей и дочь Юлія. Какъ А. Г. Бердаева, такъ и А. Н. Теглева, принадлежали къ стариннымъ дворянскимъ родамъ Вологодскаго края.

Константинъ Николаевичъ Батюшковъ родился въ Вологдѣ 18-го мая 1787 года, и крестнымъ отцомъ его былъ тогдашній правитель Вологодскаго намѣстничества Петръ Ѳеодоровичъ Мезенцевъ.

О годахъ ранняго дѣтства Константина Николаевича сохра-

нилось весьма мало свѣдѣній; онъ провелъ дѣтство въ Даниловскомъ, но почти отъ самой колыбели былъ лишень материнскихъ попеченій: чрезъ нѣкоторое время по рожденіи сына Александра Григорьевна лишилась разсудка и скончалась вдали отъ дѣтей, въ Петербургѣ, 21-го марта 1795 года. Она похоронена на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры, гдѣ поставленъ ей памятникъ съ слѣдующею надписью: „Добродѣтельной супругѣ въ знакъ любви, истиннаго почитанія воздвигъ сей памятникъ оплакивающей ее невозвратно Николай Батюшковъ купно съ дѣтьми своими 1795“ ¹⁾.

Итакъ, Константинъ Николаевичъ лишился матери въ то время, когда ему не было и восьми лѣтъ. Изображая впослѣдствіи, въ своей знаменитой элегіи, разлуку ребенка Тасса съ матерью, онъ въ своихъ стихахъ не только воспроизводилъ подлинныя слова италіянскаго поэта, но и высказывалъ свои собственныя чувства, когда говорилъ:

..... какъ трепетный Асканій,
Отторженъ былъ судьбой отъ матери моей
Отъ сладостныхъ объятій и лобзаній!
Ты помнишь, сколько слезъ младенцемъ пролилъ я!

Эта ранняя утрата имѣла несомнѣнное вліяніе на внутреннюю жизнь поэта: онъ не разъ возвращался къ ней въ своихъ мысляхъ, въ письмахъ къ роднымъ и въ стихахъ:

Увы, съ тѣхъ поръ добыча злой судьбины,
Всѣ горести узналъ, всю бѣдность бытія ²⁾.

Заставляя Тасса произносить эти слова, Батюшковъ выражалъ то горькое чувство, которое съ дѣтскихъ лѣтъ нашло себѣ пріютъ въ его сердцѣ и становилось все болѣе жгучимъ съ годами.

¹⁾ Петербургскій Некрополь, сост. В. Саятовъ (приложеніе къ Р. Архиву 1883 г.), стр. 15.

²⁾ Соч. т. I, стр. 255.

Едва ли ошибемся мы, предположивъ, что, младшій въ семьѣ, Константинъ Николаевичъ, началъ ученіе подъ руководствомъ своей сестры Александры, которая была старше его на десять лѣтъ, и къ которой онъ всегда сохранялъ особенное уваженіе и дружбу. Уцѣлѣло письмо его къ старшимъ сестрамъ, писанное когда ему было десять лѣтъ: оно свидѣтельствуетъ, что мальчикъ уже хорошо владѣлъ русскою грамотой, хотя и писалъ еще дѣтскимъ почеркомъ. Письмо это писано въ 1797 году, изъ Петербурга, гдѣ тогда учились младшія сестры Константина Николаевича: вѣроятно, около этого времени Николай Львовичъ привезъ сюда и сына, чтобы помѣстить его въ учебное заведеніе.

Быть можетъ, подъ впечатлѣніемъ новыхъ строгихъ порядковъ, которые стали вводить въ военной службѣ императоръ Павелъ, бывшій гвардеецъ Екатерининскихъ временъ не рѣшился отдать сына въ одинъ изъ кадетскихъ корпусовъ, а такъ какъ казенныхъ гражданскихъ училищъ въ то время почти не было, а въ тѣ, какія существовали, дворянскія дѣти изъ достаточныхъ семей никогда не отдавались, то Константина Николаевича пришлось помѣстить въ частное учебное заведеніе. Для этого былъ избранъ пансіонъ, который содержалъ Осипъ Петровичъ Жакино. То былъ Французъ изъ Эльзаса, дѣльный педагогъ, пріѣхавшій въ Россію около 1780 года и состоявшій учителемъ французской словесности въ сухопутномъ шляхетномъ корпусѣ. Въ 1793 году Жакино открылъ пансіонъ для мальчиковъ, который и содержалъ до самой смерти своей въ 1816 году. Нѣсколько свѣдѣній объ этомъ почтенномъ человѣкѣ сохранилось въ замѣткѣ, помѣщенной въ Сынѣ Отечества однимъ изъ бывшихъ его питомцевъ по случаю его кончины: „Въ теченіе 23 лѣтъ“—сказано тамъ—„совершилъ онъ въ семь пансіонѣ воспитаніе около 240 молодыхъ людей. Не стану распространяться исчисленіемъ его добродѣтелей, изображеніемъ его трудовъ, родительскихъ наставленій въ преданности къ вѣрѣ, въ вѣр-

Пансіонъ Жакино.

ности монарху и отечеству, изящнѣйшаго примѣра благоправія, праводушія, честности, который онъ всегда подавалъ своимъ ученикамъ. Многие изъ нихъ служатъ съ честію въ воинской, другіе въ гражданской службѣ и благословляютъ образовавшаго ихъ на пользу отечества. Узнавъ о кончинѣ его, всѣ почти находившіеся въ С.-Петербургѣ воспитанники его съѣхались безъ приглашенія на похороны и вынесли гробъ своего благодѣтеля, воздавая должную дань своей къ нему признательности не лицемѣрными слезами¹⁾.

Пансіонъ Жакино былъ устроенъ на широкую ногу; онъ находился на берегу Невы, у Пятой линіи Васильевского острова; заведеніе занимало три этажа: въ верхнемъ жили старшіе воспитанники и двое учителей, а въ среднемъ—самъ Жакино съ женой и младшими воспитанниками; лѣтомъ занималась дача для воспитанниковъ, не уѣзжавшихъ къ роднымъ. Въ пансіонѣ было два класса или, вѣрнѣе, два отдѣленія. Предметы преподаванія были слѣдующіе: законъ Божій, языки русскій, французскій и нѣмецкій, географія, исторія, статистика, ариметика, химія и ботаника (послѣдняя — только лѣтомъ), чистописаніе, рисованіе и танцы. Въ пансіонѣ господствовалъ французскій языкъ, и на немъ преподавалась большая часть предметовъ, кромѣ, разумѣется, закона Божія и русскаго языка. Русскому языку обучалъ въ старшемъ отдѣленіи Иванъ Сиряковъ²⁾, въ млад-

¹⁾ Сынъ Отечества 1816 г., ч. 30, № 23, стр. 165. Письмо къ издателю, за подписью NN. Въ примѣчаніи подъ письмомъ сказано, что оно написано однимъ изъ бывшихъ питомцевъ Жакино по просьбѣ товарищей. Дальнѣйшія свѣдѣнія о пансіонѣ Жакино взяты изъ журнала Nordisches Archiv 1803 г., апрѣль, стр. 76—81. Журналъ этотъ издавался I.-Хр. Каффкой въ Ригѣ.

²⁾ Этотъ Иванъ Сиряковъ извѣстенъ слѣдующими литературными трудами:

- 1) Разговоръ Лудвига XVI съ Французами, въ царствѣ мертвыхъ. С.-Пб. 1799;
- 2) Геприада. Епическая поэма г. Волтера, вновь переведенная. С.-Пб. 1803;
- 3) Походъ Игоря противъ Половцовъ. С.-Пб. 1803 (переводъ въ стихахъ русскаго склада);
- 4) Муза или Собесѣдникъ любителей древняго и новаго стихотворства и вообще словесности. С.-Пб. 1802 (періодическое изданіе, котораго вышла только одна январская книжка, вся состоящая, вѣроятно, изъ сочиненій и пере-

шемъ—Кремеръ; курсъ состоялъ въ изученіи грамматики и въ переводахъ съ французскаго и нѣмецкаго. Французскимъ языкомъ занимался самъ Жакино: преподавались грамматика, правописаніе и правила слога. Онъ же обучалъ и географіи. Главнымъ его помощникомъ въ преподаваніи былъ нѣмецъ Коль, обучавшій нѣсколькимъ предметамъ. Прочіе учителя были Баумгертель, Гревенбургъ, Грандидье и Делавинъ; каллиграфіи обучалъ Подлѣсовъ, рисованію—Голь, и танцамъ—Швабе. Тѣлесныхъ наказаній въ пансіонѣ почти не было. Большинство учащихся состояло изъ Русскихъ. Годовая плата полагалась въ 700 рублей въ годъ; слѣдовательно, заведеніе было доступно только для дѣтей изъ достаточныхъ семействъ.

Батюшковъ пробылъ въ пансіонѣ Жакино около четырехъ лѣтъ ¹⁾, такъ что воспользовался курсомъ не только младшаго отдѣленія, но вѣроятно, отчасти и старшаго. Тѣмъ не менѣе, въ 1801 году мы видимъ его уже въ другомъ пансіонѣ, содержателемъ котораго былъ Иванъ Антоновичъ Триполи, учитель морскаго кадетскаго корпуса. По какимъ причинамъ состоялся этотъ переходъ изъ одного учебнаго заведенія въ другое—не извѣстно; но кажется несомнѣннымъ, что это не было серьезнымъ шагомъ къ лучшему. Мы видѣли, что Жакино своимъ нравственнымъ авторитетомъ оставилъ добрую память въ своихъ питомцахъ. О Триполи одинъ изъ позднѣйшихъ его учениковъ (въ морскомъ корпусѣ) сохранилъ лишь воспоминаніе, что это былъ „предметъ общихъ насмѣшекъ воспитанниковъ по своимъ страннымъ шутовскимъ приемамъ, по своей фигурѣ и возгла-

водовъ самого издателя); 5) Генриада. Эпическая поэма, переведенная и вновь исправленная. С.-Пб. 1822 (съ обширнымъ предисловіемъ переводчика, содержащимъ въ себѣ теоритическое разсужденіе объ эпической поэмѣ). Вѣроятно, къ сдѣланному Сиряковымъ переводу „Генриады“ относится эпиграмма Батюшкова (Соч., т. I, стр. 93).

¹⁾ Собственное показаніе Батюшкова, приведенное со словъ Г. А. Гревенса, въ статьѣ Н. Ѳ. Бунакова—въ Москвитинѣ 1856 г.

самъ" ¹⁾. Что же касается собственно курса ученія, то очевидно, въ пансіонѣ Триполи онъ былъ никакъ не выше, чѣмъ у Жакино. „Я продолжаю французскій и италіанскій языки“, писалъ юноша отцу въ ноябрѣ 1801 года,—„прохожу италіанскую грамматику и учу въ оной глаголы; уже я знаю наизусть довольно словъ. Въ географіи Иванъ Антоновичъ, истолковавъ нужную матерію, велитъ оную самимъ безъ его помощи описать; чрезъ то мы даже упражняемся въ штиль. Я продолжаю, любезный папенька, учиться нѣмецкому языку и перевожу съ французскаго на оный... Въ математикѣ прохожу я вторую часть ариметики, а на будущей недѣлѣ начну геометрію. Первые правила россійской риторики уже прошелъ и теперь занимаюсь переводами. Рисую я большую картину Діану и Эндиміона... но еще и половины не кончилъ... Начатую же картину безъ васъ кончилъ... На гитарѣ играю сонаты“. Такимъ образомъ, сравнительно съ курсомъ Жакино, Батюшковъ у Триполи пошелъ немного далѣе: новымъ предметомъ обученія былъ здѣсь для него только италіанскій языкъ. Вообще можно сказать, что учебный курсъ, который Батюшковъ проходилъ въ обоихъ пансіонахъ, былъ почти элементарный; онъ былъ рассчитанъ на удовлетвореніе однихъ только свѣтскихъ потребностей; по ходячимъ понятіямъ того времени, бѣльшаго и не требовалось для русскаго дворянина.

Николай Львовичъ въ годы школьнаго ученія сына не жилъ въ Петербургѣ, а только посѣщалъ его наѣздомъ. Въ такихъ случаяхъ, при затруднительности сношеній между столицей и провинціей въ старое время, родители поручали надзоръ за своими дѣтьми, отданными въ петербургскія учебныя заведенія, родственникамъ или землякамъ, жившимъ въ столицѣ. Такъ по-

¹⁾ Воспоминанія декабриста о пережитомъ и пережитомъ. 1805—1850 А. Бѣляева. Ч. I. С.-Пб. 1882, стр. 50. Ср. воспоминанія А. С. Гангеблова въ Р. Архивѣ 1886 г., кн. III, стр. 183.

ступилъ и Николай Львовичъ. Будучи помѣщикомъ въ такъ-называемой Уломѣ, то-есть, въ томъ краѣ, который расположенъ по теченію Шексны въ смежныхъ уѣздахъ Новгородской и Ярославской губерній, а изъ губернскихъ городовъ всего ближе къ Вологдѣ,—Николай Львовичъ находился въ частыхъ сношеніяхъ съ этимъ городомъ и имѣлъ тамъ много знакомыхъ; попеченіемъ одного изъ нихъ, проживавшаго въ то время въ Петербургѣ, онъ и ввѣрилъ своего сына въ бытность его въ пансіонѣ Триполи. Это былъ Павелъ Аполлоновичъ Соколовъ, помѣщикъ въ Пошехонскомъ уѣздѣ, сынъ тамошняго предводителя дворянства въ послѣднемъ десятилѣтіи прошлаго вѣка ¹⁾ Свѣдѣній о немъ у насъ очень мало; видно однако, что онъ былъ человѣкъ не лишенный образованія: онъ оцѣнилъ первый литературный опытъ Константина Николаевича, сдѣланный еще въ пансіонѣ Триполи, переводъ на французскій языкъ знаменитаго слова митрополита Платона, которое онъ произнесъ 15-го сентября 1801 года, послѣ коронованія императора Александра. Переводъ этотъ, исправленный Триполи, былъ тогда же напечатанъ по желанію Соколова, съ посвященіемъ ему, въ которомъ юный переводчикъ съ признательностью говоритъ о благодѣяніяхъ, оказанныхъ ему Павломъ Аполлоновичемъ.

По шестнадцатому году Батюшковъ оставилъ пансіонъ Триполи. По существовавшему въ то время обычаю, въ этомъ возрастѣ кончалось обученіе дворянскаго юноши. Но по счастью, не такъ рано завершилось образованіе Константина Николаевича: пробужденныя способности уже сами искали себѣ пищи и дальнѣйшаго развитія.

Прежде всего, къ пополненію образованія Батюшкова послужило его обширное чтеніе. Читать онъ полюбилъ еще на

¹⁾ Губернскій служебникъ 1777—1796 гг., сост. кн. Н. Туркестановымъ, стр. 17. Впослѣдствіи Варвара Николаевна Батюшкова вышла замужъ за брата Павла Аполлоновича, Аркадія.

школьной скамьи. Еще 14-ти лѣтъ изъ пансіона писалъ онъ отцу: „Сдѣлайте милость, пришлите мнѣ Геллерта,—у меня и одной нѣмецкой книги нѣтъ; также лексиконы, сочиненія Ломоносова и Сумарокова, „Кандида“, сочиненія Мерсье, „Путешествіе въ Сирію“, и попросите у Анны Николаевны какихъ-нибудь французскихъ книгъ и оныя всѣ... пришлите, и еще 15 р. на другія нужныя книги. Вы, любезный папенька, обѣщали мнѣ подарить вашъ телескопъ: его можно продать и купить книги. Онѣ по крайней мѣрѣ безъ употребленія не останутся“.

Этотъ перечень книгъ, которыя желалъ имѣть нашъ юноша, очень любопытенъ: онъ поражаетъ, съ одной стороны, серьезностью нѣкоторыхъ поименованныхъ сочиненій, а съ другой—своею чрезвычайною пестротой: тутъ и благочестивый Геллертъ, и злая насмѣшка Вольтера надъ оптимизмомъ, и положительный наблюдатель Вольней, и восторженный республиканецъ-мечтатель Мерсье, и два русскіе автора, столь несходные между собою. Очевидно, юноша былъ въ той порѣ, когда проснувшаяся любознательность жадно бросается на всякія книги и читаетъ все безъ разбора. Въ одной позднѣйшей своей статьѣ ¹⁾ Батюшковъ изображаетъ эту страстную любознательность, и въ его словахъ, даже сквозь украшенія цвѣтистаго слога, нельзя не подмѣтить автобіографическихъ чертъ. Въ юности, говоритъ онъ, — человекъ особенно доступенъ всевозможнымъ увлеченіямъ: „Тогда все дѣлается страстію, и самое чтеніе... Каждая книга увлекаетъ, каждая система принимается за истину, и читатель, не руководимый разумомъ, подобно гражданину въ бурныя времена безначалія, переходитъ то на одну, то на другую сторону“ ²⁾. Все это, безъ сомнѣнія, переживалъ самъ Батюшковъ на порогѣ жизни, и нужно сказать, что текущая литература того времени, по преимуществу литература всевозможныхъ доктринъ,

¹⁾ „Нѣчто о морали, основанной на философіи и религіи“.

²⁾ Соч., т. II, стр. 128.

системъ и философскихъ построений, представляла множество соблазновъ для молодого, не установившагося ума.

Какъ бы то ни было, но кругъ чтенія Батюшкова былъ очень великъ. Изъ французской литературы онъ ознакомился не только съ главными ея представителями двухъ послѣднихъ столѣтій, но и съ разными писателями второстепенными и третьестепенными; напротивъ, изъ нѣмецкихъ писателей, онъ, очевидно, читалъ въ то время очень немногихъ и во всякомъ случаѣ не читалъ еще тѣхъ своихъ современниковъ, которые составляли уже лучшее украшеніе германской литературы. Произведенія послѣднихъ едва проникали тогда въ Россію, между тѣмъ какъ сочиненія французскихъ писателей вѣка Людовика XIV и затѣмъ XVIII столѣтія были, такъ сказать, ходячею монетою въ русскомъ обществѣ, и знакомство съ ними признавалось непремѣннымъ и главнымъ условіемъ образованности. На этой-то почвѣ и предстояло воспитаться дарованію нашего поэта.

Но, кромѣ книгъ, довершенію образованія Батюшкова содѣйствовало живое слово — совѣты и указанія М. Н. Муравьева, родственника и пріятеля его отца.

Извѣстны прекрасныя слова, сказанныя о Муравьевѣ Карамзинимъ: „Страсть его къ ученію равнялась въ немъ со страстью къ добродѣтели“. И дѣйствительно, Муравьевъ былъ человѣкъ необыкновенный. Сынъ умнаго и просвѣщеннаго отца, питомецъ Московскаго университета, онъ всю жизнь не переставалъ обогащать свой умъ разнообразнымъ чтеніемъ, а съ образованіемъ соединялъ и высокій нравственный характеръ: это былъ человѣкъ по истинѣ чистый сердцемъ и великій радѣтель о нуждахъ ближняго. Патриотъ въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова, онъ всего болѣе желалъ развитія серьезнаго образованія въ нашемъ отечествѣ, и много заботъ положилъ онъ на это дѣло, когда волею императора Александра, своего бывшаго питомца, былъ призванъ занять должность попечителя

Московского университета и товарища министра народного просвѣщенія: онъ былъ идеальнымъ попечителемъ, сказалъ о немъ Погодинъ. Муравьевъ питалъ глубокое уваженіе къ классическому образованію, и притомъ уваженіе вполне сознательное, ибо самъ обладалъ прекраснымъ знаніемъ древнихъ языковъ и литературы и въ этомъ знаніи почерпнулъ благородное гуманное направленіе своей мысли. Въмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ знакомъ и съ лучшими произведеніями новыхъ литературъ, также въ подлинникахъ. Мягкости и благовоительности его личнаго характера соотвѣтствовалъ свѣтлый оптимизмъ его философскихъ убѣжденій, и тою же мягкостью, въ связи съ обширнымъ литературнымъ образованіемъ, объясняется замѣчательная по своему времени широта его литературнаго сужденія: не будучи новаторомъ въ литературѣ, онъ однако съ сочувствіемъ встрѣчалъ новыя стремленія въ области словесности.

Первыя указанія на сношенія Батюшкова съ Муравьевымъ мы имѣемъ только отъ 1802 года; но безъ сомнѣнія, и ранѣе того Михаилъ Никитичъ зналъ даровитаго юношу, цѣнилъ его способности и принималъ участіе въ заботахъ о его воспитаніи и образованіи. Современники утверждали, что „Батюшковъ взросъ подъ его надзоромъ“ ¹⁾, а самъ Константинъ Николаевичъ говорилъ, что образованіемъ своимъ онъ обязанъ этому „рѣдкому человѣку“. Объясняя въ 1814 году Жуковскому, съ какимъ удовольствіемъ писалъ онъ статью о сочиненіяхъ М. Н. Муравьева, Батюшковъ замѣтилъ: „Я говорилъ о нашемъ Фенелонѣ съ чувствомъ; я зналъ его, сколько можно знать человека въ мои лѣта. Я обязанъ ему всѣмъ, и тѣмъ, можетъ быть, что умѣю любить Жуковскаго“ ²⁾. Въ рѣчи, которую Батюшковъ написалъ въ 1816 году для произнесенія въ Обществѣ любителей россійской словесности при Москов-

¹⁾ Биографія М. Н. Муравьева въ Галатееѣ 1830 г., ч. 13, стр. 67.

²⁾ Соч., т. III, стр. 305.

скомъ университетѣ, онъ сдѣлалъ слѣдующую характеристику Муравьєва: „Подъ руководствомъ славнѣйшихъ профессоровъ московскихъ, въ нѣдрахъ своего отечества, онъ приобрѣлъ свои обширныя свѣдѣнія, которымъ нерѣдко удивлялись ученые иностранцы; за благодѣянія наставниковъ онъ платилъ благодѣянiями сему святилищу наукъ: имя его будетъ любезно всѣмъ сердцамъ добрымъ и чувствительнымъ; имя его напоминаетъ всѣ заслуги, всѣ добродѣтели. Ученость обширную, утвержденную на прочномъ основанiи, на знанiи языковъ древнихъ, рѣдкое искусство писать онъ умѣлъ соединить съ искреннею кротостiю, съ снисходительностiю, великому уму и добрѣйшему сердцу свойственною. Казалось, въ его видѣ посѣтилъ землю одинъ изъ сихъ геніевъ, изъ сихъ свѣтильниковъ философіи, которые нѣкогда рождались подъ счастливымъ небомъ Атики, для развитiя практической и умозрительной мудрости, для утѣшенiя и назиданiя челоуѣчества краснорѣчивымъ примѣромъ“¹⁾. Въ этой характеристикѣ вполнѣ обнаруживается то глубокое уваженiе, какое благодарный ученикъ питалъ къ своему благородному руководителю. Муравьєвъ былъ для Батюшкова своего рода университетомъ. Посмотримъ же, въ чемъ именно состояло это руководство.

Прежде всего вліянію Муравьєва слѣдуетъ приписать то, что Батюшковъ обратился къ занятiямъ классическимъ. Въ пансіонахъ Жакино и Триполи ему не удалось приобрести знанiя древнихъ языковъ; а между тѣмъ онъ видѣлъ, что Муравьєвъ даже среди важныхъ государственныхъ заботъ удѣлялъ „нѣсколько свободныхъ минутъ на чтенiе древнихъ авторовъ въ подлинникѣ, и особенно греческихъ историковъ, ему отъ дѣтства любезныхъ“²⁾, и еще находилъ себѣ достойнаго товарища въ этихъ занятiяхъ въ лицѣ своего родственника и друга, Ивана

¹⁾ Соч., т. II, стр. 245—246.

²⁾ Тамъ же, стр. 82.

Матвѣевича Муравьєва-Апостола ¹⁾), человекъ столь же образованнаго, какъ самъ Михаилъ Никитичъ, но съ умомъ болѣе смѣлымъ, болѣе предприимчивымъ и пытливымъ. По ихъ примѣру Батюшковъ принялся за изученіе латинскаго языка и скоро овладѣлъ имъ на столько, что могъ болѣе или менѣе свободно читать римскихъ авторовъ. Кто именно былъ его учителемъ—не извѣстно; быть можетъ, самъ Михаилъ Никитичъ, а вѣроятнѣе — Николай Ѳедоровичъ Кошанскій, который, по окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ, былъ вызванъ Муравьєвымъ въ 1805 году въ Петербургъ и подъ его ближайшимъ руководствомъ занимался изученіемъ древностей и исторіи искусства ²⁾). Съ изученіемъ латинскаго языка Батюшкову открылся способъ къ непосредственному знакомству съ древнимъ міромъ, и особенно—съ его литературными богатствами. Судя по сочиненіямъ Батюшкова, почти всѣ значительнѣйшіе римскіе поэты были прочтены имъ въ подлинникѣ; знакомство съ ними уяснило ему, что истинный классицизмъ заключается прежде всего въ изяществѣ формы, въ отдѣлкѣ слога, въ совершенствѣ изложенія. Эту точку зрѣнія Батюшковъ примѣнялъ впослѣдствіи къ оцѣнкѣ явленій русской литературы. Изъ римскихъ поэтовъ Горацій и Тибуллъ сдѣлались его любимцами, и онъ охотно бралъ ихъ себѣ въ образецъ.

Затѣмъ, вліяніемъ Муравьєва объясняется въ Батюшковѣ раннее развитіе здраваго литературнаго вкуса. Какъ мы сказали, Муравьєвъ не стремился къ нововведеніямъ въ словесности, но при богатствѣ своего литературнаго образованія не могъ быть одностороннимъ и слѣпымъ послѣдователемъ псевдо-классической теоріи. Хотя смутно, онъ однако сознавалъ искусственность ея требованій. „Краснорѣчіе“, говорилъ онъ,—„не

¹⁾ Соч., II, стр. 72.

²⁾ Кошанскій былъ хорошій знатокъ древнихъ языковъ и умѣлъ понимать красоту античной поэзіи; см. о немъ въ т. III, стр. 616—617.

есть уединенная наука, одними словами занимающаяся... Скучно будетъ краснорѣчіе, когда умъ не приученъ думать, сердце не испытало сладостнаго удовольствія быть тронутымъ“¹⁾). Въ такомъ смыслѣ высказывается и Батюшковъ, едва оставивъ школьную скамью: „Если вы найдете переводъ мой слишкомъ буквальнымъ“, обращается онъ къ П. А. Соколову, посвящая ему Платоново слово, — „пусть послужитъ тому оправданіемъ моя крайняя молодость; да и возможно ли на чужомъ языкѣ передать паеосъ, благородную простоту и то выраженіе искренности, которыя господствуютъ въ подлинникѣ? Высокопресвященный Платонъ, имя котораго стало въ Россіи синонимомъ краснорѣчія, обладаетъ своимъ особымъ слогомъ. Всѣ красоты его требованій непосредственны и не носятъ на себѣ печати труда“²⁾). Такимъ образомъ, едва прошедши курсъ школьной риторики, юноша хвалитъ оратора не за блескъ его метафоръ, не за смѣлость противоположеній—эти обычные приемы стараго ораторскаго искусства,—а за благородную простоту, за искренность чувства, за непосредственность творчества, которыя находилъ въ его произведеніяхъ. Подобныя сужденія не совсѣмъ были обычны въ старое время, и не въ школѣ, конечно, а въ бесѣдахъ съ такимъ образованнымъ человѣкомъ, какъ Муравьевъ, могли они сложиться у Батюшкова.

Но что еще важнѣе, Муравьевъ возбудилъ въ своемъ питомцѣ потребность поработать надъ самимъ собою и установить свой нравственный идеалъ. Раннее чтеніе безъ разбора ставило предъ юношей такой рядъ ученій и системъ, что разобраться въ немъ было ему, очевидно, не по силамъ. Въ эту-то пору умственнаго развитія Батюшкова явился передъ нимъ, въ лицѣ Муравьєва, руководитель, который могъ дать кипучей работѣ юношескаго ума болѣе правильное теченіе. „Счастливъ тотъ“,

¹⁾ П. собр. соч. М. Н. Муравьєва, т. III, стр. 124.

²⁾ Соч., т. II, стр. 369.

говорить еще нашъ авторъ, продолжая свое разсужденіе о страсти къ чтенію въ упомянутой выше статьѣ, — „счастливы тотъ, кто найдетъ наставника опытнаго въ оное опасное время, коего попечительная рука отклонитъ отъ заблужденій разсудка, ибо сердце въ юности есть лучшая порука за разсудокъ“¹⁾. Такимъ именно наставникомъ былъ для Батюшкова пламенный идеалистъ Муравьєвъ, со своимъ ученіемъ о врожденномъ нравственномъ чувствѣ, о судѣ своего сердца или совѣсти, который для человѣка долженъ быть превыше всѣхъ возможныхъ наградъ. Разбирая впослѣдствіи сочиненія Муравьєва, Батюшковъ съ особеннымъ удовольствіемъ останавливается на его разсужденіяхъ о нравственности. „Часто“, говоритъ онъ, — „облако задумчивости осѣняетъ его душу; часто углубляется онъ въ самого себя и извлекаетъ истины, всегда утѣшительныя, изъ собственнаго своего сердца. Тихая, простая, но веселая філософія, неразлучная подруга прекрасной, образованной души, исполненной любви и доброжеланія ко всему человѣчеству, съ неизъяснимой прелестью дышетъ въ сихъ письмахъ. Никакое непріятное воспоминаніе не отравляетъ моего уединенія“ (здѣсь видна вся душа автора). „Чувствую сердце мое способнымъ къ добродѣтели. Оно бьется съ сладостною чувствительностію при единомъ помысленіи о какомъ-нибудь дѣлѣ благотворительности и великодушія. Имѣю благородную надежду, что будучи поставленъ между добродѣтели и несчастія, выберу лучше смерть, нежели злодѣйство. И кто въ свѣтѣ счастливѣе смертнаго, который справедливымъ образомъ можетъ чтить себя?“ „Прекрасныя золотыя слова!“ прибавляетъ Батюшковъ — „Кто, кто не желалъ бы написать ихъ въ изліяніи сердечномъ?“²⁾.

Таковы были нравственные уроки, которые Муравьєвъ завѣщалъ Батюшкову въ своихъ бесѣдахъ, и которые благодар-

¹⁾ Соч., т. II, стр. 128.

²⁾ Тамъ же, стр. 78.

ный его питомецъ находилъ въ послѣдствіи въ его сочиненіяхъ. Какъ у Муравьєва, эти принципы были плодомъ его образованія, такъ и Батюшковъ, выходя на жизненную борьбу, старался чтеніемъ и размышленіемъ воспитать себя и выработать свои нравственныя убѣжденія. Мы не станемъ утверждать, чтобъ отъ самой юности онъ всегда оставался вѣрнень нравственному ученію Муравьєва; но сущность этого ученія была имъ усвоена отъ молодыхъ ногтей и съ годами все глубже вни́дрялась въ его душу: поэтому-то въ послѣдствіи онъ часто — и въ радости, и особенно въ горѣ—обращался мыслю и сердцемъ къ памяти своего благороднаго наставника. Въ прежнее время люди выходили въ жизнь моложе, чѣмъ нынѣ, когда школа, съ многочисленными предметами ученія, вынуждена долго задерживать молодежь въ своихъ стѣнахъ,—но выходили не съ ограниченностью дѣтскаго кругозора, а съ извѣстною зрѣлостью понятій, потому что тогда было больше нравственной связи между поколѣніями, и выработанное старшимъ довѣрчивѣе усвоивалось младшимъ. Поэтому не слѣдуетъ удивляться, что и Батюшковъ, потерявшій своего ментора всего на двадцатомъ году жизни, успѣлъ много вынести изъ его нравственной школы.

II.

Начало службы и первые литературныя знакомства.—Свѣтская жизнь въ Петербургѣ; П. М. Нилова и А. П. Квашнина-Самарина.—Литературныя партіи въ Петербургѣ: противники Карамзина и его почитатели; Вольное общество любителей словесности, наукъ и художеств.—Дружба Батюшкова съ Н. И. Гнѣдичемъ.—А. Н. Оленинъ и литературный кругъ, собиравшійся въ его домѣ.

М. Н. Муравьевъ далъ направленіе умственному развитію и нравственному характеру своего горячо любимаго племянника; онъ же оказалъ ему покровительство и въ чисто житейскихъ обстоятельствахъ.

Не смотря на то, что въ первые годы текущаго столѣтія жила въ Петербургѣ старшая сестра Константина Николаевича, бывшая въ замужествѣ за Абрамомъ Ильичемъ Гревенсомъ, и что къ ней пріѣзжали гостить двѣ другія сестры, незамужнія, Александра и Варвара,—юноша жилъ не съ ними, а въ домѣ М. Н. Муравьева, гдѣ его окружало скромное довольство и нѣжная заботливость счастливой родственной семьи: не только дядя, но и его супруга, Екатерина Ѳедоровна (рожденная Колокольцова), женщина умная и энергическая, боготворившая своего мужа и своихъ, въ то время еще малолѣтнихъ, дѣтей, любила Константина Николаевича, какъ роднаго сына. Лѣто 1802 года Батюшковъ провелъ съ Муравьевыми на дачѣ на Петергофской дорогѣ ¹⁾, а въ концѣ того же года онъ былъ опредѣленъ М. Н. Муравьевымъ на службу во вновь образованное министерство народнаго просвѣщенія: здѣсь Батюшковъ состоялъ сперва въ числѣ „дворянъ, помолженныхъ при департаментѣ“, а потомъ перешелъ въ канцелярію Муравьева письмоводителемъ по Московскому университету ²⁾. Онъ, безъ сомнѣнія, не былъ обремененъ обиліемъ канцелярскихъ заня-

¹⁾ Соч., т. III, стр. 68.

²⁾ Формулярный списокъ К. Н. Батюшкова изъ архива Имп. Публ. Библіотеки.

тій; но при всемъ томъ, служба эта очень не нравилась юношѣ, онъ былъ небреженъ къ ней, и эта небрежность поставила его въ дурныя отношенія къ ближайшему его начальнику, Николаю Назарьевичу Муравьеву, старшему письмоводителю или правителю попечительской канцеляріи. Вотъ какъ рассказывалъ объ этомъ столкновеніи, нѣсколько лѣтъ спустя, самъ Батюшковъ въ одномъ письмѣ къ Гнѣдичу¹⁾: „Ник. Наз. Муравьевъ, человекъ очень честный, и про котораго я вѣрно не скажу ничего худаго, ибо онъ этого не стоить, наконецъ, Н. Н. Муравьевъ, негодуя на меня за то, что я не хотѣлъ ничего писать въ канцеляріи (мнѣ было 17 лѣтъ), сказалъ это покойному Михаилу Никитичу, а чтобы подтвердить на дѣлѣ слова свои и доказать, что я лѣнivecъ, принесъ ему мое посланіе къ тебѣ, у котораго были въ заглавіи стихи изъ Парни всѣмъ извѣстныя:

Le ciel, qui voulait mon bonheur,
 Avait mis au fond de mon coeur
 La paresse et l'insouciance...

„Что сдѣлалъ Михаилъ Никитичъ? Засмѣялся и оставилъ стихи у себя“... Очевидно, снисходительный дядя сквозь пальцы смотрѣлъ на служебную неисправность своего племянника, и послѣдній справедливо могъ считать себя его „баловнемъ“²⁾. Къ тому же Михаилъ Никитичъ зналъ, что юноша не все же предавался праздности: лѣнивый къ канцелярской работѣ, онъ трудился по своему—занимался довершеніемъ своего образованія и сталъ обнаруживать литературныя наклонности.

Между сослуживцами Батюшкова по департаменту народного просвѣщенія было нѣсколько молодыхъ людей, которые испытывали свои силы на литературномъ поприщѣ: И. П. Пнинъ, Н. А. Радищевъ, Д. И. Языковъ и съ 1803 года—Н. И. Гнѣдичъ; директоръ канцеляріи министра (графа П. В.

¹⁾ Соч., т. III, 64—65.

²⁾ Тамъ же, стр. 67.

Завадовскаго) также былъ писатель и журналистъ—И. И. Мартыновъ, пріобрѣвшій впоследствии своимъ переводомъ греческихъ классиковъ. Неудивительно поэтому, что Батюшковъ, вращаясь въ такой средѣ и, сверхъ того, поощряемый дядей, сталъ писать стихи: это само собою вытекало изъ условій полученнаго имъ, по преимуществу литературнаго образованія. Но замѣчательно, что уже въ первомъ дошедшемъ до насъ его стихотвореніи, написанномъ въ 1802 году, или ни какъ не позже 1803 („Мечта“), обнаруживаются яркіе признаки таланта: стихъ еще не твердъ и не всегда плавленъ, но не лишень красивости, изложеніе богато образами и проникнуто неподдѣльнымъ воодушевленіемъ; въ обращеніи автора къ мечтѣ, украшающей его существованіе, слышится какъ бы впервые сознающее себя вдохновеніе поэта.

Первое стихотвореніе Батюшкова носитъ на себѣ меланхолическій характеръ, но меланхолія эта едва ли порождена впечатлѣніями личной жизни поэта; если въ его элегіи слышно безотчетное томленіе молодой души, то вмѣстѣ съ тѣмъ отзывается и повтореніе чужихъ поэтическихъ мотивовъ. Однимъ изъ первыхъ проявленій того смутнаго настроенія духа, которое составляетъ отличительную черту новой европейской поэзіи, были пѣсни такъ-называемаго Оссіана—смѣлая поддѣлка подъ древнюю кельтическую поэзію, въ которой даровитый Шотландецъ Макферсонъ желалъ изобразить людей первобытныхъ нравовъ, но одаренныхъ нѣжною чувствительностью и гордымъ рыцарскимъ благородствомъ, живущихъ среди суровой сѣверной природы, подъ тяжелымъ господствомъ какого-то невѣдомаго рока, безпощадно губящаго лучшіе порывы души. Такіе образы и картины нравились по своей новосте читателямъ того времени; какъ извѣстно, Наполеонъ предпочиталъ Оссіана Гомеру; Ермоловъ перелистовалъ его на канунѣ Бородинскаго сраженія¹⁾. Г-жа

¹⁾ Записки Н. Н. Муравьева въ Русскомъ Архивѣ 1885 г., № 10, стр. 258

Сталь въ своей извѣстной книгѣ „De la littérature“ сказала, что поэмы Оссіана „потрясають воображеніе, располагая умъ къ самымъ глубокимъ размышленіямъ“. Эта-то нѣсколько манерная, но своеобразная поэзія и оказала вліяніе на вдохновеніе начинающаго автора; но притомъ заимствованныя изъ нея черты онъ стремился сочетать съ образами совсѣмъ другаго міра, также знакомаго ему литературнымъ путемъ, міра классической древности. Такъ двѣ далекія одна отъ другой поэтическія струи — мечтательность и непосредственное наслажденіе жизнью — скрещиваются въ первомъ поэтическомъ созданіи Батюшкова, и ихъ неожиданное сочетаніе характеристически опредѣляетъ будущее развитіе его творчества.

Не слѣдуетъ однако думать, чтобы та грустная нота, которая звучитъ въ первой элегіи Батюшкова, была преобладающею во всѣхъ раннихъ его стихотвореніяхъ. Напротивъ того, если судить по другимъ его піесамъ, дошедшимъ до насъ изъ того времени, ему жилось тогда беззаботно и покойно; поэтому можно придавать автобіографическое значеніе и тѣмъ словамъ одной позднѣйшей прозаической его статьи, гдѣ онъ вообще говоритъ о юности, какъ о такой порѣ жизни, когда „человѣкъ, по счастливому выраженію Кантемира, еще новый житель міра сего, съ любопытствомъ обращаетъ взоры на природу, на общество и требуетъ однихъ сильныхъ ощущеній; онъ съ жадностью пьетъ въ источникѣ, и ничто не можетъ утолить его жажды: нѣтъ границъ наслажденіямъ, нѣтъ мѣры требованіямъ души новой, исполненной силы и не ослабленной опытностью, ни трудами жизни“¹⁾. Такое именно упоеніе радостями бытія звучитъ въ слѣдующихъ стихахъ перваго посланія Батюшкова къ Гнѣдичу (1805 г.), гдѣ восемнадцатилѣтній поэтъ описываетъ отсутствовавшему въ ту пору другу, какъ онъ проводитъ время:

¹⁾ Соч., т. II, стр. 127.

. . . твой на сѣверѣ пріятель,
 Веселій и любви своей лѣтописатель,
 Безпечность полюбя, забылъ и Геликонъ.
 Терпѣнье и труды вѣдь любить Аполлонъ,
 А другъ твой славой не прельщался,
 За бабочкой смѣясь гонялся,
 Красавицамъ стихи любовные шепталъ
 И, глядя на людей, на пестрыхъ куклъ, мечталъ:
 „Безъ скуки, безъ заботъ не лучше ль жить съ друзьями,
 „Смѣяться съ ними и шутить,
 „Чѣмъ исполинскими шагами
 „За славой побѣжать и въ яму поскользнуть?“¹⁾

Другое стихотвореніе того же времени, „Совѣтъ друзьямъ“, развивааетъ ту же мысль о мирномъ наслажденіи жизнью, среди веселій и забавъ, мѣшая мудрость съ шутками.

Конечно, и въ этихъ юношески-эпикурейскихъ воззрѣніяхъ нашего поэта нельзя отрицать нѣкоторой доли литературнаго вліянія. Онъ еще не въ состояніи былъ возвыситься до глубокой мысли Андрея Шенье:

Sur des penses nouveaux faisons des vers antiques,

и стремясь выработать классическую форму, усваивалъ себѣ и содержаніе своихъ образцовъ: въ его стихахъ находятъ себѣ отраженіе и поэтический эпикуреизмъ Горация, и то легкое воззрѣніе на жизнь, какое встрѣчается у нѣкоторыхъ французскихъ лириковъ прошлаго вѣка. Но очевидно, не въ противорѣчій съ нимъ было и собственное душевное настроеніе нашего поэта: житейскія заботы еще не тревожили его молодаго сердца, и онъ дѣйствительно всею душой предавался радостямъ жизни.

Но воспитанникъ человѣка истинно просвѣщеннаго и глубоко гуманнаго, человѣка, который считалъ своимъ долгомъ поощрять, взлелѣвать всякое замѣченное имъ дарованіе, не могъ удовлетворяться тѣмъ пустымъ образомъ жизни, какой ве-

¹⁾ Соч. т. I, стр. 24—25.

ло большею частью тогдашнее свѣтское общество. Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній того времени (въ „Послании къ Хлоѣ“) Батюшковъ довольно удачно набросалъ нѣкоторыя черты этого быта и отнесся сатирически къ его безсодержательности и нѣкоторой грубости. Немного позже, въ одномъ письмѣ къ Гнѣдичу онъ говоритъ, что „свѣтъ кинкетовъ никогда не прельщалъ его“¹⁾. И дѣйствительно, онъ неохотно посѣщалъ большія собранія, не любилъ танцевъ, не увлекался карточной игрой, не имѣлъ пристрастія къ охотѣ и тому подобнымъ удовольствіямъ. За то въ домѣ дяди, который былъ въ дружеской связи со многими лучшими людьми своего времени, въ гостиной котораго охотно собирались Г. Р. Державинъ, Н. А. Львовъ²⁾, В. В. Капнистъ, А. Н. Оленинъ, графъ А. С. Строгановъ, И. М. Муравьевъ-Апостолъ, нашъ юноша находилъ высокій уровень умственныхъ интересовъ. Кромѣ того, онъ посѣщалъ еще нѣсколько домовъ, гдѣ встрѣчалъ общество болѣе молодое, среди котораго не только умъ его находилъ себѣ пищу, но и сердце могло искать себѣ сочувствія. Особенно нравилось ему бывать въ семействѣ Ниловыхъ и у А. П. Квашниной-Самариной.

Петръ Андреевичъ Ниловъ былъ тамбовскій помѣщикъ, сынъ стараго пріятеля Державину, Андрея Матвѣевича Нилова. Онъ получилъ образованіе подъ руководствомъ своей матери, умной и просвѣщенной женщины³⁾, и былъ любезный человѣкъ и

¹⁾ Соч., т. III, стр. 76.

²⁾ Н. А. Львовъ, большой пріятель М. Н. Муравьева, умеръ въ 1803 году. Съ сыномъ его, Леонидомъ Николаевичемъ, Батюшковъ находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ ранней молодости.

³⁾ Елизавета Корнильевна Нилова, рожденная Бороздина, извѣстна своими переводами; нѣсколько свѣдѣній о ней находятся въ примѣчаніяхъ Я. Е. Грота къ академическому изданію сочиненій Державина, а также въ письмахъ кн. П. Д. Циціанова къ В. Н. Зинovieву (Р. Архивъ 1872 г., ст. 2109). Отецъ Е. К. Ниловой, К. М. Бороздинъ, былъ отличный артиллерійскій генералъ, участникъ Семилѣтней войны, замѣченный по своимъ способностямъ еще Петромъ Великимъ

гостепріимный хозяинъ; въ 1799 году онъ женился на одной изъ родственницъ Державина, Прасковья Михайловнѣ Ниловой. Она доводилась двоюродною сестрой второй женѣ Гавріила Романовича и до замужества своего жила въ его домѣ; въ то время старый поэтъ посвятилъ ей стихотвореніе, начинающееся слѣдующими строками:

Бѣлокурая Параша,
Сребророзова лицомъ,
Коей мало въ свѣтѣ краше
Взоромъ, сердцемъ и умомъ.

Дѣйствительно, Прасковья Михайловна была прекрасна и наружностью, и своими душевными качествами: при необыкновенной добротѣ, при открытомъ, благородномъ характерѣ, она обладала большимъ умомъ и разнообразными талантами; она писала стихи, прекрасно пѣла и играла на арфѣ; разговоръ ея былъ живъ, занимателенъ и остроуменъ¹⁾. Въ первые годы нынѣшняго столѣтія П. А. Ниловъ служилъ въ Петербургѣ. Какъ богатые свѣтскіе люди, Ниловы вели открытый образъ жизни; по словамъ Батюшкова, въ ихъ домѣ „время летѣло быстро и весело“²⁾. Кажется, что юноша былъ даже равнодушенъ къ прекрасной хозяйкѣ, „рѣдкой женщинѣ“, какъ онъ самъ ее называлъ впоследствии; но это было лишь робкое, тайное поклоненіе, которое онъ самъ, нѣсколько лѣтъ спустя охарактеризовалъ слѣдующими стихами:

(Энциклопедическій лексиконъ Плюшара, т. VI). Племянникъ Е. К. Ниловой, сынъ ея брата, Константинъ Матвѣевичъ Бороздинъ, извѣстный своимъ археологическимъ путешествіемъ по Россіи въ началѣ нынѣшняго столѣтія, принадлежалъ къ числу раннихъ и близкихъ знакомыхъ Батюшкову.

¹⁾ О П. А. и П. М. Ниловыхъ см. Сочиненія Державина, 1-е акад. изданіе т. II, стр. 184—186; Дневникъ чиновника, С. П. Жихарева—Отеч. Зап. 1855 г., т. CI, стр. 390; Де-Пуле. Отецъ и сынъ—Р. Вѣстн. 1875 г., № 7, стр. 80—81; Грибоѣдовская Москва. Письма М. А. Волковой—Вѣстн. Евр. 1874 г., № 8, стр. 616.

²⁾ Соч., т. III, стр. 37.

J'aimai Thémire,
Comme on réspire,
Pour éxister ¹⁾.

Если не ошибаемся, о томъ же сердечномъ увлеченіи вспоминалъ онъ и тогда, когда, въ одномъ позднѣйшемъ письмѣ къ Гнѣдичу, говорилъ, что въ былое время онъ „любилъ увѣнчанный ландышами, въ розовой тюникѣ, съ посохомъ, перевязаннымъ зелеными лентами — цвѣтомъ надежды, съ невинностью въ сердцѣ, съ добродушіемъ въ пламенныхъ очахъ, припѣвая: „кто могъ любить тебя такъ страстно“, или: „я не воленъ, но доволенъ“, или: „нигдѣ мѣста не найду“ ²⁾. Очевидно, это было очень молодое чувство, даже не требовавшее взаимности, которой и не могло ожидать. Впрочемъ, и впоследствии, когда Ниловы оставили Петербургъ, Батюшковъ очень интересовался ими, писалъ къ нимъ и говорилъ, что Прасковью Михайловну „опасно видѣть“ ³⁾.

Къ одному кругу съ Ниловыми принадлежала и Анна Петровна Квашнина-Самарина. Дочь сенатора Петра Федоровича, одна изъ послѣднихъ фрейлинъ, пожалованныхъ въ это званіе императрицей Екатериной ⁴⁾, она не была за мужемъ. Не знаемъ отличалась ли она красотой, но ея живой умъ, любезность и тонкій вкусъ собирали около нея многочисленныхъ поклонниковъ: В. В. Капнисть, Н. А. Львовъ любили ея бесѣду; старикъ Державинъ ухаживалъ за нею; онъ самъ говоритъ объ этомъ въ одномъ письмѣ къ Капнисту, „но“, прибавляетъ, — „она такъ постоянна, какъ каменная гора; не двинется и не шелохнется отъ волнующейся моей страсти, хотя батюшка и матушка и полой отдають“ ⁵⁾. Особенную оригинальность Аннѣ

¹⁾ Соч., т. III, стр. 85.

²⁾ Тамъ же, стр. 35.

³⁾ Тамъ же, стр. 70.

⁴⁾ П. Ф. Карabanовъ. Статсъ-дамы и фрейлины Высочайшаго двора—Р. Старина 1871 г., т. IV, стр. 403.

⁵⁾ Сочиненія Державина, 1-е акад. изданіе, т. IV, письмо № 1026.

Петровнѣ придавало то, что съ свѣтскою любезностью, съ литературнымъ образованіемъ она соединяла большой житейскій тактъ и самостоятельность характера. „Анна Петровна“, писалъ однажды Державинъ къ Капнисту (1802 г.),—„великая стала ябедница: всѣ долги отцовскіе и материнскіе привела въ порядокъ, частію заплатила, а частію разсрочила и, будучи по довѣренности родителей полновластная хозяйка, поѣхала теперь въ Москву и въ свои деревни, въ первой—съ остальными кредиторами раздѣляться, а во вторыхъ сдѣлать экономію. Вотъ каково нынѣ въ свѣтѣ: сорока побѣдѣла, и женщины стали дѣльцы“¹⁾. Это характерное замѣчаніе свидѣтельствуетъ, что стариковъ поражала практическая смѣтливость въ умѣ Анны Петровны. Но Батюшкову, который былъ значительно моложе Самариной, эта черта ея характера представлялась лишь новымъ ея достоинствомъ: онъ одинаково цѣнилъ и ея литературное чутье, и ея житейскій тактъ; даже въ болѣе поздній періодъ своей литературной дѣятельности онъ сообщалъ ей свои произведенія, дорожилъ ея сужденіями о нихъ и въ то же время искалъ ея совѣта и содѣйствія для устройства своей будущности. „Я душой свѣтлѣю, когда ее вспоминаю“, говорилъ онъ, будучи вдали отъ нея²⁾. Анна Петровна казалась ему лучшею представительницею той свѣтской образованности, той urbanité, которой онъ придавалъ большое значеніе для развитія изящной словесности.

И дѣйствительно, такія женщины, какъ П. М. Нилова и А. П. Квашнина-Самарина, были, безъ сомнѣнія, несомнѣемымъ обыкновенными явленіями въ тогдaшнемъ обществѣ. По своему умственному складу онѣ служать представительницами того новаго общественнаго настроенія, которое стало обнаруживаться у насъ въ исходѣ прошлаго вѣка съ общими успѣхами просвѣщенія и,

¹⁾ Сочиненія Державина, 1-е акад. изданіе, т. IV, письмо № 1034.

²⁾ Соч., т. III, стр. 66.

главнымъ образомъ, подъ вліяніємъ такъ-называемаго сентиментализма. Въ теченіе всего XVIII вѣка въ нравахъ даже высшихъ слоевъ патриархальная суровость уживалась съ грубою распущенностью, пока сентиментальное направленіе не противопоставило естественныхъ влеченій сердца холодной рассудочности житейскихъ отношеній и не обуздало до вѣкоторой степени распущенности нравовъ идеализаціей чувства. Отношенія къ женщинамъ стали приобрѣтати уже иной характеръ—болѣе утонченный и въ то же время болѣе свободный, романическій, какъ его стали называть тогда же, потому что главнымъ проводникомъ сентиментализма служила обильно распространенная и жадно читаемая романическая литература. При такихъ условіяхъ начала складываться салонная жизнь, въ которой могло быть отведено мѣсто изящнымъ удовольствіямъ и живой бесѣдѣ о предметахъ отвлеченнаго интереса. Все это, разумѣется, совершалось подъ иностраннымъ вліяніємъ, и самый сентиментализмъ почерпался изъ французскихъ книгъ; въ свѣтскомъ обществѣ больше говорили по французски, чѣмъ по русски, національное чувство было подавлено, и сознание своей народной самобытности улетучивалось; но несомнѣнно, общественные нравы смягчались, и образованіе ума и сердца дѣлало успѣхи.

Современникъ этихъ измѣненій въ нравственной жизни общества, Батюшковъ, можно сказать, выросъ и развился уже въ атмосферѣ болѣе утонченныхъ умственныхъ потребностей и интересовъ; они-то и дали его произведеніямъ тотъ характеръ, который отличаетъ ихъ отъ литературной дѣятельности прежнихъ поколѣній. „Я думаю“, писалъ онъ однажды Гнѣдичу (въ 1809 году),— „что вечеръ, проведенный у Самариной или съ умными людьми, наставитъ болѣе въ искусство писать, чѣмъ чтеніе нашихъ варваровъ... Стихи твои будутъ читать женщины, ... а съ ними худо говорить непонятнымъ языкомъ“¹⁾.

¹⁾ Соч., т. III, стр. 47.

Даже впоследствии, когда его понятія о поэтическомъ творчествѣ стали и шире, и глубже, онъ возвращался къ той же мысли и высказалъ ее, только въ болѣе обобщенной формѣ, въ своей рѣчи „о легкой поэзи“ (въ 1816 году). „Сей родъ словесности“, говоритъ онъ здѣсь, — „безпрестанно напоминаетъ объ обществѣ; онъ образованъ изъ его явленій, странностей, предразсудковъ и долженъ быть вѣрнымъ его зеркаломъ. Большая часть писателей (русскихъ второй половины XVIII столѣтія) провели жизнь свою посреди общества Екатеринина вѣка, столь благопріятнаго наукамъ и словесности; тамъ заимствовали они эту людскость и вѣжливость, это благородство, которыхъ отпечатокъ мы видимъ въ ихъ твореніяхъ; въ лучшемъ обществѣ научились они угадывать тайную игру страстей, наблюдать нравы, сохранять всѣ условія и отношенія свѣтскія и говорить ясно, легко и пріятно“¹⁾. Разсужденіе это, конечно, далеко отъ истины въ историческомъ смыслѣ; но если мы примѣнимъ къ самому Батюшкову то, что онъ приписываетъ своимъ предшественникамъ, то замѣчанія его получаютъ цѣну: самъ онъ хотя и не чуждъ былъ подражательности въ своихъ первыхъ опытахъ, но никогда не писалъ подъ ферулой школы, заботясь лишь о соблюденіи правилъ, узаконенныхъ пѣтикой. Въ своихъ стараніяхъ о совершенствѣ формы онъ съ первыхъ опытовъ творчества дѣйствительно обнаружилъ стремленіе выражаться просто, ясно и легко, говорить языкомъ живыхъ людей, а не книги. Мы уже замѣтили выше, что занятія римскими классиками и близкое знакомство съ французскою словесностью должны были утвердить его въ этомъ стремленіи; въ Гораціѣ, въ особенности въ его сатирахъ и посланіяхъ, нашъ поэтъ могъ найти лучшее выраженіе римской urbanitas, то-есть, того изящества и чувства мѣры въ литературной рѣчи, которыя—какъ думалъ Батюшковъ—пріобрѣтаются только среди образованнаго свѣтскаго

¹⁾ Соч., т. II, стр. 243.

общества. Въ томъ же смыслѣ послужилъ образцомъ для нашего поэта и Вольтеръ своими мелкими лирическими піесами. Но кромѣ того, Батюшковъ отдѣлился отъ преданій школьной піитики еще въ другомъ отношеніи: съ самаго начала своей поэтической дѣятельности онъ выражалъ въ своихъ произведеніяхъ лишь то, что думалъ и чувствовалъ, что дѣйствительно переживалъ своимъ молодымъ сердцемъ, вращаясь въ извѣстной общественной средѣ „Живи какъ пишешь, и пиши какъ живешь: иначе всѣ отголоски лиры твоей будутъ фальшивы“. Это убѣжденіе Батюшковъ высказываетъ въ одной изъ позднѣйшихъ своихъ статей ¹⁾, но очевидно, мысль эта рано созрѣла въ его умѣ: послѣ немногихъ еще несамостоятельныхъ попытокъ въ разныхъ родахъ (торжественная ода, сатира), онъ скоро заключилъ свою дѣятельность въ области интимной лирики, къ которой одной чувствовалъ призваніе, и въ этой сферѣ успѣлъ развить всю самостоятельность своего дарованія.

Таковы были первые шаги, которыми обозначилось внутреннее развитіе поэтическаго таланта Батюшкова. Молодой поэтъ не рѣшался печатать свои произведенія ²⁾, вообще выступалъ на литературное поприще осторожно, шелъ иногда ощупью, но съ вѣрнымъ предчувствіемъ чего-то новаго, чуждаго прежней литературной производительности. А между тѣмъ, при тогдашнихъ условіяхъ литературной жизни, самобытное развитіе таланта встрѣчало большія препятствія. Оригинальность въ творчествѣ цѣнилась всего менѣе, но за то требовалось строгое соблюденіе правилъ, установленныхъ господствовавшюю теоріей, и искусное подражаніе тѣмъ писателямъ, произведенія которыхъ были провозглашены образцовыми. „Tous les vers sont

¹⁾ Соч., т. II, стр. 120.

²⁾ Объ этомъ свидѣтельствуетъ С. П. Жихаревъ со словъ Гнѣдича (Дневникъ чиновника—Отеч. Записки 1855 г., т. СII, стр. 376). Нѣсколько самыхъ раннихъ произведеній Батюшкова (1803—1805 гг.) впервые печатаются въ настоящемъ изданіи по рукописи, сохранившейся въ бумагахъ Гнѣдича.

faits“, говорилъ старикъ Фонтанъ при появленіи перваго сборника стихотвореній Ламартина. Также, въ сущности, разсуждали и наши аристархи начала нынѣшняго столѣтія. И въ особенности эта косность литературныхъ сужденій господствовала въ петербургскихъ литературныхъ кружкахъ.

Въ то время, какъ въ Москвѣ Карамзинъ, давая свободу и живость своей литературной рѣчи, вмѣстѣ съ тѣмъ увлекалъ читателей гуманною чувствительностью своихъ разсказовъ, какъ Дмитріевъ, остроумно осмѣявъ тяжелую напыщенность прежняго стихотворства, старался сообщить легкость и плавность русскому стиху,—въ Петербургѣ продолжали усердно сочинять по старымъ образцамъ высокопарныя оды, плаксивыя элегіи и холодныя сатиры. При отсутствіи здѣсь свѣжихъ дарованій, при полномъ почти незнакомствѣ съ новыми явленіями иностранной словесности, интересы литературные, хотя и замѣтно возбужденные въ извѣстной части общества, сосредоточивались преимущественно на вопросахъ языка, слога и литературной формы, да и въ этой области свободное творчество поэта всегда могло столкнуться съ требованіями педантической рутинны.

Въ одномъ изъ первыхъ своихъ стихотвореній, въ посланіи „Бъ стихамъ моимъ“, Батюшковъ высказалъ свой взглядъ на тогдашнюю словесность: онъ смѣется надъ бездарными стихотворцами и указываетъ на общее фальшивое настроеніе литературы, на ея неискренній, напыщенный тонъ; сознаніе этихъ недостатковъ находится въ прямой связи съ отмѣченнымъ уже нами стремленіемъ молодаго поэта къ простотѣ и естественности; самое же стихотвореніе вводитъ насъ отчасти въ тотъ кругъ писателей, съ которыми былъ въ сношеніяхъ Батюшковъ при началѣ своей литературной дѣятельности помимо дома М. Н. Муравьева.

Появленіе книги Шишкова о старомъ и новомъ слоgѣ (1803 г.) дало поводъ къ образованію, въ средѣ писателей, двухъ пар-

+3*

тій, которыя на долгое время время раздѣлили нашу литературу. Предпринятое Карамзинымъ сближеніе книжной рѣчи съ разговорною казалось старшему поколѣнію писателей ересью, которая грозитъ самыми опасными послѣдствіями. Знакомство Русскаго Путешественника съ иностранною литературой считалось вольнодумствомъ и развращеніемъ умовъ. Шишковъ въ своей книгѣ выступилъ обвинителемъ Карамзина, но поставилъ вопросъ неловко и повелъ нападеніе неискусно. Въ вопросѣ собственно о слогѣ онъ не уразумѣлъ главнаго — что измѣненіе литературной рѣчи находится въ прямой зависимости отъ успѣховъ просвѣщенія; внутреннее же содержаніе карамзинскаго направленія онъ и не пытался уяснить себѣ: въ то самое время, какъ Карамзинъ горячо и талантливо развивалъ мысль о русской самобытности, Шишковъ приписывалъ антинаціональный характеръ его стремленіямъ и идеямъ. Около Шишкова сгруппировались довольно многочисленныя единомышленники, которые вторили его сужденіямъ и, примѣняясь къ его ученію, уснащали славянизмами свои писанія. Но все это были люди безъ дарованій и большею частью безъ основательнаго образованія, не давшіе литературѣ ни одного замѣчательнаго произведенія. Такимъ образомъ напыщенное, безвкусное и въ сущности безсодержательное направленіе этого кружка опредѣлилось съ первыхъ же годовъ XIX вѣка, гораздо прежде, чѣмъ онъ обратился въ настоящую Бесѣду любителей русскаго слова (въ 1811 году).

Сама собою должна была явиться оппозиція Шишкову и его сторонникамъ. Его направленіе было слишкомъ косное, слишкомъ мало давало пищи умамъ, тогда какъ ласкающій душу сентиментализмъ повѣстей Карамзина, занимательность его путевыхъ писемъ, а главное — его живая и свободная рѣчь имѣли подкупающее, чарующее дѣйствіе. Молодые писатели и въ Петербургѣ невольно становились учениками Карамзина если не по образу мыслей, то въ слогѣ. Еще въ 1798 году,

въ С.-Петербургскомъ Журналѣ, который издавалъ И. П. Пнинъ, были напечатаны слѣдующіе хвалебные стихи „къ сочиненіямъ г. Карамзина“:

Гремѣлъ великій Ломоносовъ
И восхищалъ сердца побѣдоносныхъ Россовъ
Гармонією струнъ своихъ.
„Въ твореніяхъ теперь у нихъ
„Пусть нѣжность улыбнется,
„Въ слезахъ чувствительныхъ прольется“,
Сказали граціи—и полилась она
Съ пера Карамзина ¹⁾.

Въ 1801 году нѣсколько молодыхъ петербургскихъ литераторовъ положили основаніе Вольному Обществу любителей словесности, наукъ и художествъ. Въ его составѣ и въ его изданіяхъ встрѣчаемъ имена И. П. Пнина, А. Х. Востокова, И. М. Борна, В. В. Попугаева, Д. И. Языкова, Н. О. Остолопова, Н. А. Радищева, Н. П. Бруилова, А. П. Беницкаго. Особенно выдающихся талантовъ въ этомъ кружкѣ не было, но было неподдѣльное молодое увлеченіе литературными интересами. Здѣсь-то и проявилось въ Петербургѣ впервые живое сочувствіе Карамзину. Это видно между прочимъ по первому году Сѣвернаго Вѣстника, одного изъ лучшихъ тогдашнихъ журналовъ, который издавался въ 1804 и 1805 годахъ И. И. Мартыновымъ, и въ которомъ члены Вольнаго Общества помѣщали свои произведенія. Въ первой же книжкѣ Сѣвернаго Вѣстника на 1804 годъ напечатанъ былъ неблагопріятный разборъ книги Шишкова о старомъ и новомъ слогѣ, написанный Д. И. Языковымъ, и въ слѣдовавшихъ затѣмъ нумерахъ журнала не разъ высказывались похвалы Карамзину ²⁾. Служба въ одномъ вѣдомствѣ съ нѣсколькими изъ членовъ Воль-

¹⁾ С.-Петербург. Журналъ 1798 г., ч. II, стр. 122; подпись: — въ.

²⁾ Напримѣръ, Сѣв. Вѣстникъ 1804 г., ч. I, стр. 63, 114, 231. и т. д.

наго Общества, и еще болѣе—общность литературныхъ интересовъ, сблизили Батюшкова съ этимъ литературнымъ кружкомъ, и хотя въ 1803—1805 годахъ мы не видимъ его имени въ спискѣ членовъ Вольнаго Общества ¹⁾, но можемъ съ увѣренностью сказать, что въ то время Константинъ Николаевичъ былъ въ частыхъ сношеніяхъ съ этими молодыми представителями литературы въ Петербургѣ. Это доказывается и первымъ появленіемъ его стихотвореній въ печати на страницахъ Сѣвернаго Вѣстника, и стихами на смерть Пнина, который былъ предсѣдателемъ Вольнаго Общества въ 1805 году, и наконецъ, совпаденіемъ взгляда Батюшкова на Шишкова и его сторонниковъ съ мыслями, изложенными въ упомянутой критикѣ Языкова. Бездарные Плаксивинъ и Безриоминъ, осмѣянные Батюшковымъ въ посланіи „Къ стихамъ моимъ“, это—два стихотворца, пользовавшіеся особеннымъ покровительствомъ Шишкова—Е. И. Станевичъ и князь С. А. Ширинскій-Шихматовъ. А слѣдующіе два стиха того же посланія:

Иному въ умъ прійдетъ, что вкусъ возстановляетъ:
Мы вѣримъ всѣ ему—кругами утверждать...

заключаютъ въ себѣ насмѣшливый намекъ на самого Шишкова, какъ то видно изъ примѣчанія къ послѣднему стиху, сохранившася въ рукописномъ текстѣ сатиры: „Всѣмъ извѣстно, что остроумный авторъ Круговъ бранилъ г. Карамзина и пр. и совѣтовалъ писать не по русски“. Авторомъ „круговъ“ Шишковъ названъ потому, что въ книгѣ о старомъ и новомъ слогѣ онъ сравниваетъ развитіе значеній извѣстнаго слова съ кругами, расходящимися на поверхности воды, когда въ нее брошенъ

¹⁾ Списки эти печатались въ адресъ-календаряхъ, начиная съ 1804 г., но едва ли въ полномъ видѣ: имени Батюшкова нѣтъ ни въ одномъ изъ списковъ, а между тѣмъ достоверно извѣстно, что онъ былъ членомъ Вольнаго Общества, напримѣръ, въ 1812 г. (см. Русск. Старину 1884 г., т. 43, стр. 110, 111 ср. Соч., т. III, стр. 184—185).

камень ¹⁾. По всей вѣроятности, сравненіе это немало забавляло противниковъ Шишкова; надъ его „замысловатостью“ не упустилъ потѣшиться и Языковъ въ своемъ разборѣ знаменитаго разсужденія ²⁾.

Какъ ни ограничена, ни скромна была дѣятельность Вольнаго Общества, въ ней замѣчалось два отгѣнка или, лучше сказать, двѣ струи: одна—собственно литературная, другая—соціально-политическая. Собственно литературное направленіе Общества выражалось сочиненіемъ и разборомъ разныхъ литературныхъ произведеній, большею частью стихотворныхъ, въ господствовавшемъ тогда чувствительномъ вкусѣ; интересы же соціально-политическіе проявлялись въ томъ, что члены читали въ своихъ собраніяхъ переводы изъ Беккарии, Филанжіери, Мабли, Рейналя, Вольнея и другихъ свободомыслящихъ историковъ и публицистовъ XVIII вѣка, а иногда и свои собственные статьи на такія темы: о вліяніи просвѣщенія на законы и правленія, о феодальномъ правѣ, о раздѣленіи властей человѣческаго тѣла и т. п. Главными ревнителями этого направленія въ Обществѣ были члены И. М. Борнъ, В. В. Попугаевъ и И. П. Пнинъ. Отъ теоретическихъ разсужденій предполагалось перейти и къ практикѣ, именно—съ учено-литературными занятіями соединить дѣятельность филантропическую; но обстоятельства помѣшали осуществить это намѣреніе. Одною изъ характерныхъ чертъ господствовавшаго въ Обществѣ настроенія было глубокое уваженіе членовъ къ извѣстному автору „Путешествія изъ Петер-

¹⁾ Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ. С.-Пб. 1803, стр. 30.

²⁾ Сѣв. Вѣстникъ 1804 г., I, стр. 37 и 38. Шишковъ серьезно отвѣчалъ на шутку Языкова, при чемъ объяснялъ, что сравненіе принадлежит не ему, а Эйлеру, который, въ своихъ „Письмахъ о физикѣ къ одной нѣмецкой принцессѣ“ объяснялъ логическія понятія кругами (см. Прибавленіе къ сочиненію, называемому Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ російскаго языка. С.-Пб. 1804, стр. 74). Шишковъ долго не могъ простить Языкову его полемику (см. второй Словарь достоп. людей Русской земли, Д. Бавтыша-Каменскаго, т. III, стр. 587).

бурга въ Москву“, Ал. Н. Радищеву, сосланному въ Сибирь при Екатеринѣ, возвращенному при Павлѣ, но окончательно прощенному только при Александрѣ. Строки, исполненныя горячаго сочувствія къ Радищеву и написанныя Борномъ и Пянымъ, помѣщены въ „Свиткѣ музъ“, сборникѣ, изданномъ отъ Общества въ 1803 году ¹⁾. Сѣверный Вѣстникъ, который по своему направленію и содержанію былъ очень близокъ къ настроенію и дѣятельности Вольнаго Общества, воспроизвелъ даже на своихъ страницахъ, въ 1805 году, одну изъ лучшихъ главъ „Путешествія“ („Клинъ“), давъ ей заглавіе: „Отрывокъ изъ бумагъ одного Россіянина“ и присовокупивъ къ ней слѣдующее примѣчаніе: „Читатели найдутъ въ семъ сочиненіи не чистоту русскаго языка, но чувствительныя мѣста. Издатели смѣютъ надѣяться, что тѣни усопшаго автора первое будетъ прощено для послѣднаго“ ²⁾.

Изъ этихъ словъ, между прочимъ, видно, что младшіе современники-почитатели Радищева, восхищаясь его пламенными гражданскими чувствами, благороднымъ образомъ мыслей, признавали его однако плохимъ стилистомъ. И тѣмъ не менѣе, авторитетъ его былъ такъ силенъ для нихъ, даже въ собственно литературныхъ вопросахъ, что вліянію его примѣра (поэма „Бова“) и еще больше—его теоретическихъ разсужденій, не менѣе, чѣмъ примѣру Карамзина („Илья Муромецъ“, 1795 г.) и Н. Львова („Добрыня“) ³⁾, слѣдуетъ приписать появленіе у насъ, въ первые годы XIX столѣтія, многихъ произведеній, написанныхъ дактилическимъ размѣромъ или такъ-называемымъ „русскимъ складомъ“. Введеніе новыхъ размѣровъ составляетъ обыкновенно одну изъ примѣтъ для эпохъ литературнаго обновленія. Въ русскомъ стихотворствѣ, послѣ Тредіаковскаго, Ломоносова и Су-

¹⁾ Книжка 2-я, стр. 136—144.

²⁾ Сѣв. Вѣстникъ 1805 г., ч. V, стр. 61.

³⁾ Первая часть этой поэмы появилась въ печати только въ 1804 г., въ журналѣ Другъ просвѣщенія, ч. III.

марокова, упрочился ямбъ и частію хорей, другіе же размѣры почти никогда не употреблялись. Но какъ только псевдоклассицизмъ сталъ утрачивать свое исключительное господство, какъ въ литературѣ стали обнаруживаться признаки инаго направленія, явились попытки нововведеній и въ стихосложеніи. Радищевъ, еще въ своемъ „Путешествіи“ (въ главѣ „Тверь“) замѣтилъ, что Ломоносовъ, „подавъ хорошіе примѣры новыхъ стиховъ“ ямбическаго размѣра, „надѣлъ на послѣдователей своихъ узду великаго примѣра, и никто доселѣ отшатнуться отъ него не дерзнулъ“. Сумароковъ—говоритъ далѣе Радищевъ—„употребляя стихи по примѣру Ломоносова, и нынѣ всѣ вслѣдъ за ними не воображаютъ, чтобъ другіе стихи быть могли какъ ямбы, какъ такіе, какими писали сіи оба знаменитые мужи... Парнассъ окруженъ ямбами, и риемы стоятъ вездѣ на караулѣ. Кто бы ни задумалъ писать дактилями, къ тому тотчасъ Тредіаковскаго приставятъ дядькою, и прекраснѣйшее дитя долго казаться будетъ уродомъ, доколѣ не родится Мильтона, Шекспира или Вольтера“. Позже Радищевъ занялся изученіемъ размѣра нашихъ народныхъ пѣсенъ и, какъ мы уже сказали, въ своемъ „Бовѣ“ далъ образчикъ поэмы, написанной „русскимъ складомъ“. Но еще до напечатанія (въ 1806 г.) этихъ позднѣйшихъ его опытовъ, его призывъ къ нововведеніямъ въ стихосложеніи оказалъ свое дѣйствіе. Одинъ изъ членовъ того кружка молодыхъ петербургскихъ литераторовъ, гдѣ особенно почиталась память Радищева, А. Х. Востоковъ, занялся теоріей русскаго стихосложенія и также увлекся „русскимъ складомъ“: такъ написана имъ древняя повѣсть „Пѣвнсладъ и Зора“ (1804 г.)¹⁾. Тотъ

¹⁾ Повѣсть эта напечатана въ Періодическомъ изданіи Вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ 1804 г., безъ имени автора; но принадлежность ея Востокову засвидѣтельствована Сѣв. Вѣстникѣмъ того же года, ч. II, стр. 120. Востоковъ началъ заниматься теоріей русскаго стихосложенія очень рано, но его изслѣдованіе объ этомъ предметѣ было напечатано только въ 1812 г. въ Санктпетербургскомъ Вѣстникѣ (ч. II,

же размѣръ употребилъ и Гнѣдичъ въ своихъ переводахъ изъ Оссіана (1804 г.). При одномъ изъ нихъ, помѣщенномъ въ Сѣверномъ Вѣстникѣ, находимъ слѣдующее любопытное примѣчаніе переводчика: „Мнѣ и многимъ кажется, что къ пѣснямъ Оссіана никакая гармонія стиховъ такъ не подходитъ, какъ гармонія стиховъ русскихъ“¹⁾. По слѣдамъ своихъ литературныхъ сверстниковъ пошелъ и Батюшковъ: „русскій складъ“ употребленъ имъ въ одномъ изъ стихотвореній, написанныхъ въ періодъ 1804—1805 годовъ, въ посланіи „Къ Филисѣ“, Появленіе этого размѣра въ піесѣ, гдѣ его всего меньше можно было бы ожидать, въ стихотвореніи, составляющемъ подражаніе Грессе (весьма впрочемъ отдаленное), доказываетъ, что Батюшковъ былъ крайне увлеченъ тогда этимъ нововведеніемъ. Впослѣдствіи однако онъ уже не возвращался къ употребленію „русскаго склада“, не любилъ и вообще бѣлыхъ стиховъ²⁾; но замѣчательно, что до послѣднихъ лѣтъ своей литературной дѣятельности онъ сохранялъ особенный интересъ къ тому писателю, отъ котораго пошелъ починъ этого нововведенія: собираясь въ 1817 году писать очеркъ новой русской литературы, онъ имѣлъ намѣреніе посвятить особый параграфъ

который издавало тогда Вольное Общество. Здѣсь (стр. 55—59), Востоковъ повторяетъ и отчасти развиваетъ мысли Радищева, приведенныя нами въ текстѣ. Рассмотрѣвъ подробно особенности „русскаго размѣра“, онъ замѣчаетъ: „Теперь предстоитъ вопросъ: заслуживаетъ ли русскій размѣръ употребленъ быть въ новѣйшей поэзіи? Утвердительному уже отвѣтому на сей вопросъ можно почестъ благосклонный приѣмъ разныхъ произведеній новѣйшей литературы, писанныхъ русскими стихами. Сія и дальнѣйшіе опыты всего лучше покажутъ достоинство русскаго размѣра, и къ какому роду стихотвореній можетъ онъ быть пригоденъ“ (стр. 280). Въ 1815 году, во время споровъ о русскомъ гекзаметрѣ по поводу предпринятаго Гнѣдичемъ перевода „Иліады“, С. С. Уваровъ также ссылаясь на приведенныя выше, въ текстѣ, разсужденія Радищева, „о которомъ Россійскія музы не безъ сожалѣнія вспоминаютъ“ (см. „Отвѣтъ В. В. Капнисту на письмо его объ экзаметрѣ“ въ 17-й книгѣ Чтеній въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова, стр. 58—61).

¹⁾ Сѣв. Вѣстникъ 1804 г., ч. I, стр. 65.

²⁾ Сочиненія, т. III, стр. 63.

Радищеву. Косвенно это можетъ служить доказательствомъ, что въ молодости своей Батюшковъ раздѣлялъ со своими литературными сверстниками уваженіе къ этому смѣлому представителю освободительныхъ идей XVIII вѣка въ русской литературѣ.

Для характеристики литературныхъ понятій и нравовъ, господствовавшихъ въ Петербургѣ, необходимо однако замѣтить, что прогрессивное направленіе, которому сочувствовала здѣсь литературная молодежь, съ трудомъ прокладывало себѣ путь въ общество. Тотъ же самый Сѣверный Вѣстникъ, который въ началѣ 1804 года напечаталъ статью противъ Шишкова за Карамзина, уже во второй половинѣ того же года принужденъ былъ помѣстить на своихъ страницахъ насмѣшливые отзывы объ авторѣ „Бѣдной Лизы“¹⁾; въ этомъ, безъ сомнѣнія, должно видѣть уступку тѣмъ враждебнымъ Карамзину мнѣніямъ, которыя высказывались въ Петербургѣ разными сановитыми словесниками. При такихъ обстоятельствахъ, въ средѣ самой петербургской молодежи обнаружилось нѣкоторое раздѣленіе, и въ 1805 году, рядомъ съ Сѣвернымъ Вѣстникомъ, появилось другое періодическое изданіе, также органъ молодыхъ литературныхъ силъ. То былъ Журналъ російской словесности, основанной Н. П. Брусиловымъ. Батюшковъ, не покидая Сѣвернаго Вѣстника, печаталъ свои произведенія и въ журналѣ Брусилова и посѣщалъ его домъ, гдѣ собирались разные молодые литераторы. Самъ Брусиловъ, писатель мало замѣчательный, былъ прекрасный чело-вѣкъ—благородный, правдивый, чувствительный и добрый това-

¹⁾ См. Сѣв. Вѣстникъ 1804 г., ч. II, стр. 111. Эта статья Сѣв. Вѣстника подала поводъ къ отвѣту, которой появился въ издававшемся въ Ригѣ журналѣ пастора Гейдеке: *Russische Merkur*, 1805, № 2, стр. 49—64. Статья нѣмецкаго журнала защищаетъ не только слогъ Карамзина, но и образъ его мыслей. Въ московскихъ литературныхъ кружкахъ ее приняли съ большимъ сочувствіемъ (С. П. Жихаревъ. Записки современника. I. Дневникъ студента, стр. 289—294).

рищъ ²⁾; наиболее же авторитетнымъ лицомъ въ его кружкѣ былъ уже упомянутый нами И. П. Пинъ, пользовавшійся особеннымъ уваженіемъ друзей за свой просвѣщенный и независимый образъ мыслей. Въ началѣ 1805 года онъ былъ избранъ предсѣдателемъ Вольнаго Общества любителей словесности и дѣйствительно намѣревался придать больше жизненности и пользы трудамъ этого учрежденія, котораго дѣятельность еще недостаточно опредѣлилась. Но вышло иначе: 17-го сентября 1805 года онъ скончался отъ чахотки, на 33-мъ году своей жизни. Преждевременная смерть его вызвала усиленную дѣятельность тогдашнихъ стихотворцевъ. Среди этихъ пѣснь, въ которыхъ прославлялось преимущественно гражданское направленіе умершаго писателя, выдѣляется своею простотою и искренностью небольшая элегія Батюшкова: въ ней молодой поэтъ живыми чертами изображаетъ отшедшаго друга, въ которомъ онъ умѣлъ одинаково цѣнить и гражданскую доблесть, и горячность дружескаго чувства, и осѣнявшее его благоволеніе „нѣжныхъ музъ“.

Смерть Пина въ самомъ дѣлѣ была большою потерей для Вольнаго Общества. Лишившись просвѣщеннаго и энергическаго руководителя, оно вскорѣ стало приходить въ упадокъ или, по крайней мѣрѣ, понизилось въ уровнѣ своихъ интересовъ: болѣе серьезные изъ числа его членовъ, какъ Востоковъ и Языковъ, стали мало по малу обращаться къ единоличнымъ трудамъ ученаго характера, а другіе не могли направить Общество къ полезной дѣятельности уже потому, что сами не обладали ни талантами, ни яснымъ сознаниемъ потребностей времени. И связи Батюшкова съ этою группой писателей, по видимому, слабѣють со смертію Пина: какъ замѣтно изъ позднѣй-

²⁾ Дневникъ чиновника, С. П. Жихарева — Отеч. Записки 1855 г., т. СІ, стр. 392; Н. И. Гречъ. Воспоминанія юности—въ альманахѣ Новогодникъ. С.-Пб. 1839, стр. 232.

шихъ отзывовъ и намековъ въ письмахъ нашего поэта, его не удовлетворяли люди такого умственного уровня, какъ А. А. Писаревъ и А. Е. Измайловъ, занявшіе теперь въ Вольномъ Обществѣ видное мѣсто.

Въ дальнѣйшихъ сношеніяхъ Батюшкова съ молодыми представителями литературы въ Петербургѣ выдѣляется только одно имя изъ числа названныхъ доселѣ, имя Н. И. Гнѣдича; близкій другъ Батюшкова, онъ былъ участникомъ всѣхъ радостей и горестей его жизни, и потому умѣстно будетъ сказать теперь же объ ихъ сближеніи.

Начало ихъ пріязни восходитъ къ 1803 году, когда будущій переводчикъ „Илиады“ пріѣхалъ въ Петербургъ и опредѣлился на службу въ департаментъ народнаго просвѣщенія. Мы видѣли его въ числѣ сотрудниковъ Сѣвернаго Вѣстника; но въ числѣ раннихъ членовъ Вольнаго Общества имя его не встрѣчается: человекъ очень осмотрительный въ житейскихъ отношеніяхъ, Гнѣдичъ, вѣроятно, не пожелалъ вступить въ его составъ, какъ впоследствии уклонился отъ вступленія въ Бесѣду любителей русскаго слова. Но несомнѣнно, и онъ, подобно Батюшкову, былъ въ связи съ тою группою писателей, которая составляла Вольное Общество. Гнѣдичъ въ юности получилъ правильное, отчасти семинарское образованіе въ Харьковскомъ коллегіумѣ и дополнилъ его слушаніемъ лекцій въ Московскомъ университетѣ. Въ ранней молодости онъ пережилъ по своему „періодъ бурныхъ стремленій“, увлекался всѣмъ, что выходило изъ обыкновеннаго порядка вещей, и всякому незначительному случаю придавалъ какую-то важность ¹⁾; видѣлъ идеалъ героя въ Суворовѣ и вѣрилъ, что самъ „рожденъ для подвѣтїа оружія“ ²⁾. Въ то время и литературные труды его

¹⁾ С. П. Жихаревъ. Записки современника. I. Дневникъ студента, стр. 319, 321.

²⁾ П. Н. Тихановъ. Николай Ивановичъ Гнѣдичъ. С.-Пб. 1884, стр. 8.

отличались стремленіемъ уклониться не только отъ господствующаго псевдоклассическаго направленія, но и отъ сентиментализма; къ Карамзину и его подражателямъ онъ также не питалъ расположенія, вѣроятно, подъ вліяніемъ лекцій профессора Сохацкаго. Скоро однако эти пылкія увлеченія миновали, и въ Петербургѣ мы видимъ его уже поклонникомъ туманной чувствительности Оссіана и переводчикомъ Дюсиковыхъ передѣлокъ Шекспира. Отъ прежнихъ увлеченій осталась только выспренность въ литературной рѣчи и декламации, до которой Гнѣдичъ былъ большой охотникъ. Въ это-то время онъ и познакомился съ Батюшковымъ.

Какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, ихъ дружеское сближеніе основалось на противоположности въ свойствахъ ихъ личнаго характера и въ тѣхъ обстоятельствахъ, подъ вліяніемъ которыхъ онъ выработался. Сынъ небогатаго малороссійскаго помѣщика, Гнѣдичъ выросъ въ бѣдности и привыкъ твердо переносить ее, любилъ замыкаться въ себя, съ наслажденіемъ предавался труду, былъ въ немъ упоренъ и вообще отличался стойкостью въ характерѣ, убѣжденіяхъ и привязанностяхъ; жизненный опытъ рано наложилъ на него свою тяжелую руку. Мало походилъ на своего друга Батюшковъ. Простодушіе и безпечность лежали въ основѣ его природы; ни домашнее воспитаніе, ни даже школа не приучили его къ послѣдовательному, усидчивому труду. Онъ былъ живъ, общителенъ, скоро и горячо увлекался тѣми, съ кѣмъ сближался, легко поддавался чужому вліянію, какъ бы искалъ въ другихъ той устойчивости, которой не было въ немъ самомъ. Естественно, что, при такихъ задаткахъ, ему часто приходилось разочаровываться въ своихъ сближеніяхъ и переживать страданія оскорбленнаго или хотя бы только задѣтаго самолюбія. Порою самолюбивыя мечты заносили его очень далеко, но при малѣйшей неудачѣ онъ падалъ духомъ, и если потомъ снова ободрялся, то чаще всего благодаря счастливымъ минутамъ поэтическаго вдохновенія.

Такія нѣжныя, хрупкія натуры особенно нуждаются въ дружескомъ попеченіи,—и Батюшковъ въ лицѣ Гнѣдича нашелъ себѣ перваго друга, который умѣлъ оцѣнить его тонкій умъ и чуткое сердце, умѣлъ щадить его легко раздражающееся самолюбіе и быть снисходительнымъ къ его прихотямъ и слабостямъ. Быть можетъ, не всегда Батюшковъ справедливо оцѣнивалъ ту роль дядьки, которую приходилось исполнять при немъ Гнѣдичу; быть можетъ, и исполненіе не всегда было удачное, не всегда Гнѣдичъ угадывалъ прихотливыя требованія даровитой натуры Батюшкова, не всегда, быть можетъ, стоялъ на высотѣ его пониманія и въ то же время слишкомъ назойливо старался навязывать ему свои мнѣнія; но вообще, друзья высоко цѣнили одинъ другаго, и не смотря на частые споры и недоразумѣнія, никогда не было между ними охлажденія, потому что оба они были увѣрены въ нравственномъ достоинствѣ другъ друга. Сближеніе ихъ произошло въ ранней молодости (Гнѣдичъ всего на три года былъ старше Батюшкова), и потому искреннія отношенія между ними установились очень скоро; друзья были почти неразлучны, посѣщали одинъ общій кругъ знакомыхъ, предавались вмѣстѣ свѣтскимъ развлеченіямъ, сообщали одинъ другому свои литературныя мнѣнія, вмѣстѣ читали написанное ими самими и откровенно критиковали другъ друга. „У Гнѣдича есть прекрасное и самое рѣдкое качество: онъ съ ребяческимъ простодушіемъ любить искать красоты въ томъ, что читаетъ; это самый лучшій способъ съ пользой читать, обогащать себя, наслаждаться. Онъ мало читаетъ, но хорошо“. Такъ говоритъ Батюшковъ о Гнѣдичѣ въ своей записной книгѣ 1817 года ¹⁾, стало быть, послѣ четырнадцати лѣтъ знакомства съ Гнѣдичемъ и заключивъ уже новыя дружескія связи, притомъ говоритъ не для того, чтобы кто-нибудь услышалъ его. И сколько душев-

¹⁾ Соч., т. II, стр. 361.

пой теплоты, сколько дружелюбія въ этомъ короткомъ и простомъ отзывѣ! Батюшковъ первый поддержалъ Гнѣдича, когда тотъ предпринялъ свой великій подвигъ перевода „Иліады“, которымъ онъ подарилъ русскую словесность и обезсмертилъ свое имя.

Нашъ перечень тѣхъ лицъ, съ которыми Константинъ Николаевичъ велъ знакомство съ ранней молодости, былъ бы не полонъ, если бы мы не упомянули теперь же еще объ одномъ семействѣ, гдѣ Батюшковъ былъ принятъ какъ родной, и гдѣ любили и цѣнили его зарождающееся дарованіе. То былъ гостепріимный домъ извѣстнаго археолога и любителя художествъ, Алексѣя Николаевича Оленина.

Оленинъ принадлежалъ къ тому же кругу просвѣщенныхъ людей въ Петербургѣ, что и М. Н. Муравьевъ, а по супругѣ своей могъ даже причестся ему въ свойство ¹⁾). Пріатели Михаила Никитича, Державинъ и Н. А. Львовъ, были друзьями и Оленина. Капнисть, своякъ Державина и Львова, также былъ дорогимъ гостемъ у него, когда пріѣзжалъ въ Петербургъ изъ своего деревенскаго уединенія въ Малороссіи. Въ молодости своей Алексѣй Николаевичъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ Дрезденѣ; тамъ онъ пристрастился къ пластическимъ искусствамъ и воспиталъ свой вкусъ на произведеніяхъ лучшихъ художниковъ древности и періода возрожденія, какъ они были истолкованы Винкельманомъ и Лессингомъ. Онъ былъ хорошій рисовальщикъ и, кромѣ того, занимался травированіемъ; завѣдуя, съ 1797 года, монетнымъ дворомъ, онъ познакомился и съ медальернымъ искусствомъ. „Можетъ быть“, говоритъ одинъ изъ современниковъ, коротко его знавшій, — „ему недоставало

¹⁾ Елизавета Марковна Оленина была рожденная Полторацкая, а одинъ изъ братьевъ ея, Петръ Марковичъ, былъ женатъ на Екатеринѣ Ивановнѣ Вульфъ, двоюродной племянницѣ М. Н. Муравьева и Н. М. Муравьева-Апостола, дочери Анны Федоровны Вульфъ, рожденной Муравьевой (Р. Архивъ 1884 г., кн. 6, стр. 330).

вполнѣ этой быстрой, наглядной смѣтливости, этого утонченнаго, пронизательнаго чувства, столь полезнаго въ дѣлѣ художествъ; но пламенная любовь его ко всему, что клонилось къ развитію отечественныхъ талантовъ, много содѣйствовала успѣхамъ русскихъ художниковъ“¹⁾. То же должно сказать и относительно словесности. По вѣрному замѣчанію С. Т. Аксакова, имя Оленина не должно быть забыто въ исторіи русской литературы: „всѣ безъ исключенія, русскіе таланты того времени собирались около него, какъ около старшаго друга“²⁾. Озеровъ, Крыловъ, Гнѣдичъ нашли въ Оленинѣ горячаго цѣнителя своихъ дарованій, который усердно поддерживалъ ихъ литературную дѣятельность; И. М. Муравьевъ-Апостолъ и С. С. Уваровъ встрѣтили въ немъ живое сочувствіе своимъ занятіямъ въ области классической древности; А. И. Ермолаева и А. Х. Востокова онъ направлялъ и укрѣплялъ въ ихъ изысканіяхъ по древностямъ русскимъ.

Пользуясь расположеніемъ графа А. С. Строганова, просвѣщеннаго вельможи екатерининскихъ временъ, доживавшаго свой вѣкъ среди общаго уваженія при Александрѣ, умѣя ладить и съ тѣми людьми, которые возвысились въ царствованіе молодаго государя, Оленинъ быстро подвигался въ это время на служебномъ поприщѣ, „однако никогда не измѣняя чести“, замѣтилъ о немъ ѣдкій Вигель. Знающій и дѣловитый, Алексѣй Николаевичъ всѣмъ умѣлъ сдѣлаться нужнымъ; самъ императоръ Александръ прозвалъ его Tausendkünstler, тысяченскусникомъ. Но если служебными успѣхами своими Оленинъ былъ обязанъ не только своему образованію и трудолюбію, а также нѣкоторой уступчивости и искательности предъ сильными міра сего, за то пріобрѣтеннымъ значеніемъ онъ пользовался для добрыхъ

¹⁾ Литературныя воспоминанія, А. В. (графа С. С. Уварова)—Современникъ 1851 г., т. 27, стр. 39.

²⁾ Полное собраніе сочиненій С. Т. Аксакова, т. III, стр. 262.

цѣлей. Онъ былъ отзывчивъ на всякое проявленіе русской даровитости и охотно шелъ ему на помощь. „Его чрезмѣрно сокращенная особа“, говоритъ Вигель,—„была отъѣнно мила: въ маленькомъ живчикѣ можно было найти тонкій умъ, веселый нравъ и доброе сердце“¹⁾).

„Дому Оленина“ — скажемъ еще словами Уварова — „служила украшеніемъ его супруга Елизавета Марковна, урожденная Полторацкая. Образецъ женскихъ добродѣтелей, нѣжнѣйшая изъ матерей, примѣрная жена, одаренная умомъ яснымъ и кроткимъ нравомъ, она оживляла и одушевляла общество въ своемъ домѣ“²⁾). Она была болѣзненна. „Часто, лежа на широкомъ диванѣ, окруженная посѣтителями, видимо мучась, умѣла она улыбаться гостямъ... Ей хотѣлось, чтобы всѣ у нея были веселы и довольны, и желаніе ея безпрестанно выполнялось. Нигдѣ нельзя бы встрѣтить столько свободы, удовольствія и пристойности вмѣстѣ, ни въ одномъ семействѣ—такого добраго согласія, такой взаимной нѣжности, ни въ какихъ хозяйствахъ столько образованной привѣтливости. Всего примѣчательнѣе было искусное сочетаніе всѣхъ пріятностей европейской жизни съ простотой, съ обычаями русской старины. Гувернантки и наставники, Англичанки и Французы, дальнія родственницы, проживающія барышни и нѣсколько подчиненныхъ, обратившихся въ домочадцевъ, наполняли домъ сей, какъ Ноевъ ковчегъ, составляли въ немъ разнородное, не менѣе того весьма согласное общество и давали ему видъ трогательной патріархальности“³⁾).

За обѣденнымъ столомъ или въ гостиной Олениныхъ, въ ихъ городскомъ домѣ или въ подгородной дачѣ Пріютинѣ „почти ежедневно встрѣчалось нѣсколько литераторовъ и ху-

¹⁾ Вигель. Воспоминанія, ч. IV, стр. 137.

²⁾ Литературныя Воспоминанія, А. В.—Современикъ, 1851 г., т. 27, стр. 39.

³⁾ Вигель. Воспоминанія, ч. IV, стр. 137—138.

дожниковъ русскихъ. Предметы литературы и искусствъ занимали и оживляли разговоръ... Сюда обыкновенно привозились всѣ литературныя новости: вновь появлявшіяся стихотворенія, извѣстія о театрахъ, о книгахъ, о картинахъ, словомъ — все, что могло питать любопытство людей, болѣе или менѣе движимыхъ любовью къ просвѣщенію. Не взирая на грозныя событія, совершавшіяся тогда въ Европѣ, политика не составляла главнаго предмета разговора, она всегда уступала мѣсто литературѣ¹⁾.

Не станемъ утверждать, чтобы тотъ кружокъ, который собирался въ оленинскомъ салонѣ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, далеко опередилъ свое время въ пониманіи вопросовъ искусства и литературы. Уровень господствовавшихъ тамъ художественныхъ и литературныхъ понятій все-таки опредѣлялся псевдоклассицизмомъ, который стѣснялъ свободу и непосредственность творчества и удалялъ его отъ вѣрнаго, неподкрашеннаго воспроизведенія дѣйствительности. Но вкусъ Оленина, воспитанный на классической красотѣ и воссозданіи ея Рафаэлемъ, уже не позволялъ ему удовлетворяться изысканными и вычурными формами искусства XVIII вѣка и стремился къ большей строгости и простотѣ. Лучше всего объ этомъ свидѣлствуютъ извѣстныя иллюстраціи къ стихотвореніямъ Державина, исполненныя по мысли и большею частію трудами Оленина²⁾. Точно также и въ отношеніи къ литературѣ. Въ оленинскомъ кружкѣ не было упрямыхъ поклонниковъ нашей искусственной литературы прошлаго вѣка: очевидно, содержаніе ея находили тамъ слишкомъ фальшивымъ и напыщеннымъ, а формы — слишкомъ грубыми.

¹⁾ Литературныя воспоминанія, А. В. — Современникъ 1851 г., т. 27 стр. 40.

²⁾ О художественномъ стилѣ и характерѣ этихъ иллюстрацій, воспроизведенныхъ въ первыхъ двухъ томахъ перваго академическаго изданія сочиненій Державина, см. прекрасныя замѣчанія Ѡ. И. Буслаева въ его статьѣ: „Новыя иллюстрированныя изданія“—въ сборникѣ: Мои досуги. М. 1886, т. II.

За то въ кружкѣ этомъ съ сочувствіемъ встрѣчались новыя произведенія, хотя и написанныя по старымъ литературнымъ правиламъ, но представлявшія большее разнообразіе и бѣльшую естественность въ изображеніи чувства и отличавшіяся бѣльшею стройностью, бѣльшимъ изяществомъ стихотворной формы; въ этомъ видѣли столь желанное приближеніе нашей поэзіи къ классическимъ образцамъ древности. Но кромѣ того, въ кружкѣ Оленина замѣтно было стремленіе сдѣлать самую русскую жизнь, новую и особенно древнюю, предметомъ поэтическаго творчества: героическое, возвышающее душу, присуще не одному классическому — греческому и римскому — міру; оно должно быть извлечено и изъ преданій русской древности и возведено искусствомъ въ классическій идеалъ. Присутствіе такихъ требованій ясно чувствуется въ литературныхъ симпатіяхъ Оленина и его друзей. Въ этомъ сказалась и его любовь къ археологіи, и его горячее патріотическое чувство.

Нужно согласиться, что такія стремленія оленинскаго кружка имѣли жизненное значеніе для своего времени. Молодой Батюшковъ, воспитанный отчасти въ подобныхъ же идеяхъ М. Н. Муравьевымъ, легко могъ освоиться въ домѣ Оленина и съ пользою проводить здѣсь время. Въ одномъ изъ раннихъ писемъ своихъ къ Алексѣю Николаевичу, онъ съ удовольствіемъ вспоминаетъ свои бесѣды съ нимъ, въ которыхъ они усердно „критиковали проклятый музскій народъ“ ¹⁾. Изъ дома Оленина Батюшковъ вынесъ живой интересъ къ пластическимъ художествамъ; Оленинъ, безъ сомнѣнія, обратилъ его вниманіе на историка древняго искусства Винкельмана. Здѣсь укрѣплялась его любовь къ классической поэзіи.

Въ первые годы текущаго столѣтія крупнымъ событіемъ въ жизни оленинскаго кружка было появленіе трагедій Озерова. Еще съ послѣднихъ десятилѣтій прошлаго вѣка, рядомъ

¹⁾ Соч., т. III, стр. 11.

съ трагедіями псевдоклассическаго типа, появились на русской сценѣ піесы иного рода, такъ-называемыя мѣщанскія драмы. Написанныя въ духѣ моднаго тогда сентиментализма, но по содержанію своему болѣе близкія къ житейской дѣйствительности, чѣмъ произведенія классическаго репертуара, піесы эти пріобрѣли явное сочувствіе публики, чѣмъ немало смущались присяжные литераторы, хранители традиціонныхъ правилъ. Въ домѣ Оленина хотя и сознавали недостатки устарѣвшихъ трагедій Сумарокова, Княжнина и другихъ писателей, ихъ современниковъ, тѣмъ не менѣе не могли помириться съ обращеніемъ общественнаго вкуса къ сентиментальной мѣщанской драмѣ: столь нравившіяся въ то время большинству публики піесы Коцебу подвергались тамъ строгому осужденію. Поэтому-то появленіе новаго русскаго драматурга, который сумѣлъ примирить возвышенный характеръ старой мнимо-классической трагедіи съ кое-какими нововведеніями сцены, который притомъ владѣлъ красивымъ, звучнымъ, стихомъ, появленіе Озерова встрѣчено было въ домѣ Оленина, какъ настоящее обновленіе русскаго драматургіи. Въ 1804 году Озеровъ читалъ у Олениныхъ своего „Эдипа въ Аѣинахъ“ и привелъ въ восторгъ своихъ слушателей; ему однако было сдѣлано одно замѣчаніе: „Строгій классицизмъ не допустилъ одного—чтобъ Эдипъ пораженъ былъ громомъ (такъ было въ трагедіи Дюси, которому подражалъ Озеровъ, и который, въ свою очередь, замѣнилъ ударомъ грома таинственную смерть Эдипа въ храмѣ Эвмениды—какъ у Софокла). Требовали, чтобы, по принятому порядку, порокъ былъ наказанъ, торжествовала добродѣтель, и чтобы погибъ Креонъ. Озеровъ долженъ былъ подчиниться этому приговору и передѣлалъ пятый актъ“¹⁾). Такъ и въ оленинскомъ кружкѣ сохранялись предписанія псевдоклассической піитики; однако не всѣ:

¹⁾ Араповъ. Лѣтопись русскаго театра, стр. 167. Слова въ скобкахъ вставлены нами.

Дюси и Озеровъ не соблюдаютъ правила о единствѣ мѣста дѣйствія, и слушатели трагедіи въ домѣ Олениныхъ не осудили автора за такое нововведеніе. „Эдипъ“ имѣлъ блестящій успѣхъ. Черезъ день по его представленіи (25-го ноября 1804 г.) Державинъ писалъ Оленину: „Я былъ во дворцѣ, и государь императоръ, подошедъ ко мнѣ, спрашивалъ: былъ ли я вчера въ театрѣ, и какова мнѣ кажется трагедія. Я и прочіе отвѣтствовали, что очень хороша, и онъ отозвался, что непремѣнно поѣдетъ ее смотрѣть; мы отвѣтствовали, что ваше величество ободрите (автора) своимъ благоволеніемъ, которому подобнаго въ Россіи прежде не видали. Я радъ, сказалъ“. „Вотъ что ко мнѣ пишетъ Гаврила Романовичъ“, прибавлялъ Оленинъ, посылая Озерову копію съ этой записки.— „Читайте и радуйтесь, что истинный талантъ всегда почтенъ“ ¹⁾. Въ домѣ Оленина рѣшено было ознаменовать торжество Озерова выби- тіемъ медали ²⁾.

Еще ближе было участіе Оленина въ другой трагедіи Озе- рова „Фингалъ“, поставленной въ 1805 году. Оленинъ ука- зывалъ поэту на сюжетъ въ одной изъ поэмъ Оссіана, и потомъ составилъ рисунки костюмовъ и аксессуарныхъ вещей для постановки этой піесы ³⁾. Какъ извѣстно, „Фингалъ“ имѣлъ такой же, если не большій успѣхъ среди публики, какъ и „Эдипъ въ Афинахъ“.

Батюшковъ, безъ сомнѣнія, принималъ живое участіе въ этихъ торжествахъ оленинскаго кружка, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ были торжествами и для всѣхъ просвѣщенныхъ люби-

¹⁾ Сочиненія Державина, 1-е акад. изданіе, т. VI, стр. 163 и 164. О вниманіи императора Александра къ Озерову см. Арапова, Лѣтопись русск. театра, стр. 168.

²⁾ Мысль эта однако едва ли была приведена въ исполненіе: такой медали не упомянуто въ трудѣ Ю. Б. Иверсена: Медали въ честь русскихъ государ- ственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ. С.-Пб. 1883—1884.

³⁾ Араповъ. Лѣтопись русскаго театра, стр. 172.

телей литературы. Когда, въ началѣ 1807 года, вскорѣ послѣ перваго представленія третьей трагедіи Озерова „Димитрій Донской“, нашему молодому поэту пришлось оставить Петербургъ, онъ и среди новыхъ своихъ заботъ продолжалъ интересоваться успѣхами талантливаго трагика. Оленина просилъ онъ прислать ему экземпляръ только что отпечатаннаго „Димитрія“, а Гнѣдича спрашивалъ, какъ ведетъ себя противная Озерову партія¹⁾. Дѣйствительно, блестящими успѣхами своими Озеровъ скоро нажилъ себѣ враговъ въ литературѣ. Еще послѣ постановки „Эдипа“ трагедію эту предполагали рассмотреть въ домѣ Державина, гдѣ собирались преимущественно литераторы стараго поколѣнія. Самъ Державинъ хотя и признавалъ въ ней „несравненныя красоты“, однако усмотрѣлъ ея „нѣкоторыя погрѣшности“²⁾. „Фингалъ“, не смотря на восторженный приемъ публики, также подалъ поводъ къ „невыгоднымъ“ о немъ сужденіямъ—безъ сомнѣнія, тоже со стороны старыхъ словесниковъ³⁾; Державинъ и въ этой трагедіи нашелъ „дурныя мѣста“⁴⁾. Когда же появился и произвелъ громадное впечатлѣніе „Димитрій Донской“, старый лирикъ сталъ открыто высказывать неодобреніе этой піесы и вздумалъ самъ вступить въ соперничество съ Озеровымъ на поприщѣ драматургіи. Впрочемъ, самымъ враждебнымъ Озерову критикомъ былъ не Державинъ, а Шишковъ, горою стоявшій за старыхъ нашихъ трагиковъ. Счастливое совмѣстничество съ ними Озерова было просто невыносимо для этого яраго и безтолковаго ревнителя старины. Подобно Державину, онъ еще снисходительно отзывался о первыхъ двухъ трагедіяхъ Озерова, но на „Димитрія Донскаго“

¹⁾ Соч., т. III, стр. 10 и 11.

²⁾ Сочиненія Державина, 1-е акад. изданіе, т. VI, стр. 164; т. VIII, стр. 881—882.

³⁾ Сѣв. Вѣстникъ 1805 г., ч. VIII, стр. 265 (отчетъ о первомъ представленіи „Фингала“).

⁴⁾ Сочиненія Державина, 1-е акад. изданіе, т. III, стр. 386—387.

нападалъ съ ожесточеніемъ. Онъ „принималъ за личную обиду искаженіе характера славнаго героя Куликовской битвы, искаженіе старинныхъ нравовъ, русской исторіи и высокаго слога“¹⁾, увѣренно предпочиталъ плавности озеровскаго стиха жесткіе стихи Сумарокова и въ особенности вооружался противъ той чувствительности, которою Озеровъ собиралъ

невольны дани

Народныхъ слезъ, рукоплесканій,

и въ которой адмиралъ-писатель видѣлъ развращеніе добрыхъ нравовъ²⁾. Державину и Шишкову подобострастно вторили окружавшія ихъ бездарности—по выраженію Озерова въ письмѣ Оленину—„послѣдователи стараго слога, стараго сумароковскаго вкуса, выдающіе себя, съ своимъ школярнымъ ученіемъ сорокалѣтней давности, за судей всѣхъ сочинителей“³⁾. Мало того, противъ счастливаго драматурга были пущены въ ходъ интриги и клеветы, которыя подѣйствовали на него такъ, что онъ вздумалъ было бросить литературную дѣятельность, тѣмъ болѣе для него пріятную, что онъ обратился къ ней уже въ зрѣломъ возрастѣ, увлекаемый неодолимою потребностью творчества. Дружескія настоянія Оленина, указавшаго ему для новой трагедіи гомеровскій сюжетъ „Поликсены“, удержали его отъ этого шага.

Къ убѣжденіямъ Оленина присоединилъ свой голосъ и Батюшковъ. Оставивъ Петербургъ весной 1807 года подъ впе-

¹⁾ С. Т. Аксаковъ, Воспоминаніе объ А. С. Шишковѣ въ Полномъ собраніи сочиненій, т. III, стр. 209—210.

²⁾ Кромѣ статьи С. Т. Аксакова, объ отношеніяхъ Шишкова къ Озерову см. въ Полномъ собраніи сочиненій кн. П. А. Вяземскаго, т. VII, стр. 266. Любопытенъ также разсказъ С. П. Жихарева о литературномъ вечерѣ у Шишкова, гдѣ Н. С. Захаровъ, его пріятель и литературный единомышленникъ, вступился за старья трагедіи (Дневникъ чиновника—въ Отеч. Запискахъ 1855 г., т. CI, стр. 195).

³⁾ Р. Архивъ 1869 г., ст. 142.

чатлѣннѣмъ блестящаго успѣха „Димитрія Донскаго“, онъ вскорѣ прислалъ почитателямъ Озерова посвященное ему стихотвореніе, въ которомъ „безвѣстный пѣвецъ“ выражалъ ему свое сочувствіе и убѣждалъ его „не разставаться съ музами“.

Такъ обозначилась рознь между старыми писателями и тѣмъ кружкомъ образованныхъ людей, который группировался около Алексѣя Николаевича. Горячо поддерживая Озерова, не смотря на свои личныя близкія отношенія къ Державину и Шишкову, Оленинъ засвидѣтельствовалъ самостоятельность своихъ литературныхъ мнѣній и еще разъ доказалъ изящество своего вкуса. Это обстоятельство могло только усилить уваженіе Батюшкова къ Алексѣю Николаевичу, такъ какъ онъ самъ, съ первыхъ шаговъ своихъ на поприщѣ словесности, высказался противъ писателей старой школы, противъ литературныхъ вкусовъ Шишкова и его послѣдователей. Дружба съ семействомъ Оленина сдѣлалась для Батюшкова съ этихъ же поръ одною изъ самыхъ отраднѣхъ сторонъ его жизни.

III.

Война 1807 года; милиція; поступленіе въ нее Батюшкова.—Походъ въ Пруссію; знакомство съ И. А. Петинимъ; рана.—Пребываніе въ Ригѣ; любовь къ г-жѣ Мюгель.—Пребываніе Батюшкова въ деревнѣ.—Смерть М. Н. Муравьева.—Семейныя отношенія.—Болѣзнь Батюшкова въ Петербургѣ.—Участіе его въ Драматическомъ Вѣстникѣ.—Шведская кампанія и впечатлѣнія Финляндіи.

Между тѣмъ какъ невинныя литературныя распри волновали петербургскихъ дѣятелей и любителей словесности, грозныя тучи собирались въ политическомъ мірѣ. Въ первые годы Александрова царствованія Россія держалась нѣсколько въ сторонѣ отъ международной борьбы, происходившей на западѣ Европы. Но вскорѣ, однако, ей пришлось выйдти изъ этой сдержанности: во второй половинѣ 1805 года образовалась такъ-называемая первая коалиція, русскія войска двинулись на помощь Австріи, и битва подъ Аустерлицомъ рѣшила противъ Россіи первую борьбу нашу съ Наполеономъ. Впечатлѣніе этой неудачи на русское общество было тяжелое, именно по своей неожиданности: русскіе люди, выросшіе въ царствованіе Екатерины, не были приучены къ пораженіямъ. „Говорили, что императоръ Александръ возвратился послѣ Аустерлица болѣе побѣжденный, чѣмъ его армія; онъ считалъ себя бесполезнымъ для своего народа, потому что не имѣлъ способностей начальствовать войсками, и это его чрезвычайно огорчало“¹⁾. Но долго унывать было не въ его характерѣ, да и ходъ событій требовалъ дѣятельности. По возвращеніи въ Россію императоръ нашелъ здѣсь сильное возбужденіе противъ Наполеона: не смотря на неудачу, желаніе новой войны было всеобщее. И дѣйствительно, не прошло нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ Россія вступила въ новую борьбу съ Франціей, собравъ для того

¹⁾ С. М. Соловьевъ. Императоръ Александръ. С.-Пб. 1877, стр. 102.

Милиція.

новья силы и средства. Въ предшествовавшей коалиціи Россія оказывала помощь Австріи; теперь она готовилась помогать Пруссіи. Но какъ Австрія открыла военныя дѣйствія противъ Французовъ, не дождавшись прибытія русскихъ войскъ, такъ и Пруссаки начали войну прежде, чѣмъ подошли къ нимъ союзники. Послѣ быстрого разгрома прусскихъ армій подъ Іеною и Ауерштедтомъ, Русскіе сдѣлались не помощниками только Пруссаковъ, но почти единственными дѣятелями въ войнѣ, которая изъ предполагавшейся оборонительной обратилась въ наступательную. Предвидя возможность вторженія Наполеона въ Россію, императоръ Александръ рѣшился прибѣгнуть къ чрезвычайной, небывалой до тѣхъ поръ мѣрѣ: манифестомъ 30-го ноября 1806 года повелѣно было образовать ополченіе или милицію въ 612,000 ратниковъ, взятыхъ изъ 31 губерніи; остальные губерніи обязаны были вносить деньги, хлѣбъ, оружіе и аммуницію, къ чему приглашены были дворянство, купечество и прочія сословія ¹⁾).

Для образованія милиціи губерніи были сгруппированы въ области, и въ составъ первой изъ такихъ областей должны были войти губерніи Петербургская, Новгородская, Тверская, Ярославская и Олонецкая, которымъ, въ сложности, предстояло поставить до 90,000 ратниковъ. Начальникомъ этой области назначенъ былъ генералъ Н. А. Татищевъ, а правителемъ канцеляріи къ нему поступилъ А. Н. Оленинъ. Изъ желанія послужить общему патріотическому дѣлу онъ согласился принять на себя эту хлопотливую должпость, не смотря на то, что занималъ въ то же время другую, болѣе значительную,—товарища министра удѣловъ.

Молодые дворяне охотно записывались въ ряды ополченцевъ; всѣхъ воодушевляло патріотическое усердіе. Не чужды,

¹⁾ Богдановичъ. Исторія царствованія императора Александра в Россіи въ это время, т. II, стр. 165.

разумѣтся, остался ему и нашъ молодой поэтъ; но какъ прежде, при началѣ своей службы, онъ долженъ былъ—безъ сомнѣнія, по желанію отца—избрать гражданское поприще вмѣсто военнаго, такъ и теперь не рѣшался нарушить родительскую волю.

Въ исходѣ 1806 года пріѣзжалъ въ Петербургъ С. Н. Глинка, уже опредѣлившійся въ ополченіе по Смоленской губерніи, откуда былъ родомъ. Пылкій, способный увлекаться до величайшихъ крайностей, но вполнѣ искренній и безукоризненно честный во всѣхъ своихъ увлеченіяхъ, Сергѣй Николаевичъ, въ ту пору патріотическаго воодушевленія, былъ, разумѣтся, въ восторженномъ состояніи. Нѣсколько разъ посѣщалъ онъ М. Н. Муравьева и всегда былъ принимаемъ самымъ ласковымъ образомъ. На прощаніи Муравьевъ сказалъ ему приблизительно слѣдующее: „Говорятъ, что въ одахъ нашихъ поэтовъ все дышетъ лестью. Вотъ я теперь перечитываю оду Петрова на день рожденія нынѣшняго государя: въ ней поэтъ какъ будто пророческимъ голосомъ предсказалъ все то, что совершается теперь на глазахъ нашихъ. Онъ говоритъ устами Россіи:

„Пойду, себя на все отважа,
„Сія тебѣ грудь—вѣрна стража,
„И безотказна жертва—кровь!“

„Это не лесть, это—картина нашего времени. Я видѣлъ слезы государя, когда онъ самъ говорилъ: „Я не желалъ войны, за то Богъ послалъ мнѣ великую отраду: торопливость всѣхъ сословій къ вооруженію и пожертвованіямъ передъ цѣлымъ свѣтомъ свидѣтельствуется любовь Русскихъ къ отечеству и ко мнѣ“¹⁾.

Слова Муравьева яркою чертой характеризуютъ настроеніе

¹⁾ Изъ записокъ С. Н. Глинки (отъ 1802 до 1812 годовъ)—Р. Вѣстникъ 1865 г., № 7, стр. 226.

въ томъ домѣ, гдѣ жилъ Батюшковъ. Бесѣды дяди, встрѣча съ Глинкой, и даже одни рассказы о немъ (если прямого знакомства съ нимъ не состоялось) должны были дѣйствовать на юношу по истинѣ воспламеняющимъ образомъ. Чтобы хоть какъ-нибудь примкнуть къ общему дѣлу, Батюшковъ, 13-го января 1807 года, опредѣлился подъ начальство Оленина письмоводителемъ въ канцелярію генерала Татищева. Разумѣется, не канцелярская служба манила его: напротивъ, къ ней—мы уже знаемъ—онъ чувствовалъ неодолимое отвращеніе; но это опредѣленіе открывало ему возможность стать потомъ въ ряды ополченцевъ. И дѣйствительно, мѣсяцъ спустя, 22-го февраля, Константинъ Николаевичъ уже дѣлается сотеннымъ начальникомъ въ Петербургскомъ милиціонномъ баталіонѣ ¹⁾. Предъ самымъ назначеніемъ въ эту послѣднюю должность юноша рѣшился открыться во всемъ отцу и повиниться предъ нимъ. „Падаю къ ногамъ твоимъ, дражайшій родитель“, писалъ онъ,— „я прошу прощенія за то, что учинилъ дѣло честное безъ твоего позволенія и благословенія, которое теперь отъ меня требуетъ и Небо, и земля. Но что томить васъ! Лучше объявить все, и Всевышній длань свою простретъ на васъ. Я долженъ оставить Петербургъ, не сказавшись вамъ, и отправиться со стрѣлками, чтобъ ихъ проводить до арміи. Надѣюсь, что ваше списхожденіе столь велико, любовь ваша столь горяча, что не найдете вы ничего предосудительнаго въ семъ предпріятіи. Я самъ на сіе вызвался, и надѣюсь, что государь вознаградитъ (если того сдѣлаюсь достоинъ) печаль и горестъ вашу изліяніемъ къ вамъ щедротъ своихъ. Еще падаю къ ногамъ вашимъ, еще умоляю васъ не сокрушаться. Боже, уже ли я могу заслужить гнѣвъ моего ангела-хранителя, ибо иначе васъ называть не умѣю! Надѣюсь, что и безъ меня Михаилъ Никитичъ

¹⁾ Даты заимствованы изъ послужнаго списка Батюшкова въ архивѣ Имп. Пуб. Библіотеки.

сдѣлаеть все возможное, чтобы возвратить вамъ спокойствіе и утѣшить послѣдніе дни жизни вашей“ ¹⁾).

Безпорядокъ этого письма ясно доказываетъ, въ какомъ волненіи оно было писано; но едва ли Константинъ Николаевичъ успѣлъ дожидаться отвѣта на свои трогательныя строки: дней черезъ десять послѣ того, какъ письмо было отправлено, Батюшкову пришлось уже оставить Петербургъ.

Въ смущеніи и тревогѣ прощался онъ съ отцомъ, но въ походъ онъ выступилъ веселый и довольный. Первые письма его съ похода исполнены тѣмъ беззавѣтно радостнымъ чувствомъ, которое способна ощущать только юность, когда она видитъ осуществленіе своей любимой мечты. Батюшковъ шуточно рассказываетъ Гнѣдичу подробности своихъ дорожныхъ походовъ, забавно описываетъ Нѣмцевъ, которыхъ видѣлъ въ Ригѣ, и въ то же время требуетъ отъ него петербургскихъ новостей—о литературѣ, о театрѣ, о пріятеляхъ. „Мы идемъ, какъ говорятъ, прямо лбомъ на Французовъ. Дай Богъ поскорѣе!“ восклицаетъ онъ въ своемъ воинственномъ увлеченіи.

Во время похода Батюшковъ сблизился съ однимъ замѣчательнымъ молодымъ человѣкомъ, дружба съ которымъ оставила особенно печальный и долгій слѣдъ въ его жизни, и памяти котораго нашъ поэтъ посвятилъ впоследствии одно изъ лучшихъ и извѣстнѣйшихъ своихъ стихотвореній, элегію „Тѣнь друга“.

Иванъ Александровичъ Петинъ былъ воспитанникомъ сперва Московскаго университетскаго благороднаго пансіона, а потомъ нажескаго корпуса и служилъ въ гвардейскомъ егерскомъ полку. „Тысячи прелестныхъ качествъ“, вспоминалъ о немъ впоследствии Батюшковъ,—„составляли сію прекрасную душу, которая вся блистала въ глазахъ молодаго Петина. Счастливое лицо, зеркало доброты и откровенности, улыбка безпечности, кото-

¹⁾ Соч., т. III, стр. 4—5.

рая исчезаетъ съ лѣтами и съ печальнымъ познаніемъ людей, всѣ плѣнительныя качества наружности и внутренняго человѣка достались въ удѣлъ моему другу. Умъ его былъ украшенъ познаніями и способенъ къ наукѣ и разсужденію—умъ зрѣлаго человѣка и сердце счастливаго ребенка: вотъ въ двухъ словахъ его изображеніе“. Какъ силой обстоятельствъ, такъ и по внутреннему влеченію, молодые люди сошлись скоро и близко. „Одни пристрастія, однѣ наклонности, та же пылкость и та же безпечность, которыя составляли мой характеръ въ первомъ періодѣ молодости, плѣняли меня въ моемъ товарищѣ. Привычка быть вмѣстѣ, переносить трудъ и безпокойства воинскіе, раздѣлять опасности и удовольствія стѣснили нашъ союзъ. Часто и копейка, и шалашъ, и мысли, и надежды у насъ были общія“¹⁾.

11-го мая 1807 года Батюшковъ былъ еще въ Шавляхъ, а 24-го онъ уже находился за русскою границей и участвовалъ въ сраженіи подъ Гутштадтомъ, гдѣ былъ разбитъ корпусъ Нея. Впрочемъ, въ общемъ ходѣ кампаніи дѣло это не имѣло рѣшительнаго значенія. Вмѣсто того, чтобъ отрѣзать Нея отъ главныхъ французскихъ силъ и снова атаковать его, главнокомандующій Бенингсенъ ограничился тѣмъ, что прогналъ его за рѣку Пассаргу. Батюшкову пришлось участвовать и въ этомъ преслѣдованіи непріятеля, 25-го мая, а затѣмъ 29-го числа быть въ сраженіи русскихъ войскъ съ главными силами Наполеона на берегахъ рѣчки Алле подъ Гейльсбергомъ²⁾. Воспоминаніе о дняхъ, предшествовавшихъ этому дѣлу, сохранены нашимъ поэтомъ въ одномъ изъ его стихотвореній:

Какъ сладко я мечталъ на Гейльсберскихъ поляхъ,
Когда весь станъ дремалъ въ повоѣ,

¹⁾ Соч., т. II, 191—192.

²⁾ О военныхъ дѣйствіяхъ въ кампанію 1807 г. см. Богдановича, Исторію императора Александра, т. II, гл. XX; объ участіи въ нихъ Батюшкова свѣдѣнія взяты изъ его формулярнаго списка въ архивѣ Имп. П. Библіотеки.

Походъ въ Пруссію.

И ратникъ, опершись на копіе стальное,
Въ усталости почилъ! Луна на небесахъ
 Во всемъ величїи блистала
И низкій мой шалашъ съвозъ вѣтви освѣщала.
Аль свѣтлый чуть струю лѣтнюю катилъ
И въ зеркальныхъ водахъ являлъ весь станъ и рощи:
Едва дымился огонь въ часы туманной ноци
Близъ кущи ратника, который сномъ почилъ.
О Гейльсбергски поля, о холмы возвышенны,
Гдѣ столько разъ въ ноци, луною освѣщенный,
Я, въ думу погружень, о родинѣ мечталъ!... ¹⁾

Гейльсбергское сраженіе было удачно для Русскихъ, но Бенингсенъ не сумѣлъ воспользоваться пріобрѣтенными имъ выгодами. Лично для Батюшкова однако оно было несчастливо: онъ былъ раненъ; пуля пробила ему ляшку на вылетъ; „его вынесли полумертваго изъ груды убитыхъ и раненныхъ товарищей“ ²⁾. Такимъ образомъ, ему не пришлось уже быть свидѣтелемъ нашей неудачи подъ Фридландомъ, приведшей къ заключенію мира въ Тильзитѣ.

Раненаго отправили къ русской границѣ, въ Юрбургъ. Онъ сильно страдалъ, пока его везли въ телѣгѣ, и боялся умереть въ чужой землѣ.

Но небо, внявъ моимъ моленіямъ усерднымъ,
 Взглянуло окомъ милосерднымъ:
Я, Нѣманъ переплывъ, узрѣлъ желанный край
 И, землю лобызавъ съ слезами,
Сказалъ: Блаженъ стократъ, кто съ сельскими богами,
Спокойный домосѣдъ, земной вкушаетъ рай
И, шага не ступа за хижину убогу,
 Къ себѣ богиню быстроногу
 Въ молитвахъ не зоветъ! ³⁾

¹⁾ Соч., т. I, стр. 87.

²⁾ А. С. Стурдза. Бесѣда любителей русскаго слова и Арамакъ — въ Москвитянинѣ 1851 г., ч. VI, стр. 15.

³⁾ Соч., т. I, стр. 88.

И дѣйствительно, едва ступивъ на родную землю, нашъ постъ былъ обрадованъ пріятною встрѣчей: „въ тѣсной лачугѣ, на берегахъ Нѣмана, безъ денегъ, безъ помощи, безъ хлѣба (это не вымыселъ), въ жестокихъ мученіяхъ“, лежалъ онъ на соломѣ, когда увидѣлъ Петина, которому перевязывали рану. „Не стану описывать моей радости“, говорилъ Батюшковъ, вспоминая впослѣдствіи объ этомъ свиданіи.— „Меня поймутъ только тѣ, которые были подъ однимъ знаменемъ, въ одномъ ряду, и испытали всѣ случайности военныя“. При этой встрѣчѣ Константинъ Николаевичъ имѣлъ возможность узнать и оцѣнить съ новой стороны трезвое благородство Петина въ одномъ замѣчательномъ случаѣ, который и рассказалъ впослѣдствіи въ воспоминаніи о другѣ своей молодости ¹⁾.

Изъ Юрбурга Батюшковъ былъ перевезенъ, тоже съ трудомъ, въ Ригу; но въ половинѣ іюня онъ уже могъ ходить на костыляхъ и могъ утѣшить своихъ родныхъ и друзей вѣстями о себѣ. Рана его была глубиной въ двѣ четверти, но не внушала серьезныхъ опасеній, потому что пуля не тронула кости. Такъ по крайней мѣрѣ судили врачи въ первое время, и такъ писалъ Батюшковъ, тогда же, сестрамъ и Гнѣдичу. Къ несчастію, послѣдствія не оправдали этихъ благопріятныхъ надеждъ. У раненаго было однако сильное нервное разстройство, и въ письмахъ своихъ онъ просилъ не огорчать его непріятными извѣстіями; о самой войнѣ, на которую такъ рвался еще недавно, онъ вспоминалъ теперь съ неудовольствіемъ ²⁾.

Молодому человѣку пришлось прожить въ Ригѣ болѣе мѣсяца. Онъ былъ помѣщенъ у богатаго тамошняго негоціанта Мюгеля, въ домѣ котораго окружали его самымъ заботливымъ вниманіемъ. „Меня“, писалъ онъ Гнѣдичу,— „принимають въ прекрасныхъ покояхъ, кормятъ, поятъ изъ прекрасныхъ

¹⁾ Соч., т. II, стр. 192—193.

²⁾ Тамъ же, т. III, стр. 12—14.

рукъ: я на розахъ!“ То же повторялъ онъ въ письмѣ къ сестрамъ: „On m’entoure de fleurs, on me berce comme un enfant... Le maitre de la maison m-r Mügel est le plus riche négociant de Riga. Sa fille est charmante, la mère bonne, comme un ange, tout cela m’entoure, l’on me fait de la musique“ ¹⁾. Воспоминанію о пребываніи въ этомъ домѣ молодой поэтъ посвятилъ въ послѣдствіи слѣдующія строки:

Ахъ, мнѣ ли позабыть гостепріимный кровъ,
 Въ сѣни домашнихъ гдѣ боговъ
 Усердный эскулапъ божественной наукой
 Исторгъ изъ-подъ косы и дивно изцѣлилъ
 Меня, борющагося уже съ смертельной мукой! ²⁾

Въ Ригѣ же Батюшковъ имѣлъ случай познакомиться съ просвѣщеннымъ семействомъ графовъ Виейльгорскихъ или, какъ ихъ называли тогда, Велеурскихъ. Виейльгорскіе собирались ѣхать изъ Петербурга за границу, но война задержала ихъ въ Ригѣ, и имъ пришлось прожить здѣсь довольно долго. Уже въ то время молодой графъ Михаилъ Юрьевичъ проявлялъ свое блестящее музыкальное дарованіе. Въ Ригѣ было много любителей музыки, и талантъ графа Михаила нашелъ себѣ хорошихъ цѣнителей ³⁾. По всей вѣроятности, и съ Батюшковымъ графъ Михаилъ, почти ровесникъ ему, сблизился благодаря ихъ общей любви къ изящнымъ искусствамъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, въ дружескомъ посланіи къ Виейльгорскому, нашъ поэтъ вспоминалъ свою встрѣчу съ молодымъ диллетантомъ и вообще свою пріятную жизнь въ Ригѣ:

Обѣтованный край, гдѣ вѣтранный Амуръ
 Прелестнымъ личикомъ любезный полъ даруетъ,

¹⁾ Соч., т. III, стр. 13, 14. Всѣ наши попытки собрать въ Ригѣ свѣдѣнія о негодявѣ Мюгелѣ и его семействѣ оказались безуспѣшными.

²⁾ Соч., т. I, стр. 88.

³⁾ Походженія Лифляндца въ Петербургъ (Э. Ленца)—Р. Архивъ 1878 г., кн. I, стр. 449.

Любовь въ г-жѣ Мюгель.

Подъ дымкой на груди лилеи образуетъ,
Какими бѣ и у насъ гордилась красота,
Вливаетъ томный огонь и въ очи, и въ уста,
А въ сердце юное—любви прямое чувство.
Счастливыя мѣста, гдѣ нравиться искусство
 Не нужно для мужей,
Сидящихъ съ трубками веругъ угольныхъ огней
За сыромъ выписнымъ, за Гамбургскимъ журналомъ,
Межъ тѣмъ какъ жены ихъ, смѣясь подъ опахаломъ,
„Люблю, люблю тебя!“ прищельцу говорить
И руку жмутъ коварными перстами ¹⁾).

Пребываніе въ Ригѣ получило въ жизни Константина Николаевича важное значеніе. Живя въ „мирномъ семействѣ“ Мюгеля, онъ сблизился съ его прекрасною дочерью и горячо полюбилъ ее. Любовь эта совпала съ днями его выздоровленія:

Ты, Геба юная, лилейною рукою
Сосудъ мнѣ подала: „Пей здравье и любовь!“
Тогда, казалось, сама природа вновь
 Со мною воскресала
 И новой зеленью вѣнчала
 Долины, холмы и лѣса.
Я помню утро то, какъ слабою рукою,
Склонясь на костыли, поддержанный тобою,
Я въ первый разъ узрѣлъ цвѣты и деревья...
Какое счастье съ весной воскреснуть ясной!
(Въ глазахъ любви еще прелестнѣе весна).
Я, восхищенъ природой красной,
Сказалъ Эмили: „Ты видишь, какъ она,
„Расторгнувъ зимній мразъ, съ весной оживаетъ,
„Съ ручьемъ шумитъ въ лугахъ и съ розой разцвѣтаетъ;
„Что бѣ было безъ весны?.. Подобно такъ и я
„На утрѣ дней моихъ увялъ бы безъ тебя!“
Тутъ, грудь кропя горячими слезами,

¹⁾ Соч., т. I, стр. 65—66.

Соединивъ уста съ устами,
Всю чашу радостей мы выпили до дна ¹⁾.

Итакъ, любовь поэта была встрѣчена взаимностью. Онъ наслаждался первыми порывами чувства; оно освѣжило ему душу, но не принесло полного счастья. Самыя условія, въ которыхъ возникла эта любовь, дѣлали почти не осуществимымъ бракъ его съ дѣвицею Мюгель: будущность юноши ничѣмъ не была обезпечена, средства ограничены; притомъ же онъ могъ сомнѣваться въ согласіи своихъ родныхъ на бракъ, который вполнѣ оторвалъ бы его отъ семейной среды. Тѣмъ не менѣе, увлеченный своимъ чувствомъ, онъ медлилъ покидать Ригу. Онъ еще былъ тамъ 12-го іюля, когда писалъ Гнѣдичу и спрашивалъ о здоровьѣ М. Н. Муравьева. Еще въ мартѣ мѣсяцѣ Батюшковъ оставилъ его больнымъ; но теперь вопросъ этотъ былъ вызванъ письмомъ, которое Константинъ Николаевичъ получилъ отъ Екатерины Ѳеодоровны, и въ которомъ она увѣдомляла о продолжающейся болѣзни мужа и объ его желаніи видѣть своего племянника ²⁾. Вѣроятно однако, письмо Муравьевой было намѣренно сдержанное; безъ сомнѣнія, она не желала слишкомъ встревожить выздоравливающаго и не сказала ему всей правды о томъ, на сколько опасна была болѣзнь ея мужа; быть можетъ наконецъ, и сама она не знала этой правды. Какъ бы то ни было, но въ исходѣ іюля, когда Батюшковъ, оплакиваемый семействомъ Мюгель, долженъ былъ рѣшиться оставить наконецъ Ригу, онъ отправился не въ Петербургъ, куда звала его Муравьева, а прямо въ деревню, гдѣ ожидали его отецъ и сестры, и куда еще изъ Риги онъ приглашалъ Гнѣдича ³⁾. Тѣмъ болѣе тяжелымъ ударомъ была для

¹⁾ Соч., т. I, стр. 89. Что стихотвореніе намекаетъ на любовь поэта именно къ дѣвицѣ Мюгель, видно въ особенности изъ первоначальной редакціи этой пѣсмы, гдѣ говорится о „свѣтлой Двинѣ“ (см. т. I, стр. 331).

²⁾ Соч., т. III, стр. 16.

³⁾ Тамъ же.

Константина Николаевича вѣсть, которую принесло ему, уже въ деревню, слѣдующее письмо его петербургскаго пріятеля:

С.-Петербургъ. Августа 2-го 1807 г.

Любезный Константинъ! Ты какъ будто хотѣлъ испытать дружбу мою, предлагая мнѣ исполненіе того, чего я совершенно не могу по разстроеннымъ моимъ обстоятельствамъ. Я доведенъ до нихъ непредвидѣнными случаями и болѣе тѣмъ, что мальчикъ мой, обокравши меня, бѣжалъ. Гдѣ тонко, тамъ и рвется. Едва имѣю чѣмъ заплатить за это письмо,—но это да останется между нами. Слѣдовательно, ты не взыщешь, что ни книгъ тебѣ не посылаю, ни самъ къ тебѣ не буду; еслибъ наши души были видны, такъ бы ты увидѣлъ мою близъ тебя. Мы бы поплакали вмѣстѣ, ибо и тебѣ должно плакать: ты лишился многого и совершенно неожиданно—душа человѣка, такъ дорого тобою цѣнимаго, улетѣла: Михайлъ Никитичъ 30-го числа іюля скончался. Горько взрыдають московскія музы!

Гдѣ отъ горестей укрыться?

Жизнь есть скорбный, мрачный путь!

Но посмотрѣвъ заплаканными глазами на небо, вижу звѣзду между черными тучами: благоговѣй и терпи! Будь здоровъ, прощай до радостнаго свиданія! Твой Гнѣдичъ.

Р. С. 19-го іюля я послалъ къ тебѣ письмо въ Ригу на двухъ листахъ; вѣтъ ли у тебя тамъ знакомыхъ, которые, отыскавъ его на почтѣ, къ тебѣ переслали? Я получилъ твою трубку и поцѣловалъ вмѣсто тебя. Цѣлую тебя, милый! О, пріѣзжай! ¹⁾

М. Н. Муравьевъ сталъ хворать съ февраля 1807 года; уже больной онъ хоронилъ въ Петербургѣ друга своей молодости И. П. Тургенева ²⁾). Горячій патриотъ, Муравьевъ съ тревожнымъ чувствомъ слѣдилъ за труднымъ ходомъ нашей борьбы

¹⁾ Это единственное сохранившееся письмо Гнѣдича къ Батюшкову. Оно нашлось въ бумагахъ Ал. Н. Батюшковой. Что письмо писано не въ Ригу, а въ деревню, видно изъ приписки. Указаніе, что письмо, посланное изъ Петербурга 19-го іюля, уже не застало Батюшкова въ Ригѣ, опредѣляетъ приблизительно время отъѣзда его изъ этого города.

²⁾ Соч., т. III, стр. 5; Жихаревъ. Дневникъ чиновника—От. Зап. 1855 г., т. CI, стр. 140; Саятовъ. Петербургскій некрополь, стр. 134. И. П. Тургеневъ умеръ 28-го февраля 1807 г. и похороненъ въ Александро-Невской лаврѣ.

съ Наполеономъ; послѣ неудачи подъ Фриландомъ вѣсть о неожиданномъ мирѣ въ Тильзитѣ поразила его глубокимъ горемъ: онъ тяжело заболѣлъ и уже не вставалъ болѣе съ постели ¹⁾.

Уѣзжая изъ Риги, Батюшковъ мечталъ провести „нѣсколько мѣсяцевъ въ гостепріимной тѣни отеческаго крова“ ²⁾. Еще не зная о смерти Михаила Никитича, съ сердцемъ, полнымъ любовью, онъ отправился въ Даниловское, вѣроятно, имѣя намѣреніе возбудить вопросъ о женитьбѣ. Но вмѣсто радостей въ родной семьѣ встрѣтилъ его рядъ неожиданныхъ огорченій. Поступленіе его въ военную службу безъ отцовскаго согласія едва ли было одобрено Николаемъ Львовичемъ; на счетъ молодого человѣка были пущены въ ходъ какія-то клеветы или сплетни, вѣроятно, съ цѣлью поссорить его съ родными ³⁾; но главное—Николай Львовичъ, не смотря на свой зрѣлый возрастъ, задумалъ жениться вторично: въ 1807 году состоялся его второй бракъ. Это семейное событіе послужило поводомъ къ замѣтному охлажденію между отцомъ и его дѣтьми отъ перваго брака: съ тѣхъ поръ Константинъ Николаевичъ сталъ рѣже видаться съ Николаемъ Львовичемъ, а незамужнія дочери, Александра и Варвара, оставили родительскій домъ и переселились въ имѣнье, которое досталось имъ, вмѣстѣ съ братомъ, отъ матери, въ село Хантоново. Словомъ, въ семействѣ Батюшковыхъ произошли несогласія, которыя отозвались неблагоприятно и на матеріальномъ благосостояніи его членовъ.

При такихъ обстоятельствахъ пребываніе въ деревнѣ утрачивало для Константина Николаевича всякую привлекательность, и онъ уѣхалъ оттуда, унося съ собою одни тяжелыя впечатлѣнія. Послѣ свѣтлой, беззаботной юности судьба сразу под-

¹⁾ Сообщено П. Н. Батюшковымъ.

²⁾ Соч., т. III, стр. 16.

³⁾ Смутный намекъ на эти клеветы находится въ посланіи къ Гнѣдичу 1808 г. Соч., т. I, стр. 45.

готовила ему нѣсколько ударовъ; удовлетвореніе потребности его сердца превратилось въ неосуществимую мечту, и нераздѣльная любовь затаилась въ его душѣ какъ тяжелое горе.

Батюшковъ рѣшилъ не покидать военной службы и по заключеніи Тильзитскаго мира. Еще въ сентябрѣ 1807 года онъ былъ переведенъ въ гвардейскій егерскій полкъ ¹⁾, въ тотъ самый, гдѣ служилъ его пріятель Петинъ, и подвиги котораго онъ видѣлъ въ минувшую войну. По возвращеніи Константина Николаевича въ Петербургъ его постигла тяжелая болѣзнь, и въ то время, когда молодой поэтъ, по его словамъ, всѣми оставленный, приближался къ смерти, онъ имѣлъ счастье привлечь къ себѣ заботливость со стороны человѣка, который до сихъ поръ не входилъ въ интересы его частной жизни: Оленинъ взялъ его на свое попеченіе; вѣчно занятой, онъ цѣлые вечера просиживалъ у постели больного и предупреждалъ его желанія ²⁾. Этими попеченіями Алексѣй Николаевичъ какъ бы платилъ дань памяти Муравьева, съ которымъ связанъ былъ тѣсною дружбой.

Въ этотъ тяжелый годъ скорбей душевныхъ и тѣлесныхъ общество Оленина и его гостепріимной семьи вообще составляло лучшую и, можетъ быть, единственную отраду для Константина Николаевича. Въ исходѣ 1807 года одинъ изъ постоянныхъ посѣтителей дома Олениныхъ, князь А. А. Шаховской, задумалъ изданіе журнала, специально посвященнаго театру, и съ начала 1808 года сталъ появляться небольшими еженедѣльными листками Драматическій Вѣстникъ, цѣлью котораго было поставлено развивать вкусъ публики относительно театральныхъ зрѣлищъ. Журналъ до извѣстной степени выражалъ мнѣнія оленинскаго кружка, гдѣ, какъ мы знаемъ,

¹⁾ Свидѣнія изъ формулярнаго списка Батюшкова въ архивѣ Имп. Публ. Библиотеки.

²⁾ Соч., т. III, стр. 26.

много интересовались театромъ; Вѣстникъ старался давать читателямъ запасъ свѣдѣній объ исторіи драматическаго искусства и указывать руководящія начала для болѣе здоровой оцѣнки театральныхъ произведеній. Вообще говоря, критика журнала стояла на старой псевдоклассической точкѣ зрѣнія, но по крайней мѣрѣ не преклонялась слѣпо предъ нашими уже устарѣвшими драматургами прошлаго вѣка. Здѣсь между прочимъ нашли себѣ одобреніе комедіи Крылова и „Король Лиръ“ въ переводѣ Гнѣдича съ передѣлки Дюси; здѣсь печатались подробные отзывы о представленіяхъ г-жи Жоржъ, пріѣхавшей тогда въ Петербургъ; напротивъ того, слезливыя драмы Коцебу, столь нравившіяся большинству тогдашней публики, и даже драмы Шиллера подвергались здѣсь осужденію, вмѣстѣ съ разными піесами новаго французскаго репертуара. Журналъ этотъ несомнѣнно пользовался сочувствіемъ Оленина, который былъ самъ большой любитель театра и восхищался пластическою игрою г-жи Жоржъ ¹⁾. Нѣсколько небольшихъ статей его можно найти на страницахъ Драматическаго Вѣстника. Что касается Батюшкова, то онъ хотя и не принадлежалъ къ числу тѣхъ страстныхъ театраловъ, какіе водились у насъ въ старину, однако съ интересомъ слѣдилъ за изданіемъ, которое поставило себѣ цѣлью воспитать театральныи вкусъ публики, и охотно помѣщалъ здѣсь свои стихи. Такъ, въ Драматическомъ Вѣстникѣ напечатано было уже упомянутое нами стихотвореніе Константина Николаевича, посвященное Озерову, басня „Пастухъ и Соловей“. Когда эта басня, чрезъ посредство Оленина, стала извѣстна жившему въ деревнѣ драматургу, онъ отозвался на привѣтствіе Батюшкова не одними выраженіями благодарности. „Прелестную басню его“, писалъ Озеровъ къ Алексѣю Николаевичу, — „почитаю истинно драгоценнымъ вѣнкомъ моихъ трудовъ. Его самого природа одарила всѣми

¹⁾ Соч., т. III, стр. 26.

способностями быть великимъ стихотворцемъ, и онъ уже смолода поэтъ соловьемъ, котораго старыя пѣвчія птицы въ дубравѣ надъ Ипокреномъ заслушиваютъ и которымъ могутъ восхищаться“¹⁾. Это письмо свидѣтельствуеть о большомъ чутьѣ изящнаго въ Озеровѣ; припомнимъ, что тотъ же писатель выражалъ живое сочувствіе поэтическому творчеству Жуковского²⁾; эти ясныя симпатіи нарождающимся талантамъ составляютъ характерную черту оленинскаго кружка, которая рѣзко отдѣлила его отъ сторонниковъ Шишкова и доставила гостиней частнаго лица такое значеніе въ литературномъ мірѣ, какового не имѣла въ то время и сама Россійская академія.

Съ Драмматическимъ Вѣстникомъ связывается еще одно обстоятельство въ литературной жизни Батюшкова: на страницахъ этого журнала появились первыя его произведенія, свидѣтельствовавшія о занятіяхъ его италіянскою словесностію.

Мы уже знаемъ, что поэтъ нашъ познакомился съ италіянскимъ языкомъ еще въ дѣтствѣ. Затѣмъ, когда руководство его образованіемъ перешло въ руки М. Н. Муравьева, послѣдній, безъ сомнѣнія, воспользовался нѣкоторою подготовкой Константина Николаевича, чтобы обратить его вниманіе на классическія произведенія италіянскою поэзіи. Муравьевъ былъ знакомъ съ ними въ подлинникѣ и въ особенности цѣнилъ „Освобожденный Іерусалимъ“, который—по его мнѣнію—поставилъ Тасса на ряду съ Гомеромъ и Виргиліемъ³⁾. И дѣйствительно, уже въ первомъ посланіи Батюшкова къ Гнѣдичу (1805 г.) мелькають черты и краски, заимствованныя изъ Тассовой поэмы⁴⁾. Нѣсколько позже, если не въ домѣ дяди, то у А. Н. Оленина Батюшковъ встрѣтился съ В. В. Капнистомъ, и авторъ „Ябеды“, человекъ умный и просвѣщенный, своими

¹⁾ Р. Архивъ 1869 г., ст. 137.

²⁾ Русск. Архивъ 1875 г., кн. III, стр. 363: письмо Озерова къ Жуковскому.

³⁾ П. собр. соч. М. Н. Муравьева, т. I, стр. 173.

⁴⁾ Соч., т. I, стр. 26, 27.

совѣтами нерѣдко руководившій геніальнаго Державина, оцѣнилъ, подобно Озерову, развивающееся дарованіе молодаго поэта и также поддержалъ въ немъ интересъ къ италіанской поэзіи; отъ него Батюшковъ услышалъ совѣтъ заняться переводомъ „Освобожденнаго Іерусалима“¹⁾. Отрывки изъ этого перевода и были напечатаны въ Драматическомъ Вѣстникѣ. Въ то же время нашъ поэтъ познакомился съ біографіей Тасса; жизнь „сіяющаго и несчастнаго“ — по выраженію Муравьева — пѣвца Іерусалима произвела на Константина Николаевича сильное впечатлѣніе и подала ему поводъ написать посланіе къ Тассу. Не смотря на недостатки внѣшней формы, стихотвореніе это замѣчательно, какъ первая попытка нашего автора воспроизвести печальный образъ своего любимаго поэта: посланіе свидѣтельствуетъ, что Батюшковъ столько же сочувствовалъ его великому таланту, сколько и его судьбѣ, совершенно исключительной по сдѣленію несчастныхъ обстоятельствъ:

Торевато, кто испилъ всѣ горькія отравы
Печалей и любви и въ храмъ безсмертной славы,
Ведомый музами, въ дни юности проникъ,
Тотъ преждевременно несчастливъ и великъ²⁾.

Уже съ этихъ поръ Тассъ становится въ глазахъ Батюшкова типическимъ представителемъ людей отвлеченной мысли и творческаго вдохновенія. Мало того, подъ впечатлѣніемъ первыхъ имъ самимъ испытанныхъ горестей Батюшковъ начинаетъ находить какое-то загадочное средство между нимъ самимъ и великимъ италіанскимъ поэтомъ, для котораго судьба не пощадила самыхъ тяжелыхъ своихъ ударовъ.

Наконецъ, весною 1808 года послѣдовало выздоровленіе

¹⁾ На это есть указаніе въ позднѣйшемъ посланіи Капниста къ Батюшкову (Соч. Капниста, изд. Смирдина, стр. 485); но что совѣтъ относится ко времени не позже 1807 г., видно изъ одного письма Батюшкова 1807 г. (Соч., т. III, стр. 8).

²⁾ Соч., т. I, стр. 51.

Батюшкова. Оно обязывало его возвратиться къ дѣйствительной службѣ, тѣмъ болѣе, что снова наступала боевая пора: началась война со Швеціей.

Въ маѣ 1808 года Батюшковъ находился уже въ Финляндіи. Первоначальный составъ русскихъ войскъ, еще въ концѣ зимы двинутыхъ противъ Шведовъ подъ начальствомъ генерала Буксегвена, оказался недостаточнымъ; потребованы были подкрѣпленія, и въ числѣ ихъ отправленъ тотъ баталіонъ гвардейскихъ егерей, гдѣ Батюшковъ состоялъ въ должности адъютанта. Въ томъ же баталіонѣ, находившемся подъ командой полковника Андрея Петровича Турчанинова, служилъ и пріятель нашего поэта Петинъ; тамъ же состояли на службѣ и два молодые французскіе эмигранта, графъ де-Лагардъ и Шапъ де-Расиньякъ, съ которыми Батюшковъ былъ довольно коротко знакомъ. Общество этихъ образованныхъ людей придавало походу извѣстную пріятность въ глазахъ нашего поэта, пока ходъ военныхъ дѣйствій не разлучилъ его съ сочувственными ему людьми.

Въ лѣтней кампаніи 1808 года, успѣхи которой доставили Русскимъ обладаніе почти всею Финляндіей, гвардейскіе егеря не приняли однако дѣятельнаго участія. Но они проникли до сѣверныхъ границъ княжества и, въ половинѣ сентября, когда было заключено перемиріе со Шведами, стояли у кирки Идепсальми, въ сѣверной части нынѣшней Куопіосской губерніи. 15-го октября военныя дѣйствія возобновились горячимъ дѣломъ у названной кирки, во время котораго убитъ былъ командовавшій отрядомъ генераль-адъютантъ князь М. П. Долгорукій. Смерть любимаго войскомъ начальника была главною причиною тому, что схватка кончилась неудачно. Долгорукаго временно замѣстилъ старшій по немъ, генералъ Алексѣевъ, и въ пору его командованія отряду пришлось выдержать новое сильное нападеніе Шведовъ. Алексѣевъ былъ человѣкъ очень гостепріимный, и ежедневно въ его главную квартиру собиралось мно-

жество офицеровъ. Такъ было и 29-го октября, когда въ числѣ другихъ гостей пріѣхали къ генералу егерскіе офицеры де-Лагардъ, Растиньякъ и Батюшковъ, едва оправившійся отъ лихорадки. Къ вечеру многіе изъ гостей, въ томъ числѣ и Константинъ Николаевичъ, уже отправились къ мѣсту своей стоянки, какъ вдругъ послѣ полуночи оставшіеся въ главной квартирѣ услышали ружейные выстрѣлы съ юга ¹⁾. Оказалось, что ободренные недавнимъ успѣхомъ Шведы, подъ командой предприимчиваго генерала Сандельса, напали на войска, стоявшія у кирки Иденсальми. Нападеніе было такъ быстро, что съ перваго раза Шведы проникли въ нѣсколько бараконъ, прежде чѣмъ наши солдаты могли выбѣжать изъ нихъ. Однако, при первыхъ же выстрѣлахъ, начальникъ авангарда, генералъ Тучковъ, послалъ за подкрѣпленіями, и въ числѣ послѣднихъ былъ вытребованъ гвардейскій егерскій баталіонъ. Главная часть его лицомъ къ лицу встрѣтилась съ нападающими, между тѣмъ какъ остальные егеря оставались въ резервѣ. Наши стрелки бросились на Шведовъ, засѣвшихъ въ лѣсу, и отрѣзали имъ отступленіе. Тогда, въ темнотѣ осенней ночи, въ лѣсной чащѣ, все смѣшалось, и произошла ожесточенная схватка, окончившаяся полнымъ пораженіемъ Шведовъ и взятіемъ въ плѣнъ части шведскаго отряда. Петинъ былъ героемъ этого дѣла: онъ — рассказываетъ его пріятель — „съ ротой егерей очистилъ лѣсъ, прогналъ непріятеля и покрылъ себя славою. Его вынесли на плащѣ, жестоко раненаго въ ногу. Генералъ Тучковъ осыпалъ его похвалами“. Растиньякъ и де-Лагардъ также участвовали въ дѣлѣ, и послѣдній также былъ раненъ. Самъ же Батюшковъ не былъ въ огнѣ, а оставался въ резервѣ. Но онъ слышалъ тѣ слова одобренія, съ которыми Тучковъ обратился къ раненому Петину, и горячо радовался за своего друга: „Молодой человекъ“ — такъ Батюшковъ описывалъ впоследствии эту счаст-

¹⁾ Липранди. Запѣчанія на Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля. М. 1874, стр. 21.

ливую минуту— „забылъ и болѣзнь, и опасность. Радость блистала въ глазахъ его, и надежда увидѣться съ матерью придавала силы“ ¹⁾. Вскорѣ послѣ того друзья расстались и увидѣлись уже года черезъ полтора, въ Москвѣ. Тогда-то Батюшковъ написалъ свое посланіе къ Петину, въ которомъ вспоминалъ пережитыя вмѣстѣ опасности, въ особенности

Иденсальми страшну ночь,

и въ веселыхъ стихахъ изобразилъ свою скромную роль въ этомъ дѣлѣ:

Между тѣмъ какъ ты штыками
Шведовъ за лѣсъ провожалъ,
Я геройскими руками....
Ужинъ вамъ приготовлялъ ²⁾.

Дальнѣйшія, послѣ втораго дѣла при Иденсальми, дѣйствія того русскаго отряда, въ которомъ находился нашъ поэтъ, состояли въ движеніи къ сѣверо-западу на Улеаборгъ и Торнео. Но гвардейскіе егеря, а съ ними и Константинъ Николаевичъ, доходили только до Улеаборга. Въ декабрѣ 1808 года егеря расположились въ городѣ Вазѣ и его окрестностяхъ и простояли здѣсь до марта 1809 года, когда предположено было совершить экспедицію на Аландскіе острова. Экспедиція была возложена на абовскій русскій отрядъ, усиленный на этотъ случай еще другими войсками, въ томъ числѣ и гвардейскими егерями. Не смотря на опасность похода по льду и на трудность снабжать экспедиціонный корпусъ провіантомъ, этотъ смѣлый набѣгъ увѣнчался полною удачей: острова были заняты Русскими, и въ концѣ марта главная часть отряда возвратилась на сушу. Батюшковъ принималъ участіе въ этомъ походѣ, но послѣ того и до самаго конца Шведской войны ему уже не пришлось

¹⁾ Соч., т. II, стр. 195; т. III, стр. 21.

²⁾ Соч., т. I, стр. 91.

быть въ военныхъ дѣйствіяхъ: болѣе двухъ мѣсцевъ прожилъ онъ въ окрестностяхъ Або, въ мѣстечкѣ Надендагъ, скучая бездѣйствіемъ и одиночествомъ и страдая отъ суровости климата. Живой и впечатлительный, Константинъ Николаевичъ, не смотря на слабое здоровье, легко переносилъ тягости войны, пока она велась дѣятельно, но быстро впадалъ въ уныніе, когда настоящая боевая пора смѣнялась періодами выжиданія или отдыха. Такъ было и теперъ. „Здѣсь такъ холодно“, писалъ онъ къ Оленину изъ Надендаля, — „что у времени крылья примерзли. Ужасное однообразіе! Скука стелется по снѣгамъ, а безъ затѣй сказать, такъ грустно въ сей дикой, бесплодной пустынѣ безъ книгъ, безъ общества и часто безъ вина, что мнѣ середи съ воскресеньемъ различить не умѣемъ“ ¹⁾. Гнѣдичу предъ которыми Батюшковъ не находилъ нужнымъ стѣснаться въ откровенномъ изображеніи своего душевнаго настроенія, иногда даже усиливалъ краски, какъ бы для вящаго убѣжденія своего недовѣрчиваго друга, Гнѣдичу нашъ поэтъ высказывалъ свои жалобы еще рѣзче: „Въ какомъ ужасномъ положеніи пишу къ тебѣ письмо сіе! Скучень, печалень, уединеніе И кому повѣрю горести раздраннаго сердца? Тебѣ, мой другъ, ибо все, что меня окружаетъ, столь же холодно, какъ и сафинская зима, столь же глухо, какъ камни. Ты спросишь мнѣ откуда взялась желчь твоя? Право, не знаю; не знаю даже зачѣмъ я пишу, но по сему можешь ты судить о безпорядкѣ мыслей моихъ. Но писать тебѣ есть нужда сердца, и потому скучно быть одному: оно хочетъ излиться. Зачѣмъ я пишу тебѣ, другъ мой! Ахъ, если въ жизни я не жилъ бы двѣ минуты, какъ тѣ, въ которыя пишу къ тебѣ, то право, пересталъ бы существовать“ ²⁾. Не сомнѣваемся въ истинности сказаннаго въ этихъ строкахъ, но думаемъ, что

¹⁾ Соч., т. III, стр. 26.

²⁾ Тамъ же, стр. 29.

написаны въ исключительную минуту, въ одинъ изъ тѣхъ моментовъ внезапнаго упадка духа, которые Батюшковъ переживалъ всегда мучительно тяжело, но которые не могли быть слишкомъ продолжительны въ тогдашнемъ его измѣнчивомъ положеніи. И дѣйствительно, по другимъ его письмамъ изъ Финляндіи видно, что даже въ тамошнемъ своемъ одиночествѣ онъ находилъ иногда пріятныя минуты: большою отрадой для него было, напримѣръ, встрѣтить въ Або одну молодую русскую даму. „Madame Tcheglokof est ici“, пишетъ онъ однажды сестрѣ, — „je vais la voir de tems en tems, elle est bien aimable“, а въ другомъ откровенно прибавляетъ: „Madame Tcheglokof que je vois souvent a manqué de me tourner la tête, mais cela a passé et n'a rien de funeste“ ¹⁾.

Такъ быстро смѣнялись настроенія въ душѣ нашего поэта; но чѣмъ дольше обстоятельства задерживали его въ Финляндіи, тѣмъ сильнѣе разгоралось въ немъ желаніе возвратиться на родину. Еще въ ноябрѣ 1808 года, успокоивая сестеръ по поводу вторичнаго отправления своего на войну, онъ говорилъ, что постарается оставить военную службу при первой возможности. Въ слѣдующихъ письмахъ онъ снова упоминаетъ о томъ же; наконецъ, въ маѣ или іюнѣ 1809 года, когда военныя дѣйствія уже прекратились, ему удалось наконецъ получить если не отставку, то продолжительный отпускъ, и онъ поспѣшилъ въ Петербургъ. Внезапное возвращеніе Константина Николаевича было полною неожиданностью для Гнѣдича ²⁾.

Этимъ закончились на сей разъ военныя походы нашего поэта, и ему предстояло возвратиться къ мирнымъ занятіямъ. Впрочемъ, и годъ, проведенный Батюшковымъ въ Финляндіи, не прошелъ безслѣдно для его литературнаго развитія: здѣсь впервые талантъ его познакомился съ впечатлѣніями своеобраз-

¹⁾ Соч., т. III, стр. 31 и 33.

²⁾ Тамъ же, стр. 123.

ной сѣверной природы. Уѣзжая въ Финляндію, Батюшковъ былъ занятъ мыслью о переводѣ „Освобожденнаго Іерусалима“, но уже по первому его письму съ похода видно, что вниманіе его обращается на другіе предметы: въ письмѣ этомъ онъ набрасываетъ стихами красивую картинку лѣтнаго вечера на берегу одного изъ безчисленныхъ финляндскихъ озеръ. Вслѣдъ затѣмъ и прошлыя судьбы дикой и унылой страны заняли его воображеніе; но у него не было ни способовъ, ни времени ознакомиться съ ея достовѣрною исторіей; онъ даже и не подозревалъ, что финскую древность вовсе не слѣдуетъ смѣшивать съ древностью скандинавскою, ни тѣмъ менѣе съ кельтическою. Итакъ, за неимѣніемъ другихъ источниковъ, Батюшковъ обращается къ извѣстнымъ ему поэтическимъ произведеніямъ, содержаніе которыхъ заимствовано изъ жизни сѣверныхъ народовъ; онъ припоминаетъ черты скандинавской міеологіи, которыя зналъ изъ поэмы Парни: „Isnel et Aslaga“; онъ пишетъ Гнѣдичу: „Купи мнѣ... книгу: Ossian tradotto dall'abate Cesaroti. Я объ ней ночь и день думаю“¹⁾. Такъ возбуждена была его мысль тѣмъ, что онъ видѣлъ вокругъ себя. Онъ задумываетъ дать себѣ отчетъ въ своихъ впечатлѣніяхъ и рѣшается набросать очеркъ Финляндіи—первый свой опытъ въ прозѣ. Такая попытка нашего автора, при полной его неподготовленности въ этому труду, не можетъ не показаться черезъ-чуръ смѣлою; но при всей своей внутренней несостоятельности она легко объясняется живою впечатлительностью молодого поэта. Какъ бы то ни было, Финляндія, очевидно, представила Батюшкову новые и оригинальные образы и картины живаго міра, и созерцаніе ихъ расширило кругъ его поэтическихъ наблюденій и впечатлѣній.

Пріѣздъ въ Петербургъ послѣ военныхъ тревогъ возвратилъ Батюшкова къ обыденному теченію жизни. Война и осо-

¹⁾ Соч., т. III, стр. 24—25.

бенно скучная зимовка въ глухихъ мѣстахъ Финляндіи утомили его нравственно, быть можетъ, болѣе, чѣмъ физически, и онъ съ удовольствіемъ думалъ о возвращеніи въ кругъ близкихъ ему людей, „подъ тѣнь домашнихъ боговъ“ ¹⁾). Однако, первая петербургскія впечатлѣнія были для него не радостны: въ столицѣ ему показалось теперь еще болѣе пусто, чѣмъ за два года передъ симъ, когда онъ возвратился сюда послѣ Прускаго похода; во время его отсутствія умерла его замужняя сестра, Анна Николаевна Гревенсъ. „Tous ceux qui m'étaient chers ont passé le Cocyte“, писалъ онъ сестрамъ изъ Петербурга 1-го іюля 1809 года. — „Домъ Абрама Ильича (Гревенса) осиротѣлъ, покойнаго Михаила Никитича и тѣни не осталось; Ниловыхъ, гдѣ время летѣло такъ быстро и весело, проданъ; Оленины на дачѣ: все перемѣнилось; одна Самарина осталась, какъ колонна между развалинами“ ²⁾). Итакъ, запасшись „абшидомъ изъ военной коллегіи“, Константинъ Николаевичъ рѣшился не медлить въ Петербургѣ и ѣхать на родину. „Друзья мои“, писалъ онъ сестрамъ въ томъ же письмѣ, — „ожидайте меня у волнъ Шексны“. Отдохнувъ въ кругу родныхъ, онъ имѣлъ намѣреніе совершить, для укрѣпленія здоровья, поѣздки на кавказскія воды ³⁾). Къ исходу іюля онъ уже, вѣроятно, былъ въ деревнѣ.

¹⁾ Соч., т. III, стр. 31.

²⁾ Тамъ же, стр. 37.

³⁾ Тамъ же, стр. 28 и 67.

IV.

Жизнь Батюшкова въ Хантоновѣ въ 1809 году.—Хозяйство.—Сосѣди.—Хандра.—Литературныя занятія.—Вліяніе Вольтера.—Антологическій родъ.—Вліяніе Горация, Тибулла и Парни.—Отношенія Батюшкова къ современной литературѣ.—Антипатія къ исключительному націонализму.—„Видѣніе на берегахъ Леты“.—Рѣшеніе ѣхать въ Москву.

Село Хантоново, имѣнье, которое Батюшковъ и его сестры унаслѣдовали отъ своей матери, находится въ Череповскомъ уѣздѣ Новгородской губерніи, не далеко отъ береговъ Шексны. Въ 1809 году, когда пріѣхалъ туда Константинъ Николаевичъ, при селѣ была господская усадьба, гдѣ и жили незамужнія сестры его, Александра и Варвара. Хантоновскій домъ былъ—по выраженію его владѣльца—и ветхъ, и дурень, и опасенъ ¹⁾: онъ грозилъ разрушеніемъ, и жить въ немъ зимою становилось почти невозможнымъ; поэтому Константинъ Николаевичъ еще изъ Финляндіи писалъ сестрамъ о необходимости выстроить новый домъ или по крайней мѣрѣ флигель; тотъ же совѣтъ повторялъ онъ неоднократно и впослѣдствіи, предлагая старый домъ сломать, или же исправить и сохранить только для лѣтняго житья. Однако, желаніе Батюшкова касательно возведенія новаго дома въ Хантоновѣ было осуществлено лишь около 1816 года ²⁾. При домѣ былъ садъ и птичій дворъ, то и другое—предметъ особенныхъ заботъ Александры Николаевны; Константинъ Николаевичъ также любилъ свой садъ и заботился о цвѣтахъ ³⁾. Но этимъ и ограничивалось все его хозяй-

¹⁾ Соч., т. III, стр. 223. Посвящая нѣсколько строкъ К. Н. Батюшкову какъ помѣщику, мы занимаемъ данныя для того изъ его писемъ къ сестрѣ, и притомъ не ограничиваемся только письмами 1809 г., но пользуемся и болѣе поздними: свойство предмета не только допускаетъ это, но и обязываетъ насъ къ тому.

²⁾ Тамъ же, стр. 31, 91, 119, 186, 223, 233, 245, 292, 380, 386, 580.

³⁾ Тамъ же, стр. 31, 42, 181, 186, 384, 471, 472.

ничанье въ деревнѣ: болѣе важными дѣлами по извлеченію доходовъ изъ имѣнья онъ совершенно не умѣлъ заняться; управленіе имѣніемъ было предоставлено старшей сестрѣ, которая жила тамъ почти безвыѣздно. Она хлопотала о немъ много и усердно, но въ женскихъ рукахъ хозяйство шло плохо и доставляло ей много огорченій и мало дохода; хронически обнаруживавшіяся плутни прикащиковъ доказывали, что настоящаго присмотра за ходомъ хозяйственныхъ дѣлъ не было. Вслѣдствіе того, Батюшковы нерѣдко бывали стѣснены въ средствахъ, тогда какъ, по словамъ Константина Николаевича, материнское наслѣдство могло бы доставить имъ совершенно независимое существованіе ¹⁾). Имѣнье закладывалось и перезаклаживалось; порою приходилось продавать землю по клочкамъ ²⁾).

Къ чести Константина Николаевича нужно сказать, что онъ и не считалъ себя дѣльнымъ хозяиномъ. Оправдываясь однажды, въ 1809 году, передъ Гнѣдичемъ въ недостатокъ дѣятельности, онъ иронически примѣнялъ къ себѣ слова Мирабо: „Еслибъ я строилъ мельницы, пивоварни, продавалъ, обманывалъ... то вѣрно бы прослылъ честнымъ и притомъ дѣтельнымъ человекомъ“ ³⁾). Но ничего подобнаго Батюшковъ не дѣлалъ: не мудрилъ въ деревенскомъ хозяйствѣ, не отвлекалъ крестьянъ отъ тѣхъ занятій и промысловъ, на которые указывала имъ природа ихъ края, и напротивъ того, осуждалъ затѣи отца устраивать какой-то заводъ въ Даниловскомъ ⁴⁾); за то нашъ поэтъ и не клалъ мужиковъ подъ прессъ

Вмѣстѣ съ свекловицей.

Въ общеніи съ М. Н. Муравьевымъ Батюшковъ долженъ былъ почерпнуть взглядъ на крѣпостныя отношенія, высоко поды-

¹⁾ Соч., т. III, стр. 579 и 286.

²⁾ Тамъ же, стр. 92, 95, 225 и др.

³⁾ Тамъ же, стр. 65.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 334, 395.

мавшійся надъ обычнымъ уровнемъ тогдашнихъ понятій объ этомъ предметѣ. Идеалистъ Муравьевъ смотрѣлъ на крѣпостныхъ, какъ на „несчастныхъ и равныхъ намъ людей, которые принуждаются бѣдностію состоянія своего исполнять безъ награжденія всѣ наши своенравія“¹⁾, и указывалъ помѣщику цѣлый рядъ обязанностей по отношенію къ своимъ крестьянамъ; понятія эти, безъ сомнѣнія, Муравьевъ внушалъ своему племяннику, и если послѣдній не задался прямо цѣлью улучшить бытъ своихъ крестьянъ матеріальный и нравственный, то все же онъ не оставался глухъ къ совѣтамъ дяди. Константинъ Николаевичъ жилъ почти исключительно доходомъ съ имѣнія, но онъ не облагалъ своихъ крѣпостныхъ непосильными поборами; нуждаясь въ деньгахъ, онъ стѣснялся требовать оброкъ въ трудное для крестьянъ время²⁾. „Не худо бы было еще набавить тысячу, хотя на два года“, писалъ онъ однажды сестрѣ касательно возвышенія оброка, — „но я боюсь отяготить мужиковъ; не думай, чтобъ это было une manière de parler, нѣтъ! Судьба подчиненныхъ мнѣ людей у меня на сердцѣ. Выгода минутная! Притомъ же, какъ мнѣ ни нужны деньги для уплаты долгу и затѣмъ, чтобъ жить здѣсь (въ Петербургѣ) по ужасной дороговизнѣ, но я все боюсь отяготить крестьянъ. Дай Богъ, чтобъ они поправились! Еслибъ въ моей то было волѣ, я не пощадилъ бы издержекъ, чтобъ устроить ихъ лучше“³⁾. Что же касается дворовыхъ людей, собственно тѣхъ, которые были въ личной услугѣ у Батюшкова, то нетерпѣливый баринъ, правда, часто негодовалъ на ихъ дурную службу и особенно на ихъ испорченность, но по добродушію своему немало и терпѣлъ отъ ихъ пороковъ и охотно цѣнилъ тѣхъ изъ своихъ слугъ, которые честно исполняли свои обязанности.

¹⁾ Пол. собр. соч. Муравьева, т. I, стр. 92.

²⁾ Соч., т. III, стр. 180.

³⁾ Тамъ же, стр. 477; ср. стр. 479 и 564.

Имѣнье Батюшковыхъ находилось въ глухой сторонѣ. Ихъ уѣздный городъ былъ въ то время не лучше инаго села, а до ближайшаго губернскаго считалось болѣе ста верстъ; да Батюшковъ и не любилъ Вологды и называлъ ее болотомъ ¹⁾; притомъ же сношенія съ нею были не часты, и такіе обиходные предметы, какъ напримѣръ, турецкій табакъ и почтовую бумагу, приходилось выписывать изъ Петербурга ²⁾. Сосѣдей у владѣльцевъ Хантонова было немного, а тѣ, какіе были, отличались уже слишкомъ провинціальнымъ отпечаткомъ. „Съ какими людьми живу!“ восклицалъ нашъ поэтъ въ одномъ изъ писемъ къ Гнѣдичу лѣтомъ 1809 года, и пояснялъ стихами Буало:

*Deux nobles campagnards, grands lecteurs de romans,
Qui m'ont dit tout „Cyrus“ dans leurs longs compliments.*

„Вотъ мои сосѣди! Прошу веселиться!... Къ кому здѣсь прибѣгнуть музѣ?“ говоритъ Батюшковъ въ томъ же письмѣ.— „Я съ тѣхъ поръ, какъ съ тобою разстался, никому даже и полустигшиа, не только своего, но и чужаго, не прочиталъ!“ ³⁾

Воспитанный въ столицѣ, гдѣ онъ вращался въ самой образованной средѣ, нашъ поэтъ никакъ не умѣлъ примириться съ деревенскою обстановкой и скоро соскучился въ сельскомъ уединеніи. Съ наступленіемъ осени жизнь въ деревнѣ стала казаться ему чѣмъ-то въ родѣ единичнаго заключенія; уже въ сентябрѣ мѣсяцѣ онъ начинаетъ, въ письмахъ къ Гнѣдичу, жаловаться на овладѣвающее имъ уныніе. „Еслибъ ты зналъ“, пишетъ онъ своему другу, — что здѣсь время за вещь, что крылья его свинцовыя, что убить его не чѣмъ“ ⁴⁾; и въ другомъ письмѣ прибавляетъ: „Еслибъ ты зналъ, какъ мнѣ скучно! Я теперь-то чувствую, что дарованію нужно побужденіе и ободреніе; бѣда,

¹⁾ Соч., т. III, стр. 181 и др.

²⁾ Тамъ же, стр. 40, 45, 46 и др.

³⁾ Тамъ же, стр. 55—56.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 42.

если самолюбіе заснетъ, а у меня вздремало. Я становлюсь въ тягость себѣ и ни къ чему не способенъ“¹⁾). Эти припадки умственной апатіи Батюшковъ объяснялъ въ себѣ „ранними несчастіями и опытностію“. Но двадцатидвухлѣтній молодой человѣкъ обладалъ, конечно, лишь скуднымъ запасомъ жизненнаго опыта, да и самыя несчастія его были не изъ числа тѣхъ непоправимыхъ житейскихъ неудачъ, которыя способны убить всякую энергію личности: избалованный въ юности нѣжною и просвѣщенною заботливостію дяди, Батюшковъ находилъ, что вся его будущность испорчена смертью этого человѣка въ ту пору, когда его питомецъ всего болѣе нуждался въ его попечительной поддержкѣ. Дѣло проще объясняется раздражительною впечатлительностію нашего поэта. Какъ бы отгѣнокъ каприза слышится въ новыхъ жалобахъ его въ одномъ изъ ноябрьскихъ писемъ: „Право, жить скучно; ничто не утѣшаетъ. Время летить то скоро, то тихо; зла болѣе, нежели добра; глупости болѣе, нежели ума; да что и въ умѣ?.. Въ домѣ у меня такъ тихо; собака дремлетъ у ногъ моихъ, глядя на огонь въ печкѣ; сестра въ другихъ комнатахъ перечитываетъ, я думаю, старыя письма... Я сто разъ бралъ книгу, и книга падала изъ рукъ. Мнѣ не грустно, не скучно, а чувствую что-то необыкновенное, какую-то душевную пустоту...“²⁾). Но даже еслибы мы хотѣли счесть эти слова выраженіемъ одного малодушія, мы не въ правѣ отказать въ сочувствіи тому, кто ихъ написалъ: они вылились изъ-подъ пера его съ полною искренностію минутнаго настроенія, и имъ предшествуетъ горькое восклицаніе, получившее роковой смыслъ въ устахъ поэта: „Если я проживу еще десять лѣтъ, то сойду съ ума!“

До какихъ сильныхъ потрясеній доводила Батюшкова, въ деревенскомъ одиночествѣ, его почти болѣзненная впечатли-

¹⁾ Соч., т. III, стр. 48.

²⁾ Тамъ же, 51—52.

тельность, свидѣтельствуешь слѣдующій его рассказъ въ одномъ изъ писемъ къ Гнѣдичу: „Недавно я читалъ Державина: „Описание Потемкинскаго праздника“. Тишина, безмолвіе ночи, сильное устремленіе мыслей, пораженное воображеніе, все это произвело чудесное дѣйствіе. Я вдругъ увидѣлъ предъ собою людей, толпу людей, свѣчки, апельсины, бриліанты, царицу, Потемкина, рыбъ и Богъ знаетъ чего не увидѣлъ: такъ былъ пораженъ мною прочитаннымъ. Внѣ себя побѣждалъ къ сестрѣ... „Что съ тобой?“ ... „Оно, они!“ ... „Перекрестись, голубчикъ!“ Тутъ-то я на силу опомнился“... ¹⁾). Но этотъ же характерный рассказъ свидѣтельствуешь и о томъ, что при всей тоскѣ, которую испытывалъ Батюшковъ вдали отъ людей своего петербургскаго круга, онъ и въ деревенской глуши не утрачивалъ нисколько тѣхъ интересовъ, которыми жилъ въ столицѣ. „Это описаніе сильно врѣзалось въ мою память!“ продолжаетъ онъ въ томъ же письмѣ. — „Какіе стихи! Прочитай, прочитай, Бога ради, со вниманіемъ: ничѣмъ никогда я такъ пораженъ не былъ!“ Оторванный отъ литературнаго міра, Батюшковъ и въ деревнѣ продолжалъ жить почти исключительно его жизнью: всѣ тогдашнія письма его къ Гнѣдичу наполнены вопросами о литературныхъ новостяхъ и собственными его замѣчаніями по этому предмету. Но что еще важнѣе, и чего, быть можетъ, нашъ поэтъ не хотѣлъ признавать въ періоды унынія, — удаленіе отъ разсѣяній столицы, отъ суеты и мелкихъ дразгъ литературныхъ кружковъ подѣйствовало благотворно на его развитіе и творчество. Въ одиночествѣ своемъ Батюшковъ, не смотря даже на посѣщавшія его болѣсти, отдался умственному труду съ бѣльшимъ постоянствомъ, чѣмъ было доселѣ; не въ чужомъ поощреніи, а въ самомъ себѣ нашелъ онъ теперь силу и охоту трудиться, и это внутреннее возбужденіе не замедлило оказать свое живительное дѣйствіе

¹⁾ Соч., т. III, стр. 53.

на его дарованія: образъ мыслей его пріобрѣтаетъ замѣтнѣе опредѣленность, а творческая способность зрѣетъ почти до извѣстной мѣры силы своихъ силъ.

Въ деревнѣ у Батюшкова былъ кое-какой запасъ книгъ, которыя онъ очень усердно читалъ и перечитывалъ. Кругъ чтенія по прежнему составляла главнымъ образомъ французская словесность XVII и XVIII столѣтій; кромѣ того, онъ имѣлъ подъ рукой, въ подлинникъ и переводѣ, нѣсколькихъ римскихъ поэтовъ—Горація, Тибулла и Виргилія, и главныя произведенія Аріоста и Тасса. Напротивъ того, въ тогдашнихъ занятіяхъ Батюшкова не замѣтно никакихъ слѣдовъ знакомства съ немецкою и англійскою словесностью. Такимъ образомъ, во всемъ этой умственной пищѣ преобладающее значеніе принадлежало очевидно свободомыслящимъ писателямъ такъ-называемой эпохи просвѣщенія. Изъ двухъ главныхъ теченій, послѣдователей которыхъ характеризующихъ умственное движеніе XVIII вѣка, страстный идеализмъ Руссо имѣлъ на Батюшкова менѣе вліянія, а разсудочная философія Вольтера. „Чтеніе Вольтера менѣе вратило умовъ, нежели пламенные мечтанія и блестящіе софизмы Руссо: одинъ говоритъ безпрестанно уму, другой—сердцу; одинъ угождаетъ суетности и скоро утомляетъ остроуміемъ; другой когда не можетъ наскучить, ибо всегда плѣняетъ, всегда трогаетъ или трогаетъ: онъ во сто разъ опаснѣе“. Такъ говорилъ Батюшковъ уже въ болѣе позднее время своей литературной деятельности, когда желалъ порвать свои умственныя связи съ XVIII вѣкомъ¹⁾, но и въ этомъ позднѣйшемъ отреченіи отъ проповѣданнаго видна живая память прежнихъ сочувствій, сквозитъ та же симпатія къ Вольтеру. Гораздо замѣтнѣе сказывается она у нашего поэта въ болѣе молодые его годы, въ ту пору, когда по собственнымъ его словамъ—онъ почувствовалъ необходимость „принять свѣтильникъ мудрости—той или другой шк

¹⁾ Соч., т. II, стр. 128.

Въ то время, когда складывались убѣжденія Батюшкова, умы были еще подъ живымъ впечатлѣніемъ ужасовъ французской революціи; ставя въ связь съ ея грознымъ развитіемъ „пламенные мечтанія Руссо“, Батюшковъ могъ отшатнуться отъ сихъ послѣднихъ, между тѣмъ какъ Вольтеръ, казалось ему, своимъ здравомысліемъ давалъ болѣе вѣрную мѣрку для отношеній къ дѣйствительности и къ основнымъ задачамъ чело-вѣческаго мышленія. Такимъ образомъ, Батюшковъ сталъ поклонникомъ Вольтера, хотя и не сдѣлался настоящимъ „вольтеріанцемъ“ въ томъ смыслѣ, въ какомъ понималось это слово у насъ въ старину, въ смыслѣ рѣзкаго отрицанія въ сферѣ религіозной. Замѣтимъ при этомъ, что Вольтеръ, которому поклонялся Батюшковъ, былъ не совсѣмъ настоящій, съ его достоинствами и недостатками, а тотъ легендарный, такъ-сказать, Фернейскій мудрецъ, который болѣе полувѣка восхищаль собою Европу. Уже давно стоустая молва и всемірная слава идеализировали его личность, а уровень общественнаго пониманія сдѣлалъ выборъ между его сочиненіями, превознося одни, болѣе общедоступныя, и не понимая, не цѣня другихъ, болѣе глубокихъ по своему смыслу. И Батюшкову, конечно, не были знакомы въ своей полнотѣ всѣ сочиненія Вольтера; въ общей оцѣнкѣ ихъ онъ подчинялся господствовавшимъ мнѣніямъ; но тѣ произведенія Вольтера, которыя пользовались наибольшою популярностью, принадлежавшія преимущественно къ области изящной словесности, онъ зналъ хорошо; онъ часто приводитъ цитаты изъ нихъ, любитъ остроуміемъ ихъ автора, восхищается мѣткостью его сужденій, выражаетъ негодованіе противъ его враговъ и критиковъ, вообще относится къ нему, какъ къ непре-рекаемому авторитету. Но все это только внѣшняя сторона дѣла. Важнѣе то, что въ образѣ мыслей Батюшкова, какъ онъ сложился къ 1809 году и какимъ оставался до Отечественной войны и паденія Наполеонова владычества, дѣйстви-тельно видно внутреннее вліяніе тѣхъ идей, которыя Воль-

теръ проповѣдывалъ съ такою настойчивостію и съ талантомъ.

Сочиненія Фернейскаго мудреца подѣйствовали на поэта главнымъ образомъ своею культурною силою; на воспиталась въ Батюшковѣ глубокая любовь къ просвѣщенію неразрывно связанной съ нею свободѣ мысли; изъ нихъ по нуль онъ уваженіе къ достоинству человѣка, къ благородному труду и къ званію писателя, отвращеніе отъ педантизма, помрачающаго умъ и ожесточающаго сердце; онъ внушили ему общую гуманность понятій и терпимость къ чуждымъ убѣжденіямъ. Вмѣстѣ съ этими истинами, которыя составили основныя и вѣчныя начала образованности, Батюшковъ постигъ у Вольтера и такія идеи, въ которыхъ послѣдній являлся только сыномъ своего вѣка. Вслѣдъ за Вольтеромъ (и Кольцомъ) Батюшковъ высказываетъ сенсуалистическія понятія о неразрывности души отъ тѣла; подъ его вліяніемъ беретъ за чтеніе Локка и вооружается противъ метафизики, которую и Вольтеръ любилъ сводить къ морали ¹⁾. Наконецъ, и глупыя идеи Вольтера отразились на Батюшковѣ. Противъ положительной религіи, Вольтеръ оставался однако деистомъ; защищалъ идею Божества противъ Гольбаха. Батюшковъ сомнѣнія, зналъ эти возраженія Вольтера противъ атеизма; когда онъ прочелъ Гольбахову „Систему природы“, онъ въ восторженныхъ словахъ высказалъ Гнѣдичу свое впечатлѣніе: „Ничего нѣтъ кромѣ конца въ концѣ книги, разрушивъ все, смѣшавъ все, не оставляетъ природу и дѣлаетъ ее всему началомъ... Не во всемъ никому отвергнуть и не познать какое-либо начало; называть какъ хочешь, все одно; но оно существуетъ, то-есть существуетъ Богъ“ ²⁾.

Само собою разумѣется, что сочиненія Вольтера

¹⁾ Соч., т. III, стр. 49, 52, 56, 136.

²⁾ Тамъ же, стр. 57.

были оказывать вліяніе на Батюшкова и въ собственно литературномъ смыслѣ. Умъ Вольтера, столь смѣлый въ вопросахъ религіи и политики, оказался очень робкимъ въ сферѣ искусства: въ дѣлѣ литературной критики авторъ „Генриады“ не вышелъ изъ рамокъ псевдоклассицизма. Впрочемъ на Батюшкова онъ повліялъ не столько какъ теоретикъ, а скорѣе какъ поэтъ, особенно какъ лирикъ. Но въ этомъ случаѣ отношеніе къ нему нашего автора необходимо разсматривать въ связи съ другими литературными вліяніями, испытанными Батюшковымъ, къ чему мы теперь и переходимъ.

Мы уже видѣли, что Батюшковъ съ рѣдкимъ тактомъ и очень рано опредѣлилъ свойство и родъ своего дарованія. Въ этомъ случаѣ онъ обнаружилъ такое же вѣрное чутье, какъ и Жуковский. Какъ для послѣдняго лиро-эпическая форма баллады сдѣлалась любимой формою творчества, такъ Батюшковъ сосредоточился на тѣхъ родахъ лирики, которые служатъ поэтическимъ выраженіемъ интимнаго чувства и облекаются въ форму иногда элегіи, но чаще антологическаго стихотворенія. Мы съ намѣреніемъ употребляемъ это послѣднее выраженіе, не имѣющее вполнѣ точнаго терминологическаго значенія: піесы Батюшкова, всего искреннѣе вылившіяся изъ его души, всего ярче характеризующія его талантъ, съ трудомъ могутъ быть подведены подъ видовыя опредѣленія; но и по внутреннему чувству, которымъ вызваны, и по художественнымъ цѣлямъ автора онѣ вообще удобно входятъ въ ту рубрику „антологическихъ стихотвореній“, которую Французы издавна привыкли называть *poésies fugitives*, а нашъ поэтъ называлъ произведеніями „легкой поэзіи“. Терминъ этотъ, положимъ, неудаченъ, но смыслъ его достаточно ясенъ и вѣрно соотвѣтствуетъ характеру творчества Батюшкова.

Антологическій родъ въ то время былъ мало разработанъ въ русской литературѣ; поэтому за образцами Батюшковъ долженъ былъ обращаться въ другія литературы, болѣе зрѣлыя.

Такъ онъ и дѣлалъ; и нужно сказать, онъ любилъ свѣрять свое вдохновеніе съ чужимъ; нерѣдко бралъ онъ у того или другаго поэта ту или иную черту и усвоивалъ ее своему произведенію; онъ самъ говоритъ объ этомъ въ своихъ письмахъ ¹⁾, и притомъ какъ о дѣлѣ художественнаго выбора, а не простаго заимствованія. Таковъ былъ старій литературный обычай, быть можетъ, завѣщанный молодому поэту Муравьевымъ, и если обычай этотъ стѣснялъ иногда свободные порывы творчества, за то служилъ къ выработкѣ точности въ поэтической рѣчи. Батюшковъ любилъ говорить, что онъ не отдѣлываетъ своихъ стиховъ ²⁾; но это не вѣрно: за недостаткомъ черновыхъ, которыхъ не сохранилось, сличеніе его стихотвореній по нѣсколькимъ редакціямъ, послѣдовательно являвшимся въ печати, доказываетъ, что почти каждая піеса его подвергалась неоднократной переработкѣ, и этотъ внимательный трудъ составляетъ одну изъ главныхъ заслугъ нашего поэта въ общемъ развитіи русской литературы: Батюшковъ, на ряду съ Жуковскимъ, долженъ быть признанъ однимъ изъ главныхъ строителей нашей поэтической рѣчи; въ этомъ именно смыслъ ихъ обоихъ называлъ своими учителями великій Пушкинъ.

Для антологическихъ стихотвореній Батюшковъ избралъ себѣ образцами, съ одной стороны—Горація и Тибулла, съ другой—Вольтера и Парни. Но отношенія его къ этимъ образцамъ были неодинаковы; они различались сообразно свойству оригиналовъ.

Высокое мнѣніе о талантѣ Вольтера, какъ антологическаго поэта, было внушено Батюшкову, безъ сомнѣнія, еще Муравьевымъ. Вотъ что читаемъ мы у послѣдняго въ „Эмилиевыхъ письмахъ“: „Наслѣдникъ Ниноны, очистившій остроуміе свое въ школѣ хорошаго вкуса, въ обхожденіи знатнѣйшихъ особъ

¹⁾ Соч., т. III, стр. 99, 114 и др.

²⁾ Тамъ же, стр. 187.

своего времени, удивилъ ожиданіе общества великими творениями, которыя поставили его подлѣ Корнеля и Расина. Величественъ, иногда возвышаетъ онъ глубокую мысль сіяніемъ выраженія, иногда послѣдуетъ своенравію грацій:

Онъ въ отрочествѣ былъ угодникомъ Нинонѣ,
 Къ Виргилію въ двадцать лѣтъ въ сообщество слѣшилъ,
 Во зрѣломъ мужествѣ Софокловъ путь свершилъ;
 У старца богъ любви покоился на лонѣ.

Доратъ.

„Сія легкія или убѣгающія стихотворенія (*pièces fugitives*), если можно занять сіе слово, не стоили ему минуты размысленія. Первая мысль, которая представлялась уму его, принимала безъ принужденія извѣстныя формы, и тонкая шутка становилась учтивымъ привѣтствіемъ. Дружескія посланія, сказочки, эпиграммы, все, чѣмъ забавлялся пѣвецъ Генриха IV, дышало свободою и не было обезображено слѣдами неблагодарнаго труда. Его образъ писанія сдѣлался образцомъ и отчаяніемъ послѣдователей“¹⁾. Нѣкоторыя замѣчанія Батюшкова въ рѣчи „о легкой поэзіи“ живо напоминаютъ эти строки: видно, что понятія о ней сложились у Батюшкова именно по типу произведеній Вольтера въ этомъ родѣ. У него же могъ онъ найти и теоретическія разсужденія о томъ же предметѣ. Естественно, что въ собственныхъ своихъ антологическихъ піесахъ нашъ поэтъ старался уловить и воспроизвести непринужденную, игривую манеру французскаго автора, и это удавалось ему не только въ эпиграммахъ и надписяхъ, но и въ другихъ мелкихъ стихотвореніяхъ, каковы: „На смерть Пнина“, „Къ Семеновой“, „Къ Машѣ“, „На смерть Даниловой“ и т. п. Но кромѣ оригинальныхъ *pièces fugitives*, у Вольтера есть нѣсколько опытовъ подражанія античнымъ поэтамъ; подражанія эти, хотя и далекія отъ подлинниковъ, служатъ доказательствомъ тому, что Вольтеръ,

¹⁾ Полн. собр. соч. Муравьева, т. I, стр. 191—192.

не смотря на свои псевдоклассическіе предразсудки, способенъ былъ возвыситься до дѣйствительнаго пониманія тонкихъ красотъ поэзіи, очень далекой отъ той среды, гдѣ онъ воспитался и жилъ; онъ былъ большимъ поклонникомъ Горація и восхищался изяществомъ эпиграммъ греческой Антологіи. Эта сторона Вольтерова таланта и вкуса также не ускользнула отъ вниманія Батюшкова: она навела его на первое знакомство съ Антологіей, и первая піеса, заимствованная изъ нея нашимъ поэтомъ, была переведена съ переложенія Вольтера. Наконецъ, можно предположить, что и попытка воспроизвести въ стихахъ библейскую „Пѣснь Пѣсней“ предпринята была имъ также по образцу Вольтера, у котораго есть такой же опытъ; но переложеніе Батюшкова не сохранилось и извѣстно только по упоминаніямъ о немъ въ письмахъ ¹⁾).

Итакъ, Вольтеръ, какъ антологическій поэтъ, далъ въ значительной мѣрѣ тонъ поэзіи Батюшкова. Въ томъ же смыслѣ повліялъ на нее и Горацій. По вѣрному замѣчанію Вине, есть много общаго между Гораціемъ и Вольтеромъ, какъ лирикомъ: основа ихъ міросозерцанія—одна и та же, умѣренный эпикуреизмъ; у обоихъ много изящной и остроумной непринужденности, даже небрежности, никогда однако не переходящей въ пошлость; слогъ Горація выработанный, за то слогъ Вольтера болѣе блестящій, и притомъ у французскаго поэта звучитъ иногда струна чувствительности, которой нѣтъ у Горація ²⁾). При такихъ условіяхъ знакомство съ Гораціемъ должно было отразиться на Батюшковѣ тѣми же результатами, что и изученіе Вольтера, то-есть, посильнымъ усвоеніемъ изящной художественной формы гораціанской оды и въ частности заимствованіемъ изъ нея нѣкоторыхъ образовъ и картинъ. Ярче всего подражаніе Горацію замѣтно въ одной изъ раннихъ піесъ Ба-

¹⁾ Соч., т. III, стр. 104.

²⁾ Vinet. Histoire de la littérature française au XVIII siècle, t. II, p. 52.

тюшкова: „Совѣтъ друзьямъ“, проникнутой чисто гораціанскимъ эпикурензмомъ. Этотъ гимнъ тихому, беззаботному веселью сложенъ нашимъ поэтомъ въ ту пору его жизни, когда она не была еще омрачена никакими неудачами, и къ той же темѣ онъ возвратился въ піесѣ „Веселый часъ“ нѣсколько позже, когда душевное спокойствіе снова посѣтило его на короткое время.

Если въ отношеніяхъ Батюшкова къ Вольтеру и къ Горацию замѣчается стремленіе усвоить не только форму, но отчасти и содержаніе ихъ лирики, то еще болѣе видно это въ томъ, какъ нашъ поэтъ воспринялъ въ себя вліяніе Тибулла и Парни, двухъ писателей, дарованіе которыхъ очень сродно его собственному.

Небольшой сборникъ стихотвореній, помѣченныхъ именемъ Тибулла, составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній римской литературы. Тибуллъ — поэтъ глубоко искренній и вмѣстѣ съ тѣмъ великій художникъ. Обычная тема его элегій — любовь, но какое разнообразіе настроеній, какую роскошь красокъ, какое обиліе оттѣнковъ умѣетъ онъ найти для изображенія этого чувства! Въ его стихахъ слышатся всѣ переливы сердечнаго недуга — первыя робкія проявленія заражающаго чувства, надежда и страхъ, радость и горе, спокойствіе любви удовлетворенной и затѣмъ случайно пробудившіяся тревоги сомнѣній и жестокія мученія ревности, слѣдствіе очевидной измѣны. Всѣ эти разнообразныя состоянія любящей души поэтъ рисуетъ яркими, но тонкими чертами, и притомъ безъ всякой изысканности, съ неподдѣльною простотою. Стройное сочетаніе естественности и задушевности съ художественностью формы дѣлаетъ поэзію Тибулла легко доступною для читателя, даже мало знакомаго съ древностью. Это обстоятельство доставило ему прочный успѣхъ въ новыхъ литературахъ и привлекло къ нему вниманіе множества переводчиковъ. Современная критика признаетъ однако, что въ четырехъ книгахъ стихотвореній, при-

писываемых Тибуллу, не все дѣйствительно принадлежит этому поэту ¹⁾. Но въ старину объ этомъ не думали и вѣрили преданію на слово. Такъ и Батюшковъ выбралъ для перваго перевода своего изъ Тибулла элегію, принадлежность которой ему весьма сомнительна; но выборъ нашего поэта объясняется личнымъ его настроеніемъ. Въ то время самъ онъ еще носилъ въ сердцѣ глубокое чувство, но находился далеко отъ любимой имъ женщины и, не смотря на встрѣченную имъ взаимность, не могъ быть увѣренъ въ ея прочности. „Гдѣ истинная любовь?“ писалъ онъ въ ту пору Гнѣдичу. — „Нѣтъ ея! Я вѣрю одной вздохательной, петраркизму, то-есть, живущей въ душѣ поэтовъ, и болѣе никакой“ ²⁾. Въ этой-то душевной истомѣ Батюшковъ принялся переводить элегію, гдѣ поэтъ изображаетъ свои сердечныя страданія въ разлукѣ съ любимой женщиной, говорить, что не сталъ бы дорожить всѣми благами, лишь бы быть всегда съ нею, что безъ нея счастье для него не возможно, и заключаетъ призывомъ къ смерти, если ему не суждено обладать предметомъ своей страсти. Принадлежность именно этой элегіи (кн. III, зл. 3) Тибуллу отвергается современною критикою весьма основательно; но, какъ мы уже сказали, подобныя сомнѣнія не существовали для Батюшкова; поэтому въ своемъ переводѣ, вмѣсто находящагося въ подлинникѣ имени Нееры, онъ смѣло поставилъ имя Делія, дѣйствительно воспѣтой Тибулломъ во многихъ стихотвореніяхъ (несомнѣнно ему принадлежащихъ), и главное—въ замѣнъ нѣкоторой разстянутости и риторичности оригинала придавъ своему свободному переложенію сжатость и тотъ оттѣнокъ мечтательнаго чувства, котораго нѣтъ въ латинскомъ псевдо-тибулловомъ стихотвореніи, но которымъ отличаются настоящія элегіи римскаго лирика, дѣйствительно вышед-

¹⁾ Teuffel. Studien und Charakteristiken zur Griechischen und Römischen so wie Deutschen Litteraturgeschichte. Leipzig. 1871, стр. 372—378.

²⁾ Соч., т. III, стр. 46.

шія изъ-подъ его пера. Это доказываетъ, что Батюшковъ своимъ художническимъ чутьемъ, не смотря на слабость филологической подготовки, вѣрно угадалъ отличительный характеръ поэзіи Тибулла — „сладкую задумчивость, истинный признакъ чувствительной и нѣжной души“¹⁾—и сумѣлъ найти надлежащіе отгѣнки рѣчи для выраженія такого настроенія въ своихъ стихахъ.

Другой любимый образецъ Батюшкова, Парни, считался въ свое время обновителемъ интимной лирики въ родной ему литературѣ. При первомъ появленіи его любовныхъ элегій близкій уже къ смерти Вольтеръ назвалъ молодаго автора французскимъ Тибулломъ, а другіе цѣнители провозгласили, что Парни внесъ простоту и искренность чувства въ поэтическую область, въ которой до него господствовала изысканность, манерность, и ловко сложенный комплиментъ замѣнялъ настоящее вдохновеніе. Въ самомъ дѣлѣ, крупный поэтический талантъ Парни не можетъ подлежать сомнѣнію. Въ своихъ элегіяхъ онъ, подобно Тибуллу, далъ цѣлую поему о дѣйствительно пережитой имъ пламенной страсти; но при одинаковой правдивости въ передачѣ своихъ ощущеній, онъ, конечно, уступаетъ римскому лирику въ тонкости психологическаго наблюденія, въ умѣнны изображать различныя настроенія любящей души. Нравственная распушенность той среды, въ которой онъ вращался, и ходячія идеи свѣтскаго эпикурейства не могли не оставить на немъ своего слѣда: чувственный порывъ нерѣдко замѣняетъ у него болѣе идеальное чувство. Но за то въ произведеніяхъ его много воображенія, и стихъ живаго блещетъ яркою изобразительностью. Этою-то лучшею стороною своего таланта Парни преимущественно и повліялъ на Батюшкова. Правда, и у нашего

¹⁾ Слова эти сказаны Батюшковымъ собственно о М. Н. Муравьевѣ, но тамъ именно, гдѣ онъ сравниваетъ его съ Тибулломъ (Соч., т. II, стр. 90—91); прямо къ этому послѣднему почти тѣ же слова примѣнены въ т. II, стр. 161.

поэта встрѣчаются иногда образы и картины съ оттѣнкомъ чувственности; но мы не имѣемъ права видѣть здѣсь вліяніе одного Парни—это скорѣе общій характеръ эротической лирики; напротивъ того, когда Батюшковъ переводилъ французскаго поэта или, что чаще, только подражалъ ему, онъ обыкновенно смягчалъ слишкомъ чувственный характеръ его образовъ, сохраняя въ то же время ихъ грацію и изящество. Родство поэзіи Батюшкова съ поэзіей Парни было замѣчено еще современниками, между прочимъ—Карамзинимъ; но это родовое сходство не слѣдуетъ преувеличивать: дарованіе Парни словно замерло послѣ того, какъ онъ написалъ свои знаменитыя элегіи; талантъ Батюшкова развивался непрерывно.

Мы уже имѣли случай воспользоваться для біографіи Константина Николаевича тѣми его стихотвореніями, которыя были имъ написаны въ 1809 году, и мы должны были ими воспользоваться, потому что въ ихъ поэтическомъ отраженіи правдиво сказались пережитыя имъ впечатлѣнія боевыхъ тревогъ и волненій любви. вмѣстѣ съ указанными образцами, эти глубокія впечатлѣнія довершили воспитаніе его таланта: поэтъ нашелъ свойственную ему форму въ то время, когда жизнь дала его творчеству содержаніе. Мало того: онъ вполне овладѣлъ этою формой; отнынѣ мы имѣемъ дѣло уже не съ начинающимъ стихотворцемъ, который испытываетъ свои силы, а съ художникомъ, который свободно распоряжается своимъ дарованіемъ и лишь продолжаетъ разрабатывать свое мастерство, свое умѣнье творить.

Какъ ни тяжело было для Батюшкова деревенское уединеніе, но сознаніе успѣха, достигнутаго имъ теперь въ разработкѣ своего таланта, должно было укрѣпить его нравственно. Вдали отъ чужихъ сужденій онъ яснѣе сознаетъ и свое собственное призваніе какъ писателя, и свои отношенія къ господствующимъ въ литературѣ направленіямъ. Мы видѣли, что, еще живя въ Петербургѣ, онъ не мирился ни съ грубымъ вкусомъ

тамошнихъ литераторовъ, ни съ ихъ предубѣжденіями, ни съ тенденціознымъ стремленіемъ остановить развитіе литературы. Теперь полемика между двумя литературными поколѣніями, вызванная книгой Шишкова о старомъ и новомъ слогѣ, получаетъ для него болѣе глубокое значеніе. Сторонники Шишкова, защищая старый слогъ и старыхъ писателей, выдвинули вопросъ о національности въ литературѣ. Но въ неумѣлыхъ и невѣжественныхъ рукахъ справедливая идея получила смѣшной и нелѣпый видъ. Понятно поэтому, что мысль Батюшкова могла уклониться въ противоположную крайность: онъ взглянулъ съ отрицательной точки зрѣнія на русскую жизнь, на русскую исторію, на самую возможность самобытнаго развитія. „Нѣтъ!“ пишетъ онъ Гнѣдичу, — „не возможно читать русской исторіи хладнокровно, то-есть, съ разсужденіемъ. Я сто разъ принимался: все напрасно. Она дѣлается интересною только со временъ Петра Великаго. Подивись, подивимся мелкимъ людямъ, которые рожутся въ этой пыли. Читай римскую, читай греческую исторію, и сердце чувствуетъ, и разумъ находитъ пищу. Читай исторію среднихъ вѣковъ, читай басни, ложь, невѣжество нашихъ праотцовъ, читай набѣги Половцевъ, Татаръ, Литвы и проч., и если книга не выпадетъ изъ рукъ твоихъ, то я скажу: или ты великій, или мелкій человѣкъ! Нѣтъ середины! Великій, ибо видишь, чувствуешь то, чего я не вижу; мелкій, ибо занимаешься пустяками“. Запальчивыя слова и сказанныя слишкомъ легкомысленно и поспѣшно; но самая ихъ запальчивость свидѣтельствуетъ объ искреннемъ въ данную минуту убѣжденіи говорящаго, хотя у него и нѣтъ твердыхъ основаній для такого сужденія. Батюшковъ продолжаетъ: „Еще два слова: любить отечество должно. Кто не любитъ его, тотъ извергъ. Но можно ли любить невѣжество? Можно ли любить нравы, обычаи, отъ которыхъ мы отдалены вѣками, и что еще болѣе — цѣлымъ вѣкомъ просвѣщенія? Зачѣмъ же эти усердные маратели выхваляютъ все старое! Я умѣю разрѣшить эту задачу, знаю,

+7*

что и ты умѣешь, — и такъ, ни слова. Но повѣрь мнѣ, что эти патріоты, жалкіе декламаторы, не любятъ или не умѣютъ любить Русской земли. Имѣю право сказать это, и всякій пусть скажетъ, кто добровольно хотѣлъ принести жизнь на жертву отечеству...“ ¹⁾). Эти послѣднія замѣчанія уже значительно умѣряютъ рѣзкій смыслъ первой тирады. Очевидно, Батюшковъ вооружается не противъ любви къ отечеству, даже не противъ націонализма, а противъ того археологическаго отчизнолюбія, наивнаго у однихъ и поддѣльнаго у другихъ, которое само не умѣло объяснить что есть хорошаго въ прославляемой имъ старинѣ. Эта общая смутность понятій — неизбежное впрочемъ слѣдствіе подражательнаго направленія XVIII вѣка — смутность, которую могло разсѣять только время, и въ которую яркій лучъ свѣта бросилъ великій трудъ Карамзина, исподволь въ тиши подготавливаемый, — достаточно объясняетъ горячую филиппику Батюшкова противъ тупыхъ литературныхъ старовѣровъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, снимаетъ съ него обвиненіе въ сознательномъ отчужденіи отъ своей народности. Но существенно важно для характеристики нашего поэта то, что онъ скоро и ясно понялъ весь объемъ вопроса, составлявшаго предметъ полемики, понялъ, что споръ шель не о слогахъ только, а о цѣломъ строѣ идей. Дальнѣйшая литературная жизнь Батюшкова показываетъ, что онъ умѣлъ стать на достаточную высоту, чтобъ участвовать въ успѣшномъ рѣшеніи этого спора.

Впрочемъ, и въ первомъ пылу увлеченія нашъ поэтъ уже обнаруживаетъ склонность вмѣшаться въ полемику. При всей мягкости его натуры, въ немъ была сатирическая жилка, было много остроумія: рядомъ съ критическими замѣтками на произведенія старой литературной школы, которыя онъ сообщаетъ въ своихъ письмахъ къ Гнѣдичу, онъ пишетъ на нихъ колкія

¹⁾ Соч., т. III, стр. 56—58.

эпиграммы для печати и затѣмъ сочиняетъ большое сатирическое стихотвореніе, гдѣ опять выводитъ въ каррикатурномъ видѣ представителей дурнаго вкуса въ литературѣ. Это — „Видѣніе на берегахъ Леты“, въ свое время надѣлавшее много шума въ литературныхъ кружкахъ. Батюшковъ писалъ эту вещь съ самымъ наивнымъ увлеченіемъ, и потому, отправивъ списокъ сатиры къ Гнѣдичу, живо интересовался, какое впечатлѣніе произвела эта шутка въ Петербургѣ. „Каковъ Глинка? Каковъ Крыловъ?“ спрашиваетъ онъ своего пріятеля въ одномъ изъ писемъ; — „это живые портреты, по крайней мѣрѣ мнѣ такъ кажется“¹⁾. Батюшковъ не придавалъ однако большаго значенія своей шуткѣ: „Этакіе стихи слишкомъ легко писать, и чести большой не приносятъ“, замѣчаетъ онъ въ другомъ письмѣ²⁾. Вѣрный тактъ подсказывалъ ему, что талантъ его выше подобныхъ мелочей.

Посылая въ Петербургъ свои сатирическія шалости, Константинъ Николаевичъ придерживалъ до времени въ своихъ рукахъ тѣ болѣе значительныя свои произведенія, которыя были имъ написаны въ деревнѣ. При всей дружбѣ къ Гнѣдичу, онъ, кажется, не вполне довѣрялъ его эстетическому пониманію и часто возражалъ на тѣ совѣты, которыми Гнѣдичъ желалъ руководить его литературныя занятія. А между тѣмъ одиночество все болѣе и болѣе тяготило его; потребность общества, обмѣна мыслей съ просвѣщенными людьми росла все сильнѣе. Такъ мало по малу созрѣло въ Батюшковѣ убѣжденіе, что хоронить себя въ деревнѣ ему не слѣдуетъ. „Съ моею дѣятельностью и глѣнью“, писалъ онъ все тому же петербургскому пріятелю, — „я буду совершенно несчастливъ въ деревнѣ и въ Москвѣ, и вездѣ. Служилъ всегда честно: это засвидѣтельствуетъ тебѣ совѣсть моя. Служилъ несчастливо: ты самъ знаешь; служилъ

¹⁾ Соч., т. III, стр. 61.

²⁾ Тамъ же, стр. 55.

изъ креста, и того не получилъ, и упустилъ все, даже время, невозвратное время!“¹⁾ Итакъ, обиженный своими служебными неудачами, Батюшковъ рѣшилъ оставить военную карьеру и проложить себѣ путь къ дипломатической службѣ: „Гнѣть не могу и не хочу нигдѣ, а желаю, если возможно, быть посланъ въ миссію; поговори объ этомъ съ людьми умными: нѣтъ ли способа?“²⁾ Давая это порученіе Гнѣдичу, Батюшковъ думалъ прибѣгнуть къ содѣйствію и другихъ лицъ. Онъ надѣялся сдѣлаться извѣстнымъ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ чрезъ гофмейстера ея князя И. А. Гагарина, представить ей, какъ любительницѣ литературы, свой переводъ первой пѣсни „Освобожденнаго Іерусалима“ и на этомъ основаніи просить ея ходатайства для опредѣленія въ иностранную коллегію³⁾. Наконецъ, въ случаѣ неудачи, весьма возможной, онъ составилъ и другой планъ—просто ѣхать за границу, хотя бы это и разстроило его состояніе⁴⁾. Какъ бы то ни было, но приступить къ осуществленію этихъ намѣреній можно было только выѣхавъ изъ деревни. Какъ разъ въ это время пришло письмо отъ Е. Ѡ. Муравьевой съ приглашеніемъ Константину Николаевичу пріѣхать къ ней въ Москву. Это какъ нельзя болѣе отвѣчало его желаніямъ. 25-го декабря Батюшковъ былъ уже на Никитской, въ приходѣ Егорья на Вспольѣ.

¹⁾ Соч., т. III, стр. 50.

²⁾ Тамъ же, стр. 49.

³⁾ Тамъ же, стр. 72. Изъ упомянутаго перевода сохранился только отрывокъ.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 50—51.

V.

Пребываніе Батюшкова въ Москвѣ въ первой половинѣ 1810 года.—Впечатлѣнія Москвы.—Свиданіе съ И. А. Петинимъ.—Отношенія къ московскимъ литераторамъ.—Знакомство съ В. Л. Пушкинымъ, В. А. Жуковскимъ, кн. П. А. Вяземскимъ и Н. М. Карамзинимъ.—Пребываніе Батюшкова въ с. Остафьевѣ лѣтомъ 1816 года.

„Я пріѣхалъ сюда въ Рождество и живу у Катерины Ѳеодоровны, которая не хочетъ, чтобъ я жилъ одинъ. Поэтому можешь разсудить, любезная сестрица, любить ли она меня; поэтому можешь разсудить,¹ люблю ли я ее, я, который растворяю настежь обѣ двери сердца моего, когда дѣло идетъ до.... любви, напримѣръ“¹). Такъ писалъ Батюшковъ Александрѣ Николаевичѣ въ первомъ своемъ письмѣ изъ Москвы. Если не ошибаемся, это было первое свиданіе Константина Николаевича съ Е. Ѳ. Муравьевою послѣ того, какъ она овдовѣла. Ей, конечно, было больно, что Батюшковъ не пріѣхалъ въ Петербургъ по ея вызову лѣтомъ 1807 года, во время предсмертной болѣзни Михаила Никитича; но Муравьевъ умирая поручалъ Батюшкова попеченіямъ своей жены²), и достойнѣйшая Екатерина Ѳеодоровна сочла исполненіе его завѣта своимъ священнымъ долгомъ. Она слѣдила за молодымъ своимъ родственникомъ и писала ему еще во время финляндскаго похода³). Теперь же, когда Батюшковъ задумалъ оставить военную службу и не зналъ самъ, какъ устроится его судьба, она оказала ему истинно родственное вниманіе и участіе. Съ этихъ поръ между ними установились такія отношенія, въ которыхъ на долю Екатерины Ѳеодоровны выпало замѣнить Константину Николаевичу родную мать.

¹) Соч., т. III, стр. 71.

²) Тамъ же, стр. 341.

³) Тамъ же, стр. 20, 31.

Муравьева переселилась въ Москву, чтобы дать своимъ сыновьямъ образованіе въ университетѣ, котораго ея мужъ былъ столь заботливымъ попечителемъ. Въ 1810 году, при старшемъ ихъ сынѣ, умномъ и даровитомъ Никитѣ Михайловичѣ (ему было тогда 14 лѣтъ), находился воспитателемъ Швейцарецъ Петра, по свидѣтельству Батюшкова, добрый и честный человекъ, внушившій горячее расположеніе къ себѣ своему питомцу ¹⁾. Домъ Муравьевой посѣщали между прочимъ нѣкоторые изъ московскихъ профессоровъ и вообще лицъ учебнаго вѣдомства, пользовавшіеся расположеніемъ покойнаго Михаила Никитича, въ особенности умный и дѣловитый П. М. Дружининъ, директоръ училищъ Московской губерніи, нѣкоторое время преподававшій естественную исторію въ университетѣ, и извѣстный врачъ, питомецъ масоновъ, М. Я. Мудровъ. Кажется, что и профессоръ Буле, отличный знатокъ древнихъ языковъ и исторіи искусства, бывшій главнымъ сотрудникомъ М. Н. Муравьева по упроченію классическихъ студій въ Московскомъ университетѣ, также бывалъ у Екатерины Ѳедоровны; старшій сынъ ея готовился въ то время къ поступленію въ университетъ и обучался древнимъ языкамъ, если не ошибаясь, у Буле и его ученика Н. Θ. Кошанскаго ²⁾. Въ домѣ же Муравьевой Константинъ Николаевичъ встрѣтился съ родственникомъ и другомъ ея мужа, И. М. Муравьевымъ-Апостоломъ, котораго въ юности знавалъ въ Петербургѣ; это былъ одинъ изъ самыхъ умныхъ и просвѣщенныхъ людей своего

¹⁾ Соч., т. III, стр. 180, 186. Здѣсь встаетъ замѣтить, что извѣстіе Вигеля, будто революціонныя идеи были внушены Никитѣ Михайловичу его воспитателемъ Магьеромъ (Воспоминанія, ч. IV, стр. 40—41 и 131—132), крайне сомнительно. Изъ писемъ Батюшкова видно, что Петра оставался въ домѣ Муравьевыхъ до самой смерти своей въ апрѣлѣ 1812 года, а въ августѣ того же года Вигель видѣлъ Магьера въ Пензѣ. Когда же успѣлъ этотъ Магьеръ быть наставникомъ Н. М. Муравьева?

²⁾ О знакомствѣ Н. М. Муравьева съ древними языками упоминаетъ и Батюшковъ (Соч., т. III, стр. 515).

времени. Наконецъ, своимъ человѣкомъ въ томъ же домѣ былъ Карамзинъ; онъ называлъ Екатерину Федоровну „истинною женой Михаила Никитича“ и считалъ ее „за свою родную“¹⁾; въ 1809 году, не смотря на свои историческія работы, онъ согласился взять на себя наблюденіе за изданіемъ нѣкоторыхъ сочиненій ея мужа, которое и появилось въ Москвѣ въ началѣ 1810 года²⁾. Но Карамзинъ былъ въ то время отчаянно боленъ, и Батюшковъ не скоро могъ съ нимъ познакомиться³⁾.

Итакъ, уже въ домѣ Муравьевой Батюшковъ нашелъ образованное общество, отсутствіе котораго столь тяготило его въ деревнѣ; но вскорѣ по прїѣздѣ въ Москву у него составилось обширное знакомство и внѣ семейнаго круга.

Быть можетъ, въ дѣтствѣ Батюшкову случилось быть въ Москвѣ; но взрослымъ онъ впервые посѣтилъ ее теперь, и древняя столица произвела на него сильное впечатлѣніе. Онъ задумалъ сейчасъ же дать о томъ отчетъ Гнѣдичу⁴⁾; но это намѣреніе нашего поэта постигла участь весьма многихъ обширныхъ предпріятій: оно не было приведено въ исполненіе, и памятникомъ его остался лишь небольшой отрывокъ, очень впрочемъ любопытный во многихъ отношеніяхъ⁵⁾.

Москва поразила Батюшкова и внѣшнимъ видомъ своимъ, и характеромъ своего населенія. Въ допожарной Москвѣ памятники древности сохранялись еще въ большемъ количествѣ, чѣмъ сколько ихъ уцѣлѣло послѣ нашествія Французовъ. Образованіемъ своимъ Батюшковъ вовсе не былъ подготовленъ къ

¹⁾ Незданныя сочиненія и переписка Н. М. Карамзина. С.-Пб. 1866. Ч I, стр. 143 и 151.

²⁾ Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 136.

³⁾ Соч., т. III, стр. 71.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 72 и 75.

⁵⁾ Отрывокъ этотъ напечатанъ въ II-мъ томѣ настоящаго изданія и отнесенъ нами къ 1810 году. Правильнѣе считать, что редакція его относится къ первой половинѣ 1812 года. Впрочемъ, содержаніе его очевидно состоитъ изъ наблюденій, сдѣланныхъ авторомъ въ теченіе пребыванія его въ Москвѣ въ 1810 и 1811 годахъ.

тому, чтобы цѣнить эти остатки прошлаго; но и онъ не могъ остаться равнодушнымъ къ тѣмъ историческимъ воспоминаніямъ, которыя проснулись въ немъ, когда онъ вступилъ въ Кремль. „Здѣсь“, говоритъ онъ, — „представляется взорамъ картина, достойная величайшей въ мірѣ столицы, построенной величайшимъ народомъ на пріятнѣйшемъ мѣстѣ. Тотъ, кто, стоя въ Кремлѣ и холодными глазами смотрявъ на исполинскія башни, на древніе монастыри, на величественное Замоскворѣчье, не гордился своимъ отечествомъ и не благословлялъ Россіи, для того (и я скажу это смѣло) чуждо все великое, ибо онъ былъ жалостно ограбленъ природою при самомъ его рожденіи“¹⁾. Но рядомъ съ этими остатками древности, пробудившими патриотическую гордость нашего поэта, глазамъ его представилась картина новой жизни въ Москвѣ. Въ рядѣ легкихъ очерковъ Батюшковъ рисуетъ предъ читателемъ различные типы и сцены, подмѣченные въ московскомъ обществѣ, и затѣмъ приходитъ къ такому заключенію: „Я думаю, что ни одинъ городъ въ мірѣ не имѣетъ ниже малѣйшаго сходства съ Москвою. Она являетъ рѣдкія противоположности въ строеніяхъ и нравахъ жителей. Здѣсь роскошь и нищета, изобиліе и крайняя бѣдность, набожность и невѣріе, постоянство дѣдовскихъ временъ и вѣтренность неимовѣрная, какъ враждебныя стихіи, въ вѣчномъ несогласіи и составляютъ сіе чудное, безобразное, исполинское цѣлое, которое мы знаемъ подъ общимъ именемъ: Москва“²⁾. Та же мысль о смѣшеніи рѣзкихъ противоположностей въ московской жизни повторена Батюшковымъ и въ другомъ мѣстѣ статьи и даетъ поводъ къ такому замѣчанію: „Москва есть вывѣска или живая картина нашего отечества.... Видя отпечатки древнихъ и новыхъ временъ, вспоминаю прошедшее, сравниваю оное съ настоящимъ, тихонько

¹⁾ Соч., т. II, стр. 21.

²⁾ Тамъ же, стр. 28.

говорю про себя: Петръ Великій много сдѣлалъ и—ничего не кончилъ“¹⁾):

Такъ наблюденія надъ Москвой привели Батюшкова къ роковому вопросу нашей образованности—о значеніи Петровской реформы. Вопросъ этотъ еще съ Екатерининскихъ временъ былъ возбуждаемъ въ нашей литературѣ, и мы можемъ не сомнѣваться, что теоретически Батюшковъ сочувствовалъ тому его рѣшенію, которое было предложено, также теоретически, Карамзинымъ въ „Письмахъ русскаго путешественника“²⁾; но въ своихъ московскихъ очеркахъ нашъ авторъ воздерживается отъ прямого отвѣта на поставленный вопросъ; мало того, непосредственное наблюденіе московской жизни вызываетъ его на слѣдующее тонкое замѣчаніе: „Москва есть большой провинціальный городъ, единственный, несравненный,—ибо что значить имя столицы безъ двора? Москва идетъ сама собою къ образованію, ибо на нее почти никакія обстоятельства вліянія не имѣютъ“³⁾). Значить, въ пестромъ составѣ московскаго общества Батюшковъ подмѣтилъ дѣйствительный процессъ умственнаго развитія, совершающійся безъ толчковъ извнѣ, естественною силою вещей, иначе — призналъ возможность и законность того, чтобы общечеловѣческія начала образованности развивались на русской почвѣ въ примѣненіи къ условіямъ страны и народности.

Такимъ образомъ общія впечатлѣнія пребыванія Батюшкова въ Москвѣ были самыя благопріятныя: онъ сразу понялъ и оцѣнилъ ея великое значеніе въ общей русской жизни; въ этомъ отношеніи его непритязательныя замѣтки напоминаютъ извѣстное сужденіе о Москвѣ, высказанное Карамзинымъ нѣсколько позже (въ 1817 году) въ „Запискѣ о московскихъ достопамят-

¹⁾ Соч., т. II, стр. 20.

²⁾ Письмо изъ Парижа, отъ мая 1790 г.

³⁾ Соч., т. II, стр. 29.

ностях". За то обыденное теченіе московской жизни, въ которомъ выражался бытъ и характеръ ея обитателей, удовлетворилъ его гораздо менѣе.

Карамзинъ не безъ гордости называлъ Москву „столицей россійскаго дворянства“, куда охотнѣе, чѣмъ въ Петербургъ, „отцы везуть дѣтей для воспитанія, и люди свободные ѣдутъ наслаждаться пріятностями общежитія“. Коренной Москвичъ, зоркій наблюдатель и дѣятельный участникъ прежней московской жизни, князь П. А. Вяземскій, въ своихъ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ о допожарной Москвѣ, написалъ ея апологію. „Въ то время“, говорилъ онъ, — „были еще Европѣ памятны свѣжія преданія о событіяхъ, возмутившихъ и обagrившихъ кровью почву Франціи въ борьбѣ съ старыми порядками и въ напряженныхъ восторженныхъ усиліяхъ установить порядки новыя. Въ самой Франціи умы успокоились и остыли. Эта реакція вызвала потребность и жажду мирныхъ и общежитейскихъ удовольствій. Эта реакція, хотя до насъ собственно и не касавшаяся, потому что у насъ не было перелома, неминуемо однако же должна была отозваться и въ Россіи. Праздная Москва обратилась къ этимъ удовольствіямъ, и общественная жизнь сдѣлалась потребностью и цѣлью ея исканій и усилій. Было въ этомъ много поверхностнаго, много, можетъ быть, легкомысленнаго—не спору; но по крайней мѣрѣ внѣшняя и блестящая сторона умственной жизни, именно допожарной Москвы, была во всей силѣ своей и процвѣтаніи“¹⁾. На нашего поэта то, что въ приведенныхъ строкахъ представлено въ столь радужныхъ краскахъ, подѣйствовало нѣсколько иначе. Какъ ни цѣнилъ онъ пріятность общества, однако шумная пустота и праздное легкомысліе московской общественной жизни не соблазнили его; если онъ иногда и жертвовалъ имъ, то никогда не отдавался всецѣло. „Праздность“, говоритъ онъ,—

¹⁾ П. собр. соч. кн. Вяз., т. VII, стр. 113—114.

„есть нѣчто общее, исключительно принадлежащее сему городу; она болѣе всего примѣтна въ какомъ-то безпокойномъ любопытствѣ жителей, которые безпрестанно ищутъ новаго разсѣянія. Въ Москвѣ отдыхаютъ, въ другихъ городахъ трудятся менѣе или болѣе, и потому-то въ Москвѣ знаютъ скуку со всеми ея мученіями. Здѣсь хвалятся гостеприимствомъ, но—между нами—что значитъ это слово? Часто—любопытство. Въ другихъ городахъ васъ узнаютъ съ хорошей стороны и приглашаютъ навсегда; въ Москвѣ сперва пригласятъ, а послѣ узнаютъ“¹⁾. Въ первое время по пріѣздѣ Батюшковъ довольно много посѣщаль общество; но вскорѣ эти безцѣльные выѣзды потеряли для него интересъ. Свѣтъ, пишетъ онъ Гнѣдичу чрезъ мѣсяць по пріѣздѣ въ Москву, — „такъ холоденъ и ничтоженъ, такъ скученъ и глупъ, такъ для меня, словомъ, противенъ, что я рѣшился никуда ни на шагъ“²⁾. „Сегодня“ — читаемъ мы въ другомъ письмѣ — „ужасный маскарадъ у г. Грибоѣдова³⁾, вся Москва будетъ, а у меня билетъ покойно пролежитъ на столикѣ, ибо я не поѣду... Я вовсе не для свѣта сотворенъ премудрымъ Діемъ! Эти условія, проклятыя приличности, эта суетность, этотъ холодъ и къ дарованію, и къ уму, это уравненіе сына Фебова съ сыномъ откупщика или выб...ъ счастья, это меня бѣситъ!“⁴⁾. По уму и дарованіямъ своимъ Батюшковъ, конечно, имѣлъ право считать себя выше средняго уровня московскаго общества. Понятно поэтому, что онъ скоро сталъ уклоняться отъ встрѣчъ съ людьми, къ которымъ не чувствовалъ расположенія, сталъ избѣгать толпы; но не слѣдуетъ придавать слишкомъ большое значеніе тѣмъ частымъ жалобамъ на скуку, которыя встрѣчаются въ его московскихъ

¹⁾ Соч., т. II, стр. 28.

²⁾ Соч., т. III, стр. 76.

³⁾ Алексѣй Федоровичъ Грибоѣдовъ, дядя автора „Горе отъ ума“, лицо, съ котораго, какъ говорятъ, списанъ Фамусовъ.

⁴⁾ Соч., т. III, стр. 77—79.

письмахъ. Рядомъ съ этими жалобами въ тѣхъ же письмахъ мы находимъ свидѣтельство, что онъ нигдѣ не проводилъ время пріятнѣе, чѣмъ въ Москвѣ. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ стихотвореній ¹⁾ онъ самъ признается, что именно въ Москвѣ онъ „дышалъ свободою прямою“.

Кромѣ случайныхъ знакомствъ въ разныхъ московскихъ гостинныхъ, Батюшковъ съ удовольствіемъ встрѣтилъ здѣсь и нѣкоторыхъ петербургскихъ пріятелей и, сверхъ того, сошелся съ нѣсколькими новыми лицами, которыя вскорѣ стали его близкими друзьями.

Изъ Петербуржцевъ онъ видѣлся въ Москвѣ съ Л. Н. Львовымъ, К. М. Бороздинимъ, Н. А. Радищевымъ, А. И. Ермолаевымъ ²⁾, но всего болѣе радъ былъ встрѣчѣ съ И. А. Петинимъ, своимъ сослуживцемъ въ двухъ походахъ. Бесѣды съ нимъ развлекали Батюшкова въ дни хандры ³⁾. Петинъ былъ натура серьезная и чрезвычайно гуманная, и этими сторонами своего характера онъ, по видимому, оказывалъ отрезвляющее вліяніе на Батюшкова, въ которомъ живость доходила порой до легкомыслія. Вотъ одинъ случай изъ ихъ дружескихъ сношеній, рассказанный самимъ поэтомъ и свидѣтельствующій о благородномъ характерѣ Петина: „По окончаніи Шведской войны мы были въ Москвѣ. Петинъ лѣчился отъ жестокихъ ранъ и свободное время посвящалъ удовольствіямъ общества, котораго прелесть военные люди чувствуютъ живѣе другихъ. Но одинъ вечеръ мы просидѣли у камина въ сихъ сладкихъ разговорахъ, которымъ откровенность и веселость даютъ чудесную прелесть. Къ ночи мы вздумали ѣхать на балъ и ужинать въ собраніи. Проѣзжая мимо Кузнецкаго моста, пристяжная оторвалась, и между тѣмъ какъ ямщикъ заботился объ упряжкѣ, къ намъ

¹⁾ Соч., т. I, стр. 223, ср. т. III, стр. 303.

²⁾ Тамъ же, стр. 75, 76, 78, 82 и др.

³⁾ Тамъ же, стр. 78—79.

подошелъ нищій, ужасный плодъ войны, въ лохмотьяхъ, на костыляхъ. „Пріятель“, сказалъ мнѣ Петинъ,—„мы намѣревались ужинать въ собраніи; но лучше отдадимъ серебро наше этому бѣдняку и возвратимся домой, гдѣ найдемъ простой ужинъ и каминъ“. Сказано — сдѣлано. Это бездѣлка, если хотите“, заключаетъ свой разсказъ Батюшковъ,—„но ее не надобно презирать... Это бездѣлка, согласенъ; но молодой человекъ, который умѣетъ пожертвовать удовольствіемъ другому, чистѣйшему, есть герой въ моральномъ смыслѣ“¹⁾. Прибавимъ къ этому, что и расказчикъ, который умѣлъ оцѣнить такого рода героизмъ въ Петинѣ, самъ рисуется здѣсь очень симпатичными чертами.

Новые знакомые, съ которыми Батюшковъ сблизился въ Москвѣ, принадлежали большею частью къ литературному кругу. Первая встрѣча Константина Николаевича съ представителями московскаго „Парнасса“ произвела на него неблагопріятное впечатлѣніе: въ письмѣ къ сестрѣ онъ отозвался о нихъ очень насмѣшливо²⁾, а въ письмѣ къ Гнѣдичу выразилъ предположеніе, что они „хотятъ съѣсть“ его³⁾. Въ этомъ случаѣ онъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ даровитаго университетскаго стихотворца Мерзлякова, котораго еще въ 1805 году встрѣчалъ въ Петербургѣ у М. Н. Муравьева⁴⁾, и бездарнаго князя П. И. Шаликова. Ихъ обоихъ Батюшковъ осмѣялъ въ своемъ „Видѣніи на берегахъ Леты“, гдѣ Мерзляковъ выведенъ въ видѣ жалкаго педанта. Это сатирическое стихотвореніе уже ходило тогда въ Москвѣ въ спискахъ⁵⁾, и осмѣянные дѣйствительно могли быть въ обидѣ на остроумнаго автора. Притомъ

¹⁾ Соч., т. II, стр. 194.

²⁾ Тамъ же, т. III, стр. 71: „Я познакомился здѣсь со всѣмъ Парнассомъ... Эдакихъ рожь и не видавалъ“.

³⁾ Тамъ же, стр. 76.

⁴⁾ Тамъ же, т. II, стр. 507.

⁵⁾ Тамъ же, т. III, стр. 86.

же, нѣкоторая исключительность и самолюбивіе въ самомъ дѣлѣ отличали тѣхъ изъ московскихъ профессоровъ, которые принимали болѣе дѣятельное участіе въ литературѣ; чувствуя превосходство своего образованія, они свысока смотрѣли на тѣхъ писателей, которые избрали себѣ это поприще по непосредственному влеченію таланта, а не по указаніямъ школы; такъ держалъ себя даже столь умный человѣкъ, какъ Каченовскій; не совсѣмъ свободенъ былъ отъ этого недостатка и добродушный, но самолюбивый Мерзляковъ. Батюшковъ однако ошибся въ своихъ опасеніяхъ: познакомившись съ Каченовскимъ, онъ встрѣтилъ вниманіе съ его стороны и, въ свою очередь, не могъ не оцѣнить его ума и честности ¹⁾, а сойдясь съ Мерзляковымъ, убѣдился въ благородствѣ его характера. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ онъ писалъ уже Гнѣдичу: „Мерзляковъ... обошелся (со мною), какъ человѣкъ истинно съ дарованіемъ, который имѣетъ довольно благороднаго самонадѣянія, чтобъ забыть личность въ человѣкѣ... Онъ меня видитъ—и ни слова, видитъ—и приглашаетъ на обѣдъ. Тонъ его ни мало не перемѣнился... Я молчалъ, молчалъ и молчу до сихъ поръ, но если прійдетъ случай, самъ ему откроюсь въ моей винѣ“ ²⁾.

Батюшковъ встрѣчался съ Мерзляковымъ между прочимъ у Ѳ. Ѳ. Иванова, посредственнаго писателя, но занимательнаго собесѣдника и любезнаго, гостепріимнаго человѣка, въ домѣ котораго особенно часто сходились московскіе литераторы и любители литературы. На этихъ собраніяхъ появлялись А. М. и В. Л. Пушкины, А. Ѳ. Воейковъ, князь И. М. Долгорукій, Ѳ. Ѳ. Кокочкинъ и князь П. А. Вяземскій; по словамъ нашего поэта, здѣсь проводили время весело, „съ пользою и съ чашею въ рукахъ“ ³⁾. Изъ названныхъ лицъ Константинъ Ни-

¹⁾ Соч., т. III, стр. 77, 86.

²⁾ Тамъ же, стр. 86.

³⁾ Тамъ же, стр. 86; ср. стр. 674—375. Быть можетъ, не всѣ названныя лица находились въ Москвѣ въ первой половинѣ 1810 г., когда Батюшковъ впервые

колаевичъ болѣе коротко сошелся съ В. Л. Пушкинымъ и княземъ Вяземскимъ. Въ то же время онъ сблизился и съ Жуковскимъ, и такимъ образомъ положено было начало новымъ дружескимъ связямъ, которыми отмѣченъ дальнѣйшій періодъ литературной жизни Батюшкова.

Василій Львовичъ Пушкинъ въ то время уже не былъ молодымъ человѣкомъ; но въ его даровитой натурѣ столько было живости, въ характерѣ столько добродушія, что онъ легко становился товарищемъ самой зеленой молодежи. Остроумный и любезный собесѣдникъ въ обществѣ, хорошо образованный на французскій ладъ, онъ былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ сторонниковъ карамзинскаго направленія. При всемъ его легкомысліи, культъ Карамзина составлялъ для него предметъ твердаго убѣжденія; онъ не безъ ловкости отстаивалъ его и чутко слѣдилъ за всякимъ маневромъ противной партіи. Собственная его литературная дѣятельность была ничтожна; но въ то непріятельное время и онъ былъ, по выраженію князя Вяземскаго, стихотворецъ на счету: цѣнили легкость его стиха и смѣялись остроумію его сатирическихъ выходокъ. Симпатіи Батюшкова къ Пушкину обозначились очень рано: еще въ первой молодости онъ написалъ подражаніе одному изъ стихотвореній Василя Львовича, нѣкогда напечатанному въ Аонідахъ Карамзина ¹⁾. Личное знакомство поставило Константина Николаевича въ пріятельскія отношенія къ Пушкину, которыя хотя и не стали вполне задушевными, оставались однако постоянно неизмѣнными.

Другимъ и болѣе серьезнымъ характеромъ отличались связи Батюшкова съ Жуковскимъ и Вяземскимъ. Перваго Батюшковъ

появился въ домѣ Ѳ. Ѳ. Иванова, но наше указаніе относительно этихъ литературныхъ собраній и ихъ посѣтителей одинаково примѣняется и къ первой половинѣ 1810 г., и къ первымъ мѣсяцамъ 1811, которые Батюшковъ также провелъ въ Москвѣ.

¹⁾ См. въ Соч. Бат., т. I, стр. 7.

давно зналъ заочно по его произведеніямъ; въ то время, когда огромное большинство авторитетныхъ петербургскихъ литераторовъ и не подозрѣвало, что въ Москвѣ появился писатель съ крупнымъ поэтическимъ талантомъ ¹⁾, нашъ юный поэтъ уже слѣдилъ за дѣятельностью автора „Сельскаго кладбища“ и „Людмилы“ ²⁾; зналъ онъ, безъ сомнѣнія, и то, что М. Н. Муравьевъ, всегда столь внимательный ко всякому дарованію, замѣтилъ Жуковскаго и нѣсколько разъ предлагалъ ему свое покровительство ³⁾. Теперь Жуковский предсталъ Константину Николаевичу во-очію, со всею привлекательностью своего характера наивнаго, глубоко искренняго, но въ то же время твердаго, и съ оригинальнымъ взглядомъ на жизнь, очень далекимъ отъ возрѣній самаго Батюшкова. Послѣдній однако скоро понялъ и оцѣнилъ его; въ письмахъ Гнѣдичу Батюшковъ безпрестанно говоритъ о немъ, и всегда въ самыхъ нѣжныхъ выраженіяхъ: „Жуковский—истинно съ дарованіемъ, милъ и любезенъ, и добръ. У него сердце на ладони... Я съ нимъ вижусь часто и всегда съ новымъ удовольствіемъ“ ⁴⁾. Или еще: „Жуковскаго я болѣе и болѣе любить начинаю“ ⁵⁾, и т. п. Какъ прежде съ Гнѣдичемъ, Константинъ Николаевичъ сошелся съ Жуковскимъ отчасти въ силу того, что ихъ натуры и сами по себѣ, и въ творествѣ были совершенно различны, и какъ увидимъ впослѣдствіи, эта разница придавала особенную прелесть ихъ дружбѣ въ глазахъ Батюшкова.

Что касается Вяземскаго, то къ сближенію съ нимъ нашъ поэтъ ничѣмъ не былъ подготовленъ: ни своего живаго ума, ни своеобразнаго поэтическаго дарованія семнадцатилѣтній юноша еще не успѣлъ обнаружить. Но встрѣтившись съ нимъ,

¹⁾ См. о томъ любопытное свидѣтельство С. П. Жихарева въ Дневникѣ чиновника—Отеч. Записки 1855 г., т. СІ, стр. 387—388.

²⁾ Соч., т. III, стр. 19.

³⁾ Соч. Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 394.

⁴⁾ Соч., т. III, стр. 81.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 87.

Батюшковъ нашелъ много общаго съ собою и въ складѣ его образованія, и въ направленіи ума, и въ воззрѣніяхъ. Подобно Батюшкову, Вяземскій выросъ въ средѣ очень просвѣщенной, и потому развился очень рано; онъ то же воспитался на свободныхъ мыслителяхъ XVIII вѣка и также смотрѣлъ на жизнь глазами эпикурейца; такимъ образомъ, здѣсь именно сходство воззрѣній послужило основой для дружбы. Но подъ холоднымъ лоскомъ свѣтскости, подъ нѣсколько суровою внѣшностью, которою князь Петръ Андреевичъ отличался и смолоду, въ немъ билось участливое сердце, способное къ дѣятельной любви; никто лучше Вяземскаго не умѣлъ понять, что тревожная натура Батюшкова нуждалась въ особенно нѣжномъ уходѣ; Вяземскій обратилъ на нее свою дружескую заботливость: онъ не только былъ путеводителемъ нашего поэта въ московскомъ обществѣ, но и ободрялъ его въ житейскихъ неудачахъ и готовъ былъ войти въ его личные нужды, ни мало притомъ не затрогивая чуткаго самолюбія Константина Николаевича. Этимъ попеченіямъ, этой пріязни Вяземскаго нашъ поэтъ былъ обязанъ, можетъ быть, счастливейшими минутами своей молодости.

Независимость холостаго человѣка, при хорошемъ достаткѣ, давала Вяземскому возможность стать центромъ дружескаго кружка. Сходки пріятелей и веселые ужины устраивались преимущественно въ домѣ князя. Батюшковъ сохранилъ воспоминаніе объ этомъ домѣ, сгорѣвшемъ въ 1812 году, и о происходившихъ тамъ собраніяхъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, которое написано уже послѣ пожара Москвы:

Гдѣ домъ твой, счастья домъ?... Онъ въ бурѣ бѣдъ исчезъ,
И мѣсто поросло крапивой,
Но я узналъ его: я сердцу дань принесъ
На прахъ его краснорѣчивой.

Скажи, давно ли здѣсь, въ кругу твоихъ друзей,
Сіяла Лиля красотою?

+8*

Благія небеса, казалось, дали ей
Все счастье смертной подъ луною:

Нравъ тихій ангела; даръ слова, тонкій вкусъ,
Любви и очи, и даниты,
Чело открытое одной изъ важныхъ музъ
И прелесть дѣвственной хариты.

Ты самъ, забывъ и свѣтъ, и тщетный шумъ пировъ,
Ея бесѣдой наслаждался
И въ тихой радости, какъ путникъ средь песковъ,
Прелестнымъ цвѣтомъ любовался...

Кромѣ того, въ самую бытность свою въ Москвѣ, Батюшковъ написалъ стихотвореніе „Веселый часъ“, которое служить памятникомъ пріятныхъ минутъ, проведенныхъ имъ тамъ въ дружескомъ кружкѣ. Въ этой піесѣ онъ повторилъ тѣ же мотивы эпикурейскаго взгляда на жизнь, которые встрѣчаются въ стихахъ ранней его молодости ¹⁾, и какъ бы въ отвѣтъ нашему поэту, тѣ же мотивы находимъ въ піесѣ, написанной въ то же время Вяземскимъ: „Молодой Эпикуръ“ ²⁾.

Но не одни веселые пиры сблизили Батюшкова съ новыми московскими пріятелями. Въ бесѣдахъ съ ними онъ нашель то, чего ему недоставало не только въ деревнѣ, но и въ Петербургѣ, нашель сочувственную, справедливую оцѣнку своего дарованія и провѣрилъ тѣ литературные взгляды, которые выработывались у него въ деревенскомъ уединеніи. Правда, и на берегахъ Невы у него былъ близкій пріятель, отъ котораго онъ не скрывалъ своего отвращенія отъ господствовавшаго въ Петербургѣ литературнаго вкуса; но Гнѣдичъ былъ человекъ черезъ-чуръ осторожный и не рѣшался разорвать вполнѣ связи съ литературными старовѣрами. Когда „Видѣніе на берегахъ Леты“ рас-

¹⁾ „Веселый часъ“ составляетъ передѣлку стихотворенія 1805 года: „Совѣтъ друзьямъ“.

²⁾ П. собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, т. III, стр. 12.

пространилось въ Петербургѣ и произвело взрывъ негодованія противъ смѣлаго автора среди сторонниковъ Шишкова, Гнѣдичъ понизилъ свое мнѣніе объ этой сатирѣ нашего поэта, о которой прежде отзывался съ восхищеніемъ ¹⁾. Съ новыми московскими друзьями Константина Николаевича не могло случиться чего-либо подобнаго: они были убѣжденные противники литературнаго старовѣрства и не скрывали этого. Даже мирный Жуковский, вовсе не охотникъ до литературной полемики, при самомъ началѣ своего знакомства съ Батюшковымъ совѣтовалъ ему приняться за новую сатирическую поэму на тему о распрѣ новаго языка со старымъ ²⁾, а Вяземскій, самъ прирожденный полемистъ, могъ, разумѣется, только поддерживать и укрѣплять въ Батюшковѣ вражду противъ представителей „дурнаго вкуса“. Въ томъ же смыслѣ подавалъ свой голосъ и В. Л. Пушкинъ. Такимъ образомъ, Батюшковъ, не приученный прежде жизнью въ петербургскихъ литературныхъ кружкахъ къ самостоятельному изъявленію литературныхъ мнѣній, выработалъ себѣ теперь ясное убѣжденіе, какому направленію должно слѣдовать въ литературѣ. Съ этихъ поръ онъ становится усерднымъ вкладчикомъ въ Вѣстникъ Европы, въ редакціи котораго Жуковский еще принималъ участіе, и гдѣ вообще въ то время стремленія литературныхъ старовѣровъ встрѣчали себѣ дѣльный отпоръ.

Окончательно укрѣпило Батюшкова въ сочувствіи къ новой школѣ знакомство его съ Карамзинымъ. По причинѣ болѣзни послѣдняго оно состоялось не раньше, какъ мѣсяца черезъ полтора по приѣздѣ Константина Николаевича въ Москву. Карамзинъ въ то время уже былъ погруженъ въ свой историческій трудъ и не только не принималъ участія въ полемикѣ, вызванной преждею его дѣятельностью, но и пересталъ

¹⁾ Соч., т. III, стр. 86.

²⁾ Тамъ же, стр. 77.

писать въ прежней своей литературной манерѣ; опытъ жизни измѣнилъ уже во многомъ убѣжденія Русскаго Путешественника. Батюшковъ никогда не былъ поклонникомъ сентиментализма и даже смѣялся надъ приторными крайностями, до которыхъ его довели первые подражатели Карамзина. Онъ не посѣщалъ Лизина пруда, „сего мѣста, очарованнаго Карамзиновымъ перомъ“, какъ выразился одинъ изъ его наивныхъ почитателей ¹⁾, и не пошелъ бы на поклонъ къ „чувствительному автору“ ²⁾; но онъ искренно уважалъ просвѣщеннаго писателя, который „показалъ намъ истинные образцы русской прозы“, далъ новую обработку литературному языку и возбудилъ плодотворное движеніе въ родной словесности. Съ своей стороны, и Карамзинъ былъ предрасположенъ въ пользу даровитаго воспитанника М. Н. Муравьева ³⁾. Первая ихъ встрѣча произошла случайно, на улицѣ ⁴⁾, но Батюшковъ тогда же получилъ приглашеніе къ нему въ домъ. Карамзинъ вообще былъ довольно разборчивъ на знакомства и жилъ уединенно; къ этому побуждала его и ограниченность его средствъ, и клеветы враговъ и завистниковъ, не брезгавшихъ писать доносы, что онъ проповѣдуетъ безбожіе и якобинство. За то въ тѣсномъ кругу своихъ близкихъ друзей онъ любилъ откровенную бесѣду, и рѣчь его была поучительна и увлекательна:

Съ подъятыми перстами,
 Со пламенемъ въ очахъ,
 Подъ сѣрымъ юберрокомъ
 И въ пыльных сапогахъ,
 Казался онъ пророкомъ,
 Открывшимъ въ небесахъ
 Всѣ тайны ихъ священны.

¹⁾ Молодой художникъ И. А. Ивановъ, пріятель А. Х. Востокова, въ письмѣ къ нему отъ 1799 г.—Сборникъ 2-го отд. Ак. Н., т. V, вып. 2, стр. VIII.

²⁾ Соч., т. II, стр. 83.

³⁾ Тамъ же, т. III, стр. 75, 77.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 78.

Такъ изобразилъ Карамзина одинъ изъ преданнѣйшихъ его слушателей, Жуковский ¹⁾, и такимъ же, безъ сомнѣнн, представлялся онъ Батюшкову, когда тотъ сталъ постояннымъ посѣтителемъ его дома. Но первое посѣщеніе Карамзина нашимъ поэтомъ обошлось не безъ приключеній. Константинъ Николаевичъ былъ приведенъ къ Николаю Михайловичу Вяземскимъ; какъ разсказывалъ князь впоследствии, онъ явился туда въ военной формѣ и со смущеніемъ вертѣлъ своею огромною треугольною шляпою, составлявшею странную противоположность съ его маленькою, „субтильною фигуркой“ ²⁾; Карамзинъ же принялъ его съ нѣкоторою важностью, его отличавшею. Безъ сомнѣнн поэтому Батюшковъ, описывая вскорѣ затѣмъ Гнѣдичу свое первое появленіе въ домѣ знаменитаго писателя, говорилъ, что онъ „видѣлъ автора „Марем“ упоеннаго, избалованнаго постояннымъ куреніемъ“ ³⁾. Но это первое впечатлѣніе было непродолжительно; самолюбивый молодой человекъ скоро освоился въ степенномъ домѣ Карамзинныхъ и сталъ бывать тамъ очень часто ⁴⁾. „Я вчера ужиналъ и провелъ приятный вечеръ у Карамзина“, пишетъ Батюшковъ Гнѣдичу послѣ одного изъ такихъ посѣщеній ⁵⁾. Едва ли ошибемся мы, предположивъ, что въ галереѣ московскихъ сценъ и лицъ, представленной нашимъ поэтомъ въ „Прогулкѣ по Москвѣ“, слѣдующія строки заключаютъ въ себѣ именно описаніе дома Карамзина: „Вотъ маленькій деревянный домъ, съ палисадникомъ, съ чистымъ дворомъ, обсаженнымъ сиренями, акаціями и цвѣтами. У дверей насъ встрѣчаетъ учтивый слуга не въ богатой ливреѣ, но въ простомъ опрятномъ фракѣ. Мы спрашиваемъ хозяина: Войдите! Комнаты чисты, стѣны распи-

¹⁾ Соч. Жуковского, изд. 7-е, т. I, стр. 307. Жуковский изображаетъ Карамзина въ дружеской бесѣдѣ въ саду И. И. Дмитриева.

²⁾ Слышано отъ П. Н. Батюшкова.

³⁾ Соч., т. III, стр. 82.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 94.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 88.

саны искусною кистію, а подъ ногами богатые ковры и полъ лакированный. Зеркала, свѣтильники, кресла, диваны, все прелестно и, кажется, отдѣлано самимъ богомъ вкуса. Здѣсь и общество совершенно противно тому, которое мы видѣли въ сосѣднемъ домѣ (старога Москвича, богомольнаго князя, который помнитъ страхъ Божій и воеводство). Здѣсь обитаетъ привѣтливость, пристойность и людскость. Хозяйка зоветъ насъ къ столу: мы садимъ гдѣ хотимъ, безъ принужденія, и можетъ быть, развеселенный старымъ виномъ, я скажу, только не въ слухъ:

„Налейте мнѣ еще шампанскаго стаканъ!

„Я сердцемъ Славянинъ, желудкомъ галломанъ!“¹⁾

Въ особенности Батюшковъ оцѣнилъ ясный и трезвый умъ Карамзина²⁾. Привѣтствуя просвѣтительныя мѣры императора Александра въ Вѣстникѣ Европы, Карамзинъ не разъ говорилъ, что желаніе быть Русскимъ, сохранить свою народность не исключаетъ необходимости заботиться объ образованіи, которое есть „корень государственнаго величія“, и что на оборотъ, нельзя остаться Русскимъ, получивъ воспитаніе чужеземное. Этимъ патриотическимъ убѣжденіямъ Карамзина Батюшковъ вполне сочувствовалъ; тѣ же мысли лежатъ въ основѣ его взгляда на Москву, проведеннаго въ не разъ упомянутой „Прогулкѣ“, и если въ умственной жизни древней столицы нашъ авторъ подмѣтилъ, что она сама собою идетъ къ образованію, то безъ сомнѣнія, такого Москвича, какъ Карамзинъ, онъ считалъ лучшимъ представителемъ этого движенія.

Такимъ образомъ вошелъ Батюшковъ въ кружокъ Карамзина и его ближайшихъ послѣдователей и, сочувственно встрѣченный ими какъ новое, свѣжее дарованіе, какъ человѣкъ съ чистыми, благородными стремленіями, легко освоился въ этой

¹⁾ Соч., т. II, стр. 30—31.

²⁾ Тамъ же, т. III, стр. 94.

средѣ. Между тѣмъ изъ Петербурга стали доходить до Константина Николаевича слухи, что „Видѣніе на берегахъ Леты“, распространившееся и тамъ въ рукописяхъ, возбудило чрезвычайное негодованіе среди литературныхъ старовѣровъ. Это огорчило и встревожило нашего поэта: онъ не ожидалъ, чтобы „шутка, написанная истинно для кружка друзей“, могла быть встрѣчена съ такою нетерпимостью. „Бомарше“, пишетъ онъ по этому случаю Гнѣдичу, — „сказалъ: *Sans la liberté de blâmer il n'est point d'éloge*. Слова, которыхъ истина разительна. Я часто себя поставляю на мѣстѣ людей, переплывшихъ черезъ Лету. Разсердился ли бы я? Нѣтъ, право, нѣтъ и нѣтъ“¹⁾. Онъ даже не спалъ нѣсколько ночей, „размышляя, что де надѣлалъ“; но при всемъ томъ оставался въ убѣжденіи, что написалъ вещь забавную и оригинальную, въ которой „человѣкъ, не смотря ни на какія личности, отдастъ справедливость таланту и вздору“²⁾. Онъ понималъ однако, что огласка, которую получила его сатира, испортила ему петербургскія отношенія, понималъ, что ему не возможно теперь рассчитывать на петербургскія связи для устройства своей будущности, которая такимъ образомъ становилась вполнѣ неопредѣленною; это заставило его отказаться даже отъ намѣренія искать покровительства великой княгини Екатерины Павловны³⁾. За то тѣмъ сильнѣе привязывался онъ къ московскимъ друзьямъ и въ письмахъ къ Гнѣдичу хвалилъ даже осмѣяннаго въ „Видѣніи“ Мерзлякова, противопоставляя его „благородное самонадѣваніе“ тупой нетерпимости петербургскихъ „Варяго-Россовъ“⁴⁾.

Въ концѣ мая или началѣ іюня пріѣхалъ въ Москву Гнѣдичъ. Предубѣжденный противъ направленія московскихъ литературныхъ кружковъ, онъ, по видимому, недовѣрчиво и рев-

¹⁾ Соч., т. III, стр. 83.

²⁾ Тамъ же, стр. 86.

³⁾ Тамъ же, стр. 82.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 86 и 94.

ниво относился къ новымъ московскимъ симпатіямъ своего пріятели; въ то время, какъ Батюшковъ, въ своихъ письмахъ, сообщалъ ему похвалы его произведеніямъ, слышанныя отъ Жуковскаго и Карамзина, Гнѣдичъ высказывалъ сомнѣнія на счетъ ума Жуковскаго, и Батюшкову приходилось возражать ему ¹⁾. Теперь Гнѣдичъ своими глазами увидѣлъ Батюшкова въ новой обстановкѣ, и вотъ въ какихъ словахъ выразилъ онъ свое впечатлѣніе въ письмѣ къ ихъ общему пріятелю Полозову: „Батюшкова я нашелъ больнаго, кажется — отъ московскаго воздуха, зараженнаго чувствительностью, сыраго отъ слезъ, проливаемыхъ авторами, и густаго отъ ихъ воздыханій“ ²⁾. Очевидно, Гнѣдичъ замѣтилъ въ своемъ другѣ перемену, которая была ему не совсѣмъ по сердцу. Видѣлся Гнѣдичъ и съ Жуковскимъ и отозвался о немъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Жуковскій—истинно умный и благородный человекъ, но Москвичъ и Нѣмецъ“. Эта послѣдняя оговорка относилась именно къ литературному направленію Жуковскаго: Гнѣдичъ не любилъ балладъ и въ авторѣ „Людмилы“ предполагалъ недостатокъ вкуса ³⁾. Все это, безъ сомнѣнія, было высказано Гнѣдичемъ Батюшкову, но какъ ни цѣнилъ послѣдній литературныя мнѣнія своего стараго петербургскаго пріятели и даже раздѣлялъ его нерасположеніе къ балладамъ ⁴⁾, онъ остался вѣренъ своимъ новымъ московскимъ друзьямъ-карамзинистамъ. Гнѣдичъ совѣтовалъ ему уѣхать изъ Москвы ⁵⁾; онъ и дѣйствительно уѣхалъ, но отправился въ Остафьево, подмосковное имѣнье кн. Вяземскаго, гдѣ Карамзины обыкновенно проводили лѣто, и куда они пригласили его ⁶⁾. Туда же поѣхалъ и Жуковскій.

¹⁾ Соч., т. III, стр. 73, 81, 88.

²⁾ П. Н. Тихановъ. Николай Ивановичъ Гнѣдичъ, стр. 40.

³⁾ См. тамъ же, стр. 64, отзывъ Гнѣдича о Жуковскомъ въ записной книжкѣ перваго.

⁴⁾ Соч., т. II, стр. 508.

⁵⁾ П. Н. Тихановъ. Н. И. Гнѣдичъ, стр. 40.

⁶⁾ Соч., т. III, стр. 88.

Карамзинъ особенно охотно предавался своимъ историческимъ трудамъ въ мирной тишинѣ Остафьева, гдѣ доселѣ уцѣлѣла скромная обстановка его рабочей комнаты и еще свѣжа та липовая аллея, которая служила любимымъ мѣстомъ его прогулокъ. Лѣтомъ 1810 года спокойное теченіе его деревенской жизни было отчасти нарушено продолжительною болѣзнію его дѣтей и грустью по кончинѣ одной изъ дочерей, послѣдовавшей въ весну того года ¹⁾. Тамъ пріятнѣе былъ для него отдыхъ въ бесѣдѣ съ молодыми пріятелями. Для Батюшкова трехнедѣльное пребываніе его въ Остафьевѣ ²⁾ было, конечно, самымъ свѣтлымъ заключеніемъ его московской жизни. Съ неохотой оставилъ онъ имѣнье Вяземскаго для своего Кантонова и оттуда написалъ Жуковскому задушевное письмо, въ которомъ высказалъ ему свои чувства: „Я васъ оставилъ *en impromptu*, уѣхалъ, какъ Эней, какъ Тезей, какъ Улиссъ отъ... потому что присутствіе мое было необходимо здѣсь въ деревнѣ, потому что мнѣ стало грустно, очень грустно въ Москвѣ, потому что я боялся заслушаться васъ, чудаки мои. По прибытіи моемъ сюда, болѣзнь моя, *les douleurs*, такъ усилилась, что я девятый день лежу въ постелѣ. Боль, кажется, уменьшилась, и я очень бы былъ благодаренъ тебѣ, любезный Василій Андреевичъ, еслибы не написалъ нѣсколько словъ: дружество твое мнѣ будетъ всегда драгоценно, и я могу смѣло надѣяться, что ты, великій чудакъ, могъ замѣтить въ короткое время мою къ тебѣ привязанность. Дай руку, и болѣе ни слова!“ ³⁾ Этими словами нашъ поэтъ какъ бы скрѣплялъ новый заключенный имъ дружескій союзъ.

¹⁾ Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 128; Переписка Карамзина съ братомъ—Атенею 1858 г., ч. III, стр. 477.

²⁾ Соч., т. III, стр. 65.

³⁾ Тамъ же, стр. 98.

VI.

Пребываніе Батюшкова въ деревнѣ во второй половинѣ 1810 года. — Чтеніе Монтаня. — Литературныя занятія. — Поѣздка въ Москву въ 1811 году. — Свиданіе съ московскими пріятелями. — Знакомство съ Ю. А. Нелединскимъ-Мелецкимъ и Е. Г. Пушкиной. — Жизнь въ Хантоновѣ во второй половинѣ 1811 года.

Съ возвращеніемъ Батюшкова въ деревню возобновились столь тягостныя для него дни одиночества. Если онъ могъ теперь развлекаться переборомъ своихъ московскихъ впечатлѣній, то воспоминанія эти составляли слишкомъ рѣзкую противоположность со скучною обстановкой его жизни въ деревенской глуши. Дѣятельной переписки съ московскими друзьями у него пока не завязывалось. Оленинъ оставлялъ его письма безъ отвѣта ¹⁾, какъ будто охладѣлъ къ нему, и только Гнѣдичъ, по прежнему, поддерживалъ съ нимъ корреспонденцію; но и въ его письмахъ Батюшковъ уже не находилъ той отрады, какъ прежде: Гнѣдичъ журилъ его за бездѣйствіе и никакъ не могъ помириться съ тѣмъ, что Константинъ Николаевичъ сблизился съ московскими карамзинистами.

Упрекъ въ бездѣйствіи основывался на томъ, что Батюшковъ вышелъ въ отставку. Его прошеніе о томъ было отправлено еще изъ Москвы, и въ маѣ мѣсяцѣ онъ уже былъ уволенъ изъ полка ²⁾. Планамъ его о поступленіи на дипломатическое поприще Гнѣдичъ, по видимому, не придавалъ серьезнаго значенія, да и въ самомъ дѣлѣ планы эти оставались въ области весьма смутныхъ надеждъ; въ другую же службу по гражданской части Батюшковъ по прежнему ни за что не желалъ опредѣлиться и не разъ высказывалъ это Гнѣдичу. Все это давало послѣднему поводъ для упрековъ, которые тѣмъ

¹⁾ Соч., т. III, стр. 63 и 67.

²⁾ Тамъ же, стр. 89; формулярный списокъ въ архивѣ Имп. П. Библиотекѣ.

больнѣе были нашему поэту, что онъ чувствовалъ въ нихъ долю справедливости и самъ ясно сознавалъ неопредѣленность своего положенія; ему приходилось оправдываться предъ петербургскимъ другомъ, и оправданія эти оказывались не совсѣмъ убѣдительными ¹⁾). У него мелькнула было мысль ѣхать въ Петербургъ, чтобы лично хлопотать объ устройствѣ своихъ дѣлъ, но домашнія обстоятельства задержали его въ Хантоновѣ ²⁾). Все это волновало и огорчало Константина Николаевича, и для него снова наступили дни унынія и хандры. „Повѣришь ли?“ писалъ онъ въ такомъ настроеніи Гнѣдичу.— „Я живу здѣсь четыре мѣсяца, и въ эти четыре мѣсяца почти никуда не выѣзжалъ. Отчего? Я вздумалъ, что мнѣ надобно писать въ прозѣ, если я хочу быть полезенъ по службѣ, и давай писать — и написалъ груды, и еще бы написалъ, несчастный! И я могъ думать, что у насъ дарованіе безъ интригъ, безъ ползанья, безъ какой-то расчетливости можетъ быть полезно! И я могъ еще дѣлать на воздухѣ замки и ловить дымъ! Нынѣ, бросивъ все, я читаю Монтаня, который иныхъ учитъ жить, а другихъ ждять смерти“ ³⁾). Словомъ, и на этотъ разъ Батюшковъ переживалъ то же недовольство и собою, и другими, какое мы уже видѣли въ его прошлогоднихъ жалобахъ.

Но какъ ни было уныло его душевное настроеніе, умственная дѣятельность его не ослабѣвала: поэтъ не покидалъ ни чтенія, ни литературныхъ занятій. Изъ Москвы онъ, по видимому, привезъ новый запасъ книгъ, которыя служили обильною пищей для его не слабѣющей любознательности. Между прочимъ онъ продолжалъ изученіе италіянскихъ поэтовъ, но теперь, оставивъ Тасса, онъ принялся за Петрарку и ознакомился съ произведеніями Касти; весьма возможно, что на

¹⁾ Соч., т. III, стр. 101—103.

²⁾ Тамъ же, стр. 103 и 105.

³⁾ Тамъ же, стр. 63.

послѣдняго вниманіе Батюшкова было обращено И. М. Муравьевымъ-Апостоломъ, который сошелся съ Касті во время своихъ странствованій за границей ¹⁾. Изъ Петрарки и Касті Батюшковъ перевелъ въ это время нѣсколько піесъ, выбирая притомъ большею частью такія стихотворенія, которыя по своему содержанію соответствовали его собственному душевному настроенію. Такъ, у Петрарки онъ взялъ одну изъ канцонъ, посвященныхъ итальянскимъ поэтомъ памяти Лауры; въ переводѣ Батюшкова она заключается такими стихами:

О пѣснопѣнній мать, въ вертепахъ отдаленныхъ,
Въ изгнаньи горестномъ утѣха дней моихъ,
О лира, возбуди бряцаньямъ струнъ златыхъ
И холмы спящіе, и кипарисны рощи,
Гдѣ я, печали сынъ, среди глубокой нощи,
Объятый трепетомъ, склонился на гранить...
И надо мною тѣнь Лауры пролетять! ²⁾

Это обращеніе къ поэзіи Батюшковъ могъ бы высказать и прямо отъ своего имени, такъ какъ творчество было для него въ деревенской глуши лучшею отрадой.

Вышеприведенное упоминаніе о Монтанѣ также служитъ свидѣтельствомъ тому, что ходъ занятій Батюшкова въ деревнѣ находился въ тѣсной связи съ тогдашнимъ расположеніемъ его духа. Константинъ Николаевичъ, безъ сомнѣнія, съ раннихъ лѣтъ былъ знакомъ съ знаменитыми „Опытами“ Монтана; но до 1810 года въ деревенской библіотекѣ нашего поэта не было этой книги ³⁾; теперь же онъ съ увлеченіемъ зачитывался ею и даже собирался переводить отрывки изъ нея для Вѣстника Европы ⁴⁾. Причины этого увлеченія вполне понятны: въ Монтаневыхъ „Опытахъ“ Батюшковъ находилъ, изложенное въ легкой и привлекательной формѣ, то самое міросозерцаніе, ко-

¹⁾ Сынъ Отеч. 1813 г., ч. IX, № 39, стр. 6.

²⁾ Соч., т. I, стр. 119.

³⁾ Тамъ же, т. III, стр. 45.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 99.

торое выработалось у него самого подъ другими литературными вліяніями. Сентъ-Бевъ называетъ Монтаня французскимъ Гораціемъ; и дѣйствительно, въ образѣ мыслей этого блестящаго представителя французскаго Ренессанса, упитаннаго древними и какъ бы чуждаго христіанству, мы видимъ соединеніе скептицизма съ чисто гораціанскимъ эпикурействомъ. Монтань убѣжденъ, что человѣку не дано знать истину во всей ея полнотѣ: въ ограниченности своего познанія онъ можетъ только наблюдать самого себя. Такъ Монтань и дѣлаетъ: его „Опыты“ не содержатъ въ себѣ цѣльнаго философскаго ученія, а представляютъ лишь рядъ замѣтокъ по вопросамъ нравственной философіи, основанныхъ на самонаблюденіи. Изучая самого себя, Монтань пришелъ къ заключенію, что цѣль человѣческой жизни есть наслажденіе: человѣкъ находитъ его, подчиняясь естественнымъ влеченіямъ своей природы и свободно удовлетворяя потребностямъ своей души и тѣла. Тому же учила и сенсуалистическая философія XVIII вѣка. Поэтому Вольтеръ высказываетъ такое же сочувствіе Монтаню, какое питалъ къ эпикурейцу Горацію. Это, безъ сомнѣнія, послужило руководящимъ указаніемъ для нашего поэта: всѣ три названные писателя были его наставниками въ житейской мудрости въ его молодые годы.

Батюшковъ любилъ ссылаться на свой ранній жизненный опытъ; но вопреки тому, чему, казалось бы, должны были научить его неудачи и огорченія, онъ еще твердо вѣрилъ въ возможность создать свое счастье, посвятивъ жизнь наслажденію. Гнѣдичъ укорялъ своего друга въ лѣни и побуждалъ его къ труду, который усовершенствовалъ бы его дарованіе. „Я гривны не дамъ“, отвѣчалъ ему Батюшковъ, — „за то, чтобы быть славнымъ писателемъ... а хочу быть счастливымъ. Это желаніе внушила мнѣ природа въ пеленахъ“¹⁾. Между тѣмъ дѣйстви-

¹⁾ Соч., т. III, стр. 68.

тельность слишкомъ часто напоминала ему о себѣ и болѣзнями, и хозяйственными неудачами, и безденежьемъ, и только въ области творчества Константинъ Николаевичъ могъ свободно предаваться своимъ любимымъ грезамъ; за то въ этой сферѣ онъ всего настойчивѣе охранялъ свою независимость и, вѣрно понимая свойство своего таланта, упорно отказывался принимать совѣты Гнѣдича, когда тотъ предлагалъ ему продолжать переводъ Тасса или взяться за Расина, но не переводить Парни ¹⁾. Вопреки этимъ совѣтамъ Батюшковъ не покидалъ французскаго лирика и, кромѣ того, съ особеннымъ увлеченіемъ занимался теперь передѣлкой любимаго произведенія своей ранней юности, элегіи „Мечта“; особенно разработалъ онъ въ этомъ стихотвореніи характеристику Горація, какъ представителя эпикурейства, и тѣмъ выразилъ свое сочувствіе философіи наслажденія.

Счастливая мечта, живи еще со мной!

воскликаетъ поэтъ, какъ бы сознавая самъ, что несбыточныя надежды на счастье ускользаютъ отъ него, гонимыя печальною дѣйствительностью ²⁾. Батюшкову во что бы то ни стало хотѣлось продлить еще хотя немного свою вольную жизнь. Въ то время, какъ Гнѣдичъ убѣждалъ его приняться за дѣло и ѣхать для того въ Петербургъ, приводя въ числѣ своихъ доводовъ даже такое соображеніе, что въ Москвѣ онъ сталъ бы писать хуже ³⁾, Константинъ Николаевичъ рѣшился снова отправиться въ Москву, гдѣ у него не предвидѣлось никакихъ удобствъ для устройства своей карьеры, но гдѣ жили милые ему люди, среди которыхъ онъ могъ провести нѣсколько мѣсяцевъ пріятно и весело; въ дальнѣйшемъ будущемъ онъ заду-

¹⁾ Соч., т. III, стр. 64, 68, 117.

²⁾ Въ первоначальной редакціи „Мечты“ приведенный стихъ читался такъ:
Счастливая мечта, живи, живи со мной!

³⁾ Соч., т. III, стр. 68.

мывалъ совершить поѣзду на кавказскія воды, чтобы найдти въ нихъ облегченіе отъ своихъ болѣзней ¹⁾. Для начала Константинъ Николаевичъ въ декабрѣ 1810 года отправился въ Вологду, но здѣсь его постигла новая серьезная болѣзнь, замедлившая дальнѣйшій путь его; такимъ образомъ, до Москвы онъ добрался только къ началу февраля 1811 года и по прежнему примѣру остановился у Е. Ѳ. Муравьевой.

Здѣсь нѣсколькихъ пріятныхъ впечатлѣній было достаточно, чтобы возстановить душевную бодрость нашего мечтателя. Встрѣча съ Жуковскимъ и Вяземскимъ убѣдила его, что московскіе пріатели любятъ его по прежнему; изъ Петербурга также пришли пріятныя вѣсти: Оленинъ написалъ Батюшкову „дружественное“ письмо, свидѣтельствовавшее, что Константинъ Николаевичъ можетъ рассчитывать на его содѣйствіе, въ случаѣ пріисканія должности. Все это побудило Батюшкова извѣстить Гнѣдича радостнымъ посланіемъ о своемъ пріѣздѣ въ Москву и о томъ, что онъ вскорѣ собирается въ Петербургъ ²⁾. На самомъ дѣлѣ однако онъ не спѣшилъ увѣзжать изъ древней столицы; онъ даже закинулъ Гнѣдичу слово, что будетъ отвѣчать Оленину только мѣсяца черезъ три, „чтобы не уронить своего достоинства и не избаловать его“. По просту сказать, московская жизнь была слишкомъ соблазнительна для нашего поэта, и снова попавъ въ ея круговоротъ, Батюшковъ не желалъ разстаться съ нею слишкомъ скоро.

Опять возобновились сходки у Ѳ. Ѳ. Иванова и особенно у князя Вяземскаго, съ тѣмъ же характеромъ изящнаго веселья, который такъ нравился Батюшкову въ прошломъ году. На дружескія собранія у Вяземскаго Константинъ Николаевичъ намекнулъ въ обращеніи къ нему въ своихъ „Пенатахъ“:

¹⁾ Соч., т. III, стр. 67 и 106.

²⁾ Тамъ же, стр. 110—111.

О, Аристишповъ внукъ,
Ты любишь пѣсни нѣжны
И рюмокъ звонъ и стукъ!
Въ часъ нѣги и пролады
На ужинахъ твоихъ
Ты любишь томны взгляды
Прелестницъ записныхъ,
И всѣ заботы славы,
Суеть и шумъ, и блажь
За быстрый мигъ забавы
Съ поклонами отдашь! ¹⁾

Впослѣдствіи Вяземскій, вспоминая о своихъ раннихъ сношеніяхъ съ Батюшковымъ, выразился про себя, что онъ „жилъ тогда на-вѣтеръ“ ²⁾; но и эта пора веселой молодости имѣла свое значеніе въ жизни, какъ его собственной, такъ и тѣхъ молодыхъ писателей, которые собирались вокругъ него. Къ сожалѣнію, преданіе сохранило слишкомъ мало подробностей объ этихъ пріятельскихъ сходкахъ. вмѣстѣ съ Батюшковымъ, постоянными гостями Вяземскаго по прежнему были, конечно, Жуковскій и В. Л. Пушкинъ; къ нимъ присоединились теперь и новыя лица: А. М. Пушкинъ, циникъ и вольтеріанецъ, ѣдкій на языкъ, но очень цѣнимый хозяиномъ за свой оригинальный и бойкій умъ; Левушка (Л. В.) Давыдовъ, братъ знаменитаго Дениса и, вѣроятно, сродный ему по уму и дарованіямъ, такъ какъ слылъ между пріятелями подъ именемъ Анакреона ³⁾; Д. П. Сѣверинъ, питомецъ И. И. Дмитріева и товарищъ Вяземскаго по ученію; С. Н. Маринъ, петербургскій стихотворецъ и острословъ, съ поклоненіемъ Шишкову соединявшій любовь къ легкимъ стихамъ и сочинявшій пародіи на торжественныя оды Ломоносова и Державина ⁴⁾; наконецъ, гр. Мих. Юр.

¹⁾ Соч., т. I, стр. 139—140.

²⁾ П. собр. соч. кн. Вяз., т. IX, стр. 122.

³⁾ Соч., т. III, стр. 155, 168.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 193; П. собр. соч. кн. Вяз., т. VIII, стр. 115.

Вьельгорскій, талантливый пѣвецъ и композиторъ, сочинявшій музыку для куплетовъ, которые пѣлись на ужинахъ Вяземскаго ¹⁾; Батюшковъ былъ знакомъ съ нимъ еще со времени своего пребыванія въ Ригѣ въ 1807 году.

Литература составляла господствующій интересъ на этихъ дружескихъ собраніяхъ. Въ то время поэтической талантъ Жуковскаго уже достаточно окрѣпъ, и въ значительной степени опредѣлилось направленіе его творчества. Въ ранней юности горячій поклонникъ Руссо, онъ былъ теперь ревностнымъ почитателемъ германской литературы, въ особенности шиллеровскаго идеализма; воображеніе его питалось фантастическими образами средневѣковаго міра, душа требовала живой вѣры; на жизнь онъ смотрѣлъ съ возвышенной всепримирающей точки зрѣнія, въ силу которой всякое душевное страданіе настоящей минуты находить себѣ разрѣшеніе въ твердой надеждѣ на будущее, въ вѣрѣ въ жизнь за гробомъ. Это міросозерцаніе, равно какъ влеченіе Жуковскаго къ германской поэзіи, должно было вызывать сильныя возраженія со стороны его друзей, воспитанныхъ на французской словесности, на рационализмъ и сенсуализмъ XVIII вѣка и болѣе склонныхъ искать наслажденія въ земныхъ благахъ. Въ то время, какъ Жуковскій твердилъ свой любимый оптимистическій афоризмъ: „добра несравненно болѣе, нежели зла“ ²⁾, Батюшковъ говорилъ какъ разъ противоположное ³⁾. Восхищаясь прелестью стиховъ Жуковскаго, онъ осуждалъ выборъ сюжетовъ въ его балладахъ и посмѣивался надъ его любовью къ наивной народной фантастикѣ ⁴⁾. Онъ не подозрѣвалъ, что уже самая форма баллады отрывала доступъ въ поэзію народному элементу. Какъ видно изъ прозаическаго опыта самого Батюшкова, повѣсти „Пред-

¹⁾ Соч. Бат., т. III, стр. 155; П. собр. соч. кн. Вяз., т. VIII, стр. 434.

²⁾ Загаринъ. В. А. Жуковскій и его произведенія, стр. 53.

³⁾ Соч., т. III, стр. 51.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 111 и 187.

слава и Добрыня⁴, русская народность неизбѣжно облекалась въ его представленіи въ героическіе образы и величественныя картины классическаго стиля. Мрачныя мотивы балладъ Жуковскаго, привидѣнія, мертвецы и тому подобныя образы, между прочимъ, подали однажды поводъ друзьямъ его къ слѣдующей шуткѣ: Вяземскій и Батюшковъ заѣхали въ квартиру Василя Андреевича и, не найдя тамъ ни хозяина, ни слуги, оставили маленькій дѣтскій гробикъ, нарочно купленный въ ближней гробовой лавкѣ. Слуга Жуковскаго, возвратившись домой раньше барина, испугался при видѣ этого неожиданнаго гостинца, побѣжалъ разыскивать Василя Андреевича по всѣмъ его знакомымъ и, наконецъ отыскавъ, сказалъ: „У насъ въ домѣ случилось большое несчастіе“. Разумѣется, когда Жуковскій узналъ, въ чемъ дѣло, онъ расхохотался и послѣ журилъ своихъ пріятелей за ихъ шутку¹).

Расходясь съ Жуковскимъ во взглядѣ на предметы творчества, Батюшковъ однако, какъ мы уже знаемъ, чрезвычайно высоко цѣнилъ его поэтическое дарованіе и художественное чувство: свои собственныя произведенія онъ охотно отдавалъ на его судъ и исправленіе²). Вообще, это были, такъ-сказать, домашнія разногласія кружка, не имѣвшія вліянія ни на дружескія связи его членовъ, ни на солидарность ихъ мнѣній относительно общаго состоянія тогдашней русской литературы. Напротивъ того, въ ту пору, когда въ Петербургѣ оконча-

¹) Сообщено Н. П. Барсуковымъ со словъ вн. П. А. Вяземскаго въ Р. Архивѣ 1874 г., кн. II, ст. 1089. Въ одномъ изъ писемъ 1814 г. Батюшковъ напоминаетъ Жуковскому то счастливое время, когда авторъ „Людмилы“ „жилъ у Дѣвичьяго монастыря въ сладкой бесѣдѣ съ музами“. „Всегда“, говоритъ онъ, — „съ удовольствіемъ живѣйшимъ вспоминаю и тебя, и Вяземскаго, и вечера наши, и споры, и шалости, и проказы“ (Соч., т. III, стр. 303). Это воспоминаніе нельзя не сблизить съ вступленіемъ къ „Прогулкѣ въ академію художествъ“, которое, будучи написано въ формѣ письма къ „старому московскому пріятелю“, также содержитъ въ себѣ указанія на споры и бесѣды автора съ его пріятелемъ о предметахъ искусства и литературы.

²) Соч., т. III, стр. 99.

тельно сформировалась Бесѣда любителей русскаго слова, этотъ главный штабъ литературнаго старовѣрства, а въ Москвѣ, при университетѣ, готовилось образованіе Общества любителей словесности, когда такимъ образомъ противники Карамзина сныкались, чтобъ окончательно захватить въ свои руки литературное движеніе, — и среди московскихъ карамзинистовъ особенно сильно почувствовалась потребность общенія, и тамъ стали собираться съ силами для полемики: Это-то настроеніе и оживляло тотъ кружокъ, центромъ котораго былъ юноша Вяземскій. На его ужинахъ уже возглашался такой куплетъ:

Пускай Сперанскій образуеть,
 Пускай на вкусъ Бесѣда плюеть
 И хлещеть умъ въ бока хлыстомъ:
 Я не собьюся съ панталыка!
 Нѣтъ, мое дѣло только пить
 И, на нихъ глядя, говорить:
 „Сопше ça брусника!“¹⁾

Вяземскій уже осмѣивалъ плохихъ писателей безчисленными эпиграммами, а В. Л. Пушкинъ, тѣмъ временемъ, сочинялъ „Опаснаго сосѣда“, въ которомъ въ забавной роли выведены старикъ Шишковъ и его молодой любимецъ, благочестивый поэтъ князь Шихматовъ, и готовилъ посланія къ Жуковскому и Д. В. Дашкову съ горячею исповѣдью своей карамзинской вѣры. Такъ весело и бойко сторонники новаго слога выступали на борьбу со старыми словесниками. На вечерахъ князя Вяземскаго уже господствовало то настроеніе, которое, нѣсколько лѣтъ спустя, послужило живительнымъ началомъ для Арзамаса, и амфитріонъ этихъ дружескихъ собраній уже носилъ свое арзамасское прозвище Асмодея²⁾. Вспоминая впоследствии это свѣтлое время юности, Вяземскій самъ говорилъ:

¹⁾ П. собр. соч. кн. Вяз., т. VIII, стр. 434; тамъ же и объясненіе припѣва.

²⁾ Соч. Бат., т. III, стр. 193.

„Мы уже были арзамасцами между собою, когда Арзамаса еще и не было“¹⁾.

Батюшкова очень занимала эта все сильнѣе разгоравшаяся борьба литературныхъ партій. Съ тѣхъ поръ, какъ его „Видѣніе на берегахъ Леты“ пошло по рукамъ, на него стали смотрѣть въ обществѣ, какъ на одного изъ горячихъ ратоборцевъ новой школы. До него доходили слухи, что въ Петербургѣ на него написана сатира, въ которой онъ осмѣянъ вмѣстѣ съ В. Пушкинымъ и Карамзинымъ. Батюшковъ желалъ поскорѣе прочесть ее, чтобы, какъ писалъ онъ Гнѣдичу, сдѣлать надъ собою моральный опытъ, то-есть, провѣрить, можетъ ли онъ быть равнодушенъ къ насмѣлкѣ²⁾. Между тѣмъ „Видѣніе“ продолжало восхищать собою московскихъ карамзинистовъ: Вяземскій ставилъ его очень высоко. Константинъ Николаевичъ, въ свою очередь, наслаждался эпитаграммами князя и съ восторгомъ писалъ о нихъ Гнѣдичу³⁾. „Опасный сосѣдъ“ В. Пушкина также привелъ его въ восхищеніе, которое на этотъ разъ сообщилось и его петербургскому пріятелю, столь часто съ нимъ несогласному⁴⁾. Личныя столкновенія своихъ литературныхъ друзей со старыми словесниками Батюшковъ горячо принималъ къ сердцу: такъ было при ссорѣ Гнѣдича съ Державинымъ изъ-за членства перваго въ Бесѣдѣ, и въ то время, когда старый лирикъ написалъ грубое письмо къ Жуковскому за помѣщеніе его піесъ въ „Собраніи русскихъ стихотвореній“⁵⁾. Въ этомъ послѣднемъ столкновеніи особенно возмутила Константина Николаевича нравственная сторона поступка Державина; онъ вообще не мирился съ тѣмъ высокоуміемъ, съ одной стороны, и угодничествомъ—съ другой, которыя господствовали въ тогдашнихъ

¹⁾ П. собр. соч. кн. Вяз., т. VII, стр. 411.

²⁾ Соч., т. III, стр. 113.

³⁾ Тамъ же, стр. 121; ср. стр. 138.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 118, 128, 132.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 112, 113, 121.

литературныхъ нравахъ, особливо петербургскихъ. „Вотъ истинный бѣсъ и никого видно не боится“, писалъ онъ Гнѣдичу, прослышавъ, что князь Б. В. Голицынъ написалъ книгу о русской словесности, въ которой „разбранилъ Карамзина и Шишкова“¹⁾, то-есть, отнесся самостоятельно къ обоимъ преобладавшимъ въ литературѣ теченіямъ. Негодованіе Батюшкова всего чаще возбуждалось отсутствіемъ вкуса, грубостью слога и бѣдностью мысли, которыми отличались писанія словесниковъ старой школы, и въ этомъ случаѣ онъ не щадилъ ихъ своими насмѣшками въ письмахъ къ Гнѣдичу и, конечно, въ бесѣдахъ съ московскими друзьями. „Вялый слогъ, безчисленныя ошибки противъ правилъ языка, совершенная пустота въ мысляхъ, вотъ что можно сказать о большей части оригинальныхъ книгъ. Тотъ же вялый, а часто и грубый слогъ, тѣ же ошибки, исковерканіе мыслей — вотъ главные признаки ежедневно выходящихъ переводовъ“. Такъ еще въ 1810 году судилъ о большинствѣ явленій тогдашней литературы Вяземскій въ письмѣ къ Батюшкову по поводу перевода одной Кребилъоновой трагедіи С. И. Висковатовымъ²⁾; въ томъ же смыслѣ высказывался и Жуковскій въ своихъ критическихъ статьяхъ, печатавшихся въ Вѣстникѣ Европы, и Дашковъ въ разборѣ книгъ Шишкова „Переводъ двухъ статей изъ Лагарпа“³⁾. Мнѣнія Батюшкова вполне сходились съ этими отзывами; на разборъ Дашкова онъ обратилъ вниманіе прежде, чѣмъ узналъ, кто его авторъ, въ то время не знакомый ему лично⁴⁾; по поводу рѣчи, произнесенной Шишковымъ при открытіи Бесѣды, Константинъ Николаевичъ высказался очень рѣзко: „Иные смѣялись, читая его слово“, писалъ онъ Гнѣдичу, — „а я плакалъ. Вотъ образецъ нашего жалкаго просвѣ-

¹⁾ Соч., т. III, стр. 121.

²⁾ П. собр. соч. кн. Вяземскаго, т. I, стр. 3.

³⁾ Разборъ Дашкова напечатанъ въ Цвѣтникѣ 1810 г., ч. IV.

⁴⁾ Соч., т. III, стр. 123.

щенія! Ни мыслей, ни ума, ни соли, ни языка, ни гармоніи въ періодахъ: une stérile abondance de mots, и все тутъ, а о ходѣ и планѣ не скажу ни слова. Это—академическая рѣчь? Гдѣ мы?... И этотъ человѣкъ, и эти люди бранятъ Карамзина за мелкія ошибки и строки, написанныя въ молодости, но въ которыхъ дышетъ дарованіе! И эти люди хотятъ сдѣлать революцію въ словесности не образцовыми произведеніями, нѣтъ, а системою новою, глупою!¹⁾ Изъ этихъ словъ ясно, что Батюшковъ видѣлъ въ распрѣ между старою и новою школою не случайный споръ, а серьезную борьбу просвѣщенныхъ идей противъ упорнаго коснѣнія въ застарѣлыхъ предрасудкахъ; произведенія Карамзина уже получали въ его глазахъ классическое значеніе и становились основой дальнѣйшаго литературнаго развитія. Такимъ образомъ, въ той группѣ писателей, съ которою нашъ поэтъ сблизился въ Москвѣ, онъ нашелъ не только склонность позабавиться на счетъ литературныхъ нелѣпостей старой школы, но и болѣе глубокія идеи о задачахъ литературы, и услышалъ голосъ дѣльной критики, основанной если не на философскомъ принципѣ, то по крайней мѣрѣ на требованіяхъ здраваго и просвѣщеннаго вкуса.

Кромѣ кружка молодыхъ литераторовъ, Батюшковъ, во второй свой пріѣздъ въ Москву, посѣщалъ довольно много общества, и на этотъ разъ, кажется, съ большимъ удовольствіемъ, чѣмъ въ прошломъ году. Онъ не жаловался теперь на скуку, а напротивъ, писалъ Гнѣдичу, что разсѣянность и суета московской жизни испортили его, что онъ облѣнился, не писалъ ничего все это время и даже читалъ мало²⁾. Но конечно, эти самообвиненія нужно принимать только съ извѣстными ограниченіями: Константинъ Николаевичъ вращался по преимуществу среди людей, которые жили дѣятельною умственною жизнью.

¹⁾ Соч., т. III, стр. 127.

²⁾ Тамъ же, стр. 126.

По прежнему онъ видался съ умнымъ и образованнымъ И. М. Муравьевымъ-Апостоломъ и посѣщалъ Карамзина, при чемъ слышалъ отрывки изъ его „Исторіи“ въ чтеніи самого автора ¹⁾); вновь познакомился онъ съ Ю. А. Нелединскимъ и нашелъ, что это — „истинный Анакреонъ, самый острый и умный человекъ, добродушный въ разговорахъ и любезный въ своемъ быту — вопреки и звѣздѣ, и сенаторскому званію, которое онъ заставляетъ забывать“ ²⁾). Не чуждался нашъ поэтъ и шумныхъ свѣтскихъ удовольствій и бывалъ даже на блестящемъ карусель, которымъ забавлялись тогда богатые Москвичи ³⁾). Но самымъ интереснымъ изъ новыхъ знакомствъ, сдѣланныхъ теперь Константиномъ Николаевичемъ, было знакомство съ Еленой Григорьевной Пушкиной, супругой уже извѣстнаго намъ Алексѣя Михайловича. Мы уже говорили, какъ высоко цѣнили Батюшковъ общество образованныхъ женщинъ, какое придавалъ ему облагораживающее и смягчающее значеніе. Въ ранней юности онъ любилъ проводить время у П. М. Ниловой и А. П. Квашниной-Самариной; теперь въ Москвѣ онъ находилъ удовольствіе въ обществѣ Е. Г. Пушкиной. Это, конечно, была одна изъ лучшихъ русскихъ женщинъ своего времени. Большой умъ въ ней признавали даже тѣ, кто не хотѣлъ или не умѣлъ видѣть въ ней другихъ качествъ. Злые языки находили, что она любила блистать своимъ умомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выставять на показъ свою чувствительность; говорили, что въ ней много претензій ⁴⁾); но такіе люди, какъ Жуковский, Вяземскій и Ал. Тургеневъ, какъ Муравьевъ-Апостолъ и Батюшковъ, питали къ ней не поддѣльное и глубокое уваженіе: обладая замѣчательнымъ образованіемъ, хорошо знакомая съ современною литературой,

¹⁾ Соч., т. III, стр. 116.

²⁾ Тамъ же, стр. 113; ср. стр. 128.

³⁾ Тамъ же, стр. 123 и 133.

⁴⁾ Вигель. Воспоминанія, ч. VI, стр. 14; Переписка Ф. Крестина, стр. 144—389.

любезная въ своемъ обращеніи, эта молодая женщина стояла совершенно на уровнѣ умственнаго и нравственнаго развитія лучшихъ своихъ современниковъ. „Въ вашемъ прелестномъ для меня обществѣ“, писалъ ей однажды Батюшковъ, — „я находилъ сладостныя, неизъяснимыя минуты и горжусь мыслью, что женщина, какъ вы, съ добрымъ сердцемъ, съ просвѣщеннымъ умомъ и, можетъ быть, съ твердымъ, постояннымъ характеромъ, любила угадывать всѣ движенія моего сердца и часто была мною довольна“ ¹⁾. Съ своей стороны, Елена Григорьевна прекрасно поняла живую, мягкую, увлекающуюся натуру и счастливое дарованіе поэта, и ихъ соединила самая благородная дружба. Елена Григорьевна сама описала начало ихъ знакомства, и этотъ небольшой отрывокъ, приведенный въ началѣ настоящаго очерка, содержитъ въ себѣ самую теплую и самую вѣрную характеристику Константина Николаевича.

Такъ, среди пріятныхъ впечатлѣній, промелькнули для Батюшкова четыре мѣсяца, и у него не хватило рѣшимости покинуть Москву и промѣнять ее на Петербургъ. По временамъ онъ съ безпокойствомъ вспоминалъ о приглашеніи Оленина и въ письмахъ къ Гнѣдичу повторялъ, что скоро явится къ нему, а между тѣмъ все-таки не ѣхалъ. Наконецъ, въ началѣ лѣта Константинъ Николаевичъ замѣтилъ, что средства, припасенныя имъ на поѣздку, приходятъ къ концу; ѣхать въ Петербургъ безъ денегъ становилось невозможнымъ, и потому въ концѣ іюня или въ началѣ іюля онъ, во избѣжаніе дальнѣйшихъ затрудненій, положилъ отправиться снова въ свою деревню, быть можетъ, не совсѣмъ недовольный тѣмъ, что такимъ образомъ избѣгъ еще на нѣкоторое время печальной необходимости искать службы въ Петербургѣ.

Но Батюшковъ зналъ, что это его рѣшеніе вызоветъ новое неудовольствіе со стороны его петербургскаго друга и потому,

¹⁾ Соч., т. III, стр. 231.

едва прїѣхавъ въ Хантоново, поспѣшили изложить Гнѣдичу свое оправданіе. Гнѣдичъ однако разсердился, по видимому, не на шутку; у него было мелкое самолюбіе тѣхъ людей, которые обижаются, когда даваемые ими совѣты не приводятся въ исполненіе ¹⁾). Онъ цѣлые два мѣсяца не отвѣчалъ Батюшкову, и когда наконецъ рѣшился писать ему, то опять повелъ рѣчь въ прежнемъ тонѣ, снова сталъ корить своего прїятеля лѣнью, недостаткомъ житейской опытности, погоней за несбыточною независимостью и т. под. Всѣ эти безконечныя упреки Батюшковъ принималъ теперь очень добродушно и не падалъ духомъ, какъ то, вѣроятно, случилось бы прежде: онъ въ свою очередь продолжалъ твердить, что не хочетъ поступать въ какую-нибудь канцелярію, не гонится за жалованьемъ, и снова сталъ заговаривать о дипломатической карьерѣ или о поѣздкѣ за границу. „Я говорю о путешествіи“, объяснялъ онъ Гнѣдичу, — „ты пожимаешь плечами. Но я тебя въ свою очередь спрошу: Батюшковъ былъ въ Пруссіи, потомъ въ Швеціи; онъ былъ тамъ самъ, по своей охотѣ, тогда, когда все ему препятствовало; почему жъ Батюшкову не быть въ Италіи?... Если фортуна можно умилоствовать, если въ сильномъ желаніи тлѣется искра исполненія, если я буду здоровъ и живъ, то я могу быть при миссіи, гдѣ могу быть полезенъ. И еще скажу тебѣ, что когда бы обстоятельства позволяли, и курсъ денежный унизился, то Батюшковъ былъ бы на свои деньги въ чужихъ краяхъ, куда онъ хочетъ ѣхать за тѣмъ, чтобъ наслаждаться жизнью, учиться, зѣвать; но это все одни если, и то правда, но если сбывочныя“ ²⁾). Такая настойчи-

¹⁾ Эту черту замѣтилъ въ Гнѣдичѣ Н. И. Гречъ, бывшій его прїятеlemъ. Вотъ слова Греча: „Многіе молодые писатели совѣтовались съ Гнѣдичемъ и пользовались его уроками, которые онъ давалъ имъ охотно и откровенно... Бѣда, бывало, друзьямъ его не прочесть ему своихъ статей или стиховъ предварительно: напечатанные бранилъ онъ тогда безпощадно и въ глаза автору, а за одобренные или по крайней мѣрѣ выслушанные имъ вступался съ усердіемъ и жаромъ“ (Газетныя замѣтки въ Сѣверной Пчелѣ 1857 г., № 159).

²⁾ Соч., т. III, стр. 159.

вость въ преслѣдованіи своей мечты, такая вѣра въ возможность достигнуть того, что сильно желается, была у Константина Николаевича прямымъ результатомъ той душевной бодрости, которую дало ему вторичное пребываніе въ Москвѣ; еще болѣе, чѣмъ послѣ первой поѣздки туда, онъ вынесъ теперь изъ общенія съ московскими пріятелями увѣренности въ свои силы и дарованіе. Подъ этими впечатлѣніями онъ написалъ въ деревнѣ свое извѣстное посланіе къ Жуковскому и Вяземскому, озаглавленное „Мои пенаты“. Еще разъ возвращается въ немъ поэтъ къ своей любимой мечтѣ, что жизнь дана для наслажденія:

Пока бѣжить за нами
• Богъ времени съдой
И губить лугъ съ цвѣтами
Безжалостной косой,
Мой другъ, скорѣй за счастьемъ
Въ путь жизни полетимъ,
Упьемся сладострастьемъ
И смерть опередимъ;
Сорвемъ цвѣты украдкой
Подъ лезвіемъ косы
И лѣтню жизни краткой
Продлимъ, продлимъ часы!

Но теперь наслажденіе жизнью представляется поэту уже не въ шумномъ веселіи пировъ, какъ прежде: онъ готовъ примириться съ своею скромною долей подъ охраною „отеческихъ пенатовъ“, лишь бы его не покидали друзья и вдохновеніе—

сердца тихій жаръ
И сладки пѣснопѣнья,
Богинь пермесскихъ даръ.

Какъ бы въ поясненіе этихъ поэтическихъ желаній, читаемъ мы слова Батюшкова въ одномъ изъ тогдашнихъ писемъ его къ Гнѣдичу: „Поэзія, сіе вдохновеніе, сіе нѣчто изнимаю—

щее душу изъ ея обыкновеннаго состоянія дѣлаеть любимцевъ своихъ несчастными счастливыми“¹⁾).

И дѣйствительно, не смотря на свое одиночество, Батюшковъ сохранялъ и въ Хантоновѣ покойное расположеніе духа и меньше испытывалъ припадковъ хандры, обыкновенной спутницы его деревенской жизни. Онъ занимался хозяйственными дѣлами, много читалъ, между прочимъ философскія книги, и изучалъ италіянскихъ поэтовъ²⁾; усердно слѣдилъ за литературными новостями петербургскими и московскими и судилъ о нихъ съ независимостью челоѣка, выработавшаго себѣ опредѣленный взглядъ на вещи; задумывалъ новыя произведенія и хотя писалъ мало, но очевидно, находился въ томъ творческомъ настроеніи, когда въ душѣ поэта зрѣютъ новыя художественныя замыслы. Письма его изъ этой поры отличаются живостью и веселостью; кромѣ Гнѣдича, у Константина Николаевича завязалась теперь дѣятельная переписка съ Вяземскимъ, и между тѣмъ какъ въ письмахъ къ петербургскому пріятелю Батюшкову часто приходилось пускаться въ скучныя для него разсужденія объ устройствѣ своей дальнѣйшей судьбы, съ княземъ онъ могъ переписываться только о предметахъ литературныхъ, одинаково интересныхъ имъ обоимъ. Дружба, какъ замѣтила Е. Г. Пушкина, была кумиромъ Батюшкова; но не со всѣми своими пріятелями онъ былъ такъ задушевно откровененъ, какъ съ Вяземскимъ³⁾: ему одному онъ свободно повѣрялъ и свои мнѣнія, и свое душевное настроеніе, въ твердомъ убѣжденіи, что встрѣтитъ сочувственный откликъ. Большою неожиданностью было для Константина Николаевича извѣстіе, что Вяземскій, этотъ почти юноша, еще не уставшій отъ всевозможныхъ развлеченій самой разсѣянной жизни, собирается вступить въ

¹⁾ Соч., т. III, стр. 140.

²⁾ Тамъ же, стр. 136, 137, 165, 170, 171 и др.

³⁾ Тамъ же, стр. 414.

бракъ. Батюшковъ не скрылъ своего удивленія при этой новости, но вмѣстѣ съ тѣмъ радостно привѣтствовалъ важную перемену въ быту своего друга ¹⁾).

Такъ прошли для Батюшкова въ „безмолвномъ уединеніи“ деревенской жизни шесть мѣсяцевъ — вторая половина 1811 года, прошли безъ особенныхъ радостей, но и безъ гнетущаго унынія, и не отняли у нашего поэта душевныхъ силъ, которыя онъ, по своей впечатлительности, умѣлъ тратить столь неразчетливо. Все настоятельнѣе чувствовалъ онъ необходимость принять какое-нибудь рѣшеніе для того, чтобы обезпечить свое будущее. Утративъ надежду проложить себѣ путь къ дипломатической службѣ, Батюшковъ сталъ думать, нельзя ли ему пристроиться къ Императорской Публичной Библиотекѣ подъ непосредственное начальство Оленина ¹⁾. Между тѣмъ какъ Гнѣдичъ звалъ Константина Николаевича въ Петербургъ, Вяземскій желалъ видѣть его въ Москвѣ. Туда же стремился своими помыслами и самъ Батюшковъ; но на сей разъ благоразуміе должно было взять верхъ: онъ согласился послѣдовать настойчивымъ совѣтамъ своего петербургскаго друга и въ январѣ 1812 года, миновавъ Москву и ея соблазны, отправился на берега Невы.

¹⁾ Соч., т. III, стр. 143, 146, 154.

²⁾ Тамъ же, стр. 115 и 132.

VII.

ПРІЅДЪ БАТЮШКОВА ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ И ПОСТУПЛЕНІЕ НА СЛУЖБУ. — Сближеніе съ И. И. Дмитриевымъ, А. И. Тургеневымъ, Д. Н. Блудовымъ и Д. В. Дашковымъ. — Переписка съ Жуковскимъ. — Вольное Общество любителей словесности. — Начало Отечественной войны. — Поѣздка Батюшкова въ Москву и Нижній-Новгородъ. — Москвичи въ Нижнемъ; Карамзинъ, П. М. Муравьевъ-Апостолъ и С. Н. Глинка — Впечатлѣнія войны на Батюшкова. — Отъѣздъ его изъ Нижняго въ Петербургъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ первою заботой Батюшкова было выяснитъ вопросъ о возможности опредѣлиться на службу. Но и въ этомъ случаѣ успѣхъ давался не легко. Въ половинѣ февраля, уже проживъ въ Петербургѣ около мѣсяца, онъ сообщалъ сестрѣ не совсемъ утѣшительныя вѣсти касательно поступленія на службу: „Что же касается до мѣста, то и до сихъ поръ ничего не знаю. Въ Библиотекѣ всѣ заняты (помнишь ли деревенскія басни и мои слова?), а надежда вся на Алексѣя Николаевича, который ко мнѣ весьма ласковъ“¹⁾. И дѣйствительно, надежда на этотъ разъ не обманула поэта: встрѣченный у Олениныхъ съ тою же привѣтливостью, съ какою былъ принимаемъ прежде, Константинъ Николаевичъ имѣлъ таки возможность поступить подъ непосредственное начальство своего давняго покровителя. Въ апрѣлѣ 1812 года произошло передвиженіе въ составѣ чиновниковъ Императорской Публичной Библиотеки: старикъ Дубровскій, которому она обязана была приобрѣтеніемъ драгоценныхъ латинскихъ и французскихъ рукописей, вывезенныхъ имъ изъ Парижа при началѣ Французской революціи, оставилъ должность хранителя манускриптовъ; его замѣстилъ бывшій дотолѣ его помощникомъ А. И. Ермолаевъ, а на мѣсто сего послѣдняго опредѣленъ былъ отставной гвардіи поручикъ Батюшковъ²⁾. Такъ еще новая связь скрѣпила

¹⁾ Соч., т. III, стр. 173.

²⁾ Отчетъ Имп. Публ. Библиотеки за 1808, 1809, 1810, 1811 и 1812 года. С.-Пб. 1813, стр. 57; Соч., т. III, 175, 180.

его съ оленинскимъ кружкомъ, въ которомъ сослуживцы и подчиненные Алексѣя Николаевича, большею частью имъ самимъ выбранные, всегда играли видную роль. Тотъ же духъ благоволенія, та же любовь къ просвѣщенію, къ наукамъ и искусствамъ, которыми отличался оленинскій салонъ, распространялись и на составъ служащихъ въ Библіотекѣ; присоединяясь къ нему, Батюшковъ становился сослуживцемъ Уварова, Крылова, Гнѣдича, Ермолаева, людей большею частью хорошо ему извѣстныхъ и искренно имъ уважаемыхъ; раздѣлять съ ними служебные труды было для него, конечно, также пріятно, какъ и находиться въ умственномъ общеніи съ ними; притомъ же, надобно думать, что обязанности помощника хранителя манускриптовъ были въ то время не обременительны, особенно при такомъ трудолюбивомъ и ученомъ библіотекарѣ отдѣленія рукописей, каковъ былъ страстный палеографъ Ермолаевъ. На дежурствѣ Гнѣдича, по вечерамъ, въ Библіотекѣ собирались его пріатели и проводили время въ дружеской бесѣдѣ; тутъ Константинъ Николаевичъ встрѣчался съ М. В. Милоновымъ, П. А. Никольскимъ, М. Е. Лобановымъ, П. С. Яковлевымъ и Н. И. Гречемъ ¹⁾.

Вообще, жизнь Батюшкова устроилась въ Петербургѣ довольно пріятно: здоровье его было удовлетворительно, и онъ не утрачивалъ того свѣтлаго и покойнаго расположенія духа, съ которымъ пріѣхалъ. Огорчали его только тревожныя извѣстія о семейныхъ и хозяйственныхъ дѣлахъ, бремя которыхъ все болѣе и болѣе падало на Александру Николаевну. Письма ея сообщали мало утѣшительнаго; она знала прихотливую неустойчивость братнина характера, и ей не вѣрилось, что Константинъ Николаевичъ можетъ упрочить свое положеніе въ Петербургѣ; въ виду разстройства ихъ состоянія, въ виду новыхъ расходовъ, которые влекло за собою пребы-

¹⁾ Газетныя замѣтки Эрміона (Н. И. Греча) въ Сѣв. Пчелѣ 1857 г., № 157.

ваніе брата въ столицѣ, она готова была желать возвращенія брата на дешевое житіе въ деревнѣ. Такія соображенія, разумѣется, не сходились съ надеждами и намѣреніями Константина Николаевича. „Я право иногда вамъ завидую“, писалъ онъ сестрамъ, — „и желаю быть хоть на день въ деревнѣ... правда, на день, не болѣе. Бога ради, не отвлекайте меня изъ Петербурга: это можетъ быть вредно моимъ предпріятіямъ касательно службы и кармана. Дайте мнѣ хоть годъ пожить на одномъ мѣстѣ“¹⁾). Онъ старался по мѣрѣ силъ помогать роднымъ своими хлопотами въ Петербургѣ и питалъ убѣжденіе, что пребываніе его здѣсь можетъ быть не бесполезно и для семейныхъ дѣлъ. Ободренный встрѣченнымъ имъ здѣсь вниманіемъ, онъ чувствовалъ въ себѣ еще болѣе рѣшимости преслѣдовать намѣченную цѣль, если не изъ честолюбія или изъ матеріальныхъ выгодъ, то быть можетъ, изъ потребности интеллигентной жизни, недостатокъ которой такъ былъ тягостенъ ему въ деревенской глуши. Несомнѣнно, благоразуміе, съ которымъ Батюшковъ взялся за службу, свидѣтельствовало, что онъ разставался съ мечтами юности о безпечной, вольной жизни, посвященной одному наслажденію.

Обжившись въ Петербургѣ, Батюшковъ не забывалъ и о своихъ московскихъ друзьяхъ: онъ поддерживалъ дѣятельную переписку съ княземъ Вяземскимъ и писалъ иногда къ Жуковскому, жившему тогда въ Бѣлевѣ. Кромѣ того, онъ сблизился съ пріятелями своихъ московскихъ друзей, переселившимися въ Петербургъ на службу, и въ ихъ обществѣ какъ бы продолжалъ нить той московской жизни, періодъ которой называлъ самымъ счастливымъ своимъ временемъ. Въ знакомствѣ съ И. И. Дмитріевымъ, который занималъ тогда постъ министра юстиціи и охотно окружалъ себя даровитыми молодыми людьми съ литературными наклонностями, Батюшковъ на-

¹⁾ Соч., т. III, стр. 181.

шелъ какъ бы отраженіе пріятныхъ и поучительныхъ бесѣдъ Карамзина; сношенія съ А. И. Тургеневымъ, Д. Н. Блудовымъ, Д. П. Сѣверинымъ и Д. В. Дашковымъ напоминали ему о Жуковскомъ и Вяземскомъ. Тургенева Батюшковъ зналъ давно, съ ранней молодости, когда встрѣчалъ его въ домѣ М. Н. Муравьева, но только теперь, познакомившись съ нимъ ближе, онъ оцѣнилъ его просвѣщенный умъ, любезность и безконечно доброе сердце. Съ своей стороны, и Тургеневъ, узнавъ о дружбѣ Константина Николаевича съ Жуковскимъ, охотнѣе выражалъ теперь расположеніе къ „милому и прекрасному поэту“¹⁾. Съ Блудовымъ, писалъ Батюшковъ Василю Андреевичу, — „я познакомился очень коротко, и не мудрено: онъ тебя любить, какъ брата, какъ любовницу, а ты, мой любезный кудажъ, наговорилъ много добраго обо мнѣ, и Дмитрій Николаевичъ ужь готовъ былъ меня полюбить. Съ нимъ очень весело. Онъ уменъ“²⁾. Дашковъ привлекъ къ себѣ Батюшкова тонкостью своего ума, образованностью и тою энергіей, которую онъ обнаруживалъ въ литературныхъ спорахъ со сторонниками Шишкова.

Въ то время, когда Батюшковъ переселился въ Петербургъ, здѣшніе друзья Жуковского задумали и его привлечь въ сѣверную столицу и пристроить на службу. Константина Николаевича радовала возможность увидѣться съ другомъ, и онъ также написалъ ему письмо, съ горячими убѣжденіями пріѣхать „на берега Невы“, хотя они и „гораздо скучнѣе нашихъ московскихъ“. Къ письму было приложено посланіе къ Пенатамъ, въ которомъ нашъ поэтъ повторялъ свою прежнюю исповѣдь эпикурейства и между прочимъ говорилъ о минутныхъ восторгахъ сладострастья. Жуковскій не сдался тогда на при-

¹⁾ См. письмо Тургенева къ Жуковскому отъ 9-го февраля 1812 г. въ Соч. Бат., т. I, стр. 370.

²⁾ Соч., т. III, стр. 178.

глашенія друзей: весь погруженный въ свою любовь, онъ былъ увлеченъ мечтой создать себѣ семейное счастье въ тишинѣ сельскаго уединенія; препятствій, которыя встрѣтились со стороны матери любимой имъ дѣвушки, онъ еще не считалъ тогда непреодолимыми. На письмо и стихи Батюшкова Жуковский также отвѣчалъ прозой и стихами: въ письмѣ онъ совѣтовалъ нашему поэту тщательно отдѣлывать свои произведенія ¹⁾, а въ стихотворномъ посланіи раскрывалъ предъ нимъ высокій идеалъ счастья, основанный на чистой любви. Любовь, говорилъ Жуковский, —

Любовь—святой хранитель
Иль грозный истребитель
Душевной чистоты.
Отвергни сладострастья
Погибельны мечты
И не восторговъ—счастья
Въ прямой ищи любви;
Восторговъ изступленье
Минутное забвенье.
Отринь ихъ, разорви
Лаясь коварныхъ узы;
Друзья стыдливыхъ—музы;
Во храмъ священный ихъ
Прелестницъ записныхъ
Толпа войдти страшится... ²⁾

Отвѣтное посланіе Жуковского дошло до Батюшкова только въ концѣ 1812 года ³⁾, на письмо же своего друга нашъ поэтъ возразилъ шутками: онъ отказывался заниматься обработкой своихъ стиховъ, предпочитая посвящать свое время веселой

¹⁾ Письма Жуковского къ Константину Николаевичу, въ томъ числѣ и это, не сохранились; но содержаніе письма Жуковского, о которомъ идетъ рѣчь, выясняется отчасти изъ отвѣта Батюшкова—Соч., III, стр. 187.

²⁾ Соч. Жук., изд. 7-е, т. I, стр. 240.

³⁾ Соч., т. III, стр. 215.

бесѣдѣ съ друзьями. Батюшковъ чувствовалъ однако, что этотъ отвѣтъ не могъ удовлетворить Жуковскаго; поэтому къ своему письму онъ присоединилъ новое посланіе къ Жуковскому, въ которомъ говорилъ и о своемъ душевномъ настроеніи:

Тебѣ—одна лишь радость,
 Миѣ—горести даны!
 Какъ сонъ, проходитъ младость
 И счастье прежнихъ дней!
 Все сердцу измѣнило:
 Здоровье легкокрыло
 И другъ души моей! ¹⁾.

Жуковскому едва ли могъ быть вполне понятенъ намекъ, заключавшійся въ послѣднемъ изъ приведенныхъ стиховъ, а Батюшковъ, въ свою очередь, еще не зналъ тогда, что и другу его любовь сулитъ не однѣ радости; ему казалось, что Жуковский слишкомъ ослѣпленъ своимъ чувствомъ, и потому

Для двухъ коварныхъ глазъ,
 Подъ знаменемъ Киприды,
 Сей новый Донъ-Кишоть
 Проводитъ вѣкъ съ мечтами,
 Съ химерами живетъ,
 Бесѣдуетъ съ духами
 И—міръ смѣшитъ собой!

Доля ироніи слышна въ этихъ строкахъ, обращенныхъ, разумѣется, не къ самому Жуковскому, а къ одному изъ общихъ пріятелей ²⁾; но отсюда не слѣдуетъ заключать, чтобы Батюшковъ легко относился къ чужому чувству. Онъ могъ любить иначе, чѣмъ Жуковский, но онъ ли не зналъ могучей силы страсти? Еще въ ранней юности Константинъ Николаевичъ

¹⁾ Соч., т. III, стр. 189; отрывокъ этотъ приведенъ по первоначальной редакціи посланія находящейся въ письмѣ Батюшкова къ Жуковскому отъ іюня 1812 года.

²⁾ Посланіе къ А. И. Тургеневу, 1812 г.,—Соч., т. I, стр. 148.

испыталъ горячій порывъ ея, встрѣченный полною взаимностью, и эта любовь оставила глубокаго слѣда въ его душѣ; два года разлуки послѣ встрѣчи съ г-жею Мюгель не измѣнили его чувства. Правда, впоследствии, разсѣянная жизнь въ Москвѣ, а можетъ быть, и доходившіе до поэта слухи, что онъ забытъ любимую имъ дѣвушкой, охладили его юношескаго порывъ, и съ тѣхъ поръ у него сложился скептическій взглядъ на прочность женскаго чувства ¹⁾, взглядъ, который, какъ и поиски минутныхъ увлеченій, служилъ ему отчасти утѣшеніемъ въ его разочарованіи. Быть можетъ, Константинъ Николаевичъ и не со всѣмъ былъ правъ въ частной причинѣ своего скептицизма, но сомнѣніе, закрапившееся въ его душу, внесло въ жизнь его сердца ту горечь, отъ которой онъ уже никогда не могъ освободиться: онъ уже не въ силахъ былъ вѣрить въ ту возможность счастья въ любви, мечтой о которомъ была полна душа Жуковскаго. Различный, но одинаково печальный путь готовило будущее обоимъ поэтамъ въ ихъ сердечной жизни, и тогда они лучше сумѣли понять другъ друга въ этомъ отношеніи.

Между тѣмъ какъ обмѣнъ мыслей между Батюшковымъ и Жуковскимъ затрогивалъ самыя глубокія стороны ихъ внутренней жизни, переписка Константина Николаевича съ княземъ Вяземскимъ вращалась около предметовъ болѣе легкихъ. Они обмѣнивались литературными новостями и извѣстіями объ общихъ пріятеляхъ. Въ жизни тѣхъ изъ нихъ, которые находились въ Петербургѣ, литературные интересы занимали не меньше мѣста, чѣмъ въ кружкѣ московскихъ карамзинистовъ, и дѣятельность ихъ, по скольку они участвовали въ литературѣ, имѣла направленіе, разумѣется, враждебное Бесѣдѣ и вообще шишковской партіи. Мало по малу и Блудовъ, и Дашковъ, и Сѣверинъ вошли въ составъ Вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ, единственнаго въ Петербургѣ

¹⁾ Соч., т. III, стр. 149.

организованнаго учрежденія, гдѣ хотя и не очень смѣло, но признавались литературныя заслуги Карамзина, и вообще обнаруживалось сочувствіе къ новымъ стремленіямъ въ словесности. Дашкову принадлежитъ мысль оживить дѣятельность этого почти заснувшаго Общества и противопоставить его шумливой хлопотнѣ членовъ Бесѣды ¹⁾). Въ началѣ 1812 года Общество предприняло изданіе журнала С.-Петербургскій Вѣстникъ, въ которомъ критикѣ отведено было видное мѣсто. Теперь и Батюшковъ сдѣлался членомъ Вольнаго Общества и сталъ помѣщать въ его журналѣ свои стихотворенія, между тѣмъ какъ Дашковъ печаталъ тамъ дѣльныя критическія статьи. Во взглядахъ членовъ Вольнаго Общества не было однако полной солидарности, и вскорѣ въ немъ обнаружилось разъединеніе. Нашлись въ его составѣ лица, которыя къ избранію въ почетные члены предложили бездарнаго метромана, графа Д. И. Хвостова. Дашковъ былъ противъ этого; но большинство рѣшило выборъ. Тогда Дашковъ просилъ дозволенія сказать Хвостову привѣтственную рѣчь, на что и получилъ разрѣшеніе. Рѣчь была сказана въ засѣданіи 14-го марта 1812 года и подѣломъ похвалъ заключала въ себѣ такую иронию, что смутила многихъ изъ присутствовавшихъ. Въ своей рѣчи Дашковъ предлагалъ сочленамъ заняться разборомъ произведеній Хвостова и „показать все ихъ достоинство“. Члены обязаны были высказаться по содержанію этого предложенія. Въ засѣданіи 18-го марта члены Сѣверинъ, Батюшковъ, Лобановъ, Блудовъ и Жихаревъ предложили „потребовать объясненія, какъ отъ г. Дашкова объ его намѣреніяхъ, такъ и отъ графа Д. И. Хвостова о томъ, что ему кажется оскорбительно въ семъ предложеніи, и въ самомъ ли дѣлѣ онъ имъ оскорбляется“. Авторы этого предложенія, очевидно, рассчитывали, что Хвостовъ не при-

¹⁾ Н. И. Гречъ. Памяти А. Х. Востокова. С.-Пб. 1864, стр. 7.

знать рѣчи Дашкова обидною для себя, и что такимъ образомъ дѣло будетъ замято. Но другіе члены прямо заявили, что похвалы Дашкова, по своему двусмыслию, имѣютъ видъ укоризны Хвостову, и что поэтому Дашковъ, какъ оскорбитель, подлежитъ исключенію. Большинство членовъ рѣшительно присоединилось къ этому мнѣнію; тогда лица, внесшія первое предложеніе, не пожелали настаивать на истребованіи объясненія у Дашкова и представили такое заявленіе, составленное Батюшковымъ: „Если графъ Дмитрій Ивановичъ дѣйствительно оскорбленъ предложеніемъ г. Дашкова, въ такомъ случаѣ, съ сожалѣніемъ соглашаемся на исключеніе г. Дашкова, который въ теченіе продолжительнаго времени былъ полезенъ Обществу“. Подъ этимъ послѣднимъ заявленіемъ подписи Блудова не было ¹⁾.

Такимъ образомъ Дашковъ принужденъ былъ выйти изъ Общества, которое вслѣдъ за нимъ оставили и его друзья. Въ маѣ 1812 года Батюшковъ писалъ по этому случаю въ Москву къ Вяземскому слѣдующее: „Когда увидишь Сѣверина (онъ гостилъ въ то время въ Москвѣ), то... со всевозможною осторожностью, внушенною дружествомъ, скажи ему—полно, говорить ли?—скажи ему, что онъ выключенъ изъ нашего Общества; прибавь въ утѣшеніе, что Блудовъ и азъ грѣшный подали просьбы въ отставку. Общество едва ли не разрушится. Такъ все переходитъ, все исчезаетъ! На развалинахъ словесности останется одинъ столпъ—Хвостовъ, а Измайловъ изъ утробы своей родитъ новыхъ словесниковъ, которые будутъ снова писать и печатать!“ ²⁾

Прошло съ небольшимъ полтора мѣсяца послѣ того, какъ написаны были эти шуточные строки, и содержаніе писемъ Батюшкова къ его московскому пріятелю совершенно измѣнилось.

¹⁾ Подробности разсказаннаго происшествія см. въ статьѣ П. С. Тихонова въ Русск. Старинѣ 1884 г., т. XLIII, стр. 105—113

²⁾ Соч., т. III, стр. 184—185.

„Что съ тобою сдѣлалось“? писалъ онъ князю 1-го іюля.— „Здоровъ ли ты? Или такъ заняты политическими обстоятельствами, Нѣманомъ, Двиной, позиціей направо, позиціей налѣво, передовымъ войскомъ, задними магазинами, голодомъ, моромъ и всѣмъ снарядомъ смерти, что забылъ маленькаго Батюшкова?“¹⁾ Въ этихъ словахъ сквозитъ прежній шуточный тонъ слышна уже новая нота тревоги. Историческій Двѣнадцатый годъ наступалъ во всеоружіи ужаса и славы, и помыслы Русскихъ людей обращались къ грознымъ событіямъ, которыя развертывала предъ ними рука судьбы.

При началѣ войны въ русскомъ обществѣ однако не воображали, до какихъ громадныхъ размѣровъ разросется эта борьба. Великая армія Наполеона уже вступила въ русскіе предѣлы, наши войска уже стягивались къ назначеннымъ пунктамъ, а въ Петербургѣ еще не думали, чтобы непріятельское нашествіе распространилось за линію Западной Двины и Днѣпра; о возможности занятія Французами Москвы никто не помышлялъ ни на берегахъ Невы, ни въ самой древней столицѣ. Въ общественныхъ толкахъ замѣчалось даже нѣкоторое легкомысліе: одни требовали наступательныхъ дѣйствій, какъ лучшаго средства для быстрой побѣды; другіе не вѣрили въ возможность одолѣть Наполеона и потому признавали благоразумнѣйшимъ предупредить разгромъ уступками. Тѣмъ не менѣе, послѣ воззванія императора Александра, объявившаго, что онъ не положитъ оружія, доколѣ ни единого непріятельскаго воина не останется въ Русскомъ царствѣ, общественное воодушевленіе возросло очень сильно. Правда, Русскимъ людямъ не было поводовъ къ той ненависти, которая соединяла противъ гениальнаго проходимца высшее сословіе во всѣхъ государствахъ Западной Европы; это аристократическое отвращеніе отъ деспота, вышедшаго изъ нѣдръ революціи, могло быть привито

¹⁾ Соч., т. III, стр. 192—193.

эмигрантами - роялистами лишь къ небольшой части нашего высшаго столичнаго общества; но жесткій деспотизмъ наполеоновской политики, возобладавшій и надъ Россіей со времени союза въ Тильзитѣ, послѣ неудачи двухъ первыхъ войнъ съ великимъ полководцемъ, задѣвалъ за живое русскую народную гордость. Пока у нашего правительства не было разлада съ новымъ союзникомъ, это тайное раздраженіе въ русскомъ обществѣ прикрывалось гоненіемъ на галломанію: возобновилась старая уже полемика о вредѣ иностраннаго вліянія на русскую образованность, и подъ этимъ благовиднымъ предлогомъ слѣпая косность и простодушное невѣжество повели въ литературѣ нападеніе на коренныя основы просвѣщенія; естественно, что этотъ натискъ встрѣтилъ горячій отпоръ со стороны болѣе образованныхъ представителей литературы, умѣвшихъ впрочемъ любить отечество не хуже своихъ противниковъ. Мы уже отмѣтили прежде нѣкоторыя явленія этой борьбы и указали, на какую сторону склонялись сочувствіи нашего поэта. Но когда вмѣсто домашняго спора объ отвлеченномъ вопросѣ общественное вниманіе обратилось къ международной политикѣ, когда теченіе событій поставило въ первую очередь задачу государственной самостоятельности, тогда смолкли теоретическія препирательства, и русское общество единодушно поднялось на защиту родной страны.

„Еслибы не проклятая лихорадка“, писалъ Батюшковъ къ Вяземскому въ первой половинѣ іюля, — „я бы полетѣлъ въ армію. Теперь стыдно сидѣть сиднемъ надъ книгою, мнѣ же не пріучаться къ войнѣ. Да кажется, и долгъ велитъ защищать отечество и государя намъ, молодымъ людям“¹⁾. Константинъ Николаевичъ съ завистью смотрѣлъ на своихъ пріятелей: Вяземскій уже вступилъ въ военную службу, Сѣверинъ собирался сдѣлать то же; о Жуковскомъ можно было предполагать, что и

¹⁾ Соч., т. III, стр. 194.

онъ послѣдуетъ ихъ примѣру ¹⁾). Болѣзнь и безденежье удерживали нашего поэта отъ такого же рѣшенія, которому притомъ противились и его родные; Батюшковъ успокаивалъ на этотъ счетъ свою сестру, а въ то же время надѣялся при первой возможности ускользнуть изъ Петербурга и явиться въ армию ²⁾). Между тѣмъ событія принимали теченіе все болѣе и болѣе тревожное. Движеніе непріятеля въ глубь страны обращало военную грозу въ личную бѣду для всѣхъ и каждаго. Константинъ Николаевичъ не могъ быть спокоенъ ни за свою сестру, ни за своихъ крестьянъ. Александра Николаевна находилась въ то время въ Хантоновѣ, вдали даже отъ своихъ вологодскихъ родныхъ; братъ совѣтовалъ ей переѣхать въ Вологду и не разставаться съ близкими. „Я истинно огорчаюсь, сравнивая твое положеніе съ моимъ“, писалъ онъ ей 9-го августа. — „Я здѣсь спокоенъ, ни въ чемъ нужды не имѣю, а ты, мой другъ, и нуждаешься, и хлопчешь, и за насъ всѣхъ въ огорченіи. Богъ тебя за это наградитъ, мой милый и единственный другъ! Бога ради, живите дружба между собою! Такое ли время теперь, чтобъ хотя одну ровную мысль имѣть?“ ³⁾ Соболезнованіе о крестьянахъ вызывалось тяжестью наборовъ; Константинъ Николаевичъ предоставилъ своимъ крѣпостнымъ уладить поставку рекрутъ по собственному ихъ усмотрѣнію и потомъ благодарилъ старостъ за ихъ исправность въ этомъ дѣлѣ ⁴⁾). Наконецъ, еще одна важная забота была у него на сердцѣ — положеніе Е. Ѳ. Муравьевой. Незадолго предъ войной она продала свой домъ и жила теперь на дачѣ подъ Москвою; близость военныхъ дѣйствій заставила ее подумать объ отъѣздѣ въ какой-нибудь другой городъ; въ виду этого она звала къ себѣ Константина Николаевича на помощь: „Катерина Ѳедо-

¹⁾ Соч., т. III, стр. 194, 195, 207.

²⁾ Тамъ же, стр. 200—202.

³⁾ Тамъ же, стр. 197.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 197 и 202.

ровна“, разсуждалъ онъ, — „ожидаетъ меня въ Москвѣ больная, безъ защиты, безъ друзей: какъ ее оставить? Вотъ единственный случай быть ей полезнымъ!“¹⁾ Соображеній этихъ было достаточно, чтобъ опредѣлить рѣшеніе: Батюшковъ поспѣшилъ въ Москву²⁾.

Онъ пріѣхалъ туда за нѣсколько дней до Бородинскаго боя и съ грустью узналъ, что Вяземскаго уже нѣтъ въ столицѣ: онъ находился при арміи; за то здѣсь Константинъ Николаевичъ былъ обрадованъ письмомъ другаго своего пріятеля Петина, писаннымъ съ поля Бородинскаго на канунѣ сраженія. „Мы находились“, говорилъ онъ впослѣдствіи, — „въ неизъяснимомъ страхѣ въ Москвѣ, и я удивился спокойствію душевному, которое являлось въ каждой строкѣ письма, начертаннаго на барабанѣ въ роковую минуту“³⁾. Вѣсть объ исходѣ боя еще застала Батюшкова въ столицѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ узналъ, что изъ двухъ сыновей Оленина, бывшихъ въ сраженіи, одинъ, Николай, убитъ, а другой, Петръ, тяжело раненъ. Несчастнаго привезли въ Москву и затѣмъ отправили на излѣченіе въ Нижній-Новгородъ. Батюшковъ имѣлъ возможность тогда же сообщить его родителямъ утѣшительное извѣстіе о состояніи здоровья сына⁴⁾. Между тѣмъ Муравьева съ семействомъ также рѣшила ѣхать въ Нижній, и Батюшковъ увидѣлъ себя въ необходимости сопровождать ее. На пути, во Владимірѣ, онъ нашелъ Петина, также раненаго, и, какъ разсказывалъ впослѣдствіи, „съ завистью смотрѣлъ на его почтенную рану“⁵⁾.

Около 10-го сентября бѣглецы прибыли на берега Волги. Въ трехъ комнатахъ, которыя имъ удалось нанять, помѣстились

¹⁾ Соч., т. III, стр. 197.

²⁾ Изъ дѣлъ архива Имп. Публ. Библіотеки видно, что отпускъ былъ данъ ему 14-го августа.

³⁾ Соч., т. II, стр. 197.

⁴⁾ Тамъ же, т. III, стр. 203.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 197.

Муравьева съ тремя дѣтьми, двѣ бывшія при нихъ иностранки, Константинъ Николаевичъ, И. М. Муравьевъ-Апостоль, П. М. Дружининъ и Англичанинъ Эвенсъ, служившій при Московскомъ университетѣ. Теперь, когда патріотическое воодушевленіе доходило до высшаго предѣла, когда каждый видѣлъ во-кругъ себя и на самомъ дѣлѣ испытывалъ ужасы войны, нашего поэта болѣе, чѣмъ когда-либо, увлекала мысль вступить въ военную службу; но связанный родственными обязанностями, онъ долженъ былъ пока отсрочивать исполненіе этого намѣренія ¹⁾).

Послѣ отдачи Москвы Французамъ Нижній-Новгородъ сталъ настоящимъ уголкою древней столицы. Туда съѣхалось множество Москвичей и между ними не мало знакомыхъ Батюшкова. Онъ нашелъ здѣсь семейство Ив. П. Архарова, на старшей дочери котораго женатъ былъ извѣстный театраль О. О. Кокочкинъ, нашелъ Карамзина съ женою и дѣтьми, С. С. Апраксина, А. О. Малиновскаго, В. Л. и А. М. Пушкиныхъ, жену послѣдняго и много другихъ лицъ. Стеченіе пріѣзжихъ придавало городу большое оживленіе, въ которомъ возбужденіе опасностью, разразившеюся надъ отечествомъ, и скорбь о разореніи своеобразно смѣшивались съ широкимъ разгуломъ. Москвичи перенесли на берега Волги свои привычки шумной, разсѣянной жизни: вмѣсто любимаго своего гулянья—красивыхъ московскихъ бульваровъ—толпились на городской площади, среди дорожныхъ колясокъ и крестьянскихъ телегъ; пріютившись какъ Богъ послалъ, устраивали шумныя сборища, „балы и маскарады, гдѣ“—вспоминалъ впоследствии Батюшковъ — „наши красавицы, осыпавъ себя брилліантами и жемчугами, прыгали до перваго обморока въ кадриляхъ французскихъ, во французскихъ платьяхъ, болтая по французски Богъ знаетъ какъ, и проклинали враговъ нашихъ“ ²⁾).

¹⁾ Соч., т. III, стр. 202—205, 208.

²⁾ Тамъ же, стр. 268.

Во многихъ домахъ кипѣла большая игра. „Здѣсь довольно насъ московскихъ“, писалъ изъ Нижняго Карамзинъ. — „Кто на Тверской или Никитской игралъ въ вистъ или бостонъ, для того мало разницы: онъ играетъ и въ Нижнемъ“ ¹⁾. Это впрочемъ сказано о людяхъ болѣе спокойныхъ; болѣе горячіе предавались азартнымъ играмъ; А. М. Пушкинъ, тоже одинъ изъ разоренныхъ, въ короткое время приобрѣлъ картами тысячъ до восьми ²⁾. Иванъ Петровичъ Архаровъ, этотъ—по выраженію князя Вяземскаго ³⁾— „последній бургграфъ московскаго барства и гостепріимства, сгорѣвшихъ вмѣстѣ съ Москвою въ 1812 году“, широко раскрылъ двери своего богатаго дома; на архаровскихъ обѣдахъ, рассказываетъ нашъ поэтъ,—отъ псовой охоты до подвиговъ Кутузова все дышало любовью къ отечеству; здѣсь по преимуществу сходилась вся Москва или, лучше сказать, всѣ бѣдняки: кто безъ дома, кто безъ деревни, кто безъ куска хлѣба, „и я“, прибавляетъ рассказчикъ,—„хожу къ нимъ учиться фізіономіямъ и терпѣнію. Вездѣ слышу вздохи, вижу слезы и вездѣ—глупость. Всѣ жалуются и бранятъ Французовъ по французски, а патриотизмъ заключается въ словахъ: point de paix!“ ⁴⁾ Нерѣдко собирались также у нижегородскаго вице-губернатора А. С. Крюкова, и на его ужинахъ В. Л. Пушкинъ, уже успѣвшій сочинить стихотворное патриотическое привѣтствіе Нижегородцамъ, по старому обычаю потѣшалъ гостей чтеніемъ своихъ басенъ и французскими каламбурами.

Какъ ни любилъ Батюшковъ общественную жизнь, какъ ни способенъ онъ былъ, по своей художнической натурѣ, увлечься живописною пестротой этого московскаго табора на берегахъ Волги, но легкомысліе людей, не умѣвшихъ остепениться въ

¹⁾ Письма къ Дмитріеву, стр. 168.

²⁾ Р. Архивъ 1866 г., ст. 242.

³⁾ Соч. кн. Вяз., т. VIII, стр. 370.

⁴⁾ Соч., т. III, стр. 206; ср. стр. 268.

трудныя минуты всенароднаго бѣдствія, утомляло его и болѣзненно отзвучало въ его сердцахъ. Великія событія, совершавшіяся передъ его глазами, настраивали его строго и возвышенно и заставляли искать бесѣды съ людьми серьезными. Въ домѣ Карамзина онъ слышалъ сдержанныя, но глубоко прочувствованныя сѣтованія на медленный и неопредѣленный ходъ дѣлъ. Какъ извѣстно, и до войны, и при началѣ ея Карамзинъ не былъ за борьбу съ Наполеономъ, къ которой—думалъ онъ—мы недостаточно приготовлены ¹⁾. Весь первый періодъ военныхъ дѣйствій—отступление внутрь страны, рядъ кровопролитныхъ, но нерѣшительныхъ сраженій и наконецъ очищеніе Москвы—казались ему подтвержденіемъ его мнѣнія. Съ мыслью объ утратѣ древней столицы онъ долго не могъ помириться и строго осуждалъ за то Кутузова ²⁾; все новыя жертвы, требуемыя отъ населенія, также вызвали въ немъ горькое чувство, и оно еще болѣе увеличивалось при мысли, что лично онъ оторванъ отъ своего любимаго труда и, быть можетъ, никогда уже не будетъ въ состояніи возвратиться къ нему. Если внутренно Карамзинъ не терялъ надежды на окончательное торжество Россіи, то онъ долгое время опасался великаго позора—преждевременнаго заключенія мира, и только во второй половинѣ октября, послѣ того, какъ до Нижняго-Новгорода достигло извѣстіе о выходѣ Наполеона изъ Москвы, сталъ выражать увѣренность, что Богъ еще не совсѣмъ оставилъ Россію ³⁾.

Этотъ не чуждый пессимизма взглядъ на событія, быть можетъ, не вполне удовлетворялъ нашего поэта. Его увлекающейся натурѣ сроднѣе былъ горячій, ничѣмъ не смущающійся патриотическій пылъ такихъ людей, какъ И. М. Муравьевъ-Апо-

¹⁾ Соч. кн. Вяз., т. VII, стр. 181.

²⁾ Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 165, 168.

³⁾ Переписка Карамзина съ братомъ—Атенеѣ 1858 г., ч. III, стр. 532.

столъ или С. Н. Глинка. По собственному признанію Муравьева, онъ также, какъ Карамзинъ, пережилъ на берегахъ Волги, подъ давленіемъ событій, рядъ самыхъ разнообразныхъ чувствованій, сначала униженія и трепета, потомъ надежды и наконецъ торжества; и онъ страдалъ душою при мысли о народномъ бѣдствіи ¹⁾, но болѣе всего впечатлительность его поражалась тѣмъ отсутствіемъ русскаго самосознанія, какое засталъ въ нашемъ обществѣ наполеоновскій погромъ. Изъ своей долгой жизни среди народовъ Запада, изъ знакомства съ ихъ языками и литературами Муравьевъ вынесъ рѣдкое въ тѣ времена пониманіе идеи національности, и его глубоко оскорбляло то исключительное преклоненіе предъ французскою культурой, которое такъ рѣзко проявлялось въ нашемъ высшемъ обществѣ. „Чему подражать!“ говорилъ онъ. — „Въ этомъ народѣ давно сердце высохло: не въ состояніи болѣе производить Расиновъ, онъ гордится теперь Кондорсетами, хладною философіей исчисления, которая убиваетъ воображеніе и вмѣстѣ съ нимъ вкусъ къ изящному, то-есть, стремленіе къ добродѣтели.... Никогда Франція такъ не процвѣтала, какъ подъ державою Лудовика XIV или, лучше сказать, подъ министерствомъ Кольберта.... Вскорѣ послѣ него ты усматриваешь, что музы уступаютъ мѣсто софистамъ (философовъ давно не бывало во Франціи)... Меркнетъ свѣтъ истиннаго просвѣщенія, дарованія употребляются какъ орудіе разврата, и опаснѣйшій изъ софистовъ, лжемудрецъ фернейскій, въ теченіе полвѣка напрягаетъ всѣ силы необыкновеннаго ума своего на то, чтобы осыпать цвѣтами чашу съ ядомъ, уготованную имъ для отравленія грядущихъ поколѣній.... Невѣріе подѣмлетъ главу свою и явно проповѣдуетъ безбожіе.... Раскрывается предъ тобою лѣтопись революціи, начертанная кровію человѣческою.... И теперь еще продолжается она во Франціи, и безъ нея не атаманствовалъ бы Бонапарте!

¹⁾ Письма изъ Москвы въ Нижній Новгородъ; письма 1-е и 2-е.

Свѣточи фуріи не столько ужасны ему, какъ пламенникъ просвѣщенія, и для того онъ употребляетъ всѣ мѣры тиранства на то, чтобы сгустить мракъ невѣжества надъ своими рабами и, если можно, распространить оный по всей землѣ, ибо онъ знаетъ, что рабство и просвѣщеніе несовмѣстны“¹⁾. На сборахъ въ Нижнемъ неоднократно происходили споры о вредѣ французскаго вліянія на русское общество, и тутъ Муравьевъ-Апостоль выступалъ горячимъ противникомъ В. Л. Пушкина²⁾.

И та страшная картина народнаго разоренія, которую Батюшковъ видѣлъ въ окрестностяхъ Москвы, и тѣ слухи и толки, которыми размѣнивались московскіе бѣглецы среди тревожнаго бездѣлья нижегородской жизни, производили на нашего поэта сильнѣйшее впечатлѣніе. „Я слишкомъ живо чувствую раны, нанесенныя любезному нашему отечеству“, писалъ онъ Гнѣдичу въ октябрѣ 1812 года, — „чтобъ минуту быть покойнымъ. Ужасные поступки Вандаловъ или Французовъ въ Москвѣ и въ ея окрестностяхъ, поступки, безпримѣрные и въ самой исторіи, вовсе разстроили мою маленькую философію и поссорили меня съ человѣчествомъ. Ахъ, мой милый, любезный другъ, зачѣмъ мы не живемъ въ счастливѣйшія времена! Зачѣмъ мы не отжили прежде общей гибели!“³⁾. Какъ нѣкогда ужасы Французской революціи поколебали гуманитарныя убѣжденія юноши-Карамзина и заставили его воскликнуть: „Вѣгъ просвѣщенія, не узнаю тебя, въ крови и пламени не узнаю тебя, среди убійствъ и разрушенія не узнаю тебя!“⁴⁾—такъ теперь

¹⁾ Письма въ Нижній-Новгородъ изъ Москвы, п. VI — Смысл Отечества, 1813 г. ч. X, № 48, стр. 101—103. Письма эти писаны Муравьевымъ уже въ 1813 г., по отъѣздѣ изъ Нижняго, но очевидно, содержатъ въ себѣ мысли, выработавшіяся въ авторѣ подъ впечатлѣніемъ событій 1812 г. и болѣе раннихъ.

²⁾ Соч., т. III, стр. 268.

³⁾ Тамъ же, стр. 209.

⁴⁾ Письмо Мелодора къ Филалету (1794 г.).

Батюшковъ отступался отъ своихъ прежнихъ сочувствій и идеаловъ. Та самая французская образованность, подъ вліяніемъ которой онъ выросъ и воспитался, представлялась ему теперь ненавистною: „Варвары, Вандалы! И этотъ народъ изверговъ осмѣлился говорить о свободѣ, о философіи, о человѣколюбіи! И мы до того были ослѣплены, что подражали имъ, какъ обезьяны! Хорошо и они намъ заплатили! Можно умереть съ досады при одномъ разсказѣ о ихъ неистовыхъ поступкахъ“¹⁾. И не только Гнѣдичу, то же повторялъ онъ и Вяземскому, тому самому, съ которымъ прежде всего тѣснѣе былъ связанъ сходствомъ возрѣвній и складомъ образованія: „Москвы нѣтъ! Потери невозвратныя! Гибель друзей, святыня, мирное убѣжище наукъ, все осквернено шайкою варваровъ! Вотъ плоды просвѣщенія или, лучше сказать, разврата остроумнѣйшаго народа, который гордился именами Генриха и Фенелона. Сколько зла! Когда будетъ ему конецъ? На чемъ основать надежды? Чѣмъ наслаждаться? А жизнь безъ надежды, безъ наслажденія — не жизнь, а мученіе!“²⁾ Въ новомъ своемъ увлеченіи Константинъ Николаевичъ отдавалъ теперь справедливость Оленину, съ которымъ прежде не соглашался въ мнѣніи о современныхъ Французахъ: „Алексѣй Николаевичъ“, писалъ онъ Гнѣдичу, — „совершенно правъ; онъ говорилъ назадъ тому три года, что нѣтъ народа, нѣтъ людей, подобнымъ этимъ уродамъ, что всѣ ихъ книги достойны костра, а я прибавлю: ихъ головы — гильотины“³⁾. Точно также и пламенная проповѣдь С. Н. Глинки противъ галломаніи и въ защиту русской самобытности получила, подъ впечатлѣніемъ борьбы съ Наполеономъ, новый смыслъ и значеніе въ глазахъ Батюшкова. Въ былое время онъ осмѣивалъ издателя Русскаго Вѣстника въ своихъ сатирическихъ сти-

¹⁾ Соч., т. III, стр. 210.

²⁾ Тамъ же, стр. 205-206.

³⁾ Тамъ же, стр. 210—211

хахъ и письмахъ; но когда, еще будучи въ Петербургѣ, Батюшковъ узналъ о благородной патриотической дѣятельности Глинки среди московскаго населенія и о пожалованіи ему Владимірскаго креста „за любовь къ отечеству, доказанную сочиненіями и дѣяніями“, онъ пожелалъ привѣтствовать его съ полученіемъ этого высокаго отличія ¹⁾. Затѣмъ Батюшковъ встрѣтился съ Сергѣемъ Николаевичемъ въ Нижнемъ и, извиняясь передъ нимъ за свои прежнія шутки, сказалъ ему: „Обстоятельства оправдали васъ и ваше изданіе“. Безкорыстнѣйшій человекъ, Глинка вполнѣ забывалъ себя и свои частныя нужды для общаго патриотическаго дѣла; онъ оставилъ Москву въ день вступленія туда Французовъ и послѣ разныхъ странствованій, не вѣдая, гдѣ находится его семья, явился наконецъ въ Нижній-Новгородъ безъ денегъ, безъ необходимѣйшихъ вещей, съ одною рубашкой. Узнавъ объ этомъ, Константинъ Николаевичъ поспѣшилъ къ нему на помощь: отъ имени неизвѣстнаго Глинкѣ былъ доставленъ запасъ бѣлья ²⁾.

Захваченный въ водоворотъ событій, Константинъ Николаевичъ не могъ возвратиться въ Петербургъ изъ короткаго отпуска, который былъ данъ ему Ленинымъ; онъ впрочемъ могъ быть увѣренъ, что въ виду чрезвычайныхъ обстоятельствъ просрочка не будетъ поставлена ему въ вину. Итакъ, онъ остался въ Нижнемъ-Новгородѣ, и здѣсь у него окончательно созрѣло рѣшеніе опредѣлиться въ военную службу ³⁾. Быть можетъ, сперва онъ предполагалъ, подобно Карамзину, поступить въ ополченіе, которое, какъ тогда думали, двинется изъ Нижняго къ Москвѣ для выручки ея отъ непріятеля ⁴⁾; но плѣнь Москвы кончился, и эта мысль была покинута. Затѣмъ однако

¹⁾ Соч., т. III, стр. 200.

²⁾ Записки о 1812 годѣ, С. Глинки. С.-Пб. 1836, стр. 98.

³⁾ Соч., т. III, стр. 211.

⁴⁾ Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 165, 166.

представился другой случай: въ Нижній пріѣхалъ генераль А. Н. Бахметевъ, раненый подъ Бородинымъ; почтенный воинъ, оставшійся здѣсь для лѣченія, выразилъ готовность взять Батюшкова къ себѣ въ адъютанты ¹⁾. Однако, прежде чѣмъ Батюшковъ облекся въ военное платье, на долю его выпало не мало хлопотъ: онъ дважды, въ октябрѣ и ноябрѣ, ѣздилъ изъ Нижняго въ Вологду, для свиданія съ родными и проживавшимъ тамъ Вяземскимъ, и оба раза возвращался въ Нижній чрезъ разоренную Москву ²⁾. Поѣздки эти познакомили его съ зрѣлищемъ народной войны, которою ознаменовался второй періодъ нашей героической борьбы съ Наполеономъ.

Между тѣмъ ужасная война окончательно приняла благоприятный для насъ оборотъ; разбитые остатки великой арміи въ исходѣ декабря покинули предѣлы Россіи; общественная тревога улеглась и уступила мѣсто торжеству побѣды. Въмѣстѣ съ тѣмъ и Москвичи стали разъѣзжаться, изъ Нижняго-Новгорода. Но Е. Ѳ. Муравьева не спѣшила отъѣздомъ, опасаясь зимней стужи ³⁾; какъ это обстоятельство, такъ и замедлившееся выздоровленіе Бахметева, удерживали нашего поэта на берегахъ Волги; онъ еще находился тамъ въ исходѣ января и только мѣсяць спустя, послѣ разнообразныхъ препятствій, могъ прибыть въ Петербургъ. Еще разъ на этомъ пути онъ посѣтилъ древнюю столицу; какъ бы невольною силою влекло его къ ея развалинамъ, зрѣлище которыхъ не выходило изъ его головы ⁴⁾; съ болью сердца вспомнилъ онъ потомъ эти посѣщенія въ первомъ стихотвореніи, которое вылилось съ его пера послѣ страшной грозы Двѣнадцатаго года:

¹⁾ П. собр. соч. кн. Вяз., т. II, стр. 416.

²⁾ Р. Архивъ 1866 г., ст. 231 и 235; Соч., т. III, стр. 213 и 214.

³⁾ Соч., т. III, стр. 216.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 219.

Отъездъ Батюшкова съ Москвы.

Трикраты съ ужасомъ потомъ
Бродилъ въ Москвѣ опустошенной,
Среди развалинъ и могилъ;
Трикраты прахъ ея священной
Слезами скорби омочилъ.
И тамъ, гдѣ зданья величавы
И башни древнія царей,
Свидѣтели протекшей славы
И новой славы нашихъ дней,
И тамъ, гдѣ съ миромъ почивали
Останки иноковъ святыхъ,
И мимо вѣки протекали,
Святни не касаясь ихъ,
И тамъ, гдѣ роскоши рукою,
Дней мира и трудовъ плоды,
Предъ златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады, —
Лишь угли, прахъ и камней горы,
Лишь груды тѣлъ кругомъ рѣки,
Лишь нищихъ блѣдные полки
Вездѣ мои встрѣчали взоры ¹⁾.

¹⁾ Посланіе къ Д. В. Дашкову, Соч., т. I, стр. 151, 152.

VIII.

Батюшковъ въ Петербургѣ въ 1813 году.—Впечатлѣнія Отечественной войны въ Петербургѣ.—Отъѣздъ Батюшкова за границу; участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ.—Вступленіе въ Парижъ.—Заграничныя впечатлѣнія Батюшкова.—Возвращеніе его въ Петербургъ.—Культурные вопросы въ русскомъ обществѣ въ 1814 году и отношеніе къ нимъ Батюшкова.—А. Ѳ. Фурманъ.

Когда, въ февралѣ 1813 года, Батюшковъ пріѣхалъ въ Петербургъ, онъ засталъ тамъ общество въ напряженномъ состояніи, подъ впечатлѣніемъ извѣстій съ мѣста военныхъ дѣйствій. Но это было уже не смутное, полное неизвѣстности волненіе прошлаго года, а бодрое ожиданіе грядущихъ событій, въ благополучный исходъ которыхъ легко вѣрилось послѣ того, какъ Русскій народъ съ такимъ единодушіемъ, съ такою энергіей и беззаветнымъ самоотверженіемъ выдержалъ и одолѣлъ жестокую грозу непріятельскаго нашествія. Петербургъ однако не видѣлъ врага лицомъ къ лицу, и теченіе общественной жизни не было въ немъ прервано и потрясено такъ глубоко, какъ внутри Россіи. Поэтому Константину Николаевичу показалось даже на первый взглядъ, что на берегахъ Невы и теперь, послѣ великихъ испытаній народнаго духа, все идетъ по старому, и онъ уже готовъ былъ жалѣть о тяжелыхъ дняхъ лихорадочной жизни въ Нижнемъ-Новгородѣ ¹⁾. Его восторженный патріотизмъ все еще требовалъ удовлетворенія, и въ своемъ посланіи къ Д. В. Дашкову, въ это время написанномъ, на предложеніе возвратиться къ прежнимъ мотивамъ своей поэзіи онъ отвѣчалъ слѣдующими воодушевленными строками:

...пока на полѣ чести
За древній градъ моихъ отцовъ
Не понесу я въ жертву мести
И жизнь, и къ родинѣ любовь,

¹⁾ Соч., т. III, стр. 219, 220.

Пока съ избранннмъ героемъ,
Кому извѣстенъ къ славѣ путь,
Три раза не поставлю грудь
Передъ враговъ соменутымъ строемъ,—
Мой другъ, дотолѣ будутъ мнѣ
Всѣ чужды музы и хариты,
Вѣнки, рукой любви свиты,
И радость шумная въ винѣ!

Было бы однако несправедливо думать, что въ Петербургѣ мало понимали внутреннее значеніе великой борьбы, славно законченной въ предѣлахъ Россіи и теперь смѣло перенесенной за ея рубежъ, чтобы довершить пораженіе врага, покушавшагося наложить свою тяжелую руку на независимость нашего отечества. Напротивъ того, такое пониманіе Батюшковъ могъ встрѣтить въ людяхъ особенно ему близкихъ. Такъ, Оленинъ, давнишній врагъ галломаніи, не только выражалъ горячее негодованіе противъ недостойнаго просвѣщенной націи грабительства, которое дозволяли себѣ наполеоновскія войска (негодованіе хотя и исполнѣ справедливое и законное, но вскорѣ ставшее общимъ мѣстомъ подобно толкамъ о слѣпой раздражительности Французамъ), но и умѣлъ цѣнить самоотверженіе, проявленное простыми Русскими людьми въ борьбѣ съ врагомъ. Еще глубже взглянулъ на дѣло А. И. Тургеневъ: еще въ исходѣ октября 1812 года онъ написалъ князю Вяземскому замѣчательное письмо, въ которомъ высказалъ свое воззрѣніе на тогдашнее положеніе Россіи и на ближайшія слѣдствія войны, въ ту пору едва начинавшей получать благопріятное для насъ направленіе. „Война, сдѣлавшись національной“, писалъ Тургеневъ, — „приняла теперь такой оборотъ, который долженъ кончиться торжествомъ Сѣвера и блистательнымъ отмщеніемъ за бесполезныя злодѣяства и преступленія южныхъ варваровъ.... Постоянство и рѣшительность правительства, готовность и благоразуміе народа и патриотизмъ его.... все сіе успокоиваетъ насъ на счетъ будущаго, и если мы совершенно отка-

жемся отъ эгоизма и рѣшимся дѣйствовать для младшихъ братьевъ и дѣтей нашихъ и въ собственныхъ настоящихъ дѣлахъ видѣть только одно отдаленное счастье грядущаго поколѣнія, то частныя неудачи не останавятъ насъ на нашемъ поприщѣ. Безпрестанныя лишенія и несчастія милыхъ ближнихъ не погружатъ насъ въ совершенное отчаяніе, и мы преднасладимся будущимъ и, по моему увѣренію, весьма близкимъ воскресеніемъ нашего отечества. Близкимъ считаю я его потому, что намъ досталось играть послѣдній актъ въ европейской трагедіи, послѣ котораго авторъ ея долженъ быть непременно освистанъ... Сильное сіе потрясеніе Россіи освѣжить и подкрѣпить силы наши и принесетъ намъ такую пользу, которой мы при началѣ войны совсѣмъ не ожидали. Напротивъ, мы страшились послѣдствій отъ сей войны, совершенно противныхъ тѣмъ, какія мы теперь видимъ. Отношенія помещиковъ и крестьянъ (необходимое условіе нашего теперешняго гражданскаго благоустройства) не только не разорваны, но еще болѣе утвердились. Покушенія съ сей стороны нашихъ враговъ совершенно не удались имъ, и мы должны неудачу ихъ почитать блистательнѣйшею побѣдой, не войсками нашими, но самимъ народомъ одержанною. Послѣдствія сей побѣды невозможно исчислить. Они обратятся въ пользу обоихъ состояній. Связи ихъ утвердятся благодарностію и уваженіемъ, съ одной стороны, и увѣренностію въ собственной пользѣ—съ другой“ ¹⁾. Если Оленинъ основаніе нашихъ успѣховъ въ борьбѣ съ Наполеономъ видѣлъ въ искренней религіозности Русскаго народа, „въ природной простой нравственности, суетности не искаженной, въ вѣрности къ царю не по умствованію, но по закону Божію“ ²⁾ и признавалъ общественный

¹⁾ Р. Архивъ 1866 г., ст. 251 и 252.

²⁾ Письмо Оленина къ архимандриту Филарету—Чтенія въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова. Чт. 13-е, стр. 14.

строй Россіи не нуждающимся ни въ какихъ измѣненіяхъ, то въ разсужденіяхъ Тургенева, напротивъ того, сквозить мысль о необходимости улучшить этотъ строй, и прежде всего позаботиться о бытѣ крѣпостныхъ людей. Таковы были идеи, на которыя наводило мыслящіе умы народное движеніе 1812 года; мы увидимъ вскорѣ, что эти стремленія не остались безъ вліянія на Батюшкова. Въ связи съ возбужденіемъ общественной мысли состоялось въ 1812 году основаніе перваго въ Россіи неофіціального политическаго журнала: съ октября мѣсяца сталъ выходить въ Петербургѣ Сынъ Отечества. Редактируемый Н. И. Гречемъ, журналъ пользовался особеннымъ покровительствомъ А. Н. Оленина и С. С. Уварова. Обращая, въ вышеупомянутомъ письмѣ, вниманіе Вяземскаго на это изданіе, Тургеневъ говорилъ, что назначеніе журнала— „помѣщать все, что можетъ ободрить духъ народа и познакомить его съ самимъ собою. „Какой народъ!“ прибавлялъ Тургеневъ. — „Какой патриотизмъ и какое благоразуміе! Сколько примѣровъ высокаго чувства своего достоинства и неограниченной преданности и любви къ отечеству!“¹⁾ Сынъ Отечества дѣйствительно нѣрѣдко сообщалъ подобныя примѣры на своихъ страницахъ и вообще усердно служилъ своей задачѣ. Здѣсь между прочимъ печатались въ 1813 и слѣдующихъ годахъ тѣ „Письма изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ“ И. М. Муравьева-Апостола, основныя мысли которыхъ, изустно имъ развиваемыя въ нижегородскихъ бесѣдахъ, такъ увлекали тогда Константина Николаевича.

Болѣзнь Бахметева долго испытывала терпѣніе нашего поэта: въ ожиданіи пріѣзда „своего“ генерала Батюшкова сидѣлъ въ Петербургѣ безъ дѣла и въ неизвѣстности о томъ, что его ожидаетъ. Только высочайшимъ приказомъ 29-го марта 1813 года былъ онъ принятъ въ военную службу съ зачисленіемъ въ

¹⁾ Р. Архивъ 1866 г., ст. 253.

Рыльскій пѣхотный полкъ и съ назначеніемъ въ адъютанты къ Бахметеву; но еще 30-го іюня оставался въ ожиданіи его приѣзда и уже начиналъ жаловаться на то, что потерялъ въ бездѣйствіи цѣлую кампанію ¹⁾. Невольный досугъ свой онъ наполнялъ чтеніемъ, между прочимъ, нѣмецкихъ книгъ, безъ сомнѣнія, съ цѣлью освѣжить въ своей памяти знаніе языка той страны, гдѣ теперь шла война, и куда ему предстояло ѣхать. Наконецъ, въ началѣ іюля, приѣздъ Бахметева выяснилъ, что состояніе его здоровья не позволитъ ему принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, и онъ далъ Константину Николаевичу разрѣшеніе ѣхать безъ него въ дѣйствующую армію.

Такимъ образомъ, только въ исходѣ іюля Батюшковъ оставилъ Петербургъ и чрезъ Вильну, Варшаву, Силезію и Прагу достигъ Дрездена, гдѣ тогда находилась русская главная квартира. Здѣсь онъ представился главнокомандующему графу Витгенштейну и былъ отправленъ имъ къ генералу Н. Н. Раевскому, къ которому имѣлъ рекомендацію отъ Бахметева ²⁾. Раевскій оставилъ его при себѣ за адъютанта, и съ нимъ Батюшковъ совершилъ всю кампанію 1813 и 1814 годовъ.

Въ первый разъ Константинъ Николаевичъ былъ въ огнѣ во время небольшого авангарднаго дѣла подъ Доной, въ виду Дрездена, а затѣмъ участвовалъ въ жаркомъ бою близъ Теплица (15-го августа). Движеніе союзныхъ армій изъ Богеміи въ Саксонію сопровождалось постоянными столкновеніями съ непріятелемъ, пока наконецъ не произошло 4-го октября генеральное сраженіе подъ Лейпцигомъ. Здѣсь Батюшковъ находился подлѣ Раевского, когда послѣдній былъ раненъ, и здѣсь же убитъ былъ другъ нашего поэта, Петинъ. Рана Раевского оказалась не слишкомъ опасною, и уже 5-го числа онъ, къ ра-

¹⁾ Соч., т. III, стр. 224 и 231.

²⁾ Соч. Д. В. Давыдова, изд. 4-е, ч. I, стр. 21: Замѣчанія на некрологію Н. Н. Раевского.

дости Батюшкова, снова сѣлъ на коня; но смерть Петина была для Константина Николаевича тяжкимъ ударомъ. „Петинъ, добрый, милый товарищъ трехъ походовъ, прекрасный молодой человекъ, скажу болѣе: рѣдкій юноша!“ Такъ писалъ Батюшковъ Гнѣдичу вскорѣ послѣ его смерти. „Эта вѣсть меня разстроила совершенно и на долго. На лѣвой рукѣ отъ батарей, вдали была кирка. Тамъ погребенъ Петинъ, тамъ поклонился я свѣжей могилѣ и просилъ со слезами пастора, чтобъ онъ поберечь прахъ моего товарища“¹⁾.

Необходимость лѣчить рану заставила однако Раевского ѣхать въ Веймаръ, куда послѣдовалъ за нимъ и Батюшковъ. Здѣсь прожили они около двухъ мѣсяцевъ и возвратились въ дѣйствующую армію только въ декабрѣ, когда главная квартира ея находилась уже во Фрейбургѣ, въ Брейзгау. Въ половинѣ января отрядъ Раевского блокировалъ крѣпость Бельфоръ въ южномъ Альзасѣ, затѣмъ перешелъ въ Шампань, участвовалъ въ жаркомъ дѣлѣ подъ Арсисъ-сюръ-Объ и другихъ сраженіяхъ и наконецъ, въ рѣшительномъ боѣ подъ стѣнами Парижа. „Съ высотъ Монтреля“, рассказываетъ Константинъ Николаевичъ, — „я увидѣлъ Парижъ, покрытый густымъ туманомъ, безконечный рядъ зданій, надъ которыми господствуетъ Notre-Dame съ высокими башнями. Признаюсь, сердце затрепетало отъ радости! Сколько воспоминаній! Здѣсь ворота Трона, влѣво Венсенъ, тамъ высоты Монмартра, куда устремлено движеніе нашихъ войскъ. Но ружейная пальба часъ отъ часу становилась сильнѣе и сильнѣе. Мы подвигались впередъ съ большимъ урономъ черезъ Баньолетъ къ Бельвилю, предмѣстію Парижа. Всѣ высоты заняты артиллерією; еще минута, и Парижъ засыпанъ ядрами! Желать ли сего? Французы выслали офицера съ переговорами, и пушки замолчали. Раненые русскіе офицеры проходили мимо насъ и поздравляли съ побѣдою: „Слава

¹⁾ Соч., т. III, стр. 236, 237.

Богу! Мы увидѣли Парижъ съ шпагою въ рукахъ!“ „Мы отместили за Москву!“ повторяли солдаты, перевязывая раны свои“. 19-го марта императоръ Александръ, король Прусскій и вожди союзныхъ армій поскакали въ Парижъ. Въ свитѣ государя находился и Раевскій съ своимъ адъютантомъ. „Ура гремѣло со всѣхъ сторонъ. Чувство, съ которымъ побѣдители въѣзжали въ Парижъ, неизяснимо!“ ¹⁾).

Съ намѣреніемъ въ краткихъ словахъ рассказали мы военную одиссею нашего поэта, такъ какъ онъ самъ, въ письмахъ своихъ къ Гнѣдичу и къ сестрѣ, описалъ ее очень живо и послѣдовательно. Мелкій офицеръ огромнаго войска, не отмѣченный никакими выдающимися военными талантами, онъ, конечно, не имѣлъ никакой самостоятельной роли въ тогдашнихъ событіяхъ и только исполнялъ честно свой долгъ, и то не какъ воинъ по призванію, а какъ гражданинъ-патріотъ, который, говоря его словами—по своей волѣ „на дѣлѣ всегда былъ готовъ пролить кровь свою за отечество“ ²⁾). Патріотическое воодушевленіе, пробудившееся въ немъ при извѣстіи, что родной Москвѣ угрожаетъ непріятельское вторженіе; не покидало его въ теченіе всего похода до самаго Парижа и придавало бодрость и твердость его духу. „Ни труды, ни грязь, ни дороговизна, ни малое здоровье не заставляютъ меня жалѣть о Петербургѣ, и я вѣчно буду благодаренъ Бахметеву за то, что онъ мнѣ доставилъ случай быть здѣсь“ ³⁾). Такъ писалъ Батюшковъ изъ-подъ Теплица, вскорѣ по приѣздѣ въ армію, и то же воодушевленіе слышится въ слѣдующихъ радостныхъ строкахъ, писанныхъ уже изъ самой столицы Франціи: „Повѣрите ли? Мы, которые участвовали во всѣхъ важныхъ происшествіяхъ, мы едва ли до сихъ поръ вѣримъ, что Наполеонъ

¹⁾ Соч., т. III, стр. 251, 252.

²⁾ Тамъ же, стр. 217.

³⁾ Тамъ же, стр. 234, 235.

изчезъ, что Парижъ нашъ, что Людовикъ на тронѣ, и что сумасшедшіе соотечественники Монтескье, Расина, Фенелона, Робеспьера, Кутона, Дантона и Наполеона поютъ по улицамъ: „Vive Henri Quatre, vive ce roi vaillant!“ Такія чудеса превосходятъ всякое понятіе. И въ какое короткое время, и съ какими странными подробностями, съ какимъ кровопролитіемъ, съ какою легкостію и легкомысліемъ! Чудны дѣла Твоя, Господи!“ ¹⁾

Но поэтъ, литераторъ, Батюшковъ оставался имъ и во время похода. Среди тягостей бивуачной жизни, среди боевыхъ столкновеній мысль его нерѣдко обращалась къ предметамъ мирной образованности, наблюдательность и фантазія увлекались впечатлѣніями совершенно иной, не военной сферы; даже самыя событія войны и ея обстановка занимали его не столько по своему практическому значенію и достигнутымъ результатамъ, а какъ пестрыя, живописныя картины, которыя словно чудесною силою развертывались предъ его поэтическимъ взоромъ ²⁾; различные типы военныхъ людей, отъ смѣшнаго мопмана военнаго дѣла Кроссара до хладнокровнаго героя Раевского, служили ему предметами художческаго наблюденія ³⁾, какъ прежде, въ Нижнемъ-Новгородѣ, лица внезапно обѣднѣлыхъ бѣглецовъ московскихъ.

Пребываніе за границей имѣло для Батюшкова большое образовательное значеніе. Подготовленный къ знакомству съ западною Европой „Письмами русскаго путешественника“,

¹⁾ Тамъ же, стр. 258.

²⁾ Вслѣдствіи Батюшковъ намѣревался посвятить этому предмету особый литературный этюдъ (Соч., т. II, стр. 288, прим.); ср. также боевыя сцены въ элегіи „Переходъ черезъ Рейнъ“ (Соч., т. I, стр. 179), описаніе „кровавой драки“ въ посланіи къ Н. М. Муравьеву (тамъ же, стр. 270 и 271), воспоминаніе о русскомъ казакѣ въ Парижѣ въ повѣсти „Странствователь и домохѣдъ“ (тамъ же, стр. 216) и замѣтки о боевыхъ сценахъ у Тасса (тамъ же, т. II, стр. 152—155).

³⁾ Ср. замѣтки о Раевскомъ, Кроссарѣ и Писаревѣ въ записной книжкѣ 1817 г. и въ письмахъ съ похода (Соч., т. II, стр. 327 — 331, 356, 357; т. III, стр. 234—244).

поэтъ нашъ, подобно Карамзину, съ уваженіемъ смотрѣлъ на ея старую культуру и также старался уловить черты умственной жизни въ посѣщенныхъ имъ странахъ, хотя военныя обстоятельства того времени представляли не много удобствъ для этихъ мирныхъ наблюденій. Воспитанный на французскій ладъ, Константинъ Николаевичъ въ ранней юности приобрѣлъ нѣкоторое предубѣжденіе противъ нѣмецкой литературы и мало изучалъ ее. Пребываніе въ Германіи отчасти содѣйствовало къ разсѣянію этого предразсудка. Проведя довольно долгое время въ Веймарѣ, онъ не могъ не вспомнить, что этотъ городъ, „германскія Аѳины“, какъ его называли тогда, былъ мѣстопребываніемъ главныхъ корифеевъ новой нѣмецкой словесности. Гуляя по веймарскому саду, Батюшковъ думалъ, что „здѣсь Гете мечталъ о Вертерѣ, о нѣжной Шарлоттѣ; здѣсь Виландъ обдумывалъ планъ „Оберона“ и леталъ мыслию въ области воображенія; подъ сими вязами и кипарисами великіе творцы Германіи любили отдыхать отъ трудовъ своихъ“¹⁾. Подъ этими впечатлѣніями Батюшковъ спѣшилъ сообщить Гнѣдичу о своей, „новой страсти“ — къ нѣмецкой литературѣ. Особенно полюбился ему теперь Шиллеръ, надъ сочиненіями котораго онъ прежде посмѣивался; его „Донъ-Карлоса“ нашъ поэтъ видѣлъ на веймарскомъ театрѣ, и это блистательное произведеніе, такъ ярко выражающее высокій идеализмъ Шиллера и человѣчность его сердца, очень ему понравилось²⁾. Изученіе Шиллера Батюшковъ продолжалъ и впослѣдствіи. Самый бытъ нѣмецкій показался Константину Николаевичу очень привлекательнымъ; простота мелкой провинціальной жизни представлялась ему остаткомъ древней патріархальности; въ любви Нѣмцевъ къ памятникамъ своей старины онъ находилъ

¹⁾ Соч., т. II, стр. 240. Предположеніе Батюшкова не совсѣмъ вѣрно относительно Гете: „Вертеръ“ написанъ имъ не въ Веймарѣ, а во Франкфуртѣ.

²⁾ Карамзинъ также видѣлъ „Донъ-Карлоса“ въ Берлинѣ и въ письмѣ отъ 4-го іюля 1789 г. высказалъ свое мнѣніе объ этомъ произведеніи.

„знакъ добраго сердца, уваженія къ законамъ, къ нравамъ и обычаямъ предковъ“ и противопологала эту любовь пренебреженію Французовъ къ своему прошлому, вида въ томъ слѣдствіе „легкомыслія, суетности и жестокаго презрѣнія ко всему, что не можетъ насытить корыстолюбія, отца пороковъ“¹⁾.

Новое увлеченіе Батюшкова было такъ велико, что онъ „сходилъ съ ума“ даже на „Луизѣ“, извѣстной идиллической поэмѣ Фосса, и писалъ Гнѣдичу: „Надобно читать ее въ оригиналѣ и здѣсь въ Германіи“²⁾. Сама по себѣ, идиллія Фосса—произведеніе не высокаго поэтическаго достоинства; у автора ея не было способности къ самобытному творчеству, но онъ былъ отличный знатокъ классической древности и хорошо понималъ наивное міросозерцаніе Гомера и Теоокрита; въ своей поэмѣ онъ сдѣлалъ попытку изобразить съ античною простотою филистерскіе нравы сельскихъ нѣмецкихъ пасторовъ; плавный стихъ и естественность изображенія составляютъ едва ли не единственныя достоинства его произведенія, при чемъ однако натурализмъ его доходитъ нерѣдко до пошлости. Отзывъ Батюшкова о „Луизѣ“ тѣмъ не менѣе очень любопытенъ, какъ знаменіе его тогдашнихъ симпатій, и главнымъ образомъ потому, что онъ совпадаетъ съ сужденіемъ одного изъ лицъ, мнѣнія котораго особенно цѣнились Константиномъ Николаевичемъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ изъ Москвы въ Нижній Новгородъ И. М. Муравьевъ-Апостолъ проводитъ параллель между французскою словесностью и другими литературами западной Европы и между прочимъ говоритъ: „Ума много, а изящной природы во всей очаровательной ея простотѣ нѣтъ ни въ одномъ (французскомъ писателѣ). Вездѣ натяжка: нигдѣ нѣтъ цвѣтовъ, которые мы видимъ въ природѣ: наблюдатель строгій тотчасъ догадается, что картина простой сельской

¹⁾ Соч., т. II, стр. 62; ср. т. I, стр. 177.

²⁾ Тамъ же, т. III, стр. 240.

жизни писалась въ парижскомъ будуарѣ, а Теокрытовы па-
 стухи срисованы въ оперѣ съ танцовщиковъ. И быть иначе
 не можетъ! Французы осуждены писать въ одномъ Парижѣ;
 въ столицѣ имъ не дозволяется имѣть ни вкуса, ни дарова-
 ній: то какъ же имъ познакомиться съ природою, которой
 ничего нѣтъ противоположнаго, какъ большіе города. Напро-
 тивъ того, въ Нѣмецкой землѣ писатели рѣдко живутъ въ сто-
 лицахъ; большая часть ихъ разсѣяна по маленькимъ городамъ,
 а нѣкоторые изъ нихъ цѣлую жизнь свою провели въ дерев-
 няхъ; за то они знакомѣе съ природою, и за то, между тѣмъ
 какъ Фоссъ начерталъ прелестную „Луизу“ свою въ Эйтинѣ,
 подражатель приторнаго Флоріана въ Парижѣ, смотря въ окно
 на грязную улицу, описываетъ испещренные цвѣтами андалуз-
 скіе луга или пышно рисуетъ цѣпь Пиренейскихъ горъ, глядя
 съ чердака на Монмартръ“. Мы уже знаемъ, какое сильное
 впечатлѣніе производили на Батюшкова въ Нижнемъ-Новгородѣ
 споры Муравьева съ исключительными поклонниками француз-
 ской словесности, и потому можемъ съ увѣренностью предпо-
 ложить, что подъ этимъ вліяніемъ сложилось у нашего поэта
 сужденіе о „Луизѣ“, да и вообще произошелъ поворотъ въ его
 мнѣніяхъ о нѣмецкой литературѣ ¹⁾. Въ дальнѣйшемъ своемъ
 развитіи поворотъ этотъ долженъ былъ расширить и сдѣлать
 болѣе правильными эстетическія понятія Константина Николае-
 вича, что и замѣтно по его позднѣйшимъ произведеніямъ.

Итакъ, даже кратковременное пребываніе въ Германіи было
 небезслѣдно для умственной жизни поэта. Точно также оста-
 вило на немъ замѣтный слѣдъ и посѣщеніе Франціи. Онъ ступилъ
 на ея почву еще полный негодованія на тѣ жестокости

¹⁾ Письмо Муравьева, изъ котораго приведенъ отрывокъ, напечатано въ
 Сынѣ Отечества 1813 г., № XLIV; этотъ номеръ появился въ Петербургѣ 30-го
 октября, въ тотъ самый день, когда Батюшковъ писалъ о „Луизѣ“ Гнѣдичу изъ
 Веймара; слѣдовательно, онъ могъ имѣть въ виду только устное мнѣніе Му-
 равьева, а не высказанное въ печати.

и варварство, которыми ознаменовалось въ Россіи нашествіе Великой арміи. Ему казалось тогда, что революція и тираннія Наполеона совершенно исказили народный характеръ Французовъ. Такія заключенія были понятны и возможны въ виду „пылающей Москвы“. Но дальнѣйшій ходъ событій и состояніе Франціи въ 1814 году заставили Батюшкова думать нѣсколько иначе. Въ первомъ же письмѣ изъ Парижа, описавъ торжественное вступленіе туда союзныхъ войскъ, Константинъ Николаевичъ прибавлялъ: „Всѣ ожидаютъ мира: Дай Богъ! Мы всѣ желаемъ того. Выстрѣлы надобны, а болѣе всего плачь и жалобы несчастныхъ жителей, которые вовсе разорены по большимъ дорогамъ“ ¹⁾. Такъ, мало по малу, чувство негодованія стало смѣняться у Батюшкова чувствомъ жалости къ Французамъ. Не будучи проникательнымъ политикомъ, онъ раздѣлялъ общераспространенное тогда мнѣніе, что Франція легко можетъ возвратиться къ старому порядку, если не вполнѣ, то въ значительной степени, и во всякомъ случаѣ можетъ успокоиться и не подвергнется новымъ потрясеніямъ. При быстромъ поворотѣ общественнаго мнѣнія въ побѣжденной странѣ, воображеніе нашего поэта поражалось видомъ черни парижской „вѣтренной и неблагодарной“, которая еще вчера славилъ своего императора, а нынче призывала спасителей—Русскихъ и требовала возвращенія Бурбоновъ; и подъ этимъ впечатлѣніемъ Батюшковъ примѣнялъ къ Парижанамъ слова германскаго поэта: „О, чудесный народъ парижскій, народъ достойный сожалѣнія и смѣха!“ ²⁾

Ходъ нашего собственнаго просвѣщенія былъ таковъ, что образованный Русскій человѣкъ начала нынѣшняго вѣка, даже вооружавшійся противъ пороковъ французской культуры, оказывался заранѣе подкупленнымъ въ ея пользу. Русскіе офи-

¹⁾ Соч., т. III, стр. 256; ср. т. II, стр. 63.

²⁾ Тамъ же, стр. 254.

церы, вступившіе въ Парижъ въ 1814 году, мало-мальски образованные, увлекались блескомъ, внѣшнимъ изяществомъ и свободой парижской жизни. Болѣе просвѣщенные, или тѣ, въ которыхъ таилось особое дарованіе, успѣвали вынести отсюда новые залого для своего развитія и дальнѣйшей дѣятельности. Въ такомъ положеніи оказался и Константинъ Николаевичъ. Едва вступивъ въ предѣлы Франціи, онъ уже почувствовалъ себя, такъ-сказать, подъ вліяніемъ той атмосферы, изъ которой было почерпнуто его образованіе. Еще во время похода по Лотарингіи онъ счелъ долгомъ посѣтить замокъ маркизы дю-Шатле, пріятельницы Вольтера, давшей ему здѣсь убѣжище въ лучшіе трудовые годы его жизни, когда онъ занимался философіей Ньютона, написалъ „Альзиру“ и „Меропу“, готовилъ „Вѣкъ Людовика XIV“ и задумывалъ „Essai sur les poeufs“. Въ самомъ Парижѣ, послѣ нѣсколькихъ дней отдыха, необходимаго по окончаніи тяжелаго похода, Константинъ Николаевичъ отдается столичнымъ развлеченіямъ и еще болѣе интересамъ литературы и искусства. Онъ любитъ парижскими памятниками, посѣщаетъ театры, осматриваетъ музеи, закупаетъ книги, присутствуетъ въ томъ знаменитомъ засѣданіи Французской академіи, гдѣ былъ императоръ Александръ, и гдѣ между прочимъ Вильменъ говорилъ ему привѣтствіе и читалъ при немъ отрывки изъ своего разсужденія о критикѣ. Трагикъ Тальма и комикъ Брюне, г-жа Жоржъ и ея соперница г-жа Дюшенуа попеременно приводятъ Батюшкова въ восхищеніе. Въ залахъ Лувра въ то время были выставлены не только произведенія искусства, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій собранныя Французскими королями, но и многія художественныя сокровища, вывезенныя Наполеономъ изъ чужестранныхъ, преимущественно италіанскихъ музеевъ, въ качествѣ военной добычи; это обстоятельство дѣлало тогдашній Парижъ художественнымъ центромъ Европы, и благодаря тому, Батюшкову удалось видѣть здѣсь особенно много произведеній искусства новаго и древняго, въ

томъ числѣ подлинную статую Аполлона Бельведерскаго; она привела его въ особенный восторгъ, который онъ высказалъ въ письмѣ къ Дашкову живописнымъ выраженіемъ: „Это не мраморъ—богъ!“ Оно было впоследствии усвоено Пушкинымъ. „Я часто захожу въ музеумъ“, прибавляетъ Константинъ Николаевичъ, — „единственно за тѣмъ, чтобы взглянуть на Аполлона, и какъ отъ бесѣды мудраго мужа и милой, умной женщины, по словамъ нашего поэта, лучшимъ возвращаюсь“¹⁾. Вообще посѣщеніе Парижа укрѣпило и развило въ Батюшковѣ любовь къ пластическимъ искусствамъ, зародыши которой таились въ немъ и прежде.

Соціальныя вопросы никогда не привлекали къ себѣ особеннаго вниманія Батюшкова; мало занимался онъ ими и за границей, но остаться вполне въ сторонѣ отъ нихъ не могъ по самымъ обстоятельствамъ того времени. Ожидаемое замиреніе Европы выдвигало ихъ впередъ. Просвѣщенные Русскіе люди питали надежду, что императоръ Александръ, по окончаніи войны, столь счастливо завершенной, займется внутреннимъ благоустройствомъ Россіи и въ особенности обезпеченіемъ положенія крѣпостнаго населенія. Мы видѣли изъ письма А. И. Тургенева, что въ его умѣ этотъ вопросъ возникъ въ самую горячую пору войны 1812 года; улучшеніе быта крестьянъ казалось ему дѣломъ справедливости, послѣ того какъ народъ обнаружилъ въ борьбѣ съ нашествіемъ враговъ беззаветное самоотверженіе и самопожертвованіе. Еще глубже занимала та же мысль другаго Тургенева, дѣльнаго и умнаго Николая Ивановича. Во время заграничнаго похода онъ былъ назначенъ состоять при извѣстномъ баронѣ Штейнѣ, и Батюшковъ, знавшій его съ Петербурга, встрѣтился съ нимъ во Фрейбургѣ, когда тамъ находилась главная квартира и провелъ съ нимъ „нѣ-

¹⁾ Соч., т. III, стр. 263.

сколько пріятныхъ дней“¹⁾. Въ Парижѣ они также были въ одно время и, нѣтъ сомнѣнія, не разъ толковали о русскихъ дѣлахъ, объ общественныхъ потребностяхъ отечества. Весьма вѣроятно, что подъ впечатлѣніемъ бесѣды съ этимъ горячимъ поборникомъ идеи объ освобожденіи крестьянъ, Батюшковъ написалъ тогда „прекрасное четверостишіе, въ которомъ, обращаясь къ императору Александру, говорилъ, что послѣ окончанія славной войны, освободившей Европу, призванъ онъ Провидѣніемъ довершить славу свою и обезсмертить свое царствованіе освобожденіемъ Русскаго народа“. Такъ свидѣтельствуєтъ князь П. А. Вяземскій²⁾. Къ сожалѣнію, стихи эти не сохранились.

Послѣ двухмѣсячнаго пребыванія въ столицѣ Франціи, утомленный обиліемъ самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній и, къ довершенію всего, перенесшій въ Парижѣ новый приступъ болѣзни, Батюшковъ почувствовалъ горячее желаніе возвратиться на родину; онъ уже лелѣялъ мысль опять соединиться съ друзьями, чтобы въ мирной бесѣдѣ подѣлиться съ ними тѣмъ, что пережилъ и испыталъ въ теченіе десяти мѣсяцевъ своего отсутствія. Однако, для возвращенія онъ не избралъ кратчайшаго пути черезъ Германію, а рѣшился отправиться моремъ, посѣтивъ предъ тѣмъ Лондонъ. Раньше Константина Николаевича туда же отправился Сѣверинъ, также бывший въ Парижѣ. Пребываніе Батюшкова въ Англіи было непродолжительно: онъ ограничился краткимъ осмотромъ Лондона и его окрестностей, изъ которыхъ особенно понравился ему Ричмондъ, съ своимъ великолѣпнымъ паркомъ, и затѣмъ изъ Гарича отплылъ къ берегамъ Швеціи. Предъ отходомъ судна онъ посѣтилъ гаричскую церковь и вынесъ „глубокое и сладостное впечатлѣніе“ отъ простоты служенія, набожности и сосредоточен-

¹⁾ Соч., т. III, стр. 247.

²⁾ Полн. собр. соч., т. VII, стр. 418.

наго умиленія молящихся. „Никогда“, писалъ онъ послѣ,— „религія и священныя обряды ея не казались мнѣ столь плѣнительными“¹⁾. Для человѣка, воспитаннаго въ свободомысліи, это чувство было новымъ, и оно глубоко запало въ его душу. Какъ многіе люди его поколѣнія, свидѣтели великаго политическаго переворота, счастливый исходъ котораго они приписывали прямому участію Провидѣнія, Батюшковъ испыталъ сильное возбужденіе давно заснувшаго въ немъ религіознаго чувства, и описанный случай едва ли не былъ первымъ проявленіемъ такого настроенія. Самое плаваніе до Готенбурга совершилось вполне благополучно; но свѣтлое настроеніе Константина Николаевича, не покидавшее его ни въ походѣ, ни въ бытность въ Парижѣ, уже исчезло, и оставшись одинъ самъ съ собою, въ унылой обстановкѣ морскаго плаванія, онъ отдался воспоминаніямъ о понесенныхъ имъ утратахъ: въ эти-то минуты грустнаго раздумья его посѣтило вдохновеніе, внушившее ему исполненные глубокаго, сосредоточеннаго чувства стихи въ память друга юныхъ лѣтъ, Петина²⁾. Оплакивая его, поэтъ вмѣстѣ съ тѣмъ оплакивалъ и свою молодость, которой приходилъ конецъ.

Проѣхавъ изъ Готенбурга въ Стокгольмъ сухимъ путемъ, Батюшковъ имѣлъ удовольствіе найти здѣсь Д. Н. Блудова. Блудовъ съ 1812 года состоялъ совѣтникомъ нашего посольства при Шведскомъ дворѣ и за отсутствіемъ посланника управлялъ миссіей; онъ скучалъ въ шведской столицѣ и теперь, по прибытіи вновь назначеннаго посланника (барона Г. А. Строгонова), спѣшилъ покинуть ее³⁾. Батюшкову Швеція тоже показалась странкою „не плѣнительною“. Друзья рѣшили ѣхать вмѣстѣ и, переправившись въ Або, прибыли черезъ Финляндію въ Петербургъ въ началѣ іюля.

¹⁾ Соч., т. III, стр. 277.

²⁾ Извѣстную элегію „Тѣнь друга“.

³⁾ Ковалевскій. Графъ Блудовъ и его время, изд. 2-е, стр. 84—89; Р. Архивъ 1879 г., кн. III, стр. 481—485: Изъ воспоминаній графини А. Д. Блудовой.

Батюшковъ остановился у Е. О. Муравевой, которая жила теперь въ Петербургѣ и встрѣтила племянника съ прежнимъ радушіемъ. О встрѣчѣ своей съ нею и пріятелями онъ вспоминалъ потомъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній:

Я самъ, друзья мои, дань сердца заплатилъ,
 Когда, волненьями судьбины
 Въ отчизну брошенный изъ дальнихъ странъ чужбины,
 Увидѣлъ наконецъ адмиралтейской шпиль,
 Фонтанку, этотъ домъ и столько милыхъ лицъ,
 Для сердца моего единственныхъ на свѣтѣ! ¹⁾

Пріѣздъ Батюшкова предшествовалъ нѣсколькими днями прибытію императора Александра. Восторженный пріемъ ожидалъ возвращеніе миротворца Европы въ столицѣ. Посѣщеніе государемъ Павловска императрица Марія Федоровна пожелала ознаменовать особымъ праздникомъ, который и состоялся 27-го іюля. Устройство праздника и главнымъ образомъ приготовленіе хоровъ и лирическихъ сценъ, которые предполагалось исполнить, императрица возложила на Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго. Спѣшность дѣла и неудача первыхъ попытокъ очень затрудняли его, и онъ чрезвычайно обрадовался пріѣзду Батюшкова и поручилъ ему сочиненіе стиховъ. Еще не отдохнувъ съ дороги и уже застигнутый нездоровьемъ, Константинъ Николаевичъ не могъ отказаться отъ предложенія. „Трудно было отговориться“, писалъ онъ по этому поводу, — „старикъ такъ былъ ласковъ и убѣдителенъ. Я намаралъ, какъ умѣлъ... Къ несчастію, я спѣшилъ: то убавлялъ, то прибавлялъ по словамъ капельмейстера и, вопреки моему усердію, кажется, написалъ не очень удачно“ ²⁾. Изъ писемъ императрицы къ Нелединскому видно, что нѣкоторыя измѣненія дѣлались не только по требованію капельмейстера, но и по ея собственнымъ указа-

¹⁾ Соч., т. I, стр. 215.

²⁾ Тамъ же, т. III, стр. 289.

ніямъ ¹⁾. Праздникъ, разумѣется, имѣлъ полный успѣхъ, и по словамъ поэта, актеры удачно исполнили сочиненныя имъ сцены. Къ сожалѣнію, текстъ ихъ не былъ напечатанъ въ свое время и не сохранился. Императрица пожаловала автору брилліантовый перстень, который онъ тотчасъ же отослалъ своей младшей сестрѣ ²⁾.

Свиданіе съ сестрами послѣ долгой разлуки, разумѣется, было бы очень пріятно Константину Николаевичу; однако, по разнымъ причинамъ онъ не спѣшилъ ѣхать въ Хантоново. Въѣшнимъ препятствіемъ было то, что разрѣшить ему отпускъ могъ только генераль Бахметевъ, а его не было въ Петербургѣ. Затѣмъ пріѣхать въ Хантоново къ сестрамъ и не посѣтить отца въ его Даниловскомъ было бы не возможно, а между тѣмъ эта встрѣча, при натянутыхъ отношеніяхъ между отцемъ и сыномъ, представлялась послѣднему не особенно пріятною. Наконецъ, послѣ разнообразныхъ впечатлѣній заграничнаго похода, поэтъ нашъ какъ бы боялся одиночества въ деревенской глуши. Притомъ, его занимали и тревожили соображенія о его ближайшемъ будущемъ. Военная служба въ мирное время не представляла для него привлекательности, и онъ готовъ былъ промѣнять ее на гражданскую, но желалъ извлечь извѣстныя выгоды изъ своего пребыванія въ арміи: пріобрѣтеніе ихъ оправдало бы передъ родными его вторичное поступленіе въ военную службу. Еще въ январѣ 1814 года онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны второй степени за сраженіе подъ Лейпцигомъ; кромѣ того, онъ надѣялся получить Владимірскій крестъ и быть переведеннымъ въ гвардію, съ повышеніемъ на два чина, что дало бы ему возможность перечислиться въ гражданскую службу надворнымъ

¹⁾ Хроника недавней старины. Изъ архива кн. С. А. Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго, стр. 209, 210; ср. Р. Архивъ 1866 г., ст. 886.

²⁾ Соч., т. III, стр. 289.

совѣтникомъ. При видѣ тѣхъ наградъ, которыя война доставила многимъ изъ его сослуживцевъ, въ немъ тоже пробудилось честолюбіе, и онъ съ лихорадочною тревогой ожидалъ для себя отличій, уже заранѣе огорчаясь возможностью неудачи, которую приписывалъ своей „неблагопріятной звѣздѣ“¹⁾. Если къ тревогамъ этого рода прибавить, что Константинъ Николаевичъ нерѣдко получалъ отъ сестры извѣстія о непрерывно возрастающемъ разстройствѣ ихъ хозяйственныхъ дѣлъ, то придется сказать, что въ частныхъ его обстоятельствахъ, по возвращеніи изъ похода, оказывалось немало поводовъ къ волненіямъ. Будущее опять представлялось ему вполне не обезпеченнымъ, и самая жизнь казалась лишенною цѣли. Хандра, обычная спутница этихъ тревогъ, стала овладѣвать имъ чрезъ два-три мѣсяца по возвращеніи въ Петербургъ. „Развѣ ты не знаешь“, писалъ онъ Жуковскому въ ноябрѣ 1814 года, — „что мнѣ не посидится на мѣстѣ, что я сдѣлался совершеннымъ Калмыкомъ съ нѣкотораго времени, и что пріятелю твоему нуженъ „осѣдлокъ“, какъ говорить Шишковъ, пристанище, гдѣ онъ могъ бы собраться съ духомъ и силами душевными и тѣлесными, могъ бы дышать свободнѣе въ кругу такихъ людей, какъ ты, напримѣръ?“ Онъ жаловался, что на его долю достались „однѣ заботы житейскія и горести душевныя“ и, рассказавъ вкратцѣ свою заграничную одиссею, прибавлялъ о себѣ и своихъ друзьяхъ слѣдующее: „Мы подобны теперь Гомеровымъ воинамъ, разсѣянными по лицу земному. Каждый изъ насъ гонитъ какой-нибудь мститель-богъ: кого Марсъ, кого Аполлонъ, кого Венера, кого Фуриі, а меня—Скука“. Подъ вліяніемъ хандры Батюшковъ склоненъ былъ даже чувствовать сомнѣніе въ своемъ дарованіи: оно представлялось ему бесполезнымъ и для общества, и для него самого²⁾. Понятно, что гнетъ этой мысли дѣйствовалъ на него.

¹⁾ Соч., т. III, стр. 285.

²⁾ Тамъ же, стр. 302—304.

мучительно и еще болѣе усиливалъ душевную тревогу нашего поэта. Въ сущности однако, это сомнѣніе свидѣтельствовало только о жизненности его таланта, который, очевидно, искалъ новыхъ путей для своего развитія.

Батюшковъ возвратился изъ славнаго похода, горячо воодушевленный тѣми великими событіями, которыхъ былъ свидѣтелемъ и участникомъ, и которыя такъ высоко поставили политическое и военное значеніе Россіи. Чтѣ же засталъ онъ на родинѣ? Могло ли удовлетворить его то общественное настроеніе, которое нашелъ онъ въ Петербургѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ онъ даетъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Казалось, небеса карать его устали.

И тихо соннаго домчали

До милыхъ родины давножеланныхъ скалъ.

Проснулся онъ—и что жъ?... Отчизны не позналъ!¹⁾

Высокое патріотическое воодушевленіе 1812 года значительно измѣнилось въ русскомъ обществѣ къ концу борьбы съ Наполеономъ. Вызванный ею подъемъ національнаго самосознанія обратилъ общественное вниманіе на задачи внутренняго развитія, но при обсужденіи ихъ мнѣнія людей, еще недавно соединенныхъ общимъ чувствомъ патріотизма, разошлись совершенно въ разныя стороны. Тѣсно связанные съ самыми основами нашей образованности, вопросы просвѣщенія ставились какъ попало и рѣшались вкривь и вкосъ, болѣе смѣло, чѣмъ основательно. „Состояніе умовъ теперь таково“, писалъ въ концѣ 1813 года одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, С. С. Уваровъ, — „что путаница идей не знаетъ предѣловъ. Одни хотятъ просвѣщенія безвреднаго, то-есть, огня, который бы не жегъ; другіе, и ихъ всего болѣе, кидаютъ

¹⁾ Соч., т. I, стр. 193. Стихи взяты изъ піесы „Судьба Одиссея“, составляющей подражаніе стихотворенію Шиллера: „Odysseus“, но самымъ выборомъ своихъ очевидно выражающей собственное настроеніе нашего поэта.

въ одинъ мѣшокъ Наполеона и Монтескье, французскія арміи и французскія книги, Моро и Розенкампа, бредни Шишкова и открытія Лейбница; словомъ, это — такой хаосъ криковъ, страстей, партій, ожесточенныхъ одна противъ другой, одно-стороннихъ преувеличеній, что долго присутствовать при такомъ зрѣлищѣ нѣтъ возможности. Кидають другъ другу въ лицо выраженія: религія въ опасности, потрясеніе нравственности, поборникъ чужеземныхъ идей, иллюминатъ, философъ, франкъ-масонъ, фанатикъ и т. п. Словомъ, безуміе полное! ¹⁾ Замѣтимъ, что это свидѣтельство принадлежитъ человѣку, который, какъ и Батюшковъ, далеко не отличался крайними мнѣніями. Дикая вражда противъ просвѣщенія шла главнымъ образомъ со стороны тѣхъ людей, которые еще до войны ратоборствовали противъ галломаніи, то-есть, со стороны пресловутой Бесѣды, и Шишкова, съ простодушіемъ невѣжды и откровенностью ограниченного человѣка, не затруднялся утверждать, что писатели, искавшіе литературныхъ образцовъ во французской словесности, были виновниками не только „заразы французской“, но даже нашествія Наполеона и пожара Москвы, то-есть, измѣнниками своему отечеству.

Въ горячую пору 1812 года Батюшковъ также вооружался противъ „новыхъ Вандаловъ“; но огульная вражда противъ просвѣщенія, прикрытая любовью къ отечеству, и тогда возбуждала его негодованіе; крайности фанатиковъ удержали его отъ слишкомъ сильныхъ увлеченій, и еще предъ отправленіемъ въ заграничный походъ, во время своего невольнаго досуга въ Петербургѣ въ 1813 году, онъ написалъ сатирическое стихотвореніе, въ которомъ предалъ посмѣянію бездарныхъ и невѣжественныхъ изувѣровъ Бесѣды. Остроумной сатирѣ этой была дана форма пародіи на „Пѣвца въ станѣ русскихъ вои-

¹⁾ Pertz. Das Leben d. Ministers Fr. v. Stein. III-r B. 2-te Aufl. Berlin. 1885, S. 697—698.

новъ“, незадолго предъ тѣмъ напечатаннаго. Какъ пѣвецъ Жуковского взываетъ къ мщению Наполеона, такъ пѣвецъ въ Бесѣдѣ Славянороссовъ, грозя мщеніемъ даровитому виновнику литературныхъ новшествъ Карамзину между прочимъ возглашаетъ:

Нѣтъ логики у насъ въ домахъ,
 Грамматикъ не бывало,
 Мы Прологъ въ руки — гибни, врагъ,
 Съ твоей дружиной валой!
 Отвѣдай, дерзкій, что сильнѣй —
 Разсудокъ или мщенье.
 Пришлецъ, мы въ родинѣ своей!
 За глухихъ Провидѣнье!

Общій смыслъ сатиры составляетъ осужденіе дикой вражды къ наукамъ, слѣпаго пристрастія къ національной исключительности и фантастической любви къ добродѣтелямъ невѣдомой старины.

Изъ пребыванія за границей Константинъ Николаевичъ вынесъ новое подкрѣпленіе своихъ убѣжденій. Онъ не могъ не видѣть, что Европа далеко опередила Россію богатымъ разцвѣтомъ умственной жизни, которая у насъ только въ зачаткахъ; онъ сознавалъ, что и послѣ великой побѣды надъ Наполеономъ намъ есть чему учиться на Западѣ, есть чтѣ усвоивать изъ его литературы; кичливость русскихъ фанатиковъ предъ европейскою образованностью казалась ему не только неумѣстной, но и недостойною великаго молодаго народа, который своими побѣдами отрывалъ себѣ славное будущее: въ этомъ-то смыслѣ онъ и говорилъ, уподобляя себя скитальцу Одиссею, что по возвращеніи онъ „не позналъ своей родины“.

Какъ ни громко раздавались возгласы фанатиковъ, нашлись однако люди, которые не захотѣли молчать предъ этою ожесточенною проповѣдью невѣжества; особенно замѣчательно то, что защиту дѣла просвѣщенія приняли на себя не крайніе сторон-

ники западнаго образованія, а представители умѣренныхъ убѣжденій, рѣзко высказывавшіеся противъ галломаніи, но въ то же время умѣвшіе отличить отъ нея развитіе истинной образованности. Мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, какъ члены оленинскаго кружка, не смотря на личную пріязнь Алексѣя Николаевича къ Шишкову и Державину, отдѣлились отъ литературныхъ старовѣровъ въ сужденіи о трагедіяхъ Озерова; такъ и теперь представители той же среды сочли нужнымъ высказаться самостоятельно по вопросу, горячо волновавшему общество. Замѣтимъ, что многія изъ этихъ лицъ, какъ и самъ Оленинъ, принадлежали къ составу Бесѣды любителей русскаго слова; но въ данномъ случаѣ они не могли сочувствовать Шишкову и его приснымъ. Съ половины 1813 года началось въ Сынѣ Отечества печатаніе знаменитыхъ писемъ И. М. Муравьева-Апостола изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ; въ нихъ много говорилось о смѣшномъ пристрастіи русскаго общества къ Французамъ, говорилось и о вредномъ вліяніи французской философіи XVIII вѣка на умы, но разумѣется, не было тѣхъ выходокъ противъ образованія, которыя вызвали такое горячее негодованіе Уварова, когда онъ слышалъ ихъ въ петербургскихъ салонахъ. Муравьевъ, напротивъ, настаивалъ на томъ, что наше дворянство учится слишкомъ мало, и что въ основу нашей школы необходимо положить изученіе классическихъ языковъ; онъ же указывалъ и на другія литературы новой Европы, какъ на источники просвѣщенія. Мнѣнія Муравьева, близкаго Оленину, могутъ быть принимаемы, какъ выраженіе убѣжденій, господствовавшихъ въ этомъ кругу. Тѣ же мысли высказывалъ Уваровъ въ своихъ письмахъ о переводѣ „Иліады“¹⁾.

¹⁾ Чтенія въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова, кн. 13 и 17; второе письмо появилось въ печати только въ 1815 г., но еще въ 1814 г. было читано въ Бесѣдѣ и тогда же стало извѣстно Батюшкону (см. Соч., т. II, стр. 75, 76 и 429).

„Безъ основательныхъ познаній и долговременныхъ трудовъ въ древней словесности“, писалъ онъ, — „никакая новѣйшая существовать не можетъ; безъ тѣснаго знакомства съ другими новѣйшими мы не въ состояніи объять все поле человѣческаго ума, обширное и блистательное поле, на которомъ всѣ предубѣжденія должны бы умирать и всякая ненависть гаснуть“¹⁾. Въ самомъ началѣ 1814 года послѣдовало открытіе Императорской Публичной Библіотеки, и по этому случаю состоялось, при многочисленныхъ посѣтителяхъ, торжественное собраніе, въ которомъ, по мысли Оленина, бібліотекарями Красовскимъ и Гнѣдичемъ прочитаны были разсужденія, первымъ—о пользѣ знаній, а вторымъ—о причинахъ, замедляющихъ успѣхи нашей словесности; причины эти Гнѣдичъ находилъ въ томъ, что у насъ слишкомъ мало изучаются древніе языки и слишкомъ много пристрастія къ языку французскому; сходясь въ этомъ заключеніи съ Муравьевымъ-Апостоломъ и Уваровымъ, онъ однако отдѣлялся отъ нихъ тѣмъ, что вовсе умалчивалъ о значеніи литературъ новой Европы для развитія нашей собственной. Прочитанная въ томъ же собраніи басня Крылова „Водолазы“ также по своему рѣшала вопросъ о пользѣ наукъ, доказывая, что

... въ ученіи зримъ мы многихъ благъ причину,
 Но дерзкій умъ находитъ въ немъ пучину
 И свой погибельный конецъ,
 Лишь съ разницею тою,
 Что часто въ гибель онъ другихъ влечетъ съ собою.

Такимъ образомъ представители оленинскаго кружка подали свой голосъ по вопросу, который въ данную минуту вызывалъ самыя разнообразныя сужденія въ обществѣ. Мнѣніе было высказано очень осторожно и обставлено разными оговорками,

¹⁾ Чтенія въ Бесѣдѣ, кн. XVII, стр. 63.

но въ общемъ оно, очевидно, противорѣчило рѣшенію фанатиковъ и имѣло даже смыслъ протеста противъ проповѣдуемыхъ ими крайностей.

Естественно, что Батюшковъ примкнулъ къ сужденіямъ, которыя были заявлены его просвѣщенными собесѣдниками въ домѣ Оленина. Онъ воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы привести въ печати изъ не изданнаго еще письма Уварова слова его о пользѣ изученія древней и новой иностранной словесности. Мало того: въ разсужденіяхъ своихъ друзей онъ увидѣлъ указанія для своей дальнѣйшей литературной дѣятельности. До сихъ поръ онъ признавалъ свой талантъ способнымъ преимущественно къ тому роду, который называлъ „легкою поэзіей“; но теперь, когда потребности времени указывали литературѣ высокія просвѣтительныя задачи, онъ счелъ себя не въ правѣ ограничиваться областью интимной лирики. Еще въ виду ужасовъ непріятельскаго нашествія онъ отрекался отъ нея въ посланіи къ Дашкову. Призывая теперь Жуковскаго „сдѣлать себѣ прочную славу, основанную на важномъ дѣлѣ“¹⁾, онъ и самому себѣ намѣчалъ болѣе серьезный планъ въ литературныхъ занятіяхъ. Уваровъ указывалъ на пользу переводовъ изъ древнихъ авторовъ; но скудость классическихъ знаній препятствовала Батюшкову взяться за трудъ, подобный предпринятому Гнѣдичемъ; къ тому же онъ зналъ за собою недостатокъ усидчивости, которой потребовала бы такая работа. Итакъ, не желая насиловать свое поэтическое дарованіе, Батюшковъ рѣшился обратиться къ прозѣ и испытать свои силы въ критикѣ. Онъ находилъ необходимымъ содѣйствовать образованію вкуса публики и признавалъ долгомъ просвѣщеннаго писателя

¹⁾ Соч., т. III, стр. 306; важное дѣло, на которое Батюшковъ вызывалъ Жуковскаго, состояло въ задуманной послѣднимъ поэмѣ „Владиміръ“. Постоянія свои нашъ поэтъ высказывалъ и въ печати, и въ письмахъ къ другу (Соч., т. II, стр. 410; т. III, стр. 99). Уваровъ давалъ Жуковскому тотъ же совѣтъ (Чтенія въ Бесѣдѣ, кн. 17, стр. 64)

напомнить русскимъ читателямъ, что и ихъ родная словесность не лишена замѣчательныхъ произведеній. Съ этою цѣлью Батюшковъ въ 1814 году занялся статьею о сочиненіяхъ М. Н. Муравьева и даже принялъ на себя заботы по изданію его „Эмилиевыхъ писемъ“¹⁾. Та же мысль—дать справедливую и сочувственную оцѣнку отечественнымъ талантамъ въ области пластическихъ искусствъ—руководила имъ и въ другой, тогда же написанной (подъ руководствомъ Оленина) статьѣ: „Прогулка въ Академію художествъ“. Наконецъ, то же стремленіе замѣчается во многихъ позднѣйшихъ статьяхъ Константина Николаевича, также большею частью посвященныхъ вопросамъ литературнымъ или нравственнымъ въ связи со словесностью.

Никогда, быть можетъ, мысль Батюшкова не работала столь дѣятельно, какъ въ первые годы по возвращеніи его изъ заграничнаго похода, и это напряженіе умственныхъ силъ продолжало возрастать въ то время, какъ частныя его дѣла приходили все въ большее разстройство и подавали ему новые поводы къ тревогамъ и огорченіямъ. Но, что еще важнѣе—въ сердцѣ его открылся источникъ другихъ, еще сильнѣйшихъ потрясеній: ему суждено было снова испытать волненія любви. Въ домѣ Олениныхъ жила одна молодая дѣвушка, Анна Федоровна Фурманъ. Она рано лишилась матери²⁾ и воспитывалась сперва въ домѣ своей бабки (вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ своимъ Ѳ. П. Литке, впоследствии графомъ), а затѣмъ

¹⁾ Соч., т. III, стр. 306.

²⁾ Рожденной Энгель, сестры статсъ-секретаря Ѳед. Ив. Энгеля. Отецъ Анны Федоровны, по происхожденію Саксонецъ, состоялъ на русской государственной службѣ. Анна Федоровна родилась въ Звенигородскомъ уѣздѣ, Московской губерніи, въ 1791 году. Послѣ пребыванія въ домѣ Олениныхъ Анна Федоровна жила въ Дерптѣ, а потомъ въ Ревелѣ и здѣсь, въ 1822 году, вышла замужъ за г. Оома. Въ 1827 году, уже вдовой, она была назначена начальницею С.-Петербургскаго сиротскаго института (нынѣ Николаевскій) и скончалась въ этой должности въ 1850 году. Сынъ ея Ѳ. А. Оомъ—нынѣ секретарь Ея Величества Государыни Императрицы и почетный опекунъ.

у Олениныхъ. Здѣсь она имѣла случай видѣть лучшихъ русскихъ писателей и еще ребенкомъ была любимицей Державина. Гнѣдичъ былъ ея учителемъ, Константинъ Николаевичъ также зналъ ее съ дѣтства. Еще въ 1809 году онъ вспоминалъ о ней въ одномъ письмѣ изъ Финляндіи къ своему пріятелю, который былъ неравнодушенъ къ своей ученицѣ: „Выщипли перья у любви, которая состарѣлась, не вылетая изъ твоего сердца; ей крылья не нужны. Анна Федоровна право хороша, и давай ей кадить! Этимъ ничего не возьмешь. Не летай вокругъ свѣчки—обожжешься!“¹⁾ Самъ Батюшковъ былъ въ то время увлеченъ другою привязанностью и уже испытывалъ горе разлуки съ любимою женщиной. По пріѣздѣ въ Петербургъ, въ началѣ 1812 года, онъ снова увидѣлъ Анну Федоровну девятнадцатилѣтнею русою красавицей. „Она“—по свидѣтельству сообщеннаго намъ извѣстія— „по скромности и прекраснымъ качествамъ ума и сердца, а равно и прелестною наружностью своею, плѣняла многихъ, сама того не подозревая“. Разлука, а потомъ развлеченія затушили первую любовь нашего поэта, и въ то время онъ, кажется, считалъ себя застрахованнымъ отъ новыхъ волненій чувства и храбро посмѣивался надъ романтической привязанностью своего друга Жуковскаго. Затѣмъ военная буря 1812 года увлекла Константина Николаевича изъ Петербурга; но, по возвращеніи сюда въ слѣдующемъ году, новая встрѣча съ особою, столь давно ему знакомою, имѣла для него рѣшительное значеніе; еще до отъѣзда его въ дѣйствующую армію пріятели замѣчали, что сердце его несвободно²⁾. Самъ поэтъ оставилъ намъ трогательное признаніе въ томъ, что воспоминаніе объ этой встрѣчѣ не покидало его во время пребывания за границей:

¹⁾ Соч., т. III, стр. 35.

²⁾ Письмо Д. В. Дашкова къ кн. П. А. Вяземскому, отъ 25-го іюня 1814 г.—Р. Архивъ 1866 г., ст. 497.

Твой образъ я таилъ въ душѣ моей залогомъ
Всего прекраснаго и благи Творца,
Я съ именемъ твоимъ летѣлъ подъ знамя брани
Искать иль славы, иль конца.

Въ минуты страшныя чистѣйши сердца дани
Тебѣ я приносилъ на Марсовыхъ поляхъ;
И въ мирѣ, и въ войнѣ, во всѣхъ земныхъ краяхъ
Твой образъ слѣдовалъ съ любовію за мною,
Съ печальнымъ странникомъ онъ неразлученъ сталъ...
Какъ часто въ тишинѣ, весь занятый тобою,
Въ лѣсахъ, гдѣ Жувизи гордится надъ рѣкою,
И Сейна по цвѣтамъ льетъ серебряный кристалъ,
Какъ часто средь толпы и шумной, и безпечной,
Въ столицѣ роскоши, среди прелестныхъ женъ
Я пѣнье забывалъ волшебное сиренъ
И о тебѣ одной мечталъ въ тоскѣ сердечной;
Я имя милое твердилъ
Въ прохладныхъ рощахъ Альбіона
И эхо называть прекрасную училъ
Въ цвѣтушихъ пажитахъ Ричмона ¹⁾.

Изъ-за границы Батюшковъ возвратился съ свѣтлою надеждой найти въ раздѣленной любви успокоеніе своей мучимой душѣ. Бракъ его, по видимому, не могъ встрѣтить противодѣйствія со стороны близкихъ людей; правда, и на этотъ разъ онъ не надѣялся на согласіе отца ²⁾; за то въ семьѣ Олениныхъ смотрѣли благосклонно на возможность этого союза, а Е. О. Муравьева вполне сочувствовала выбору Константина Николаевича и готова была содѣйствовать его женитьбѣ, безъ сомнѣнія, въ томъ убѣжденіи, что бракъ дастъ осѣдлость ея слишкомъ непосѣдливому племяннику. Но въ самой той особѣ, о которой шла рѣчь, нашъ поэтъ не нашелъ полного отвѣта

¹⁾ Соч., т. I, стр. 227.

²⁾ Тамъ же, т. III, стр. 341.

на свое чувство, а увидѣлъ скорѣе покорность предъ рѣше-
ніемъ другихъ лицъ:

...Я видѣлъ, я читалъ
Въ твоёмъ молчаніи, въ прерывномъ разговорѣ,
Въ твоёмъ уныломъ взорѣ,
Въ сей тайной горести потупленныхъ очей,
Въ улыбкѣ и въ самой веселости твоей
Слѣды сердечнаго терзанья... ¹⁾.

Батюшковъ любилъ слишкомъ сильно и слишкомъ честно для того, чтобы насиловать чужое чувство; утративъ надежду на свободное согласіе со стороны любимой имъ особы, онъ предпочелъ остановить свои исканія. Но ударъ былъ нанесенъ ему прямо въ сердце и тяжело отозвался на всемъ его существѣ. И не смотря на то, покинуть Петербургъ, оторваться отъ среды, гдѣ на него обрушилось столько огорченій, но гдѣ въ то же время сіяли немногія свѣтлыя точки его жизни, онъ не имѣлъ духа. Такъ прошло около шести мѣсяцевъ, наполненныхъ для него мучительными колебаніями. Въ январѣ 1815 года душевное волненіе Константина Николаевича разрѣшилось болѣзнью, сильнымъ нервнымъ расстройствомъ, и только въ исходѣ этого мѣсяца, благодаря попеченіямъ Е. Θ. Муравьевой, онъ вышелъ изъ опасности ²⁾. Тогда наконецъ онъ рѣшился оставить столицу и ѣхать въ деревню, куда уже давно призывали его родственныя обязанности.

¹⁾ Соч., т. I, стр. 228.

²⁾ Тамъ же, т. III, стр. 309.

IX.

Батюшковъ въ деревнѣ въ первой половинѣ 1815 года. — Пребываніе въ Каменецъ-Подольскомъ во второй половинѣ того же года. — Тяжелое душевное состояніе. — Нравственный переворотъ и побѣда надъ собою. — Переписка съ Жуковскимъ. — Произведенія Батюшкова въ прозѣ и стихахъ, написанныя въ Каменецъ. — Отъѣздъ Батюшкова въ Москву.

Батюшковъ еще по зимнему пути могъ пріѣхать въ Хантоново. Повидавшись съ его обитательницами, онъ успѣшилъ навѣстить старика-отца въ его Даниловскомъ. Посѣщеніе это произвело на сына самое тяжелое впечатлѣніе. „Я былъ у батюшки“, писалъ онъ Е. О. Муравьевой, — „и нашелъ его въ горестномъ положеніи: дѣла его разстроены, но поправить можно ему самому. Шестъ дней, которые провелъ у него, измучили меня“¹⁾. Не лучше впрочемъ шли дѣла и въ Хантоновѣ, гдѣ хозяйничала Александра Николаевна, и не такому беззаботному и непредусмотрительному человѣку, какъ ея братъ, было распутывать прихотливую сѣть экономическихъ неурядицъ. Тѣмъ не менѣе, все настоящее пребываніе Константина Николаевича въ Хантоновѣ было посвящено хлопотамъ по хозяйству; даже съ Гнѣдичемъ онъ переписывался на этотъ разъ не столько о литературныхъ дѣлахъ, сколько о закладѣ сестрина имѣнья въ опекунскій совѣтъ. Вопросъ о переводѣ Батюшкова въ гвардію по прежнему оставался не рѣшеннымъ и также возбуждалъ его безпокойство. По этому дѣлу Константинъ Николаевичъ писалъ и къ Дашкову, и къ Муравьевой, и къ Оленину, но дѣло не двигалось, а Алексѣй Николаевичъ даже не отвѣчалъ ему. Къ концу своего отпуска Батюшковъ, не получивъ увольненія отъ службы, увидѣлъ себя въ необходимости ѣхать въ Каменецъ-Подольскъ, гдѣ жилъ Бахметевъ, и гдѣ на-

¹⁾ Соч., т. III, стр. 310.

ходилась его штабъ-квартира. „Если переводъ въ гвардію не удастся“, писалъ Батюшковъ своей теткѣ, — „Богъ съ нимъ! Я перенесу это огорченіе безъ дальнихъ усилій. Но признаюсь вамъ, что мнѣ пріятнѣе бы было получить два чина при отставкѣ, однимъ словомъ — то, что я заслужилъ. Неудачи по службѣ меня отвратили отъ нея еовершенно“ ¹⁾. Самолюбіе его еще разъ было сильно уязвлено, и хотя онъ собирался нести свою скучную службу въ Каменцѣ „en véritable chevalier“, но въ то же время находилъ, что служба эта несовсѣмъ лестная. „На счастье“, писалъ онъ Гнѣдичу, — „я права не имѣю, конечно; но горестно истратить прелестные дни жизни на большой дорогѣ, безъ пользы для себя и для другихъ. Всего же горестнѣе быть оторваннымъ отъ словесности, отъ занятій ума, отъ милыхъ привычекъ жизни и друзей своихъ. Такая жизнь — бремя!“ ²⁾

Въ іюлѣ 1815 года Константинъ Николаевичъ находился уже въ Подоліи. Заранѣе рѣшивъ, что пребываніе въ Каменцѣ для него все равно, что ссылка, Батюшковъ никакъ не могъ помириться съ жизнью провинціального города, куда его закинули обстоятельства. Онъ любовался его живописною стариной, былъ доволенъ, что находится въ тепломъ климатѣ, „въ царствѣ зефировъ и цвѣтовъ“, но чрезвычайно тяготился отсутствіемъ людей, которые были бы ему по душѣ. „Разсѣянія никакого!“ — жаловался онъ въ одномъ изъ писемъ къ теткѣ. — „Мы живемъ въ крѣпости, окружены горами и Жидами. Вотъ шесть недѣль, что я здѣсь, и ни одного слова ни съ одною женщиной не говорилъ. Вы можете судить, какое общество въ Каменцѣ! Кромѣ совѣтниковъ съ женами и съ дѣтьми, кромѣ должностныхъ людей и страпчихъ, двухъ или трехъ гарнизонныхъ полковниковъ, безмолвныхъ офицеровъ и цѣлой толпы Жидовъ, — ни

¹⁾ Соч., т. III, стр. 317.

²⁾ Тамъ же, стр. 318, 319.

души!“¹⁾ Бахметевъ принялъ Батюшкова ласково; но Константинъ Николаевичъ, по видимому, не находилъ особеннаго удовольствія въ обществѣ болѣзненнаго старика, хотя и видѣлся съ нимъ безпрерывно. У нашего поэта мелькнула было мысль съѣздить на Черное море, чтобы купаться; но намѣреніе это не могло быть осуществлено²⁾. Едва ли не единственный человѣкъ въ Каменцѣ, съ которымъ Батюшковъ могъ вести пріятную и занимательную бесѣду, былъ мѣстный губернаторъ, графъ К. Фр. де-Сенъ-При; у этого любезнаго, добраго, честнаго и хорошо образованнаго французскаго эмигранта, оставшагося на русской службѣ и по восстановленіи Бурбоновъ, Константинъ Николаевичъ охотно проводилъ вечера и пользовался его библіотекой; но и то было случайное знакомство, не освященное старою пріязнью и дѣйствительною общностью интересовъ. Такой же случайный характеръ имѣла встрѣча его въ Каменцѣ съ г. Герке: онъ напомнилъ Батюшкову Жуковскаго и Тургенева, такъ какъ былъ ихъ товарищемъ по Московскому благородному пансіону³⁾. Такимъ образомъ, одинокая жизнь Константина Николаевича на далекой окраинѣ Россіи волей-неволей сосредоточивала его мысль и заставляла его углубиться въ самого себя; этому впрочемъ вполне соотвѣтствовало то душевное состояніе, которое онъ принесъ съ собою въ Каменецъ.

Съ глубокою раной въ сердцѣ Батюшковъ оставилъ Петербургъ, и не на радость побывалъ онъ въ родной семьѣ, гдѣ встрѣтилъ лишь новыя огорченія. Въ Каменцѣ то чувство, которое онъ старался затушить въ себѣ отъѣздомъ изъ столицы, вспыхнуло съ новою силой:

Напрасно я спѣшилъ отъ сѣверныхъ степей,
Холоднымъ солнцемъ освѣщенныхъ,

¹⁾ Соч., т. III, стр. 343.

²⁾ Тамъ же, стр. 333.

³⁾ Тамъ же, стр. 337, 343, 347.

Въ страну, гдѣ Тирась бьетъ излучистой струей,
Сверкая между горъ, Церерой позлащенныхъ,
И древнія поить народовъ племена!
Напрасно! Всюду мысль преслѣдуетъ одна
О милой, сердцу незабвенной,
Которой имя мнѣ священно,
Которой взоръ одинъ лазоревыхъ очей
Всѣ неба на землѣ блаженства отверзаетъ,
И слово, звукъ одинъ, прелестный звукъ рѣчей,
Меня мертвитъ и оживляетъ! ¹⁾

Порою казалось ему, что счастье раздѣленной любви для него не утрачено, и онъ со страстнымъ призывомъ обращался къ любимому существу:

Другъ милый, ангелъ мой, сокроемся туда,
Гдѣ волны вроткія Тавриду омываютъ,
И Фебовы лучи съ любовью озаряютъ
Имъ древней Греціи священныя мѣста!
Мы тамъ, отверженные рокомъ,
Равны несчастіемъ, любовію равны,
Подъ небомъ сладостнымъ полуденной страны
Забудемъ слезы лить о жребіи жестокомъ,
Забудемъ имена фортуны и честей.
Тамъ, тамъ насъ хижина простая ожидаетъ,
Домашній ключъ, цвѣты и сельскій огородъ.
Последніе дары фортуны благосклонной,
Васъ пламенны сердца привѣтствуютъ стократъ!
Вы краше для любви и мраморныхъ падачъ
Пальмиры сѣвера огромной! ²⁾

Но такія мечты поэта бывали непродолжительны, и вмѣсто нихъ снова являлась горечь сомнѣнія, болѣе мучительнаго, чѣмъ самая разлука:

Ничто души не веселить,
Души, встревоженной мечтами,

¹⁾ Соч., т. I, стр. 223, 224.

²⁾ Тамъ же, стр. 221.

И гордый умъ не побѣдитъ
Любви—холодными словами! ¹⁾

Вдали отъ всего, что было дорого его сердцу, поэтъ самъ себя
не узнавалъ

Подъ новымъ бременемъ печали.

Теряя надежду на взаимность, онъ утрачивалъ вѣру и въ
последнее свое богатство, въ свой талантъ:

Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ бремя жизни! Что въ ней безъ упованья
Украсить жребій твой
Любви и дружества прочнѣйшими цвѣтами,
Всѣмъ жертвовать тебѣ, гордиться лишь тобой,
Блаженствомъ дней твоихъ и милыми очами,
Признательность твою и счастье находить
Въ рѣчахъ, въ улыбкѣ, въ каждомъ взорѣ,
Миръ, славу, суеты протекшія и горе,
Все, все у ногъ твоихъ, какъ тяжкій сонъ, забыть!
Что въ жизни безъ тебя! Что въ ней безъ упованья,
Безъ дружбы, безъ любви—безъ идоловъ моихъ!..
И муза, сѣгуя, безъ нихъ,
Свѣтильнигъ гаситъ дарованья ²⁾.

Состояніе духа Батюшкова было близко къ отчаянію. А
между тѣмъ изъ Петербурга до него достигали только безот-
радныя вѣсти и приходили не заслуженные упреки. Тамъ не
умѣли объяснить себѣ причины, почему онъ воздержался отъ
рѣшительнаго шага. Упорное молчаніе Оленина въ отвѣтъ на
его письма доказывало, что онъ на него сердится; Гнѣдичъ
также писалъ Батюшкову очень рѣдко ³⁾; даже Е. О. Муравьева,
умная, благородная женщина, съ горячимъ сердцемъ, любившая
Констаптина Николаевича какъ роднаго сына, даже она находила

¹⁾ Соч., т. I, стр. 225.

²⁾ Тамъ же, стр. 228, 229.

³⁾ Тамъ же, т. III, стр. 335, 337.

въ его поступкахъ непонятную непослѣдовательность. „Вы меня критикуете жестоко“, писалъ ей Батюшковъ изъ Каменца, — „и вездѣ видите противорѣчія. Виновать ли я, если мой разсудокъ воюеть съ моимъ сердцемъ? Но дѣло о разсудкѣ: я правъ совершенно. Ни отсутствіе, ни время меня не измѣнили. Если Все-вышній не отниметь отъ меня руки Своей, то я все буду мыслить по старому, не пожертвую никѣмъ для собственныхъ выгодъ... Если Михайло Никитичъ любилъ меня, какъ ребенка, если онъ поручалъ меня вамъ, то онъ же не требуетъ ли отъ меня еще строже пожертвованій? Нѣтъ, не пожертвованій, но исполненія моего долга по всей силѣ“. Чтобы быть болѣе понятнымъ и убѣдительнымъ, но въ то же время не сказать ничего лишняго, Батюшковъ распространялся объ ограниченности своего состоянія, которое не позволяетъ ему жениться, о препятствіяхъ со стороны отца, о своемъ непостоянномъ характерѣ, но затѣмъ нечаяннымъ намекомъ все-таки проговаривался объ истинной причинѣ, почему онъ не рѣшился просить руки любимой имъ дѣвушки: „Не имѣть отвращенія и любить — большая разница. Кто любить, тотъ гордъ“. И затѣмъ прибавлялъ: „Что касается до службы, до выгодъ ея, то Богъ съ ними, съ ней! Для чего я буду теперь искать чиновъ, которыхъ я не уважаю, и денегъ, которыя меня не сдѣлаютъ счастливымъ? А искать чины и деньги для жены, которую любишь? Начать жить подъ одною кровлею въ нищетѣ, безъ надежды?.. Нѣтъ, не соглашусь на это, и согласился бы, еслибъ я только на себѣ основалъ мои наслажденія! Жертвовать собою позволено, жертвовать другими могутъ одни злыя сердца. Оставимъ это на произволь судьбы! Жизнь — не вѣчность, къ счастью нашему: и терпѣнію есть конецъ!“¹⁾

Итакъ, вопреки самымъ дружескимъ совѣтамъ, Батюшковъ твердо стоялъ на своемъ рѣшеніи. Но откуда же у этого слабо-

¹⁾ Соч., т. III, стр. 341—342.

характернаго, капризнаго человѣка, который до сихъ поръ такъ легко поддавался своимъ прихотямъ, взялась душевная сила, чтобы противостоять влеченію своей страсти? Попытаемся найти отвѣтъ въ его собственныхъ признаніяхъ ¹⁾.

До сихъ поръ Батюшковъ считалъ цѣлью жизни счастье и искалъ его въ наслажденіяхъ ума и сердца, души и тѣла. Такъ его учили любимцы его — Горацій, Монтанъ, Вольтеръ; такъ проповѣдовала господствовавшая въ XVIII вѣкѣ философская школа, которой онъ былъ вѣрнымъ послѣдователемъ. Опытъ жизни показалъ ему цѣну этого ученія. Если и прежде въ стихахъ его и особенно въ письмахъ прорывались иногда жалобы на недостижимость столь желаннаго благополучія, то теперь, когда молодость была прожита, онъ приходилъ къ горькому сознанию, что жестоко обманулся въ своемъ идеалѣ. „Гдѣ же“, спрашивалъ онъ себя теперь, — „сіи сладости, сіи наслажденія непрерывныя, сіи дни безоблачныя, сіи часы и минуты, сотканныя усердно Паркою изъ нѣжнѣйшаго шелка, изъ золота и розъ сладострастія?.. Гдѣ и что такое эти наслажденія, убѣгающія, обманчивыя, непостоянныя, отравленныя слабостію души и тѣла, помраченныя воспоминаніемъ или грустнымъ предвидѣніемъ будущаго? Къ чему ведутъ эти суетныя познанія ума, науки и опытность, трудомъ пріобрѣтенныя?“ ²⁾ Вопросы эти оставались безъ отвѣта, или приводили къ отвѣту отрицательному.

Не одинъ и не первый изъ людей своего вѣка, Батюшковъ испыталъ это смутное состояніе души, порожденное разладомъ между идеаломъ и дѣйствительностью. Предчувствованный Руссо, намѣченный Гётевскимъ „Вертеромъ“, типъ разочарованнаго человѣка уже воплотился въ Шатобріановомъ „Рене“ и увлекалъ

¹⁾ Разумѣемъ двѣ замѣчательныя статьи, написанныя Батюшковымъ въ бытность въ Каменцѣ: „Нѣчто о морали, основанной на философіи и религіи“ и „О лучшихъ качествахъ сердца“.

²⁾ Соч., т. II, стр. 133.

тогда многіе умы. Батюшковъ не остался чуждъ этому соблазну: еще въ 1811 году онъ сознавался, что „любить этого сумасшедшаго Шатобріана... а особливо по ночамъ, тогда, когда можно дать волю воображенію“¹⁾. Въ этомъ характерѣ, который представленъ французскимъ писателемъ съ очевиднымъ сочувствіемъ, нашъ поэтъ могъ находить оправданіе своимъ собственнымъ слабостямъ: какъ Рене, онъ былъ непостояненъ и, подобно ему, объяснялъ свою неустойчивость тѣмъ, что всегда стремился къ совершенному, высшему благополучію. „Раздражаемый своею фантазіей, Рене презираетъ все обыкновенное: на дѣйствительность онъ смотритъ свысока, какъ на призрачный міръ, къ которому не стоитъ прилагать своихъ силъ и способностей. Отъ жизненной прозы онъ уходитъ въ себя и живетъ среди своихъ несбыточныхъ грезъ, мечтаній и химеръ“²⁾. Таковъ былъ и Батюшковъ въ годы своей молодости, когда, въ погонѣ за какимъ-то неосуществимымъ счастіемъ, на призывы своихъ друзей заняться простыми житейскими дѣлами онъ отвѣчалъ, что не рожденъ для такихъ скучныхъ и бесполезныхъ занятій. Но съ тѣхъ поръ измѣнилось очень многое. Надъ Россіей промчалась гроза непріятельскаго нашествія, которая, затронувъ интересы всѣхъ и cadaго, пробудила неслыханное патріотическое воодушевленіе. Мы уже знаемъ, какъ отозвались эти событія на нашемъ поэтѣ, какъ они подняли энергію его духа и поколебали его прежнія космополитическія убѣжденія; каковы бы ни были его впечатлѣнія по возвращеніи въ отечество изъ славнаго заграничнаго похода, но теперь онъ сталъ ближе къ своему родному, къ кореннымъ основамъ русской жизни. Какъ большинство своихъ современниковъ, въ „чудесныхъ событіяхъ“ побѣды надъ Наполеономъ и въ его низложеніи онъ видѣлъ те-

¹⁾ Соч., т. III, стр. 130; ср. стр. 135.

²⁾ Шаховъ. Французская литература въ первые годы XIX вѣка. М. 1875, стр. 137.

перь непосредственное вмѣшательство Высшихъ Силъ. Тогда и въ его сердце проникъ опять лучъ свѣта изъ того міра, который онъ забывалъ ради обманувшей его людской мудрости. Совсѣмъ новый строй мыслей слышится теперь въ его рѣчахъ: „Человѣкъ есть странникъ на землѣ, говоритъ святой мужъ; чужды ему грады, чужды веси, чужды нивы и дубравы: гробъ—его жилище во вѣкъ. Вотъ почему всѣ системы и древнихъ, и новѣйшихъ недостаточны! Онѣ ведутъ человѣка къ блаженству земнымъ путемъ и никогда не доводятъ; систематики забываютъ, что человѣкъ, сей царь, лишенный вѣнца, брошенъ сюда не для счастья минутнаго; они забываютъ о его высокомъ назначеніи, о которомъ вѣра, одна святая вѣра, ему напоминаетъ. Она подаетъ ему руку въ самыхъ пропастяхъ, изрытыхъ страстями или непріязненнымъ рокомъ; она изводитъ его невредимо изъ тревоженій жизни и никогда не обманываетъ, ибо она переноситъ въ вѣчность всѣ надежды и все блаженство человѣка. Лучшіе изъ древнѣйшихъ писателей приближались къ симъ вѣчнымъ истинамъ, которыя Святое Откровеніе явило намъ въ полномъ сіяніи“¹⁾).

Это-то пробужденіе религіозныхъ инстинктовъ въ душѣ Батюшкова и было тою великою, неодолимою силою, которая помогла ему стойко выдержать борьбу съ порывомъ пламенной страсти, овладѣвшей его существомъ. У любви, когда она не встрѣчаетъ сочувствія, пробуждается особая чуткость, которая разоблачаетъ предъ нею печальную истину; съ той минуты, какъ Батюшковъ понялъ, что его любовь не находитъ себѣ полного отвѣта, онъ рѣшился отказаться отъ всякой мысли о бракѣ, не смотря на дружескія убѣжденія близкихъ, говорившихъ о другой сторонѣ: стерпится—слюбится. Поступить иначе значило, по его понятіямъ, поступить противъ совѣсти и по-

¹⁾ Соч., т. II, стр. 135, 136. То же говорилъ онъ тогда и въ стихахъ своихъ; см. посланіе „Къ другу“ (кн. П. А. Вяземскому)—Соч., т. I, стр. 237.

губить за разъ и любимое существо, и себя самого: „Я не могу“, говорилъ онъ, — „постигнуть добродѣтели, основанной на исключительной любви къ самому себѣ. Напротивъ того, добродѣтель есть пожертвованіе добровольное какой-нибудь выгоды, она есть отреченіе отъ самого себя“ ¹⁾). Возвышенное настроеніе, давшее ему твердость пожертвовать влеченіями своей страсти и съ покорностью перенести новый ударъ судьбы, въ конецъ разрушавшей его мечты о счастіи, выразилось во всей полнотѣ въ слѣдующемъ превосходномъ стихотвореніи, которымъ завершается душевная борьба, пережитая поэтомъ вдали отъ близкихъ ему людей:

Мой духъ, довѣренность къ Творцу!
 Мужайся, будь въ терпѣнны каменъ!
 Не Онъ ли къ лучшему концу
 Меня провелъ сквозь бранный пламень?
 На полѣ смерти чья рука
 Меня таинственно спасала
 И жадный крови мечъ врага,
 И градъ свинцовый отражала?
 Кто, кто мнѣ силу далъ сносить
 Труды и гладь, и непогоду
 И силу въ бѣдствѣ сохранить
 Души возвышенной свободу?
 Кто велъ меня отъ юныхъ дней
 Къ добру стезею потаенной
 И въ бурѣ пламенныхъ страстей
 Мой былъ вожатай неизмѣнной?

Онъ, Онъ! Его все даръ благой!
 Онъ намъ источникъ чувствъ высокихъ,
 Любви къ изящному прямой
 И мыслей чистыхъ и глубокихъ!
 Все даръ Его, и краше всѣхъ
 Даровъ—надежда лучшей жизни!

¹⁾ Соч., т. II, стр. 144.

Воспоминаніе о Петинѣ.

Когда жь узрю спокойный брегъ,
Страну желанную отчизны?
Когда струей небесныхъ благъ
Я утолю любви желанье,
Земную ризу брошу въ прахъ
И обновлю существованье? ¹⁾

Это вдохновенное обращеніе къ божественной благодати начинается стихомъ, взятымъ у Жуковского ²⁾, и не случайно: въ томъ настроеніи, въ какомъ чувствовалъ себя теперь Батюшковъ, мысль его естественно обращалась къ тѣмъ изъ его близкихъ, кто былъ чистъ душой и помыслами, а таковы по преимуществу были Жуковский и Петинъ. Памяти этого послѣдняго, товарища трехъ походовъ, „погибшаго надъ Плейскими струями“, Батюшковъ посвятилъ двѣ написанныя въ Каменцѣ статьи, и въ одной изъ нихъ онъ самъ объясняетъ, какой смыслъ имѣла для него память объ этой свѣтлой личности: „Я ношу сей образъ въ душѣ, какъ залогъ священный; онъ будетъ путеводителемъ къ добру; съ нимъ неразлучный, я не стану блѣднѣть подъ ядрами, не измѣню чести, не оставлю ея знамени. Мы увидимся въ лучшемъ мірѣ; здѣсь мнѣ осталось одно воспоминаніе о другѣ, воспоминаніе, прелестный цвѣтъ посреди пустыней могилъ и развалинъ жизни“ ³⁾. Что касается Жуковского, то авторъ „Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ“ сталъ теперь для нашего поэта типомъ литературнаго дѣятеля, способнаго удовлетворить высокому значенію національнаго поэта, и вмѣстѣ съ тѣмъ явился другомъ-руководителемъ въ его нравственной жизни.

¹⁾ Соч., т. I, стр. 233, 234.

²⁾ Изъ „Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ“:
А мы?... Довѣренность къ Творцу!
Чтобъ ни было, Незримый
Ведетъ насъ къ лучшему концу
Стезей непостижимой!

³⁾ Соч., т. II, стр. 189.

„Вѣра и нравственность“, писалъ Батюшковъ все въ той же статьѣ, изъ которой мы извлекли уже много данныхъ для исторіи его духовнаго перерожденія, — „вѣра и нравственность, на ней основанная, всего нужнѣе писателю. Закаленные въ ея свѣтильникѣ, мысли его становятся постояннѣе, важнѣе, сильнѣе, краснорѣчіе убѣдительнѣе; воображеніе при свѣтѣ ея не заблуждается въ лабиринтѣ созданія; любовь и нѣжное благоволеніе къ человѣчеству дадутъ прелесть его малѣйшему выраженію, и писатель поддержитъ достоинство человѣка на высочайшей степени. Какое бы поприще онъ ни протекалъ съ своею музою, онъ не унизитъ ея, не оскорбитъ ея стыдливости и въ памяти людей оставитъ пріятныя воспоминанія, благословенія и слезы благодарности: лучшая награда таланту“¹⁾. Жуковскій въ понятіяхъ Батюшкова въ значительной мѣрѣ удовлетворялъ этому идеалу писателя. Въ былое время друзья-поэты рѣзко расходились во взглядѣ на жизнь и поэзію; но когда въ сознаніи Батюшкова совершился внутренній переворотъ, онъ лучше понялъ возвышенный идеализмъ Жуковскаго. Еще вскорѣ по возвращеніи изъ-за границы, полный самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній и охваченный новымъ приливомъ давно таившейся въ немъ любви, Константинъ Николаевичъ просилъ у Жуковскаго совѣта: чѣмъ ему наполнить пустоту душевную и чѣмъ принести пользу обществу²⁾; послѣ же того, какъ нашъ поэтъ вышелъ побѣдителемъ изъ тяжелой борьбы между слѣпою страстью и нравственнымъ долгомъ, онъ еще сильнѣе почувствовалъ уваженіе къ Жуковскому, какъ поэту и человѣку. „Благодарю тебя, милый другъ“, писалъ ему Константинъ Николаевичъ изъ Каменца, — „за нѣсколько строкъ твоихъ изъ Петербурга и за твои совѣты изъ Москвы и Петербурга. Дружба твоя—для меня сокровище, особливо съ нѣкоторыхъ поръ. Я не сливаю поэта съ другомъ.

¹⁾ Соч., т. II, стр. 138—139.

²⁾ Тамъ же, т. III, стр. 304.

Ты будешь совершенный поэтъ, если твои дарованія возвысятся до степени души твоей, доброй и прекрасной, и которая блистаетъ въ твоихъ стихахъ: вотъ почему я ихъ перечитываю всегда съ новымъ и живымъ удовольствіемъ, даже и теперь, когда поэзія утратила для меня всю прелесть.... Ты много испыталъ, какъ я слышу и вижу изъ твоихъ писемъ, но все еще любишь славу, и люби ее!¹⁾ Жуковскій дѣйствительно много пережилъ и выстрадалъ душою съ тѣхъ поръ, какъ разстался съ Батюшковымъ: и ему любовь, хотя была освѣщена полною взаимностью, принесла больше горя, чѣмъ радости; по въ чистотѣ и возвышенности своего чувства онъ нашелъ такую крѣпость духа, которая не допустила его до отчаянія и сохранила прозрачную ясность его души и благородную энергію для дѣятельности. Отвѣты Жуковского на письма Батюшкова не сохранились, но можно съ увѣренностью сказать, что въ нихъ выражалась вся та дѣятельная и живительная сила дружбы, на которую была способна его прекрасная душа. Въ порывахъ своего унынія Батюшковъ не разъ повторялъ, что горе жизни убило въ немъ талантъ. Василій Андреевичъ постоянно ободрялъ его, настойчиво побуждалъ къ труду, говорилъ о нравственномъ значеніи поэтическаго творчества, приглашалъ ѣхать вмѣстѣ въ Крымъ, словомъ—истощалъ всѣ усилія, чтобы поднять упавшій духъ своего друга. И все это Жуковскій дѣлалъ въ то время, когда и у него было очень тяжело на сердцѣ: съ переселеніемъ въ Петербургъ ему предстояла полная перемѣна жизни, и приходилось разставаться съ дорогими связями молодыхъ лѣтъ; утѣшая Батюшкова, Жуковскій въ то же время, въ письмѣ къ роднымъ, примѣнялъ къ себѣ его слова, что „воображеніе поблѣднѣло“ въ новой обстановкѣ²⁾. Дружескія увѣщанія оказались не безплодными для нашего поэта: наплывъ новыхъ идей въ его го-

¹⁾ Соч., т. III, стр. 344.

²⁾ Р. Архивъ 1864 г., ст. 459; ср. Соч. Бат., т. III, стр. 315.

ловѣ требовалъ исхода, въ декабрѣ 1815 года Батюшковъ уже могъ порадовать Василя Андреевича извѣстіемъ о новыхъ своихъ произведеніяхъ; слова его были прямымъ отвѣтомъ на совѣты друга. „Я готовъ бы отказаться вовсе отъ музъ“, писалъ онъ, — „если бы въ нихъ не находилъ еще нѣкотораго утѣшенія отъ душевной тоски“, и затѣмъ сообщалъ перечень цѣлаго ряда статей въ прозѣ, написанныхъ въ Каменцѣ. „Это все“, объяснялъ Батюшковъ, — „намарано мною здѣсь отъ скуки, безъ книгъ и пособій: но можетъ быть, отъ того и мысли покажутся вамъ (то-есть, друзьямъ) свѣжѣе“¹⁾. Очевидно, Батюшковъ придавалъ особенное значеніе этимъ статьямъ своимъ, и онъ не ошибался въ ихъ оцѣнкѣ: въ числѣ ихъ были тѣ этюды о нравственныхъ вопросахъ, которыми онъ засвидѣтельствовалъ рѣшительную перемѣну въ своемъ міросозерцаніи. Не оказался правъ Константинъ Николаевичъ и въ своихъ жалобахъ на утрату поэтического таланта: подъ вліяніемъ горя и послѣдовавшаго за нимъ душевнаго просвѣтлѣнія его даръ въ поэзіи не только не угасъ, а напротивъ, сказался рядомъ глубоко прочувствованныхъ стихотвореній, въ которыхъ сила поэтического выраженія и фактура стиха достигаютъ высокаго совершенства²⁾. Всѣ эти элегіи имѣютъ тѣсную связь между собою, такъ какъ возникли изъ одного настроенія и изображаютъ его съ одинаковою искренностью. Когда впослѣдствіи, по выѣздѣ изъ Каменца, Батюшковъ сообщилъ друзьямъ этотъ циклъ своихъ поэтическихъ произведеній, они встрѣтили ихъ съ восторгомъ. Жуковскій написалъ Батюшкову письмо, которое тотъ принялъ „съ неизъяснимою радостью, съ восхищеніемъ“; нашъ поэтъ, какъ

¹⁾ Р. Архивъ 1864 г., ст. 459; ср. Соч. Бат., т. III, стр. 357, 359.

²⁾ Въ Каменцѣ Батюшковымъ написаны между прочимъ слѣдующія піесы: „Таврида“, „Разлука“, „Пробужденіе“, „Воспоминанія“, „Мой геній“ (Соч., т. I, стр. 221—230). Эти именно стихотворенія были сообщены Батюшковымъ, чрезъ князя Вяземскаго, Жуковскому въ особой тетради, которая сохранилась въ бумагахъ послѣдняго. Нимѣ эта рукопись принадлежитъ П. Н. Батюшкову.

ни былъ самолюбивъ, пришелъ даже въ смущеніе отъ похвалъ друга; объясняя свое душевное состояніе, въ которомъ элегіи были написаны, онъ говорилъ: „Съ рожденія я имѣлъ на душѣ черное пятно, которое росло, росло съ лѣтами и чуть было не зачернило всю душу. Богъ и разумъ спасли“¹⁾. Словами этими поэтъ каялся въ суетныхъ увлеченіяхъ своей юности, когда за порывами веселости переживалъ тягостныя минуты отчаянія, и выражалъ неподдѣльную радость, что для него наступило духовное обновленіе, которое давало ему новыя силы для плодотворной дѣятельности.

Пробужденіе этихъ силъ Батюшковъ почувалъ еще въ своемъ одиночествѣ на югѣ Россіи, и съ той минуты пребываніе въ Каменцѣ, вдали отъ дружескаго поощренія, стало ему невыносимо. Въ концѣ 1815 года онъ рѣшился оставить и Подолію, и самую службу, которая не принесла ему выгодъ. Предъ новымъ 1816 годомъ онъ подалъ въ отставку, а въ ожиданіи ея взялъ отпускъ и отправился въ Москву.

¹⁾ Соч., т. III, стр. 403.

Х.

Батюшковъ въ Москвѣ въ 1816 году.—Перемена въ его характерѣ.—Пребываніе Батюшкова въ деревнѣ въ 1817 году.—Литературныя занятія.—„Вечеръ у Кантемира“ и „Рѣчь о легкой поэзіи“.—Историческая элегія.—„Умирающій Тассъ“.—Заслуга Батюшкова относительно русскаго стиха.—Настроеніе поэта подъ впечатлѣніемъ творчества.

Москва въ 1816 году еще не совсѣмъ оправилась отъ страшнаго Наполеонова погрома. Среди возобновленныхъ зданій еще возвышались обгорѣлыя развалины и чернѣли пустыри, печальные слѣды великаго пожара. Но общественная жизнь уже вошла въ свою колею, хотя и нѣсколько измѣнилась въ своемъ характерѣ: городское населеніе обѣднѣло, да и самый составъ его былъ уже не совсѣмъ тотъ, чтѣ прежде; иные умерли, другіе покинули столицу. Батюшковъ чувствовалъ потребность освѣжиться въ шумной суетѣ столичной жизни, когда, послѣ полугодоваго пребыванія въ глухомъ Каменцѣ-Подольскомъ и послѣ испытаній „труднѣйшаго“, какъ онъ говорилъ ¹⁾, года своей жизни, пріѣхалъ въ Москву. Онъ остановился у И. М. Муравьева-Апостола и радъ былъ возобновить съ нимъ занимательныя и поучительныя бесѣды. „Хозяинъ мой ласковъ, веселъ“, писалъ онъ Гнѣдичу, — „объ умѣ его ни слова: ты самъ знаешь, какъ онъ любезенъ“ ²⁾. Съ удовольствіемъ возобновилъ Батюшковъ и свои разнообразныя и многочисленныя московскія знакомства—свѣтскія и литературныя. Но теперь разсѣянія свѣта уже не привлекали его, какъ въ былое время. Прежде онъ любилъ говорить, что образованное свѣтское общество есть лучшая школа для писателя, и дѣйствительно, самъ онъ, въ свои молодые годы, умѣлъ прекрасно воспользоваться воспитательнымъ вліяніемъ той просвѣщенной среды, въ которой

¹⁾ Соч., т. III, стр. 351.

²⁾ Тамъ же, стр. 379; ср. стр. 365.

жилъ. Но теперь, когда его поэтическое призваніе вполне опредѣлилось, а опытъ жизни далъ ему тяжелые уроки, отношенія писателя къ обществу представились ему въ иномъ видѣ. Постоянное обращеніе въ людской толпѣ утратило интересъ въ его глазахъ; еще въ Каменцѣ сложилось у него убѣжденіе, что даръ творчества „требуешь всего человѣка“, то-есть, сосредоточенія въ самомъ себѣ, и что писатель крѣпнеть духомъ и силами, если онъ умѣетъ уединиться со своимъ трудомъ отъ вліянія толпы и пренебречь пустыми обязанностями свѣта: „Жить въ обществѣ“, говорилъ онъ теперь, — „носить на себѣ тяжелое ярмо должностей, часто ничтожныхъ и суетныхъ, и хотѣть согласовать выгоды самолюбія съ желаніемъ славы есть требованіе истинно суетное“¹⁾. Этого убѣжденія не поколебали въ Константинѣ Николаевичѣ и пріятности московской жизни; уже проведя нѣсколько мѣсяцевъ въ столицѣ, онъ, въ дружескомъ письмѣ къ Жуковскому, выражалъ сожалѣніе, что ихъ общій пріятель, даровитый Вяземскій, еще сохранилъ способность увлекаться свѣтскою суетой. Вяземскій, писалъ нашъ поэтъ, — „истинно мужаеть, но всего, что можетъ сдѣлать, не сдѣлаетъ. Жизнь его—проза; онъ весь—разсѣяніе. Такой родъ жизни погубилъ у насъ Нелединскаго. Часто удивляюсь силѣ его головы, которая на канунѣ бала или на другой день находитъ ему счастливыя рѣзны и счастливѣйшіе стихи“²⁾. „Я желалъ бы его видѣть въ службѣ или за дѣломъ“, говорилъ онъ немного позже въ другомъ письмѣ, тоже къ Жуковскому — „менѣе съ нами праздными, а болѣе въ прихожей у честолюбія“³⁾.

Изъ этого охлажденія къ свѣтскимъ развлеченіямъ не слѣдуетъ однако заключать, чтобы нравственное перерожденіе Батюшкова сдѣлало его аскетомъ или мизантропомъ, чтобъ онъ

¹⁾ Соч., т. II, стр. 120, 121.

²⁾ Тамъ же, т. III, стр. 404.

³⁾ Тамъ же, стр. 448.

сталъ избѣгать людей; онъ только сталъ строже въ выборѣ тѣхъ, съ которыми сходилса, но за то еще тѣснѣе сближалса съ тѣми, кто былъ ему дорогъ. Къ тому же, вскорѣ по прїѣздѣ въ Москву, Батюшкова постигло нездоровье, продолжавшееся, съ кое-какими перерывами, нѣсколько мѣсяцевъ; это обстоятельство, на долго удержавшее его въ столицѣ ¹⁾, заставляло его отказываться отъ частыхъ выѣздовъ и побуждало еще болѣе замкнуться въ тѣсномъ кругу, состоявшемъ по большей части изъ представителей литературнаго міра.

Карамзины, Пушкины, Вяземскіе—вотъ тѣ лица и тѣ семьи, среди которыхъ всего охотнѣе, по прежнему, появлялся Константинъ Николаевичъ. Къ этому избранному кругу прибавимъ еще И. И. Дмитріева, который, оставивъ министерскій постъ, возвратился доживать свой вѣкъ въ Москвѣ и здѣсь на покой собиралъ у себя разныхъ лицъ, преимущественно литературнаго круга. Все болѣе и болѣе проникался Батюшковъ уваженіемъ къ Карамзину при видѣ той энергіи, съ которою Николай Михайловичъ продолжалъ свой великій трудъ среди всеобщаго равнодушія толпы и тайнаго злорадства тѣхъ, кто считалъ себя въ правѣ быть судьей въ литературѣ. Карамзинъ, говорилъ Батюшковъ, — „избралъ себѣ одно занятіе, одно поприще, куда уходитъ отъ страстей и огорченій: тайная земля для профановъ, истинное убѣжище для души чувствительной“ ²⁾. Въ 1816 году были окончены восемь томовъ „Исторіи государства Россійскаго“, и авторъ собирався везти ихъ въ Петербургъ для представленія государю. „Карамзинъ“, писалъ Батюшковъ Тургеневу по этому случаю, — „скоро будетъ у васъ. Онъ здѣсь ходитъ

Entre l'Olympe et les abîmes,
Entre la satire et l'encens.

¹⁾ Соч., т. III, стр. 388, 389.

²⁾ Тамъ же, стр. 357.

„Что же будетъ у васъ! Исторія его дѣлаетъ честь Россіи. Такъ я думаю въ моемъ невѣжествѣ. Ваши знатоки думаютъ иначе. Богъ съ ними!“¹⁾ Онъ живо интересовался, какъ будетъ принять трудъ Карамзина въ Петербургѣ, и горячо обрадовался, когда узналъ объ его успѣхѣ. Въ это пребываніе въ Москвѣ Батюшковъ ближе познакомился и съ супругою Николая Михайловича. „Я часто ее вижу“, писалъ онъ Жуковскому, — „и всегда съ новымъ удовольствіемъ: умная, добрая, рѣдкая женщина“²⁾. Съ своей стороны, и Екатерина Андреевна оцѣнила нашего поэта; когда, во второй половинѣ 1816 года, Карамзины переселились на житье въ Петербургъ, она вспоминала о его пріятномъ обществѣ въ слѣдующихъ словахъ своего письма къ Жуковскому: „Mes meilleurs Arзамасцы me manquent: le prince Pierre, vous et Batuchkof; quand vous serez réunis, je ne me croirai plus en pays étranger; je tiens à vous par l'amitié et des souvenirs“³⁾.

Отношенія между Батюшковымъ и Вяземскимъ, разумѣется, оставались самыми дружественными. Пріатели не видались съ тяжелой поры Отечественной войны, и Вяземскій уже давно лелѣялъ мысль о дружеской встрѣчѣ: еще въ 1815 году онъ надѣялся привлечь Батюшкова въ свое Остафьево, а затѣмъ, ожидая его пріѣзда изъ Каменца, приготовилъ ему комнаты въ своемъ домѣ⁴⁾; возвращеніе Батюшкова въ Москву князь привѣтствовалъ душевнымъ посланіемъ⁵⁾. Еще другое обращеніе Вяземскаго къ своему пріятелю-Тибуллу, которое также приурочивается къ описываемому времени, находится въ застольной пѣснѣ, посвященной княземъ Петромъ Андреевичемъ своимъ

¹⁾ Соч., т. III, стр. 367.

²⁾ Тамъ же, стр. 383, 385.

³⁾ Р. Архивъ 1869, ст. 1384, 1385. Жуковскій жилъ тогда въ Дерптѣ; le prince Pierre—кн. П. А. Вяземскій.

⁴⁾ П. собр. соч. кн. Вяз., т. III, стр. 99; Соч. Бат., т. III, стр. 352.

⁵⁾ Оно сохранилось только въ записной книжкѣ Батюшкова—Соч., т. III, стр. 290—292.

друзьямъ ¹⁾. Пѣсня эта служить памятникомъ тѣхъ дружескихъ собраний, на которыхъ Вяземскій соединялъ своихъ пріятелей въ 1816 году, какъ и въ болѣе раннія времена. Съ своей стороны, и Батюшковъ сохранялъ прежнія чувства къ Вяземскому: съ нимъ первымъ онъ подѣлился тѣмъ прекраснымъ цикломъ своихъ элегій, въ которыхъ, во время одинокой жизни въ Каменцѣ, излил свои сердечныя страданія ²⁾, и ему же посвятилъ онъ одно изъ лучшихъ своихъ стихотвореній того времени, по содержанию составляющее прямое дополненіе къ этимъ элегіямъ. Въ этомъ посланіи поэтъ обращается къ другу съ вопросомъ:

что прочно на земли?

Гдѣ постоянно жизни счастье?

вспоминаетъ веселые дни вмѣстѣ проведенной молодости, перечисляетъ утраты, понесенныя ими съ той поры, и приходитъ къ заключенію, что

все суетно въ обители суетъ.

Онъ не нашелъ отвѣта на свой вопросъ ни въ скрижаляхъ исторіи, ни въ ученіяхъ мудрецовъ, и умъ его терзался сомнѣніями; тогда-то, говоритъ онъ,—

Я съ страхомъ спросилъ гласъ совѣсти моея...

И мракъ исчезъ, прозрѣли вежды,

И вѣра пролила спасительный елей

Въ лампаду чистую надежды.

Ко гробу путь мой весь какъ солнцемъ озаренъ,

Ногой надежною ступаю

И, съ ризы странника свергая прахъ и тлѣнь,

Въ міръ лучшій духомъ возлетаю.

¹⁾ П. собр. соч. кн. Вяз., т. VIII, стр. 509. Пѣсня эта написана во всякомъ случаѣ не ранѣе 1813 года, ибо въ ней упоминается о Бородинѣ, и не позже 1817, когда Вяземскій уѣхалъ изъ Москвы въ Варшаву на службу.

²⁾ Соч., т. III, стр. 404.

Мы уже знаемъ, какая внутренняя борьба подняла духовный взоръ нашего поэта до этихъ высокихъ созерцаній. Другъ его былъ окруженъ счастьемъ отъ колыбели, почти юношей занялъ видное мѣсто въ обществѣ и рано узналъ свѣтлыя радости семейной жизни, словомъ—въ годы своей молодости не извѣдалъ тѣхъ душевныхъ испытаній, которыя выпали на долю нашего поэта; но онъ, конечно, сумѣлъ оцѣнить значеніе того внутренняго перерожденія въ душѣ Батюшкова, о которомъ послѣдній говорилъ ему въ своихъ стихахъ.

Съ перемѣною душевнаго расположенія сильно измѣнился самый характеръ Батюшкова: прежде въ немъ было много живости и веселой насмѣшливости; теперь, какъ самъ замѣчалъ, онъ сталъ тихъ, задумчивъ и молчаливъ; эпиграммы, на которыя онъ былъ неистощимъ во время оно, уже не лились съ его пера; къ сатиры онъ даже чувствовалъ отвращеніе ¹⁾. Прежними насмѣшками онъ назвалъ себя враговъ въ Москвѣ между литераторами, не принадлежавшими къ карамзинскому кругу. И теперь онъ сохранялъ о нихъ очень невысокое мнѣніе ²⁾, но по внѣшности готовъ былъ относиться къ нимъ болѣе мирно. Онъ видался съ Каченовскимъ и охотно печаталъ свои произведенія въ его журналѣ; слушалъ публичныя лекціи Мералякова и отзывался о нихъ съ одобреніемъ ³⁾ сдѣлался даже членомъ университетскаго Общества любителей словесности. Пять лѣтъ тому назадъ ему отказали въ званіи члена; теперь онъ былъ избранъ вмѣстѣ съ Жуковскимъ—и забавно извѣщалъ своего друга объ оказанной имъ обоимъ чести ⁴⁾. Избраніе свое онъ пожелалъ ознаменовать вступи-

¹⁾ Соч., т. III, стр. 360, 410.

²⁾ Тамъ же, стр. 382, 408.

³⁾ Тамъ же, стр. 383; II. собр. соч. С. Т. Аксакова, т. IV, стр. 24. Аксаковъ невѣрно приурочиваетъ свою встрѣчу съ Батюшковымъ къ 1815 году.

⁴⁾ Соч., т. III, стр. 132, 383. Избраніе обоихъ состоялось въ чрезвычайномъ засѣданіи Общества 26-го февраля (Труды, ч. VIII, стр. 33).

тельною рѣчью, которая и была прочитана въ одномъ изъ за- сѣданій. Почетъ, оказанный Константину Николаевичу, несо- мнѣнно былъ пріятенъ его самолюбію, и онъ счелъ прилич- нымъ отплатить за него нѣсколькими любезностями болѣе вид- нымъ изъ представителей Общества, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ не заявить независимости своихъ убѣжденій, распростра- нившись въ своей рѣчи о заслугахъ такихъ писателей, на ко- торыхъ смотрѣли косо въ университетскомъ кругу. Рѣчь эта возбудила толки, не имѣвшіе впрочемъ неприятныхъ послѣдствій для нашего поэта ¹⁾).

Такимъ образомъ, жизнь Батюшкова въ Москвѣ текла мирно и покойно. Кромѣ постоянного нездоровья, его тревожила только та медленность, съ которою рѣшался вопросъ о его отставкѣ. Наконецъ, въ апрѣлѣ онъ узналъ, что можетъ снять военный мундиръ ²⁾, и отнесся къ этому извѣстію безъ раздраженія, хотя отставка и не сопровождалась ни давно обѣщаннымъ орденомъ, ни производствомъ въ чинъ. Теперь онъ могъ вздох- нуть свободно и съ нескрываемымъ удовольствіемъ писалъ Гнѣ- дичу: „Я ни за чѣмъ не гоняюсь и если бы расквитался съ долгами, надѣланными въ службѣ, и не имѣлъ бы домашнихъ огорченій, то былъ бы счастливъ и веселъ“ ³⁾. Даже чувство подавленной любви тихо замирало въ его сердцѣ, и когда Александра Николаевна и Е. Ѳ. Муравьева затрогивали въ своихъ письмахъ этотъ тяжелый для Батюшкова вопросъ, онъ отвѣчалъ на ихъ намеки почти безъ горечи. „Твои совѣты на счетъ извѣстнаго дѣла напрасны, милый другъ“, писалъ сестрѣ Константинѣ Николаевичъ еще въ мартѣ, — „невозможное не возможно. Я зналъ это давно и все предвидѣлъ. Спокойно перенесемъ бремя жизни, не мучась и не страдая: вотъ все,

¹⁾ Соч., т. III, стр. 401.

²⁾ Тамъ же, стр. 387.

³⁾ Тамъ же, стр. 389.

что можемъ, а остальное забудемъ“¹⁾). Еще яснѣе выразался онъ въ письмѣ къ теткѣ отъ 6-го августа: „Все, что вы знаете, что сами открыли, что я вамъ писалъ и что вы писали про нѣкоторую особу, прошу васъ забыть, какъ сонъ. Я три года мучился, долгъ исполнилъ и теперь хочу быть совершенно свободенъ. Письма мои сожгите, чтобы и слѣдовъ не осталось: прошу васъ объ этомъ. Съ вашими то же сдѣлаю, тамъ, гдѣ говорите о ней. Теперь дѣло кончено. Я даю вамъ честное слово, что я велъ себя въ этомъ дѣлѣ какъ честный человѣкъ, и совѣсть мнѣ ни въ чемъ не упрекаетъ. Разсудокъ упрекаетъ въ страсти и въ потерянномъ времени. Не себѣ, а Богу обязанъ, что Онъ спасъ меня изъ пропасти“²⁾).

Батюшковъ не спѣшилъ покидать Москву для деревни: сперва онъ не рѣшался ѣхать туда въ ожиданіи отставки, а потомъ возобновившаяся болѣзнь, ревматизмъ, удержала его въ столицѣ вблизи скорой помощи врачей³⁾). Несомнѣнно впрочемъ и то, что онъ по прежнему боялся деревенскаго одиночества и предпочиталъ оставаться въ непосредственномъ общеніи съ людьми, у которыхъ были тѣ же интересы, какіе занимали и его самого. Такъ Константинъ Николаевичъ прожилъ въ Москвѣ до декабря, и только въ самомъ концѣ 1816 года отправился въ Хантоново, чтобы—какъ онъ говорилъ—провести тамъ зиму и весну „во спасеніе души, тѣла и кармана“⁴⁾). Здѣсь встрѣтили его обычныя хозяйственныя заботы и затрудненія; но какъ ни были онѣ противны ему, онъ съ лѣтами научился покоряться необходимости, и потому даже къ деревенскимъ хлопотамъ относился теперь безъ раздраженія. „Недавно пріѣхалъ въ мою деревню“, писалъ онъ Вяземскому въ январѣ 1817 года,—„и

¹⁾ Соч., т. III, стр. 381.

²⁾ Тамъ же, стр. 392.

³⁾ Тамъ же, стр. 388, 397.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 386; ср. стр. 413.

не успѣлъ еще оглядѣться. Все разбѣзжалъ сѣмо и овамо. Теперь начинаю отдыхать, раскладываю мои книги и готовлю продолжительное разсѣяніе отъ скуки, то-есть, какое-нибудь занятіе. Если здоровье позволить, то примусь за стихи¹⁾. Очевидно, и въ деревенской обстановкѣ онъ сохранялъ мирное расположеніе духа и душевную бодрость. Вмѣстѣ съ тѣмъ потребность творчества росла въ немъ все сильнѣе и сильнѣе. Еще въ мартѣ 1816 года онъ писалъ Жуковскому изъ Москвы: „Здоровье мое часъ отъ часу ниже, ниже, и я къ смерти ближе, ближе, а писать—охота смертная!“²⁾ То же могъ бы онъ повторить и теперь: болѣзни не давали ему покоя и въ деревнѣ, но мысль и воображеніе дѣятельно работали.

И въ 1816 году въ Москвѣ, и въ слѣдующемъ, въ теченіе пребыванія въ Хантоновѣ, Батюшковъ много занимался литературными трудами. Внѣшнимъ побужденіемъ къ тому служило его рѣшеніе издать отдѣльною книгой собраніе своихъ произведеній, на чтѣ онъ былъ вызванъ старымъ пріятелемъ своимъ Гвѣдичемъ; внутренній двигатель поэтъ нашель въ опредѣленномъ сознаніи своихъ творческихъ силъ, встрѣтившихъ полное признаніе со стороны лучшихъ цѣнителей своего времени. Мы уже знаемъ, что похвалы Жуковскаго піесамъ, написаннымъ въ Каменцѣ, Батюшковъ принялъ „съ радостію неизъяснимою, съ восхищеніемъ“; благодаря за нихъ друга, онъ извѣщалъ его: „Я разгулялся и въ доказательство печатаю томъ прозы, низкой прозы; потомъ—стихи. Все это бремя хочется сбросить съ рукъ и подвигаться впередъ, если здоровье и силы позволяютъ“³⁾. Законное чувство увѣренности въ силѣ своего таланта слышится въ этихъ словахъ. Онъ окончательно убѣдился теперь, что вѣрно избралъ путь для его разра-

¹⁾ Соч., т. III, стр. 413.

²⁾ Тамъ же, стр. 383.

³⁾ Тамъ же, т. II, стр. 403, 404.

ботки и не безъ гордости могъ сказать о себѣ: „Я не люблю преклонять головы моей подъ ярмо общественныхъ мнѣній. Все прекрасное мое—мое собственное. Я могу ошибаться, ошибаюсь, но не лгу ни себѣ, ни людямъ. Ни за кѣмъ не брожу: иду своимъ путемъ“¹⁾). Такимъ образомъ, сознаніе по-этомъ своей полной зрѣлости предшествовало изданію принятаго имъ сборника своихъ сочиненій. Оглянемся же на тѣ изъ его произведеній, которыя написаны имъ въ эту зрѣлую пору и послужили лучшимъ украшеніемъ его книги.

Изъ прозаическихъ статей, написанныхъ Батюшковымъ въ позднѣйшій періодъ его дѣятельности, замѣчательнѣйшая, безъ сомнѣнія,—„Вечеръ у Кантемира“. Авторъ возвращается въ ней къ вопросу, уже прежде занимавшему его,—объ отношеніи Россіи къ европейскому просвѣщенію. Онъ изображаетъ Кантемира въ бесѣдѣ съ Монтескье и аббатомъ Вуазенономъ: оба Француза высказываютъ сомнѣніе въ томъ, чтобъ европейское просвѣщеніе, начала котораго посѣяны въ Россіи Петромъ Великимъ, могло прочно утвердиться въ странѣ, гдѣ самый климатъ не благоприятствуетъ умственной культурѣ; они еще готовы признать, что Русскіе люди могутъ усвоить себѣ кое-какія техническія знанія, но рѣшительно не допускаютъ предположенія, чтобы въ Русскихъ можно было „вдохнуть вкусъ къ изящному, къ наукамъ отвлеченнымъ, умозрительнымъ“. Очевидно, излагая въ такомъ отрицательномъ смыслѣ взглядъ даже умныхъ иностранцевъ, Батюшковъ имѣлъ въ виду и тѣхъ своихъ соотечественниковъ, которые въ поклоненіи западной образованности доходили до полного отрицанія способности къ самостоятельному развитію въ своемъ народѣ. Отвѣтъ Кантемира своимъ собесѣдникамъ раскрываетъ воззрѣніе самого автора: „Вы знаете“, говоритъ Кантемиръ,—„что Петръ сдѣлалъ для Россіи: онъ создалъ людей... Нѣтъ, онъ развилъ въ нихъ всѣ способно-

¹⁾ Соч., т. III, стр. 416, 417.

сти душевныя, онъ вылѣчилъ ихъ отъ болѣзни невѣжества, и Русскіе, подъ руководствомъ великаго человѣка, доказали въ короткое время, что таланты свойственны человѣчеству. Не прошло пятнадцати лѣтъ, и великій монархъ наслаждался уже плодами знаній своихъ сподвижниковъ: всѣ вспомогательныя науки военнаго дѣла процвѣли внезапно въ государствѣ его. Мы громами побѣдъ возвѣстили Европѣ, что имѣемъ артиллерию, флотъ, инженеровъ, ученыхъ, даже опытныхъ мореходцевъ. Чего же хотите отъ насъ въ столь короткое время? Успѣховъ ума, успѣховъ въ наукахъ отвлеченныхъ, въ изящныхъ искусствахъ, въ краснорѣчїи, въ поэзіи? Дайте намъ время, продлите благоприятныя обстоятельства, и вы не откажете намъ въ лучшихъ способностяхъ ума... Петръ Великій, заключивъ судьбу полуміра въ рукѣ своей, утѣшалъ себя великою мыслию, что на берегахъ Невы древо наукъ будетъ процвѣтать подѣ сѣнію его державы и рано или поздно, но дастъ новые плоды, и человѣчество обогатится ими¹⁾. Такимъ образомъ, и теперь, какъ прежде, Петровская реформа, а не вся прошлая жизнь Россіи, представлялась Батюшкову исходною точкою для ея дальнѣйшаго развитія: иначе онъ и не могъ думать, потому что не зналъ своего роднаго прошлаго. Но за то теперь онъ уже вполне ясно сознавалъ, что Россія можетъ и должна развиваться просвѣщеніе самостоятельно, и что только этимъ путемъ она внесетъ свой вкладъ на общее благо человѣчества.

На твердой почвѣ этихъ общихъ принциповъ стоитъ Батюшковъ и въ своей рѣчи о вліяніи легкой поэзіи на языкъ, рѣчи, которая также относится къ 1816 году. Основная мысль ея — указать, что языкъ, какъ выраженіе образованности, и словесность имѣютъ непрерывное развитіе. Батюшковъ проводитъ параллель между Петромъ Великимъ и Ломоносовымъ: что первый совершилъ для русской гражданственности, то же сдѣ-

¹⁾ Соч., т. II, стр. 228—230.

лано вторымъ въ области литературы: „Петръ Великій пробудилъ народъ, усыпленный въ оковахъ невѣжества; онъ создалъ для него законы, силу военную и славу. Ломоносовъ пробудилъ языкъ усыпленного народа; онъ создалъ ему краснорѣчіе и стихотворство, онъ испыталъ его силу во всѣхъ родахъ и приготовилъ для грядущихъ талантовъ вѣрные орудія къ успѣхамъ. Онъ возвелъ въ свое время языкъ русскій до возможной степени совершенства, возможной — говорю — ибо языкъ идетъ всегда наравнѣ съ успѣхами оружія и славы народной, съ просвѣщеніемъ, съ нуждами общества, съ гражданскою образованностію и людскостію“ ¹⁾. Въ новѣйшее время великія побѣды вознесли Россію на верхъ могущества и показали міру ея высокое политическое значеніе; сообразно съ тѣмъ — заключаетъ Батюшковъ—должны развиться и ея духовныя силы; поэтому отъ имени Общества, среди котораго сказана рѣчь, онъ обращается къ писателямъ со слѣдующимъ призывомъ: „Несите, несите свои сокровища въ обитель музъ, отверстую каждому таланту, каждому успѣху; совершите прекрасное, великое, святое дѣло, обогатите, образуйте языкъ славнѣйшаго народа, населяющаго почти половину міра; поравняйте славу языка его со славою военною, успѣхи ума съ успѣхами оружія!“ ²⁾ Въ исторической части своей рѣчи Батюшковъ сдѣлалъ краткій обзоръ развитія русской литературы отъ Ломоносова до своего времени и отдалъ дань уваженія прежнимъ дѣятелямъ на поприщѣ словесности, но онъ не скрылъ своего убѣжденія, что эти дѣятели уже не могутъ служить образцами, и что въ сущности все развитіе нашей литературы, которое приведетъ ее къ зрѣлости и оригинальности, принадлежитъ еще будущему времени. Къ изложенію историческаго очерка новой русской литературы Батюшковъ намѣревался возвратиться еще

¹⁾ Соч., т. II, стр. 238.

²⁾ Тамъ же, стр. 244.

разъ и предполагалъ дать ему довольно обширное развитіе. Въ іюнѣ 1817 года онъ сообщилъ Вяземскому, что хочетъ „написать въ письмахъ маленькій курсъ для людей свѣтскихъ и познакомить ихъ съ собственнымъ богатствомъ“¹⁾. Намѣреніе это однако не было исполнено, и въ записной книжкѣ 1817 года сохранился только планъ очерка, указывающій на общую точку зрѣнія автора и на особыя мнѣнія его по отдѣльнымъ вопросамъ; если первая извѣстна намъ изъ другихъ его сочиненій и писемъ, то о частностяхъ было бы неосторожно судить по слишкомъ короткимъ намекамъ.

Рѣчь о „легкой поэзіи“ составляетъ какъ бы апологію интимной лирики; нашъ поэтъ избралъ этотъ предметъ для публичнаго обсужденія, конечно, потому, что большая часть его стихотвореній, написанныхъ въ молодости, относится къ этому роду. Но мы знаемъ, что еще съ 1813 года онъ началъ искать другихъ, болѣе широкихъ задачъ для своего творчества. Однако, даже патріотическое воодушевленіе того времени не облеклось въ его поэзіи въ классическую форму оды; какъ у Жуковского „Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ“, по своему настроенію, скорѣе примыкаетъ къ балладѣ, чѣмъ къ торжественной лирикѣ, такъ и нашъ поэтъ остается на почвѣ элегіи даже въ піесѣ, вызванной такимъ громкимъ событіемъ, какъ переходъ черезъ Рейнъ. Такъ, у обоихъ поэтовъ ясно обнаруживается колебаніе старыхъ поэтическихъ формъ, но за то у обоихъ поэтическое выраженіе выигрываетъ въ искренности. Грустный элегическій оттѣнокъ господствуетъ у Батюшкова въ большей части стихотвореній поздней поры, даже въ піесахъ, заимствованныхъ у другихъ писателей. Это было естественнымъ слѣдствіемъ его душевнаго состоянія и вмѣстѣ съ тѣмъ художественнымъ расчетомъ поэта. Мы уже познакомились съ цикломъ тѣхъ превосходныхъ элегій, которыя были внушены ему второю, несчаст-

¹⁾ Соч., т. III, стр. 453.

ною любовью. Послѣдніе отзвуки этой сердечной боли еще слышны въ двухъ піесахъ 1816 года, хотя и не оригинальныхъ; такъ, взятая у Парни элегія „Мщеніе“ содержитъ въ себѣ скорбное обращеніе къ милой, которая позабыла своего друга, а „Пѣснь Гаральда Смѣлаго“ — сѣтованіе храбраго воина, любовь котораго отвергнута очаровавшею его дѣвой. Эта „Пѣснь“, столь замѣчательная по яркости красокъ, по силѣ и сжатости языка, заслуживаетъ вниманія еще въ одномъ отношеніи: вмѣстѣ съ піесами (оригинальными и переводными): „Переходъ черезъ Рейнъ“, „Плѣнный“, „Тѣнь друга“, „На развалинахъ замка въ Швеціи“, „Гезіодъ и Омиръ соперники“, „Умирающій Тассъ“, она представляетъ образцы особаго рода элегіи, которую принято называть историческою или эпическою. Рядъ названныхъ стихотвореній, написанныхъ Батюшковымъ на пространствѣ трехъ-четырехъ лѣтъ, свидѣтельствуетъ, что въ данное время этотъ родъ сдѣлался для него любимую поэтическою формою. Указывая Жуковскому на эти свои піесы, Батюшковъ именно говорилъ, что онъ желалъ ими расширить область элегіи ¹⁾).

Если вообще элегія есть жалобная пѣснь, поэтическое выраженіе печали по утраченномъ идеалѣ, то элегіей историческою или эпическою должно назвать такое лирическое стихотвореніе, гдѣ идеалъ воплощается въ какомъ-нибудь достопамятномъ событіи или лицѣ, о которомъ скорбное воспоминаніе возбуждаетъ вдохновеніе поэта. Когда, на исходѣ XVIII вѣка, во всѣхъ европейскихъ литературахъ начало обнаруживаться пресыщеніе отъ псевдоклассицизма съ его парадною торжественностью, поэтическое творчество стало искать новыхъ путей и обратилось за пособіями для своего обновленія между прочимъ къ преданіямъ старины и къ безыскусственной народной поэзіи. Одною изъ первыхъ попытокъ въ этомъ родѣ были

¹⁾ Соч., т. III, стр. 448.

такъ-называемыя пѣсни Оссіана, будто бы собранныя Макферсономъ у шотландскихъ горцевъ. Шиллеръ находилъ въ этихъ пѣсняхъ высокіе образцы именно элегическаго настроенія ¹⁾. Г-жа Сталь, проводя въ своей книгѣ „De la littérature“ параллель между южною и сѣвѣрною поэзіей, отмѣтила это свойство, какъ преобладающее въ сей послѣдней. Идеи высказанныя въ этомъ сочиненіи, имѣли вліяніе на Батюшкова, хотя онъ и былъ воспитанъ на образцахъ древняго классицизма: грустные оссіановскіе мотивы попадаютъ еще въ раннихъ его произведеніяхъ; еще въ 1809—1810 годахъ онъ переводитъ отрывки изъ поэмы Парни „Isnel et Asléga“, заимствующей содержаніе изъ древне-скандинавскаго міра, который сталъ привлекать къ себѣ вниманіе новыхъ поэтовъ на ряду съ Оссіаномъ. У того же Парни явилась мысль освѣжить элегію новыми красками. Когда молодые поэты обращались за указаніями къ этому любимѣйшему элегисту своего времени, онъ имѣлъ обычай говорить имъ: „Поэзія изнашивается, ее нужно оживлять новыми образами. Изображайте иные нравы, иную природу“. Сохранившій намъ это свидѣтельство, Мильвуа, современникъ Батюшкова, воспользовался совѣтомъ Парни и написалъ нѣсколько элегій съ историческою или эпическою подкладкой. Въ особомъ этюдѣ объ элегіи онъ настаиваетъ на томъ, что подобныя стихотворенія принадлежать именно къ элегическому роду. „Если“, говоритъ онъ,—„выводимыя поэтомъ лица замѣняютъ его собственную личность, то это лишь придаетъ стихотворенію болѣе драматическую форму; если изображаемое дѣйствіе совершается далеко отъ насъ, то получаетъ для насъ интересъ новизны, подробности его становятся разнообразнѣе и сохраняютъ въ себѣ нѣчто первобытное, освѣжающее воображеніе и обновляющее творчество. Литераторы, разсматривавшіе эти піесы“, продолжаетъ Мильвуа, обращаясь къ своимъ собственнымъ произ-

¹⁾ Въ статьѣ „О наивной и сентиментальной поэзіи“.

веденіямъ, — „благоклонно признали въ нихъ соблюденіе мѣстныхъ красокъ (couleur locale) и нѣкоторую пріятность; они возражали только противъ отнесенія піесъ къ разряду элегій; но признаюсъ, я мало придаю значенія названію. Позволяю себѣ замѣтить, что нововведеніе можетъ быть непривлекательно лишь тогда, когда оно странно, что въ данномъ случаѣ оно заключается только въ рамкѣ стихотворенія, и что наконецъ, нечего выдумывать новое названіе для элегій новаго рода, если она все-таки остается элегіей“¹⁾). Для оправданія своей теоріи Мильвуа ссылался впрочемъ на примѣры древности; поэты новыхъ литературъ подражали обыкновенно любовнымъ элегіямъ. Тибулла и Проперція; онъ же задумалъ воспроизвести типъ первоначальной элегій греческой и относительно характера сей послѣдней ссылался на слѣдующія слова аббата Бартеlemi: „Прежде чѣмъ изобрѣтено было драматическое искусство, поэты, которымъ природа дала чувствительную душу, но отказала въ эпическомъ талантѣ, изображали въ своихъ картинахъ то бѣдствія какого-либо народа, то несчастія какого-нибудь лица древности, то оплакивали смерть родственника или друга и въ томъ находили себѣ утѣшеніе“²⁾). Примѣняясь къ такому характеру древне-греческой элегій, Мильвуа написалъ нѣсколько піесъ, которыя называетъ античными элегіями. „Проникая въ сущность произведеній великихъ художниковъ“, говорить онъ, — „я пытался воспроизвести наивныя красоты ихъ созданій или, если позволено такъ выразиться, то благоуханіе древности, которое отъ нихъ исходитъ“.

Батюшковъ внимательно слѣдилъ за явленіями французской литературы; ему были извѣстны и стихотворенія Мильвуа, и его теоретическія разсужденія, и безъ сомнѣнія, Констан-

¹⁾ Этудь Мильвуа объ элегій обыкновенно печатается при собраніи его стихотвореній; передаемъ его слова въ нѣсколько вольномъ переводѣ, чтобы сдѣлать смыслъ ихъ болѣе яснымъ.

²⁾ Barthelemy. Voyage du jeune Anacharsis en Grèce, chap. LXXX.

тинъ Николаевичъ имѣлъ ихъ въ виду, усвоивъ задачу исторической элегии своему творчеству. Онъ позаимствовалъ у Мильвуа одну изъ лучшихъ его піесъ въ этомъ родѣ: „Combat d'Homère et d'Hésiode“, и нужно сказать, что въ превосходной передачѣ русскаго поэта эта „античная элегія“ несравненно выше, чѣмъ въ подлинникѣ. На этотъ разъ Батюшковъ, вопреки своему обычаю, держался оригинала довольно близко, но блѣднымъ образомъ Мильвуа онъ придалъ поразительную яркость и вялый стихъ его замѣнилъ сжатымъ и гармоническимъ стихомъ своимъ. Стихотвореніе „Гезіодъ и Омиръ соперники“ представляетъ собою блестящую картину античной жизни, освѣщенную высокою нравственною мыслью.

Образцовъ исторической элегии Батюшковъ искалъ впрочемъ не у одного Мильвуа. Занявшись съ 1813 года нѣмецкою словесностью, онъ познакомился между прочимъ съ произведеніями Маттисона. Талантъ этого писателя встрѣтилъ въ свое время сочувственный отзывъ Шиллера, и весьма возможно, что изъ его статьи о Маттисоновыхъ стихотвореніяхъ впервые узналъ о нихъ Батюшковъ. Шиллеръ находилъ въ этомъ поэтѣ умѣнье рисовать сельскія сцены и изображать картины природы, но желалъ, чтобъ онъ вложилъ въ граціозные образы своей фантазіи и въ музыку своихъ стиховъ болѣе глубокой смыслъ, чтобы нашелъ для своихъ пейзажей фигуры и вывелъ бы на сцену человѣка. Батюшковъ остановился на томъ изъ стихотвореній Маттисона, гдѣ отчасти сдѣлана подобная попытка. Его „Элегія, написанная на развалинахъ древняго замка“, пользовалась въ свое время большою извѣстностью; но позднѣйшая критика справедливо признала въ этомъ стихотвореніи слишкомъ много аффектаціи въ оплакиваніи преходимости всего земнаго ¹⁾). Подражая піесѣ Маттисона, Батюшковъ отнесся къ ней очень свободно; онъ почти совсѣмъ устранилъ изліянія

¹⁾ W. Menzel. Geschichte d. Deutschen Dichtung, 9-s B., § 4; W. Scherer. Geschichte d. Deutsch. Litteratur, 13-s Kap.

нѣмецкаго поэта на отвлеченную тему, но, какъ бы осуществляя указаніе Шиллера, чрезвычайно счастливо воспользовался тѣми намеками Маттисона, которые давали поводъ къ созданію живыхъ образовъ. Между тѣмъ какъ нѣмецкій поэтъ переноситъ свои мечтанія въ рыцарскіе вѣка Германіи, Батюшковъ обращается со своими воспоминаніями къ далекимъ временамъ скандинавскаго сѣвера, которыя уже давно занимали его воображеніе, и въ мотивахъ „сѣверной поэзіи“ находитъ матеріалы для созданія цѣлаго ряда живыхъ сценъ изъ быта отважныхъ пѣвнителей моря.

Черты той же сѣверной поэзіи воспроизведены Батюшковымъ въ „Пѣснѣ Гаральда Смѣлаго“, но на этотъ разъ въ краскахъ еще болѣе яркихъ и болѣе вѣрныхъ исторической дѣйствительности, потому что почерпнуты въ непосредственномъ источникѣ. Здѣсь не мѣсто разбирать, кто настоящій авторъ Гаральдовой пѣсни; во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что это—памятникъ древности, восходящій по крайней мѣрѣ къ XIII вѣку. Замѣчательно то сильное выраженіе нѣжной страсти, которымъ отличается эта пѣснь; въ этомъ отношеніи она напоминаетъ лирику уже позднихъ рыцарскихъ временъ, и именно по такому своему характеру она въ особенности могла быть доступна пониманію Батюшкова. Онъ зналъ ее по французскому переводу въ „Датской исторіи“ Малле или, всего вѣроятнѣе, по русскому переложенію Н. А. Львова, сдѣланному на основаніи того же Малле. Нашъ поэтъ не заботился о близкой передачѣ подлинника, но всѣ характерныя черты его (напримѣръ, въ 4-й строфѣ) сохранилъ по крайней мѣрѣ по существу, если не въ точныхъ выраженіяхъ. Уже эта попытка приблизиться къ простотѣ древней пѣсни свидѣтельствуетъ о новыхъ живыхъ стремленіяхъ въ творествѣ нашего поэта.

На мысль переложить въ стихи пѣснь Гаральда навело Батюшкова чтеніе книги Маршанжи „La Gaule poétique“¹⁾.

¹⁾ Соч., т. III, стр. 371.

Сочиненіе это составляет одно изъ характерныхъ явленій своего времени. Въ періодъ имперіи во французскомъ обществѣ, уже утомленномъ Наполеоновымъ деспотизмомъ, начало пробуждаться сочувствіе къ стариннымъ рыцарскимъ временамъ, которыя рисовались воображенію только своею поэтическою и живописною стороною, какъ пора благородныхъ стремленій, самоотверженныхъ подвиговъ и возвышенной, мечтательной любви. Выразителемъ этихъ стремленій былъ не одинъ Шатобріанъ; вслѣдъ за нимъ пошли другіе писатели, и въ числѣ ихъ Маршанжи, который, въ своей „Gaule poétique“, сдѣлалъ попытку пересказать поэтическія преданія старинной французской жизни. Батюшковъ, еще будучи во Франціи, подмѣтилъ эти признаки возраждающихся симпатій къ среднимъ вѣкамъ, которыя впоследствии послужили однимъ изъ главныхъ элементовъ для образованія французскаго романтизма ¹⁾; поэтому понятно, что при чтеніи книги Маршанжи въ 1816 году онъ могъ вспомнить о скрашенной рыцарскимъ характеромъ пѣснѣ скандинавскаго вителя, любовь котораго была отвергнута русскою княжною.

Съ возникновеніемъ интереса ко временамъ рыцарства и къ поэзіи трубадуровъ стали входить въ моду романсы, въ которыхъ обыкновенно воспѣвалась любовь къ какому-нибудь храброму воину, отправившемуся въ далекія страны искать себѣ чести и славы; довольно много романсовъ встрѣчается между стихотвореніями Мильвуа, и также съ грустнымъ элегическимъ оттѣнкомъ. Батюшковъ отозвался и на этотъ новый поэтический призывъ: еще въ 1812 году, подъ впечатлѣніями начинающейся войны, онъ написалъ романсъ „Разлука“; относящаяся къ 1814 году піеса „Плѣнный“, содержаніе которой также находится въ связи съ военными обстоятельствами того времени, составляетъ нѣчто среднее между романсомъ и эпическою элегіей. Для насъ утраченъ внутренній смыслъ того на-

¹⁾ Соч., т. II, стр. 72; ср. стр. 407 и 408.

строенія, которое могло вызывать подобныя піесы; сентиментальный ихъ характеръ, вообще не свойственный нашему поэту, кажется намъ даже приторнымъ; но очевидно, стихотворенія эти отвѣчали идеальнымъ стремленіямъ нѣкоторой части тогдашняго общества, и выраженное въ нихъ чувство находило себѣ откликъ въ молодыхъ сердцахъ: романсъ Константина Николаевича пользовался большимъ успѣхомъ въ свое время.

Къ числу историческихъ элегій нашего поэта слѣдуетъ отнести еще двѣ піесы: „Переходъ черезъ Рейнъ“ и „Тѣнь друга“. Обѣ находятся въ связи съ событіями послѣднихъ войнъ Наполеоновской эпохи. Первая, написанная подъ впечатлѣніемъ одного изъ главныхъ моментовъ гигантской борьбы, соединяетъ въ себѣ воспоминанія о героическихъ временахъ германской древности съ выраженіями патріотическаго чувства и благодарности Провидѣнію, которое привело русскія войска для побѣды на берега великой германской рѣки. Вторая элегія изображаетъ то грустное раздумье, которое наступило для Батюшкова по окончаніи войны, когда, послѣ радостныхъ ощущеній побѣды, онъ яснѣе и глубже почувствовалъ тяжесть утраты, понесенной имъ въ лицѣ друга его Петина. Элегіей „Тѣнь друга“ начинается рядъ тѣхъ скорбныхъ пѣсенъ, въ которыхъ поэтъ раскрылъ намъ свое душевное состояніе послѣ военнаго времени и по возвращеніи въ отечество. Послѣднимъ звеномъ въ этой цѣпи поэтическихъ произведеній служить знаменитая элегія „Умирающій Тассъ“. Хотя содержаніе ея взято не изъ сферы личной жизни поэта, но въ изображеніи смерти Тасса онъ вложилъ столько имъ самимъ пережитаго и выстрадавшаго, что по внутреннему смыслу піеса эта является вполне выраженіемъ личности самого автора въ позднюю эпоху его поэтическаго творчества.

Мы знаемъ уже, что Константинъ Николаевичъ отъ самыхъ молодыхъ лѣтъ питалъ глубокое, почти благоговѣйное чувство и къ поэзіи Тасса, и къ личности самого поэта. Тассъ хотя и

прославился эпическою поэмой, но по свойству своего дарованія онъ въ сущности лирикъ, и притомъ съ элегическимъ отъѣнкомъ; нота нѣжнаго чувства преобладаетъ въ его поэмѣ; разнообразныя, мастерски рассказанные любовныя эпизоды совершенно заслоняютъ собою основную тему ея—освобожденіе Святаго Града изъ-подъ власти невѣрныхъ. Эти-то эпизоды, составляющіе лучшія части Тассовой поэмы и дающіе автору поводъ изобразить цѣлый рядъ женскихъ характеровъ, безъ сомнѣнія, и привлекли къ ней первоначально особыя симпатіи Батюшкова; но когда, въ послѣдствіи, мысль его сдѣлалась строже и серьезнѣе, онъ сталъ искать въ „Освобожденномъ Іерусалимѣ“ красоту другаго рода: въ своей прозаической статьѣ о Тассѣ, написанной уже въ 1815 году, онъ не безъ натяжки настаиваетъ на томъ, что описанія битвъ въ знаменитой поэмѣ не уступаютъ подобнымъ же картинамъ, встрѣчающимся у Виргилія и Гомера ¹⁾. Въ этотъ же позднѣйшій періодъ изученія „Освобожденнаго Іерусалима“ Батюшковъ обратилъ вниманіе на религіозное настроеніе его автора. Набожность воспитаннаго іезуитами Тасса, конечно, не была похожа на наивное христіанское воодушевленіе, отличающее настоящій средневѣковъ эпосъ; но это различіе совершенно ускользало отъ пониманія Батюшкова, и Тассъ являлся въ его глазахъ великимъ художникомъ, который умѣлъ сочетать въ своемъ творествѣ классическое пониманіе красоты съ міросозерцаніемъ искренно вѣрующаго христіанина. Съ этимъ идеальнымъ представленіемъ о Тассѣ, какъ поэтѣ, соединялось высокое понятіе о немъ, какъ о человѣкѣ. Въ біографію Тасса очень рано вплетены были разныя преданія романческаго характера; его мечтательная любовь къ Элеонорѣ д'Эсте, претерпѣнные имъ гоненія, его помѣшательство, какъ печальное слѣдствіе несчастій, наконецъ—приготовленное ему вѣнчаніе въ Капитоліѣ и смерть, постигшая его почти на канунѣ этого

¹⁾ Соч., т. II, стр. 152.

торжества, всѣ эти исключительныя обстоятельства его жизни, такъ охотно и безъ критической провѣрки подхваченныя его старинными біографами, сдѣлали Тасса въ общемъ мнѣніи типическимъ представителемъ тѣхъ великихъ своими дарованіями несчастливцевъ, которые погибають прежде времени въ борьбѣ съ несправедливостью безпощадной судьбы. Въ воображеніи Батюшкова Тассъ всегда рисовался въ этомъ поэтическомъ образѣ. „Торквато былъ жертвою любви и зависти“, говорилъ онъ еще въ то время своей молодости, когда, по совѣту Капниста, предпринялъ было переводъ „Освобожденнаго Іерусалима“¹⁾. Еще тогда Константинъ Николаевичъ написалъ восторженное посланіе къ Тассу, піесу дѣтски слабую въ литературномъ отношеніи, но уже выражающую сейчасъ указанный взглядъ на италіянскаго поэта. Піесу эту Батюшковъ не рѣшился перепечатать въ 1817 году, когда предпринялъ изданіе своихъ сочиненій; но вмѣсто нея этотъ сборникъ украсился новою элегіей — „Умиращій Тассъ“. Тѣсная внутренняя связь между двумя стихотвореніями не подлежитъ сомнѣнію и дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ предположеніе, что позднѣйшая элегія вызвана была болѣе раннимъ посланіемъ: собирая свои произведенія разныхъ лѣтъ, Батюшковъ подвергалъ ихъ исправленіямъ; при этомъ юношеское посланіе не удовлетворило его своею слишкомъ несовершенною формою, но его содержаніе возбудило вдохновеніе поэта къ созданію новой прекрасной піесы.

Въ концѣ февраля и въ началѣ марта 1817 года Батюшковъ сообщалъ Гнѣдичу и Вяземскому, что началъ писать большую элегію на тему о смерти Тасса, а въ апрѣлѣ она была уже окончена и отправлена въ Петербургъ для печати²⁾. „Перечиталъ все, что писано о несчастномъ Тассѣ, напился „Іерусалимомъ“, прибавлялъ онъ въ письмѣ къ Вяземскому, и

¹⁾ Соч., т. I, стр. 50, прим. 3-е.

²⁾ Тамъ же, т. III, стр. 419, 428, 439.

затѣмъ, немного времени спустя, обращался къ Жуковскому съ такими словами: „Понравился ли мой „Тассъ“? Я желалъ бы этого. Я писалъ его сгоряча, исполненный всѣмъ, что прочиталъ объ этомъ великомъ человѣкѣ... Воскреси или убей меня. Неизвѣстность хуже всего. Скажи мнѣ, чистосердечно скажи: доволенъ ли ты мною?“¹⁾

Мы только отчасти знаемъ, что именно было прочитано Батюшковымъ касательно жизни Тасса: это—главы, посвященные ему въ „Histoire littéraire d'Italie“ Жюнгене и въ сочиненіи Сисмонди о литературахъ южной Европы. Но разумѣется, еще раньше знакомства съ этими учеными трудами, Батюшковъ читывалъ старинныя біографіи италіянскаго поэта, и собственно по нимъ составилось у него представленіе о „пѣвцѣ Іерусалима“. Онъ зналъ также, что „живопись и поэзія неоднократно изображали бѣдствія Тасса“²⁾; но читалъ ли онъ, напримѣръ, извѣстную трагедію Гёте, это мы не можемъ утверждать положительно. Наконецъ, изъ сочиненій самого Тасса Константинъ Николаевичъ былъ знакомъ преимущественно съ „Освобожденнымъ Іерусалимомъ“; изъ другихъ его произведеній зналъ онъ лишь нѣсколько канцовъ, и то едва ли не по отрывкамъ, приведеннымъ у Жюнгене и Сисмонди. Вотъ весь тотъ внѣшній матеріалъ, изъ котораго возникъ „Умирающій Тассъ“, и конечно, только собственное творчество нашего поэта могло создать на основаніи такихъ бѣдныхъ пособій тотъ цѣльный образъ, который мы находимъ въ его произведеніи; поэтому-то Батюшковъ и могъ, извѣщая Гнѣдича о начатой элегіи, сказать ему: „И сюжетъ, и все—мое. Собственная простота“³⁾. Образъ страдальца Тасса сложился въ душѣ нашего поэта по его собственному подобію.

Въ жизни своей, исполненной тревоженій, Батюшковъ охотно находилъ черты сходства съ обстоятельствами несчаст-

¹⁾ Соч., т. III, стр. 446, 447.

²⁾ Тамъ же, т. I, стр. 258.

³⁾ Тамъ же, т. III, стр. 419.

ной судьбы своего героя. Еще въ молодые годы, когда Гнѣдичь совѣтовалъ Константину Николаевичу не бросать начатаго перевода „Освобожденнаго Іерусалима“, послѣдній однажды, въ минуту хандры среди деревенскаго одиночества, писалъ своему петербургскому другу: „Ты мнѣ совѣтуешь переводить Тасса—въ этомъ состояніи? Я не знаю, но и этотъ Тассъ меня огорчаетъ. Послушаемъ Лагарпа въ похвальномъ его словѣ Колардо: „*Son âme (l'âme de Colardeau) semblait se ranimer un moment pour la gloire et la reconnaissance, mais ce dernier rayon allait bientôt s'éteindre dans la tombe... Il avait traduit quelques chants du Tasse. У avait-il une fatalité attachée à ce nom?*“¹⁾ Ранняя утрата матери, ограниченность состоянія, столкновенія съ литературными непріятелями, служебныя неудачи, оскорбившія честолюбіе нашего поэта, наконецъ—любовь, которой онъ не нашелъ отвѣта и удовлетворенія, все это дѣйствительно такія обстоятельства его жизни, которымъ не трудно указать аналогіи въ біографіи Тасса. Но сближеніе можно вести и далѣе: въ личномъ характерѣ обоихъ поэтовъ, русскаго и итальянскаго, несомнѣнно было много общаго: оба они были люди съ страстною и нѣжною душой, склонные къ горячимъ увлеченіямъ и пороку легкомысленныя; оба—по выраженію Батюшкова—„любили славу“, болѣзненно раздражались при порицаніяхъ и жадно упивались похвалами; оба, наконецъ, не обладали выдержкой и твердостью воли. Въ этомъ-то недостаткѣ энергіи характера и заключалась коренная причина тѣхъ неудачъ и горькихъ разочарованій, которыя оба поэта испытали въ своей жизни; но разумѣется, имъ трудно было сознаться въ своей слабости, и въ несчастіяхъ своихъ они видѣли только гоненіе судьбы²⁾.

¹⁾ Соч., т. III, стр. 64.

²⁾ Впрочемъ Батюшковъ вообще хорошо понималъ свой характеръ: онъ не пощадилъ себя въ томъ замѣчательномъ очеркѣ своей личности, который набросалъ въ своей записной книжкѣ 1817 года (Соч., т. II, стр. 347—350). Тутъ онъ

Прибавимъ еще одну важную черту, которою характеризуется ихъ жизнь. Несчастія, испытанныя Тассомъ, довели его до состоянія мрачной меланхоли, граничившей почти съ помѣшательствомъ; у Батюшкова также бывали тяжелые періоды хандры, которая—казалось ему—должна разрѣшиться потерей сознанія ¹⁾; воспоминаніе о горестной участи матери, быть можетъ, подсказывало ему это предчувствіе.

Таковы были внутреннія основы тѣхъ глубокихъ симпатій, которыя привязывали нашего поэта къ Тассу, и въ силу которыхъ идеальный образъ „пѣвца Іерусалима“ съ раннихъ лѣтъ сталъ избранникомъ его сердца и излюбленнымъ предметомъ его вдохновеній. Его юношеское посланіе къ Тассу было написано въ ту пору его жизни, когда житейскія невзгоды впервые проникли въ радостный міръ его надеждъ и поколебали его вѣру въ свѣтлое будущее; неопытный поэтъ не нашелъ въ себѣ тогда достаточно творческихъ силъ, чтобъ изобразить страданія своего любимаго героя. Съ тѣхъ поръ онъ не только испыталъ глубокое разочарованіе въ своихъ личныхъ привязанностяхъ, но и утратилъ вѣру въ ту философію наслажденія, усумнился въ томъ міросозерцаніи, которыми думалъ нѣкогда опредѣлить свой жизненный путь. Благая теперь въ уста умирающаго Тасса горькія воспоминанія о прошломъ, въ которомъ онъ былъ

Отъ самой юности игралище людей,
и съ тѣхъ поръ,

добыча злой судьбины,
Всѣ горести узналъ, всю бѣдность бытія,—

Батюшковъ дѣйствительно высказывалъ свои собственныя сѣтованія, тѣ самыя, которыя мы такъ часто встрѣчали въ его

указываетъ на двойственность своего характера, на отсутствіе въ немъ цѣльности, а эта особенность не есть ли прямое слѣдствіе слабаго развитія воли?

¹⁾ Соч., т. III, стр. 51.

письмахъ къ друзьямъ; но что въ перепискѣ лишь случайно срывается съ его пера, то въ элегїи облекается въ цѣльный поэтической образъ; что юноша-поэтъ не сумѣлъ выразить въ своихъ еще нескладныхъ стихахъ, то теперь, въ произведеніи зрѣлаго художника, само собою сказывается высокимъ лирическимъ порывомъ, и личность несчастнаго Тасса, безвременно погибающаго съ надеждой найти успокоеніе лишь въ иномъ, лучшемъ мірѣ, является какъ бы воплощеніемъ усталой, измученной жизненною борьбой души нашего поэта, обращающей къ Провидѣнію свои послѣднія упованія.

„Кажется мнѣ, лучшее мое произведеніе“, говорилъ Батюшковъ въ письмѣ къ Вяземскому, извѣщая его, что пишетъ элегію на тему о смерти Тасса ¹⁾. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, когда піеса уже была отослана въ печать, онъ опять повторилъ, что доволенъ своею элегіей, но притомъ прибавлялъ: „Мнѣ нравится болѣе ходъ и планъ, нежели стихи“. Смыслъ этой послѣдней оговорки можетъ быть объясненъ изъ слѣдующихъ словъ поэта въ одномъ изъ его тогдашнихъ писемъ къ Гнѣдичу: „Я смѣшнень, по совѣсти. Не похожъ ли я на слѣпаго нищаго, который, услышавъ прекраснаго виртуоза на арфѣ, вдругъ вздумалъ воспѣвать ему хвалу на волынкѣ или балалайкѣ? Виртуозъ—Тассъ, арфа—языкъ Италїи его, нищій—я, а балалайка—языкъ нашъ, жестокой языкъ, что ни говори“ ²⁾. Такъ сильно чувствовалъ Батюшковъ трудность освободиться отъ тѣхъ сухихъ, условныхъ и нескладныхъ формъ, которыми еще опутывалась русская поэтическая рѣчь въ его время. Въ другомъ письмѣ его, отъ 1816 года, находимъ еще одно важное признаніе въ томъ же смыслѣ: „Чѣмъ болѣе вникаю въ языкъ нашъ, чѣмъ болѣе пишу и размышляю, тѣмъ болѣе удостовѣряюсь, что языкъ нашъ не терпитъ славянизмовъ, что верхъ искусства—похищать древнія слова и

¹⁾ Соч., т. III, стр. 428.

²⁾ Тамъ же, стр. 457.

давать имъ мѣсто въ нашемъ языкѣ“¹⁾). Карамзину удалось привести въ равновѣсіе главныя стихіи нашего литературнаго языка — народную и церковно-славянскую — только въ заключительномъ произведеніи своей литературной дѣятельности, въ „Исторіи государства Россійскаго“; изъ вышеуказанныхъ словъ Батюшкова видно, что онъ ставилъ себѣ ту же задачу, и въ позднѣйшихъ созданіяхъ своего творчества онъ также достигаетъ успѣшнаго ея рѣшенія: слова свободно льются съ его пера; каждая мысль, каждый образъ находятъ себѣ соотвѣтствующее живое, мѣткое и сильное выраженіе. Въ этомъ смыслѣ есть правда въ цѣлостныхъ словахъ Блудова: „Слогъ Батюшкова можно сравнить съ внутренностію жертвы въ рукахъ жреца: она еще вся трепещетъ жизнію и теплится ея жаромъ“²⁾). Желаніе выработать себѣ свободный гармоническій стихъ издавна составляло страстную мечту нашего поэта: къ этому вопросу, въ связи съ языкомъ, онъ постоянно возвращается въ своихъ письмахъ. „Отгадайте, на что я начинаю сердиться?“ писалъ онъ однажды Гнѣдичу еще въ 1811 году. — „На что? На русскій языкъ и на нашихъ писателей, которые съ нимъ немилосердно поступаютъ. И языкъ-то по себѣ плоховать, грубенець, пахнетъ татарщиной. Что за ш? Что за ш, что за ш, шій, шій, при, тры? О варвары! А писатели? Но Богъ съ ними! Извини, что я сержусь на русскій народъ и на его нарѣчіе. Я сію минуту читалъ Аріоста, дышалъ чистымъ воздухомъ Флоренціи, наслаждался музыкальными звуками авзонійскаго языка и говорилъ съ тѣнями Данта, Тасса и сладостнаго Петрарка, изъ устъ котораго что слово, то блаженство“³⁾). Слова эти очень замѣчательны, какъ указаніе, гдѣ, въ какой словесности Батюшковъ искалъ образцовъ для гармоніи стиха. Написанныя почти въ то же время подражанія Петраркѣ и

¹⁾ Соч., т. III, стр. 409, 410; ср. тамъ же стр. 70.

²⁾ Мысли и замѣчанія — въ приложеніи къ сочиненію Е. П. Ковалевскаго Графъ Блудовъ и его время. Изд. 2-е, стр. 267.

³⁾ Соч., т. III, стр. 164, 165.

Касты представляют между прочимъ образцы того, какъ Батюшковъ старался передать по русски звучные стихи итальянскихъ поэтовъ: еще тогда опыты его выходили очень удачны, по крайней мѣрѣ въ отношеніи техники. Въ 1815 году, въ статьѣ объ Аріостѣ и Тассѣ, онъ снова возвращается къ мысли о музыкальности итальянскаго языка: „Языкъ гибкій, звучный, сладостный, языкъ, воспитанный подъ счастливымъ небомъ Рима, Неаполя и Сициліи, среди бурь политическихъ и потомъ при блестящемъ дворѣ Медицосовъ, языкъ, образованный великими писателями, лучшими поэтами, мужами учеными, политиками глубокомысленными,—этотъ языкъ сдѣлался способнымъ принимать всѣ виды и всѣ формы. Онъ имѣетъ характеръ, отличный отъ другихъ новѣйшихъ нарѣчій и коренныхъ языковъ, въ которыхъ менѣе или болѣе примѣтна суровость, глухіе или дикіе звуки, медленность въ выговорѣ и нѣчто принадлежащее Сѣверу“¹⁾. Впрочемъ, это преклоненіе предъ итальянскимъ языкомъ не доходило у Батюшкова до крайности: въ 1817 году, вскорѣ по окончаніи „Умирающаго Тасса“, онъ заноситъ въ свою записную книжку такое замѣчаніе: „Каждый языкъ имѣетъ свое словотеченіе, свою гармонію, и странно было бы Русскому или Итальянцу, или Англичанину писать для французскаго уха, и на оборотъ. Гармонія, мужественная гармонія не всегда прибѣгаетъ къ плавности. Я не знаю плавнѣе этихъ стиховъ:

На свѣтлоголубомъ эфирѣ
Златая плавала луна, и пр.

и оды „Соловей“ Державина. Но какая гармонія въ „Водопадѣ“ и въ одѣ на смерть Мещерскаго:

Глаголь времянь, металла звонь!“²⁾

Очевидно, счастливые опыты послѣднихъ лѣтъ раскрыли нашему поэту въ русскомъ языкѣ такія свойства и силы, такой благо-

¹⁾ Соч., т. II, стр. 149.

²⁾ Тамъ же, стр. 340.

дарный материал для созданія гармоническаго стиха, каких онъ и не подозрѣвалъ прежде. Дѣйствительно, въ своихъ историческихъ элегіяхъ и вообще въ поэтическихъ произведеніяхъ своей позднѣйшей поры Батюшковъ успѣлъ почти вполне преодолѣть тѣ трудности, которыя такъ долго смущали его. Въ этихъ піесахъ поэтическая рѣчь (въ смыслѣ подбора словъ) и въ особенности гибкость, упругость и гармонія стиха достигаютъ такого совершенства, какого еще не знала до тѣхъ поръ русская поэзія ¹⁾).

По своей художественной натурѣ Батюшковъ не могъ не чувствовать, что для своего времени онъ былъ первымъ мастеромъ русскаго стиха, мастеромъ, которому уступалъ мѣсто и даровитѣйшій изъ его сверстниковъ—Жуковский. Въ 1814 году, разбирая, въ письмѣ къ Тургеневу, еще не напечатанное посланіе Жуковскаго къ императору Александру, Батюшковъ за-

¹⁾ Относительно выработки русскаго стиха важныя заслуги Батюшкова, вмѣстѣ съ Жуковскимъ, были вѣрно оцѣнены П. А. Плетневымъ еще въ 1822 году. Приводимъ его слова:

„Чистота, свобода и гармонія составляютъ главнѣйшія совершенства новаго стихотворнаго языка нашего. Объяснимъ каждое изъ нихъ порознь. Употребленіе собственно русскихъ словъ и оборотовъ не даетъ еще полнаго понятія о чистотѣ нашего языка. Ему вредятъ, его обезображиваютъ неправильныя усѣченія словъ, невѣрныя въ нихъ ударенія и неумѣстная смѣсь славянскихъ словъ съ чистымъ русскимъ нарѣчіемъ. До временъ Жуковскаго и Батюшкова всѣ наши стихотворцы, болѣе или менѣе, подвержены были сему пороку: языкъ упрямился; мѣра и рима часто смѣялись надъ стихотворцемъ — и побѣждали его. Подъ именемъ свободы языка здѣсь разумѣется правильный ходъ всѣхъ словъ періода, смотря по смыслу рѣчи. Русскій языкъ менѣе всѣхъ новѣйшихъ языковъ стѣсняется разстановкою словъ; однакожь, по свойству понятій, выражаемыхъ словами, и въ немъ надобно держаться естественнаго словотеченія.

Живи—и тучи пробѣгали
Чтобъ рѣдко по водамъ твоимъ.

(„Водопадъ“, строфа 71).

Или:

Сія гробница скрыла
Затмившаго мать лунный свѣтъ.

(„На смерть графини Румянцевой“, строфа 6).

„Всякій согласится, что подобная разстановка словъ, при всѣхъ совершенствахъ поэзіи, стихи дѣлаетъ запутанными. Жуковский и Батюшковъ показали

мѣчалъ: „Я стану только выписывать дурные стихи; моя критика не нужна, онъ самъ почувствуетъ ошибки: у него чутье поэтическое“¹⁾. Этимъ-то чутьемъ самъ Константинъ Николаевичъ обладалъ въ высшей степени и берегъ его, какъ Божій даръ, какъ послѣднее сокровище своей оскудѣлой радостями жизни. Жалуясь, въ одномъ изъ писемъ къ Вяземскому изъ деревни въ 1817 году, на свои болѣзни, на утомленіе и на горе, „отъ котораго нигдѣ не уйдешь“, онъ говорилъ: „Все вредить стихамъ и груди моей“, и прибавлялъ: „Богъ съ нею, только бы хорошо писалось!“²⁾ Чувствуя въ Жуковскомъ и въ самомъ себѣ дѣйствительное призваніе поэта, онъ строго отличалъ себя и своего друга отъ остальныхъ дѣятелей словесности. „Во всемъ согласенъ съ тобою на счетъ поэзіи“, писалъ онъ ему однажды. —

прекрасные образцы, какъ надобно побѣждать сія трудности и очищать дорогу теченію мыслей. Это имѣло удивительныя послѣдствія. Въ нынѣшнее время произведенія второклассныхъ и, если угодно, третьеклассныхъ поэтовъ носятъ на себѣ отпечатокъ легкости и пріятности выраженій. Ихъ можно читать съ удовольствіемъ. Кругъ литературной дѣятельности распространился, и богатства вкуса умножились.—Наконецъ, нѣсколько словъ о гармоніи. Прежде всего надобно отличать гармонію отъ мелодіи. Послѣдняя легче достигается первой: она основывается на созвучіи словъ. Гдѣ подборъ ихъ удаченъ, слухъ не оскорбляется, нѣтъ для произношенія трудности,—тамъ мелодія. Она еще имѣетъ высшую степень, когда сліяніемъ звуковъ опредѣлительно выражаетъ какое-нибудь явленіе въ природѣ и, подобно музыкѣ, подражаетъ ей. Гармонія требуетъ полноты звуковъ, смотря по объятности мысли, точно такъ, какъ статуя—опредѣленныхъ округлостей, соотвѣтственно величинѣ своей. Маленькое сухощавое лицо, сколько бы черты его пріятны ни были, всегда кажется не хорошимъ при большомъ туловищѣ. Каждое чувство, каждая мысль поэта имѣютъ свою объятность. Вкусъ не можетъ математически опредѣлить ее, но чувствуетъ, когда находитъ ее въ стихахъ или уменьшенною, или преувеличенною — и говоритъ: здѣсь не полно, а здѣсь растянуто. Сія стихотворческія тонкости могутъ быть наблюдаемы только поэтами. Въ числѣ первыхъ надобно поставить Жуковскаго и Батюшкова“ (Сочиненія и переписка П. А. Плетнева. С.-Пб. 1885, т. I, стр. 24—25).

Тѣ же мысли неоднократно высказывалъ впоследствии Бѣлинскій, замѣчая притомъ, и совершенно справедливо, что стихъ именно Батюшкова, а не Жуковскаго, былъ ближайшимъ предшественникомъ и подготовителемъ пушкинскаго стиха (см., напримѣръ, Соч. Бѣл., т. VI, стр. 49, и т. VIII, стр. 256).

¹⁾ Соч., т. III, стр. 300.

²⁾ Тамъ же, стр. 429.

„Мы смотримъ на нее съ надлежащей точки, о которой толпа и понятія не имѣеть. Большая часть людей принимаютъ за поэзію рѣшмы, а не чувство, слова, а не образы“¹⁾. Поэтому-то, даже къ сужденіямъ Гнѣдича Батюшковъ относился нѣсколько критически, хотя и признавалъ за нимъ способность понимать прекрасное. Еще изъ раннихъ писемъ Константина Николаевича къ другу его молодости видно, какъ горячо онъ спорилъ съ нимъ о способахъ поэтическаго выраженія. Когда Гнѣдичъ сообщилъ Батюшкову свои замѣчанія на „Умирающаго Тасса“, Константинъ Николаевичъ съ жаромъ отстаивалъ тѣ стихи, которые подсказало ему вдохновеніе. „Подъ небомъ Италіи моею, именно моею“, писалъ онъ. — „У Монти, у Петрарка я это живьемъ взялъ, quel benedetto моею! Вообще Италіянцы, говоря объ Италіи, прибавляютъ моя. Они любятъ ее, какъ любовницу. Если это ошибка противъ языка, то беру на совѣсть“. Или еще: „Изрытыя пучины и громъ не умолкалъ—оставь. Это слова самого Тасса въ одной его канцонѣ; онъ зналъ что говорилъ о себѣ“²⁾. Твердая увѣренность самосознающаго таланта слышна въ этихъ словахъ: также, какъ „пѣвецъ Іерусалима“, Батюшковъ зналъ, что писалъ, когда создавалъ своего „Умирающаго Тасса“; онъ чувствовалъ теперь всю полноту своихъ творческихъ силъ и понималъ, что его созрѣвшій талантъ идетъ по вѣрному пути и имѣеть право на общественное признаніе.

Того удовлетворенія, какое испытываетъ художникъ въ моментъ творчества, Батюшковъ, быть можетъ, никогда не переживалъ сильнѣе, чѣмъ въ то время, когда въ деревенскомъ уединеніи оканчивалъ „Гезіода и Омѣра“, писалъ „Тасса“ и исправлялъ свои прежнія піесы для приготовляемаго изданія. Къ этому непродолжительному, но плодотворному періоду его

¹⁾ Соч., т III, стр. 356.

²⁾ Тамъ же, стр. 455, 456.

творческой дѣятельности вполне примѣняется то, что въ своей статьѣ о поэтѣ и поэзіи онъ говоритъ вообще о „сладостныхъ минутахъ вдохновенія и очарованія поэтическаго“¹⁾. Забывая домашнія безпокойства, пренебрегая своими болѣзнями, онъ всецѣло и съ горячимъ увлеченіемъ отдавался художественному труду. Онъ не только оканчивалъ и отдѣлывалъ задуманное и написанное прежде,—темы и планы новыхъ произведеній безпрестанно рождались въ его головѣ: то собирался онъ написать сказку „Бальядера“, то желалъ изобразить Овидія въ Скиѣи— „предметъ для элегии счастливѣе самого Тасса“, то составлялъ планы для поэмъ: „Рюрикъ“, „Русалка“²⁾. Въ бумагахъ князя П. А. Вяземскаго сохранился набросокъ плана для „Русалки“, а въ одномъ изъ тогдашнихъ писемъ Батюшкова къ Гнѣдичу встрѣчается просьба прислать сборники русскихъ сказокъ и былинъ, которые понадобились нашему поэту, безъ сомнѣнія, какъ матеріалъ для задуманнаго произведенія. Судя по этимъ указаніямъ, можно догадываться, что Константинъ Николаевичъ имѣлъ въ виду написать поэму изъ русскаго сказочнаго міра въ родѣ той, какую вскорѣ далъ русской литературѣ великій преемникъ нашего поэта въ своемъ „Русланѣ“. Но все это осталось въ однихъ предположеніяхъ. Печатаніе сборника сочиненій Батюшкова уже было начато въ Петербургѣ въ началѣ 1817 года³⁾, и даже піесы, оконченныя имъ въ мартѣ и апрѣлѣ („Переходъ черезъ Рейнъ“, „Умирающій Тассъ“), могли быть включены въ него только какъ дополненіе. Поэтому, прежде даже, чѣмъ печатаемый сборникъ вышелъ въ свѣтъ, Константинъ Николаевичъ сталъ думать о томъ, что со временемъ предприметь новое изданіе

¹⁾ Соч., т. II, стр. 118, 119.

²⁾ Тамъ же, т. III, стр. 417, 439, 453, 454, 456.

³⁾ Въ письмѣ къ Гнѣдичу, отъ 27-го февраля 1817 г., изъ деревни, Батюшковъ говоритъ о рукописи своихъ стихотвореній, какъ объ отосланной уже въ Петербургъ (Соч., т. III, стр. 419).

своихъ стиховъ, сдѣлаеть въ нихъ новыя исправленія и къ прежнимъ піесамъ присоединить то, что будетъ имъ вновь написано ¹⁾).

Какъ бы то ни было, но поэтической трудъ среди деревенскаго уединенія доставилъ Батюшкову высокое наслажденіе и, казалось, снова мирилъ его съ жизнью. Ему стала мила даже та простая сельская обстановка, въ которой совершался этотъ трудъ, и въ маѣ 1817 года онъ писалъ Гнѣдичу: „Я убралъ въ саду бесѣдку по моему вкусу, въ первый разъ въ жизни. Это меня такъ веселить, что я не отхожу отъ письменнаго столика, и вѣришь ли?—цѣлые часы, цѣлыя сутки просиживаю, руки сложа на крестъ“ ²⁾. Это тихое и мирное настроеніе, возвратившееся въ душу поэта подъ вліяніемъ вдохновенія, ясно выразилось въ небольшой изящной піесѣ „Бесѣдка музъ“ ³⁾, которую онъ написалъ тогда и еще успѣлъ отправить въ Петербургъ для включенія въ печатаемый сборникъ. Поэтъ умолялъ музъ

душѣ усталой отъ суеты
Отдать любовь утраченну къ искусствамъ,
Веселость ясную первоначальныхъ лѣтъ
И свѣжесть—вынуцимъ безперестанно чувствамъ.
Пускай заботъ свинцовый грузъ
Въ рѣкѣ забвенія потонеть,
И время жадное въ сей тайной сѣни музъ
Любимца ихъ не тронетъ.
Пускай и въ сѣдинахъ, но съ бодрою душой,
Безпечень, какъ дитя всегда безпечныхъ грацій,
Онъ нѣбогда придетъ вздохнуть въ сѣни густой
Своихъ черемухъ и акацій.

¹⁾ Соч., т. III, стр. 448.

²⁾ Тамъ же, стр. 441.

³⁾ Тамъ же, т. I, стр. 273, 274.

XI.

Батюшковъ въ Петербургъ осенью 1817 года.—Арзамасъ.—Появленіе „Опытовъ“.—Отношенія Батюшкова къ А. С. Пушкину.—Смерть отца.—Хлопоты о поступленіи на дипломатическую службу.—Поѣздка Батюшкова на югъ Россіи; впечатлѣнія Одессы и Ольвіи.—Назначеніе въ Неаполь.—Настроеніе поэта.—Батюшковъ въ Москвѣ.—Возвращеніе его въ Петербургъ.—Отъѣздъ Батюшкова за границу.

„Опыты въ стихахъ и прозѣ“, то-есть, предпринятое Гнѣдичемъ изданіе сочиненій Батюшкова, должны были окончиться печатаніемъ къ осени 1817 года. Къ этому времени и самъ авторъ положилъ пріѣхать въ сѣверную столицу. Петербургъ сталъ непріятенъ Константину Николаевичу съ тѣхъ поръ, какъ онъ испыталъ тамъ цѣлый рядъ самыхъ ѣдкихъ огорченій; онъ могъ затушить въ себѣ страсть по самому лучшему побужденію, но въ Петербургѣ могли быть люди, которые иначе смотрѣли на его поступокъ; въ особенности тревожило Батюшкова охлажденіе со стороны Олениныхъ, предъ которыми онъ не признавалъ себя виноватымъ, и потому онъ съ недоумѣніемъ спрашивалъ Гнѣдича: за чтѣ они на него въ гнѣвѣ?¹⁾ Лѣтомъ 1817 года Константинъ Николаевичъ задумалъ было совершить поѣздку на югъ Россіи, чтобы полѣчиться; онъ уже пріѣхалъ съ этою цѣлью изъ деревни въ Москву, но здѣсь его задержали хлопоты по закладу имѣнья, и давно желанное путешествіе было снова отложено. За то въ Москвѣ получилъ онъ наконецъ любовное письмо отъ старика Оленина, который звалъ его въ Петербургъ²⁾. Обрадованный и успокоенный этою вѣстью, Константинъ Николаевичъ рѣшился воспользоваться приглашеніемъ при первой возможности: она представилась въ ближайшемъ августѣ.

Батюшковъ нашелъ въ Петербургѣ большую часть близкихъ

¹⁾ Соч., т. III, стр. 393, 417.

²⁾ Тамъ же, стр. 444, 445.

ему людей: Е. О. Муравьева пожелала, чтобъ онъ поселился у нея¹⁾; Карамзины, переѣхавшіе за годъ передъ тѣмъ въ Петербургъ и жившіе въ ея домѣ, и Оленины встрѣтили Константина Николаевича съ прежнею лаской и вниманіемъ; Алексѣй Николаевичъ даже зачислилъ его снова на службу при Библиотекѣ, съ званіемъ почетнаго библиотекаря²⁾. Болѣе молодые пріатели—Жуковскій, Тургеневы, Блудовъ, Уваровъ, Дашковъ — съ радостью ввели его въ свой кружокъ, который еще въ 1815 году организовался подъ именемъ Арзамаса. Еще при самомъ основаніи этого дружескаго литературнаго общества Батюшковъ былъ включенъ въ его составъ подъ именемъ Ахилла, но только 27-го августа 1817 года онъ въ первый разъ присутствовалъ въ засѣданіи Арзамаса, происходившемъ у А. И. Тургенева³⁾.

Арзамасъ пользуется почетною извѣстностью въ преданіяхъ нашего общества и литературы; было даже высказано мнѣніе, что подъ его вліяніемъ писались въ то время стихи лучшихъ нашихъ поэтовъ, что его вліяніе отразилось, можетъ быть, на иныхъ страницахъ „Исторіи“ Карамзина⁴⁾. Но чѣмъ болѣе накаплиется свѣдѣній объ этомъ пріятельскомъ литературномъ кружкѣ, тѣмъ очевиднѣе выясняется слабое дѣйствіе его на умственное движеніе своего времени. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что члены Арзамаса, и въ особенноти главные его дѣятели, были люди очень умные, очень даровитые, прекрасно образованные, съ развитымъ вкусомъ, съ искреннею любовью къ словесности и просвѣщенію, съ желаніемъ общей пользы; но случайное происхожденіе этого литературнаго братства и

¹⁾ Соч., т. III, стр. 464.

²⁾ Архивъ Императорской Публичной Библиотеки: дѣло о службѣ въ ней Батюшкова; назначеніе его почетнымъ библиотекаремъ состоялось въ ноябрѣ 1817 года.

³⁾ Соч., т. III, стр. 465.

⁴⁾ Литературныя воспоминанія, А. В. (гр. С. С. Уварова)—Современникъ 1851 г., т. XXVII, стр. 38. Ср. характеристику Арзамаса въ сочиненіи Е. П. Ковалевскаго: Графъ Блудовъ и его время. Изд. 2-е, стр. 110—116.

отсутствіе всякой опредѣленной цѣли при его основаніи, - а затѣмъ еще болѣе случайное и безцѣльное расширеніе его состава, были коренными причинами незначительной дѣятельности кружка и его скорого распадѣнія. Говорятъ, что направленіе Арзамаса было преимущественно критическое, что „лица, составлявшія его, занимались строгимъ разборомъ литературныхъ произведеній, примѣненіемъ къ языку и словесности отечественной всѣхъ источниковъ древней и иностранныхъ литературъ, изысканіемъ началъ, служащихъ основаніемъ твердой, самостоятельной теоріи языка и проч.“ Быть можетъ,—но къ сожалѣнію, въ нашей литературѣ не осталось слѣдовъ совокупной дѣятельности Арзамасцевъ въ этомъ направленіи; они собирались что-то дѣлать, но ничего не сдѣлали сообща; а что сдѣлано нѣкоторыми изъ нихъ порознь, того нельзя ставить въ общую заслугу всему кружку. Попытка предпринять періодическое изданіе отъ имени Арзамаса не состоялась, и совѣщанія объ этомъ предпріятіи всего яснѣе обнаружили, что во взглядѣ членовъ кружка далеко не было единства.

Отношенія Батюшкова къ Арзамасу очень характерны для нашего поэта. Еще въ концѣ 1815 года, въ бытность свою въ Каменцѣ, онъ узналъ объ основаніи Арзамасскаго общества и тогда же выразилъ готовность прислать „свои маранья въ прозѣ“ для изданія въ сборникѣ, который, какъ надѣялся Батюшковъ, будетъ предпринятъ Арзамасцами. Онъ вполнѣ сочувствовалъ литературному направленію ихъ, какъ послѣдователей Карамзина, и ожидалъ отъ нихъ дѣятельнаго участія въ литературномъ движеніи: когда, въ началѣ 1816 года, Вяземскій поѣхалъ въ Петербургъ, Батюшковъ поручилъ ему уговаривать Жуковскаго взяться за изданіе журнала, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя, самъ писалъ о томъ же Василю Андреевичу и предлагалъ свое сотрудничество¹⁾. Еще позже, уже въ срединѣ 1817 года,

¹⁾ Соч., т. III, стр. 358, 359, 382, 404.

послѣ того, какъ Вяземскій сообщилъ ему свои впечатлѣнія изъ вторичной поѣздки въ сѣверную столицу, Константинъ Николаевичъ отвѣчалъ ему слѣдующими строками, изъ которыхъ видно, какъ цѣнилъ онъ людей, принадлежащихъ къ составу Арзамаса: „Благодарю за извѣстія твои о Петербургѣ и радуюсь, что ты украсть у Фортуны нѣсколько пріятныхъ минутъ и отдохнулъ съ людьми, ибо это, право,—люди: Блудовъ, столь острый и образованный; Тургеневъ, у котораго доброты достаточно на двухъ и какого-то аттицизма, весьма пріятнаго и оригинальнаго, человекъ на десять; Сѣверинъ, дѣятельный и дѣльный въ такія нѣжныя лѣта; Орловъ, у котораго — рѣдкій случай!—умъ забрался въ тѣло, достойное Фидіаса, и Жуковскій, исполненный счастливѣйшихъ качествъ ума и сердца, ходячій талантъ“¹⁾. Но время шло, а Арзамасцы все только собирались приняться за дѣло. Сборникъ, задуманный ими въ началѣ 1816 года подъ заглавіемъ: „Отрывки, найденные въ Арзамасѣ“, не состоялся²⁾. Печатаніе „Опытовъ“ Батюшкова уже было начато въ Петербургѣ, когда онъ, живя въ деревнѣ, получилъ наконецъ отъ Жуковскаго приглашеніе принять участіе въ изданіи, затѣянномъ имъ и другими Арзамасцами. Не имѣя у себя въ запасѣ ничего готоваго, Константинъ Николаевичъ принужденъ былъ отвѣчать, что въ настоящую минуту „ничего не можетъ удѣлить изъ своего сокровища“, но разумѣется,

¹⁾ Соч., т. III, стр. 451; о поѣздѣ кн. П. А. Вяземскаго въ Петербургъ въ маѣ 1817 г. см. въ Письмахъ Карамзина къ Дмитріеву, стр. 214.

²⁾ Въ бумагахъ Жуковскаго, хранящихся въ Имп. Публ. Библиотекѣ, находится написанный Д. Н. Блудовымъ перечень произведеній въ стихахъ и прозѣ, предназначенныхъ для помѣщенія въ этомъ сборникѣ; подъ перечнемъ находятся подписи слѣдующихъ членовъ Арзамаса: Громобоя (С. П. Жихарева), Армянина (Д. В. Давыдова), Вотъ я васъ! опять! (В. Л. Пушкина), Свѣтланы (В. А. Жуковскаго), Статнаго Лебедя (?), Асмодея (кн. П. А. Вяземскаго) и Кассандры (Д. Н. Блудова). Присутствіе В. Л. Пушкина и кн. Вяземскаго въ засѣданіи Арзамаса, гдѣ составленъ этотъ перечень, указываетъ на время его составленія: оба они пріѣзжали въ Петербургъ въ началѣ 1816 года (Соч. Батюшкова, т. II, стр. 518).

обѣщалъ прислать стиховъ, если „что впредь будетъ“¹⁾. Въ первой половинѣ 1817 года Жуковскій вновь составилъ планъ арзамасскаго сборника или альманаха; онъ долженъ былъ выйти въ видѣ двухъ книжекъ: въ одной предполагалось помѣстить оригинальныя статьи въ прозѣ и стихи, написанныя нѣкоторыми изъ Арзамасцевъ; другая должна была заключать въ себѣ переводы изъ нѣмецкихъ писателей. Въ числѣ сотрудниковъ имѣлся въ виду и Константинъ Николаевичъ²⁾. Планъ этого изданія, о которомъ онъ узналъ изъ письма Вяземскаго, не понравился ему, какъ не полюбился и его корреспонденту. Увлеченный въ то время итальянскими поэтами и ихъ красотою „истинно классическими“, Батюшковъ остался недоволенъ тѣмъ предпочтеніемъ, которое въ предполагаемомъ сборникѣ было дано германской литературѣ. „Я согласенъ съ тобою на счетъ Жуковскаго“, писалъ онъ Вяземскому.— „Къ чему переводы нѣмецкіе? Добро—философовъ. Но ихъ-то у насъ читать и не будутъ. Что касается до литературы ихъ, собственно литературы, то я начинаю презирать ее. (Не сказывай этого!) У нихъ все каряченье и судороги! Право, хорошаго не много!“³⁾ О нѣмецкихъ симпатіяхъ Жуковскаго и объ его исключительныхъ почитателяхъ между Арзамасцами еще рѣзче высказывался Батюшковъ въ письмѣ къ Гнѣдичу по поводу выраженного послѣднимъ въ печати строгаго осужденія балладамъ: „Твое замѣчаніе справедливо: баллады (Жуковскаго) прелестны, но балладами не долженъ себя ограничивать талантъ рѣдкій въ Европѣ. Хвалы и друзья неумѣренные заводятъ въ лѣсъ, во тьму. Каждаго Арзамасца порознь люблю, но всѣ они вкупѣ, какъ и всѣ общества, бредятъ, карячатся и вредятъ“⁴⁾. Такимъ

¹⁾ Соч., т. III, стр. 427

²⁾ Соч. Жуковскаго, изд. 7-е., т. VI, стр. 439—443.

³⁾ Соч., т. III, стр. 427.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 416; относительно мнѣнія Гнѣдича о балладахъ см. въ примѣчаніяхъ т. III Соч. Бат., стр. 728, 729.

образомъ, сохраняя самое дружеское расположеніе и уваженіе къ членамъ Арзамасскаго кружка, Батюшковъ не поступался предъ ними независимостью своихъ литературныхъ мнѣній и не скрывалъ, что ожидаетъ отъ нихъ болѣе широкой и серьезной дѣятельности, чѣмъ сколько они обнаружили до сихъ поръ. Осуждая планъ альманаха, задуманнаго Жуковскимъ, онъ говорилъ Вяземскому еще слѣдующее: „Не лучше ли посвятить лучшіе годы жизни чему-нибудь полезному, то-есть, таланту, чудесному таланту, или, какъ ты говоришь, писать журналъ полезный, пріятный, философскій? Правда, для этого надобно ему (Жуковскому) переродиться. У него голова вовсе не дѣятельная. Онъ все въ воображеніи. А для журнала такого, какъ ты предполагаешь, нуженъ спокойный духъ Адиссона, его взоръ, его опытность, и скажу болѣе, нужна вся Англія, то-есть, земля философіи практической, а въ нашей благословенной Россіи можно только упиваться виномъ и воображеніемъ: по крайней мѣрѣ до сихъ поръ такъ“¹⁾.

Таковы были отношенія Батюшкова къ Арзамасу до его пріѣзда въ Петербургъ въ августѣ 1817 года. Хотя и не все въ жизни этого кружка вполнѣ удовлетворяло нашего поэта, тѣмъ не менѣе встрѣча съ Арзамасцами доставила ему большое удовольствіе. Особенно радъ онъ былъ видѣть Жуковскаго, стараго друга, который сталъ ему еще дороже съ тѣхъ поръ, какъ проявилъ свое горячее и безкорыстное участіе въ дни упадка духа въ нашемъ поэтѣ. Еще изъ деревни, лѣтомъ 1817 года, Константинъ Николаевичъ писалъ ему: „Мы съ тобою такъ давно не видались. Съ тѣхъ поръ мы такъ состарѣлись, что наше свиданіе—въ сторону радость!—право, интересно. И на автора Жуковскаго хотѣлось бы взглянуть, и на этого добраго пріятеля, которому я обязанъ лучшими вечерами въ жизни моей! Автора я тотчасъ въ сторону, а выложи мнѣ

¹⁾ Соч., т. III, стр. 428.

Василья, котораго я всегда любилъ. Я все тотъ же: меня ничто не баловало. Посмотрю на тебя! Во всѣхъ отношеніяхъ свиданіе съ тобою—для меня урокъ и радость“¹⁾. И эту радость Батюшковъ испыталъ тотчасъ по пріѣздѣ; письма его къ Вяземскому изъ Петербурга заключаютъ нѣсколько сочувственныхъ отзывовъ объ общемъ другѣ: „Онъ очень милъ... Онъ пишетъ и, кажется, писать будетъ: я его электризую какъ можно болѣе и разъярю на поѣму. Онъ мнѣ читалъ много новаго — для меня, по крайней мѣрѣ. Я наслаждаюсь имъ. Крайне сожалью, что тебя нѣтъ съ нами“.

Самыя собранія Арзамаса произвели на Батюшкова очень пріятное впечатлѣніе. Онъ не могъ не видѣть, что при всей несерьезности этихъ сходокъ, онѣ содѣйствовали скрѣпленію дружескихъ и литературныхъ связей между людьми, несомнѣнно даровитыми и истинно просвѣщенными. „Въ Арзамасѣ весело“, писалъ онъ Вяземскому. Но въ то же время Константина Николаевича не покидала мысль, что Арзамасцамъ грѣшно ограничиваться однимъ веселымъ препровожденіемъ времени; а слѣдуетъ непременно приняться за общепольное дѣло; оттого-то онъ и жаловался въ письмѣ къ своему московскому корреспонденту: „Говорятъ: станемъ трудиться, и никто ничего не дѣлаетъ“²⁾. Въ числѣ арзамасскихъ документовъ, сохранившихся въ бумагахъ Жуковскаго³⁾, есть одинъ, указывающій, что Батюшковъ внесъ на обсужденіе Арзамаса какое-то свое „предложеніе“; содержаніе этого предложенія остается не извѣстнымъ; но, судя потому, что въ исходѣ 1817 года въ Арзамасскомъ кружкѣ пошли усиленные толки объ основаніи журнала, можно догадываться, что предложеніе Батюшкова относилось къ этому предпріятію или по крайней мѣрѣ стояло въ связи съ нимъ. Изъ тѣхъ же документовъ можно заключить, что жур-

¹⁾ Соч., т. III, стр. 448.

²⁾ Тамъ же, стр. 466.

³⁾ Въ Имп. Публ. Библиотекѣ.

Появленіе „Опытовъ“.

налъ предполагался съ широкою программой: имѣлось въ виду помѣщать въ немъ не только произведенія чисто литературныя, но и статьи касательно современной политики; сотрудничать по этому отдѣлу вызывались Н. И. Тургеневъ и М. Ѳ. Орловъ, особенно сильно убѣждавшій другихъ Арзамасцевъ „оставить свои ребяческія забавы и обратиться къ предметамъ серьезнымъ и высокимъ“¹⁾. Мы уже видѣли, что такого журнала требовалъ отъ Арзамаса и князь Вяземскій, и что Батюшковъ сочувствовалъ этой мысли. Нашъ поэтъ обѣщаль, съ своей стороны, доставить для арзамасскаго журнала очерки изъ области италіанской литературы, которою много занимался въ послѣднее время, именно этюды о Дантѣ и Альфіери. Для того же журнала была предназначена статья „О греческой Антологіи“, написанная однимъ изъ самыхъ образованныхъ Арзамасцевъ, С. С. Уваровымъ, и украшенная превосходными переводами Батюшкова. Но періодическое изданіе отъ лица Арзамаса не состоялось, и только статья объ Антологіи была напечатана отдѣльною брошюрой, и то три года спустя.

Въ октябрѣ 1817 года наконецъ вышли въ свѣтъ „Опыты въ стихахъ и прозѣ“ Батюшкова. Печатаніе „Опытовъ“ продолжалось цѣлый годъ, и если среди приготовленія ихъ къ изданію поэтъ переживалъ счастливые часы творческаго вдохновенія, то вмѣстѣ съ тѣмъ испытывалъ тревожныя сомнѣнія въ успѣхѣхъ. „Чувствую, вижу, но не смѣю сказать, какъ страшно печатать!“ писалъ Батюшковъ Гнѣдичу въ мартѣ 1817 года.— „Это или воскреситъ меня, или убьетъ вовсе мою охоту писать. Я не боюсь критики, но боюсь несправедливости, признаюсь тебѣ, даже боюсь холоднаго презрѣнія. Ты знаешь меня, бѣгалъ ли я за похвалами? Но знаешь меня: люблю славу. И теперъ, полуразрушенный, далъ бы всю жизнь мою съ тѣмъ, чтобы написать что-нибудь путное! Впрочемъ, неужели

¹⁾ N. Tourguenef. La Russie et les Russes. Bruxelles. 1847, t. I, p. 126.

миѣ суждено быть неудачливымъ во всемъ?“¹⁾ Мучительная пытка для самолюбія Батюшкова росла все сильнѣе по мѣрѣ того, какъ печатаніе „Опытовъ“ близилось къ концу. Въ іюнѣ 1817 года Константинъ Николаевичъ съ непритворнымъ смущеніемъ писалъ Жуковскому: „Что скажешь о моей прозѣ? Съ ужасомъ дѣлаю этотъ вопросъ. Зачѣмъ я вздумалъ это печатать? Чувствую, знаю, что много драни; самые стихи, которые миѣ стоили столько, меня мучать. Но могло ли быть лучше? Какую жизнь я велъ для стиховъ? Три войны, все на конѣ и въ мирѣ на большой дорогѣ. Спрашиваю себя: въ такой бурной, непостоянной жизни можно ли написать что-нибудь совершенное? Совѣсть отвѣчаетъ: нѣтъ! Такъ зачѣмъ же печатать? Бѣда, конечно, не велика: побранять и забудуть. Но эта мысль для меня убійственна, убійственна, ибо я люблю славу и желалъ бы заслужить ее, вырвать изъ рукъ Фортуны не великую славу, нѣтъ, а ту маленькую, которую доставляютъ намъ и бездѣлки, когда онѣ совершенны. Если Богъ позволить предпринять другое изданіе, то я все переправлю; можетъ быть, напишу что-нибудь новое...“²⁾ Эти сомнѣнія и колебанія, эти мучительные переходы отъ гордаго сознанія своихъ творческихъ силъ къ самобичеванію и къ наивному оправданію своихъ ошибокъ свойственны вообще художественнымъ натурамъ; но тягость ихъ для Батюшкова особенно усиливалась тѣмъ, съ одной стороны, что онъ вообще не обладалъ спокойною энергіей характера, а съ другой—трудностью самой задачи, которую онъ преслѣдовалъ въ искусствѣ: не должно забывать, что онъ былъ однимъ изъ начинателей въ области русской художественной поэзіи, что для интимной лирики онъ почти не имѣлъ русскихъ образцовъ, и что вкусъ русскихъ читателей еще не былъ воспитанъ для пониманія созданій свободнаго творчества. Опасенія

¹⁾ Соч., т. III, стр. 424, 425.

²⁾ Тамъ же, стр. 447, 448.

Появленіе „Опытовъ“.

Батюшкова пройти не замѣченнымъ и не оцѣненнымъ, очевидно, имѣли свои основанія и до нѣкоторой степени оправдывались тѣмъ приѣмомъ, который встрѣчали до сихъ поръ его произведенія, по крайней мѣрѣ среди литераторовъ старой школы. Передъ самымъ выходомъ „Опытовъ“ въ нѣкоторыхъ петербургскихъ журналахъ появились о нихъ хвалебныя извѣщенія; эти „необычайныя“ и дѣйствительно безсодержательныя похвалы также въ свою очередь смутили Батюшкова ¹⁾. Но когда сочиненія его уже поступили въ общее обращеніе, въ издававшейся въ Петербургѣ французской газетѣ *Le Conservateur Impartial* ²⁾, была напечатана статья объ „Опытахъ“, которая могла болѣе удовлетворить нашего поэта. Она дѣйствительно довольно мѣтко опредѣляетъ характеръ и направленіе его творчества и, проводя параллель между нимъ и Жуковскимъ, ставитъ ихъ наравнѣ, хотя указываетъ на полное различіе ихъ дарованій ³⁾. Батюшковъ, конечно, зналъ, что авторъ этой не подписанной статьи — Уваровъ, и тѣмъ болѣе долженъ былъ придавать цѣны его сужденію, что еще въ началѣ 1817 года, посылая Гнѣдичу рукопись своего „Умирающаго Тасса“, просилъ его прочесть эту элегію именно Уварову и желалъ знать впечатлѣніе этой піесы „на умъ столь образованный“ ⁴⁾. Уваровъ нашелъ, что это — лучшее произведеніе нашего поэта. Какъ бы въ предчувствіи этихъ заслуженныхъ похвалъ, Батюшковъ украсилъ экземпляръ „Опытовъ“, подаренный имъ Сергѣю Семеновичу, своимъ извѣстнымъ посланіемъ къ нему ⁵⁾. Съ своей стороны, Уваровъ, вызывая потомъ Батюшкова на переводы изъ греческой Анто-

¹⁾ Соч., т. III, стр. 459. Статья, вызвавшая смущеніе Батюшкова, была написана В. И. Козловымъ и помѣщена въ Русскомъ Инвалидѣ 1817 г., № 156. См. о ней въ примѣчаніяхъ къ т. III Соч. Бат., стр. 746 и 747.

²⁾ 1817 г., № 83.

³⁾ Соч., т. III, стр. 748, 749.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 439.

⁵⁾ Тамъ же, т. I, стр. 277, 278.

логія, тѣмъ самымъ подтвердилъ еще разъ, что вѣрно понялъ его творческую способность постигать и художественно воспроизводить черты античнаго міросозерцанія. Статья Уварова была однако единственнымъ печатнымъ отзывомъ о сочиненіяхъ Константина Николаевича, гдѣ критикъ оказался на высотѣ пониманія своего предмета. Предчувствіе Батюшкова какъ бы оправдывалось: его произведенія нашли себѣ отдѣльныхъ цѣнителей, но не произвели сильнаго впечатлѣнія на большинство читателей; они имѣли успѣхъ почетный, но не увлекли толпы ¹⁾).

Въ числѣ немногихъ горячихъ поклонниковъ Батюшкова оказался однако тотъ геніальный юноша, чье имя вскорѣ дол-

¹⁾ Общественное вниманіе къ Батюшкову, какъ писателю, выразилось только избраніемъ его, въ апрѣлѣ 1818 г., въ почетные члены Вольнаго Общества любителей русской словесности (см. Соревнователь просвѣщенія и благотворенія 1819 г., № VII, стр. 120, и 1823 г., № XII, стр. 306). Съ весны 1817 г. онъ уже состоялъ членомъ Казанскаго Общества любителей словесности (Соч., т. II, стр. 367, и т. III, стр. 461). Небольшіе отзывы объ „Опытахъ“ Батюшкова, хвалебные, но безсодержательные, появились въ Сынѣ Отечества 1817 г., ч. 39, № 27, и ч. 41, № 41 (статья А. Е. Измайлова) и 1818 г., ч. 43, № 1, стр. 11—12 (статья Н. И. Греча); въ Русскомъ Вѣстникѣ 1817 г., № 15 и 16, стр. 97—100 (статья С. Н. Глинки). Въ Вѣстникѣ Европы 1817 г., ч. 96, № 23 и 24, стр. 204—208, представленъ былъ сокращенный переводъ статьи Уварова изъ *Convervateur Impartial*. Въ доказательство тому, что произведенія Батюшкова были оценены по достоинству далеко не всѣми даже въ литературныхъ кругахъ его времени, можно указать на сужденія А. А. Бестужева и А. Ѳ. Воейкова. О мнѣніи перваго, высказанномъ въ частномъ письмѣ, мы знаемъ впрочемъ только по возраженію на него А. С. Пушкина (Соч., изд. 8-е, т. VII, стр. 169). Что же касается А. Ѳ. Воейкова, то въ печати, въ отрывкахъ изъ дидактической поэмы „Искусства и науки“ (Сынъ Отечества 1820 г., ч. 64, № 37, стр. 191), онъ превозносилъ Батюшкова напыщенными восхваленіями, а въ частныхъ отзывахъ значительно умѣрялъ эти панегирики; вотъ напрямѣръ, какъ онъ проводитъ паралель между нашимъ поэтомъ и Жуковскимъ въ письмѣ къ Н. А. Маркевичу: „Неужели вы не для шутки сравниваете Жуковскаго съ Батюшковымъ? Послѣдній—очень пріятный писатель, исправнѣе въ слогѣ, остроумнѣе, ровнѣе, но далеко отъ Жуковскаго—сильнаго, смѣлаго, огненнаго, котораго стихи сладки какъ музыка и исполнены чувствъ небесныхъ“ (Москвитинъ 1853 г., № 12, стр. 13). Мысль, что поэзія Батюшкова гораздо бѣднѣе содержаніемъ, чѣмъ поэзія Жуковскаго, была впоследствии высказываема не только Н. А. Полевымъ, но и Бѣлинскимъ (Соч., т. VI, стр. 49). Мы уже привели выше вѣрныя замѣчанія П. А. Плетнева о заслугахъ Батюшкова въ обработкѣ русскаго стиха.

жно было стать дорогимъ всякому грамотному русскому чело-
вѣку. Еще съ 1814 года, на страницахъ сперва московскихъ,
а потомъ и петербургскихъ журналовъ, стали появляться, подъ
сокращенною или цифровою подписью, первые юношескіе опыты
лиценста Александра Пушкина. Въ этихъ стихотвореніяхъ Ба-
тюшковъ могъ нерѣдко узнавать подражанія себѣ; одна же изъ
піесъ, напечатанная въ Россійскомъ Музеумѣ 1815 года, а
написанная несомнѣнно въ предшествующемъ¹⁾, когда ея автору
было всего пятнадцать лѣтъ, представляла собою посланіе къ
Константину Николаевичу. Авторъ посланія обращается къ на-
шему поэту съ вопросомъ: почему умолкъ „философъ рѣзвый“,
„радости пѣвецъ“, и вызываетъ его обратиться къ прежнимъ
предметамъ его вдохновенія — веселой любви и наслажденію,
или воспѣвать, вмѣстѣ съ Жуковскимъ, „кровавую брань“, или
наконецъ, вооружиться „сатиры жалою“ противъ „безсмыслен-
ныхъ поэтовъ“. Весьма возможно, что это стихотвореніе по-
служило поводомъ къ личному знакомству Батюшкова съ мо-
лодымъ авторомъ, сыномъ и племянникомъ лицъ, давно ему из-
вѣстныхъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что встрѣча эта со-
стоялась не позже, какъ въ началѣ 1815 года²⁾. Батюшковъ,
который въ то время уже рѣшился измѣнить эпикурейское на-
правленіе своей поэзіи и настаивалъ на томъ, чтобы Жуков-
скій занялся поэмой о Владимірѣ Святѣ, подалъ и юношѣ
Пушкину совѣтъ посвятить свой талантъ важной эпопее. Сви-
дѣтельство о томъ сохранилъ намъ самъ Пушкинъ во второмъ
своемъ посланіи къ Батюшкову, относящемся къ 1815 году:

¹⁾ Посланіе это появилось въ январской книжкѣ Росс. Музеума за 1815 г.,
подъ заглавіемъ: „Къ Б—ву“ и съ подписью: 1.. 14—16.

²⁾ 27-го марта 1816 года А. С. Пушкинъ писалъ кн. Вяземскому: „Обни-
мите Батюшкова за того большаго, у котораго, годъ тому назадъ, завоевалъ онъ
Бову-королевича“ (Соч. А. С. Пушкина, изд. 8-е, т. VII, стр. 3-я). Годъ тому
назадъ — значитъ, въ началѣ 1815 года: Батюшковъ оставилъ Петербургъ въ
февралѣ этого года (Соч., т. III, стр. 309, 310).

А ты, цѣвецъ забавы
И другъ пермесскихъ дѣвъ,
Ты хочешь, чтобы славы
Стезю полетѣвъ,
Простаясь съ Анакреономъ,
Спѣшилъ я за Марономъ
И пѣлъ при звукахъ лиръ
Войны кровавый пиръ.

Но молодой поэтъ, съ тою искренностью, которая всегда отличала его чудное дарованіе, отклонилъ данный совѣтъ и отвѣчалъ:

Дано мнѣ мало Фебомъ:
Охота—скудный даръ;
Пою подъ чуждымъ небомъ,
Вдали домашнихъ ларъ,
И съ дерзостнымъ Икаромъ
Страшась летать, не даромъ
Бреду своимъ путемъ:
„Будь всякій при своемъ“ ¹⁾.

Послѣднимъ стихомъ этого посланія, взятымъ у Жуковского ²⁾, Пушкинъ указалъ, что всякой надуманной задачѣ онъ предпочитаетъ свободное право сохранить за собою лишь ту поэтическую область, которая одна привлекала въ то время его воображеніе. Батюшковъ, конечно, оцѣнилъ по справедливости это стремленіе молодаго поэта дать своему дарованію самобытное развитіе; онъ и самъ заботился о томъ съ первыхъ лѣтъ своей поэтической дѣятельности, а теперь, когда талантъ его достигъ зрѣлости, онъ прямо говорилъ, какъ бы повторяя слова Пушкина: „Ни за кѣмъ не брожу; иду своимъ

¹⁾ Соч. Пушкина, изд. 8-е, т. I, стр. 84, 85.

²⁾ Изъ посланія его въ Батюшкову, 1812 г. (Соч. Жуков., т. I, изд. 7-е, стр. 229):

Будь каждый при своемъ!

Слова Зевса въ разсказѣ, который поэтъ вводитъ въ свое посланіе, о раздѣлѣ земли между людьми, при чемъ въ удѣлъ поэту досталась только область фантазіи.

путемъ“¹⁾. Тѣмъ съ большимъ чувствомъ удовлетворенія Константинъ Николаевичъ долженъ былъ находить частые слѣды своего вліянія и въ дальнѣйшихъ поэтическихъ опытахъ Пушкина. Если эпикурейскимъ міросозерцаніемъ своихъ молодыхъ лѣтъ послѣдній могъ позаимствоваться не отъ одного Батюшкова, то на его изящныхъ образцахъ гениальный юноша учился заострять свою эпиграмму и—что еще важнѣе—выработывалъ художественный стихъ своихъ антологическихъ піесъ²⁾. За эти уроки Пушкинъ навсегда сохранилъ глубокое уваженіе къ поэтическому таланту Батюшкова³⁾ и даже въ періодъ полного развитія своего собственнаго дарованія признавалъ Константина Николаевича своимъ учителемъ: въ 1828 году одинъ московскій литераторъ, желая имѣть стихи Пушкина въ своемъ альбомѣ, просилъ его объ этомъ; Александръ Сергѣевичъ вписалъ свою піесу „Муза“ (1818 г.)⁴⁾ и на вопросъ: отчего именно эти стихи пришли ему на память прежде всякихъ другихъ, отвѣчалъ: „Я ихъ люблю: они отзываются стихами Батюшкова“⁵⁾.

По приѣздѣ въ Петербургъ въ 1817 году Константинъ Николаевичъ увидѣлъ Пушкина уже восемнадцатилѣтнимъ молодымъ человѣкомъ, окончившимъ курсъ лицея и принятымъ въ составъ Арзамаса на ряду со своимъ дядей, арзамасскимъ старостой⁶⁾. „Маленькій Пушкинъ“ становился уже замѣтною величиной среди наиболѣе просвѣщенныхъ дѣятелей словесно-

¹⁾ Соч., т. III, стр. 417 (письмо въ Гидичу отъ февраля 1817 года).

²⁾ Ср. Соч. Бѣлинскаго, т. VIII, стр. 252—255.

³⁾ Соч. Пушкина, изд. 8-е, т. VII, стр. 6 и 169; Деятельный вѣкъ, сборникъ П. И. Бартенева, кн. I, стр. 378.

⁴⁾ „Въ младенцествѣ моемъ она меня любила“ и т. д.

⁵⁾ Альбомныя памяти, Н. Д. Иванчина-Писарева—въ Москвитинѣхъ 1842 г., ч. II, стр. 147.

⁶⁾ Батюшковъ и А. Пушкинъ встрѣтились черезъ нѣсколько дней по прибытіи перваго въ столицу и день 4-го сентября провели вмѣстѣ и въ сообществѣ съ Жуковскимъ и А. А. Плещеевымъ въ Царскомъ Селѣ. Во время этой загородной прогулки всѣ четверо, между прочимъ, сочинили два экспромпта, въ томъ числѣ одинъ, посвященный кн. Вяземскому, который въ то время собрался изъ

сти и цѣвителей искусства. Въ лицѣ его новое литературное поколѣніе, возросшее подъ впечатлѣніями великой борьбы съ Наполеономъ, среди могучаго пробужденія народнаго духа, блестящимъ образомъ выступало на общественное поприще, и выступало прежде, чѣмъ его ближайшіе предшественники успѣли занять безспорно первенствующее положеніе въ современной литературѣ. Самолюбивый Батюшковъ долженъ былъ почувствовать, что на его глазахъ нарождаются новыя художественныя силы, призванныя смѣнить безъ труда или увлечь въ свое теченіе тѣ дарованія, которыя считали себя непосредственными учениками Карамзина и продолжателями его труднаго дѣла въ созданіи русскаго литературнаго языка и художественной словесности. Понятно поэтому, что нѣкоторый оттънокъ соперничанія обнаружился въ отношеніяхъ нашего поэта къ тому свѣтлому гению, который появился на горизонтѣ русской словесности и, въ сознаніи своихъ творческихъ силъ, бодро пролагалъ себѣ

Москвы въ Варшаву на службу. Вотъ эти стихотворенія, сохраненныя на одномъ листкѣ, уцѣлѣвшемъ въ бумагахъ Жуковскаго въ Имп. П. Библіотекѣ:

- Пл. { Писать я не умѣю
(Я много уписагъ).
П. { Я дружбой пламенѣю
Я дружбѣ вѣрнѣе сталъ.
Б. { Мнѣ дружба замѣняетъ
Умершую любовь!
Ж. { Пусть жизнь намъ измѣняетъ;
Что было — будетъ вновь.

Вяземскому.

- Пл. { Зачѣмъ, забывши славу,
Пускаешься въ Варшаву?
П. { Уже ль ты измѣнилъ
Любви дружбѣ нѣжной
И рѣзости небрежной?
Б. . . Но ты все также милъ,
Все милъ — и несомнѣнно
Ж. { Въ душѣ твоей живетъ
Все то, что въ цвѣтѣ лѣтъ
Столь было намъ безцѣнно.

новый путь, хотя и признавалъ еще себя ученикомъ Батюшкова. На такой характеръ отношеній послѣдняго къ Пушкину намекають нѣкоторыя уцѣлѣвшія о нихъ преданія. Таковъ, на примѣръ, слѣдующій случай, сохраненный воспоминаніями Н. А. Полеваго: „Пушкинъ рассказывалъ о себѣ, что онъ разъ какъ-то, въ началѣ своего поэтическаго поприща, представилъ Батюшкову стихи одного молодого человѣка, который, по его тогдашнему мнѣнію, оказывалъ удивительное дарованіе. Батюшковъ прочиталъ піесу и, равнодушно возвращая ее Пушкину, сказалъ, что не находитъ въ ней ничего особеннаго. Это изумило Пушкина: онъ старался защитить своего молодого пріятеля и сталъ превозносить необычайную гладкость стиха его. „Да кто теперь не пишетъ гладкихъ стиховъ!“ возразилъ Батюшковъ“ ¹⁾. Еще характернѣе другое преданіе: „Рассказываютъ, что Батюшковъ судорожно сжалъ въ рукахъ листокъ бумаги, на которомъ читалъ (пушкинское) „Посланіе къ Юрьеву“ (1818 года) ²⁾ и проговорилъ: „О, какъ сталъ писать этотъ злодѣй!“ Какъ справедливо замѣчаетъ П. В. Анненковъ, сообщая этотъ рассказъ, „во многихъ стихотвореніяхъ этой эпохи врожденная сила таланта проявлялась у Пушкина сама собою, замѣняя при случаѣ гениальною отгадкой то, чего не могъ еще дать жизненный опытъ начинающему поэту“ ³⁾. Съ своей стороны прибавимъ, что эта отгадка, открывавшая Пушкину путь къ совершенству, была немало облегчена ему упорнымъ трудомъ его ближайшихъ предшественниковъ, и особенно Батюшкова, въ выработкѣ поэтическаго языка и стиха. Соревнуя молодому поэту, Константинъ Николаевичъ однако тѣмъ самымъ признавалъ одинъ изъ первыхъ его великое дарованіе; онъ уже тогда ссылался на „чуткое ухо“ Пушкина, не одобряя, подобно ему,

¹⁾ Библіотека для чтенія 1838 г., т. XXVI, стр. 93 (статья Н. А. Полеваго: „О духовной поэзіи“).

²⁾ „Поклонникъ вѣтреныхъ Лансъ“ и пр.

³⁾ Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина, С.-Пб. 1873, стр. 50.

бѣлаго пятистопнаго стиха, выбраннаго Жуковскимъ для перевода „Орлеанской дѣвы“¹⁾). Батюшковъ боялся только, чтобъ это богатое дарованіе не было растрчено въ разсѣянной жизни, и восклицалъ: „Да спасутъ его музы и молитвы наши!“²⁾ Вскорѣ Константину Николаевичу пришлось познакомиться съ отрывками изъ „Руслана и Людмилы“; молодой Пушкинъ „писать прелестную поэму и зрѣть“, отозвался онъ по этому случаю Вяземскому³⁾. А между тѣмъ поэма Пушкина упраздняла собою всѣ давно лелѣянные Батюшковымъ замыслы о подобномъ же произведеніи съ содержаніемъ, взятымъ изъ народныхъ преданій русской старины.

Отправляясь въ Петербургъ, Батюшковъ имѣлъ въ виду разные цѣли: онъ желалъ не только возобновить свои связи съ петербургскими друзьями, но и нѣсколько устроить свое матеріальное положеніе; намѣревался продать свою долю въ материнскомъ наслѣдствѣ и уѣхать либо за границу, либо въ Крымъ, чтобы предпринять тамъ серьезный курсъ лѣченія; поѣздка за границу, именно въ Италію, обусловливалась поступленіемъ въ дипломатическую службу, о чемъ онъ снова сталъ теперь мечтать. Какъ ни странно, но въ одномъ изъ писемъ къ сестрѣ онъ говоритъ даже о возможности женитьбы, только не на той особѣ, которою онъ былъ увлеченъ четыре года тому назадъ. Вѣроятно, дѣло шло о какомъ-нибудь бракѣ по разсудку; по такое предположеніе вскорѣ было оставлено, какъ совершенно несвойственное натурѣ нашего поэта⁴⁾. Дѣло о продажѣ имѣнія сперва

¹⁾ Соч., т. III, стр. 534, 510; ср. стр. 532. Г. Анненковъ (Матеріалы, стр. 42) приводит отрывокъ изъ пародіи лиценста Пушкина на піесу Жуковского „Тлѣнность“, также написанную бѣлыми стихами.

²⁾ Соч., т. III, стр. 534.

³⁾ Тамъ же, стр. 494.

⁴⁾ Соч., т. III, стр. 474. Предполагаетъ, что особа, на возможность брака съ которою намекаетъ тутъ Батюшковъ, есть Олимпиада Петровна Шинкина, родственница графа Д. П. Блудова. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Е. П. Ковалевскимъ (Графъ Блудовъ и его время. Изд. 2-е, стр. 135, 136), О. П. Шинкина

пошло было въ Петербургѣ на ладъ, но и оно вскорѣ разстроилось, и въ ноябрѣ Константинъ Николаевичъ уже просилъ своихъ родныхъ прискаты ему покупателей въ Вологдѣ¹⁾. Самъ онъ не предполагалъ пока покидать столицу; но въ концѣ ноября получилъ печальное извѣстіе о кончинѣ отца и поспѣшилъ отправиться на родину. Все его пребываніе тамъ было занято хозяйственными хлопотами и сопряженными съ ними разъѣздами; требовалось спасти имѣніе отца отъ продажи съ публичнаго торга: сверхъ чаянія это удалось Константину Николаевичу, и Даниловское осталось за его малолѣтнимъ братомъ.

Въ январѣ 1818 года Батюшковъ возвратился въ Петербургъ и принялся усиленно хлопотать о поступленіи въ дипломатическій корпусъ. Еще въ сентябрѣ 1817 года, вѣроятно, при содѣйствіи Сѣверина, какъ человѣка близкаго къ графу И. А. Капо д'Истріа, управлявшему въ то время министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, была составлена и подана графу докладная записка о Батюшковѣ. Кромѣ того, Константинъ Николаевичъ уже имѣлъ случай лично познакомиться съ Капо д'Истріа:

воспитывавшаяся въ Смольномъ монастырѣ, вышла первюю съ шифромъ, и потому назначена была фрейлиной къ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ и жила до смерти принца Ольденбургскаго въ Твери съ ея дворомъ. Екатерина Павловна въ то время, сдружившись съ Карамзинымъ, стала заниматься русскою литературой, съ которою была мало знакома; двѣ фрейлины ея, Шипова и Шишкина, помогали ей въ занятіяхъ. Послѣ смерти принца Ольденбургскаго и отъѣзда Екатерины Павловны изъ Россіи, Шишкина перешла къ большому двору и проводила все время у своего троюроднаго брата Дмитрія Николаевича Блудова, гдѣ, въ кругу литераторовъ, развилась въ ней еще болѣе страсть къ литературѣ. Батюшковъ былъ къ ней неравнодушенъ, хотя она была нехороша собою. Она напечатала два романа „Скопинъ-Шуйскій“ (С.-Пб. 1835) и „Прокопій Ляпуновъ“ (С.-Пб. 1845) и путешествіе изъ Петербурга въ Крымъ (Замѣтки и воспоминанія русской путешественницы по Россіи въ 1825 году. С.-Пб. 1848), которые въ свое время читались. Олимпиада Петровна Шишкина умерла отъ холеры въ 1854 году, оставивъ по себѣ добрую память. Блудовы любили ее какъ родную сестру. Это была пламенная, чистая, исполненная добра и привязанности къ друзьямъ душа*. Нѣсколько извѣстій объ Ол. П. Шишкиной находится также въ воспоминаніяхъ И. П. Сахарова—Русск. Архивъ 1874 г., кн. I, ст. 964.

¹⁾ Соч., т. III, стр. 478.

этотъ замѣчательный человѣкъ, съ именемъ котораго связаны лучшія страницы нашей дипломатической исторіи Александрова времени, былъ близокъ съ Карамзинымъ; въ домѣ Николая Михайловича и встрѣчался съ нимъ Батюшковъ. Ходатайство за нашего поэта предъ графомъ Капо д'Истріа могъ поддержать и одинъ изъ довѣренныхъ людей послѣдняго, молодой даровитый Румынь, Ал. Ск. Стурдза: Батюшковъ около этого времени познакомился съ нимъ чрезъ посредство Сѣверина, женившася на сестрѣ Стурдзы; поводомъ къ знакомству послужила статья Александра Скарлатовича „О любви къ отечеству“, напечатанная въ Журналѣ Человѣколюбиваго общества (1818 г., ч. IV) и понравившаяся Константину Николаевичу. „Кроткая, миловидная наружность Батюшкова“, говоритъ Стурдза въ своихъ воспоминаніяхъ о томъ времени, — „согласовалась съ неподражаемымъ благозвучіемъ его стиховъ, съ пріятностію его плавной и умной прозы. Онъ былъ молодежавъ, часто застѣнчивъ, сладкорѣчивъ; въ мягкомъ голосѣ и въ живой, но кроткой бесѣдѣ его слышался какъ бы тихій отголосокъ внутренняго пѣнія. Однако подъ пріятною оболочкою таилась ретивая, пылкая душа, снѣдаемая честолюбіемъ“¹⁾). Дѣйствительно, возможность поступить въ дипломатическую службу пробудила въ Константинѣ Николаевичѣ честолюбивыя мечты, которыя всегда были ему нечужды, хотя онъ и не любилъ въ томъ сознаваться. Дѣло, однако, тянулось и не приходило къ концу. Въ январѣ 1818 года Батюшковъ писалъ Жуковскому, находившемуся въ Москвѣ съ Царскимъ дворомъ, и просилъ друга добиться отъ Сѣверина хотя бы отказа²⁾). Въ ожиданіи замедлившагося рѣшенія, Батюшковъ положилъ осуществить, наконецъ, поѣздку на югъ Россіи, давно задуманную. Въ половинѣ мая онъ двинулся въ путь, съ

¹⁾ Бесѣда любителей русскаго слова и Арзамасъ въ царствованіе Александра I воспоминанія А. С. Стурдзы въ Москвитинѣ 1851 г., № 21, кн. 1, стр. 15.

²⁾ Соч., т. III, стр. 487, 488.

тѣмъ чтобъ остановиться на нѣкоторое время въ Москвѣ, гдѣ онъ имѣлъ намѣреніе помѣстить брата въ пансіонъ ¹⁾. Задержанный здѣсь этими заботами, Константинъ Николаевичъ получилъ письмо А. И. Тургенева съ совѣтомъ подать прошеніе прямо на Высочайшее имя объ опредѣленіи его на службу въ одно изъ нашихъ посольствъ въ Италиі. Такой совѣтъ показался Батюшкову слишкомъ смѣлымъ, но настоятельныя убѣжденія Жуковского, внезапно явившагося въ Москву изъ Бѣлева, куда онъ уѣзжалъ для свиданія съ родными, поддержали рѣшимость Константина Николаевича; прошеніе, составленное Жуковскимъ, было написано въ слѣдующихъ словахъ ²⁾:

Всемилютейшій Государь!

Осмѣливаюсь просить Ваше Императорское Величество обратить милостивое вниманіе на просьбу, которую повергаю къ священнымъ стопамъ Вашимъ.

Употребивъ себя съ молодыхъ моихъ лѣтъ на службу Вамъ и Отечеству, желаю посвятить и остатокъ жизни дѣятельности, достойной гражданина. Въ 1805 году я вступилъ въ штатскую службу секретаремъ при попечителѣ Московскаго учебнаго округа, тайномъ совѣтникѣ Муравьевѣ. Въ 1806 году, въ чинѣ губернскаго секретаря, перешелъ я въ баталіонъ санктпетербургскихъ стрѣлковъ, подъ начальствомъ полковника Веревкина находился въ двухъ частныхъ сраженіяхъ подъ Гутштатомъ и въ генеральномъ подъ Гейльсбергомъ, гдѣ раненъ тяжело въ ногу пулею на вылетъ. Въ томъ же году всемилютейше переведенъ въ лейбъ-гвардіи егерскій полкъ и съ баталіономъ онаго, въ 1808 и 1809 годахъ, былъ въ Финляндіи въ двухъ сраженіяхъ при Иденсальми и въ Аландской экспедиціи. По окончаніи кампаніи болѣзнь заставила меня взять отставку; но въ 1812 году я снова вошелъ въ службу и принятъ въ Рыльскій пѣхотный полкъ, съ опредѣленіемъ адъютантомъ къ генералъ-лейтенанту Бахметеву, который, потерявъ ногу при Бородинѣ, откомандировалъ меня къ генералу Раевскому, при которомъ я находился адъютантомъ до самаго вступленія въ Парижъ. За послѣднія дѣла Всемилютейше награжденъ переводомъ лейбъ-гвардіи въ Измайловскій полкъ штабъ-капита-

¹⁾ Тамъ же, стр. 495, 497.

²⁾ Прошеніе это сохранилось въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ дѣлѣ о службѣ Батюшкова.

номъ, съ оставленіемъ при прежней должности, и 1815 года находился въ Каменецъ-Подольскѣ при военномъ губернаторѣ Бахметевѣ. Между тѣмъ болѣзнь моя усилилась: безпрестанная боль въ ногѣ и груди наконецъ принудила меня вторично отказаться отъ военной службы, которой я посвятилъ лучшіе годы жизни, въ которой если не талантами, то по крайней мѣрѣ усердіемъ простаго воина надѣялся со временемъ заслужить лестное одобреніе Монарха, подъ знаменами котораго имѣлъ счастье пролить кровь мою. По прошенію моему былъ я переведенъ чиномъ коллежскаго ассессора къ статскимъ дѣламъ и теперь, лишенный печальною необходимостью счастья продолжать такую службу, къ которой доселѣ привязывала меня склонность, желаю по крайней мѣрѣ посвятить себя такому званію, въ которомъ бы я могъ съ нѣкоторою пользою для Отечества употребить не многія мои свѣдѣнія и способности, желаю быть причисленъ къ министерству иностранныхъ дѣлъ и назначенъ къ одной изъ миссій въ Италіи, которой климатъ необходимъ для возстановленія моего здоровья, разстроеннаго раню и труднымъ Финляндскимъ походомъ. Смѣло приношу просьбу мою къ престолу Монарха, всегда благосклоннымъ участіемъ одобряющаго въ своихъ подданныхъ стремленіе къ пользѣ Отечества.

Всемилютейшій Государь!

Вашего Императорскаго Величества
вѣрноподанный Константинъ Батюшковъ.

Іюня “ дня
1818 года.

Это прошеніе было отправлено къ Тургеневу, а самъ Константинъ Николаевичъ поѣхалъ, въ половинѣ іюня, въ Одессу, съ тѣмъ чтобы возвратиться въ Петербургъ по первому вызову Александра Ивановича ¹⁾. .

Пребываніе Батюшкова на югѣ Россіи произвело на него самое свѣтлое впечатлѣніе. Онъ поселился въ Одессѣ у своего каменецкаго знакомаго, графа К. Фр. Сенъ-При, который занималъ теперь должность Херсонскаго губернатора. „Онъ ко мнѣ ласковъ по старому“, писалъ Константинъ Николаевичъ своей теткѣ,— „и все дѣлаетъ, чтобы развеселить меня: возитъ по городу, въ италіанскій театръ, который мнѣ очень нравится, къ иностранцамъ, за городъ на дачи. Одесса — чудесный городъ, состав-

¹⁾ Соч., т. III, стр. 500—503.

ленный изъ всѣхъ націй въ мірѣ, и наводненъ Италіянцами. Италіянцы пилятъ камни и мостятъ улицы: такъ ихъ много! Коммерція его создала и питаетъ“¹⁾). Батюшковъ восхищался обычаями южной жизни, моремъ, природою и солнцемъ юга. „Жара здѣсь, говорятъ, несносная отъ полудня до самаго вечера“, писалъ онъ.— „Я не могу пожаловаться, и часто, какъ Гораций, гуляю по солнцу; особенно люблю *sulla placida pagina la fresca uaga respirar*, и Сень-При, у котораго живу, не можетъ надивиться способности моей гулять во всякое время— и утромъ, и въ зной, и ночью“²⁾). Съ обществомъ одесскимъ Батюшковъ могъ познакомиться только вскользь; однако бывалъ у извѣстной своимъ умомъ, талантами и красотой княгини З. А. Волконской и посѣщалъ аббата Николая, который въ то время завѣдывалъ Ришельевскимъ лицеемъ. Эффектная обстановка этого заведенія, данная ему умнымъ Николею, соблазнила нашего поэта, и въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Тургеневу онъ съ большою похвалою отозвался о лицей, не задаваясь мыслію о послѣдствіяхъ введенной тамъ іезуитской системы образованія³⁾). Изъ Одессы Батюшковъ ѣздилъ въ извѣстное мѣстечко Порутино, гдѣ находятся развалины древней Ольвіи. Его издавна занимала мысль о тѣхъ связяхъ, которыя могутъ непосредственно соединять древнія судьбы Русской земли съ классическимъ міромъ. Къ рѣшенію этого вопроса онъ, конечно, не пытался подойти съ научной стороны; но еще въ 1810 году, когда вздумалъ написать повѣсть на сюжетъ изъ періода древней русской исторіи „Предслава и Добрыня“, онъ не затруднился отождествить сказочный образъ Царь-дѣвицы съ скинскими амазонками, о которыхъ повѣствуетъ Геродотъ⁴⁾). Те-

¹⁾ Соч., т. III, стр. 512, 513.

²⁾ Тамъ же, стр. 517.

³⁾ Тамъ же, стр. 515, 517, 520, 537—529.

⁴⁾ Тамъ же, т. II, стр. 51; ср. стр. 398.

перъ видъ развалинъ Ольвіи пробудилъ въ Константиѣ Николаевичѣ воспоминанія о тѣхъ древнихъ временахъ, когда на берегахъ Чернаго моря процвѣтали греческія колоніи, и о послѣдующихъ, когда Святославъ ходилъ на Византію, и онъ сожалѣлъ, что Карамзинъ и Ермолаевъ—историкъ и археологъ—не побывали въ этихъ достопамятныхъ мѣстностяхъ. То же повторилъ онъ и въ письмѣ къ Оленину: „Будучи въ Ольвіи, я сожалѣлъ, что вы, милостивый государь, не посѣтили сего края: берега Чернаго моря—берега, исполненные воспоминаній, и каждый шагъ важенъ для любителя исторіи и отечества. Здѣсь жили Греки, здѣсь бились Суворовъ и Святославъ.... Греки умѣли выбирать мѣста для колоній своихъ, и роскошные соотечественники Аспазіи могли не жалѣть здѣсь о берегахъ своего Милета“¹⁾. Встрѣча въ Одессѣ съ И. М. Муравьевымъ-Апостоломъ, который, какъ самъ говорилъ, „страстно“ любилъ этотъ городъ и въ то время уже подготовлялся чтеніемъ классиковъ и ученыхъ изслѣдованій къ своему знаменитому путешествію въ Тавриду²⁾, укрѣпила въ Батюшковѣ интересъ къ древней исторіи Новороссійскаго края; быть можетъ, изъ бесѣдъ съ Муравьевымъ впервые познакомился онъ съ судьбами древней Ольвіи, которымъ Муравьевъ вскорѣ посвятилъ такія занимательныя страницы въ описаніи своего путешествія. На югѣ Геродотъ и Карамзинъ не выходили изъ рукъ Константина Николаевича; онъ приобрѣлъ кое-какія древности для Оленина, набросалъ замѣтки объ Ольвіи, снялъ планъ съ урочища и срисовалъ нѣкоторые виды: „принялся усердно“, писалъ онъ Гнѣдичу, — „и доволенъ собою: не ожидалъ въ себѣ такой рыси; всѣмъ надоѣлъ здѣсь медалями и вопросами объ Ольвіи“³⁾. Всѣ эти занятія не могли не оставить слѣда

¹⁾ Соч., т. III, стр. 520.

²⁾ Муравьевъ-Апостолъ. Путешествіе въ Тавриду. С.-Пб. 1823, стр. 2, и предисловіе, стр. VIII.

³⁾ Соч., т. III, стр. 522; ср. также стр. 515, 517 и 518.

въ воображеніи поэта: еще передъ отъѣздомъ изъ Одессы онъ просилъ Гнѣдича письмомъ приготовить ему точный переводъ одного изъ хоровъ Эврипидовой „Ифигеніи въ Тавридѣ“, который намѣревался переложить въ русскіе стихи ¹⁾).

Купанье въ морѣ мало поправило здоровье Константина Николаевича; одесскіе врачи совѣтовали ему отправиться въ Евпаторію, безъ сомнѣнія, для лѣченія сакскими грязями; но письмо отъ Тургенева, полученное 29-го іюля, удержало Батюшкова отъ поѣздки въ Крымъ. Письмо извѣщало о назначеніи его на службу въ Неаполь: надобно было, слѣдовательно, спѣшить на сѣверъ, покончить съ домашними дѣлами и готовиться къ отъѣзду за границу. Счастіе наконецъ улыбнулось нашему поэту: послѣ многихъ и долгихъ усилій онъ достигъ того, что въ теченіе многихъ лѣтъ составляло предметъ его горячихъ стремленій. Но не такова была неустойчивая, вѣчно тревожная натура Батюшкова, всегда чего-то ищущая и ни въ чемъ не находящая себѣ удовлетворенія. Въ то самое время, когда удача увѣнчивала его надежды, чувство разочарованія жизнью снова проснулось въ его душѣ; оно уже сквозитъ между строкъ того письма, которымъ онъ выражалъ признательность Тургеневу за радостное извѣстіе и за его безкорыстную дружескую помощь: „Итакъ, судьба моя рѣшена, благодаря вамъ! Я увѣренъ, что вы счастливѣе меня, сдѣлавъ доброе дѣло. Для васъ это праздникъ, подарокъ Провидѣнія. Я благодарю его не за Италію, но за дружбу вашу: быть вамъ обязаннымъ пріятно и сладостно. И это подарокъ Провидѣнія, которое начинается быть ко мнѣ благосклоннѣе“ ²⁾). Еще рѣзче то же чувство разочарованія сказывается въ другомъ письмѣ къ Тургеневу, которое Батюшковъ написалъ по возвращеніи въ Москву: „Я знаю Италію, не побывавъ въ ней. Тамъ не найду счастія:

¹⁾ Соч., т. III, стр. 521, 522.

²⁾ Тамъ же, стр. 523.

его нигдѣ нѣтъ; увѣренъ даже, что буду грустить о снѣгахъ родины и о людяхъ мнѣ драгоцѣнныхъ. Ни зрѣлища чудесной природы, ни чудеса искусства, ни величественныя воспоминанія не замѣняютъ для меня васъ и тѣхъ, кого привыкъ любить¹⁾. Слова эти не были только любезностью въ отношеніи къ чело-вѣку, которому Батюшковъ чувствовалъ себя обязаннымъ; напротивъ того, быть можетъ, вопреки волѣ писавшаго, они обнаруживали его тайную мысль, его безсиліе примириться съ простыми условіями обыденной жизни и не требовать отъ нея того, чего она не могла дать ему. Чтò не договорено въ письмѣ Батюшкова, то яснѣе услышимъ мы въ слѣдующихъ жалобахъ изъ печальной исповѣди малодушнаго Рене: „Меня обвиняютъ въ томъ, что влеченія мои непостоянны, что я не могу долго наслаждаться одною и тою же химерой, что я—добыча воображенія, которое спѣшитъ проникнуть въ глубь моихъ наслажденій, словно оно утомлено ихъ продолжительностью; меня обвиняютъ въ томъ, что я всегда переступаю ту цѣль, которой могу достигнуть. Увы, я ищу лишь того невѣдомаго блага, чаяніе котораго меня преслѣдуетъ! Моя ли вина, что я всюду нахожу преграды, что все конечное не имѣетъ для меня никакой цѣны? Но я чувствую, что люблю однообразіе въ ощущеніяхъ жизни, и что еслибъ я еще имѣлъ безуміе вѣрить въ счастье, то сталъ бы искать его въ привычкѣ“. Сходство въ словахъ нашего поэта и въ жалобахъ, которыя влагаетъ въ уста своего героя Шатобріанъ, не подлежитъ сомнѣнію: оно бросаетъ яркій свѣтъ на свойство того нравственного недуга, которымъ была неизлѣчимо больна душа Батюшкова.

Константинъ Николаевичъ, пріѣхалъ въ Москву 25-го августа. Онъ еще полонъ былъ впечатлѣніями своей поѣздки на югъ Россіи и желалъ продолжать изученіе его исторіи. Но уже въ Москвѣ его охватили другіе интересы: въ Вѣстникѣ

¹⁾ Соч., т. III, стр. 531.

Европы онъ прочелъ „вылазку или набѣгъ Каченовскаго“ на Карамзина и, не смотря на пріязнь къ старѣющему журналисту, горячо поспорилъ съ нимъ по этому случаю ¹⁾. „Каченовскому“, писалъ онъ Тургеневу изъ Москвы, — „я отпѣлъ, что думалъ: Того ли мы ожидали отъ васъ? Критики, благоразумной критики, не пиши для Англійскаго клуба и московскихъ кружковъ. Укажите на ошибки Карамзина, уличите его, укажите на мѣста сомнительныя, взвѣсьте все сочиненіе на вѣсахъ разсудка. Хвалите отъ души все прекрасное, все величественное, безъ восклицаній, но какъ человѣкъ глубоко тронутый. А вы что дѣлаете? Нѣтъ, вы не любите ни его славы, ни своей собственной, ни славы отечества“ ²⁾. Тѣмъ горячѣе были въ устахъ Батюшкова эти упреки, что чтеніе „Исторіи“ Карамзина произвело на него сильнѣйшее впечатлѣніе. Нѣкоторое понятіе о ней онъ имѣлъ издавна: еще въ 1811 году онъ былъ въ числѣ тѣхъ немногихъ лицъ, которымъ Карамзинъ читалъ отрывки изъ своего труда, и Константинъ Николаевичъ тогда же писалъ нѣсколько предубѣжденному Гнѣдичу, что „такой чистой, плавной, сильной прозы (онъ) никогда и нигдѣ не слыхалъ“ ³⁾. Впослѣдствіи, какъ мы уже знаемъ, онъ ожидалъ появленія „Исторіи“ въ свѣтъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ и еще лѣтомъ 1817 года наводилъ о ней справки у Жуковскаго ⁴⁾. Конечно, онъ могъ судить о ней только какъ о произведеніи литературномъ и о памятникѣ національнаго бытописанія; но въ этихъ отношеніяхъ трудъ Карамзина удовлетворялъ его совершенно. Съ береговъ

¹⁾ Нападеніе Каченовскаго на Карамзина (Вѣстникъ Европы 1818 г., ч. С, № 13) было сдѣлано по случаю появленія въ издававшемся въ Харьковѣ Украинскомъ Вѣстникѣ (1818 г., № 5) „Записки о достопамятностяхъ московскихъ“, которую написалъ Карамзинъ по желанію императрицы Маріи Феодоровны.

²⁾ Соч., т. III, стр. 532—533.

³⁾ Тамъ же, стр. 116.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 449.

Чернаго моря, гдѣ Батюшковъ напился классическими воспоминаніями, онъ привезъ Карамзину прекрасное поэтическое привѣтствіе, въ которомъ сравнивалъ свое восхищеніе при изученіи его труда съ тѣмъ восторгомъ, съ какимъ юноша Оукидидъ слушалъ чтеніе Геродота на Олимпійскихъ играхъ ¹⁾.

Въ Петербургѣ, куда Константинъ Николаевичъ явился въ половинѣ или въ исходѣ сентября, все его время было поглощено сборами къ отъѣзду, которые прерывались только приступами болѣзни и свиданіями съ добрыми пріятелями. Чаще всего появлялся онъ въ домахъ Карамзина и Оленина; кажется, что къ этому времени относится, между прочимъ, поѣздка его, вмѣстѣ съ Тургеневымъ, въ Пріютино, подгородное имѣнье Олениныхъ, воспѣтое друзьями этой семьи, нашимъ поэтомъ и Гнѣдичемъ ²⁾. У Карамзина видѣлъ Батюшкова въ ту пору К. С. Сербиновичъ: „Онъ собирался въ Италію для поправленія здоровья. Я тотчасъ узналъ его по сходству съ недавно видѣннымъ портретомъ его. Онъ былъ небольшого роста, имѣлъ выразительную фізіономію и пріятный голосъ. Говорили о Жуковскомъ и жалѣли, что онъ не пріѣхалъ за болѣзнью“ ³⁾. Это было послѣднее свиданіе нашего поэта съ Николаемъ Михайловичемъ и его семействомъ. Батюшковъ оставилъ этотъ домъ со свѣтлымъ воспоминаніемъ о томъ искреннемъ, горячемъ чувствѣ, съ которымъ Карамзинъ пожелалъ ему счастливаго пути и благословилъ на добро и благополучіе ⁴⁾. 16-го ноября Константинъ Николаевичъ написалъ прощальное письмо, съ послѣдними распоряженіями, къ сестрѣ Александрѣ Николаевнѣ, прося ея особенно пещись о малолѣтнихъ братѣ и сестрѣ и не оставить безъ заботъ тѣхъ людей, которые служили ему ⁵⁾, затѣмъ напи-

¹⁾ Соч., т. I, стр. 278, 279.

²⁾ Тамъ же, стр. 288—282; Стихотворенія Гнѣдича. С.-Пб. 1832, стр. 91—103.

³⁾ Р. Старина 1871 г., т. XI, стр. 49.

⁴⁾ Соч., т. III, стр. 536—538.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 536—538.

салъ нѣсколько строкъ Вяземскому съ предупрежденіемъ, что надѣется встрѣтиться съ нимъ въ Варшавѣ, и наконецъ, тронулся въ путь. 22-го ноября 1818 года Жуковскій писалъ И. И. Дмитріеву изъ Петербурга: „Я былъ боленъ: три недѣли вылежалъ и высидѣлъ дома. Теперь поправляюсь, и первый мой выходъ на свѣтъ Божій была поѣздка въ Царское село, гдѣ мы простились всѣмъ Арзамасомъ съ нашимъ Ахилломъ-Батюшковымъ, который теперь бѣжитъ отъ зимы не оглядываясь и, вѣроятно, недѣли черезъ три опять въ какомъ-нибудь уголку сѣверной Италіи увидится съ весною“¹⁾. Другое письмо къ Дмитріеву, отъ того же числа, передавало извѣстіе объ отъездѣ Батюшкова въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „На сихъ дняхъ почтенный нашъ Константинъ Николаевичъ отправился въ Неаполь. Онъ увезъ съ собою любовь и преданность всѣхъ его знающихъ, оставя намъ искреннее о себѣ сожалѣніе. Голубое италіанское небо, классическая земля и доброе его сердце доставятъ ему утѣшеніе и счастье, котораго онъ достоинъ!“²⁾

Соч. Жук., изд. 7-е, т. VI, стр. 429.

Р. Архивъ 1867 г., ст. 1536, гдѣ не означено, кому принадлежатъ вышеприведенныя строки.

XII.

Впечатлѣнія Италиі на Батюшкова.—Жизнь его въ Неаполѣ и душевное его настроеніе.—Служебныя непріятности.—Развитіе ипохондріи.—Отъѣзд Батюшкова изъ Италиі.—Пребываніе въ Теплицѣ.—Непріятныя новости изъ Петербурга.—Начало душевной болѣзни.—Батюшковъ въ Дрезденѣ.—Возвращеніе въ Россію.—Поѣздка на Кавказъ и въ Крымъ.—Развитіе болѣзни.—Пребываніе въ Петербургѣ въ 1823 и 1824 годахъ.—Отправленіе Батюшкова за границу.—Пребываніе его въ Зонненштейнѣ.—Возвращеніе изъ-за границы.—Жизнь въ Москвѣ съ 1828 по 1833 годъ.—Воспоминаніе князя Вяземскаго о больномъ другѣ.—Батюшковъ въ Вологдѣ.—Послѣдніе годы жизни и кончина.—Заключеніе.

Путь Батюшкова лежалъ на Варшаву и Вѣну: въ первомъ изъ этихъ городовъ онъ предполагалъ встрѣтиться съ княземъ Вяземскимъ, а во второмъ видѣлся съ братьями Княжевичами: онъ имѣлъ порученіе передать имъ вновь написанное посланіе пріятеля ихъ М. В. Милонова ¹⁾. Только въ началѣ 1819 года Константинъ Николаевичъ достигъ Венеціи, а въ Римъ онъ пріѣхалъ лишь къ самому карнавалу, впрочемъ довольно бодрый, не смотря на утомительность зимняго путешествія. Послѣдній перѣздъ до Рима нашъ поэтъ совершилъ съ извѣстнымъ археологомъ, графомъ С. Ос. Потоцкимъ, и молодымъ архитекторомъ Эльсономъ ²⁾.

Впечатлѣнія Италиі нахлынули на Батюшкова со всею своею силой. Подавленный ими, онъ долго не могъ собраться дать о себѣ вѣсть друзьямъ. „Сперва бродилъ какъ угорѣлый“, говорилъ Батюшковъ въ первомъ письмѣ, которое рѣшился наконецъ написать Оленину изъ Рима;—„спѣшилъ все увидѣть, все проглотить, ибо полагалъ, что пробуду немного дней. Но лихорадка угодно было остановить меня“. Такимъ образомъ, онъ прожилъ въ Римѣ около мѣсяца, но это первое знакомство свое съ вѣчнымъ городомъ считалъ совершенно поверх-

¹⁾ Р. Старина 1874 г., т. IX, стр. 584.

²⁾ Соч. т. III, стр. 556; Скульпторъ Самуилъ Ивановичъ Гальбергъ въ его заграничныхъ письмахъ и запискахъ. Собралъ В. Ѡ. Эвальдъ. С.-Пб. 1884, стр. 60.

ностнымъ и только намѣчалъ мѣста и предметы для дальнѣйшихъ изученій. „Хвалить древность“, писалъ онъ Оленину, — восхищаться св. Петромъ, ругать и злословить Италіянцевъ такъ легко, что даже и совѣстно. Скажу только, что одна прогулка въ Римѣ, одинъ взглядъ на Форумъ, въ который я по уши влюбился, заплатятъ съ избыткомъ за всѣ безпокойства долгаго пути. Я всегда чувствовалъ мое невѣжество, всегда имѣлъ внутреннее сознаніе моихъ малыхъ способностей, дурнаго воспитанія, слабыхъ познаній, но здѣсь ужаснулся. Одинъ Римъ можетъ вылѣчить на вѣки отъ суетности самолюбія. Римъ — книга: кто прочтаетъ ее? Римъ похожъ на сіи гіероглифы, которыми исписаны его обелиски: можно угадать нѣчто, всего не прочтаетъ“¹⁾. Впечатлѣнія, испытанныя Батюшковымъ въ Римѣ, были сильны, но трезвы и свѣтлы: къ нимъ не примѣшивалось то чувство смутной грусти, которое не покидаетъ, напримѣръ, любимца нашего поэта, Шатобріана, даже въ его римскихъ очеркахъ и воспоминаніяхъ.

Константинъ Николаевичъ не имѣлъ возможности заняться пристальнымъ изученіемъ Рима, потому что долженъ былъ спѣшить въ Неаполь; но онъ не могъ оставить безъ исполненія порученіе, данное ему Оленинымъ. Президентъ Академіи Художествъ желалъ, чтобы Батюшковъ сблизился съ академическими пенсіонерами, посланными въ Италію для усовершенствованія въ искусствѣ, и сообщилъ ему о ходѣ ихъ занятій и объ ихъ нуждахъ. „Батюшковъ привезъ намъ выговоръ отъ г. президента, который желаетъ, чтобы мы чаще писали въ Академію“. Такъ выразился, въ письмѣ къ роднымъ, одинъ изъ пенсіонеровъ, молодой скульпторъ С. Ив. Гальбергъ, послѣ перваго свиданія съ Константиномъ Николаевичемъ²⁾; требованіе Оленина, очевидно, не понравилось молодымъ людямъ; но самого

¹⁾ Соч., т. III, стр. 539.

²⁾ Въ вышеупомянутомъ собраніи писемъ Гальберга стр. 60.

Батюшкова они полюбили и относились къ нему съ уваженіемъ. Онъ же, съ своей стороны, особенно отличалъ между ними даровитаго пейзажиста С. Ѳ. Щедрина и заказалъ ему написать одинъ изъ римскихъ видовъ. „Если ему удастся что-нибудь сдѣлать хорошее“, разсуждалъ Батюшковъ,— „то это дастъ ему нѣкоторую извѣстность въ Римѣ, особенно между Русскими, а меня нѣсколько червонцевъ не разорять“¹⁾). Алексію Николаевичу Батюшковъ далъ о русскихъ художникахъ самый лучшій отзывъ и откровенно изложилъ свое мнѣніе о ничтожествѣ назначеннаго имъ казеннаго пособія. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ подалъ Оленину мысль основать въ Римѣ особое учрежденіе для молодыхъ русскихъ художниковъ на подобіе существующей тамъ французской Римской академіи на виллѣ Медичи, или по крайней мѣрѣ назначить въ Римъ особое лицо, которому было бы поручено наблюдать за римскими пенсіонерами и пещись о ихъ нуждахъ; какъ извѣстно, Оленинъ воспользовался этою послѣднею мыслью и привелъ ее въ исполненіе.

Наконецъ, въ исходѣ февраля мѣсяца Батюшковъ пріѣхалъ къ мѣсту своего назначенія. Неаполь и его окрестности также привели его въ восхищеніе. „Неаполь“, писалъ онъ отсюда Гнѣдичу,— „истинно очаровательный по мѣстоположенію своему и совершенно отличный отъ городовъ верхней Италиі. Весь городъ на улицѣ, шумъ ужасный, волны народа. Не буду описывать тебѣ, гдѣ я былъ... Много и не видалъ, но за то два раза лазилъ на Везувій и всѣ камни знаю наизусть въ Помпей. Чудесное, неизъяснимое зрѣлище, краснорѣчивый прахъ!“²⁾

¹⁾ Соч., т. III, стр. 540. Въ Художественномъ Сборникѣ, изданномъ Московскимъ Обществомъ любителей художествъ подъ редакціей гр. А. С. Уварова (М. 1866), помѣщено нѣсколько писемъ С. Ѳ. Щедрина изъ-за границы, сообщенныхъ Н. А. Рамазановымъ. Полное собраніе заграничныхъ писемъ Щедрина находится въ копіи у А. И. Сомова, который сообщалъ ихъ намъ на просмотръ. Изъ этихъ источниковъ мы имѣли возможность извлечь нѣкоторыя свѣдѣнія о пребываніи Батюшкова въ Италиі, предлагаемыя ниже.

²⁾ Соч., т. III, стр. 553.

Эти слова подъ перомъ Батюшкова не были ни самонадѣянною похвалбой, ни громкою фразой. Онъ, конечно, не изучалъ Помпею какъ археологъ, какъ глубокій изслѣдователь; но его живое воображеніе воссоздавало ему среди этихъ развалинъ цѣлую картину древней жизни. „Это—живой комментарий на исторію и на поэтовъ римскихъ“, писалъ онъ Карамзину. — „Каждый шагъ открываетъ вамъ что-нибудь новое или повѣряетъ старое: я, какъ невѣжда, но полный чувствъ, наслаждаюсь зрѣлищемъ сего кладбища цѣлаго города. Помпеи не можно назвать развалинами, какъ обыкновенно называютъ остатки древности: здѣсь не видите слѣдовъ времени или разрушенія; основанія домовъ совершенно цѣлы, не достаетъ кровель. Вы ходите по улицамъ изъ одной въ другую, мимо рядовъ колоннъ, красивыхъ гробницъ и стѣнъ, на коихъ живопись не утратила ни красоты, ни свѣжести. Форумъ, гдѣ множество храмовъ, два театра, огромный циркъ удѣлѣли почти совершенно. Везувій еще дымится надъ городомъ и, кажется, грозитъ новою золою. Кругомъ виды живописные, море и повсюду воспоминанія; здѣсь можно читать Плинія, Тацита и Виргилія и ошущью повѣрять музу исторіи и поэзіи“¹⁾.

Въ бытность Батюшкова въ Римѣ и затѣмъ въ первые дни его пребыванія въ Неаполѣ города эти посѣтилъ великій князь Михаилъ Павловичъ, совершавшій путешествіе по Италіи въ сопровожденіи извѣстнаго воспитателя императора Александра, Ф.-Ц. Лагарпа. Константинъ Николаевичъ пользовался милостивымъ вниманіемъ великаго князя и въ Римѣ служилъ посредникомъ въ его сношеніяхъ съ русскими художниками. Когда великій князь возвратился изъ Неаполя въ папскую столицу, онъ призвалъ къ себѣ Щедрина и сказалъ ему: „Поѣзжайте въ Неаполь и сдѣлайте два вида водяными красками; Батюшкову поручено показать вамъ мѣста“. „Черезъ

¹⁾ Соч., т. III, стр. 556.

нѣсколько дней“, сообщаетъ Щедринъ, рассказавъ въ письмѣ къ отцу объ этомъ обстоятельстве, — „объявили мнѣ цѣну, вполнѣ царскую, то-есть, 2,500 рублей. Безъ этого неожиданнаго порученія мнѣ трудно бы было на одинъ пенсіонъ прожить въ Тиволи или во Фраскати, а ужь тѣмъ болѣе ѣхать въ Неаполь. Батюшковъ же прислалъ мнѣ сказать, что онъ у себя приготовилъ мнѣ комнату и съ прислугой,—и мнѣ очень пріятно находится съ человѣкомъ столь почтеннымъ“¹⁾. Одновременно съ великимъ княземъ въ Неаполѣ собралось довольно много Русскихъ и иностранцевъ, бывавшихъ въ Россіи. Константинъ Николаевичъ очень дорожилъ ихъ обществомъ, напомиавшимъ ему отечество. Потомъ пріѣздъ императора Австрійскаго и праздника по этому случаю придали новое оживленіе и безъ того шумному городу. Но съ приближеніемъ жаркой погоды путешественники стали разъѣзжаться, и вскорѣ Константинъ Николаевичъ остался въ Неаполѣ лишь съ немногими соотечественниками, въ числѣ которыхъ мы можемъ назвать князя А. С. Меншикова, знакомаго Батюшкову еще съ военной поры 1813—1814 годовъ. Пріѣхавшій изъ Рима Щедринъ поселился съ Константиномъ Николаевичемъ въ *chambres garnies*, которія содержала Француженка г-жа Сень-Анжъ. „Я живу“, писалъ Щедринъ отцу 28-го іюня, — „на морскомъ берегу, въ самомъ прекрасномъ и многолюдномъ мѣстѣ; тутъ проѣздъ въ королевскій садъ; подъ моими окнами стоятъ стулья для гуляющихъ и зрителей; по берегу множество устричниковъ (*ostricatogi*) съ устрицами и разною рыбой; много бабъ, продающихъ вонючую минеральную воду, тутъ же распиваемую проходящими и проѣзжающими; крикъ страшный; онъ продолжается и всю ночь; все кажется, что плачутъ или дразнятся; надо очень привыкнуть ко всему этому, чтобы спать спокойно“. Батюш-

¹⁾ Письмомъ отцу отъ 3-го марта 1819 г.—Художественный Сборникъ, стр. 178, 179.

ковъ, со своей стороны, былъ доволенъ обстановкою своей жизни. „Прелестная земля!“ писалъ онъ Тургеневу. — „Здѣсь бывають землетрясенія, наводненія, изверженіе Везувія, съ горячей лавой и съ пепломъ; здѣсь бывають притомъ пожары, повальныя болѣзни, горячка. Цѣлыя горы скрываются и горы выходятъ изъ моря; другія вдругъ превращаются въ огнедышащія. Здѣсь отъ болотъ или испареній земли вулканической воздухъ заражается и рождаетъ заразу; люди умирають, какъ мухи. Но за то здѣсь солнце вѣчное, пламенное, луна тихая и кроткая, и самый воздухъ, въ которомъ таятся смерть, благовоненъ и сладокъ! Все имѣетъ свою выгодную сторону; Плиній погибаетъ подъ пепломъ, племянникъ описываетъ смерть дядюшки. На пеплѣ вырастаетъ славный виноградъ и сочные овощи“¹⁾. Неаполитанская жизнь удовлетворяла Батюшкова даже въ экономическомъ отношеніи. „Жизнь дешева“, писалъ онъ сестрѣ, — „нельзя жаловаться. Прекрасный обѣдъ въ трактирѣ, лучшемъ, мы платимъ отъ двухъ до трехъ рублей; но издержки невидимыя и экипажъ очень дорого обходятся. Здѣсь иностранцевъ каждый долгомъ поставляетъ обчитать, особенно на большой дорогѣ“. Тѣмъ не менѣе, Константинъ Николаевичъ надѣялся прожить безъ долговъ и нужды на свое жалованье и тѣ доходы, какіе могъ получать изъ деревни²⁾. Состояніе здоровья Батюшкова также было довольно удовлетворительно. По крайней мѣрѣ въ этомъ успокоительномъ смыслѣ писалъ онъ къ сестрѣ, но немного спустя, сознавался, въ письмѣ къ Жуковскому, что „здоровье ветшаетъ безпрестанно: ни солнце, ни воды минеральныя, ни самая строгая діета, ничто его не можетъ исправить; оно, кажется, для меня погибло невозвратно“³⁾. Въ концѣ іюля онъ счелъ по-

¹⁾ Соч., т. III, стр. 548—550.

²⁾ Тамъ же, стр. 546.

³⁾ Тамъ же, стр. 560.

лезнымъ переселиться на Искію, чтобы пользоваться тамошними теплыми водами. „Я не въ Неаполѣ“, сообщалъ онъ оттуда Жуковскому, — „а на островѣ Искіи, въ виду Неаполя; купаюсь въ минеральныхъ водахъ, которыя сильнѣе Липецкихъ; пью минеральныя воды, дышу вулканическимъ воздухомъ, питаюсь смоквами, пекусь на солнцѣ, прогуливаюсь подъ виноградными аллеями при вѣяніи африканскаго вѣтра и, что всего лучше, наслаждаюсь великолѣпнѣйшимъ зрѣлищемъ въ мірѣ“. Предъ нимъ открывался видъ на Везувій, Неаполь, его приморскія окрестности, и между ними на Сорренто — „колыбель того человѣка, которому“, прибавлялъ нашъ поэтъ, — „я обязанъ лучшими наслажденіями въ жизни“¹⁾.

Съ Искіи Батюшковъ возвратился въ началѣ сентября и поселился въ Неаполѣ на новой квартирѣ уже безъ Щедрина: послѣднему пришлось жить отдѣльно, потому что въ квартирѣ Батюшкова не оказалось удобной комнаты для его работъ. Въ концѣ декабря Щедринъ писалъ Гальбергу въ Римъ: „Иногда здѣсь такая скука обуреваетъ, что нѣтъ силъ переносить, на которую даже Константинъ Николаевичъ жалуется“. Молодой художникъ, быть можетъ, только въ это время услышалъ впервыя жалобы поэта на скуку, но изъ писемъ Батюшкова видно, что, не смотря на всѣ прелести окружавшей и восхищавшей его южной природы, онъ уже давно чувствовалъ признаки унынія и хандры. Не прошло мѣсяца съ пріѣзда его въ столицу южной Италіи, какъ въ письмѣ къ Тургеневу онъ уже говорилъ о грустномъ расположеніи своего духа: „О Неаполѣ говоритъ Тассъ въ письмѣ къ какому-то кардиналу, что Неаполь, ничего, кромѣ любезнаго и веселаго, не производитъ. Не всегда весело! Не могу привыкнуть къ шуму на улицѣ, къ уединенію въ комнатѣ. Днемъ весело бродить по набережной, освѣненной померанцами въ цвѣту, но въ вечеру не худо по-

¹⁾ Соч., т. III, стр. 559.

сидѣть съ друзьями у добраго огня и говорить все, что на сердцѣ. Въ нѣкоторые лѣта это можетъ быть нуждою для образованнаго мыслящаго существа“¹⁾. Но въ ту пору Батюшковъ еще только собирался привыкать къ уединенію и надѣялся перенести его съ твердостью. Съ отъѣздомъ русскихъ путешественниковъ тягость одиночества стала для него чувствительнѣе. Письма изъ Россіи приходили рѣдко и еще рѣже удовлетворяли Константина Николаевича своимъ содержаніемъ; онъ желалъ слѣдить за литературнымъ движеніемъ въ отечествѣ и особенно нетерпѣливо желалъ прочесть поэму молодаго Пушкина, „исполненную красотъ и надежды“, и отрывки изъ которой онъ слышалъ еще до своего отъѣзда изъ Петербурга; но пересылка литературныхъ новостей была въ то время затруднительна, и едва ли хотя бы одна русская книга была доставлена Батюшкову въ Неаполь²⁾. Чтобы не поддаваться унынію, Константинъ Николаевичъ и здѣсь прибѣгъ къ тому же средству, которое не разъ выручало его прежде: онъ сталъ усиленно работать; совершенствовалъ свои познанія въ италіянскомъ языкѣ, который хотѣлъ изучить на столько, чтобы писать на немъ складно; говорить по италіянски „съ нѣкоторою пріятностію и правильностію“ казалось ему трудностію почти неодолимою. Прошлыя судьбы страны, въ которой онъ жилъ, возбуждали его вниманіе въ высшей степени; онъ сталъ составлять записки о древностяхъ Неаполя и занимался этимъ трудомъ очень усердно. Съ характеромъ этихъ занятій Батюшкова насъ знакомятъ слѣдующія слова его въ письмѣ къ Жуковскому: „Я ограничилъ себя, сколько могъ, одними древностями и первыми впечатлѣніями предметовъ; все, что—критика, изысканіе, оставляю, но не безъ чтенія. Иногда для одной строки надобно пробѣжать книгу, часто скучную и пустую.

¹⁾ Соч., т. III, стр. 550.

²⁾ Тамъ же, стр. 544, 550, 558.

Впрочемъ, это все—маранье; когда-нибудь послужить этотъ трудъ, ибо трудъ, я увѣренъ въ этомъ, никогда не потерянъ“¹⁾. Но этимъ трудомъ Батюшковъ занимался съ увлеченіемъ только въ первое время своего пребыванія въ Неаполѣ.

Съ мѣстнымъ обществомъ Константинъ Николаевичъ сближался мало; онъ находилъ, что въ Неаполѣ „общество безплодно, пусто. Найдете дома такіе, какъ въ Парижѣ, у иностранцевъ, но живости, любезности французской не требуютъ. Едва, едва найдешь человѣка, съ которымъ обмѣняешься мыслями. Отъ Европы мы отдѣлены морями и стѣною Китайскою. М-me Stael сказала справедливо, что въ Террачинѣ кончится Европа. Въ среднемъ классѣ есть много умныхъ людей, особенно между адвокатами, ученыхъ, но они безъ каеедры нѣмы“. Реакціонное направленіе тогдашняго неаполитанскаго правительства стѣсняло умственное движеніе въ обществѣ, и тѣмъ затруднительнѣе было сближаться съ представителями послѣдняго человѣку заѣзжему, да еще притомъ принадлежавшему къ одной изъ иностранныхъ дипломатическихъ миссій: туземцы могли относиться къ нему съ недоувѣріемъ и подозрительностью. Такимъ образомъ, въ Батюшковѣ скоро сложилось убѣжденіе, что „умъ, требующій пищи въ настоящемъ, здѣсь скоро завянетъ и погибнетъ; сердце, живущее дружбой, замретъ“²⁾. Поэтому, едва проживъ въ Неаполѣ три-четыре мѣсяца, онъ сталъ уже мечтать о возвращеніи въ отечество, въ дружескій кругъ, ибо тамъ скорѣе надѣялся „быть полезнымъ гражданиномъ“. „Это“, писалъ онъ Жуковскому, — „меня поддерживаетъ въ часы унынія. Здѣсь, на чужбинѣ, надобно имѣть нѣкоторую силу душевную, чтобы не унывать въ совершенномъ одиночествѣ. Друзей даетъ случай, ихъ даетъ время. Такихъ, какіе у меня на сѣверѣ, не найду, не наживу здѣсь“³⁾. Но бросить

¹⁾ Соч., т. III, стр. 561.

²⁾ Тамъ же, стр. 781.

³⁾ Тамъ же, стр. 561.

службу, едва начатую и не легко приобрѣтенную, службу, которая имѣла по крайней мѣрѣ ту выгоду, что доставляла возможность жить въ тепломъ климатѣ,—Батюшковъ понималъ, что это было немислимо или, по крайней мѣрѣ, въ высшей степени неблагоразумно. И вотъ—онъ старается найти исходъ своему унынію въ равнодушіи, насильно подавляя въ себѣ тѣ чувства, которыя наполняли его сердце; глубокою горечью отзываются тѣ слова, которыми, въ письмѣ къ Жуковскому, заключаетъ онъ свои жалобы на одиночество: „Какое удовольствіе, вставая по утру, сказать въ сердцѣ своемъ: я здѣсь всѣхъ люблю ровно, то-есть, ни къ кому не привязанъ и ни за кого не страдаю“. И опять въ этихъ безотраднѣйшихъ словахъ нашего поэта мы слышимъ старыя отголоски шатобріановскаго разочарованія, опять возстаетъ предъ нами образъ Рене, всегда и вездѣ чуждаго той средѣ, куда заноситъ его судьба. Послѣ того, какъ Рене не нашелъ удовлетворенія своей жадѣ счастья ни въ странствованіяхъ по бѣлу свѣту, ни среди блестящаго общества родной земли, онъ удаляется въ глухое предмѣстье столицы, чтобы жить тамъ въ полной неизвѣстности. „Я почувствовалъ“, говоритъ капризный мечтатель — „нѣкоторое удовольствіе въ этой жизни темной и независимой. Никому невѣдомый, я смѣшивался съ толпой, съ этою пустынею людскою“. Но какъ для гордаго Рене эта попытка схорониться среди мелкаго простаго люда была лишь переходнымъ моментомъ, лишь тщетнымъ усиліемъ затушить въ себѣ неудержимые порывы слишкомъ прихотливой и требовательной природы, такъ точно и Батюшковъ не могъ примириться со своимъ одиночествомъ среди толпы чужестранцевъ. „Ты правду говоришь, что меня надобно немного полелѣять“, писалъ онъ Вяземскому однажды въ 1817 году ¹⁾, и эти слова очень вѣрно выражаютъ всегдашнюю господствующую потребность его нравственнаго существованія. Въ Неаполѣ

¹⁾ Соч., т. III, стр. 453.

болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, онъ сознавалъ себя лишеннымъ этого дружескаго сочувствія и поощренія, и потому теперь еще съ большимъ правомъ, могъ сказать то, что уже давно говорилъ о себѣ въ посланіи къ Никитѣ Муравьеву:

Забытый шумною молвой,
Сердечъ мучительницей милой,
Я сплю, какъ труженикъ унылой,
Не оживляемый хвалою.

Хандра, которая съ каждымъ днемъ овладѣвала нашимъ поэтомъ, отразилась прежде всего на его творческихъ способностяхъ. Еще въ августѣ 1819 года, описавъ Жуковскому красоты Неаполитанскаго залива, онъ принужденъ былъ сказать: „Посреди сихъ чудесъ, удивись переменѣ, которая во мнѣ сдѣлалась: я вовсе не могу писать стиховъ“. Конечно, слова эти не слѣдуетъ понимать въ безусловномъ смыслѣ: сохранилось все-таки два-три прекрасныхъ поэтическихъ отрывка, написанныхъ Батюшковымъ въ Неаполѣ; есть указаніе, что въ Италіи же былъ предпринятъ имъ переводъ Данта ¹⁾; но во всякомъ случаѣ признаніе поэта остается печальнымъ свидѣтельствомъ того тяжелаго душевнаго состоянія, въ какомъ онъ находился; оторванный отъ родной и дорогой ему среды. Мы можемъ догадываться, что для него опять наступалъ такой упадокъ духа, какой онъ испыталъ за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ въ Каменцѣ, когда ему казалось, что „подъ бременемъ печали“ безвозвратно угасло его поэтическое дарованіе. Въ ту пору дружеское участіе Жуковскаго послужило Константину Николаевичу ободреніемъ. И теперь петербургскіе друзья, когда до нихъ дошло грустное письмо Батюшкова съ острова Искіи, догадались, что ему нужно подать ободряющій откликъ. Въ

¹⁾ Стурдза. Бесѣда любителей русскаго слова и Арзамасъ въ царствованіе императора Александра I—Москвитянинъ 1851 г., № 21, стр. 16.

исходѣ 1819 года Карамзинъ написалъ ему слѣдующія дружескія строки: „Зрѣйте, укрѣпляйтесь чувствомъ, которое выше разума, хотя любезнаго въ любезныхъ: оно есть душа души—свѣтитъ и грѣетъ въ самую глубокую осень жизни. Пишите, стихами ли, прозою ль, только съ чувствомъ: все будетъ ново и сильно. Надѣюсь, что теперь уже замолкли ваши жалобы на здоровье, что оно уже цвѣтетъ, и плодомъ будетъ милое дитя съ вѣнкомъ лавровымъ для родителя: поэма, какой не бывало на святой Руси! Такъ ли, мой добрый поэтъ? говорю съ улыбкой, но безъ шутки. Сохрани васъ Богъ еще хвалить глѣнь, хотя бы и прекрасными стихами! Напишите мнѣ Батюшкова, чтобъ я видѣлъ его, какъ въ зеркалѣ, со всѣми природными красотами души его, въ цѣломъ, не въ отрывкахъ, чтобы потомство узнало васъ, какъ я васъ знаю, и полюбило васъ, какъ я васъ люблю. Въ такомъ случаѣ соглашаюсь долго, долго ждать отвѣта на это письмо. Спрошу: что дѣлаетъ Батюшковъ? Зачѣмъ не пишеть ко мнѣ изъ Неаполя? и если невидимый геній шепнетъ мнѣ на ухо: Батюшковъ трудится надъ чѣмъ-то бессмертнымъ, то скажу: пусть его молчитъ съ друзьями, лишь бы говорилъ съ вѣками!“¹⁾

„День, въ который получу письмо изъ Россіи, есть лучшій изъ моихъ дней“, говорилъ Батюшковъ, живя въ Неаполѣ. Дружеское письмо отъ Карамзина, „необыкновеннаго человѣка, который“, по выраженію нашего поэта, — „явился къ намъ изъ лучшаго вѣка, изъ лучшей земли“²⁾, должно было подѣйствовать на него живительно; но это былъ лишь одинокій лучъ свѣта въ томъ мрачномъ уныніи, въ которомъ уже находилась его душа: по крайней мѣрѣ мы не знаемъ, чтобы горячія убѣжденія Карамзина пробудили въ Батюшковѣ охоту къ дѣятельному поэтическому труду.

¹⁾ Погодинъ. Николай Михайловичъ Карамзинъ. М. 1866, ч. II, стр. 243, 244.

²⁾ Соч., т. III, стр. 451.

Между тѣмъ здоровье Константина Николаевича не улучшалось и въ тепломъ климатѣ. Успокоивая сестру въ этомъ отношеніи, онъ долженъ былъ однако оговориться, что „климатъ Неаполя не очень благосклоненъ тѣмъ, которые страдаютъ нервами“¹⁾. Къ болѣзнямъ, къ горькому чувству одиночества присоединились еще и служебныя непріятности. Батюшковъ былъ причисленъ къ нашей Неаполитанской миссіи въ качествѣ сверхштатнаго секретаря, но въ исходѣ 1819 года обстоятельства такъ сложились, что онъ оказался почти единственнымъ чиновникомъ при русскомъ посланникѣ графѣ Штакельбергѣ, и канцелярскія его обязанности очень увеличились и стали тяготить его²⁾. Между нимъ и посланникомъ произошли непріятныя столкновения. Однажды графъ Штакельбергъ поручилъ ему составить бумагу, содержаніе которой не согласовалось съ убѣжденіями Батюшкова; на сдѣланныя имъ возраженія ему было замѣчено, что онъ не имѣетъ права разсуждать. Въ другой разъ Константинъ Николаевичъ заслужилъ замѣчаніе посланника за ошибку, допущенную имъ въ переводѣ латинской фразы въ какомъ-то дипломатическомъ документѣ³⁾. Такимъ образомъ отношенія Батюшкова къ графу Штакельбергу сдѣлались крайне натянутыми, самолюбіе его страдало, и онъ рѣшилъ оставить Неаполь. Константинъ Николаевичъ просилъ посланника разрѣшить ему поѣзду на воды въ Германію; но Штакельбергъ не соглашался, ссылаясь на то, что у него нѣтъ другаго чиновника, который могъ бы замѣнить Батюшкова въ отправленіи его служебныхъ обязанностей. Между тѣмъ во второй половинѣ 1820 года въ королевствѣ обѣихъ Сицилій вспыхнула революція, и русскій посланникъ рѣшилъ выѣхать изъ Неаполя. Въ

¹⁾ Соч., т. III, стр. 564.

²⁾ Это видно изъ письма Щедрина къ Гальбергу отъ 18-го октября 1819 года; ср. также извѣстія А. С. Стурдзы—Москвитянинъ 1851 г., № 21, стр. 16.

³⁾ Разсказъ графа Д. Н. Блудова, записанный и сообщенный намъ Я. К. Гротомъ; Галаховъ. Исторія русск. словесности. Изд. 2-е, т. II, стр. 263.

это время составъ его миссіи уже увеличился новыми лицами, и потому въ концѣ 1820 года графъ Штакельбергъ дозволилъ Батюшкову отправиться въ Римъ ¹⁾. Русскій посланникъ при папскомъ дворѣ, просвѣщенный и добрый старикъ А. Я. Италинскій, встрѣтилъ Батюшкова благосклонно и согласился представить въ министерство о причисленіи его къ нашей Римской миссіи ²⁾.

Такимъ образомъ, весь 1820 годъ прошелъ для Батюшкова въ самыхъ непріятныхъ тревоженіяхъ, которыя должны были дѣйствовать разрушительно на его хилое здоровье, увеличивать его раздражительность и усиливать его ипохондрію. Въ такомъ состояніи духа и тѣла онъ почти совершенно прекратилъ переписку съ своими родными и друзьями. Только въ исходѣ 1819 года и въ январѣ 1820 написалъ онъ два письма къ Тургеневу, а затѣмъ замолкъ совершенно; первое изъ упомянутыхъ писемъ еще отличалось живостью и содержало въ себѣ описаніе его образа жизни и занятій: Батюшковъ отвѣчалъ пріятелю на нѣкоторые вопросы по части наукъ политическихъ и юридическихъ и излагалъ свой взглядъ на современное состояніе литературы въ Италіи; вниманіе его оставалось на томъ увлеченіи Байрономъ, которое обнаружилось тогда на Аппенинскомъ полуостровѣ также, какъ и въ другихъ странахъ; но, прибавлялъ Константинъ Николаевичъ, — „Италіяны имѣютъ болѣе права восхищаться имъ: Байронъ говоритъ имъ о ихъ славѣ языкомъ страсти и поэзіи“ ³⁾. Въ письмѣ отъ 10-го января 1820 года Батюшковъ писалъ Тургеневу за молчаніе, спрашивалъ о разсѣянныхъ по міру пріятеляхъ и прибавлялъ: „Одни письма друзей могутъ оживлять мое существованіе въ Неаполѣ: съ пріѣзда я почти без-

¹⁾ Соч., т. III, стр. 573, 574.

²⁾ Тамъ же, стр. 565.

³⁾ Р. Архивъ 1867 г., ст. 652—653; ср. Соч. Бат., т. III, стр. 771.

престанно былъ боленъ и еще недавно просидѣлъ въ комнатѣ два мѣсяца“. Все это письмо было невеселое, и добрякъ Тургеневъ, перечитавъ его даже много лѣтъ спустя, упрекалъ себя, что не умѣлъ во время удовлетворить „потребность сердца большого друга на чужбинѣ“¹⁾.

Въ Римѣ Батюшковъ могъ отчасти отдохнуть отъ неприятностей, испытанныхъ имъ въ Неаполѣ²⁾; онъ даже собрался написать кое-кому изъ друзей: одно изъ писемъ, полученное въ Петербургѣ въ началѣ марта, было обращено къ Карамзину; Батюшковъ говорилъ въ немъ между прочимъ о томъ, какъ ему надобно происходившія въ Италіи революціонныя движенія³⁾; другое письмо отъ Константина Николаевича получилъ Дашковъ въ апрѣлѣ, будучи въ Константинополѣ; Батюшковъ предполагалъ, что Дашковъ находится въ Москвѣ, и поручалъ пріятелю быть его Провидѣніемъ при И. И. Дмитріевѣ, котораго оба они очень уважали⁴⁾. Однако и въ Римѣ ни расположеніе духа, ни состояніе здоровья Константина Николаевича нисколько не улучшились, и вскорѣ по пріѣздѣ туда онъ принужденъ былъ обратиться къ Италіинскому съ тою же просьбой, въ удовлетвореніи которой отказывалъ ему графъ Штапельбергъ. Италіинскій отнесся къ больному поэту съ большимъ участіемъ и написалъ графу Нессельроду, уже смѣнившему Капо д'Истрія въ управленіи министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, письмо, въ которомъ въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ

¹⁾ Современникъ 1841 г., т. XXV, стр. 5, 6; ср. Соч. Бат., т. III, стр. 771, 772.

²⁾ Къ этому пребыванію Константина Николаевича въ Римѣ, вѣроятно, относится извѣстіе С. П. Шевырева (Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. М. 1850, т. I, стр. 109), что Батюшковъ жилъ на риацца Поли—мѣсто, гдѣ сосредоточивается въ Римѣ русская колонія; въ бытность тамъ Шевырева въ 1829—1832 гг., ему указывали домъ, гдѣ жилъ Батюшковъ, и окна его квартиры.

³⁾ Эти слова Батюшкова Карамзинъ передалъ Дмитріеву въ письмѣ отъ 10-го марта 1821 г. (Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 304).

⁴⁾ Р. Архивъ 1868 г., ст. 596: письмо Дашкова къ Дмитріеву отъ 16-го апрѣля 1821 года.

говорилъ о тяжелой болѣзни Батюшкова и его необыкновенныхъ дарованiяхъ и просилъ разрѣшить ему безсрочный отпускъ для излѣченiя и увеличить получаемое имъ содержанiе. Письмомъ отъ 28-го апрѣля 1821 года графъ Нессельроде увѣдомилъ Италинскаго, что на его ходатайство о Батюшковѣ послѣдовало, въ Лайбахѣ, милостивое согласiе Государя ¹⁾. Въ маѣ мѣсяцѣ Батюшковъ покинулъ Италию; страна, гдѣ онъ надѣялся найти исцѣленiе отъ своихъ недуговъ, не дала ему здоровья; напротивъ того, огорченiя, испытанныя имъ въ Неаполѣ, усилили его болѣзнь и къ физическому разстройству присоединили глубокое нравственное потрясенiе.

Съ выѣздомъ изъ Италии Батюшковъ вздохнулъ свободнѣе. Онъ освобождался отъ зависимости, которая тяготила его, и приближался къ отечеству, гдѣ его ожидали дружескiя встрѣчи. Онъ, по видимому, еще не совсѣмъ отказывался отъ мысли продолжать свою литературную дѣятельность. Еще разъ возвратилось къ нему вдохновенiе: iюнемъ 1821 года помѣчено нѣсколько небольшихъ стихотворенiй, которыя онъ внесъ тогда же въ экземпляръ своихъ „Опытовъ“, находившiйся при немъ; на этомъ экземплярѣ онъ дѣлалъ исправленiя своихъ прежнихъ стиховъ на случай новаго ихъ изданiя. Въ числѣ упомянутыхъ пиесъ есть одна, особенно ярко изображающая его тогдашнее настроенiе:

Взгляни: сей кипарисъ, какъ наша степь, бесплоденъ,

Но свѣжъ и зеленъ онъ всегда.

Не можешь, гражданинъ, какъ пальма, дать плода?

Такъ буди съ кипарисомъ сходенъ;

Какъ онъ, уединенъ, осавистъ и свободенъ! ²⁾

Менѣе, чѣмъ за два года предъ тѣмъ, поэтъ еще выражалъ надежду, что можетъ быть полезнымъ гражданиномъ въ своемъ.

¹⁾ Дѣло архива министерства иностранныхъ дѣлъ о службѣ Батюшкова.

²⁾ Соч., т. I, стр. 296, 297.

отечествѣ; теперь и эта надежда была для него утрачена; онъ сторонился отъ общества и желалъ лишь одного—охранить себя отъ посягательствъ на его нравственную личность.

Батюшковъ поѣхалъ въ Теплицу, чтобы лѣчиться тамошними минеральными водами. Не знаемъ, былъ ли сдѣланъ этотъ выборъ по указанію врачей, или быть можетъ, больного поэта влекли въ тѣ мѣста воспоминанія о славныхъ военныхъ событіяхъ, которыхъ онъ былъ, въ 1813 году, скромнымъ, но пламеннымъ участникомъ, вмѣстѣ съ другомъ своимъ Петинимъ; несомнѣнно, что память объ этомъ рано погибшемъ товарищѣ молодости должна была живо пробуждаться теперь въ душѣ Батюшкова, какъ отблескъ свѣтлыхъ дней невозвратнаго прошлаго. Константинъ Николаевичъ принялся за лѣченіе съ какимъ-то, можно сказать, ожесточеніемъ, какъ будто возвратъ здоровья сулилъ обновить все его существованіе: онъ бралъ ежедневно по двѣ ванны въ теченіе семидесяти дней сряду, между тѣмъ какъ нѣкоторые другіе больные опасались удара послѣ первой же ванны ¹⁾. Въ поступкахъ его уже начинало проявляться упрямство, свойственное людямъ, которые неполнѣ владѣютъ своимъ разсудкомъ.

Въ Теплицѣ Батюшковъ встрѣтился съ нѣсколькими Русскими, между прочимъ съ Д. Н. Блудовымъ. Ему сообщены были разныя литературныя новости, и въ числѣ ихъ двѣ, имѣвшія къ нему непосредственное отношеніе. Одна изъ нихъ состояла въ томъ, что небольшое стихотвореніе, написанное имъ въ Неаполѣ на смерть малолѣтней дочери одной русской дамы, появилось въ печати безъ его вѣдома; напечаталъ его Воейковъ въ Сынѣ Отечества ²⁾ со словъ Блудова и притомъ нѣкоторые стихи передалъ въ искаженномъ видѣ; искаженіе это повело къ непріятной печатной полемикѣ между лицомъ, которое впер-

¹⁾ Изъ разсказовъ графа Д. Н. Блудова, записанныхъ Я. К. Гротомъ.

²⁾ 1820 г., ч. 64, № 35, стр. 83; ср. Соч., т. I, стр. 440.

НЕПРЯТНЫЯ НОВОСТИ ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА.

вые дало огласку стихотворенію Батюшкова, и журналистомъ. Другая новость, касавшаяся нашего поэта, заключалась въ появленіи, на страницахъ того же Сына Отечества, стихотворенія П. А. Плетнева, подъ заглавіемъ „Б.....въ изъ Рима (элегія)“ ¹⁾. Піеса эта, напечатанная безъ имени автора, была слѣдующаго содержанія:

Напрасно—вѣтрный поэтъ—
Я васъ покинулъ, други,
Забывъ утѣхи юныхъ лѣтъ
И милыя заслуги!
Напрасно изъ страны отцовъ
Летѣлъ мечтой крылатой
Въ отчизну пламенныхъ пѣвцовъ
Петрарки и Торквато!
Напрасно по лугамъ брожу
Авзоніи прелестной
И въ сердцѣ радости бужу,
Смотря на сводъ небесный!
Ахъ, неба чуждаго красы
Для странника не милы;
Не веселы забавъ часы
И радости унылы!
Я слышу нѣжный звукъ рѣчей
И милые привѣты;
Я вижу голубыхъ очей
Знакомые обѣты:
Напрасно нѣга и любовь
Сулятъ мнѣ упоены—
Хладѣеть пламенная кровь
И вянуть наслажденья.
Веселья и любви пѣвецъ,
Я позабылъ забавы;
Я снялъ свой миртовый вѣнецъ
И дни влачу безъ славы.

¹⁾ Сынъ Отечества 1821 г., ч. 68, № 8, стр. 35 — 36; Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 250, 251.

Неприятныя новости изъ Петербурга.

Порой, на Тибръ склонивши взоръ,
Иль встрѣтивъ Капитолій,
Я слышу дружескій укоръ,
Стыжусь забвенной доли...
Забьется сердце для войны,
Для прежней славной жизни,
И я изъ дальней стороны
Лечу въ края отчизны!
Когда я возвращуся къ вамъ,
Отечески Пенаты,
И снова жрецъ вашъ, оиміамъ
Зажгу средь низкой хаты?
Храните мечъ забвенный мой
Съ пѣвницей одинокой!
Я весь дышу еще войной
И жизнію высокою.
А вы, о милые друзья,
Простите ли поэта?
Онъ видитъ чуждыя поля
И бродитъ безъ привѣта.
Какъ пѣть ему въ странѣ чужой?
Узреть поля родныя—
И тронетъ въ радости нѣмой
Онъ струны золотыя.

И напечатаніе эпиграфа, и еще болѣе появленіе анонимнаго стихотворенія, въ которомъ отъ имени Батюшкова дѣлались признанія предъ публикой, что онъ скучаетъ за границей, забылъ забавы прежнихъ лѣтъ и влечить дни безъ славы, не могли не раздражить больного поэта. Батюшковъ взглянулъ на поступокъ Плетнева (имя автора элегіи не осталось ему неизвѣстнымъ), какъ на оскорбленіе своей чести. Въ двухъ грозныхъ письмахъ къ Гнѣдичу онъ излилъ свой гнѣвъ на издателей Сына Отечества и на сочинителя элегіи, котораго называлъ не иначе, какъ Плетаевымъ. Вмѣстѣ съ первымъ изъ этихъ писемъ онъ послалъ Гнѣдичу протестъ противъ издателей журнала и требовалъ его напечатанія; въ протестѣ онъ

объявлялъ, что оставяеть совершенно литературное поприще, а во второмъ письмѣ высказывалъ прямо, что въ поступкѣ Плетнева видить „злость, недоброжелательство, одно лукавое недоброжелательство“, тѣмъ болѣе не заслуженное, что Плетневъ не знаетъ его лично. „Нѣтъ“, говорилъ Батюшковъ,— „не нахожу выраженій для моего негодованія: оно умреть въ сердцѣ, когда я умру. Но ударъ нанесенъ. Вотъ слѣдствие: я отнынѣ писать ничего не буду и сдержу слово. Можетъ быть, во мнѣ была искра таланта; можетъ быть, я могъ бы со временемъ написать что-нибудь достойное публики, скажу съ позволительною гордостію, достойное и меня, ибо мнѣ 33 года, и шесть лѣтъ молчанія меня сдѣлали не бессмысленнѣе, но зрѣлѣе. Сдѣлалось иначе. Буду безчестнымъ человѣкомъ, если когда что-нибудь напечатаю съ моимъ именемъ. Этого мало: обруганный хвалами, рѣшился не возвращаться въ Россію, ибо страшусь людей, которые, не взирая на то, что я проливалъ мою кровь на полѣ чести, что и теперь служу мною обожаемому монарху, вредятъ мнѣ заочно столь недостойнымъ и низкимъ средствомъ“¹⁾.

Въ столь горячо выраженномъ негодованіи нашего поэта, безъ сомнѣнія, сказывалось уже начинавшееся поврежденіе его умственныхъ способностей; его предположеніе, что Плетневъ служилъ орудіемъ чихъ-то козней, противъ него направленныхъ, не имѣло никакихъ основаній и могло зародиться только въ умѣ человѣка, котораго раздраженное самолюбіе уже перерождалось въ видъ помѣшательства, называемый „маніей величія“. Но въ то же время эти болѣзненные строки не могутъ не пробудить сочувствія къ страдальцу-поэту. Творческое дарованіе давно уже стало въ его глазахъ лучшимъ богатствомъ его нравственной личности, отличавшимъ его отъ другихъ людей. Шатобрианъ устами того изъ своихъ геро-

¹⁾ Соч., т. III, стр. 571:

евъ, который привлекалъ къ себѣ самыя страстныя сочувствія Батюшкова, говоритъ, что поэты обладаютъ единственнымъ неоспоримымъ сокровищемъ, которымъ Небо одарило землю. Это убѣжденіе давно стало роднымъ для Батюшкова и укрѣплялось въ немъ все сильнѣе по мѣрѣ того, какъ онъ разочаровывался въ другихъ благахъ жизни. Правда, и въ прошломъ его бывали тяжелые періоды упадка духа, когда онъ терялъ вѣру въ свое дарованіе. Но тогда онъ самъ являлся своимъ судьбою, подъ часъ даже не въ мѣру строгимъ; однако и въ эти трудныя минуты онъ не дѣлился своими сомнѣніями съ толпою, приговору которой не давалъ цѣны, а предоставлялъ себя на судъ только избранныхъ друзей, отъ которыхъ могъ ожидать сознательной и безпристрастной оцѣнки; ихъ ободреніе воспитало его талантъ и дало ему созрѣть; онъ позналъ слабость своихъ раннихъ попытокъ, но въ то же время почувствовалъ, что позднѣйшими своими произведеніями занялъ почетное мѣсто на скользкомъ, но столь любимомъ имъ поприщѣ. И вотъ—послѣ этихъ одобреній и успѣховъ, заставившихъ его забыть раннія неудачи, опять раздался чей-то неизвѣстный голосъ, который предрекалъ конецъ развитію его таланта: такъ по крайней мѣрѣ истолковывалъ себѣ Батюшковъ слова Плетнева. Могъ ли бы остаться совершенно равнодушнымъ къ этому непрошенному и незаслуженному пророчеству человѣкъ даже менѣе впечатлительный, болѣе спокойный и ровный характеромъ, чѣмъ нашъ больной, раздражительный поэтъ, дѣйствительно вынесшій не мало горькихъ разочарованій изъ своего жизненнаго опыта? Роковая случайность подвела его подъ ударъ, который, конечно, былъ нечаяннымъ.... Да, мы не можемъ строго осуждать того, кто былъ виновникомъ этого удара. Онъ, безъ сомнѣнія, не имѣлъ намѣренія оскорбить больного поэта, дарованіе котораго умѣлъ цѣнить, и дѣйствовалъ только по легкомыслію молодости. Стихотвореніе явилось въ печати безъ подписи Плетнева противъ

его желанія, по уловкѣ Воейкова, который не прочь былъ ввести читателей въ заблужденіе и дать имъ поводъ думать, что піеса дѣйствительно написана Батюшковымъ, обѣщавшимъ Сыну Отечества свое сотрудничество¹⁾. Самое сильное осужденіе поступка Плетнева заключается въ поэтическомъ ничтожествѣ несчастной элегіи, очевидномъ для всякаго не предубѣжденнаго читателя. Пушкинъ, прочитавъ элегію и узнавъ о негодованіи Константина Николаевича, писалъ своему брату изъ Кишенева: „Батюшковъ правъ, что сердится на Плетнева; на его мѣстѣ я бы съ ума сошелъ со злости. „Батюшковъ въ Римѣ“ не имѣетъ человѣческаго смысла, даромъ, что новость на Олимпѣ мила. Вообще мнѣніе мое, что Плетневу приличнѣе проза, нежели стихи — онъ не имѣетъ никакого чувства, никакой живости — слогъ его блѣденъ, какъ мертвецъ. Кланяйся ему отъ меня (то-есть, Плетневу, а не его слогу) и увѣрь его, что онъ нашъ Гёте“²⁾.

О причинахъ психической болѣзни Батюшкова судили разно: одни ее приписывали его неудовлетворенному честолюбію, другіе — эпикурейству, разстроившему его организмъ. И. И. Дми-

¹⁾ Тихановъ. Николай Ивановичъ Гнѣдичъ, стр. 92.

²⁾ Соч. Пушк., изд. 8-е, т. VII, стр. 88, 89. Приведенныя слова Пушкина были показаны его братомъ Плетневу, который отвѣчалъ поэту извѣстнымъ посланіемъ: „Я не сержусь на ѣдкій твой упрекъ...“ (Соч. и переп. Плетнева, т. III, стр. 276—279). По полученіи этого посланія Пушкинъ намѣревался отвѣчать ему письмомъ, которое извѣстно только въ черновомъ наброскѣ; въ немъ Пушкинъ между прочимъ писалъ: „Признаюсь, это стихотвореніе (то-есть, элегія Плетнева) недостойно ни тебя, ни Батюшкова. Многіе приняли его за сочиненіе послѣдняго. Знаю, что съ посредственнымъ писателемъ этого не случится. Но Батюшковъ, не будучи доволенъ твоей элегіей, разсердился на тебя за ошибку другихъ — я разсердился послѣ Батюшкова. Извини мое чистосердечіе, но оно залогъ моего къ тебѣ уваженія“ (Р. Старина 1884 г., т. XLII, стр. 338). Двумя критическими статьями о Батюшковѣ, напечатанными въ 1822 и 1823 гг. (Соч. и переп. Плетнева, т. I, стр. 23—28 и 96—112), и стихотвореніемъ „Къ портрету Батюшкова“ (Сынъ Отеч. 1821 г., ч. 70, № XXIV, стр. 177; въ изданіе сочиненій Плетнева не включено) Плетневъ снялъ съ себя подозрѣніе въ несочувствіи таланту Батюшкова.

тріевъ полагалъ, что воспитанный въ домѣ М. Н. Муравьева и связанный дружбой съ его сыновьями, Константинъ Николаевичъ будто бы еще до отъѣзда въ Неаполь зналъ о заговорѣ, въ которомъ они были участниками. „Батюшковъ, съ одной стороны, не хотѣлъ измѣнить своему долгу, съ другой — боялся обнаружить сыновей своего благодѣтеля. Эта борьба мучила его совѣсть, гнала его чистую поэтическую душу. Съ намѣреніемъ убѣжать отъ этой тайны и отъ самаго мѣста, гдѣ готовилось преступное предпріятіе, убѣжать отъ самого себя, съ этимъ намѣреніемъ отпросился онъ и въ Италію, къ тамошней миссіи, и вездѣ носилъ съ собою грызущаго его червя“. Наконецъ, рассудокъ его не выдержалъ, и тогда наступило помраченіе ¹⁾. Догадка Дмитріева опровергается хронологическими соображеніями; догадки другихъ лицъ также не выдерживаютъ критики; такъ, въ дѣйствительности, Батюшковъ вовсе не былъ такимъ пылкимъ любителемъ чувственныхъ наслажденій, какимъ представляли его себѣ иные на основаніи произведеній его молодости. Съ своей стороны мы думаемъ, что въ вопросѣ о помѣшательствѣ Батюшкова первый голосъ долженъ быть предоставленъ врачамъ. Докторъ Антонъ Дитрихъ, находившійся нѣкоторое время при больномъ по возвращеніи его въ Россію, видѣлъ причины его недуга частію въ томъ, что Константинъ Николаевичъ унаслѣдовалъ отъ своихъ родителей и предковъ нѣкоторыя болѣзни, предрасполагающія къ умопомѣшательству, а частію—въ его собственномъ душевномъ складѣ, въ которомъ воображеніе брало рѣшительный перевѣсъ надъ рассудкомъ. Удачно сравнивая Батюшкова съ Тассомъ, Дитрихъ примѣнялъ къ первому слова, сказанныя о послѣднемъ Фридрихомъ Шлегелемъ, а именно, что онъ принадлежалъ „къ числу поэтовъ, способныхъ изображать только

¹⁾ М. А. Дмитріевъ. Мелочи изъ запаса моей памяти, стр. 197; ср. также мнѣніе Греча въ его Запискахъ. С.-Пб. 1886, стр. 406.

самого себя и свои прекрасныя чувства, а не къ числу такихъ, которые въ состояніи свѣтлымъ духомъ своимъ объять цѣлый міръ и въ этомъ мірѣ, такъ-сказать, затерять, забыть самихъ себя“¹⁾). Страстность натуры Батюшкова была хорошимъ матеріаломъ для развитія въ немъ психической болѣзни, а обстоятельства и случайности жизни, отчасти въ самомъ дѣлѣ бѣдственныя, отчасти представлявшіяся ему таковыми, содѣйствовали развитію недуга. Болѣзнь однако имѣла нѣкоторый скрытый періодъ, и таково именно было состояніе Батюшкова въ 1821 году и еще нѣсколько времени далѣе: болѣзнь еще не приняла рѣзкихъ формъ, но сказывалась постоянною ипохондріей, удаленіемъ отъ людей, чрезвычайною раздражительностью и иногда сильными порывами страстей.

Изъ Теплица Константинъ Николаевичъ собирался ѣхать въ Швейцарію, а зиму намѣревался провести въ Парижѣ или въ южной Франціи. Прощаясь съ Д. Н. Блудовымъ, онъ поручилъ ему кланяться петербургскимъ друзьямъ и роднымъ, но сказалъ, что писать не будетъ, потому что Дмитрій Николаевичъ—живая грамота²⁾). Въ это же время находился за границей и Жуковский и на осень также собирался на Альпы; но Батюшковъ не поѣхалъ въ Швейцарію; друзья свидѣлись только въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ Дрезденѣ, куда Константинъ Николаевичъ отправился прямо изъ Теплица, и куда заѣхалъ Жуковский на пути въ отечество. Свиданіе друзей было непродолжительно, такъ какъ Василій Андреевичъ не могъ остаться въ столицѣ Саксоніи болѣе четырехъ дней. Вотъ что записалъ онъ въ своемъ дорожномъ дневникѣ, подъ 4-мъ ноября 1821 года, объ этой печальной встрѣчѣ: „Съ Батюшковымъ въ Плаунѣ. Хочу заниматься.

¹⁾ Friedr. Schlegel. Geschichte der alten und neuen Literatur, 11-tes Kapitel. Подробное изложеніе мнѣнія д-ра Дитриха см. въ запискѣ его о болѣзни Батюшкова, напечатанной въ приложеніяхъ къ настоящему труду.

²⁾ Изъ письма Е. О. Муравевой къ А. Н. Батюшковой, отъ 27-го сентября 1821 года; ср. также Соч., т. III, стр. 572.

Раздраніе писаннаго. Надобно, чтобы что-нибудь со мною случилось. Тассъ; Бругъ; Вѣчный Жидъ; описаніе Неаполя¹⁾. Изъ этихъ отрывочныхъ намековъ можно однако заключить, что Батюшковъ раскрылъ передъ другомъ мрачное состояніе своей души и, вѣроятно, высказалъ ему то же свое рѣшеніе, о которомъ не задолго писалъ Гнѣдичу, то-есть, что намѣренъ совершенно оставить литературное поприще. Послѣднія слова краткой замѣтки Жуковского, вѣроятно, содержатъ въ себѣ перечень произведеній Батюшкова, уничтоженныхъ имъ въ порывѣ отчаянія; какъ мы уже знаемъ, въ бытность свою въ Неаполѣ онъ дѣйствительно составлялъ записки объ его окрестностяхъ. Можно себѣ представить, какое тяжелое впечатлѣніе должны были произвести на Жуковского признанія друга; но его увѣщанія, прежде столь живительныя для Батюшкова, оказывались теперь бессильными предъ недугомъ, который овладѣлъ Константиномъ Николаевичемъ. Точно также мало по-дѣйствовало на него дружеское письмо Гнѣдича, посланное въ Дрезденъ и содержавшее въ себѣ объясненіе и оправданіе поступка Плетнева²⁾: мысль о преслѣдованіи со стороны какихъ-то тайныхъ враговъ уже вполне господствовала надъ поврежденнымъ умомъ несчастнаго поэта.

Зиму съ 1821 на 1822 годъ Константинъ Николаевичъ провелъ въ Дрезденѣ. Расположеніе его духа было чрезвычайно перемѣнчивое: иногда онъ восхищалъ своихъ собесѣдниковъ живымъ, одушевленнымъ описаніемъ красотъ Италіи, этого рая, этой страны блаженства земнаго, а на завтра тотъ же край превращался, въ его разсказахъ, въ разбой-

¹⁾ Плаунъ—красивое мѣстечко въ окрестностяхъ Дрездена. Дорожные дневники Жуковского хранятся въ Имп. П. Библіотекѣ въ двухъ редакціяхъ, черновой и бѣлоюй: выписка приведена изъ первой, такъ какъ вторая редакція изложена короче.

²⁾ Письмо Гнѣдича напечатано въ брошюрѣ П. Н. Тиханова: Николай Ивановичъ Гнѣдичъ, стр. 90—94.

ничье гнѣздо, въ кладбище древнихъ, великихъ и героическихъ вѣковъ. Мрачное уныніе становилось все болѣе и болѣе преобладающимъ настроеніемъ Константина Николаевича; онъ впалъ въ мистицизмъ, сталъ заниматься астрономіей и измѣнилъ своимъ прежнимъ любимцамъ, италіанскимъ поэтамъ. Говорятъ, что въ это время онъ перевелъ отрывокъ изъ Шиллеровой трагедіи „Мессинская невѣста“¹⁾). Если такое извѣстіе справедливо, то этотъ трудъ и небольшое стихотвореніе „Изреченіе Мелхиседека“ должны быть признаны послѣдними произведеніями Батюшкова. Глубоко безотраднымъ чувствомъ вѣтъ отъ послѣднихъ поэтическихъ строкъ его:

Ты помнишь, что изрекъ,
Прощаясь съ жизнію сѣдой Мелхиседекъ?
Рабомъ родится человекъ,
Рабомъ въ могилу ляжетъ,
И смерть ему едва ли скажетъ,
Зачѣмъ онъ шель долиной чудной слезъ,
Страдалъ, рыдалъ, терпѣлъ, исчезъ²⁾).

Еще осенью 1821 года Батюшковъ рѣшился совсѣмъ оставить службу и писалъ о томъ Италинскому, какъ непосредственному своему начальнику. Италинскій, въ свою очередь, ходатайствовалъ предъ графомъ Нессельродомъ объ увольненіи Батюшкова, съ сохраненіемъ ему, въ видѣ пенсіи, всего получаемого имъ содержанія. Удовлетвореніе этой просьбы было отклонено; но графъ Нессельроде, письмомъ отъ 20-го февраля 1822 года, лично увѣдомилъ Батюшкова, о выраженномъ императоромъ Александромъ милостивомъ желаніи, чтобы поэтъ, оставаясь на службѣ, пользовался отпускомъ и содержаніемъ и посвящалъ бы себя литературнымъ трудамъ впредь до того времени, когда возстановленное здоровье позволитъ ему снова возвратиться къ

¹⁾ Н. Koenig. Literarische Bilder aus Russland. Stuttgart. 1837, стр. 125, 126.

²⁾ Соч., т. I, стр. 298.

служебнымъ занятіямъ ¹⁾. Столь высокое вниманіе къ дарованіямъ Батюшкова и къ его разрушенному здоровью заставляетъ предполагать, что его петербургскіе друзья дѣятельно представляли за несчастнаго поэта предъ графомъ Нессельродомъ, который исходатайствовалъ ему Царскую милость. Глубоко тронутый ею, Константинъ Николаевичъ, по полученіи письма графа, успѣшилъ выразить ему то чувство признательности къ Государю, которое внушило ему это извѣстіе ²⁾. Затѣмъ онъ оставилъ Дрезденъ и отправился въ отечество.

Константинъ Николаевичъ пріѣхалъ въ Петербургъ весною 1822 года и вскорѣ по прибытіи обратился къ графу Нессельроду съ просьбой разрѣшить ему поѣздки въ Крымъ и на Кавказъ ³⁾; какъ и прежде, онъ еще питалъ убѣжденіе, что климатъ юга необходимъ, чтобы сохранить его все болѣе и болѣе слабѣющія силы. Просимое разрѣшеніе было немедленно дано, и Батюшковъ уѣхалъ на Кавказскія минеральныя воды. О пребываніи его тамъ не сохранилось никакихъ извѣстій; но въ теченіе всего 1822 года онъ не возвращался на сѣверъ. Между тѣмъ стали распространяться слухи о томъ, что его ипохондрія превращается въ совершенное разстройство ума: Пушкинъ съ ужасомъ узналъ о томъ въ Кишеневѣ въ іюлѣ 1822 года и не хотѣлъ вѣрить полученному извѣстію ⁴⁾.

Въ августѣ 1822 года Константинъ Николаевичъ переселился въ Крымъ и на всю слѣдующую зиму остался въ Симферополѣ. М. Ѡ. Орловъ, часто выдавшій здѣсь нашего поэта, убѣдился въ свойствѣ его недуга еще въ концѣ 1822 года и подтвердилъ Пушкину печальное извѣстіе ⁵⁾. Въ началѣ слѣ-

¹⁾ Дѣло о службѣ Батюшкова въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ; ср. Соч., т. III, стр. 572.

²⁾ Соч., т. III, стр. 575.

³⁾ Тамъ же, стр. 576.

⁴⁾ Соч. Пушкин., изд. 8-е, т. VII, стр. 84.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 91.

дующаго года обнаружилась такіа проявленія душевной болѣзни Батюшкова, послѣ которыхъ потребовался усиленный надзоръ за страдальцемъ. Вотъ что рассказываетъ о пребываніи Батюшкова въ Симферополѣ находившійся тамъ на службѣ и давно знавшій его Н. В. Сушковъ: „Константинъ Николаевичъ нѣсколько мѣсяцевъ гостилъ въ Крыму. Въ началѣ не видно было въ немъ большой переменны. Только пуще, нежели прежде, онъ дичился незнакомыхъ людей и убѣгалъ всякаго общества. Мы видались почти каждый день. Онъ охотно бесѣдовалъ о быломъ, любилъ говорить о Жуковскомъ, объ А. И. Тургеневѣ, о Карамзинѣ, Муравьевыхъ, Крыловѣ, вспоминалъ разныя своего времени стихотворенія, всего чаще читалъ на распѣвъ:

О, вѣтеръ, вѣтеръ, что ты вѣшься?
Ты не отъ милаго ль несешься?

„Однажды застаю я его играющимъ съ кошкой. „Знаете ли, какова эта кошка“, сказалъ онъ мнѣ,—„препоятливая! Я учу ее писать стихи — декламируетъ ужъ презрительно“. Ласковая кошка между тѣмъ мурлычить свою пѣсню, то зорко взглядывая и поталкиваясь головою, то скрывая и выпуская когти, то извиваясь съ боку на бокъ и помавая пушистымъ хвостомъ. Нѣсколько дней позже сталъ онъ жаловаться на хозяина единственной тогда въ городѣ гостинницы, что будто бы тотъ наполняетъ горницу и постель его тарантулами, сороконожками и сколопандрами. Недѣли черезъ полторы вздумалось ему сечь дорожную бібліотеку—полный колясочный сундукъ прекраснѣйшихъ изданій на французскомъ и италіанскомъ языкахъ. Оставилъ изъ нихъ только двѣ книги, вѣроятно—по какимъ-нибудь воспоминаніямъ, и какія же? „Павель и Виргинія“ да „Атала“ и „Рене“. Онъ подарилъ ихъ мнѣ. Вскорѣ послѣ этого болѣзнь его развилась, и въ припадкахъ унынія онъ три раза посягалъ на свою жизнь: въ первый пытался перерѣзать себѣ горло бритвою, но рана была неглубока, и ее скоро заживили;

во второй пробовалъ застрѣлиться, зарядилъ ружье, взвелъ курокъ, подвизалъ къ замку платокъ и стоя потянулъ петлю колѣнкой, — зарядъ ударился въ стѣну; наконецъ, онъ отказался отъ пищи: недѣли двѣ, если не больше, оставался твердъ въ своей печальной рѣшимости. Природа однако же взяла свое: голодъ побѣдилъ упорство¹⁾.

Въ Петербургъ, гдѣ въ то время А. Н. Батюшкова гостила у Е. Ѡ. Муравьевой, сперва достигали только смутныя вѣсти о Константинѣ Николаевичѣ. Роднымъ и друзьямъ его было извѣстно, что Батюшковъ въ Крыму, что состояніе его здоровья не поправилось, но отсутствіе болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній повергало всѣхъ близкихъ въ тревогу. Первымъ встрепенулся князь Вяземскій: самому Константину Николаевичу онъ отправилъ изъ Москвы письмо самаго невиннаго содержанія, въ тонѣ ихъ прежней пріятельской переписки, а Жуковскому предложилъ ѣхать на югъ за ихъ общимъ другомъ. „Если есть еще прежняя дружба“, говорилъ князь Василю Андреевичу, — „то поѣдемъ за нимъ. Ты можешь отпроситься легко въ отпускъ, а я отпрошусь у обстоятельствъ, и совершимъ доброе дѣло“²⁾. Прежняя дружба была, конечно, свѣжа въ сердцѣ Жуковскаго, но удрученный своими семейными дѣлами, онъ не могъ послѣдовать призыву Вяземскаго. вмѣсто двухъ пріятелей поѣхалъ въ Крымъ шуринъ Батюшкова П. А. Шипиловъ, женатый на его сестрѣ Елизаветѣ Николаевнѣ. Кроме того, отправлявшійся туда же старый пріятель Жуковскаго Д. А. Кавелинъ взялся навѣдаться къ Батюшкову въ Симферополь. Письма ихъ подтвердили тѣ прискорбныя извѣстія, которыя прежде того доходили въ Петербургъ: умомъ Батюшкова неотступно владѣла мысль, что онъ окруженъ врагами, которые ищутъ его гибели,

¹⁾ Обозъ къ потомству съ книгами и рукописями, статья Н. В. Сушкова въ 3-й книгѣ изданнаго имъ сборника Раутъ. М. 1854, стр. 278, 279.

²⁾ См. письмо кн. Вяземскаго къ Жуковскому, отъ 4-го января 1823 г., въ приложеніяхъ къ настоящему труду.

и заставляла его избѣгать всякаго общества; на предложеніе Шипилова ѣхать съ нимъ вмѣстѣ въ Петербургъ онъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ ¹⁾. Точно также мало оказало дѣйствія письмо къ Константину Николаевичу отъ графа Нессельроде съ вызовомъ въ столицу. Послѣ того, какъ въ припадкахъ душевнаго разстройства больной сталъ покушаться на свою жизнь, Таврической губернаторъ Н. И. Перовскій извѣстилъ графа Нессельроде объ отчаянномъ состояніи Константина Николаевича и вслѣдъ затѣмъ, при помощи пользовавшаго его врача, почтеннаго О. К. Мюльгаузена, рѣшился отправить Батюшкова въ Петербургъ. Только послѣ большихъ усилій удалось посадить его въ дорожный экипажъ. Для сопровожденія больного назначенъ былъ инспекторъ Таврической врачебной управы, докторъ П. И. Лангъ ²⁾.

Въ Петербургѣ больной былъ сданъ на руки Е. О. Муравьевой. На лѣто она переселилась на дачу на Карповкѣ, а такъ какъ Константинъ Николаевичъ дичился людей и избѣгалъ встрѣчаться съ кѣмъ-либо, то ему наняли особое помѣщеніе на другомъ берегу рѣчки въ домѣ г-жи Аллеръ. У него былъ тамъ небольшой садикъ, въ которомъ онъ любилъ гулять, но всегда одинъ. Онъ не желалъ видѣть ни Екатерины Федоровны, ни сестры, и Александра Николаевна рѣшалась посмотрѣть на брата только съ балкона въ квартирѣ самой хозяйки ³⁾. Иногда онъ занимался рисованіемъ, а на стѣнахъ и окнахъ чертилъ надписи, и въ числѣ ихъ двѣ были слѣдующія: „omnig adogata!“ и „Есть жизнь и за могилой!“ ⁴⁾. Изрѣдка друзья — Жуковский, Блудовъ, Гнѣдичъ — пытались навѣщать больного.

¹⁾ Письма Д. А. Кавелина и П. А. Шипилова см. въ приложеніяхъ къ настоящему труду.

²⁾ Подробности объ отправленіи Батюшкова въ Петербургъ см. въ письмахъ Н. И. Перовскаго къ гр. Нессельроде въ приложеніяхъ къ настоящему труду.

³⁾ Изъ письма О. А. Бородиной къ П. Н. Батюшкову. Г-жа Бородина жила въ то время у Е. О. Муравьевой.

⁴⁾ Р. Архивъ 1879 г., кн. II, стр. 478.

Перваго изъ нихъ Константинъ Николаевичъ даже самъ выражалъ желаніе видѣть ¹⁾). Князь Вяземскій, прїѣзжавшій въ Петербургъ въ іюнѣ 1823 года, также посѣтилъ Батюшкова въ его уединеніи. „Онъ ему обрадовался и оказалъ ему ласковый и нѣжный пріемъ. Но вскорѣ болѣзненное и мрачное настроеніе пересилило минутное свѣтлое впечатлѣніе. Желая отвлечь его и пробудить, пріятель обратилъ разговоръ на поэзію и спросилъ его: не написалъ ли онъ чего новаго? „Что писать мнѣ и что говорить о стихахъ моихъ!“ отвѣчалъ онъ;—„я похожъ на человѣка, который не дошелъ до цѣли своей, а несъ онъ на головѣ красивый сосудъ, чѣмъ-то наполненный. Сосудъ сорвался съ головы, упалъ и разбился въ дребезги. Поди, узнай теперь, что въ немъ было!“ ²⁾

По свидѣтельству друзей, Батюшковъ и въ состояніи душевнаго расстройства поражалъ иногда умными замѣчаніями и разговорами, и быть можетъ, это обстоятельство было причиной, что родные долго не рѣшались подвергнуть его систематическому лѣченію. Въ Петербургѣ его пользовалъ докторъ Мюллеръ; наконецъ, въ первой половинѣ 1824 года, по совѣту этого врача, положено было отправить Константина Николаевича въ заведеніе для душевнобольныхъ, находящееся въ Зоннештейнѣ, близъ города Пирны въ Саксоніи. Государь Александръ Павловичъ пожаловалъ пятьсотъ червонцевъ на препровожденіе больного, которому притомъ было сохранено прежнее его содержаніе. Батюшковъ выразилъ около этого времени желаніе постричься въ монашество; этимъ обстоятельствомъ воспользовались, чтобы сообщить ему волю Государя о томъ, чтобы прежде постриженія онъ ѣхалъ лѣчиться въ Дерптъ, а можетъ быть, и далѣе. Для сопровожденія Батюшкова приглашенъ былъ докторъ Бау-

¹⁾ Соч. Жук., изд. 7-е., т. VI, стр. 448.; ср. письмо Блудова къ Жуковскому въ приложеніяхъ къ настоящему труду.

²⁾ П. собр. соч. кн. Вяз., т. VIII, стр. 481.

манъ, которому Жуковскій далъ рекомендательное письмо къ извѣстному врачу I.-Фр. Эрдману, сперва бывшему профессо-ромъ въ Казани и въ Дерптѣ, а потомъ перешедшему въ саксонскую службу. Александра Николаевна Батюшкова поѣхала за границу вслѣдъ за братомъ.

Въ Зонненштейнѣ Константинъ Николаевичъ былъ помѣщенъ не въ казенной больницѣ, а въ частномъ психіатрическомъ заведеніи доктора Пиница, директора Зонненштейнскаго дома умалишенныхъ. Лѣченіе Батюшкова въ этомъ заведеніи продолжалось четыре года. Онъ пользовался внимательнымъ уходомъ врачей. Пороку проявлялась въ немъ сильное возбужденіе, пороку упадокъ силъ; любимое его занятіе въ спокойныя минуты составляли рисованіе и лѣпка изъ воска; книгъ онъ не читалъ и рвалъ ихъ въ клочья; иногда однако вспоминалъ онъ о своемъ поэтическомъ талантѣ, который признавалъ теперь утраченнымъ, и говорилъ о Тассѣ, Шатобрианѣ и Байронѣ. Александра Николаевна почти все время пребыванія брата у доктора Пиница не покидала Пирны и часто ѣздила въ Зонненштейнъ, но рѣдко была допускаема къ брату. Кромѣ того, почти все время пребыванія Батюшкова въ Саксоніи жила въ Дрезденѣ Е. Г. Пушкина, и теперь сохранившая къ больному поэту дружбу, которая нѣкогда связывала ихъ; она иногда навѣщала его и своимъ мирнымъ вліяніемъ умѣла успокоивать его болѣзненные порывы. Наконецъ, въ теченіе тѣхъ же четырехъ лѣтъ были въ Дрезденѣ проѣздомъ А. И. и С. И. Тургеневы и Жуковскій. Послѣдній также ѣздилъ въ Зонненштейнъ и навѣщалъ тамъ Батюшкова. Маленькое письмо больного, написанное имъ къ Жуковскому изъ больницы доктора Пиница, доказываетъ, что и въ состояніи полного душевнаго расстройства, когда онъ высказывалъ ненависть ко всѣмъ окружающимъ и къ большей части прежде близкихъ ему людей, онъ сохранялъ доброе чувство къ

¹⁾ Соч., т. III, стр. 586.

старому другу; однако впоследствии и къ Василию Андреевичу онъ сталъ относиться враждебно; тѣ же чувства выражалъ онъ теперь и къ графу Капо д'Истрія, и къ Карамзину, о смерти котораго не зналъ¹⁾. Въ отношеніи къ Александрѣ Николаевнѣ, какъ Жуковский, такъ и Е. Г. Пушкина, были лучшими утѣшителями и своимъ искреннимъ участіемъ облегчали ея безисходное горе²⁾.

Четырехлѣтнее пребываніе Батюшкова на попеченіи доктора Пиница не принесло облегченія больному. Напротивъ того, выяснилось, что недугъ его неизлѣчимъ. Поэтому, въ половинѣ 1828 года рѣшено было перевезти его обратно въ Россію. Онъ былъ порученъ попеченіямъ доктора Антона Дитриха, который еще съ марта 1828 года наблюдалъ за нимъ въ Зонненштейнѣ, затѣмъ доставилъ его въ Россію и прожилъ при немъ въ Москвѣ болѣе полутора года. Возвращеніе въ отечество было пріятно больному, но не подѣйствовало на него успокоительно³⁾. Въ это время Е. Θ. Муравьева жила въ Москвѣ, и у нея въ домѣ опять поселилась А. Н. Батюшкова. Константину Николаевичу наняли особый домикъ въ Грузинахъ, въ переулкѣ Тишинѣ, гдѣ жилъ при немъ для надзора докторъ Дитрихъ. На излѣченіе больного была утрачена всякая надежда, и главною задачей врачебнаго надзора стало успокоеніе его бурныхъ порывовъ. Благодаря попеченіямъ умнаго,

¹⁾ Съ своей стороны, Карамзинъ сохранилъ до самой смерти теплое воспоминаніе о Батюшковѣ. Вотъ что рассказываетъ К. С. Сербиновичъ: „Однажды Николай Михайловичъ взялъ стихотворенія Батюшкова послѣ извѣстія о безвозвратной потерѣ его для литературы и общества. Онъ раскрылъ книгу и читалъ вслухъ что первое попало на глаза, читалъ тихимъ и ровнымъ голосомъ; лицо не мѣнялось, но глаза постепенно дѣлались влажны, и наконецъ, слеза, скатившаяся по лицу, остановила чтеніе. Живо и глубоко чувствовалъ онъ несчастье своихъ друзей“ (Погодинъ. Ник. М. Карамзинъ, ч. II, стр. 327).

²⁾ Два письма Е. Г. Пушкиной къ Жуковскому см. въ приложеніяхъ къ настоящему труду; письма къ ней Жуковскаго въ его Сочиненіяхъ, изд. 7-е, т. VI.

³⁾ Любопытныя подробности о путешествіи Батюшкова съ докторомъ Дитрихомъ см. въ письмѣ Д. В. Дашкова, въ приложеніяхъ къ настоящему труду.

внимательнаго и обходительнаго Дитриха цѣль эта была достигнута, но и то въ очень малой степени: больнаго по прежнему приходилось держать въ отлученіи отъ всего живаго міра. Появленіе Е. Θ. Муравьевой приводило его большею частью въ раздраженіе, но иногда онъ узнавалъ ее и обходился съ нею ласково. Попытка князя Вяземскаго завести съ нимъ переписку также была встрѣчена имъ недружелюбно ¹⁾. Однажды Вяземскій привезъ въ домъ, гдѣ жилъ Батюшковъ, А. Н. Верстовскаго, который, оставаясь въ комнатѣ доктора Дитриха, сталъ играть на фортеціано; это также не понравилось Константину Николаевичу. Но другой подобный опытъ оказался удачнѣе: въ одной изъ комнатъ былъ помѣщенъ небольшой хоръ, исполнившій нѣсколько пѣсень; Батюшковъ выслушалъ его не безъ удовольствія. Всенощная, отслуженная въ его домѣ по желанію Е. Θ. Муравьевой, произвела на него сильное впечатлѣніе; но когда, послѣ службы, присутствовавшій при ней А. С. Пушкинъ вошелъ въ комнату больнаго, послѣдній не узналъ его, какъ впрочемъ не узнавалъ обыкновенно и другихъ лицъ, хорошо ему знакомыхъ въ прежнее время ²⁾. А. Н. Батюшкова уже не могла видѣть брата: въ 1829 году ее постигъ тотъ же недугъ, которымъ онъ страдалъ.

Весною 1829 года докторъ Дитрихъ уѣхалъ изъ Россіи, оставивъ для свѣдѣнія другихъ врачей замѣчательную записку о болѣзни Константина Николаевича; она служитъ доказательствомъ не только его попеченій о больномъ, но и того, что онъ вдумался въ характеръ его личности и оцѣнилъ его преждевременно погибшее дарованіе. Дитрихъ самъ былъ немножко поэтомъ; онъ научился по русски, и въ числѣ его литератур-

¹⁾ Письмо кн. Вяземскаго къ Батюшкову, отъ октября 1828 г., см. въ приложеніяхъ къ настоящему труду.

²⁾ Всѣ эти подробности извлечены изъ дневника, веденаго докторомъ Дитрихомъ во время путешествія его съ Батюшковымъ изъ-за границы и въ бытность его въ Москвѣ при больномъ.

ныхъ трудовъ есть переводы русскихъ стихотвореній; изъ произведеній Батюшкова онъ перевелъ посланіе къ Пенатамъ.

Константинъ Николаевичъ, не смотря на свою неизлѣчимую болѣзнь, числился на службѣ по министерству иностранныхъ дѣлъ до самаго 1833 года и получалъ прежнее свое жалованье. Въ 1833 году онъ былъ совершенно уволенъ отъ службы, и волею императора Николая Павловича ему была назначена пенсія въ двѣ тысячи рублей. Жуковскій принималъ немалое участіе въ исходатайствованіи этой Царской милости своему старому другу. Въ томъ же году Константинъ Николаевичъ былъ перевезенъ въ Вологду и помѣщенъ въ семьѣ своего племянника Гр. А. Гревенса. Съ тѣхъ поръ старые друзья Батюшкова совсѣмъ потеряли его изъ виду. А между тѣмъ, малу по малу рѣдѣлъ и ихъ кругъ: въ 1833 году умерли Н. И. Гнѣдичъ и Е. Г. Пушкина, въ 1839—Д. В. Дашковъ, въ 1845—А. И. Тургеневъ, въ 1848—Е. Ѳ. Муравьева, въ 1851—Е. А. Карамзина. Жуковскій съ 1841 года поселился за границей и не возвращался въ отечество. Еще въ 1834 году издано было собраніе сочиненій Батюшкова, которое осталось не извѣстно ихъ еще живому автору; самъ онъ сталъ уже совершенно чуждымъ дѣйствующему литературному поколѣнію. Всѣхъ живѣе хранилъ память о Батюшковѣ тотъ изъ его друзей, съ которыми, по сознанію самого поэта, онъ былъ всѣхъ чистосердечнѣе ¹⁾: въ 1850 году князь Вяземскій, во время своей поѣздки къ Святымъ Мѣстамъ, помолился о больномъ другѣ въ іерусалимскомъ греческомъ монастырѣ св. Георгія, а въ слѣдующемъ напечаталъ воспоминаніе о немъ по случаю изданія, въ Москвитинѣ, двухъ автобіографическихъ отрывковъ Батюшкова ²⁾; въ 1853 году князь Вяземскій посѣтилъ Зонненштейнъ, и эта поѣздка внушила ему слѣдующія грустныя строки:

¹⁾ Соч., т. III, стр. 414.

²⁾ П. собр. соч., кн. Вяз., т. IX, стр. 273, и т. II, стр. 413—417.

Прекрасенъ здѣсь видъ Эльбы величавой,
Роскошной жизнью берега цвѣтуть;
По ребрамъ горъ дубрава за дубравой,
За виллой вилла, лѣтнихъ нѣгъ пріютъ.

Вездѣ кругомъ изъ каменистыхъ рамокъ
Картины блещутъ свѣжей красотой;
Вотъ на утесъ перешагнувшій замокъ
Къ главѣ его приросъ своей патой.

Волшебный край, то свѣтлый, то угрюмый,
Живой кипсекъ всѣхъ прелестей земли!
Но облакомъ въ душѣ засѣвшей думы
Развлечь, согнать съ души вы не могли.

Я преданъ былъ другому впечатлѣнью:
Любезный образъ въ душу налеталъ,
Страдальца образъ—и печальной тѣнью
Онъ красоту природы омрачалъ.

Здѣсь онъ страдалъ, томился здѣсь когда-то,
Жуковскаго и мой душевный братъ,
Онъ, пѣснями и скорбью нашъ Торквато,
Онъ, заживо познавшій свой закатъ.

Не для его очей цвѣла природа,
Святой глаголь ея предъ нимъ нѣмѣлъ;
Здѣсь для него съ лазореваго свода
Веселый день не радостью горѣлъ.

Онъ въ мірѣ внутреннемъ ночныхъ видѣній
Жилъ взаперти, какъ узникъ средь тюрьмы,
И былъ онъ мертвъ для внѣшнихъ впечатлѣній,
И Божій міръ ему былъ царствомъ тьмы.

Но видѣлъ онъ, но умъ его тревожилъ —
Что созидалъ ума его недугъ,—
Такъ бѣднѣй здѣсь лѣта страданья прожилъ,
Такъ и теперь живетъ несчастный другъ ¹⁾).

¹⁾ Въ дорогѣ и дома. Собраніе стихотвореній кн. П. А. Вяземскаго.
М. 1862, стр. 116, 117.

О годахъ жизни Батюшкова въ Вологдѣ представимъ разсказать очевидцу, одному изъ внуковъ покойнаго, П. Гр. Гревенсу ¹⁾):

„Въ послѣдніе двадцать-два года жизни, нравственное состояніе Константина Николаевича значительно измѣнилось къ лучшему: бывали дни, въ которые, казалось, воскресалъ прежній Батюшковъ; но какъ скоро рождались эти надежды, также скоро онѣ и улетали, оставляя по себѣ одно сладостное, неизгладимое воспоминаніе во всѣхъ окружавшихъ. По прїѣздѣ его въ 1833 году Константинъ Николаевичъ былъ почти неукротимъ и сильно страдалъ нервнымъ раздраженіемъ; малѣйшая бездѣлица приводила его въ изступленіе; но постоянное, кроткое, предупредительное обхожденіе постепенно смягчали старца. Душевное его расстройство было такъ велико, что онъ боялся зеркалъ, свѣта свѣчи, а о томъ, чтобъ увидѣть кого-нибудь, не хотѣлъ и думать, и въ эти печальные дни бывали съ незабвеннымъ Константиномъ Николаевичемъ ужасные пароксизмы: онъ рвалъ на себѣ платье, не принималъ никакой пищи, и только спасительный сонъ утешалъ его возмущенный организмъ. Но лѣтъ десять тому назадъ начала въ немъ обнаруживаться значительная переимѣна къ лучшему: онъ сталъ гораздо кротче, общительнѣе, началъ заниматься чтеніемъ, и страсть его къ чтенію постоянно усиливалась до самой кончины. Любимыми авторами его были М. Н. Муравьевъ, Карамзинъ, Измайловъ, Крыловъ, Капнистъ и Кантемиръ. Очень часто случалось, что онъ цитировалъ цѣлыя страницы Державина на память, которая ему не измѣняла до послѣднихъ дней. Говоря о своихъ походахъ, онъ всегда вспоминалъ о Денисѣ

¹⁾ Статья П. Гр. Гревенса напечатана въ Вологодскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ 1855 г., №№ 42 и 43; часть этой статьи перепечатана въ Р. Старинѣ 1833 г., т. XXXIX, стр. 544—550. На основаніи статьи П. Гр. Гревенса и другихъ печатныхъ матеріаловъ составлена статья Н. Боева (О. Н. Берга): „Батюшковъ въ Вологдѣ“, напечатанная въ Р. Вѣстникѣ, 1874 г., № 8.

Васильевичъ Давыдовъ, превозносилъ похвалами его историческую отвагу, съ грустью говорилъ о бывшихъ своихъ начальникахъ, генералахъ Бахметевъ и Раевскомъ, и въ особенности о послѣднемъ. Изъ друзей своихъ чаще всего упоминалъ о Жуковскомъ, Тургеневъ и князь Вяземскомъ и всегда съ особенною любовію отзывался о Карамзинѣ и обо всемъ его семействѣ, которое называлъ роднымъ себѣ. Неизмѣнный въ любви своей къ природѣ, онъ не переставалъ жить ею: собираніе цвѣтовъ и рисованіе ихъ съ природы составляло любимѣйшее его занятіе. Иногда выходили изъ-подъ его кисти и пейзажи; но что-то печальное отражалось на его рисункѣ и характеризовало его моральное состояніе. Луна, крестъ и лошадь — вотъ непремѣнныя принадлежности его ландшафтовъ. Глубокое знаніе языковъ французскаго и итальянскаго не оставило его никогда, и весьма часто, сидя одинъ, цитировалъ онъ цѣлыя тирады изъ Тасса.

„День его обыкновенно начинался очень рано. Вставалъ онъ часовъ въ 5 лѣтомъ, зимою же часовъ въ семь, затѣмъ кушалъ чай и садился читать или рисовать; въ 10 часовъ подавали ему кофе, а въ 12 онъ ложился отдыхать и спалъ до обѣда, то-есть, часовъ до 4-хъ; опять рисовалъ или приказывалъ приводить къ себѣ маленькихъ своихъ внуковъ, изъ которыхъ одного чрезвычайно любилъ, и когда тотъ умеръ, то горевалъ очень долго о потерѣ, какъ онъ самъ говорилъ, „своего маленькаго друга“. Требовалъ, чтобъ ему поставили памятникъ съ слѣдующею надписью:

Il était de ce monde où les plus belles choses
Ont le pire destin,
Et rose, il a vécu ce que vivent les roses,
L'espace d'un matin.

„Малютка этотъ похороненъ въ Прилуцкомъ монастырѣ, куда Константинъ Николаевичъ часто ѣздилъ гулять и дышать

+20*

чистымъ воздухомъ. Живя лѣтомъ въ деревнѣ, онъ одну ночь проводилъ дома, все прочее время постоянно гулялъ, и это движеніе много способствовало тому прекрасному состоянію его физическаго здоровья, которымъ онъ пользовался до послѣднихъ дней своей жизни“.

Въ 1841 году ѣздилъ въ Вологду М. П. Погодинъ. Онъ посѣтилъ Батюшкова и въ своемъ дорожномъ дневникѣ, подъ 23-мъ августа, записалъ о немъ слѣдующее: „Отправился къ Батюшкову, по вызову священника, въ чьемъ домѣ онъ живетъ. Прекрасныя комнаты... Константинъ Николаевичъ провелъ ночь не хорошо. Священникъ и г. П. совѣтывали мнѣ встрѣтиться съ нимъ на прогулкѣ, въ саду надъ рѣкою, куда онъ сейчасъ долженъ идти. Получивъ свѣдѣнія отъ нихъ объ его состояніи и нѣсколько рисунковъ его работы, я отправился въ садъ. Черезъ часъ я вижу и Батюшкова. Онъ совершенно здоровъ физически, но посѣдѣлъ, ходитъ быстро и безпрестанно дѣлаетъ жесты твердые и рѣшительные; встрѣтился съ нимъ два раза, а болѣе боялся, чтобъ не возбудить въ немъ подозрѣнія“¹⁾.

Болѣе счастливо было свиданіе съ Константиномъ Николаевичемъ С. П. Шевырева, посѣтившаго Вологду въ 1847 году. Директоръ мѣстной гимназіи, „А. В. Башинскій“, рассказываетъ Шевыревъ, — „повезъ меня къ начальнику удѣльной конторы Г. А. Гревенсу, въ домѣ котораго живетъ Константинъ Николаевичъ Батюшковъ, окруженный нѣжными заботами своихъ родныхъ. Болѣзненное состояніе его перешло въ болѣе спокойное и неопасное ни для кого. Небольшаго росту человекъ, сухой комплекціи, съ головкой почти совсѣмъ сѣдою, съ глазами, ни на чемъ не остановленными, но безпрерывно разбѣгающимися, съ странными движеніями, особенно въ плечахъ, съ голосомъ раздраженнымъ и хрипливо-тонкимъ, предсталъ передо мною. Подвижное лицо его свидѣтельствовало о нервической его раз-

¹⁾ Москвитянинъ 1842 г., кн. 8, стр. 281, 282.

дражительности. На видъ ему лѣтъ 50 или болѣе. Такъ какъ мнѣ сказали, что онъ любитъ италіянскій языкъ и читаетъ иногда на немъ книги, то я началъ съ нимъ говорить по италіянски, но проба моя была неудачна. Онъ ни слова не отвѣчалъ мнѣ, разсердился и быстрыми шагами вышелъ изъ комнаты. Черезъ полчаса однако успокоился, и мы вмѣстѣ съ нимъ обѣдали. Но кажется, всѣ связи его съ прошедшимъ уже разорваны. Друзей своихъ онъ не признаетъ. За обѣдомъ, въ разговорѣ, онъ сослался на свои „Опыты въ прозѣ“, но въ такой мысли, которой тамъ вовсе нѣтъ. Говорятъ, что попытка читать передъ нимъ стихи изъ „Умирающаго Тасса“ была также неудачна, какъ и моя проба говорить съ нимъ по италіянски. Я упомянулъ, что въ Римѣ, на piazza Poli, Русскіе помнятъ домъ, въ которомъ онъ жилъ, и указываютъ на его окна. Казалось, это было для него не совсѣмъ непріятно. Также прочли ему когда-то статью объ немъ, напечатанную въ „Энциклопедическомъ Лексиконѣ“¹⁾: она доставила ему удовольствіе. Какъ будто любовь къ славѣ не совсѣмъ чужда еще чувствамъ поэта, при его умственномъ разстройствѣ!

„Батюшковъ очень набоженъ. Въ день своихъ именинъ и рожденія онъ всегда проситъ отслужить молебенъ, но никогда не дастъ пону за то денегъ, а подарить ему розу или апельсинъ. Вкусъ его къ прекрасному сохранился въ любви къ цвѣтамъ. Нерѣдко смотритъ онъ на нихъ и улыбается. Любитъ дѣтей, играть съ ними, никогда ни въ чемъ не откажетъ ребенку, и дѣти его любятъ. Къ женщинамъ питаетъ особенное уваженіе: не сумѣетъ отказать женской просьбѣ. Полное вліяніе имѣетъ на него родственница его Елизавета Петровна Гревенсъ: для нея нѣтъ отказа ни въ чѣмъ. Нерѣдко гуляетъ. Охотно слушаетъ чтеніе и стихи. Дома любимое его занятіе—живопись. Онъ пишетъ ландшафты. Содержаніе ландшафта почти

¹⁾ Т. V, стр. 96, 97, статья В. Т. Плаксина.

всегда одно и то же. Это элегія или баллада въ краскахъ: конь, привязанный къ колодцу, луна, дерево, болѣе ель, иногда могильный крестъ, иногда церковь. Ландшафты писаны очень грубо и нескладно. Ихъ даритъ Батюшковъ тѣмъ, кого особенно любить, всего болѣе дѣтямъ. Дурная погода раздражаетъ его. Бываютъ иногда капризы и внезапныя желанія. Въ числѣ несвязныхъ мыслей, которыя выражалъ Батюшковъ въ разговорѣ съ директоромъ гимназіи, была одна, достойная человѣка вполнѣ разумнаго, что свобода наша должна быть основана на евангельскомъ законѣ¹⁾.

Одновременно съ С. П. Шевыревымъ посѣтилъ Вологду Н. В. Бергъ и также оставилъ свои воспоминанія о встрѣчѣ съ Батюшковымъ. При первомъ своемъ появленіи въ домѣ Г. А. Гревенса Бергъ произвелъ непріятное впечатлѣніе на печально увидѣвшаго его Константина Николаевича: большой не любилъ и сердился, когда приходили на него смотрѣть. Но потомъ это впечатлѣніе сгладилось, и онъ пилъ утренній чай и кофе вмѣстѣ съ гостемъ. „Тутъ“, рассказываетъ Н. В. Бергъ, — „я старался разсмотрѣть, какъ можно лучше, черты его лица. Оно тогда было совершенно спокойно. Темносѣрые глаза его, быстрые и выразительные, смотрѣли тихо и кротко. Густыя, черныя съ просѣдью брови не опускались и не сдвигались. Лобъ разгладился отъ морщинъ. Въ это время онъ нѣсколько не походилъ на сумасшедшаго. Какъ ни вглядывался я, никакого слѣда безумія не находилъ на его смирномъ, благородномъ лицѣ. Напротивъ, оно было въ ту минуту очень умно. Скажу здѣсь и обо всей его головѣ: она не такъ велика; лобъ у него открытый, большой; носъ маленькій, съ горбомъ; губы тонкія и сухія; все лицо худощаво, нѣсколько морщиновато; особенно замѣчательно своею необыкновенною подвижностію; это совер-

¹⁾ Шевыревъ. Пѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. М. 1850, ч. I, стр. 109, 110.

шенная молнія; переходы отъ спокойствія къ безпокойству, отъ улыбки къ суровому выраженію чрезвычайно быстры. И весь вообще онъ очень живъ и даже вертлявъ. Все, что ни дѣлаетъ, дѣлаетъ скоро. Ходить также скоро и широкими шагами. Глядя на него, я вспомнилъ извѣстный его портретъ; но онъ теперь почти не похожъ, и тотъ полный лицомъ, кудравый юноша ничуть не напоминаетъ гладенькаго, худенькаго старичка... Допивъ кофе, (онъ) всталъ и началъ опять ходить по залѣ; опять останавливался у окна и смотрѣлъ на улицу; иногда поднималъ плечи вверхъ, что-то шепталъ и говорилъ; его неопредѣленный, странный шопотъ былъ нѣсколько похожъ на скорую, отрывистую молитву, и можетъ быть, онъ въ самомъ дѣлѣ молился, потому что иногда закидывалъ назадъ голову и, какъ мнѣ показалось, смотрѣлъ на небо; даже мнѣ однажды послышалось, что онъ сказалъ шопотомъ: „Господи!..“ Въ одну изъ такихъ минутъ, когда онъ стоялъ такимъ образомъ у окна, мнѣ пришло въ голову срисовать его сзади. Я подумалъ: это будетъ Батюшковъ безъ лица, обращенный къ намъ спиной,— и я, вынувъ карандашъ и бумагу, принялся какъ можно скорѣе чертить его фигуру; но онъ скоро замѣтилъ это и началъ меня ловить, кидая изъ-за плеча безпокойные и сердитые взгляды. Безумію опять заиграло въ его глазахъ, и я долженъ былъ бросить работу“ ¹⁾.

Событія Восточной войны 1853—1855 годовъ чрезвычайно занимали Константина Николаевича. Онъ слѣдилъ за ними по русскимъ и иностраннымъ газетамъ (изъ послѣднихъ особенно любилъ *L'Indépendance belge*) и по картѣ военныхъ дѣйствій; осуждалъ политику Наполеона III и бранилъ Турокъ. Военныя событія этихъ годовъ напоминали ему тѣ войны, въ которыхъ

¹⁾ Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, т. I, стр. 112—114. Тамъ же помѣщенъ набросокъ Н. В. Берга, изображающій Батюшкова, какъ онъ имъ описанъ передъ окномъ.

онъ самъ участвовалъ, и это давало ему поводъ говорить о сраженіяхъ подъ Гейльсбергомъ, гдѣ онъ былъ раненъ, и подъ Лейпцигомъ, гдѣ убитъ былъ другъ его Петинъ; церковь и могильный крестъ, которые онъ любилъ рисовать, также были воспоминаніемъ о товарищѣ его молодости.

О послѣднихъ дняхъ Батюшкова передадимъ словами П. Гр. Гревенса: „Тифозная горячка, которая унесла въ могилу Константина Николаевича, началась 27-го іюня; но никто изъ окружающихъ его не могъ думать, чтобъ она приняла такой печальный исходъ. Въ періодъ времени отъ начала болѣзни до дня кончины, Константинъ Николаевичъ чувствовалъ облегченіе, за два дня до смерти даже читалъ самъ газеты, приказалъ подать себѣ бриться и былъ довольно веселъ; но на другой день страданія его усилились, пульсъ сдѣлался чрезвычайно слабъ, и 7-го іюля 1855 года онъ умеръ въ 5 часовъ по полудни. Конечъ его былъ тихъ и спокоенъ. Въ послѣдніе часы его жизни, племянникъ Г. А. Гревеницъ сталъ убѣждать его прибѣгнуть къ утѣшеніямъ вѣры; выслушавъ его слова, Константинъ Николаевичъ крѣпко пожалъ ему руку и благоговѣнно перекрестился три раза. Вскорѣ послѣ этого Константинъ Николаевичъ уснулъ сномъ праведника“ ¹⁾).

Константинъ Николаевичъ погребенъ въ Спасо-Прилуцкомъ монастырѣ, въ 5 верстахъ отъ Вологды. Погребеніе происходило 10-го іюля; гробъ поэта провожали до могилы епископъ Вологодскій и Устюгскій Θεогностъ съ городскимъ духовенствомъ и многіе Вологжане. Литургія и отпѣваніе были совершены самимъ преосвященнымъ, а надъ могилой протоіерей Прокошевъ произнесъ надгробное слово.

¹⁾ Вологодскія губ. вѣдомости 1855 г., № 43.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Батюшковъ пережилъ большую часть своихъ сверстниковъ на поприщѣ словесности; но остановленный въ своемъ развитіи тяжкимъ недугомъ, онъ прекратилъ литературную дѣятельность раньше всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ вмѣстѣ началъ ее. Въ тридцатичетырехлѣтній періодъ его душевной болѣзни русская литература совершенно преобразилась; первые дѣйствительные успѣхи того славнаго генія, которому она обязана этимъ переворотомъ, совпадаютъ съ концомъ творческой жизни Батюшкова. Въ этомъ случайномъ совпаденіи есть однако тѣсная внутренняя связь: Батюшковъ былъ ближайшимъ предшественникомъ Пушкина въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Совершенство Пушкинскаго стиха было подготовлено мастерскимъ стихомъ Батюшкова. Скажемъ болѣе: не ровня дарованія обоихъ поэтовъ, нельзя не признать нѣкоторыхъ общихъ чертъ въ характерѣ ихъ творчества. „Пушкинъ“ — говорятъ намъ — „внесъ въ наше образованіе начало художественное, начало чистой поэзіи... Пушкинъ... впервые въ исторіи нашего умственного образованія коснулся того, что составляетъ основу жизни, коснулся индивидуальнаго, личнаго существованія. Русское слово, въ лицѣ Пушкина, нашло путь къ жизни и приобрѣло способность выражать дѣйствительность въ ея внутреннихъ источникахъ. До него поэзія была дѣломъ школы; послѣ него она стала дѣломъ жизни, ея общественнымъ сознаниемъ“¹⁾. Но еще до Пушкина Жуковский и Батюшковъ выходили уже на тотъ путь, по которому такъ побѣдоносно прошелъ онъ. Оба они также стремились освободить нашу поэзію отъ вліянія школы, и оба не безъ успѣха. Вспомнимъ, что нѣкоторые мотивы поэзіи Жуковскаго, его романтическій идеализмъ увлекали читателей довольно долго даже и въ Пушкинскій періодъ. Но Жуковский въ своемъ творествѣ былъ менѣе самостоятеленъ, чѣмъ Батюшковъ: міросозерцаніе

¹⁾ М. Н. Катковъ. Пушкинъ — въ Русскомъ Вѣстникѣ 1856 г., т. II, стр. 284.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Жуковского, очень рано сложившееся, очень определенное въ своемъ содержаніи, слишкомъ отзывалось своимъ происхожденіемъ съ чужой почвы. У Батюшкова нѣтъ такой цѣльности міросозерцанія; въ немъ, въ извѣстную пору, видѣнъ крутой поворотъ поэтической мысли; но самое это развитіе свидѣтельствуеть о большей самобытности и большей силѣ его таланта. Батюшковъ; какъ позже Пушкинъ, стремился найти основу для своего творчества въ дѣйствительности, въ непосредственномъ кругѣ своихъ впечатлѣній. Свойство его таланта было исключительно лирическое, и въ этомъ заключается и слабость его, и сила: слабость—потому, что лирическимъ отношеніемъ къ дѣйствительности не исчерпывается воссозданіе жизни въ поэзіи; сила—потому что въ сферѣ лирики онъ сумѣлъ коснуться самыхъ глубокихъ, самыхъ чувствительныхъ струнъ сердца; сила его таланта сказалась и въ его объективности: поэтъ, раскрывшій намъ тайну своего разочарованія въ элегіяхъ 1815 года и въ „Умирающемъ Тассѣ“, могъ въ то же время проникнуться свѣтлымъ міросозерцаніемъ древности и написать „Вакханку“ и подражанія греческой Антологіи.

Говорять, что поэзія Батюшкова „почти лишена содержания¹⁾), и что она „безлична въ смыслѣ народности“²⁾). Поэтъ нашъ, конечно, не задавался намѣреніемъ развивать въ своихъ стихахъ какіе-нибудь философскіе тезисы; но отрицать присутствіе живой мысли въ его произведеніяхъ не справедливо: если въ піесахъ молодой поры онъ не идетъ далѣе выраженія ходячихъ въ его время понятій гораціанскаго эпикуреизма, то въ стихотвореніяхъ своего зрѣлаго періода изображаетъ страданія своей надломленной жизнью души: обманувшія его мечты о счастіи вызвали его горькое разочарованіе, и это тяжелое

¹⁾ Сочиненія Бѣлинскаго, т. VI, стр. 49.

²⁾ Рѣчь И. С. Аксакова на юбилейномъ Пушкинскомъ праздникѣ въ Москвѣ 7-го іюня 1880 года—Русскій Архивъ 1880 г., кн. II, стр. 471.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

душевное состояніе, это сознаніе разлада между идеаломъ и дѣйствительностью, впервые сказалось въ русской поэзіи—въ стихахъ Батюшкова. Въ молодости онъ обнаруживалъ нѣкую склонность къ сатирѣ; но онъ отказался отъ нея, когда талантъ его освободился отъ раздражительности и, конечно, былъ правъ: сознательно ограничивъ предѣлы своего творчества, онъ создалъ лучшія свои произведенія. Горе художнику, который ищетъ мотивовъ для своихъ произведеній внѣ своей души и своего внутреннего настроенія!

Упрекъ въ недостатокъ народности можетъ быть обращенъ къ Батюшкову не въ большей мѣрѣ, чѣмъ къ другимъ современнымъ ему поэтамъ: попытки Жуковского затронуть народные мотивы имѣютъ чисто внѣшній характеръ, и можетъ быть, Батюшковъ сознательно воздерживался отъ соблазна ступить на этотъ скользкій путь; русскія бытовныя черты чрезвычайно рѣдки въ его поэзіи; напомнимъ однако очень удачный — и смѣлый для своего времени — образъ „калѣки-воина“ въ посланіи Пенатамъ“. За то непосредственное хранилище народности, русскій языкъ, является въ его рукахъ послушнымъ уже орудіемъ: искусство владѣть имъ никому изъ современниковъ, кромѣ Крылова, не было доступно въ такой мѣрѣ, какъ Батюшкову, и только послѣ него доведено было до высшей степени совершенства Пушкинымъ и Грибоѣдовымъ. Упоминаемъ имя автора „Горя отъ ума“ потому, что до него только сказка Батюшкова „Странствователь и домосѣдъ“, вмѣстѣ съ баснями Крылова, можетъ быть приведена въ образецъ простой поэтической рѣчи. Другаго характера поэтической слогъ и языкъ — въ элегіяхъ, посланіяхъ и антологическихъ піесахъ Батюшкова — подготовилъ способъ выраженія въ подобныхъ стихотвореніяхъ Пушкина.

Какъ въ дѣйствительной жизни Батюшковъ обнаружилъ способность только къ поэтическому творчеству, такъ и въ искусствѣ онъ былъ чистымъ художникомъ. Онъ не хотѣлъ знать за собою никакого другаго призванія, а за искусствомъ

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

не признавалъ практическихъ цѣлей, но ясно понималъ его высокое, облагораживающее, и потому полезное значеніе. Сознательность поэтическаго творчества составляетъ его отличительную черту. И въ этомъ отношеніи Батюшковъ стоялъ впереди большинства литературныхъ дѣятелей своего времени и былъ ближе, чѣмъ къ нимъ, къ слѣдующему поколѣнію писателей.

Такимъ образомъ, и въ разработкѣ внѣшней поэтической формы, и въ дѣлѣ внутренняго развитія поэтическаго творчества, и наконецъ, въ отношеніяхъ поэзіи къ обществу художественная дѣятельность Батюшкова представляетъ счастливые начатки того, что получило полное осуществленіе въ дѣятельности гениальнаго Пушкина; потому-то Пушкинъ и признавалъ такъ открыто свое духовное родство съ Батюшковымъ. Великій преемникъ заслонилъ собою даровитаго предшественника; но Батюшковъ не можетъ быть забытъ въ исторіи русской художественной словесности. При блескѣ солнца меркнетъ блѣдная луна; но въ Божьемъ мірѣ всему есть свой часъ и свое мѣсто.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Докладная записка о К. Н. Батюшковѣ, представленная графу И. А. Капо д'Истрія въ 1817 году ¹⁾.

Il n'est point de devoir plus agréable à remplir, que celui de signaler le mérite modeste aux yeux du digne dépositaire de la confiance de l'Empereur.

Mr. de Batuchkof est entré au service en 1805. Il n'a fait que suivre sa vocation la plus chère en embrassant à cette époque la carrière de l'instruction publique; il justifia bientôt par ses talents la bienveillance particulière que lui témoigna mr. de Mouravief, curateur de l'université de Moscou, auprès duquel il remplit les fonctions de secrétaire. En 1807 la voix de la patrie lui fit prendre les armes. Il participa aux affaires de Guttstadt, de la Passarge et de Heilsberg, où il reçut une blessure grave à la jointure de la cuisse; une balle la traversa. Pour récompense il fut placé au régiment des chasseurs de la garde comme enseigne. Il fit postérieurement les campagnes de Finlande: il se trouva aux deux affaires d'Idensalmi et fit partie de l'expédition d'Aland. En 1809, il obtint, avec le rang de sous-lieutenant et l'uniforme, une démission que ses blessures réclamaient impérieusement. Vers la fin de 1812, il suivit de nouveau les drapeaux de l'armée et entra au régiment de Rylsk avec le rang de capitaine en second. D'abord aide de camp du lieutenant-général Bakhmètf, il remplit ensuite les mêmes fonctions près de mr. le général Raiewsky. Il s'est trouvé constamment sous ses ordres durant les campagnes de 1813 et 1814, aux batailles de Leipzig, de Brienne, de Troyes, aux combats de Villenoxe, d'Arcis, de la Fère-Champenoise, du Chateau-Reveillon, de Bondy et de Paris, s'y conduisant, d'après les expressions de son chef, avec un courage distingué. En 1816 il fut transféré au régiment d'Izmailovsky. Quelque fut son désir de poursuivre le service militaire, l'extrême affaiblissement de sa santé ne lui permit pas de songer à en affronter les difficultés; et sa délicatesse naturelle, peut être exagérée, s'opposa d'un autre côté à ce qu'il voulut profiter d'un congé limité au moyen du quel il aurait continué à jouir des agréments du service

¹⁾ Печатаемая записка извлечена изъ дѣла о службѣ Батюшкова по министерству иностранныхъ дѣлъ, хранящагося въ Московскомъ архивѣ означеннаго министерства; составлена она, вѣроятно, Д. П. Сѣвериннымъ.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

sans en remplir les pénibles devoirs. Il ne sut concilier la nécessité avec ses scrupules qu'en donnant sa démission. On le congédia comme assesseur de collègue.

Telle est la carrière active que mr. de Batuchkof a parcourue au service; mais les fruits de ses veilles littéraires doivent lui acquérir autant de titres à l'estime et à l'intérêt que la distinction avec laquelle il a manié l'épée. Ses deux volumes d'«Essais en prose et en vers» lui ont valu les suffrages de tous les vrais amis de la littérature russe. Doué d'une âme intimement religieuse, d'un coeur aimant et sensible, d'une imagination qui se complait également aux ardeurs du midi et aux mélancoliques reflets du septentrion, ses écrits portent la touchante empreinte de ces différentes qualités. Leur développement progressif se trouve paralysé par la situation fâcheuse où le place l'extrême médiocrité de sa fortune et ses souffrances physiques. L'influence réparatrice du climat d'Italie pourrait seule en arrêter le cours. Agrégé surnumérairement à l'une de nos missions dans ce pays avec un traitement annuel de mille roubles bonifiés et la permission de vaquer d'abord exclusivement à la restauration de sa santé, mr. de Batuchkof ferait par la suite honneur au département des affaires étrangères; tous ses voeux seraient accomplis, et nos muses reconnaissantes célébreraient à l'envi la main généreuse qui aurait retiré de l'abîme leur nourrisson favori.

St.-Pétersbourg.

Ce 16 septembre 1817.

II.

Письма двадцатыхъ годовъ, относящіяся до К. Н. Батюшкова ¹⁾.

1.

А. Я. Италинскій графу К. В. Нессельроду.

Rome. Le $\frac{14}{26}$ avril 1821.

Monsieur le comte! C'est avec une bien vive affliction que je dois informer votre excellence, que la santé de monsieur le conseiller de cour de Batuchkof n'a point gagné depuis son séjour à Rome. Les medecins disent qu'il lui faut absolument respirer l'air du midi de la France. Cet employé, aussi

¹⁾ Изъ числа помѣщаемыхъ здѣсь писемъ №№ 1, 2, 6, 8, 9 и 12 извлечены изъ дѣла о службѣ Батюшкова, хранящагося въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ; №№ 3, 4, 11, 13 и 14—изъ бумагъ Жуковскаго; №№ 5 и 7—изъ семейныхъ бумагъ, сообщенныхъ Г. А. Гревенсомъ; № 15—изъ собранія автографовъ А. Ѳ. Бычкова; № 16 доставленъ вдовою доктора Дитриха.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

recommandable par le zèle avec lequel il a servi pendant deux années à Naples, malgré toutes ses souffrances physiques, suites des dangereuses blessures qu'il a remportées dans les glorieuses campagnes de la délivrance européenne, que par son beau talent pour la poésie, qui fait de lui un ornement de sa patrie, cet employé, dis-je, n'a presque pas de fortune. Ces considérations, autant que la circonstance qui fait qu'il n'a point encore été assez heureux pour obtenir quelque témoignage de la satisfaction souveraine depuis qu'il sert dans la diplomatie, m'engagent à supplier votre excellence de vouloir bien obtenir, pour monsieur de Batuchkof, la munificence de Sa Majesté l'Empereur, un congé illimité, afin de soigner sa santé, avec une augmentation d'appointements de 500 roubles bonifiés, ce qui avec les mille roubles argent qu'il a à cette heure, lui ferait un total de 1,500 roubles bonifiés.

Les productions littéraires de cet employé qui lui ont valu tant en Russie qu'à l'étranger une réputation justement méritée, sont de sûrs [garants, qu'avec le rétablissement de sa santé il pourra reprendre ses fonctions et enrichir encore notre littérature nationale de nouvelles productions, où l'on retrouvera, je n'en doute pas, toute la beauté de son caractère, toute la richesse de son imagination au milieu d'une diction toujours aussi pure qu'élégante.

J'ai l'honneur d'être avec la plus haute considération, monsieur le comte, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur d'Italinsky.

2.

A. Я. Италиискій графу К. В. Нессельроду.

Rome. Le ^{29 octobre}
11 novembre 1821.

Monsieur le comte! Monsieur le conseiller de cour Batuchkof a profité depuis plusieurs mois avec la plus profonde reconnaissance du semestre illimité, que Sa Majesté l'Empereur a daigné lui accorder, pour se rendre aux bains de Töplitz afin d'y soigner une santé délabrée. Je vois par des lettres consécutives que cet employé m'a écrites, qu'il n'a pas éprouvé l'amélioration de santé, qu'il s'était promise, de l'usage des eaux et d'un changement d'air.

Les souffrances physiques aux quelles il est en proie paraissent avoir été accrues par le scrupule de rester au service et de jouir de tous les avantages qu'il accorde, tandis que son état de santé recule de plus en plus l'instant, où il avait espéré pouvoir entrer en activité. Toutes mes représentations, tout ce que l'estime et l'intérêt pouvaient m'inspirer de propre à calmer des inquiétudes dictées par une belle âme, mais toujours gratuites, parceque ses souffrances sont les suites de blessures reçues et de fatigues souffertes sur le champ d'honneur, rien n'avait pu porter le calme dans l'esprit de cet infortuné jeune homme. Riche de connaissances, doué d'un très haut talent, honoré des bienfaits de son Maître, entouré de l'estime et de l'amitié de tous ceux qui l'ont connu au milieu des rangs des défenseurs de la patrie et dans la

ПРИЛОЖЕНИЯ.

solitude du cabinet, enrichissant la littérature nationale de belles productions, cependant il ne se croit plus digne de l'honneur de servir Sa Majesté l'Empereur. Accablé de maux et ne pouvant donner des soins à ses souffrances, qu'autant que notre Auguste Maître a daigné lui accorder ses généreux bienfaits, monsieur de Batuchkof m'a conjuré à diverses reprises de solliciter son congé définitif, sans vouloir considérer qu'un semestre illimité ne lui impose aucune obligation de service et que des appointements fournissent à ses besoins.

Plus votre excellence appréciera l'extrême délicatesse qui préside à la demande de monsieur de Batuchkof, plus j'aime à espérer, qu'elle voudra bien être près Sa Majesté l'Empereur l'interprète de ce que je viens d'exposer sur la position vraiment pénible de monsieur de Batuchkof, qui sans la conservation de ses appointements à titre de pension resterait dans une terre étrangère exposé à tous les besoins.

J'ai l'honneur d'être avec la plus haute considération, monsieur le comte, de votre excellence le très humble et obeissant serviteur d'Italinsky.

3.

Князь П. А. Вяземский В. А. Жуковскому.

Москва. 4-го января 1823 г.

Я писалъ къ Батюшкову: чтобы дать своему письму возможную невinnostь послала сочиненія Василя Львовича. Жена также приписала нѣсколько строкъ. Въ письмѣ всего пробую: стараюсь заирать старыя воспоминанія, расшевелить старину сердца, говорю ему о занятіяхъ, пользѣ ихъ; шучу надъ Васильемъ Львовичемъ. Пишу также къ Мюльгаузену, прошу его осторожно понавѣдаться отъ Батюшкова, какъ расположенъ онъ ко мнѣ. Если есть еще прежняя дружба, то поѣдемъ за нимъ. Ты можешь отпроситься легко въ отпускъ, а я отпрошусь у обстоятельствъ, и совершимъ это доброе дѣло. Не имѣю времени долге распространяться съ тобою; вотъ мое письмо къ Шипилову, прочти его и отошли къ нему; изъ него узнаешь ты мои мысли. Изъ Остафьева буду писать болге.

„Дмитріева“ моего переписываютъ. Доставлю вамъ списокъ и соглашаюсь на большую часть требованій издателей; винюсь предъ ими и тобою въ несправедливости моихъ догадокъ. Быть по твоему. Обнимаю тебя отъ души. Тургеневу буду писать изъ деревни.

Спроси у Тургенева, далъ ли онъ тогда письмо мое Батюшкову, и какъ было оно принято? Я никакъ не могъ отъ Тургенева добиться отвѣта на этотъ вопросъ.

Приписка Тургенева. О письмѣ не помню. Къ Вяземскому послалъ уже копію съ письма Перовскаго.

Д. А. Кавелинъ В. А. Жуковскому.

Симферополь. 13-го февраля (1823 г.).

Приѣхавши сюда, любезный Жуковскій, первый мой визитъ былъ Батюшкову. Случайно остановился я въ одномъ съ нимъ трактирѣ. Меня предупредили, что онъ никого не принимаетъ, кромѣ доктора Мюльгаузена, и даже на своего человѣка онъ разсердился и не велѣлъ ему ходить за собою (за то, что онъ выпустилъ къ нему полицеймейстера, которому приказано было отъ губернатора, во время его отсутствія, навѣдываться къ больному). Прежде нежели идти къ нему, я написалъ ему, что я приѣхалъ сюда по службѣ и имѣю письмо отъ Жуковского, то велитъ ли прислать его, или захочетъ видѣться со мною. Онъ прислалъ меня звать. Я нашелъ его лежащаго въ халатѣ на постелѣ, въ чрезвычайно холодной комнатѣ. Принялъ онъ меня ласково, распрашивалъ о тебѣ, о Катеринѣ Фёдоровнѣ Муравьевой, о Никитѣ Муравьевѣ и объ Олениныхъ; говорилъ очень хорошо, пока не коснулся гоненій, son idée fixe: будто бы онъ кѣмъ-то гонимъ тайно, будто всѣ окружавшіе его на Кавказѣ и здѣсь суть орудія, употребленныя его врагами, чтобъ довести его до отчаянія, будто даже человѣкъ его подкупленъ ими и дѣлалъ разныя грубости и непослушанія. Онъ не велѣлъ ему показываться къ себѣ, а объѣдъ и что нужно приносить ему служанка, съ которою впрочемъ онъ никакихъ другихъ сообщеній не имѣетъ.

Лицомъ онъ не худъ и мнѣ кажется даже полнѣе, нежели я видѣлъ его года четыре тому назадъ, но блѣденъ, и видно, что онъ разстроенъ. Говоритъ очень дѣльно, пока не дойдетъ до гоненій; тогда слезы навертываются на глазахъ, и уже замѣтно разстройство; выраженія его на этотъ счетъ, сколько я могъ запомнить: „Я перенесъ то, что не многіе перенести могутъ; меня захаркали, заплевали; я весь разбитъ; я былъ въ сильной горячкѣ, былъ почти полумумный, изъ меня дѣлали сумасшедшаго; я нѣсколько разъ хотѣлъ зарѣзаться“. Я перервалъ его: „Вы никогда не были безбожникомъ; очень увѣренъ, что вы страдаете невинно, но Богъ милостивъ!“ „Я это очень знаю, вѣра меня и удержала отъ преступленія“ (а въ другое свиданіе сказалъ онъ мнѣ: „Я не зарѣзался отъ того, что врагамъ моимъ этого хотѣлось“). Я сказалъ ему: „Отъ чего вы думаете имѣть много враговъ? Я увѣрю васъ, что всѣ васъ уважаютъ; вы имѣете такихъ друзей, которые для васъ всѣмъ пожертвуютъ, и я бы совѣтовалъ вамъ, когда почувствуете себя лучше, ѣхать въ Москву или въ Петербургъ, чтобы быть ближе къ друзьямъ вашимъ и роднымъ, тѣмъ жить въ такомъ мѣстѣ, гдѣ вы никого не знаете“. „Я не сойду съ постели, изъ Симферополя не выѣду; если выгонятъ изъ дому, я буду бивуакировать на площади; письма друзей вы видите передо мной (и точно, они лежали распечатанныя передъ нимъ); я всѣмъ имъ буду отвѣчать; теперь еще не могу; для меня все кончено; я убитъ, но не желаю лучшаго состоянія; Богъ видитъ мою душу, въ ней нѣтъ надежды, въ этомъ свѣтѣ я

+21

Приложенія.

не хочу ее имѣть; я въ немъ былъ слишкомъ наказанъ, гонимъ; на тотъ свѣтъ предстану очищеннымъ; впрочемъ, совѣсть не упрекаетъ меня ни въ какихъ важныхъ преступленіяхъ. Si on m'avait enfermé, enchainé, je serais peut-être plus utile, je me serais occupé de quelque science, de l'Évangile, et je pourrais être un homme comme il faut; mais on m'interrompt, on me persécute, en affectant de me traiter avec un certain respect". Наконецъ помолчавши, прощаясь съ нимъ, сказалъ я: „Надѣюсь, что вы не будете церемониться со мною; когда вы захотите меня видѣть, пришлите за мной, а когда нѣтъ—то не принуждайте себя, я бы не хотѣлъ быть вамъ въ тягость“. Онъ поблагодарилъ. „Что велите вы сказать Жуковскому? Лучше ли вы себя чувствуете?“ „Что вы хотите, кланяйтесь отъ меня, я буду писать къ нему, но не знаю что; скажите ему о мнѣ, что вы хотите, mais en tout cas ne me compromettez pas“. На другой день докторъ Мюльгаузенъ былъ у него; я спросилъ его къ себѣ и спрашивалъ о болѣзни. Онъ подтвердилъ, что постоянная мысль его—гоненіе, что теперь онъ гораздо лучше, но что мѣсяцъ тому назадъ былъ онъ очень худъ, и къ несчастію, во время болѣзни его самого, то-есть, доктора; что онъ требовалъ духовника и объявилъ ему, что хочетъ зарѣзаться; по выздоровленіи доктора послалъ за нимъ и объявилъ ему то же; бросилъ всѣ книги въ огонь, кромѣ Евангелія, и сказалъ ему, что „прошу васъ быть свидѣтелемъ, что я, кромѣ по сію пору напечатанныхъ моихъ сочиненій, ничего не писалъ, что если что-нибудь послѣ смерти моей и окажется, то это навѣрно фальшивое“. Мюльгаузенъ сталъ его уговаривать, и какъ онъ къ нему имѣетъ большую довѣренность, то наконецъ...

(Конца не сохранилось).

5.

П. А. Шипиловъ А. Н. Батюшковой ¹⁾.

19-го февраля 1823 года. Симферополь.

Любезная сестра Александра Николаевна! Ты, думаю, уже знаешь причину, которая заставила меня отложить отъѣздъ мой изъ Вологды на нѣсколько дней: Сашинька и Ленка занемогли; у первой сдѣлалась жаба, а другой чрезвычайно кашлялъ, да и Лиза сама была не такъ-то здорова. Такимъ образомъ, пробывъ съ ними до 29-го генваря, а тутъ положась на милость Господа и надѣясь, что и Иванъ Петровичъ по дружбѣ своей не оставитъ своимъ попеченіемъ, отправился въ дорогу и 14-го сего мѣсяца пріѣхалъ въ Симферополь.... Состояніе, въ какомъ увидѣлъ я милаго нашего

¹⁾ Это письмо печатается съ пропускомъ мѣстъ, не относящихся до К. Н. Батюшкова.

Приложенія.

брата, гораздо лучше, нежели какъ можно воображать себя въ отсутствіи. Съ удовольствіемъ встрѣтилъ онъ меня, съ свойственнымъ участіемъ спрашивалъ о всѣхъ не только о родныхъ или друзьяхъ его, но даже о людяхъ, почти совсѣмъ постороннихъ, какъ напримѣръ, о братѣ Петрѣ Алексѣвичѣ, объ Александрѣ Семеновичѣ, о Межаковѣ и прочихъ, и желалъ знать, какъ они проводятъ время. Однимъ словомъ, любезный другъ, я нашелъ гораздо, гораздо лучше, нежели какъ можно представить. Узнавъ отъ меня, что ты хотѣла сюда пріѣхать, онъ весьма одобрилъ непозволеніе тетушки на отъѣздъ твой изъ Петербурга, говоря, что прибытіе твое сюда только бы опечалило его. Докторъ Мюльгаузенъ, котораго по пріѣздѣ моемъ я тотчасъ отыскалъ, надѣется благотвѣтельнаго вліянія къ улучшенію и укрѣпленію здоровья брата отъ наступающей хорошей погоды; но еще лучше бы было, чтобъ въ послѣдствіи согласился онъ возвратиться въ Россію. Къ сожалѣнію моему, братъ не хочетъ слышать объ отъѣздѣ изъ Симферополя и рѣшимость его (довольно тебѣ извѣстная) столько непоколебима кажется, что не знаю, и вызовъ министра едва ли заставитъ переменить ее. Сюда приходятъ въ недѣлю двѣ почты: я дождусь ихъ въ надеждѣ прислать общаею бумагою отъ Нессельрода; но если не будетъ ея или въ случаѣ и тогда несогласія брата ѣхать со мною, долѣе остаться не могу.... Сперва остановился я здѣсь въ татарской гостиницѣ, но въ послѣдствіи, увидясь съ братомъ и найдя свободную комнату въ томъ же домѣ, гдѣ онъ живетъ, переехалъ сюда. Кромѣ обѣденнаго времени (ибо онъ непремѣнно хочетъ одинъ быть), бываю у него остатокъ дня. Обыкновенно ложится онъ спать рано, однако вчера самъ удержалъ меня часу до 11 ночи и сегодня всталъ, какъ сказывали мнѣ, очень веселъ.... Будь здорова, милый другъ сестра, вотъ искреннее желаніе преданнаго тебѣ душою Павла.

6.

Н. И. Перовскій графу Н. В. Нессельроду.

Simferopol. Le 15 mars 1823.

Monsieur le comte! Vous êtes sans doute déjà informé du malheureux état de M-r Batuchkof. Depuis le mois d'août qu'il est arrivé ici, malgré les soucis de m-r Mulhausen, malgré tout ce que j'ai pu faire, son état n'a fait qu'empirer parcequ'il a persisté à tout faire en conséquence. Enfin aujourd'hui c'est au delà de tout ce qu'on peut dire, et je crains bien que quand cette lettre vous parviendra, il n'existera plus, non de sa belle mort, mais de quelque coup violent sans qu'il y aie moyen de le prévenir. Il y a une quinzaine de jours qu'il s'est coupé la gorge avec un rasoir, mais les plaies n'étaient pas mortelles, et il en est guéri; mais son parti est pris irrévocablement. J'ai employé de concert avec m-r Mulhausen tous les moyens possibles pour le remédier, mais tout a été inutile. On le surveille autant que possible, mais cela devient extrêmement hasardeux dans un pays dénué de moyens et de gens

+21*

Приложения.

propres à la chose et dans une auberge dont je n'ai jamais pu parvenir à le faire sortir malgré tous mes efforts, d'autant plus qu'il est toujours enfermé et ne laisse entrer qu'une fille qui le sert depuis plusieurs mois; il a renvoyé son domestique, persuadé qu'il est de connivence avec ceux qui le persécutent. Enfin, monsieur le comte, vous ne sauriez vous faire l'idée combien ce malheureux jeune homme est à plaindre. Je ne conçois pas quelle cause a pu le plonger dans cet état. Je suis bien fâché qu'il aie choisi ce pays pour venir finir aussi tristement, car il m'a fait un mal inoui; je vous assure, monsieur le comte, que je ne puis y penser de sang froid; comment voir mourir aussi tristement un jeune homme à la fleur de l'âge et si intéressant sous tous les rapports sans pouvoir l'en empêcher ni lui donner aucun secours? C'est un vrai malheur qu'on l'aie laissé venir ici et qu'on ne l'aie pas gardé à Pétersbourg, où on aurait pu le traiter. Maintenant je désire me tromper, mais je crois que tout est trop tard.

Oserais-je vous prier, monsieur le comte, de présenter mes respects à madame la comtesse?

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect, monsieur le comte, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur N. Peroffsky.

7.

П. А. Шипиловъ А. Н. Батюшковой ¹⁾.

28-го марта 1823. Вологда.

Любезный другъ сестра Александра Николаевна! По приѣздѣ сюда я хотѣлъ съ прошедшею еще почтою писать къ тебѣ; но право, силъ не имѣлъ. Дорога измучила меня, а къ тому жъ и занемогъ, хотя совсѣмъ неопасно, но мучительно. Брата Константина Николаевича, не взирая на всѣ мои просьбы и убѣжденія возвратиться со мною, долженъ былъ я оставить, отнюдь не исполнивъ возложеннаго тетушкою порученія. Не знаю, какъ стануть (судить) меня люди: но въ совѣсти я правъ, скажу рѣшительно, и еслибъ я издержалъ собственныя мои деньги, то нисколько не жалѣлъ бы о поѣздѣ, ибо имѣлъ по крайней мѣрѣ удовольствіе пробыть нѣсколько дней съ братомъ. Общаннаго вызова Константина въ Петербургъ при мнѣ получено не было, хотя болѣе мѣсяца протекло съ того времени, какъ ты писала объ этомъ,—потому что письмо твое, чрезъ Таврическаго губернатора мною полученное, было отъ 23-го января, а я выѣхалъ изъ Симферополя 26-го февраля. Впрочемъ, болѣе ожидать было не возможно по причинѣ наступившей распутицы: Дифиръ и теперь былъ очень худъ въ Екатеринославѣ, а черезъ недѣлю послѣ того и совсѣмъ проѣзду бы не было, да и прочія рѣки сдѣлались бы затруднительны.

¹⁾ Печатается съ пропускомъ мѣстъ, не относящихся до К. Н. Батюшкова.

Н. И. Перовскій графу К. В. Нессельроду.

Simferopol. Le 19 avril 1823.

Monsieur le comte! Je m'empresse de vous informer de la réception de votre lettre en date du 4 avril, par laquelle vous me faites savoir les ordres de l'Empereur au sujet de M-r Batuchkof, et sans perdre un instant j'ai fait les dispositions nécessaires pour les exécuter. Son état n'a fait qu'empirer, et j'ai eu bien de la peine à le conserver jusqu'à présent. Il a fait plusieurs tentatives, mais qui heureusement ont été détournées par les mesures que j'ai prises. Il a voulu se jeter par la fenêtre, il a cherché à s'évader, il a demandé à différentes reprises que je lui fasse rendre son épée, que je lui donne des rasoirs pour se faire la barbe, mais voyant que tout cela ne réussissait pas, il a cherché à ravoir sa liberté en me rendant responsable des souffrances par les quelles il terminerait ses jours, puisque je ne voulais pas lui laisser la liberté de le faire de la manière la moins douloureuse, car sur cet article il est demeuré imperturbable, et je lui ai déclaré que tant qu'il persisterait dans ce projet, je devais absolument employer tous les moyens qui étaient en mon pouvoir pour l'en empêcher. En attendant, m-r Mulhausen n'a cessé de le voir, et il a toujours insisté auprès de lui pour qu'on le laisse entièrement libre, mais toujours dans la ferme résolution de se détruire; je lui ai proposé de le faire raser, mais il a refusé disant qu'il voulait qu'on lui donne des rasoirs, ainsi il est resté avec sa barbe. Je vous avoue, monsieur le comte, que n'ayant aucun moyen de le soulager, ni même de prévenir complètement un malheur, j'ai cherché autant que possible à gagner du temps par des voies de persuasion inutiles avec un homme dans son état et par une surveillance d'autant plus difficile, qu'il ne devait point s'en apercevoir, pour ne pas l'irriter d'avantage. Enfin, grâce à Dieu, jusqu'à présent je l'ai conservé! Ce qui vous prouve à quel point il est dérangé, c'est que non seulement il n'a pas songé à se rendre à l'ordre qu'il a reçu de vous, mais qu'il a fait sentir, que personne ne pouvait le faire changer de résolution. Après avoir songé aux moyens de remplir les intentions de Sa Majesté, je me suis trouvé bien embarrassé, car c'est une chose si difficile et si délicate à exécuter, que je n'ai pu trouver personne qui puisse s'en charger. Je me suis donc décidé à engager le docteur Lang, inspecteur de la faculté de médecine du gouvernement. Quoique cet homme laisse ici une nombreuse famille et que cela pourra le déranger dans ses affaires, cependant tant par humanité que par son dévouement pour tout ce qui peut être agréable à notre Souverain, il s'est laissé persuader, et certainement il n'y a que lui ici qui puisse remplir cette tâche, et je vous avoue, monsieur le comte, que c'est avec une grande impatience, que j'apprendrai son arrivée, car il aura bien des difficultés à vaincre. Dieu veuille que cela finisse heureusement! Dans tous les cas je suis certain que rien de son côté ne sera négligé. Comme il n'est que trop juste, qu'il ne souffre en au-

ПРИЛОЖЕНИЯ.

cune manière de ce dévouement, je lui ai avancé pour ses propres dépenses 1,000 r. et je lui ai donné en outre 3,000 r. pour le voyage dont il rendra compte, je lui ai donné deux hommes pour l'aider, qui ont aussi du droit à la reconnaissance des parents et amis de m-r Batiouchkoff. J'ai emprunté cette somme de 4,000 r. des sommes que j'ai à ma disposition, et j'espère que vous voudrez bien me la faire rembourser immédiatement pour que ce déficit ne puisse pas me mettre dans quelque embarras. Je saisis cette occasion, monsieur le comte, pour recommander à votre bienveillance particulière le docteur Lang qui l'a mérité à tout égard, il est connu de Rehmann, avec lequel il a étudié. Après avoir fait ces dispositions il ne me reste plus qu'à faire des vœux pour l'heureuse arrivée de m-r Batuchkof et sa guérison, heureux d'avoir pu contribuer de tous mes moyens à sa conservation. J'ai la consolation d'avoir fait ce qui dépendait de moi, le reste est réservé à la Providence.

J'ai l'honneur d'être avec un profond respect, monsieur le comte, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur N. Peroffsky.

9.

H. И. Перовскій графу К. В. Нессельроду.

Simferopol. Le 21 avril 1821.

Monsieur le comte! Je m'empresse de vous informer que conformément au contenu de votre lettre du 4 avril, qui m'a été adressée par estafette, j'ai sur le champ pris les mesures nécessaires pour faire partir m-r Batuchkof, dont l'état devenait de jour en jour plus alarmant. Après être convenu avec m-r Mulhausen de tout ce qu'il y avait à faire pour remplir les intentions bienfaisantes de Sa Majesté à son égard, nous nous sommes arrêtés au parti de préparer d'abord tout ce qu'il fallait pour son départ soit de bon gré par les moyens de persuasion, soit enfin d'autorité. D'après le caractère de sa maladie qui ne nous laissait aucun espoir d'effectuer son départ par les voies de conciliation, nous sommes convenus de ne lui rien dire jusqu'au moment où tout serait prêt, parcequ'il fallait prévoir, que dès-lors il aurait employé tous les moyens possibles de destruction sans qu'aucune surveillance puisse y remédier à moins de le garotter, chose à laquelle je n'ai pas eu recours jusqu'à présent à son égard, réservant cette ressource pour la dernière extrémité. Enfin, avant-hier que tout était préparé et même la camisole à longues manches, j'ai préalablement envoyé chez lui le docteur Mulhausen, qui devait lui dire, que j'avais reçu de votre excellence une lettre à son sujet pleine des preuves les plus flatteuses de l'intérêt que l'Empereur prenait à lui, dont la preuve était que j'avais ordre, vu l'état de sa faible santé, de songer aux moyens de le faire arriver à Pétersbourg en le confiant pendant ce voyage aux soins d'un homme aussi éclairé qu'humain (et cet homme lui était désigné dans la personne du docteur Lang qui l'accompagne); enfin j'avais recommandé à m-r Mulhausen de flatter autant que possible sons amour-propre et de ne faire voir dans tout ce qu'il dirait qu'une preuve insigne et peu commune de l'intérêt de Sa Majesté. Malgré toutes ces précautions nous avons trouvé dans lui l'opiniâ-

ПРИЛОЖЕНИЯ.

treté à laquelle nous nous étions attendus. Je suis arrivé au moment où il était à railer contre le docteur Mulhausen tout ce qu'un homme dans son état peut imaginer pour rejeter une idée si opposée à celles que lui inspire son état; en entrant je lui ai confirmé ce qu'il avait déjà appris de m-r Mulhausen et toujours dans le même sens, c'est-à-dire, comme une preuve extrêmement flatteuse de l'attention que Sa Majesté lui accordait; il m'a répondu, comme à m-r Mulhausen, dans des termes assez peu délicats; enfin je lui ai lu quelques phrases de la lettre de votre excellence qui ne pouvaient que le flatter; je lui ai montré la signature; mais tout en vain, j'ai passé plus d'une heure à épuiser tout ce que l'éloquence persuasive peut imaginer, secondé par m-r Mulhausen; tout a été épuisé, et il me répétait sans cesse: „Je puis vous assurer en homme d'honneur qu'il n'y a pas de puissance au monde qui puisse me faire partir et changer de dessein“. Alors je lui dis d'un ton ferme: „Eh bien, monsieur, puisque vous résistez au désir de l'Empereur, à tout ce que la raison peut vous présenter, je vous laisse pendant une demie-heure avec m-r Mulhausen, persuadé qu'il parviendra à vous convaincre; mais si je vous trouve la même résistance, je vous fais partir pour obéir aux ordres de Sa Majesté“. „Je vous répète encore une fois“, ajouta-t-il, —, que je ne puis pas et qu'aucune autorité ne me fera partir“. Je suis sorti. Au bout d'une demie-heure j'ai fait appeler m-r Mulhausen pour lui demander s'il y avait espoir de le persuader. „Aucune au monde“, me dit-il;—, il ne reste que la force“. Alors je le renvoyai auprès de lui et je fis mes dispositions en conséquence. J'entre accompagné de 5 ou 6 personnes et lui dis encore, que je le prie de ne pas me forcer à user d'autorité; il me dit qu'à moins qu'on lui lie les pieds et les mains il ne partira pas; je lui répondis que je serai fâché d'en venir là, mais que je le ferai lier. „Alors je deviendrai furieux, enragé; vous ne savez pas ce que je ferai“. Sans attendre plus longtemps j'ordonnai qu'on l'habille, car il était en robe de chambre et en chemise; on trouva des bottes et je dis qu'on commence à lui mettre ses bottes; jusque là il ne bougeait pas, mais quand on commença à lui mettre une botte, alors il arrêta l'homme et lui dit avec impatience, mais sans courroux: „Attendez, ce n'est pas comme cela“. Il se lève et va dans une autre chambre, comme de raison accompagné; là il change de linge et s'habille lui-même, toujours en pestant contre moi. En attendant j'étais occupé à emballer les effets car la voiture était avancée, et il était important de ne pas perdre un moment. Une fois habillé, il est venu à moi me dire, qu'il était fâché de devoir changer d'opinion à mon égard, que jusque là il m'avait toujours estimé, mais que maintenant il ne voyait en moi qu'un ennemi et qu'il me souhaitait tout plein de malheurs. En réponse je l'ai pris par la main et l'ai assuré que jamais il n'avait eu autant de raison de m'être reconnaissant, mais je lui dis que la voiture était prête et qu'il fallait descendre; comme il voyait qu'il n'y avait plus à discuter, ni à raisonner, il m'engagea à me retirer disant que je le gênais et qu'il descendrait lui-même puisqu'il voyait que tout était prêt; je le pris par la main amicalement (car je craignais la descente de l'escalier) et assurant que je voulais le conduire jusqu'à la voiture et lui souhaiter un bon voyage, je le conduisis en effet jusque dans la voiture, et enfin elle partit. Vous dire, monsieur le comte, ce que cette expédition m'a coûté et le mal qu'elle m'a fait serait impossible, mais certainement vous le sentirez. En descendant l'escalier, il m'a regalé encore de

ПРИЛОЖЕНІЯ.

quelques malédictions aux quelles je n'ai répondu que par l'expression de l'intérêt le plus tendre; mais il était temps que cela finisse, car je sentais mes forces s'épuiser, et je ne sais pas où j'ai pris cette résolution et cette fermeté. Vous verrez par la manière dont j'ai disposé son voyage que rien n'a été oublié; je n'ai pas été forcé de recourir à la camisole, mais elle était préparée et je l'ai remise au docteur Lang. Je l'ai adressé à m-r Olenin ne connaissant pas ses parents et sachant combien m-r Olenin lui est attaché. J'espère qu'il arrivera heureusement, et certainement s'il se rétablit jamais, j'aurai la satisfaction d'y avoir grandement contribué. J'attends avec bien de l'impatience de ses nouvelles.

J'ai l'honneur d'être avec un profond respect, monsieur le comte, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur N. Peroffsky.

Je relie ma lettre et je vois qu'elle se ressent encore du désordre que le malheureux Batuchkof a produit dans mes idées. Veuillez me le pardonner.

10.

Д. Н. Блудовъ В. А. Жуковскому.

Петербургъ. 21-го іюля (1823 года).

Пишу къ тебѣ два слова, другъ любезный, только чтобы сказать, что по твоему приглашенію и моему давнишнему желанію я буду въ Царское Село, и какъ ты самъ назначилъ—въ субботу, послѣ завтра. Явлюсь и въ Павловскъ, если ты не въ Царскомъ Селѣ. Потомъ, взглянувъ на нашего милаго больного (надѣюсь, что его уже можно видѣть) и отобѣдавъ въ трактирѣ, отправимся вмѣстѣ въ Петербургъ: можетъ быть, еще успѣемъ попасть и къ Батюшкову, который мнѣ уже много разъ говорилъ, что ждетъ тебя нетерпѣливо. Онъ, кажется, сталъ еще упрямѣе съ тѣхъ поръ, какъ на дачѣ, и въ большемъ противъ прежняго уединеніи: не хочетъ видѣть ни Муравьевыхъ, ни сестры, ни брата, хотя на сестру не сердится. Вчера мнѣ открылось, что у него въ головѣ, такъ-сказать, полная система баснословія о судьбѣ его и гонителяхъ; и кто же глава этихъ гонителей? Ты засмѣешься, когда узнаешь: но какой печальный смѣхъ! Ахъ, другъ милый, какъ часто бываетъ грустно жить въ здѣшнемъ, хотя, безъ сомнѣнія, прекрасномъ свѣтѣ! Ты называешь свои стихи развалинамъ; могъ бы также назвать и друзей своихъ, почти всѣхъ: взгляни на это помраченное свѣтло Батюшкова и на меня, обломокъ не достроеннаго зданія, и на безтолковую нашу Арфу. Однако же объ Арфѣ не очень тужи: повѣрь моему пророчеству. Болѣзни ума, какъ и болѣзни тѣла, не всегда бываютъ неизлѣчимы: сумашествіе или, другимъ учтивѣйшимъ словомъ, затмѣніе разума, полное или частное, въ людяхъ, которыхъ дупитъ флегма, бываетъ досаднѣе, чѣмъ въ другихъ, потому что не имѣетъ въ себѣ ничего дѣйствительнаго и почти безпрестанно твердитъ одно и то же; но всему есть вознагражденіе: за то оно и не продолжительно. Потерпимъ не много и, вѣроятно, опять найдемъ прежняго Тургенева, и онъ же, если на той порѣ Богъ возвратитъ мнѣ веселость и живость ума, будетъ вмѣстѣ съ нами смѣяться надъ Тургеневымъ 1823 года. Прощай: до субботы.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

11.

В. А. Жуковский къ Эрдманну.

(Черновой проектъ).

(Весна 1824 г.).

Cher et respectable ami! Je m'adresse à votre humanité; j'ose demander votre assistance dans une affaire qui m'intéresse infiniment. Cette lettre vous sera remise par le docteur Baumann, de Dorpat, que peut être vous connaissez déjà personnellement. Il a conduit jusqu'à Drésde un jeune homme m-r Batuchkof; c'est un de mes meilleurs amis: il a eu le malheur d'avoir l'esprit aliéné. D'après le conseil des docteurs de Pétersbourg, on s'est décidé de le placer à Sonnenstein sous la garde du docteur Pinitz, auquel on a déjà écrit sur ce sujet, et qui dans sa réponse (qu'il a fait au docteur Hufeland) a déclaré qu'il consentait de recevoir Batuchkof chez lui pour la somme de 800 à 1.200 thalers (pour traitement, logement et nourriture). D'après cela la soeur de Batuchkof l'a conduit à Drésde. Permettez moi de confier et le frère et la soeur à vos soins bienfaisants, donnez vous la peine de recommander mon malheureux ami au soins de monsieur Pinitz, et une fois qu'il sera placé, ne lui refusez pas votre protection. On est persuadé qu'il sera parfaitement bien à Sonnenstein, où l'on traite avec humanité et douceur les malades, où l'on possède tous les moyens nécessaires pour la guérison de cette sorte de maladies: mais en recommandant mon malheureux ami particulièrement à vous, cher et respectable m-r Erdmann, je serai pour ma propre personne plus tranquille sur son compte. Veuillez donc bien lui donner votre protection; en même temps ne refusez pas votre assistance à sa pauvre soeur, qui a tout abandonné pour le suivre; cette personne, vraiment respectable par son dévouement, est tout-à-fait étrangère à Drésde: veuillez bien lui donner de bons conseils quant au genre de vie, qu'elle pourra y mener, et soutenez son courage par vos consolantes attentions. Je vous fais hardiment toutes ces demandes, car je connais votre coeur et d'ailleurs je compte sur votre ancienne bienveillance pour moi. Veuillez bien m'honorer d'une réponse; je l'attendrai avec impatience.

Je suis avec le plus sincère respect et attachement, digne ami, votre dévoué et très obéissant serviteur Joukoffsky.

Mon adresse: въ С.-Петербургѣ Василю Андреевичу Жуковскому. Въ Аничковскомъ дворцѣ; отдать швейцару для доставленія.

Moyen ajoutez une petite description de la maladie de Batuchkof, que vous aurez la bonté de remettre au docteur Pinitz à Sonnenstein.

12.

В. В. Ханыковъ графу К. В. Нессельроду.

Drésde. Le ²⁶ juin
8 juillet 1824.

Monsieur le comte! J'étais à Weimar lorsque je reçus la dépêche que votre excellence m'a fait l'honneur de m'adresser en date du 31 mai concernant le conseiller de cour Batuchkof. J'ai appris en même temps qu'il venait d'arriver

ПРИЛОЖЕНИЯ.

à Drèdse avec le docteur Baumann qui l'avait accompagné de Dorpat et qu'il était dans un état d'aliénation et d'irritation continu. Le jour même de son arrivée il en a montré de violents accès, ayant cherché à se soustraire à ses surveillances et à s'évader. Néanmoins il fut conduit au Sonnenstein et remis entre les mains du docteur Pinitz, médecin de l'établissement, et qui a sous sa direction particulière le pensionnat des étrangers. Il y est depuis ce moment, et l'on m'assure qu'il commence à paraître un peu plus calme; mais le médecin ne permet à personne des ses connaissances de le voir, ayant soin de lui faire éviter tout ce qui pourrait lui causer des émotions ou ramener ses idées sur des objets qui l'agitent.

A mon arrivée ici j'y ai trouvé mademoiselle de Batuchkof qui bientôt après est allée s'établir à Pirna pour y être plus à portée de vouer ses soins à son malheureux frère. Elle avait vu le docteur Pinitz qui trouve, m'a-t-elle dit, l'état de la maladie très grave, mais qui ne renonce pas entièrement à l'espoir de le guérir. Frappée de l'extrême dérangement mental de son frère, elle craint de s'abandonner trop facilement à l'attente de son rétablissement, toute fois elle regarde comme consolation d'en supposer la possibilité.

Pour ce qui me concerne, monsieur le comte, je partage bien sincèrement l'intérêt que votre excellence me témoigne en faveur de m-r Batuchkof, vivement peiné de voir dans ce triste état un jeune homme, qui s'était acquis des titres si honorables à l'intérêt de ses compatriotes, et je crois n'avoir pas besoin de vous assurer de mon empressement à remplir, autant qu'il peut être en moi, les intentions généreuses de Sa Majesté l'Empereur, et à seconder les soins bienveillants de votre excellence à son égard pour tâcher de lui en faire éprouver les effets et lui vouer les services que son état pourra réclamer de mon zèle.

J'ai l'honneur d'être avec les sentiments d'une haute considération, monsieur le comte, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur B. Canicof.

13.

Е. Г. Пушкина къ В. А. Жуковскому.

Dresde. Le 23 mars 1825.

Monsieur! Avec quel sentiment de joie je prends la plume en main, pour vous annoncer l'heureuse nouvelle, que notre infortuné ami vient de se soumettre enfin à un traitement suivi! Votre coeur bon et sensible comprendra à merveille tout ce qu'éprouve le mien aujourd'hui, en vous transmettant la lettre ci-jointe. J'ai eu deux fois la triste douceur de voir le cher et malheureux Batuchkof: j'avais employé auprès de lui l'éloquence d'une amitié profondément sentie, et le tout en vain; son obstination à repousser les remèdes faisait mon désespoir. Lors de ma dernière visite, je renouvelai mes instances, il me dit: „Si vous voulez que je me fasse traiter, emmenez moi à Dresde, laissez moi loger sous le même toit que vous, et je vous promets de tout prendre de votre main, même du poison“. Ma réponse fut, que je ne refuserai pas de le loger chez moi, après qu'il aura pris des remèdes l'espace de trois semaines; je le menaçai même de ne plus

ПРИЛОЖЕНИЯ.

revenir le voir à Sonnenstein. Il demeurait inflexible, et je le quittai la mort dans l'âme. Au bout de quinze jours j'en reçus une lettre, dans laquelle il me renouvelait ses prières. Je me hâtai de lui répondre, que tant qu'il s'obstinerait à me refuser ma demande de se soumettre aux avis de m-r Pinitz, je me croyais en droit d'être aussi inflexible que lui. Il m'écrivit une réponse fulminante, me disant qu'il ne me reconnaissait plus que j'étais de moitié avec ses bourreaux, il se radoucit cependant vers la fin de sa triste missive, et la termina en me disant qu'il resterait toujours mon ami fidèle. Le même jour il consentit à prendre médecine, et en voici quinze qu'il continue un traitement journalier. Aussi ses nuits sont-elles devenues calmes. Espérons, monsieur, que la continuité des remèdes nous rendra la précieuse santé de ce cher malade. A présent que je me suis acquittée d'un devoir bien sacré près de vous, en vous donnant des nouvelles certaines de votre ami, permettez moi de vous faire agréer l'assurance de mon estime distingué Hélène de Pouchkine.

Ayez la bonté, monsieur, de répondre à la lettre du docteur; les Allemands sont si susceptibles! Vous pouvez adresser votre lettre à Sonnenstein près de Pirna, dans la maison du docteur Pinitz.

Адресъ: Русsie. Милостивому государю Василью Андреевичу Жуковскому. На Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Менщикова. А monsieur de Joukofsky, à Pétersbourg.

14.

Е. Г. Пушкина В. А. Жуковскому.

Dresde. Le 30 juin 1828.

Enfin, mon cher ami, je pars dans deux jours, pour revenir dans mes foyers. Le coeur me bat de joie! L'idée de revoir mon fils après une absence de quatre ans, est une idée bien consolante. Mais hélas, je le reverrai veuf et affigé. Puisse ma tendresse maternelle adoucir l'amertume de ses regrets! J'y emploierai tous mes efforts. J'ai quitté Moscou portant le deuil d'une bienfaitrice, d'une seconde mère, j'y reviens en deuil pour une belle-fille, que je n'ai point connu, mais dont les lettres étaient pleines de candeur et me promettaient un avenir selon mes vœux. Qui sait ce qui m'attend encore et si la santé de mon angélique Pauline se soutiendra dans un climat aussi rigoureux que le nôtre! Cette incertitude accablante pour mon coeur empoisonne d'avance le plaisir que j'aurai à me retrouver dans mon pays. Priez pour moi, mon digne ami. La prière d'un être bon comme vous tient lieu de bénédictions.

Cette lettre vous parviendra par m-r Freihard, qui se rend à Pétersbourg pour y placer son fils; protégez le jeune homme, mon cher Joukovsky, aidez le de vos conseils, de vos avis, et tachez de lui applanir les difficultés inséparables d'une carrière qui commence. Je sais que c'est vous rendre service, que de vous procurer les moyens d'être utile, aussi n'ai-je pas balancé un moment à recommander le jeune homme à votre bienveillante amitié.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Mademoiselle Batuckof part avec moi; son frère nous suivra dans quinze jours. On lui a dit je ne sais trop pourquoi, qu'il devait quitter Sonnenstein, et depuis ce moment là il ne quitte plus sa cellule, ne parle avec personne, reste dans une inaction parfaite et attend avec impatience le moment de se mettre en route. Que Dieu veuille sur lui! M-r Barclay a rendu à m-lle Batuckof les services d'un frère, il est entré dans les moindres détails de son voyage avec une bonté vraiment touchante, aussi les amis d'Alex. Nicol. ne sauraient trop apprécier sa conduite envers elle.

Adieu, mon cher, mon bon Joukovsky! Qui sait si nous ne nous reverrons pas encore une fois dans ce bas monde. Une fois à Moscou, je me trouverai plus rapprochée, et qui sait aussi si l'envie ne me prend pas d'aller vous voir à Pétersbourg. Enfin espérons toujours. C'est une si douce chose. Adieu, tous les miens vous disent mille choses tendres. Olga continue à être parfaitement heureuse, et moi je m'attache tous les jours d'avantage à son mari. C'est une âme si noble, si tendre, si dévouée. Un caractère si franc, si loyal et si facile à vivre. Enfin je ne puis plus douter, que Serge n'ait béni du haut des cieux cette union fortunée. Il y a longtemps que je n'ai eu des nouvelles d'Alexandre, sa dernière lettre était d'une tristesse et d'un découragement qui me pèse sur le cœur. Adieu encore une fois.

Адресъ: А мousieur Joukovsky, à Pétersbourg.

15.

Д. В. Дашковъ къ неизвѣстному лицу.

(Осень 1828 г.).

Вчера я видѣлъ Батюшкова. Не могу описать тебѣ того ужаснаго впечатлѣнія, которое произвелъ во мнѣ искаженный болѣзнію видъ его. Съ полчаса смотрѣлъ я на него сквозь воротную щель: онъ сидѣлъ посреди маленькаго своего дворика неподвижно, временемъ улыбаясь, но такъ странно, что сердце содрогалось. Лѣкаръ его Дидрихъ, предобродушный Нѣмецъ, не рѣшился пустить меня повидаться съ нимъ; говорить, что теперь находится онъ въ раздраженномъ состояніи. Съ начала путешествія былъ очень покоенъ, часто смотрѣлъ на солнце и досадовалъ, когда облака закрывали его. Съ синаго, безоблачнаго неба не сводилъ глазъ и повторялъ ежеминутно: „Patria di Dante, patria d'Ariosto, patria del Tasso, o cara patria mia, son pittore anche io!“ Когда проѣзжали мимо какого-нибудь развѣстатаго дерева, онъ просилъ чтобы пустили его отдохнуть подъ тѣнію его: „Hier will ich schlafen, ewig schlafen“. При перемѣнѣ лошадей онъ безпрестанно понуждалъ, чтобы скорѣе запрыгали, и не иначе называлъ коляску, какъ колесницею, воображая, что поднимается на небо, говоря: „Dahin, dahin, dort ist mein Vaterland!“ Едва только вѣхали въ пограничную заставу, онъ тотчасъ попросилъ чернаго хлѣба у казаковъ, тутъ стоявшихъ, взялъ лопоть, отломилъ два куска, одинъ далъ Дидриху, другой взялъ себѣ, перекрестилъ оба, съѣлъ свой п

Приложенія.

заставилъ съѣсть лѣкаря, остальное бросилъ. Но съ этой поры очень былъ безпокоенъ, бранился и дрался, такъ что нѣсколько станцій принуждены были везти его въ рубашкѣ съ длинными рукавами. Возненавидѣлъ Дидриха, который долженъ былъ уже ѣхать въ особой повозкѣ. Дотащили его сюда кой-какъ, съ большаю трудомъ. Онъ знаетъ, что находится въ Москвѣ, но безпрестанно велитъ запрягать, ибо все хочетъ ѣхать. Лучше нельзя было смскать человѣка, какъ этотъ Дидрихъ: предобрѣйшій человекъ, ангельское терпѣніе и знаетъ свое дѣло. Онъ былъ у меня раза два и многое разсказывалъ о Батюшковѣ: онъ любитъ его, а за это не заплатилъ деньгами. Между прочимъ сказывалъ онъ, что въ Sonnenstein Батюшковъ любилъ рисовать: нарисовалъ нѣсколько собственныхъ своихъ портретовъ въ зеркало и одинъ весьма похожій, который теперь у сестры его; рисовалъ Тасса въ разныхъ видахъ, а по большей части въ темницѣ за рѣшеткой съ вѣнкомъ на головѣ. Нарисовалъ на стѣнѣ голову Христа углемъ и часто оной молился. Выгнать также изъ воску Христа, Тасса и отца своего, и Дидрихъ говоритъ, что очень не душно. Выѣхавши изъ Sonnenstein, вспомнилъ мать: вышелъ изъ коляски, бросился на траву и горько рыдалъ крпча: „Маминька, маминька!“ Потомъ, указавъ на сердце, сказалъ: „Тутъ болитъ“. Дидрихъ, не зная по русски, запомнилъ всѣ русскія слова его.

Къ этому несчастному Батюшкову столько приковано воспоминаній, что я не могъ довольно наглядѣться на него, не могъ довольно наплакаться объ немъ. Если бѣдникъ Сережа нашъ долженъ былъ въ такомъ же быть положеніи, то нельзя не благодарить Бога, что Онъ взялъ его къ Себѣ, туда, гдѣ нѣсть печаль, ни воздыханіе. Страшно желать кому-нибудь смерти, а тѣмъ болѣе человѣку, котораго душою любишь, съ которымъ вмѣстѣ проводилъ лучшіе дни своей жизни, а между тѣмъ—лучше смерть, нежели то состояніе, въ которомъ находится Батюшковъ; но что всего ужаснѣе: Дидрихъ говоритъ (и это между нами), что сестра его также навлонна къ сему состоянію, и что онъ замѣтилъ нѣкоторые признаки. Сохрани ее, Боже!

Я все еще не уѣхалъ, любезнѣйшій другъ.хлопотъ полноу ротъ. Надѣюсь однакоже скоро отправиться. Прилагаю письмо къ Александру. Отъ него давно ничего нѣтъ, и мы начинаемъ безпокоиться. Вотъ письмо къ нему и отъ Пушкиной.

Добрый Журавль-Вигель, узнавъ, что мнѣ не житье съ Долгоруковымъ, и что я желалъ бы переѣхать мѣсто, далъ знать графу Воронцову, что есть Арзамасецъ свободный, котораго бы завербовать не худо было. А тотъ и пришелъ представленіе къ Закревскому объ опредѣленіи меня Бессарабскимъ губернаторомъ: мѣсто равное моему настоящему, и командиръ, какого лучше желать не возможно; но обстоятельства мои таковы, что теперь не могу воспользоваться этимъ лестнымъ, и черезъ-чуръ лестнымъ, предложеніемъ. По нездоровью жены и моей малютки, также по нѣкоторымъ другимъ дѣламъ, я обязанъ жить въ Москвѣ или Петербургѣ и отиудъ не забиваться въ даль. Богъ милостивъ! Надѣюсь, что Онъ не выдастъ, а не выдастъ, такъ и свинья не съѣстъ. Покажѣтъ въ отставку, а тамъ увидимъ. Пиши ко мнѣ; если письма твои и не застанутъ меня, то жена тотчасъ доставитъ: да нѣтъ ли писемъ отъ Александра?

ПРИЛОЖЕНИЯ.

16.

Князь П. А. Вяземский К. Н. Батюшкову.

Москва. (Октябрь 1828 г.).

Пріѣхавъ изъ деревни въ Москву, узналъ я, любезный другъ, что ты здѣсь и очень желаю тебя видѣть. Надѣюсь, что разлука и отдаленіе не измѣнилъ нашей дружбы и что Вяземскій для Батюшкова все тотъ же, что и прежде былъ. По крайней мѣрѣ ты, любезный другъ, не переставалъ быть памятенъ моему сердцу. Обнимаю тебя нѣжно и дружески. Вяземскій.

Адресъ: Любезному другу Константину Николаевичу Батюшкову отъ Вяземскаго.

III.

Записка доктора Антона Дитриха о душевной болѣзни К. Н. Батюшкова¹⁾.

Über die Krankheit des Russisch-Kaiserlichen Hofrathes und Ritters Herrn Konstantin Batuschkoff.

Da die Krankheit des Herrn Hofrathes in Hinsicht der äusseren Formen, unter welchen sie sich ausspricht, bei verschiedenen äusseren Verhältnissen auf die verschiedenste Weise wechselt, obschon sie sich in ihrem Grundwesen, so lange ich sie zu beobachten Gelegenheit hatte, das heisst seit mehr als Jahresfrist, unverändert gleich blieb, da ferner eine genaue Kenntniss der Grundkrankheit nur durch genaue Kenntniss der ganzen Symptomenreihe möglich wird, so scheint es mir nicht ausreichend, gegenwärtige Darstellung, wenn sie deutlich und befriedigend sein soll, blos auf Angabe der allgemeinsten Krankheitserscheinungen zu beschränken, sondern ich halte es für durchaus nothwendig, den Einfluss, welchen der Wechsel der Umgebungen und jedes Einschreiten in den gewöhnlichen Kreis seines Lebens auf das Gemüth des Leidenden ausübt, genauer zu bezeichnen. In einer solchen Entwicklung werden die Heilversuche, die man etwa in Vorschlag bringen könnte, von selbst ihre Würdigung finden und die einzig anwendbare Behandlung wird sich daraus von selbst ergeben. Man darf übrigens nicht vergessen, dass hier nicht mehr die Rede ist von einer erst jüngst entstandenen Krankheit, von einer gewöhnlichen Form des Wahnsinns, welche jedes Irrenhaus Beispiele in Menge bietet; es handelt sich hier um ein verjährtes, tief eingewurzelttes, höchst

¹⁾ Записка эта сообщена вдовою доктора Дитриха.

verwickeltes, durch die hervorstehenden Eigenthümlichkeiten des Kranken selbst vielfach modificirtes Uebel; es betrifft ferner einen Mann, der zu den Gebildesten seines Vaterlandes gehörte und der sich auch unter diesen noch durch seine geistigen Anlagen und schriftstellerischen Leistungen auszeichnete, in welchem also um so mehr zu retten und wiederherzustellen ist, je mehr in ihm unterdrückt worden und zu Grunde gehen musste, ehe die Krankheit den Sieg gewinnen und den Grad von Heftigkeit erreichen konnte, welchen sie noch gegenwärtig behauptet. Da ich den Kranken auf einer Reise von mehr als 300 Meilen ununterbrochen zur Seite gewesen bin und auf derselben hinlänglich Gelegenheit gehabt habe, ihn in den verschiedensten Seelenstimmungen zu beobachten, welche tiefe Blicke in das Wesen seiner Krankheit thun lassen, so sei es mir vergönnt, das Allgemeinste davon in geschichtlicher Folge hier anzuführen.

Reise vom Sonnenstein nach Moskau.

Der Kranke wurde mir am 4-ten Juli 1828 auf dem Sonnenstein in dem Zustande der äussersten Aufregtheit übergeben. Schon seit einigen Tagen hatte er in seiner Stube entsetzlich geschrien und getobt, dass ich die Abreise gerne noch verschoben hätte, wenn ich mich nicht den Umständen hätte fügen müssen. Absichtlich hatte man es unterlassen, ihn auf die nahe bevorstehende Rückkehr in sein Vaterland vorzubereiten, aus Furcht dass er Misträuen fassen und sich ihr ernstlich widersetzen möchte. Mit stürmischer Heftigkeit empfing er nun die Nachricht, dass der Wagen reisefertig vor der Thüre stehe. Mit den Worten. „Warum so spät? Vier Jahr bin ich schon hier!“ sprang er hastig auf von seinem Sitz, warf sich krampfhaft vor dem Christusbilde nieder, das er mit Holzkohle an die Wand seines Zimmer gezeichnet hatte, blieb mit völlig ausgestrecktem Körper bewegungslos einige Zeit liegen, erhob sich dann schnell, bestieg schnell den Wagen und verliess unter lauten Verwünschungen den Sonnenstein, ohne eine Empfindung der Freude zu äussern, obschon ihm nun ein längst gehegter Wunsch erfüllt wurde. Den ersten Tag der Reise verhielt er sich sehr ruhig, er sprach fast gar nicht, war ernst, aber nicht unfreundlich. Er schien indessen wenig mit dem Wechsel der Gegenwart beschäftigt; Mienen und Bewegungen verriethen mehr Gedankenlosigkeit. In Teplitz, wo wir übernachteten, beklagte er sich über Kopfschmerz und mochte keine Nahrung zu sich nehmen; das Frühstück dagegen genoss er den folgenden Morgen gemeinschaftlich mit mir. Als wir ohngefähr eine Stunde von Teplitz entfernt waren, verzog er plötzlich das Gesicht schmerzhaft, wand und drehte sich im Wagen, ächzte und wimmerte. Meine Frage, was ihm fehle, blieb unbeantwortet. Er verlangte aus dem Wagen gelassen zu werden, ging einige Schritte und streckte sich dann auf den Rasen hin. Das Bewusstsein schwand allmählig ganz; schmerzlich warf er sich hin und her, die Hände zitterten, das Blut war in der heftigsten Wallung. Hastig und gewaltsam fasste er mit beiden Händen die Gegend des Herzens, das von einem heftigen Krampfe ergriffen schien. Dabei sprach er russisch und höchst verworren. Bald weinte und jammerte er, bald nahm seine Stimme einen leisen und

geheimnisvollen, bald einen heftigen und drohenden Klang an. Bilder und Scenen im buntesten Wechsel schienen bei seiner Seele vorüberzugehen. Alles deutete an, dass ein Anfall von Tobsucht auf dem Wege sei. Ich gab mir deshalb alle Mühe ihn in den Wagen zurückzubringen, um noch vor dem völligen Ausbruche des bevorstehenden Sturmes die nächste Poststation zu erreichen; ich bat, ich drohte — umsonst. Die ausserordentliche Reizbarkeit des Kranken und die Furcht, mir gleich anfangs alle Wege, auf ihn einzuwirken, für die Zukunft abzuschneiden, hielt mich ab, sogleich Gewaltmittel anzuwenden, deren Gebrauch indess bald durch seinen stufenweis zur Heftigkeit sich steigernden extatischen Zustand nothwendig gemacht wurde. Bald ging er langsam, bald blieb er stehen, bald lief er, als wolle er entfliehen. Dabei schrie er laut, redete die Vorübergehenden an, nannte sich bald einen Heiligen, bald einen Bruder des Kaisers Franz und machte wiederholte Versuche, sich mit der ganzen Länge des Körpers auf den feuchten Boden auszustrecken. Es wurde nun die Zwangsjacke gebracht; anfangs sträubte er sich gegen den Gebrauch derselben und schlug mich und meine beiden Begleiter mit geballter Faust in's Gesicht. Sobald er aber fühlte, dass wir ihm an Kraft überlegen seien, ergab er sich und liess sich geduldig in den Wagen heben, in welchem er unaufhörlich sprach und schrie, indem er sich für einen Märtyrer ausgab, den man gefesselt habe. Er rief den Vorübergehenden zu: „*Déliez mes bras! mes souffrances sont terribles!*“ Er redete die Heiligen an und sagte, sie seien fromm gewesen, wie er, aber keiner habe gelitten wie er. So kamen wir unter dem Zulauf einer neugierigen Menge nach Bilin, wo der Kranke in den Gasthof geführt wurde. Auch hier tobte er eine Zeit lang entsetzlich, stampfte mit dem Fusse, sprach schreiend einzelne Worte aus, die er immer wiederholte, bewegte die Zunge murmelnd und plärrend im Munde hin und her und wollte beständig niederknien und betend den Boden mit der Stirne berühren.

Endlich legte er sich auf's Kanapee, wo ihm unterdessen ein bequemes Lager bereitet worden war, und schlummerte allmählig ein. Nach einem mehrstündigen oft unterbrochenen Schlafe erwachte er in einem gelinden Schweisse ächzend und seufzend und klagte über Schmerzen in allen Gliedern. Er war ruhig, aber sehr erschöpft, und sein Gang so unsicher, dass er geführt werden musste. Die Zwangsjacke wurde ihm wieder ausgezogen und die Reise weiter fortgesetzt. Die Krankheit hatte nun äusserlich eine durchaus religiöse Wendung genommen. Bei jedem Heiligenbilde, bei jedem Kreuze, das er am Wege sah, wollte er den Wagen verlassen und betend niederfallen. Auch im Wagen warf er sich beständig auf die Kniee und suchte den Kopf tief unter das Schurzleder zu pressen. Des Bekreuzigens und Segnens war kein Ende. Keinen Bissen genoss er, über den er nicht das Zeichen des Kreuzes gemacht hatte. Eine Zeitlang spielte er die Rolle eines büssenden Sünders und mehrmals bat er mich, ihm zur Ehre der Mutter Gottes einen Zahn auszureissen. Personen, welche er nie gesehen hatte, bat er um Verzeihung, wenn er sie etwa beleidigt habe. Seine Gebete bestanden nur aus einzelnen unzusammenhängenden Worten, die er schnell wiederholte und ohne allen Ausdruck wahrer innerer Empfindung aussprach, z. B. „*Halleluja! Non sum dignus! Kyrie eleison! Ave Maria! Христось воскресъ! Исусъ Христось, Боръ!*“ Mitten in der Nacht stand

er von seinem Lager auf, schritt tobend und mit den Füßen stampfend im Zimmer auf und ab und brüllte diese Worte hervor: und Gebet bedeutete dies Geschrei, das sich nur selten durch begütigende Zureden beschwichtigen liess und sich gewöhnlich in einer Nacht mehrmals wiederholte. Bisweilen befand er sich im Zustande vollkommener Verzückung, besonders in den Morgenstunden. Er deklamirte dann lebhaft mit den Händen zum Wagen hinaus, machte dazu die wunderlichsten Gebärden und schien Gestalten zu sehen, deren Anblick ihn bezauberte. Er warf ihnen Küsse zu, streckte die Arme nach ihnen aus und redete sie in russischen, italienischen oder französischen Reimversen an und schleuderte ihnen Brod und andere Dinge, die er vorher mit dem Zeichen des Kreuzes geweiht hatte, aus dem Wagen. Bisweilen gestikulirte er auch, ohne dazu zu sprechen. Ausserordentlich reich war er in Erfindung immer neuer Unarten, welche fortwährend die strengste Aufmerksamkeit nothwendig machten. Bald schoss er plötzlich im Wagen in die Höhe und legte sich mit halbem Körper hinaus, bald warf er die Füße blitzschnell auf das Schurzleder, bald legte er knieend den Kopf auf den Sitz, kurz bald unternahm er dies, bald jenes. Doch war er im Allgemeinen ziemlich fügsam und widersetzte sich nicht, wenn seinen vorschnellen Bewegungen gewehrt wurde. Obschon er die liebevollste Behandlung erfuhr und jeden billigen Wunsch sogleich erfüllt sah, so fühlte er doch recht gut, dass man ihn gleichzeitig in einem gewissen Zwange hielt. In Bezug darauf sang er immer die Worte: *Son infelice, à cui non lice!* die er auch einige Mal, indem er mich anblickte, änderte: *È un felice, à cui tutto lice!* So oft er aufgereggt war, zeigte er viel Kraft, aber unmittelbar auf solche Anstrengungen folgte immer äusserste Schwäche, so dass er unterstützt werden musste, wenn er aus dem Wagen stieg und in die Wirthsstube ging. Dann suchte er immer sogleich das Kanapee auf und streckte sich auf demselben aus. Bei jeder Veränderung der angenommenen Lage verriethen seine Gesichtszüge und Bewegungen heftigen Schmerz in den Gesäßtheilen. Mit Worten sprach er sich nie darüber aus. Auf dem ersten Theile der Reise trugen überhaupt die Mienen und die ganze Gestalt des Kranken das Gepräge eines von schwerem Leiden Niedergedrückten, so dass er Allen Mitleid einflößte, die ihn sahen. Heitere Stimmungen hatte er sehr selten und immer folgten heftige Stürme darauf. Das Wetter begünstigte anfangs unsere Reise ungemein. Der Weg führte durch die reizenden Landschaften Böhmens und Mährens. Der Anblick des reinen tiefblauen Himmels und des mannigfachsten Wechsels von Thälern und Hügeln im herrlichsten Grün war von sichtbarem Einfluss auf das Gemüth des Kranken und weckte poetische Stimmungen in ihm, welche sich einige Mal auf die überraschendste Weise äusserten. Eines Tages sprach er italienisch mit sich, zum Theil in kurzen Reimversen, zum Theil in Prosa, aber ohne allen Zusammenhang, und sagte unter Anderem mit sanfter ergreifender Stimme und mit dem Ausdruck der glühendsten Sehnsucht in den Mienen, indem er unverwandt den Himmel anblickte: *O patria di Dante, patria d'Ariosto, patria del Tasso. O cara patria mia. Son pittore anch'io.* Die letzten Worte sprach er mit einem solchen Ausdruck des edelsten Selbstgefühles, dass ich in tiefster Seele erschüttert wurde. Sehnsucht und Lebensüberdruß war der gewöhnliche Charakter solcher Stim-

+22

mungen; es schien als fühle er, dass hienieden nichts mehr für ihn zu hoffen sei. Einmal sagte er zu mir, als er eine schöne hochbelaubte Linde am Wege sah: „Lassen Sie mich unter diesen Baum in den Schatten“. Ich fragte ihn, was er dort wolle. „Ein wenig schlafen auf der Erde“, gab er mit sanfter Stimme zur Antwort, „ewig schlafen“ fügte er dann mit wehmüthiger Stimme hinzu. Ein ander Mal bat er mich, ihn aus dem Wagen zu lassen, er wolle im Walde spazieren gehen. Wir hatten zur linken Seite ein schönes Birkenwäldchen. Ich bedeutete ihm, dass wir Eile hätten, unsere Reise sei weit und Zögerung könne ihm selbst ja nicht angenehm sein, denn sein Vaterland sei unser Ziel. „Mein Vaterland!“ wiederholte er langsam und zeigte mit der Hand gen Himmel. Sein lebendiger Sinn für die Schönheiten der Natur gab sich auch bei anderen Gelegenheiten vielfältig kund. So lagerte er sich gewöhnlich, während etwa auf einem Dorfe die Pferde gewechselt wurden, an einem Orte, von dem aus er einer freien Aussicht genoss; und so kehrte er fast immer mit einer Hand voll Blumen zurück, wenn er einmal den Wagen verlassen und deren am Wege gefunden hatte. Er hatte Stunden, wo er ganz aus dem Kreise endlicher Dinge hinausgetreten zu sein schien; es waren aber nur kurze Unterbrechungen seiner gewöhnlichen Zustände und man könnte sie eigentlich wol nicht hellere Augenblicke nennen, sondern mehr alte Erinnerungen, Wiederholungen und Nachklänge einmal empfundener Gefühle, durch die Aehnlichkeit der äusseren Umgebungen hervorgerufen um durch die Krankheit modificirt. Er sprach italienisch und vergegenwärtigte sich einige schöne Episoden aus Tassos befreitem Jerusalem, über welche er sich selbst mit lauter Stimme unterhielt, gewiss nur darum, weil ihn das reine dunkle Himmelsblau und die reizenden Umgebungen der Gegenwart in die Zeit seines Aufenthaltes in Italien und seine damaligen Beschäftigungen und Genüsse zurückversetzten. Darum sprach er vom heiligen Vater, von der Engelsburg und anderen Dingen, welche der Gegenwart an und für sich ganz fern lagen. Es lässt sich aber auch meines Erachtens aus diesen Stimmungen wieder auf die Stimmungen zurückschliessen, in denen sein geistiges Leben in Italien, wo die Krankheit sich ernstlich zu entwickeln anfang, sich bewegt haben mag. Seinen eigentlichen Zustand wusste er nie mit einiger Klarheit zu beurtheilen, nur so viel schien er zu fühlen, dass der Gang seines Lebens von dem gewöhnlichen, naturgemässen abweiche, darum sagte er auch einmal von seinem Leben: C'est la fable de la fable d'une fable. Zu einer Unterhaltung, zu einem eigentlichen Gespräche konnte man nie mit ihm kommen. Unterbrach man ihn vielleicht, wenn er grade laut mit sich sprach und lebhaft in seiner Bilderwelt beschäftigt war, mit einer Frage, die irgend einen Gegenstand des gemeinen Lebens betraf, so gab er eine kurze und ganz verständige Antwort, wie sie etwa einer giebt, der durch den Zauber musikalischer Harmonien der Aussenwelt entrückt ist und durch einen zudringlichen Frager in seinen Genüssen gestört und belästigt wird. So wenig aber auch die Gedankenflucht und Bilderjagd, die seine Seele in einem beständigen Wirbel erhielt, Klarheit und logischen Zusammenhang gestattete, die Einzelheiten, die er vorbrachte, hatten oft einen recht guten Sinn, und selbst Witzspiele, wie man sie in solchen Zuständen fast gänzlicher Bewusstlosigkeit nicht erwarten sollte, überraschten mich einige

Mal. So sagte er von Chateaubriand, den er einen Heiligen nannte und dessen Namen er häufig und zwar mit grosser Verehrung—sonderbarer Weise aber gewöhnlich in Verbindung mit Lord Byron — erwähnte: nicht Chateaubriand sollte er heissen, sonder Chateau-brillant, und dabei blickte er hinaus in den klaren Himmel, als sähe er dieses glänzende Schloss. Mein Benehmen gegen den Kranken war so einfach und ungezwungen, als möglich. Wo sich irgend Gelegenheit darbot, erwies ich ihm Gefälligkeiten, suchte sie aber nie gefissentlich auf und hielt überhaupt in allen meinen Dienstleistungen klüglich Maas um nicht sein ausserordentliches Misstrauen, das ihn überall nur Gegner und Verfolger sehen liess, gegen mich rege zu machen. Obschon ich ihm beim Beginn der Reise als Arzt vorgestellt worden war und obschon er öfterer den entschiedenen Widerwillen gegen Alles, was Arzt heisst, ausgesprochen hatte, gelang es mir dennoch dadurch vollkommen, mir sein ganzes Vertrauen zu erwerben. Er versicherte mich mit klaren Worten seiner Liebe und es verging fast kein Tag, wo er mich nicht umarmt und auf Hand und Mund geküsst hätte. Er war höflich und gefällig gegen mich, ass und trank mit mir und fügte sich fast immer ohne Widerspruch in meinen Willen. Ebenso wenig hegte er gegen meine beiden Begleiter Groll. Als wir in Lemberg zum zweiten Male durch sein entsetzliches Toben mitten in der Nacht genöthigt wurden, ihm die Zwangsjacke anzulegen, liess er nicht ab uns mit dem Ellenbogen einzusegnen, da er die Hände nicht mehr frei hatte. Demohngeachtet war ich im Wagen nie vor Schlägen, Stössen und anderen kleinen Mishandlungen gesichert, denn er war, oft so in sich versunken, dass er durchaus nicht wusste, was er that. Einmal fragte ich ihn, als er mich mit der Faust vor die Stirne geschlagen hatte, mit sanfter verweisender Stimme, warum er dies gethan habe. Er schwieg; ich wiederholte die Frage zum zweiten Male vergebens und bot ihm darauf die Hand zur Versöhnung: er bekreuzigte sich schnell und reichte mir sogleich die seine. Ohne Zweifel wusste er wol selbst nicht mehr Rechenschaft zu geben, als ihn meine Frage seinem Traumleben entriss.

Ich hätte indess die Natur seiner Krankheit ganz und gar verkennen müssen, wenn ich hätte glauben wollen, dass diese milde Gesinnung gegen seine Reisegefährten lange Bestand haben würde. Der Uebergang aber in den heftigsten Hass erfolgte noch früher und schneller, als ich erwartet hatte. Wir waren nun auf russischem Boden, die heiteren Tage hatten sich in trübe regnerische umgewandelt und nirgends fand das Auge einen Punkt, auf dem es mit Wohlgefallen hätte verweilen mögen. Der Kranke hatte allmählig seine vollen Kräfte wieder erlangt und näherte sich stufenweise seinem alten Zustand. Die Nächte verhielt er sich ruhig, das beständige Beten liess etwas nach und der alte, mir schon bekannte unbeugsame Eigensinn fing an, sich von neuem in seiner ganzen Stärke geltend zu machen. So wie er vorher ein Gegenstand des Mitleids für Alle gewesen war, die ihn sahen, so wurde er nun ein Gegenstand der Furcht und des Abscheus für Alle. Ohne dass irgend etwas vorausgegangen war, das ihm den mindesten Anlass hätte geben können, seine Gesinnung gegen mich zu ändern, sah er mich plötzlich einmal im Wagen mit der Miene der heftigsten Wuth und wildblitzenden Augen an und spie mir, ohne ein Wort dazu zu sagen, in's Gesicht. Im nächsten Wirthshause

+22*

(ohngefähr noch 20 Werst vor Kiew), verliess er plötzlich lachend den Wagen mit den Worten: *Mi fate ridere!* ging mit starken Schritten auf und nieder, verfluchte mich und meine beiden Begleiter, nannte uns Teufel und Leichen und alle seine Handlungen begleitete ein solches Ungestüm, dass ich mich entschliessen musste, ihm Hände und Füsse fesseln zu lassen. Er vertheidigte sich hartnäckig, schlug um sich, zertrümmerte die Morgenlaterne, schimpfte, spuckte aus und den umstehenden Neugierigen in's Gesicht und ergab sich erst dann, als seine Kräfte erschöpft waren. Dabei sprach er sehr viel, einige Mal sogar in russischen Reimversen. Es war dunkel geworden, als wir weiter fuhren, er glaubte alle Engel in dichten Chören zu sehen, indem er gen Himmel blickte. Unaufhörlich sprach er mir leise in's Ohr, unaufhörlich spie er nach meinem Gesicht. Sein Speichel war, wie bei allen solchen Kranken, wenn sie in Aufregung sind, von höchst übler Beschaffenheit und verursachte dem einen Auge, das ich nicht genug geschützt hatte, einige Tage heftige Schmerzen, obschon es nur leicht davon berührt worden war. Erst nachdem ich dem Bedienten den Auftrag gegeben hatte, ihm ein Tuch über den Kopf zu binden, gab er das Versprechen, mich in Ruhe zu lassen, und er hielt Wort.

Seit dieser Zeit äusserte er nie wieder ein Gefühl der Liebe und Theilnahme gegen irgend Jemanden; nur Verwünschungen, Drohungen und Worte des Hasses kamen aus seinem Munde. Selbst nach den arglos Vorübergehenden und freundlich Grüssenden warf er seinen Speichel. Mit Ungestüm verlangte er unaufhörlich weiter zu reisen; vergebens war alle Gegenrede, vergebens zeigte man ihm die schadhafte gewordenen Stellen und die Nothwendigkeit der Verbesserungen an unserem sehr gebrechlichen Reisewagen; die einfachsten Gründe und sichtliche Beweise verstand er nicht. Gänzliche Verkennung aller weltlichen Verhältnisse und stete Beschäftigung mit Gott hatte allmählig den Wahn in ihm entstehen lassen, dass er selbst ein göttliches Wesen sei und dass ihm kein Unglück widerfahren könne; ja selbst der Umstand, dass der Wagen einmal auf dem schlüpfrigen Boden abglitschte und—zum Glück ohne Jemanden von der Reisegesellschaft bedeutend zu beschädigen—umfiel, hatte weiter keine Folge, als dass er ängstlich war, so oft sich dieselbe Gefahr wiederholte, und dass er nun alle seine Wuth brüllend gegen mich, als die Ursache, wendete, indem mich Gott für meine Vergehungen züchtigen wolle. Einmal sagte er zu mir und dem Wärter in einer etwas milderer Stimmung, es sei unangenehm mit Menschen zu reisen, die keine Christen seien und nicht zu Gott beteten. Wir hatten als Lutheraner unterlassen die äusseren symbolischen Gebräuche der griechischen Kirche zu beobachten; und hierin lag vielleicht die Ursache seines Mistrauens und seines Hasses gegen uns. Er verwechselte Kultus mit Religion, die Formen mit dem Wesen, ganz nach der Natur seiner schrecklichen Krankheit, in welcher sich das innere, noch rege, moralische und religiöse Gefühl auf solche und ähnliche Weise zu äussern pflegt. Den 4-ten August, also nach Verlauf eines vollen Monats, erreichten wir endlich Moskau, unser mit stündlich steigender Sehnsucht herbeigewünschtes Ziel und brachten den Kranken in die für uns bestimmte, in einem ziemlich einsamen Theile der Stadt gelegene Behausung. In der ersten Zeit unsers Hierseins war er noch ausserordentlich heftig. Unausstlgbar wird mir der erschüt-

ПРИЛОЖЕНИЯ.

ternde Eindruck bleiben, den er eines Abends auf mich machte, als er mit gellendem, in weiter Ferne vernehmbaren Gelächter in grässliche Verwünschungen gegen Vater, Mutter und Geschwister ausbrach. Er fühlte einige Mal peinigende Langeweile, wollte sich aber nicht beschäftigen, sondern verlangte beständig, dass angespannt und weiter gefahren werde. Ein bestimmtes Ziel hatte er nicht, wenn er gefragt wurde, wohin er wolle, gab er zur Antwort: „In den Himmel; zu meinem Vater“. Damit meinte er Gott.

Nachträglich bemerke ich noch, dass er auf der Reise, ganz nach eigener Wahl, das strengste Fasten beobachtet hatte; nur ein einziges Mal genoss er Fleisch und etwa 4 Mal Fisch. Seine gewöhnliche Kost bestand lediglich aus Obst, Brod, Semmel, Zwieback, Thee, Wasser und Wein, und nur im Weintrinken würde er das Maas oft überschritten haben, wenn ihm sein Wille gelassen worden wäre. In Brody enthielt er sich einen Tag aller Nahrung und betete beständig; das heisst, er lag auf den Knien, verneigte und bekreuzigte sich.

Gegenwärtiger Zustand.

Die schonende Behandlung, welche der Kranke erfuhr, und die Ruhe in unserer Wohnung und um dieselbe, wirkte offenbar sehr wohlthätig auf seinen Zustand. Er wurde allmählig ruhiger und gewöhnte sich in seine neue Lage vollkommen ein. Man kann zwar noch nicht sagen, dass Aufwallungen des Zornes bei ihm eine grosse Seltenheit seien, allein sie verlieren sich immer schnell und es vergehen nicht bloß Tage, sondern ganze Wochen, wo er wenig spricht und sich durchaus ruhig verhält. Indess, auch das vorsichtigste Einschreiten in den gewöhnlichen engen Kreis, in welchen sich sein überaus einfaches Leben bewegt, ist ihm zuwider und beunruhigt ihn. Seine Ruhe ist im Grunde nur eine Seelenruhe und lediglich Folge der Schonung, mit der man ihn behandelt, und der beständigen äusseren Ruhe, in der er lebt. Er will Niemanden sehen, Niemanden sprechen und verflucht Jeden, der sich ihm naht, die etwa ausgenommen, die er zu seiner Bedienung braucht, aber auch mit diesen hält er nur nothdürftig Ruhe. Mich nennt er schlechthin Beelzebub, Satan oder Lucifer. (Könnte ich ihm doch Letzterer sein in der eigentlichen Bedeutung des Wortes). Nur mit dem Himmel lebt der unglückliche Mann in beständiger Eintracht, und das ist eine für den Menschenfreund tröstliche und erfreuliche Erscheinung, die man fast bei allen Kranken dieser Art beobachtet. Er erklärt sich für einen Sohn Gottes und nennt sich „Konstantin Gott“. Diese stolze Verirrung der eigenen Persönlichkeit, die eine neue Erscheinung an ihm ist, könnte man allerdings für ein Zeichen von bedeutender Verschlimmerung seines geistigen Zustandes halten, sie ist es aber nicht.

In dieser Krankheitsform, die ursprünglich schon zu den schlimmsten gehört, die es gibt, ist der Uebergang zu den ungeheuersten Verirrungen nur ein kleiner Schritt; mehr als in einer anderen Form des Wahnsinns sind in dieser reinsten Wahrheit und grobe Lüge auf's Engste zusammengepaart, wie dies noch später aus gegenwärtiger Entwicklung hervorgehen wird. Von allen Beziehungen zum Staate, als solchen, hat sich der Kranke abgelöst, er ist von

der Welt, insofern sie einen geselligen Verein bildet, ausgeschieden und erkennt keine Art von Verhältnis und Verpflichtung mehr zu ihr. Er gehört einzig der grossen allgemeinen Natur noch an. Darum ist ihm fast Alles verhasst, was an bürgerliche Regel und Ordnung erinnert. Darum fragte er sich einige Mal auf der Reise, indem er mich mit spöttischem Lächeln anblickte und eine Bewegung mit der Hand machte, als zöge er eine Uhr aus der Tasche: „Was ist die Uhr?“ und gab sich selbst die Antwort: „Die Ewigkeit!“ Darum sah er es sogar auf der Reise ungern, wenn die Wagenlaternen angebrannt wurden, der Mond und die Sterne sollten uns den Weg beleuchten. Darum erwies er der Sonne und dem Mond fast göttliche Ehre. Darum behauptete er mit Heiligen und Engeln Umgang zu haben, unter denen er besonders zwei nennt: Eternità und Невяность. Ausser der Welt trifft sein kranker Geist überall nur friedliche und erheiternde Bilder; in ihr nichts als Widersprüche und feindliche Gegensätze, die ihn erbittern.

Er beklagt sich oft, dass man ihn in der Nacht höhne, necke, schlagei stosse, elektrisire und dass man ihn absichtlich zum Zeugen der abscheulichsten Unanständigkeiten mache, ja ihn zu den grobsinnlichsten Genüssen auffordere und reize. Meistens sind es seine nächsten Verwandten und seine besten Freunde, die er dieser Vergehungen beschuldigt. Er behauptet, dass sie in der Nacht über ihm an der Decke seines Zimmers sässen und von oben herab feindlich auf ihn einwirkten, und verlangte unter Androhung ewiger Strafen, dass man sie entferne. Nur selten sieht er solche Erscheinungen auch am Tage. Bisweilen spricht er zu seinen vermeintlichen Quälern in der Stube laut, indem er die Worte in die Ecke derselben hinspricht, wo er sie gegenwärtig glaubt. Er behandelt die Schändlichkeiten, die sie sich, wie er sagt, gegen ihn erlauben, mit der Erbitterung eines schwer gekränkten sittlichen Zartgefühles oder auch mit grossmüthiger Verachtung, und ohne Zweifel würden seine Freunde in der Art und Weise, wie er dieses thut, ganz seinen früheren Charakter wiedererkennen. Bisweilen aber setzt er ihnen auch die ganze Wuth seiner Krankheit entgegen; nicht selten steigert sich, wenn er davon erzählt, seine Heftigkeit so, dass er mehr schreit, als spricht. Die Mienen nehmen dann einen fürchterlichen Ausdruck an, die Augen blitzen, die Blutgefässe im ganzen Gesicht schwellen auf und treten dick hervor und der Speichel fliesst und spritzt in Schaumblasen über die Lippen. So wie er sich nun aber in seiner Liebe und Verehrung gegen die Gottheit unverändert gleich bleibt, so sind seine Ansichten und demnach auch seine Gesinnungen in Bezug auf sein Verhältnis zur sichtbaren Welt einem beständigen Wechsel unterworfen, aber nur einem formellen. Unter der Menge falscher Ideen, in welche er sich vertieft, sind immer einige, die ihn vorzugsweise beherrschen und auf seine geistige Verfassung den wesentlichsten Einfluss haben. Nach Verlauf einer längeren oder kürzeren Zeit, nach Tagen, nach Wochen oder erst nach Monaten weicht dieser Ideenkreis einem anderen, bisweilen verwandten, bisweilen ganz fremden, bis auch dieser wiederum von einem neuen verdrängt wird. Die Beschaffenheit der irrigen Bilder, in denen sich seine geistige Thätigkeit während dieser Zeit bewegt und aus deren Kreise sie nicht heraustreten kann, bestimmt sich theils nach äusseren Zufälligkeiten, theils nach inneren Gründen, die sich

ПРИЛОЖЕНИЯ.

nur selten mit einiger Gewissheit ausmitteln lassen. So hielt er sich auf dem Sonnenstein bald für einen ganz armen, bald für einen sehr reichen und vornehmen Mann, zuletzt erklärte er sich sogar für einen Fürsten Hohenlohe; so wurde er bald von deprimirenden, bald von excitirenden Affecten beherrscht. Und ebenso wird die Idee, dass er ein Gott sei, allmählig ihre Stelle einer andern einräumen. Er ist übrigens viel zu wenig er selbst und viel zu sehr Spiel seiner Krankheit, als dass er irgend eine Idee in Hinsicht seiner Persönlichkeit nur mit einiger Folgerichtigkeit durchführen könnte. Er nennt sich Gott, betrachtet aber seine ihm verhassten Geschwister immer noch als seine Geschwister, er nennt sich mächtig, spricht aber immer fremde Hülfe gegen seine Quäler an u. s. w. Ueber die meisten Gegenstände, welche ausserhalb des Bereiches seiner krankhaften Vorstellungen liegen, namentlich über seine Lebensbedürfnisse, spricht er gewöhnlich ruhig und fast mit der Besonnenheit eines geistig gesunden. Seine Lebensweise ist höchst einfach. Er trinkt drei Mal Thee, früh, Mittags und Abends, und geniesst dazu täglich 30 Zwiebacke und einige Stücke Brod. Den Genuss anderer Nahrungsmittel, zu welchem er wiederholt aufgefordert worden ist, verweigert er hartnäckig mit der Behauptung, dass ihm Gott so zu leben geboten habe. Wein indess würde er trinken, wenn er ihn erhielte. Den grössten Theil des Tages bringt er einsam in seiner Stube, auf dem Kanapee liegend, zu, gewöhnlich ohne alle andere Beschäftigung, als die, welche ihm seine Einbildungskraft gewährt. Bisweilen verfertigt er Wachsbilder, an denen er besonders in den Abendstunden arbeitet. Sie gelingen ihm bisweilen recht gut und sind immer charakteristische Erzeugnisse seiner jedesmaligen geistigen Stimmung. Seine jetzigen Wachsarbeiten beziehen sich daher ausschliesslich auf religiöse Gegenstände. Gewöhnlich behalten sie die ursprüngliche Gestalt nicht lange; er ändert an ihnen und zerstört sie nach einiger Zeit ganz, um die Masse zu anderen Bildern zu verwenden. An Bewegung lässt er es nicht fehlen. An heiteren sonnenhellen Tagen pflegt er wenigstens drei Stunden unter freiem Himmel im Hofraum auf und abgehend zuzubringen. Die Reinlichkeit in Bezug auf seinen Körper und seine Wäsche liebt er sehr; dagegen sieht er nur wenig auf Ordnung und Nettigkeit seiner übrigen Bekleidung. Wenn er auf seinem Kanapee ausgestreckt liegt, hat er meistens das Ansehen eines Leidenden; wenn er im Hofe spazieren geht, ist seine Miene gewöhnlich finster und mürrisch. Freundlich ist er nie, höflich selten und niemals bleibt er es lange. Seine Gesichtszüge verrathen immer den Mann von Geist und lassen keinen so schwer Erkrankten in ihm vermuthen, wenn er sich in einer ruhigen Stimmung befindet. Sein Auge ist dann klar und verständig. Die unsinnigsten Aeusserungen kann er oft mit dem Anstande eines geistig gesunden Mannes vortragen. Sein Körper ist schon seit längerer Zeit sehr abgemagert, aber noch überaus gewandt und gelenkig; alles lebt und bewegt sich an ihm bei der geringsten Aufregung. Sein Gang ist leicht und anständig. An Kraft fehlt es ihm nicht; allein auf alle heftigeren Gemüthsstürme folgt, wie schon oben erwähnt, sogleich grosse Abspannung. Sein Gesicht ist fast immer blass, bald mehr, bald weniger; die Nase röthet sich leicht und bleibt bisweilen Tage lang anhaltend roth, wenn der Zustand der Aufregung so lange dauert. In diesem Falle ist auch die Thätigkeit der Speicheldrüsen

ПРИЛОЖЕНИЯ.

ausserordentlich vermehrt; er spuckt dann häufig und der Geifer spritzt aus dem Munde, wenn er spricht. Ueber körperliche Beschwerden beklagt er sich fast nie. Bisweilen, aber sehr selten, sagt er: „ich bin nicht gesund“. Ueber die Art seiner Beschwerden erklärt er sich nie näher. Auf dem Sonnenstein litt er fast täglich an Kopfschmerzen nicht selten an Brustschmerz. Das ist nicht mehr der Fall. Das Einzige, worüber er sich in der ersten Zeit unseres Aufenthaltes in Moskau noch häufig beklagte, war ein übler Geruch, eine Erscheinung die man bei hysterischen Frauenzimmern oft wahrnimmt, deren Ursachen er nicht in sich, sondern immer ausser sich sucht, indem er behauptet, seine Gegner verbreiteten in seiner Stube absichtlich Gestank oder verunreinigten seinen Thee, um ihn zu ärgern und zu martern. Sein Appetit ist immer gut; er schläft lange und sehr ruhig; die Exkretions-Verrichtungen gehen ohne Ausnahme so regelmässig von Statten, wie man bei einem Kranken, der sich auf keine Weise zum Gebrauch irgend einer Arznei bewegen lässt, nur immer wünschen kann.

Wesen der Krankheit.

Aus obiger Entwicklung ergiebt sich nun meines Erachtens Folgendes: das Wesen der Krankheit Batuschkoffs, in sofern sie sich als Seelenkrankheit kund gibt, besteht in überwiegender oder vielmehr in unumschränkter Herrschaft der Einbildungskraft (*imaginatio*), durch deren ungezügelttes Spiel alle übrigen Kräfte der Seele gehemmt und unterdrückt werden, so dass der Verstand die Verkehrtheit und Grundlosigkeit der Vorstellungen und Bilder, welche ihm dieselbe in unablässiger Geschäftigkeit und im buntesten Wechsel vorführt, nicht zu erkennen, und dass die Urtheilskraft das Wahre vom Falschen nicht mehr zu unterscheiden vermag. Sein ganzes Leben ist ein Traumleben, ein waches Träumen oder ein träumendes Wachen, wie man es nennen will. Die krankhaften Erzeugnisse seiner Einbildungskraft hält er für Wirklichkeit, sie bestimmen seine Handlungen und Urtheile, sie machen ihn ruhig oder unruhig, je nach ihrer Beschaffenheit, kurz: in ihnen lebt er. Traum und Wachen fliessen bei ihm so in Eins zusammen, dass er selbst die Erscheinungen und Scenen, welche ihm seine rege Einbildungskraft in den nächtlichen Träumen vormalt, für wahre Begebnisse hält; daher kommt es, dass er in den Morgenstunden, wo die Erinnerung derselben noch am lebhaftesten bei ihm nachwirkt, sich am häufigsten im Zustande geistiger Aufregung befindet, der sich oft, wenn er einmal eintritt, bis zur Tobsucht steigert.

Widerspruch duldet der Kranke nicht. Ganz natürlich. Bei einem so durchaus Kranken spricht man nicht zum Menschen, sondern zur Krankheit oder, was hier gleichbedeutend, zur Einbildungskraft, welche sich nie widerlegen, wohl aber leicht zu grösserer Thätigkeit reizen lässt. Es ist indessen gewiss, dass auch hier Wirklichkeit und Wahn oder Selbsttäuschung nicht vollkommen gleiches Gewicht haben. Ausser manchen anderen Thatsachen spricht auch der Umstand dafür, dass wirkliche Beleidigungen (z. B. angewendete Zwangsmittel) einen tieferen Eindruck auf ihn machen, als eingebildete; jene vergisst er fast nie, diese in der Regel leicht. Ebenso unterscheidet er die Personen,

ПРИЛОЖЕНИЯ.

welche er um sich wirklich sieht, durch sein ganzes Benehmen recht gut von denen, welche ihm seine kranke Phantasie vorspiegelt, obschon er auch hierbei über alle bürgerliche Verhältnisse gänzlich hinweggeht, alle Bande der Freundschaft und Verwandtschaft auflöst und den Kaiser, den Bedienten, den Bruder, die Schwestern im engen Bunde gegen ihn zu den unwürdigsten Quälereien vereinigt glaubt. Ich brauche nicht erst zu sagen, dass eine so schwere und langwierige Krankheit allmählig alle Seelenkräfte lähmen musste. Der Kranke sagte selbst auf dem Sonnenstein mehrmals: „Ich bin kein Narr, das Gedächtnis hat man mir genommen, aber meine Vernunft habe ich noch“. Allein das Gedächtnis, als diejenige Seelenkraft, die am meisten unter allen an körperliche Bedingungen gebunden ist, scheint, obschon ebenfalls geschwächt, grade noch am regelmässigsten bei ihm seine Verpflichtungen zu erfüllen. Zwar gehorcht es ebenfalls dem Despotismus der Einbildungskraft und tritt aus dem Kreise, der ihm von derselben vorgezeichnet wird, nicht leicht hinaus, aber in diesem Kreise trägt es der Malerin Farben aus längst verwichener Zeit zur Ausschmückung der mannigfachsten und buntesten Wahnbilder geschäftig zusammen. Ihre Schwäche hebt die Freiheit und Selbstständigkeit des Geistes noch nicht auf, darum ward sie vom Kranken eingestanden und darum gestehen sie noch täglich bejahrte Personen ein, bei denen auch alle übrigen Seelenkräfte, ihnen unbewusst, in der traurigsten Abnahme begriffen sind. Wollte man nun dieser Krankheitsform, welche durch die mannigfachsten Symptome zu einem wahren Musterbilde von Seelenstörung auf das Traurigste ausstaffirt wird, eine wissenschaftliche Stelle anweisen, so würde man ihr den Gattungsnamen Wahnsinn mit wechselnden Ideen oder auch kurzweg Verrücktheit beilegen müssen. Anfälle von Manie treten häufig, melancholische Stimmungen bisweilen noch hinzu; aber beide bilden nicht den wahren Charakter der Krankheit, sondern sind nur symptomische Erscheinungen des Grundübels. Die Meinung des Kranken, dass er eine Gottheit sei, ist hier nicht das, was die Schule unter dem Begriff der fixen Idee vorzugsweise versteht, welche man mehr als eine Verirrung des Verstandes zu betrachten hat, von dem als einer selbstthätigen Seelenkraft hier nicht die Rede sein kann. Eher könnte man sie im gegenwärtigen Falle ein Fixiren oder Erstarren der Einbildungskraft nennen.

Ursachen und Entwicklung der Krankheit.

Obschon sich gegenwärtiger Aufsatz nur als Fortsetzung den früher vom Sonnenstein durch Herrn Doctor Pirnitz eingesendeten Berichten anreihen soll und obschon somit die Entwicklung der Krankheitsursachen eigentlich nicht mehr hierher gehört, so glaube ich doch mich keinem überflüssigen Geschäfte zu unterziehen, wenn ich sie an diesem Orte nochmals der Untersuchung unterwerfe, theils weil das, was mir über dieselben mitgetheilt worden, wegen des Mangels an zuverlässigen Nachrichten durchaus ungenügend erscheint, theils auch weil hier in Russland, wie ich höre, sehr verschiedene und fast durchgängig sehr unstatthafte Gerüchte und Vermuthungen über diesen Gegenstand in Umlauf sind.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Ich habe in der That nicht nöthig zu blossen Vermuthungen meine Zufucht zu nehmen, um die ursächlichen Bedingungen der Krankheit zu ermitteln; ich will hier nur von dem reden, was der Kranke unmittelbar selbst nachweist. Darum bleibe es hier auch unerörtert, ob die Krankheit vielleicht angeerbt sei, d. h. ob Vater oder Mutter oder sonst Jemand von den nächsten Vorfahren in aufsteigender Linie schon an einer ähnlichen Krankheit gelitten oder deutliche Anlagen dazu gezeigt habe. Man sagt dies, und dies wäre allerdings schon ein richtiges Moment an und für sich. Hier aber kommt wenig oder nichts darauf an, denn es lässt sich anderweitig nachweisen, dass sie angeboren ist. Vielleicht könnte man auch dafür in den gleichlinigen Mitgliedern der Familie Belege finden, wenn man danach suchen wollte; so wichtig wiederum dieses neue Moment wäre, so suche ich doch lieber die Beweise für meine Behauptung in dem Kranken selbst, und ich finde sie hier. Ist nämlich die Krankheit oder vielmehr die Anlage dazu, wie ich sagte, angeboren, so muss sie sich schon in den gesunden Tagen deutlich ausgesprochen haben. Und das hat sie allerdings, sie hat sich so deutlich ausgesprochen, dass sie dem unglücklichen Manne selbst nicht verborgen blieb und dass er die traurige Zukunft, der er entgegen ging, mehr als einmal selbst vorausgesagt hat.

Batuschkoff war ein reichbegabter, aber kein glücklich organisirter Geist. Die Einbildungskraft war in ihm von jeher die vorwaltende, ihn beherrschende Seelenthätigkeit; er bewies dies im geselligen Leben und er hat die Beweise davon überall in seinen Schriften niedergelegt. Ein tiefes und zartes Gefühl für alles Grosse, Gute und Schöne kam hinzu und gab jener Thätigkeit die poetische Richtung. Man könnte sagen: Batuschkoff war ein poetisches Gemüth, aber kein poetischer Geist, auf ihn lässt sich in noch unbeschränkterem Sinne anwenden, was Friedrich Schlegel, von dem ihm in vieler Hinsicht verwandten, obschon übrigens weit überlegenen Torquato Tasso sagt: „Er gehört im Ganzen mehr zu den Dichtern, die nur sich selbst und ihr schönstes Gefühl darstellen, als eine Welt in ihrem Geist klar aufzufassen und sich selbst darin zu verlieren und zu vergessen im Stande sind“.—Solche Naturen erscheinen im Leben gewöhnlich als durchaus poetisch, eben weil sie nichts anderes sind und sein können, als Dichter. Praktisch-tüchtige Menschen werden sie nie. Der poetische Geist findet die Poesie und nimmt sie in sich auf, er ist subjectiv und objectiv; das poetische Gemüth kann nicht aus sich heraus, es trägt seine Poesie über und kann darum nur subjectiv sein; es hat wenig poetische Gedanken, aber es ist reich an poetischen Bildern und Gefühlen.

Wenn z. B. der Taubstumme Massien, wie Batuschkoff selbst erwähnt, die Dankbarkeit „die Erinnerung des Herzens“ nannte und wenn Andrei Turgenief vom Jenseit sagt: „dort sei kein Glaube mehr nöthig und dort finde keine Hoffnung mehr Statt“, so sind dies poetische Gedanken, welche Batuschkoff — ich bin fest davon überzeugt — trotz ihrer Einfachheit nimmermehr hätte haben können. Die Gedankenarmuth ist bei ihm so gross und der Bilderreichtum so vorherrschend, dass man bisweilen in ein und demselben Gedicht einen und denselben Gedanken mit drei, ja vier verschiedenen Bildern kurz hinter einander wiederkehren sieht. Ich beziehe mich hier beispielsweise auf das in jeder

Hinsicht äusserst charakteristische elegische Gedicht „Der sterbende Tasso“ und verweise in diesem wiederum auf Tassos Klagrede. Aber auch in seinen prosaischen Schriften, so weit ich sie kenne, fand ich diese Ansicht bestätigt. Die innige Empfindung und die rege Einbildungskraft, die sie belebt, macht sie zu einer angenehmen Lektüre, aber Belehrung gewähren sie nicht. Die Gedanken, welche sie enthalten, erscheinen nicht als Ergebnisse eines fortgesetzten ruhigen Nachdenkens, sondern als ursprüngliche Gefühle, welche der Verfasser in sich zum Bewusstsein zu bringen sucht und die er dann zu Gedanken verklärt; kurz es scheint als habe er mit dem Gemüth und mit der Einbildungskraft gedacht. Darum ist es auch nicht möglich den Inhalt seiner Aufsätze lange im Gedächtnis zu behalten und sich Rechenschaft über ihn zu geben. Gedichte wie „Des Freundes Schatten“ und noch einige Andere beweisen zugleich, mit welcher Lebhaftigkeit seine Phantasie sah, ja wie sie ihm schon sonst, wo sie noch vom Verstande in Schranken gehalten wurde, Erscheinungen vorzaubert.

Es ist hier von einem sehr talentvollen Manne die Rede und es versteht sich, dass obiges scheinbar harte, gewiss aber nicht ungerechte Urtheil mit Hinsicht auf den höchsten Maasstab der Kritik geltend gemacht werden kann. Ich rede hier als Arzt des Kranken in der Sprache der Wissenschaft; darum ist mir Strenge erlaubt, wenn ich wahr und gerecht bin.—Da nun solche Naturen rein-subjektiv oder immer nur sie selbst sind, so gerathen sie mit der Welt sehr leicht in Zwiespalt; man kann mit ihnen selige Stunden geniessen, wenn man es versteht, in ihren Kreis zu treten und sich ihnen anzubequemen, aber man kann nicht eigentlich lange mit ihnen enge zusammen leben, wenn man ihnen nicht die eigene Persönlichkeit zum Opfer bringt. Ihr überzartes Gefühl, ihre lebendige Einbildungskraft und ihre strenge Eigenthümlichkeit macht sie überaus reizbar und verletzlich, und lässt sie in den unschuldigsten Dingen feindliche Gegensätze finden, die sie in ihrem Inneren nicht zu versöhnen wissen. Alles was sie trifft, trifft gleich unmittelbar den ganzen Menschen in seinem tiefsten Wesen und nichts findet im Verstande einen besonnenen Gegenhalt. Der Mangel an innerer Einheit gibt sich überall im poetischen Leben kund. Sie sind nach Umständen bald überaus fleissig, bald überaus träge, sie sind beständig das Spiel äusserer Zufälligkeiten und ihrer eigenen immer verschiedenen Launen. Mit Kleinigkeiten, mit wahren Spielereien, auf welche der ernste praktische Mann nicht gern eine Minute verwendet, können sie sich ganze Stunden beschäftigen. In Bezug auf ihr Selbst sind sie fast beständig im Irrthum befangen, bald überschätzen sie das Maas ihrer Kräfte, bald verzweifeln sie an aller Selbstkraft; deprimirende und exaltirende Affecte wechseln bei ihnen schnell; beide sind ihnen verderblich und dennoch sind sie fast immer dem Uebermaas der einen oder der anderen Preis gegeben. Haltungslos, wie sie sind, können sie nie einen festen Standpunkt in der Welt gewinnen, denn sie stehen ausser ihr. Zeit und Raum verlieren zuletzt ihren wahren Gehalt für sie; sie leben dann nicht mehr in der Gegenwart, nicht mehr an dem Orte, an dem sie sind, sondern in der Zukunft, in der Ferne. Ewige Unruhe, rastlose Sehnsucht treibt sie immer dahin, wo der Himmel auf der Erde zu liegen scheint, und darum erreicht ihr krankes Streben nie ein Ziel. Wo sie sich hinretten, bringen sie ihre eigene selbstgeschaffene Welt mit sich, die nirgends in die wirklich beste-

hende sich einfügt. „Die Welt ist vollkommen überall, wo der Mensch nicht hin- kommt mit seiner Quaal“, wie Schiller sagt; aber sie bürden ihr in ihrer Ver- irrung alle die Leiden auf, die in ihnen selbst ihren Grund haben. Batuschkoff fühlte sich immer unglücklich und in seinem ganzen Leben findet sich nicht ein einziger Unglücksfall, der einen fest gegründeten Mann irre machen könnte. Ist irgend eine geistige Organisation zur gänzlichen Aufhebung aller Ordnung in ihren gesetzlichen Verrichtungen geneigt, so ist es eine solche, denn kein See- lenvermögen misbraucht die ihm verstattete Herrschaft mehr zum traurigsten und gewaltigsten Despotismus, als die Einbildungskraft. Gekränkter Ehrgeiz, verschmähte Liebe, kurz alle Leidenschaften solcher Naturen, welche ihre Reiz- barkeit fast zu eben so vielen Krankheiten macht, werden die Gelegenheitsur- sache zur Beschleunigung der traurigen Krise. Die gequälte Seele, die sich überall verwundet und zurückgestossen fühlt, zieht sich immer mehr von allem Aeusseren zurück in sich selbst, d. h., sie begiebt sich nun ohne Gegenwehr in die Hände ihres eigentlichen Feindes, den sie für ihren einzigen noch übrig geliebten Freund hält und der nun eben darum ungestört und rastlos an ihrer Zerstörung arbeiten kann. Stundenlang kann nun der Kranke, denn das ist er dann schon, in müssiger Ruhe die Fingerspitzen betrachten und sich dem gedankenlosen Spiel und der schrecklichen Willkür der Einbildungskraft über- lassen. Es tritt bald eine nothwendige Entwicklungsperiode ein, die freilich eine grässliche Rückbildung wird, deren Keim aber schon bei der Geburt vor- handen war und nur günstiger Umstände bedurfte, um aufzuwuchern. Tasso, der noch jetzt wie ein Heiliger von Batuschkoff verehrt wird, ging ohne Zweifel ganz denselben Weg zum Verderben—Petranka dagegen, behauptete sich trotz der heftigen Seelenstürme, denen ihn die Glut seiner Leidenschaft Preis gab, in Besitz seiner geistigen Fähigkeit; denn so, wie er, liebt und dichtet das blosse Gefühl und die blosse Einbildungskraft nicht. Wenn bei religiösen Schwär- mern und Schwärmerinnen, welche ebenfalls in diese Kategorie gehören, die Krankheit nicht immer zur vollen Reife gedeiht, so hat dies wohl hauptsäch- lich darin seinen Grund, dass ihre geistige Thätigkeit eine praktische Rich- tung nimmt, dass sie ein Ziel hat und nicht feindlich gegen sich selbst ge- kehrt ist.

Diese Anlage bestimmt nun auch die spätere Form der Krankheit. Wie der Kranke erst mit der Einbildungskraft spielte, so spielt sie nun mit ihm, er hört Stimmen, er sieht Erscheinungen, er glaubt sich von allen Seiten beobachtet und verfolgt u. s. w.

In den meisten, ja vermuthlich, wenn es sich auch nicht immer mit Ge- wissheit ermitteln lässt, in allen Fällen von Seelenstörung wird die Krankheit durch gleichzeitige wirkende körperliche Ursachen mit erzeugt und unterhalten. Auch in dem Falle, von welchem hier vorzugsweise die Rede ist, fehlen sie nicht. Es ist nämlich mehr als wahrscheinlich, dass Hämorrhoiden und Gicht, welche häufig schon allein und für sich den hartnäckigsten Seelenstörungen zur Grundlage dienen, auch hier ihr geheimes Spiel treiben. Die nächsten Vor- fahren unseres Kranken in männlicher Linie haben alle an der heftigsten Gicht gelitten, er selbst hat früherhin die Vorboten derselben schon gefühlt und öf- terer geäußert, dass er ihren Leiden nicht entgehen würde. Personen, denen

die Gicht angeerbt ist, leiden an einer Reihe mannichfaltiger, oft sehr versteckten Krankheiten, welche gewöhnlich nicht eher gehoben werden, als bis die Gicht regelmässig eintritt, und das ist ganz in der Ordnung, dass sie im blühenden Alter schon mit Hypochondrie anfangen und dass sich Neigung zu Rheumatismen und Hämorrhoiden beigesellt. Es ist möglich, dass auch die Krätze, mit welcher unser Kranker kurz nach der Schlacht bei Leipzig behaftet war und von welcher er auf sein eigenes Verlangen schnell befreit wurde, wesentlichen Antheil an der späteren Ausbildung der Seelenstörung hatte, obschon sich unmittelbar darauf keine wahrnehmbaren üblen Folgen äusserten. In einem Körper, in welchem irgend eine angeborene oder erst erworbene Krankheitsanlage im Keime schläft, können selbst geringe alte Krankheitsreste späterhin die grösste Bedeutung gewinnen. Ueber die Natur des Gesichtsschmerzes, an welchem der Kranke noch zur Zeit seiner geistigen Freiheit lange gelitten, habe ich leider nichts Sicheres erfahren können; es ist indessen wahrscheinlich, dass er schon ein Vorbote oder vielmehr eine Art von symptomatischer Krankheit war, deren Ursachen in dem grösseren Krankheitsherd des Unterleibs verborgen lagen. Darf man ihn auch gerade nicht hoch in Anschlag bringen, so beweist er doch wenigstens, welche Neigung schon bei ihm die krankhaften Stoffe hatten, ihre Richtung nach dem Kopfe zu nehmen. Die Hämorrhoiden sind zufolge meiner sorgfältig eingezogenen Erkundigungen nur ein einziges Mal bei ihm auf dem Sonnenstein geflossen. Ihre Bestrebungen müssen sich indessen sehr deutlich ausgesprochen haben, da der Kranke selbst, der doch sonst fast alle seine Leiden äusseren Gründen und eingebildeten Mishandlungen zuschrieb, einige Mal ihre Natur nicht verkannte. Es ist bekannt, dass unterdrückte oder nicht gehörig von Statten gegangene Hämorrhoiden, Ohrenbrausen, Fehler im Gesicht, Herzpochen, Verwirrung, Ziehen in den Beinen, Mattigkeit u. s. w. zur Folge haben, dass sie nicht allein häufig mit der Gicht verbunden sind, sondern mit deren Anfällen regelmässig abwechseln. Die krankhaften körperlichen Gefühle fliessen bei ihm auf das Innigste mit der krankhaften Seelenthätigkeit zusammen; diese giebt den Täuschungen des Gesichts die Formen eingebildeter Feinde, dem Brausen des Ohres die Stimme derselben u. s. w., daher ferner die Klagen, dass man ihm den Kopf und die Augen verbrenne und elektrisire, dass man ihm die Beine zerschlage, dass man ihm Ohrfeigen gebe, die Nase und den Mund vergifte u. s. w. Sonst hinkt er auch bisweilen und rieb sich die Schenkel mit der Hand. Die Nase, wie schon erwähnt, röthet sich leicht, und immer desto mehr, je mürrischer seine Stimmung ist; ein Zeichen, das bei anthritisch hämorrhoidalischen Komplikationen gewöhnlich vorhanden ist. Daher tritt ferner im Frühjahr und Herbst Verschlimmerung der Zufälle ein, und man irrte vielleicht nicht, wenn man auch die melancholische Stimmung, welche ihn, wie man mir sagt, schon sonst immer mit dem Eintritt des Frühlings beherrschte, als eine Wirkung der sich regenden und nach Entwicklung strebenden gichtischen Anlage betrachtete. Kurz es finden sich eine Menge Symptome, welche für diese Ansicht sprechen, und nicht ein einziges, welches wahrhaft dagegen zeugte. Somit leidet es nun wol auch kaum noch einen Zweifel, dass die heftigen Stürme, welche der Kranke in den ersten Tagen unserer Reise, wie oben erwähnt, zu bestehen hatte, hämorrhoida-

lischer Natur waren und dass die Schmerzen, welche seine Mienen und Gebärden bei jeder Veränderung im Sitzen und Liegen zu erkennen gaben, von Hämorrhoidalknoten herrührten, welche heftiges und jählingses Stechen bei der Bewegung der betreffenden Theile veranlassen.

Prognose.

Ich will nicht erst die günstigen und ungünstigen Symptome, welche diese Krankheitsform zusammensetzen, hier vergleichend mit einander abwägen, um zu entscheiden, ob Heilung möglich und wahrscheinlich sei oder nicht; stützt sich obige Entwicklung der ursächlichen Bedingungen nicht auf unstatthafte Voraussetzungen—und ich glaube das nicht, da sie von ihren Thatsachen ausgeht—so ergibt sich schon aus ihnen allein hinlänglich, dass diese gebundene Seele nur von dem Allbefreier ihrer Fesseln entledigt werden könne, der die dichterischen Träume ihrer Einbildungskraft verwirklicht und sie in das Land führet, wo, wie Turgeniew sagt, die Hoffnung nicht mehr Statt hat. Fühlte doch der unglückliche Sänger die Krankheit lange vorher, ehe sie kam, und konnte sie nicht aufhalten in ihrem Entwicklungsgange. Sie ist nun da, vollkommen ausgebildet, mit allen ihren Schrecken, seit Jahren schon, und er ist nun so Eins mit ihr geworden, dass er sich auf das hartnäckigste jeder Maasregel widersetzt, welche die Bekämpfung derselben bezweckt und nun soll sie die Kunst haben! Die Krankheit ist in der That schon lange über den Punkt hinaus, wo Heilung noch möglich und denkbar, ich will nicht sagen, wahrscheinlich war, denn wahrscheinlich war sie vom ersten Anfange nicht. Besserung indessen könnte wol mit der Zeit eintreten, in dem Falle nämlich, das die vis naturae medicatricis selbst heilsame Bestrebungen machte, die Hämorrhoiden zu regelmässigen Flüssen brächte und so die gichtischen Reste an äusseren Theilen ablagerete. Zu fürchten ist freilich, dass schon organische Veränderungen Statt gefunden haben, die sich nicht mehr ausgleichen lassen. So schlimm aber auch die Krankheit an sich schon ist, es ist immer noch Verschlimmerung möglich: es kann noch Epilepsie hinzutreten. Das krampfhaftes Ungestüm, das seinen ganzen Körper in vibrirender Bewegung rüttelt, so oft er in heftige Wuth geräth, lässt das Schlimmste befürchten. Das verhüte der grosse Gott! Gesetzt aber auch, es würde durch einen Verein unvorhergesehener günstiger Umstände wider alles Erwarten allmählig Heilung herbeigeführt, gesetzt dieser mir durchaus undenkbarer Fall träte wirklich ein, lässt sich wol glauben, dass ein Mann, der unter den günstigsten äusseren Verhältnissen lebte, der sich von seinem Vaterlande geehrt, von Freunden nund Verwandten geliebt wusste, der sich eine ruhmvolle Laufbahn mit glänzenden Aussichten für die Zukunft eröffnet sah, kurz ein Mann, welcher Alles hatte, was das Leben erheitert und angenehm macht, und der trotz Allem dem sich beständig unglücklich fühlte und das Leben nicht ertragen konnte, lässt sich wol glauben, sag' ich, dass derselbe Mann dasselbe Leben unter weit ungünstigeren äusseren Verhältnissen ruhig ertragen, dass er die Welt in ihrem einfachen, aber erhabenen Gehalt mit klarer Besonnenheit auffassen, seine übertriebenen Ansprüche an dieselbe fügsam herabstimmen, ja dass er selbst den nagenden Schmerz des Gedankens einer viel-

ПРИЛОЖЕНИЯ.

jährigen Beranbung aller geistigen Freiheit und Selbstbestimmungsfähigkeit mit heldenmüthiger Stärke bezwingen werde? oder ist es nicht vielmehr wahrscheinlich, dass bald ein schrecklicher Rückfall kommen oder dass er selbst vor dem völligen Ausbruche desselben seinem jammervollen irdischen Dasein gewaltsam ein Ende machen werde? Er ist der Welt fremd; wer ihn nicht gesünder macht, als er in seinen gesunden Tagen war, der heilt ihn nicht. Was bleibt übrig? Der Arzt muss oft als Menschenfreund wünschen, was er als Arzt verhindern soll.

Behandlung.

Über die Wahl der Arzneimittel, deren Anwendung diese Krankheitsform verlangt, könnte zufolge der in den ursächlichen Bedingungen enthaltenen Indikationen wol eben kein Streit Statt finden. Der Schwefel würde die erste Stelle einnehmen, sanft auflösende Extrakte, gelinde Mittelsalze u. s. w. u. s. w. würden sich ihm anschliessen müssen. Allein die ausserordentliche Heftigkeit und Reizbarkeit des Kranken, die ihn bisweilen ohne alle äussere Anlässe zu den ungestümsten Zornausbrüchen hinreisst und den aufrichtigsten Beweisen der Theilnahme und Liebe immer feindliche Deutung gibt, macht es durchaus unrathsam zu einer rein-medizinischen Kur zu schreiten. Sie würde sich nicht ohne Gewaltmittel in Ausführung bringen lassen und durch den Gebrauch derselben würde man ihm weit mehr schaden, als man ihm durch die zweckmässigsten Arzneien, auch wenn sie allen Indikationen entsprächen, nutzen könnte. Ich habe mich deshalb genöthigt gesehen, meine ganze Behandlung auf die direkt- und indirekt- psychische Kur zu beschränken.

Man könnte auf die Meinung kommen, dass in dieser Krankheitsform ein beständiger oder häufiger Wechsel der äusseren Umgebungen die vortheilhafteste Wirkung haben müsse, indem dadurch die krankhafte Thätigkeit der Seele auf etwas Wirkliches hingelenkt und von der Beschäftigung mit ihren Wahngelbilden abgezogen werde. Allein die Periode, wo sich von äusserer Zerstreuung noch ein günstiger Erfolg erwarten liess, ist von der Krankheit schon längst überwunden und mit ihr ist eben auch die Periode der Möglichkeit eines glücklichen Ausgangs der Krankheit vorüber. Die Krankheit ist und bleibt unter allen Verhältnissen Siegerin. Sie tritt nicht hinüber in den Kreis der gesunden Wirklichkeit, der ihr etwa zur Beschäftigung vorgeführt und angeboten wird, sondern sie reisst mächtig Alles in ihr grässliches Gebiet und grössere geistige Verwirrung und mit dieser auch grössere Aufregtheit ist die unausbleibliche Folge. Davon hat mich die Erfahrung überzeugt. Unangenehme körperliche Gefühle, die sonst am kräftigsten die Seele aus ihrer Traumwelt reissen und eben darum oft als indirekt- psychische Heilmittel absichtlich hervorgerufen werden, bewirken hier nur eine noch stärkere geistige Reaktion und mit ihr natürlich auch Verschlimmerung. Um wie viel mehr muss aber nicht erst das nachtheilig wirken, was unmittelbar den Geist trifft. Man könnte den Zustand der Einbildungskraft mit einer Entzündung vergleichen, deren Heftigkeit durch den geringsten äusseren Reiz gesteigert wird. So wie z. B. das entzündete Auge den Lichtreiz schaut, so fürchtet hier—man erlaube diesen ma-

teriellen Ausdruck—die entzündete Einbildungskraft jede Bereicherung ihrer Bilderwelt, wie etwas Schmerzerregendes. Darum liebt der Kranke die Einsamkeit, darum will er Niemanden sehen und sprechen, darum verlangt er unablässig Ruhe und scheut jeden Wechsel, darum duldet er nichts in seinem Zimmer, was er nicht braucht, nicht einmal ein Kleidungsstück. Und Ruhe ist es auch wirklich, was ihm vor Allem Noth thut; sie war ihm tödtliches Gift, als er noch gesund war oder dafür galt, und sie ist ihm nun bei völlig entwickelter Krankheit die grösste Wohlthat. Je seltener die Anfälle des Zornes und der Heftigkeit bei ihm gemacht werden, desto mehr ist überhaupt für seinen Zustand gewonnen; ja das ist fast das Einzige, was sich gewinnen lässt. Ich bin demnach bemüht gewesen, ihn so viel als möglich zu isoliren, ihn in eine ganz einförmige Lage ohne allen äusseren Wechsel zu versetzen, und Alles zu entfernen, was dazu beitragen könnte, seine Reizbarkeit zu erhöhen. Eine fremde Familie, die noch im Hause wohnte, wurde daraus entfernt; in der ganzen Wohnung, die in einer ziemlich einsamen Gegend am Ende der Stadt gelegen ist, herrscht beständig die grösste Ruhe und Stille. Er sieht nur Personen, die er zu sehen gewohnt ist, die Unterhaltung mit ihm wird auch von diesen sorgfältig vermieden, denn er führt immer allein das Wort und je mehr er spricht, desto heftiger wird er. Er genießt volle Freiheit, im Gehöfte herumzugehen, wann und wie oft er will, und man macht es ihm nicht bemerklich, dass er unter Aufsicht steht. Seine Wünsche, welche immer fast einzig Lebensbedürfnisse betreffen, werden ihm sogleich befriedigt. Durch dieses einfache Verfahren ist es allerdings gelungen seinen Zustand um vieles zu bessern; daran hat indessen wol auch seine einfache Kost wesentlichen Antheil. Die Klagen über Kopfschmerzen, die er sonst fast täglich wiederholte, haben ganz aufgehört; ebenso die Klagen über üblen Geruch, über Augenweh u. s. w. Es vergehen bisweilen ganze Wochen, wo er in seiner Stube nicht laut mit sich oder vielmehr mit den Personen spricht, die er anwesend glaubt. Auf dem Sonnenstein verliess er oft in der Nacht sein Lager und tobte heftig in seiner Stube. Jetzt ist sein Schlaf durchaus ruhig und erquickend, und das ist wegen des grossen Einflusses, welchen die Träume auf sein krankes Seelenleben haben, ein wichtiger Umstand, die eigentliche Geisteskrankheit besteht freilich noch ganz in ihrer intensiven Stärke. Und gelänge es auch der rastlos thätigen Einbildungskraft äusserlich allen Stoff zu krankhaften Schöpfungen zu entziehen, sie weiss ihn erfinderisch in sich selbst zu erzeugen und auszubilden. Das erste und unerlässliche Bedingnis einer wesentlichen Besserung ist und bleibt Beschäftigung; aber was für Beschäftigung? Dass ein solcher Kranker nicht im Stande ist ein Buch zu verstehen, eine allmälige Gedankenentwicklung oder den fortlaufenden Faden einer Erzählung zu verfolgen, brauch' ich nicht erst zu sagen. Der Wechsel der schönen Gegenden auf dem ersten Theile unserer Reise beschäftigte den Kranken zwar auf eine ihm angenehme Weise, aber er machte ihn kränker und verwirrte ihn noch mehr; denn er gab der Einbildungskraft neue Nahrung von aussen. Sie aber, die schon übernährte, bedarf vielmehr einer Ableitung nach aussen oder, um das deutlicher zu sagen, ihre Fülle muss sich in irgend einer produktiven Beschäftigung entladen, z. B. im Zeichnen, im Malen u. s. w. Es hat nicht an Aufforderungen zu sol-

ПРИЛОЖЕНИЯ.

chen Beschäftigungen gefehlt; sie sind aber bisher ohne allen Erfolg geblieben. Auf dem Sonnenstein zeichnete er einmal aus eigenem Antrieb eine Zeit lang mit musterhaftem, ja mit übertriebenem Fleisse; er versäumte dabei die ihm so nöthige körperliche Bewegung und endlich traten mancherlei Blutsbeschwerden ein, welche ihn zwangen, diese Beschäftigung abzubrechen. Wäre der Kranke nur einiger Maassen zugänglich, so könnte man vielleicht durch Vorzeigung einer zweckmässigen Auswahl von Kupferstichen und Gemälden seinen Kunstsinne wecken, der Einbildungskraft eine bestimmte Richtung geben und dadurch mittelbar dem Verstande einige Gedanken zuführen. Denn die Despotie der Einbildungskraft beruht in der That nicht sowohl auf ihrer eigenen Stärke, als vielmehr, wie fast jede tyrannische Herrschaft, auf der Schwäche der gegenwirkenden mitkonstituierenden Kräfte. Man müsste daher gleichzeitig jene schwächen und diese stärken. Eine zweckmässige somatische Behandlung müsste die psychische unterstützen. *Pia vota!*

Um eine ruhigere Stimmung in seinem Gemüthe zu erzeugen und ihn sanfteren Gefühlen zugänglich zu machen, sind zwei Versuche mit Musik angestellt worden. Ueber den ersten, der auf meinem Pianoforte in einem entfernteren Zimmer ausgeführt wurde, äusserte er sich misbilligend, ohne jedoch heftig zu werden. Der zweite bestand in Vokalmusik ohne Instrumentalbegleitung; es wurden von einem Chore von 9 Personen einige Kirchenstücke abgesungen, weil der Kranke jetzt nur für religiöse Gefühle empfänglich ist. Da ich wünschte, dass er die Worte verstehen möchte, und da er nicht Ruhe und Sammlung genug hat, einen zusammenhängenden Text zu fassen, so wurden auf meinen Rath Gesänge gewählt, die ihm bekannt sein mussten und in denen immer dieselben Worte wiederkehrten, wie das bekannte *Господи помилуй*, und dgl. Der Kranke blieb ruhig auf dem Kanapee liegen und richtete lauschend das Gesicht nach der Seite hin, von der die Töne herkamen; weder damals, noch später erwähnte er dieses Versuchs mit einem Worte, da er sich doch sonst über alles ausspricht, was ihn nur einiger Maassen unangenehm berührt. Ein billigendes oder ein lobendes Urtheil kommt nie jetzt aus seinem Munde. Ich betrachte daher den Versuch als gelungen und würde ihn wiederholt haben, wenn der Ausführung nicht mancherlei äussere Hindernisse im Wege ständen. Tieferen Eindruck würde ohne Zweifel eine Harmonika machen, die mir leider nicht zu Gebote steht. Da windiges Wetter keinen guten Einfluss auf den Kranken ausübt, so habe ich die Absicht, um vielleicht seine Wirkung zu schwächen, eine Äolshorfe im ebenen Theile des Hauses aufzustellen. Vielleicht thut der Wind gleichzeitig etwas Gutes. Kleinigkeiten regen den Kranken auf und Kleinigkeiten beruhigen ihn zuweilen.

Moskau, im Februar 1829.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

- Адиссонъ**—247.
Аксаковъ, Серг. Тим.—49, 56, 214.
Александръ I, императоръ—14, 16, 40, 49, 54, 58, 59, 63, 120, 152, 171, 177—179, 181, 237, 260—262, 273, 280, 284, 289, 295, 296, 300, 319, 320, 325—327, 330.
Алексѣевъ, И. И.—75.
Алексѣй Михайловичъ, царь—5.
Алеръ, г-жа—299.
Альзира—177.
Альфieri—249.
Анакреонъ—130, 137, 254.
Анненковъ, Пав. Вас.—257, 258.
Апраксинъ, Степ. Степ.—156.
Араповъ, П. Н.—53, 54.
Аристиппъ—130.
Архаровъ, Ив. Петр.—156, 157.
Аріостъ—88, 235, 236, 332, 337.
Асканій—9.
Аслега—80, 223.
Асмодей—133, 245.
Аспазія—264.
Атала—297.
Ахиллъ—243, 269.
Байронъ—283, 301, 339.
Бантышъ-Каменскій, Ник. Ник.—39.
Барклай—332.
Барсуковъ, А-дръ Плат.—5, 7.
Барсуковъ, Ник. Плат.—132.
Бартеlemi, аббатъ—224.
Бартеневъ, П. Ив.—255.
Батюшкова, Авд. Никит.—8.
Батюшкова, А-дра Григ. 8, 9, 82, 333.
Батюшкова, А-дра Ник.—8, 10, 23, 69, 70, 79, 82—84, 86, 87, 103, 143, 144, 154, 171, 183, 194, 215, 258, 268, 275, 282, 293, 298, 299, 301—303, 322—324, 328—332.
Батюшкова, Анна. Ник.—8, 15, 81.
Батюшкова, Варв. Ник.—8, 14, 23, 82, 182.
Батюшкова, Елиз. Ник.—8.
Батюшкова, Юл. Ник.—8, 268.
Батюшковъ, Андр. Ил.—5, 6.
Батюшковъ, Ив. Никит.—5.
Батюшковъ, Илья Андр.—6, 7.
Батюшковъ, Левъ Андр.—6, 7.
Батюшковъ, Матв. Ив.—5.
Батюшковъ, Ник. Льв.—7—10, 13—15, 61, 62, 68, 70, 182, 194, 258—259.
Батюшковъ, Пав. Льв.—8.
Батюшковъ, Помп. Ник.—8, 70, 119, 207, 259, 268, 299.
Батюшковъ, Сем.—5.
Бауманъ—301, 329, 330.
Баумгертель—12.
Бахметевъ, Ал-й Ник.—163, 168, 169, 171, 182, 194, 196, 261, 262, 307, 317.
Башнискій, А. В.—308.
Беккариа—39.
Беницкій, Ал-дръ Петр.—37.
Беннигсенъ, гр. Л. Л.—63, 64.
Бергъ, Ник. Вас.—310, 311.
Бергъ, Фед. Ник.—306.
Бердяева, см. Батюшкова, Ал. Гр.
Бестужевъ, А. А.—252.
Блудова, графиня Ант. Дм.—180.
Блудовъ, графъ Дм. Ник.—143, 146, 149—151, 180, 235, 243, 245, 258, 259, 282, 286, 293, 300, 328.
Бова королевичъ—40, 41, 253.
Богдановичъ, М. И.—59, 63.
Бомарше—121.
Борнъ, И. М.—37, 39, 40.
Бородина, О. А.—299.
Бороzdина, см. Нилова, Елиз. Корн.
Бороzdинъ, Конст. Матв.—29, 110.
Бороzdинъ, Корн. М.—28.
Брусиловъ, Н. П.—37, 43.
Брутъ—294.
Брюне—177.
Буксгевденъ, графъ Е. Ф.—75.
Буле, I. Ф.—104.
Бунаковъ, П. Ф.—12.
Буслаевъ, Фед. Ив.—51.
Бычковъ, А. Ф.—318.
Бѣлинскій, Висс. Григ.—238, 252, 254, 314.
Бѣляевъ, А. П.—13.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

- Шеневитиновъ, Дм. Влад.—1.
 Веревкинъ—261.
 Верстовскій, А. Н.—303.
 Вертеръ—173, 200.
 Вителъ, Фил. Фил.—49, 50, 76, 101,
 137, 333.
 Виландъ—173.
 Вильменъ—177.
 Вине—94.
 Винкельманъ—48, 52.
 Виргилій Маронъ—73, 88, 93, 229,
 254, 273.
 Висковатовъ, Степ. Ив.—135.
 Витгенштейнъ, графъ П. Х.—169.
 Визьгорскій, графъ Мих. Юр.—66,
 130, 131.
 Владимиръ Святой, в кн.—189, 253.
 Воейковъ, Ал. Оед.—112, 252, 286, 291.
 Волкова, М. А.—29.
 Волконская, княгиня Зин. Ал.—263.
 Вольней—15, 39.
 Вольтеръ—11, 15, 34, 41, 82, 88—95,
 97, 127, 177, 200.
 Востоконъ, А-дръ Хр.—37, 41, 44, 49,
 118, 150.
 Воронцовъ, гр. М. С.—333.
 Вуазенонъ, аббатъ—218.
 Вульфъ, Анна Оед.—48.
 Вульфъ, см. Полторацкая, Екат. Ив.
 Вяземскій, князь П. Андр.—56, 103,
 108, 112—117, 119, 122, 123, 129—
 135, 137, 140—142, 145, 146, 149,
 151, 153, 155, 157, 158, 161, 163,
 166, 168, 179, 191, 202, 207, 210—
 212, 213, 216, 221, 230, 234, 238,
 240, 244—249, 253, 255, 256, 258,
 269, 270, 279, 298, 300, 303—305,
 307, 320, 334.
 Гагаринъ, князь Ив. Ал.—102.
 Галаховъ, Ал-й Дм.—282.
 Гальбергъ, Сам. Ив.—270, 271, 276,
 282.
 Гангебловъ, А. С.—13.
 Гаральдъ Смѣлый—222, 226.
 Гезиодъ—222, 225, 239.
 Гейдеке—43.
 Геллертъ—15.
 Генрихъ IV, король французскій—93,
 161, 172.
 Герке—196.
 Геродотъ—263, 264, 268.
 Гете—173, 200, 231, 291.
 Глинка, Серг. Ник.—60, 61, 101, 143,
 159, 161, 162, 252.
 Гнѣдичъ, Ник. Ив.—23, 24, 26, 28, 30,
 32, 34, 42, 45—49, 55, 62, 65, 68—
 70, 72, 73, 78—80, 83, 85, 87, 90,
 96, 99—102, 105, 109, 111, 112, 114,
 116, 117, 119, 121, 122, 124, 125,
 127—129, 134—136, 138—142, 144,
 160, 161, 170, 171, 173—175, 188,
 189, 191, 194, 195, 198, 209, 215,
 217, 230—232, 234, 239—242, 246,
 249, 251, 255, 264, 265, 267, 268,
 272, 288, 291, 294, 300, 304.
 Гоголь, Ник. Вас.—1.
 Голенщевъ-Кутузовъ-Смоленскій,
 князь Мих. Илл.—157, 158.
 Голицынъ, кн. Бор. Влад.—135.
 Голь—12.
 Гольбахъ—90.
 Гомеръ—25, 73, 174, 183, 222, 225,
 229, 239.
 Гораций—19, 27, 33, 82, 88, 92, 94, 95,
 127, 128, 200, 263.
 Грандидье—12.
 Гревенбургъ—12.
 Гревенсъ, Абр. Ил.—23, 81.
 Гревенсъ, Анна Ник.—81.
 Гревенсъ, Гр. Абр.—12, 304, 308, 310,
 312, 318.
 Гревенсъ, Елиз. Петр.—309.
 Гревенсъ, М. Гр.—307.
 Гревенсъ, П. Гр.—306, 312.
 Грессе—42.
 Гречъ, Ник. Ив.—44, 139, 144, 150,
 168, 252, 292.
 Грибоѣдовъ, А-дръ Серг.—1, 29, 109,
 315.
 Грибоѣдовъ, Ал. Оед.—109.
 Громобой—245.
 Гротъ, Ян. Карл.—28, 282, 286.
 Гуфеландъ—329.
 Давыдовъ, Ден. Вас.—130, 169, 245,
 306, 307.
 Давыдовъ, Л. Вас.—130.
 Данилова, М. Перф.—93.
 Дантонъ—172.
 Дантъ—235, 249, 280, 332, 337.
 Дашковъ, Дм. Вас.—133, 135, 143, 146,
 149—151, 164, 165, 178, 189, 191,
 194, 243, 284, 302, 304, 332—334.
 Делавинъ—12.
 Делия—96.
 Де-Пуле, М. О.—29.
 Державинъ, Гавр. Ром.—28—31, 48,
 51, 54—57, 74, 87, 130, 134, 187,
 191, 236, 306.
 Дмитрій Донской, в. кн.—56, 57.
 Дятрихъ, Ант.—292, 293, 302, 303,
 318, 332—353.
 Дмитриевъ, Ив. Ив.—35, 105, 119, 123,
 130, 143, 145, 157, 158, 162, 211,
 245, 269, 284, 291, 292, 320.

- Дмитріевъ, Млх. Алекс.—292.
 Добрыня—40, 132, 263.
 Долгорукій, князь А. А.—333.
 Долгорукій, князь Ив. Млх.—112.
 Долгорукій, князь Млх. Петр.—75.
 Долгорукій, князь П. В.—5.
 Дорать—93.
 Дружинникъ, Петръ Млх.—104, 156.
 Дубровскій, П. П.—143.
 Дюси, Дюсисъ—46, 53, 54, 72.
 Дюшенуа, г-жа—177.
- Екатерина II, императрица—6, 7, 30,
 33, 40, 58, 87, 107.
 Екатерина Павловна, великая кня-
 гиня—102, 121, 259.
 Елизавета Петровна, императрица—5.
 Ермолаевъ, Ал-дръ Ив.—49, 110, 143,
 144, 264.
 Ермоловъ, Ал. Петр.—25.
- Ж**акино, Ос. Петр. 10—13, 18.
 Женгене—231.
 Жиларевъ, Серг. Петр.—29, 34, 43—
 45, 56, 69, 114, 150, 245.
 Жоржъ, г-жа—72, 177.
 Жуковскій, Вас. Андр.—17, 73, 91, 92,
 103, 113, 114, 117, 119, 122, 123,
 129—135, 137, 140, 143, 145—149,
 153, 183, 186, 189, 191, 194, 196,
 204—207, 210, 212, 214, 217, 221,
 222, 231, 237, 238, 243—248, 250—
 256, 258, 260, 261, 267—269, 275—
 280, 293, 294, 297, 298, 300—302,
 304, 305, 307, 313, 315, 318, 320—
 322, 323, 332.
- Завадовскій, графъ П. Вас.—24, 25.
 Загаринъ, П.—131.
 Закревскій, гр. А. А.—333.
 Захаровъ, Ив. Сем.—56.
 Зиновьевъ, В. Н.—28.
- И**вановъ, Ив. Алекс.—118.
 Ивановъ, Фед. Фед.—112, 113, 129.
 Иванчинъ-Писаревъ, Н. Д.—255.
 Иванъ Петровичъ, воевода Молдав-
 скій—5.
 Иверсенъ, Юл. Богд.—54.
 Игорь, в. кн.—11.
 Измайловъ, Ал-дръ Ефим.—45, 151, 252,
 306.
 Илья Муромецъ—40.
 Иснель—80, 223.
 Итальянскій, А. Яв.—283—285, 295,
 317—320.
 Ифигенія—265.
- И**сачовъ, Ник. Вас.—5.
 Кавелинъ, Дм. Алекс.—298, 299, 321,
 322.
 Кандидъ—15.
 Кантемиръ, князь Ант. Дм.—26, 209,
 213, 306.
 Капнистъ, Вас. Вас.—28, 30, 31, 42,
 48, 73, 74, 230, 306.
 Капо д'Истриа, графъ И. А.—259, 260,
 284, 302, 317.
 Карабановъ, П. Фед.—30.
 Карамзина, Екат. Андр.—212, 304.
 Карамзинъ, Вас. Млх.—123, 158.
 Карамзинъ, Ник. Млх.—5, 16, 23,
 35—38, 40, 43, 46, 98, 100, 103, 105,
 107, 108, 113, 117—120, 122, 133—
 137, 143, 146, 150, 156—160, 162,
 173, 186, 211, 212, 235, 243—245,
 256, 259, 260, 264, 267, 268, 273,
 281, 284, 297, 302, 306, 307.
 Карлосъ, донъ—173.
 Кассандра—245.
 Касти—125, 126, 236.
 Каффка, I. Xp.—11.
 Каченовскій, Млх. Троф.—112, 214, 267.
 Квашнина - Самарина, Анна Петр.—
 23, 28, 30—32, 81, 137.
 Квашнинъ-Самаринъ, П. Фед.—30.
 Кенигъ, Г.—295.
 Кипотъ, донъ—148.
 Княжнинъ, Яв. Вор.—53.
 Ковалевскій, Ег. Петр.—180, 235,
 243, 258.
 Козловъ, В. И.—251.
 Кокшениа, Варв. Ив.—156.
 Кокшениа, Фед. Фед.—112, 156.
 Колардо—232.
 Колокольцова, см. Муравьева, Екат.
 Фед.
 Коль—12.
 Кольбергъ—159.
 Кондильявъ—90.
 Кондорсетъ—159.
 Корнель, П.—93.
 Коцебу—53, 72.
 Кошанскій, Ник. Фед.—19, 104.
 Красовскій, А. И.—188.
 Кребильонъ—135.
 Кремеръ—12.
 Кроссаръ—172.
 Крыловъ, Ив. Андр.—49, 72, 101, 144,
 188, 297, 306, 315.
 Крюковъ, Ал-дръ Сем.—157.
 Кутонъ—172.
- Л**агардъ, графъ—75, 76.
 Лагарпъ, Ф.—135.
 Лагарпъ, Ф. Ц.—232, 273.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

- Ляпуновъ, Проконій—250.
 Ламартинъ—35.
 Лангъ, П. И.—299, 326—328.
 Лаура—126.
 Лейбницъ—185.
 Ленцъ, Э.—66.
 Лермонтовъ, Млх. Юр.—1.
 Лессингъ—48.
 Липравди, Ив. Петр.—76.
 Лиръ—72.
 Литке, графъ Фед. Петр.—190.
 Лобановъ, Млх. Евст.—144, 150.
 Локъ—90.
 Ломоносовъ, Млх. Вас.—15, 37, 40, 41, 130, 219, 220.
 Лунза—174, 175.
 Львовъ, Леон. Ник.—28, 110.
 Львовъ, Ник. Алекс.—28, 30, 40, 48, 226.
 Людмила—114, 122, 132, 258.
 Людовикъ XIV, король французскій—16, 159, 177.
 Людовикъ XVI, король французскій—11.
 Людовикъ XVIII, король французскій—172.
 Шаблі—39.
 Магерь—104.
 Макферсонъ—25, 223.
 Магшиновскій, А. Фед.—156.
 Малле—226.
 Маринъ, Серг. Никиф.—130.
 Марія Теодоровна, императрица—181, 182, 267.
 Маркевичъ, Н. А.—252.
 Марсъ—183.
 Мартиновъ, Ив. Ив.—25, 37.
 Маршанжи—226, 227.
 Марса Посадница—119.
 Масъ—346.
 Маттисонъ—225, 226.
 Медичи—236.
 Межаковъ, П. А.—323.
 Мезенцевъ, П. Фед.—8.
 Мелодоръ—160.
 Мелхиседекъ—295.
 Менцель—225.
 Меньшиковъ, князь Ал-дръ Серг.—274.
 Мерзляковъ, Ал. Фед.—111, 112, 121, 214.
 Меропа—177.
 Мерсье—15.
 Мещорскій, князь П. С.—236.
 Милоновъ, М. В.—144, 270.
 Мильвуа—223—225, 227.
 Милътонъ—41.
 Мирабо—83.
 Михаилъ Павловичъ, великій князь—273, 274.
 Монтанъ—124—127, 200.
 Монтескье—172, 185, 218.
 Монти—239.
 Моро—185.
 Мудровъ, Матв. Яв.—104.
 Муравьева, Екат. Фед.—23, 68, 102—105, 129, 154—156, 163, 181, 192—195, 198, 215, 216, 243, 262, 293, 298, 299, 302—304, 321, 323, 324.
 Муравьева, см. Вульфъ, Анна Фед.
 Муравьевъ, Млх. Никит.—5, 8, 16—24, 28, 35, 46, 52, 58, 60, 61, 68—71, 73, 74, 81, 83, 84, 92, 93, 97, 103—105, 111, 114, 118, 146, 190, 199, 261, 292, 306, 317.
 Муравьевъ, Никит. Млх.—104, 172, 280, 321.
 Муравьевъ, Ник. Наз.—24.
 Муравьевъ, Ник. Ник.—25.
 Муравьевъ-Апостолъ, Ив. Матв.—18, 19, 28, 48, 49, 104, 137, 143, 156, 158—160, 168, 174, 175, 187, 188, 209, 264.
 Муравьовы—23, 104, 155, 156, 292, 297, 328.
 Мюгель, дѣвица—58, 66—68, 149.
 Мюгель, негоциантъ—65, 67, 68.
 Мюллеръ—300.
 Мюльгаузенъ, Ф. К.—299, 320—323, 325—327.
 Наполеонъ I, императоръ—3, 4, 25, 58, 59, 63, 89, 152, 158, 159, 161, 163, 171, 172, 176, 177, 184—186, 201, 209, 227, 228.
 Наполеонъ III, императоръ французскій—311.
 Нелединскій-Мелецкій, Юр. Алекс.—124, 137, 181, 211.
 Ней—63.
 Нессельроде, гр. К. В.—284, 285, 295, 296, 299, 318, 320, 323—330.
 Николай Павловичъ, императоръ—304.
 Никольскій, П. А.—144.
 Николь, аббатъ—263.
 Нилова, Елиз. Кор.—28, 29.
 Нилова, Праск. Млх.—23, 28—31, 81, 137.
 Нировъ, Андр. Матв.—28.
 Нировъ, П. Андр.—28—30.
 Никона Ланело—92, 93.
 Ньютонъ—177.
 Оберонъ—173.
 Оболенскій - Нелединскій - Мелецкій, князь С. А.—182.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

- Овидій—240.
 Одиссей—184, 186.
 Озеровъ, Владисл. Алекс.—49, 52—57, 72—74, 187.
 Оленна, Елиз. Марк.—48, 51.
 Оленинъ, Ал-й Ник.—23, 28, 48—57, 59, 61, 71—73, 78, 124, 129, 138, 142—144, 155, 161, 162, 166—168, 187—190, 194, 198, 242, 243, 261, 268, 270—272, 328.
 Оленинъ, Ник. Ал.—155.
 Оленинъ, П. Ал.—155.
 Оленины—50, 53, 54, 71, 81, 143, 144, 190—192, 242, 243, 268, 321.
 Ольденбургскій, принцъ Георгъ—259.
 Омиръ, см. Гомеръ.
 Оомъ, Адольфъ—190.
 Оомъ, Фед. Ад.—190.
 Опочининъ—7.
 Орловъ, Мих. Фед.—245, 249, 296.
 Оссианъ—25, 26, 42, 46, 51, 80, 223.
 Остолоповъ, Ник. Фед.—37.
 Шавель Петровичъ, императоръ—6, 7, 10, 40.
 Парка—200.
 Парни—24, 80, 82, 92, 95, 97, 98, 128, 222.
 Пенаты—129, 140, 146, 288, 304.
 Перовскій, Ник. Ив.—299, 320, 323—328.
 Пертъцъ—185.
 Петинъ, Ив. Александр.—58, 62, 65, 71, 75—77, 103, 110, 111, 155, 169, 170, 180, 204, 228, 286, 312.
 Петра—104.
 Петрарка—125, 126, 235, 239, 287, 348.
 Петровъ, Вас. Петр.—60.
 Петръ I, императоръ—5, 28, 99, 107, 218—220.
 Пинипцъ, докторъ—301, 302, 329—331.
 Писаревъ, А-дръ Александр.—45, 172.
 Платонъ, митрополитъ Московскій—14, 20.
 Плетневъ, П. Алекс.—237, 238, 252, 287—291, 294.
 Плещеевъ, Ал. Алекс.—255, 256.
 Плиний Старшій—273, 275.
 Плиний Младшій—275.
 Плюшаръ, А.—29.
 Пнинъ, Ив. Петр.—24, 37—40, 44, 93.
 Погодинъ, Мих. Петр.—17, 281, 302, 308.
 Поддѣсовъ—12.
 Полевой, Ник. Ал.—252, 257.
 Поликсена—56.
 Полозовъ, Ал-й—122.
 Полторацкая, Екат. Ив.—48.
 Полторацкая, см. Оленна, Елиз. Марк.
 Полторацкій, П. Марк.—48.
 Попугаевъ, В. В.—37, 39.
 Потемкинъ, князь Григ. Алекс.—87.
 Потоцкій, графъ С. Ос.—270.
 Предслава—131, 132, 263.
 Прокошевъ, протоіерей—312.
 Проперцій—224.
 Пушкина, Ел. Григ.—1—3, 124, 137, 138, 141, 301, 302, 330—333.
 Пушкинъ, А-дръ Серг.—1, 92, 178, 242, 252—258, 277, 291, 296, 303, 313—316.
 Пушкинъ, Ал. Мих.—112, 130, 137, 156, 157.
 Пушкинъ, Вас. Льв.—103, 112, 113, 117, 130, 133, 156, 157, 160, 245, 320.
 Пушкинъ, Л. Серг.—291.
 Пѣвнсладъ—41.
 Раднщевъ, А-дръ Ник.—40—43.
 Раднщевъ, Ник. Александр.—24, 37, 110.
 Раевскій, Ник. Ник.—169—172, 261, 307, 317.
 Рамазановъ, Ник. Ал.—272.
 Расинъ, Ж.—93, 128, 159, 172.
 Рафаэль—51.
 Рейналь—39.
 Реманъ—326.
 Рене—200, 201, 266, 279, 297.
 Робеспьеръ—172.
 Розенгампфъ—185.
 Румянцова, графиня М. А.—237.
 Русалка—240.
 Русланъ—258.
 Руссо, Ж.-Ж.—88, 131, 200.
 Рюрикъ, в. кн.—240.
 Сантовъ, Влад. Ив.—9, 69.
 Савдельсъ—76.
 Сахаровъ, Н. П.—259.
 Светлана—245.
 Святославъ, вел. князь—264.
 Семенова, Екат. Сем.—93.
 Сентъ-Анжъ, г-жа—274.
 Сентъ-Бевъ—127.
 Сентъ-При, графъ Б. Фр.—196, 262, 263.
 Сербяновичъ, К. С.—268, 302.
 Сряжковъ, Ив.—11, 12.
 Сисмонди—231.
 Скопинъ-Шуйскій, кн. М. В.—259.
 Смирдинъ, А-дръ Фед.—74.
 Соколовъ, Арк. Ап.—14.
 Соколовъ, Пав. Ап.—14, 20.
 Соловьевъ, Серг. Мих.—58.
 Сомовъ, Андр. Ив.—272.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

- Софокль—53.
 Сохацкий, П. А.—46.
 Сперанскій, графъ Мнх. Мнх.—133.
 Сталь, г-жа—26, 223, 278.
 Станевичъ, Евст. Ив.—33.
 Строгановъ, баронъ Григ. Алек.—180.
 Строгановъ, графъ А-дръ Серг.—28, 49.
 Стурдза, Ал-дръ Скарл.—64, 260, 280, 282.
 Стурдза, Ел. Скарл.—269.
 Суворовъ, князь А-дръ Вас.—45, 264.
 Сумароковъ, А-дръ Петр.—15, 40, 41, 53, 56.
 Сушковъ, Ник. Вас.—297, 298.
 Сѣверинъ, Дм. Петр.—130, 146, 149—151, 153, 179, 245, 259, 260, 317.
- Т**
 Тальяна—177.
 Тассъ, Торквато—9, 73, 74, 88, 125, 128, 172, 209, 222, 228—236, 239, 240, 251, 276, 287, 292, 294, 301, 305, 307, 309, 314, 332, 333, 337, 346, 348.
 Татищевъ, Н. А.—59, 61.
 Тацитъ—273.
 Теллева, см. Батюшкова, Авд. Никит.
 Тезей—123.
 Тейфель—96.
 Тевуль—19, 82, 88, 92, 95—97, 212, 224.
 Тихановъ, П. Н.—45, 122, 291, 294.
 Тихонравовъ, Ник. Савв.—151.
 Тредиаковский, Вас. Кир.—40, 41.
 Триполи, Ив. Ант.—12—14, 18.
 Тургеневъ, Ал-дръ Ив.—137, 143, 146, 148, 166, 168, 178, 196, 211, 237, 243, 245, 261—263, 265, 267, 268, 275, 276, 283, 285, 297, 301, 304, 307, 320, 328, 332, 333.
 Тургеневъ, Ив. Петр.—69.
 Тургеневъ, Ник. Ив.—178, 249.
 Тургеневъ, Серг. Ив.—301, 332, 333.
 Туркистановъ, князь Н.—14.
 Турчаниновъ, Андр. Петр.—75.
 Тучковъ, Ал-дръ Алексѣев.—76.
- У**
 Уваровъ, графъ Ал-й Серг.—272.
 Уваровъ, графъ Серг. Сем.—42, 49—51, 144, 168, 184, 187—189, 243, 249, 251, 252.
 Улицсъ—123.
- Ф**
 Фамусовъ—109.
 Фенелонъ—17, 161, 172.
 Фидасъ—245.
 Филанжеръ—39.
 Филаретъ, архимандритъ—167.
- Финиса—42.
 Фингалъ—54, 55.
 Флоріанъ—175.
 Фонтанъ—35.
 Фоссъ—174, 175.
 Францъ I, императоръ австрійскій—276, 336.
 Фрейгардъ—331.
 Фридрихъ-Вильгельмъ III, король прусскій—171.
 Фурманъ, г-жа—190.
 Фурманъ, Анна Фед.—165, 190—193.
- Ж**
 Жаныковъ, В. В.—329, 330.
 Хвостовъ, графъ Дм. Ив.—150.
- И**
 Циціановъ, князь П. Дм.—28.
- Ч**
 Чезароти, аббатъ—80.
 Чоголова, М. Андр.—79.
- Ш**
 Шаликовъ, князь П. Ив.—111.
 Шапъ де-Растиньякъ—75, 76.
 дю-Шатле, марепаз—177.
 Шатобрианъ—200, 201, 266, 271, 279, 289, 301, 339.
 Шаховской, князь Ал-дръ Алексан-др.—71.
 Шаховъ—200.
 Швабе—12.
 Шевыревъ, Ст. Петр.—284, 308, 310.
 Шекспиръ—41, 46.
 Шенъе, Андрей—27.
 Шереръ—225.
 Шиллеръ—72, 173, 184, 223, 225, 226, 295.
 Шипилова, Елиз. Ник.—298, 322.
 Шипиловъ, П. А.—298, 299, 320, 322, 323, 328.
 Шипова—259.
 Ширинскій-Шихматовъ, князь Серг. Александр.—38, 133.
 Шипкина, Олимп. Петр.—258, 259.
 Шипковъ, Ал-дръ Сем.—35—39, 43, 55—57, 73, 99, 117, 130, 133, 135, 146, 183, 185, 187.
 Шлегель, Фр.—292, 293, 346.
 Штапельбергъ, графъ—282—284.
 Штейнъ, баронъ—178, 185.
- Щ**
 Щедринъ, С. Фед.—272—274, 276, 282.
- Э**
 Эвальдъ, Влад. Фед.—270.
 Эвенсъ—156.
 Эврипидъ—267.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

Эдипъ—53—55.
Эйлеръ—39.
Элеонора д'Эсте—229.
Эльсонъ—270.
Эмилій—92, 190.
Энгель, Фед. Ив.—190.
Эндимионъ—13.
Эней—123.
Эрдманъ, I.-Фр.—301, 329.

Юрьевъ, Фил. Фед.—257.

Шыковъ, Дм. Ив.—24, 37—39, 44.
Яковлевъ, Плат. Степ.—144.

Феофностъ, епископъ Вологодскій—
312.
Феокритъ—174, 175.
Фуксидъ—268.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Мечта.

О сладостна мечта, дщерь ночи молчаливой,
Сойди ко мнѣ съ небесъ въ туманныхъ облакахъ
Иль въ миломъ образѣ супруги боязливой,
Съ слезой блестящею во пламенныхъ очахъ!

Ты, въ душу нѣжную поэта
Лучомъ проникнувъ свѣта,

Горишь, какъ огонь зари, и красишь пѣснь его,
Любимца чистыхъ сестръ, любимца твоего,

И горестъ сладостна бываетъ:

Онъ въ горести мечтаетъ.

10

То вдругъ онъ пренесенъ во Сельмскіе лѣса,

Гдѣ вѣтръ шумить, реветъ гроза,

Гдѣ тѣнь Оскарова, одѣтая туманомъ,

По небу стелется надъ пѣннымъ океаномъ;

То съ чашей радости въ рукахъ

Онъ съ бардомъ пѣснь поетъ — и мѣсяцъ въ облакахъ,

И Кромлы шумный лѣсъ безмолвствуя внимаетъ,

И эхо въ далекѣ пѣснь звучну повторяетъ.

О сладостна мечта, ты красишь зимній день,

Цвѣтами и зиму печальную вѣнчаешь,

20

Зефиромъ по снѣгамъ летаешь
И между свѣтлыхъ льдинъ являешь миртовъ тѣнь!

Богиня ты, мечта! Дары твои безцѣнны
Самимъ невольникамъ въ слезахъ.
Цѣпями руки отягченны,
Замки чугуны на дверяхъ
Украшены мечтой... Какое утѣшенье
Украсить заключенье,
Оковы промѣнять на цѣпь веселыхъ розъ!..
Подругу ль потерялъ, источникъ вѣчныхъ слезъ,
Ступай ты въ рожицу унылу,
Сядь на плачевную могилу,
Задумайся, вздохни—и другъ души твоей,
Одѣтый ризою прозрачной, какъ туманомъ,
Съ прелестнымъ взоромъ, стройнымъ станомъ,
Какъ нимфа легкая полей,
Прижмется съ трепетомъ сердечнымъ,
Прижмется ко груди пылающей твоей.
Стократъ мы счастливы мечтаньемъ скоротечнымъ!

Мечтанье есть душа поэтовъ и стиховъ.

И ѣдкость сильная вѣковъ
Не можетъ прелестей сокрыть Анакреона,
Любовь еще горитъ во Сафиныхъ мечтахъ.

А ты, любимецъ Аполлона,
Лежащій на цвѣтахъ
Въ забвеньи сладостномъ, межъ нимфъ и пѣжныхъ
грацій,

Пѣвецъ веселія, Горацій,
Ты въ пѣсняхъ сладостно мечталъ,
Мечталъ среди пиршествъ и шумныхъ, и веселыхъ
И смерть угрюмую цвѣтами увѣнчалъ!

Найдемъ ли въ истинахъ мы голыхъ
 Печальныхъ стойковъ и твердыхъ мудрецовъ
 Всю жизни бренной сладость?
 Отъ нихъ эфирна радость
 Летитъ, какъ бабочка отъ терновыхъ кустовъ.
 Для нихъ прохлады нѣтъ и въ роскошахъ природы;
 Имъ дѣвы не поютъ, сплетая въ хороводы;
 Для нихъ, какъ для слѣпцовъ,
 Весна безъ прелестей, и лѣто безъ цвѣтовъ.
 Увы, но съ юностью исчезнуть и мечтанья, 60
 Исчезнуть грацій лобызанья!
 Какъ свѣтлые лучи на темныхъ облакахъ,
 Веселья на крылахъ
 Дни юности стремятся:
 Не долго на цвѣтахъ
 Въ безопасности валяться.
 Весеннею порой
 Лишь бабочка летаетъ,
 Амуровъ нѣжный рой
 Морщинъ не лобызаетъ. 70
 Крылатые мечты
 Не сыплютъ тамъ цвѣты,
 Гдѣ тусклый опытность свѣтильникъ зажигаетъ.

Счастливая мечта, живи, живи со мной!
 Ни свѣтъ, ни славы блескъ пустой
 Даровъ твоихъ мнѣ не замѣнять.
 Глупцы пусть дорого суетъ блистанье цѣнять,
 Лобзая прахъ златой у мраморныхъ крыльцовъ!
 Но счастію пѣвцовъ
 Удѣлъ есть скромна сѣнь, миръ, вольность и спокойство.
 Души поэтовъ свойство:
 Идя забвенія тропой,

Блаженство находить мечтой.
Ихъ сердцу малость драгоцѣнна:
 Какъ бабочка влюблена
 Летаетъ съ травки на цвѣтокъ,
 Считая моремъ ручеекъ,
Такъ хижину свою поэтъ дворцомъ считаетъ
 И счастливъ!... Онъ мечтаетъ.

II.

Б о г ъ.

На вѣчномъ тронѣ Ты средь облаковъ сидишь
 И сильною рукой громъ мещешь и разишь,
 Но бури страшныя и громы Ты смиряешь
 И благость на земли рѣками изливаешь.
 Начало и конецъ, середина всѣхъ вещей!
 Во тьмѣ Ты ясно зришь и въ глубинѣ морей.
 Хочу постичь Тебя, хочу—не постигаю,
 Хочу не знать Тебя, хочу—и обрѣтаю.

Вездѣ могущество Твое напечатлѣнно.
 Изъ сильныхъ рукъ Твоихъ родилось все нетлѣнно. 10
 Но все здѣсь на земли пріемлетъ видъ другой:
 И мавзолеи гдѣ гордились собой,
 И горы вѣчныя гдѣ пламенемъ курились,
 Тамъ страшныя моря волнами вдругъ разлились;
 Но прежде море гдѣ шумѣло въ берегахъ,
 Сіяютъ класы тамъ золотыя на поляхъ,
 И дымъ изъ хижины пастушечьей курится.
 Велишь—и на земли должно все измѣниться,
 Велишь—какъ въ вѣтеръ прахъ, исчезнетъ смертныхъ
 родъ!

Всесильнаго чертогъ, небесный чистый сводъ, 20
 Гдѣ солнце, образъ Твой, въ лазури намъ сіяетъ,
 И гдѣ луна въ ночи свѣтъ тихій проливаетъ,
 Туда мой скромный взоръ съ надеждою летитъ!
 Безбожный лжеумудрецъ въ смущеньи на васъ зритъ,
 Онъ въ мрачной хижинѣ Тебя лишь отвергаетъ;
 Въ долинь, гдѣ журчитъ источникъ и сверкаетъ,
 Въ ночи, когда луна намъ тихо льетъ свой лучъ,
 И звѣзды ясныя сіяютъ изъ-за тучъ,
 И Филомелы пѣснь по воздуху несется,—
 Тогда и лжеумудрецъ въ ошибкѣ признается. 30
 Иль на горѣ, когда вѣтръ сѣверный шумитъ,
 Скрипитъ столѣтній дубъ, ужасно громъ гремитъ,
 Паляща молнія по облаку сверкаетъ,
 Тутъ въ страхъ онъ къ Тебѣ, Всевышній, прибѣгаетъ,
 Клянеть себя, клянеть и разумъ тщетный свой,
 И въ страхъ скажетъ онъ: «Смиряюсь предъ Тобой!
 «Тебя—тварь брeнная—еще не понимаю,
 «Но что Ты милостивъ, великъ, теперь то знаю!»

III.

Посланіе къ стихамъ моимъ.

Sifflez-moi librement, je vous le rends, mes frères.
Voltaire.

Стихи мои, опять за васъ я принимаюсь!
 Съ тѣхъ поръ, какъ съ музами къ несчастью обращаюсь,
 Покою ни на часъ... О, мой враждебный рокъ!
 Во снѣ и на яву Кастальскій льется токъ!
 Но съ страстію писать не я одинъ родился:
 Чуть стопы размѣрять кто только научился,
 За славою бѣжитъ—и бѣдный рифмотворъ
 Въ награду обрѣтетъ не славу, но позоръ.
 Куда ни погляжу, вездѣ стихи мараютъ,
 Подъ кровлей пѣсенки и оды сочиняютъ. 10
 И бѣдный Стукодѣй, что прежде былъ капралъ,
 Не знаю для чего теперь поэтомъ сталъ:
 Нѣтъ хлѣба ни куска, а роскошь выхваляетъ
 И граціямъ стихи голодный сочиняетъ;
 Пьетъ воду, а вино въ стихахъ льетъ черезъ край;
 Филису намъ твердитъ: «Филиса, ты мой рай!»
 Потомъ, возвысивъ тонъ, героевъ воспѣваетъ:
 Въ стихахъ его и самъ Суворовъ умираетъ!
 Бѣдняга, удержиись, брось, брось писать совѣмъ!

Не лучше ли тебѣ маршировать съ ружьемъ? 20
 Плаксивинъ на слезахъ съ ума у насъ сошелъ:
 Все пишетъ, что друзей на свѣтѣ не нашелъ!
 Повѣрю: вѣдь съ людьми нельзя ему ужиться,
 И такъ не мудрено, что съ ними онъ бранится.
 Безрифминъ говоритъ о милыхъ, о сердцахъ,
 Чувствительность души твердитъ въ своихъ стихахъ;
 Но книгъ его—увы!—никто не покупаетъ,
 Хотя ихъ ***въ въ газетахъ выхваляетъ.
 Глупонъ за деньги радъ намъ всякаго бранить
 И даже онъ готовъ поэмой уморить. 30
 Иному въ умъ придетъ, что вкусъ возстановляетъ:
 Мы вѣримъ всё ему—кругами утверждаетъ!
 Другой уже спѣшитъ намъ драму написать,
 За коей будемъ мы не плакать, а звать.
 А третій наконецъ... Но можно ли помыслить
 Всѣ глупости людей въ подробности изчислить?..
 Напрасный будетъ трудъ, но въ немъ и пользы нѣтъ:
 Сатирую нельзя перемѣнить намъ свѣтъ.
 Зачѣмъ съ Глупономъ мнѣ, зачѣмъ всегда браниться?
 Онъ также на меня готовъ вооружиться. 40
 Зачѣмъ Безрифмину бумагу не марать?
 Всякъ пишетъ для себя: зачѣмъ же не писать?
 Дымъ славы, хоть пустой, любезенъ намъ, приятенъ;
 Гласъ разума—увы!—къ несчастію, не внятенъ.
 Поэты есть у насъ, есть скучные врали;
 Они не въ верхъ летятъ, не къ небу, но къ земли.

Давно я самъ въ себѣ, давно уже признался,
 Что въ мирѣ, въ тишинѣ мой вѣкъ бы проваждался,
 Когда бъ проклятый Фебъ мнѣ не вскружилъ весь умъ;
 Я презривъ бы тогда и славы тщетный шумъ 50
 И жилъ бы такъ, какъ ханъ во славномъ Кашемирѣ,

Не мысля о стихахъ, о музахъ и о лирѣ.
Но нѣтъ... Стихи мои, безъ васъ нельзя мнѣ жить,
И дня безъ рифмъ, безъ стопъ не можно проводить!
Къ несчастью моему, мнѣ надобно признаться,
Стихи какъ женщины: намъ съ ними ли разстаться?..
Когда не любятъ насъ, хотимъ ихъ презирать,
Но все не престаемъ прекрасныхъ обожать!

IV.

Посланиѣ къ Хлоѣ.

(Подражаніе).

Рѣшилась, Хлоя, ты со мною удалиться
 И въ мирну хижину на вѣкъ переселиться:
 Веселій шумныхъ мы забудемъ дымъ пустой:
 Онъ скуку завсегда ведетъ лишь за собой.
 За счастьемъ мы бѣжимъ, но рѣдко достигаемъ,
 Бѣжимъ за нимъ во слѣдъ—и въ пропасть упадемъ!
 Какъ путникъ огонь въ лѣсу когда блудящій зреть,
 Стремится къ оному, но призракъ прочь бѣжитъ,
 Въ болоты вязкія его онъ увлекаетъ
 И въ страшной тишинѣ въ пустынѣ исчезаетъ,— 10
 Таковъ и человѣкъ! Куда ни бросимъ взглядъ,
 Узримъ тотчасъ, что онъ и въ счастьи не радъ.
 Довольны всѣ умомъ, фортуною ни мало.
 Что правилось сперва, теперь то скучно стало;
 То денегъ, то чиновъ, то славы онъ желаетъ,
 Но славы посреди и денегъ онъ зѣваетъ!

Изъ хижины своей брось, Хлоя, взглядъ на свѣтъ:
 Четыре бьетъ часа, и кончился обѣдъ:
 Изъ дому своего Глицера поспѣшаетъ,

Чтобъ ѣхать, а куда?—безпечная не знаетъ. 20
 Карета подана, и лошади ужь мчатъ.
 «Постой!» она кричитъ, и лошади стоятъ.
 Къ Лаисѣ входитъ въ домъ, Лаису обнимаетъ
 Садится, говоритъ о модахъ—и зѣваетъ;
 О времени потомъ, о карточной игрѣ,
 О лентахъ, о перѣ, о платьѣ и дворѣ
 Окончивъ разговоръ, который истощился,
 Отъ скуки ужь поетъ. Глупоновъ тутъ явился,
 Надутый какъ павлинъ, съ пустою головой,
 Глядится въ зеркало и шаркаетъ ногой. 30
 Вдругъ входитъ Брумербасъ; все въ залѣ замолкаетъ.
 Вступаетъ въ разговоръ и голосъ возвышаетъ:
 «Парижъ я вѣрно бъ взялъ», кричитъ изъ всѣхъ онъ силъ,
 «И Амстердамъ потомъ, Гишпанцевъ бы разбилъ»...
 Тутъ вспыхнетъ какъ огонь, затопаетъ ногами,
 Пойдетъ по комнатѣ широкими шагами;
 Вообразить себѣ, что непріятель тутъ,
 Что рѣжутъ, что палятъ, кричатъ ура! и жгутъ.
 Заплюетъ всѣмъ глаза герой нашъ плодовитый,
 Но вдругъ смиряется и броситъ видъ сердитый; 40
 Начнетъ разказывать, какъ Турка задавилъ,
 Какъ роту цѣлую янычаровъ убилъ,
 Турчанки нѣжныя въ него какъ всѣ влюблились,
 Какъ Турки въ полону отъ злости запыхались,
 И битые часа онъ три проговорить...
 Никто не слушаетъ, а онъ кричитъ, кричитъ!
 Но въ залѣ разговоръ тутъ общимъ становится,
 Всякъ хочетъ говорить и хочетъ отличиться.
 Какой ужасный шумъ! Нельзя ничто понять,
 Нельзя и клевету отъ правды различать. 50
 Но вдругъ прервали крикъ, и вдругъ всѣ замолчали,
 Ни слова не слышать! Нѣмыми будто стали!

Придите, карты, къ намъ: всѣ уже спятъ безъ васъ.
Безъ картъ покажется за вѣкъ одинъ и часъ.
Къ зеленому столу всѣ гости прибѣгаютъ
И жадность къ золоту весельемъ прикрываютъ.
Окончили игру и къ ужину спѣшатъ,
Смѣются за столомъ, съ сосѣдомъ говорятъ:
И бѣдный человѣкъ живѣе становится,
За пищей, кажется, онъ вновь переродится.
Какой я слышу здѣсь чуднѣйшій разговоръ,
Какія глупости, какая ложь и вздоръ!
Педантъ бранить войну и вмѣстѣ миръ ругаетъ,
Сердечкинъ тутъ стихи любовные читаетъ,
Тутъ старыя Бурунъ намъ новости твердитъ,
А здѣсь уже Глупонъ отъ скуки чуть не спитъ!
И такъ-то, Хлоя, вѣкъ свой люди провождаютъ,
И такъ-то цѣлый день въ бездѣйствіи теряютъ,
День долгій, тягостный лѣнивому глупцу,
Но краткій, напротивъ, полезный мудрецу!

Сокроемся, мой другъ, и на всегда простимся
Съ людьми и съ городомъ: въ деревнѣ поселимся,
Подъ мирной кровлею дни будемъ провождать:
Какъ сладко тишину по бурѣ намъ вкушать!

1804—1805.

V.

Переводъ Лафонтеновой эпитафiи.

Иванъ и умеръ, какъ родился—
Ни съ чѣмъ; онъ въ жизни веселился
И время вотъ какъ раздѣлялъ:
Во весь день пилъ, а ночью спалъ.

VI.

Къ Филисѣ.

(Подражаніе Грессету).

Qu'heureux est le mortel qui, du monde ignoré,
Vit content de lui-même en un coin retiré,
Que l'amour de ce rien qu'on nomme renommée
N'a jamais enivré d'une vaine fumée...

Что скажу тебѣ, прекрасная,
Что скажу въ моемъ посланіи?
Ты велишь писать, Филиса, мнѣ,
Какъ живу я въ тихой хижинѣ,
Какъ я строю замки въ воздухѣ,
Какъ ловлю руками счастье.
Ты велишь—и повинуюся.

Вѣтеръ воетъ всюду въ комнатѣ
И свиститъ въ моихъ окончинахъ,
Стулья, книги, все разбросано:
Тутъ Вольтеръ лежитъ на Библии,
Календаръ на философіи.
У дверей моихъ мяучитъ котъ,
А у ногъ собака вѣрная
На него глядитъ съ досадою.

Посторонній кто взойдетъ ко мнѣ,
Вѣрно скажетъ: «Фебомъ проклятый,
«Здѣсь живетъ поэтъ въ уныніи».

Правда, что воображеніе
Убираетъ все рукой своей,
Сыплетъ розаны на терніе,
И поэтъ съ душой спокойною
Веселѣе Креза съ золотомъ.

20

Независимость любезную
Потерять на цѣпь золочену!...
Я счастливъ въ моей безпечности,
Презираю гордость глупую,
Не хочу кумиру кланяться
Съ кучей глупыхъ обожателей.

Пусть змією изгибаются
Твари подлыя, презрѣнныя,
Пусть слова его оракуломъ
Чтутъ невѣжды и со трепетомъ
Мановенья ждуть руки его!

30

Какъ пылинка вихремъ поднята,
Какъ пылинка вихремъ брошена,
Такъ и счастье наше чудное
То подниметъ, то опуститъ вдругъ.
Часто бѣгалъ за фортуною
И держалъ ее въ рукахъ моихъ:
Чародѣйка ускользнула тутъ
И оставила колючій тернъ.
Славу, почести мы призракомъ
Называемъ, если нѣтъ у насъ;
Но найдемъ—прощай, мечтаніе!
Чашу съ ними пьемъ забвенія
(Суета всегда прелестна намъ),

40

И мудрецъ забудеть мудрость всю!
 Что же дѣлать намъ?... Бранить людей?...
 Нѣтъ, найди святое дружество,
 Жить покойно въ мирной хижинѣ!
 Нелюдимъ пусть ненавидитъ насъ:
 Онъ несчастливъ,—не завидую.
 Страхъ и ужасъ на лицѣ его,
 Ходитъ онъ съ главою потупленной,
 И спокойствіе бѣжитъ его!
 Нѣжно дружество съ улыбкою
 Не согрѣетъ сердца хладнаго,
 И слеза его должна упасть,
 Не отертая любовію.
 Ахъ, на камень упадетъ она!
 Посмотри, Дамонъ какъ мудрствуетъ:
 Онъ находитъ зло единое.
 «Добродѣтель», говоритъ Дамонъ,
 «Добродѣтель—суета одна,
 «Добродѣтель—признакъ слабыхъ душъ.
 «Предразсудокъ въ мірѣ царствуетъ,
 «Людямъ всѣмъ онъ ослѣпилъ глаза».
 Онъ не долго будетъ думать такъ,
 Хладна смерть къ нему приблизится:
 Онъ увидитъ заблужденіе,
 Онъ увидитъ... Совѣсть страшная
 Прилетитъ къ нему тутъ съ зеркаломъ;
 Волоса ея растрепаны,
 На глазахъ ея отчаянье,
 А въ устахъ упреки, жалобы.
 Полно! Бросимъ лучше далѣ взглядъ.
 Посмотри, какъ здѣсь безпечная
 Въ скучѣ дни влечетъ Аталія.
 День настанетъ—нарумянится,

Раза три зѣвнетъ, одѣнется.
 «Ахъ, зачѣмъ такъ время медленно!»
 Скажетъ тутъ въ душѣ безпечная,
 Скажетъ съ вздохомъ и заснетъ еще.
 Бурунъ ищетъ удовольствія,
 Вздитъ, скачетъ... увы, нѣтъ его!
 Оно тамъ, гдѣ Лиза нѣжная
 Скромно, мило улыбается?...
 Онъ приходитъ къ ней—но нѣтъ его!..
 Скучной Лиза ему кажется. 90
 Такъ въ театрѣ, гдѣ комедія
 Нашъ смѣшитъ и научаетъ вдругъ?
 Но и тамъ, къ несчастью, нѣтъ его!
 Такъ на балѣ?... Не найдешь его:
 Оно въ сердцѣ должно жить у насъ...

Сколько въ часъ одинъ бумаги я
 Исписалъ къ тебѣ, любезная,
 Все затѣмъ, чтобъ доказать тебѣ,
 Что спокойствіе есть счастье,
 Совѣсть чистая—сокровище, 100
 Вольность, вольность—даръ святыхъ небесъ.

Но ужъ солнце закатилось,
 Мракъ и тѣни сходятъ на землю,
 Красный мѣсяцъ съ свода яснаго
 Тихо льетъ свой лучъ серебряный,
 Тихо льетъ, но черно облако
 Помрачаетъ свѣтлый лучъ луны,
 Какъ печальны воспоминанія
 Помрачаютъ насъ въ веселый часъ!
 Въ тишинѣ я ночи лунныя 110
 Какъ люблю съ собой бесѣдовать,

Какъ пріятно мнѣ въ молчаніи
Вспоминать мечты прошедшія!
Мы надеждою живемъ, мой другъ,
И мечтой одной питаемся!
Вы, богини моей юности,
Будьте, будьте навсегда со мной!

Такъ, Филиса моя милая,
Такъ теперь, мой другъ, я думаю
Я счастливъ моимъ спокойствіемъ,
Я счастливъ твоею дружбою...

VII.

Переводъ J-й сатиры Ёоало.

Бѣдняга и поэтъ, и нелюдимъ несчастный,
 Дамонъ, который насъ стихами все морилъ,
 Дамонъ, теперь презрѣвъ и славы шумъ напрасный,
 Заимодавцевъ всѣхъ своихъ предупредилъ.
 Боясь судей, тюрьмы, онъ въ бѣгство обратился,
 Какъ новый Диогенъ, надѣлъ свой плащъ дурной,
 Какъ рыцарь, посохомъ своимъ вооружился
 И, связку навязавъ сатиръ, понесъ съ собой.
 Но въ тотъ день, изъ Москвы какъ въ путь онъ со-
 бирался,
 Кипя досадою и съ гнѣвомъ на глазахъ, 10
 Блѣднѣе, чѣмъ Глупонъ, который проигрался,
 Свой гнѣвъ истощевалъ почти что въ сихъ словахъ:
 Возможно ль здѣсь мнѣ жить? Здѣсь честности не
 знаютъ!
 Проклятая Москва! Проклятый скучный вѣкъ!
 Пороки всѣ тебя лютѣйши поглощаютъ,
 Незнаемъ и забытъ здѣсь честный человекъ.
 Съ тобою должно мнѣ на вѣки распроститься,
 Бѣжать отъ должниковъ, бѣжать изъ всѣхъ мнѣ ногъ

И въ тихомъ уголкѣ надолго притаиться.
 Ахъ, если бѣ поскорѣй найдти сей уголокъ!... 20
 Забылъ бы въ немъ людей, забылъ бы ихъ на вѣки!
 Пока дней Парка нить еще моихъ прядеть,
 Спокоенъ я бы былъ, не лилъ бы слезны рѣки.
 Пускай за счастьемъ, пускай иной идетъ,
 Пускай найдетъ его Бурунъ съ кривой душою,
 Онъ пусть живетъ въ Москвѣ, но здѣсь зачѣмъ мнѣ
 жить?

Я людямъ въ вѣкъ не льстилъ, не хвасталъ и собою,
 Не лгалъ, не сплетничалъ, но чтить что должно чтить:
 Святая истина въ стихахъ моихъ блистала
 И музой мнѣ была, но правда глазъ намъ жжетъ. 30
 За то Фортуна мнѣ, къ несчастью, не ласкала.
 Богаты подлецы, что наполняютъ свѣтъ,
 Вооружились всѣ противъ меня и гнали
 За то, что правду я имъ вѣчно говорилъ.
 Глупцы не разумомъ, не честностью блистали,
 Но золотомъ однимъ. А я чтобъ ихъ хвалилъ!...
 Скорѣе я почту простаго селянина,
 Который потомъ хлѣбъ кропитъ насущный свой,
 Чѣмъ этого глупца, большаго господина,
 Съ презрѣньемъ давить что людей на мостовой! 40
 Но кто тебѣ велитъ—всѣ скажутъ мнѣ—браниться?
 Не мудрено, что ты въ несчастіи живешь;
 Тебѣ никакъ нельзя, повѣрь, съ людьми ужиться:
 Ты бѣденъ, чиномъ малъ—зачѣмъ же не ползешь?
 Смотри, какъ Сплетнинъ здѣсь тотчасъ обогатился,
 Онъ княземъ ужъ давно... Таковъ желѣзный вѣкъ:
 Кто прежде былъ въ пыли, тотъ въ знати очутился!
 Фортуна вѣтрена, и этотъ человекъ,
 Который въ золотой каретѣ развѣзжаетъ,
 Безъ помощи ея на козлахъ бы сидѣлъ 50

И правилъ лошадьми, теперь повелѣваетъ,
 Теперь онъ славенъ сталъ и самъ въ карету сѣлъ.
 А между тѣмъ Честонъ, который не умѣетъ
 Стоять съ почтеніемъ въ лакейской у бояръ,
 И бѣденъ, и презрѣнъ, ступить шага не смѣетъ;
 Въ грязи замаранъ весь онъ, терпитъ холодъ, жаръ.
 Бѣдняга съ честностью забыть людьми и свѣтомъ:
 И такъ, не лучше ли въ стихахъ намъ всѣхъ хва-
 лить?

За то богатымъ быть, въ покоѣ жить нагрѣтомъ,
 Чѣмъ добродѣтелью своей себя морить? . 60
 То правда, государь намъ часто помогаетъ
 И музу спящую лишь взглянетъ—оживить,
 Онъ Феба изъ тюрьмы не рѣдко извлекаетъ.
 Чего не можетъ царь!... Захочетъ—и творить.
 Но Мецената нѣтъ, увь, и Августъ дремлетъ!
 Притомъ захочетъ ли мнѣ кто благотворить?
 Кто участь въ жалобахъ несчастнаго приѣмлетъ,
 И можно ли толпу просителей пробить,
 Толпу несносную сыновъ несчастныхъ Феба?
 За оду просить тотъ, сей пѣсню сочинилъ, 70
 А этотъ—мадригалъ. Проклятая отъ неба,
 Прямая саранча! Терпѣть нѣтъ болѣ силъ!...
 И лучше во сто разъ отъ нихъ мнѣ удалиться.
 Къ чему прибѣгнуть мнѣ? Не знаю, что начать?
 Судьею развѣ быть, въ приказные пуститься?
 Судьею?.. Боже мой! Нѣтъ, этому не быть!
 Скорѣе Стукодѣй бранить всѣхъ перестанетъ,
 Скорѣй любовниковъ Ламса отошлетъ
 И мужа своего любить какъ мужа станетъ,
 Скорѣй Глицера свой скорѣй языкъ уиметъ, 80
 Чѣмъ я пойду въ судьи! Не вижу средства болѣ,
 Какъ прочь отсюда сейчасъ же убѣжать

И въ мирѣ тихо жить, въ моей несчастной долѣ,
 Въ Москву проклятую опять не заѣзжать.
 Въ ней честность съ счастьемъ всегда почти бранится,
 Порокъ здѣсь царствуетъ, порокъ здѣсь властелинъ,
 Онъ въ лентахъ, орденахъ, повсюду ясно зрится,
 Забыта честность, но Фортуны милый сынъ,
 Хоть плутъ, глупецъ, злодѣй, въ богатствѣ утопаетъ,
 И даже онъ вездѣ... Не смѣю говорить... 90
 Какого стойка сіе не раздражаетъ?
 Кто можетъ, не браня, здѣсь цѣлый вѣкъ прожить?
 Безъ Феба всякій здѣсь хорошими стихами
 Опишетъ городъ вамъ, и въ гнѣвѣ стихотворъ
 На гору не пойдетъ Парнасъ съ двумя холмами.
 Онъ правдой удивитъ безъ вымысловъ уборъ.
 Потихе — скажутъ мнѣ — зачѣмъ такъ горячиться?
 Зачѣмъ такъ свысока? Не много удержиись!
 Вѣдь въ гнѣвѣ пользы нѣтъ: не лучше ли смириться?
 А если хочешь вратъ, на кафедру взберись, 100
 Тамъ можно говорить и хорошо, и глупо,
 Никто не сердится, спокойно всякій спитъ.
 На правду у людей, повѣрь мнѣ, ухо тупо.
 Пусть свѣтски мудрецы, пусть такъ всѣ разсуждаютъ!
 Противень, знаю, имъ всегда былъ правды свѣтъ.
 Они любезностью пороки закрываютъ,
 Для нихъ священнаго и въ цѣломъ мірѣ нѣтъ.
 Любезно дружество, любезна добродѣтель,
 Невинность чистая, любовь, краса сердець,
 И совѣсть самая, всѣхъ нашихъ дѣлъ свидѣтель, 110
 Для нихъ—мечта одна, Постой, о лжемудрецъ!
 Куда влечешь меня? Я жить хочу съ мечтою!
 Постой! Болѣзнь къ тебѣ, я вижу, смерть ведетъ,
 Всѣ крылія ея простерты надъ тобою.
 Мечта ли то теперь? Увы, къ несчастью, нѣтъ!

Кого перемѣню моими я словами?
Я вѣрю, что есть адъ, святые, дьяволъ, рай,
Что самъ Илья гремитъ надъ нашими главами.
А здѣсь въ Москвѣ... И такъ, прощай, Москва, про-
щай!..

VIII.

Посланіе къ Н. И. Гнѣдичу.

Что дѣлаешь, мой другъ, въ полтавскихъ ты степяхъ,
 И что въ стихахъ
 Украдкой отъ друзей на лирѣ воспѣваешь?
 Съ Фингаловымъ пѣвцомъ мечтаешь,
 Иль рѣзвою рукой
 Вѣнокъ красавицъ сплетаешь?
 Поешь мечты, любовь, покой,
 Улыбку томныя Корины
 Иль страстный поцѣлуй шалуни Зефирины?
 Всѣ, словомъ, прелести цитерскихъ узъ— 10
 Онѣ такъ дороги воспитаннику музъ—
 Поешь теперь, а твой на сѣверѣ пріятель,
 Веселій и любви своей лѣтописатель,
 Безпечность полюбя, забылъ и Геликонъ.
 Терпѣнье и труды вѣдь любить Аполлонъ,
 А другъ твой славой не прельщался,
 За бабочкой смѣясь гонялся,
 Красавицамъ стихи любовные шепталъ
 И, глядя на людей, на пестрыхъ кукль, мечталъ:
 «Безъ скуки, безъ заботъ не лучше ль жить съ
 друзьями, 20

«Смѣяться съ ними и шутить,
 «Чѣмъ исполинскими шагами
 «За славой побѣждать и въ яму поскользить?»
 Охоты, право, не имѣю
 Черезъ то я сдѣлаться смѣшнымъ
 И умнымъ, и глупцамъ, и злымъ,
 Иль, громку лиру взявъ, пойдти во слѣдъ Алкею,
 Надувшись пузыремъ родить одинъ лишь дымъ,
 Какъ Риѣминъ, закричатъ: «Ликуй, земля, со мною!
 «Воспряньте камни, лѣсъ! Зрю музъ передъ собою! 30
 «Восторгъ! Лечу на Пиндъ!... Простите, что упалъ:
 «Вѣдь я Пиндару подражалъ!»
 Что въ громкихъ пѣсняхъ мнѣ? Доволенъ я мечтами,
 Въ покойномъ уголкѣ тихонько притаюсь,
 Но съ свѣтомъ вовсе не простаясь:
 Играя мыслями, я властвую духами.

Мы право не живѣмъ
 На мѣстѣ все однимъ,
 Но мыслями летаемъ;
 То въ Африку плывемъ, 40
 То на развалинахъ Пальмиры побываемъ,
 То трубку выкуримъ съ султаномъ иль папой,
 Или, плѣняя вдругъ султановой женой,
 Фатимой томной, молодой,
 Тотчасъ даримъ его рогами;
 Смѣемся муфтію, деремся съ визирями,
 И послѣ убѣжавъ—кто въ мысляхъ не колдунъ?—
 Увидимъ стройныхъ нимфъ, услышимъ звуки струнъ,
 И гдѣ жь очутимся? На балѣ и въ Парижѣ!
 И такъ мечтаніемъ бываемъ къ счастью ближе, 50
 А счастье лишь тамъ живетъ,
 Гдѣ насъ безумныхъ нѣтъ.

Мы сказки любимъ всѣ, мы—дѣти, но большія.
 Что въ истинѣ пустой? Она лишь умъ сушить,
 Мечта все въ мѣрѣ золотить,
 И отъ печали злыя
 Мечта намъ щить.

Ахъ, должно ль запретить и сердцу забываться,
 Поэтовъ промѣня на скучныхъ мудрецовъ!
 Поэты не даютъ съ фантазіей разстаться,
 Мы съ ними посреди Армидиныхъ садовъ,
 Въ прохладѣ рощъ тѣнистыхъ,
 Внимаемъ пѣнію Орфеевъ голосистыхъ,
 При шумѣ ручейковъ на розахъ нѣжныхъ спимъ
 И возлѣ нимфъ вздыхаемъ,
 Съ богами даже говоримъ,
 А съ мудрецами лишь болтаемъ,
 Бранимъ несчастный мѣръ, да разсердясь... зѣваемъ.

Тако, сердце можетъ лишь мечтою услаждаться!

Оно все хочетъ оживить:

Въ лѣсу на утломъ пнѣ друидовъ находить,
 Укрывшихся подъ ель, рукой времянь согбенну,
 Услышать барда пѣснь священну,
 Съ Мальвиною вздохнуть на берегу морскомъ
 О ратникѣ младомъ.

Все сердцу въ мѣрѣ семъ вѣщаетъ,

И гробъ безмолвенъ не бываетъ,

И камень иногда пустынный говоритъ:

Герой здѣсь спитъ!

Тако, сердцемъ рождена поэзія любезна,
 Какъ нектаръ сладостный, пріятна и полезна,
 Языкъ ея—языкъ боговъ;
 Имъ дивный говорилъ Омиръ, отецъ стиховъ.

Языкъ сей у Творца беретъ Протея виды.
 Иной поетъ любовь: любимецъ Афродиты,
 Съ свирѣлью тихою, съ увѣнчанной главой,
 Вкушаетъ лишь покой,
 Лишь радости однѣ встрѣчаетъ
 И розами стезю сей жизни устилаетъ.

Другой,

90

 Какъ славный Тассъ, волшебною рукой
 Являетъ дивный храмъ природы
 И всѣхъ чудесъ ея тѣмочисленные роды:
 Я зрю то мрачный адъ,
 То счастья чертогъ, Армидинъ дивный садъ;
 Когда же онъ дѣла героевъ прославляетъ
 И битвы воспѣваетъ,
 Я слышу трескъ и громъ, я слышу стонъ и крикъ...
 Таковъ поэзіи языкъ!

 Не много ли съ тобой ужъ я заговорился? 100
 Я черезъ чуръ болтливъ: я съ Фебомъ подружился,
 А съ нимъ ли бѣдному поэту сдобровать?
 Но чтобъ къ концу привести начатое маранье,
 Хочу тебѣ сказать,
 Что премѣнить себя твой другъ имѣлъ старанье,
 Увы, и не успѣлъ! Прими мое признание!
 Никакъ я не могу однимъ доволенъ быть,
 И лучше розы мнѣ на терны премѣнить,
 Чѣмъ розами всегда однѣми восхищаться.

И такъ, не должно удивляться,

110

 Что вѣтранный твой другъ —
 Поэтъ, любовникъ вдругъ
 И черезъ день потомъ философъ съ грознымъ тономъ,
 А больше друженъ съ Аполлономъ,
 Хоть и нейдетъ за славы громомъ,

Но пишетъ все стихи,
Которы за грѣхи,
Краснѣяся друзьямъ въ полголоса читаетъ....
И первый самъ отъ нихъ зѣваетъ.

IX.

Элегія.

(Переводъ изъ Парни).

Какъ счастье медленно приходитъ,
 Какъ скоро прочь отъ насъ летитъ!
 Блаженъ, за нимъ кто не бѣжитъ,
 Но самъ въ себѣ его находитъ!
 Въ печальной юности моей
 Я былъ счастливъ одну минуту,
 За то, увы, и горестъ люту
 Терпѣлъ отъ рока и людей!
 Обманъ надежды намъ пріятенъ,
 Пріятенъ намъ хоть и на часъ! 10
 Блаженъ, кому надежды гласъ
 Въ самомъ несчастьи сердцу внятенъ!
 Но прочь уже теперь бѣжитъ
 Мечта, что прежде сердцу льстила;
 Надежда сердцу измѣнила,
 И вздохъ за нею въ слѣдъ летитъ!
 Хочу я часто заблуждаться,
 Забыть невѣрную... Но нѣтъ,
 Несносной правды вижу свѣтъ,
 И должно мнѣ съ мечтой разстаться! 20

На свѣтѣ все я потерялъ,
Цвѣтъ юности моей увялъ:
Любовь, что счастьемъ мнѣ мечталась,
Любовь одна во мнѣ осталась!

X.

На смерть И. П. Пнина.

Que vois-je, c'en est fait; je t'embrasse, et tu meurs.

Voltaire.

Гдѣ другъ нашъ? Гдѣ пѣвецъ? Гдѣ юности красы?
 Увы, исчезло все подъ остріемъ косы!
 Любимца нѣжныхъ музъ осиротѣла лира,
 Замолкъ пѣвецъ: онъ былъ, какъ мы, лишь странникъ
 міра!

Нѣтъ друга нашего, его на вѣки нѣтъ!
 Не долго міръ имъ украшался:
 Завялъ, увы, какъ майскій цвѣтъ,
 И жизни на зарѣ съ друзьями онъ разстался!

Пнинъ чувствамъ дружба съ восторгомъ преда-
 вался;

Несчастливымъ не одно онъ золото дарилъ... 10
 Что въ золотѣ одномъ? Онъ слезы съ ними лилъ.
 Пнинъ былъ согражданамъ полезенъ,
 Перомъ отъ злой судьбы невинность защищалъ,
 Въ бесѣдахъ дружескихъ любезенъ,
 Друзей въ родныхъ онъ обращалъ.

И мы теперь, друзья, вокругъ его могилы
Объемлемъ только хладный прахъ,
Твердимъ съ тоской и во слезахъ:
Покойся въ мирѣ, другъ нашъ милый,
Питомецъ грацій, музъ, ты живъ у насъ въ сердцахъ! 20

Когда въ послѣдній разъ его мы обнимали,
Казалось, съ нами міръ грустилъ,
И самъ Амуръ въ печали
Свѣтильникъ погасилъ:
Не кипарисну вѣтвь унылу,
Но розу на его онъ положилъ могилу.

1805.

XI.

На книгу подъ названіемъ: Смѣсь.

По чести это смѣсь:
Тутъ проза и стихи, и авторская спѣсь.

XII.

Безриѣмина совѣтъ:
Безъ жалости все сжечь мое стихотворенье,
Быть такъ! Его жь, друзья, невинное творенье
Своею смертію умереть.

XIII.

Къ Мальвинѣ.

- Ахъ чѣмъ красавицу мнѣ должно, 1
 Какъ не цвѣточкомъ, подарить?
 Ее—не льстецъ я—сердцу можно
 И съ розой нѣжною сравнить.
- Что розы можетъ быть славнѣе? 2
 Ее Анакреонъ воспѣлъ.
 Что розы можетъ быть милѣе?
 Амуръ изъ розъ вѣнокъ имѣлъ.
- Ахъ, мнѣ ль твердить, что вянутъ розы, 3
 Что красота какъ тѣнь пройдетъ,
 Что только явятся морозы,
 И листь цвѣточка опадеть!
- Но что же, милая, и вѣчно 4
 Въ печальномъ мѣрѣ семъ цвѣтетъ?
 Не только розы скоротечно,
 Но наша жизнь, и та пройдетъ.
- Но граціи пока толпою 5
 Тебѣ, Мальвина, въ слѣдъ идутъ,

Пока онѣ еще съ тобою
Играють, пляшуть и поють,

Пусть розы нѣжныя гордятся
На лиліяхъ груди твоей!
Ахъ, смѣю ль, милая, признаться?
И розой умеръ бы на ней.

6

XIV.

Совѣтъ друзьямъ.

Faut-il être tant volage,
Ai-je dit au doux plaisir?

Подайте мнѣ свирѣль простую,
Друзья, и сядьте вокругъ меня
Подъ эту вяза тѣнь густую,
Гдѣ свѣжесть дышетъ среди дня!
Приблизьтесь, сядьте и внемлите
Совѣту музы вы моей!

Когда счастливо жить хотите
Среди весеннихъ краткихъ дней,
Друзья, оставьте призракъ славы,
Любите въ юности забавы
И сѣйте розы на пути!
О юность красная, цвѣти
И, токомъ чистымъ окропленна,
Цвѣти хотя не много дней,
Какъ роза, миртомъ осѣненна,
Среди смѣющихся полей,
Но дай намъ жизнью насладиться,
Цвѣты на тернахъ находить!

Жизнь—мигъ: не долго веселиться,
 Не долго намъ и въ счастья жить! 11
 Не долго!.. Но печаль забудемъ,
 Мечтать во сладкой нѣгѣ будемъ:
 Мечта—прямая счастья мать!
 Ахъ, должно ли всегда вздыхать
 И въ майскій день не улыбаться?
 Нѣтъ, станемъ лучше наслаждаться,
 Плясать подъ тѣнію густой .
 Съ прекрасной нимфой молодой,
 Потомъ, обнявъ ее рукою,
 Дыша любовію одною, 20
 Тихонько будемъ воздыхать
 И сердце къ сердцу прижимать.

Какое счастье! Вакхъ веселый
 Густое здѣсь вино намъ льетъ,
 А тутъ, въ одеждѣ тонкой, бѣлой,
 Эрата нѣжная поетъ:
 Часы крылаты, не летите,
 Ахъ, счастье мигомъ хоть продлите!

Но нѣтъ, бѣгутъ счастливы дни,
 Бѣгутъ, лѣтятъ стрѣлой они; 30
 Ни лѣнь, ни сердца наслажденья
 Не могутъ ихъ сдержать стремленья,
 И время сильною рукою
 Губить и радость, и покой!

Луга веселые, зелены,
 Ручьи прозрачны, милый садъ,
 Вѣтвисты ивы, дубы, клены,
 Подъ тѣнію вашею прохладъ

Ужель вкушать не буду болѣ,
 Ужели скоро въ тихомъ полѣ 40
 Подъ сѣрымъ камнемъ стану спать,
 И лира, и свирѣль простая
 На гробѣ будутъ тамъ лежать?
 Покроетъ ихъ трава густая,
 Покроетъ, и ни чьей слезой
 Прахъ хладный мой не окропится!
 Ахъ, должно ль мнѣ о томъ крушиться?
 Умру, друзья, и все со мной!
 Но Парки томною рукою
 Прядутъ, прядутъ дней тонку нить... 50
 Коринна и друзья со мною,—
 О чемъ же мнѣ теперь грустить?

Когда жизнь наша скоротечна,
 Когда и радость здѣсь не вѣчна,
 То лучше въ жизни пѣть, плясать,
 Искать веселья и забавы
 И мудрость съ шутками мѣшать,
 Чѣмъ, бѣгая за дымомъ славы,
 Отъ скуки и заботъ зѣвать.

XV.

Пастухъ и Соловей.

(Басня).

Владиславу Александровичу Озерову.

Любимецъ строгой Мельпомены,
 Прости усердный стихъ безвѣстному пѣвцу!
 Не лавры къ твоему вѣнцу,
 Рукою дерзкою сплетенны,
 Я въ даръ тебѣ принесъ. Къ чему мой еиміамъ
 Творцу Димитрія, кому безсмертны музы,
 Сложивъ признательности узы,
 Открыли славы храмъ?
 А храмъ сей затворенъ для всѣхъ зоиловъ строгихъ,
 Богатыхъ завистью, талантами убогихъ. 10
 Ахъ, если и теперь они своей рукой
 Посмѣютъ къ твоему творенью прикасаться,
 А ты, нашъ Эврипидъ, чтобъ позабыть ихъ рой,
 Захочешь съ музами разстаться
 И болѣ не писать,
 Тогда прошу тебя разсказъ мой прочитать.

Пастухъ, задумавшись въ ночи безмолвной мая,
 Съ высокаго холма вокругъ себя смотрѣлъ,

Какъ мѣсяцъ въ тишинѣ великолѣпно шель,
 Лучомъ серебрянымъ долины освѣщая, 20
 Какъ въ рощахъ липовыхъ чуть легкимъ вѣтеркомъ

Листы колеблемы шептали,

И свѣтлые ручьи, почивъ съ природой сномъ,
 Едва межъ береговъ струей своей мелькали.

Изъ роци соловей

Долины оглашалъ гармоніей своей,
 И эхо пѣснь его холмамъ передавало.
 Все душу пастуха задумчиво плѣняло,
 Какъ вдругъ пѣвецъ любви на вѣтвяхъ замолчалъ.
 Напрасно нашъ пастухъ просилъ о пѣсняхъ новыхъ. 30
 Печальный соловей вздохнувъ ему сказалъ:

«Не долго въ рощахъ сихъ дубовыхъ

«Я радость воспѣвалъ!

«Пройдетъ и пѣть охота,

«Когда съ сосѣдняго болота

«Лягушки кваканьемъ какъ бы на зло глушатъ;

«Пусть эта тварь поетъ, а соловьи молчатъ!»

«Пой, нѣжный соловей», пастухъ сказалъ Орфею,

«Для нихъ ушей я не имѣю.

«Ты имъ молчаньемъ пѣть охоту придаешь: 40

«Кто будетъ слушать ихъ, когда ты запоешь?»

XVI.

Къ Н. И. Гнѣдичу.

Только дружба общаетъ
 Мнѣ безсмертія вѣнокъ;
 Онъ примѣтно увядаетъ,
 Какъ отъ зноя василекъ.
 Мнѣ оставишь ли для славы
 Скромную стезю забавы?
 Путь къ забавамъ проложенъ,
 Къ славѣ тѣсенъ и мудренъ!
 Мнѣ ль за призракомъ гоняться,
 Лавры съ скукой собирать? 10
 Я умѣю наслаждаться,
 Какъ ребенокъ, всѣмъ играть
 И счастливъ!.. Досель цвѣтами
 Путь ко счастью устилалъ,
 Пѣлъ, мечталъ, подъ часъ стихами
 Горестъ сердца улаждалъ,
 Пѣлъ отъ лѣни и досуга,
 Муза мнѣ была подруга:
 Не былъ ей порабощенъ.
 А теперь весна, какъ сонъ 20

Легкокрылый, исчезаетъ
И собою увлекаетъ
Прелесть пѣсней и мечты.
Нѣжны мирты и цвѣты,
Чѣмъ прелестницы вѣнчали
Юнаго пѣвца, завяли.
Ахъ, уже ли наградить
Слава счастья утрату
И ко дней моихъ закату
Какъ нарочно прилетитъ?

30

XVII.

Отрывокъ изъ элегіи.

.
 О, пока безцѣнна младость
 Не умчалася стрѣлой,
 Пей изъ чаши полной радость
 И, сливая голосъ свой
 Въ часъ вечерній съ тихой лютней,
 Славь безпечность и любовь!
 А когда въ сѣни пріютней
 Мы услышимъ смерти зовъ,
 То какъ лозы винограда
 Обвиваютъ тонкій вязъ,
 Такъ меня, моя отрада,
 Обними въ послѣдній часъ!
 Такъ лилейными руками
 Цѣпью нѣжною обвей,
 Съедини уста съ устами,
 Душу въ пламени излей!
 И тогда тропой безвѣстной,
 Долу къ тихимъ берегамъ,
 Самъ онъ, богъ любви прелестной,

Проведетъ насъ по цвѣтамъ 20
Въ тотъ Элизей, гдѣ все таетъ
Чувствомъ нѣги и любви,
Гдѣ любовникъ воскресаетъ
Съ новымъ пламенемъ въ крови,
Гдѣ, любуясь пляской грацій,
Нимфъ, сплетенныхъ въ хороводъ,
Съ Деліей своей Горацій
Гимны радости поетъ.
Тамъ, подъ тѣнью миртовъ зыбкой,
Намъ любовь сплететъ вѣнцы, 30
И привѣтливой улыбкой
Встрѣтятъ нѣжные пѣвцы.

XVIII.

Н. И. Гнѣдичу.

Прерву теперь молчанья узы
 Для друга сердца моего.
 Давно ты отъ лѣнивой музы
 Давно не слышалъ ничего.
 И можно ль пѣть моей цѣвницѣ
 Въ пустынь дикой и пустой,
 Куда никакъ нельзя царицѣ
 Поэзіи придти молодой!
 И мнѣ ли пѣть подъ гнетомъ рока,
 Когда меня судьба жестока 10
 Лишила друга и родни?...
 Пусть хладныя сердца одни
 Средь моря бѣдствій засыпаютъ
 И взоръ спокойно обращаютъ
 На гробы ближнихъ и друзей,
 На смерть, на клевету жестоку,
 Ползущу низкою змѣей,
 Чтобъ рану нанести жестоку
 И непорочности самой.
 Но мнѣ ль съ чувствительной душой 20
 Быть въ мѣрѣ золъ спокойной жертвой
 И клеветы, и разныхъ бѣдъ?...

Увы, я знаю, что сей свѣтъ
 Могилой созданъ намъ отверстой,
 Куда падеть, сраженъ косою,
 И царь съ вѣнчанною главою,
 И пастырь, и монахъ, и воинъ!
 Ужели я одинъ достоинъ
 И вѣчно жить, и быть блаженъ?
 Увы, здѣсь всякъ отягощенъ 30
 Ярмомъ печалей и цѣпями,
 Которыхъ намъ по смерть руками,
 Столь слабыми, нельзя сложить!
 Но можно ль ихъ, мой другъ, влачить
 Безъ слезъ, не сокрушась душевно?
 Скорѣ моремъ лъзя безбѣдно
 На валкой ладіѣ проплыть,
 Когда Борей расширитъ крылья,
 Безъ вѣтриль, снастей и кормиль
 И къ небу взоръ не обратить. 40

Я плачу, другъ мой, здѣсь съ тобою,
 А время молніей летитъ.
 Ужь мѣсяцъ свѣтлый надо мною
 Спокойно въ озеро глядитъ,
 Все спитъ подъ кровомъ майской ноши,
 Едва ли водонадъ шумитъ,
 Безмолвенъ долъ, вздремали роши,
 Въ которыхъ лучъ луны скользитъ
 Сквозь вѣтви, на землю склоненны,
 И я, Морфеємъ удрученный, 50
 Прерву цѣвницы скорбный гласъ
 И, можетъ, въ полуночный часъ
 Тебя въ мечтѣ, мой другъ, познаю
 И разъ еще облобызаю....

XIX.

Сонъ Могольца.

(Басня изъ Лафонтена).

Могольцу снилися жилища Елисейски:
 Визирь блаженный въ нихъ
 За добрыя дѣла житейски
 Въ числѣ угодниковъ святыхъ
 Покойно спалъ на лонѣ гурій;
 Но сонный видитъ адъ,
 Гдѣ, пламенемъ объятъ,
 Терзаемый бичами фурій,
 Пустынникъ испускалъ ужасный вошь и стонъ.
 Моголецъ въ ужасѣ проснулся. 10
 Не вѣдая, что значить сонъ,
 Онъ думалъ, что пророкъ въ сихъ мертвыхъ обманулся
 Иль тайну для него скрывалъ;
 Тотчасъ гадателя призвалъ,
 И тотъ ему въ отвѣтъ: «Я не дивлюсь ни мало,
 «Что въ снахъ есть разумъ, цѣль и складъ.
 «Намъ небо и въ мечтахъ премудрость завѣщало.
 «Сей праведникъ визирь, оставя дворъ и градъ,
 «Жилъ честно и всегда любилъ уединенье.
 «Пустынникъ на поклонъ таскался къ визирямъ». 20

Съ гадателемъ сказавъ, что значить сновидѣнье,
 Внушилъ бы я любовь къ деревнѣ и полямъ.
 Обитель мирная, въ тебѣ успокоенье
 И всѣ дары небесъ даются щедро намъ!

Уединеніе, источникъ благъ и счастья,
 Мѣста любимыя, ужели никогда
 Не скроюсь въ вашу сѣнь отъ бури и ненастья?
 Блаженству моему настанетъ ли чреда?
 Ахъ, кто остановитъ меня подъ мрачной тѣнью,
 Когда перенесусь въ священные лѣса? 30
 О музы, сельскихъ дней утѣха и краса,
 Научите ль меня небесныхъ тѣлъ теченью,
 Свѣтилъ блистающихъ несчетны имена
 Узнаю ли отъ васъ? Иль если мнѣ дана
 Способность малая и скудно дарованье,
 Пускай плѣнитъ меня источниковъ журчанье,
 И я любовь и миръ пустынный воспою!
 Пусть Парка не прядетъ изъ злата жизнь мою,
 И я не буду спать подъ бархатнымъ наметомъ:
 Уже ли черезъ то я потеряю сонъ, 40
 И меньше ль по трудахъ мнѣ будетъ сладокъ онъ?
 Зимой близъ огонька, въ тѣни древесной лѣтомъ,
 Безъ страха, двери самъ для Парки отпру:
 Безпечно вѣкъ проживъ, спокойно и умру.

XX.

Выздоровленіе.

Какъ ландышъ подъ серпомъ убійственнымъ жнеца
 Склоняетъ голову и вянетъ,
 Такъ я въ болѣзни ждалъ безвременно конца
 И думалъ: Парки часъ настанетъ!
 Ужь очи покрывалъ Эреба мракъ густой,
 Ужь сердце медленнѣе билось...
 Я вянулъ, исчезалъ, и жизни молодой,
 Казалось, солнце закатилось.
 Но ты приближилась, о жизньъ души моей,
 И алыхъ устъ твоихъ дыханье, 10
 И слезы пламенемъ сверкающихъ очей,
 И поцѣлуевъ сочетанье,
 И вздохи страстные, и сила милыхъ словъ
 Меня изъ области печали,
 Отъ Орковыхъ полей, отъ Леты береговъ
 Для сладострастія призвали.
 Ты снова жизньъ даешь: она—твой даръ благой,
 Тобой дышать до гроба стану.
 Мнѣ сладокъ будетъ часъ и муки роковой:
 Я отъ любви теперь увяну. 20

XXI.

Къ Тассу ¹⁾.

Позволь, священна тѣнь, безвѣстному пѣвцу
 Коснуться къ твоему безсмертному вѣнцу
 И сладость пѣнія твоей авзонской музы,
 Достойной береговъ прозрачной Аретузы,
 Рукою слабою на лирѣ повторить
 И новымъ языкомъ съ тобою говорить ²⁾.

Среди Элизія, близь древняго Омира
 Почіетъ тѣнь твоя, и Аполлона лира
 Еще согласьемъ духъ поэта веселитъ.
 Рѣка забвенія и пламенный Коцитъ 10
 Тебя съ любовницей, о Тассъ, не разлучили ³⁾:
 Въ Элизіи теперь васъ музы съединили,
 Печалей нѣтъ для васъ, и скорбь протекшихъ дней,
 Какъ сладостну мечту, объемлете душой....

¹⁾ Сіе посланіе предположено было напечатать въ заглавіи перевода Освобожденнаго Іерусалима.

²⁾ Кажется, до сихъ поръ у насъ нѣтъ перевода Тассовыхъ твореній въ стихахъ.

³⁾ Торквато былъ жертвою любви и зависти. Всѣмъ любителямъ словесности извѣстна жизнь его.

Торквато, кто испилъ всѣ горькія отравы
 Печалей и любви и въ храмъ безсмертной славы,
 Вѣдомый музами, въ дни юности проникъ,
 Тотъ преждевременно несчастливъ и великъ! ¹⁾
 Ты пѣлъ, и весь Парнасъ въ восторгѣ пробудился,
 Въ Феррару съ музами Фебъ юный ниспустился, 20
 Назонову тебѣ онъ лиру самъ вручилъ
 И геній крыльями безсмертѣя осѣнилъ.
 Воспѣлъ ты бурну брань, и блѣдны Эвмениды
 Всѣхъ ужасовъ войны открыли мрачны виды:
 Бѣгутъ среди полей и топчутъ знамена,
 Свѣтильникомъ вражды ихъ ярость разжена,
 Власы растрепанны и ризы обагрены,
 Я самъ среди смертей, и Марсъ со мною мѣдный...
 Но ужасы войны, мечей и копій звукъ
 И гласы Марсовы, какъ сонъ, исчезли вдругъ: 30
 Я слышу вдалекѣ пастушичи свирѣли,
 И чувствія душой иныя овладѣли.
 Нѣтъ болѣе вражды, и богъ любви молодой
 Спокойно спитъ въ цвѣтахъ подъ миртою густой.
 Онъ всталъ, и мечъ опять въ рукѣ твоей блистаетъ!
 Какой Протей тебя, Торквато, премѣняетъ,
 Какой чудесный богъ чрезъ дивныя мечты
 Разсѣялъ мрачныя и нѣжны красоты?
 То скиптръ въ его рукахъ или перунъ зажженный,
 То розы юныя, Кипридѣ посвященны, 40
 Иль факель Эвменидъ, иль лучъ златой любви.
 Въ глазахъ его—любовь, вражда—въ его крови;
 Летитъ, и я за нимъ лечу въ предѣлы міра,

¹⁾ Тассо десяти лѣтъ отъ роду писалъ стихи и, будучи принужденъ бѣжать изъ Неаполя съ отцомъ своимъ, сравнивалъ себя съ молодымъ Асканіемъ. До тридцатилѣтняго возраста кончилъ онъ безсмертную поему *Герусалима*, написалъ *Аминту*, много разсужденій о словесности и пр.

То въ адъ, то на Олимпъ! У древняго Омира
 Такъ шагъ одинъ творилъ огромный богъ морей
 И досягалъ другимъ краевъ подлунной всей.
 Армиды чарами, средь моря сотворенной,
 Здѣсь тѣнью миртовой въ долинѣ осѣненной,
 Ринальдъ, молодой герой, забывъ воинскій гласъ,
 Вкушаетъ прелести любви и заразъ... 50
 А тамъ что зрятъ мои обворожены очи?
 Близъ стана воинска, подъ кровомъ черной ночи,
 При заревѣ бойницъ, пылающихъ огнемъ,
 Два грозныхъ воина, вооружась мечемъ,
 Неистойвой рукой струятъ потоки крови...
 О, жертва ярости и плачущей любви!
 Пойдите, воины! Увы, одинъ падеть...
 Танкредъ въ врагъ своемъ Клоринду узнаетъ
 И моремъ слезъ теперь онъ платить, дерзновенной ¹⁾,
 За каплю каждую сей крови драгоцѣнной... 60

Что жъ было для тебя наградою, Торкватъ,
 За пѣсни стройныя? Зоиловъ острый ядъ,
 Притворная хвала и ласки царедворцевъ,
 Отрава для души и самыхъ стихотворцевъ.
 Любовь жестокая, источникъ золъ твоихъ,
 Явилася тебѣ среди палатъ златыхъ,
 И ты изъ рукъ ея взялъ чашу ядовиту,
 Цвѣтами юными и розами увиту,
 Испилъ и, упоенъ любовною мечтой,
 И лиру, и себя повергъ предъ красотой. 70
 Но радость наша—ложь, но счастье—крылато;
 Завѣса раздрана! Ты узникъ сталъ, Торквато!

¹⁾ Gli occhi tuoi pagheran...

Di quel sangue ogni stilla un mar di pianto.

La Gierusalemme, canto XII.

Въ темницу мрачную ты брошенъ какъ злодѣй,
 Лишенъ и вольности, и Фебовыхъ лучей.
 Печаль глубокая поэтовъ духъ сразила,
 Изчезъ талантъ его и творческая сила,
 И разумъ весь погибъ! О вы, которыхъ ядъ
 Торквату далъ вкусить мученій лютыхъ адъ,
 Придите зрѣлищемъ достойнымъ веселиться
 И гибелью его таланта насладиться! 80
 Придите! Вотъ поэтъ превыше смертныхъ хвалъ,
 Который говорить героевъ заставлялъ,
 Проникнулъ взорами въ небесные чертоги,
 Въ желѣзахъ стонеть здѣсь... О, милосердны боги!
 Доколѣ жертвою, невинность, будешь ты
 Безчестной зависти и адской клеветы?

Имѣло ли конецъ несчастіе поэта?
 Желѣзною рукой печаль и быстры лѣта
 Уже безвременно бѣлятъ его власы,
 Въ единообразіи бѣгутъ, бѣгутъ часы, 90
 Что день, то прежняя скорбь, что ночь—мечты ужасны...
 Смягчился наконецъ завѣтъ судьбы злосчастной,
 Свободенъ сталъ поэтъ, и солнца лучъ златой
 Льетъ въ хладну кровь его отраду и покой:
 Онъ можетъ опочить на лонѣ свѣтлой славы.
 Средь Капитолія, гдѣ стѣны обветшалы
 И самый прахъ еще о Римлянахъ твердить,
 Тамъ ждетъ его триумфъ... Увы, тамъ смерть стоитъ!
 Неумолимая беретъ вѣнокъ лавровый,
 Поэта увѣнчать изъ давнихъ лѣтъ готовый. 100
 Премѣна жалкая столь радостнаго дни!
 Гдѣ знаки почестей, тамъ смертны пелены,
 Не увѣнчаніе, но лики погребальны...
 Такъ кончились твои, безсмертный, дни печальны!

Нѣтъ болѣе тебя, божественный поэтъ,
Но славы Тассовой исполненъ въ вѣки свѣтъ!
Едва ли прахъ одинъ остался древней Трои,
Не знаемъ и могилъ, гдѣ спятъ ея герои,
Скамандръ божественный вертепами течетъ,
Но въ памяти людей Омиръ еще живетъ, 110
Но человѣчество пѣвцомъ еще гордится,
Но мiръ ему есть храмъ... И твой не сокрушится!

XXII.

Отрывокъ изъ 1-й пѣсни Освобожденнаго Јерусалима.

Пустынный Петръ говорилъ въ верховномъ совѣтѣ. Онъ предложилъ Готфреда въ вожди.

Скончалъ пустынный рѣчь.... Небесно вдохновенье! 1
 Не скрыто отъ тебя сердечное движенье,
 Ты въ старцовы уста глаголь вложило сей
 И сладость онаго влило въ сердца князей,
 Ты укротило въ нихъ бунтующія страсти,
 Духъ буйной вольности, любовь врожденну къ власти:
 Вильгельмъ и мудрый Гельфъ, первѣйшій изъ вождей,
 Готфреда нарекли вождемъ самихъ царей.

И плески шумные избранье увѣнчали! 2
 «Ему единому»—всѣ ратники вѣщали—
 «Ему единому вести ко славѣ насъ!
 «Законы пусть даетъ его единый гласъ!
 «Доселѣ равные, его послушны волѣ,
 «Подъ знаменемъ святымъ пойдемъ на бранно поле,

«Поганство буйное святѣиѣ покоримъ.
«Награда Небо намъ: умремъ иль побѣдимъ!»

Узрѣли воины начальника избранна 3
И властію почли достойно увѣнчанна.
Онъ плески радостны отъ войска воспріялъ,
Но видъ величія спокойнаго являлъ.
Клялися всѣ его повиноваться волѣ.
На утро онъ велѣлъ полкамъ собраться въ полѣ,
Чтобъ рать подъ знамена священны притекла,
И слава царское велѣнье разнесла.

Торжественнѣи въ сей день явилось надъ морями 4
Свѣтило дня, лучи ліющее рѣками!
Христово воинство въ порядкѣ потекло
И долъ обширнѣишій строями облегло.
Развились знамена, и копья заблестали,
Скользящіе лучи сталь гладку зажигали;
Но войско двинулось: передъ вождемъ течеть
Тяжела конница и ей пѣхота въ слѣдъ.

О память свѣтлая, тобою озаренны 5
Протекши времена и подвиги забвенны,
О память, мнѣ свои хранилища открой!
Чьи ратники сіи? Кто славный ихъ герой?
Повѣждь, да слава ихъ, утраченна вѣками,
Твоими возблеститъ небренными лучами!
Увѣковѣчи пѣснь нетлѣніемъ своимъ,
И время сокрушитъ желѣзо передъ нимъ!

Явились первые неустрашимы Галлы: 6
Ихъ грудь облечена въ сліянные металлы,
Оружіе звенитъ тяжелое въ рукахъ.

Гугъ, царскій братъ, сперва былъ вождемъ въ сихъ
полкахъ;

Онъ умеръ, и хоругвь трехъ лилій благородныхъ
Не въ длани перешла ея царей природныхъ,
Но къ мужу славному по доблести своей:
Клотарій избранъ былъ въ преемники царей.

Счастливыи Пль де-Франсъ, обильной, многоводной, 7
Вождя и ратниковъ страну былъ природной.
Нормандцы грозные текутъ симъ войскамъ въ слѣдъ:
Робертъ, ихъ кровный царь, ко брани днесъ ведетъ.
На Галловъ сходствуетъ оружье ихъ и нравы;
Какъ Галлы, не щадятъ себя для царской славы.
Вильгельмъ и Адемаръ ихъ войски въ брань ведутъ,
Народовъ пастыри за вѣру кровь лютъ.

Кадилаицу они съ булатомъ сочетали 8
И длинныя власы шеломами вѣнчали.
Святое рвеніе! Ихъ мѣткая рука
Умѣетъ поражать враговъ издалека.
Четыреста мужамъ, въ Орангіи рожденнымъ,
Вильгельмъ предшествуетъ со знаменемъ священнымъ;
Но равное число идетъ изъ Пуйскихъ стѣнъ,
И Адемаръ вождемъ той рати нареченъ.

Се идетъ Бодоинъ съ Болонцами своими: 9
Покрыты чела ихъ шеломами златыми.
Готфреда войны за ними въ слѣдъ идутъ,
Вождемъ своимъ теперь царева брата чтутъ.
Корнутаскій графъ потомъ, вождь мудрости избранный,
Четыреста мужей ведетъ на подвигъ бранный;
Но трижды всадниковъ толикое число
Подъ Бодоиновы знамена притекло.

Гелфъ славный возлѣ нихъ покрылъ полками поле, 10
Гелфъ славенъ счастиемъ, но мудростію болѣ.
Изъ дома Эсткаго сей витязь родился,
Воспринять Гелфомъ былъ и Гелфомъ назвался;
Каринтіей теперь богатой обладаетъ
И власть на ближнія долины простираетъ,
По коимъ катитъ Рейнъ свой серебряный кристалъ:
Свевъ дикій искони тамъ въ дѣтствѣ обиталъ.

XXIII.

Отрывокъ изъ X-й пѣсни Освобожден-
наго Јерусалима.

Адскіе духи царствуютъ въ очарованномъ лѣсѣ; Ринальдъ, по повелѣнію Годфреда, шествуетъ туда, дабы истребить чары Исменовы.

Се часъ божественный Авроры золотой:
Со свѣтомъ утреннимъ сліялся мракъ ночной,
Востокъ румяными огнями весь пылаетъ,
И утрення звѣзда во блескахъ потухаетъ.
Оставя по травѣ, росой обмытой, слѣдъ,
Къ горѣ Оливовой Ринальдъ уже течетъ.
Онъ въ шествіи своемъ свѣтилы зреть не бrenны,
Руками Вышняго на небесахъ возженны,
Зреть свѣтлый сводъ небесъ, раскинутъ какъ шатеръ,
И въ мысляхъ говоритъ: «Колико Ты простеръ, 10
«Царь вѣчный и благій, сіянія надъ нами!
«Въ день солнце, образъ твой, течетъ подъ небесами,
«Въ ночь тихую луна и сонмъ безсчетныхъ звѣздъ
«Ліють утѣшный лучъ съ лазури горнихъ мѣстъ.
«Но мы, несчастные, страстями упоенны,
«Мы слѣпы для чудесъ: красавиць взоръ влюбленный,

«Улыбка страстная и вредныя мечты
 «Пріятели для насъ нетлѣнной красоты».
 На твердыя скалы въ сихъ мысляхъ востекаетъ
 И тамъ чело свое къ лицу земли склоняетъ, 20
 Но духомъ къ Вѣчному на небеса парить.
 Къ востоку обратясь, въ восторгѣ говоритъ:
 «Отецъ и Царь благій, прости мнѣ ослѣпленье,
 «Кипящей юности невольно заблужденье,
 «Прости и на меня излей своей рукой
 «Источникъ разума и благодати святой!»
 Скончалъ молитву онъ. Ужъ первый лучъ Авроры
 Блится сквозь туманъ на отдаленны горы;
 Отъ пурпурныхъ лучей героевъ шлемъ горить.
 Зефиръ, спорхнувъ съ цвѣтовъ, по воздуху парить 30
 И грозное чело Ринальда лобызаетъ;
 Ниспадшею росой оружіе блистаетъ,
 Щитъ крѣпкій, копіе, желѣзная броня
 Какъ золото горятъ отъ солнечна огня.
 Такъ роза блеклая, въ часъ утра оживая,
 Красуется, слезой Аврориной блистая;
 Такъ, чешуей гордась, весною лютый змѣй
 Вьетъ кольца по песку излучистой струей.
 Ринальдъ, блистаніемъ оружья удивленный,
 Стопами смѣлыми — и выше вдохновенный — 40
 Течетъ въ сей мрачный лѣсъ, самихъ героевъ страхъ,
 Но ужасовъ не зреть: въ прохладѣ и тѣняхъ,
 Тамъ нѣга съ тишиной обнявшись засыпаютъ,
 Зефиры горлицей межъ тростниковъ вздыхаютъ,
 И съ томной сладостью журчитъ въ кустахъ ручей.
 Тамъ лебедь пѣснь поетъ, съ нимъ стонетъ соловей,
 И гласы нимфъ и арфы тихострунной
 Несутся по лѣсу, какъ хоръ единошумной.
 Не нимфъ и не сиренъ, не птицъ небесныхъ гласъ,

Не царство сладкое и нѣги, и заразъ
Мечталъ найти Ринальдъ, но адъ и мракъ ужасный, 50
Подземные огни и трески громогласны.
Восторженъ, удивленъ, онъ шагъ умѣрилъ свой
И путь остановилъ надъ свѣтлою рѣкой.
Она между луговъ, казалось, засыпала
И въ зеркальныхъ водахъ берега образовала,
Какъ цѣпь чудесная, вокругъ лѣса облегла.
Пространство все ея текущаго кристала
Древа, соплетшися вѣтвями, осѣняли,
Питались влагою и берегъ украшали. 60
На сводахъ мраморныхъ мостъ дивный, весь златой,
Явилъ черезъ рѣку герою путь прямой.
Ринальдъ течетъ по немъ, конца ужъ достигаетъ,
Но сводъ обрушившися мостъ съ трескомъ низвергаетъ.
Кипящiе валы несутъ его съ собой.
Не тихая рѣка, но токъ сей, что весной,
Снѣгами наводненъ, текущими съ вершины,
Шумить и пѣнится въ излучинахъ долины,
Представился тогда Ринальдовымъ очамъ.
Герой спѣшитъ оттолкъ къ безмолвнымъ симъ лѣсамъ 70
Въ вертепы мрачные, обильны чудесами,
Гдѣ всюду подъ его рождалися стопами
(О призракъ волшебства и дивныя мечты!)
Ручьи прохладные и нѣжные цвѣты.
Влюбленный здѣсь нарциссъ въ прозрачный токъ гля-
дится,
Тамъ роза, цвѣтъ любви, на тернiяхъ гордится;
Повсюду древнiй лѣсъ красуется, цвѣтеть,
Видъ юности кора столѣтнихъ липъ беретъ, 80
И зелень новая растенiя вѣнчаетъ.
Роса небесная на вѣтвiяхъ блистаетъ,
Изъ толстыя коры струится свѣтлый медъ.

Любовь живить весь лѣсъ, съ пернатыми поеть,
Вздыхаетъ въ тростникахъ, журчитъ въ ручьяхъ кри-
стальныхъ,

Несется пѣснями, теряясь въ рощахъ дальныхъ,
И тихо съ вѣтеркомъ порхаетъ по цвѣтамъ.

Герой великъ и мудръ, не вѣритъ онъ очамъ

И адскимъ призракамъ въ лѣсу очарованномъ.

Вдругъ видитъ на лугу душистомъ и пространномъ

Высокій миртъ, какъ царь, между деревъ другихъ.

Красуется его чело въ вѣтвяхъ густыхъ,

90

И тѣнь прохладная далеко вокругъ ложится.

Изъ дуба ближняго сирена вдругъ родится,

Волшебствомъ создана. Чудесныя мечты

Пріяли гибкій станъ и образъ красоты.

Одежда у нея, поднятая узлами,

Блеститъ, раскинута надъ бѣлыми плечами.

Сто нимфъ изъ ста деревъ внезапно родились

И всѣ лилейными руками соплелись.

На мертвомъ полотнѣ такъ—кистію чудесной

Изображенный—зримъ подъ тѣнію древесной

100

Ликъ сельскихъ, стройныхъ дѣвъ, собраніе красотъ:

Играютъ рѣзвыя, сплетая въ хороводъ,

Ихъ ризы какъ туманъ, и перси обнаженны,

Ботурны на ногахъ, волосы переплетенны.

Такъ ликъ чудесныхъ нимфъ на мѣсто грозныхъ стрѣлъ

Златыми цитрами и арфами владѣлъ.

Одежды легкія онѣ съ раменъ сложили

И съ пляской, съ пѣніемъ героя окружили.

«О ратникъ юноша, счастливъ на вѣки ты,

«Любимъ владычицей любви и красоты!

110

«Давно, давно тебя супруга ожидала,

«Отчаянна, одна, скиталась и стенала.

«Явился — и съ тобой разцвѣлъ сей дикій лѣсъ,

«Чертогъ унынія, отчаянья и слезъ».

Еще вѣжнѣйшій гласъ изъ мирта издается

И въ душу ратника, какъ нектаръ сладкій, льется.

Въ древнѣйши, баснями обильные вѣка,

Когда и низкій кустъ, и малая рѣка

Дриаду юную иль нимфу заключали,

Столь дивныхъ прелестей внезапно не рождали. 120

Но миртъ раскрылъ себя... О призракъ, о мечты!

Ринальдъ Армиды зреть станъ, образъ и черты,

Къ нему любовница взоръ страстный обращаетъ,

Улыбка на устахъ, въ очахъ слеза блистаетъ,

Всѣ чувства борятся въ пылающей груди,

Вздыхая говоритъ: «Другъ вѣрный мой, приди,

«Отри рукой своей сихъ слезъ горячихъ рѣки,

«Отри и сердце мнѣ свое отдай на вѣки!

«Вѣщай, зачѣмъ притекъ? Блаженство ль хочешь пить,

«Утѣшить сирюю и слезы осушить, 130

«Или вражду принесъ? Ты взоры отвращаешь,

«Меня, любовницу, оружіемъ стращаешь....

«И ты мнѣ будешь врагъ!.... Ужели для вражды

«Воздвигла дивный мостъ, посѣяла цвѣты,

«Ручьями скрасила вертепъ и лѣсъ дремучій

«И на пути твоемъ сокрыла тернъ колючій?

«Ахъ, сбрось сей грозный шлемъ, чело дай зрѣть очамъ,

«Прижмись къ груди моей и къ пламеннымъ устамъ.

«Умри на нихъ, супругъ!.... Сгораю вся тобою,

«Хоть грозною меня не отклони рукою!» 140

Сказала. Слезъ ручей блещитъ въ ея очахъ,

И розы вѣжныя блѣднѣютъ на щекахъ.

Томится грудь ея и тягостно вздыхаетъ;

Печаль красавицѣ пріятства умножаетъ,

Изъ сердца каменна потекъ бы слезъ ручей—

Чувствителенъ, но твердъ герой въ душѣ своей.

Мечъ острый обнажилъ, чтобъ миртъ сразить ударомъ;
 Тутъ, древо защитивъ, рекла Армида съ жаромъ:
 «Убѣжище мое, о варваръ, ты разишь!
 «Нѣтъ, нѣтъ, скорѣе грудь несчастныя пронзишь, 150
 «Упьешься кровію твоей супруги страстной...»
 Ринальдъ разить его... И призракъ вдругъ ужасной,
 Гигантъ, чудовище явилоса предъ нимъ,
 Армиды прелести исчезнули какъ дымъ.
 Сторукій исполинъ, покрытый чешуёю,
 Небесъ касается неистовой главою.
 Горитъ оружіе, звенить на немъ броня,
 Исполнена гортань и дыма, и огня.
 Всѣ нимфы вокругъ его Циклоповъ видъ пріяли,
 Щитами, копиями ужасно застучали. 160
 Безстрашенъ и великъ средъ ужасовъ герой!
 Стократъ волшебный миртъ разить своей рукой:
 Онъ вздрогнулъ подъ мечемъ и стоны испускаетъ,
 Пылаетъ мрачный лѣсъ, громъ трижды ударяетъ,
 Изчадья адскія явились на землѣ,
 И сѣрны молніи взвились въ ужасной мглѣ.
 Ни вѣтръ, ни огонь, ни громъ не ужаснулъ героя...
 Упалъ волшебный миртъ и, бездны адъ закроя,
 Вѣтръ бурный усмирилъ и бурю въ облакахъ,
 И прежняя лазурь явилась въ небесахъ. 170

XXIV.

Посланиѣ графу М. Ю. Велѣурскому.

О ты, владѣющій гитарой трубадура,
 Эраты голосомъ и прелестью Амура,
 Воспомни, милый графъ, счастливы времена,
 Когда насъ — юношей — увидѣла Двина,
 Когда, отвоевавъ подъ знаменемъ Беллоны,
 Подъ знаменемъ любви я началъ воевать
 И новый регламентъ и новые законы

Въ глазахъ прелестницы читать!
 Заря весны моей! Тебя какъ не бывало!
 Но сердце въ той странѣ съ любовью отдыхало, 10
 Гдѣ я узналъ тебя, мой нѣжный трубадуръ!
 Обѣтованный край, гдѣ вѣтреный Амуръ
 Прелестнымъ личикомъ любезный полъ даруетъ,
 Подъ дымкой на груди лилеи образуетъ,
 Какими бъ и у насъ гордилась красота,
 Вливаетъ томный огонь и въ очи, и въ уста,
 А въ сердце юное любви прямое чувство.
 Счастливыя мѣста, гдѣ нравиться искусство

Не нужно для мужей,
 Сидящихъ съ трубками вкругъ угольныхъ огней 20

За сыромъ выписнымъ, за Гамбургскимъ журналомъ,
 Межь тѣмъ какъ жены ихъ, смѣясь подъ опахаломъ,
 «Люблю, люблю тебя!» прищельцу говорятъ
 И руку жмутъ ему коварными перстами!
 О мой любезный другъ, отдай, отдай назадъ
 Зарю прошедшихъ дней и съ прежними бѣдами,

Съ любовью и войной!

Или, волшебникъ мой,

Одушеви мое музыкой пѣснопѣнье,

Вдохни огонь любви въ холодныя слова,

30

Еще отдай стихамъ потеряныя права

И камни приводить въ движеніе,

И горы, и лѣса!

Тогда я съ сильфами взлечу на небеса

И тихо, какъ призракъ, какъ лучъ отъ неба ясный,

Спущусь на берега пологіе Двины

Съ твоей гитарой сладкогласной,

Коснусь волшебныя струны,

Коснусь—и нимфы горъ при мѣсячномъ сіяньи,

Какъ тѣни легкія, въ прозрачномъ одѣяньи,

40

Съ сильванами сойдутъ, услышать голосъ мой,

Наяды робкія, всплывая надъ водой,

Восплещутъ бѣлыми руками,

И майскій вѣтерокъ, проснувшись на цвѣтахъ,

Въ прохладныхъ рощахъ и садахъ

Повѣтъ тихими крилами.

Съ очей прелестныхъ дѣвъ онъ свѣтъ тонкій сонъ,

Отгонитъ легки сновидѣнья

И тихимъ шопотомъ имъ скажетъ: «Это онъ!»

«Вы слышите его знакомы пѣснопѣнья!»

50

XXV.

Отвѣтъ Н. И. Гнѣдичу.

Твой другъ тебѣ на вѣкъ отнынѣ
 Съ рукою сердце отдаетъ:
 Онъ отслужилъ слѣпой богинѣ,
 Бесплодныхъ матери суетъ.
 Увы, мой другъ, я въ дни младые
 Цирцеямъ также отслужилъ,
 Въ карманы заглянулъ пустые,
 Покинулъ миртъ и мечъ сложилъ.
 Пускай, кто честолюбьемъ боленъ,
 Бросаетъ съ Марсомъ огонь и громъ; 10
 Но я—безвѣстностью доволенъ
 Въ Сабинскомъ домигѣ моемъ!
 Тамъ глиняны свои пенаты
 Подъ сѣнью дружней съединимъ,
 Поставимъ брашны не богаты,
 А дни мечтой позолотимъ.
 И если къ намъ любовь заглянетъ
 Въ пріютъ, гдѣ дружбы храмъ святой,
 Увы, твой другъ не перестанетъ
 Еще ей жертвовать собой! 20

Какъ гость, весельемъ пресыщенный,
Роскошный покидаетъ пиръ,
Такъ я, любовью упоенный,
Покину равнодушно мѣръ.

XXVI.

Стихи Е. С. Семеновой.

E in sì bel corpo più cara venia.

Тасосъ, V-я пьеса Освобожденнаго Иерусалима.

Я видѣлъ красоту, достойную вѣнца,
 Дочь добродѣтельную, печальну Антигону,
 Опору слабую несчастнаго слѣпца;
 Я видѣлъ, я внималъ ея сердечну стону —
 И въ рубищѣ простомъ почтенной нищеты
 Узналъ богиню красоты.

Я видѣлъ, я позналъ ее въ Моинѣ страстной,
 Средь сонма древнихъ бардъ, средь копій и мечей;
 Ея гласъ сладостный достигъ души моей,
 Ея взоръ пламенный, всегда съ душой согласной, 10
 Я видѣлъ—и позналъ небесныя черты
 Богини красоты.

О, дарованіи одно другимъ вѣнчанно! ¹⁾
 Я видѣлъ Ксенію, стенищу предо мной:
 Любовь и строгій долгъ владѣютъ вдругъ княжной;
 Боренье всѣхъ страстей, въ ней къ ужасу сліянно,

¹⁾ Дарованіе поэта и актрисы.

Я видѣлъ, чувствовалъ душевной полнотой
И счастливъ сей мечтой!

Я видѣлъ.... и хвалить не смѣлъ въ восторгѣ страст-
номъ.

Но нынѣ, истиной священной вдохновенъ, 20
Скажу: красотъ соборъ въ ней явно съединенъ,
Душа небесная во образѣ прекрасномъ
И сердца добраго всѣ рѣдкія черты,
Безъ коихъ ничего и прелесть красоты.

XXVII.

Кротъ и мышь.

(Басня).

Кротъ мыши разъ сказалъ: «Подруга, ну зачѣмъ
 «На пыльномъ чердакѣ своемъ
 «Царапаешь, грызешь и книги раздираешь,
 А крошки въ нихъ ума и пользы не собираешь?»
 «Что нужды!» мышь въ отвѣтъ, «ума ли я ищу?
 «Я жить хочу».

Не знаю, въ прокъ ли то, но баснь сія уликой
 Тебѣ, обрызганный чернилами Аристъ.
 Зубами ты живешь, голодный журналистъ,
 Да нужды жить тебѣ не видимъ мы великой.

XXVIII.

Мадригалъ новой Сафѣ.

Ты—Сафо, я—Фаонъ; объ этомъ и не спорю:
Но, къ моему ты горю,
Пути не знаешь къ морю.

XXIX.

Мадригалъ Мелинѣ, которая назы-
вала себя нимфою.

Ты нимфа Ю, нѣтъ сомнѣнья,
Но только... послѣ превращенья!

XXX.

Какъ трудно Бибрису со славою ужиться!
Онъ пьетъ, чтобы писать, и пишетъ, чтобъ напиться!

XXXI.

Эпиграмма на переводъ Виргилія.

Вдали отъ храма музъ и рощей Геликона
 Фебъ мстительной рукой сатира задавилъ ¹⁾);
 Воскресъ уродъ и отомстилъ:
 Друзья, онъ душитъ Аполлона!

XXXII.

Эпиграмма.

«Не годенъ ни къ чему Глупническаго журналъ».
 Зоилы дерзкіе, вы ль это говорите?
 Неблагодарные, я развѣ не видалъ,
 Когда бывало вы табакъ со мной курите,
 Когда что завернуть понадобится вамъ,
 Журналъ Глупническаго всегда тутъ пригодится.
 Но я васъ накажу: ни номера не дамъ
 Журнала этого, когда вамъ не заспится.

¹⁾ Въмъ известна участь Марсія.

XXXIII.

Тибуллова элегія III-я.

Изъ III-й книги.

Напрасно осыпалъ я жертвенникъ цвѣтами,
 Напрасно еиміамъ курилъ предъ алтарями,
 Напрасно!... Деліи еще съ Тибулломъ нѣтъ!
 Безсмертны, слышали вы скромный мой обѣтъ?
 Молилъ ли васъ когда о почестяхъ и златѣ,
 Желалъ ли обитать во мраморной палатѣ?
 Къ чему мнѣ пажитей обширная земля,
 Златыми класами вѣнчанная поля
 И стадо кобылицъ, рабами охраненно?...
 О бѣдности молилъ, съ тобою раздѣленной,
 Молилъ, чтобъ смерть меня застала при тебѣ,
 Хоть нища, но съ тобой!... Къ чему желать себѣ
 Богатства Азіи или воловъ дебелыхъ!
 Ужели болѣе мы дней сочтемъ веселыхъ
 Въ садахъ и въ храминахъ, гдѣ дивный рядъ столбовъ
 Изсѣченъ хитростью наемныхъ пришлецовъ,
 Гдѣ все одинъ порфиръ, Тенера и Кариста,
 Помосты мраморны и урны злата чиста,
 Луга пространные, гдѣ силою трудовъ

Легла священна тѣнь отъ кедровыхъ лѣсовъ? 20
 Къ чему эритрскія жемчужины безцѣнны
 И руна тирскія, багрянцемъ напоенны?
 Въ богатствѣ ль счастье? Въ немъ призракъ, тщетный
 видѣ!

Мудрецъ отъ ларь своихъ за златомъ не бѣжитъ,
 Колѣнь предъ случаемъ во вѣкъ не преклоняетъ
 И въ хижинѣ своей съ фортуной обитаетъ.
 И бѣдность, Делія, мнѣ радостна съ тобой!
 Тотъ кровъ соломенный, Тибуллу золотой,
 Подъ коимъ сопряженъ любовію съ тобою,
 Сто кратъ благословенъ!.... Но если предо мною 30
 Безсмертные вѣсовъ судьбы не преклонятъ,
 Утѣшитъ ли тогда сей Римъ, сей пышный градъ?
 Ахъ, нѣтъ! И золото блестящаго Пактола,
 И громкой славы шумъ, и самый блескъ престола
 Безъ Деліи — ничто, а съ ней и куща — храмъ,
 Безвѣстность, нищета завидны небесамъ!

О дочь Сатурнова, услышь мое моленье,
 И ты, любви маты! Когда же Паркъ сужденье,
 Когда суровыхъ сестръ противно вретено,
 И Деліей владѣть Тибуллу не дано, 40
 Пускай теперь сойду во области Плутона,
 Гдѣ блата топкія и воды Ахерона
 Широкой цѣпью вокругъ ада облежатъ,
 Гдѣ безпробуднымъ сномъ печальны тѣни спать.

XXXIV.

Видѣніе на берегахъ Леты.

Ma muse sage et discrète
Sait de l'homme d'honneur distinguer le poète.

Boileau.

Вчера, Бобровымъ утомленный,
Заснулъ и видѣлъ чудный сонъ:
Какъ будто свѣтлый Аполлонъ,
За что не знаю прогнавленный,
Поэтамъ нашимъ смерть изрекъ.
Изрекъ — и всѣ упали мертвы
Невинны Аполлона жертвы.
Иной изъ нихъ окончилъ вѣкъъ,
Сидя на чердакѣ высокомъ
Въ издранномъ шлафорѣ широкомъ,
Голодень, нагъ и утомленъ
Упрямой риемой къ свѣтлу небу.
Другой, въ Цитеру принесенъ,
Красу умильную, какъ Гебу,
Хотѣлъ въ жару насильно..... пѣть
И пѣлъ безъ чувствъ въ концѣ эклоги.
Вездѣ, о милосерды боги,

10

Вездѣ пируетъ алчна смерть,
 Косою острой быстро машетъ,
 Богату ниву аду пашетъ 20
 И губить Фебовыхъ дѣтей,
 Какъ вѣтръ осенній злакъ полей.

Межъ тѣмъ въ Элизіи священномъ,
 Лавровымъ лѣсомъ осѣненнымъ,
 Подъ шумомъ Касталійскихъ водъ,
 Пѣвцовъ нечаянный приходъ
 Узналъ почтенный Ломоносовъ,
 Херасковъ, честь и слава Россовъ,
 Честолюбивый Фебовъ сынъ,
 Насмѣшникъ, грозный бичъ пороковъ, 30
 Замысловатый Сумароковъ
 И, Мельпомены другъ, Княжнинъ.
 И ты сидѣлъ въ толпѣ избранной,
 Стыдливой граціей вѣнчанной,
 Пѣвецъ прелестныя мечты,
 Между Псишей легкокрылой
 И бога нѣжной красоты!
 И ты тамъ былъ, наѣздникъ хилой
 Строптивя дѣвственницъ сѣдла,
 Трудолюбивый какъ пчела, 40
 Отецъ стиховъ Тилемахиды!
 И ты, что сотворилъ обиды
 Венерѣ дѣвственной, Барковъ!
 И ты, о мой пѣвецъ незлобный,
 Хемницеръ, въ басняхъ неподобный!
 Всѣ словомъ, коихъ богъ пѣвцовъ
 Вѣнчалъ безсмертія лучами,
 Сидѣли тамъ оливъ въ тѣни,
 Обнявшись съ прежними врагами;

Но спорили еще они 50
 О томъ, о семъ и не безъ шума.
 (И въ раѣ—думаю—у насъ
 У всякаго своя есть дума,
 Разсудокъ свой и вкусъ, и глазъ).
 Садилась всѣ за пиръ богатый,
 Какъ вдругъ Маинъ сынъ крылатый,
 Присланный вышнимъ божествомъ,
 Сказалъ сидящимъ за столомъ:
 «Сюда, на берегъ тихой Леты,
 «За мной идутъ толпой поэты. 60
 «Они въ рѣкѣ сей погрузятъ
 «Себя и вмѣстѣ юныхъ чадъ.
 «Здѣсь опытъ будетъ правосудный:
 «Стихи и проза безразсудны
 «Потонутъ въ мигъ.... Такъ Фебъ судилъ!»
 Сказалъ Эрмій и силой криль
 Отъ ада къ небу воспарилъ.

«Ага», фонъ-Визинъ молвилъ братьямъ,
 «Здѣсь будетъ встрѣча не по платьямъ,
 «Но по заслугамъ и уму». 70
 «Да много ли», въ отвѣтъ ему
 Сказалъ смѣясь Сумароковъ,
 «Пѣвцовъ найдете безъ пороковъ?
 «Поглотитъ Леты всѣхъ струя,
 «Поглотитъ всѣхъ, иль я не я!»
 «Посмотримъ», продолжалъ въ полгласа
 Пѣвецъ, проклятый отъ Парнасса ¹⁾,
 «Егда прійдутъ».... Но вотъ они,
 Подобно какъ въ осенни дни ²⁾

¹⁾ Тредіаковскій.

²⁾ Смори VI-ю пѣснь Энеиды.

Поблекши листвія древесны, 80
 Что буря въ долахъ разнесла,
 Такъ тѣнямъ симъ не вѣсть числа!
 Идутъ толпой въ ущелья тѣсны
 Къ рѣкѣ забвенія стиховъ,
 Идутъ подъ бременемъ трудовъ;
 Безгласны, блѣдны приступаютъ,
 Любезныхъ дѣтицей купаютъ....
 И болѣе не зрятъ въ волнахъ.
 Но тутъ Миносъ, пѣвцамъ на страхъ,
 Старикъ угрюмый и курносый, 90
 Чинить расправу и вопросы:
 «Кто ты? Вѣщай!» «И тотъ поэтъ,
 «По счастью очень плодовитый»,
 Былъ тѣни маленькой отвѣтъ,
 «Я тотъ, вѣнками розъ увитый,
 «Поэтъ, философъ, педагогъ,
 «Который задушилъ Virgилія,
 «Алкею окоротилъ крилья,
 «Я здѣсь: сего бо хочетъ богъ
 «И долгъ священныя природы...» ¹⁾ 100
 «Кто ты, болтунъ?» «Я Мер-зля-ковъ».....
 «Ступай и окунися въ воды!»
 «Иду... Во мнѣ вся мерзнетъ кровь...
 «Душа всего, душа природы,
 «Спаси... спаси меня, любовь!
 «Авось!...» «Нѣтъ, нѣтъ, болтунъ несчастный»,
 Сказалъ ему Эротъ прекрасный,
 Который тутъ съ Псишеей былъ ²⁾,
 «Ступай, пошелъ!...» И нѣтъ педанта!

¹⁾ Полустишіе, взятое изъ прекраснаго сочиненія г. Мерзлякова: Тѣнь Букова, котораго никто не понимаетъ.

²⁾ Г. Мерзляковъ продолжилъ, какъ видно, Душеньку. Амуръ въ стихахъ его на сорока страницахъ плачетъ.

«Кто ты?» спросилъ допрощикъ тѣнь,
 Несущу связку фоліанта. 110
 «Увы, я цѣлу ночь и день
 «Писалъ, пишу и вѣчно буду
 «Писать все прозой безъ еровъ;
 «Невиненъ я. На эту грудь
 «Смотри: здѣсь тысячи листовъ,
 «Священной пылию покрытыхъ,
 «Печатью мелкою убитыхъ,
 «И нѣтъ ера ни одного.
 «Да я».... «Скорѣй купать его!» 120

Но тутъ явились лица новы
 Изъ бѣлокаменной Москвы.
 Какія странныя обновы!
 Отъ самыхъ ногъ до головы
 Обшиты платя ихъ листьями,
 Гдѣ прозой дѣтской и стихами.
 Иной — кладбище, мавзолей,
 Другой — журналъ души своей,
 Другой — Меланію, Зюльмису,
 Глафиру, Хлою, Миликтрису, 130
 Луну, веспера, голубковъ,
 Барановъ, кошекъ и котовъ ¹⁾
 Воспѣлъ въ стихахъ своихъ унылыхъ
 На всякій ладъ для женщинъ милыхъ...
 О вѣкъ желѣзный!... А онѣ
 Не только въ явѣ, но во снѣ
 Поэтовъ не видали бѣдныхъ.
 Изъ этихъ лицъ уныло-блѣдныхъ
 Одинъ, причесанный въ тупей,

¹⁾ Это все, даже и кошки, воспѣты въ Москвѣ. Ссылаюсь на журналы.

Поэтъ присяжный, князь вралей, 140
На судъ явилъ творенья новы.

«Кто ты?» «Увы, я пастушокъ,
«Вздохатель, всегда готовый;
«Вотъ мой баранъ и посошокъ,
«Вотъ мой букетъ цвѣтовъ тафтяныхъ,
«Вотъ списокъ всѣхъ красотъ упрямыхъ,
«Которыми дышалъ и жилъ,
«Которымъ я насильно милъ;
«Вотъ мой Амуръ, моя Аглая...¹⁾
Сказалъ и, тягостно зѣвая, 150
Съ просонья въ Лету поскользнулъ.

«Уфъ, я усталъ! Подайте стулъ!
«Позвольте мнѣ, я очень славенъ,
«Безсмертенъ я — пока забавенъ!»
«Кто жъ ты?» «Я Русскій и поэтъ!²⁾
«Бѣгомъ бѣгу, лечу за славой,
«Разсудокъ не имѣю здравой,
«Да русское люблю душой;
«Для Русскихъ правъ мой толкъ кривой».
«Кто жъ ты?» «Жанъ-Жакъ я русскій, 160
«Расинъ и Юнгъ, и Локкъ я русскій;
«Три драмы русскихъ сочинилъ
«Для Русскихъ. Нѣтъ ужъ больше силъ
«Писать для Русскихъ драмы слезны;
«Труды мои всѣ бесполезны!
«Причина порча нравовъ въ томъ».
Сказалъ—и бухъ въ рѣку потомъ.

¹⁾ Аглая—вовсе не грація, а журналъ князя Шаликова.

²⁾ Нѣкто въ Москвѣ, а не въ Певнѣ, издаетъ журналъ для Русскихъ.

Тутъ Сафы русскія печальны,
 Какъ бабки наши повивальны,
 Несли расплаканныхъ дѣтей. 170

Одна—прости Богъ эту даму!

Несла уродливую драму,

Позоръ для ада и мужей,

У коихъ сочиняють жены.

«Вотъ мой Густавъ, герой влюбленный!»

«Ага!» судья пѣвицѣ сей,

«Названья этого довольно!

«Сударыня, мнѣ очень больно,

«Что вы, забывъ послѣдній стыдъ,

«Убили драмою Густава. 180

«Въ рѣку, въ рѣку!»... О жалкій видъ!

О тщетная поэтовъ слава!

Изчезла Сафо! Нѣтъ ея!....

Потомъ, за нею обѣ дамы,

На дамъ живыя эпиграммы,

Хватившись за покровъ ея,

Совсѣмъ имъ не въ приличномъ видѣ

(Скажу пѣвицамъ не къ обидѣ),

Нырнули въ глубь туманныхъ водъ.

«Кто ты?» «Я виноносный геній! 190

«Поэмы три да сотню одъ,

«Гдѣ всюду ночь, гдѣ всюду тѣни,

«Гдѣ роща ржуща ружій ржотъ ¹⁾,

«Писалъ съ заказа Глазунова

«Всегда на срокъ.... Что вижу я?

«Здѣсь рѣетъ между водъ ладыя,

«А тамъ въ разрывахъ черна крова

¹⁾ Стихъ изъ сочиненій г. Боброва.

«Уранія, душа сихъ сферъ,
 «И всѣ титаны ледовиты,
 «Прозрачной мантией покрыты, 200
 «Слезять..... Изсякнулъ изувѣръ
 «Отъ взора пламенной эгиды!»
 Одинъ отецъ Тилемахиды
 Слова сіи умѣлъ понять.
 На томъ берегу рѣки забвенья
 Стояли тѣни въ изумленьи
 Отъ рѣчи сей. «Изволь купать
 Себя и всѣхъ своихъ уродовъ»,
 Сказалъ, не слушая доводовъ,
 Угрюмый адскій судія. 210
 «Да всѣхъ поглотитъ васъ струя!»

Но вдругъ на адскій берегъ дикій
 Призракъ чудесный и великій
 Въ обширномъ дѣдовскомъ возкѣ
 Тихонько тянется къ рѣкѣ.
 На мѣсто клячей запряженны
 Тамъ люди, въ хомуты вложенны,
 И тянутъ кое-какъ гужомъ.
 За нимъ, какъ въ осень трутни праздны
 Крылатымъ въ воздухѣ полкомъ, 220
 Летятъ толпою тѣни разны
 И тамъ и сямъ. По слову: стой!
 Бивнула блѣдна тѣнь главой
 И вышла съ кашлемъ изъ повозки.
 «Кто ты?» спросилъ ее Миносъ,
 «И кто сіи?» На сей вопросъ:
 «Мы академіи поэты росски»,
 Сказала тѣнь. «Но кто сіи
 «Несчастливы, въ клячей превращенны?»

«Сочлены юные мои, 230
 «Любовью къ славѣ воспаленны.
 «Они Пожарскаго поютъ
 «И топятъ старца Гермогена;
 «Ихъ мысль на небеса вперенна,
 «Слова жь изъ Библии берутъ.
 «Стихи ихъ хоть немножко жестки,
 «Но истинно варяго-росски».
 «Да кто жь ты самъ?» «Я также члень,
 «Кургановымъ писать ученъ,
 «Извѣстенъ сталъ не пустяками, 240
 «Терпѣньемъ, по́томъ и трудами.
 «Я есмь зѣло славенофилъ».
 Сказалъ и книгу растворилъ.
 При словѣ семъ въ блаженной сѣни
 Поэтовъ приподнялись тѣни.
 Пѣвецъ Любовныя Ъзды
 Осклабилъ взоръ усмѣшкой блудной ¹⁾
 И рекъ: «Въ мужѣхъ умомъ не скудной,
 «Обрѣтшій рѣдки красоты
 «И смыслъ въ моей Деидаміи, 250
 «Се ты, се ты!».... «Слова пустыя!»
 Угрюмый судія сказалъ
 И въ рѣку путь имъ показалъ.
 Къ рѣкѣ всѣ двинулись толпою,
 Ныряли всячески въ водахъ;
 Тотъ книжку потопилъ въ струяхъ,
 Тотъ цѣлу книжищу съ собою.
 Одинъ, одинъ славенофилъ,
 И то повыбившись изъ силъ,
 За всѣхъ трудовъ своихъ громаду, 260

¹⁾ Блудная усмѣшка истолкована въ Ъздѣ на островъ любви.

За твердый умъ и за дѣла
Вкусилъ безсмертія награду.

Тутъ тѣнь къ Миносу подошла
Неряхой и въ нарядѣ странномъ:
Въ широкомъ шлафорѣ издранномъ,
Въ пуху, съ нечесанной главой,
Съ салфеткой, съ книгой подъ рукой.
«Меня въ расплохъ», она сказала,
«Въ обѣдъ нарочно смерть застала,
«Но съ вами я опять готовъ
«Еще хоть сызнава отвѣдать
«Вина и адскихъ пироговъ:
«Теперь же часъ, друзья, обѣдать.
«Я вамъ знакомый, я Крыловъ»¹⁾.
«Крыловъ, Крыловъ!» въ одно вскричало
Собранье шумное духовъ,
И эхо глухо повторяло
Подъ сводомъ адскимъ: «Здѣсь Крыловъ!»
«Садись сюда, пріятель милый!
«Здоровъ ли ты?» «И такъ и сякъ».
«Ну что жъ ты дѣлалъ?» «Все пустякъъ:
«Тянулъ тихонько вѣкъ унылый,
«Пилъ, сладко ѣлъ, а болѣ спалъ.
«Ну вотъ, Миносъ, мои творенья;
«Съ собой я очень мало взялъ:
«Комедіи, стихотворенья,
Да басни всѣ». «Купай, купай!»
О чудо!... Всплыли всѣ! И вскорѣ
Крыловъ, забывъ житейско горе,
Пошелъ обѣдать прямо въ рай.

270

280

290

¹⁾ Крыловъ познакомился съ духами черезъ Почту духовъ.

Еще продлилось сновидѣнье,
Но ваше длится ли терпѣнье
Дослушать до конца его?
Болтать, друзья, неосторожно:
Другаго и обидѣть можно,
А Боже упаси того!

XXXV.

Э п и т а ф і я.

Не нужны надписи для камня моего,
Скажите просто здѣсь: онъ былъ и нѣтъ его!

XXXVI.

Воспоминанія 1807 года.

Мечты, повсюду вы меня сопровождали
 И мрачной жизни путь цвѣтами устилали!
 Какъ сладко я мечталъ на Гейльбергскихъ поляхъ,
 Когда весь станъ дремалъ въ покоѣ,
 И ратникъ, опершись на копіе стальное,
 Въ усталости почилъ! Луна на небесахъ
 Во всемъ величїи блистала
 И низкій мой шалашъ сквозь вѣтви освѣщала.
 Аль свѣтлый чутъ струю лѣнивую катилъ
 И въ зеркальныхъ водахъ являлъ весь станъ и рощи; ю
 Едва дымился огонь въ часы туманной ноши
 Близъ кущи ратника, который сномъ почилъ.
 О Гейльбергски поля, о холмы возвышенны,
 Гдѣ столько разъ въ ночи, луною освѣщенный,
 Я, въ думу погруженъ, о родинѣ мечталъ!
 О Гейльбергски поля, въ то время я не зналъ,
 Что трупы ратниковъ устелютъ ваши нивы,
 Что мѣдной челюстью громъ грянетъ съ сихъ холмовъ,
 Что я, мечтатель вашъ счастливый,
 На смерть летя противъ враговъ, 20
 Рукой закрывъ тяжелу рану,

Едва ли на зарѣ сей жизни не увяну!
 И буря дней моихъ исчезла какъ мечта,
 Осталось мрачно воспоминање....

Между протекшаго есть вѣчная черта:
 Насъ сблизить съ нимъ одно мечтанье.

Да оживлю теперь я въ памяти своей
 Сію ужасную минуту,
 Когда, болѣзнь вкушая люту
 И видя сто смертей, 30

Боялся умереть не въ родинѣ моей!
 Но небо, внявъ моимъ моленіямъ усерднымъ,
 Взглянуло окомъ милосердымъ:

Я, Нѣманъ переплывъ, узрѣлъ желанный край
 И, землю лобызавъ съ слезами,
 Сказалъ: Блаженъ стократъ, кто съ сельскими богами,
 Спокойный домосѣдъ, земной вкушаетъ рай
 И, шага не ступя за хижину убогу,
 Къ себѣ богиню быстроногу
 Въ молитвахъ не зоветъ! 40
 Не слѣпъ ко славѣ онъ любовью,

Не жертвуетъ своимъ спокойствіемъ и кровью,
 Могилу зрить свою и тихо смерти ждетъ.

.
 Семейство мирное, уже ль тебя забуду
 И дружбѣ и любви неблагодаренъ буду!
 Ахъ, мнѣ ли позабыть гостепріимный кровъ,
 Въ сѣни домашнихъ гдѣ боговъ
 Усердный эскулапъ божественной наукой
 Исторгъ изъ-подъ косы и дивно изцѣлилъ
 Меня, борющагось уже съ смертельной мукой! 50
 Ужели я тебя, красавица, забылъ,
 Тебя, которую я врѣлъ передъ собою,

Какъ утѣшителя, какъ ангела добра!
 Ты, Геба юная, лилейною рукою
 Сосудъ миѣ подала: «Пей здравье и любовь!»
 Тогда, казалось, сама природа вновь

Со мною воскресала
 И новой зеленью вѣнчала
 Долины, холмы и лѣса.

Я помню утро то, какъ слабою рукою, 60
 Склонясь на костыли, поддержанный тобою,
 Я въ первый разъ узрѣлъ цвѣты и дерева....
 Какое счастье съ весной воскреснуть ясной!
 (Въ глазахъ любви еще прелестнѣе весна).

Я, восхищенъ природой красной,
 Сказалъ Эмилии: «Ты видишь, какъ она,
 «Расторгнувъ зимній мразъ, съ весною оживаетъ,
 «Съ ручьемъ шумитъ въ лугахъ и съ розой разцвѣ-
таеть;

«Что бѣ было безъ весны?... Подобно такъ и я
 «На утрѣ дней моихъ увялъ бы безъ тебя!» 70
 Тутъ, грудь кропя горячими слезами,
 Соединивъ уста съ устами,
 Всю чашу радости мы выпили до дна.

Увы, исчезло все, какъ прелесть сладка сна!
 Куда дѣвались восторги, лобызанья
 И вы, таинственны во тьмѣ ночной свиданья,
 Гдѣ, заключа ея въ объятіяхъ моихъ,
 Я не завидывалъ судьбѣ боговъ самихъ!.....

Теперь я, съ нею разлученный,
 Считаю скукой дни, цѣпь горестей влачу. 80
 Воспоминанія, лишь вами окриленный,
 Къ ней мыслю лечу,
 И въ часъ туманной полуночи

Мечтой обворожены очи,
Какъ призракъ, красоту въ одеждѣ легкой зрять,
Ея и станъ, и взглядъ;
Я къ ней объятія въ восторгѣ простираю.....
И тѣнь лишь обнимаю.

XXXVII.

Къ И. А. Петину.

О любимецъ бога брани,
 Мой товарищъ на войнѣ!
 Я платилъ съ тобою дани
 Богу славы не однѣ:
 Ты на киверѣ почтенномъ
 Лавры съ миртомъ сочеталъ,
 Я въ углу уединенномъ
 Незабудки собиралъ.
 Помнишь ли, питомецъ славы,
 Индесальми страшну ночь? 10
 Не люблю такой забавы,
 Молвилъ я, и съ музой прочь!
 Между тѣмъ какъ ты штыками
 Шведовъ за лѣсъ провожалъ,
 Я геройскими руками...
 Ужинъ вамъ приготовлялъ.
 Счастливъ ты, шалунъ любезный,
 И въ Цитерской сторонѣ;
 Я же, всюду бесполезный
 И въ любви, и на войнѣ, 20

Время жизни въ сукѣ трачу—
 За крилатый счастья мигъ,
 Ночь зѣваю, утромъ плачу
 Объ утратѣ сновъ моихъ.
 Тщетны слезы! Мнѣ готова
 Цѣпь, сотканна изъ суетъ;
 Отъ родительскаго крова
 Я опять на морѣ бѣдъ.
 Мой челнокъ любовь слѣпая
 Править дѣтскою рукой, 30
 Между тѣмъ какъ лѣнь зѣвая
 На кормѣ сидитъ со мной.
 Можетъ быть, какъ быстра младость
 Убѣжитъ отъ насъ бѣгомъ,
 Я возьмусь за умъ, да радость
 Уживется ли съ умомъ?
 Ахъ, почто же мнѣ заранѣ,
 Другъ любезный, унывать?
 Вся судьба моя въ стаканѣ!
 Станемъ пить и воспѣвать: 40
 Счастливъ, счастливъ, кто цвѣтами
 Дни любви украшалъ,
 Пѣлъ съ безпечными друзьями,
 А о счастіи мечталъ!
 Счастливъ онъ, и втрое болѣ
 Всѣхъ вельможей и царей!
 Такъ давай, въ безвѣстной долѣ,
 Чужды рабства и цѣпей,
 Кое-какъ тянуть жизнь нашу,
 Часто съ горемъ пополамъ, 50
 Наливать полнѣе чашу
 И смѣяться дуракамъ!

XXXVIII.

На переводъ Генріады или превра-
щеніе Вольтера.

«Что это!» говорилъ Плутонъ,
«Остановился Флегетонъ,
«Мегера, Фуріи и Церберъ онѣмѣли,
«Внимая пѣнью твоему,
«Пѣвецъ безсмертный Габріели?
«Умолкни!... Но сему
 «Безбожнику въ награду
«Поищемъ страшныхъ мукъ, ужасныхъ даже аду,
 «Содѣлаемъ его
 «Гнуснѣе самого
 «Сизифа злова!»
Сказалъ и превратилъ—о ужась!—въ Ослякова.

XXXIX.К ъ М а ш ѣ.

О радуйся, мой другъ, прекрасная Марія!
Ты прелестей полна, любви и ума,
Съ тобою граціи, ты грація сама.
Пусть Парки въ вѣкъ прядутъ тебѣ часы златые!
Амуръ тебя благословилъ,
А я—какъ ангелъ говорилъ.

XL.**Веселый часъ.**

Вы, други, вы опять со мною,
 Подъ тѣнью тополей густою,
 Съ златыми чашами въ рукахъ,
 Съ любовью, съ дружбой на устахъ!

Други, сядьте и внимлите
 Музы ласковой совѣтъ.
 Вы счастливо жить хотите
 На зарѣ весеннихъ лѣтъ?
 Отгоните призракъ славы,
 Для веселья и забавы
 Сѣйте розы на пути!
 Скажемъ юности: лети,
 Жизнью дай лишь насладиться,
 Полной чашей радость пить!
 Ахъ, не долго веселиться
 И не вѣки въ счастья жить!

10

Но вы, о други, вы со мною,
 Подъ тѣнью тополей густою,

Съ златыми чашами въ рукахъ,
Съ любовью, съ дружбой на устахъ!

20

Станемъ, други, наслаждаться,
Станемъ розами вѣнчаться...
Лиза, сладко пить съ тобой,
Съ нимфой рѣзвой и живой!
Ахъ, обнимемся руками,
Съединимъ уста съ устами,
Души въ пламени сольемъ,
То воскреснемъ, то умремъ!...

Вы ль, други милые, со мною,
Подъ тѣнью тополей густою,
Съ златыми чашами въ рукахъ,
Съ любовью, съ дружбой на устахъ?

30

Я, любовью упоенной,
Васъ забылъ, мои друзья!
Какъ сквозь облакъ вижу темной
Чаши золотой края!
Лиза розою пылаетъ,
Грудь любовію полна;
Улыбаясь наливаетъ
Чашу свѣтлаго вина.
Мы потопимъ горестъ нашу,
Други, въ эту полну чашу,
Выпьемъ разомъ и до дна
Море свѣтлаго вина!

40

Друзья, ужь мѣсяцъ надъ рѣкою,
Почили рощи сладкимъ сномъ;
Но намъ ли здѣсь искать покою

Съ любовью, съ дружбой и виномъ!
 О радость, радость! Вакхъ веселой
 Толпу утѣхъ сзываетъ къ намъ; 50
 А тутъ въ одеждѣ легкой, бѣлой
 Эрато гимнъ поетъ друзьямъ:
 «Часы крилаты, не летите
 «И счастье мигомъ хоть продлите!»
 Увы, бѣгутъ счастливы дни,
 Бѣгутъ, летятъ стрѣлой они!
 Ни лѣнь, ни счастья наслажденья
 Не могутъ ихъ сдержать стремленья,
 И время сильною рукой
 Погубить радость и покой. 60
 Луга веселые, зелены,
 Ручьи кристальные и садъ,
 Гдѣ мшисты дубы, древни клены
 Сплетають вѣчну тѣнь прохладъ,
 Уже ль васъ зрѣть не буду болѣ?
 Уже ли тамъ, на ратномъ полѣ,
 Судилъ мнѣ рокъ сномъ вѣчнымъ спать?
 Свирѣль и чаша золотая
 Тамъ будутъ въ прахѣ истлѣвать,
 Покроетъ ихъ трава густая, 70
 Покроетъ, и ни чьей слезой
 Забвенный прахъ не окропится...
 Заранѣ должно ли крушиться?
 Умру, и все умретъ со мной!..
 Но вы еще, друзья, со мною,
 Подъ тѣнью тополей густою,
 Съ златыми чашами въ рукахъ,
 Съ любовью, съ дружбой на устахъ!

XLI.

П р и в и д ѣ н і е.

(Изъ Парня).

Посмотрите: въ двадцать лѣтъ
 Блѣдность щеки покрываетъ,
 Съ утромъ вянетъ жизни цвѣтъ,
 Парка дни мои считаетъ
 И отсрочки не даетъ!
 Что же медлить? Вѣдь Зевеса
 Плачь и стонъ не укротить,
 \ Смерти мрачной занавѣса
 \ Упадетъ, и я забыть!
 Я забыть... Но изъ могилы,
 Если можно воскресать,
 Я не стану, другъ мой милый,
 Какъ мертвецъ, тебя пугать.
 Въ часъ полуночныхъ явленій
 Я не стану въ видѣ тѣни
 То внезапно, то тишкомъ
 Съ воплемъ въ твой являться домъ.
 Нѣтъ, по смерти, невидимкой
 Буду вокругъ тебя летать,

На груди твоей подъ дымкой
 Тайны прелести лобзать;
 Стану всюду развѣвать
 Легкимъ устъ прикосновеньемъ,
 Какъ зефира дуновеньемъ,
 Отъ каштановыхъ волосъ
 Тонкiй запахъ свѣжихъ розъ.
 Если лилiя листьями
 Ко груди твоей прильнетъ,
 Если яркими лучами
 Въ камелькѣ огонь блеснетъ,
 Если пламень потаенной
 По ланитамъ пробѣжалъ,
 Если поясъ сокровенной
 Развязался и упалъ,—
 Улыбнися, другъ безцѣнной,
 Это я!.. Когда же ты,
 Сномъ закрывъ прелестны очи,
 Обнажишь во мракѣ ночи
 Розъ и лилiй красоты,
 Я вздохну, и гласъ мой томной,
 Арфы голосу подобной,
 Тихо въ воздухѣ умретъ.
 Если жъ легкими крылами
 Сонъ глаза твои сомкнетъ,
 Я невидимо съ мечтами
 Стану плавать надъ тобой.
 Сонъ твой, Хлоя, будетъ дологъ,
 Но когда блеснетъ сквозь пологъ
 Лучъ денницы золотой,
 Ты проснешься... О блаженство!
 Я увижу совершенство,
 Тайны прелести красоть,

Гдѣ самъ пламенный Эроть,
 Оттѣнилъ рукой своею
 Розой дѣвственну лилею.
 Все опять въ моихъ глазахъ,
 Всѣ покровы исчезаютъ...
 Часъ блаженнѣйшій!..... Но, ахъ,
 Мертвые не воскресаютъ!

XLII.

Стихи на смерть Даниловой, танцовщицы С.-Петербургскаго Императорскаго театра ¹⁾.

Вторую Душеньку, или еще прекраснѣй,
 Еще, еще опаснѣй,
 Межъ Терпсихориныхъ любимицъ усмотрѣвъ,
 Венера не могла скрыть жестокой гнѣвъ:
 Съ мольбою къ Паркамъ приступила
 И насъ Даниловой лишила.

С.-Петербургъ.

¹⁾ Она представляла Пенгею въ славномъ балетѣ: Амуръ и Психея.

XLIII.

Тибуллова элегія X-я изъ J-й книги.

(Вольный переводъ).

Кто первый изострилъ желѣзный мечъ и стрѣлы?
 Жестокій, онъ изгналъ въ безвѣстные предѣлы
 Миръ сладостный и въ адъ открылъ обширный путь!
 Но онъ виновенъ ли, что мы на ближнихъ грудь
 За золото, за прахъ желѣзо устремляемъ,
 А не чудовищей имъ дикихъ поражаемъ?
 Когда на пиршествахъ стоялъ сосудъ святой
 Изъ буковой кѣры межъ утвари простой,
 И столъ былъ отягченъ избыткомъ сельскихъ брашенъ,
 Тогда не знали мы щитовъ и твердыхъ башенъ, 10
 И пастырь близъ овецъ спокойно засыпалъ,
 Тогда бы дни мои я радостями считалъ,
 Тогда бъ не чувствовалъ невольно трепетанья
 При гласѣ бранныхъ трубъ! О тщетное мечтанье!
 Я съ Марсомъ на войнѣ: быть можетъ, лукъ тугой
 Натянутъ на меня пернатою стрѣлой....
 О боги, сей ударъ вы мимо пронесите,
 Вы, лары отчески, отъ гибели спасите,
 И вы, хранившіе меня въ тѣни своей,

Въ безпечности златой отъ колыбельныхъ дней, 20
 Не постыдитесь, что ликъ боговъ священный,
 Изсѣченный изъ пня и пылью покровенный,
 Въ жилищѣ праотцевъ уединенъ стоитъ!
 Не знали смертные ни злобы, ни обидъ,
 Ни клятвъ нарушенныхъ, ни почестей, ни злата,
 Когда священный ликъ домашняго пената
 Еще скудельный былъ на пепелищѣ ихъ!
 Онъ благодатенъ намъ, когда изъ чашъ простыхъ
 Мы учинимъ предъ нимъ обильны возліанья,
 Иль на чело его, въ знакъ мирнаго вѣнчанья, 30
 Возложимъ мы вѣнки изъ миртовъ и лилей;
 Онъ благодатенъ намъ, сей мирный богъ полей,
 Когда на празднествахъ, въ дни майскіе веселы,
 Съ толпою чадъ своихъ оратай престарѣлый
 Опрѣсноки ему священны принесетъ,
 А дѣвы красныя—изъ улья чистый медъ.
 Спасите жъ вы меня, отеческіе боги,
 Отъ копій, отъ мечей! Вамъ даръ несу убогій—
 Кошницу полную Церериныхъ даровъ, 40
 А въ жертву—сей олень, краса моихъ луговъ.
 Я самъ, увѣнчанный и въ ризы облеченный,
 Явлюсь на утріе предъ вашъ олтарь священный.
 Пускай—скажу—въ поляхъ неистовый герой,
 Обрызганъ кровію, выигрываетъ бой,
 А мнѣ—пусть благи сей буду я достоинъ!—
 О подвигахъ своихъ расскажетъ древній воинъ,
 Товарищъ юности, и сидя за столомъ,
 Мнѣ лагерь начертитъ веселыхъ чашъ виномъ.
 Почто же вызывать намъ смерть изъ царства тѣни,
 Когда въ подземный домъ вездѣ равны ступени? 50
 Она, какъ тать въ ночи, невидимой стопой,
 Но быстро гонится и всюду за тобой

И низведетъ тебя въ тѣ мрачныя вертепы,
 Гдѣ лаеетъ адскій пѣсь, гдѣ фуріи свирѣпы
 И кормчій въ челнокѣ на Стиксовыхъ водахъ.
 Тамъ тѣней блѣдный полкъ толпится на брегахъ,
 Власы обожжены, и впалы ихъ ланиты!...
 Хвала, хвала тебѣ, оратай домовитый!
 Твой вечерѣтъ вѣкъ средь счастливой семьи;
 Ты самъ въ тѣни дубравъ пасешь стада свои; 60
 Супруга между тѣмъ трапезу учреждаетъ,
 Для омовенья ногъ сосуды нагрѣваетъ
 Съ кристальною водою. О боги, еслибъ я
 Узрѣлъ еще мои родительски поля!
 У свѣтлаго огня, съ подругою младою,
 Я бѣ юность вспомянулъ за чашей круговою,
 И были, и дѣла давно протекшихъ дней!
 Сынъ неба, свѣтлый Миръ, ты самъ среди полей
 Вола дебелаго ярмомъ отягощаешь,
 Ты благодать свою на нивы проливаешь 70
 И въ отческій сосудъ, наслѣдіе сыновъ,
 Ліешь багряный сокъ изъ Вакховыхъ даровъ!
 Въ дни мира острый плугъ и заступъ намъ священны,
 А мечъ, кровавый мечъ и шлемы оперенны
 Снѣдаетъ ржавчина безмолно на стѣнахъ.
 Оратай изъ лѣсу тамъ ѣдетъ на волахъ
 Съ женою и съ дѣтьми, виномъ развеселенный.
 Дни мира, вы любви игривой драгоцѣнны!
 Подъ знаменемъ ея воюемъ съ красотой.
 Ты плачешь, Ливія? Но побѣдитель твой, 80
 Смотри, у ногъ твоихъ колѣна преклоняетъ.
 Любовь коварная украдкой подступаетъ,
 И вотъ ужъ среди васъ размолвившихъ сидитъ.
 Пусть молнія боговъ безщадно поразитъ
 Того, кто красоту обидѣлъ на сраженьи!

Но счастливъ, если могъ въ минутномъ изступленьи
Вѣнокъ на волосахъ каштановыхъ измять
И поясъ невзначай у дѣвы развязать!
Счастливъ, три кратъ счастливъ, когда твои угрозы
Исторгли изъ очей любви безцѣнны слезы! 90
А ты, взлелѣянный межъ кошій и мечей,
Бѣги, кровавый Марсъ, отъ нашихъ алтарей!

XLIV.

Извѣстный откупщикъ Оадѣй
 Построилъ Богу храмъ... и совѣсть успокоилъ.
 И впрямъ! На все цѣны удвоилъ:
 Далъ Богу мѣдный грошъ, а сотни взялъ рублей
 Съ людей.

XLV.

Теперь, сего же дня,
 Прощай, мой экипажъ и рыжихъ четверня,
 Лизета, ужины... Я съ вами распрощался
 На вѣкъ для мудрости святой!
 «Что сдѣлалось съ тобой?»
 Бездѣлка.... Проигрался!

XLVI.

Въ день рожденія №.

О ты, которая была
 Утѣхъ и радостей душою,
 Какъ роза нѣкогда цвѣла
 Небесной красотою!
 Теперь оставлена, печальна и одна,
 Сидя смиренно у окна,
 Безъ пѣсней, безъ похвалъ встрѣчаешь день рожденья.
 Прими отъ дружества сердечны сожалѣнья,
 Прими и сердце успокой!
 Что потеряла ты? Лъстецовъ бездушныхъ рой,
 Пугалищей ума, достоинства и нравовъ,
 Судей безжалостныхъ, докучливыхъ нахаловъ.
 Одинъ былъ нѣжный другъ... И онъ еще съ тобой!

XLVII.

Истинный патриотъ.

«О хлѣбъ-соль русская, о прадѣдъ Филаретъ,

«О милые остатки,

«Упрямство дѣдушки и ферези прабабки!

«Безъ васъ спасенья нѣтъ,

«А вы, а вы забыты нами!»

Вчера горланилъ Фирсѣ съ гостями

И, сидя у меня за лакомымъ столомъ,

Въ восторгѣ пламенномъ, какъ истый витязь русскій,

Съѣлъ соусъ, съѣлъ другой, а тамъ сальмисъ француз-
скій,

А тамъ шампанскаго хлебнулъ съ бутылку онъ,

А тамъ... подвинулъ стулъ и сѣлъ играть въ бостонъ.

XLVШ.

Ложный страхъ.

(Подражаніе Парни).

Помнишь ли, мой другъ безцѣнный,
 Какъ съ амурами тишкомъ,
 Мракомъ ночи окруженный,
 Я къ тебѣ прокрался въ домъ?
 Помнишь ли, о другъ мой нѣжной,
 Какъ дрожащая рука
 Отъ побѣды неизбѣжной
 Защищалась, но слегка?
 Слышенъ шумъ: ты испугалась,
 Свѣтъ блеснулъ и въ мигъ погасъ,
 Ты къ груди моей прижалась,
 Чуть дыша... Блаженный часъ!
 Ты пугалась, я смѣялся.
 «Намъ ли вѣдать, Хлоя, страхъ!
 «Гименей за все ручался,
 «И Амуры на часахъ.
 «Все въ безмолвіи глубокомъ,
 «Все почило сладкимъ сномъ,
 «Дремлетъ Аргусъ томнымъ окомъ

«Подъ Морфеевымъ крыломъ!» 20
Рано утреннія розы
Запылали къ небесахъ...
Но любви безцѣнны слёзы,
Но улыбка на устахъ,
Томно персей волнованье
Подъ прозрачнымъ полотномъ,
Молча, новое свиданье
Объщали вечеркомъ.
Еслибъ Зевсова десница
Мнѣ вручила ночь и день, 30
Поздно бѣ юная денница
Прогоняла черну тѣнь,
Поздно бѣ солнце выходило
На восточное крыльцо,
Чуть блеснуло бѣ и сокрыло
За лѣсъ рдяное лицо,
Долго бѣ тѣни пролежали
Влажной ночи на поляхъ,
Долго бѣ смертные вкушали
Сладострастіе въ мечтахъ! 40
Дружбѣ дамъ я часъ единый,
Вакху часъ и сну другой,
Остальною жъ половиной
Подѣлюсь, мой другъ, съ тобой!

XLIX.

Совѣтъ эпическому стихотворцу.

Какое хочешь имя дай
Твоей поэмѣ полудикой:
Петръ длинный, Петръ большой, но только Петръ
Великій
Ея не называй.

L.

На поэмы Петру Великому.

Какъ страненъ здѣсь судебъ уставъ!
Пѣвцы Петровыхъ дѣлъ — несчастья жертвы:
Нашъ Пиндаръ кончилъ жизнь, поэмы не скончавъ,
Другіе живы всѣ, но ихъ поэмы мертвы!

II.

Р т ѣ з д ѣ.

Ты хочешь, горсткой оимиама 1
 Чтобъ жертвенникъ я твой почтилъ?
 Для грацій муза не упряма,
 И я имъ лиру посвятилъ.

Я вижу, вокругъ тебя толпятся 2
 Вдыхатели—шумливый рой!
 Какъ пчелы на цвѣтокъ стремятся,
 Иль легки бабочки весной.

И Марсъ высокій, въ битвахъ смѣлый, 3
 И Селадонъ плаксивый тутъ,
 И юноша еще не зрѣлый
 Тебѣ сердечну дань несутъ.

Одинъ—я видѣлъ—все вздыхаетъ, 4
 Другой какъ мраморный стоитъ,
 Болтунъ сорокой не болтаетъ,
 Нахаль краснѣетъ и молчить.

Труды затѣйливой Арашны, 5
Сотканные въ углу тайкомъ,
Не столь для мухъ игривыхъ страшны,
Какъ твой для насъ волшебный домъ.

Но я одинъ, прелестна Хлоя, 6
Платить сей дани не хочу
И, осторожности удвоя,
На тройкѣ въ Питерь улечу.

III.

Сравненіе двухъ полководцевъ.

«Какое сходство Клитъ съ Суворовымъ имѣлъ?»
«Сей былъ бичемъ враговъ, а Клитъ всего робѣлъ.
«Великій вождь вставалъ съ зарей для ратныхъ дѣлъ,
«А Клитъ, лѣннвецъ нашъ, спалъ часто по недѣлѣ».
«Все такъ, да умеръ онъ, какъ вождь сей, на постелѣ».

LIII.

Изъ антологіи.

Сотъ меда съ молокомъ—
 И Маинъ сынъ тебѣ на долго благосклоненъ!
 Алкидъ не такъ-то скромнень:
 Дай двѣ ему овцы, дай козу и съ козломъ;
 Тогда онъ на овецъ прольетъ благословенье
 И въ снѣдь не дастъ волкамъ.
 Храню къ богамъ почтенье,
 А стада не отдамъ
 На жертвоприношенье.
 Скажите: что за честь,
 Когда не волкъ его, Алкидъ изволить съѣсть?

LIV.**Надпись на гробъ пастушқи.**

Подруги милья, въ безпечности игривой
Подъ плясовой напѣвъ вы рѣзвитесь въ лугахъ!
И я, какъ вы, жила въ Аркадіи счастливой,
И я, на утрѣ дней, въ сихъ рощахъ и лугахъ
Минутны радости вкусила:
Любовь въ мечтахъ златыхъ мнѣ счастье сулила,
Но что жь досталось мнѣ въ сихъ радостныхъ
мѣстахъ?

Могила!

LV.

И С Т О Ч Н И К Ъ .

(Изъ Парни).

Буря умолкла, и въ ясной лазури 1
 Солнце явилось на западѣ намъ;
 Мутный источникъ, слѣдъ яростной бури,
 Съ ревомъ и шумомъ бѣжитъ по полямъ.
 Зафна, приближся, для дѣвы невинной,
 Пальмы подъ тѣнью здѣсь роза цвѣтетъ;
 Падая съ камня, источникъ пустынной
 Съ ревомъ и съ пѣной сквозь дебри течетъ.

Дебри ты, Зафна, собой озарила, 2
 Сладко съ тобою въ пустынныхъ краяхъ!
 Пѣсни любви ты мнѣ повторила,
 Вѣтеръ унесъ ихъ на тихихъ крылахъ.
 Голосъ твой, Зафна, какъ утра дыханье,
 Сладостно шепчетъ, несясь по цвѣтамъ.
 Тише, источникъ, прерви волнованье,
 Съ ревомъ и съ пѣной стремясь по полямъ!

Голосъ твой, Зафна, въ душѣ отозвался; 3
 Вижу улыбку и радость въ очахъ!

Дѣва любви, я къ тебѣ прикасался,
 Съ медомъ пилъ розы на влажныхъ устахъ!
 Зафна краснѣеть?... О другъ мой невинный,
 Тихо прижмися устами къ устамъ!
 Будь же ты скромень, источникъ пустынный,
 Съ ревомъ и съ шумомъ стремясь по полямъ!

Чувствую персей твоихъ волнованье, 4
 Сердца бѣенье и слезы въ очахъ:
 Сладостно дѣвы стыдливой роптанье!
 Зафна, о Зафна, смотри... тамъ въ водахъ
 Быстро несется цвѣтокъ розмаринный;
 Воды умчались—цвѣточка ужъ нѣтъ!
 Время быстрѣе, чѣмъ токъ сей пустынный,
 Съ ревомъ который сквозь дебри течеть!

Время погубить и прелесть, и младость!.. 5
 Ты улыбнулась, о дѣва любви,
 Чувствуешь въ сердцѣ томленье и сладость,
 Сильны восторги и пламень въ крови!...
 Зафна, о Зафна, тамъ голубъ невинный
 Съ страстной подругой завидуютъ намъ!
 Вздохи любви источникъ пустынный
 Съ ревомъ и съ шумомъ умчить по полямъ!

LVI.

На смерть Лауры.

(Изъ Петрарки, сонетъ: *Rotta è l'alta colonna e'l verde lauro*).

Колонна гордая, о лавръ вѣчно зеленый,
 Ты палъ, и я на вѣкъ лишень твоихъ прохладъ!
 Ни тамъ, гдѣ Индъ живетъ, лучами опаленный,
 Ни въ хладномъ сѣверѣ для сердца нѣтъ отрадъ!
 Все смерть похитила, все алчная пожрала,
 Сокровище души, покой и радость съ нимъ!
 А ты, земля, во вѣкъ корысть не возвращала,
 И мертвый нѣмъ лежитъ подъ камнемъ гробовымъ!
 Все тщетно предъ тобой—и власть, и волхвованья...
 Таковъ судьбы завѣтъ!... Почто жь мнѣ долѣ жить?
 Увы, чтобъ повторять въ часъ полночи рыданья
 И слезы вѣчныя на хладный камень лить!
 Какъ сладко, жизнь, твое для смертныхъ обольщенье!
 Я въ будущемъ мое блаженство основалъ,
 Тамъ пристань видѣлъ я, покой и утѣшенье
 И все съ Лаурою въ минуту потерялъ!

LVII.

Вечеръ.

(Подражаніе Петраркѣ, canzone IV).

Въ тотъ часъ, какъ солнца лучъ потухнетъ за горою, 1
 Склонясь на посохъ свой дрожащею рукою,
 Пастушка, дряхлая отъ бремени годовъ,
 Спѣшитъ, спѣшитъ съ полей подъ отдаленный кровъ
 И тамъ, пришедъ къ огню, среди лачуги дымной
 Вкушаетъ трапезу съ семьей гостепріимной,
 Вкушаетъ сладкій сонъ, замѣну горькихъ слезъ!
 А я, какъ солнца лучъ потухнетъ средь небесъ,
 Одинъ въ изгнаніи, одинъ съ моею тоскою,
 Бесѣдую въ ночи съ задумчивой луною!

Когда вечерній лучъ потухнетъ средь морей, 2
 И ночь, угрюмая владычица тѣней,
 Сойдетъ съ высокихъ горъ съ отрадной тишиною,
 Оратай острый плугъ увозитъ за собою
 И, медленной стопой идя подъ отчій кровъ,
 Поетъ простую пѣснь въ забвеньѣ всѣхъ трудовъ,
 Въ тѣни домашнихъ ларъ, и всюду сынъ послушный,
 Съ отцомъ и матерью вкушаетъ пиръ радушный.

Онъ счастливъ... Я одинъ тоской усыновленъ,
Грущу и день, и ночь среди безмолвныхъ стѣнъ!

Лишь мѣсяцъ сквозь туманъ багряный ликъ уста-
вить 3

Въ недвижныя моря, пастухъ поля оставить,
Простится съ нивами, съ дубравой и ручьемъ
И гибкою лозой стада погонитъ въ домъ.
Игралище вѣтровъ среди пучины пѣнной,
И ты, рыбарь, спишишь на брегъ уединенной!
Тамъ, сѣти преклонивъ ко утлой ладіѣ,
(Вотъ все отъ грозныхъ бурь убѣжище твое!)
При блескѣ молніи, при шумѣ непогоды
Заснулъ... И счастливъ ты, угрюмый сынъ природы!

Но се блѣднѣетъ тамъ багряный небосклонъ, 4
И медленной стопой идутъ волю въ загонъ
Съ холмовъ и пажитей, туманомъ орошенныхъ.
О пѣснопѣнній мать, въ вертепахъ отдаленныхъ,
Въ изгнаньи горестномъ утѣха дней моихъ,
О лира, возбуди бряцаньемъ струнъ златыхъ
И холмы спящія, и кипарисны рощи,
Гдѣ я, печали сынъ, среди глубокой нощи,
Объятый трепетомъ, склонился на гранитъ....
И надо мною тѣнь Лауры пролетитъ!

LVIII.

Р а д о с т ь .

(Подражаніе Басти).

Любимца Кипридина
 И миртомъ, и розою
 Вѣнчайте, о юноши
 И дѣвы стыдливыя!
 Толпами собирайтесь,
 Руками сплетайтесь
 И, радостно топая,
 Скачите и прыгайте!
 Мнѣ лиру тисскую
 Камены и граціи
 Вручили съ улыбкою,
 И пѣсни веселію,
 Пріятнѣ нектара
 И слаще амвросіи,
 Что пьютъ небожители,
 Въ блаженствѣ безпечные,
 Польются со струнъ ея!
 Сегодня день радости:
 Филлида суровая,

Сквозь слезы стыдливости, 20
 «Люблю» мнѣ промолвила.
 Какъ роза, кропимая
 Въ часъ утра Авророю,
 Съ главою, отягченною
 Безцѣнными каплями,
 Румянѣй становится,
 Такъ ты, о прекрасная,
 Съ главою поникшею,
 Сквозь слезы стыдливости,
 Краснѣя промолвила: 30
 «Люблю» тихимъ шопотомъ.
 Все мнѣ улыбнулося;
 Тоска и мученія,
 И страхи, и горести
 Исчезли, какъ не было!
 Киприда, влекомая
 По воздуху синему,
 Межъ бисерныхъ облаковъ,
 Цитерскими птицами
 Къ Киперѣ или Паэосу, 40
 Цвѣтами осыпала
 Меня и красавицу.
 Все мнѣ улыбнулося:
 И солнце весеннее,
 И рощи кудрявыя,
 И воды прозрачныя,
 И холмы парнасскіе!
 Любимца Кипридина,
 Въ любви побѣдителя,
 И миртомъ, и розою 50
 Вѣнчайте, о юноши
 И дѣвы стыдливыя!

LIX.

Счастливецъ.

Слышишь? Мчится колесница 1
 Тамъ по звонкой мостовой;
 Править сильная десница
 Коней серебряной браздой.

Ихъ копыта бьютъ о камень, 2
 Искры сыплются струей,
 Пышетъ дымъ, и черный пламень
 Излетаетъ изъ ноздрей.

Рѣзбой дивною и златомъ 3
 Колесница вся горитъ;
 На коврѣ ся богатомъ
 Кто жь, Лизета, кто сидитъ?

Временщикъ, вельможъ любимецъ, 4
 Что за откупъ городъ взялъ...
 Ахъ, давно ли онъ у крылецъ
 Пыль смиренно обметалъ!

Вотъ онъ съ нами поравнялся 5
И едва кивнулъ головой,
Вотъ ужъ молніей промчался,
Пыль оставя за собой.

Добрый путь! Пока лелѣеть 6
Въ колыбели счастье васъ!
Поздно ль, рано ль, но приспѣеть
И невзгоды страшный часъ.

Ахъ, Лизета, лъзя ль прельщаться 7
И теперь его судьбой?
Не ему счастливымъ зваться
Съ развращенною душой!

Тамъ, гдѣ хитростью искусства 8
Розы въ зиму разцвѣли,
Тамъ, гдѣ все плѣняетъ чувства,
Дань морей и дань земли,

Мраморъ дивный изъ Пароса 9
И кораллы на стѣнахъ,
Тамъ, гдѣ въ роскоши Паэоса
На узорчатыхъ коврахъ

Счастья шаткаго любимецъ 10
Съ нимфами забвенью пѣтъ,
Тамъ же слезы сей счастливецъ
Отъ людей украдкой лѣтъ.

Блѣденъ, ночью Крезъ несчастный 11
Шепчетъ тихо, чтобъ жена
Не вила сей глазь ужасный:
«Миѣ погибель суждена!»

Сердце наше—кладезь мрачной: 12
Тихъ, покоенъ сверху видъ,
Но спустись ко дну... Ужасно!
Крокодилъ на немъ лежитъ!

Душъ великихъ сладострастье, 13
Совѣсть, зоркій стражъ сердець,
Безъ тебя ничтожно счастье,
Гибель—злато и вѣнецъ!

LX.

СОНЪ ВОИНОВЪ.

(Изъ поэмы Парни: Иснель и Аслега, пѣснь 3-я).

Битва кончилась; ратники пируютъ вокругъ зажженныхъ дубовъ.

...Но вскорѣ пламень потухаетъ,
 И гаснетъ пепель черныхъ пней,
 И томный сонъ отягощаетъ
 Лежащихъ воевъ средь полей.
 Сомкнулись очи, но призраки
 Тревожатъ краткій ихъ покой:
 Иный лѣсовъ проходитъ мраки,
 Звѣрей голодныхъ слышитъ вой;
 Иный на лодкѣ легкой рѣветъ
 Среди кипящихъ въ морѣ волнъ, — 10
 Весломъ десница не владѣетъ,
 И гибнетъ въ безднѣ бранный чолнъ;
 Иный мѣста узрѣлъ знакомы,
 Мѣста отчизны, милый край,
 Ужь слышитъ псовъ домашнихъ лай
 И зрить отцовъ поля и дома
 И нѣжныхъ чадъ своихъ... Мечты!

Проснулся въ безднѣ темноты!
 Иный чудовище сражаетъ:
 Бесплодно мечъ его сверкаетъ, 20
 Махнулъ еще—его рука,
 Подъята вверхъ, окостенѣла,
 Бѣжать хотѣлъ—его нога
 Дрожить, недвижима, замлѣла;
 Встаетъ, и палъ! Иный плывётъ
 Поверхъ прозрачныхъ, тихихъ водъ
 И пѣнитъ волны подъ рукою;
 Волна, усилена волною,
 Клубится, пѣнится горой
 И вдругъ обрушилась, клокочетъ; 30
 Несчастный борется съ рѣкой,
 Воззвать къ дружинѣ вѣрной хочетъ,
 И голосъ замеръ на устахъ!
 Другой бѣжитъ на полѣ ратномъ,
 Бѣжитъ, глотая пыль и прахъ,
 Трикратъ сверкнулъ мечемъ булатнымъ,
 И въ воздухъ недвижимъ мечъ!
 Звения, упали латы съ плечъ,
 Копье рамена прободаетъ,
 И хлещетъ кровь изъ нихъ рѣкой; 40
 Несчастный раны зажимаетъ
 Холодной, трепетной рукой!
 Проснулся онъ и тщетно ищетъ
 И ранъ, и вражьяго копья.
 ~ Но вѣтръ шумить и въ роуцѣ свищетъ,
 И волны мутнаго ручья
 Подошвы скалъ угрюмыхъ роютъ,
 Клубятся, пѣнятся и воютъ
 Средь дебрей сибѣжныхъ и холмовъ...

LXI.

Мадагаскарская пѣсня.

Какъ сладко спать въ прохладной тѣни, 1
 Пока долину зной палить,
 И вѣтеръ чуть въ древесной сѣни
 Дыханьемъ листья шевелитъ!

Приблизьтесь, жены, и руками 2
 Сплетяся дружно въ легкій кругъ,
 Протяжно, тихими словами
 Царя возвеселите слухъ!

Воспойте пѣсни мнѣ дѣвицы, 3
 Плетущей сѣти для кошницъ,
 Или какъ, сидя у пшеницы,
 Она пугаетъ жадныхъ птицъ.

Какъ ваше пѣнье сердцу внятно, 4
 Какъ нѣгой утомляетъ духъ!
 Какъ, жены, издали пріятно
 Смотрѣть на вашъ сплетенный кругъ!

Да тихи, медленны и страстны
 Тѣлодвиженья будутъ вновь,
 Да всюду съ чувствами согласны
 Являютъ нѣгу и любовь!

5

Но вѣтръ вечерній повѣваетъ,
 Ужь свѣтлый мѣсяцъ надъ рѣкой,
 И насъ у кущи ожидаетъ
 Постель изъ листьевъ и покой.

6

LXII.

Надпись къ портрету №.

И тѣломъ, и душой ты на Амура схожа:
 Коварна и умна, и столько же пригожа.

LXIII.

Всегдашній гость, мучитель мой,
 О Балдусъ, долго ль мнѣ зѣвать, дремать съ тобой?
 Будь крошечку умнѣй, или дай жить въ покой!
 Когда жестокий рокъ сведетъ тебя со мной,
 Я не одинъ и насъ не двое.

LXIV.

Филомела и Прогна ¹⁾.

(Изъ Лафонтена).

Когда-то Прогна залетѣла
 Отъ башенъ городскихъ, обители своей,
 Въ лѣса пустынные, гдѣ пѣла
 Сиротка Филомела,
 И такъ сказала ей
 Болтливая пѣвица:
 «Здорово, душенька-сестрица!
 «Ни видомъ не видать тебя ужь много лѣтъ.
 «Зачѣмъ забыла свѣтъ?
 «Зачѣмъ нашъ край не посѣщала? 10
 «Гдѣ пѣла, гдѣ жила? Куда и съ кѣмъ летала?
 «Пора, пора и къ намъ
 «Залетомъ по веснамъ;
 «Здѣсь скучно: все лѣса унылы,
 «И колоколенъ нѣтъ».

¹⁾ Филомела и Прогна, дочери Пандіона. Терей, супругъ последней, влюбился въ Филомелу, заключилъ ее въ замокъ, во Фракіи находящійся, обезчестилъ и отрѣзалъ языкъ. Боги, сжалившись надъ участію несчастныхъ сестеръ, превратили Филомелу въ соловья, а Прогну въ ласточку.

«Ахъ, мнѣ лѣса и милы!»
 Печальный былъ отвѣтъ.
 «Кому жь ты здѣсь поешь», касатка возразила,
 «Въ такой дали отъ жила,
 «Отъ ласточекъ и отъ людей? 20
 «Кто слушаетъ тебя? Стада глухихъ звѣрей
 «Иль хищныхъ птицъ собранье?
 «Сестра, грѣшно терять небесно дарованье
 «Въ безлюдной сторонѣ.
 «Признаться, здѣсь и страшно мнѣ!
 «Смотри: песчаный боръ, рѣка, пустынны виды,
 «Гора, висяща надъ горой,
 «Какъ словно въ Фракіи глухой,
 «На мысль приводятъ намъ Тереевы обиды,
 «И гдѣ же тутъ покой? 30
 «Затѣмъ-то и живу средь скучнаго изгнанья,
 «Боясь воспоминанья,
 «Лютѣйшаго сто разъ:
 «Людей боюсь у васъ»,
 Вздохнувъ, сказала Филомела,
 Потомъ: «Прости, прости!» Взвилась и улетѣла
 Изъ ласточкиныхъ глазъ.

Череповецъ.

LXV.

Мои пенаты.

Посланіе къ Жуковскому и Вяземскому.

Отчески пенаты,
 О пестуны мои!
 Вы златомъ не богаты,
 Но любите свои
 Норы и темны кельи,
 Гдѣ васъ на новосельи
 Смиренно здѣсь и тамъ
 Рааоставилъ по угламъ,
 Гдѣ странникъ я бездомный,
 Всегда въ желаньяхъ скромный,
 Сыскалъ себѣ пріютъ.
 О боги, будьте тутъ
 Доступны, благосклонны!
 Не вина благовонны,
 Не тучный ѳиміамъ
 Поэтъ приноситъ вамъ,
 Но слезы умиленья,
 Но сердца тихій жаръ

10

И сладки пѣснопѣнья,
 Богинь Пермесскихъ даръ! 20
 О лары, уживитесь
 Въ обители моей,
 Поэту улыбнитесь—
 И будетъ счастливъ въ ней!...
 Въ сей хижинѣ убогой
 Стоитъ передъ окномъ
 Столъ ветхой и треногой
 Съ изорваннымъ сукномъ.
 Въ углу, свидѣтель славы
 И суеты мірской, 30
 Виситъ полузаржавый
 Мечъ пращѣдовъ тупой;
 Здѣсь книги выписныя,
 Тамъ жесткая постель,
 Все утвари простыя,
 Все рухлая скудель.
 Скудель!... Но мнѣ дороже,
 Чѣмъ бархатное ложе
 И вазы богачей!

Отеческіе боги, 40
 Да къ хижинѣ моей
 Не сыщеть въ вѣкъ дороги
 Богатство съ суетой,
 Съ наемною душой
 Развратные счастливцы,
 Придворные друзья
 И блѣдны горделивцы,
 Надутые князья!
 Но ты, о мой убогой
 Калѣка и слѣпой, 50

Идя путемъ-дорогой
 Съ смиренною клюкой,
 Ты смѣло постучися,
 О воинъ, у меня,
 Войди и обсушися
 У яркаго огня.
 О старецъ, убѣленный
 Годами и трудомъ,
 Трикраты уязвленный
 На приступѣ штыкомъ, 60
 Двуструнной балалайкой
 Походы прозвени
 Про витязя съ нагайкой,
 Что въ жупелъ и въ огни
 Леталъ передъ полками,
 Какъ вихоръ на поляхъ,
 И вокругъ его рядами
 Враги ложились въ прахъ!...
 И ты, моя Лилета,
 Въ смиренной уголокъ 70
 Приди подъ вечерокъ
 Тайкомъ, переодѣта!
 Подъ шляпою мужской
 И кудри золотыя,
 И очи голубыя,
 Прелестница, сокрой!
 Накинь мой плащъ широкой,
 Мечомъ вооружись
 И въ полночи глубокой
 Внезапно постучись... 80
 Вошла; нарядъ военный
 Упалъ къ ея ногамъ,
 И кудри распущенны

Вздвѣваютъ по плечамъ,
 И грудь ея открылась
 Съ лилейной бѣлизной:
 Волшебница явилась
 Пастушкой предо мной!
 И вотъ съ улыбкой нѣжной
 Садится у огня, 90
 Рукою бѣлоснѣжной
 Склонившись на меня,
 И алыми устами,
 Какъ вѣтеръ межъ листьями,
 Мнѣ шепчетъ: «Я твоя,
 «Твоя, мой другъ сердечной!»
 Блаженъ, въ сѣни безпечной
 Кто милою своей,
 Подъ кровомъ отъ ненастья,
 На ложѣ страдоурастья 100
 До утреннихъ лучей
 Спокойно обладаетъ,
 Спокойно засыпаетъ
 Близъ друга сладкимъ сномъ!

Уже потухли звѣзды
 Въ сіяніи дневномъ,
 И пташки теплы гнѣзды,
 Что свиты надъ окномъ,
 Щебеча покидаютъ
 И нѣгу отрясаютъ 110
 Со крылышекъ своихъ;
 Зефиръ листы колышетъ,
 И все любовью дышетъ
 Среди полей моихъ;
 Все съ утромъ оживаетъ,

А Лила почиваетъ
 На ложѣ изъ цвѣтовъ,
 И вѣтеръ тиховѣйной
 Съ груди ея лилейной
 Сдулъ дымчатый покровъ, 120
 И въ локоны златые
 Двѣ розы молодыя
 Съ нарциссами вплелись;
 Сквозь тонкія преграды
 Нога, ища прохлады,
 Скользитъ по ложу внизъ...
 Я Лилы пью дыханье
 На пламенныхъ устахъ,
 Какъ розъ благоуханье,
 Какъ нектаръ на пирахъ. 130
 Покойся, другъ прелестной,
 Въ объятіяхъ моихъ!
 Пускай въ странѣ безвѣстной,
 Въ тѣни лѣсовъ густыхъ,
 Богинею слѣпою
 Забытъ я отъ пеленъ,
 Но дружбой и тобою
 Съ избыткомъ награжденъ!
 Мой вѣкъ спокоенъ, ясенъ,
 Въ убожествѣ съ тобой 140
 Мнѣ милъ шалашъ простой,
 Безъ злата милъ и красенъ
 Лишь прелестью твоей!

Безъ злата и честей
 Доступенъ добрый геній
 Поэзіи святой,
 И часто въ мирной снѣни

Бесѣдуетъ со мной.
 Небесно вдохновенье,
 Порывъ крылатыхъ думъ! 150
 (Когда страстей волненье
 Уснетъ, и свѣтлый умъ,
 Летая въ поднебесной,
 Земныхъ свободенъ узъ,
 Въ Аоніи прелестной
 Срѣтаетъ хоры музъ!)
 Небесно вдохновенье,
 Зачѣмъ летишь стрѣлой
 И сердца упоенье
 Уносишь за собой? 160
 До розовой денницы
 Въ отрадной тишинѣ,
 Парнасскія царицы,
 Подруги будьте мнѣ!
 Пускай веселы тѣни
 Любимыхъ мнѣ пѣвцовъ,
 Оставля тайны сѣни
 Стигійскихъ береговъ
 Иль области эфирны,
 Воздушною толпой 170
 Слетятъ на голосъ лирный
 Бесѣдовать со мной!
 И мертвые съ живыми
 Вступили въ хоръ единъ...
 Что вижу? Ты предъ ними,
 Парнасскій исполинъ ¹⁾),
 Пѣвецъ героевъ, славы,
 Въ слѣдъ вихрямъ и громамъ,
 Нашъ лебедь величавый,

¹⁾ Ломоносовъ.

Плывешь по небесамъ! 180
 Въ толпѣ и музъ, и грацій ¹⁾,
 То съ лирой, то съ трубой
 Нашъ Пиндаръ, нашъ Горацій
 Сливаютъ голосъ свой;
 Онъ громокъ, быстръ и силенъ,
 Какъ Суна средь степей,
 И нѣженъ, тихъ, умиленъ,
 Какъ вешній соловей.
 Фантазіи небесной
 Давно любимый сынъ, 190
 То повѣстью прелестной
 Плѣняетъ Карамзинъ,
 То мудраго Платона
 Описываетъ намъ,
 И ужинъ Агатона,
 И наслажденья храмъ,
 То древню Русь и нравы
 Владиміра времянъ,
 И въ колыбели славы
 Рожденіе Славянъ. 200
 За ними сильфъ прекрасной,
 Воспитанникъ харитъ,
 На цитрѣ сладкогласной
 О Душенькѣ бренчитъ ²⁾,
 Мелецкаго съ собою
 Улыбкою зоветъ,
 И съ нимъ, рука съ рукою,
 Гимнъ радости поетъ!
 Съ Эротами играя,
 Философъ и цитъ, 210

¹⁾ Державинъ.

²⁾ Богдановичъ.

Близъ Федра и Пильпая
 Тамъ Дмитріевъ сидитъ:
 Бесѣдуя съ звѣрями,
 Какъ счастливый дитя,
 Парнасскими цвѣтами
 Скрылъ истину шутя.
 За нимъ въ часы свободы
 Поютъ среди пѣвцовъ
 Два баловня природы,
 Хемницеръ и Крыловъ. 220
 Наставники-пѣнты,
 О Фебовы жрецы!
 Вамъ, вамъ плетутъ хариты
 Безсмертные вѣнцы!
 Я вами здѣсь вкушаю
 Восторги Піеридъ
 И въ радости зываю:
 О музы, я пѣить!

А вы, смиренной хаты
 О лары и пенаты, 230
 Отъ зависти людской
 Мое сокройте счастье,
 Сердечно сладострастье,
 И нѣгу, и покой!
 Фортуна, прочь съ дарами
 Блестательныхъ суетъ!
 Спокойными очами
 Смотрю на твой полетъ:
 Я въ пристань отъ ненастья
 Челнокъ мой проводилъ, 240
 И васъ, любимцы счастья,
 На вѣки позабылъ.

Но вы, любимцы славы,
 Наперсники забавы,
 Любви и важныхъ музъ,
 Безпечные счастливыцы,
 Философы-лѣнивцы,
 Враги придворныхъ узъ,
 Друзья мои сердечны,
 Придите въ часъ безпечный 250
 Мой домикъ навѣстить,
 Поспорить и попить!
 Сложи печали бремя,
 Жуковскій добрый мой!
 Стрѣлою мчится время,
 Веселіе стрѣлой!
 Позволь же дружбѣ слезы
 И горестъ усладить
 И счастья блеклы розы 260
 Эротомъ оживить.
 О Вяземскій, цвѣтами
 Друзей твоихъ вѣнчай!
 Даръ Вакха передъ нами:
 Вотъ кубокъ, наливай!
 Питомецъ музъ надежный,
 О Аристипповъ внукъ,
 Ты любишь пѣсни нѣжны
 И рюмокъ звонъ и стукъ!
 Въ часъ нѣги и прохлады
 На ужинахъ твоихъ 270
 Ты любишь томны взгляды
 Прелестницъ записныхъ,
 И всѣ заботы славы,
 Суеть и шумъ, и блажь
 За быстрый мигъ забавы

Съ поклонами отдашь!
 О, дай же ты мнѣ руку,
 Товарищъ въ лѣни мой,
 И мы потопимъ скуку
 Въ сей чашѣ золотой!
 Пока бѣжитъ за нами
 Богъ времени сѣдой
 И губить лугъ съ цвѣтами
 Безжалостной косой,
 Мой другъ, скорѣй за счастьемъ
 Въ путь жизни полетимъ,
 Упьемся сладострастьемъ
 И смерть опередимъ;
 Сорвемъ цвѣты украдкой
 Подъ лезвиемъ косы
 И лѣнью жизни краткой
 Продлимъ, продлимъ часы!
 Когда же Парки тощи
 Нить жизни допрядутъ
 И насъ въ обитель пощи
 Ко прадедамъ снесутъ,—
 Товарищи любезны,
 Не сѣтуйте о насъ!
 Къ чему рыданья слезны,
 Наемныхъ ликовъ гласъ?
 Къ чему сіи куренья
 И колокола вой,
 И томны псалмопѣнья
 Надъ хладною доской?
 Къ чему?... Но вы толпами
 При мѣсячныхъ лучахъ
 Сберитесь и цвѣтами
 Усѣйте мирный прахъ,

280

290

300

Иль бросьте на гробницы
Боговъ домашнихъ ликъ,
Двѣ чаши, двѣ цѣвницы
Съ листьями повиликъ!
И путникъ угадаетъ
Безъ надписей златыхъ,
Что прахъ тутъ почиваетъ
Счастливецъ молодыхъ.

310

LXVI.

Д р у ж е с т в о .

Блаженъ, кто друга здѣсь по сердцу обрѣтаетъ,
 Кто любить и любимъ чувствительной душой!
 Тезей на берегахъ Коцита не страдаетъ:
 Съ нимъ другъ его души, съ нимъ вѣрный Пиреой.
 Атридовъ сынъ въ цѣпяхъ, но зависти достоинъ:
 Съ нимъ другъ его Пиладъ.... подъ лезвеемъ мечей.
 А ты, младый Ахиллъ, великодушный воинъ,
 Безсмертный образецъ героевъ и друзей,
 Ты дружбою великъ, ты ей дышалъ одною
 И, друга смерть отмстивъ безтрепетной рукою,
 Счастливъ.... Ты мертвъ упалъ на гибельный трофей!

LXVII.

Хоръ для выпуска благородныхъ дѣ-
вицъ Смольнаго монастыря.

Одинъ голосъ.

Прости, гостепріимный кровъ,
Жилище юности безпечной,
Гдѣ время средъ забавъ, веселій и трудовъ,
Какъ сонъ промчалось скоротечной!

Хоръ.

Прости гостепріимный кровъ,
Жилище юности безпечной!

Подруги, сердце въ первый разъ
Здѣсь чувства сладкія познало,
Здѣсь дружество на вѣкъ златою цѣпью насъ,
Подруги милья, связало!

10

Такъ, сердце наше въ первый разъ
Здѣсь чувства сладкія познало!
Виновица счастливыхъ дней,
Прими сердецъ благодаренья!

Къ тебѣ летятъ сердца усердныя дѣтей
И тайныя благословенья.

Виновица счастливыхъ дней,
Прими сердецъ благодаренья!

Нашъ царь, подруги, посѣщаль
Сіе жилище безмятежно:

20

Онъ самъ въ глазахъ дѣтей признательность читаль
Къ его родительницѣ нѣжной!
Монархъ великій посѣщаль
Жилище наше безмятежно!

Простой, усердный гласъ дѣтей
Прими, о Боже-покровитель,

Источникъ новый благъ и радости пролей
На мирную сію обитель!

И ты, о Боже, гласъ дѣтей
Прими, Всесильный Покровитель!

30

Мы чтили здѣсь отъ юныхъ лѣтъ
Законъ твой, благости зерцало;

Подъ сѣнью алтарей, тобой хранимый цвѣтъ,
Здѣсь юность наша разцвѣтала.

Мы чтили здѣсь отъ юныхъ лѣтъ
Законъ твой, благости зерцало.

Финаль.

Прости же ты, священный кровъ,
Обитель юности безпечной,

Гдѣ время средь забавъ, веселій и трудовъ,
Какъ сонъ промчалось скоротечной,

40

Гдѣ сердце въ жизни въ первый разъ
Отъ чувствъ веселья трепетало,

И дружество на вѣкъ златою цѣпью насъ,
Подруги милыя, связало!

LXIX.

Къ В. А. Жуковскому.

Прости, баллажникъ мой,
 Бѣлева мирный житель!
 Да будетъ Фебъ съ тобой,
 Нашъ давній покровитель!
 Ты счастливъ средь полей
 И въ хижинѣ укромной.
 Какъ юный соловей
 Въ прохладѣ рощи темной
 Съ любовью дни ведетъ,
 Гнѣзда не покидая,
 Невидимый поеть,
 Невидимо плѣняя
 Веселыхъ пастуховъ
 И жителей пустынныхъ,—
 Такъ ты, краса пѣвцовъ,
 Среди забавъ невинныхъ
 Въ отчизнѣ золотой
 Прелестны гимны пой!
 О, пой, любимецъ счастья,
 Пока веселы дни

И розы сладострастья
 Кипридою даны,
 И роскошь золотая,
 Всѣ блага разсыпая
 Обильною рукой,
 Тебѣ подносить вины
 И портеръ выписной,
 И сочны апельсины,
 И съ трюфлями пирогъ —
 Весь Амальтеи рогъ,
 Во вѣкъ неистоцимый,
 На жирный твой обѣдъ!

А мнѣ... покоя нѣтъ!
 Смотри: неумолимый
 Домашній Гипократъ,
 Наперсникъ Парки блѣдной,
 Поповъ слуга усердной,
 Чумѣ и смерти братъ,
 Поклявшися латынью
 И практикой своей,
 Поить меня полынью
 И супомъ изъ костей,
 Безъ дальняго старанья
 До смерти запоить,
 И къ вамъ писать посланья
 Отправить за Коцитъ!
 Все въ жизни измѣнило,
 Что сердцу сладко льстило,
 Все, все прошло, какъ сонъ:
 Здоровье легкокрыло,
 Любовь и Аполлонъ!
 Я сталъ подобенъ тѣни,

Бъ смиренію сердець,
Сухъ, блѣденъ, какъ мертвецъ;
Дрожатъ мои колѣни,
Спина дугой къ землѣ,
Глаза потухли, впали,
И скорби начертали
Морщины на челѣ;
На вѣкъ исчезла сила
И доблесть прежнихъ лѣтъ.
Увы, мой другъ, и Лила
Меня не узнаеть!
Вчера съ улыбкой злою
Мнѣ молвила она,
Какъ древле Громобою
Коварный сатана:
«Усопшій, миръ съ тобою!
«Усопшій, миръ съ тобою!»
Ахъ, это ли одно
Мнѣ рокомъ суждено
За древни прегрѣшенья?...
Нѣтъ, новыя мученья,
Достойныя бѣсовъ:
Свои стихотворенья
Читаетъ мнѣ Свистовъ,
И съ нимъ пѣвецъ досужій,
Его покорный бѣсъ,
Какъ онъ, на риѣмы дюжій,
Какъ онъ, головорѣзъ:
Поютъ и напѣвають
Съ ночи до бѣла дня,
Читаютъ и читають,
И до смерти меня
Убійцы зачитаютъ!

LXX.

Отвѣтъ А. И. Тургеневу.

Ты правъ: поэтъ не лжець,
Красавицъ воспѣвая.
Но часто нашъ пѣвецъ,
Въ восторгѣ утопая,
Разсудка строгій гласъ
Забудеть для Армиды;
Для двѣхъ коварныхъ глазъ,
Подъ знаменемъ Киприды,
Сей новый Донъ-Кишотъ
Проводитъ вѣкъ съ мечтами,
Съ химерами живетъ,
Бесѣдуетъ съ духами,
Съ задумчивой луной
И—мiръ смѣшитъ собой!
Для свѣта равнодушенъ,
Для славы и честей,
Одной любви послушенъ,
Онъ дышетъ только ей,
Вездѣ съ своей мечтою,
Въ столицѣ и въ поляхъ,

Съ поникшей головою,
Съ уныніемъ въ очахъ,
Какъ призракъ блѣдный бродить,
Одно твердить, поетъ:
«Любовь, любовь зоветъ...»
И рѣшмы лишь находить!
Такъ вѣрно Аполлонъ
Давно съ любовью въ ссорѣ,
И мститель Кузидонъ
Судилъ поэтамъ горе.
Всѣ нимфы строги къ намъ
За наши псалмопѣнья,
Какъ Дафна къ богу пѣнья;
Мы лавръ находимъ тамъ
Иль кипарисъ печали,
Гдѣ счастья розъ искали,
Цвѣтущихъ не для насъ.
Взгляните на Парнассъ:
Любовникъ строгой Лоры
Тамъ съ горести погасъ,
Скалы и дики горы
Его лишь знали гласъ
На берегахъ Воклюзы.
Тамъ Душеньки пѣвецъ,
Любимецъ нѣжный музы
И пламенныхъ сердецъ,
Любилъ, вздыхалъ всечасно,
Вездѣ искалъ мечты,
Но лирой сладкогласной
Не тронулъ красоты.
Лезбосская пѣвица,
Прекрасная въ женахъ,
Любви и Феба жрица,

Дни кончила въ волнахъ...
И я клянусь глазами,
Которые стихами
Мы въ запуски поемъ,
Клянуся Хлоей въ томъ,
Что русскіе поэты
Давно бѣ на берегъ Леты
Толпами перешли,
Когда бѣ скалу Левкада
Въ болота Петрограда
Судьбы перенесли!

LXXI.

Къ Д. В. Дашкову.

Мой другъ, я видѣлъ море зла
 И неба мстительнаго кары,
 Враговъ неистовыхъ дѣла,
 Войну и гибельны пожары;
 Я видѣлъ сонмы богачей,
 Бѣгущихъ въ рублищахъ изданныхъ,
 Я видѣлъ блѣдныхъ матерей,
 Изъ милой родины изгнанныхъ;
 Я на распутьи видѣлъ ихъ,
 Какъ, къ персямъ чадъ прижавъ грудныхъ,
 Онѣ въ отчаянны рыдали
 И съ новымъ трепетомъ взирали
 На небо рдяное кругомъ.
 Трикраты съ ужасомъ потомъ
 Бродилъ въ Москвѣ опустошенной,
 Среди развалинъ и могилъ,
 Трикраты прахъ ея священной
 Слезами скорби омочилъ.
 И тамъ, гдѣ зданья величавы
 И башни древнія царей,

Свидѣтели протекшей славы
 И новой славы нашихъ дней,
 И тамъ, гдѣ съ миромъ почивали
 Останки иноковъ святыхъ,
 И мимо вѣки протекали,
 Святыни не касаясь ихъ,
 И тамъ, гдѣ роскоши рукою,
 Дней мира и трудовъ плоды,
 Предъ златоглавою Москвою
 Воздвиглись храмы и сады,—
 Лишь угли, прахъ и камней горы,
 Лишь груды тѣлъ кругомъ рѣки,
 Лишь нищихъ блѣдные полки
 Вездѣ мои встрѣчали взоры!..
 А ты, мой другъ, товарищъ мой,
 Велишь мнѣ пѣть любовь и радость,
 Безпечность, счастье и покой
 И шумную за чашей младость,
 Среди военныхъ непогодъ,
 При страшномъ заревѣ столицы
 На голосъ мирныя цѣвницы
 Сзывать пастушекъ въ хороводъ,
 Мнѣ пѣть коварныя забавы
 Армидъ и вѣтреныхъ Цирцей
 Среди могилъ моихъ друзей,
 Утраченныхъ на полѣ славы!..
 Нѣтъ, нѣтъ, талантъ погибни мой
 И лира, дружбѣ драгоцѣнна,
 Когда ты будешь мной забвенна,
 Москва, отчизны край златой!
 Нѣтъ, нѣтъ, пока на полѣ чести
 За древній градъ моихъ отцовъ
 Не понесу я въ жертву мести

И жизнь, и къ родинѣ любовь,
Пока съ израненнымъ героемъ,
Кому извѣстенъ къ славѣ путь,
Три раза не поставлю грудь
Передъ враговъ сомкнутымъ строемъ,—
Мой другъ, дотолѣ будутъ мнѣ
Всѣ чужды музы и хариты,
Вѣнки, рукой любви свиты,
И радость шумная въ винѣ!

LXXII.

Переходъ русскихъ войскъ черезъ
Нѣманъ 1-го января 1813 года.

(Отрывокъ изъ большаго стихотворенія).

Снѣгами погребенъ, угрюмый Нѣманъ спалъ.
Равнину льдистыхъ водъ и берегъ опустѣлый
И на берегу покинутыя села
Туманный мѣсяцъ озарялъ.
Все пусто... Кое-гдѣ на снѣгѣ трупъ чернѣеть,
И брошенныхъ костровъ огонь дымяся тлѣеть,
И, хладный какъ мертвецъ,
Одинъ среди дороги,
Сидитъ задумчивый бѣглець,
Недвижимъ, смутный взоръ вперивъ на мертвыя ноги.

И всюду тишина.... И се, въ пустой дали
Стущенныхъ копій дѣсь возникнулъ изъ земли!
Онъ движется. Гремятъ щиты, мечи и брони,
И грозно въ сумракѣ ночномъ
Чернѣютъ знамена и ратники, и кони:
Несутъ полки Славянъ погибель за врагомъ,

Достигли Нѣмана и копы водрузили.
Изъ снѣга возрасли безчисленны шатры,
И на берегу зажженные костры
Все небо заревомъ багровымъ обложили.
И въ станѣ царь молодой
Сидѣлъ между вождями,
И старецъ - вождь предъ нимъ, блестящій сѣдинами
И бранной въ старости красой.

ЛХХІІІ.

Отрывокъ изъ Шиллеровой трагедіи.

ДОННА-ИЗАВЕЛЛА, ДОНЪ-ЭММАНУИЛЬ И ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ (са дѣти).

Д. ИЗАВЕЛЛА (выступая съ сынами).

Приникни съ горней высоты,
 Заступница печальныхъ смертныхъ,
 И сердце удержи мое
 Въ границахъ должнаго смиренья!
 Я мать: въ радости могу,
 Взирая на сыновъ, забыться
 И жертвой гордости упасть.
 Ахъ, въ первый жизни разъ
 Ихъ совокупо обнимаю;
 До сей минуты вождѣнной
 Таила въ сердцѣ глубоко
 Горячность вѣчную къ сынамъ,
 Равно для матери безцѣннымъ!
 Въ объятяхъ одного другой
 Мнѣ долженъ былъ казаться мертвымъ;
 Два сына мнѣ дала судьба,

Но сердце, ихъ любить, одно...
 Ахъ, дѣти, молвите: могу ли
 Васъ обоихъ равно обнять
 Въ восторгахъ радости безмѣрной?

(Къ Д. Эммануилу)

Не раню ль ревность я твою,
 Сжимая Цезареву руку?

(Къ Д. Цезарю)

Скажи, обидѣли ль тебя
 Любви моей ко брату знаки?
 Я трепещу; моя любовь
 Въ васъ злобы пламень раздуваетъ!
 Чего мнѣ ждать? Вѣщайте, дѣти!
 Съ какою мыслию стеклись?
 Иль древняя вражда воспрянетъ,
 Непримиримая, и здѣсь,
 Въ дому родителей священномъ?
 Или за прагомъ мечъ и ножъ
 И гнѣвъъ, скрежещущій зубами,
 Васъ ожидаютъ, несчастливцы?
 Что шагъ, то новы преступленья!

Хоръ.

Миръ или злоба? Жребій не вынуть;
 Скрыто глубоко, что будетъ, отъ насъ:
 Мечъ иль оливу братья отринутъ —
 Мы не трепещемъ и станемъ за васъ!

Д. Изавелла.

Какія злобы восклицанья!
 Что мужи бранные хотятъ?
 Или войну готовятъ здѣсь

У алтарей гостепріимныхъ?
 Къ чему мечи, когда съ любовью
 Здѣсь матеръ обняла дѣтей?
 Или въ объятіяхъ ея
 Страшитесь адскія измѣны
 И змій-предателей?... Враги —
 Такъ, не друзья—толпы наемныхъ,
 Слепые слуги мести вашей,
 Раздоръ несущи по слѣдамъ!
 Нѣтъ, не друзья, не вѣрте имъ:
 Не молвятъ добраго совѣта!
 Одна боязнь и вѣчный страхъ
 Куютъ имъ раболѣпны руки,
 Всегда готовыя на зло.
 Вы научитесь, дѣти, знать
 Сей родъ и низкій, и строптивый:
 Онъ кровожадный власти червь,
 Онъ силы тайный поядатель!
 О дѣти, сколь опасенъ міръ:
 Онъ полонъ лести и лукавства.
 Какія узы прочны здѣсь?
 Гдѣ постоянны человѣки,
 Поклонники корысти бренной?
 Природа лишь одна вѣрна
 На якорѣ своемъ нетлѣнномъ,
 И счастливъ тотъ, кому даетъ
 Соцутникомъ въ сей жизни брата!

Хоръ.

Други, вѣщала вамъ правду она!
 Ей вся открыта сердцеъ глубина,
 Мы же, какъ снасти лишенные челны,
 Летимъ на погибель въ житейскія волны!

Д. ИЗАВЕЛЛА (къ Д. Цезарю).

О ты, прижавшій мечъ во длани,
Склонившій ницъ ревнивый взоръ,
Воззри окрестъ и будь судья:
Кто брату красотой подобенъ?

(къ Д. Эммануилу)

Отвѣтствуй мнѣ: изъ сей толпы
Кто Цезаря затмитъ красою?
Вы оба, юноши, равно
Надѣлены рукой природы.
Молю, воззрите на себя,
Увѣрьтесь въ истинѣ очами!
Изъ тысячи твоя рука
Его, какъ друга бы, прижала,
И братомъ сердце нарекло!
О ослѣпленіе страстей,
Плодъ ревности и злости адской!
Когда судьбина въ колыбели
Другъ другомъ надѣлила васъ,
Забывъ родства и крови узы
Въ кипящихъ, какъ вулканъ, страстяхъ,
Къ ногамъ повергнувъ даръ природы,
Клеветовъ нарекли друзьями,
Врагамъ любовью поклялись!

Д. ЭММАНУИЛЬ.

О, выслушай меня!

Д. ЦЕЗАРЬ (вступаая въ рѣчь).

Дай слово

Мнѣ молвить, мать....

Д. ИЗАВЕЛЛА.

Нѣтъ!

Слова не укротятъ вражды:
 Здѣсь месть съ обидою взаимны,
 Здѣсь ненависть таится глубоко.
 Кто знаетъ, гдѣ огонь сей адскій,
 Объявшій пламенемъ сердца,
 Огонь ужасный, сокровенный,
 Одѣтый лавой древнихъ дней?
 Обида съ юной жизни здѣсь
 Растетъ, мужаетъ безпрестанно,
 И мужъ за юношу—намъ врагъ!
 Увы, отъ младости безумной
 Вы, братья, дышите на зло!
 Лѣта бѣ должны обезоружить
 Враждующихъ. Воззрите вспять:
 Гдѣ ненависти первой сѣмя?
 Среди гремушекъ, дѣтскихъ игръ
 И лепетанія младенцевъ,
 Тамъ зла виновное начало,
 Тамъ горести источникъ вѣчный!
 Но устыдитесь, вы—мужи!

(Беретъ обонь за руки)

Желанный мною часъ насталъ!
 Сойдитесь, милые! Рѣшится
 Вины взаимныя забыть!
 Въ душѣ великой, благородной
 Прощенье выше всѣхъ побѣдъ.
 Въ могилу древняго отца
 Повергните вражды ехидну,
 Готовую известъ безумныхъ;

Любви и миру дайте жизнь
И обновитесь сердцами!

(Отступаетъ шагъ назадъ, какъ будто желая дать мѣсто братьямъ приблизиться взаимно; но они оба неподвижны, взоры ихъ устремлены въ землю).

Хоръ.

Братья, почитите матери волю!
Слово святое вамъ зарекла:
Кончить годину мести и зла.
Братья, иль снова къ ратному полю?
Слѣпо мы дѣлимъ ваши судьбы:
Вы—властелины, мы же—рабы.

Изабелла.

(Въ молчаніи, нѣсколько минутъ напрасно ожидая примиренія братьевъ, говорить съ чувствомъ глубокой горести).

Довольно! Силу словъ
И заклинаній истощила!
Въ могилѣ тотъ, кто могъ владѣть
Строптивыми сыновъ сердцами.
Что я? Увы, печальная вдова!
Мой гласъ—безсильный гласъ молитвы!
Довольно! Полная свобода:
Отдайтесь демону вражды.
На гнѣвъ, на новыя обиды!
Чего стыдиться вамъ? Жены,
Сихъ стѣнъ, сихъ алтарей безмолвныхъ?
Подъ сѣнью ихъ, гдѣ ваши колыбели
На радость нѣкогда стояли,
Братоубійствомъ осквернитесь,
Облейте кровію своей
И грудь на грудь, въ неистовомъ пылу,
Какъ Полиникъ, какъ Этеоклъ проклятый,

Сочиненія К. Н. Батюшкова, I.

11

Другъ друга задушите вы
Въ объятіяхъ достойныхъ ада.....

Хоръ.

О ужасъ, что мать вамъ здѣсь зарекла!
Годину печали, тревоги и зла,
А въ жизни грядущей и скрежетъ, и муки!
Да будутъ же чисты отъ гибели руки,
Да съ миромъ васъ приметъ родителей домъ!
Смиритесь, о братья, есть на небѣ громъ!

Д. Цезарь (не смотря на брата).

Ты—старшій братъ, начни же рѣчь,
Я отвѣчать тебѣ готовъ!

Д. Эммануилъ (въ подобномъ положеніи).

Самъ молви ласковое слово,
Ты—младшій, дай любви примѣръ!

Д. Цезарь.

Не потому ль, что я виновенъ
Иль брата старшаго слабѣй?

Д. Эммануилъ.

Всѣмъ доблесть рыцаря извѣстна:
Ты скромень, слѣдственно, не слабъ.

Д. Цезарь.

Или такъ мыслишь ты о братѣ
Во истину?

Д. Эммануилъ.

Не знаю лжи;
Какъ ты, душою выше чванства.

Д. ЦЕЗАРЬ.

Презрѣнья не могу снести;
Но ты въ пылу жестокой распри
О братѣ низко не вѣщаль!

Д. ЭММАНУИЛЬ.

Моей ты смерти не алкалъ.
Я знаю: ты казилъ монаха,
Что мнѣ готовилъ тайно ядъ.

Д. ЦЕЗАРЬ.

О, если бъ брата прежде зналъ!
Что было.... вѣрно бъ не случилось!

Д. ЭММАНУИЛЬ.

Не зная сердца твоего,
Я матеръ горестно обидѣлъ.

Д. ЦЕЗАРЬ.

Ты мнѣ жестокимъ былъ описанъ.

Д. ЭММАНУИЛЬ.

Несчастіе: князей клеветы
Владѣютъ тайно ихъ душой!

Д. ЦЕЗАРЬ (быстро).

Всеми виновники они.....

Д. ЭММАНУИЛЬ.

Два сердца разлучивши злобой.....

Д. ЦЕЗАРЬ.

Навѣтомъ, хитрой клеветой....

Д. ЭММАНУИЛЬ.

И ядомъ лести и коварства....

Д. ЦЕЗАРЬ.

Питая яростную рану....

Д. ЭММАНУИЛЬ.

Насъ сдѣлали рабами ихъ....

Д. ЦЕЗАРЬ.

Игралищемъ страстей чужихъ.

Д. ЭММАНУИЛЬ.

Такъ, правда! Чуждый другъ невѣренъ!

Д. ЦЕЗАРЬ.

Опасный: мать намъ вѣщала.

Д. ЭММАНУИЛЬ.

Такъ дай же руку, милый братъ!

Д. ЦЕЗАРЬ.

Она твоя на вѣки, братъ!

Д. ЭММАНУИЛЬ.

Чѣмъ болѣ на тебя смотрю,
Тѣмъ болѣ, съ сладкимъ удивленьемъ
Срѣтаю матери черты.....

Д. ЦЕЗАРЬ.

Вглядись, какъ сходенъ ты со мной:
Безцѣнное для брата сходство!

Д. Э м м а н у и л ь.

Ты ль это, братъ? Твои ли рѣчи
И ласки къ младшему, скажи?

Д. Ц е з а р ь.

Ты ль это, юноша прелестный,
Столь злобный нѣкогда мнѣ врагъ?

Д. Э м м а н у и л ь.

Какъ права, требуя коней
Изъ славнаго отца наслѣдства,
Ты рыцаря прислалъ за ними,
И я далъ рыцарю отказъ.

Д. Ц е з а р ь.

Они твои, не мыслю болѣ....

Д. Э м м а н у и л ь.

Нѣтъ, нѣтъ, твои, и колесница...
Прими какъ брата первый даръ!

Д. Ц е з а р ь.

Приму, но ты сей твердый замокъ,
Воздвигнутый надъ моремъ шумнымъ,
Вражды источникъ обоюдный,
Прими какъ дань любви моей!

Д. Э м м а н у и л ь.

Я не приму, но вмѣстѣ тамъ,
Какъ братья, станемъ жить отнынѣ!

Д. ЦЕЗАРЬ.

Ты правъ, къ чему добромъ дѣлиться,
Когда два сердца за-одно?

Д. ЭММАНУИЛЬ.

Союзомъ будемъ мы сильнѣе;
Противъ враговъ, противъ судьбины
Намъ дружба неизмѣнный щитъ!

Д. ЦЕЗАРЬ.

Отнынѣ мой ты сталъ на вѣки!

ХОРЪ.

Но что мы, клеветы, стоимъ въ неприязни?
Примѣры благіе даютъ намъ князья.
Сомкнемъ же десницы безъ низкой боязни
И будемъ отнынѣ на вѣки друзья!

LXXIV.**Пѣвецъ въ Бесѣдѣ Славянороссовъ.**

Эпико-лиро-эпико-эпородическій гимнъ.

Пѣвецъ.

Друзья, всѣ гости по домамъ:
 Отъ чтенья охмелѣли!
 Конецъ и прозѣ, и стихамъ—
 До будущей недѣли!
 Мы здѣсь одни.... Что дѣлать? Пить
 Вино изъ полной чаши.
 Давайте въ запуски хвалить
 Славянски оды наши!

Сотрудники.

Мы здѣсь одни.... Что дѣлать? Пить и проч.

Пѣвецъ.

Сей кубокъ чадамъ древнихъ лѣтъ!
 Вамъ слава, наши дѣды!
 Друзья, уже покойныхъ нѣтъ
 Пѣвцовъ среди Бесѣды!

Ихъ вирши сгнили въ кладовыхъ
 Иль съѣдены мышами,
 Иль продають на рынкѣ въ нихъ
 Салакушку съ сельдями.
 Но духъ отцовъ воскресъ въ сынахъ:
 Мы всё для славы дышемъ,
 Равно здѣсь въ прозѣ и въ стихахъ,
 Какъ Тредьяковскій, пишемъ.

Сотрудники.

Но духъ отцовъ воскресъ въ сынахъ и проч.

Пѣвецъ.

Чья тѣнь подъ самымъ потолкомъ
 Предъ нашими глазами?
 За нимъ, предъ нимъ—о страхъ!—полкомъ
 Поэты со стихами!
 Се Тредьяковскій въ парикѣ
 Намасленномъ съ кудрями,
 Съ Телемахидою въ рукѣ,
 Съ Ролленемъ за плечами.
 Почто на насъ, о мужъ сѣдой,
 Вперилъ ты страшны очи?
 Мы всё клялись, клялись тобой
 Съ утра до полуночи
 Писать какъ ты, тебѣ служить.
 Мы всё съ разсудкомъ въ ссорѣ,
 Для славы будемъ жить и пить,
 Намъ по колѣни море!

Сотрудники.

Писать какъ ты, тебѣ служить и проч.

ПѢВЕЦЪ.

Напьемся пьяны музамъ въ дань,
 Какъ пили наши дѣды!
 Разсудокъ къ чорту, вкусу брань,
 Хвала сынамъ Бесѣды!
 Пусть Ломоносовъ былъ уменъ,
 А мы еще умнѣе;
 За пьянство сталъ умнѣе онъ,
 А мы еще пьянѣе.
 Для славы будемъ жить и пить,
 Врагамъ бѣда и горе!
 На что разсудокъ намъ щадить?
 Намъ по колѣни море!

СОТРУДНИКИ.

Для славы будемъ жить и пить и проч.

ПѢВЕЦЪ.

Друзья, большой бокалъ отцовъ
 За лавку Глазунова!
 Тамъ царство вѣчное стиховъ
 Шихматова лихова.
 Роднаго крова милый свѣтъ,
 Знакомые подвалы,
 Златыя игры первыхъ лѣтъ,
 Невинны мадригалы,
 Что вашу прелесть замѣнить?
 О лавка дорогая,
 Какое сердце не дрожить,
 Тебя благословляя!

СОТРУДНИКИ.

Что вашу прелесть замѣнить и проч.

ПѢВЕЦЪ.

Тамъ все знакомо для пѣвцовъ,
 Тамъ наши дѣтки милы,
 Благбище милое стиховъ,
 Бумажныя могилы,
 Тамъ царство тлѣнья и мышей,
 Тамъ Николевъ почтенный,
 И древній прахъ календарей,
 И прахъ газетъ священный!

СОТРУДНИКИ.

Тамъ царство тлѣнья и мышей и проч.

ПѢВЕЦЪ.

Да здравствуетъ Бесѣды царь!
 Цвѣти, его держава!
 Бумажный тронъ твой—нашъ алтарь,
 Предъ нимъ обѣтъ нашъ—слава.
 Не измѣнимъ: мы отъ отцовъ
 Пріяли глупость съ кровью.
 Сумбуръ, здѣсь сонмъ твоихъ сыновъ,
 Къ тебѣ горимъ любовью!
 Нашъ каждый писарь - Славянинъ
 Галиматьею дышетъ;
 Бѣжитъ предатель сихъ дружинъ,
 Кто галицизмы пишетъ!

СОТРУДНИКИ.

Нашъ каждый писарь - Славянинъ и проч.

ПѢВЕЦЪ.

Тотъ нашъ, кто день и ночь радить
 И намъ молебны служить!

Пусть публика его бранить,
 Но онъ о томъ не тужить,
 За насъ всегда стоитъ горой,
 Въ Бесѣдѣ не зѣваетъ....
 Прямой сотрудникъ, братъ прямой
 И въ брани помогаетъ!

Сотрудники.

За насъ всегда стоитъ горой и проч.

Пѣвецъ.

Хвала тебѣ, славянофилъ,
 О мужъ неукротимой!
 Ты здѣсь разсудокъ побѣдилъ
 Рукой неутомимой.
 О, сколь съ наморщеннымъ челомъ
 Въ Бесѣдѣ онъ прекрасенъ,
 Сколь холоденъ передъ столомъ
 И критикамъ ужасенъ!
 Упрямство въ немъ старинныхъ лѣтъ....
 Хвала сѣдому дѣду!
 Друзья, онъ, онъ родилъ на свѣтъ
 Славянскую Бесѣду!

Сотрудники.

Упрямство въ немъ старинныхъ лѣтъ и проч.

Пѣвецъ.

Хвала тебѣ, о дѣдъ сѣдой,
 Хвала и многи лѣта!
 Ошую пусть сидитъ съ тобой
 Осьмое чудо свѣта,

Твой сынъ, наперсникъ и клеветъ,
 Шихматовъ безглагольный,
 Какъ ты, Славянъ краса и цвѣтъ,
 Какъ ты, собой довольный!

Сотрудники.

Твой сынъ, наперсникъ и клеветъ и проч.

Пѣвецъ.

Хвала тебѣ, о Шаховской,
 Холодныхъ шубъ кроитель,
 Отецъ талантовъ, мужъ прямой,
 Ежовой покровитель!
 Телець, упитанный у насъ
 О ты, болванъ болвановъ,
 Хвала тебѣ, хвала сто разъ,
 Раздутый Карабановъ!

Сотрудники.

Телець, упитанный у насъ и проч.

Пѣвецъ.

Хвала, читателей тиранъ,
 Хвостовъ неистоцимый,
 Стихи твои какъ барабанъ
 Для слуха нестерпимы!
 Вездѣ съ стихами, тутъ и тамъ,
 Вездѣ ты волкомъ рыщешь,
 Пускаешь притчу въ тылъ врагамъ,
 Стихами въ уши свищешь.
 Лишь за поэмю—прочь идутъ,
 За оду—засыпаютъ,
 Ты за посланье—всѣ бѣгутъ
 И уши затыкаютъ.

СОТРУДНИКИ.

Лишь за поэмѣ—прочь идуть и проч.

ПѢВЕЦЪ.

Хвала, псаломщикъ нашъ, старикъ,
 Захаровъ-преложитель,
 Ревешъ ты, какъ на волка быкъ,
 Луговъ пустынныхъ житель!
 Хвала тебѣ, протяжный Львовъ,
 Ковачъ реченій смѣлый,
 И Палицынъ, гроза чтецовъ,
 Въ Поповкѣ посѣдѣлый!
 Хвала, нашъ пасмурный Гервей,
 Обруганный Станевичъ,
 И съ польской лирою своей,
 Халуй Анастасевичъ!

СОТРУДНИКИ.

Хвала, нашъ пасмурный герой и проч.

ПѢВЕЦЪ.

Друзья, сей ковшъ пивной большой
 За здравье Соколова!
 Онъ право чтець у насъ лихой
 И созданъ для Хвостова.
 Въ твоихъ устахъ стихи ревуть,
 Какъ волны пѣной плещуть;
 Отъ грома ихъ невольно тутъ
 Всѣ барыни трепещуть.
 Хвала, Бѣсѣды сей дьячокъ,
 Безумный Политковскій!
 Жуешь, гнусишь и вдругъ стишокъ
 Родишь славяноросскій.

Сотрудники.

Хвала, Бесѣды сей дьячокъ и проч.

Пѣвецъ.

.

 Ихъ груди каменной хвала,
 Хвала скуламъ желѣзнымъ!
 Но мечь тому, кто насъ бранить
 И точить эпиграммы,
 Кто пишетъ такъ, какъ говорить,
 Кого читаютъ дамы!

Сотрудники.

Но мечь тому, кто насъ бранить и проч.

Пѣвецъ.

Сей кубокъ мщенью! Други, въ строй,
 И мигомъ перья въ длани!
 Сразить иль пастъ—нашъ роковой
 Обѣтъ въ чернильной брани.
 Вотще свои, о Карамзинъ,
 Ты издалъ сочиненья:
 Я, я на Пиндѣ властелинъ
 И жажду лишь отмщенья!

Сотрудники.

Вотще свои, о Карамзинъ, и проч.

Пѣвецъ.

Нѣтъ логики у насъ въ домахъ,
 Грамматикъ не бывало;
 Мы прологъ въ руки—гибни, врагъ,

Съ твоей дружиной вялой!
 Отвѣдай, дерзкій, что сильнѣй —
 Разсудокъ или мщенье?
 Пришлецъ, мы въ родинѣ своей!
 За глухихъ Провидѣнье!

Сотрудники.

Отвѣдай, дерзкій, что сильнѣй и проч.

Пѣвецъ.

Друзья, прощанью сей стаканъ!
 Ужь свѣчи погасили,
 Пробили зорю въ барабанъ,
 Къ заутренѣ звонили,
 Пора домой, пора ко сну,
 Отъ хмѣля я шатаюсь....

Графъ Хвостовъ.

Дай, басню я прочту одну
 И послѣ распрощаюсь.

Всѣ.

Ахъ, нѣтъ, друзья, домой, домой!
 Чу, пѣтухи пропѣли!
 Прощай, Шишковъ, нашъ дѣдъ сѣдой,
 Прощай, мы охмелѣли,
 Но ты насъ въ путь благослови!
 А вы, друзья, лобзанья
 Въ завѣтъ и новыя любви,
 И новаго свиданья!

LXXV.

Переходъ черезъ Рейнъ.

Межь тѣмъ какъ воины вдоль идутъ по полямъ, 1
 Завидя вдаль твои, о Рейнъ, волны,
 Мой конь, веселья полный,
 Отъ строя отдѣлясь, стремится къ берегамъ,
 На крыльяхъ жажды прилетаетъ,
 Глотаетъ хладную струю
 И грудь усталую въ бою
 Желанной влагой обновляетъ.

О радость, я стою при реинскихъ водахъ 2
 И, жадные съ холмовъ въ окрестность броса взоры,
 Привѣтствую поля и горы,
 И замки рыцарей въ туманныхъ облакахъ,
 И всю страну, обильну славой,
 Воспомианьемъ древнихъ дней,
 Гдѣ съ Альповъ вѣчною струей
 Ты льешься, Рейнъ величавый!

Свидѣтель древности, событій всѣхъ временъ, 3
 О Рейнъ, ты поилъ несчетны легіоны,

Мечемъ писавшіе законы
 Для гордыхъ Германа кочующихъ племень;
 Любимецъ счастья, бичъ свободы,
 Здѣсь Кесарь бился, побѣждалъ,
 И конь его переплывалъ
 Твои священи, Рейнъ, воды!

Вѣка мелькнули: міръ крестомъ преобращенъ, 4
 Любовь и честь въ душахъ суровыхъ пробудились.
 Здѣсь витязи вооружились
 Копьемъ за жизнь сиротъ, за честь прелестныхъ женъ;
 Тутъ совершались ихъ турниры,
 Тутъ бились храбрые, и здѣсь
 Не умеръ, мнится, и поднесъ
 Звукъ сладкой трубадуровъ лиры.

Такъ, здѣсь подъ тѣнію смоковницъ и дубовъ, 5
 При шумѣ сладостномъ нагорныхъ водопадовъ,
 Въ тѣни цвѣтущихъ сель и градовъ,
 Восторгъ живетъ еще средь избранныхъ сыновъ.
 Здѣсь все питаетъ вдохновенье:
 Простые нравы праотцовъ,
 Святая къ родинѣ любовь
 И празднои роскоши презрѣнье.

Все, все, и видъ полей, и видъ священныхъ водъ, 6
 Туманной древности и бардамъ современныхъ,
 Для чувствъ и мыслей дерзновенныхъ
 И силу новую, и крылья придаетъ.
 Свободны, горды, полудики,
 Природы вѣрные жрецы,
 Тевтонски пѣли здѣсь пѣвцы.....
 И смолкли ихъ волшебны лики.

Ты самъ, родитель водъ, свидѣтель всѣхъ временъ, 8
 Ты самъ, до нашихъ дней, спокойный, величавый,
 Съ паденіемъ народной славы
 Склонилъ чело, увы, позналъ и стыдъ и плѣнъ!
 Давно ли брегъ твой подъ орлами
 Аттилы новаго стеналъ,
 И ты уныло протекалъ
 Между враждебными полками?

Давно ли земледѣль вдоль красныхъ береговъ, 9
 Средь виноградниковъ завѣтныхъ и священныхъ,
 Полки встрѣчалъ иноплеменныхъ
 И ненавистный взоръ зарейнскихъ сыновъ?
 Давно ль они кичася пили
 Вино изъ синихъ хрусталей,
 И кони ихъ среди полей
 И зрѣлыхъ нивъ твоихъ бродили?

И часъ судьбы насталъ! Мы здѣсь, сыны снѣговъ, 10
 Подъ знаменемъ Москвы, съ свободой и съ громами,
 Стеклись съ морей, покрытыхъ льдами,
 Отъ струй полуденныхъ, отъ Каспія валовъ,
 Отъ волнъ Улеи и Байкала,
 Отъ Волги, Дона и Днѣпра,
 Отъ града нашего Петра,
 Съ вершинъ Кавказа и Урала!

Стеклись, нагрянули за честь твоихъ гражданъ, 11
 За честь твердынь и селъ, и нивъ опустошенныхъ,
 И береговъ благословенныхъ,
 Гдѣ разцвѣло въ тиши блаженство Россіянъ,
 Гдѣ ангелъ мирный, свѣтозарный
 Для странъ полуночи рожденъ

И Провидѣньемъ обреченъ
Царю, отчизнѣ благодарной.

Мы здѣсь, о Рейнъ, здѣсь! Ты видишь блескъ мечей,
Ты слышишь шумъ полковъ и новыхъ коней ржанье,
Ура побѣды и взыванье

Идущихъ, скачущихъ къ тебѣ богатырей. 12
Взвивая къ небу прахъ летучій,
По трупамъ вражескимъ летятъ
И вотъ — коней лихихъ поятъ,
Кругомъ заставя долъ зыбучій.

Какой чудесный пиръ для слуха и очей! 13
Здѣсь пушекъ свѣтла мѣдь сіяетъ за конями,
И ружья длинными рядами,
И стяги древніе средь копій и мечей.
Тамъ шлемы воевъ оперенны,
Тяжелой конницы строи
И легкихъ всадниковъ рои,
Въ текучей влагѣ отраженны!

Тамъ слышенъ стукъ сѣкиръ, и палъ угрюмый лѣсъ,¹⁴
Костры надъ Рейномъ дымятся и пылаютъ,
И чаши радости сверкаютъ,
И клики воиновъ восходятъ до небесъ.
Тамъ ратникъ ратника объемлетъ,
Тамъ точить пѣшій штыкъ стальной,
И конный грозною рукой
Крылатый дротикъ свой колеблетъ.

Тамъ всадникъ, опершись на свѣтлу сталь копья, 15
Задумчивъ и одинъ, на берегъ высокомъ
Стоитъ и жаднымъ ловить окомъ

Рѣки излучистой послѣдніе края.

Быть можетъ, онъ воспоминаетъ
Рѣку своихъ родимыхъ мѣстъ
И на груди свой мѣдный крестъ
Невольно къ сердцу прижимаетъ...

Но тамъ готовится, по манію вождей, 16
Безкровный жертвенникъ средь гибельныхъ трофеевъ,
И Богу сильныхъ Маккавеевъ
Колѣнопреклоненъ служителъ алтарей!
Его шума пріосѣняетъ
Знаменъ отчизны грозный лѣсъ,
И солнце юное съ небесъ
Алтарь сіянемъ осыпаетъ.

Всѣ крики бранные умолкли, и въ рядахъ 17
Благоговѣніе внезапно воцарилось,
Оружье долу преклонилось,
И вождь, и ратники чело склонили въ прахъ:
Поютъ владыкъ вышней силы,
Тебѣ, Подателю побѣдъ,
Тебѣ, Незаходимый Свѣтъ,
Дымятся мирныя кадилы!

И се подвигнулись: валить за строемъ строй, 18
Какъ море шумное, волнуется все войско,
И эхо вторитъ кликъ геройской,
Досель не слышанный, о Рейнъ, надъ тобой!
Твой стонетъ брегъ гостепріимной,
И мостъ подъ воями дрожить,
И врагъ, завидя ихъ, бѣжитъ,
Отъ глазъ, вдали теряясь дымной!

LXXVI.

Разлука.

- Гусарь, на саблю опираясь, 1
 Въ глубокой горести стоялъ;
 Надолго съ милой разлучаясь,
 Вздыхая онъ сказалъ:
- «Не плачь, красавица, слезами 2
 «Кручинѣ злой не пособить!
 «Клянуся честью и усами
 «Любви не измѣнить!
- «Любви непобѣдима сила! 3
 «Она мой вѣрный щитъ въ войнѣ;
 «Булатъ въ рукѣ, а въ сердцѣ Лила,—
 «Чего страшиться мнѣ?
- «Не плачь, красавица, слезами 4
 «Кручинѣ злой не пособить!
 «А если измѣню,—усами
 «Клянусь наказанъ быть!

«Тогда мой вѣрный конь споткнися,
 «Летя во вражій станъ стрѣлой;
 «Уздечка бранная повися
 «И стремя подъ ногой!» 5

«Пускай булатъ въ рукѣ съ размаха
 «Изломится, какъ пруть гнилой,
 «И я, блѣднѣя весь отъ страха,
 «Явлюсь передъ тобой!» 6

Но вѣрный конь не спотыкался
 Подъ нашимъ всадникомъ лихимъ,
 Булатъ въ бояхъ не изломался,
 И честь гусара съ нимъ. 7

А онъ забылъ любовь и слезы
 Своей пастушки дорогой
 И рвалъ въ чужбинѣ счастья розы
 Съ красавицей другой. 8

Но что же сдѣлала пастушка?
 Другому сердце отдала.
 Любовь красавицамъ—игрушка,
 А клятвы ихъ — слова! 9

Все здѣсь, друзья, измѣной дышетъ,
 Теперь нѣтъ вѣрности нигдѣ!
 Амуръ смѣясь всѣ клятвы пишетъ
 Стрѣлою на водѣ. 10

LXXVII.

П л ѣ н н ы й.

- Въ мѣстахъ, гдѣ Рона протекаетъ 1
 По бархатнымъ лугамъ,
 Гдѣ миртъ душистый разцвѣтаетъ,
 Склонясь къ ея водамъ,
 Гдѣ на горахъ роскошно зрѣтъ
 Янтарный виноградъ,
 Златой лимонъ на солнцѣ рдѣтъ,
 И яворы шумятъ,
- Въ часы вечернія прохлады, 2
 Любуясь рѣвкой,
 Стоялъ, склоня на Рону взгляды,
 Съ глубокою тоской,
 Добыча брани, русскій плѣнный,
 Придонскихъ честь сыновъ,
 Съ полей побѣды похищенный
 Одинъ толпой враговъ.
- «Шуми» — онъ пѣлъ — «волнами, Рона, 3
 «И жатвы орошай,

«Но плескомъ волнъ роднаго Дона
 «Мнѣ шумъ напоминай!
 «Я въ праздности теряю время,
 «Душою въ людствѣ сирѣ;
 «Мнѣ жизнь не жизнь, безъ славы бремя,
 «И пусть прекрасный мѣръ!

«Весна вокругъ живить природу, 4
 «Яснѣетъ солнца свѣтъ,
 «Все славить счастье и свободу,
 «Но мнѣ свободы нѣтъ!
 «Шуми, шуми волнами, Рона,
 «И мнѣ вспоминай
 «На берегахъ роднаго Дона
 «Отчизны милый край!

«Здѣсь прелесть — сельскія дѣвицы, 5
 «Ихъ взоръ огнемъ горить
 «И сквозь потушленны рѣсницы
 «Мнѣ радости сулить...
 «Какія радости въ чужбинѣ!
 «Онѣ въ родныхъ краяхъ,
 «Онѣ цвѣтутъ въ моей пустынѣ
 И въ дебряхъ, и въ снѣгахъ.

«Отдайте жъ мнѣ мою свободу, 6
 «Отдайте край отцовъ,
 «Отчизны вьюги, непогоду,
 «На родинѣ мой кровь,
 «Покрытый въ зиму яркимъ снѣгомъ!
 «Ахъ, дайте мнѣ коня;
 «Туда помчитъ онъ быстрымъ бѣгомъ
 «И день, и ночь меня,

«На родину, въ сей теремъ древній, 7
 «Гдѣ ждетъ меня краса
 «И подъ окномъ, въ часы вечерни,
 «Глядитъ на небеса,
 «О другъ тайно помышляетъ
 «Иль робкою рукой
 «Коня ретиваго ласкаетъ,
 «Тебя, соратникъ мой!

«Шуми, шуми волнами, Рона, 8
 «И жатвы орошай,
 «Но плескомъ волнъ роднаго Дона
 «Мнѣ шумъ напоминай!
 «О вѣтры, съ полночи летите
 »Отъ родины моей!
 «Вы, звѣзды сѣвера, горите
 «Изгнаннику свѣтлѣй!»

Такъ пѣлъ нашъ плѣнный одинокой 9
 Въ виду лионскихъ стѣнъ,
 Гдѣ юношѣ судьбой жестокой
 Назначенъ долгій плѣнъ.
 Онъ пѣлъ... У ногъ сверкала Рона,
 Въ ней мѣсяцъ трепеталъ,
 И на златыхъ верхахъ Ліона
 Лучъ солнца догаралъ.

LXXVIII.

ДѢНЬ друга.

Sunt aliquid Manes: letum non omnia finit,
Luridaque extinctos effugit umbra rogos.

Propertius.

Я берегъ покидалъ туманный Альбіона.
 Казалось, онъ въ волнахъ свинцовыхъ утопалъ,
 За кораблемъ вилася гальціона,
 И тихій гласъ ея пловцевъ увеселялъ.
 Вечерній вѣтръ, валовъ плесканье,
 Однообразный шумъ и трепеть парусовъ
 И кормчаго на палубѣ взыванье
 Ко стражѣ дремлющей подъ говоромъ валовъ,
 Все сладкую задумчивость питало.
 Какъ очарованный, у мачты я стоялъ
 И сквозь туманъ и ночи покрывало
 Свѣтила сѣвера любезнаго искалъ.
 Вся мысль моя была въ воспоминаньѣ
 Подъ небомъ сладостнымъ отеческой земли,
 Но вѣтровъ шумъ и моря колыханье

На вѣжды томное забвенье навели.

Мечты смѣнялися мечтами

И вдругъ... То былъ ли сонъ?... Предсталъ товарищъ мнѣ,

Погибшій въ роковомъ огнѣ

Завидной смертію надъ Плейскими струями. 20

Но видъ не страшенъ былъ; чело

Глубокихъ ранъ не сохраняло,

Какъ утро майское, веселиемъ цвѣло

И все небесное душѣ напоминало.

«Ты ль это, милый другъ, товарищъ лучшихъ дней,

«Ты ль это?»—я вскричалъ—«о воинъ вѣчно милой!

«Не я ли надъ твоей безвременной могилой,

«При страшномъ заревѣ Беллониныхъ огней,

«Не я ли съ вѣрными друзьями

«Мечемъ на деревѣ твой подвигъ начерталъ 30

«И тѣнь въ небесную отчизну провождалъ

«Съ мольбой, рыданьемъ и слезами?

«Тѣнь незабвеннаго, отвѣтствуй, милый братъ!

«Или протекшее все было сонъ, мечтанье,

«Все, все, и блѣдный трупъ, могила и обрядъ,

«Свершенный дружбою въ твое воспоминанье?

«О, молви слово мнѣ! Пускай знакомый звукъ

«Еще мой жадный слухъ ласкаетъ,

«Пускай рука моя, о незабвенный другъ,

«Твою съ любовію сжимаетъ!»... 40

И я летѣлъ къ нему... Но горній духъ исчезъ

Въ бездонной синевѣ безоблачныхъ небесъ,

Какъ дымъ, какъ метеоръ, какъ призракъ полуночи,

И сонъ покинулъ очи.

Все спало вокругъ меня подъ кровомъ тишины,

Стихи грозныя казались безмолвны,

При свѣтѣ облакомъ подернутой луны

Чуть вѣялъ вѣтерокъ, едва сверкали волны;
Но сладостный покой бѣжалъ моихъ очей,
И все душа за призракомъ летѣла,
Все гостя горняго остановить хотѣла,
Тебя, о милый братъ, о лучший изъ друзей!

50

LXXIX.**На развалинахъ замка въ Швеціи.**

- Уже свѣтило дня на западѣ горитъ 1
 И тихо погрузилось въ волны.
 Задумчиво луна сквозь тонкій паръ глядитъ
 На хляби и берега безмолвны,
 И все въ глубокомъ снѣ поморіе кругомъ.
 Лишь изрѣдка рыбарь къ товарищамъ взываетъ,
 Лишь эхо гласъ его протяжно повторяетъ
 Въ безмолвіи nocturno.
- Я здѣсь, на сихъ скалахъ, висящихъ надъ водой, 2
 Въ священномъ сумракѣ дубравы
 Задумчиво брожу и вижу предъ собой
 Слѣды протекшихъ лѣтъ и славы:
 Обломки, грозный валъ, поросшій злакомъ ровъ,
 Столбы и ветхій мостъ съ чугунными цѣпями,
 Твердыни мшистыя съ гранитными зубцами
 И длинный рядъ гробовъ.
- Все тихо. Мертвый сонъ въ обители глухой. 3
 Но здѣсь живетъ воспоминанье,

И путникъ, опершись на камень гробовой,
 Врушаетъ сладкое мечтанье.
 Тамъ, тамъ, гдѣ вьется плющъ по лѣстницѣ крутой,
 И вѣтръ колышетъ стебель изсохшія полыни,
 Гдѣ мѣсяцъ осребрилъ угрюмыя твердыни
 Надъ спящею водой,

Тамъ воинъ нѣкогда, Одена храбрый внукъ, 4
 Въ бояхъ приморскихъ посѣдѣлый,
 Готовилъ сына въ брань и стрѣлъ пернатыхъ пукъ,
 Броню завѣтну, мечъ тяжелый
 Онъ юношѣ вручилъ израненой рукой
 И громко восклицалъ, подъявъ дрожащи длани:
 «Тебѣ онъ обреченъ, о богъ, властитель брани,
 «Всегда, и всюду твой!

«А ты, мой сынъ, клянись мечемъ своихъ отцовъ 5
 «И Гелы клятвою кровавой
 «На западныхъ струяхъ быть ужасомъ враговъ
 «Пль пасть, какъ предки пали, съ славой!»
 И пылкій юноша мечъ пращѣдовъ лобзалъ
 И къ персямъ прижималъ родительскія длани
 И въ радости, какъ конь, при звукѣ новой брани,
 Кипѣлъ и трепеталъ.

Война, война врагамъ отеческой земли! 6
 Суда на утро возшумѣли,
 Запѣнились моря, и быстры корабли
 На крыльяхъ бури полетѣли.
 Въ долинахъ Нейстріи раздался браней громъ,
 Туманный Альбіонъ изъ края въ край пылаетъ,
 И Гела день и ночь въ Валгаллу провождаетъ
 Погибшихъ блѣдный сонмъ.

Ахъ, юноша, спѣши къ отеческимъ брегамъ, 7
 Назадъ лети съ добычей бранной!
 Ужъ вѣетъ кроткій вѣтръ во слѣдъ твоимъ судамъ,
 Герой, побѣдою избранной!
 Ужъ скальды пиршество готовятъ на холмахъ.
 Зри: дубы въ пламени, въ сосудахъ медь сверкаетъ,
 И вѣстникъ радости отцамъ провозглашаетъ
 Побѣды на моряхъ.

Здѣсь въ мирной пристани, съ денницей золотой 8
 Тебя невѣста ожидаетъ,
 Къ тебѣ, о юноша, слезами и мольбой,
 Боговъ на милость преклоняетъ.
 Но вотъ въ туманѣ тамъ, какъ стая лебедей,
 Блѣвютъ корабли, несомые волнами...
 О, вѣй, попутный вѣтръ, вѣй тихими устами
 Въ вѣтрила кораблей!

Суда у береговъ; на нихъ уже герой 9
 Съ добычей женъ иноплеменныхъ;
 Къ нему спѣшитъ отецъ съ невѣстою младой
 И лики скальдовъ вдохновенныхъ.
 Красавица стоитъ безмолвствуя, въ слезахъ,
 Едва на жениха взглянуть украдкой смѣетъ,
 Потупя ясный взоръ, краснѣетъ и блѣднѣетъ,
 Какъ мѣсяцъ въ небесахъ....

И тамъ, гдѣ камней рядъ, сѣдымъ одѣтый мхомъ, 10
 Помость обрушенный являетъ,
 Повременно сова въ безмолвіи ночью
 Пустыню крикомъ оглашаетъ,
 Тамъ чаши радости стучали по столамъ,
 Тамъ храбрые кругомъ съ друзьями ликовали,

Тамъ скалды пѣли брань, и персты ихъ летали
По пламеннымъ струнамъ,

Тамъ пѣли звукъ мечей и свистъ пернатыхъ стрѣлъ, 11
И трескъ щитовъ, и громъ ударовъ,
Кипящу брань среди опустошенныхъ селъ
И грады въ заревѣ пожаровъ;
Тамъ старцы жадный слухъ склоняли къ пѣснѣ сей,
Сосуды полные въ десницахъ ихъ дрожали,
И гордыя сердца съ восторгомъ вспоминали
О славѣ юныхъ дней...

Но все покрыто здѣсь угрюмой ночи мглой, 12
Все время въ прахъ преобратило!
Гдѣ прежде скалдъ гремѣлъ на арфѣ золотой,
Тамъ вѣтеръ свищетъ лишь уныло!
Гдѣ храбрый ликовалъ съ дружиною своей,
Гдѣ жертвовалъ виномъ отцу и богу брани,
Тамъ дремлютъ притаясь двѣ трепетныя лани
До утреннихъ лучей.

Гдѣ жь вы, о сильные, вы, Галловъ бичъ и страхъ, 13
Земель полнощныхъ исполины,
Роальда спутники, на бранныхъ челнокахъ
Протекши дальнія пучины?
Гдѣ вы, отважныя толпы богатырей,
Вы, дикіе сыны и брани, и свободы,
Возникшіе въ снѣгахъ, средь ужасовъ природы,
Средь копій, средь мечей?

Погибли сильные! Но странникъ въ сихъ мѣстахъ 14
Не тщетно камни вопрошаетъ
И руны тайныя, преданья на скалахъ

Угрюмой древности читаетъ.

Оратай ближнихъ селъ, склоняся на посохъ свой,
Гласить ему: «Смотри, о сынъ иноплеменный,
«Здѣсь тлѣютъ праотцевъ останки драгоцѣнны,
«Почти ихъ гробъ святой!»

ЛХХХ.

Судьба Одиссея.

Средь ужасовъ земли и ужасовъ морей
Блуждая, бѣдствуя, искалъ своей Итаки
Богобоязненный страдалецъ Одиссей,
Стопой безтрепетной сходилъ Аида въ мракѣ.
Харибды яростной, подводной Сциллы стонъ
Не потрясли души высокой.
Казалось, побѣдилъ терпѣньемъ рокъ жестокой
И чашу горести до капли выпилъ онъ;
Казалось, небеса карать его устали
И тихо соннаго домчали
До милыхъ родины давножеланныхъ скалъ.
Проснулся онъ—и что жь?... Отчизны не позналъ.

LXXXI.

Элегія изъ Тибулла.

Вольный переводъ.

Месалла, безъ меня ты мчишься по волнамъ
 Съ орлами римскими къ восточнымъ берегамъ,
 А я, въ Теакіи оставленный друзьями,
 Ихъ заклинаю всѣмъ—и дружбой, и богами,
 Тибулла не забыть въ далекой сторонѣ!
 Здѣсь Парка блѣдная конецъ готовитъ мнѣ,
 Здѣсь жизнь мою прерветъ безжалостной рукою....
 Неумолимая, нѣтъ матери со мною!
 Кто будетъ принимать мой пепелъ отъ костра?
 Кто будетъ безъ тебя, о милая сестра,
 За громомъ слѣдовать въ одеждѣ погребальной
 И муро изливать надъ урною печальной?
 Нѣтъ друга моего, нѣтъ Деліи со мной!
 Она и въ самый часъ разлуки роковой
 Обряды тайные и чары совершала:
 Въ священномъ ужасѣ безсмертныхъ вопрошала,
 И жребій счастливый намъ отрокъ вынималъ.
 Что пользы отъ того? Часъ гибельный насталъ,

И снова Делія печальна и уныла,
 Слезами полный взоръ невольно обратила 20
 На дальній путь. Я самъ, лишенный скорбью силъ,
 «Утѣшься», Деліи сквозь слезы говорилъ,
 «Утѣшься», и еще съ невольнымъ трепетаньемъ
 Печальную лобзалъ послѣднимъ лобызаньемъ.
 Казалось, нѣкій богъ меня останавливалъ:
 То воронъ мнѣ бѣду внезапно предвѣщалъ,
 То въ день, отцу боговъ Сатурну посвященный,
 Я слышалъ громъ глухой за роцею отдаленной.
 О вы, которые умѣете любить,
 Страшитесь любовь разлукой прогнѣвить! 30
 Но, Делія, къ чему Изидѣ приношенья,
 Сіи въ ночи глухой протяжны пѣснопѣнья
 И волхванье жрицъ, и мѣди звучной стонъ?
 Къ чему, о Делія, въ безбрачномъ ложѣ сонъ
 И очищенія священною водою?
 Все тщетно, милая! Тибулла нѣтъ съ тобою!
 «Богиня грозная, спаси его отъ бѣдъ!»
 И снова Делія мастики принесетъ,
 Украситъ дивный храмъ весенними цвѣтами
 И съ распущенными по вѣтру волосами, 40
 Какъ дѣва чистая, во ткань облечена,
 Возсядетъ на помостъ: и звѣзды, и луна,
 До возхожденія румяныя Авроры,
 Услышатъ гласъ ея и жрицъ фарійскихъ хоры.
 Отдай, богиня, мнѣ родимыя поля,
 Отдай знакомый шумъ домашняго ручья,
 Отдай мнѣ Делію: и вамъ дары богаты
 Я въ жертву принесу, о лары и пенаты!
 Зачѣмъ мы не живемъ въ златыя времена?
 Тогда безпечныя народовъ племена 50
 Путей среди лѣсовъ и горъ не пролагали

И раломъ никогда полей не раздирали;
 Тогда не мчалась слъ на легкихъ парусахъ,
 Несома вѣтрами въ лазоревыхъ моряхъ,
 И кормчій не дерзалъ по хлябямъ разъяреннымъ,
 Съ сидонскимъ багрецомъ и съ золотомъ безцѣннымъ,
 На утломъ кораблѣ скитаться здѣсь и тамъ;
 Дебелый волъ бродилъ свободно по лугамъ,
 Топталъ душистый злакъ и спалъ въ тѣни зеленой,
 Конь борзый не кропилъ узды кровавой пѣной, 60
 Не зрѣли на поляхъ столбовъ и рубежей,
 И кущи сельскія стояли безъ дверей;
 Медъ капалъ изъ дубовъ янтарною слезою,
 Въ сосуды молоко обильною струею
 Лилось изъ сосцовъ, питающихъ овецъ.
 О мирны пастыри, въ невинности сердець
 Безпечно жившіе среди пустынь безмолвныхъ!
 При васъ, на пагубу друзей-единокровныхъ,
 На наковальнѣ млатъ не исковалъ мечей,
 И ратникъ не гремѣлъ оружіемъ средь полей. 70
 О вѣкъ Юпитеровъ, о времена несчастны!
 Война, вездѣ война и гладъ, и моръ ужасный,
 Повсюду рыщетъ смерть—на сушѣ, на водахъ!
 Но ты, держащій громъ и молнію въ рукахъ,
 Будь мирному пѣвцу Тивуллу благосклоненъ!
 Ни словомъ, ни душой я не былъ вѣроломнъ;
 Я съ трепетомъ боговъ отчизны обожалъ,
 И если мой конецъ безвременный насталъ,
 Пусть камень обо мнѣ проходимъ возвѣщаетъ:
 «Тивуллъ, Месаллы другъ, здѣсь съ миромъ почиваетъ». 80
 Единственный мой богъ и сердца властелинъ,
 Я былъ твоимъ жрецомъ, Киприды милый сынъ!
 До гроба я носилъ твои оковы нѣжны,
 И ты, Амуръ, меня въ жилища безмятежны,

Въ Элизій приведешь таинственной стезей,
 Туда, гдѣ вѣчный май межъ рощей и полей,
 Гдѣ разцвѣтаетъ нардъ и киннамона лозы,
 И воздухъ напоенъ благоуханьемъ розы.
 Тамъ слышно пѣнье птицъ и шумъ біющихъ водъ,
 Тамъ дѣвы юныя, сплетая въ хороводъ, 90
 Мелькаютъ межъ деревьевъ, какъ легки привидѣнья.
 И тотъ, кого постигъ, въ минуту упоенья,
 Въ объятіяхъ любви неумолимый рокъ,
 Тотъ носить на челѣ изъ свѣжихъ миртъ вѣнокъ.
 А тамъ, внутри земли, во пропастяхъ ужасныхъ,
 Жилище вѣчное преступниковъ несчастныхъ,
 Тамъ рѣки пламенны сверкаютъ по пескамъ,
 Мегера страшная и Тизифона тамъ
 Съ челомъ, опутаннымъ шипящими зміями,
 Бѣгутъ на дикій брегъ за блѣдными тѣнями. 100
 Гдѣ скрыться? Адскій песъ лежитъ у мѣдныхъ вратъ,
 Рыкаетъ зѣвъ его... и рой тѣней назадъ!
 Богами ввержены во пропасти бездонны,
 Ужасный Энкеладъ и Тифій преогромный
 Питаетъ жадныхъ птицъ утробою своей.
 Тамъ хищный Иксіонъ, окованный змѣей;
 На быстромъ колесѣ вертится безконечно,
 Тамъ въ жаждѣ пламенной Танталъ безчеловѣчной
 Надъ хладною рѣкой сгараеть и дрожить...
 Все тщетно! Вспять вода коварная бѣжитъ, 110
 И черпаютъ ее напрасно Данаиды,
 Всѣ жертвы вѣчныя карающей Киприды.
 Пусть тамъ страдаетъ тотъ, кто рушилъ нашъ покой
 И разлучилъ меня, о Делія, съ тобой!
 Но ты, мнѣ вѣрная, другъ милой и безцѣнной,
 И въ мирной хижинѣ, отъ взоровъ сокровенной,
 Съ наперсницей любви, съ подругою твоей

На мигъ не покидай домашнихъ алтарей!
При шумѣ зимнихъ вьюгъ, подъ сѣнью безопасной,
Подруга въ темну ночь зажжетъ свѣтильникъ ясной 120
И, тихо вретено кружа въ рукѣ своей,
Разскажетъ повѣсти и были старыхъ дней,
А ты, склоня слухъ на сладки небылицы,
Забудешься, мой другъ, и томныя зѣницы
Закроетъ тихій сонъ, и пряслица изъ рукъ
Падетъ... и у дверей предстанетъ твой супругъ,
Какъ небомъ посланный внезапно добрый геній.
Бѣги на встрѣчу мнѣ, бѣги изъ мирной сѣни,
Въ прелестной наготѣ явись моимъ очамъ:
Власы развѣянны небрежно по плечамъ, 130
Вся грудь лилейная и ноги обнаженны...
Когда жь Аврора намъ, когда сей день блаженный
На розовыхъ коняхъ въ блистаньи принесетъ,
И Делію Тибуллъ въ восторгѣ обойметъ?

LXXXII.

На смерть супруги Ф. Ф. Кокошкина.

Nell'età sua più bella e più fiorita...
E viva... e bella al ciel salita....

Petrarca.

- Нѣтъ подруги нѣжной, нѣтъ прелестной Лилы, 1
 Все осиротѣло!
 Плачь любовь и дружба! Плачь, Гименъ унылый,
 Счастье улетѣло!
- Дружба, ты всечасно радости цвѣтами 2
 Жизнь ея дарила,
 Ты свою богиню съ воплемъ и слезами
 Въ землю положила.
- Ты печальны тисы, кипарисны лозы 3
 Насади вокругъ урны!
 Пусть приноситъ юность въ даръ чистѣйши слезы
 И цвѣты лазурны!
- Все вокругъ уныло! Чуть зефиръ весенній 4
 Памятникъ лобзаетъ;

Здѣсь, въ жилищѣ плача, тихій смерти геній
Розу обрываетъ.

Здѣсь Гименъ прикованъ, блѣдный и безгласный, 5
Вѣчною тоскою
Гасить у гробницы свой свѣтильникъ ясный
Трепетной рукою!

LXXXIII.**Любовь въ челнокѣ.**

- Мѣсяцъ плавалъ надъ рѣкою. 1
 Все спокойно. Вѣтерокъ
 Вдругъ повѣялъ, и волною
 Принесло ко мнѣ челнокъ.
- Мальчикъ въ немъ сидѣлъ прекрасный, 2
 Тяжкимъ правилъ онъ весломъ.
 «Ахъ, малютка мой несчастный,
 «Ты потонешь съ челнокомъ!»
- «Добрый путникъ, дай помогу, 3
 «Я не справлю, сидя въ немъ.
 «На весло, и понемногу
 «Мы къ ночлегу доплывемъ».
- Жалко мнѣ малютки стало, 4
 Съѣлъ въ челнокъ и—за весло!
 Парусъ вѣтромъ надувало,
 Насъ стрѣлою понесло.

И вдоль берега помчались 5
 По теченью быстрыхъ водъ,
 А на берегъ собирались
 Стаей нимфы въ хороводъ

Рѣзвья смѣялись, пѣли 6
 И цвѣты кидали въ насъ;
 Мы неслись, стрѣлой летѣли...
 О бѣда, о страшный часъ!

Я заслушался, забылся, 7
 Вѣтеръ съ моря заревѣлъ;
 Мой челнокъ о мель разбился,
 А малютка... улетѣлъ!

Кое-какъ на голый камень 8
 Вышелъ, съ горемъ пополамъ;
 Я обмокъ, а въ сердцѣ пламень:
 Изъ бѣды опять къ бѣдамъ!

Всюду нимфъ ищу прекрасныхъ, 9
 Всюду въ горести брожу,
 Лишь въ мечтаньяхъ сладострастныхъ
 Тѣни милыхъ нахожу.

Добрый путникъ, въ часъ погоды 10
 Не садися ты въ челнокъ!
 Знать, сіи опасны воды,
 Знать, малютка—страшный богъ!

LXXXIV.

Послание И. М. Муравьеву-Апостолу.

Ты правъ, любимецъ музъ! Отъ первыхъ впечатлѣній,
 Отъ первыхъ, свѣжихъ чувствъ заемлетъ силу геній
 И имъ въ теченьи дней своихъ не измѣнить!
 Кто бъ ни былъ—пламенный ораторъ иль пѣтъ,
 Свѣтильникъ мудрости, науки обладатель,
 Иль кистью естества нѣмаго подражатель,
 Наперсникъ музъ,—позналъ отъ колыбельныхъ дней,
 Что долженъ быть жрецомъ парнасскихъ алтарей.
 Младенецъ счастливый, уже любимецъ Феба,
 Онъ съ жадностью взиралъ на свѣтъ лазурный неба,¹⁰
 На зелень, на цвѣты, на зыбку сѣнь деревьевъ,
 На воды быстрыя и полный мрака лѣсъ.
 Онъ, къ лону матери приникнувъ, улыбался,
 Когда веселый май цвѣтами убирался,
 И жавронокъ вился надъ зеленою полей.
 Златая ль радуга, пророчица дождей,
 Весь сводъ лазоревый подернетъ облистаньемъ—
 Ее привѣтствовалъ невнятнымъ лепетаньемъ,
 Ее манилъ къ себѣ младенческой рукой.
 Что видѣлъ въ юности предъ хижиной родной,

Что видѣлъ, чувствовалъ, какъ новый міра житель,
Того въ душѣ своей до позднихъ дней хранитель,
Желаетъ въ пѣсняхъ музъ потомству передать.

Мы видимъ первыхъ чувствъ волшебную печать
Въ твореньяхъ генія, испытанныхъ вѣками:

Изъ мѣстъ, гдѣ Мантуа красуется лугами,

И Минцій въ камышахъ недвижимый стоитъ,

Отъ милыхъ лиръ своихъ отторженный пѣтъ,

Въ чертоги Августа судьбой перенесенной,

Жалѣлъ о васъ, ручьи отчизны незабвенной,

30

О древней хижинѣ, гдѣ юность провождалъ

И Титира свирѣлъ потомству передалъ.

Но тамъ ли, гдѣ всегда роскошная природа

И раскаленный Фебъ съ безоблачнаго свода

Обиліемъ поля счастливыя дарить,

Таланта колыбель и область Піеридъ?

Нѣтъ, нѣтъ! И въ сѣверѣ любимецъ ихъ не дремлетъ,

Но гласу громкому самой природы внемлетъ,

Свершая славный путь, предписанный судьбой.

Природы ужасы, стихій враждебныхъ бой,

40

Рѣвущіе со скалъ угрюмыхъ водопады,

Пустыни снѣжныя, льдовъ вѣчныя громады

Иль моря шумнаго необозримый видъ,

Все, все возноситъ умъ, все сердцу говорить

Краснорѣчивыми, но тайными словами,

И огонь поэзіи питаетъ между нами.

Близъ Колы пасмурной, средь дикихъ рыбаей,

Въ трудахъ воспитанный, уже отъ юныхъ дней

Нашъ Пиндаръ чувствовалъ сей пламень потасанный,

Сей огонь зиждительный, даръ Бога драгоцѣнный,

50

Отъ юности въ душѣ небеснаго залогъ,

Которымъ Фебовъ жрецъ исполненъ, какъ пророкъ.

Онъ сладко трепеталъ, когда сквозь мракъ тумана

Стремился по зыбямъ холоднымъ океана
 Къ необитаемымъ, бесплоднымъ островамъ
 И мрежи разстилалъ по новымъ берегамъ.
 Я вижу мысленно, какъ отрокъ вдохновенной
 Стоитъ въ безмолвіи надъ бездною разъяренной
 Среди мечтанія и первыхъ сладкихъ думъ,
 Прислушивая волнъ однообразный шумъ. 60
 Лице горитъ его, грудь тягостно вздыхаетъ,
 И сладкая слеза ланиту орошаетъ,
 Слеза, извѣстная таланту одному!
 Въ красѣ божественной любимцу своему,
 Природа, ты не разъ на сѣверѣ являлась
 И въ пламенной душѣ на вѣки начерталась!
 Исполненный всегда видѣнъемъ первыхъ лѣтъ,
 Какъ часто воспѣвалъ восторженный поэтъ
 Дрожащій, хладный блескъ полуночной Авроры
 И лядяныя, въ моряхъ носимы вѣтромъ горы, 70
 И Уну, спящую средь звонкихъ камышей,
 И день, чудесный день, безъ ночи, безъ зарей!
 Въ Пальмирѣ сѣвера, въ жилищѣ шумной славы,
 Державинъ камскія воспоминалъ дубравы,
 Отчизны сладкій дымъ и древній градъ отцовъ.
 На тучны пажити приволжскихъ береговъ
 Какъ часто Дмитріевъ, расторгнувъ свѣтски узы,
 Водилъ насъ по слѣдамъ своей счастливой музы,
 Столь чистой, какъ струи царицы свѣтлыхъ водъ,
 На коихъ въ первый разъ зрѣлъ солнечный восходъ 80
 Пѣвецъ сибирскаго Пизарра вдохновенный!
 Такъ, свыше нѣжною душею одаренный,
 Питъ отъ юности до серебряныхъ власовъ
 Лелѣетъ въ памяти страну своихъ отцовъ.
 На жизненномъ пути ему даруетъ геній
 Неизсякаемый источникъ наслажденій

Въ замѣну счастья и скудныхъ міра благъ:
Съ нимъ муза тайная живетъ во всѣхъ мѣстахъ
И въ мірѣ дивный міръ любимцу созидаетъ.
Пускай свирѣпый рокъ по волѣ имъ играетъ, 90
Пускай не знаемый, безъ злата и честей,
Съ главою поникшею онъ бродитъ межъ людей,
Пускай Фортуною отъ дѣтства удостоинъ,
Онъ будетъ судія, министръ иль въ полѣ воинъ,
Но музамъ и себѣ нигдѣ не измѣнитъ!
Въ самомъ молчаніи онъ будетъ все пѣитъ,
Въ самомъ бездѣйствіи онъ съ дѣятельнымъ духомъ,
Все сильно чувствуетъ, все ловитъ взоромъ, слухомъ,
Всѣмъ наслаждается и всюду наконецъ
Готовитъ Фебу дань его грядущій жрецъ. 100

XXXV.

Странствователь и домосѣдъ.

Обѣхавъ свѣтъ кругомъ,
 Спокойный домосѣдъ, передъ моимъ каминомъ
 Сижу и думаю о томъ,
 Какъ трудно быть своихъ привычекъ властелиномъ,
 Какъ трудно вѣкъ дожить на родинѣ своей
 Тому, кто въ юности изъ края въ край носился,
 Все видѣлъ, все узналъ,—и что жь? Изъ-за морей
 Ни лучше, ни умнѣй
 Подъ кровъ домашній воротился.
 Поклонникъ суетнымъ мечтамъ,
 Онъ осужденъ искать.... чего—не знаетъ самъ!
 О странникѣ такомъ скажу я повѣсть вамъ.

10

Два брата, Филалетъ и Клитъ, смиренно жили
 Въ предмѣстїи Аѳинъ подъ кровлею одной;
 Въ довольствѣ? Не скажу, но съ бодрою душой
 Встрѣчали день и ночь спокойно проводили,
 Затѣмъ что по трудахъ всегда прїятенъ сонъ.
 Вдругъ умеръ дядя ихъ, аѳинскій Гарпагонъ,
 И братья-бѣдняки—о радость!—получили

- Не помню сколько минъ монеты золотой 20
 Да кучу серебра: сосуды и амфоры
 Отдѣлки мастерской.
 Наслѣдственнымъ добромъ свои насытя взоры,
 Такіе завели другъ съ другомъ разговоры:
 «Какъ думаешь своей казной расположить?»
 Клитъ спрашивалъ у брата.
 «А я такъ домъ хочу купить
 «И въ немъ тихохонько съ женою вѣкъ прожить
 «Подъ сѣнью отчаго пената.
 «Землицы уголокъ не будетъ лишній намъ: 30
 «Отъ дѣтства я любилъ ходить за виноградомъ,
 «Водиться знаю съ стадомъ,
 «И дѣтямъ я мой плугъ въ наслѣдство передамъ,
 «А ты какъ думаешь?» «О, я съ тобой несходенъ;
 «Я пресмыкаться не способенъ
 «Въ толпѣ гражданъ простыхъ,
 «И съ помощью наслѣдства,
 «Для дальнихъ замысловъ моихъ,
 «Благодаря богамъ, теперь имѣю средства!»
 «Чего же хочешь ты?» «Я?... славенъ быть хочу». 40
 «Но чѣмъ?» «Какъ чѣмъ? Умомъ, дѣлами
 «И краснорѣчьемъ, и стихами,
 «И мало ль чѣмъ еще? Я въ Мемфисъ полечу
 «Дѣлиться мудростью съ жрецами:
 «Зачѣмъ сей созданъ міръ? Кто править имъ и какъ?
 «Гдѣ кончится земля? Гдѣ гордый Нилъ родится?
 «Зачѣмъ подъ пеленой сокрытъ Изиды зракъ,
 «Зачѣмъ горящій Фебъ все къ западу стремится?
 «Какое счастье, милый братъ!
 «Я буду въ мудрости соперникъ Пифагора, 50
 «Въ Аѳинахъ обо мнѣ тогда заговорять,
 «Въ Аѳинахъ?.. Что сказалъ! Отъ Нила до Босфора

«Прославится твой братъ, твой вѣрный Филалетъ!

«Какое счастье! Десять лѣтъ

«Я стану ѣсть траву и нѣмъ какъ рыба буду,

«Но краснорѣчья даръ, конечно, не забуду.

«Ты знаешь, я всегда краснорѣчивъ бывалъ

«И площадь нашу посѣщалъ

«Не даромъ.

«Не стану я моимъ превозноситься даромъ,

60

«Какъ нашъ Алкивиадъ, ораторъ слабыхъ женъ,

«Или надутый Демосѣенъ,

«Кичася въ пурпурѣ предъ царскими послами.

«Нѣтъ, нѣтъ, я каждого полезными рѣчами

«На площади градской намѣренъ просвѣщать!

«Ты самъ, оставя плугъ, придешь меня внимать,

«Съ народомъ шумные восторги раздѣляя

«И слезы радости подъ мантией скрывая,

«Краснорѣчивѣйшимъ изъ Грековъ называть.

«Ты обоймешь меня дрожащею рукою,

70

«Когда... повѣришь ли? Гликерія сама

«На площади, съ толпою,

«Меня провозгласитъ оракуломъ ума,

«Ума и, можетъ быть, любезности. Конечно,

«Любезностью сердечной

«Я буду нравиться и въ сорокъ лѣтъ еще.

«Тогда Аѳиняне забудутъ Демосѣена

«И Кратеса въ плащѣ,

«И бочку шута Діогена,

«Которую, смотри, онъ катитъ мимо насъ!»

80

«Прощай же, братецъ, въ добрый часъ!

«Счастливаго пути къ премудрости желаю»,

«Клить молвилъ краснобаю;

«Я вижу, намъ тебя ничѣмъ не удержать!»

Вдохнуль, пожалъ плечыи и къ городу опять

Пошелъ домашній бытъ и домикъ снаряжать.
 А Филалетъ? Къ Пирею,
 Чтобъ судно тирское застать
 И въ Мемфисъ полетѣть съ румяною зарею.
 Признаться, онъ вздохнулъ, начавши Одиссею,
 Но кто не пожалѣлъ. объ отческой землѣ,
 Надолго разставаясь съ нею?

90

Семь дней на кораблѣ
 Зѣвая
 Проказникъ нашъ сидѣлъ
 И на море глядѣлъ,
 Отъ скуки самъ съ собой въ полголосъ разсуждая:
 «Да гдѣ жь тритоны всѣ? Гдѣ стаи нерейды?
 «Гдѣ скрылися онѣ съ толпой океаниды?
 «Я ни одной не вижу въ морѣ?»
 И не увидѣлъ ихъ. Но вѣтеръ свѣжій вскорѣ
 Въ Египетъ странника принесъ.
 Уже онъ въ Мемфисѣ, въ обители чудесъ,
 Уже въ святилище премудрости вступаетъ,
 Какъ мумія, сидитъ среди бородъ сѣдыхъ
 И десять дней зѣваетъ
 За поученьемъ ихъ
 О жертвахъ каменной Изидѣ,
 Объ Аписѣ-быкѣ иль грозномъ Озиридѣ,
 О псахъ Анубиса, о чеснокѣ святомъ,
 Усердно славимомъ на Нилѣ,
 О кровожадномъ крокодилѣ
 И о котѣ большомъ.
 «Какія глупости, какое заблужденье!
 «Клянуса Поллуксомъ, нѣтъ слушать болѣ силъ!»
 Грекъ молвилъ, потерявъ и важность, и терпѣнье,
 Съ скамьи какъ бѣшеный вскочилъ

100

110

И псу священному—о ужась!—наступилъ
 На божескую лапу.
 Скорѣе въ руки посохъ, шляпу, 120
 Скорѣй изъ Мемфиса бѣжать
 Отъ гнѣва старцевъ разъяренныхъ,
 Отъ крокодиловъ, псовъ и луковицъ священныхъ
 И между Грековъ просвѣщенныхъ
 Любезной мудрости искать.
 На первомъ кораблѣ онъ полетѣлъ въ Кротону.
 Въ Кротонѣ бьетъ челомъ смиренно Агатону,
 Мудрѣйшему изъ мудрецовъ,
 Жестокому врагу и мяса, и бобовъ
 (Ихъ въ гнѣвѣ Пиеагоръ, его учитель славный, 130
 Проклятемъ страшнымъ поразилъ,
 Затѣмъ что у него желудокъ неисправный
 Бобовъ и мяса не варилъ).
 «Ты мудрости ко мнѣ, мой сынъ, пришелъ учиться?»
 У Грека старецъ спросилъ
 Съ усмѣшкой хитрою. «И такъ, прошу садиться
 «И слушать пѣнье сферъ... Ты слышишь?» «Ничего!»
 «А видишь ли въ девятомъ мѣрѣ
 «Духовъ, летающихъ въ эфирѣ?»
 «И менѣе того!» 140
 «Увидишь, попостись ты года три, четыре
 «Да лѣтъ съ десятокъ помолчи;
 «Тогда, мой сынъ, тогда обнимешь браннымъ взоромъ
 «Всѣ тайной мудрости лучи,
 «Обнимешь, я тебѣ клянуся Пиеагоромъ!»
 «Согласенъ, такъ и быть!»
 Но Греку шутка ли и день не говорить?
 А десять лѣтъ молчать, молчать, да все поститься...
 Зачѣмъ? Чтобъ мудрецомъ,
 Съ морщиннымъ отъ поста и мудрости челомъ, 150

Въ Аѳины возвратиться?

«О, нѣтъ!»

Черезъ сутки возопилъ голодный Филалетъ.

«Юпитеръ далъ мнѣ умъ съ разсудкомъ

«Не для того, чтобъ я ходилъ съ пустымъ желудкомъ:

«Я мудрости такой покорнѣйшій слуга;

«Прощайте жъ навсегда, кротонски берега!»

Сказалъ, и къ Этнѣ путь направилъ—

За дѣломъ: чтобъ на ней узнать, зачѣмъ и какъ

Изношенный башмакъ

160

Философъ Эмпедоклъ предъ смертью тамъ оставилъ.

Узналъ, и съ вѣстью сей

Онъ—въ Грецію скорѣй,

Съ усталой отъ заботъ и праздности душою.

Повсюду гость среди людей,

Вездѣ за трапезой чужою,

Нашъ странникъ обходилъ

Поля, селенія и грады,

Но счастья не находилъ

Подъ небомъ счастливымъ Эллады.

170

Спѣша изъ края въ край, онъ игры посѣщалъ,

Забавы, зрѣлища, ристанья

И даже прорицанья

Безъ вѣры вопрошалъ,

Но хижину отцовъ нерѣдко вспоминалъ,

Въ ненастье по лѣсамъ бродя съ своей клюкою,

Какъ червемъ, тайною снѣдаемый тоскою.

Притомъ же кошелекъ

У Грека сталъ легокъ,

А ночью, какъ онъ шелъ черезъ Лаконски горы, 180

Отбили у него

И остальное воры.

Счастливъ еще, что жизнь не отняли его!

«Но жизнь безъ денегъ что? Мученье нестерпимо!»

Такъ думалъ Филалеть,
Ташась полунагой въ степи необозримой.

Три раза солнца свѣтъ
Смѣнялся мракомъ ночи,

Но странника не зрѣли очи

Ни жила, ни стези: повсюду степь и степь,

Да горь въ дали туманной цѣпь,

Иловъ и воровъ ужасныя жилища.

Что дѣлать въ горь, что начать!

Придется умирать

Въ пустынь, одному, безъ помощи, безъ пищи.

«Нѣтъ, боги, нѣтъ!»

Терзая грудь, вопилъ несчастный Филалеть.

«Я знаю, какъ покинуть свѣтъ,

«Не стану голодомъ томиться!»

И межъ кустовъ рѣку завидя въ далекъ,

Онъ бросился къ рѣкѣ —

Топиться!

«Что, что ты дѣлаешь, слѣпецъ?»

Несчастному вскричалъ скептическій мудрецъ,

Памфилъ сѣдобородой,

Который надъ водой, любуясь природой,

Одинъ съ клюкой тихонько брелъ

И, къ счастью, странника нашелъ

На краѣ гибельной напасти.

«Топиться хочешь ты? Согласенъ, но сперва

«Повѣдай мнѣ, твоя спокойна ль голова?»

«Разсудокъ ли тебя влечетъ въ рѣку, иль страсти?»

«Разсудокъ? Но его что намъ вѣщаетъ гласъ?»

«Что жизнь и смерть равны для насъ,

«Равны: такъ не зачѣмъ топиться!»

«Дай руку мнѣ, мой сынъ, и не стыдись учиться

190

200

210

«У старца, чѣмъ мудрецъ здѣсь можетъ быть счастливъ!»
Кто жить совѣтуетъ, всегда краснорѣчивъ:

И нашъ герой остался живъ.

Въ разсѣлинахъ скалы, висящей надъ водою, 220

Въ тѣни привѣтливой смоковницъ и оливъ

Построенъ былъ шалашъ Памфиловой рукою,

Гдѣ старецъ десять лѣтъ

Провелъ въ молчаніи глубокомъ

И въ вѣчность проникалъ своимъ орлинымъ окомъ,

Забывъ людей и свѣтъ.

Вотъ тамъ-то ужинъ иль обѣдъ

Простой, но очень здравый,

Находитъ Филалетъ:

Орѣхи, жолуди и травы, 230

Большой сосудъ воды, и только. Боже мой,

Какъ сладостно искать для трапезы такой

Въ утѣхахъ мудрости приправы!

И такъ, въ томъ дива нѣтъ, что съ путникомъ Памфилъ

Объ атаракіи ¹⁾ тотчасъ заговорилъ.

«Все призракъ!» подъ конецъ хозяинъ заключилъ,

«Богатство, честь и власти,

«Болѣзнь и нищета, несчастія и страсти,

«И я, и ты, и цѣлый свѣтъ,

«Все призракъ!» «Сновидѣнье!» 240

Со вздохомъ повторялъ унылый Филалетъ,

Но, глядя на сухой обѣдъ,

Вскричалъ: «Я голоденъ!» «И это заблужденье,

«Все грубыхъ чувствъ обманъ, не сомнѣвайся въ томъ!»

Недѣлю попостясь съ бородатымъ мудрецомъ,

Нашъ призракъ-Филалетъ рѣшился изъ пустыни

¹⁾ Душевное спокойствіе.

Отправиться въ Аѣины.

Пора, пора блеснуть на площади умомъ,
 Пора съ философомъ разстаться,
 Который насъ не даромъ научилъ, 250
 Какъ жить и въ жизни сомнѣваться!

Услужливый Памфилъ

Монетъ съ десятокъ самъ бродягѣ предложилъ,
 Котомкой съ желудьми сушеными ссудилъ
 И въ часъ румянаго разсвѣта
 Самъ вывелъ по тропамъ излучистымъ Тайгета
 На путь аѣинскій Филалета.

Вотъ странникъ нашъ идетъ и день, и ночь одинъ;
 Проходитъ Арголиду,
 Коринѣъ и Мегариду; 260

Вотъ Аттика, и вотъ дымъ сладостный Аѣинъ,
 Керамикъ съ рощами, предмѣстїя начало,
 Тамъ воды Иллиса!.. Въ немъ сердце задрожало:
 Онъ Грекъ,—то мудрено ль, что родину любилъ,
 Что землю цѣловалъ съ горячими слезами,
 Въ восторгѣ внѣ себя съ деревьями, съ домами
 Заговорилъ!

Я самъ, друзья мои, дань сердца заплатилъ,
 Когда, волненьями судьбины

Въ отчизну брошенный изъ дальныхъ странъ чужбины, 270
 Увидѣлъ наконецъ адмиралтейскій шпигъ,
 Фонтанку, этотъ домъ и столько милыхъ лицъ,
 Для сердца моего единственныхъ на свѣтѣ!
 Я самъ...

Но дѣло все теперь о Филалетѣ,
 Который, опершись на кафедру, стоитъ
 И ждетъ опять денницы
 На милой площади аттической столицы.
 Забудьте, милые друзья,

Что Греки снаряжать тогда войну хотѣли,
 Съ какимъ царемъ, не помню я, 280
 Но знаю только то, что риторы гремѣли,
 Предвѣстники народныхъ бѣдъ.
 Такъ рѣчью ихъ сразить желая, Филалетъ
 Всѣхъ раньше на помость погибельный взмогся.
 И вотъ блеснулъ Авроры свѣтъ,
 А съ нимъ и шумъ дневной родился.
 Народъ зашевелился:
 Въ Афинахъ, какъ вездѣ, часъ утра—часъ суеты.
 На площадь побѣжалъ ремесленникъ, поэтъ,
 Поденьщикъ, говорунъ, съ товарами купчина, 290
 Софистъ, архонтъ и Фрина,
 Съ толпой невольницъ и сиренъ,
 И бочку прикатилъ насмѣшникъ Диогенъ.
 На площадь всякъ идетъ для дѣла и безъ дѣла.
 Нахлынули, вся площадь закипѣла.
 Вы помните: бульваръ кипѣлъ въ Парижѣ такъ
 Народа праздными толпами,
 Когда по немъ леталъ съ нагайкою козакъ
 Иль сѣверный Амуръ съ колчаномъ и стрѣлами.
 Такъ точно весь народъ толпился и жужжалъ 300
 Передъ ораторскимъ амвономъ.
 Знакъ поданъ: начинай! Рой шумный замолчалъ,
 И риторъ возвѣстилъ высокопарнымъ тономъ,
 Что Атикѣ война
 Погибельна, вредна,
 Потомъ велерѣчиво, ясно
 По пальцамъ доказалъ, что въ мирѣ быть опасно.
 «Что жъ дѣлать?» закричалъ съ досадою народъ.
 «Что дѣлать?... Сомнѣваться!
 «Сомнѣнье мудрости есть самый зрѣлый плодъ. 310
 «Я вамъ совѣтую, граждане, колебаться—

«И не мириться, и не драться».

Народъ всегда нетерпѣливъ.

Сперва нашъ краснобай услышалъ легкій ропоть,
Шушуканье, а тамъ поближе громкій хохоть,
А тамъ... Но онъ стоитъ уже ни мертвъ, ни живъ,

Разинувъ ротъ, потупивъ взгляды,

Мертвѣ во сто разъ, чѣмъ мертвецы баллады.

Еще проходитъ мигъ —

«Ну, что же? Продолжай!» Ораторъ все ни слова: 320

Отъ страха гдѣ языкъ!

За то, какой въ толпѣ поднялся страшный крикъ,

Какая туча тамъ готова!

На каѳедру летитъ градъ яблоковъ и фигъ,

И камни ужъ свистятъ надъ жертвой...

И жалкій Филалетъ, избитый, полумертвой,

Съ ступени на ступень въ отчаяньи летитъ

И падаетъ безъ чувствъ подъ вѣрную защиту

Въ объятія отверзты... къ Клитю.

И такъ, тщеславнаго спасаетъ бѣдный Клитъ, 330

Простякъ, неграмотный, презрѣнный,

Въ Аѳинахъ дни влачить безъ славы осужденный!

Онъ, онъ, прижавъ его къ груди,

Нахальныхъ крикуновъ толкаетъ на пути,

Однимъ грозитъ, у тѣхъ пощады проситъ.

И брата своего, какъ старика Эней,

Къ порогу хижины своей

На раменахъ доноситъ.

Какъ брата въ хижинѣ лелѣетъ добрый Клитъ!

Не сводитъ глазъ съ него, съ нимъ сладко говорить, 340

Съ простымъ, но сильнымъ чувствомъ:

Предъ дружбой ничего и Гиппократъ съ искусствомъ!

Въ три дни страдалецъ нашъ оправился и всталъ

И брату кинулся на шею со слезами;

«Братъ милый, воротись, мы просимъ, ради Бога!

«Чего тебѣ искать въ чужбинѣ? Новыхъ бѣдъ,

«Откройся, что тебѣ въ отечествѣ не мило? .

«Иль дружество тебя, жестокой, огорчило? 380

«Останься, милый братъ, останься, Филалетъ!»

Напрасныя слова! Чудака не воротился,

Рукой махнулъ и скрылся.

LXXXVI.

Памфилъ забавенъ за столомъ,
Хоть часто и на зло разсудку:
Веселостью обязанъ онъ желудку,
А памяти—умомъ.

LXXXVII.

Надпись къ портрету графа Эммануила Сень-При.

Отъ родины его отторгнула судьбина,
Но лиліямъ отцовъ онъ всюду вѣренъ былъ
И въ нашемъ станѣ воскресилъ
Баярда древній духъ и доблесть Дюгескина.

LXXXVIII.

Т а в р и д а.

Другъ милый, ангелъ мой, сокроемся туда,
 Гдѣ волны кроткія Тавриду омываютъ,
 И Фебовы лучи съ любовью озаряютъ
 Имъ древней Греціи священныя мѣста!

Мы тамъ, отверженные рокомъ,
 Равны несчастіемъ, любовію равны,
 Подъ небомъ сладостнымъ полуденной страны
 Забудемъ слезы лить о жребіи жестокомъ,
 Забудемъ имена фортуны и честей.
 Въ прохладѣ ясеней, шумящихъ надъ лугами, 10
 Гдѣ кони дикіе стремятся табунами
 На шумъ студеныхъ струй, кипящихъ подъ землей,
 Гдѣ путникъ съ радостью отъ зноя отдыхаетъ
 Подъ говоромъ древесъ, пустынныхъ птицъ и водъ,
 Тамъ, тамъ насъ хижина простая ожидаетъ,
 Домашній ключъ, цвѣты и сельскій огородъ.
 Послѣдніе дары фортуны благосклонной,
 Васъ пламенны сердца привѣтствуютъ стократно!
 Вы краше для любви и мраморныхъ палатъ
 Пальмиры сѣвера огромной! 20

Весна ли красная блистаетъ средь полей,
Иль лѣто знойное палитъ изсохши злаки,
Иль, урну хладную вращая, водолей
Валитъ шумящій дождь, сѣдой туманъ и мраки,—
О радость, ты со мной встрѣчаешь солнца свѣтъ
И, ложе счастья съ денницей покидая,
Румяна и свѣжа, какъ роза полевая,
Со мною дѣлишь трудъ, заботы и обѣдъ,
Со мной въ часъ вечера, подъ кровомъ тихой ночи
Со мной, всегда со мной; твои прелестны очи 30
Я вижу, голосъ твой я слышу, и рука
 Въ твоей покоится всечасно.
Я съ жаждою ловлю дыханье сладострастно
 Румяныхъ устъ, и если хоть слегка
Летающій зефиръ власы твои развѣетъ
И взору обнажитъ снѣгамъ подобну грудь,
 Твой другъ не смѣетъ и вздохнуть,
Потупя взоръ, дивится и нѣмѣетъ.

LXXXIX.

Разлука.

Напрасно покидалъ страну моихъ отцовъ,
 Друзей души, блестящія искусства
 И въ шумѣ грозныхъ битвъ, подъ тѣнію шатровъ
 Старался усыпить встревоженныя чувства!
 Ахъ, небо чуждое не лѣчитъ сердца рань!

Напрасно я скитался
 Изъ края въ край, и грозный океанъ
 За мной ропталъ и волновался!
 Напрасно, отъ береговъ плѣнительныхъ Невы
 Отторженный судьбою,

10

Я снова посѣщаль развалины Москвы,
 Москвы, гдѣ я дышалъ свободою прямою!
 Напрасно я спѣшилъ отъ сѣверныхъ степей,
 Холоднымъ солнцемъ освѣщенныхъ,
 Въ страну, гдѣ Тирасъ бьетъ излучистой струей,
 Сверкая между горъ, Церерой позлащенныхъ,
 И древнія поить народовъ племена!
 Напрасно! Всюду мысль преслѣдуетъ одна

О милой, сердцу незабвенной,
Которой имя мнѣ священо,
Которой взоръ одинъ лазоревыхъ очей
Всѣ неба на землѣ блаженства отверзаетъ,
И слово, звукъ одинъ, прелестный звукъ рѣчей
Меня мертвить и оживляетъ.

XС.

Пробужденіе.

Зефиръ послѣдній свѣялъ сонъ
 Съ рѣсницъ, окованныхъ мечтами,
 Но я не къ счастью пробужденъ
 Зефира тихими крилами.
 Ни сладость розовыхъ лучей,
 Предтечи утренняго Феба,
 Ни кроткій блескъ лазури неба,
 Ни запахъ, вѣющій съ полей,
 Ни быстрый летъ коня ретива
 По скату бархатныхъ луговъ
 И лай борзыхъ, и звонъ роговъ
 Вокругъ пустыннаго залива,
 Ничто души не веселить,
 Души, встревоженной мечтами,
 И гордый умъ не побѣдитъ
 Любви—холодными словами.

XCI.

Воспоминанія.

Я чувствую, мой даръ въ поэзіи погасъ,
 И муза пламенникъ небесный потушила;
 Печальна опытность открыла
 Пустыню новую для глазъ.
 Туда влечетъ меня осиротѣлый геній,
 Въ поля бесплодныя, въ непроходимы сѣни,
 Гдѣ счастья нѣтъ слѣдовъ,
 Ни тайныхъ радостей, неизъяснимыхъ сновъ,
 Любимцамъ Фебовымъ отъ юности извѣстныхъ,
 Ни дружбы, ни любви, ни пѣсней музъ прелестныхъ, ¹⁰
 Которыя всегда душевну скорбь мою,
 Какъ лотосъ, силою волшебной врачевали ¹⁾.
 Нѣтъ, нѣтъ, себя не узнаю
 Подъ новымъ бременемъ печали!
 Какъ странникъ, брошенный на брегъ изъ ярыхъ волнъ,
 Встаетъ и съ ужасомъ разбитый видитъ челнъ,
 Рукою трепетной онъ мраки вопрошаетъ,
 Ногой скользитъ надъ пропастями онъ,
 И вѣтеръ буйный развѣваетъ

¹⁾ Лотосъ—растеніе. Смотря Одиссею.

Моленій гласъ его, рыданія и стонъ,— 20
 На краѣ гибели такъ я зову въ спасенье
 Тебя, послѣдняя надежда, утѣшенье,
 Тебя, послѣдній сердца другъ,
 Средь бурей жизни и недугъ
 Хранитель ангелъ мой, оставленный мнѣ Богомъ!
 Твой образъ я тайлъ въ душѣ моей залогомъ
 Всего прекраснаго и благодати Творца,
 Я съ именемъ твоимъ летѣлъ подъ знамя брани
 Искать иль славы, иль конца.
 Въ минуты страшныя чистѣйши сердца дани 30
 Тебѣ я приносилъ на Марсовыхъ поляхъ;
 И въ мирѣ, и въ войнѣ, во всѣхъ земныхъ краяхъ
 Твой образъ слѣдовалъ съ любовію за мною,
 Съ печальнымъ странникомъ онъ неразлученъ сталъ...
 Какъ часто въ тишинѣ, весь занятый тобою,
 Въ лѣсахъ, гдѣ Жувизи ¹⁾ гордится надъ рѣкою,
 И Сейна по цвѣтамъ льетъ серебряный кристалъ,
 Какъ часто среди толпы и шумной, и безпечной,
 Въ столицѣ роскоши, среди прелестныхъ женъ
 Я пѣнье забывалъ волшебное сиренъ 40
 И о тебѣ одной мечталъ въ тоскѣ сердечной;
 Я имя милое твердилъ
 Въ прохладныхъ рощахъ Альбіона
 И эхо называть прекрасную училъ
 Въ цвѣтущихъ пажитяхъ Ричмона ²⁾.
 Мѣста прелестныя и въ дикости своей,
 О камни Швеціи, пустыни Скандинавовъ,
 Обитель древняя и доблести, и нравовъ!

¹⁾ Жувизан—замокъ близъ Париза.

²⁾ Ричмонъ—прекрасный городокъ въ окрестностяхъ Лондона, напротивъ жилища Попе. Путешественники никогда не забудутъ террасы и пѣвительныхъ видовъ Ричмона.

Ты слышала обѣтъ и гласъ любви моей,
 Ты часто странника задумчивость питала,
 Когда румяная денница отражала
 И дальныя скалы гранитныхъ береговъ,
 И села пахарей, и кущи рыбаковъ

50

Сквозь тонки, утренни туманы
 На зеркальныхъ водахъ пустынной Троллетаны ¹⁾.
 Исполненный всегда единственно тобой,
 Съ какою радостью ступилъ на брегъ отчизны!
 «Здѣсь будетъ»—я сказалъ—«душѣ моей покой,
 «Конецъ трудамъ, конецъ и страннической жизни».

Ахъ, какъ обмануть я въ мечтаніи моемъ!
 Какъ снова счастье мнѣ коварно измѣнило

60

Въ любви и дружествѣ, во всемъ,
 Что сердцу сладко льстило,
 Что было тайною надеждою всегда!

Есть странствіямъ конецъ, печалѣмъ—никогда!
 Въ твоемъ присутствіи страданія и муки
 Я сердцемъ новыя позналъ.

Онѣ ужаснѣе разлуки,
 Всего ужаснѣе! Я видѣлъ, я читалъ
 Въ твоемъ молчаніи, въ прерывномъ разговорѣ,
 Въ твоемъ уныломъ взорѣ,

70

Въ сей тайной горести потупленныхъ очей,
 Въ улыбкаѣ и въ самой веселости твоей
 Слѣды сердечнаго терзанья...

Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ бремя жизнь! Что въ ней безъ упованья
 Украсить жребій твой

Любви и дружества прочнѣйшими цвѣтами,
 Всѣмъ жертвовать тебѣ, гордиться лишь тобой,
 Блаженствомъ дней твоихъ и милыми очами,

¹⁾ Троллетана—водопадъ близъ Готтенбурга, на западномъ берегу Швеціи.

Признательность твою и счастье находить 80
Въ рѣчахъ, въ улыбкѣ, въ каждомъ взорѣ,
Міръ, славу, суеты протекшія и горе,
Все, все у ногъ твоихъ, какъ тяжкій сонъ, забыть!
Что въ жизни безъ тебя! Что въ ней безъ упованья,
Безъ дружбы, безъ любви—безъ идоловъ моихъ!...
И муза, сѣтуя, безъ нихъ
Свѣтильникъ гаситъ дарованья.

XСП.

Мой геній.

О память сердца, ты сильнѣй
 Разсудка памяти печальной
 И часто сладостью своей
 Меня въ странѣ плѣняешь дальной!
 Я помню голосъ милыхъ словъ,
 Я помню очи голубыя,
 Я помню локоны златыя,
 Небрежно вьющихся власовъ;
 Моей пастушки несравненной
 Я помню весь нарядъ простой,
 И образъ милый, незабвенный
 Повсюду странствуетъ со мной.
 Хранитель геній мой, любовью
 Въ утѣху данъ разлукѣ онъ!
 Заснулъ? Приникнетъ къ изголовью
 И усладитъ печальный сонъ.

ХСП.

Послѣдняя весна.

Въ поляхъ блистаетъ май веселый,
 Ручей свободно зажурчалъ,
 И яркій голосъ Филомелы
 Угрюмый боръ очаровалъ.
 Все новой жизни пьетъ дыханье.
 Пѣвецъ любви, лишь ты унылъ!
 Ты смерти вѣрной предвѣщанье
 Въ печальномъ сердцѣ заключилъ.
 Ты бродишь слабыми стопами
 Въ послѣдній разъ среди полей, 10
 Прощаясь съ ними и съ лѣсами
 Пустынной родины твоей:
 «Простите, рощи и долины,
 «Родныя рѣки и поля!
 «Весна пришла, и часъ кончины
 «Неотразимой вижу я!
 «Такъ Эпидавра прорицанье
 «Вѣщало мнѣ: Въ послѣдній разъ
 «Услышишь горлицъ воркованье
 «И гальционы тихій гласъ, 20

•Зазеленѣютъ гибки лозы,
 •Поля одѣнутся въ цвѣты,
 •Тамъ первая увидишь розы,
 •И съ ними вдругъ увянешь ты...
 •Ужь близокъ часъ... Цвѣточки милы,
 •Къ чему такъ рано увядать?
 •Закройте памятникъ унылый,
 •Гдѣ прахъ мой будетъ истлѣвать;
 •Закройте путь къ нему собою
 •Отъ взоровъ дружбы навсегда, 30
 •Но если Делія съ тоскою
 •Къ нему приблизится, тогда
 •Исполните благоуханьемъ
 •Вокругъ пустынный небосклонъ
 •И томнымъ листьевъ трепетаньемъ
 •Мой сладко очаруйте сонъ!»
 Въ поляхъ цвѣты не увядали,
 И гальціоны въ тихій часъ
 Стенанья роци повторяли,
 А бѣдный юноша погасъ, 40
 И дружба слезъ не уронила
 На прахъ любимца своего,
 И Делія не посѣтила
 Пустынный памятникъ его.
 Лишь пастырь, въ тихій часъ денницы,
 Какъ въ поле стадо выгонялъ,
 Унылой пѣснью возмущалъ
 Молчанье мертвое гробницы.

XCIV.

Надежда.

Мой духъ, довѣренность къ Творцу!
 Мужайся, будь въ терпѣнныи камень!
 Не Онъ ли къ лучшему концу
 Меня провелъ сквозь бранный пламень?
 На полѣ смерти чья рука
 Меня таинственно спасала
 И жадный крови мечъ врага,
 И градъ свинцовый отражала?
 Кто, кто мнѣ силу далъ сносить
 Труды и гладъ, и непогоду
 И силу въ бѣдствѣ сохранить
 Души возвышенной свободу?
 Кто велъ меня отъ юныхъ дней
 Къ добру стезею потаенной
 И въ бурѣ пламенныхъ страстей
 Мой былъ вожатай неизмѣнной?

10

Онъ, Онъ! Его все даръ благой!
 Онъ намъ источникъ чувствъ высокихъ,
 Любви къ изящному прямой

И мыслей чистыхъ и глубокихъ!
Все даръ Его, и краше всѣхъ
Даровъ—надежда лучшей жизни!
Когда жь узрю спокойный брегъ,
Страну желанную отчизны?
Когда струей небесныхъ благъ
Я утолю любви желанье,
Земную ризу брошу въ прахъ
И обновлю существованье?

XCV.

Къ другу.

Скажи, мудрецъ молодой, что прочно на земли?

Гдѣ постоянно жизни счастье?

Мы область призраковъ обманчивыхъ прошли,

Мы пили чашу сладострастья...

Но гдѣ минутный шумъ веселья и пировъ,

2

Въ винѣ потопленные чаши?

Гдѣ мудрость свѣтская сіяющихъ умовъ?

Гдѣ твой фалернъ и розы наши?

Гдѣ домъ твой, счастья домъ?.. Онъ въ бурѣ бѣдъ

изчезъ, 3

И мѣсто поросло крапивой,

Но я узналъ его: я сердца дань принесъ

На прахъ его краснорѣчивой.

На немъ, когда окрестъ замолкнетъ шумъ градской, 4

И яркій Вespеръ засіяетъ

На темномъ сѣверѣ, твой другъ въ тиши ночной

Въ душѣ задумчивость питаетъ.

- Отъ самой юности служитель алтарей 5
 Богини нѣги и прохлады,
 Отъ пресыщенія, отъ пламенныхъ страстей
 Я сердцу въ ней ищу отрады.
- Повѣришь ли? Я здѣсь, на пеплѣ храминъ сихъ, 6
 Вънокъ веселія слагаю
 И часто въ горести, въ волненьи чувствъ моихъ,
 Потупя взоры, восклицаю:
- «Минутны странники, мы ходимъ по гробамъ, 7
 «Всѣ дни утратами считаемъ,
 «На крыльяхъ радости летимъ къ своимъ друзьямъ
 «И что жь?... Ихъ урны обнимаемъ!»
- Скажи, давно ли здѣсь, въ кругу твоихъ друзей, 8
 Сіяла Лила красотою?
 Благія небеса, казалось, дали ей
 Все счастье смертной подъ луною:
- Нравъ тихій ангела, даръ слова, тонкій вкусъ, 9
 Любви и очи, и ланиты,
 Чело открытое одной изъ важныхъ музъ
 И прелесть дѣвственной хариты.
- Ты самъ, забывъ и свѣтъ, и тщетный шумъ пировъ, 10
 Ея бесѣдой наслаждался
 И въ тихой радости, какъ путникъ средь песковъ,
 Прелестнымъ цвѣтомъ любовался.
- Цвѣтокъ—увы!—изчезъ, какъ сладкая мечта. 11
 Она въ страданіяхъ почила
 И, съ міромъ въ страшный часъ прощаясь навсегда,
 На другѣ взоръ остановила.

- Но, дружба, можетъ быть, ее забыла ты? 12
 Веселье слезы осушило,
 И тѣнь чистѣйшую дыханье клеветы
 На лонѣ мира возмутило...
- Такъ все здѣсь суетно въ обители суетъ, 13
 Пріязнь и дружество непрочно!
 Но гдѣ, скажи, мой другъ, прямой сіяетъ свѣтъ?
 Что вѣчно чисто, непорочно?
- Напрасно вопрошалъ я опытность вѣковъ 14
 И Кліи мрачныя скрижали,
 Напрасно вопрошалъ всѣхъ міра мудрецовъ:
 Они безмолвьемъ отвѣчали.
- Какъ въ воздухѣ перо кружится здѣсь и тамъ, 15
 Какъ въ вихрѣ тонкій прахъ летаетъ,
 Какъ судно безъ руля стремится по волнамъ
 И вѣчно пристани не знаетъ,
- Такъ умъ мой посреди сомнѣній погибалъ, 16
 Всѣ жизни прелести затмились,
 Мой геній въ горести свѣтильникъ погашалъ,
 И музы свѣтлыя сокрылись.
- Я съ страхомъ спросилъ гласъ совѣсти моей... 17
 И мракъ исчезъ, прозрѣли вѣжды,
 И вѣра пролила спасительный елей
 Въ лампаду чистую надежды.
- Ко гробу путь мой весь какъ солнцемъ озаренъ, 18
 ногой надежною ступаю
 И, съ ризы странника свергая прахъ и тлѣнь,
 Въ міръ лучшей духомъ возлетаю.

XCVI.

Пѣснь Гаральда Смѣлаго.

Мы, други, летали по бурнымъ морямъ, 1
 Отъ родины милой летали далеко,
 На сушѣ, на морѣ мы бились жестоко,
 И море, и суша покорствуютъ намъ!
 О други, какъ сердце у смѣлыхъ кипѣло,
 Когда мы, содвинувъ стѣной корабли,
 Какъ птицы неслия станицей веселой
 Вкругъ пажитей тучныхъ Сиканской земли!...
 А дѣва русская Гаральда презираетъ!

О други, я младость не праздно провелъ! 2
 Съ сынами Дронштейма вы помните сѣчу?
 Какъ вихорь, предъ вами я мчался на встрѣчу
 Подъ камни и тучи свистящія стрѣлы.
 Напрасно сдвигались народы, мечами
 Напрасно о наши стучали щиты:
 Какъ блѣдные класы подъ ливнемъ, упали
 И всадникъ, и пѣшій... Владыка, и ты!...
 А дѣва русская Гаральда презираетъ!

Насъ было лишь трое на легкомъ челнѣ, 3
 А море вздымалось, я помню, горами;
 Ночь черная въ полдень нависла съ громами,
 И Гела зіяла въ соленой волнѣ,
 Но волны, напрасно яряся, хлестали.
 Я черпалъ ихъ шлемомъ, работалъ весломъ...
 Съ Гаральдомъ, о други, вы страха не знали
 И въ мирную пристань влетѣли съ челномъ!..
 А дѣва русская Гаральда презираетъ!

Вы, други, видали меня на конѣ. 4
 Вы зрѣли, какъ рушилъ сѣкирой твердыни,
 Летая на бурномъ питомцѣ пустыни
 Сквозь пепель и вьюгу въ пожарномъ огнѣ.
 Желѣзомъ я ноги мои окриляя,
 И лань упреждаю по звонкому льду;
 И, хладную влагу рукой разсѣкая,
 Какъ лебедь отважный, по морю иду!..
 А дѣва русская Гаральда презираетъ!

Я въ мирныхъ родился полночи снѣгахъ, 5
 Но рано отбросилъ доспѣхи ловитвы —
 Лукъ грозный и лыжи, и въ шумныя битвы
 Васъ, други, съ собою умчалъ на судахъ.
 Не тщетно за славой летали далеко
 Отъ милой отчизны по дикимъ морямъ,
 Не тщетно мы бились мечами жестоко:
 И море, и суша покорствуютъ намъ!..
 А дѣва русская Гаральда презираетъ!

XCVII.

М щ е н і е.

(Изъ Парни).

Невѣрный другъ и вѣчно милый!
 Зарю моихъ счастливыхъ дней
 И слезы радости, и клятвы легкокрылы,
 Все время унесло съ любовію твоей,
 И все погибло невозвратно,
 Какъ сладкая мечта, какъ утрое сонъ пріятной!
 Но все любовію здѣсь исполнено моею
 И клятвы страшныя твои напоминаетъ.
 Ихъ помнятъ и лѣса, ихъ помнитъ и ручей,
 И эхо томное ихъ часто повторяетъ. 10
 Взгляни, здѣсь въ первый разъ я встрѣтился съ тобой,
 Ты здѣсь, подобная лилеѣ бѣлоснѣжной,
 Взлелѣянной въ садахъ Авророй и весной,
 Подъ сѣнью безмятежной
 Цвѣла невинностію близъ матери твоей.
 Вотъ здѣсь я въ первый разъ вкусилъ надежды сладость,
 Здѣсь жертвы приносилъ у мирныхъ алтарей,
 Когда твою грозила младость

Болѣзнь жестокая во цвѣтѣ погубить;
 Здѣсь клялся, милый другъ, тебя не пережить, 20
 Но съ новой прелестью ты къ жизни воскресала
 И въ первый разъ люблю краснѣя сказала.
 (Тому сей дикій боръ нѣмой свидѣтель былъ).
 Твоя рука въ моей то млѣла, то пылала,
 И первый поцѣлуй съ душою душу слилъ.
 Тамъ взоръ потупленный назначилъ мнѣ свиданье
 Въ зеленомъ сумракѣ развѣсистыхъ древесъ,
 Гдѣ льется въ воздухѣ сирень благоуханье,
 И облако цвѣтовъ скрываетъ сводъ небесъ;
 Тамъ ночь ненастная спустила покрывало, 30
 И страшно загремѣлъ надъ нами ярый громъ,
 Все небо въ пламени зардѣлося кругомъ .

И въ роцѣ сумрачной сверкало.

Напрасно! Ты была въ объятіяхъ моихъ,
 И къ новымъ радостямъ ты воскресала въ нихъ!
 О пламенный восторгъ, о страсти упоенье,
 О сладострастіе, себя, всего забвенье,
 Съ ея любовію утраченны на вѣкъ,
 Вы будете всегда измѣнницѣ упрекъ!

Воспомянанье ваше, 40

Отъ времени еще прелестнѣе и краше,
 Ея преступное блаженство помрачить
 И сердцу за меня коварному отмститъ
 Неизлѣчимою, жестокою тоскою.
 Такъ! Всюду образъ мой увидишь предъ собою
 Не въ видѣ прежняго любовника въ цѣпяхъ,
 Который съ нѣжностью сквозь слезы упрекаетъ

И жребій съ трепетомъ читаетъ

Въ твоихъ потупленныхъ очахъ;

Нѣтъ, въ лютой ревности, карая преступленье, 50
 Явлюсь, какъ блѣдное въ полночь привидѣнье,

И всюду слѣдовать я буду за тобой:
Въ безмолвіи лѣсовъ, въ поляхъ уединенныхъ,
Въ веселыхъ пиршествахъ, тобой одушевленныхъ,
Гдѣ юность пылкая и взоръ считаетъ твой.
Въ глазахъ соперника, на ложѣ Гименея
Ты будешь съ ужасомъ о клятвахъ вспоминать,
 При имени моемъ блѣднѣя
 Невольно трепетать.
Когда жъ безвременно съ полей кровавой битвы 60
Къ Коциту позоветъ меня судьбины гласъ,
Скажу: будь счастлива въ послѣдній жизни часъ,
И тщетны будутъ всѣ любовника молитвы!

XCVIII.

Посланиѣ къ А. И. Тургеневу.

О ты, который средь обѣдовъ,
 Среди веселій и забавъ
 Сберегъ для дружбы кроткій нравъ,
 Для дѣлъ—характеръ честный дѣдовъ!
 О ты, который при дворѣ,
 Въ чаду успѣховъ или счастья,
 Найти умѣлъ въ одномъ добрѣ
 Души прямое сладострастье!
 О ты, который съ похоронъ
 На свадьбы часто поспѣваешь, 10
 Но, бѣднаго услыша стонъ,
 Ушей не затыкаешь!
 Услышь, мой вѣрный доброхотъ,
 Повѣта смирнаго моленье,
 Доставь крупицу отъ щедротъ
 Сироткамъ двумъ на прокормленье!
 Замолви слова два за нихъ
 Краснорѣчивыми устами.
 Лишь «дайте имъ!» промолви — въ мигъ
 Онѣ очутятся съ сергами. 20

Но кто онъ? Скажу точь въ точь
Всю повѣсть ихъ передъ тобою.

Онъ—вдова и дочь,

Чета, забытая судьбою.

Жилъ нѣкто въ мірѣ семъ Поповъ,

Царя усердный воинъ.

Былъ бѣденъ. Умеръ. Отъ долговъ

Онъ слѣдственно спокоенъ.

Но въ мірѣ онъ забылъ жену

Съ груднымъ ребенкомъ и одну

30

Суму оставилъ имъ въ наслѣдство.

Но здѣсь не все для бѣдныхъ бѣдство!

Имъ добры люди помогли,

Согрѣли, накормили

И, словомъ, какъ могли,

Сиротокъ приютили.

Прекрасно, славно, спору нѣтъ!

Но... здѣшній свѣтъ

Не рай—мнѣ сказывалъ мой дѣдъ.

Враги нахлынули рѣкою,

40

Съ землей сравнялася Москва...

И бѣдная вдова

Опять пошла съ клюкою.

А между тѣмъ все дочь растеть,

И нужды съ нею подрастаютъ.

День за день все идетъ, идетъ,

Недѣли, мѣсяцы мелькаютъ;

Старушка клонится, а дочь

Пышнѣе розы разцвѣтаетъ

И стала грація точь въ точь!

50

Прелестный взоръ, глаза большіе,

Румянецъ Флоры на щекахъ

И кудри льняно-золотыя

На алебастровыхъ плечахъ.
Что слово молвить, то пріятство,
Что ни надѣнетъ, все къ лицу!
Краса—увы!—ея богатство
И все приданое къ вѣнцу,
А крохи нѣтъ насущной хлѣба!
Тургеневъ, другъ нашъ, ради неба,
Прійди на помощь красотѣ,
Несчастію и нищетѣ!
Онѣ предъ образомъ, конечно,
Затеплятъ чистую свѣчу,
За чье здоровье — умолчу:
Ты угадаешь, другъ сердечной!

60

ХСІХ.

Къ цвѣтамъ нашего Горація.

Ни вьюги, ни морозы
Цвѣтовъ твоихъ не истребятъ.
Богъ лиры, богъ любви и музы мнѣ твердятъ:
Въ саду Горація не увядаютъ розы.

С.

Къ портрету Жуковскаго.

Подъ знаменемъ Москвы, предъ падшею столицей
Онъ храбрымъ гимны пѣлъ, какъ пламенный Тиртей.
Въ дни мира, новый Грей,
Плѣняетъ насъ задумчивой цѣвницей.

СІ.

Гезіодъ и Рмиръ соперники.

Посвящено А. Н. Оленину, любителю древности.

Народы, какъ волны, въ Колхиду текли,
 Народы счастливой Эллады.
 Тамъ сильный владыка, надъ прахомъ отца
 Оковча печальны обряды,
 Ристалище славы бойцамъ отверзалъ.
 Три раза съ румяной денницей
 Бойцы выступали съ бойцами на бой,
 Три раза стремили возницы
 Коней легконогихъ по звонкимъ полямъ,
 И трижды владѣтель Колхиды
 Достойнымъ оливны вѣнки раздавалъ.
 Но солнце на лоно Тетида
 Склонялось, и новый готовился бой.
 Очистите поле, возницы!
 Спѣшите, залейте студеной струей
 Пылающи оси и спицы!
 Коней отрѣшите отъ тягостныхъ узъ
 И въ стойлы прохладны ведите!
 Вы, пылью и потомъ покрыты бойцы,

При пламени свѣтломъ вздохните!
 Внемлите, народы, Элады сыны,
 Высокія пѣсни внемлите!

Пройдя изъ края въ край гостепріимный міръ,
 Лѣтами древними и рокомъ удрученный,
 Здѣсь пѣсней царь Омиръ
 И юный Гезіодъ, каменамъ драгоцѣнный,
 Вступаютъ въ славный бой.
 Колебля маслину священною рукой,
 Пѣвецъ Аскреи гимнъ высокій начинаетъ
 (Онъ съ лирой никогда свой гласъ не сочетаетъ):

Гезіодъ.

Безвѣстный юноша, съ стадами я бродилъ
 Подъ тѣнью пальмовой близъ чистой Ипокрены;
 Тамъ пастыря нашли прелестныя камены,
 И я въ обитель ихъ священную вступилъ.

Омиръ.

Мнѣ снилось въ юности: орелъ громометатель
 Отъ Мелеса меня играючи унесъ
 На край земли, на край небесъ,
 Вѣщая: «Ты земли и неба обладатель!»

Гезіодъ.

Тамъ лавры хижину простую освѣняютъ,
 Въ пустыняхъ процвѣтутъ Темпейскія долины,
 Куда вы бросите свой благотворный взглядъ,
 О вѣжны дочери суровой Мнемозины!

Омиръ.

Хвала отцу боговъ! Какъ ясный сводъ небесъ
 Надъ царствомъ висится плачевнаго Эреба,

Какъ радостный Олимпъ стоитъ превыше неба,
Такъ выше всѣхъ боговъ властитель ихъ, Зевесъ!

Гезиодъ.

Въ священномъ сумракѣ, въ сіяніи Діаны
Вы, музы, любите сплетаться въ хороводъ
Или, торжественный въ Олимпъ свершая ходъ,
Съ бессмертными вкушать напитокъ Гебы рьяный.

Омиръ.

Не знаетъ смерти онъ; кровь алая тельцовъ
Не брызнетъ подъ ножомъ надъ Зевсовой гробницей,
И кони бурные со звонкой колесницей
Предъ ней не будутъ прахъ крутить до облаковъ.

Гезиодъ.

А мы, всѣ смертные, всѣ паркамъ обреченны,
Увидимъ области подземнаго царя
И рѣки спящія, Тенаромъ заключенны,
Не льющи дань свою въ бездонныя моря.

Омиръ.

Я приближаюся къ метѣ сей неизбѣжной.
Внемли, о юноша, ты пѣль Труды и Дни...
Для старца ветхаго ужъ кончились они!

Гезиодъ.

Сынъ дивный Мелеса! И лебедь бѣлоснѣжный
На синемъ Стримонѣ, провидя страшный часъ,
Не слаще твоего поетъ въ послѣдній разъ!
Твой геній проникалъ въ Олимпъ, и вѣчны боги
Отверзли для тебя заоблачны чертоги.
И что жъ? Въ юдоли сей страдалецъ искони,

Ты рокомъ обреченъ въ печаляхъ кончить дни!
 Пѣвецъ божественный, скитаясь какъ нищій,
 Въ печальномъ рубищѣ, безъ крова и безъ пищи,
 Слепецъ всевидящій, ты будешь проклинять
 И день, когда на свѣтъ тебя родила мать!

Омиръ.

Твой гласъ подобится амвросіи небесной,
 Что Геба юная сапфирной чашей льетъ.
 Пѣвецъ, въ устахъ твоихъ поэзіи прелестной
 Сладчайшій Ольмія благоухаетъ медь.
 Но, музъ любимый жрецъ, страшишь руки злодѣйской,
 Страшишь любви, страшишь Эвбеи береговъ.
 Твой близокъ часъ! Увы, тебя Зевесъ Немейской,
 Какъ жертву славную, готовитъ для враговъ!

Умолкли. Облако печали
 Покрыло очи ихъ. Народъ рукоплескалъ.
 Но снова сладкій бой поэты начинали
 При шумѣ радостныхъ похвалъ.
 Омиръ, возвыся гласъ, воспѣлъ народовъ брани,
 Народовъ, гибнущихъ по прихоти царей,
 Пріама древняго, съ мольбой несуща дани
 Убійцѣ грозному и кровныхъ, и дѣтей,
 Мольбу смиренную и быструю Обиду,
 Харитъ и легкихъ Оръ, и страшную Эгиду,
 Нептуна области, Олимпъ и дикій Адъ.
 А юный Гезюдъ, взлелѣянный Парнассомъ,
 Съ чудесной прелестью воспѣлъ веселымъ гласомъ
 Весну, зеленую сопутницу Гіадъ,
 Какъ Фебъ торжественно вселенну обтекаетъ,
 Какъ дни и мѣсяцы рождаются въ небесахъ,
 Какъ нивой золотой Церера награждаетъ

Труды годичные оратая въ поляхъ,
Заботы сладкія при сборѣ винограда.
Тебя, желанный миръ, делъватель долинъ,
Благословенныхъ селъ и пастырей, и стада
Онъ пѣлъ. И слабый царь, Колхиды властелинъ,
Отъ самой юности воспитанный средь мира,
Презрѣлъ высокій гимнъ безсмертнаго Омира
И пальму первенства сопернику вручилъ.
Счастливый Гезіодъ въ награду получилъ
За пѣсни, мирною каменой вдохновенны,
Сосуды серебряны, треножникъ позлащенный
И чернаго овна, красу веселыхъ стадъ.
За нимъ, предъ нимъ сыны ахейскіе, какъ волны,
На край ристалища обширнаго спѣшатъ,
Гдѣ побѣдитель самъ, благоговѣнья полный,
При возліяніяхъ овна младую кровь
Довременно богамъ подземнымъ посвящаетъ
И музамъ свѣтлые сосуды предлагаетъ,
Какъ даръ, усердный даръ пѣвца, за ихъ любовь.
До самой старости преслѣдуемый рокомъ,
Но духомъ царь, не рабъ разгнѣванной судьбы,
Омиръ скрывается отъ суетной толпы,
Снѣдая грусть свою въ молчаніи глубокомъ.
Рожденный въ Самосѣ, убогій сирота
Слѣща изъ края въ край, какъ сынъ усердный, водить,
Онъ съ нимъ пристанища въ Элладѣ не находятъ....
И гдѣ найдутъ его талантъ и нищета?

Примѣчаніе

къ элегіи Гезіодъ и Омръ.

Эта элегія переведена изъ Мильвуа, одного изъ лучшихъ французскихъ стихотворцевъ нашего времени. Онъ скончался въ прошломъ годѣ въ цвѣтущей молодости. Французскія музы долго будутъ оплакивать преждевременную его кончину: истинные таланты нынѣ рѣдки въ отечествѣ Расина.

Многіе писатели утверждали, что Омръ и Гезіодъ были современники. Нѣкоторые сомнѣваются, а иные и совершенно оспариваютъ это предположеніе. Отецъ Гезіодовъ, какъ видно изъ поэмъ Труды и Дни, жилъ въ Кумахъ, откуда онъ перешелъ въ Аскрею, городъ въ Беотіи, у подошвы горы Геликона. Тамъ родился Гезіодъ. Музы—говоритъ онъ въ началѣ Феогоніи—нашли его на Геликонѣ и обрекли себѣ. Онъ самъ упоминаетъ о побѣдѣ своей въ пѣснопѣніи. Архидамій, царь Эвбейскій, умирая завѣщалъ, чтобы въ день смерти его ежегодно совершались погребальныя игры. Дѣти исполнили завѣщаніе родителя, и Гезіодъ былъ побѣдителемъ въ пѣснопѣніи. Плутархъ, въ сочиненіи своемъ: Пиръ семи мудрецовъ, заставляеть рассказывать Періандра о состязаніи Омра съ Гезіодомъ. Послѣдній остался побѣдителемъ и, въ знакъ благодарности музамъ, посвятилъ имъ треножникъ, полученный въ награду. Жрица дельфійская предвѣщала Гезіоду кончину его; предвѣщаніе сбылось: молодые люди, полагая, что Гезіодъ соблазнилъ сестру ихъ, убили его на берегахъ Эвбеи, посвященныхъ Юпитеру Немейскому.

Кажется, не нужно говорить объ Омрѣ. Кто не знаетъ, что первый въ мірѣ поэтъ былъ слѣпъ и нищій?

Намъ музы дорого таланты продаютъ!

CII

Умирающій Тассъ.

E come alpestre e rapido torrente,
 Come acceso baleno
 In notturno sereno,
 Come aura, o fumo, o come stral repente,
 Volan le nostre fame; ed ogni onore
 Sembra languido fiore!
 Che più spera, o che s'attende omai?
 Dopo trionfo e palma
 Sol qui restano all'alma
 Lutto e lamenti, e lagrimosi lai.
 Che più giova amicizia, o giova amore?
 Ahi lagrime! ahi dolore!

Torrismondo, tragedia di T. Tasso.

Какое торжество готовитьъ древній Римъ?
 Куда текутъ народа шумны волны?
 Къ чему сихъ аромать и мирры сладкій дымъ,
 Душистыхъ травъ кругомъ кошницы полны?
 До Капитолія отъ Тибровыхъ валовъ,
 Надъ стогнами всемірныя столицы,
 Къ чему раскинуты средь лавровъ и цвѣтовъ
 Безцѣнные ковры и багряницы?
 Къ чему сей шумъ, къ чему тимпановъ звукъ и громъ?
 Веселья онъ или побѣды вѣстникъ?

Почто съ хоругвией течеть въ молитвы домъ
 Подъ митрою апостоловъ намѣстникъ?
 Кому въ рукѣ его сей зыблется вѣнецъ,
 Безцѣнный даръ признательнаго Рима?
 Кому триумфъ?.. Тебѣ, божественный пѣвецъ,
 Тебѣ сей даръ, пѣвецъ Ерусалима!
 И шумъ веселія достигъ до кельи той,
 Гдѣ борется съ кончиною Торквато,
 Гдѣ надъ божественной страдальца головой
 Духъ смерти носится крылатой. 20
 Ни слезы дружества, ни иноковъ мольбы,
 Ни почестей столь позднія награды,
 Ничто не укротитъ желѣзные судьбы,
 Не знающей къ великому пощады.
 Полуразрушенный, онъ видитъ грозный часъ,
 Съ веселіемъ его благословляетъ
 И, лебедь сладостный, еще въ послѣдній разъ
 Онъ, съ жизнію прощаясь, восклицаетъ:

«Друзья, о дайте мнѣ взглянуть на пышный Римъ,
 «Гдѣ ждетъ пѣвца безвременно кладбище! 30
 «Да встрѣчу взорами холмы твои и дымъ,
 «О древнее квиритовъ пепелище,
 «Земля священная героевъ и чудесь,
 «Развалины и прахъ краснорѣчивый!
 «Лазурь и пурпуры безоблачныхъ небесъ,
 «Вы, тополи, вы, древнія оливы,
 «И ты, о вѣчный Тибръ, поитель всѣхъ племенъ,
 «Засѣянный костями гражданъ вселенной,
 «Васъ, васъ привѣтствуетъ изъ сихъ унылыхъ стѣнъ
 «Безвременной кончинѣ обреченной! 40
 «Свершилось! Я стою надъ бездной роковой
 «И не вступлю при плескахъ въ Капитолій,

- «И лавры славныя надъ дряхлой головой
 «Не усладятъ пѣвца свирѣпой доли!
 «Отъ самой юности игралище людей,
 «Младенцемъ былъ уже изгнанникъ.
 «Подъ небомъ сладостнымъ Италиі моею
 «Скитаяся, какъ бѣдный странникъ,
 «Какихъ не испыталъ превратностей судьбы?
 «Гдѣ мой челнокъ волнами не носился, 50
 «Гдѣ успокоился? Гдѣ мой насущный хлѣбъ
 «Слезами скорби не кропился?
 «Соренто, колыбель моихъ несчастныхъ дней,
 «Гдѣ я въ ночи, какъ трепетный Асканій,
 «Отторженъ былъ судьбой отъ матери моею,
 «Отъ сладостныхъ объятій и лобзаній!
 «Ты помнишь сколько слезъ младенцемъ пролилъ я!
 «Увы, съ тѣхъ поръ добыча злой судьбины,
 «Всѣ горести узналъ, всю бѣдность бытія!
 «Фортуною изрытыя пучины
 «Разверзлись подо мной, и громъ не умолкалъ! 60
 «Изъ вѣси въ вѣсь, изъ странъ въ страну гонимый,
 «Я тщетно на земли пристанища искалъ!
 «Повсюду—персть ея неотразимый,
 «Повсюду—молніи, карающіи пѣвца!
 «Ни въ хижинѣ оратая простова,
 «Ни подъ защитою Альфонсова дворца,
 «Ни въ тишинѣ безвѣстнѣйшаго крова,
 «Ни въ дебряхъ, ни въ горахъ не спасъ главы моею,
 «Безславіемъ и славой удрученной,
 «Главы изгнанника, отъ колыбельныхъ дней 70
 «Карающей богинѣ обреченной!
 «Друзья, но что мою стѣсняетъ страшно грудь?
 «Что сердце такъ и ноетъ, и трепещетъ?
 «Откуда я? Какой прошелъ ужасный путь,

- «И что за мной еще во мракѣ блещеть?
 «Феррара, Фуріи и зависти змія!...
 «Куда, куда, убійцы дарованья!
 «Я въ пристани. Здѣсь Римъ. Здѣсь братья и семья!
 «Вотъ слезы ихъ и сладки лобызанья,
 «И въ Капитоліѣ — Virgilievъ вѣнецъ! 80
 «Такъ! Я свершилъ назначенное Фебомъ.
 «Отъ первой юности его усердный жрецъ,
 «Подъ молніей, подъ разъяреннымъ небомъ
 «Я пѣлъ величіе и славу прежнихъ дней,
 «И въ устахъ я душой не измѣнился.
 «Музъ сладостный восторгъ не гасъ въ душѣ моей,
 «И геній мой въ страданьяхъ укрѣпился.
 «Онъ жилъ въ странѣ чудесъ, у стѣнъ твоихъ, Сионъ,
 «На берегахъ цвѣтущихъ Иордана!
 «Онъ вопрошалъ тебя, мутящійся Кедронъ, 90
 «Васъ, мирныя убѣжища Ливана!
 «Предъ нимъ воскресли вы, герои древнихъ дней,
 «Въ величіи и въ блескѣ грозной славы!
 «Онъ зрѣлъ тебя, Готфредъ, владыко, вождь царей,
 «Подъ свистомъ стрѣлъ спокойный, величавый,
 «Тебя, младый Ринальдъ, кипящій какъ Ахиллъ,
 «Въ любви, въ войнѣ счастливый побѣдитель,
 «Онъ зрѣлъ, какъ ты леталъ по трупамъ вражьихъ
 силъ,
 «Какъ огонь, какъ смерть, какъ ангелъ-истребитель...
 «И Тартаръ низложенъ сіяющимъ крестомъ! 100
 «О, доблести неслыханной примѣры!
 «О, нашихъ праотцевъ, давно почившихъ сномъ,
 «Триумфъ святой, побѣды чистой вѣры!
 «Торквато васъ исторгъ изъ пропасти временъ:
 «Онъ пѣлъ, и вы не будете забвенны!
 «Онъ пѣлъ, ему вѣнецъ безсмертья обречень,

«Рукою музъ и славы соплетенный...
 «Но поздно! Я стою надъ бездной роковой
 «И не вступлю при плескахъ въ Капитолій,
 «И лавры славные надъ дряхлой головой 110
 «Не усладятъ пѣвца свирѣпой доли!»

Умолкъ. Унылый огонь въ очахъ его горѣлъ,
 Послѣдній лучъ таланта предъ кончиной,
 И умирающій, казалось, хотѣлъ
 У Парки взять триумфа день единой.
 Онъ взоромъ все искалъ Капитолійскихъ стѣнъ,
 Съ усиленіемъ еще приподнимался,
 Но, мукой страшною кончины изнуренъ,
 Недвижимый на лонѣ оставался. 120
 Свѣтило дневное ужъ къ западу текло
 И въ заревѣ багряномъ утопало;
 Часъ смерти близился, и мрачное чело
 Въ послѣдній разъ страдальца просіяло.
 Съ улыбкой тихою на западъ онъ глядѣлъ
 И, оживленъ вечернею прохладой,
 Десницу къ небесамъ внимающимъ воздѣлъ,
 Какъ праведникъ съ надеждой и отрадой.

«Смотрите»—онъ сказалъ рыдающимъ друзьямъ --
 «Какъ царь свѣтилъ на западѣ пылаеть!
 «Онъ, онъ зоветъ меня къ безоблачнымъ странамъ, 130
 «Гдѣ вѣчное Свѣтило засіяетъ.
 «Ужъ ангелъ предо мной, вожатай оныхъ мѣстъ,
 «Онъ осѣнилъ меня лазурными крилами...
 «Приблизьте знакъ любви, сей таинственный крестъ,
 «Молитесь съ надеждой и слезами!
 «Земное гибнетъ все—и слава, и вѣнецъ,
 «Искусствъ и музъ творенья величавы...

Сочиненія К. Н. Батюшкова, Т. I.

17

«Но тамъ все вѣчное, какъ вѣченъ самъ Творецъ,
 «Податель намъ вѣнца небренной славы, 140
 «Тамъ все великое, чѣмъ духъ питался мой,
 «Чѣмъ я дышалъ отъ самой колыбели!
 «О, братья, о друзья, не плачьте надо мной!
 «Вашъ другъ достигъ давно желанной цѣли:
 «Отыдетъ съ миромъ онъ и, вѣрой укрѣпленъ,
 «Мучительной кончины не примѣтитъ.
 «Тамъ, тамъ—о счастье!—среди непорочныхъ женъ,
 «Среди ангеловъ Элеонора встрѣтитъ!»

И съ именемъ любви божественный погасъ.
 Друзья надъ нимъ въ безмолвіи рыдали. 150
 День тихо догоралъ, и колокола гласъ
 Разнесъ кругомъ по стогнамъ вѣсть печали.
 «Погибъ Торквато нашъ», воскликнулъ съ плачемъ Римъ,
 «Погибъ пѣвецъ, достойный лучшей доли!...»
 На утро факеловъ узрѣли мрачный дымъ,
 И трауромъ покрылся Капитолій.

Примѣчаніе

къ элегии Умирающій Тассъ.

Не одна исторія, но живопись и поэзія неоднократно изображали бѣдствія Тасса. Жизнь его, конечно, извѣстна любителямъ словесности. Мы напомнимъ только о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя подали мысль къ этой элегии.

Т. Тассъ приписалъ свой Іерусалимъ Альфонсу, герцогу Феррарскому: *O magnanimo Alfonso!*.. и великодушный покровитель безъ вины, безъ суда заключилъ его въ боль-

ницу св. Анны, то-есть, въ домъ сумасшедшихъ. Тамъ его видѣлъ Монтанъ, путешествовавшій по Италиі въ 1580 году. Странное свиданіе въ такомъ мѣстѣ перваго мудреца времени новѣйшихъ съ величайшимъ стихотворцемъ!.. Но вотъ что Монтанъ пишетъ въ Опытахъ: «Я смотрѣлъ на Тасса еще съ большею досадою, нежели сожалѣніемъ; онъ пережилъ себя; не узнавалъ ни себя, ни твореній своихъ. Они безъ его вѣдома, но при немъ, но почти въ глазахъ его напечатаны неисправно, безобразно». Тассъ, къ дополненію несчастія, не былъ совершенно сумасшедшій и въ ясныя минуты разсудка чувствовалъ всю горестъ своего положенія. Воображеніе, главная пружина его таланта и злополучій, нигдѣ ему не измѣняло. И въ устахъ онъ сочинялъ безпрестанно. Наконецъ, по усиленнымъ просьбамъ всей Италиі, почти всей просвѣщенной Европы, Тассъ былъ освобожденъ. (Заключеніе его продолжалось семь лѣтъ,* два мѣсяца и нѣсколько дней). Но онъ не долго наслаждался свободою. Мрачныя воспоминанія, нищета, вѣчная зависимость отъ людей жестокихъ, измѣна друзей, несправедливость критиковъ, однимъ словомъ—всѣ горести, всѣ бѣдствія, какими только можетъ быть обремененъ человѣкъ, разрушили его крѣпкое сложеніе и привели по терніямъ къ ранней могилѣ. Фортуна, коварная до конца, приготовляя послѣдній рѣшительный ударъ, осыпала цвѣтами свою жертву. Папа Климентъ VIII, убѣжденный просьбами кардинала Цинтіо, племянника своего, убѣжденный общенароднымъ голосомъ всей Италиі, назначилъ ему триумфъ въ Капитоліѣ. «Я вамъ предлагаю вѣнокъ лавровый», сказалъ ему папа,— «не онъ прославитъ васъ, но вы его!» Со временъ Петрарка, во всѣхъ отношеніяхъ счастливѣйшаго стихотворца Италиі, Римъ не видалъ подобнаго торжества. Жители его, жители окрестныхъ городовъ желали присутствовать при вѣчаніи Тасса. Дождливое осеннее время и слабость здоровья стихотворца заставили отложить торжество до будущей весны. Въ апрѣлѣ все было готово, но болѣзнь усилилась. Тассъ велѣлъ перенести себя въ монастырь св. Онуфріа и тамъ, окруженный друзьями и братіей мирной обители, на одрѣ мученія ожидалъ кончины. Къ несчастію, вѣрнѣйшій его пріятель, Константины, не былъ при немъ, и умирающій написалъ къ нему сіи строки, въ которыхъ, какъ въ зеркалѣ, видна вся душа пѣвца Іерусалима: «Что скажетъ мой Константины, когда узнаетъ о кончинѣ своего милаго Торквато? Не замедлитъ дойти къ нему эта вѣсть. Я чувствую приближеніе смерти. Никакое лѣкарство не излѣчитъ моей по-

вой болѣзни. Она совокупилась съ другими недугами и, какъ быстрый потокъ, увлекаетъ меня.... Поздно теперь жаловаться на фортуна, всегда враждебную! Не хочу упоминать о неблагодарности людей. Фортуна торжествуетъ. Нищимъ я доведенъ ею до гроба въ то время, какъ надѣялся, что слава, пріобрѣтенная на перекоръ врагамъ моимъ, не будетъ для меня совершенно бесполезною. Я велѣлъ перенести себя въ монастырь св. Онуфрія не потому единственно, что врачи одобряютъ его воздухъ, но для того, чтобы на семь возвышенномъ мѣстѣ, въ бесѣдѣ святыхъ отшельниковъ начать мои бесѣды съ Небомъ. Молись Богу за меня, милый другъ, и будь увѣренъ, что я, любя и уважая тебя въ сей жизни и въ будущей — которая есть настоящая—не премину все совершить, чего требуетъ истинная, чистая любовь къ ближнему. Поручаю тебя благости небесной и себя поручаю. Прости!—Римъ. Св. Онуфрій».

Тассъ умеръ 10-го апрѣля на пятьдесятъ-первомъ году, исполнивъ долгъ христіанскій съ истиннымъ благочестіемъ.

Весь Римъ оплакивалъ его. Кардиналъ Цинтіо былъ неутѣшенъ и желалъ великолѣпіемъ похоронъ вознаграждать утрату триумфа. По его приказанію, говоритъ Жингене въ Исторіи литературы италіанской,—тѣло Тассово было облечено въ римскую тогу, увѣнчано лаврами и выставлено всенародно. Дворъ, оба дома кардиналовъ Альдобрандини и народъ многочисленный провожали его по улицамъ Рима. Толпились, чтобы взглянуть еще разъ на того, котораго геній прославилъ свое столѣтіе, прославилъ Италію, и который столь дорого купилъ позднія, печальныя почести.

Кардиналъ Цинтіо (или Чинціо) объявилъ Риму, что воздвигнетъ поэту великолѣпную гробницу. Два оратора приготовили надгробныя рѣчи: одну латинскую, другую италіанскую. Молодые стихотворцы сочиняли стихи и надписи для сего памятника. Но горестъ кардинала была непродолжительна, и памятникъ не былъ воздвигнутъ. Въ обители св. Онуфрія смиренная братія показываютъ и понынѣ путешественнику простой камень съ этой надписью: *Torquati Tassi ossa hic jacent.* Она краснорѣчива.

Да не оскорбится тѣнь великаго стихотворца, что сынъ угрюмаго сѣвера, обязанный Іерусалиму лучшими, сладостными минутами въ жизни, осмѣлился принесть скудную горсть цвѣтовъ въ ея воспоминаніе!

СШ.

Вакханка.

Всѣ на праздникъ Эригоны
 Жрицы Вакховы текли.
 Вѣтры съ шумомъ разнесли
 Громкій вой ихъ, плескъ и стоны.
 Въ чащѣ дикой и глухой
 Нимфа юная отстала.

И за ней... Она бѣжала

Легче серны молодой.

Эвры волосы взвѣвали,

Перевитые плющомъ,

10

Нагло ризы поднимали

И свивали ихъ клубкомъ.

Стройный станъ, кругомъ обвитый

Хмѣля желтаго вѣнцомъ,

И пылающи ланиты

Розы яркимъ багрецомъ,

И уста, въ которыхъ таетъ

Пурпуровый виноградъ,

Все въ неистовой прельщаетъ,

Въ сердце льетъ огонь и ядъ!

20

Я за ней... Ова бѣжала
Легче серны молодой;
Я настигъ, она упала,
И тимпанъ подъ головой!
Жрицы Вакховы промчались
Съ громкимъ воплемъ мимо насъ,
И по роцѣ раздавались
«Эвоэ» и нѣги гласъ!

CIV.

Мечта.

Подруга нѣжныхъ музъ, посланница небесъ,
 Источникъ сладкихъ думъ и сердцу милыхъ слезъ,
 Гдѣ ты скрываешься, мечта, моя богиня?
 Гдѣ тотъ счастливый край, та мирная пустыня,
 Къ которымъ ты стремишь таинственный полетъ?
 Иль дебри любишь ты, сихъ грозныхъ скалъ хребетъ,
 Гдѣ вѣтръ порывистый и бури шумъ внимаешь?
 Иль въ Муромскихъ лѣсахъ задумчиво блуждаешь,
 Когда на западѣ зари мерцаетъ лучъ,
 И хладная луна выходитъ изъ-за тучъ? 10
 Или, влекомая чудеснымъ обаяньемъ
 Въ мѣста, гдѣ дышетъ все любви очарованьемъ,
 Подъ тѣнью яворовъ ты бродишь по холмамъ,
 Студеной пѣною Воклюза орошеннымъ?
 Явись, богиня, мнѣ, и съ трепетомъ священнымъ
 Коснуса я струнамъ,
 Тобой одушевленнымъ!
 Явися! Ждетъ тебя задумчивый пѣитъ,
 Въ безмолвіи ночномъ сидящій у лампы!
 Явись и дай вкусить сердечныя отрады! 20

Любимца твоего, любимца Аонидъ
 И горестъ сладостна бываетъ:
 Онъ въ горести мечтаетъ.
 То вдругъ онъ пренесенъ во Сельмскіе лѣса,
 Гдѣ вѣтръ шумитъ, реветъ гроза,
 Гдѣ тѣнь Оскарова, одѣтая туманомъ,
 По небу стелется надъ пѣннымъ океаномъ;
 То съ чашей радости въ рукахъ
 Онъ съ бардами поетъ—и мѣсяцъ въ облакахъ,
 И Кромлы шумный лѣсъ безмолвно имъ внимаеть, 30
 И эхо по горамъ пѣснь звучну повторяеть.
 Или въ полночный часъ
 Онъ слышитъ скальдовъ гласъ
 Прерывистый и томный.
 Зритъ: юноши безмолвны,
 Склоняся на щиты, стоятъ кругомъ костровъ,
 Зажженныхъ въ полѣ брани,
 И древній царь пѣвцовъ
 Простеръ на арфу длани;
 Могилу указавъ, гдѣ вождь героевъ спитъ, 40
 «Чья тѣнь, чья тѣнь»—гласитъ
 Въ священномъ изступленьи—
 «Тамъ съ дѣвами плыветъ въ туманныхъ облакахъ?
 «Се ты, молодой Иснель, иноплеменныхъ страхъ,
 «Днесъ падшій на сраженьи!
 «Миръ, миръ тебѣ, герой!
 «Твоей сѣкирою стальной
 «Пришельцы гордые разбиты,
 «Но самъ ты палъ на грудахъ тѣлъ,
 «Палъ, витязь знаменитый, 50
 «Подъ тучей вражьихъ стрѣлъ!
 «Ты палъ! И надъ тобой посланницы небесны,
 «Валкиріи прелестны,

- «На бѣлыхъ, какъ снѣга Біарміи, коняхъ,
 «Съ златыми копьями въ рукахъ,
 «Въ безмолвіи спустились,
 «Коснулись до зѣницъ копьемъ своимъ, и вновь
 «Глаза твои открылись!
 «Течеть по жиламъ кровь
 «Чистѣйшаго эфира, 60
 «И ты, безплотный духъ,
 «Въ страны безвѣстны міра
 «Летишь стрѣлой... И вдругъ
 «Открылись предъ тобой тѣ радужны чертоги,
 «Гдѣ уготовали для сонма храбрыхъ боги
 «Любовь и вѣчный пиръ.
 «При шумѣ горнихъ водъ и тихострунныхъ лиръ,
 «Среди полянъ и свѣжихъ сѣней,
 «Ты будешь поражать тамъ скачущихъ еленей
 «И златорогихъ сернь!» 70
 Склонясь на злачный дернъ,
 Съ дружиною младою,
 Тамъ снова съ арфой золотою
 Въ восторгѣ скальдъ поетъ
 О славѣ древнихъ лѣтъ,
 Поетъ, и храбрыхъ очи,
 Какъ звѣзды тихой ночи,
 Утѣхою блестятъ.
 Но вечеръ притекаетъ,
 Часъ нѣги и прохладъ, 80
 Гласъ скальда замолкаетъ...
 Замолкъ, и храбрыхъ сонмъ
 Идетъ въ Оденовъ домъ,
 Гдѣ дочери Веристы,
 Власы свои душисты
 Раскинувъ по плечамъ,

Прелестницы младыя,
 Всегда полунагія,
 На пиршества гостямъ
 Обильны яства носятъ 90
 И пить умильно просятъ
 Изъ чаши сладкій медъ.
 Такъ древній скальдъ поетъ,
 Лѣсовъ и дебрей сынъ угрюмый:
 Онъ счастливъ, погрузясь о счастья въ сладки думы!

О сладкая мечта, о неба даръ благой!
 Средь дебрей каменныхъ, средь ужасовъ природы,
 Гдѣ плещутъ о скалы Ботническія воды,
 Въ краяхъ изгнанниковъ я счастливъ былъ тобой!
 Я счастливъ былъ, когда въ моемъ уединеніи 100
 Надъ кущей рыбаля, въ часъ полночи нѣмой,
 Раздастся вѣтровъ свистъ и вой,
 И въ кровлю застучитъ и градъ, и дождь осенній.
 Тогда на крыліяхъ мечты
 Леталъ я въ поднебесной,
 Или забывшися на лонѣ красоты,
 Я сонъ вкушалъ прелестной,
 И, счастливъ на яву, былъ счастливъ и въ мечтахъ!

Волшебница моя, дары твои безцѣнны
 И старцу въ лѣта охлажденны, 110
 Съ котомкой нищему и узнику въ цѣпяхъ!
 Заклепы страшныя съ замками на дверяхъ,
 Соломы жесткій пукъ, свѣтъ блѣдный пепелища,
 Изглоданный сухарь, мышей тюремныхъ пища,
 Сосуды глиняны съ водой,
 Все, все украшено тобой!
 Кто сердцемъ правъ, того ты въ вѣкъ не покидаешь:

За нимъ во всѣ страны летаешь
 И счастьемъ даришь любимца своего.
 Пусть міромъ позабытъ! Что нужды для него? 120
 Но съ нимъ задумчивость въ день пасмурный, осенній,
 На мирномъ ложѣ сна,
 Въ уединенной снѣни
 Бесѣдуетъ одна.
 О, тайныхъ слезъ неизъяснима сладость!
 Что предъ тобой сердце холодныхъ радость,
 Веселій шумъ и блескъ честей
 Тому, кто ничего не ищетъ подъ луною,
 Тому, кто сопряженъ душою
 Съ могилою давно утраченныхъ друзей? 130
 Кто въ жизни не любилъ,
 Кто разъ не забывался,
 Любя мечтамъ не предавался
 И счастья въ нихъ не находилъ?
 Кто въ часъ глубокой ночи,
 Когда невольно сонъ смыкаетъ томны очи,
 Всю сладость не вкусилъ обманчивой мечты?
 Теперь, любовникъ, ты
 На ложѣ роскоши съ подругой боязливой,
 Ей шепчешь о любви и пламенной рукой 140
 Снимаешь со груди ея покровъ стыдливой,
 Теперь блаженствуешь, и счастливъ ты—мечтой!
 Ночь сладострастія тебѣ даетъ призраки
 И нектаромъ любви кропитъ лѣнныя маки!

Мечтаніе—душа пѣэтовъ и стиховъ.

И ѣдкость сильная вѣковъ
 Не можетъ прелестей лишить Анакреона,
 Любовь еще горитъ во пламенныхъ мечтахъ
 Любовницы Фаона;

А ты, лежащій на цвѣтахъ 150
 Межь нимфъ и сельскихъ грацій,
 Пѣвецъ веселія, Горацій,
 Ты сладостно мечталъ,
 Мечталъ среди пировъ и шумныхъ, и веселыхъ
 И смерть угрюмую цвѣтами увѣнчалъ!
 Какъ часто въ Тибурѣ, въ сихъ рощахъ устарѣлыхъ,
 На скатѣ бархатныхъ луговъ,
 Въ счастливомъ Тибурѣ, въ твоёмъ уединеніи,
 Ты ждалъ Глицерію и въ сладостномъ забвеніи,
 Томимый нѣгою на дожѣ изъ цвѣтовъ, 160
 При воскуреніи мастикъ благоуханныхъ,
 При пляскѣ нимфъ вѣнчаныхъ,
 Сплетенныхъ въ хороводъ,
 При отдаленномъ шумѣ
 Въ лугахъ журчащихъ водъ,
 Безмолвенъ въ сладкой думѣ
 Мечталъ... и вдругъ мечтой
 Восторженъ сладострастной,
 У ногъ Глицеріи стыдливой и прекрасной
 Побѣду пѣлъ любви 170
 Надъ юностью безпечной
 И первый жаръ въ крови,
 И первый вздохъ сердечной,
 Счастливецъ, воспѣвалъ
 Цитерскія забавы,
 И всѣ заботы славы
 Ты вѣтрамъ отдавалъ!
 Ужели въ истинахъ печальныхъ
 Угрюмыхъ стойковъ и скучныхъ мудрецовъ,
 Сидящихъ въ платьяхъ погребальныхъ 180
 Между обломковъ и гробовъ,

Найдемъ мы жизни нашей сладость?
 Отъ нихъ, я вижу, радость
 Летить, какъ бабочка отъ терновыхъ кустовъ.
 Для нихъ нѣтъ прелести и въ прелестяхъ природы;
 Имъ дѣвы не поютъ, сплетая въ хороводы;
 Для нихъ, какъ для слѣпцовъ,
 Весна безъ радости, и лѣто безъ цвѣтовъ.
 Увы, но съ юностью исчезнуть и мечтанья,
 Исчезнуть грацій лобызанья, 190
 Надежда измѣнить и рой крылатыхъ сновъ!
 Увы, тамъ нѣтъ уже цвѣтовъ,
 Гдѣ тусклый опытность свѣтильникъ зажигаетъ,
 И время старости могилу открываетъ!

Но ты пребудь вѣрна, живи еще со мной!
 Ни свѣтъ, ни славы блескъ пустой,
 Ничто даровъ твоихъ для сердца не замѣнитъ!
 Пусть дорого глупецъ суетъ блистанье цѣнитъ,
 Лобзая прахъ златой у мраморныхъ палатъ,
 Но я и счастливъ, и богатъ, 200
 Когда снискалъ себѣ свободу и спокойство,
 А отъ суетъ ушелъ забвенія тропой!
 Пусть будетъ навсегда со мной
 Завидное поэтовъ свойство:
 Блаженство находить въ убожествѣ мечтой.
 Ихъ сердцу малость драгоцѣнна:
 Какъ пчелка, медомъ отягченна,
 Летаетъ съ травки на цвѣтокъ,
 Считая моремъ ручеекъ,
 Такъ хижину свою поэтъ дворцомъ считаетъ 210
 И счастливъ!... Онъ мечтаетъ!

CV.

Къ Н. М. Муравьеву.

Какъ я люблю, товарищъ мой,
 Весны роскошной появленье
 И въ первый разъ надъ муравой
 Веселыхъ жаворонковъ пѣнье!
 Но слаще мнѣ среди полей
 Увидѣть первые биваки
 И ждать безпечно у огней
 Съ разсвѣтомъ дня кровавой драки.
 Какое счастье, рыцарь мой,
 Узрѣть съ нагорныя вершины .10
 Небозримый нашихъ строй
 На яркой зелени долины!
 Какъ сладко слышать у шатра
 Вечерней пушки гулъ далекіѹ
 И погрузиться до утра
 Подъ теплой буркой въ сонъ глубокий!
 Когда по утреннимъ росамъ
 Коней раздастся первый топотъ,
 И ружей протяженный грохотъ
 Пробудитъ эхо по горамъ, 20

Какъ весело передъ строями
 Летать на ухорскомъ конѣ
 И съ первыми въ дыму, въ огнѣ,
 Ударить съ крикомъ за врагами!
 Какъ весело внимать: «Стрѣлки,
 «Впередъ! Сюда Донцы, гусары,
 «Сюда летучіе полки,
 «Башкирцы, горцы и Татары!»
 Свисти теперь, жужжи, свинець!
 Летайте, ядры и картечи! 30
 Что вы для нихъ, для сихъ сердець,
 Природой вскормленныхъ для сѣчи?
 Колонны сдвинулись какъ лѣсъ,
 И вотъ... О зрѣлище прекрасно!
 Идутъ. Безмолвіе ужасно!
 Идутъ, ружье на перевѣсъ;
 Идутъ... Ура! И все сломили,
 Разсѣяли и разгромили.
 Ура, ура! И гдѣ же врагъ?..
 Бѣжить... А мы, въ его домахъ — 40
 О радость храбрыхъ!—киверами
 Вино не купленное пьемъ
 И подъ побѣдными громами
 «Хвалите Господа» поемъ!..

Но ты трепещешь, юный воинъ,
 Склонясь на сабли рукоять;
 Твой духъ встревоженъ, безпокоенъ,
 Онъ рвется лавры пожинать.
 Съ Суворовымъ онъ вѣчно бродитъ
 Въ поляхъ кровавья войны 50
 И въ вяломъ мирѣ не находитъ
 Отрадной сердцу тишины.

Спокойся! Съ первыми громами
Къ знаменамъ славы полетишь;
Но тамъ—о горе—не узришь
Меня, какъ прежде, подъ шатрами!
Забытый шумною молвой,
Сердцеъ мучительницей милой,
Я сплю, какъ труженикъ унылой,
Не оживляемый хвалою.

CVI.

Бесѣдка музъ.

- Подъ тѣнію черемухи млечной 1
 И золотомъ блистающихъ акацій
 Спѣшу возстановить алтарь и музъ, и грацій,
 Сопутницъ жизни молодой.
- Спѣшу принести цвѣты и ульевъ сотъ янтарный, 2
 И нѣжны первенцы полей:
 Да будетъ сладокъ имъ сей даръ любви моей
 И гимнъ поэта благодарный!
- Не злата молитъ онъ у жертвенника музъ: 3
 Онъ съ фортуною не дружны,
 Ихъ крѣпче съ бѣдностью заботливой союзъ,
 И болѣ въ шалашѣ, чѣмъ въ теремѣ досужны.
- Не молитъ славы онъ сіяющихъ даровъ: 4
 Увы, талантъ его ничтоженъ!
 Ему отважный путь за стаяю орловъ
 Какъ пчелкѣ невозможенъ.

Онъ молитъ музъ—душѣ усталой отъ суетъ 5
Отдать любовь утраченну къ искусствамъ,
Веселость ясную первоначальныхъ лѣтъ
И свѣжесть—вянущимъ безперестанно чувствамъ.

Пускай заботъ свинцовый грузъ 6
Въ рѣкѣ забвенія потонетъ,
И время жадное въ сей тайной сѣни музъ
Любимца ихъ не тронетъ.

Пускай и въ сѣдинахъ, но съ бодрою душой, 7
Безпечень, какъ дитя всегда безпечныхъ грацій,
Онъ нѣкогда придетъ вздохнуть въ сѣни густой
Своихъ черемухъ и акацій!

СѢЦ.

Къ друзьямъ.

Вотъ списокъ мой стиховъ,
 Который дружеству быть можетъ драгоцѣненъ.
 Я добрымъ гениемъ увѣренъ,
 Что въ семъ дедалъ риѣмъ и словъ
 Недостаетъ искусства,
 Но дружество найдетъ мой въ замѣну чувства,
 Исторію моихъ страстей,
 Ума и сердца заблужденья,
 Заботы, суеты, печали прежнихъ дней
 И легкокрылы наслажденья, — 10
 Какъ въ жизни падалъ, какъ вставалъ,
 Какъ вовсе умиралъ для свѣта,
 Какъ снова мой челнокъ фортунѣ повѣрялъ...
 И словомъ—весь журналъ
 Здѣсь дружество найдетъ безпечнаго поэта,
 Найдеть и молвить такъ:
 «Нашъ другъ былъ часто легковѣренъ,
 «Былъ вѣтренъ въ Пафосѣ, на Пиндѣ былъ чудакомъ,
 18*

«Но дружбѣ онъ за то всегда остался вѣренъ,

«Стихами никому изъ насъ не докучалъ,

20

(А на Парнасѣ это чудо!)

«И жилъ такъ точно, какъ писалъ:

«Ни хорошо, ни худо».

CVIII.

Къ С. С. Уварову.

Среди трудовъ и важныхъ музъ,
 Среди учености всемірной
 Онъ не утратилъ нѣжный вкусъ;
 Еще онъ любитъ голосъ лирной,
 Еще въ душѣ его огонь,
 И сердце наслажденій просить,
 И борзый Аполлоновъ конь
 Отъ музъ его въ Цитеру носить.
 Отъ пепла древняго Аѳинъ,
 Отъ гордыхъ памятниковъ Рима, 10
 Съ развалинъ Трои и Солима,
 Умомъ вселенной гражданинъ,
 Онъ любитъ отдыхать съ Эратой
 Разнообразной и живой
 И часто водить насъ съ собой
 Въ страны фантазіи крылатой.
 Ему легко: онъ награжденъ,
 Благословенъ, взлелѣянъ Фебомъ;
 Подъ сумрачнымъ родился небомъ,
 Но будто въ Атикѣ рожденъ. 20

СІХ.

Н. М. Карамзину.

Когда на играхъ Олимпійскихъ, 1
 Въ надеждѣ радостныхъ похвалъ,
 Отецъ исторіи читалъ,
 Какъ Грекъ разилъ вождей азійскихъ
 И силы гордыхъ сокрушилъ,—
 Народъ, любитель громкой славы,
 Забывъ ристанья и забавы,
 Стоялъ и весь вниманье былъ.

Но въ сей толпѣ многонародной 2
 Какъ старца слушалъ Фукидидъ,
 Любимый отрокъ Аонидъ,
 Надежда крови благородной!
 Съ какою жаждой онъ внималъ
 Отцевъ дѣянья знамениты
 И на горящія ланиты
 Какія слезы проливалъ!

И я такъ плакалъ въ восхищеньи, 3
 Когда скрижалъ твою читалъ,

И геній твой благословлялъ
Въ глубокомъ, сладкомъ умиленьи.
Пускай талантъ не мой удѣлъ,
Но я для музъ дышалъ не даромъ,
Любилъ прекрасное и съ жаромъ
Твой геній чувствовать умѣлъ.

1817—1818.

СХ.

Подражаніе Аріосту.

La virginella è simile alla rosa.

Дѣвица юная подобна розѣ нѣжной,
Взделѣянной весной подѣ сѣнію надежной:
Ни стадо алчное, ни взоры пастуховъ
Не знаютъ тайнаго сокровища луговъ,
Но вѣтеръ сладостный, но роши благовонны,
Земля и небеса прекрасной благосклонны.

СХІ.

Посланіе къ А. И. Тургеневу.

Есть дача за Невой
 Верстъ двадцать отъ столицы,
 У Выборгской границы,
 Близъ Парголы крутой;
 Есть дача или мыза,
 Приютъ для добрыхъ душъ,
 Гдѣ добрая Элиза
 И съ ней почтенный мужъ,
 Съ открытою душою
 И съ лаской на устахъ, 10
 За трапезой простою
 На бархатныхъ лугахъ,
 Безъ дальняго наряда,
 Въ свой маленькій приютъ
 Друзей изъ Петрограда
 На праздникъ сельскій ждуть.
 Тамъ мужъ съ супругой нѣжной,
 Въ часъ отдыха отъ дѣлъ,
 Подъ кровъ свой безмятежной
 Музъ къ граціямъ привелъ. 20

Поэтъ, лѣнтій, счастливецъ
 И тонкій философъ,
 Мечтаетъ тамъ Крыловъ
 Подъ тѣнію березы
 О басенныхъ звѣряхъ
 И рветъ парнасски розы
 Въ Приютинскихъ лѣсахъ.
 И Гнѣдичъ тамъ мечтаетъ
 О греческихъ богахъ,
 Межъ тѣмъ какъ замѣчаетъ 30
 Кипренскій лица ихъ
 И кистию чудесной,
 Съ безпечною прелестной,
 Вандиковъ ученикъ,
 Въ одинъ крылатый мигъ
 Онъ пишетъ ихъ портреты,
 Которые отъ Леты
 Спасли бы образцовъ,
 Когда бы самъ Крыловъ 40
 И Гнѣдичъ сочиняли,
 Какъ пишетъ Тянисловъ
 Иль Балдусы писали,
 Забывъ и вкусъ и умъ.
 Но мы забудемъ шумъ
 И суеты столицы,
 Изладимъ колесницы,
 Ударимъ по конямъ
 И пустимся стрѣлою
 Въ Приютино съ тобою.
 Согласенъ?—По рукамъ! 50

1817—1818.

СХІІ.

Я вижу тѣнь Боброва:
Она передо мной,
Нагая, безъ покрова,
Съ заразой и съ чумой;
Сугубымъ вздоромъ дышетъ
И на скрижаляхъ пишетъ
Безсмертные стихи,
Которые въ мѣхи
Богъ вѣтровъ собираетъ
И въ воздухъ выпускаетъ
На гибель для пѣвцовъ;
Имъ дышетъ графъ Хвостовъ,
Шихматовъ онымъ дышетъ,
И другъ твой, если пишетъ
Безъ мыслей кучи словъ.

СХІІ.

Изъ греческой антологіи.

I.

(Изъ Мелеагра Гадарскаго).

Въ обители ничтожества унылой,
О незабвенная, прими потоки слезъ
И вопль отчаянья надъ хладною могилой,
И горсть, какъ ты, минутныхъ розъ!
Ахъ, тщетно все! Изъ вѣчной сѣни
Ничѣмъ не призовемъ твоей прискорбной тѣни:
Добычу не отдастъ завистливый Аидъ.
Здѣсь онѣменіе, все хладно, все молчить;
Надгробный факель мой лишь мраки освѣщаетъ...
Что, что вы сдѣлали, властители небесъ?
Скажите: что краса такъ рано погибаетъ?
Но ты, о мать-земля, съ сей данью горькихъ слезъ
Прими почившую, поблеклый цвѣтъ весенній,
Прими и успокой въ гостепріимной сѣни.

II.

(Изъ Асклепіада Самосскаго).

Свидѣтели любви и горести моей,
 О розы юныя, слезами омоченны,
 Красуйтесь въ вѣнкахъ надъ хижиной смиренной,
 Гдѣ милая таятся отъ очей!
 Помедлите, вѣнки, еще не увядайте!
 Но если явится, пролейте на нее
 Все благовоніе свое
 И локоны ея слезами напитайте!
 Пусть остановится въ раздумьѣ и вздохнетъ...
 А вы, цвѣты, благоухайте
 И милой локоны слезами напитайте!

III.

(Изъ Геділа).

Свершилось: Никагоръ и пламенный Эротъ
 За чашей Вакховой Аглаю побѣдили....
 О радость! Здѣсь они сей поясъ разрѣшили,
 Стыдливости дѣвической оплотъ.
 Вы видите: кругомъ разсѣяны небрежно
 Одежды пышныя надменной красоты,
 Покровы легкіе изъ дымки бѣлоснѣжной
 И обувь стройная, и свѣжіе цвѣты;
 Здѣсь всѣ развалины роскошнаго убора,
 Свидѣтели любви и счастья Никагора!

IV.

Яворъ къ прохожему.

(Изъ Антипатра Фессалійскаго).

Смотрите, виноградъ кругомъ меня какъ вьется,
 Какъ любить мой полустлѣвшій пень!
 Я нѣкогда ему давалъ отрадну тѣнь;
 Завяль... Но виноградъ со мной не растается.
 Зевеса умоли,
 Прохожій, если ты для дружества способенъ,
 Чтобъ другъ твой моему былъ нѣкогда подобенъ
 И пепелъ твой любилъ, оставшись на земли!

V.

Нереиды на развалинахъ Коринѳа.

(Изъ Антипатра Фессалійскаго).

Гдѣ слава, гдѣ краса, источникъ золь твоихъ?
 Гдѣ стогны шумные и граждане счастливы?
 Гдѣ зданья пышныя и храмы горделивы,
 Мусія, золото, сіяющія въ нихъ?
 Увы, погибъ на вѣкъ, Коринѳъ столповѣчанный,
 И самый пепелъ твой развѣянъ по полямъ!
 Все пусто: мы одни взываемъ здѣсь къ богамъ,
 И стонетъ Алкіонъ одинъ въ дали туманной.

VI.

«Куда, красавица?» «За дѣломъ, не узнаешь!»
 «Могу ль надѣяться?» «Чего?» «Ты понимаешь!»
 «Не время!» «Но взгляни: вотъ золото, считай!»
 «Не болѣ? Шутишь? Такъ прощай!»

VII.

(Изъ Павла Силенціарія).

Сокроемъ навсегда отъ зависти людей
 Восторги пылкіе и страсти упоенья:
 Какъ сладокъ поцѣлуй въ безмолвіи ночей,
 Какъ сладко тайное любви наслажденье!

VIII.

(Изъ него же).

Въ Лаисѣ нравится улыбка на устахъ,
 Ея плѣнительны для сердца разговоры,
 Но мнѣ милѣй ея потупленные взоры
 И слезы горести внезапной на очахъ.
 Я въ сумерки вчера, одушевленный страстью,
 У ногъ ея любви всѣ клятвы повторялъ
 И съ поцѣлуемъ къ сладострастью
 На ложе роскоши тихонько увлекалъ.
 Я таялъ, и Лаиса млѣла...
 Но вдругъ уныла, поблѣднѣла,
 И слезы градомъ изъ очей!
 Смущенный, я прижалъ ее къ груди моей.

- «Что сдѣлалось, скажи, что сдѣлалось съ тобою?»
 «Спокойся, ничего, безсмертными клянусь!
 «Я мыслію была встревожена одною:
 «Вы всѣ обманчивы, и я... тебя страшусь!»

 IX.

Къ престарѣлой красавицѣ.

(Изъ него же).

Тебѣ ль оплакивать утрату юныхъ дней?
 Ты въ красотѣ не измѣнилась
 И для любви моей
 Отъ времени еще прелестнѣе явилась.
 Твой другъ не дорожитъ неопытной красой,
 Не зрѣлой въ таинствахъ любовнаго искусства:
 Безъ жизни взоръ ея стыдливый и нѣмой,
 И робкій поцѣлуй безъ чувства.
 Но ты, владычица любви,
 Ты страсть вдохнешь и въ мертвый камень:
 И въ осень дней твоихъ не погасаетъ пламень,
 Текущій съ жизнію въ крови.

 X.

(Изъ него же).

Увы, глаза потухшіе въ слезахъ,
 Ланиты впалыя отъ долгаго страданья
 Родятъ въ тебѣ не чувство состраданья —
 Жестокую улыбку на устахъ...
 Вотъ горькіе плоды любви страстной,

Плоды ужасные мученій безъ отрадъ,
 Плоды любви, достойные наградъ,
 Не участи, для сердца столь ужасной...
 Увы, какъ молнія внезапная небесъ,
 Въ насъ страсти жизнь младую пожираютъ
 И въ жертву безотрадныхъ слезъ,
 Коварныя, на вѣки покидаютъ.
 Но ты, прелестная, которой мнѣ любовь
 Всего—и юности, и счастья дороже,
 Склонись, жестокая!.. И я воскресну вновь,
 Какъ былъ или еще бодрѣе и моложе!

 XI.

(Изъ него же).

Улыбка страстная и взоръ краснорѣчивый,
 Въ которыхъ вся душа, какъ въ зеркалѣ, видна,
 Сокровища мои... она
 Жестокимъ Аргусомъ со мной разлучена!
 Но очи страсти прозорливы:
 Ревнивецъ злой, страшись любви очей!
 Любовь мнѣ таинство быть счастливымъ открыла,
 Любовь мнѣ скажетъ путь къ красавицѣ моей:
 Любовь тебя читать въ сердцахъ не научила.

 XII.

(Изъ него же).

Изнемогаетъ жизнь въ груди моей остылой.
 Конецъ боренію, увы, всему конецъ!
 Сочиненія К. Н. Батюшкова, I.

Киприда и Эротъ, мучители сердецъ,
 Услышите голосъ мой послѣдній и унылой!
 Я вяну, и еще мученія терплю;
 Полмертвый, но сгораю;
 Я вяну, но еще такъ пламенно люблю
 И безъ надежды умираю!
 Такъ, жертву обхвативъ кругомъ,
 На алтарѣ огонь блѣднѣетъ, умираетъ
 И, вспыхнувъ ярче предъ концомъ,
 На пеплѣ погасаетъ.

ХІІІ.

Съ отвагой на челѣ и съ пламенемъ въ крови
 Я плывъ, но съ бурей вдругъ предстала смерть
 ужасна.
 О юный плаватель, сколь жизнь твоя прекрасна!
 Ввѣряйся челноку, плыви!

СХІV.

Князю Л. И. Шаликову.

(При полученіи отъ него въ подарокъ книги, имъ переведенной).

Чѣмъ заплачу вамъ, милый князь,

Чѣмъ отдарю почтеннаго поэта?

Стихами? Но давно я съ музой рушилъ связь

И безъ нея кругомъ летаю свѣта,

Съ востока къ западу, отъ сѣвера на югъ—

Не тамъ, гдѣ вы, гдѣ грацій кругъ,

Гдѣ Аполлонъ съ парнасскими сестрами,

Нѣтъ, нѣтъ, въ странѣ иной,

Гдѣ въ вѣкъ не повстрѣчаюсь съ вами:

Въ пыли, въ грязи, на тряской мостовой,

10

«Въ картузѣ съ козырькомъ, съ небритыми усами»,

Какъ Пушкина герой,

Воспѣтый имъ столь сильными стихами.

• Такая жизнь для мыслящаго адъ.

Страданій вамъ моихъ не въ силахъ я изчислить.

Скачи туда, сюда, хоть радъ или не радъ.

Гдѣ жь время чувствовать и мыслить?

Но время, къ счастью, есть любить

19*

Друзей, ихъ славу и успѣхи

И въ дружбѣ находить

20

Неизъяснимыя для чорствыхъ душъ утѣхи.

Вотъ мой удѣлъ, почтенный мой поэтъ:

Оставя отчій край, увижу новый свѣтъ

И небо новое, и незнакомы лица,

Везувій въ пламени и Этны вѣчный дымъ,

Кастратовъ, оперу, фиглировъ, папскій Римъ

И прахъ, священный прахъ всемірныя столицы.

Но гдѣ бъ я ни былъ (такъ я молвлю въ добрый часъ),

Не измѣнюсь, душою тотъ же буду

И умирая не забуду

Москву, отечество, друзей моихъ и васъ!

11-го сентября 1818 года.

СХV.

Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ,
 Есть радость на приморскомъ брегѣ,
 И есть гармонія въ семъ говорѣ валовъ,
 Дробящихся въ пустынномъ бѣгѣ.
 Я ближняго люблю, но ты, природа - мать,
 Для сердца ты всего дороже!
 Съ тобой, владычица, привыкъ я забывать
 И то, чѣмъ былъ, какъ былъ моложе,
 И то, чѣмъ нынѣ сталъ подъ холодомъ годовъ.
 Тобою въ чувствахъ оживаю:
 Ихъ выразить душа не знаетъ стройныхъ словъ,
 И какъ молчать объ нихъ, не знаю.

Шуми же, ты, шуми, угрюмый океанъ!
 Развалины на прахѣ строить
 Минутный человѣкъ, сей суетный тиранъ,
 Но море чѣмъ себѣ присвоить?
 Трудися, созидай громады кораблей.....

СХVI.

Ты пробуждаешься, о Байя, изъ гробницы
При появленіи Аврориныхъ лучей,
Но не отдастъ тебѣ багряная денница
Сіянія протекшихъ дней,
Не возвратитъ убѣжищей прохлады,
Гдѣ нѣжились рои красотъ,
И никогда твои порфирны колоннады
Со дна не встанутъ синихъ водъ!

СХVІІ.

Надпись для гробницы дочери г-жи
Малышевой.

О милый гость изъ отческой земли!
Молю тебя, замѣть сей памятникъ безвѣстный:
Здѣсь мать и отецъ надежду погребли,
Здѣсь я покоюся, младенецъ ихъ прелестный.
Имъ молви отъ меня: Не сѣтуйте, друзья!
Моя завидна скоротечность:
Не знала жизни я
И знаю вѣчность.

СХVIII.

Подражанія древнимъ.

I.

Безъ смерти жизнь не жизнь, и что она? Сосудъ,
 Гдѣ капля меду средь полыни!
 Величественъ сей понтъ! Лазурной царь пустыни,
 О солнце, чудно ты среди небесныхъ чудъ!
 И на землѣ прекраснаго столь много!
 Но все поддѣльное иль втунѣ серебро....
 Плачь, смертный, плачь! Твое добро
 Въ рукѣ у Немезиды строгой!

H.

Скалы чувствительны къ свирѣли;
 Верблюды прислушивать умѣтъ пѣснь любви,
 Стеня подъ бременемъ; румянѣ крови—
 Ты видишь—розы покраснѣли
 Въ долинѣ Іемена отъ пѣсней соловья....
 А ты, красавица!.... Не постигаю я.

III

Взгляни: сей кипарисъ, какъ наша степь, бесплоденъ,
 Но свѣжъ и зеленъ онъ всегда.

Не можешь, гражданинъ, какъ пальма дать плода?
 Такъ буди съ кипарисомъ сходенъ:
 Какъ онъ уединенъ, осанистъ и свободенъ!

IV.

Когда въ страданіи дѣвица отойдетъ,
 И трупъ синѣющій остынетъ,
 Напрасно на него любовь и амвру леть,
 И облакомъ цвѣтовъ окинетъ:
 Блѣдна какъ лилія въ лазури васильковъ,
 Какъ восковое изваянье.
 Нѣтъ радости въ цвѣтахъ для вянущихъ перстовъ,
 И суетно благоуханье.

V.

О смертный, хочешь ли безбѣдно перейти
 За море жизни тревоженной,—
 Не буди гордъ и въ вѣтръ попутный опусти
 Свой парусъ, счастіемъ надменный!
 Не покидай руля, какъ свиснетъ ярый вѣтръ!
 Будь въ счастья Сциціонъ, въ тревогѣ брани Петръ!

VI.

Ты хочешь меду, сынъ,—такъ жала не страшись!
 Вѣнца побѣды—смѣло къ бою!
 Ты перловъ жаждешь,—такъ спустишь
 На дно, гдѣ крокодилъ зяетъ подъ водою!
 Не бойся! Богъ рѣшитъ. Лишь смѣлымъ онъ отецъ,
 Лишь смѣлымъ перлы, медъ иль гибель.... иль вѣнецъ.

Шафгаузенъ. 7-го іюня 1821.

СХІХ.**ИЗРЕЧЕНІЕ МЕЛЬХИСЕДЕКА.**

Ты помнишь, что изрекъ,
Прощаясь съ жизнію, сѣдой Мельхиседекъ?
Рабомъ родится человѣкъ,
Рабомъ въ могилу ляжетъ,
И смерть ему едва ли скажетъ,
Зачѣмъ онъ шель долиной чудной слезъ,
Страдалъ, рыдалъ, терпѣлъ, исчезъ.

ПРИМЪЧАНІЯ.

I.

Мечта.

Напечатано: 1) въ Любителѣ словесности 1806 г., ч. III, стр. 216—219, съ подписью: К. Б—въ; состоитъ изъ 89 стиховъ и сопровождается двумя примѣчаніями издателя журнала, Н. Ѳ. Остолопова; 2) въ Вѣстникѣ Европы 1810 г., ч. XLIX, № 4, февраль, стр. 283—285, съ подписью Конст. Бат.; этотъ текстъ представляетъ кое-какія мелкія измѣненія и сокращенія противъ предшествующаго и состоитъ изъ 83 стиховъ; 3) въ Собраніи р. стихотвореній, изд. Жуковскимъ, ч. V (1811 г.), стр. 323—331, съ полною подписью; здѣсь стихотвореніе является въ совершенно новомъ видѣ и состоитъ изъ 207 стиховъ; 4) въ Образцовыхъ Сочиненіяхъ, 1-е изд., ч. VI (1817 г.), стр. 233—240; текстъ вполне сходенъ съ предшествующимъ, за исключеніемъ 5-го стиха; 5) въ Опытахъ, ч. II, стр. 106—118; здѣсь текстъ представляетъ довольно много мелкихъ измѣненій противъ текста Образцовыхъ Сочиненій и состоитъ изъ 211 стиховъ; 6) въ Сочиненіяхъ, изд. 1834 г., ч. II, стр. 89—97; 7) въ Сочиненіяхъ, изд. 1850 г., ч. II, стр. 99—107; въ двухъ послѣднихъ изданіяхъ повторенъ безъ измѣненій текстъ Опытовъ. Должно замѣтить еще, что значительный отрывокъ изъ „Мечты“ (пѣсь скальда), не находящійся въ редакціи 1806 г. и впервые внесенный въ это стихотвореніе только въ Собраніи р. стихотвореній 1811 г., ранѣе того появился въ статьѣ Батюшкова: „Картина Финляндіи“, напечатанной въ Вѣстникѣ Европы 1810 г., ч. 50, № 8, апрѣль, и впоследствии неоднократно перепечатававшейся (см. о томъ въ т. II, стр. 377).

Стихотвореніе это извѣстно намъ также въ двухъ рукописяхъ, изъ которыхъ одна нашлась въ бумагахъ В. А. Жуковскаго, а другая принадлежитъ П. А. Висковатову; оба эти списка представляютъ въ своемъ составѣ нѣкоторыя особенности, при чемъ однако текстъ первой рукописи, состоящей изъ 175 стиховъ, весьма близокъ къ тексту Собранія р. стихотвореній, а текстъ второй рукописи, въ 192 стиха, занимаетъ середину между текстомъ Обр. Сочиненій и текстомъ Опытовъ. Въ рукописи П. А. Висковатова элементъ приданъ слѣдующій эпиграфъ:

Но мы, отличенные
Зевесовой благостью...

Время сочиненія „Мечты“ опредѣляется письмомъ автора къ Гнѣдичу отъ декабря 1810 г., гдѣ Батюшковъ говоритъ, что писалъ свою элегію живя на Петергофской дорогѣ „назадъ тому лѣтъ семь“ (Соч., т. II, стр. 68). Въ половинѣ 1810 г. послѣдовала большая передѣлка этого стихотворенія, и въ передѣланномъ видѣ Батюшковъ послалъ его Жуковскому для Собранія р. стихотв. (тамъ же, стр. 99, 100); эта рукопись, вѣроятно, и сохранилась въ бумагахъ послѣдняго. Осенью того же года списокъ „Мечты“, также въ передѣланномъ видѣ, былъ посланъ и Гнѣдичу, при чемъ авторъ выразилъ желаніе, чтобъ элегія была напечатана, но не для публлки (тамъ же, стр. 104, 106, 107); желаніе это однако удовлетворено не было. Изъ письма Батюшкова къ Гнѣдичу отъ конца апрѣля 1811 г. видно, что элегія снова подверглась передѣлкѣ и уже въ этомъ вторично измѣненномъ видѣ должна появиться въ Собраніи Жуковскаго (тамъ же, стр. 120). Затѣмъ, въ письмѣ къ тому же лицу, отъ 7-го ноября того же года, Батюшковъ сообщаетъ объ успѣхѣ „Мечты“ и объ отзывѣ про нее Жуковскаго (тамъ же, стр. 150). Рукопись П. А. Висковатова свидѣтельствуетъ, что Батюшковъ еще продолжалъ отдѣлку „Мечты“, а въ окончательномъ видѣ она явилась только въ Опытѣхъ и осталась уже безъ измѣненій, когда, въ 1819—1821 гг., нашъ поэтъ подготавливалъ новое изданіе своихъ стихотвореній.

Въ настоящемъ изданіи „Мечта“ напечатана въ двухъ редакціяхъ — самой ранней (1802 — 1803 гг.), и самой поздней (1817 г.); въ основу первой положенъ текстъ Любителя словесности 1806 г., а варианты къ нему взяты изъ Вѣстника Европы 1810 г.; въ основу второй приняты текстъ Опытовъ, и къ нему подведены варианты Собранія р. стихотвореній, Образц. сочиненій и рукописи П. А. Висковатова. Варианты изъ рукописи 1810 г., сохранившейся въ бумагахъ Жуковскаго, не приводятся совсѣмъ, такъ какъ всѣ они вошли въ дальнѣйшую передѣлку „Мечты“, напечатанную въ Собраніи р. стихотвореній 1811 года.

Варианты первоначальной редакціи (по Вѣстнику Европы).

- Ст. 17: И Кромлы шумный лѣсъ безмолвно пмъ внимаеть.
 Ст. 18: И эхо по холмамъ пѣснь звучну повторяеть.
 Стт. 20—22: Цвѣты въ снѣгахъ рождаешь,
 Зефиромъ крылья расправляешь
 И стелешь въ лѣдинахъ миртовъ тѣнь.
 Ст. 24: Невольникамъ въ слезахъ.
 Стт. 27—32: Украшены тобой; и часто заключенный
 Оковы промѣнялъ на цѣпь веселыхъ розъ.
 Любовникъ, день и ночь ты льешь источникъ слезъ,
 Безъ друга жизнь влачишь унылу,
 Ступай же на ея безмолвную могилу,
 Ст. 35: съ стройнымъ станомъ,
 Ст. 40: Мечтаніе—душа поэтовъ и стиховъ,
 Стт. 43—45: Любовь еще горитъ во пламенныхъ мечтахъ
 Любовницы Фаона;
 А ты, лежащій на цвѣтахъ

- Ст. 48: Ты съ дпрою въ рукахъ мечталъ,
 Стт. 51—54: Въ нагихъ ли истиннахъ отъ вѣка устарѣлыхъ
 Угрюмыхъ стонковъ, сердитыхъ мудрецовъ
 Найдемъ мы жизни нашей сладость?
 Отъ нихъ, я вижу, радость
 Ст. 56: Для нихъ вѣтъ прелести и въ красотахъ природы,
 Ст. 59: Весна безъ радости
 Стт. 66—67: Любовью упиваться;
 Мечты крылатыхъ сновъ
 Стт. 68—71 вѣтъ.
 Стт. 72—73: Не сыплютъ тамъ своихъ цвѣтовъ,
 Гдѣ юность увядаетъ.
 Гдѣ тусклый опытность свѣтильникъ зажигаетъ.
 Ст. 74: живи еще со мной,
 Ст. 78: у мраморныхъ крылецъ.
 Стт. 79—83: Но счастливъ тамъ пѣвецъ,
 Когда снискалъ себѣ онъ вольность и спокойство,
 А отъ суетъ ушелъ забвенія тропой.
 Души поэтовъ свойство:
 Блаженство находить въ убожествѣ мечтой.
 Ст. 85: Какъ пчелка медомъ отягченна,

— (стихи 11—18). Въ этихъ словахъ поэтъ напоминаетъ образы и картины изъ Оссиановской поэзіи. Сельма — жилище Фингала, царя Морвенскаго; Оскаръ — сынъ Оссиана и внукъ Фингала, молодой герой; Кромла — священная гора друидовъ въ Ирландіи, въ провинціи Ульстеръ.

— (Ст. 22). Изъ писемъ Батюшкова (Соч., т. III, стр. 68 и 120) видно, что этотъ стихъ первоначальной редакціи возбуждалъ критику Гнѣдича и потому былъ исключенъ авторомъ.

— (Ст. 55). Къ этому стиху въ Любитель словесности сдѣлано слѣдующее замѣчаніе: „Новая и прекрасная мысль“.

— (Стт. 85 и 86). Къ этимъ стихамъ относится слѣдующее примѣчаніе въ Любитель словесности: „Нельзя не замѣтить и слухъ счастливыхъ выражений“.

II.

Б о г ъ.

Стихотвореніе это никогда до сихъ поръ напечатано не было; печатается по рукописи П. Н. Тиханова. Время написанія піесы опредѣляется помѣтой, сдѣланною на этой рукописи М. Е. Лобановымъ. Подражаніе одамъ Державина „Богъ“ и „Величество Боже“ здѣсь на столько явно, что не требуетъ ближайшихъ указаній.

III.

Посланіе къ стихамъ моимъ.

Напечатано въ Новостяхъ русск. литературы, журналъ П. А. Сохацкаго и П. В. Побѣдоносцева, 1805 г., ч. XIII, январь, стр. 61—64, съ подписью: Кон—нъ Батюшковъ; перепечатано Н. С. Тихонравовымъ въ рецензіи на книгу М. А. Дмитріева: Мелочи изъ запаса моей памяти. М. 1854 (Отеч. Зап. 1855 г., ч. XCVIII, III, стр. 20) и М. Н. Лонгиновымъ въ его „Библиографическихъ Запискахъ“ (Современникъ 1856 г., № 5). Ни въ одномъ собраніи сочиненій Батюшкова стихотвореніе это помѣщено не было. Въ Новостяхъ р. литературы къ заглавію его сдѣлано было слѣдующее примѣчаніе: „Сін стихи присланы къ намъ при слѣдующихъ строкахъ: „C'est un méchant métier que celui de médire, сказалъ Боало и, не смотря на то, продолжалъ браниться съ несчастнымъ Котеномъ и гармоническимъ Киннольтомъ. Знаю и я, что брань самое худое ремесло, и что

Нѣтъ счастья тому, кто въ оное вдается;
Отъ брани всегда лишь брань произведется.

„Но легче знать пороки свои, нежели исправляться отъ нихъ. Въ моей сатиры нѣтъ личности: самолюбіемъ играть опасно“. Благодаримъ г. автора за сію піесу и помѣщаемъ ее съ особливимъ удовольствіемъ. Издат.“

То же стихотвореніе, подъ заглавіемъ „Сатира“, находится въ рукописи П. Н. Тиханова; заимствуемъ оттуда слѣдующіе

варіанты:

- Стт. 3—5: Покоя нѣтъ на часъ: на умъ стихи идутъ,
Во снѣ и на яву Фебъ съ лирою бредутъ.
Но съ страстью пагубной не я одинъ родился
- Ст. 8: Не славу обрѣтеть въ награду, но позоръ.
- Ст. 14: воспѣваетъ вм. сочиняетъ.
- Стт. 19—20: Бѣднага, удержишь! . . . Брось, брось совѣмъ писать!
Не лучше ли тебѣ съ ружьемъ маршировать?
- Ст. 23: Повѣрю я: съ людьми нельзя ему ужиться.

Къ ст. 25-му сдѣлано слѣдующее примѣчаніе: „Безрѣмниъ точно напи- саль отрывокъ: „Мавзолей моего сердца“.

- Ст. 26: И сердца мавзолей твердитъ въ своихъ стихахъ.
- Стт. 28—29: Хотя и Гла—новъ въ газетахъ выхваляютъ.
Глушоны за деньги радъ намъ всякаго хвалить

къ ст. 32-му сдѣлано слѣдующее примѣчаніе: „Кругами утверждаетъ. Всѣмъ извѣстно, что остроумный авторъ Круговъ бранилъ г. К.—на и пр. и совѣтовалъ писать не по русски“.

- Ст. 34: но зѣвать вм. а зѣвать.
 Ст. 43: Дымъ славы, хоть пустой, намъ смертнымъ всѣмъ пріятенъ
 Ст. 48: продолжался вм. провоздался.
 Ст. 52: Не мысля о стихахъ, о Фѣбѣ и о лирѣ.
 Ст. 54: И день чтобъ не писать, не можно мнѣ проводить.

Время написанія сатиры опредѣляется помѣтой М. Е. Лобанова на рукописи, принадлежащей П. Н. Тиханову.

Эпиграфъ взятъ изъ Вольтерова „Épître au roi de Danemarck, Christian VII, sur la liberté de la presse accordée dans tous ses états“ (1771 г.).

— (Ст. 11). Стукодѣй — лицо, выведенное въ стихотвореніи В. Л. Пушкина „Вечеръ“, напечатанномъ первоначально въ Аонідахъ, кн. 3 (1798 г.) стр. 115—128. Пушкинъ описываетъ вечернее собраніе въ одномъ домѣ:

Вдругъ растворяютъ дверь, и входитъ Стукодѣй.
 Несносный говорунъ, о всемъ уже онъ знаетъ:
 Тотъ женится, другой супругу оставляетъ,
 Тотъ проигрался весь, тотъ по уши въ долгахъ.
 Потомъ судить онъ сталъ, къ несчастью, о стихахъ.
 По мнѣнію его, Надутовъ всѣхъ плѣняетъ,
 А Дмитревъ, Карамзинъ... бездѣлки сочиняетъ:
 Державинъ, напримѣръ, изрядно бы писалъ,
 Но также, кромѣ одъ, не стоитъ онъ похвалъ.
 Пропали трагикъ, исчезла Россовъ слава!
 И началъ наконецъ твердить намъ роль Синава,
 Коверкался, кричалъ,—всѣ восхищались имъ,
 Одинъ лишь старичекъ, смѣясь со мной надъ нимъ,
 „Невѣжду“, мнѣ сказалъ,—„я вѣчно извиняю,
 „Пусть вретъ онъ чепуху, я въ споръ съ нимъ не вступаю;
 „Напротивъ, кажется забавенъ часто онъ;
 „Не знаетъ ничего, а всѣмъ даетъ законъ.
 „Что нашъ питаетъ умъ, что сердце восхищаетъ,
 „То онъ бездѣлкою пустою называеъ.
 „Что нужды! Вѣрите мнѣ: невѣждина хула
 „Писателю вѣнецъ, поэту похвала!“.

— (Ст. 21—24). Подъ именемъ Плаксивина разумѣется одинъ изъ самыхъ бездарныхъ писателей, состоявшихъ подъ покровительствомъ Шипкова, Е. И. Станевичъ (см. о немъ ниже въ примѣчаніяхъ къ „Пѣвцу въ бесѣдѣ Славенороссовъ“); въ его „Сочиненіяхъ въ стихахъ и прозѣ“, кн. I (С.-Пб. 1805), стр. 57, есть потѣшные стихи объ уtratѣ друга:

Мизонъ меня винить
И говоритъ:
„Евстафій! Ты причиной
„Единой
„Разрыва дружбы между насъ, и пр.

— (Стт. 25—27). Безвременнѣе—лицо собирательное; намекъ можетъ быть относимъ и къ С. С. Боброву, который много писалъ бѣлыми стихами (см. о немъ въ т. II, стр. 536—537), и къ П. Ю. Львову, автору чувствительныхъ повѣстей и элегій въ прозѣ, печатавшихся въ журналѣ Инокрена 1801 г., въ Новостяхъ р. литературы 1802 г. и Журналѣ росс. словесности 1805 г. (см. объ этомъ Львовѣ ниже въ примѣчаніяхъ къ „Пѣвцу въ бесѣдѣ Славенороссовъ“). Въ рукописномъ же вариантѣ стиха 25-го и въ примѣчаніи Батюшкова къ этому стиху говорится о сочиненіи нѣкоего Александра Обрѣзкова, который напечаталъ въ Инокренѣ 1801 г., ч. IX, стр. 358—359, за подписью А—ъ, О—ъ, чувствительную статейку „Мавзолей сердца“. Къ Безвременну относится еще эпиграмма, помѣщенная въ этомъ же томѣ на стр. 33.

— (Ст. 28). А. Д. Галаховъ (Истор. хрестоматія, т. II, изд. 1864 г. стр. 359) предположилъ, что подъ звѣздочками слѣдуетъ читать фамилію петербургскаго книгопродавца Глазунова; эта догадка подтверждается рукописью П. Н. Тиханова и тѣмъ, что въ С.-Пб. Вѣдомостяхъ 1805 г., № 6, въ объявленіи отъ книжной лавки Глазунова, дѣйствительно расхвалено собраніе сочиненій Боброва, вышедшее подъ заглавіемъ: „Разсвѣтъ полночи“.

— (Стт. 31 и 32). Изъ примѣчанія къ ст. 32 въ рукописи видно, что рѣчь тутъ идетъ объ А. С. Шишковѣ. Въ его „Разсужденіи о старомъ и новомъ слога“ (С.-Пб. 1803, стр. 30) развитіе значеній словъ въ языкѣ дѣйствительно сравнивается съ кругами, расходящимися на поверхности воды послѣ того, какъ въ нее брошенъ камень, и сравненіе это пояснено чертежомъ.

IV.

Посланіе къ Хлоѣ.

Стихотвореніе это никогда до сихъ поръ напечатано не было; печатается по рукописи П. Н. Тиханова. Время написанія „Посланія“ опредѣляется помѣтой М. Е. Лобанова на этой рукописи. Находящуюся въ той же рукописи приписку къ заглавію, что „Посланіе“ есть „подражаніе“ какому-то чужому произведенію, можно объяснить сходствомъ піесы Батюшкова съ сатирическимъ стихотвореніемъ В. Л. Пушкина „Вечеръ“ (Аониды, кн. III), гдѣ также, какъ у нашего поэта, выводится рядъ типовъ свѣтскаго общества.

— (Ст. 31). Въ сказкѣ Дмитріева „Причудница“ встрѣчается имя Брамербасть; оно придано тамъ старому простодушному воину, который рассказывалъ автору разныя небылицы. По свидѣтельству М. А. Дмитріева (Мелочи, стр. 125), лицо, выведенное его дядей, было не вымышленное.

V.

Переводъ Лафонтеновой эпитафiи.

Это четверостишіе никогда до сихъ поръ напечатано не было; печатается по рукописи П. Н. Тиханова. Время написанія опредѣляется помѣтой М. Е. Лобанова на этой рукописи. Подлинникъ принадлежитъ самому Лафонтену:

Jean s'en alla comme il était venu,
Mangea le fonds avec le revenu,
Tint les trésors chose peu necessaire.
Quant à son temps, bien le fût dispenser.
Deux parts en fit, dont il souloit passer
L'une à dormir, et l'autre à ne rien faire.

VI.

Къ Фились.

Стихотвореніе это никогда до сихъ поръ напечатано не было; печатается по рукописи П. Н. Тиханова. Другой списокъ этого стихотворенія, руки Н. И. Гифдича, находится въ Имп. П. Библиотекѣ. Заимствуемъ изъ него слѣдующіе

варианты:

- Ст. 22: И твой другъ съ душой покойною
Ст. 25: Промѣнять на цѣль золочену.
Ст. 39: Самъ я бѣгалъ за фортуною

Послѣ ст. 60 слѣдующая вставка:

Ахъ, на камень упадетъ она.

- Ст. 76: Полно! Бросимъ далѣ взоры мы.
Стт. 77—94 нѣтъ.
Ст. 99: Совѣсть чистая—спокойствіе.

Стт. 100—102 нѣтъ.

Ст. 103: Но красный мѣсяцъ съ свода яснаго

Время написанія піесы опредѣляется помѣткой М. Е. Лобанова на рукописи, принадлежащей П. Н. Тиханову. Приписку къ заглавію „подражаніе Грессету“ должно понимать въ весьма ограниченномъ смыслѣ. Между стихотвореніями французскаго поэта нѣтъ ни одного сходнаго въ цѣломъ съ „Посланиемъ къ Фялпсѣ“, и только немногіе отдѣльные стихи извѣстной піесы Грессе „La Chartreuse“ напоминаютъ нѣкоторыя черты въ „Посланіи“ Батюшкова.

— (Стт. 8—9). Этими стихамъ „Посланія“ соответствуетъ описаніе бѣднаго жилища Грессе—

Une lucarne mal vitrée,

гдѣ стоитъ бѣдная мебель,

. . . que les frères de Borée
Bouleversent avec fracas,
Lorsque sur ma niche éthérée
Ils préludent aux fiers combats
Qu'ils vont livrer sur vos climats.

— (Стт. 26 — 34). Эти стихи имѣютъ нѣкоторое сходство съ слѣдующими у Грессе:

Irais-je, adulateur sordide,
Encenser un sot dans l'éclat,
Amuser un crépus stupide,
Et moseigneuriser un fat:
Sur des espérances frivoles
Adorer avec lâcheté
Ces chimériques fariboles
De grandeur et de dignité?
Et, vil client de la fierté,
A des méprisables idoles
Prostituer la vérité;
Irais-je, par d'indignes brigues
M'ouvrir des palais fastueux,
Languir dans de folles fatigues,
Ramper à replis tortueux
Dans de puérides intrigues
Sans oser être vertueux?

VII.

Переводъ I-й сатиры Боало.

Стихотвореніе это никогда до сихъ поръ напечатано не было; печатается по рукописи П. Н. Тиханова. Время перевода опредѣляется помѣтой М. Е. Лобанова на этой рукописи. Піесу эту справедливѣе было бы назвать подражаніемъ, а не переводомъ, такъ какъ она передаетъ только общее содержаніе подлинника, съ пропускомъ всѣхъ намековъ Буало на современность; исключая эти послѣдніе, Батюшковъ однако не вставилъ въ сатиру чертъ русскаго быта, хотя и перенесъ мѣсто дѣйствія въ Москву.

VIII.

Посланіе къ Н. И. Гнѣдичу.

(Что дѣлаешь, мой другъ, въ полтавскихъ ты степяхъ?)

Напечатано въ Цвѣтникѣ 1809 г., ч. II, № 5, май, стр. 184—192, подъ заглавіемъ „Посланіе къ Н. И. Гнѣдичу“, съ подписью К. Б., и никогда не было перепечатываемо.

Время сочиненія піесы опредѣляется поѣздкой Гнѣдича въ Малороссію, которая относится къ 1805 г.: этимъ годомъ помѣчено его стихотвореніе „На гробѣ матерн“, умершей въ Полтавской губерніи. Батюшковъ, въ письмѣ къ нему отъ декабря 1810 г. (т. III, стр. 64), говоритъ, что написалъ это посланіе; будучи 17-ти лѣтъ. Тамъ же сказано, что въ рукописи оно имѣло эпиграфъ изъ Парни: „Le ciel, qui voulait mon bonheur“, и пр.; эпиграфъ этотъ взятъ изъ стихотворнаго письма Парни къ своему брату отъ сентября 1785 года.

— (Стт. 27—30). Риминъ, идущій во слѣдъ Алкею и подражающей Пиндару, но неудачно, есть А. Θ. Мерзляковъ; въ 1804 г. онъ напечаталъ въ Эфемеридахъ одинъ изъ первыхъ своихъ переводовъ: „Первая Пиндарова Олимпійская ода Герону Спракузскому“; насмѣшливое сближеніе Мерзлякова съ Алкеемъ находится и въ „Видѣніи на берегахъ Леты“ (т. I, стр. 79. ст. 98). О раннемъ взглядѣ Батюшкова на Мерзлякова см. въ т. II. стр. 507,

— (Стт. 69—79). Воспоминаніе изъ Оссіана: Мальвина — одна изъ героинь его; жена Оскара, Мальвина, пережила и оплакивала его; Оссіанъ утѣшалъ ее своими пѣснями.

— (Стт. 85—89). Пѣвецъ любви — Гораций; ср. его изображеніе въ позднѣйшей редакціи „Мечты“.

— (Стт. 90 — 91). Эпизодъ объ Арמידѣ наполняетъ собою IV-ю, V-ю и XVI-ю пѣсни Тассова „Gerusalemme liberata“.

IX.

Элегія.

(Какъ счастье медленно приходитъ...).

Напечатано въ Сѣверн. Вѣстникѣ 1805 г., ч. V, мартъ, стр. 338—339, съ подписью: К. Б—въ; перепечатана М. Н. Лонгиновымъ въ Современникѣ 1856 г., № 6, смѣсь, стр. 165. Въ собраніяхъ сочиненій Батюшкова не помѣщена; находится также въ рукописи П. Н. Тиханова, и текстъ этого сборника представляетъ противъ печатнаго слѣдующіе

варианты:

- Ст. 4: Иль самъ
 Ст. 7: я горестъ люту
 Стт. 13—14: Но прочь, увь! теперь бѣжить
 Мечта, что прежде сладко лѣстила,
 Ст. 22: Во мнѣ цвѣтъ юности уваль
 Ст. 24: Любовь—увь!—любовь осталась!

Время перевода опредѣляется составомъ рукописи П. Н. Тиханова. У Парни эта пѣса, въ 22 стиха, составляетъ XI-ю элегію IV-й книги. Переводъ близкій только мѣстами; для сравненія со стихами, удаляющимися отъ подлинника, приводимъ соответствующія строки послѣдняго.

— (Стт. 3—4). Подобныхъ стиховъ вовсе нѣтъ въ подлинникѣ.

— (Стт. 7—8). Je suis puni de ce moment d'ivresse.

— (Стт. 17—20). Ce coeur, hélas! que le chagrin dévore,
 Ce coeur malade et surchargé d'ennui,
 Dans le passé veut ressaisir encore
 De son bonheur la fugitive aurore,
 Et tous les biens qu'il n'a plus aujourd'hui,
 Mais du présent l'image trop fidèle
 Me suit toujours dans ces rêves trompeurs,
 Et sans pitié la vérité cruelle
 Vient m'avertir de répandre des pleurs.

X.

На смерть И. П. Пнина.

Напечатано въ Сѣвери. Вѣстникъ 1805 г., ч. 7, сентябрь, стр. 345—346, съ подписью Бат.; перепечатано М. Н. Лонгиновымъ въ Современникѣ 1856 г., № 6, смѣсь, стр. 166. Въ собраніяхъ сочиненій Батюшкова не помѣщено. Эпиграфъ взятъ изъ стихотворенія Вольтера: „La mort de m-lle Lecouvreur, célèbre actrice“.

— (Стр. 31). Иванъ Петровичъ Пнинъ (род. въ 1773 г., ум. 17-го сентября 1805) принадлежалъ къ числу даровитыхъ писателей своего времени; онъ воспитывался сперва въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ, а потомъ въ артиллерійскомъ и инженерномъ корпусѣ (Истор. обзорніе 2-го вад. корпуса. С.-Пб. 1862, стр. XVI) и служилъ сперва въ артиллерию, а потомъ по гражданской части; съ 1802 г. по 1805 онъ состоялъ въ департаментѣ народнаго просвѣщенія и здѣсь былъ сослуживцемъ Батюшкова. Въ 1798 г. Пнинъ, вмѣстѣ съ А. Ѳ. Бестужевымъ, издавалъ С.-Петербургскій журналъ, одно изъ лучшихъ тогдашнихъ періодическихкихъ изданій. Въ 1804 г. Пнинъ напечаталъ книгу „Опытъ о просвѣщеніи относительно Россіи“, въ которой между прочимъ высказалъ мысль, что народному образованію у насъ препятствуетъ существованіе крѣпостнаго права. Книга быстро разошлась, но когда, въ томъ же году, авторъ представилъ ее, съ дополненіями, въ цензуру для новаго изданія, оно было остановлено (М. И. Сухомлиновъ. Матеріалы для исторіи просвѣщенія при Александрѣ I, кн. 3, стр. 34). Кромѣ этого сочиненія, Пнинъ написалъ довольно много стихотвореній, которые печатались въ Журналѣ рос. словесности и Журналѣ для пользы и удовольствія 1805 г., а затѣмъ послѣ смерти автора въ Пантеонѣ русской поэзіи 1815 г. и въ Благонамѣренномъ 1819 г. Пнинъ вообще примыкалъ къ той группѣ молодыхъ петербургскихъ писателей, изъ которой составилось Вольное общество любителей словесности, наукъ и художествъ; съ 1802 г. онъ былъ его членомъ, а въ 1805 избранъ былъ его предсѣдателемъ. Преждевременная смерть его остановила развитіе дѣятельности этого учрежденія. 20-го сентября 1805 г. Общество почтило память Пнина ссыбымъ засѣданіемъ, въ которомъ секретарь Д. И. Языковъ произнесъ посвященную его памяти рѣчь; затѣмъ послѣдовали рѣчи членовъ В. В. Попугаева, А. Е. Измайлова и Н. П. Бруслова, а Н. Ѳ. Остолоповъ, Н. А. Радщевъ и А. А. Писаревъ прочли стихи на смерть Пнина; тутъ же въ засѣданіи составила добровольная подписка на сооруженіе надгробнаго памятника покойному, и составленіе рисунка для монумента поручено было членамъ-художникамъ (Сѣв. Вѣстникъ 1805 г., ч. VIII, стр. 86). А. А. Варенцовъ, издатель Журнала для пользы и удовольствія, и С. Н. Глинка также почтили память Пнина стихами (Сѣв. Вѣстн., ч. VII). Всѣ эти стихотворенія, а равно и біографія Пнина, написанная Брусловымъ (Журн.

росс. слов. 1805 г., № 10), содержать въ себѣ похвалы его открытому и честному характеру, добротѣ и гражданскимъ добродѣтелямъ. Въ той же статьѣ Брусилова говорится и объ оставшихся послѣ Пнина сочиненіяхъ, изъ которыхъ не всѣ были напечатаны. Н. И. Гречъ, встрѣчавшій покойнаго писателя въ домѣ Брусилова, гдѣ бывалъ также и Батюшковъ, характеризуетъ Пнина слѣдующими словами: „Это былъ человѣкъ необыкновенно умный, образованный, любезный, кроткій, съ большими дарованіями. Всѣ мои сверстники вспоминаютъ о немъ съ чувствомъ искренней любви и уваженія. Онъ выросъ и былъ воспитанъ, какъ сынъ вельможи. Потому обстоятельства перемѣнились, и онъ долженъ былъ довольствоваться удѣломъ ничтожнымъ. Это оскорбило, изнурило, убило его. Не долго пользовались мы его многою наставительною бесѣдою: онъ умеръ въ сентябрѣ 1805 года, на 33-мъ году жизни къ общему, искреннему сожалѣнію всѣхъ, кто зналъ его“ (Воспомнанія юности, въ Новогодникѣ, изд. Н. Кукольника. С.-Пб. 1839, стр. 232). Оцѣнку литературной дѣятельности Пнина можно найти въ статьѣ г. Прыткова, въ Древней и Новой Россіи 1878 г., № 9. (В. С.).

XI.

На книгу подъ названіемъ: Смѣсь.

Напечатано: 1) въ Опытахъ, ч. II, стр. 207; 2) въ Опытѣ русской анекдотіи, стр. 109; 3) въ Сочиненіяхъ, изд. 1834 г., ч. II, стр. 204; 4) въ Сочиненіяхъ, изд. 1850 г., т. II, стр. 215.

Время сочиненія этой эпиграммы могло быть опредѣлено только приблизительно, на слѣдующихъ основаніяхъ: въ русской литературѣ времени Батюшкова намъ не извѣстно сочиненіе, которое носило бы названіе „Смѣси“; но въ 1803 — 1804 годахъ издавался въ Лейпцигѣ журналъ: *Russische Miscellen*. Издателемъ его былъ тотъ самый I. Рихтеръ, который перевелъ „Письма русскаго путешественника“; журналъ его подвергся строгой критикѣ въ Сѣверномъ Вѣстникѣ 1805 г.; быть можетъ, этотъ разборъ и подалъ поводъ къ эпиграммѣ Батюшкова.

XII.

Эпиграмма.

(Безвременна совѣтъ. . .).

Напечатано: 1) въ Журналѣ росс. словесности, ч. III, 1805 г., ноябрь, стр. 157, съ тремя звѣздочками вмѣсто подписи; 2) въ Вѣстникѣ Европы 1810 г., ч. XLIX, № 4, февраль, стр. 286, съ подписью К.; 3) въ Сочиненіяхъ, изд. 1834 г., ч. II, стр. 198; 4) въ Сочиненіяхъ, изд. 1850 г., т. II, стр. 208; печатается по Вѣстнику Европы.

Варианты (по Ж. р. сл.).

- Ст. 1: Совѣтъ Ликастъ даетъ
 Ст. 3: Пусть такъ!

Безриемниъ упоминается въ „Посланіи къ стихамъ моимъ“ (см. выше стр. 8, ст. 25).

XIII.

Къ Мальвинѣ.

Напечатано: 1) въ Сѣв. Вѣстникѣ 1805 г., ч. VIII, ноябрь, стр. 167—168, подъ заглавіемъ: „Стихи къ М. (съ итальянскаго)“, съ эпитафюмъ: „Amica! tu sei la rosa della primavefra“ и безъ подписи; 2) въ Собраніи р. стихотвореній, ч. II, стр. 196, также безъ подписи; печатается по этому послѣднему тексту. Текстъ Сѣв. Вѣстника представляетъ слѣдующій

вариантъ:

Ст. 3: Ее—не льстецъ я—можно

На принадлежность этого стихотворенія Батюшкову указываетъ письмо его къ Гнѣдичу, отъ конца апрѣля 1811 г., гдѣ онъ говоритъ, что въ 1-мъ томѣ Собранія Жуковскаго будетъ помѣщена его пѣсня къ Мальвинѣ, нѣкогда напечатанная въ Лицеѣ Мартынова (т. III, стр. 120). Библиографическія указанія Батюшкова оказались не вѣрны, но они все-таки дали возможность отыскать пѣсню.

Время сочиненія стиховъ опредѣлено временемъ ихъ напечатанія въ первый разъ. Итальянскій подлинникъ стихотворенія намъ неизвѣстенъ.

XIV.

Совѣтъ друзьямъ.

Напечатано въ Лицеѣ Мартынова 1806 г., ч. I, кн. 1, стр. 11, съ подписью: Бат., и перепечатано М. Н. Лонгиновымъ въ Современникѣ 1856 г., № 6, сибѣрь, стр. 166; въ собраніяхъ сочиненій Батюшкова никогда не перепечатывалось, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые стихи этой пѣсмы вошли въ другое стихотвореніе нашего поэта: „Веселый часъ“.

Стихотвореніе отнесено нами къ 1806 г. по времени его напечатанія.

Эпитафюмъ взятъ изъ стихотворенія г-жи Мюра (Henriette de Castelnau, comtesse de Murat, род. въ 1670 г., ум. въ 1716 г.).

Сочиненія К. Н. Батюшкова, I.

21

XV.

Пастухъ и Соловей.

Эта басня напечатана: 1) въ *Драм. Вѣстникѣ* 1808 г., ч. III, № 72, стр. 145—146, съ подписью: К. Б—въ; 2) въ *Сочиненіяхъ Озерова*, изд. 1828 г., ч. III, стр. 123—125; 3) въ *Соч.*, изд. 1834 г., ч. II, стр. 185—186; 4) въ *Соч.*, изд. 1850 г., т. II, стр. 195—196.

Годъ сочиненія этой басни опредѣляется замѣткой С. П. Жихарева въ „*Дневникѣ Чиновнива*“; подъ 24-мъ мая 1807 г. онъ пишетъ: „Гнѣдичъ сказывалъ, что получилъ отъ знакомаго своего, Батюшкова, стихотворное посланіе къ Озерову ¹⁾, которое чрезвычайно хвалить“ (*Отеч. Зап.* 1855 г., т. СII, стр. 376). Объ этомъ же стихотвореніи говоритъ В. А. Озеровъ въ письмѣ къ А. Н. Оленину, отъ 23-го ноября 1808 г. (*Р. А р х.* 1869 г., ст. 137). Обстоятельства, давшія Батюшкову поводъ написать это стихотвореніе, разяснены въ замѣткѣ объ Озеровѣ въ т. II настоящаго изданія, стр. 471—472

XVI.

Къ Н. И. Гнѣдичу.

(Только дружба общается. . .).

Напечатано: 1) въ сборникѣ *Талія*, изд. Бендикимъ въ 1807 году стр. 55 — 56, подъ заглавіемъ: „Посланіе къ Гнѣдичу“ и съ подписью К. Б.; 2) въ *Опытахъ*, ч. II, стр. 75—76; 3) въ *Соч.*, изд. 1834 г., ч. II, стр. 59—60; 4) въ *Соч.*, изд. 1850 г., т. II, стр. 69 — 70,—въ трехъ послѣднихъ изданіяхъ подъ заглавіемъ: „Къ Гнѣдичу“; находится также въ рукописи П. А. Висковатова и занесено было въ рукопись, принадлежавшую А. Н. Аванасьеву. *Талія* и названныя рукописи представляютъ слѣдующіе

варианты:

- Ст. 17 (Т.): Пѣль отъ нѣги и досуга,
Ст. 21 (В.): Милый Гнѣдичъ, исчезаетъ

Въ *Таліи* и у Ав. въ концѣ піесы прибавлено еще четыре стиха:

Нѣтъ, болтаючи съ друзьями,
Славы я не собираю;
Чуть не весь ли и съ стихами
Вопреки тебѣ умру.

Время написанія посланія опредѣляется годомъ изданія *Таліи*; не возможно относить его и къ болѣе раннему времени.

¹⁾ Въ слѣдующемъ году оно напечатано въ *Драм. Вѣстникѣ*.

— (Ст. 5). Въ этой строкѣ должна быть исправлена опечатка; вмѣсто оставишь должно читать: оставить.

XVII.

Отрывокъ изъ элегін.

(О, пока безцѣнна младость . . .).

Напечатанъ: 1) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 75 — 76; 2) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 85—86,—въ обоихъ изданіяхъ съ примѣчаніемъ: „Начало сей піесы не отыскано“.

Время написанія этого стихотворенія могло быть опредѣлено лишь приблизительно, по нѣкоторому сходству его съ предшествующимъ. Если же принять въ соображеніе, что піеса появилась только въ изданіи 1834 г., при изготовленіи котораго не принимались, по видимому, во вниманіе бумаги Гнѣдича, то стихотвореніе это слѣдуетъ приурочивать къ болѣе позднему времени, примѣрно къ 1810—1812 годамъ.

— (Стт. 9—12). Горацианскій образъ. *Erod.*, XV: *Ad Neaeram*, 5, 6:

*Arctius, atque hederæ procera astringitur ilex,
Lentius adhaerens brachiis.*

XVIII.

Н. И. Гнѣдичу.

(Прерву теперь молчанья узъ . . .).

Стихотвореніе это никогда до сихъ поръ напечатано не было; печатается по автографу, въ письмѣ Батюшкова къ Гнѣдичу, отъ 1-го іюля 1808 г., изъ Финляндіи (см. т. III, стр. 17 — 18). Подлинникъ у П. Н. Тиханова.

— (Стр. 42—49). Описаніе сѣверной ночи ср. съ подобною же картиною въ „Отрывкѣ изъ писемъ русскаго офицера изъ Финляндіи“ (т. II, стр. 8).

XIX.

Сонъ Могольца.

Басня эта напечатана: 1) въ *Драм. Вѣстникѣ* 1808 г., ч. V, стр. 78—80, подъ заглавіемъ: „Сонъ Могольца, эпизодъ изъ Лафонтена“ и съ подписью: *Кон. Бат.*; 2) въ *Вѣстникѣ Европы* 1810 г., ч. XLIX, № 4, стр. 286—287,

съ подписью: К. Б — въ; 3) въ Пантеонѣ р. поэзи, ч. V, стр. 239—241, съ полною подписью; 4) въ Опытахъ, ч. II, стр. 186—188; 5) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 183—184; 6) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 193 — 194; внесена была и въ рукопись А. Н. Аванасьева. Изъ письма къ Гнѣдичу, отъ февраля-марта 1817 г. (т. III, стр. 421) видно, что Батюшковъ не хотѣлъ было помѣщать ее въ „Опыты“; въ изданіе, которое онъ готовилъ въ 1819—1821 гг., она также не должна была войти.

В а р і а н т ы:

Ст. 4	(Др. В.):	Пилъ радость вѣчную, удѣлъ боговъ однихъ,
	(В. Евр., Ас.): боговъ самихъ,
Ст. 5	(Др. В., Ас.):	И сладко спалъ на лонѣ гурій.
	(В. Евр.):	И спалъ на лонѣ гурій.
Ст. 12	(Др. В.):	Онъ думалъ, что Многость
Ст. 13—16	(Др. В.):	Иль тайна дивная во снѣ сокрыта есть; Велѣлъ тотчасъ къ себѣ гадателя привести, А тотъ ему въ отвѣтъ: „Дивиться надо мало, • „Что въ снахъ большой есть складъ.
Ст. 18—19	(Др. В., В. Евр.):	Не рѣдко сей взирь, оставя дворъ и градъ, Искалъ уединенья;
Ст. 21	(Др. В.):	Съ гадатаемъ вм. съ гадателемъ.
Ст. 22	(Др. В.): и къ полямъ.
Ст. 23	(Др. В., В. Евр.):	Чертогъ невинности, въ тебѣ успокоенье
Ст. 33	(Др. В., В. Евр., Пант.):	(свѣтилъ блуждающихъ
Ст. 34	(Др. В.):	Узнаю ль я отъ васъ?
Ст. 35	(Др. В., В. Евр.):	Охота малая и мало дарованье,
Ст. 36	(Др. В., В. Евр.): источника вм. источниковъ.
Ст. 37	(Др. В., В. Евр.):	Или лужокъ въ цвѣтахъ, который воспою.
Ст. 39	(Др. В., В. Евр.): подъ дорогамъ наметомъ;
Ст. 43	(Др. В., В. Евр.): самъ я смерти отоуру;

Время перевода басни Батюшковымъ опредѣлено первымъ появленіемъ этой піесы въ печати.

Подлинникъ, съ котораго переводилъ Батюшковъ, принадлежитъ Лафонтену: „Le songe d'un habitant du Mogol“ (livre IX, fable IV), а французскій поэтъ заимствовалъ апологъ изъ „Гюлистана“ персидскаго писателя Саади. Переводъ Батюшкова не отличается близостью, особенно въ первой части, собственно въ разсказѣ, но смыслъ подлинника переданъ вообще вѣрно и безъ измѣненій. Вторая часть басни, лирическая, гдѣ Лафонтенъ обращается къ уединенію и высказываетъ свою любовь къ природѣ и сельской жизни, составляетъ подражаніе стихамъ 475—489 II-й книги „Георгикъ“ Виргилія. Та же басня переведена была и Жуковскимъ въ 1805 г. и напечатана въ Вѣстникѣ Европы 1807 г., ч. XXXII, № 7. Переложеніе Жуковскаго еще дальше отъ подлинника, чѣмъ переводъ Батюшкова.

Подъ Могольцемъ слѣдуетъ разумѣть обитателя царства Великаго Могола. Четыре стиха подлинника, соотвѣтствующіе стихамъ 39—41 перевода, приведены Батюшковымъ въ „Похвальному слову сну“ (т. II, стр. 16 и 216).

XX.

Выздоровленіе.

Напечатано: 1) въ Оштахъ, ч. II, стр. 33 — 34; въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 28; въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 36 — 37. Первоначальный автографъ этого стихотворенія находится въ Имп. П. Библиотекѣ; приводимъ изъ него слѣдующіе

варианты:

- Ст. 5: Ужь очи покрывалъ смертельный мракъ густой,
Ст. 19: Мнѣ сладокъ будетъ часъ разлуки роковой:

Время написанія этого стихотворенія могло быть опредѣлено только приблизительно по соображенію съ обстоятельствами жизни поэта, о которыхъ сказано въ статьѣ, предпосланной настоящему изданію: выздоровленіе Батюшкова послѣ раны, полученной въ сраженіи подъ Гейльсбергомъ, послѣдовало весною 1807 г.; слѣдовательно, стихотвореніе было написано не ранѣе этого времени и, вѣроятно, не позже 1809 г., къ которому относится піеса „Воспоминанія 1807 года“, гдѣ говорится о томъ же выздоровленіи.

П. И. Бартенева (Р. Арх. 1867 г., ст. 1442) замѣтилъ, что „Пушкинское „Выздоровленіе“ и „Я ускользнулъ отъ Эскулапа“ суть очевидныя подражанія этому стихотворенію“. Мнѣніе, съ которымъ трудно согласиться.

XXI.

Къ Тассу.

Напечатано: 1) въ Драм. Вѣстникѣ 1808 г., ч. VI, стр. 62 — 67; 2) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 98—102; 3) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 108—113. Въ Др. Вѣстникѣ посланіе сопровождалось нѣсколькими примѣчаніями автора, которыя отброшены изданіями 1834 и 1850 гг., но восстановлены при настоящей перепечаткѣ.

Время сочиненія піесы указывается письмомъ Батюшкова къ Гнѣдичу, отъ 7-го августа 1808 г., изъ Финляндіи, гдѣ она названа „новорожденнымъ дѣтищемъ“.

Во взглядѣ на судьбу Тасса посланіе вполне сходится съ позднѣйшею знаменитою элегіей Батюшкова, а въ оцѣнкѣ таланта италіянскаго поэта, въ указаніи на разнообразіе его генія — съ такою же характеристикой въ прозаической статьѣ „Аріостъ и Тассъ“ (ср. стихи 22—60 посланія со стр. 152—156 т. II настоящаго изданія).

— (Ст. 28). „Марсъ со мною мѣднѣй“. По сравненію со ст. 38 видно, что Марсъ здѣсь употребленъ въ смыслѣ военной трубы, подобно лат. *aes sonat*.

— (Ст. 59, прим.). Италіянскіе стихи приведены изъ LIX-й строфы XII-й пѣсни „*Gerusalemme liberata*“.

XXII.

Отрывокъ изъ I-й пѣсни Освобожденнаго Іерусалима.

Напечатанъ: 1) въ Драм. Вѣстникѣ, ч. VI, стр. 68 — 72, съ подписью NNN, но безъ заглавія, при чемъ помѣщенъ вслѣдъ за посланіемъ къ Тассу, съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Можетъ быть, охотники до стиховъ съ снихожденіемъ прочитаютъ опытъ перевода нѣкоторыхъ октавъ изъ безсмертной Тассовой поэмы. Если не найдутъ высокихъ пѣвическихкихъ мыслей, красоты выраженій, плавности стиховъ, то вина переводчика; подлинникъ безсмертенъ“; при концѣ перевода—замѣтка: „продолженіе впредь“; 2) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 103 — 106; 3) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 113 — 117; въ обоихъ послѣднихъ изданіяхъ также безъ заглавія.

Время перевода опредѣляется письмомъ Батюшкова къ Гнѣдичу, отъ 7-го августа 1808 г. (т. III, стр. 18).

Переводъ соответствуетъ строфамъ XXXII-й—XLI-й подлинника; онъ вообще довольно близокъ, почти безъ пропусковъ и лишь съ немногими добавленіями; стихи нѣкоторыхъ строфъ Тасса перенесены переводчикомъ въ другія строфы. Изъ письма Батюшкова къ Гнѣдичу, отъ конца ноября 1809 г. (т. III, стр. 62), видно, что въ это время имъ былъ оконченъ переводъ всей I-й пѣсни Тассовой поэмы; но въ полномъ видѣ онъ не сохранился. Еще два стиха изъ этого перевода сообщены Батюшковымъ въ письмѣ къ Гнѣдичу, отъ сентября — октября 1809 г. (т. III, стр. 51; ср. стр. 620). Въ началѣ 1810 г. нашъ поэтъ собирался представить свой трудъ великой княгинѣ Еккатеринѣ Павловнѣ (т. III, стр. 72), но въ концѣ того же года находилъ уже, что переводъ его не такъ хорошъ, какъ думалъ Гнѣдичъ (тамъ же, стр. 64).

XXIII.

Отрывокъ изъ XVIII-й пѣсни Освобожденнаго Іерусалима.

Напечатанъ: 1) въ Цвѣтникѣ 1809 г., ч. II, №. 6, июнь, стр. 342 — 356, съ подписью К. Б.; 2) въ Обр. Соч., 2-е изд., ч. VI, стр. 269 — 275, съ полною подписью; въ обоихъ изданіяхъ съ неточною ссылкой на X-ю пѣсню подлинника вмѣсто XVIII-й; въ собраніяхъ сочиненій Батюшкова никогда не перепечатывался.

Время перевода этого отрывка, безъ сомнѣнія, то же, что и предшествующаго, ибо при первомъ было обѣщано продолженіе.

Переводъ, соотвѣтствующій строфамъ XII-й—XXXVII-й подлинника, менѣе близокъ къ нему, чѣмъ въ первомъ отрывкѣ, такъ что могъ бы быть точнѣе названъ подражаніемъ.

XXIV.

Посланіе графу М. Ю. Велеурскому.

Напечатано: 1) въ Пантеонѣ русск. поэзін, ч. IV, стр. 193—195, подъ заглавіемъ: „Графу В...“ и безъ подписи; 2) въ Обр. Соч., 1-е изд., ч. V, стр. 39—41, подъ тѣмъ же заглавіемъ и съ полною подписью; 3) въ Вѣстникѣ Европы 1816 г., ч. LXXXVIII, № 14, іюль, стр. 99—101, подъ заглавіемъ: „Посланіе къ Г. В.“ и съ подписью: Б.; 4) въ Опытахъ, ч. II, стр. 138—141; 5) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 138—140; 6) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 150—152, — въ трехъ послѣднихъ изданіяхъ подъ заглавіемъ: „Посланіе Г. В—му“. Кромѣ того, посланіе это отмѣчено въ рукописи А. Н. Аванасьева, подъ заглавіемъ: „Графу Вельгорскому“. Текстъ Пантеона, Вѣстника и Образцовыхъ Сочиненій представляетъ слѣдующій

вариантъ:

Ст. 24: стыдливymi перстами.

Время сочиненія посланія указано помѣткою, выставленною подъ нимъ въ Вѣстникѣ Европы: „Москва 1809 г.“. Хотя мы и приняли эту дату въ настоящемъ изданіи, но не можемъ не отнести къ ней съ сомнѣніемъ: въ 1809 г. Батюшковъ не былъ въ Москвѣ, а видался онъ тамъ съ гр. Мих. Ю. Вельгорскимъ или Велеурскимъ, какъ онъ его называлъ, уже въ 1811 г. (см. т. III, стр. 155; Соч. кн. Ваз., т. VIII, стр. 434); начало же ихъ знакомства относится къ 1807 г. и послѣдовало въ Ригѣ, о чемъ Батюшковъ и упоминаетъ въ своемъ посланіи.

Любопытно въ этой піесѣ названіе „трубадура“, данное Вельгорскому какъ сочинителю и исполнителю романсовъ; о тогдашней модѣ на романсы и, въ связи съ нею, о значеніи слова „трубадуръ“ см. въ т. II, стр. 407—408. Батюшковъ также заплатилъ дань этой модѣ, и къ написанному имъ романсу музыка была сочинена гр. Вельгорскимъ (т. III, стр. 155, 676 и 677).

XXV.

Отвѣтъ Гнѣдичу.

Напечатанъ: 1) въ Вѣстникѣ Европы 1810 г., ч. XLIX, № 3, февраль, стр. 186—187 съ подписью: Констан. Б...въ, вслѣдъ за стихотвореніемъ Гнѣдича: Къ В*; 2) въ Опытахъ, ч. II, стр. 146—147; 3) въ Соч., изд. 1834 г.,

ч. II, стр. 144—145; 4) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 156—157, вездѣ подъ заглавіемъ: „Отвѣтъ Г—чу“. Текстъ Вѣстника представляетъ слѣдующіе

варианты:

- Ст. 10—12: Подъ небо громоздитъ свой домъ;
Но я въ безвѣстности доволенъ
И счастливъ въ уголку простомъ.
Ст. 24: Насытившись, оставляю міръ.

Изъ содержанія стихотворенія видно, что оно написано Батюшковымъ въ деревнѣ, по отъѣздѣ съ мѣста военныхъ дѣйствій въ Финляндіи. Письмомъ отъ 4-го августа 1809 г. (т. III, стр. 38) Батюшковъ приглашалъ Гнѣдича къ себѣ въ деревню: то же читаемъ мы и въ „Отвѣтѣ“. Должно однако замѣтить, что „Отвѣтъ“ вызванъ посланіемъ Гнѣдича, написаннымъ еще въ 1807 г., (Стихотворенія Н. Гнѣдича. С.-Пб. 1832, стр. 129—130). Въ началѣ 1810 г., какъ посланіе Гнѣдича, такъ и „Отвѣтъ“ Батюшкова, отданы были въ печать послѣднимъ (т. III, стр. 73 и 76) и появились рядомъ въ Вѣстникѣ Европы. Въ Стихотвореніяхъ Гнѣдича и его посланіе напечатано въ измѣненной редакціи.

XXVI.

Стихи Е. С. Семеновой.

Напечатаны въ Цвѣтникѣ 1809 г., ч. III, № 9, сентябрь, стр. 409, съ подписью К. Б. и помѣтой: „Ярославль, сентября 6“; перепечатаны въ Русск. Старинѣ, т. III, стр. 217—218; въ собраніяхъ сочиненій Батюшкова никогда не перепечатывались.

Время написанія стиховъ опредѣляется помѣтой автора и его письмомъ къ Гнѣдичу, отъ 6-го сентября 1809 г., писаннымъ впрочемъ не изъ Ярославля, а изъ с. Хантонова, гдѣ находился тогда Батюшковъ (т. III, стр. 42). Посылая стихи Гнѣдичу, онъ прибавилъ: „Если она (Семенова) скромна, какъ Кореджіева дѣва, то и тутъ не отказалась бы отъ этой похвалы“. Въ стихахъ перечисляются роли Семеновой въ трагедіяхъ Озерова.

Эпиграфъ составляетъ четвертый стихъ VIII-й строфы V-й пѣсни „Gegensalemme liberata“. Въ вышеупомянутомъ письмѣ къ Гнѣдичу Батюшковъ сближаетъ стихъ Тасса со сходнымъ стихомъ Виргилія (см. т. III, стр. 44, стр. 615).

XXVII.

Кротъ и мышь.

Напечатана: 1) въ Цвѣтникѣ 1809 г., ч. III, № 9, сентябрь, стр. 366, съ подписью: К. Б.—въ; 2) въ Библ. Запискахъ, т. III, стр. 637, подъ заглавіемъ: „Книги и журналистъ“, по рукописи А. Н. Аванасьева; въ собра-

нїяхъ сочиненїй Батюшкова никогда не перепечатывалась. Печатаемъ по Цвѣтнику, а изъ рукописи приводимъ слѣдующіе

в а р і а н т ы :

Ст. 1: Кротъ мыши прошепталъ.....

Ст. 6: Я ѣсть хочу!

Время написанія басни опредѣляется письмомъ къ Гнѣдичу, отъ 19-го августа 1809 г., при которомъ она и была имъ послана для напечатанія (т. III, стр. 40). Подготавливая въ началѣ 1817 г. изданіе „Опытовъ“, Батюшковъ выразилъ желаніе не помѣщать въ нихъ эту басню (т. III, стр. 421).

Мотивъ басни взятъ изъ слѣдующей эпиграммы Пирона на журналиста аббата Дефонтена (Pierre-François Guyot-Desfontaines, род. въ 1685 г., ум. въ 1745 г.):

— Eh! supprime tes sots écrits,
Et les libelles par centaines,
Dont ta plume infecte Paris,
Disait un sage à Desfontaines.
— Oui, bien qui pourrait. C'est mon pain!
Si faut-il que je vive enfin,
Répond l'effronté personnage.
— Que tu vives? En verité
Ni moi, ni d'autres, dit le sage,
N'en voyons pas la nécessité.

XXVIII.

Мадригалъ новой Сафѣ.

Напечатанъ: 1) въ Цвѣтникѣ 1809 г., ч. III, № 9, сентябрь, стр. 372, съ подписью: К. Б — въ; 2) въ Вѣстникѣ Европы 1810 г., ч. L, № 5, стр. 32, съ подписью: Б.; 3) въ Собраніи р. стихотвореній, ч. V, стр. 217; 4) въ Пантеонѣ русской поэзіи, ч. I, стр. 136; 5) въ Обр. Соч., 1-е изд., ч. V, стр. 210; 6) тамъ же, 2-е изд., ч. V, стр. 190; 7) въ Опытахъ, ч. II, стр. 203; 8) въ Карманной бібліотекѣ Аонидъ, стр. 156; 9) въ Опытѣ русск. анеологін, стр. 5; 10) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 200; 11) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 210. Во всѣхъ вышеуказанныхъ сборникахъ и періодическихъ изданіяхъ піеска эта помѣщена подъ заглавіемъ: „Хлоѣ сочинительницѣ“. Въ Вѣстникѣ, Собраніи, Обр. Сочиненіяхъ и Анеологін стихъ 2-й имѣеть слѣдующій

в а р і а н т ы :

Да къ моему.....

Въ числѣ другихъ эпиграммъ „на женщинѣ“, мадригалъ этотъ былъ присланъ Батюшковымъ Гнѣдичу при письмѣ, отъ 19-го августа 1809 г. (т. III, стр. 40).

По свидѣтельству Я. К. Грота (Соч. Державина, т. II, стр. 44), „эти стихи написаны на Анну Петровну Бунину, влюбленную въ И. И. Дмитриева“. О Бунинной см. т. III, стр. 626—627. Нѣсколько сходный мотивъ находимъ въ слѣдующей эпиграммѣ Пьера Лебрена (род. въ 1785 г., ум. въ 1872 г.):

Thais, muse ennuyeuse et fade,
Jamais comme Sapho n'eût péri dans les mers;
Et Phaon eût lui seul fait le saut de Leucade,
Pour ne plus entendre ses vers.

XXIX.

Мадригалъ Мелинѣ, которая называла себя нимфою.

Напечатанъ: 1) въ Опытахъ, ч. II, стр. 207; 2) въ Карманн. библиотекѣ Аонидъ, стр. 151; 3) въ Опытѣ русск. анемологин, стр. 75; 4) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 204; 5) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 214.

По всей вѣроятности, и эта эпиграмма, подобно предшествующей, была прислана Гнѣдичу при письмѣ Батюшкова, отъ 19-го августа 1809 г. (т. III, стр. 40).

XXX.

(Какъ трудно Вибрису со славою ужиться!).

Эпиграмма эта напечатана: 1) въ Цвѣтникѣ 1809 г., ч. III, № 9, сентябрь, стр. 372, съ подписью: К. Б—въ; 2) въ Вѣстникѣ Европы 1810 г., ч. 51, № 10, стр. 127, съ подписью: К. Б.; 3) въ Собраніи р. стихотвореній, ч. V, стр. 104 и 216; 4) въ Пантеонѣ русск. поэзін, ч. I, стр. 136; 5) въ Обр. Соч., 1-е изд., ч. VI, стр. 31; 6) тамъ же, 2-е изд., ч. VI, стр. 28; 7) въ Опытахъ, ч. II, стр. 202; 8) въ Опытѣ русск. анемологин, стр. 39; 9) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 198; 10) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 208.

Судя по времени появленія въ печати, эпиграмма эта была, въ числѣ другихъ, прислана Батюшковымъ Гнѣдичу при письмѣ, отъ 19-го августа 1809 г. (т. III, стр. 40). Подготовляя въ 1819—1821 гг. новое изданіе своихъ стихотвореній, Батюшковъ не предполагалъ помѣщать ее.

Подъ именемъ Вибриса выволился обыкновенно въ сатирическихъ стихотвореніяхъ начала нынѣшняго вѣка С. С. Бобровъ. О немъ см. въ т. II, стр. 536—538.

XXXI.

Эпиграмма на переводъ Виргилія.

Напечатана: 1) въ Цвѣтникѣ 1810 г., ч. I, № 1, январь, стр. 99, съ подписью: К. В—въ; 2) въ Опытѣ р. анекдотин, стр. 119; 3) въ Русск. Старинѣ, т. III, стр. 216; въ изданіяхъ сочиненій Батюшкова никогда не была помѣщаема.

Время сочиненія эпиграммы опредѣляется письмомъ Батюшкова къ Гнѣдичу, отъ 19-го августа 1809 г. (т. III, стр. 40).

Эпиграмма эта составляетъ близкое подражаніе слѣдующей, написанной Ж.-Л. Лайа (Jean-Louis Laya, род. въ 1761 г., ум. въ 1833) по поводу перевода четырехъ первыхъ книгъ „Энеиды“, который былъ сдѣланъ Н. Бекѣ

Le puissant dieu des vers, loin du sacré vallon,
 Jadis écorcha le satyre;
 Renaissant aujourd'hui pour venger son martyre,
 Le satyre écorché Apollon.

Батюшковъ примѣнилъ эту эпиграмму къ А. Ѳ. Мерзлякову, который съ 1806 г. началъ печатать въ Вѣстникѣ Европы свой переводъ эклогъ Виргилія, а въ 1807 г. издалъ его въ Москвѣ отдѣльною книгой. Въ „Видѣніи на берегахъ Леты“ (см. въ этомъ томѣ стр. 79) нашъ поэтъ говоритъ, что этотъ писатель „задушилъ Виргилія“. О раннихъ отношеніяхъ Батюшкова къ Мерзлякову см. въ т. II, стр. 506—507.

XXXII.

Эпиграмма.

(Негоденъ ни къ чему Глушицкаго журналъ...).

Напечатана въ Цвѣтникѣ 1810 г., ч. I, № 3, стр. 353, съ подписью: 1—12; въ собраніяхъ сочиненій Батюшкова никогда не перепечатывалась.

Принадлежность этого стихотворенія Батюшкову подтверждается письмомъ его къ Гнѣдичу, отъ 19-го сентября 1809 г. (т. III, стр. 48), въ которомъ онъ говоритъ, что не имѣлъ въ виду писать „на какого-то издателя Лукницкаго“, какъ то предполагалъ, вѣроятно, Гнѣдичъ. Очевидно, и эта эпиграмма была прислана послѣднему при письмѣ, отъ 19-го августа 1809 г. (т. III, стр. 40).

Не смотря на опроверженіе Батюшкова, весьма вѣроятно, что эпиграмма была направлена на Ар. Вл. Лукицкаго, издававшаго въ 1809—1811 гг. журналъ Сѣверный Меркурій. См. о Лукицкомъ въ т. III, стр. 618—619.

XXXIII.

Тибуллова элегія III-я, изъ III-ей книги.

Напечатана: 1) въ Вѣстникѣ Европы 1809 г., ч. XLVIII, № 23, декабрь, стр. 198—199, съ подписью К.; 2) въ Собраніи р. стихотвореній, ч. VI. (М. 1815), стр. 272—274 — при чемъ приписана П. И. Голенищеву-Кутзову; 3) въ Обр. Соч., изд. 1-е, ч. IV, стр. 45—47, съ полною подписью; 4) въ Опытахъ, ч. II, стр. 43—45; 5) въ Соч., изд. 1834 г., т. II, стр. 35—36; 6) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 43—45. Снова приготавливая свои стихи въ печати въ 1819—1821 гг., Батюшковъ сперва исправилъ это стихотвореніе, а затѣмъ вовсе исключилъ его.

Варианты:

- Ст. 3 (В. Евр., Собр., Обр. Соч.): Все тщетно!.. Деліи...
 Ст. 15 (ibid.): Подъ крышей золотой, гдѣ....
 Ст. 17 (ibid.): Тенара ●
 Ст. 19 (ibid.): Сады пространныя....
 Ст. 21 (ibid., Опыты, изд. 1834 г.): И волны тирскія....
 Ст. 26 (В. Евр., Собр., Обр. Соч.): И въ хижинѣ своей фортуна оживаетъ.
 Ст. 27 (ibid., Опыты, изд. 1834 г.): И бѣдность, Делія, мнѣ дорога съ тобой!
 Ст. 28 (ibid., Опыты, изд. 1834 г.): Тотъ кровъ соломенный чту крышей золотой.
 Ст. 29 (В. Евр., Собр., Обр. Соч.): Тотъ кровъ, гдѣ соединены души моей съ душою,
 Ст. 32 (ibid., Опыты, изд. 1834 г.): Утѣшить ли тогда Тибуллу пышный градъ?
 Ст. 33 (В. Евр., Собр., Обр. Соч.): Ахъ, нѣтъ! И золото, что катитъ дно Пактола,

Время перевода опредѣляется письмомъ Батюшкова къ Гнѣдичу, отъ 19-го сентября 1809 г. (т. III, стр. 48).

Переводъ довольно вѣрно передаетъ общій смыслъ подлинника, но часто удаляется отъ него въ отдѣльныхъ выраженіяхъ; кое-что добавлено Батюшковымъ изъ другихъ стихотвореній Тибуллы. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что, по заключеніямъ новой критики, вся III-я книга въ сборникѣ элегій, носящемъ имя Тибуллы, не принадлежитъ этому поэту (W. S. Teuffel. Studien und Charakteristiken zur griechischen und römischen sowie deutschen Literaturgeschichte. Leipzig. 1871, стр. 372—378). Но Батюшкову это, конечно, не было извѣстно, и потому онъ не стѣснялся дѣлать вышеупомянутыя добавленія и заимствованія. Такъ, въ подлинникѣ 3-й элегій кн. III-й поэтъ обращается къ Неарѣ; Батюшковъ замѣнилъ это имя именемъ Деліи, воспѣтой Тибулломъ въ нѣсколькихъ (несомнѣнно имъ написанныхъ) элегіяхъ I-й книги. Затѣмъ, мотивъ отсутствія Деліи (ст. 3) взятъ изъ Тибулловой 3-й элегій I-й книги (позже эта піеса также была переведена Батюшковымъ, т. I, стр. 194—198); соответственно тому говорится о Деліи и въ концѣ піесы (ст. 40), чего въ подлинникѣ нѣтъ. Наконецъ, ст. 11 отчасти напо-

минаетъ ст. 59 и 60 изъ 1-й элегій 1-й книги Тибулла, приведенные нашимъ поэтомъ въ подлинникѣ при другомъ случаѣ (т. II, стр. 161). Несомнѣнно, что эти передѣлки придали больше силы изображенію чувства въ элегій. О примѣненіи ея переводчикомъ къ обстоятельствамъ своей собственной жизни см. въ вводной статьѣ, предпосланной настоящему изданію.

— (Ст. 17). Запятая послѣ слова порфиръ хотя и находится въ прежнихъ изданіяхъ, но должна быть уничтожена, что видно изъ слѣдующихъ стиховъ подлинника:

Quidve domus prodest Phrygiis innixa columnis,
Taenare sive tuis, sive Cariste tuis?

На Тенарскомъ мысу въ Пелопонесѣ и у города Кариста на Эвбей до-
бывался порфиръ.

XXXIV.

Видѣніе на берегахъ Леты.

Напечатано: 1) въ изданномъ въ пользу А. Ф. Смирдина сборникѣ Русская Бесѣда. С.-Пб. 1841, т. I, съ слѣдующимъ примѣчаніемъ издателей: „Шуточное это произведеніе принадлежитъ ко времени юности знаменитаго поэта. Списокъ его сохранился у одного изъ литераторовъ, и мы рѣшились напечатать его; оно любопытно какъ по отношеніямъ, такъ и по неподдѣльному юмору. Русскія музы рѣдко шутятъ, хотя по старинному присловью: „смѣяться не грѣшно надъ всѣмъ, что кажется смѣшно“. Надобно только, чтобъ шутка была безгрѣшна“; 2) въ Соч., изд. 1850 г., ч. II, стр. 248—261, съ тѣмъ же примѣчаніемъ. Дополнительные отрывки изъ этого стихотворенія сообщены были: 1) въ „Мелочахъ“ М. А. Дмитріева, изд. 2-е, стр. 198—199; въ Сочиненіяхъ кн. П. А. Вяземскаго, т. II, стр. 334. Рукопись этого стихотворенія находилась у А. Н. Аванасьева, который сообщилъ изъ нея выписки въ Библиограф. Запискахъ 1861 г., ст. 638. Другая рукопись, почерка Н. И. Гнѣдича, принадлежитъ П. Н. Тиханову; по этой рукописи стихотвореніе и напечатано въ настоящемъ изданіи. Варіанты не приводятся по своей незначительности.

Изъ письма къ Гнѣдичу, отъ 1-го ноября 1809 г., видно, что „Видѣніе“ было написано осенью этого года (т. III, стр. 55). Какъ изъ этого письма, такъ и изъ нѣсколькихъ другихъ 1809 и 1810 гг. (т. III, стр. 58—61, 82, 85, 86), ясно, что, это произведеніе—„довольно оригинальное, ибо ни на что не похоже“,—очень занимало автора, хотя онъ и сознавалъ, что „этакіе стихи слѣшкомъ легко писать, и чести большой не приносятъ“. Въ 1816 г., при приготовленіи „Опытовъ“, Гнѣдичъ, по видимому, предлагалъ напечатать тамъ „Видѣніе“, но Батюшковъ наотрѣвъ отказался (т. III, стр. 389 и 394).

Эпиграфъ взятъ изъ IX-й сатиры Буало, гдѣ стихи 211-й и 212-й читаются такъ:

Ma muse, en t'attaquant, charitable et discrète,
Sait de l'homme d'honneur distinguer le poète.

Буало тутъ говоритъ о Жанѣ Шапеленѣ (J. Chapelain, род. въ 1595 г.; а ум. въ 1674 г.), умномъ и образованномъ человѣкѣ, который игралъ видную роль въ литературномъ мірѣ Франціи въ срединѣ XVII вѣка, но писалъ дурные стихи; онъ долго занимался сочиненіемъ большой поэмы о Іоаннѣ д'Аркѣ, которая появилась наконецъ въ свѣтъ въ 1656 г. и вмѣсто похвалъ была встрѣчена строгимъ осужденіемъ; Буало осмѣялъ ее, хотя и былъ друженъ съ авторомъ.

Приведенный Батюшковымъ эпиграфъ вполне выражаетъ его взглядъ на права сатиры; по поводу „Видѣній“ это воззрѣніе развито имъ въ письмѣ къ Оленину, отъ 23-го ноября 1809 г. (т. III, стр. 59), а впоследствии онъ выражалъ желаніе, чтобы такой же взглядъ былъ пригнѣненъ и къ нему самому (т. III, стр. 567).

— (Ст. 1). О С. С. Бобровѣ см. въ т. II, стр. 536—538 и въ т. I, стр. 306.

— (Ст. 30). Еще въ половинѣ прошлаго вѣка Сумарокова величали блещемъ или гонителемъ пороковъ, къ чему давало поводъ столько же его сатирическое направленіе, сколько созвучіе этого прозвища съ его фамиліей. Перечень этихъ прозвищъ у разныхъ писателей сдѣланъ М. Н. Лонгиновымъ въ Русск. Архивѣ 1871 г., ст. 1637.

— (Стт. 33—37). Объ отзѣвахъ Батюшкова о Богдановичѣ см. въ т. II, стр. 490 и 491.

— (Стт. 79, прим.). Сдѣланная авторомъ въ примѣчаніи къ этому стиху ссылка на VI-ю пѣснь „Энеиды“ имѣетъ въ виду напоминить находящееся въ этой пѣснѣ описаніе сошествія Энея въ адъ, при чемъ на берегахъ Ахерона Эней видитъ толпу мучащихся тѣней (ст. 306):

Huc omnis turba ad ripas effusa ruebat...

— (Ст. 94). Данное здѣсь Мерзлякову прозвище „маленькая тѣнь“ Батюшковъ вспоминаетъ въ письмѣ къ Гнѣдичу, отъ 9-го февраля 1810 г. (т. III, стр. 77). Мерзляковъ былъ небольшого роста.

— (Ст. 97). Ср. выше на стр. 73 эпиграмму на переводчика Виргиліа, который душилъ Аполлона.

— (Ст. 98). Ср. осмѣяннаго выше на стр. 25, стт. 27—30, стихотворца Рюмина, который пытается идти „во слѣдъ Алкѳю“.

— (Ст. 99). Въ стихотвореніи Мерзлякова „Тѣнь Кужова на островѣ Овгн-ги“, напечатанномъ въ Петербургѣ въ 1805 г. безъ имени автора и за-

тѣмъ въ Утренней Зарѣ 1806 г., ч. IV, дѣйствительно есть такое полустихіе (ст. 139-й).

— (Ст. 108, прим.). Въ Вѣстникѣ Европы 1809 г., ч. 47, № 17, была напечатана лирическая поэма Мерзлякова: „Амуръ въ первыя минуты разлуки съ Душенькою“.

— (Стт. 110—120). Здѣсь рѣчь идетъ о Дм. Ив. Языковѣ (род. въ 1773 г., ум. въ 1845 г.), издавшемъ безъ еровъ двѣ книги: 1) Влюбленный Шекспир. Комедія Дювала. Переводъ съ французскаго. С.-Пб. 1807 г., и 2) Сравненія, замѣчанія и мечтанія, писанныя въ 1804 году во время путешествія однимъ Русскимъ. Переводъ съ нѣмецкаго. С.-Пб. 1808. Ранѣе того, въ Сѣверн. Вѣстникѣ 1805 г., ч. VIII, стр. 80—81, появился отрывокъ изъ этой книги, подъ заглавіемъ: „Онъ долженъ быть профессоромъ“. Не смотря на насмѣшки въ „Видѣніи“, Батюшковъ уважалъ честное и скромное трудолюбіе Языкова, котораго зналъ лично по совмѣстной съ нимъ службѣ въ департаментѣ народнаго просвѣщенія, и когда, въ 1816 г., возникъ вопросъ о томъ, не напечатать ли „Видѣніе“ въ приготовляемыхъ „Опытахъ“, онъ отклонилъ эту мысль между прочимъ въ виду того, чтобы не оскорбить Языкова, который „пытается пылью“ (т. III, стр. 389).

— (Стт. 121—137). Въ этихъ стихахъ имѣются въ виду разные мелкіе московскіе сочинители, которые печатали свои стихи и прозаическія статьи въ уныло-сентиментальномъ вкусѣ въ тамошнихъ журналахъ; чтобы показать, что характеристика Батюшкова не преувеличена приведемъ нѣсколько заглавій изъ Ипоклены (1799—1801 гг.), Новостей русской литературы (1801—1805 гг.) и Московскаго Курьера (1805 г.): „На разговоръ съ милою дѣвицею о красотѣ луны“, „Къ лунѣ“, „Къ голубку“, „Сѣтующій голубокъ“, „Къ барашку“, „Мавзолей сердца“, „Владбище“, „Жалоба моего сердца“, „Журналъ моихъ идей“ и т. п. Такимъ образомъ Батюшковъ относился проницательно къ тому направленію, которому заплатилъ дань и Карамзинъ въ молодости; но посылая „Видѣніе“ Гнѣдичу и еще не будучи лично знакомъ съ авторомъ „Бѣдной Лизы“, нашъ поэтъ замѣтилъ: „Карамзина топтать не смѣю, ибо его почитаю“ (т. III, стр. 61), какъ бы предупреждая возможное со стороны Гнѣдича предложеніе въ этомъ смыслѣ.

— (Стт. 138—151). „Князь враглей“—князь Петръ Ивановичъ Шаликовъ. См. о немъ ниже, въ примѣчаніи къ посланію Батюшкова къ нему.

— (Стт. 152—167). Эти стихи относятся къ Сергѣю Никол. Глинкѣ (род. въ 1775 г., ум. въ 1847 г.). Въ числѣ его произведеній, написанныхъ до 1809 г., дѣйствительно есть три драмы на сюжеты изъ русской исторіи: „Наталя боярская дочь“ (1806 и 1807 гг.), „Михаилъ князь Черниговскій“ (трагедія, 1808 г.) и „Мининъ“ (1809 г.), переводъ „Юнговыхъ Ночей“ (1803 г.). Шутка о заглавіи журнала, который издавалъ Глинка, повторена и въ письмѣ Батюшкова къ Гнѣдичу, отъ 1-го ноября 1809 г. т. III, стр. 58), а на сходство С. Глинки съ Ж. Ж. Руссо указывается въ письмѣ къ Д. В. Дашкову, отъ

9-го августа 1812 г. (т. III, стр. 200). Знаменитый Женевецъ дѣйствительно былъ однимъ изъ любимѣйшихъ писателей издателя Русскаго Вѣстника.

— (Стт. 168—189). Объ осмѣянныхъ Батюшковымъ женщинахъ-писательницахъ см. т. III, стр. 626—627. Эти стихи онъ считалъ особенно удачными (т. III, стр. 59).

— (Стт. 190—211). „Впноносный геній“—С. С. Бобровъ.

— (Стт. 232 и 233). Въ 1807 г. издана была поэма: Пожарскій, Мининъ, Гермогенъ, или спасенная Россія, въ 3-хъ пѣсняхъ. Соч. кн. Сергѣя Шихматова. Извѣстно, что Шихковъ видѣлъ въ Шихматовѣ огромное дарованіе. Объ этомъ писатель см. ниже въ примѣчаніяхъ къ „Пѣвцу въ бесѣдѣ славянороссовъ“.

— (Ст. 241). „Славянофилъ“—Ал. Сем. Шихковъ.

— (Ст. 247). Въ аллегорической повѣсти, переведенной Тредіаковскимъ, мы не нашли объясненія „усмѣшки блудной“, хотя тамъ и много рѣчи о подобныхъ вещахъ; очевидно, это выдумка Батюшкова, но выдумка, такъ сказать, въ стилѣ „Бзды“.

— (Стт. 282—290). Это изображеніе литературнаго и частію личнаго характера Крылова замѣчательно по своей тонкости, тѣмъ болѣе, что въ 1809 году Крыловъ еще не вполне развилъ свое дарованіе баснописца и былъ извѣстенъ преимущественно какъ сатирикъ и драматургъ. Подъ тѣмъ же впечатлѣніемъ, подъ которымъ сложилась у нашего автора эта характеристика, онъ писалъ Гнѣдичу 1-го ноября 1809 года: „Крыловъ родился чудакомъ. Но этотъ чудакъ загадка, и великая!... Играть и не проигрывать, скупость умѣть соединить съ дарованіями, и рѣдкими, ибо еслибъ онъ болѣе трудился, болѣе занимался“.... (т. III, стр. 53).

XXXV.

Эпитафія.

Напечатана: 1) въ Вѣстникѣ Европы 1810 г., ч. 51, ноябрь, № 10, стр. 126, съ подписью: К. Б.; 2) въ Опытѣ русск. анемологіи, стр. 127; 3) Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 203; 4) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 213.

Эпитафія эта находится въ письмѣ Батюшкова къ Гнѣдичу, отъ конца ноября 1809 г. (т. III, стр. 62), откуда мы и беремъ ее. Текстъ изданіи 1834 и 1850 гг. представляетъ слѣдующій, едва ли принадлежащій самому автору

вариантъ:

Ст. 2: Пишите просто здѣсь

XXXVI.

Воспоминанія 1807 года.

Элегія эта напечатана: 1) въ Вѣстникѣ Европы 1809 г., ч. XLVIII, № XXI, ноябрь, стр. 28—31, съ подписью: К.... Б....; здѣсь текстъ состоитъ изъ 88 стиховъ; 2) въ Собраніи русск. стихотв., ч. V, стр. 272—275, съ полною подписью, подъ заглавіемъ: „Воспоминанія на 1807 годъ“; текстъ состоитъ изъ 101 стиха; кромѣ варианта въ стихѣ 6-мъ, конецъ стихотворенія, начиная со стиха 83-го, значительно измѣненъ; 3) въ Пантеонѣ русск. поэзіи, ч. I, стр. 225—230, съ полною подписью, подъ заглавіемъ: „Воспоминанія 1807 года“; текстъ сходенъ съ текстомъ Собранія, кромѣ 53-го и 54-го стиховъ; 4) въ Обр. Соч., 1-е изд., ч. VI, стр. 15—19, съ полною подписью; заглавіе и текстъ совершенно сходны съ Пантеономъ; 5) въ Опытахъ, ч. II, стр. 27—29, подъ заглавіемъ: „Воспоминаніе“; текстъ содержитъ въ себѣ только первые 43 стиха, которые вполнѣ сходны съ текстомъ Пантеона; 6) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 23—26, подъ тѣмъ же заглавіемъ; текстъ сходенъ съ текстомъ Вѣстника Европы, кромѣ варианта въ 6-мъ стихѣ; 7) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, также подъ заглавіемъ: „Воспоминанія“; здѣсь текстъ представляетъ перепечатку съ изданія 1834 г., но стихотвореніе разбито на двѣ части, изъ которыхъ первая, оканчивающаяся стихомъ:

Ахъ, мнѣ ли позабыть гостепріимный кровъ?

напечатана на стр. 30—32, а вторая, безъ заглавія,—въ началѣ второго тома, вслѣдъ за стихотвореніемъ: „Къ друзьямъ“. Стихотвореніе это находится также въ рукописи П. А. Висковатова, подъ заглавіемъ: „Воспоминанія на 1807 годъ“, и отмѣчено въ рукописи А. Н. Аванасьева, подъ заглавіемъ: „Воспоминанія 1807 года“; въ первой текстъ согласенъ съ „Опытами“, а во второй, за небольшимъ исключеніемъ, сходенъ съ Собраніемъ русскихъ стихотвореній.

Варианты.

Ст. 6 (Собр., Пант., Обр. Соч., Опыты, изд. 1834 г.):

Смотрѣлъ въ туману даль. Луна на небесахъ

Послѣ ст. 52 (Пант., Обр. Соч.): Какъ утѣшителя, какъ ангела небесъ,
На ложѣ горести и слезъ!

(Ае.): У ложа горькихъ мукъ, отчаянья и слезъ,
Какъ утѣшителя, какъ вѣстника небесъ...

Со ст. 83 до конца (Собр., Пант., Обр. Соч., Ае.):

И въ часъ полуночи туманной,
Мечтой очарованной,

Сочиненія К. Н. Батюшкова, I.

22

Я слышу въ вѣтерѣ, принесшемъ на крылахъ
 Цвѣтовъ благоуханье,
 Эмпіи дыханье;
 Я вижу въ облакахъ
 Ее, текущую воздушною стезею. . . .
 Распнута власы красавицы волною
 Въ небесной синевѣ,
 Вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ блистаетъ на главѣ,
 И перси дышуть подъ покровомъ. . . .
 „Души моей супруги!
 Мнѣ шепчетъ горній духъ,
 „Тамъ въ теремѣ готовомъ
 „За свѣтлою ¹⁾ Двиной
 „Увижуся съ тобой! . . .
 „Теперь прости“. . . . И я, обманутый мечтой,
 Въ восторгѣ сладостномъ къ ней руки простираю,
 Касаюсь рязъ ея. . . . и тѣнь лишь обнимаю!

Въ настоящемъ изданіи принятъ текстъ Вѣстника Европы, какъ наиболѣе полный и исправный; самъ Батюшковъ, при изданіи „Опытовъ“, совѣтовалъ Гнѣдичу справляться съ Вѣстникомъ (т. III, стр. 423); напротивъ того, текстъ Собранія русск. стихотвореній онъ находилъ „исковерканнымъ“: „Иные стихи пропущены, и рѣзны торчатъ однѣ“ (т. III, стр. 164).

Элегія отнесена къ 1809 г., потому что въ этомъ году впервые появилась она въ печати.

— (Ст. 3). Гейльсбергъ — мѣстечко въ Восточной Пруссіи, на р. Алле, гдѣ въ 1807 году, 29-го марта, происходило сраженіе русскихъ войскъ съ Французами, при чемъ Батюшковъ былъ раненъ.

— (Ст. 44). „Семейство мирное“ — семейство негоціанта Мюгеля въ Ригѣ, гдѣ Батюшковъ лѣчился отъ тяжелой болѣзни весною 1807 года. Подробности о томъ времени жизни поэта, объясняющія это стихотвореніе, см. въ вводной статьѣ къ настоящему изданію.

XXXVII.

Къ И. А. Петину.

Напечатано: 1) въ Опытахъ, ч. II, стр. 157—159; 2) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 153—155; 3) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 165—167,—вездѣ подѣ

¹⁾ У Ав.: За быстрою.

заглавіемъ „П—ну“. Это же посланіе, подъ заглавіемъ: „Петиву“, отмѣчено въ рукописи А. П. Леонасьева и представляетъ тамъ слѣдующіе

варианты:

Ст. 16: Фляжку съ водкой осаждалъ.

Ст. 23: День мечтаю, ночью плачу

Ст. 50: Вопреки святымъ отцамъ,

Въ изданіе, которое Батюшковъ подготовлялъ въ 1819—1821 гг., онъ не хотѣлъ помѣщать это посланіе.

Посланіе написано несомнѣнно въ 1810 г., когда Батюшковъ встрѣтился съ Петинимъ въ Москвѣ (т. II, стр. 194, и т. III, стр. 78). Объ Ив. Ал. Петинѣ см. въ т. II, стр. 190—202 и 477.

— (Ст. 10). О сраженіи при Иденсальми, 15-го октября 1808 г., см. въ вводной статьѣ къ настоящему изданію.

XXXVIII.

На переводъ Генрияды, или превращеніе Вольтера.

Эпиграмма эта напечатана въ Цвѣтникѣ 1810 г., ч. I, № 2, февраль, стр. 229—230, съ подписью: Т. Н. Р., и въ сочиненіяхъ Батюшкова никогда не перепечатывалась. Она была послана имъ редактору Цвѣтника А. Е. Измайлову въ письмѣ, отъ начала 1810 г. (т. III, стр. 74). Эпиграмма направлена, вѣроятно, на переводъ Вольтеровой „Генрияды“, сдѣланный Ивановъ Сираковымъ и изданный въ 1803 г. въ Петербургѣ.

XXXIX.

Къ Машѣ.

Напечатано: 1) въ Вѣстникѣ Европы 1810 г., ч. XLIX, № 4, февраль, стр. 286, съ подписью: К.; 2) въ Собраніи р. стихотв., ч. V, стр. 228, съ тою же подписью; 3) въ Обр. Соч., 1-е изд., ч. V, стр. 229, съ тою же подписью; 4) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 221; 5) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 232
Собраніе и Обр. Сочиненія представляютъ слѣдующій

вариантъ:

Ст. 1: прелестная Марія!

Стихотвореніе отнесено къ 1810 г. по времени перваго появленія его въ печати; къ кому оно написано — сказать не можемъ.

XL.

Веселый часъ.

Эта элегія напечатана: 1) въ Вѣстникѣ Европы 1810 г., ч. XLIX. № 4, февраль, стр. 280—285, съ подписью Констан. Бат.; 2) въ Собраніи р. стихотв., ч. V, стр. 261 — 263; 3) въ Обр. Соч., 1-е изд., ч. II, стр. 251—254, — въ обоихъ изданіяхъ съ полною подписью; 4) въ Опытахъ, ч. II, стр. 59—63; 5) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 46 — 49; 6) въ Соч., изд. 1850, т. II, стр. 56 — 59. Въ Вѣстникѣ и Собраніи къ заглавію прибавлено: „посвящено друзьямъ“.

Стихотвореніе это находится въ рукописи П. А. Висковатова съ слѣдующимъ эпиграфомъ:

Alles Göttliche auf Erden
Ist ein Lichtgedanke nur.

Варианты.

Ст. 1	(В. Евр., Собр., Виск.):	Вы ль, други, вы ль.....
Ст. 6 — 7	(В. Евр.):	Музы опытной совѣтъ.
Коль счастливо жить хотите
Ст. 8	(В. Евр., Собр., Виск.):	Средь весеннихъ вашихъ лѣтъ.
Ст. 9	(Виск.):	Отгоните жъ
Ст. 14	(В. Евр.):	Чашу радостей допите.
Ст. 23—24	(В. Евр., Собр., Виск.):	Пить изъ чаши золотой
Съ нимфой рѣзвой и молодой.
Ст. 27—29	(В. Евр., Собр.):	Душу мы съ душой сольемъ,
На устахъ ея умремъ.....
Вы ль, други, вы ль опять со мною
Ст. 25—40	у Виск. нѣтъ.	
Ст. 41—42	(В. Евр.):	Мы потопимъ горе наше,
Други, въ этой полной чашѣ.
Шампанскимъ чашу намъ нальетъ,
Густое намъ вино лѣтъ,
Ст. 50	(Собр., Виск.):
(В. Евр.):	Эрато нѣжная поетъ
Ст. 52	(В. Евр., Собр., Виск.):	Но нѣтъ, бѣгутъ.....
Ст. 55	(В. Евр., Обр. Соч., Виск.):	ни счастьемъ наслажденье,
..... стремленье.
Ст. 57	(В. Евр.):	Губить и радость, и покой.
Ст. 58	(ibid.):	Во прахъ будутъ истлѣвать,
Ст. 60	(В. Евр., Собр.):	Но должно ль мнѣ о томъ кру-
Ст. 69	(В. Евр.):	шиться?
Ст. 73	(В. Евр., Собр., Виск.):	со мною.
Ст. 74	(Собр.):	Но вы, друзья, еще со мною!
Ст. 75	(Виск.):	

Въ приготовлявшееся въ 1819—1821 гг. новое изданіе Батюшковъ не предполагалъ помѣщать это стихотвореніе.

Время, когда написано стихотвореніе, опредѣлено временемъ напечатанія его въ Вѣстникѣ Европы. Должно однако замѣтить, что значительная часть піесы „Веселый часъ“ заимствована изъ болѣе ранняго стихотворенія нашего поэта „Совѣтъ друзьямъ“ (1805 г.).

XLI.

Привидѣніе.

Напечатано: 1) въ Вѣстникѣ Европы 1810, ч. L, № 6, мартъ, стр. 108—110, съ подписью К. Б.; 2) въ Собраніи р. стихотв., ч. V, стр. 59—61; 3) въ Обр. Соч., 1-е изд., ч. V, стр. 186—188,—въ обоихъ сборникахъ съ полною подписью; 4) въ Опыткахъ, ч. II, стр. 39—42; 5) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 32—34; 6) въ Соч., изд. 1850, т. II, стр. 40—42.

Текстъ Вѣстника представляетъ слѣдующіе

варианты:

Ст. 7: не умолишь,
Ст. 12—13:	Не приду тебя, другъ милый, Видомъ мертваго пугать.
Ст. 45:	Я съ крылатыми мечтами
Ст. 52:	Сокровеннѣйшихъ красотъ,

Піеса эта есть переводъ элегіи Парни: „Le revenant“. Время перевода и взглядъ нашего поэта на свое произведеніе опредѣляются слѣдующими словами его въ письмѣ къ Гнѣдичу, отъ средины февраля 1810 года: „Посылаю тебѣ, мой другъ, маленькую пьеску, которую взялъ у Парни, то-есть, завоевалъ. Идея оригинальная. Кажется, переводомъ не испортилъ, впрочемъ ты судья! Въ ней какое-то особенное нѣчто меланхолическое, что мнѣ нравится, что-то мистическое, а *grerosito*... Прочитай Парни Самариной. Это въ ея родѣ: любовь мистико-платоническая“ (т. III, стр. 78, 79).

Переводъ не можетъ быть названъ близкимъ: онъ то сокращаетъ, то распространяетъ подлинникъ, но въ цѣломъ вѣрно передаетъ его содержаніе.

XLII.

Стихи на смерть Даниловой.

Напечатаны: 1) въ Вѣстникѣ Европы 1810 г., ч. 50, № 7, апрѣль, стр. 189, съ подписью К. и съ помѣтой: „Петербургъ“; 2) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 203; 3) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 214. Помѣта „Пе-

тербургъ“ невѣрна, такъ какъ въ первой половинѣ 1810 г. Батюшковъ не былъ въ Петербургѣ.

Танцовщица Марія Перфильева, по театру Данилова (род. въ 1793 г., ум. 8-го января 1810 г.), любимая ученица Дидло, отличалась необыкновенною красотой и граціей и была любимицей петербургской публики. Балетъ Дидло „Амуръ и Психея“ былъ ея торжествомъ. Она играла въ немъ роль Психеи, а роль Амура исполнялъ извѣстный танцовщикъ Дюпоръ, къ которому Данилова была равнодушна, и измѣна котораго послужила причиной ея преждевременной смерти. Біографія ея, составленная Н. П. Мундтомъ, напечатана въ Пантеонѣ русскихъ и всѣхъ европейскихъ театровъ 1810 г., кн. II; см. также Воспоминанія Вигеля, ч. III, стр. 118, и Лѣтопись русскаго театра, П. Н. Арапова, стр. 188 и 197. Кромѣ Батюшкова, на кончину Даниловой написали стихотворенія Гифдичъ, Измайловъ и Милоновъ; о стихахъ перваго Батюшковъ упоминаетъ въ письмѣ къ нему, отъ мая 1810 г. (т. III, стр. 93).

XLIII.

Тибуллова элегія X, изъ I-й книги.

Напечатана: 1) въ Вѣстникѣ Европы 1810, ч. 50, № 8, апрѣль, стр. 277—280; 2) въ Собраніи р. стихотв., ч. IV, стр. 236—239; 3) въ Обр. Соч., 1-е изд., ч. IV, стр. 75—79, —вездѣ съ полною подписью; 4) въ Опытахъ, ч. II, стр. 52—58; 5) въ Соч., изд. 1834, ч. II, стр. 42—45; 6) въ Соч., изд. 1850, т. II, стр. 51—55. Первые три изданія даютъ слѣдующіе

варианты:

- Ст. 3: Невинный миръ и въ адъ открылъ обширный путь!
 Ст. 4: По онъ виновенъ ли, когда на.....
 Ст. 5—6: За злато въ бѣшенствѣ желѣзо устремляемъ,
 А не чудовищей пустынныхъ имъ сражаемъ?
 Ст. 12: Тогда бъ и дни.....
 Ст. 20: Въ безпечности златой отъ самыхъ юныхъ дней,
 Ст. 30: А на власы его, въ знавъ.....
 Ст. 34: Въ кругу дѣтей своихъ оратай
 Ст. 41: Я самъ, увѣчанный и въ тогу облеченный,
 Ст. 43—48: Пускай народовъ бичъ, неготовый герой,
 Обрызганъ кровію, за Марсомъ идетъ въ бой;
 А мнѣ, коль благодти я сей отъ васъ достоинъ,
 Пускай о подвигахъ своихъ расскажетъ воинъ,
 Съ друзьями юности сидящій за столомъ,
 Пусть ратный станъ чертитъ чашъ, пролитыхъ виномъ!
 Ст. 52—53: Но быстро вслѣдъ идетъ повсюду за тобой.
 Она изводитъ насъ въ тѣ мрачныя вертепы,

- Ст. 65: съ подругой молодою,
 Ст. 78: въ любви игривой посвященны!
 Ст. 81: Смотри, смиренно самъ колѣна преклоняеть.
 Ст. 83: И вотъ уже межъ васъ.....
 Ст. 86: Но счастливъ тотъ, кто могъ.....
 Ст. 88: И поясъ невзначай у дѣвы разорвать!
 Ст. 89: когда однѣ угрозы

Время перевода опредѣляется письмами къ Гнѣдичу, отъ 1-го апрѣля и мая 1810 г. (т. III, стр. 87 и 93); въ послѣднемъ Батюшковъ между прочимъ о своей элегии говоритъ: „Понравилась ли она тебѣ? Обращеніе къ пенатамъ, кажется, хорошо“. Это послѣднее замѣчаніе относится къ ст. 17-му и слѣд.

Оговорка нашего поэта, что переводъ его „вольный“, устраняетъ вопросъ о его близости; вольности переводчика заключаются главнымъ образомъ въ томъ, что онъ передаетъ подлинникъ, то сокращая его, то нѣсколько распространяя, однако постоянно сохраняя теченіе мыслей оригинала; только въ концѣ элегіи, начиная со стиха 76-го, замѣтно систематическое желаніе переводчика смягчить образы подлинника, показавшіеся ему, вѣроятно, нѣсколько грубыми; поэтому, для сравненія приводимъ переводъ стт. 51-го—68-го оригинала:

„Оратай, самъ не трезвый, везетъ въ телегѣ жену и дѣтей изъ хѣсу домой. Тогда разгорается война Венеры, и женщина оплакиваетъ вырванные волосы и разбитыя двери; она плачетъ, что ея нѣжныя щеки подбиты, но плачетъ и самъ побѣдитель о томъ, что его шальные руки проявила такую силу, а межъ тѣмъ блудливый Амуръ подсаживаетъ злыя слова ссоры и вялый сидитъ между ссорящимися. О, изъ камня тотъ и изъ желѣза, кто бьетъ свою подругу: онъ какъ бы срываетъ боговъ съ небесъ. Довольно разорвать легкое платье на тѣлѣ, растрепать прическу волосъ, довольно вызвать слезы. Трижды блаженъ тотъ, отъ чьего гнѣва можетъ зарыдать нѣжная дѣвица; но кто тяжель на руку, тотъ пусть владѣеть щитомъ и копьемъ, а отъ кроткой Венеры удаляется. Къ намъ же ты прійди, благодатный Миръ, съ колосьями, и твоя бѣлоснѣжная тога пусть наполнится плодами“.

(Ст. 75). Опечатка: вмѣсто безмолно должно быть: безмолвно.

XLIV.

Эпиграмма.

(Извѣстный откупщикъ Оадѣй...).

Напечатана: 1) въ Вѣстникѣ Европы 1810 г., ч. 51, № 10, май, стр. 127, съ подписью: Б. Б.; 2) въ Собраніи р. стихотв., ч. V, стр. 104; 3) въ Пантеонѣ р. поэзін, ч. I, стр. 270; 4) въ Обр. Соч., 1-е изд., ч. VI, стр. 31; 5) тамъ же, 2-е изд., ч. VI, стр. 27,—вездѣ съ полною подписью;

6) въ нѣкоторыхъ экземплярахъ Опытовъ, ч. II, стр. 202; 7) въ Опытѣ р. анекдотин, стр. 179; 8) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 199; 9) Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 209.

Время сочиненія эпиграммы опредѣлено временемъ перваго появленія ея въ печати.

XLV.

Эпиграмма.

(Теперь, сего же дня...).

Напечатана: 1) въ Вѣстникѣ Европы 1810 г., ч. 51, № 10, май, стр. 126, съ подписью: К. Б.; 2) въ Собраніи р. стихотв., ч. V, стр. 104; 3) въ Пантеонѣ р. поэзи, ч., IV, стр. 273; 4) въ Обр. Соч., 1-е изд., т. VI, стр. 30; 5) тамъ же, 2-е изд., ч. VI, стр. 27,—вездѣ съ полною подписью; 6) въ нѣкоторыхъ экземплярахъ Опытовъ, ч. II, стр. 202; 7) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 199; 8) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 209.

Изданіе 1834 г. представляетъ слѣдующіе

варианты:

Ст. 1: Теперь, съ сего же дня,
Ст. 4: Для мудрости святой.

Время сочиненія эпиграммы опредѣлено временемъ перваго появленія ея въ печати.

XLVI.

Въ день рожденія N.

Напечатана: 1) въ Вѣстникѣ Европы 1810 г., ч. 51, № 10, май, стр. 126, съ подписью: К. Б.; 2) въ Собраніи р. стихотв., ч. V, стр. 217; 3) въ Обр. Соч., 1-е изд., ч. VI, стр. 121; 4) въ Опытѣхъ, ч. II, стр. 64; 5) въ Соч., изд. 1834, ч. II, стр. 50; 6) въ Соч., изд. 1850, т. II, стр. 60; находится также въ рукописи П. А. Висковатова, но безъ послѣднихъ трехъ строкъ, такъ какъ рукопись въ этомъ мѣстѣ обрывается:

Ст. 3 (В. Евр.):	Какъ роза нѣжная цвѣла
(Собр., Обр. Соч.): роза свѣжая....
(Виск.): роза юная....
Ст. 4 (В. Евр.):	Умомъ и рѣдкой красотой.
Ст. 8 (ibid.): сердечны утѣшенья,

Ст. 10 (ibid.):льстецовъ шумливый рой,
 (Собр., Обр. Соч., Виск.):льстецовъ шумливыхъ рой,

Время сочиненія стиховъ опредѣлено временемъ перваго появленія ихъ въ печати.

XLVII.

Истинный патриотъ.

Эпиграмма эта напечатана: 1) въ Цвѣтникѣ 1810 г., ч. II, № 6, июнь, стр. 360, подъ заглавіемъ: „Рыцарь нашего вѣка“ и съ подписью Т. Р. К.; 2) въ нѣкоторыхъ только экземплярахъ Опытовъ, ч. II, стр. 199; 3) въ Библ. Запискахъ, т. III, стр. 637, подъ заглавіемъ: „Русскій витязь“ по рукописи А. Н. Аванасьева. Текстъ Цвѣтника представляетъ слѣдующій

вариантъ:

Ст. 8: На нравы прогнивъсь, какъ истый.....

Ту же мысль, которая выражена въ этой эпиграммѣ, Батюшковъ шуточно примѣняетъ къ себѣ самому въ „Прогулкѣ по Москвѣ“ (т. II, стр. 31).

Эпиграмма приурочена нами къ 1810 г. по времени перваго появленія своего въ свѣтъ.

Трудно догадаться, кого именно разумѣлъ авторъ подъ именемъ Фирса. То же имя—„Фирсъ коротконогий“—дано одному изъ плохихъ литераторовъ въ сатирическомъ посланіи Жуковского къ Воейкову (Современникъ 1856 г., № 11, Библиогр. Записки М. Н. Лонгинова, стр. 51; въ Соч. Жук., изд. 7-е, т. I, стр. 449 вмѣсто „Фирсъ“ читается „Шлихъ“). Не намекъ ли это на одного изъ дѣятельныхъ членовъ Бесѣды Федора Петровича Львова? Объ этомъ Львовѣ см. въ т. III, стр. 632—633.

XLVIII.

Ложный страхъ.

Піеса эта напечатана: 1) въ Вѣстникѣ Европы 1810 г., ч. 51, № 11, июнь, стр. 213 — 214, безъ подписи; 2) въ Собраніи р. стихотв., ч. V, стр. 318 — 319, съ полною подписью; 3) въ Обр. Соч., 1-е изд., ч. VI, стр. 227—228, тоже съ полною подписью; 4) въ Опытѣхъ, ч. II, стр. 183—185; 5) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 181—182; 6) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 191—192; отмѣчена также въ рукописи А. Н. Аванасьева.

Варианты:

- Ст. 10 (В. Евр., Собр., Обр. Соч.): и въ мглѣ погасъ,
 Ст. 15 (Ае.): Богъ любви вм. Гимней.
 Ст. 38 (Собр. Обр. Соч.): Въ влажной ночи

Время написанія этого стихотворенія опредѣляется временемъ перваго появленія его въ печати.

Близкій переводъ элегій Парни „La Fraueur“. В. П. Гаевскій справедливо замѣтилъ, что одно изъ лицейскихъ стихотвореній А. С. Пушкина „Воспоминаніе“ (1815 г.) напоминаетъ вѣншимъ образомъ эту піесу Батюшкова, хотя и не имѣетъ ничего общаго съ нимъ по мысли (Современникъ 1863 г., т. ХСVII, стр. 361).

XLIX.

Совѣтъ эпическому стихотворцу.

Эпиграмма эта напечатана: 1) въ Опытахъ, ч. II, стр. 203; 2) въ Опытѣ р. анекдотів, стр. 18; 3) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 199; 4) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 209.

Относимъ эпиграмму къ 1810 г., и именно къ первой половинѣ его, на томъ основаніи, что Батюшковъ, какъ видно изъ письма къ Гнѣдичу, отъ 1-го апрѣля 1810 г., узналъ въ то время о выходѣ въ свѣтъ „лирическаго пѣснопѣнія“ кн. С. А. Шихматова: „Петръ Великій“, противъ котораго и направлена эпиграмма. Изъ письма къ Гнѣдичу, отъ конца февраля—начала марта 1817 г. (т. III, стр. 421) видно, что при изданіи „Опытовъ“ Батюшковъ не желалъ печатать эту эпиграмму, чего однако Гнѣдичъ не исполнилъ.

L.

На поэмы Петру Великому.

Эпиграмма эта напечатана: 1) въ Пантеонѣ р. поэзіи, ч. IV, стр. 274, безъ подписи; 2) въ Р. Архивѣ 1863 г. (2-е изд.), ст. 879, безъ подписи, въ числѣ восьми стихотвореній, доставленныхъ А. Н. Аванасевымъ; 3) въ Соч. кн. П. А. Вяземскаго, т. III, стр. 52, подъ заглавіемъ: „На поэмы въ честь Петра Великаго“, при чемъ приписана кн. Вяземскому.

Въ Пантеонѣ и въ Сочиненіяхъ князя Вяземскаго первые два стиха представляютъ слѣдующій

вариантъ:

Не страненъ ли судьбъ уставъ!
 Пѣвцы Петра—несчастья жертвы.

Изъ письма Батюшкова къ Гнѣдичу, отъ конца февраля—начала марта 1817 г. (т. III, стр. 420—421) обнаруживается настоящей авторъ эпиграммы и оказывается, что она, подобно предшествующей, направлена противъ кн. С. А. Шихматова, почему и отнесена нами также къ 1810 году.

LI.

Отъѣздъ.

Напечатано: 1) въ нѣкоторыхъ экземплярахъ Опытовъ, ч. II, стр. 200; 2) въ Библ. Запискахъ, т. III, стр. 636, подъ заглавіемъ: „М.. Л...вой юня“, по рукописи А. Н. Аванасьева.

Варианты:

- Ст. 13: Иной, я видѣлъ, здѣсь вздыхаетъ,
 Ст. 16: Теперь вм. нахалъ.
 Ст. 17: Труды искусства Арахны
 Ст. 22—23: Тебѣ лишь данъ не заплачу;
 Скорѣ скорѣй, шаги удвою,

Относимъ это стихотвореніе къ 1810 г., во первыхъ, соображаясь съ составомъ рукописи А. Н. Аванасьева, въ которую вошли піесы 1807—1812 годовъ, и во вторыхъ, потому, что именно въ бытность свою въ Москвѣ въ первой половинѣ 1810 года Батюшковъ собирался проѣхать отсюда въ Петербургъ (т. III, стр. 80 и 89); объ этомъ говорится и въ концѣ настоящей піесы. М. Л—ва, которой эти стихи написаны,—лицо намъ неизвѣстное.

Въ обонхъ прежнихъ изданіяхъ въ 1-мъ стихѣ 5-й строфы читается: Арахны. Это согласно съ греческимъ произношеніемъ даннаго имени, но не рѣмуетъ съ 3-мъ стихомъ; поэтому мы напечатали: Арашны, согласно съ французскимъ произношеніемъ этого слова.

Сказаніе объ Арахнѣ, молодой женщинѣ изъ Колофона, обращенной въ паука за споръ съ Минервой, см. у Овидія, *Methmorph.*, кн. VI, ст. 1—145.

LII.

Сравненіе двухъ полководцевъ.

Напечатано: 1) въ Вѣстникѣ Европы 1810 г., ч. 52, іюля, № 14, стр. 124, съ подписью: К.; 2) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 203; 3) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 213.

Время сочиненія эпиграммы опредѣлено по времени перваго появленія ея въ печати.

LIII.

Изъ Антологіи.

Эта эпиграмма напечатана: 1) въ Вѣстникѣ Европы 1810 г., ч. 52, № 14, июль, стр. 124, съ подписью: Б.; 2) въ Собр. русск. стихотв., ч. V, стр. 227; 3) въ Пант. р. поэт., ч. III, стр. 105; 4) въ Обр. Соч., 1-е изд., ч. VI, стр. 161; 5) тамъ же, 2-е изд., ч. VI, стр. 145; 6) въ Опытѣ р. анеологін, стр. 51,—вездѣ съ полною подписью; 7) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 222; 8) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 233.

Въ обоихъ изданіяхъ Обр. Сочиненій находимъ слѣдующій

вариантъ:

Ст. 2: на вѣки благосклоненъ.

Время перваго появленія этой піесы въ печати принято и за время самаго перевода. Онъ сдѣланъ не съ подлинника, а съ Вольтерова переложенія, помѣщеннаго въ его „Dictionnaire philosophique“, въ статьѣ объ эпиграммѣ; Вольтеръ же пользовался, вѣроятно, латинскимъ переводомъ Гуго Гроціа. Подлинникъ—Εὐχολος Ἑρμείας—находится въ Anthologia palatina, IX, 72. Какъ переводъ Вольтера, такъ за нимъ и Батюшкова, передаетъ оригиналъ сохраняя только общій смыслъ его, а не выраженія.

Въ числѣ юношескихъ стихотвореній А. С. Пушкина есть переводъ этой же эпиграммы; онъ былъ напечатанъ впервые въ Вѣстникѣ Европы 1814 г., ч. 77, № 18, сентябрь, въ статьѣ, переведенной И. И. Пущиннымъ изъ Лагарпа „Объ эпиграммѣ или надписи древнихъ“.

LIV.

Надпись на гробъ пастушки.

Напечатана: 1) въ Вѣстникѣ Европы 1810 г., ч. 52, № 14, июль, стр. 125, подъ заглавіемъ: „Надпись надъ гробомъ молодой пастушки“, съ подписью Б.; 2) въ Музѣ новѣйшихъ рос. стихотворцевъ. М. 1814, стр. 82, съ тою же подписью; 3) въ Опытахъ, ч. II, стр. 206; 4) въ Опытѣ р. анеологін, стр. 146; 5) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 202; 6) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 212.

Текстъ Вѣстника представляетъ слѣдующіе

варианты:

- Ст. 1: юныя вм. мнѣя
 Ст. 4—5: И я на утрѣ дней, въ цвѣтущихъ снхъ поляхъ
 Всѣ радости вкусна:
 Ст. 7: осталось вм. досталось.

Кромѣ того, къ заглавію сдѣлано слѣдующее примѣчаніе: „Этотъ гробъ находится на дугу, на которомъ собирались плясать пастухи и пастушкѣи“.

Въ „Опытахъ“ и въ изданіяхъ 1834 и 1850 гг. находимъ слѣдующій

вариантъ:

Ст. 7: Но что жь досталось мнѣ въ прекрасныхъ сихъ мѣстахъ?

Въ настоящемъ изданіи текстъ принятъ въ томъ видѣ, какъ онъ исправленъ Батюшковымъ въ предположенномъ имъ новомъ изданіи своихъ стихотвореній; но по исправленіи вся піеса зачеркнута и, слѣдовательно, не предполагалась къ перепечаткѣ.

Стихотвореніе отнесено къ 1810 г. по времени перваго появленія его въ печати.

LV.

Источникъ.

Напечатано: 1) въ Вѣстникѣ Европы 1810 г., ч. 53, № 17, сентябрь, стр. 55 — 56, съ подписью: К — иъ Б — въ; 2) въ Собр. р. стихотв., ч. V, стр. 216 — 217, съ полною подписью; 3) въ Обр. Соч., 1-е изд., ч. IV, стр. 236 — 237, также съ полною подписью; 4) въ Опытахъ, ч. II, стр. 81 — 83; 5) въ Карм. библиотекѣ Аонидъ, стр. 153; 6) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 64 — 65; 7) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 74 — 75. Это стихотвореніе отмѣчено въ рукописи А. Н. Аванасьева съ припискою: „Персіянская идиллія“; та же приписка читается и въ Собраніи р. стихотвореній; въ Вѣстникѣ же и въ Обр. Сочиненіяхъ оно названо „персидскою идилліей“.

Варианты:

- Ст. 23 (В. Евр., Собр. Обр. Соч.): Буди же скромень
 Ст. 35 (В. Евр., Обр. Соч.): Чувствуешь въ сердцѣ и томность, и
 сладость.
 Ст. 37 (Собр.): Зафна, о другъ мой!
 Ст. 38 (В. Евр., Собр. Обр. Соч.): Съ страстной подружкой

Время написанія піесы опредѣляется письмомъ Батюшкова къ Жуковскому отъ 26-го іюля 1810 г. (т. III, стр. 99), при которомъ было послано стихотвореніе. Тутъ же Батюшковъ называетъ его подражаніемъ Парни, и дѣйствительно, у Парни (Oeuvres. P. MDCCCVIII, t. 2, p. 182 — 184) есть піеса въ прозѣ: „Le torrent. Idylle persane“; она то и послужила для Батюшкова оригналомъ; подражаніе слѣдуетъ ему довольно близко, и только въ послѣдней строфѣ образъ нѣсколько скромнѣе, чѣмъ у Парни. Этотъ поэтъ нерѣдко выдавалъ свои оригинальныя вещи за переводы; такъ, вѣроятно, было и въ настоящемъ случаѣ. Приглашая Жуковского, въ упомянутомъ

письмѣ, сдѣлать въ стихотвореніи исправленія, Батюшковъ вмѣстѣ съ тѣмъ проситъ не измѣнять 3-го стиха 2-й строфы, который взятъ имъ изъ Тибулла; дѣйствительно, въ 1-й книгѣ Тибулловыхъ элегій, въ элегии VI-й, читаются стихи (53—54):

*Parcite, quam custodit Amor, violare puellam.
Ne pigeat magno post didicisse malo.
Attigeris, labentur opes...*

LVI.

На смерть Лауры.

Напечатано: 1) въ Вѣстникѣ Европы 1810 г., ч. LI, № 17, сентябрь, стр. 54, съ подписью К. Б.; 2) въ Музѣ нов. р. стихотворцевъ, стр. 53, съ полною подписью; 3) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 223; 4) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 234—235.

Оригиналъ этой піесы находится у Петрарки въ *Sonetti e canzoni in morte di M. Laura, son. II*; авторъ оплакиваетъ въ немъ кончину покровителя своего Коллоны и своей возлюбленной Лауры. Переводъ, очевидно, представляя для Батюшкова большія трудности и не отличается близостью. Отъ того, безъ сомнѣнія, онъ не былъ включенъ въ „Опыты“, даже не смотря на то, что въ статьѣ своей о Петраркѣ Батюшковъ вспоминаетъ именно этотъ сонетъ (т. II, стр. 167).

LVII.

Вечеръ.

Напечатано: 1) въ Вѣстникѣ Европы 1810 г., ч. 54, № 21, ноябрь, стр. 37—39, съ подписью: К. Б.; 2) въ Музѣ нов. р. стихотворцевъ, стр. 58—59, съ полною подписью; 3) въ Собр. р. стихотв., ч. VI, стр. 294—295, съ полною подписью; 4) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 72—73; 5) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 82—83. Стихотвореніе это отмѣчено также въ рукописи А. Н. Аванасьева и представляетъ тамъ слѣдующій

вариантъ:

Ст. 17—18: Супруга, рой дѣтей оратая встрѣчаютъ
И брашны сельскія поспѣшно предлагаютъ.

Въ настоящемъ изданіи принятъ текстъ изданія 1834 г., такъ какъ въ „Опыты“ піеса не вошла, а текстъ Вѣстника Европы и Собранія избрани-

луетъ опечатками. Піеса отнесена нами къ 1810 г. по времени перваго появленія своего въ печати.

„Вечеръ“ есть только отдаленное подражаніе IV-й канцонѣ въ Петрарковѣхъ *Sonetti e canzoni in vita di M. Laura*. Первыя двѣ строфы стихотворенія слѣдуютъ подлиннику еще довольно близко, хотя и въ нихъ попадаются отклоненія не въ тонѣ Петрарки, напримѣръ, въ строфѣ 2-й ст. 7-й: „Въ тѣни домашнихъ ларъ“... 3-я строфа піесы соединяетъ 3-ю и 4-ю строфы оригинала, при чемъ образъ рыбака замѣнилъ находящееся у Петрарки изображеніе мореплавателя. Наконецъ, 4-я строфа русскаго стихотворенія лишь слегка напоминаетъ содержаніе двухъ послѣднихъ строфъ Петрарковой канцоны.

LVIII.

Радость.

Напечатано: 1) въ *Опытахъ*, ч. II, стр. 196—198; 2) въ *Соч.*, изд. 1834 г., ч. II, стр. 192—194; 3) въ *Соч.*, изд., 1850 г., т. II, стр. 202—204. Это стихотвореніе находится въ рукописи П. А. Висковатова и представляетъ тамъ слѣдующіе:

варианты:

Ст. 12: веселія вм. веселію,

Ст. 40: Къ великому Пафосу,

Мы отнесли эту піесу, взятую Батюшковымъ изъ Касты, къ 1810 году по соображенію съ другимъ подражаніемъ нашего поэта тому же автору, появившимся въ печати въ 1810 году. Во всякомъ случаѣ нельзя предполагать, чтобы піеса „Радость“ была написана раньше 1807 г. и позже 1814 г., ибо составъ рукописи П. А. Висковатова ограниченъ этимъ періодомъ времени. Подлинникъ Касты, подъ заглавіемъ „*Il contento*“, находится въ его „Анакреонтическихъ стихотвореніяхъ“. Русскій поэтъ довольно близко слѣдуетъ оригиналу въ первыхъ 18 стихахъ своей піесы, но затѣмъ почти совершенно удаляется отъ него, создавая свои образы и удерживая только основной мотивъ подлинника.

LIX.

Счастливецъ.

Напечатано: 1) въ *Вѣстникѣ Европы* 1810 г., ч. 53, № 17, сентябрь стр. 52—53, съ подписью: К. Б. и слѣдующимъ эпитаграмомъ:

Odi le rapide
Ruote sonanti.

2) въ Собраніи стихотв., ч. V, стр. 159—161; 3) въ Обр. Соч., 1-е изд., ч. I, стр. 127—129; 4) въ Пантеонѣ р. поэт., ч. VI, стр. 191—194,—въ трехъ послѣднихъ сборникахъ съ полною подписью; 5) въ Опытахъ, ч. II, стр. 192—195; 6) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 189—191; 7) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 199—201. Стихотвореніе это находится въ рукописи П. А. Висковатова и отмѣчено въ сборникѣ А. Н. Аванасьева. Во всѣхъ прежнихъ изданіяхъ сочиненій піеса названа „подражаніемъ Касты“; но приготавливая въ 1819—1821 гг. новое изданіе своихъ стихотвореній, Батюшковъ уничтожилъ эту отмѣтку.

ВАРИАНТЫ:

Ст. 8 (В. Евр.):	Вылетаетъ вм. излетаетъ.
Ст. 13 (В. Евр., Собр., Виск.):	Тимотей вм. временщикъ.
Ст. 17 (ibid.):	повстрѣчался вм. поравнялся.
Стт. 29—32. (ibid.)	нѣтъ.
Ст. 33 (ibid.):	Тамъ, гдѣ мраморъ изъ Пароса,
Ст. 34 (ibid.):	Изъ Карпсты на стѣнахъ;
(В. Евр.): столбахъ вм. стѣнахъ.
Ст. 46 (Виск.):	спокоенъ вм. повоенъ.
Ст. 47 (Собр., Обр. Соч., Пант., Виск.):	ужасный вм. ужасно.
Стт. 49—52 (В. Евр., Собр., Виск.)	нѣтъ.

Кромѣ того, послѣ стиха 40-го (въ строфѣ 10-й) въ Вѣстникѣ, Собраніи и обѣихъ рукописяхъ читается еще слѣдующая строфа:

Сердцемъ спитъ и нѣмъ душою,
Тратитъ жизнь на суеты,
Днемъ не вѣдаетъ покою,
Ночью—страшныя мечты!

Стихотвореніе отнесено къ 1810 г. по времени его перваго появленія въ печати. Въ апрѣлѣ 1811 г. Батюшковъ, въ письмѣ къ Гнѣдичу (т. III, стр. 120), уже говорилъ объ этой піесѣ, какъ о предназначенной для перепечатки въ Собраніи русскихъ стихотвореній.

Указаніе первыхъ изданій, что „Счастливецъ“ есть подражаніе Касты пмѣветъ основаніе: въ его „Анакреонтическихъ стихотвореніяхъ“ есть піеса, подъ заглавіемъ: „A. Fille. L'avverte accid non giudichi secondo le apparenze“; Батюшковъ заимствовалъ изъ нея начало, но затѣмъ развилъ мотивы италіанскаго поэта по своему, удерживая впрочемъ основную мысль подлинника.

(Строфа 12-я). Строфа эта почти цѣлкомъ воспроизводитъ изъ „Аталы“ Шатобриана слова Шактаса къ Рене послѣ погребенія Аталы: „Le coeur le plus serene en apparence ressemble au puits naturel de la savane Alachua; la surface en paraît calme et pure, mais, quand vous regardez au fond du bassin, vous apercevez un large crocodile que le puits nourrit dans ses eaux“. Сентъ-Бевъ (Chateaubriand et son groupe, t. II, p. 243) восхищается этимъ образомъ, который называетъ члсто шатобриановскимъ. Но въ русской литературѣ Воейковъ

еще въ 1814 г., въ первой редакціи своего „Дома сумасшедшихъ“, осмѣялъ эти стихи:

Чудо! Подъ окномъ на вѣткѣ
 Брошка Батюшковъ виситъ
 Въ свѣтлой, проволочной клеткѣ;
 Въ баночку съ водой глядитъ,
 И поетъ онъ сладкогласно,
 „Тихъ, спокоенъ сверху видъ
 „Но спустись на дно: ужасный
 „Кроводилъ на немъ лежты!“

Батюшковъ, узнавъ объ этой шуткѣ, писалъ въ августѣ 1815 г. Жуковскому (т. III, стр. 345—346), что онъ очень хохоталъ стихамъ Воейкова и не сердится на него.

Кн. Вяземскій въ 1826 г. внесъ въ одну изъ своихъ записныхъ книжекъ замѣтку о плохихъ рѣчахъ въ этой „прекрасной строфѣ“ прекраснаго перевода изъ Кастя: вмѣсто мрачный и ужасный онъ предлагалъ поставить: темный и огромный (Соч. кн. Вяз., т. IX, стр. 86).

LX.

Сонъ воиновъ.

Напечатано: 1) въ Вѣстникѣ Европы 1811 г., ч. 55, № 3, февраль, стр. 178—180, съ подписью: Констант. Б. и подъ заглавіемъ: „Сонъ ратниковъ. Вольный переводъ изъ поэмы: Аснелъ и Аслега“; 2) въ Обр. Соч., 1-е изд., ч. V, стр. 214—261 съ такимъ же заглавіемъ и съ полною подписью; 3) въ Опытахъ, ч. II, стр. 177—179; 4) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 176—178; 5) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 188—190. Это стихотвореніе находится также въ рукописи П. А. Висковатова подъ заглавіемъ: „Сны воиновъ. Изъ поэмы: Иснелъ и Аслега“.

варианты:

Въ Вѣстникѣ и Образц. Сочиненіяхъ послѣ заглавія находятся слѣдующія пояснительныя строки: „Сраженіе кончилось. Скандинавцы учреждаютъ пиршество. Пылаютъ дубы, и чаша радости ходитъ кругомъ“.

Ст. 8	(В. Евр., Обр. Соч.):	И слышитъ звѣрей гладныхъ вой;
Ст. 9	(ibid.): на лодкѣ утлой . . .
Ст. 12	(ibid.):	И гибнетъ въ морѣ бѣдный чолнъ;
Ст. 19—21	(ibid.):	А сей чудовище встрѣчаетъ— Ударъ безплодно погибаетъ; Махнулъ мечомъ, его рука

Эту-то первоначальную редакцію перевода Батюшковъ защищаетъ отъ нападковъ своего пріятели въ упомянутомъ письмѣ, а въ письмѣ къ нему же, отъ апрѣля 1811 г., признаетъ неудовлетворительность того стиха, который повторяется четыре раза во второй части отрывка, не помѣщенной въ „Опытахъ“.

Переводъ Батюшкова вообще отличается близостью къ подлиннику. Только стихи 13-й—18-й составляютъ вставку, на мысль о которой поэтъ, какъ онъ самъ свидѣтельствуесть (т. III, стр. 114), былъ наведенъ Виргиліевымъ выраженіемъ „dulcis patria“; кромѣ того, заключительные стихи, начиная отъ ст. 43-го, нѣсколько удаляются отъ подлинника: у Парни проснувшійся воинъ

...гесonnait son erreur et sourit.

Этой послѣдней черты нѣтъ у Батюшкова, и отрывокъ оканчивается у него пятью стихами, которымъ не имѣется соответствующихъ въ оригиналѣ.

LXI.

Мадагаскарская пѣсня.

Напечатана: 1) въ Вѣстникѣ Европы 1811 г., ч. 55, № 3, февраль, стр. 177, съ подписью: К.; 2) въ Собраніи р. стихотв., ч. VI, стр. 241, съ полною подписью; 3) въ Современникѣ 1857 г., № 11, смѣсь, стр. 12, въ „Библиогр. Запискахъ“ М. Н. Лонгинова.

Піеса эта, которую мы отнесли къ 1811 г. по времени перваго появленія ея въ печати, составляетъ близкій переводъ одной изъ мадагаскарскихъ пѣсень (Chansons madécasses), переданныхъ Парни въ прозѣ (Oeuvres de Parny. P. MDCCCVIII, t. I). Парни былъ уроженецъ острова Бурбона и, дѣйствительно, могъ знать народныя пѣсни обитателей Мадагаскара, но, по замѣчанію Сентъ-Бева, онъ разумѣлъ первобытную поэзію, какъ Мавферсонъ, а не какъ Фориель. Одинъ пріятель Сентъ-Бева, хорошо знакомый съ бытомъ жителей Мадагаскара, сообщилъ ему, что „Мадагаскарскія пѣсни“ Парни совершенно невозможны: „Онъ выдумалъ оттѣнки чувствъ, характеры, которые приписалъ этой средѣ, и даже собственныя имена; словомъ, это — просто Парни, подраженный дикарь“ (Sainte-Beuve. Portraits contemporains et divers. T. III, pp. 137—138). Батюшковъ не подозрѣвалъ того недоразумѣнія, въ которое ввелъ его подлинникъ Парни.

LXII.

Надпись къ портрету Н. Н.

Напечатана: 1) въ Собраніи р. стихотв., ч. V, 1811 г., стр. 216; 2) въ Обр. Соч., 1-е изд., ч. V, стр. 210; 3) тамъ же, 2-е изд., ч. V, стр. 190,—во всѣхъ трехъ сборникахъ подъ заглавіемъ: „Къ портрету —вой“; 4) въ Опытахъ,

ч. II, стр. 204; 5) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 200; 6) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 210.

Въ изданіе, которое готовялъ авторъ въ 1819—1821 гг., надпись эта не должна была войти.

Піеса отнесена къ 1811 году по времени своего перваго появленія въ печати.

LXIII.

Эпиграмма.

(Всегдашній гость, мучитель мой..).

Напечатана: 1) въ Опытѣхъ, ч. II, стр. 202; 2) въ Опытѣ р. анеологіи, стр. 183; 3) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 198; 4) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 208.

Эпиграмма эта передѣлана изъ слѣдующей эпиграммы П. Лебрена:

O, la maudite compagnie
Que celle de certains facheux.
Dont la nullité vous ennuie:
On n'est pas seul, on n'est pas deux.

Можетъ быть, піесу Батюшкова слѣдуетъ относить не къ 1811 г., а къ началу 1812, когда, въ бытность его въ Петербургѣ, ему очень надоѣдалъ своимъ посѣщеніями плохой стихотворецъ Гр. П. Ржевскій (т. III, стр. 192 и 685).

О прозвищѣ Балдусъ см. въ т. III, стр. 155 и 677.

LXIV.

Филомела и Прогна.

Эта басня напечатана: 1) въ Вѣстникѣ Европы 1811 г., ч. 60, № 23, декабрь, стр. 186—187, съ подписью: К.; 2) въ Обр. Соч., 1-е изд., ч. III, стр. 226—227, съ именемъ Батюшкова; 3) въ Пантеонѣ р. поэзии, ч. VI, стр. 119—120, съ полною подписью; 4) Обр. Соч., 2-е изд., ч. III, стр. 205—206; въ собраніяхъ сочиненій Батюшкова никогда не перепечатывалась. Въ настоящемъ изданіи сохранена замѣтка о содержаніи мѣна, находящаяся въ Вѣстникѣ съ подписью автора, а также выставлена тамъ подъ баснею помята „Череповецъ“.

Басня эта составляетъ переводъ, нѣсколько распространенный, изъ Лафонтена (livre III, fable XV), который, въ свою очередь, заимствовалъ ее у Бабрія. Время перевода опредѣляется письмомъ Батюшкова къ Вяземскому,

отъ 19-го декабря 1811 г. (т. III, стр. 167), въ которомъ намъ поэтъ говоритъ, что его стихотвореніе написано хорошо и безъ желанія сдѣлать намекъ на самого себя.

LXV.

Мои Пенаты.

Напечатано: 1) въ Пантеонѣ р. поэзи, ч. I, стр. 55—69; 2) въ Обр. Соч., 1-е изд., ч. IV, стр. 317—328; 3) въ Опытахъ, ч. II, стр. 121—137; 4) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 125—137; 5) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 137—149, — вездѣ подъ заглавіемъ: „Мои Пенаты. Посланіе къ Ж. и В.“ Въ Имп. П. Библиотекѣ есть автографъ этого стихотворенія съ слѣдующимъ эпиграфомъ изъ „La Chartreuse“ Грессе:

Calme heureux! loisir solitaire!
 Quand on jouit de ta douceur,
 Quel antre n'a pas de quoi plaire?
 Quelle caverne est étrangère
 Lorsqu'on y trouve le bonheur?

Та же піеса, подъ заглавіемъ: „Къ Пенатамъ“, отмѣчена въ рукописи А. Н. Аванасьева.

В а р і а н т ы:

Ст. 104 (Пант., Обр. Соч., автогр.): Близъ дѣвы сладкимъ сномъ!...

Стт. 131—141 (Ав.):

О Лиля, другъ мой милый,
 Душа души моеи!
 Тобою вѣкъ унылый,
 Средь шума и людей,
 Среди уединенья,
 Средь дебрей и лѣсовъ,
 Средь скучнаго томленья
 Печали и трудовъ,
 Тобой, богиня, ясенъ!
 И этотъ уголокъ
 Не будетъ одинокъ!

Ст. 144 (Пант., Обр. Соч., автогр.): Безъ злата богачей

Ст. 154 (ibidem):

Стт. 164—170 (Ав.):

Плотскихъ свободенъ узъ,
 Спускайтесь ко мнѣ!
 Пусть тѣни и призраки
 Любимыхъ мнѣ пѣвцовъ,
 Разрушивъ глѣнь и мракъ
 Эреба и гробовъ,
 Какъ жители эфирны,
 Воздушною стезей

- Ст. 169 (Пант., Обр. Соч., автогр.): Изъ области эфирной
 Ст. 171 (автографъ): Слетать на голось мусной
 Ст. 189—200 (Аө.): Перомъ изъ крыльевъ Лея
 Здѣсь пишетъ Карамзинъ,
 Преемникъ Мармонтеля,
 Въ таблицахъ Мнемозинъ
 Любовны приключенья
 Дѣвицъ и свѣтскихъ дамъ
 И сладки откровенья
 Чувствительнымъ сердцамъ.

Послѣ ст. 200-го въ автографѣ есть слѣдующія зачеркнутыя строки:

Всегда внушенный чувствомъ,
 Умѣлъ онъ позлатить
 Оратора искусствомъ
 Повѣствованья нить
 И въ слогѣ плавномъ спать
 Всю силу Робертсона
 И сладость Ксенофона;
 Аттической пчелы
 Волшебной

- Ст. 215—216 (автографъ): Украсилъ онъ цвѣтами
 Лякъ истины шута.
 Ст. 263—264 (Аө): Шампанское рѣзали
 Въ сей кубокъ наливай!
 Ст. 303 (автографъ): И томны псалмопѣнья

вмѣсто зачеркнутого:

- Ст. 309 (автографъ): И мрачны псалмопѣнья
 Иль бросьте на гробницы

вмѣсто зачеркнутого:

- Ст. 312 (автографъ): Вы бросьте на гробницы
 Съ листьями повиликъ

вмѣсто зачеркнутого:

И скромный повиликъ.

Стихотвореніе это было написано Батюшковымъ въ бытность его въ деревнѣ во второй половинѣ 1811 г.: въ письмѣ къ Гидичу, отъ октября этого года (т. III, стр. 144), онъ уже приводитъ четыре стиха изъ этой пѣсы, а въ исходѣ ноября посылаетъ ее къ Вяземскому въ черновомъ наброскѣ (т. III, стр. 153). Жуковскому она была сообщена лишь въ 1812 г., при письмѣ, отъ 12-го апрѣля (т. III, стр. 178). Вяземскій сдѣлалъ Батюшкову нѣсколько замѣчаній на посланіе, на которыя нашъ поэтъ отвѣчалъ въ письмахъ къ нему, отъ 19-го декабря 1811 г. и 10-го мая 1812 г., объясняя притомъ задачу и планъ своей пѣсы (т. III, стр. 167, 168, 183). Жуковскій отвѣчалъ Батюш-

кову посланіемъ („Сынъ нѣги и веселья...“), появившимся въ Вѣстникѣ Европы 1813 г., № 9—10, но съ помѣтой: „въ маѣ 1812 г.“; впрочемъ, Батюшкову оно стало извѣстно лишь въ концѣ этого года (т. III, стр. 215). Вѣроятно, еще до грозныхъ событій Наполеоновскаго нашествія написано было и отвѣтное посланіе Вяземскаго, помѣщенное впрочемъ въ II. собраніи сочиненій его, т. III, стр. 100—105, подъ 1815 годомъ.

По поводу „Монхъ Пенатовъ“ А. Д. Галаховъ (Истор. Хрестоматія. С.-Пб. 1864, т. II, стр. 359) дѣлаетъ такое замѣчаніе: „У французскаго трагика Дюси есть небольшое стихотвореніе „A mes pénates“; оно внушило Батюшкову нѣсколько мыслей и, можетъ быть, дало поводъ выразить свои чувства именно въ этой, а не въ другой формѣ, хотя своимъ достоинствомъ далеко уступаетъ произведенію нашего поэта“. Съ своей стороны замѣтимъ, что самъ поэтъ нашъ сближалъ свое стихотвореніе съ піесой Грессе: „La Chartreuse“, признавая однако, что не сумѣлъ приблизиться къ этому образцу (т. III, стр. 183). Въ сущности сходство посланія „Къ Пенатамъ“ съ обоими вышеназванными французскими стихотвореніями ограничивается очень немногимъ, и во всякомъ случаѣ заключается не столько въ заимствованіи изъ нихъ какихъ-либо отдѣльныхъ чертъ и выраженій, сколько въ тождествѣ настроенія, въ томъ, что всѣ три поэта говорятъ о прелестяхъ мирной жизни у домашняго очага.

В. П. Гаевскій (Современникъ 1863 г., т. ХСVII, стр. 353—354, 356—359) указываетъ подражаніе „Пенатамъ“ Батюшкова въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лицейскаго стихотворенія А. С. Пушкина: „Городокъ“.

Ст. 1—24. „Отеческіе Пенаты“—выраженіе обычное у Тибулла, напримѣръ въ 3-й элегій 1-й книги, ст. 33-й:

At mihi contingat patrios celebrare Penates.

Обращеніе къ Пенатамъ у Дюси:

Petits dieux avec qui j'habite,
Compagnons de ma pauvreté,
Vous dont l'oeil voit avec bonté,
Mon fauteuil, mes chenets d'ermite,
Mon lit couleur de carmélite,
Et mon armoire de noyer;
O mes Pénates, mes dieux Lares,
Chers protecteurs de mon foyer!
Si mes mains pour vous fétoyer
De gâteaux ne sont point avares;
Si j'ai souvent versé pour vous
Le vin, le miel, un lait si doux,
Oh! veillez sur notre porte,
Sur nos gonds et sur nos verroux...
Mes vœux sont courts; les voici tous:
Qu'un peu d'aisance entre chez nous,
Que jamais la vertu n'en sorte.

Строки эти могутъ служить образцомъ стиховъ съ повторенными римами (à rimes redoublées); тотъ же приѣмъ употребленъ Батюшковымъ въ „Пенатахъ“ и нѣкоторыхъ другихъ посланіяхъ, а также его „Видѣнія на берегахъ Леты“; по поводу тройныхъ рѣмъ въ этой сатирѣ онъ именно ссылаясь на примѣръ французскихъ стихотворцевъ (т. III, стр. 61).

Стт. 40—68: У Дюси находимъ еще такую просьбу къ Пенатамъ:

Mais n'en laissez point approcher
 Tout front qui devrait se cacher;
 Ces échappés de l'indigence,
 Que Plutus couvrit de ses dons,
 Si surpris de leur opulence,
 Si bas avec tant d'arrogance,
 Si petits dans lourds grands salons.

Затѣмъ вспоминается Велисарій:

Oh! que j'honore en sa misère
 Cet aveugle errant sur la terre
 Sous le fardeau des ans pressé,
 Jadis si grand par la victoire,
 Maintenant puni par la gloire, и т. д.

Это изображеніе Велисарія, быть можетъ, подало Батюшкову поводъ вывести своего воина-калѣку.

Стт. 165—219. Призывая къ себѣ тѣни любимыхъ русскихъ писателей, Батюшковъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду подобную картину въ „La Chartreuse“ Грессе, къ которому, на его чердакѣ, являются тѣни Анакреона, Горация, Шолье, Монтаня, Тасса, Мильтона и др. Отношеніе сдѣланныхъ тутъ нашимъ авторомъ характеристикъ его литературныхъ любимцевъ къ другимъ сужденіямъ о нихъ Батюшкова указано въ т. II, въ примѣчаніяхъ къ рѣчи о легкой поэзии.

Стт. 223—226 отчасти напоминаютъ слѣдующее окончаніе пьесы Грессе:

Jusqu'à ce moment où la Parque
 Emporte dans la même barque
 Nos jeux, nos coeurs et nos plaisirs.

Въ ст. 186-мъ упоминается рѣка Суна, въ Олонецкой губерніи, на которой находится водопадъ Кивачъ, воспѣтый Державиннымъ. Берега Суны покрыты лѣсомъ, и потому, какъ замѣчаетъ Л. К. Гротъ (Соч. Держ., 1-е акад. изд., т. I, стр. 800), стихъ Батюшкова грѣшитъ противъ истины. Эту Суну нашъ поэтъ вспомнилъ еще разъ въ своей статьѣ: „Нѣчто о поэтѣ“ (т. II, стр. 123).

LXVI.

Дружество.

Напечатана: 1) въ С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ 1812 г., февраль, стр. 166, съ подписью: К. Н. Б. Т.; 2) въ Опытахъ, ч. II, стр. 47; 3) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 38; 4) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 47. Это піеса находится въ рукописи П. А. Висковатова и отмѣчена въ рукописи А. Н. Афанасьева, при чемъ въ обѣихъ оговорено, что она заимствована „изъ Біона“. Дѣйствительно, между немногими сохранившимися произведеніями Біона есть отрывокъ въ семь стиховъ, которому піеса Батюшкова составляетъ подражаніе. Не зная греческаго языка, поэтъ нашъ могъ познакомиться съ стихотвореніемъ Біона изъ изданія Н. Θ. Копанскаго: Цвѣты греческой поэзіи М. 1811, гдѣ находится не только греческій подлинникъ съ комментариемъ къ нему, но и стихотворный русскій переводъ Біоновою піесы. Батюшковъ, разумѣется, не могъ соблюсти близости къ подлиннику, но общій смыслъ его передалъ вѣрно.

LXVII.

Хоръ для выпуска благородныхъ дѣвицъ Смольнаго монастыря.

Напечатанъ: 1) въ Опытахъ, ч. II, стр. 169—171; 2) въ Московск. Альманахѣ для прекраснаго пола на 1826 г., стр. 203, безъ имени автора; 3) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 169—171; 4) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 181—183.

Піеса отнесена къ 1812 г. по слѣдующимъ соображеніямъ: выпуски изъ Смольнаго монастыря происходили въ 1809, 1812 и 1815 гг.; изъ этихъ годовъ только въ 1812, въ февралѣ мѣсяцѣ (время выпуска), Батюшковъ находился въ Петербургѣ.

LXVIII.

Къ В. А. Жуковскому.

Напечатано: 1) въ Пантеонѣ р. поэзіи, ч. II, стр. 201—205, съ помѣтой 1811 г.; 2) въ Обр. Соч., 1-е изд., ч. V, стр. 111—113, безъ подписи; 3) въ Опытахъ, ч. II, стр. 148—152; 4) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 146—149; 5) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 158—161, —вездѣ подъ заглавіемъ: „Къ Ж — му“.

Стихотвореніе это находится въ письмѣ Батюшкова къ Жуковскому, отъ іюня 1812 г., изъ Петербурга (т. III, стр. 189—190), и съ тою же поэмѣю указано въ рукописи А. Н. Аванасьева.

В а р і а н т ы .

Ст. 1 (письмо):	отшельникъ вм. баллажникъ.
Ст. 4 (ibid.):	Твой богъ и покровитель.
(Аѳ.):	И богъ, и покровитель
Ст. 5 (письмо):	Будь счастливъ, нашъ Орфей,
Ст. 6 (ibid.):	Харить любимецъ скромной!
Ст. 8 (ibid.):	Въ глуши дубравы темной
(Аѳ.):	Въ сѣни.....
Стт. 9—10 (письмо):	Съ подругой дни ведетъ, Съ подругой засыпаетъ;
Ст. 12—13 (ibid.):	Невидимо плѣняется Пастушекъ, пастуховъ.

Стт. 19—51 въ письмѣ нѣтъ, а вмѣсто нихъ слѣдующія:

Подъ сѣнію свободы,
Достойныя природы
И юныя весны!
Тебѣ—одна лишь радость,
Мнѣ—горести даны!
Какъ сонъ проходитъ младость
И счастье прежнихъ дней!
Все сердцу измѣнилось,
Здоровье легкокрыло
И другъ души моей.

Ст. 32 (Аѳ.):	Ты счастливъ, мой поэтъ;
Ст. 56 (письмо):	И ноги ходуномъ;
Послѣ ст. 57 въ письмѣ вставлено:	Спина дугой къ землѣ.
Ст. 60 (письмо):	Вся, вся исчезла сила.
Ст. 61 (ibid.):	юныхъ вм. прежнихъ.
Ст. 64 (ibid.):	Кивая головою
Ст. 67 (ibid.):	учтивый вм. коварный.
Ст. 72 (ibid.):	Стары вм. древни.
Ст. 76 (ibid.):	Хвостовъ вм. Свистовъ.
(Аѳ.):	Хлыстовъ.
Ст. 83 (письмо):	Читаютъ мнѣ, читаютъ.

Вышеупомянутое письмо къ Жуковскому, отъ іюня 1812 г., не только указываетъ на время, когда посланіе написано, но и служитъ къ нему комментариемъ.

— (Ст. 30). Амальтея—дочь Критскаго царя Мелисса, вскормившая Зевса, или, по другимъ сказаніямъ, коза, молокомъ которой былъ вскормленъ

Зевсъ; слѣдовательно, „Амальтея рогъ“ все равно, что рогъ изобилія. Объясненіе это дано Ноемъ въ его книгѣ „Dictionnaire de la fable“, известной и Батюшкову (т. III, стр. 455).

— (Ст. 69). Стихъ въ 21-й строфы баллады Жуковского „Громобой“.

LIX.

Отвѣтъ А. И. Тургеневу.

Напечатано: 1) въ Опытахъ, ч. II, стр. 153—156; 2) въ Соч., изд. 1834 г. ч. II, стр. 150—152; 3) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 162—164, — вездѣ подъ заглавіемъ: „Отвѣтъ Т—ву“.

Относимъ это стихотвореніе къ 1812 г. по связи его съ предшествующимъ и съ письмомъ Батюшкова къ Жуковскому, отъ іюня 1812 г.; несомнѣнно, что въ первыхъ 16 стихахъ посланія разумѣется Жуковский; Батюшковъ коротко сошелся съ Тургеневымъ только въ первой половинѣ 1812 г., и Тургеневъ тогда же писалъ объ этомъ Жуковскому (см. объ этомъ ниже стр. 370).

— (Стр. 148). Александръ Ивановичъ Тургеневъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей первой половины текущаго вѣка, еще ожидаетъ подробной біографіи, для которой пока не собрано достаточнаго количества матеріаловъ. Но личность эта такъ тѣсно связана съ жизнью К. Н. Батюшкова, что въ изданіи сочиненій его послѣдняго было бы непроситительно не представить хотя краткаго очерка жизни А. И. Тургенева.

Ал. Ив. Тургеневъ родился въ Симбирскѣ 27-го марта 1784 года (какъ значится на его надгробной надписи въ Новодѣвичьемъ монастырѣ въ Москвѣ) и былъ однимъ изъ четырехъ сыновей известнаго масона и патріота Ив. П. Тургенева (см. о немъ въ т. II, стр. 430—431 и Соч. Жуковского, изд. 7-е, т. I, стр. 287—288). Первоначальное воспитаніе братья Тургенева получили въ домѣ отца. Воспитателемъ Андрея и Александра Тургеневыхъ былъ Швейцарецъ Тоблеръ, безъ сомнѣнія, родственникъ цюрихскаго проповѣдника и писателя, Лафатерова друга, архидіакона Іог. Тоблера, съ которымъ познакомился Карамзинъ въ бытность свою въ Швейцаріи. О воспитателѣ своемъ А. И. Тургеневъ упоминаетъ въ письмѣ къ брату Николаю изъ Цюриха, отъ 19-го сентября 1827 г.:... „Я думалъ о Лафатерѣ, коего любилъ батюшка и Иванъ Владимировичъ, какъ въ Камбре думалъ о Фенелонѣ, думалъ о родственникѣ Лафатера Тоблерѣ, который былъ не столько учителемъ, сколько другомъ нашимъ, то-есть, брата Андрея, ибо я еще не зналъ цѣну ему, но сохранилъ всѣ его письма къ брату, котораго онъ любилъ и разставшись съ нимъ“ (Письма къ Н. И. Тургеневу. Лейпцигъ. 1872, стр. 152). Позднѣе Александръ Ивановичъ говорилъ: „Ни одинъ изъ авторовъ не оставилъ во мнѣ такихъ благодѣтельныхъ, располагающихъ къ добру и къ сельской жизни впечатлѣній, какъ Геснеръ, коего читали мы въ Тур-

геневѣ съ незабвеннымъ Тоблеромъ. Вообще, мы, Тургеневы, съ благодарностію вспоминаемъ о Цюрихѣ: это отчизна Тоблеровъ, Лафатера, съ коимъ отецъ мой былъ въ дружеской и религіозной перепискѣ, отчизна Геснера, воспитавшаго въ насъ любовь къ сельской природѣ, къ сельскимъ нравамъ въ грустное время ссылки отчанашего“ (Письмо изъ Флоренці въ Симбирскъ—въ Моск. Наблюдателѣ 1835 г., ч. I, стр. 302—303). Послѣ домашняго образованія, Александръ Ивановичъ поступилъ въ Московскій университетскій благородный пансіонъ, гдѣ уже находился старшій братъ его Андрей (Н. В. Сушковъ. Моск. универс. благородн. пансіонъ стр. 71). Соучениками Ах. Тургенева по курсу были: Д. Н. Блудовъ, В. А. Жуковский, М. С. и А. С. Байсаровы, а младшими товарищами—между прочими Д. В. Дашковъ и С. П. Жихаревъ. Въ 1799 г. среди воспитанниковъ пансіона образовалось литературное общество, первымъ предсѣдателемъ котораго былъ Жуковский; члены общества занимались чтеніемъ избранныхъ произведеній и критическимъ разборомъ переводовъ и сочиненій на русскомъ языкѣ; кромѣ того, большое вниманіе было обращено на изученіе теоріи словесности и на обработку собственныхъ произведеній. Въ пансіонѣ братья Тургеневы, сльвишіе между товарищами „записными Нѣмцами“ (С. П. Жихаревъ. Записки современника, I, стр. 234) особенно сблизились съ Жуковскимъ, который, подъ влияніемъ въ особенности старшаго изъ нихъ, предался изученію нѣмецкой литературы. Вообще интересъ къ ней былъ сильно распространенъ въ средѣ университетскихъ питомцевъ, какъ то можно заключить изъ слѣдующихъ строкъ записной книжки Ах. И. Тургенева: „Здѣсь желалъ бы я друзьямъ русской литературы, коей нѣкогда Москва и въ ней университетъ были средоточіемъ, напомнить о томъ влияніи, какое веймарская аенинская дѣятельность имѣла и на нашу московскую словесность. Нѣсколько молодыхъ людей, большею частію университетскихъ воспитанниковъ, получали почти все, что въ изящной словесности выходило въ Германіи, переводили повѣсти и драматическія сочиненія Коцебу, пересаживали, какъ умѣли, на русскую почву дѣвты поэзіи Виланда, Шиллера, Гете, и почти весь тогдашній новѣйшій нѣмецкій театръ былъ переведенъ ими; многое принято было на театрѣ московскомъ. Корифеями сего общества были Мерзляковъ, Андрей Тургеневъ. Дружба послѣдняго съ Жуковскимъ не была безплодна для юнаго генія. Она увѣковѣчена въ посвященіи памяти его перваго и превосходнаго перевода поэта“¹⁾ (Соврем. 1837 г., т. V, стр. 304—305). Ко времени пребыванія Тургенева въ университетскомъ пансіонѣ относятся и его первые литературные труды, появившіеся въ печати. Въ Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени 1798 г., ч. XX, помѣщенъ небольшошй переводъ съ французскаго: „Вѣрная собака“; въ Ипокренѣ 1799 г., въ ч. II, напечатаны: „Честность“ (съ нѣм.) и „Смерть К. . . П.“ (изъ Коцебу); въ IV-й части находятся: „Анекдотъ“ (съ франц.) и „О возрастахъ человѣческихъ“, по всей вѣроятности, также переводъ; въ Утренней Зарѣ 1800 г., кн. I, напечатаны слѣдующіе переводы: 1) Пѣснь на случай открытія снана-

¹⁾ „Сельское кладбище“. Напечатано впервые въ Вѣстникѣ Европы 1802 г., ч. VI, № 24, съ посвященіемъ Андрею Тургеневу.

гоги, соч. г. Бинкомъ, 17-ти-лѣтнимъ Евреемъ, 2) Опрокинутый дубъ (изъ Мейснера), 3) Мальчикъ, луна и солнце (изъ Мейснера). Въ 1801 году Тургеневъ издалъ въ Москвѣ свой переводъ сочиненія Блуменбаха: „Нѣкоторые разсужденія, почерпнутыя изъ натуральной исторіи“. Книга посвящена императору Александру.

По окончаніи курса въ университетскомъ пансіонѣ, Тургеневъ поступилъ на службу въ Московскій архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, но вскорѣ былъ посланъ отцомъ въ Геттингенскій университетъ, гдѣ слушалъ курсъ историко-политическихъ наукъ. Вмѣстѣ съ А. С. Кайсаровымъ занимались они здѣсь подъ руководствомъ знаменитаго Шлецера и помогали ему въ изданіи „Нестора“, а въ 1803 году отправились путешествовать по славянскимъ землямъ, при чемъ собирали славянскія книги и рукописи (Москвит. 1845 г., ч. II, № 4, стр. 65, смѣсь; Р. Стар. 1882 г., т. XXXIV, стр. 449). Курсъ философіи Тургеневъ слушалъ у І. О. Буле, который позже, съ 1805 по 1811 г., читалъ лекціи въ Московскомъ университетѣ (Москвит. 1855 г., № 1, кн. 1, стр. 91). Въ Геттингенѣ Александръ Ивановичъ сблизился съ В. И. Фрейгангомъ, который также слушалъ лекціи въ тамошнемъ университетѣ и получилъ въ немъ степень доктора философіи (Р. Стар. 1880 г., т. XXVIII, стр. 593). Уже во время перваго своего путешествія Тургеневъ, вѣроятно, велъ дневникъ, такъ какъ въ VI-й части „Образцовыхъ Сочиненій, изд. 1824 г., помѣщена его статья: „Путешествіе Русскаго на Брокенъ въ 1803 году“. Въ 1804 году, еще будучи въ Германіи, Тургеневъ написалъ статью: „Критическія примѣчанія, касающіяся до древней славяно-русской исторіи“, которая была напечатана въ Сѣверномъ Вѣстникѣ 1804 г., ч. II. Вслѣдъ затѣмъ, въ Утренней Зарѣ 1805—1806 гг., кн. III и IV, появились, въ его переводѣ, два отрывка изъ Шлегерова введенія во всеобщую исторію. Изъ своего пребыванія въ Германіи братья Тургеневы вынесли самыя отрадныя впечатлѣнія, сохранившіяся на всю жизнь. „Братъ мой“, говоритъ Н. И. Тургеневъ,—„какъ видно изъ его писемъ, много жилъ съ Нѣмцами. Наболѣе онъ зналъ этотъ народъ съ самой лучшей его стороны, со стороны ученой образованности. Я вполне раздѣлялъ любовь и глубокое уваженіе брата къ Нѣмцамъ. И съ нашей стороны было бы грубою неблагодарностію не имѣть этихъ чувствъ и малодушіемъ умалчивать о нихъ. Мы многимъ обязаны нѣмецкимъ ученымъ: мы слушали ихъ лекціи, читали ихъ книги. Живое слово такихъ профессоровъ, каковы были славный равно и ученостію, и смѣлостію политическою Шлегеръ, глубокомысленный историкъ Гееренъ, гениальный Геде и многіе другіе, не могло не проникнуть до глубины нашей души и оставить въ ней слѣдовъ копѣхъ никакія превратности въ жизни не могли изгладить“ (Письма А. И. Тургенева, предисловіе, стр. VIII). За четыре года до смерти самъ Александръ Ивановичъ писалъ: „Геттингенъ, Геттингенъ! Ты еще и теперь живешь моего отжившаго сердца; ты еще и теперь раздѣляешь господство надъ нимъ съ Сибирскомъ и Волгою“ (Соврем. 1841 г., т. XXI, стр. 23).

Возвратившись въ отечество, Тургеневъ по своему блестящему образованію, способностямъ, а также по значительнымъ общественнымъ и литературнымъ связямъ, не могъ не обратить на себя вниманія просвѣщенныхъ людей. Нѣкоторые министры, между прочимъ кн. Чарторижскій и Новосильцевъ,

желали привлечь его къ поступленію въ службу подъ ихъ начальство. Въ 1806 году Тургеневъ опредѣлился въ комиссію составленія законовъ. Въ „Дневникѣ чиновника“, подъ 10-го января 1807 г. встрѣчаемъ слѣдующую замѣтку Жлхарева: „У Лабата встрѣтилъ Ах. Тургенева, который въ прошедшемъ году на пансіонскомъ экзаменѣ подшептывалъ мнѣ нѣмецкую рѣчь. Онъ сказывалъ, что средняго брата отправляетъ доучиваться въ Геттингенъ, а меньшей покажетъ въ пансіонѣ до полученія золотой медали. Тургеневъ долженъ быть очень дѣятеленъ и проворенъ; онъ служитъ при статсъ-секретарѣ Новосильцевѣ и вмѣстѣ въ комиссіи составленія законовъ помощникомъ референдарія. Говорилъ много о гр. Строгановѣ, о княгинѣ Голицыной и многихъ другихъ знатныхъ особахъ, у которыхъ принятъ за свой. Не успѣли отобѣдать, какъ онъ ужъ исчезъ, извинившись недосугомъ. Вигель читалъ очень смѣшное рондо, написанное на Тургенева по французски общимъ ихъ пріятелемъ Блудовымъ; въ этихъ стихахъ много веселости и безобиднаго остроумія“ (Отеч. Зап. 1855 г., т. С, стр. 167—168).

Въ 1807 году, во время заграничнаго путешествія императора Александра, Тургеневъ находился въ свитѣ государя. Съ этого времени онъ дѣлается лично извѣстнымъ ему и императрицамъ Маріи и Елисаветѣ. Въ 1810 году Тургеневъ, по выбору кн. А. Н. Голицына, занялъ должность директора департамента духовныхъ дѣлъ; черезъ два года былъ назначенъ помощникомъ статсъ-секретаря въ государственномъ совѣтѣ, а въ 1822—старшимъ членомъ совѣта комиссіи составленія законовъ (Журн. Мин. Нар. Пров. 1846 г., т. 49, отд. VII, стр. 19—24; Иллюстрація 1846 г., № 2, стр. 17—19, статья Б. М. Федорова; И. И. Срезневскій. А. И. Тургеневъ. Нѣсколько о немъ припоминаній—въ Р. Старинѣ 1875 г., т. XII). Дѣятельность Тургенева, какъ члена комиссіи составленія законовъ, ознаменовалась участіемъ въ разсмотрѣніи вопроса о продажѣ крестьянъ безъ земли и порознь. Въ концѣ 1820 г. комиссія представила проектъ объ уничтоженіи этихъ злоупотребленій. Составителями проекта были Александръ и Николай Тургеневы, принадлежавшіе къ числу ревностныхъ поборниковъ освобожденія крестьянъ (В. С. Иконниковъ. Графъ Н. С. Мордвиновъ. С.-Пб. 1873, стр. 243, 275). Въ одномъ изъ писемъ къ брату Александръ Ивановичъ говоритъ: „И по сію пору Россіи одно нужно прежде всего: уничтоженіе рабства. Послѣ вся прочая къ сему приложатся“ (стр. 11). По духовному вѣдомству Тургеневъ принималъ дѣятельное участіе въ новомъ образованіи училищъ, евангелической генеральной консисторіи, комитета для устройства Евреевъ ¹⁾, а также оказывалъ энергическое содѣйствіе къ изгнанію іезуитовъ изъ Россіи (Henri Luthe-roth. La Russie et les jesuites de 1772 à 1810. Paris. 1845; К. С. Сербиновичъ.

¹⁾ Въ своемъ примѣчаніи на письмо къ нему Карамзина, отъ 28-го февраля 1809 г., Тургеневъ говоритъ: „Въ то время поручено мнѣ было писать о Евреяхъ въ Россіи, коихъ участь занимала тогда правительство“ (Москвит. 1855 г., № 1, кн. 1, стр. 86). Намъ не извѣстно, былъ ли напечатанъ этотъ трудъ Тургенева, равно какъ и его историческое и статистическое описаніе Финляндіи, о которомъ онъ также упоминаетъ (тамъ же, стр. 89).

Воспоминанія, въ Р. Старинѣ 1874 г., т. XI, стр. 54). Въ то же время Тургеневъ былъ дѣятельнымъ членомъ и секретаремъ Библейскаго общества съ самаго его основанія въ 1812 году вплоть до паденія министерства кн. Голицына (А. Н. Пыпинъ. Росс. Библ. Общество, въ В. Европы 1868 г. № 8, стр. 662, 668). Отчеты этого общества составляемы были самимъ Тургеневымъ, какъ это видно изъ писемъ къ нему И. И. Дмитриева (Р. Арх. 1867 г., ст. 1065, 1068, 1095). Последний называетъ рѣчи Тургенева, произнесенныя въ Библейскомъ обществѣ, „прекраснымъ произведеніемъ искусства литератора“ и по этому поводу замѣчаетъ: „Не могу, однакожь, скрыть моего сожалѣнія, что вы, будучи одарены всѣми способностями автора, посвятили ихъ единственно библейской заглѣ. Побѣдите гнѣвъ свою и будьте для насъ вдвое любезнѣе“ (тамъ же, ст. 1098). „... Какъ ни странно находить здѣсь Тургенева рядомъ съ фанатиками, мистиками и иногда людьми совершенно ничтожными въ нравственномъ смыслѣ, эти увлеченія были въ Александрѣ Тургеневѣ совершенно искренни, если и не глубоки. Можно сказать, что онъ въ этомъ случаѣ представлялъ именно лучшую сторону тогдашняго піетизма и тогдашней вѣротерпимости. Въ немъ можно было, какъ въ живомъ примѣрѣ, видѣть историческое соединеніе и послѣдовательность различныхъ тенденцій, проникавшихъ тогда въ русское общество. Отъ отца и отъ первыхъ лѣтъ молодости онъ перенялъ преданія стараго масонскаго піетизма, который сохранился у него, потерявъ только свои крайности и свою прежнюю внѣшность; новое европейское образованіе, полученное рядомъ съ этими впечатлѣніями, избавляло его отъ преувеличеній піетизма и давало его религій характеръ мечтательнаго благочестія и вѣротерпимости и, наконецъ, дѣлало для него сочувственнымъ либеральнымъ стремленіемъ къ улучшенію общественныхъ отношеній. Вслѣдствіе того, его симпатіи и могли быть очень разносторонни; такъ, онъ могъ быть близокъ съ библейскими дѣятелями, дружески сходился съ Патерсономъ, съ квакеромъ Вильямомъ Алленомъ далѣе — съ Карамзиннымъ, Жуковскимъ и Арзамасомъ, могъ вѣрить въ князя А. Н. Голицына, черезъ брата Николая могъ имѣть дружескія отношенія съ либеральнымъ кружкомъ. Оставаясь самъ въ сторонѣ отъ интригъ, которыя велись въ кругу піетистовъ, Тургеневъ довѣрчиво оставался въ этомъ кругу, съ которымъ думалъ, что имѣетъ общіе отвлеченные интересы“ (А. Н. Пыпинъ. Русскій путешественникъ въ двадцатыхъ годахъ — въ В. Европы 1872 г., № 8, стр. 709—710).

Съ основаніемъ Женскаго Патріотическаго Общества, находившагося подъ покровительствомъ императрицы Елисаветы Алексѣевны, Тургеневъ занялъ въ немъ должность правителя дѣлъ. Написанный имъ первый отчетъ этого Общества напечатанъ въ Сынѣ Отечества 1816 г., ч. XXXI, № 28. Въ 1824 году, вслѣдствіе происковъ извѣстнаго архимандрита Фотія, послѣдовала отставка князя Голицына, повлекшая за собою и удаленіе отъ дѣлъ Тургенева, котораго Фотій ненавидѣлъ и считалъ своимъ личнымъ врагомъ (Р. Арх. 1863 г., ст. 850—854, письмо Фотія къ Д. А. Державиной; ср. Р. Стар. 1875 г., т. XIII, стр. 467, 476). Оставшись членомъ комиссіи составленія законовъ и въ званіи камергера, Тургеневъ взялъ отпускъ и уѣхалъ за границу. Въ

началѣ 1826 года онъ находился съ братомъ Николаемъ въ Англіи ¹⁾, гдѣ они узнали, что личность послѣдняго замѣшана въ дѣло декабристовъ. Александръ Ивановичъ посѣщилъ въ Петербургъ, чтобы хлопотать по дѣлу своего брата, съ которымъ его соединяла самая тѣсная дружба. Съ этого времени и начинается его переписка съ Николаемъ Ивановичемъ, продолжавшаяся до самой смерти. Часть этой переписки, относящаяся къ 1826—1828 гг., издана Н. И. Тургеневымъ. Изъ предисловія издателя видно, что вся корреспонденція составляетъ десять портфелей; напечатанныя же въ 1872 году письма представляютъ выборку, и притомъ отрывками, только изъ перваго портфеля. Обзоръ изданной въ Лейпцигѣ переписки, представляющей большой историческій интересъ, сдѣланъ А. Н. Пыпинымъ въ цитованной выше статьѣ. Изъ переписки Тургенева съ другими лицами напечатано: I) письмо къ А. Я. Булгакову ²⁾, отъ 2-го февраля 1837 г. (Р. Арх. 1864 г., ст. 989); II) 9 писемъ къ кн. П. А. Вяземскому, отъ 1812—1843 гг. (тамъ же, 1866 г., ст. 250—254, 878—884; 1868 г., ст. 625, 631; Истор. Вѣстн. 1886 г., № 10, стр. 82—84); III) письмо къ А. Гумбольдту, отъ 24-го апрѣля 1844 г. (тамъ же, 1873 г., № 8, ст. 1521—1525); IV) письмо къ Г. Р. Державину ³⁾, отъ 11-го апрѣля 1811 года. (Соч. Держ., 1-е акад. изд. т. VI, стр. 211—214); V) 18 писемъ къ И. И. Дмитріеву ⁴⁾, отъ 1818—1825 гг. (Р. Арх. 1867 г., ст. 639—670); VI) письмо къ С. П. Жихареву изъ Дрездена, отъ 9-го декабря 1826 г. (Р. Стар. 1882 г., т. XXIII, стр. 479—480); князь Вяземскій указываетъ и на другія, не бывшія въ печати письма къ Жихареву (письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву, стр. 427—428); VII) 8 писемъ къ В. А. Жуковскому ⁵⁾, отъ 1812—1844 гг. (Соч. Батюшкова, т. III, стр. 190—191; Р. Арх. 1864 г., ст. 884—887; 1871 г., № 2, ст. 0166; 1873 г., ст. 1516—1518, 1527—1529; 1875 г., стр. 339—341; Р. Стар. 1881 г., т. XXXI, стр. 198—200); VIII) письмо къ неизвѣстному, вѣроятно, къ Карамзину ⁶⁾, отъ 1825 г. (Р. Арх. 1870 г.,

¹⁾ Послѣ того Тургеневъ еще три раза посѣщалъ Англію: въ 1828, 1831 и 1835 гг. (Моск. Наблюд. 1835 г., ч. V, смѣсь, стр. 261). Въ 1828 году онъ былъ между прочимъ въ Аботсфордѣ у Вальтера Скотта и свое пребываніе тамъ описалъ въ письмѣ къ Н. И. Тургеневу (стр. 396—400).

²⁾ Съ братомъ его, Константиномъ Яковлевичемъ, Тургеневъ также находился въ перепискѣ (Р. Стар. 1881 г., т. XXXI, стр. 194).

³⁾ Письма Державина къ нему см. тамъ же, №№ 1018, 1231.

⁴⁾ Письма Дмитріева къ нему напечатаны тамъ же, и въ Р. Архивѣ 1871 г., № 3.

⁵⁾ Письма Жуковского къ нему см. въ Сочиненіяхъ послѣдняго, изд. 7-е, т. VI.

⁶⁾ Письма Карамзина къ Тургеневу напечатаны отрывками въ Памятникѣ отечественныхъ музъ 1827 г., въ Московскомъ Сборникѣ 1847 г. и въ смірдинскомъ изданіи сочиненій Карамзина, а потомъ, въ болѣе полномъ видѣ, въ Москвитинѣ 1855 г., № 1, кн. 1; № 23 и 24, кн. 1 и 2. Еще письмо Карамзина помѣщено въ Р. Архивѣ: 1866 г., ст. 656—657. Тургеневъ очень заботился объ изданіи писемъ къ нему Карамзина, но встрѣчалъ въ этомъ препятствія. 5-го октября 1837 г. онъ писалъ Сербиновичу: „Что дѣлаютъ и мои Карамзинскія письма? Все ли вы въ союзѣ съ Екатериной Андреевной и съ Софьей Николаевной возражаете противъ

ст. 1180); IX) Приписки въ письмахъ Жуковскаго къ Е. Г. Пушкиной, отъ 1827 г. (Деятнадцатый вѣкъ, кн. I, стр. 413, 417, 419); X) 16 писемъ къ К. С. Сербиновичу, отъ 1826—1842 гг. (Р. Стар. 1874 г., т. XI, стр. 270; 1881 г., т. XXXI, № 6; т. XXXII, № 10; 1882 г., т. XXXIV, № 4); XI) 6 писемъ къ А. В. Старчевскому, отъ 1842—1843 гг. (Истор. Вѣсти. 1886 г., № 10, стр. 69—82); XII) письмо къ гр. Г. А. Строганову, отъ 2-го февраля 1837 г. (Р. Арх., 1864 г., ст. 990); XIII) 3 письма къ неизвѣстнымъ лицамъ, отъ 1837—1841 гг. (Р. Стар. 1881 г., т. XXXII, стр. 337, 339—340, 349). Указанныя письма Тургенева составляютъ только малую часть его обширной переписки. Князь П. А. Вяземскій, говоря о страсти Тургенева къ корреспонденци, замѣчаетъ: „Онъ переписывался и съ просителями своими, и съ братьями, и съ друзьями, и съ знакомыми, и часто съ незнакомыми, съ учеными, съ духовными лицами всѣхъ возможныхъ исповѣданій, съ дамами всѣхъ возрастовъ, различныхъ лѣтъ и поводовъ былъ въ перепискѣ со всею Россіею, съ Франціею, Германіею, Англіею и другими государствами. И письма его—большею частію образцы слога, жнвой рѣчи. Они занимательны по содержанію своему и по художественной отдѣлкѣ, о которой онъ не думалъ, но которая выражалась, изливалась сама собою подъ неутомимымъ и беззаботнымъ перомъ его. Русскимъ языкомъ въ особенности владѣлъ онъ, какъ не многими изъ присяжныхъ писателей удастся имъ владѣть“ (Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 282). На основаніи слѣдующихъ адресованныхъ къ Тургеневу писемъ можно заключать, что онъ велъ также корреспонденцію съ Е. А. Баратынскимъ (Р. Арх. 1871 г., № 6), К. Н. Батюшковымъ (Соч., т. III), А. Ѳ. Воейковымъ (Р. Арх. 1872 г., ст. 1184—1195; 1866 г., ст. 652); А. Ѳ. Мерзляковымъ (тамъ же, ст. 647—649), Н. И. Новиковымъ (тамъ же, ст. 649—650), А. С. Пушкинымъ (Соч., изд. 8-е, т. VII), гр. Н. П. Румянцевымъ (Р. Арх. 1866 г., стр. 653—654), П. Я. Чаадаевымъ ¹⁾ (Н. С. Гагаринъ. *Oeuvres choisies de Pierre Tchadaïeff. Paris et Leipzig. 1862; Не изданныя рукописи П. Я. Чаадаева—въ В. Европы 1871 г., № 11, стр. 333—334). Тургеневъ переписывался и съ гр. Сперанскимъ, на что есть прямыя указанія въ письмахъ послѣдняго къ Александру Ивановичу (Р. Арх. 1867 г., ст. 436—437; Въ память гр. М. М. Сперанскаго. С.-Мб. 1872, стр. 253—254; см. также Р. Арх. 1868 г., ст. 1716, 1969; 1871 г., ст. 452); переписка эта касалась между прочимъ перевода известной книги Ѳомы Кемпійскаго „О подражанію Христу“ (1819 г.), изданіемъ которой, за отсутствіемъ Сперанскаго, завѣдывалъ Тургеневъ (гр. М. А. Корфъ. Жизнь гр. Сперанскаго. С.-Пб. 1861, т. II, стр. 91). Тургеневъ состоялъ также въ перепискѣ съ К. И. Арсеньевымъ, котораго онъ былъ постояннымъ защитникомъ отъ гоненій Магницкаго и Рунича. Въ Сборникѣ 2-го отдѣленія Акад. наукъ, т. IX, стр. 49, напечатано письмо Тургенева къ Арсеньеву*

напечатанія оныхъ? Все ли Уваровъ думаетъ, что рано еще для Россіи печатать письма Карамзина и давно пора быть ему тушительникомъ-министромъ?“ (Р. Стар. 1881 г., т. XXXI, стр. 338).

¹⁾ Объ отношеніяхъ Тургенева къ Чаадаеву см. въ Полномъ собраніи сочиненій кн. Вяземскаго, т. VIII, стр. 287—288.

въ которомъ Александръ Ивановичъ проситъ его о доставленіи „видовъ къ Матеріаламъ статистики“. Здѣсь, очевидно, рѣчь идетъ о „Матеріалахъ для статистики Россійской имперіи“, состоящихъ изъ текста въ 8-ку и атласа въ листъ, изданныхъ въ 1839 году. Слѣдовательно, и письмо Тургенева относится къ этому времени, а не къ 1828 году, какъ полагалъ П. П. Пекарскій. Въ бумагахъ Арсеньева сохранилось еще письмо къ нему Тургенева (не напечатанное), отъ 28-го февраля 1837 г., касающееся доставленія изъ-за границы различныхъ сочиненій и свѣдѣній по статистикѣ, которую Арсеньевъ преподавалъ наслѣднику цесаревичу Александру Николаевичу. Въ письмахъ къ Сербиновичу есть указанія на переписку Тургенева съ кн. А. Н. Голицынымъ (Р. Стар. 1882 г., т. XXXIV, стр. 193), А. И. Нефедьевой (ib., стр. 178) и Е. А. Свербеевой (ib., стр. 177). Изъ писемъ В. А. Жуковского къ И. И. Козлову, отъ 15-го іюля 1827 г. и Тургенева къ Сербиновичу, отъ 2-го ноября 1835 г., видно, что Александръ Ивановичъ переписывался съ Козловымъ (Соч. Жуковского, изд. 7-е, т. VI, стр. 468; Р. Стар. 1881 г., т. XXXI, стр. 203; ср. письма къ Н. И. Тургеневу, стр. 42, 47, 364, 404). Упоминаніе о Козловѣ встрѣчается еще въ письмѣ къ кн. Вяземскому изъ Дрездена, отъ 23-го декабря 1826 г. (Моск. Телегр. 1827 г., ч. XIII, № 1, стр. 97—98).

Что касается заграничной корреспонденціи, то самъ Тургеневъ говоритъ, что онъ находился въ перепискѣ съ Шатобрианомъ ¹⁾, А. Гумбольдомъ, Кювье, Бонштетеномъ, Іоганномъ Мюллеромъ, Шлецеромъ и В. Скоттомъ (Современникъ 1837 г., т. V, стр. 229).

Кромѣ писемъ къ брату, послѣ Александра Ивановича осталось столько же портфелей его журнала, о которомъ Н. И. Тургеневъ отзывается такъ: „Между тѣмъ какъ посылая письма, онъ знаетъ, что пишетъ ихъ не для себя, а для другаго, который будетъ ихъ читать, журналъ свой онъ велъ, какъ видно, исключительно для себя самого, записывая ежедневно всякую всячину, и важное, и незначительное, и интересное, достойное обозрѣванія, и такое, что могло интересовать только его самого. Оттого небрежность въ редакціи и даже въ почеркѣ. Не легко было бы выбрать изъ этого огромнаго журнала пятую или даже десятую часть и напечатать. Но этотъ трудъ изданія былъ бы достаточно вознагражденъ интересомъ для читателей. Между прочимъ я нашелъ въ журналѣ брата весьма дѣльные, безпристрастныя и часто трогательныя замѣчанія и наблюденія относительно положенія нашего простаго народа, наблюденія, дѣланныя въ его различныхъ странствіяхъ по Россіи“ (Письма, предисловіе, стр. X—XI). Отрывки изъ журнала Тургенева, введеннаго во время заграничныхъ путешествій, печатались въ разныхъ изданіяхъ, а именно: I) въ Моск. Телеграфѣ—письма изъ Дрездена, Париза и Лейпцига (1827 г., ч. XIII, № 1, стр. 90—98; № 2, стр. 162—165; № 4, стр. 341—350; ч. XIV, № 6, стр. 150—155; ч. XV, № 9, стр. 67—73); на экземплярѣ М. Телеграфа, принадлежащемъ Имп. Публ. Библіотекѣ, сохранились собственно-ручныя помѣтки кн. П. А. Вяземскаго о принадлежности этихъ писемъ Тур-

¹⁾ Въ 1826 году Тургеневъ посылалъ Шатобриану статьи Д. В. Дашкова о Иерусалимѣ и о Серальской библіотекѣ (Моск. Телегр. 1827 г., ч. XIII, № 1, стр. 97).

геневу, что впрочемъ видно и изъ содержанія ихъ; послѣднее письмо изъ Дрездена, напечатанное въ XV-й части М. Телеграфа, Тургеневъ посвящаетъ воспоминанію о Карамзинѣ, при чемъ выражаетъ свое негодованіе на равнодушіе русскаго общества и журналистики къ памяти „сего великаго сына Россіи, единственнаго полнаго представителя не нашего, но европейскаго просвѣщенія въ Россіи, соединеннаго въ немъ съ познаніемъ всего отечественнаго, съ познаніемъ, коему можно уподобить только одну любовь его къ отечеству“; затѣмъ, обращаясь къ кн. Вяземскому, Тургеневъ говоритъ: „Ты обвинялъ меня въ бездѣйствіи въ самое то время, когда я собирался послать въ нѣмецкія Ученыя Вѣдомости написанное мною возраженіе на одну рецензію, въ Лейпцигской Ученой Газетѣ напечатанную, въ которой Карамзина хвалили за его Исторію и хулили за чужія ошибки“. Упомянутое возраженіе (о которомъ А. И. Тургеневъ упоминаетъ и въ своихъ письмахъ къ брату, стр. 18, 40) было напечатано въ *Blätter für literarische Unterhaltung* 1827 г., № 156; Тургеневъ не замедлилъ прислать князю Вяземскому нѣмецкую рецензію и свой отвѣтъ; обѣ статьи напечатаны въ русскомъ переводѣ въ Московскомъ Телеграфѣ 1827 г., ч. XVII, № 23, стр. 207—220; II) въ *Европейцѣ* 1832 г., № 2, стр. 278—280; Письмо изъ Парижа, безъ подписи, но, по словамъ М. А. Максимовича, принадлежитъ Тургеневу (Полн. собр. соч. И. В. Кирѣевскаго, т. I. М. 1861, стр. 79, 81); III) въ Моск. Наблюдателѣ 1835 г., съ подписью „Золота Арфа“ помѣщены: 1) письмо изъ Флоренціи въ Симбирскъ, ч. I, стр. 296 — 327, 529 — 550; 2) Отрывки изъ заграничной переписки, изъ Лондона и Парижа — тамъ же, ч. IV, стр. 624 — 633; ч. V, стр. 251 — 264; IV) въ Современникѣ: 1) Хроника Русскаго (1836 г., т. I, стр. 258—295; т. IV стр. 234—266; 1837 г., т. V, стр. 22—51; 1838 г., т. IX, стр. 1—56; т. X, стр. 1—88; 1839 г., т. XV, стр. 1—17; т. XVI, стр. 1—30; 1841 г., т. XXI, стр. 1—51; т. XXIV, стр. 1—14; т. XXV, стр. 1—14); 2) Выписка изъ европейской переписки русскаго хрониканта (1842 г., т. XXVIII, стр. 98—102); 3) Отрывокъ изъ записной книжки путешественника, изъ Веймара (1837 г., т. V, 294—310); „Хроника Русскаго“, помѣщенная въ I томѣ Современника за 1836 г., была напечатана безъ вѣдома автора, который остался этимъ очень недоволенъ, вслѣдствіе чего А. С. Пушкинъ во 2-й книжкѣ своего журнала далъ объясненіе отъ редакціи, въ которомъ выразилъ между прочимъ свой взглядъ на литературный талантъ Тургенева: „Глубокомысліе, остроуміе, вѣрность и тонкая наблюдательность, оригинальность и индивидуальность слога, полнаго жизни и движенія, которыя вездѣ пробиваются сквозь небрежность и бѣглость выраженія, служатъ лучшимъ доказательствомъ того, чего можно было бы ожидать отъ пера, писавшаго такимъ образомъ про себя, когда слѣдовало бы ему писать про другихъ“ (Соч., изд. 8-е, т. V, стр. 343); IV) въ Москвитянинѣ: Хроника Русскаго въ Парижѣ (1845 г., ч. I, № 1, смѣсь, стр. 1—9; № 2, стр. 21—23; 59—66; ч. II, № 4, стр. 1—23, 59—90).

Нѣтъ сомнѣнія, что, кромѣ переписки и дневника, въ бумагахъ Тургенева сохранилось много и другихъ матеріаловъ, имѣющихъ историческій интересъ, въ особенности если принять во вниманіе, что онъ издавна отли-

чался страстію къ собранію рукописей, по поводу чего кн. Вяземскій въ своей „Старой записной книжкѣ“ замѣчаетъ: „Не даромъ говорилъ въ Арзамасѣ, что онъ не только „Эолова Арфа“ (прозваніе, данное ему, съ позволенія сказать, по обычному бурчанію въ животѣ его), но что онъ и „Двѣ огромныя руки“, какъ сказано въ одной изъ балладъ Жуковскаго. Въ самомъ дѣлѣ, это не двѣ, а сотни бріарейскихъ рукъ захватывали на право и на лѣво, вверху и внизу, всѣ мало-мальски замѣчательныя рукописи историческія, политическія, административныя, литературныя и т. д.“ (Поля. собр. соч., т. VIII, стр. 283). Нѣкоторое понятіе о рукописномъ собраніи Тургенева даетъ письмо его брата Николая Ивановича къ князю Вяземскому (Р. Арх. 1872 г., ст. 1200—1205). Въ „Хроникахъ“ Тургенева сохранились между прочимъ указанія на приобретенныя имъ записки Г. С. Винаскаго (Москвит. 1845 г., ч. II, № 3, смѣсь, стр. 11) и дневникъ Патрика Гордона (Соврем. 1837 г., т. V, стр. 31—32). Рукопись записокъ Винаскаго, напечатанныхъ въ 1-й книжкѣ Р. Архива 1877 г. съ отзывомъ Тургенева, взятымъ изъ его „Хроникъ“, досталась Александру Ивановичу, по всей вѣроятности, отъ его дальняго родственника А. М. Тургенева, котораго Винаскій часто посѣщалъ въ Астрахань и давалъ читать ему свои записки (Р. Арх. 1877 г., кн. II, стр. 233). Дневникъ Гордона былъ приобретенъ Тургеневымъ въ Лондонѣ въ 1831 году отъ книгопродавца Муррея. По этому поводу Александръ Ивановичъ замѣчаетъ въ своей Хроникѣ: „Не знаю, какимъ образомъ рукопись сія попала въ руки англійскаго книгопродавца; тѣмъ болѣе, что, кажется, она принадлежала къ архиву иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ; ибо сколько я могу упомянуть руку моего перваго начальника по службѣ, на первомъ листѣ сей рукописи и въ началѣ 1696 года отмѣтка сдѣлана рукою г. Бантышъ-Каменскаго, бывшаго управляющаго симъ архивомъ, или его предшественника и сослуживца Соколовскаго. Возвращая рукопись сію Россіи, желаю, чтобы она послужила матеріаломъ для будущаго историка преобразованій Петра I, а вмѣстѣ съ симъ и доказательствомъ моей преданности и любви къ отечеству“ (ср. Tagebuch d. Generalen Patrick Gordon, veröffentlicht durch Fürst M. A. Obolensky und M. C. Posselt. I-er B. M. 1849, стр. XXIII—XXIV, и Р. Стар. 1881 г., т. XXXI, стр. 199). Изъ другихъ замѣчательныхъ рукописей у Тургенева, по словамъ Карамзина, находились записки императрицы Екатерины II, списанныя съ Куракинскаго экземпляра (Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 329). Въ 1831 году Тургеневъ продалъ Московскому университету за 27000 асс. свою драгоценную бібліотеку, состоящую изъ множества рѣдкихъ книгъ и рукописей, къ которымъ присоединилъ въ даръ и богатое собраніе ландакартъ и медалей (Шевыревъ. Исторія Московскаго университета, стр. 517). Нѣкоторые автографы Тургенева хранятся въ Московскомъ публичномъ и Румянцовскомъ музеяхъ (Отчетъ за 1879—1822 гг., стр. 85), и въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

Хлопоты Тургенева по дѣлу своего брата, не смотря на дѣятельное участіе Карамзина и Жуковскаго, не увѣнчались успѣхомъ: Николай Тургеневъ былъ осужденъ. Приговоръ верховнаго уголовного суда былъ причиною, что А. П. Тургеневъ разошелся со стариннымъ своимъ пріателемъ Д. Н. Блудовымъ, который состоялъ дѣлопроизводителемъ слѣдственной комиссіи. Вио-

слѣдствіи Александръ Ивановичъ поссорился и съ Д. В. Дашковымъ по поводу выраженнаго послѣднимъ мнѣнія о безполезности возобновленія суда надъ Н. Тургеневымъ (Полн. собр. соч. кн. Вяземскаго, т. VII, стр. 414; т. VIII, стр. 274—275, 278; Р. Арх. 1871 г., кн. II, ст. Д. Н. Свербеева: „Н. И. Тургеневъ“; Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу, стр. 70, 84).

Послѣ несчастія, постигнаго брата, Александръ Ивановичъ перевелъ на его имя почти все свое состояніе и, добровольно оставивъ службу, не смотря на совѣты и даже просьбы Карамзина (Москвит. 1855 г., № 23 и 24, кн. I и 2, стр. 180—183; Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 391), уѣхалъ за границу, гдѣ большею частію и проживалъ, пріѣзжая только на время въ Петербургъ, Москву или въ Симбирскъ. Въ январѣ 1835 г. Тургеневъ былъ между прочимъ въ Кіевѣ и посѣщалъ университетскія лекціи (Р. Стар. 1881 г., т. XXI, стр. 202). Двадцать лѣтъ продолжались странствованія его, такъ что друзья Тургенева, прозваннаго И. И. Дмитріевымъ за его дѣятельную литературную корреспонденцію Гриммомъ, стали называть его въ шутку Гриммомъ-пидгриммомъ (тамъ же, т. VIII, 273). Тургеневъ попеременно посѣщалъ Англію, Францію, Германію, Италію ¹⁾, Голландію, Швейцарію, Данію и Швецію. Какъ человекъ съ многостороннимъ образованіемъ, онъ интересовался всѣмъ, что касалось литературы, политики и общественной жизни европейскіхъ народовъ. Онъ обозрѣвалъ бібліотеки, архивы, общественныя и частныя училища, благотворительныя учрежденія, посѣщалъ университетскія лекціи, занимался изученіемъ латинскаго и италіянскаго языковъ и заводилъ знакомства со всѣми знаменитостями литературнаго и политическаго міра. Послѣдніе годы своей жизни онъ очень часто жилъ въ Парижѣ, гдѣ находился его братъ Николай. Во время пребыванія своего въ столицѣ Франціи Александръ Ивановичъ нерѣдко посѣщалъ С. П. Свѣчину и г-жу Рекамье, „эту“—по его словамъ—„знаменитую европейскую красавицу, цвѣтущую душою и сердцемъ, и умомъ блестящимъ и образованнымъ всѣми приливами европейскаго общества“ (Соврем. 1841 г., т. XXI, стр. 34—35). Въ одномъ изъ писемъ къ брату (стр. 307) Тургеневъ говоритъ: „Я былъ два раза сегодня у Свѣчины и кончилъ вечеръ у Рекамье, ибо привязанъ къ обѣмъ, и обѣ показываютъ какое-то дружеское, милое участіе. Какъ бы ни разнствовали мы въ нѣкоторыхъ политическихъ мнѣніяхъ съ Свѣчиною, но старая дружба и мнѣніе ея о рабствѣ, которое она ненавидитъ и почитаетъ противнымъ христіанству и государственной и частной нравственности, всегда насъ сближаютъ. Въ случаѣ горя мы всегда другъ другу отъливаемся: это первый признакъ дружбы“. По салону г-жи Рекамье Тургеневъ особенно сблизился съ Шатобрианомъ, которому впослѣдствіи сообщилъ много различныхъ свѣдѣній, касающихся Германіи и нужныхъ Шатобриану для его историческихъ изслѣдованій (Полн. собр. соч. кн. Вяземскаго, т. VIII, стр. 274). Кромѣ того, Тургеневъ былъ частымъ гостемъ у г-жи Ансело и нерѣдко вводилъ въ ея салонъ Русскихъ:

¹⁾ Въ Италіи Тургеневъ познакомился между прочимъ съ извѣстнымъ лингвистомъ кардиналомъ Іосифомъ Меццофанти, русскіе стихи котораго Александръ Ивановичъ напечаталъ въ Моск. Наблюдателѣ 1835 г., ч. I, стр. 454.

г-жа Ансело, въ своей книгѣ „Un salon à Paris“ (2-е изд., 1866, стр. 96—98), оставила о немъ самое сочувственное воспоминаніе.

Путешествуя по Европѣ, Тургеневъ много лѣтъ занимался собраніемъ иностранныхъ документовъ, относящихся до русской исторіи. Въ 1837 и 1839 г., чрезъ посредство кн. А. Н. Голицына, приобретенные Тургеневымъ историческіе матеріалы были поднесены императору Николаю и по высочайшему повелѣнію переданы въ археографическую комиссію, которая и передала ихъ въ 1841—1842 г., въ двухъ томахъ, заключающихъ въ себѣ акты XI—XVII вв. на латинскомъ, италіянскомъ, французскомъ, англійскомъ и польскомъ языкахъ, извлеченные изъ тайнаго Ватиканскаго архива и изъ другихъ римскихъ библіотекъ и архивовъ, а также изъ англійскихъ и французскихъ книгохранилищъ. Изданіе этихъ „Актовъ“ было поручено А. Х. Востокову, работой котораго Тургеневъ былъ очень недоволенъ (Р. Стар. 1881 г., т. XXXII, стр. 349; Протоколы засѣданій Археогр. Комм. 1835—1840 г., вып. 1. С.-Пб. 1885, стр. 497—499, 522—523, 534—535, 606). Въ концѣ 1840 г. Тургеневъ уѣхалъ въ Парижъ, поручивъ надзоръ за изданіемъ Сербиновичу. Въ письмѣ къ послѣднему, отъ 17-го февраля 1841 г., онъ высказываетъ свое неудовольствіе на Востокова и, упоминая о нерасположеніи къ себѣ Уварова, замѣчаетъ: „Если вы и князь Шихматовъ за меня и сохраните ко мнѣ свою пріязнь, то я не опасаясь за изданіе“ (Р. Стар. 1882 г., т. XXXIV, стр. 178). По выходѣ перваго тома „Актовъ“ Н. А. Полевой помѣстилъ въ Русскомъ Вѣстникѣ 1842 г., т. V, одобрительную рецензію, въ которой говоритъ между прочимъ, что самая мысль и даже планъ изданія принадлежатъ ему. По этому поводу Тургеневъ, въ письмѣ къ Сербиновичу, называетъ Полеваго лжецомъ-самохваломъ и прибавляетъ: „Право, безстыдна такая ложь и досадно такое равнодушіе журналистовъ къ клеветѣ товарища на добросовѣстнаго сборника“ (Р. Стар. 1882 г., т. XXXIV, стр. 444). Кромѣ того, А. В. Старчевскій, познакомившійся съ Тургеневымъ въ Берлинѣ лѣтомъ 1842 г., какъ онъ самъ говоритъ объ этомъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ Александрѣ Ивановичѣ (Истор. Вѣстн. 1886 г., № 10), также помѣстилъ рецензію въ XLI-й части Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія. По поводу этой послѣдней рецензіи Тургеневъ писалъ Сербиновичу: „Поблагодарите Старчевскаго за статью, но я бы желалъ кое-что оговорить въ примѣчаніи: нѣкоторые изъ актовъ на англійскомъ языкѣ приобретены не мною, а списаны другомъ моимъ, покойнымъ А. С. Кайсаровымъ“ (Р. Стар. 1882 г., т. XXXIV, стр. 449). Изъ предисловія къ первому тому „Актовъ“ видно, что началомъ Тургеневскому собранію послужили выписки, сдѣланныя аббатомъ Альбертранди изъ Ватиканской и другихъ римскихъ библіотекъ на латинскомъ, италіянскомъ и польскомъ языкахъ для польскаго историка Нарушевича. Экземпляръ ихъ, писанный рукою Альбертранди, былъ подаренъ королемъ Станиславомъ-Августомъ русскому посланнику въ Варшавѣ Я. Д. Булгакову, отъ котораго впоследствии перешелъ къ Тургеневу, о чемъ послѣдній и упоминаетъ въ одномъ изъ своихъ примѣчаній къ письмамъ Карамзина (Москвит. 1855 г., № 1, кн. 1, стр. 97). „Акты“ были поднесены Тургеневымъ чрезъ А. Гумбольдта Прусскому королю Фридриху-Вильгельму IV, который при этомъ случаѣ отвѣ-

чалъ Александру Ивановичу письмомъ отъ 11-го іюня 1844 г., напечатаннымъ въ Р. Архивѣ 1873 г., кн. II, ст. 1525—1527.

Въ парижскихъ архивахъ Тургеневъ отыскалъ донесенія французскихъ посланниковъ и тайныхъ агентовъ о Россіи, относящіяся ко времени Петра I, Екатерины I, Анны, Елизаветы и Екатерины II. Извлеченія изъ этихъ документовъ были напечатаны Б. М. Федоровымъ въ Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія 1843 г., ч. XXXVII, отд. II, стр. 1 и 145; 1844 г., ч. XLI, отд. II, стр. 17 и 85, и Н. И. Тургеневымъ въ его сочиненіи: *La Russie et les Russes*. Paris. 1847, t. II. По этимъ же матеріаламъ академикъ Пекарскій издалъ въ 1862 году книгу „Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи“. Содержаніе этой послѣдней книги составляетъ переводъ Тургеневскихъ копій съ донесеній маркиза де-ла-Шетарди французскому правительству за 1740—1742 гг. Извѣстная книга „*La cour de Russie il y a cent ans 1725—1783*“, напечатанная въ Берлинѣ и выдержавшая три изданія (два въ 1858 и третье въ 1860 г.), составлена также на основаніи собранныхъ Тургеневымъ донесеній английскихъ и французскихъ посланниковъ.

Около 1837 года Тургеневъ былъ въ Швеціи и въ бібліотекѣ Упсальскаго университета отыскалъ подлинную рукопись Котошихина, какъ это видно изъ письма его къ Сербиновичу (Р. Стар. 1881 г., т. XXXII, стр. 344; ср. предисловіе къ 3-му изданію сочиненія Котошихина „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича“, С.-Пб. 1884, стр. IX; Протоколы засѣданій Археогр. Комм., стр. 499). Въ 1838 году эта рукопись была рассмотрѣна профессоромъ Гельсингфорскаго университета С. В. Соловьевымъ и послѣ того издана въ 1840 году археографическою комиссіей подъ редакціей Я. И. Берендікова. Изданіе это вызвало слѣдующее замѣчаніе Тургенева, обращенное къ Сербиновичу: „Издатели Котошихина не упомянули, что я, вмѣстѣ съ Соловьевымъ, нашелъ его, а представилъ о немъ и прежде его государю, и по моему представленію Котошихина и напечатать велѣно немедленно“ (Р. Стар. 1882 г., т. XXXIV, стр. 451).

Въ то время, какъ Тургеневъ собиралъ историческіе матеріалы въ архивахъ западной Европы, С. М. Строевъ, въ маѣ 1837 г., также предпринялъ путешествіе за границу, результатомъ котораго было „Описаніе памятниковъ славяно-русской литературы, хранящихся въ публичныхъ бібліотекахъ Франціи и Германіи“ (М. 1841). Тургеневъ въ письмѣ къ Сербиновичу изъ Парижа, отъ 5-го октября 1837 г., говоритъ: „Я нашелъ здѣсь члена археографической комиссіи Строева, который описалъ подробно и прекрасно тѣ русскія и славянскія рукописи, кои я третьяго года нашелъ въ здѣшней королевской бібліотекѣ, но могъ только намекнуть о нихъ, ибо былъ занятъ извѣстною вамъ другою перепискою. Одна только рукопись русская о Битаѣ—ускользнула его вниманія, но я укажу ему оную“ (Р. Стар. 1881 г., т. XXXII, стр. 337—338). Останавливаясь съ похвалою на описаніи Реймскаго Евангелія, Тургеневъ замѣчаетъ: „Впрочемъ и я уже доставилъ въ 1836 году, въ числѣ прочихъ приобрѣтеній, снимокъ съ первой страницы Реймскаго Евангелія и присовокупилъ къ оному, какъ неосновательныя и ошибочныя мнѣнія бібліотекаря реймскаго Л. Пари, такъ и критическія замѣчанія на оныя нашего академика Бруга, составившаго полную записку о всѣхъ пред-

положеніяхъ и историческихъ догадкахъ относительно сей рукописи. Всѣ сіи бумаги представлены были мною чрезъ кн. А. Н. Голицына и препровождены въ министерство внутреннихъ дѣлъ“ (ibid., стр. 340; ср. „Описание памятниковъ славяно-русской литературы“, стр. 13).

Во время своего путешествія по Голландіи Тургеневъ занимался въ Гаагскомъ архивѣ обзорѣніемъ историческихъ актовъ, относящихся до Россіи, и въ 1840 году сообщилъ кн. А. Н. Голицыну реестръ найденнымъ имъ документамъ для представленія государю (Р. Стар. 1882 г., т. XXXIV, стр. 447). Часть этихъ документовъ, обработанныхъ А. Х. Бекѣмъ¹⁾, напечатана въ XXIV-мъ томѣ Сборника Русскаго Историческаго Общества и составляетъ отчетъ первыхъ официальныхъ голландскихъ посланниковъ въ Россію Бредероде, Босса и Иоахимъ о ихъ посольствѣ въ 1615—1616 гг. въ Швецію и Россію для содѣйствія заключенію мпра между Россіей и Швеціей.

Занимаясь собираніемъ историческихъ матеріаловъ, Тургеневъ не ограничивался однимъ иностранными архивами, но пользовался и отечественными. Такъ, въ архивѣ министерства финансовъ онъ снялъ 39 копій съ собственноручныхъ писемъ Екатерины II къ графу П. Г. Чернышеву. Кошіи эти, сообщенныя Д. Н. Свербеевымъ, напечатаны въ Русскомъ Архивѣ 1871 г., № 9. Въ 1840 году Тургеневъ посѣтилъ Москву и во время своего пребыванія тамъ почти ежедневно работалъ въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ письмѣ къ Сербиновичу, отъ 9-го марта, онъ говоритъ: „Я опять роюсь въ здѣшнемъ архивѣ и живу съ Екатериною II, Фридрихомъ II, Йосифомъ II, Генрихомъ Прусскимъ, Потемкинымъ, Безбородко, а еще какія сокровища! Какая свѣжая и блистательная исторія! Безъ сего архива не возможно писать исторіи Екатерины, Россіи, Европы!“ (Р. Стар. 1881 г., т. XXXII, стр. 341). Изъ числа архивныхъ сокровищъ особенное вниманіе Тургенева обратила на себя рукопись объ избраніи на царство Михаила Феодоровича, изданная въ 1856 году кн. М. А. Оболенскимъ. Работая въ архивѣ, Тургеневъ отыскалъ между прочимъ известное письмо Екатерины II къ Густаву III, отъ 24-го августа 1783 г., касающееся списка Разрядныхъ книгъ, хранящагося въ Упсальской библіотекѣ, а не рукописи Котошихина, какъ предполагалъ Тургеневъ (ibid., стр. 344—345; Протоколы Археогр. Комм., стр. 597—599).

Проведя лѣто 1845 года на водахъ въ Висбаденѣ, Карлсбадѣ и Теплицѣ, Тургеневъ въ августѣ пріѣхалъ въ Москву, поселился у своей двоюродной сестры А. И. Нефедьевой и располагалъ прожить въ Москвѣ всю зиму, но 3-го декабря, въ пятомъ часу по полудни, внезапно скончался, пораженный апоплексическимъ ударомъ. 7-го декабря происходили похороны Тургенева въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Множество народа стеклось на погребеніе. Въ процессіи участвовали самъ митрополитъ Филаретъ, высшее московское общество и толпы бѣдняковъ, облагодѣтельствованныхъ Тургеневымъ. „Род-

¹⁾ О Бекѣ и его поэтическихъ опытахъ Тургеневъ упоминаетъ въ письмахъ къ кн. П. А. Вяземскому изъ Дрездена, отъ 3-го и 9-го января 1827 г. (Моск. Телегр. 1827 г., ч. XIII, № 4, стр. 349—350).

ныхъ почти никого не было“, говоритъ Погодинъ,—„но лились слезы, слышались рыданія, повторялись имена добраго человѣка, благодѣтеля“ (Моск. Вѣдом. 1845 г., № 148: Воспоминаніе [объ А. И. Тургеневѣ]). Къ числу немногочисленныхъ статей, посвященныхъ памяти Тургенева, принадлежитъ и статья Ѳ. Н. Глинки, помѣщенная въ Современникѣ 1846 г., т. XII, подъ заглавіемъ „Алексѣандръ Ивановичъ“. Вѣдная фактами, она даетъ однако понятіе о той популярности, которою Тургеневъ пользовался въ различныхъ слояхъ общества.

Князь П. А. Вяземскій въ своей превосходной характеристикѣ Тургенева называетъ его многостороннимъ дилетантомъ, но замѣчаетъ при этомъ, что „былъ одинъ кругъ дѣятельности, въ которомъ являлся онъ далеко не дилетантомъ, а развѣ пламеннымъ виртуозомъ и неутомимымъ труженикомъ. Это—кругъ добра. Онъ не только дѣлалъ добро по вызову, по просьбѣ: онъ отыскивалъ случаи помочь, обезпечить, устроить участь меньшей братіи, гдѣ ни была бы она. . . . Списокъ всѣхъ людей, которымъ помогъ Тургеневъ, за которыхъ вступался, которыхъ возстановилъ во время служенія своего, могъ бы превзойти длинный списокъ любовныхъ побѣдъ, одержанныхъ Донъ-Жуаномъ по свидѣтельству Лепорелло въ оперѣ Моцарта. Русская литература, русскіе литераторы, нуждавшіеся въ покровительствѣ, въ поддержкѣ, молодые новички, еще не успѣвшіе проложить себѣ дорогу, всегда встрѣчали въ немъ ходатая и умнаго руководителя. Онъ былъ, такъ сказать, долгое время посредникомъ, агентомъ, по собственной волѣ уполномоченнымъ и аккредитованнымъ „повѣреннымъ“ въ дѣлахъ русской литературы при придерживающихъ властяхъ и образованномъ обществѣ. . . . Позднѣе, когда сошелъ онъ съ служебнаго поприща, и кругъ вліятельной дѣятельности его естественно сузился, онъ съ тѣмъ же усердіемъ, съ такимъ же напряженнымъ направленіемъ сдѣлался въ Москвѣ ходатаемъ, заступникомъ, попечителемъ несчастныхъ, пересылаемыхъ въ Сибирь. . . . Александръ Тургеневъ былъ типичная самородная личность, хотя и не было въ немъ цѣльности ни въ характерѣ, ни въ умѣ. Онъ былъ натуры эклектической, сборной или выборной. Въ немъ встрѣчались и нѣмецкій педантизмъ, и французское любезное легкомысліе: все это на чисто русскомъ грунтѣ, съ его блестящими свойствами и качествами и, можетъ быть, частью и недостатками его. Онъ былъ умственный космополитъ; ни въ какомъ участѣ чловѣческихъ познаній не былъ онъ, что называется, дома, но ни въ какомъ участѣ не былъ онъ и совершенно лишнимъ. Въ немъ была и маленькая доля милаго шарлатанства, которое было какъ-то къ лицу ему. Упомянемъ о томъ не въ укоръ любезной памяти его: онъ самъ первый сибѣлся своимъ добродушнымъ и заливымъ хохотомъ, когда другъ его Жуковскій или другіе близкіе пріатели ловили его на мѣстѣ преступленія и трунили надъ замашками и выходками его“ (Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 273—281). Еще прежде кн. Вяземскаго характеристику Тургенева далъ Вигель (Воспоминанія, ч. II, стр. 220—222), съ очевиднымъ намѣреніемъ изобразить его чловѣкомъ ничтожнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Кн. Вяземскій, печатая письма къ нему разныхъ лицъ, относящіяся къ 1812 году, обращаетъ особенное вниманіе читателей на письмо Тургенева, отъ 27-го октября, въ которомъ послѣдній такъ вѣрно предсказалъ развязку Отечествен-

ной войны. „Мнѣ особенно пріятно“, говоритъ кн. Вяземскій, — „огласить это письмо съ тѣмъ, чтобы настоящаго Тургенева, того, котораго любили и уважали Карамзинъ и Жуковскій ¹⁾, противопоставить вымышленному Тургеневу, который такъ недоброжелательно и невѣрно выведенъ Вигелемъ въ пзвѣстныхъ его запискахъ“ (Р. Арх. 1866 г., ст. 218). Къ числу удачныхъ характеристикъ Тургенева принадлежитъ и стихотвореніе „Портретъ“, написанное въ 1839 году, а напечатанное впервые въ Литературной Газетѣ 1840 г., № 11, безъ имени автора (перепечатано въ Русской Старинѣ 1881 г., т. XXXI, стр. 300—306). По смерти Тургенева, стихотвореніе это, уже снабженное примѣчаніями, появилось въ Иллюстраціи 1846 г., № 1, также безъ подписи, а вслѣдъ за нимъ — „Дополненіе къ портрету“, съ подписью Б. Ф. То и другое принадлежитъ, безъ сомнѣнія, В. М. Оеодорову, доказательствомъ чему служатъ слѣдующія строки изъ письма самого Александра Ивановича къ Сербиновичу, отъ 9-го марта 1840 г.: „Благодарю Бориса Михайловича. Какъ мною здѣсь все восхищались! Къ сожалѣнію, оригиналъ разочаровалъ ихъ“ (Р. Стар. 1881 г., т. XXXII, стр. 342).

Имя Тургенева тѣсно связано съ именами наиболѣ выдающихся представителей русской литературы. Не говоря уже о Дмитріевѣ и Карамзинѣ, которому Александръ Ивановичъ оказалъ немаловажныя услуги въ дѣлѣ собранія источниковъ для „Исторіи государства Россійскаго“, друзьями Тургенева были почти все Арзамасцы, между которыми первенствующее мѣсто занималъ Жуковскій, многимъ обязанный Тургеневу въ упроченіи своего вѣдншняго положенія. Самъ Тургеневъ былъ дѣятельнымъ членомъ Арзамаскаго общества и въ 1815—1817 гг., вмѣстѣ съ Жуковскимъ и Воейковымъ, участвовалъ въ изданіи „Собранія образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ“, которое въ 1822—1824 гг. вышло вторымъ изданіемъ. Любопытно, что коммиссія духовныхъ училищъ наша въ нѣкоторыхъ томахъ „Образцовыхъ сочиненій“ „статьи не совсѣмъ нравственныя и для духовнаго юношества не назидательныя“, почему хотя и допустила ихъ въ академическія и семинарскія библіотеки, но съ условіемъ, чтобы начальство выдавало ихъ учащимся „съ особеннымъ разборомъ“ (Р. Стар. 1872 г., т. VI, стр. 582). Участіемъ и покровительствомъ Тургенева пользовались Баратынскій, Батюшковъ, Воейковъ, Козловъ, Милоновъ ²⁾ и А. С. Пушкинъ, котораго онъ опредѣлялъ въ лицей, и онъ же, по высочайшему повелѣнію, провожалъ тѣло его въ Святогорскій монастырь. Въ числѣ близкихъ къ Тургеневу лицъ находился и П. А. Плетневъ, который познакомился съ нимъ въ 1815 году. Письма Плетнева къ кн. Вяземскому, отъ 5-го мая 1827 г., и къ Жуковскому, отъ 25-го декабря 1846 г., заключаютъ въ себѣ весьма сочувственные отзывы о Тургеневѣ, историческіе труды котораго Плетневъ высоко цѣнилъ и признавалъ въ немъ, какъ и другіе современники, литературный талантъ. По поводу заграничныхъ писемъ Тургенева, напечатанныхъ въ Моск. Теле-

¹⁾ Отзывы Жуковскаго о Тургеневѣ см. въ Сочиненіяхъ перваго, изд. 7-е, т. VI, стр. 566, 395—396.

²⁾ Объ отношеніяхъ къ Милонову см. Р. Архивъ 1871 г., кн. II, ст. 968.

графъ 1827 г., Плетневъ замѣчаетъ: „Вотъ, кто бы могъ у насъ быть истинно европейскимъ литераторомъ. Но съ горестію надобно признаться, что такому человѣку ужъ совѣстно у насъ записаться въ опохабленный цѣхъ, гдѣ бы онъ принужденъ былъ стоять на одной доскѣ съ фиглярами, потрафившими на вкусъ читающей російской публики“ (Соч. в переписка, т. III, стр. 387—388, 565—566). Одновременно съ Плетневымъ и самъ Тургеневъ далъ подобный же отзывъ о современной русской литературѣ (Письма къ Н. Н. Тургеневу, стр. 229—230). Но еще раньше этого, въ 1818 году, Александръ Ивановичъ высказалъ свой взглядъ на русскую литературу и авторскую дѣятельность въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву, который укорялъ его въ нечитаніи русскихъ журналовъ, и въ особенности Вѣстника Европы: „Принужденный по обстоятельствамъ читать и слушать такъ-называемыя государственныя пренія, я вѣну умомъ и душею и рѣдко, весьма рѣдко, освѣжаю умственные силы мон чтеніемъ изящнаго, и то бываетъ урывками, безъ плана, безъ постоянного направленія къ одному предмету. Что же будетъ, если вмѣсто того, чтобы въ часы безмятежнаго досуга, въ забвеніи утреннихъ занятій, читать Минерву, я стану возмущать желчь свою азиатскимъ Вѣстникомъ. Избѣгая надзора за журналомъ, котораго вы мнѣ желаете, я лучше пойду въ кварталныя надзиратели. Тамъ я имѣю бутюшниковъ и городовое положеніе, а уставъ о цензурѣ, прекрасный памятникъ перваго пятилѣтія государственія Александра, давно разрушенъ, если не закономъ, то силою и духомъ времени, къ которому сила обыкновенно прибѣгаетъ для извиненія дѣйствій своихъ. Нѣтъ, я готовъ приносить себя на жертву тамъ, гдѣ требуетъ сего польза пріятелей или общественная; но желаю оставаться эгоистомъ по части просвѣщенія и дѣйствовать только въ такихъ случаяхъ, когда, безъ насилія своимъ правиламъ, позволяется мнѣ участвовать въ общей мѣрѣ; а раздѣлять мелкія состязанія мелкихъ умовъ не хочу, сберегая малый мой капиталъ на лучшее, благороднѣйшее употребленіе. Еслибъ я одаренъ былъ талантомъ, то званіе писателя имѣло бы для меня величайшую прелесть; но и тогда не унился бы я до журналиста мелкой литературы, а развѣ участвовалъ бы только въ такомъ изданіи, котораго цѣль—благо политическое и высшая нравственность, поспѣшествованію которой можетъ много содѣйствовать и поэзія, и вся изящная, высокая словесность. Теперь же избираю лучшихъ и умнѣйшихъ между современниками и, читая мертвыхъ, стараюсь не прерывать бесѣды съ первыми, заслуживать любовь ихъ любовію всего изящнаго въ нихъ“ (Р. Арх. 1867 г., ст. 648—649). По словамъ кн. Вяземскаго, Тургеневъ находился также въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ представителями славянофильскаго кружка сороковыхъ годовъ, хотя самъ, по своимъ понятіямъ и привычкамъ, принадлежалъ скорѣе къ западникамъ (Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 284—287). Кончина Тургенева вызвала слѣдующій отзывъ о немъ А. С. Хомякова въ письмѣ къ Ю. О. Самарину: „Вы знаете уже и о смерти Тургенева. Жаль п его. Много мнлаго, добраго и любящаго было въ его душѣ. Его европейское смлетичанье было не бесполезно и не безъ достоинства, а любовь его къ такимъ людямъ, какъ Неандеръ и др., показываетъ, какъ сильно въ немъ было сочувствіе со вся-

кою духовною жизнію, хотя самъ онъ не могъ никогда углубиться въ себя* (Р. Арх. 1879 г., кн. III, стр. 322).

Знакомство Батюшкова съ Тургеневымъ состоялось, безъ сомнѣнія, въ домѣ М. Н. Муравьева и относится къ тому времени, когда Александръ Ивановичъ пріѣхалъ изъ Геттингена въ Петербургъ для поступленія на службу. Впослѣдствіи сближенію ихъ много способствовалъ Жуковскій, какъ это видно изъ письма къ нему Батюшкова, отъ іюня 1812 г. и изъ слѣдующаго письма Тургенева къ Жуковскому, отъ 9-го февраля 1812 г. ¹⁾:

Я не отвѣчалъ тебѣ, милый и почтенный другъ, на твою послѣднюю записку, въ которой ты обѣщалъ мнѣ писать на слѣдующей почтѣ, въ ожиданіи твоего письма и рукописи твоихъ сочиненій. На сихъ дняхъ ѣду въ Москву непременно и желалъ бы тамъ съ тобою увидѣться. Не можешь ли ты, милый другъ, осчастливить меня своимъ пріѣздомъ въ Москву? Для душевнаго моего спокойствія мнѣ необходимо будетъ тебя видѣть. Я пробуду въ Москвѣ около трехъ недѣль, но не болѣе. Если я выѣду 14-го сего мѣсяца, то 17-го или 18-го вѣрно тамъ буду. Здѣсь познакомился я короче прежняго съ Батюшковымъ. Милый и прекрасный поэтъ и тебя любитъ, а этого и довольно, чтобы плѣнить меня. Прости, мой милый другъ, до свиданія.

Братъ Николай посланъ изъ Неаполя курьеромъ съ извѣстіемъ о поединкѣ кн. Долгорукова. Но по сю пору нѣтъ о немъ ни слуху, ни духу; а другой курьеръ, ѣхавшій оттуда же черезъ Парижъ, давно уже здѣсь. Il se hâte lentement. И онъ вѣрно пріѣдетъ къ сему времени въ Москву.

Tout à toi Turgeneff.

Батюшковъ, по собственному его признанію, былъ многимъ обязанъ Тургеневу, послѣдняя услуга котораго состояла въ томъ, что онъ устроилъ поѣздку его въ Италію. Собираясь въ путь, Батюшковъ писалъ между прочимъ Тургеневу: „Я къ вамъ явлюсь къ концу сего мѣсяца, неся въ маленькомъ сердцѣ моемъ много признательности, къ вамъ, доброму человѣку. Не въ Неаполѣ жить, а вамъ быть признательнымъ: вотъ мое сладострастіе“ (т. III, стр. 531). (В. С.).

LXXI.

Къ Д. В. Дашкову.

Напечатано: 1) въ С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ 1812 г., октябрь, стр. 26—28, подъ заглавіемъ: „Къ Д. В. Д.“, съ подписью Б.; 2) въ Сынѣ Отечества 1813 г., № XXXI, 3.-го іюля; стр. 209—210, подъ заглавіемъ: „Посланіе къ Д. В. Дашкову“, съ тою же подписью; 3) въ Пантеонѣ р. поэзи, ч. II,

¹⁾ Подлинникъ этого письма находится у П. Н. Батюшкова.

стр. 59—61, съ тѣмъ же заглавіемъ; 4) въ Собраніи стихотвореній, относящихся къ 1812 г., ч. II, стр. 100—101, подъ заглавіемъ „Посланіе къ Д. В. Д.“, съ подписью Б.; 5) въ Обр. Соч., 1-е изд., ч. IV, стр. 283—285; 6) въ Опытахъ, ч. II, стр. 77—80, подъ заглавіемъ: „Къ Д***ву“; 7) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 61—63, съ тѣмъ же заглавіемъ; 8) въ Соч., изд. 1850, т. II, стр. 71—73. Это же стихотвореніе находится въ рукописи П. А. Висковатова подъ заглавіемъ: „Посланіе къ Дашкову“.

Варианты:

Стт. 3 и 4
Стт. 43—46

(В.) въ обратномъ порядкѣ.
(С.-Пб. В., С. О., II., Обр. Соч.):
Среди могилъ монахъ друзей,
Утраченныхъ на полѣ славы,
Мнѣ пѣтъ коварныя забавы
Въ столицѣ вѣтренныхъ Цирцей.

Ст. 57 (В.):

..... подставляю грудь.

Стихотвореніе это слѣдуетъ относить не къ 1812, а къ 1813 г., ибо троекратное посѣщеніе Батюшковымъ Москвы послѣдовало только въ самомъ концѣ 1812 г., а въ Петербургъ онъ пріѣхалъ и увидѣлся съ Дашковымъ не ранѣе февраля 1813 г.; только въ этомъ году появилась запоздавшая октябрьская книжка С.-Петербургскаго Вѣстника за 1812 годъ.

Ст. 55. „Израненный герой“—генералъ Алексѣй Николаевичъ Бахметевъ, съ которымъ Батюшковъ познакомился осенью 1812 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ Бахметевъ лѣчился послѣ раны. Въ 1813 г. Константинъ Николаевичъ поступилъ къ нему въ адъютанты. „А. Н. Бахметевъ“, рассказываетъ кн. Вяземскій (Соч., т. II, стр. 416),—„лишился ноги въ Бородинскомъ полѣ въ памятную для меня минуту: то же ядро, которое раздробило ногу ему, убило подо мною лошадь, и я, съ помощью двухъ или трехъ солдатъ, вынесъ генерала изъ сраженія на плащѣ моему. Бахметевъ худо и медленно оправлялся. Рана его не давала ему возможности въ скоромъ времени снова вступить въ боевую жизнь. Въ такихъ обстоятельствахъ отправилъ онъ нетерпѣливаго и бездѣйствіемъ скучавшаго адъютанта своего къ генералу Н. П. Раевскому“. Объ А. Н. Бахметевѣ см. въ т. III, стр. 703—704.

Ст. 57. По поводу этого стиха кн. Вяземскій (Соч., т. II, стр. 416) дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „Помните, что въ первомъ изданіи сказано было: „трикраты“. Одна изъ смѣшныхъ особенностей современной литературы есть та, что критики не любятъ иныхъ словъ, и что издатели въ угодность имъ подновляютъ прежнія выраженія авторовъ другими, нынѣ болѣе употребительными“. Замѣчаніе это не вѣрно, какъ видно изъ приведенныхъ выше вариантовъ; слово „трикраты“ дважды попадаетъ въ этомъ стихотвореніи Батюшкова (стт. 14 и 18) и не было измѣняемо ни въ одномъ изданіи.

LXXII.

Переходъ русскихъ войскъ чрезъ Нѣманъ 1-го января
1813 года.

Этотъ „отрывокъ изъ большаго стихотворенія“ напечатанъ въ Славяннѣ 1830 г., ч. XIII, стр. 209—210, съ полною подписью автора, но безъ указанія, откуда онъ полученъ редакторомъ журнала, А. Θ. Воейковымъ; въ собраніяхъ сочиненій Батюшкова никогда не перепечатывался.

Относимъ этотъ отрывокъ къ 1813 г. гадательно, въ виду того событія которое въ немъ описывается.

LXXIII.

Отрывокъ изъ Шиллеровой трагедіи.

Напечатанъ: 1) въ Моск. Телеграфѣ 1828 г., ч. 19, № 1, стр. 34—45, безъ подписи; 2) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 107—118, и 3) въ Соч., изд. 1850 г., ч. II, стр. 118—130. Въ Телеграфѣ „Отрывокъ“ сопровождается слѣдующимъ примѣчаніемъ вн. П. А. Вяземскаго: „Слѣдующій отрывокъ найденъ въ бумагахъ поэта, коего долговременное молчаніе донныя оплакиваемо русскими музами, и потому онъ драгоцѣненъ. Вѣроятно, отрывокъ сей еще не совершенно былъ исправленъ и можетъ похвастаться опытнымъ упражненіемъ въ переводѣ. Въ немъ не видать послѣдней отдѣлки великаго мастера, но видны отпечатокъ руки поэтической и встрѣчается много превосходныхъ мѣстъ. Можетъ быть, онъ неудовлетворителенъ для славы поэта, уже основанной на другихъ памятникѣхъ, болѣе блестящихъ, но безъ сомнѣнія, удовлетворить онъ любопытству и вниманію читателей: сообщая отрывокъ сей Телеграфу, имѣю ихъ удовольствіе въ виду“.

Изъ писемъ Батюшкова къ Гнѣдичу, отъ 30-го октября 1813 г., и къ сестрѣ, отъ 10-го ноября того же года (т. III, стр. 240 и 245), видно, что поэтъ нашъ, будучи въ то время въ Германіи, очень увлекся нѣмецкою литературой. На этомъ основаніи и переводъ настоящаго отрывка приуроченъ гадательно къ 1813 г., но онъ можетъ быть относимъ и къ болѣе позднему времени.

Отрывокъ передаетъ одну изъ первыхъ сценъ Шиллеровой трагедіи „Мессинская невѣста“. Въ первой половинѣ его, до діалога братьевъ, Батюшковъ воспроизводитъ подлинникъ съ значительными сокращеніями, но самый діалогъ и заключительныя слова хора переведены довольно близко.

LXXIV.

Пѣвецъ въ Бесѣдѣ Славянороссовъ.

Это сатирическое стихотвореніе напечатано: 1) въ „Библиограф. Запискахъ“ Лонгинова (Современникъ 1856 г., № 5); 2) въ 1-мъ акад. изданіи Сочиненій Державина, т. IX, стр. 202—209, по рукописи, найденной въ бумагахъ Державина. Нѣкоторые отрывки изъ этого стихотворенія встрѣчаются: 1) въ письмѣ А. Е. Измайлова къ Н. О. Грамматну, отъ 17-го марта 1813 г., напечатанномъ въ Библиографическихъ Запискахъ 1859 г., стр. 422; 2) въ „Мелочахъ“ М. А. Дмитриева, изд. 2-е, стр. 199—200; 3) въ Похи. собр. сочиненій С. Т. Аксакова, т. III, стр. 213; кромѣ того, къ тексту Лонгинова сообщены были нѣкоторыя поправки Н. И. Гречемъ въ Сѣверной Пчелѣ 1857 г., № 108. Въ настоящемъ изданіи принята редакція Современника, при чемъ обращено вниманіе и на поправки Греча. Не приводя мелкихъ варіантовъ Державинскаго списка, замѣтимъ только, что въ немъ послѣ стиховъ:

Друзья, онъ, онъ родилъ на свѣтъ
Славянскую Бесѣду!

находится еще слѣдующій куплетъ, не заключающійся въ списокъ Лонгинова:

Сотрудники.
Онъ насъ сиротъ вскормилъ.
Потемкинъ.
Меня читать онъ учитъ.
Жихаревъ.
Монхъ онъ „Бардовъ“ похвалилъ.
Шихматовъ.
Меня въ Пиндары прочитъ.

Батюшковъ, въ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому отъ 27-го февраля 1813 г. (т. III, стр. 217), возмущенный нападкамп членовъ Бесѣды любителей русскаго слова на Карамзина и Озерова, обѣщался при первомъ удобномъ случаѣ вывести „на живую воду Славянъ“. Очевидно, въ это время у него явилась мысль написать „Пѣвца“, что онъ въ скоромъ времени и исполнилъ. Въ посланіи А. С. Пушкина къ Батюшкову (Философъ рѣзвый и пинтъ...), которое относится къ 1814 году, есть прямое указаніе на то, что сатира Батюшкова была уже въ это время написана: Пушкинъ въ своемъ посланіи укоряетъ Батюшкова за осмѣяніе Тредіаковскаго. Наконецъ, въ письмѣ Измайлова къ Грамматну, отъ 17-го марта 1813 г., объ этой пародіи

сообщается, какъ о литературной новости. Сатира эта, обыкновенно цѣлкомъ приписываемая Батюшкову, принадлежитъ частію и А. Е. Измайлову, о чемъ впервые упомянулъ Н. В. Сущковъ (Московскій унверс. благор. пансіонъ. М. 1858, стр. 75). Въ рукописномъ сборникѣ стихотвореній Измайлова, хранящемся въ Имп. Публ. Библіотекѣ, находится и „Пародія нѣкоторыхъ куплетовъ изъ Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ“, помѣченная 1813 годомъ. Вотъ эти куплеты:

Хвала отважнымъ рюмачамъ!
 Шихматовъ въ юны лѣта,
 Колю вѣрять Баддуса рѣчамъ,
 Осьмое чудо свѣта.
 Потемкинъ, слава нашихъ дней,
 И Бунина дѣвица!
 Въ Бесѣдѣ говорятъ о ней:
 „Стихи плещь мастерица“.
 Театра нашего хвала,
 Грузинцовъ, Висковатовъ!
 Ихъ Мельпомена родила
 На гибель сопостатовъ.

* * *

Хвала читателей тиранъ,
 Хвостовъ неутомимый!
 Стихи твои, какъ барабанъ,
 Для слуха нестерпимы.
 Наскучилъ людямъ и чертамъ,
 И день, и ночь онъ пивесть,
 А похвалы своимъ трудамъ
 Ни отъ кого не слышитъ.
 Онъ за поэму — прочь идуть,
 За оду — тутъ зѣваютъ,
 Лишь за посланье — всѣ бѣгутъ
 И уши затыкають.

* * *

Хвала, псаломщикъ нашъ, старикъ,
 Захаровъ — преложитель,
 Реветь онъ, аки волъ пль быкъ,
 Луговъ пустынныхъ житель!
 Хвала тебѣ, грачъ черный, Львовъ,
 Ковачъ реченій смѣлый,
 И Палицынъ, гроза чтецовъ,
 Въ Поповѣхъ посѣдѣлый!
 Хвала, нашъ пасмурный Гервей,
 Обруганный Станевичъ,

И съ польской торбою своей,
Халуї Анастасевичъ!

„Пѣвцу“ Батюшкова подражалъ А. С. Пушкинъ въ своемъ юношескомъ стихотвореніи „Пирующіе студенты“.

— Ст. 14—15. А. Д. Галаховъ (Истор. Хрестоматія, С.-Пб. 1864, стр. 360) видитъ здѣсь подражаніе извѣстному стиху Дмитріева въ „Чужомъ толгѣ“:

И въ одѣ ужъ его намъ ваксу продаютъ.

— Ст. 39 взять изъ „Опаснаго Сосѣда“ В. Л. Пушкина.

— Ст. 49—50. По мнѣнію В. П. Гаевского (Современникъ 1863 г., т. ХСVII, стр. 163), это упоминаніе о книжной лавкѣ Ив. Петр. Глазунова (род. въ 1762 г., ум. въ 1831) имѣлъ въ виду А. С. Пушкинъ въ слѣдующихъ стихахъ своего юношескаго стихотворенія „Къ другу-стихотворцу“:

Творенья громкія Рнematова, Графова
Съ тяжелымъ Бибрусомъ гнѣютъ у Глазунова.

Самъ Батюшковъ говорилъ объ этомъ книгопродавцѣ въ своемъ юношескомъ „Посланіи въ стихамъ моимъ“, ст. 28. Вообще Глазуновъ и его петербургская книжная лавка часто служили предметомъ насмѣшекъ стихотворцевъ начала нынѣшняго вѣка, въ особенности М. В. Милонова; см. его Стихотворенія. С.-Пб. 1819, стр. 24, 49, 54.

— Ст. 52. Князь Сергѣй Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ (род. въ 1783 г., ум. въ 1837) получилъ образованіе въ морскомъ корпусѣ и до 1827 года находился на службѣ по морскому вѣдомству. Выйдя въ отставку, онъ удалился въ Новгородскій Юрьевъ монастырь и въ 1830 г. постригся въ монахи подъ именемъ Анникты. Въ 1832 г. Шихматовъ предпринялъ путешествіе къ Святымъ мѣстамъ, посѣтилъ Іерусалимъ и на возвратномъ пути въ отечество скончался на Афонѣ, въ Пророко-Ильинскомъ скитѣ (Кн. П. А. Ширинскій-Шихматовъ. О жизни и трудахъ іеромонаха Анникты. С.-Пб. 1838 Соч. Державина, 1-е акад. изд., т. VII, стр. 735). Любимецъ и ревностный послѣдователь Шишкова, князь Шихматовъ, съ 1809 года былъ членомъ Россійской академіи, а потомъ и Бесѣды любителей русскаго слова, гдѣ игралъ видную роль. Изъ литературныхъ произведеній его наиболѣе извѣстны: „Пожарскій, Мининъ, Гермогенъ или спасенная Россія“, поэма въ 3-хъ пѣсняхъ (1807), „Пѣснь русскаго слову“ (1809) и „Петръ Великій“, лирическое пѣсновопѣе въ 8 пѣсняхъ (1810), которое было жестоко осмѣяно Батюшковымъ (т. I, стр. 110) и другими писателями новой школы. Впослѣдствіи Шихматовъ, проникаясь все болѣе и болѣе аскетическимъ духомъ, сталъ подражать Юнгу или бралъ сюжеты для своихъ произведеній изъ библейской исторіи. Въ такомъ направленіи имъ написаны: „Ночь на гробахъ“ (1812), „Ночь на размышленіи“ (1814), „Пѣснь сотворившему вся“ (1817) и др. Шишковъ не безъ основанія восхищался стихами кн.

Шихматова (С. П. Жихаревъ. Дневникъ чиновника — въ Отеч. Запискахъ 1855 г., № 7, стр. 134—135; С. Т. Аксаковъ. Полн. собр. соч., т. III, стр. 179—182): слогъ послѣдняго, какъ и его патрона, отличался обиліемъ славянизмовъ и сложныхъ словъ, чтò, по мнѣнію бесѣдниковъ, придавало рѣчи красоту и величіе. Кромѣ того, стихъ Шихматова отличался оригинальнымъ свойствомъ, о которомъ упоминаетъ и Пушкинъ въ своемъ „Домикѣ въ Коломенѣ“,—отсутствіемъ риемъ на глаголы; поэтому Батюшковъ и называетъ его ниже, въ стихѣ 97-мъ, „безглагольнымъ“. (В. С.)

— Ст. 66. О Н. П. Николаевѣ см. въ т. III, стр. 641.

— Ст. 89. Подъ пменемъ „Славянофла“ разумѣется А. С. Шипковъ.

— Стт. 109—112. О князѣ А. А. Шаховскомъ см. въ т. III, стр. 600—602, а объ Е. И. Ежовой—тамъ же, стр. 721. Каламбуръ на счетъ „холодныхъ Шубъ“ Шаховскаго встрѣчается еще въ письмѣ Батюшкова къ кн. Вяземскому, отъ 27-го февраля 1812 г. (т. III, стр. 217) и повторенъ самимъ Вяземскимъ въ одной изъ эпиграммъ на Шаховскаго (II. собр. соч. кн. Вяз., т. III, стр. 85).

— Ст. 104—107. Петръ Матвѣевичъ Карабановъ (род. въ 1765 г., ум. въ 1829), членъ Россійской академіи (съ 1803 г.) и Бесѣды любителей русскаго слова по IV-му разряду, извѣстенъ въ литературѣ какъ переводчикъ Вольтеровой „Альзиры“ (1786, 1798, 1811 гг.) и какъ авторъ многихъ торжественныхъ и напыщенныхъ одъ. Воейковъ въ своемъ „Парнасскомъ адресъ-календарѣ“ далъ ему прозвище „пменннаго стихотворца, долженствующаго всегда имѣть въ запасѣ нѣсколько піесъ на рожденіе, крещеніе, бракосочетаніе и кончину знатныхъ особъ обоого пола“. Собраніе стихотвореній Карабанова „нравственныхъ, лирическихъ, любовныхъ, шуточныхъ и смѣшанныхъ“ было напечатано въ 1801 г., а вторымъ изданіемъ вышло въ 1812 г. Нѣкоторыя стихотворенія Карабанова, какъ, напримѣръ, „Кручина стараго пахара“, попадаются въ пѣсенникахъ. Любопытенъ отзывъ о Карабановѣ А. А. Палицына въ его „Посланіи къ Привѣтѣ“ (стр. 45):

Такъ переводчика Вольтеровой Альзиры
Здѣсь Карабанова я вспомню звуки лиры.
Не пышенъ пусть его, не велегласенъ стихъ,
Но важенъ иногда и честь, хотя и тихъ.

Кн. Вяземскій (II. собр. соч., т. VIII, стр. 507) приписываетъ еще Карабанову „сказки довольно скоромныя“, неизвѣстныя впрочемъ въ печати. (В. С.)

— Стт. 129—132. Иванъ Семеновичъ Захаровъ (ум. 30-го января 1816 г.), сенаторъ и предсѣдатель въ IV-мъ разрядѣ Бесѣды, былъ извѣстенъ въ литературѣ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія своими многочисленными переводами пзъ Геснера, Томаса, Фенелона, Смоллета, Арно, Ж.-Ж. Руссо, Дезульберъ, Оссіана, Жанлисъ и др. Въ 1786 году Захаровъ, „когого

знаніе и упражненіе въ російскомъ словѣ въ предложеніи его Похожденія Телемака доказано“, былъ избранъ, по предложенію кн. Дашковой, въ члены Россійской академіи (М. И. Сухомятиновъ. Исторія Росс. Акад., т. VII, стр. 450). Переводъ „Странствованій Телемака“, выдержавшій три изданія (1786, 1788, 1812 гг.), высоко цѣнился самымъ переводчикомъ, который въ письмѣ къ Державину, отъ 7-го іюля 1812 г., навивно расточаетъ обильныя похвалы своему труду. Въ переводѣ этомъ, переполненномъ славянизмами и галлицизмами, встрѣчается между прочимъ знаменитая фраза: „Возсѣдали старцы обоего пола“. Оригинальныхъ произведеній Захарова немного: нѣсколько патристическихъ и духовныхъ стихотвореній, преимущественно псалмовъ, „Разсужденіе о переводѣ книгъ“ (1787), „Похвала Екатеринѣ Велікой“ (1802) и „Похвала женамъ“ (1811), рѣчь, читанная въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова. (В. С.)

— Стг. 133—134. Павелъ Юрьевичъ Львовъ (род. въ 1770 г., ум. въ 1825), воспитанникъ Московскаго университетскаго благороднаго пансіона, началъ свою литературную дѣятельность въ 1787 году сотрудничествомъ въ различныхъ московскихъ и петербургскихъ періодическихъ изданіяхъ и между прочимъ въ Московскомъ Журналѣ Карамзина, съ которымъ вскорѣ разошелся, применивъ къ партіи литераторовъ старой школы. Львовъ принадлежалъ къ числу плодотворнѣйшихъ писателей своего времени. Кромѣ многихъ переводныхъ статей и оригинальныхъ стихотвореній, разбланныхъ по журналамъ, ему принадлежатъ множество отдѣльно изданныхъ произведеній, мномо-историческаго содержанія, изъ которыхъ наибольшею извѣстностью пользовались: „Храмъ славы російскихъ проевъ отъ времени Гостомысла до царствованія Романовыхъ“ (1803) и „Картина славянскон дренности“ (1803). Львовъ написалъ также три оригинальныя повѣсти: „Россійская Памела“ (1789), „Роза и Любимъ“ (1790) и „Александръ и Юлія“ (1801). Первая изъ этихъ повѣстей, представляющая подражаніе Ричардсону, дала поводъ А. И. Клушину къ неоднократнымъ насмѣшкамъ надъ авторомъ ея, который въ Зрителѣ выводился обыкновенно подъ именами Антиричардсона и Миниатюркина (Львовъ былъ небольшого роста). Въ 1804 году Львовъ былъ избранъ въ члены Россійской академіи, которая въ 1806 г. присудила ему золотую медаль за „Похвальное слово царю Алексѣю Михайловичу“, читанное въ засѣданіи 7-го декабря того же года. Съ открытіемъ Бесѣды любителей русскаго слова онъ сдѣлался членомъ ея по IV-му разряду. „Защитникъ ревностный старинныхъ сильныхъ словъ“, какъ называетъ Львова Палицынъ въ „Посланіи къ Привѣтѣ“ (стр. 47), особенно удачно осмѣялъ А. Е. Измайловымъ въ сатирическомъ стихотвореніи „Миносъ, Львовъ и Гераковъ“⁴⁾. Авторъ сатиры, заставляя говорить самого Львова, изображаетъ литературную дѣятельность его такими чертами:

⁴⁾ Принадлежность этого стихотворенія Измайлову, а не Батюшкову, какъ предполагалъ Я. К. Гротъ (Соч. Державина, 1-е акад. изд., т. VI, стр. 859), несомнѣнна: оно входитъ въ составъ находящагося въ Имп. Публ. Библиотекѣ рукописнаго сборника стихотвореній Измайлова.

Я сочинилъ для дамъ
 „Памелу Русскую“, воздвигнулъ „Славы храмъ“,
 Писать похвальные слова мужамъ великимъ
 Высокимъ слогомъ, но надутымъ, пухлымъ, дикимъ.
 Предлинныя слова въ шесть, въ семь слоговъ ковалъ
 И въ академію Россійскую попалъ.
 Въ Бесѣду тожь меня по просьбѣ членомъ взяли,
 Въ газетахъ съ Томасомъ пріятели сравняли,
 За рѣчь послѣднюю я получилъ медаль
 Округло-плоскую, золотую.

Для характеристики Львова не лишень интереса отзывъ Державина, который покровительствовалъ ему и находился съ нимъ въ перепискѣ (Соч. Державина, т. V, стр. 774—775; т. VI, стр. 98, 329—330). Въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву, отъ 10-го января 1805 г., Державинъ говоритъ: „Манинскій Львовъ, но великій надутымъ самолюбіемъ, позабылъ всё благодаренія, мною ему сдѣланнаго, болѣе уже ко мнѣ не ходитъ. И правду сказать, какъ не возмѣриться и не поднимать носу, когда (какъ слышу здѣсь) московская публика превозноситъ его „Храмъ великихъ мужей“ (Соч., 1-е акад. изд., т. VI, стр. 166). Бездарный Львовъ и по смерти нашелъ себѣ почитателя въ П. П. Свининѣ, который помѣстилъ въ Отечественныхъ Запискахъ (1825 г. ч. 22, № 62; 1826 г., ч. 27, № 77) двѣ хвалебныя статьи о немъ. (в. с.)

— Стт. 135—136. Александръ Александровичъ Палицынъ, считавшій между предками своими знаменитаго келаря Тронце-Сергіевой лавры, принадлежалъ къ старинной дворянской малороссійской фамиліи. Онъ почти безвѣдно жилъ въ своей деревнѣ Поповкѣ, въ Сумскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи, посвящая все свободное время занятіямъ архитектурой и словесностью (Вѣстн. Евр. 1808 г., ч. XXXVIII, № 7, стр. 206; Собр. соч. Станевича, стр. 31—33, и его же „Способъ разсматривать книги“, стр. 97, 102). Литературныя труды Палицына состоятъ большею частью изъ переводовъ, между которыми въ печати извѣстны слѣдующіе: 1) Естественный законъ, поэма Вольтера. С.-Пб. 1802; 2) Новая Элоиза, Ж.-Ж. Руссо, 6 ч., С.-Пб. 1803—1804; 2-е изд., 10 ч. М. 1820—1821; 3) Днепръ и безсмертіе души, Делля. М. 1804; 4) О составленіи ландшафтовъ, Ж.прардена. С.-Пб. 1804; 5) Сады, поэма Делля. Харьковъ. 1814; 6) Времена года, поэма Сенъ-Ламберта. Харьковъ 1814. Къ оригинальнымъ произведеніямъ Палицына принадлежатъ: 1) Игорь, героическая пѣснь, съ древней славянской пѣсни, писанной въ XII в., преложенная стихами. Харьковъ. 1807; перепечатана въ 1808 г. въ 3-й части Сочиненій и переводовъ, изд. Росс. Академіей; 2) Посланіе къ Привѣтѣ, или воспоминаніе о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ моего времени. Харьковъ 1807. Любопытное посланіе это, осмѣянное въ рецензіи Каченовскаго (Вѣстн. Евр., ч. XXXV, № 19), нашло себѣ защитника въ Станевичѣ, который находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ А. А. Палицынымъ. Станевичъ, въ своемъ „Способѣ разсматривать книги“, посвятилъ цѣлую главу защитѣ Палицына противъ издателя Вѣстника Европы, котораго обвинялъ въ „дерзкомъ злоязычій, невѣже-

ственнымъ пристрастїи и наглою грубостя⁴. Мелкія стихотворныя піесы Палицына встрѣчаются въ Вѣстникѣ Европы и въ Ульѣ. Кромѣ того, Станевичъ напечаталъ въ собранїи своихъ сочиненій нѣсколько дружескихъ къ нему посланій Палицына; одно изъ нихъ, относящееся къ 1802 г., представляетъ попытку возстановить силлабическій стихъ Кантемира. Палицынъ хотя и не былъ членомъ Россійской академіи и Бесѣды любителей русскаго слова, но принадлежалъ къ числу сторонниковъ Шишкова и почитателей таланта такихъ писателей, какъ гр. Хвостовъ, поэзію котораго называли „языкомъ боговъ“ (Библиогр. Записки 1859 г., № 8, стр. 250). С. П. Жихаревъ (Записки современника, ч. I, стр. 322) упоминаетъ о Палицынѣ, какъ объ интересномъ старикѣ, который „ни на часъ безъ дѣла и занимается переводами сочиненій большею частью серьезныхъ“. (В. С.)

— Стг. 138—139. Евстафій Ивановичъ Станевичъ былъ членомъ-сотрудникомъ во II-мъ разрядѣ Бесѣды любителей русскаго слова и принадлежалъ къ числу фанатическихъ приверженцевъ Шишкова, передъ которымъ благоговѣлъ и которому въ своихъ сочиненіяхъ воздавалъ восторженныя похвалы. Станевичъ, начавшій свою литературную дѣятельность въ Новостяхъ русской литературы 1802 г., писалъ стихи и прозу и занимался переводами съ французскаго. Онъ, подобно Боброву, вмѣстѣ съ которымъ написалъ, между прочимъ, „Стихи на случай выросшей вѣтви на монументѣ Румянцева-Задунайскаго“ (1807 г.), былъ поклонникомъ Юнга и Гервея; вліяніе ихъ особенно сильно отразилось на его прозаическихъ статьяхъ, исполненныхъ мрачными мыслями о тлѣнности всего земнаго. По словамъ Вигеля (Воспоминанія, ч. III, стр. 148), въ литературныхъ кругахъ его звали въ шутку Рембрандтомъ поэзіи. Въ концѣ 1805 г. вышло въ свѣтъ собраніе сочиненій Станевича, подвергшееся жестокой критикѣ Каченовскаго (Вѣстн. Евр. 1806 г., № 1). Послѣдній выставилъ Станевича образцемъ бездарности и, приравнивая къ нему стихи Горация (De arte poetica, vv. 453—456), сравнилъ съ прокаженнымъ, фанатикомъ, сумасшедшимъ, котораго всѣ должны сторониться. Станевичъ, по собственнымъ его словамъ, „презрѣлъ ругательство, сдѣланное въ Вѣстникѣ Европы“ на его сочиненія, и хранилъ молчаніе около двухъ лѣтъ; но, прочитавъ въ томъ же журналѣ (1807 г., ч. 35, № 19) „растворенную желчью злости“ критику на „Посланіе къ Привѣтѣ“, рѣшился вступить въ полемику съ „ядовитымъ ругателемъ, московскимъ браковщикомъ русскихъ умовъ и дарованій“, и съ этою цѣлью издалъ „Способъ разсматривать книги и судить о нихъ“ (1808 г.). Эта попытка „показать неприличіе бранчивой критики“ не увѣнчалась успѣхомъ, и злопучный Станевичъ былъ вторично „обруганъ“, на этотъ разъ уже не Каченовскимъ, а Воейковымъ (Вѣстн. Евр. 1808 г., ч. 41, № 18); впослѣдствіи тотъ же авторъ осмѣялъ Станевича въ „Парнасскомъ адресъ-календарѣ“ и въ „Домѣ сумасшедшихъ“. Изъ послѣдующихъ сочиненій Станевича извѣстны въ печати: 1) Разсужденіе о русскомъ языкѣ (1808), 2) Разсужденіе о законодательствѣ вообще (1808), 3) О судѣ по совѣсти (1816) и 4) Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души (1818). Это послѣднее произведеніе, какъ „нечестивое и противное нашему исповѣданію и церкви“, было запрещено, и ав-

торъ его высланъ изъ Петербурга. Но впоследствии, стараніями П. А. Кикина и Шишкова, книга Станевича удостоилась высочайшаго одобренія и въ 1825 году была вновь напечатана на казенный счетъ. Подробности объ этомъ происшествіи см. въ Запискахъ А. С. Шишкова. Берлинъ. 1870, т. II, стр. 178—179, 209—214 и 231. (В. С.)

— Стт. 139—140. Василій Григорьевичъ Анастасевичъ (род. въ 1775 г., ум. въ 1845) не былъ членомъ Бесѣды, хотя и принадлежалъ къ партіи Шишкова. Послѣдній въ 1835 году предлагалъ его въ члены Россійской академіи, но не смотря на двухкратную баллотировку, Анастасевичъ не былъ избранъ (М. И. Сухомлиновъ. Исторія Росс. Акад., т. VII, стр. 441, 639—641). Многочисленные литературные труды Анастасевича состоятъ преимущественно изъ переводовъ съ польскаго, французскаго, нѣмецкаго и италіянскаго языковъ, а частію изъ оригинальныхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ самаго разнообразнаго содержанія. Начиная съ 1804 г., онъ сотрудничалъ почти во всѣхъ современныхъ ему періодическихъ изданіяхъ, даже чисто специальныхъ, какъ напримѣръ, въ Сибирскомъ Вѣстникѣ, а въ 1811—1812 гг. самъ издавалъ журналъ Улей (см. т. III, стр. 659). Кромѣ того, Анастасевичъ занимался библіографіей. Труды его по этой части отличаются отчетливостью и знаніемъ дѣла, доказательствомъ чему служитъ составленная имъ „Роспись російскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки А. Смирдина“ (С.-Пб. 1828).

Молодые писатели каразинской школы часто подсмѣивались надъ Анастасевичемъ, который былъ плохимъ литераторомъ и большимъ чудакомъ (см. Записки И. П. Сахарова въ Р. Архивѣ 1873 г., № 6). Вигель, въ своихъ Воспоминаніяхъ (ч. III, стр. 148), посвящаетъ Анастасевичу слѣдующія строки: „Замѣчательнъ былъ тѣмъ, что въ русскіе свои переводы и сочиненія вводилъ множество польскихъ словъ, западныхъ императоровъ называлъ заходными и слугъ именовалъ всегда халуями“. Объ этихъ же странностяхъ Анастасевича упоминаетъ и Н. И. Гречъ (Сѣверн. Пчела 1857 г., № 108, стр. 510). Объ Анастасевичѣ, кромѣ статей, указанныхъ въ Справочномъ словарѣ Геннади, см. Сборникъ 2-го отдѣл. Ак. Наукъ, т. V, а также Древнюю и Новую Россію, т. XVIII и XIX, гдѣ напечатаны письма къ нему митрополита Евгенія. (В. С.)

— Стт. 141—148. Здѣсь разумѣется не П. П. Соколовъ, секретарь Россійской академіи, а его однофамилецъ, „чиновникъ, кажется, провіантскій, который не былъ и членомъ Бесѣды, а избранъ въ чтецы ся по звучности своего голоса. Онъ былъ человекъ молодой, пріятной наружности“ (Н. И. Гречъ. Газетныя замѣтки въ Сѣверной Пчелѣ 1857 г., № 108, стр. 510).

— Стт. 149—152. Гавріилъ Герасимовичъ Политковскій (род. около 1770 г., ум. послѣ 1824 г.), сенаторъ, былъ членомъ Бесѣды любителей русскаго слова по IV-му разряду. Изъ литературныхъ произведеній его извѣстны въ печати только: „Ода Екатерины II на заключеніе мира съ Портою“, напечатанная въ Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ 1792 г., ч. 69, и оригинальная драма въ 3 дѣйствіяхъ: „Вѣрный другъ въ несчастіи по-

знается“. С.-Пб. 1796. Н. И. Гречъ, критикуя текстъ списка, по которому „Пѣвецъ“ Батюшкова напечатанъ въ Современникѣ, говоритъ между прочимъ, что въ подлинномъ стихотвореніи Политковскій былъ названъ бездарнымъ, при чемъ прибавляетъ: „Г. Г. Политковскій очень хорошо читалъ стихи, но только въ тѣсномъ кругу, въ небольшой комнатѣ; въ огромной залѣ голосъ его терялся. Авторъ не употребилъ бы и слова „бездарный“, если бы зналъ, что имъ сочинена (въ 1814 г.) прекрасная пѣсня „Понесся по поднебесью, птичка милая, голубушка“, на отъѣздъ императрицы Елизаветы Александровны за границу (Сѣв. Пчела 1857 г., № 108, стр. 510). Пѣсня эта пѣлась въ заключительномъ дивертиссементѣ спектакля 2-го февраля 1814 г. и была восторженно принята публикой (Араповъ. Лѣтопись р. театра, стр. 225). (В. С.)

— Стт. 182 и 183. В. П. Гаевскій (Современникъ 1863 г., т. ХСVII, стр. 351) указываетъ подражаніе этимъ стихамъ въ заключительныхъ строкахъ пьесы А. С. Пушкина „Пирующие студенты“, обращенныхъ къ В. К. Кюхельбекеру:

Вильгельмъ, прочти свои стихи,
Чтобъ мнѣ уснуть скорѣе.

LXXV.

Переходъ черезъ Рейнъ.

Напечатано: 1) въ Русск. Вѣстникѣ 1817 г., № 5 и 6, прибавленіе къ отечественнымъ вѣдомостямъ, стр. XXXVIII—XLV, съ полною надписью; 2) въ Опытахъ, ч. II, стр. 231—241; 3) въ Новомъ собраніи обр. русск. соч. и перев., ч. I, стр. 18—23; 4) Соч. изд. 1834 г., ч. II, стр. 225—232; 5) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 239—247. Текстъ Р. Вѣстника представляетъ слѣдующіе

варианты:

- Ст. 2: И ищутъ взорами твои.....
 Ст. 4: Отъ стана вм. отъ строя.
 Стт. 64—66: И нивъ родительскихъ бродили?
 Давно ли? Часъ настала, и мы, сыны снѣговъ,
 Подъ знаменемъ Москвы стекаемся съ громами,
 Ст. 67: Сюда, съ морей.....
 Ст. 82: Ты слышишь топотъ ногъ и новыхъ.....
 Ст. 86: Спѣшать вм. летать.
 Ст. 87: И се—коней борзыхъ поятъ,
 Ст. 117: Кругомъ надъ нимъ шума взвѣваетъ
 Ст. 119: И солнце юное небесъ
 Ст. 125: Владыкѣ вышней силы.
 Ст. 132: Неслышанный вм. неслышанный.

Стихотвореніе это относимъ къ 1814 г. по времени того событія, о которомъ въ немъ говорится; но, по видимому, только въ началѣ 1817 г. оно получило окончательную отдѣлку. Въ письмѣ къ вн. П. А. Вяземскому, отъ 4-го марта 1817 г. (т. III, стр. 428) Батюшковъ упоминаетъ объ этомъ стихотвореніи, какъ отчасти о знакомомъ уже своему корреспонденту; изъ письма къ Гнѣдичу, писаннаго около того же времени (т. III, стр. 422), видно, что текстъ элегій уже находился въ рукахъ Гнѣдича, и Батюшковъ просилъ снять съ него копию для отсылки С. П. Глинкѣ; это указаніе, къ сожалѣнію, не объясняетъ, откуда произошли тѣ варианты, которыми текстъ Р. Вѣстника отличается отъ текста „Опытовъ“. Въ письмѣ къ Жуковскому, отъ іюня 1817 г. (т. III, стр. 447), Батюшковъ выражаетъ желаніе знать его мнѣніе объ этой элегій. Приведемъ вкратцѣ отзывъ о ней И. И. Дмитріева, въ письмѣ къ А. И. Тургеневу (Р. Арх. 1867 г., ст. 1083): „Знаете ли вы послѣдніе стихи Батюшкова, достойнаго собрата любезнаго Жуковскаго? Это — „Переходъ черезъ Рейнъ“, напечатанный въ послѣдней книжкѣ Р. Вѣстника. Прекрасные стихи и прямо иноземной отдѣлки; нѣтъ ни лишка, ни недостатка: все въ пору, стройно и мило. По крайней мѣрѣ я читалъ ихъ съ большимъ удовольствіемъ“.

Строфа 5-я. Мнѣніе, выраженное здѣсь о Нѣмцахъ, ср. съ тѣми, что сказано о нихъ въ одномъ изъ примѣчаній къ статьѣ „Путешествіе въ замокъ Сирей“ (т. II, стр. 62).

Строфа 15-я. Первый стихъ этой строфы ср. съ ст. 5-мъ піесы „Воспоминанія 1807 года“ (т. I, стр. 87).

LXXVI.

Разлука.

(Гусарь, на саблю опираясь...)

Романсъ этотъ напечатанъ: 1) въ Пантеонѣ р. поэзіи, ч. II, стр. 121—123, безъ надписи; 2) въ Обр. Соч., изд. 1-е, ч. II, стр. 132—133; 3) въ Опытахъ, ч. II, стр. 180—182; 4) въ Карм. библіотекѣ Аонидъ, стр. 150—151; 5) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 179—180; 6) въ Соч., изд. 1850 г., ч. II, стр. 236—238; находится также въ рукописи П. А. Висковатова и представляеть тамъ слѣдующіе

ВАРИАНТЫ:

- Ст. 17: легкій конь вм. вѣрный.
Ст. 30: пастушки молодой вм. дорогой.
Ст. 39: Амуръ давно всѣ...

Стихотвореніе это, очень извѣстное въ свое время, отнесено нами къ 1814 г. примѣнительно къ цензурной помѣтѣ Пантеона: 29-го апрѣля 1814 г.;

но по извѣстію, сообщенному въ статьѣ „Общество литераторовъ въ Нижнемъ Новгородѣ“ (Нижегор. губ. вѣдомости 1845 г., прибавл., № 8 и 9; Сѣв. Пчела 1845 г., № 72), романсъ написанъ Батюшковымъ въ бытность его въ Нижнемъ съ сентября 1812 г. по январь 1813. Быть можетъ, сочиненіе его восходитъ къ еще болѣе раннему времени: такъ, о гусарѣ, который, опершись на саблю свою, призадумался о появленіи соперника, говорится еще въ „Прогулкѣ по Москвѣ“, написанной не позже первой половины 1812 г. (т. II, стр. 33); еще раньше, въ концѣ 1811 г., Батюшковъ, въ письмѣ къ кн. Вяземскому (т. III, стр. 155), упоминаетъ о какомъ-то своемъ романсѣ, положенномъ на музыку гр. Млх. Ю. Вельгорскимъ. Нѣсколько замѣчаний о стихотвореніи „Разлука“ см. въ гл. X-й біографическаго очерка, приложеннаго къ настоящему изданію.

LXXVII.

Плѣнный.

Элегія эта напечатана: 1) въ Пантеонѣ р. поэзіи, ч. II, стр. 269—272, безъ подписи; 2) въ Обр. Соч., 1-е изд., ч. II, стр. 238—240; 3) въ Обр. Соч., 2-е изд., ч. II, стр. 200—202; 4) въ Цвѣтникѣ избран. стихотвореній, ч. II, стр. 45—47; 5) въ Опытахъ, ч. II, стр. 86—90; 6) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 68—71; 7) въ Соч., изд. 1850, т. II, стр. 78—81; она находится также въ рукописи П. А. Висковатова.

Варианты:

Ст. 11 (Пант., Обр. Соч., В.): Стоялъ, вперя....

Ст. 45 (ibid.): Покрытъ въ зиму бѣлымъ снѣгомъ.

Ст. 42 (В.): Отдайте жь....

Годъ, къ которому отнесено это стихотвореніе, опредѣляется его содержаніемъ. Въ 1815 г. тотъ же мотивъ разработанъ кн. Вяземскимъ въ стихотвореніи „Русскій плѣнникъ въ стѣнахъ Парижа“ (II. собр. соч., т. III, стр. 91—93; ср. Р. Арх. 1866 г., ст. 891—892).

LXXVIII.

Тѣнь друга.

Элегія эта напечатана: 1) въ Вѣстникѣ Европы 1816 г., ч. LXXXIX, № 17 и 18, сентябрь, стр. 3—5; 2) въ Обр. Соч., 1-е изд., ч. VI, стр. 247—249; 3) въ Опытахъ, ч. II, стр. 48—51; 4) въ Соч., изд. 1834 г., стр. 39—41; 5) въ Дамскомъ Альбомѣ. С.-Пб. 1844, стр. 245—247; 6) въ Соч., изд. 1850 г., ч. II, стр. 48—50.

В а р і а н т ы :

- Ст. 43 (В. Евр., Обр. Соч.): Какъ дымъ, какъ метеоръ огнистый
полуночи.
Ст. 44 (В. Евр., Обр. Соч., Оп., изд. 1834): Изчезъ,—и сонъ покинулъ оч.

По свидѣтельству кн. Вяземскаго (П. собр. соч., т. II, стр. 417), Батюшковъ „написалъ эти стихи на кораблѣ, на возвратномъ пути изъ Англіи въ Россію послѣ заключенія европейскаго мира въ Парижѣ“. Элегія посвящена памяти друга Батюшкова, И. А. Петина, о которомъ см. въ т. II, стр. 188—202 и 476—477.

Эпиграфъ взятъ изъ IV-й элегіи IV-й книги Проперція.

Нѣсколько замѣчаній объ этой элегіи см. въ главахъ VIII-й и X-й биографическаго очерка, приложеннаго къ настоящему изданію.

LXXIX.

На развалинахъ замка въ Швеціи.

Элегія эта напечатана: 1) въ Пантеонѣ р. поэзіи, ч. II, стр. 217—223; 2) въ Обр. Соч., 1-е изд., ч. V, стр. 124—126; 3) въ Опытахъ, ч. II, стр. 11—18; 4) въ Соч., изд. 1834, ч. II, стр. 12—16; 5) въ Соч., изд. 1850, т. II, стр. 18—23. Текстъ „Опытовъ“ представляетъ слѣдующіе

в а р і а н т ы :

- Ст. 54: Ужъ дубы въ пламени.....
Ст. 96: Иль слышенъ вой звѣрей.
Ст. 107: И руны тайныя, останки на скалахъ.

Батюшковъ посѣтилъ Швецію лѣтомъ въ 1814 г., и безъ сомнѣнія, къ этому времени должно быть приурочено написаніе этого стихотворенія. О странѣ этой онъ тогда же писалъ Д. П. Сѣверину: „Эта земля не плѣнительна... Въ ней нѣтъ ничего пріятнаго, кромѣ живописныхъ горъ и воспоминаній“ (т. III, стр. 283). Эти-то воспоминанія о древней скандинавской жизни и составляютъ содержаніе элегіи, которая, впрочемъ, по основному мотиву и нѣкоторымъ отдѣльнымъ частямъ, составляетъ подражаніе извѣстному стихотворенію Фр. Маттисона: „Elegie. In den Ruinen eines alten Bergschlosses geschrieben“. Различіе въ содержаніи двухъ піесъ видно уже изъ того, что Маттисонъ, въ своей элегіи, вспоминаетъ о рыцарскомъ періодѣ средневѣковой Германіи, а Батюшковъ—о скандинавскихъ вѣтязахъ. Все прочее у нѣмецкаго поэта состоитъ изъ чувствительныхъ сѣтованій о бренности дѣлъ человѣческихъ. Въ виду малаго сходства обѣихъ піесъ, мы признаемъ изданнымъ послѣдовательное сравненіе русской элегіи съ нѣмецкою и ограничиваемся приведеніемъ лишь первыхъ семи строфъ послѣдней; только въ нихъ можно найти нѣкоторыя черты, повторенныя въ піесѣ Батюшкова.

Schweigend, in der Abenddämmerung Schleier,
 Ruht die Flur, das Lied der Haine stirbt,
 Nur dass hier, im alternden Gemäuer,
 Melancholisch noch ein Heimchen zirpt.
 Stille sinkt aus unbewölkten Lüften
 Langsam ziehn die Heerden von den Triften,
 Und der müde Landmann eilt zur Ruh
 Seiner väterlichen Hütte zu.

Hier auf diesen waldumkränzten Höhen,
 Unter Trümmern der Vergangenheit,
 Wo der Vorwelt Schauer mich umwehen,
 Sei dies Lied, o Wehmuth, dir geweiht!
 Trauernd denk'ich, was, vor grauen Jahren,
 Diese morschen Ueberreste waren:
 Ein bethürmtes Schloss, voll Majestät
 Auf des Berges Felsenstirn' erhöht!

Dort, wo um des Pfeilers dunkle Trümmer
 Traurigflüsternd sich der Epheu schlingt
 Und der Abendröthe trüber Schimmer
 Durch den öden Raum der Fenster blinkt,
 Segneten vielleicht des Vaters Thränen
 Einst den edelsten von Deutschlands Söhnen,
 Dessen Herz, der Ehrbegierde voll,
 Heiss dem nahen Kampf entgegenschwoll.

Zeuch in Frieden, sprach der greise Krieger,
 Ihn umgürtend mit dem Heldenschwert.
 Kehre nimmer, oder kehr'als Sieger,
 Sei des Nahmens deiner Väter werth:
 Und des edlen Jünglings Auge sprühte
 Todesflammen; seine Wange glühte
 Gleich dem aufgeblühten Rosenhain
 In der Morgenröthe Purpurschein.

Eine Donnerwolke, flog der Ritter
 Dann, wie Richard Löwenherz, zur Schlacht;
 Gleich dem Tannenwald im Ungewitter
 Beugte sich vor ihm des Feindes Macht!
 Mild, wie Bäche die durch Blumen wallen,
 Kehrt er zu des Felsenschlosses Hallen,
 In des Vaters Freudentränenblick,
 In des keuschen Mädchen Arm zurück.

Ach! mit banger Sehnsucht blickt die Holde
 Oft vom Söller nach des Thales Pfad;

Schild'und Panzer glüh'n im Abendgolde,
 Rosse fliegen, die Geliebte naht!
 Ihm die treue Rechte sprachlos reichend
 Steht sie da, erröthend und erbleichend;
 Aber was ihr sanftes Auge spricht
 Sängen selbst Petrarch und Sappho nicht.

Fröhlich hallte der Pokale Läuten
 Dort wo wildverschlungne Ranken sich
 Ueber Uhunester schwarz verbreiten,
 Bis der Sterne Silberglanz erblich;
 Die Geschichten schwer erkämpfter Siege,
 Grauser Abenteur im heil'gen Kriege,
 Weckten in der rauhen Heldenbrust
 Die Erinnerung schauerlicher Lust.

Нѣсколько замѣчаній объ этомъ стихотвореніи см. въ гл. X-й биографическаго очерка, приложеннаго къ настоящему изданію.

LXXX.

Судьба Одиссея.

Напечатано: 1) въ Опытахъ, ч. II, стр. 71; 2) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 56; 3) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 66; 4) въ Полномъ собраніи сочиненій Шиллера, изданномъ подъ редакціей Н. В. Гербеля.

Піеса эта составляетъ переводъ, нѣсколько распространенный, слѣдующаго стихотворенія Шиллера:

Odysseus.

Alle Gewässer durchkreuzt' Odysseus, die Heimat zu finden,
 Durch der Scylla Gebell, durch der Charybde Gefahr,
 Durch die Schrecken des feindlichen Meers, durch die Schrecken des Landes,
 Selbst in des Aides Reich führt ihn die irrende Fahrt.
 Endlich trägt das Geschick ihn schlafend an Ithakas Küste,
 Er erwacht, und erkennt jammernd das Vaterland nicht.

Настроеніе, въ которомъ Батюшковъ написалъ это стихотвореніе, и время его написанія опредѣляются словами его письма къ Жуковскому, отъ 3-го ноября 1814 г., гдѣ онъ рассказываетъ вратѣ свое пребываніе за границей и затѣмъ говоритъ: „Вотъ моя Одиссея, по истинѣ Одиссея! Мы подобны теперь Гомеровымъ воинамъ, разсыяннымъ по лицу земному. Каждого изъ насъ гонитъ какой-нибудь мститель-богъ: кого Марсъ, кого Аполлонъ, кого Венера, кого Фуриі, а меня—Скука* и т. д. (т. III, стр. 303, 304). Подробности объ этомъ см. въ гл. VIII биографическаго очерка, предпосланнаго настоящему изданію.

LXXXI.

Элегія изъ Тибулла.

Напечатана: 1) въ Пантеонѣ р. поэзи, ч. IV, стр. 204—211, подъ заглавiемъ: „Тибуллова элегія, кн. 1, зл. 3^а“; 2) въ Обр. Соч., 1-е изд., ч. V, стр. 52—57; 3) въ Вѣстникѣ Европы 1816 г., ч. 87, № 12, стр. 255—261; 4) въ Опытѣхъ, ч. II, стр. 19—26; 5) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 17—22; 6) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 24—29.

Варианты:

- Ст. 7 (Пант.): О смерть, не тронь меня насльственной
рукой!
(Обр. Соч.): И жизнь мою прерветь безжалостной рукою
Ст. 16 (Пант.): Въ священномъ трепетѣ.....
Ст. 17 (В. Евр., Обр. Соч.): И отрокъ счастливый намъ жребій вы-
нималъ.
(Пант.): И отрокъ счастливый ей жребій вынималъ.
Ст. 21 (Пант.): На отдаленный путь. Я самъ растроганъ
былъ
Ст. 22 (Пант.): Утѣшься, Деіа, сквозь слезы говорилъ.
Ст. 36 (Пант.): Все тщетно, мнѣй другъ.....
Ст. 37 (Пант.): Богиня грозная, спаси меня.....
Ст. 42 (Пант.): Возседеть на помость, и мирная луна
Ст. 43 (Пант.): И первые лучи румянна Авроры
Ст. 46 (Пант.): Журчанье сладкое домашняго ручья
Ст. 52 (Пант.): И острою сохой земли не раздирали
Ст. 56 (Пант.): Съ сидонскимъ багрецомъ и златомъ
драгоценнымъ
Ст. 60 (Пант.): Конь бодрый не крошилъ бразды кровавой
пѣной
Стт. 63—65 (Пант.): Медъ капалъ изъ дубовъ, таяся подъ корою,
И сладкое млеко серебряной волною
Струилось изъ сосцовъ питательныхъ овецъ.
Для васъ, на пагубу.....
Ст. 68 (Пант.): На наковальнѣ млатъ не пзвлялъ мечей
Ст. 69 (Опытъ, изд. 1834 г.): И рыщетъ блѣдна смерть.....
Ст. 73 (Пант.): Будь къ мирному пѣвцу.....
Ст. 75 (Пант.): Я съ трепетомъ боговъ святыню обожалъ
Ст. 77 (Пант.): Пусть камень обо мнѣ пришельцамъ
возвѣщаетъ
Ст. 85 (Пант., Обр. соч., В. Евр.): Въ Элизій проведешь.....
Стт. 86—87 (Пант.): Тамъ вѣчная весна межъ рощей и полей;
Цвѣтеть душистый народъ и винамона лозы.
Тотъ носить на главѣ.....

Ст. 101 (Пант.):	Гдѣ скрѣчься? Адскій пещь стрезеть..
Ст. 102 (Пант.):	Рыкаетъ зѣвъего.. и тѣни вспять бѣжатъ!
Ст. 104 (Пант.):	Ужасный Энекладъи Тифій тамъ огромный
Ст. 108 (Пант., В. Евр., Опыт):	Тамъ съ жаждой пламенной.....
Ст. 112 (Пант.):	Клятвопреступницы варящей.....
Ст. 114 (Обр. Соч., В. Евр.):	И разлучалъ меня.....
Ст. 115 (Пант., Обр. Соч., В. Евр.):	Но ты мнѣ будь вѣрна.....
Ст. 116 (Пант.):	И въ мирной храминѣ.....
Ст. 126 (Пант.):	Падеть... и у дверей твой явится супругъ
Ст. 129 (Пант.):	Въ прелестной наготѣ предстань.....
Ст. 130 (Обр. Соч., В. Евр.):	Власы разсѣяны.....

Подлинникъ составляетъ 3-ю элегію I-й книги стихотвореній Тибулла. Батюшковъ называетъ свой переводъ „вольнымъ“, и дѣйствительно, его переложеніе не можетъ быть названо близкимъ, хотя впрочемъ довольно точно передаетъ содержаніе и многія выраженія оригинала, безъ прибавленій переводчика и лишь съ немногими пропусками противъ подлинника.

По замѣчанію Бѣлинскаго (Соч., т. VIII, стр. 258), элегія эта „вся переведена превосходно, и если въ ней много незаконныхъ усѣченій и есть хотя одинъ такой стихъ, какъ

Богами ввержены во пропасти бездонны,—

то не должно забывать, что все это принадлежитъ болѣе къ недостаткамъ языка, чѣмъ къ недостаткамъ поэзіи; а во время Батюшкова никто и не думалъ видѣть въ этомъ какіе бы то ни было недостатки“.

Время перевода этой элегіи опредѣляется приблизительно цензурною поѣтой IV-й части Пантеона русской поэзіи: 29-го ноября 1814 года.

LXXXII.

На смерть супруги Θ . Θ . Кокошкина.

Напечатано: 1) въ Обр. Соч., 1-е изд., ч. I, стр. 138—139; 2) въ Пантеонѣ р. поэзіи, ч. VI, стр. 62—63; 3) въ Обр. Соч., 2-е изд., ч. I, стр. 115—116; 4) въ Опытѣхъ, ч. II, стр. 84—85; 5) въ Карм. Библиотекѣ Аонидѣ, стр. 155; 6) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 66—67; 7) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 76—77; стихотвореніе это находится также въ рукописи П. А. Висковатова подъ заглавіемъ: „На смерть Кокоскиной“ и со слѣдующимъ эпиграфомъ: „Auch ein Klaglied zu seyn ein Mund des Geliebten ist herrlich“.

В а р і а н т ы:

Ст. 10 (В.):	Посади.
Ст. 15 (Обр. Соч.):	Здѣсь, въ жилищѣ плача, тихій геній
Ст. 18 (В.):	Съ вѣчною тоскою.

Время написанія стихотворенія мы опредѣлили, примѣняясь къ цензурной помятой I-й части 1-го изданія Образцовыхъ Сочиненій; но если принять во вниманіе, что Варвара Ивановна Кокошкина умерла 25-го апрѣля 1811 г. въ Москвѣ, въ бытность тамъ Батюшкова, то сочиненіе элегии слѣдуетъ отнести къ 1811 году.

Эпиграфъ взятъ изъ Петрарки: *Sonetti in morte di M. Laura*, X.

— Федоръ Федоровичъ Кокошкинъ (род. въ 1773 г., ум. въ 1838 г.) получилъ образованіе въ Московскомъ университетѣ и началъ службу въ гвардіи, но впослѣдствіи перешелъ въ гражданское вѣдомство. И. И. Дмитріевъ, по назначеніи своемъ министромъ юстиціи, назначилъ Кокошкина губернскимъ прокуроромъ въ Москву, руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, „что переводчикъ „Мизантропа“, передавшій вѣрно и хорошо характеръ Альцеста, долженъ быть и самъ человѣкъ добросовѣстный и правдивый“ (II. собр. соч. кн. Вяземскаго, т. VIII, стр. 346). Однако, новая служба оказалась не соответствующею наклонностямъ Кокошкина, и онъ вскорѣ оставилъ ее. Къ этому времени относится, по всей вѣроятности, и знакомство его съ Батюшковымъ, который въ 1810 и 1811 гг. жилъ въ Москвѣ довольно долго. Впослѣдствіи они встрѣтились въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1812 г. Въ 1818 году, послѣ удаленія кн. А. А. Шаховскаго, Кокошкинъ былъ назначенъ членомъ репертуарной части, а съ 1823 по 1831 г. управлялъ московскимъ театромъ (Н. П. Гречъ. Опытъ краткой исторіи р. литературы, стр. 336; Араповъ. Лѣтопись р. театра, стр. 267, 335; Литер. Прибавл. къ Русск. Инв. 1838 г., стр. 837). Между современниками онъ слылъ за умнаго и образованнаго человѣка, любителя литературы и записнаго театралла. Онъ и самъ былъ хорошимъ актеромъ и участвовалъ въ любительскихъ спектакляхъ, которые часто устраивалъ у себя на дому, равно какъ и литературные вечера, усердно посѣщаемые его друзьями, большею частію членами московскаго Общества любителей россійской словесности. Въ послѣднемъ Кокошкинъ былъ предѣвателемъ съ 1827 по 1830 г.; „но не твердый въ характерѣ и страстный болѣе къ театру, нежели къ литературѣ“, Кокошкинъ, по словамъ М. А. Дмитріева (Мелочн., стр. 171), „не умѣлъ направлять мнѣній членовъ, думалъ болѣе о наружномъ блескѣ собраній и сдѣлалъ изъ нихъ одинъ спектакль для публики“. Какъ директоръ театра, Кокошкинъ оказалъ большія услуги московской сценѣ и всѣми силами старался поднять ея значеніе. Онъ пригласилъ лучшихъ артистовъ, самъ занимался обученіемъ воспитанниковъ театральнаго училища сценическому искусству и тщательно слѣдилъ за репертуаромъ, выбирая лучшія пьесы и наблюдая за ихъ постановкою. Совѣтами его охотно пользовались даже первоклассные артисты. Ко времени его директорства относится, между прочимъ, появленіе знаменитой комедіи Грибоѣдова, которую переводчикъ „Мизантропа“ встрѣтилъ крайне враждебно, о чемъ сохранилось извѣстіе въ не изданной части записокъ С. П. Жихарева (Р. Арх. 1874 г., кн. I, стр. 1561).

Кокошкинъ хотя и пользовался между Москвитчанами репутаціей хорошаго чтеца и декламатора, но на сценѣ, какъ и въ домашнемъ быту, отличался какою-то напускною важностію и торжественностію. Декламація его, по свидѣтельству П. А. Каратыгина (Записки. С.-Пб. 1880, стр. 58), „была не-

естественна и исполнена натянутой, надутой дикціи“. С. Т. Аксаковъ, особенно уважавшій Кокошкина, рассказываетъ, что кн. А. А. Шаховской называлъ его накрахмаленнымъ галстукомъ, не умѣющимъ разинуть рта по-человѣчески (П. собр. соч., т. IV, стр. 28). Вотъ какъ описываетъ оригинальную фигуру Кокошкина родственникъ его, гр. В. А. Соллогубъ: „Онъ былъ малаго роста, въ рыжемъ парикѣ, съ большою головою и нарумяненными щеками. Носилъ онъ длинныя чулки въ башмакахъ съ пряжками и атласную culotte courte чернаго, а иногда розоваго цвѣта. Онъ казался олицетвореніемъ важности, пагоса и самодовольствія“ (Истор. Вѣстн. 1886 г., № 1, стр. 46).

Въ литературѣ Кокошкинъ извѣстенъ какъ переводчикъ или, вѣрнѣе, какъ переложитель на русскіе нравы Мольерова „Мизантропа“; эта комедія въ его переводѣ впервые появилась на московской сценѣ въ 1815 году (напечатана въ 1816 г.) и имѣла большой успѣхъ, благодаря хорошему исполненію, но не литературнымъ достоинствамъ перевода, хотя Кокошкинъ занимался имъ очень долго, по крайней мѣрѣ съ 1809 года (Р. Арх. 1867 г., ст. 1080). Другія драматическія произведенія Кокошкина, состоящія почти исключительно изъ переводовъ съ французскаго, указаны въ „Справочномъ Словарѣ“ Геннадія и въ „Лѣтописи р. театра“ Арапова (стр. 189, 213, 222, 272, 294). Стихотворенія его печатались въ Вѣстникѣ Европы, Сынѣ Отечества и Трудахъ Общества любителей росс. словесности.

Кокошкинъ, по словамъ кн. П. А. Вяземскаго, „былъ отъявленный классикъ. Въ то время, когда начали у насъ толковать о романтизмѣ, онъ какъ отъ заразы остерегалъ отъ него литературную молодежь, которая находилась при немъ. Какъ директоръ театра, особенно возставалъ онъ противъ Шекспира и его послѣдователей“ (Соч., т. VIII, стр. 80). Не лучшаго мнѣнія былъ онъ и о Шиллерѣ, котораго даже читать не хотѣлъ (М. Дмитріевъ. Мелочи, стр. 176). Федоръ Федоровичъ былъ дважды женатъ: въ первомъ бракѣ на Варварѣ Ивановнѣ Архаровой (род. въ 1786 г.), а во второмъ—на актрисѣ Потанчиковой (Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій. Русск. родосл. книга, ч. I, стр. 124). Варвара Ивановна погребена въ Москвѣ, въ Донскомъ монастырѣ. (В. С.).

LXXXIII.

Любовь въ челнокѣ.

Напечатано: 1) въ Пантеонѣ р. поэзій, ч. IV, стр. 186—188, безъ подписи; 2) въ Опытахъ, ч. II, стр. 189—191; 3) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 187—188; 4) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 197—198. Это стихотвореніе находится въ рукописи П. А. Висковатова, подъ заглавіемъ „Челнокъ“, при чемъ текстъ вполне сходенъ съ текстомъ „Опытовъ“, только нѣтъ всей 9-й строфы. Время написанія піесы опредѣлено по цензурной пометѣ IV-й части Пантеона: „29-го ноября 1814 года“.

Въ числѣ такъ-называемыхъ Долбнскихъ стихотвореній Жуковскаго (1813—1815 гг.) есть „Стансы“, посвященные графинѣ О. П., въ которыхъ

поэтъ также изображаетъ младенца, плывущаго въ челнокѣ; буря разбила челнъ; но ребенокъ очутился на берегу и заснулъ межъ цвѣтовъ.

Вотъ примѣръ! Безпечно въ свѣтъ!
 Пусть гроза, пускай волненье!
 Намъ погибели здѣсь нѣтъ:
 Править челнъ нашъ Провидѣнье!

Таковъ смыслъ стихотворенія Жуковскаго, отчасти противоположный смыслу піесн Батюшкова.

Стихотвореніе Батюшкова переведено на англійскій языкъ Дж. Боурингомъ и помѣщено въ концѣ Россійская Антологія. Specimens of the russian poets. By John Bowring. London. 1823, стр. 151—153.

LXXXIV.

Посланіе И. М. Муравьеву-Апостолу.

Напечатано: 1) въ Пантеонѣ р. поэзія, ч. VI, стр. 79—84, подъ заглавіемъ: „Къ И. М. М. А.“; 2) въ Вѣстникѣ Европы 1816 г., ч. LXXXVIII, № 13, іюль, стр. 13—17, подъ заглавіемъ: „Посланіе И. М. М.“; 3) въ Сынѣ Отеч. 1816 г., ч. 31, № 29, стр. 106—108, подъ заглавіемъ: „Посланіе къ И. М. М. А.“ и съ подписью Б.; 4) въ Трудахъ Общ. любителей росс. словесн., ч. 7, стр. 38—43, подъ заглавіемъ: „Поэтъ“; 5) въ Опытахъ, ч. II, стр. 160—166, подъ заглавіемъ: „Посланіе И. М. М. А.“; 6) въ Обр. Соч., 2-е изд., ч. IV, стр. 289—293, подъ заглавіемъ: „Посланіе къ И. М. Муравьеву-Апостолу“; 7) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 156—160; 8) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 168—172; въ двухъ послѣднихъ изданіяхъ съ тѣмъ же заглавіемъ, что и въ Опытахъ. Въ Имп. Публ. Библиотекѣ есть автографъ этого стихотворенія съ подписью Б. и подъ заглавіемъ: „Посланіе къ И. М. М. А.“ (рукою М. Е. Лобанова прибавлено: Муравьеву-Апостолу). 25-го ноября 1816 г., въ обыкновенномъ собраніи Московскаго Общества любителей россійской словесности, стихотвореніе это было прочтено сотрудникомъ П. С. Яковлевымъ.

В. П. Гаевскій, въ статьѣ о лицейскихъ стихотвореніяхъ А. С. Пушкина (Современникъ 1863 г., т. XCVII, стр. 163), говоритъ: „Посланіе Пушкина „Къ другу-стихотворцу“ напоминаетъ извѣстное посланіе Батюшкова И. М. Муравьеву-Апостолу. Хотя это трудно доказать сравнительными выписками, но въ духѣ и даже формѣ обоихъ произведеній видна нѣкоторая родственность между ними. Посланію Батюшкова приписывали даже позднѣйшее вліяніе на Пушкина, и Славянинъ 1830 г. (ч. 14) не безъ основанія находитъ его въ знамени томъ стихотвореніи Пушкина „Къ Вельможѣ“ (князю Н. В. Юсупову) 1830 г.“

Варианты:

- Ст. 3 (Пант., В. Евр., С. От., Тр., ркис.): Кто бъ ни былъ: витія, или пламенный
 пять,
 Ст. 35 (Пант., С. От., ркис.): Обиліемъ пола роскошныя дарить,
 Сочиненія К. Н. Батюшкова, I. 26

Ст. 37 (В. Евр.):

Нѣтъ! нѣтъ! На сѣверь.....

Ст. 82 (Пант., В. Евр., С. От., ркпс.): Такъ небожъ нѣжною душею одаренный,

Время, къ которому относится сочиненіе посланія, опредѣляется цензурною помятой Пантеона: „24-го мая 1815 года“. Указанная дата подтверждается и тѣмъ, что мысли, изложенныя въ этой піесѣ, развиты Батюшковымъ въ прозаической статьѣ „Нѣчто о поэтѣ и поэзіи“ (т. II, стр. 118—126), написанной приблизительно въ то же время. Мысль о зависимости искусства отъ времени и мѣста, отъ свойствъ народа и его исторіи, была однимъ изъ любимыхъ убѣжденій И. М. Муравьева-Апостола; онъ высказалъ ее между прочимъ въ предисловіи къ своему переводу Аристофановой комедіи: „Облака“ (С.-Пб. 1821, стр. III, IV).

— Стт. 47—72 относятся къ Ломоносову и должны быть сравнены съ прозаической статью Батюшкова „О характерѣ Ломоносова“ (т. II, стр. 175—180).

— Стт. 73—75. Здѣсь Батюшковъ имѣетъ въ виду воспоминанія Державина о своей родинѣ, Казанской губерніи, въ стихотвореніи „Арфа“ (Соч. Держ., 1-е акад. изд., т. II, стр. 189 — 194). Въ этомъ стихотвореніи находится извѣстный стихъ:

И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ,—

которому отчасти подражалъ Батюшковъ.

— Стт. 76—81 имѣютъ въ виду стихотвореніе Дмитриева „Къ Волгѣ“ и его же поэму „Ермакъ“.

LXXXV.

Странствователь и домосѣдъ.

Сказка эта напечатана: 1) въ Амфіонѣ 1815 г., июнь, стр. 75—91; 2) въ Опытѣхъ, ч. II, стр. 208—229; 3) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 205—219; 4) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 216—231. Текстъ въ Амфіонѣ представляеть слѣдующіе

В а р і а н т ы:

- Ст. 5: прожить вм. дожить.
 Стт. 7—8: Все видѣлъ, все узналъ: но отъ того умнѣй
 Домой не возвратился:
 Ст. 9 нѣтъ.
 Стт. 10—11: Разсудокъ покоривъ мечтамъ,
 Онъ ищетъ завсегда.... чего, не знаетъ самъ.

- Стт. 15—17: Нечаянно ихъ дѣдъ, или дядюшка сѣдой
Разстался съ жизнью и казной;
И братья поровну наслѣдство раздѣлили:
нѣтъ.
- Стт. 18—19: Сокровищемъ своимъ насытя взоры,
Ст. 23: сѣнью вм. тѣнью.
Ст. 29: Притомъ fortuna мнѣ даетъ благія средства
Стт. 37—39: Для замисловъ моихъ:
Съ тобою пополамъ большой мѣшокъ наслѣдства!
Гдѣ Геркула столпы? Гдѣ гордый.....
- Ст. 46: И мудрые меня своей хвалою почтять
Стт. 51—52: Въ Аеннахъ, на берегахъ и Нила, и Босфора.
нѣтъ.
- Ст. 53: придешь ко мнѣ внимать,
Ст. 66: Счастливый путь тебѣ я къ мудрости желаю,
Ст. 82: нѣтъ.
Ст. 84: Схватилъ свою казну и къ городу опять
Ст. 85: И снова мудрости искать
Стт. 123—126: Межъ Грековъ просвѣщенныхъ!
Сказалъ, и сдѣлалъ такъ
Нашъ вѣтренный чудакъ.
Проклятьемъ поразилъ,
Ст. 131: „Итакъ, прошу садитесь“,
Ст. 136: Сказалъ, на лодеу сѣлъ и къ Этнѣ путь направилъ,
Стт. 158—162: Чтобы узнать зачѣмъ и какъ
На Этнѣ пламенной башмакъ
Философъ Эмиедокъ предъ смертію оставилъ?
Узналъ и полетѣлъ онъ въ Грецію скорѣй
нѣтъ.
- Ст. 163: Какъ червемъ, завсегда снѣдаемый тоскою.
Ст. 177: Безъ муки лучше я покину бѣдный свѣтъ,
Стт. 196—199: Чѣмъ такъ мнѣ съ голоду томиться!
Съ отчаянья топиться.
- Ст. 202: Такъ старецъ возгласалъ; онъ былъ краснорѣчивъ:
Стт. 218—219: И Филалетъ остался живъ.
Въ тѣни смоковницъ и оливъ,
Ст. 221: Гдѣ старецъ двадцать лѣтъ,
Ст. 223: Забывъ вокругъ себя людей и цѣлый свѣтъ.
Стт. 226—227: Вотъ трапезу нашелъ простую Филалетъ:
нѣтъ.
- Стт. 228—229: И такъ, не диво мнѣ, что.....
Ст. 234: философъ вм. хозяинъ.
Ст. 236: И я, и ты, и самый сей обѣдъ,
Ст. 239: Печальный вм. унылый.
Ст. 241: Который научилъ,
Ст. 250: Онъ вм. самъ.
Ст. 256:

- Ст. 265: лобызалъ вм. цѣловалъ.
 Ст. 276: И снова ждетъ денницы
 Ст. 281: Но знаю, что тогда ужь риторы гремѣли,
 Ст. 284: Ранѣ вм. раньше.
 Ст. 286: Свѣтъ вм. шумъ.
 Ст. 292: Прислужницѣ вм. невольницѣ.
 Ст. 295: Нахлынули толпы, вся.....
 Стт. 300—306: Такъ точно весь народъ толпился и шумѣлъ
 Предъ каедрой бродяги,
 Который въ первый разъ блеснуть умомъ хотѣлъ,
 Но занемудя, покраснѣлъ
 И поблѣднѣлъ,
 Какъ бѣлый листъ бумаги.
 Въ собраньи завсегда народъ нетерпѣливъ.
 Стт. 307—313 нѣтъ.
 Ст. 315: Шушуканье, а тамъ и громкій хохотъ,
 Ст. 317: Разинулъ ротъ, потупилъ взгляды
 Ст. 320: Начинай вм. продолжай.
 Ст. 321 нѣтъ.
 Ст. 325: Ужъ камни сыплются надъ жертвой...
 Ст. 330: И такъ, философа спасаетъ добрый Кляпъ,
 Ст. 331: Простакъ, философомъ презрѣнный,
 Ст. 355: Сказали вм. вскричали.
 Ст. 363: Нашъ Грекъ на мѣстѣ стосковался.
 Стт. 365—366: На горы ближнія взбираться,
 Бродить всю ночь, весь день шататься;
 (Этотъ вариантъ находится также въ Опытахъ и въ изданіи 1834 года).
 Ст. 369 нѣтъ.
 Ст. 374: въ страну Гиперборею.

Время сочиненія сказки опредѣляется письмомъ Батюшкова къ Гнѣдичу, отъ 10-го іюля 1815 г., гдѣ нашъ поэтъ уже приводитъ изъ нея ст. 161-я (т. III, стр. 331), и затѣмъ, письмомъ къ Жуковскому отъ декабря того же года, изъ котораго видно, что сказка не понравилась Вяземскому (т. III, стр. 360). Изъ письма къ Гнѣдичу, отъ 3-го іюля 1817 г. (т. III, стр. 458), видно, что исправленія, отличающія текстъ „Опытовъ“ отъ текста Амфіона, сдѣланы были въ 1817 году, въ виду изданія сочиненій нашего поэта, и что Батюшковъ интересовался знать о нихъ мнѣніе Крылова.

Стт. 268—274 содержатъ въ себѣ личное воспоминаніе Батюшкова и относятся ко времени его возвращенія изъ-за границы въ Петербургъ, въ 1814 г., когда онъ остановился въ домѣ Е. Ѳ. Муравьевой, находившемся на Фонтанкѣ, близъ Аничкова моста.

— Стт. 296—297 также представляютъ воспоминаніе Батюшкова изъ времени пребыванія его въ Парижѣ въ 1814 году.

LXXXVI.

Эпиграмма.

(Памфилъ забавенъ за столомъ...).

Эпиграмма эта напечатана: 1) въ Росс. Музеумѣ 1815 г., ч. III, № 9, стр. 262, безъ подписи; 2) въ Опытахъ, ч. II, стр. 202; 3) въ Опытѣ русск. археологін, стр. 82; 4) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 198; 5) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 208. Кромѣ того, она ошибочно внесена въ Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго, т. III, стр. 94.

Время сочиненія эпиграммы опредѣляется цензурною помѣтой Россійскаго Музеума: „22-го іюня 1815 г.“.

Батюшковъ предполагалъ не помѣщать эту піесу въ томъ изданіи, которое готовилъ къ печати въ бытность свою въ Италіи.

Эпиграмму эту напоминаетъ шутка, написанная А. С. Пушкинымъ на своего брата Льва: „Нашъ пріятель Пушкинъ Левъ...“ (Соч. Пушк., изд. 8-е, т. VII, стр. 123).

LXXXVII.

Надпись къ портрету графа Эмануила Сен-При.

Надпись эта напечатана: 1) въ Сынѣ Отечества 1816 г., ч. 28, № XII, стр. 216, съ подписью NN; 2) въ Опытахъ, ч. II, стр. 205; 3) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 201; 4) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 211.

Время сочиненія надписи опредѣляется письмомъ Батюшкова къ Жуковскому изъ Каменца, отъ средины декабря 1815 г., въ которомъ она приводится въ двухъ редакціяхъ (т. III, стр. 359 и 360).

LXXXVIII.

Таврида.

Элегія эта напечатана: 1) въ Опытахъ, ч. II, стр. 68—70; 2) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 54—55; 3) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 64—65. Стихотвореніе это помѣщено также въ рукописи, найденной въ бумагахъ В. А. Жуковскаго и принадлежащей нынѣ П. Н. Батюшкову; тамъ оно снабжено слѣ-

дующимъ эпиграфомъ: *E sol di lei pensando ho qualche rase* (нѣсколько пзмѣненный послѣдній стихъ XVII-го сонета Петрарки изъ „*Sonetti e canzoni in morte di M. Laura*“). Рукопись представляетъ слѣдующіе

варианты:

- Ст. 5: Мы, дѣти бѣдныя, отверженныя рокомъ,
 Ст. 24: сырой туманъ и мраки
 Ст. 29: подъ кровомъ влажной ночи
 Ст. 34: Румяныхъ устъ твоихъ, и если хоть слегка
 Ст. 38: Потупя взоръ стоятъ, дивится и нѣмѣть.

Послѣдній вариантъ встрѣчается также въ „Опытахъ“ и въ изданіи 1834 года.

Элегія написана Батюшковымъ во второй половинѣ 1815 г., въ бытность въ Каменцѣ, откуда онъ собирался съѣздить на берега Чернаго моря (т. III, стр. 333). Объясненіе этой піесы см. въ гл. IX біографическаго очерка.

LXXXIX.

Разлука.

(Напрасно покидалъ страну мольхъ отцовъ...)

Элегія эта напечатана: 1) въ Опытахъ, ч. II, стр. 66—67; 2) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 52—53; 3) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 62—63. Она находится также въ рукописи, сохранившейся въ бумагахъ В. А. Жуковскаго, и представляетъ тамъ слѣдующіе

варианты:

- Ст. 2: Друзей души моея, блестяція искусства
 Ст. 8: Подъ мной ропталъ и волновался;

Также и въ „Опытахъ“, но въ изданіи 1834 года:

Кругомъ меня ропталъ и волновался;

- Стт. 15—16: Въ страну, гдѣ гордый Днѣстръ плучистой струей
 Свергаетъ между горъ, Церерой позлащенныхъ
 Ст. 22: Мнѣ неба на землѣ блаженство отвергаетъ.

Элегія была написана Батюшковымъ въ Каменцѣ въ 1815 г. и тогда же послана Е. Ѳ. Муравьевой при письмѣ къ ней отъ 11-го августа (Соч. т. III, стр. 717). Объясненіе этой піесы см. въ гл. IX біографическаго очерка.

ХС.

Пробужденіе.

Элегія эта напечатана: 1) въ Вѣстникѣ Европы 1816 г., ч. LXXXVII, № 11, июнь, стр. 183, съ подписью Б. и съ слѣдующимъ эпиграфомъ, изъ Петрарки (сонетъ CLXIV-й изъ *Sonetti e canzoni in vita di M. Laura*): *Così mi sveglio a salutar l'Aurora*; 2) въ Опытахъ, ч. II, стр. 65, 3) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 51; 4) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 61. Стихотвореніе это находится также въ рукописи, сохранившейся въ бумагахъ В. А. Жуковского, съ тѣмъ же эпиграфомъ, что и въ Вѣстникѣ Европы.

Варианты:

Ст. 3—4 (Ж.):	Но мрачный слѣдъ оставилъ онъ Въ душѣ, волнуемой страстями.
Ст. 8 (В. Евр.)	нѣтъ.
Ст. 10 (Ж.):	По перламъ утреннимъ цвѣтовъ,
Ст. 11 (ibid.):	И топотъ конскій средь лѣсовъ
(изд. 1834 г.):	И гончихъ лай, и звонъ роговъ.

Стихотвореніе написано въ Каменцѣ, въ бытность тамъ Батюшкова во второй половинѣ 1815 г. Объясненіе его см. въ гл. IX біографическаго очерка.

ХСІ.

Воспоминанія.

Элегія эта напечатана: 1) въ Опытахъ, ч. II, стр. 30—32; 2) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 25—27; 3) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 33—35, и вездѣ кончается 55-мъ стихомъ. Она помѣщена также въ рукописи, сохранившейся въ бумагахъ В. А. Жуковского, подъ заглавіемъ: „Элегія“ и съ окончаніемъ, котораго не было въ прежнихъ изданіяхъ стихотвореній Батюшкова. Въ этомъ полномъ видѣ она появилась въ Сборникѣ, изданномъ въ память двадцатипятилѣтія общества пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (С.-Пб. 1884), стр. 201—204.

Первая половина стихотворенія печатается по „Опытамъ“, но со включеніемъ исправленій, сдѣланныхъ Батюшковымъ въ виду предложеннаго имъ новаго изданія, а вторая—по рукописи; изъ сей послѣдней взяты и примѣчанія къ тексту. Рукопись представляетъ, въ первой части элегіи, слѣдующіе

варианты:

- Стт. 15—16: Какъ странникъ, брошенный изъ нѣдра ярихъ волгъ
На берегъ дикій и кремнистый,
Встаетъ и съ ужасомъ разбитый видитъ челнъ,
Валы ревущіе и молніи змисты,
Объявшія кругомъ свинцовый небосклонъ,
- Стт. 22—24: Тебя, послѣдній сердца другъ,
Опора сладкая, надежда, утѣшенье
Средь вѣчныхъ скорбей и недугъ
- Ст. 29: Искать иль гибели, иль славнаго гвнца.
- Ст. 41: И мыслилъ о тебѣ лишь въ горести сердечной.

Включеніе этой элегіи въ рукопись, сообщенную Батюшковымъ Жуковскому, и о которой нашъ поэтъ говоритъ въ письмѣ къ нему отъ 27-го сентября 1816 г. (т. III, стр. 404), не оставляетъ сомнѣній въ томъ, что піеса „Воспоминанія“ написана Батюшковымъ въ Каменцѣ во второй половинѣ 1815 г., одновременно съ піесами, напечатанными выше подъ №№ LXXXVIII—XC. Объясненіе этой элегіи см. въ вышеупомянутомъ письмѣ Батюшкова къ Жуковскому и въ гл. IX биографическаго очерка. Мысль объ уtratѣ таланта и любви къ искусству Батюшковъ неоднократно высказывалъ въ письмахъ своихъ изъ Каменца (т. III, стр. 344 и 357).

XСII.

Мой Геній.

Элегія эта напечатана: 1) въ Обр. Соч., 1-е изд., ч. V, стр. 228 (цензурная помѣта: 10-го декабря 1815 г.); 2) въ Вѣстникѣ Европы 1816 г., ч. LXXXVIII, № 15, августъ, стр. 176, съ подписью Б—въ; 3) въ Опытѣхъ, ч. II, стр. 46; 4) въ Опытѣ русск. анекдотів. С.-Пб. 1828, стр. 129; 5) въ Эвтерпѣ, стр. 75, безъ заглавія; 6) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 37; 7) въ Дамскомъ альбомѣ. С.-Пб. 1844 г., стр. 19; 8) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 46. Стихотвореніе это находится также въ рукописи, сохранившейся въ бумагахъ В. А. Жуковскаго, съ слѣдующимъ эпиграфомъ:

Spirto beato quale
Se'quando altrui fai tale.

Элегія была написана Батюшковымъ въ Каменцѣ въ 1815 г. и тогда же отослана Е. О. Муравьевой, при письмѣ отъ 11-го августа (т. III, стр. 717); по содержанию своему она имѣетъ ближайшую связь съ четырьмя предшествующими стихотвореніями.

XIII.

Послѣдняя весна.

Элегія эта напечатана: 1) въ Обр. Соч., 1-е изд., ч. V, стр. 109—110; 2) въ Вѣстникѣ Европы 1816, ч. LXXXVII, № 11, июнь, стр. 181—183; 3) въ Опытахъ, ч. II, стр. 72—74; 4) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 57—58; 5) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 67—68.

Время сочиненія этой элегии опредѣляется приблизительно цензурною пометкой ч. V-й Образц. Сочиненій: „10-го декабря 1815 г.“. Пьеса составляетъ подражаніе извѣстному стихотворенію Мильвуа: „La chute des feuilles“; это послѣднее было неоднократно передѣлываемо авторомъ, но французскіе критики, въ томъ числѣ Сентъ-Бевъ, признають, что оно всего лучше въ первоначальной редакціи, которая, безъ сомнѣнія, и была извѣстна Батюшкову. Эту редакцію мы приводимъ здѣсь для того, чтобы видѣть, что нашъ поэтъ удержалъ изъ подлинника и что измѣнилъ:

De la dépouille de nos bois
L'automne avait jonché la terre,
Le bocage était sans mystère,
Le rossignol était sans voix.
Triste, et mourant à son aurore,
Un jeune malade, à pas lents,
Parcourait une fois encore
Le bois cher à ses premiers ans:

„Bois que j'aime! adieu... je succombe.
Ton deuil m'avertit de mon sort;
Et dans chaque feuille qui tombe
Je vois un présage de mort.
Fatal oracle d'Épidaure,
Tu m'a dit: „Les feuilles des bois
„A tes yeux jauniront encore;
„Mais c'est pour la dernière fois.
„L'éternel cyprès se balance;
„Déjà sur ta tête en silence
Il incline ses longs rameaux:
„Ta jeunesse sera flétrie
„Avant l'herbe de la prairie,
„Avant le pampre des coteaux“.
Et je meurs! De leur froide haleine
M'ont touché les sombres autans;
Et j'ai vu, comme une ombre vaine
S'évanouir mon beau printemps.
Tombe, tombe, feuille éphémère!

Couvre, hélas! ce triste chemin,
 Cache au désespoir de ma mère
 La place où je serai demain.
 Mais si mon amante voilée
 Au détour de la sombre allée
 Venait pleurer quand le jour fuit,
 Eveille par un léger bruit
 Mon ombre un instant consolée“.

Il dit, s'éloigne... et, sans retour...
 La dernière feuille qui tombe
 A signalé son dernier jour.
 Sous le chêne on creusa sa tombe...
 Mais son amante ne vint pas
 Visiter la pierre isolée;
 Et le père de la vallée
 Troubla seul du bruit de ses pas
 Le silence du mausolée.

А. И. Незеленовъ, въ своемъ сочиненіи: Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ его поэзіи. Первый и второй періоды жизни и дѣятельности (1799—1826) С.-Пб. 1882, стр. 27, замѣчаетъ: „Стихотвореніе Батюшкова „Послѣдняя весна“, изображающее безвременную смерть юноши-поэта, такъ сильно подѣйствовало на Пушкина, что содержаніе его отразилось впоследствии на повѣствованіи о смерти Ленскаго, и описаніе могилы Ленскаго почти заимствовано изъ этого стихотворенія, хотя и носитъ, конечно, признаки самобытнаго дарованія Пушкина“. Въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ могила Ленскаго описывается дважды (гл. VI, строфы XL и XLI, и гл. VII, строфы VI и VII), но ни въ томъ, ни въ другомъ описаніи не видно указываемаго г. Незеленовымъ заимствованія у Батюшкова. Замѣтимъ кстати, что въ лицѣ Ленскаго Пушкинъ имѣлъ въ виду, безъ сомнѣнія, не тотъ типъ поэтовъ, какой представляетъ собою Батюшковъ; отношеніе Пушкина къ поэзіи Ленскаго не вполне сочувственное, а поэзію Батюшкова онъ ставилъ очень высоко.

XCIV.

Надежда.

Элегія эта напечатана: 1) въ Опытахъ, ч. II, стр. 9—10; 2) въ Обр. Соч., 2-е изд., ч. I, стр. 294; 3) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 10—11; 4) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 16—17.

Текстъ „Опытовъ“ представляетъ слѣдующій

вариантъ:

ст. 18: Онъ намъ источникъ чувствъ высокихъ.

Относимъ это стихотвореніе къ 1815 г. по ближайшей связи его съ мыслями, высказанными въ посланіи „Къ другу“ и въ прозаической статьѣ: „Нѣчто о морали, основанной на философіи и религіи“, которыя также написаны въ 1815 г. Замѣтимъ, что первые четыре стиха элегіи составляютъ перифразъ слѣдующихъ строкъ изъ „Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ“:

А мы?... Довѣренность къ Творцу!
 Чтобъ ни было—Незримый
 Ведеть насъ къ лучшему концу
 Стезей непостижимой.

Мотивы этого перифраза объяснены въ гл. IX біографическаго очерка.

ХСV.

Къ другу.

Это посланіе напечатано: 1) въ *Опытахъ*, ч. II, стр. 101—105; 2) въ *Собр. росс. стихотв.* Вильна. 1827, стр. 283—286; 3) въ *Соч.*, изд. 1834 г., ч. II, стр. 85—88; 4) въ *Соч.*, изд. 1850 г., т. II, стр. 95—98.

Текстъ „*Опытовъ*“ и изданія 1834 г. представляетъ слѣдующій

вариантъ:

Ст. 56:

Они безмолвны пребывали.

Стихотвореніе написано въ 1815 г. или, можетъ быть, въ началѣ 1816 г.; это указывается совершеннымъ совпаденіемъ выраженныхъ въ немъ мыслей съ тѣмъ, что читается въ пѣснѣ „Надежда“ и въ статьѣ „О морали, основанной на философіи и религіи“.

Другъ, къ которому обращается нашъ поэтъ, есть князь П. А. Вяземскій. Любопытно сравнить это обращеніе къ нему Батюшкова съ болѣе раннимъ, которое находится въ „*Моихъ пенатахъ*“ (О, Аристипповъ внукъ!.. и т. д.). Въ строфѣ 4-й упоминается московскій домъ кн. Вяземскаго, сильно пострадавшій въ 1812 году.

ХСVI.

Пѣснь Гаральда Смѣлаго.

Пѣса эта напечатана: 1) въ *Вѣстникѣ Европы* 1816 г., ч. LXXXVIII, № 16, августъ, стр. 257—258; 2) въ *Опытахъ*, ч. II, стр. 172—174; 3) въ *Нов. собраніи р. соч. и перев.*, ч. I, стр. 37—38; 4) въ *Соч.*, изд. 1834 г., ч. II, стр. 172—173; 5) въ *Соч.*, изд. 1850 г., т. II, стр. 184—185. Текстъ *Вѣстника* представляетъ слѣдующій

вариантъ:

Ст. 39: грозныя битвы вм. шумныя.

Піеса эта написана Батюшковымъ въ 1816 г., какъ видно изъ письма его къ Вяземскому отъ февраля этого года, гдѣ поэтъ говоритъ, что началъ переводить Гаральдову пѣснь по прочтеніи книги Маршанж: „La Gaule poétique“ (т. III, стр. 371; ср. стр. 724).

Подлинникъ пѣсни Гаральда есть произведеніе древне-сѣверной поэзіи, восходящее по крайней мѣрѣ къ XIII в. Сообщаемъ нѣсколько свѣдѣній о литературной исторіи этого памятника, любезно доставленныхъ намъ молодымъ ученымъ нашимъ Э. Д. Батюшковымъ.

„Пѣсня Гаральда Смѣлаго приведена въ исторической сагѣ о немъ, составляющей часть сборника Снорро Стурлесона „Aefi Noregskonunga“ (жизнь Норвежскихъ королей), обыкновенно именуемаго „Heimskringla“ (domus-orbis). Время составленія его опредѣляется періодомъ съ 1220 по 1232 г. (объ источникахъ Снорро см. статью Мюллера въ приложеніи къ т. VI *Historia regum Norvegiarum*. 1826). *Knytlingasaga* (исторія Датскихъ королей), въ которой говорится о Harald Hardrad, какъ о скальдѣ, тоже относится къ XIII в. и приписывается Мюллеромъ племяннику Снорро — Олафу Тордарсону (по прозванію *Hvita skald*, „бѣлый пѣвецъ“). Мёбиусъ (*Möbius. Catalogus libr. Island. et Norveg. aetatis mediae*, стр. 99) указываетъ первое изданіе „пѣсни къ Ярославнѣ“ съ латинскимъ переводомъ ея у *Bartholinus—Antiquitates Danicae*, изд. 1690 г., стр. 155—157; затѣмъ ее переводили на англійскій языкъ Перси, на нѣмецкій—Гердеръ (*Volkslieder II*, S. 245—247), на датскій—*Sandvig (Danake Sange*, S. 103—105), на французскій—Малле (*Histoire du Danemarck*) и Эд. Дю-Мериль (*Histoire de la poésie scandinave*, t. I). Въ подлинности ея, кажется, не было выражено сомнѣній.

Россеветъ (*Rosselet*, въ *Encycl. Ersch und Gruber*, XXXII Bd., 2-te Sect.) ограничивается (со словъ Мюллера, *Sagenbibl. III Bd.*) общою фразой: „Король Гаральдъ былъ тоже поэтомъ; его *Gammalvisur*, въ которыхъ онъ воспѣваетъ свои подвиги и жалуется на пренебреженіе къ нему любимой имъ русской дѣвicy, не лишены поэтическаго достоинства“. Однако, въ періодъ жизни Гаральда (то-есть, во второй половинѣ XI в.) Россеветъ отмѣчаетъ упадокъ поэзіи скальдовъ, блестящій расцвѣтъ которой относится къ X вѣку. Вейнгольдъ (*Altnordisches Leben*, стр. 339) о данной пѣснѣ Гаральда не говоритъ, но вообще объ любовныхъ пѣсняхъ скальдовъ замѣчаетъ слѣдующее: „Любовь является на второмъ планѣ у старо-сѣверныхъ поэтовъ (als untergeordnete Macht), и только мимоходомъ, когда чувство охватывало ихъ въ крайней степени (*überstark*), слагали они пѣсни въ честь женщины (*Frauenlied-malvsöng*). При этомъ скальдъ долженъ былъ заручиться напередъ согласіемъ возлюбленной и ея родныхъ, иначе онъ подвергался наказанію по закону“. Однако, съ согласія прославляемой, любовныя пѣсни допускались, и Вейнгольдъ приводитъ дагѣе нѣсколько примѣровъ тому. Интересно слѣдующее замѣчаніе Э. Дю-Мериль: „Пѣсня эта кажется очень замѣчательною по нѣжнымъ чувствамъ, которыя вопнѣ осмысливается въ ней высказать; словесность ни одного народа не представляла намъ еще ничего подобнаго... Эта пѣсня не есть выраженіе

чувствъ, свойственныхъ одному Гаральду; какъ ни самобытенъ личный умъ, онъ никогда не становится въ противорѣчье со своимъ вѣкомъ въ предметахъ столь важныхъ, и мы имѣемъ стихи (скандинавскіе) еще болѣе древніе, гдѣ чувства того же рода выражаются какъ предписаніе религій^н. Затѣмъ Дю-Мериль приводитъ строфы ХСII—ХСIV и ХСVIII изъ *Navamal* (*Histoire de la roënie scandinave*, t. I, p. 164, 165). На сколько однако любовныя пѣсни старо-сѣверныхъ поэтовъ носили романтической характеръ, а не ограничивались простымъ славословіемъ (параллельно прославленію мужской доблести), на сколько въ нихъ проявляется лирической элементъ (безспорно сказавшіяся въ пѣснѣ Гаральда), на это не встрѣчается указаній у историковъ сѣверной поэзіи. Вейнгольдъ (стр. 339) замѣчаетъ, что въ поэзіи скальдовъ, даже не специально придворныхъ пѣвцовъ, а только временно посѣщавшихъ королевскіе дворы, лирическое чувство исключено „nach altgermanischen Art“. Это давало бы поводъ предположить, что пѣснь Гаральда сложилась подъ нѣкими вѣнціями, въ болѣе позднюю пору; но рыцарскія сказанія стали распространяться на сѣверѣ лишь въ XIII в.; подвергать ли на основаніи этого сомнѣнію принадлежность пѣсни самому Гаральду, или по крайней мѣрѣ, предположить ли нѣкоторую переработку ея не раньше начала XIII в.? Кельбингъ (*Kölbing. Beiträge zur vergleichenden Geschichte der romantischen Poesie und Prosa des Mittelalters unter besonderer Berücksichtigung der englischen und nordischen Literatur*. 1876, и *Germania*, XX: *Zur älteren romantischen Literatur im Norden*) не даетъ указаній о началѣ воздѣйствія рыцарской любовной лирики на старо-сѣверную скальдику; статья же Мебиуса: *Vom Stef* (*Germania*, XVIII) касается лишь вопросовъ метрики^н.

Въ новыя времена на пѣснь Гаральда было обращено вниманіе разными поэтами; между прочимъ ей подражалъ отчасти любимецъ Батюшкова Парни въ пѣснѣ Иснеля, вставленной въ его поэму „*Isnel et Aslèga*“ (ч. II). На русскій языкъ пѣснь Гаральда впервые была переведена въ прозѣ Ф. П. Монсѣнковымъ во Введеніи въ Датскую исторію, соч. Маллета. С.—Пб. 1785, ч. II, стр. 169—170. Едва ли не первый переводъ въ стихахъ принадлежитъ Ип. Ф. Богдановичу (Соч., смірн. изд., т. I, стр. 322—323); другой былъ сдѣланъ Н. А. Львовымъ и изданъ въ 1793 г. отдѣльною брошюрой, подъ заглавіемъ: „Пѣснь норвежскаго витязя Гаральда Храбраго“; здѣсь пѣсня „переложена на російскій языкъ образомъ древняго стихотворенія съ примѣру: „Не звѣзда блеститъ далече во чистомъ полѣ“, и русское переложеніе напечатано рядомъ съ французскимъ переводомъ Малле (ср. Соч. Держ., 1-е акад. изд., т. VII, стр. 627—628). Карамзинъ, въ своей *Исторіи госуд. Росс.*, т. II, прим. 41, также помѣстилъ переводъ Гаральдовой пѣсни въ прозѣ, сопроводивъ его слѣдующею замѣткой о дочери великаго князя Ярослава Владиміровича Елизаветѣ, за которую сватался Гаральдъ: „Елизавета не презирала его: онъ слѣдовалъ единственно обыкновенію тогдашнихъ нѣжныхъ рыцарей, которые всегда жаловались на мнимую жестокость своихъ любовницъ. По хѣтосчисленію Даллина, Гаральдъ женился на Елизаветѣ въ 1045 году (см. *Gesch. des R. Schw.*, II, 7). Она скоро умерла, оставивъ двухъ дочерей, Ингигерду и Марію (Стурлез. *Hist. Reg. Sept.*, II, 94): первая вышла за Филиппа, короля Шведскаго. Мужественный зять Яро-

славовъ положилъ свою голову въ Англїи, сражаясь съ королемъ Гаральдомъ Годвинсономъ, въ 1066 году⁴. Державинъ (Соч., 1-е акад. изд., т. VII, стр. 592), въ своемъ разсужденіи о лирической поэзии, находилъ сходство въ выраженїяхъ Гаральдовой пѣсни и Слова о полку Игоревѣ, а преемв. Евгений, въ примѣчанїяхъ на означенное разсужденіе (тамъ же, стр. 615), выразилъ мнѣніе, что „стихотвореніе сіе нѣкоторымъ образомъ можетъ принадлежать къ нашему, или по крайней мѣрѣ будетъ образцомъ, съ коимъ могла тогда соображаться и русская поэзія“.

Батюшковъ для своего перевода воспользовался, безъ сомнѣнїя, брошюрой Львова; удерживая общій смыслъ подлинника, онъ, по своему обыкновенїю, не старался быть особенно точнымъ въ подробностяхъ (ср. гл. X биографическаго очерка).

ХСVII.

Миценіе.

Элегія эта напечатана: 1) въ Вѣстникѣ Европы 1816 г., ч. 89, № 19 и 20, октябрь, стр. 204—206, съ подписью Б. . . . 2) въ Опытѣхъ, ч. II, стр. 35—38; 3) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 29—31; 4) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 37—39. Текстъ Вѣстника представляетъ слѣдующіе

варианты:

Между стт. 36 и 37 находится еще слѣдующій стихъ:

О нѣга томная—источникъ сладкихъ слезъ!
Ст. 51: въ полуночь

Стихотвореніе отнесено къ 1816 г. по времени появленїя его въ Вѣстникѣ Европы. Оно составляетъ подражаніе IX-й элегїи IV-й книги Парни; заглавіе дано Батюшковымъ; первая половина стихотворенїя мало походитъ на подлинникъ; вторая, начиная со ст. 37-го, составляетъ почти переводъ его.

ХСVIII.

Посланіе къ А. И. Тургеневу.

Посланіе это напечатано: 1) въ Пантеонѣ р. поэзїи, ч. VI, стр. 234—237, подъ заглавіемъ: „Къ другу“; 2) въ Сынѣ Отеч. 1816 г., ч. 53, № 45, 10-го ноября, стр. 262—264, подъ заглавіемъ: „Посланіе къ“, съ подписью Б. и помѣтою: „Москва, 14-го октября 1816 г.“; 3) въ Опытѣхъ, ч. II, стр. 142—145; 4) въ Московск. Альманахѣ на 1826 г., стр. 206—208; 5) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 141—143; 6) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 153—155,—вездѣ подъ

заглавіемъ: „Посланіе къ Т—ву“; 7) въ Русск. Старинѣ 1876 г., т. XVI, стр. 201—202; 8) въ Истор. Вѣстникѣ 1883 г., т. XII, стр. 236—238. Въ послѣднихъ двухъ изданіяхъ посланіе это входитъ въ составъ письма Батюшкова къ Тургеневу, отъ 14-го октября 1816 г. (ср. т. III, стр. 405—407).

Варианты:

- Ст. 14 (Пант., С. От., письмо): Поэза смирнаго коленье,
 Ст. 20 (ibid., Опыты, изд. 1834г.): съ рублями вм. съ сергами.
 О г-жѣ Поповой см. въ т. III, стр. 406, 407 и 741.

XCIX.

Къ цвѣтамъ нашего Горация.

Написъ эта напечатана: 1) въ Опытѣхъ, ч. II, стр. 204; 2) въ Опытѣ русск. анекдотівъ, стр. 112; 3) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 200; 4) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 210.

По свидѣтельству М. А. Дмитріева (Мелочи, стр. 201), піеса эта „написана Батюшковымъ къ И. И. Дмитріеву, при попыткѣ ему цвѣточныхъ сѣмянъ“. Дмитріевъ въ 1814 г. переселился на жительство изъ Петербурга въ Москву и принялся за устройство своего новаго дома и особенно сада при немъ: это доставляло ему большое удовольствіе, и знакомые нерѣдко дарили ему деревья, цвѣты и цвѣточныя сѣмена (Взглядъ на мою жизнь, стр. 240); Батюшковъ, въ бытность свою въ 1816 году въ Москвѣ, находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ Дмитріевымъ (т. III, стр. 369; М. А. Дмитріевъ. Мелочи, стр. 123).

С.

Къ портрету Жуковскаго.

Написъ эта напечатана: 1) въ Вѣстникѣ Европы 1817 г., ч. XCI, № 3, февраль, стр. 183, съ подписью Б. Б.; 2) подъ гравированнымъ портретомъ В. А. Жуковскаго, который приложенъ къ 5-й части его „Переводовъ въ прозѣ“ (М. 1817), изд. М. Т. Каченовскимъ; 3) въ Опытѣхъ, ч. II, стр. 205; 4) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 201; 5) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 211. Въ двухъ первыхъ изданіяхъ находимъ слѣдующій

вариантъ:

- Ст. 1: Любимецъ гѣлныхъ музъ, предъ нашею столицей.

Объ этой надписи, написанной Батюшковымъ „по заказу“ Каченовскаго, слѣдовательно, въ бытность его въ Москвѣ въ 1816 г., нашъ поэтъ упоминаетъ въ письмѣ своемъ къ Жуковскому отъ юня 1817 г. (т. III, стр. 447).

СІ.

Гезіодъ и Омиръ соперники.

Элегія эта напечатана: 1) въ Опытахъ, ч. II, стр. 91—100; 2) въ Радугѣ на 1833 г., стр. 246—255, безъ подписи; 3) въ Новомъ собраніи русск. соч. и перев., ч. I, стр. 82—87; 4) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 77—84; 5) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 87—94.

Варианты:

- Ст. 31 (Оп.): Весну, веселую сопутницу Гіадъ:
 (Изд. 1834 г.): Весну, роскошную.
 Ст. 32 (Оп.): пріятнымъ гласомъ вм. веселимъ.

Примѣчаніе, сопровождающее элегію, Батюшковъ предполагалъ не помѣщать въ томъ изданіи своихъ стихотвореній, которое онъ подготавливалъ въ бытность свою за границей.

Изъ писемъ нашего поэта къ Вяземскому, отъ 14-го января, и къ Гнѣдичу, отъ второй половины февраля 1817 г. (т. III, стр. 413, 417), видно, что піеса была окончательно отдѣлана имъ въ началу этого года.

Стихотвореніе составляетъ близкій переводъ античной элегіи Мильвуа: „Combat d'Homère et d'Hésiode“. Преданіе о поэтическомъ состязаніи между Гомеромъ и Гезіодомъ встрѣчается въ приписываемомъ Плутарху философскомъ діалогѣ: „Пиръ семи мудрецовъ“, гл. X, а также у нѣкоторыхъ позднѣйшихъ греческихъ грамматиковъ (Fabricii Bibliotheca Graeca, t. I, p. 570, Harl.); оно же составляетъ тему небольшого анонимнаго трактата: 'Αἴων Ὀμήρου καὶ Ἡσίοδου. Въ русской піесѣ уклоненія переводчика отъ французскаго подлинника не значительны; изъ числа ихъ отмѣтимъ только прекрасный послѣдній стихъ, соответствующаго которому нѣтъ у Мильвуа; у сего послѣдняго стихотвореніе оканчивается такими строками:

Et tous deux, sans regrets quittant ces bords ingrats,
 Vont chercher des amis, qu'ils ne trouveront pas.

По замѣчанію Бѣлинскаго (Соч., т. VIII, стр. 258), „немного нужно проницательности, чтобъ понять, что подъ перомъ Батюшкова эта поэма явилась болѣе греческою, чѣмъ въ оригиналѣ. Вообще эта поэма не безъ достоинствъ, хотя въ то же время и не отличается слишкомъ большими достоинствами, какъ бы этого можно было ожидать отъ ея сюжета“.

СII.

Умирающій Тассъ.

Эта элегія напечатана: 1) въ Опытахъ, ч. II, стр. 243—253, а примѣчаніе къ ней на 3 нумерованныхъ страницахъ въ началѣ книги; 2) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 2—9, а примѣчаніе на стр. 265—268; 3) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 8—15, а примѣчаніе на стр. 295—299. Приготовляя за границей новое изданіе своихъ стихотвореній въ 1820 году, Батюшковъ зачеркнулъ послѣднія пять строкъ примѣчанія; но мы сочли полезнымъ сохранить ихъ въ текстѣ по тому интересу, который онѣ представляютъ для характеристики автора.

Время сочиненія этой элегіи—съ февраля по апрѣль 1817 года ¹⁾—точно опредѣляется письмами Батюшкова къ Гнѣдичу отъ февраля, марта и мая 1817 г. (т. III, стр. 417, 419, 421 и 437), а также письмомъ къ вн. Ваземскому, отъ 4-го марта того же года (т. III, стр. 428, 429). Кроме того, Батюшковъ говоритъ объ этой піесѣ въ письмахъ своихъ къ Жуковскому и къ двумъ вышеозначеннымъ лицамъ отъ іюня и іюля 1817 г. (т. III, стр. 447, 452, 455—457).

Элегія Батюшкова есть произведеніе оригинальное, вполне ему принадлежащее; онъ самъ указываетъ на это въ слѣдующихъ словахъ одного изъ писемъ своихъ къ Гнѣдичу: „И сюжетъ, и все—мое. Собственная простота“ (т. III, стр. 419). Тѣмъ не менѣе было высказано мнѣніе, что это—піеса заимствованная. Такъ, въ дневникѣ В. К. Кюхельбекера (Р. Старина 1883 г., т. XXXIX, стр. 262), подъ 28-мъ апрѣля 1834 г., встрѣчается слѣдующая замѣтка: „Fiat justitia et pereat mundus! Хотя жаль, а должно же наконецъ сказать, что Батюшковъ вовсе не заслуживаетъ громкихъ похвалъ за „Умирающаго Тасса“, какими кадили ему за это стихотвореніе, когда онъ еще здравствовалъ и какими еще и понынѣ, напримѣръ, въ Телеграфѣ, кадятъ за оное его памяти. „Умирающій Тассъ“—переводъ съ французскаго; подлинникъ охотники могутъ отыскать въ французскомъ Альманахѣ музъ 90-хъ годовъ; авторъ—женщина“. Въ виду этого указанія мы сочли долгомъ сдѣлать точную справку: графъ А. А. Бобринскій и Ѳ. А. Браунъ, по нашей просьбѣ, приняли на себѣ трудъ просмотрѣть въ Парижской Національной бібліотекѣ *Almanach des Muses* съ 1790 по 1801 г. и не нашли въ немъ никакого стихотворенія, которое напоминало бы по содержанію „Умирающаго Тасса“. Подозрѣнія Кюхельбекера не подтвердились и нашими собственными поисками въ другихъ французскихъ альманахахъ означеннаго періода, какіе имѣются въ Имп. Публичной Библіотекѣ, а равно въ собраніяхъ сочиненій разныхъ писательницъ конца прошлаго и начала текущаго вѣковъ. Прибавимъ еще, что указаній на подобное произведеніе не встрѣчается у извѣстныхъ намъ историковъ французской литературы того же времени. Единственный намекъ на сходство по основной задачѣ—смерть поэта—можно бы видѣть въ элегіи Мильвуа „*Les derniers moments de Virgile*“; но въ

¹⁾ На верху страницъ 253—260 настоящаго тома ошибочно означенъ 1816 годъ.

содержаніи этой слабой піесы и стихотворенія Батюшкова нѣтъ ничего похожаго. Стихотвореніе Гежезиппа Моро (род. въ 1810 г., ум. въ 1838), изображающее торжественный въѣзд Тасса въ Римъ, написано, разумѣется, гораздо позже, чѣмъ элегія Батюшкова. Наконецъ, еслибы стихотвореніе, изображающее смерть Тасса, существовало во французской литературѣ, то элегію Батюшкова не стали бы переводить на французскій языкъ, а такихъ переводовъ существуетъ два: одинъ въ сборникѣ P. F. Dupré de Saint-Maure. *Anthologie russe ou recueil de plusieurs piéces choisies traduites en vers français*. Paris. 1823, стр. 16—21, а другой—въ сборникѣ Eugène de Porry. *Fleurs littéraires de la Russie ou choix des compositions les plus brillantes et les plus populaires de la littérature russe*. P. 1861, стр. 112—122, оба въ стихахъ¹⁾.

Подробное объясненіе „Умирающаго Тасса“ и отношеній этой элегіи къ личности автора см. въ гл. X биографическаго очерка. Разборъ ея, съ эстетической точки зрѣнія, сдѣланъ былъ П. А. Плетневымъ, напечатанъ въ *Журналѣ изящныхъ искусствъ* 1823 г., ч. I, стр. 210—227, и перепечатанъ въ *Сочиненіяхъ и перепискѣ Плетнева*. С.-Пб. 1885, т. I, стр. 96—112. Отзывъ объ „Умирающемъ Тассѣ“ С. С. Уварова см. въ т. III, стр. 749.

Эпиграфъ къ элегіи взятъ Батюшковымъ изъ трагедіи Т. Тасса „*Torrismondo*“ и составляетъ конецъ хора, которымъ заключается послѣднее, 5-е дѣйствіе піесы. Стихи эти приведены у Спсмонди въ его сочиненіи: *De la littérature di midi de l'Europe*, т. II, прим. въ концѣ гл. XIV.

Для составленія примѣчанія къ элегіи Батюшкову служили пособіями вышеупомянутое сочиненіе Спсмонди, т. II, и Ginguené. *Histoire littéraire de l'Italie*, t. V.

— Стт. 45—71. А. Д. Галаховъ, въ своей „Исторіи русской литературы“, изд. 2-е, т. II, стр. 267, по поводу этихъ стиховъ замѣчаетъ, что многое, сказанное въ нихъ „о судьбѣ Тасса, примѣнялось Батюшковымъ къ обстоятельствамъ своей жизни“. Къ этому справедливому замѣчанію нужно прибавить, что именно въ этой части своей элегіи Батюшковъ подражалъ собственнымъ стихамъ Тасса въ канцонѣ, начинающейся:

O del grand' Apennino
Figlio piccolo sì, ma glorioso...

Приводимъ отсюда нѣкоторыя мѣста:

Oimè! dal dì, che pria
Trassi l'aure vitali, e i lumi apersi
In questa luce a me non mai serena,
Fui dell'ingiusta, e ria

¹⁾ Кстати замѣтить, что „кажденіе“ Полеваго Батюшкову, на которое указываетъ Кюхельбекеръ, ограничивается слѣдующими не многими словами, сказанными критикомъ мимоходомъ въ разборѣ „Балладъ и повѣстей“ Жуковскаго (С.-Пб. 1831): „Умирающій Тассъ“ доказываетъ, что Батюшковъ могъ глубоко чувствовать“ (Очерки русской литературы. Соч. Н. Полеваго. С.-Пб. 1839, ч. I, стр. 119.

Trastullo e segno: e di sua man sofferesi
Piaghe, che lunga et à risalda appena.

Me dal sen della madre empia Fortuna
Pargoletto divelse: ah! di que'baci,
Ch'ella bagnò di lagrime dolenti,
Con sospir mi rimembra, e degli ardenti
Pregghi, che sen portar l'auta fugaci,
Ch'io giunger non dovea più volto a volto
Fra quelle braccia accolto
Con nodi così stretti, e sì tenaci.
Lasso! e seguì con mal sicure piante,
Qual Ascanio, o Camilla, il padre errante...

По поводу стт. 59-го и 60-го Батюшковъ самъ даетъ объясненіе въ письмѣ къ Гнѣдичу, отъ начала іюля 1817 г. (т. III, стр. 455, 456), при чемъ ссылается на изображеніе Фортуны у Данта (оно находится не въ „Purgatorio“, какъ говоритъ нашъ поэтъ, а въ „Inferno“, с. VII, *terz.* 21—32), на Горациеву оду Ad Fortunam (I, XXXV), на XIII-е письмо Сенеки къ Луцилію, гдѣ философъ разсуждаетъ о мужествѣ, требуемомъ сохраненіемъ добродѣтели, и по этому поводу говоритъ объ ударахъ судьбы, и наконецъ, на статью о Фортунѣ въ „Dictionnaire de la Fable“ Ноэля.

Любопытно также замѣчаніе Батюшкова, въ томъ же письмѣ, о выраженіи „Италія моя“ (ст. 47), которое дѣйствительно часто встрѣчается у итальянскихъ поэтовъ. Плетневъ (Соч., т. I, стр. 105, 106) хотя не имѣлъ въ виду этого послѣдняго обстоятельства, тѣмъ не менѣе вѣрно опредѣлилъ смыслъ этого выраженія въ слѣдующихъ словахъ: „Тассъ называетъ Италію своею въ томъ смыслѣ, что онъ въ ней родился. Между тѣмъ сколько еще другихъ понятій, при этомъ выраженіи, пробуждается въ душѣ читателя! Тассъ долженъ назвать Италію своею, потому что не возможно произнести имени страны сей, не вспоминая той славы, которую онъ ей доставилъ, тѣхъ страданій, которыя онъ въ ней перенесъ, и которыя также слились съ ея именемъ, наконецъ тѣхъ почестей, которыя она ему воздать готовилась. Итакъ, одно слово становится источникомъ безчисленнаго множества другихъ мыслей“

По поводу ст. 61-го Плетневъ (Соч., т. I, стр. 103) дѣлаетъ слѣдующее справедливое замѣчаніе: „Если бы здѣсь можно было поставить: изъ страны то выраженіе сдѣлалось бы точнѣе и правильнѣе“. Но замѣтка того же критика о смыслѣ стт. 63-го и 64-го (тамъ же, стр. 103—104) совершенно не основательна. Стихи эти напечатаны въ „Опытахъ“ такимъ образомъ:

Повсюду персть ея неотразимый!
Повсюду молніи карающей гвѣца!

Плетневъ печатаетъ ихъ съ такою пунктуацией:

Повсюду персть ея неотразимый,
Повсюду молніи, карающей гвѣца.

И затѣмъ онъ говоритъ: „Во всей элегїи сїи два стиха мы находимъ менѣе совершенными другихъ. Если въ первомъ стихѣ мѣстоимѣніе ея отнести (какъ и должно по пунктуаціи оригинала) къ слову: Фортуна, то второй стихъ совершенно потеряетъ смыслъ. Если же это мѣстоимѣніе относится къ слову: молнія во второмъ стихѣ, то олицетвореніе молніи, карающей перстомъ своимъ человѣка, ослабляетъ ея дѣйствіе въ естественномъ видѣ; притомъ же оборотъ сего періода становится не совсѣмъ русскимъ. У насъ многіе первоклассные поэты, употребляютъ личное мѣстоимѣніе прежде имени, какъ здѣсь: „повсюду персть ея... повсюду молніи“, наприм. А. Пушкинъ:

Она прошла, пора стиховъ...

или, онъ же:

Ты ихъ узнала, дѣва горъ....

Но такое словосочиненіе свойственнѣе, кажется, французскому языку, съ котораго оно и взято въ русскій, какъ наприимѣръ:

Elle a vécu, Myrto, la jeune Tarentine... (Chenier).

Ils ne sont plus, ces jours délicieux... (Parny)“.

Здѣсь есть явное недоразумѣніе со стороны критика: въ стихѣ 64-мъ въ „Опытахъ“ несомнѣнная опечатка: карающей вмѣсто карающа, — что и доказывается дѣйствительною пунктуаціей „Опытовъ“; при этомъ мѣстоимѣніе ея (въ ст. 63-мъ) должно, разумѣется, быть отнесено къ слову Фортуна (въ ст. 59-мъ), а затѣмъ ст. 64-й получаетъ отдѣльный смыслъ. Въ нашемъ изданіи упомянутая опечатка устранена; но странно, что она осталась безъ исправленія въ изданіяхъ 1834 и 1850 годовъ.

— ст. 81. Плетневъ (Соч., т. I, стр. 107, 108) удачно сближаетъ эти слова, вложенныя въ уста Тасса, со стихами знаменитой Горациевой оды (III, XXX):

Exegi monumentum aere perennius,

Regalique siti pyramidum altius...

и со словами Державина въ одѣ „На смерть графини Румянцевой (Соч., 1-е акад. изд., т. I, стр. 221):

Враговъ моихъ червь кости гложеть:

Но я пѣть—и не умру.

СIII.

Вакханка.

Піеса эта напечатана: 1) въ Опытахъ, ч. II, стр. 175—176; 2) въ Карман. Библіотекѣ Аонидъ, стр. 152—153; 3) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 174—175; 4) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 186—187.

Относимъ это стихотвореніе къ 1816 или 1817 году приблизительно, потому что оно не появлялось въ печати ранѣе изданія „Опытовъ“ и притомъ отличается большимъ мастерствомъ стиха. По поводу этого стихотворенія Бѣлинскій (Соч., т. VIII, стр. 255—256) замѣчаетъ: „Есть у него (Батюшкова) піеса, которую можно назвать апофеозомъ чувственной страсти, доходящей въ неукротимомъ стремленіи вождельнія до бѣшеннаго и, въ то же время, въ высшей степени поэтическаго и граціознаго безумія. Этимъ страстнымъ вдохновеніемъ обязанъ нашъ поэтъ самой древности, и содержаніе взято имъ изъ ея мифологической жизни: оно въ яркихъ краскахъ рисуетъ веселое празднество и обаятельно-буйныхъ, очаровательно-безстыдныхъ жрицъ Вакха... Такіе стихи и въ наше время превосходны; при первомъ же своемъ появленіи, они должны были поразить общее вниманіе, какъ предвѣстіе скорого переворота въ русской поэзіи. Это еще не пушкинскіе стихи; но послѣ нихъ уже надо было ожидать не другихъ какихъ-нибудь, а пушкинскихъ“. Надобно однако сказать, что мотивъ и нѣкоторыя отдѣльныя черты въ этомъ стихотвореніи взяты у Парни, изъ IX-й піесы его „Déguisements de Venus“. Приводимъ подлинникъ, чтобы облегчить сравненіе и вмѣстѣ съ тѣмъ указать, какъ фантазія Батюшкова умѣла очищать и дѣлать богѣе изящными грубые нерѣдко и въ то же время блѣдные образы Парни:

D'Érigone c'était la fête.
 Des bacchantes sur les coteaux
 Coursaient sans ordre et sans repos.
 La plus jeune pourtant s'arrête,
 Nomme Myrtis, et fuit soudain
 Sous l'ombrage du bois voisin.
 Le lierre couronne sa tête;
 Ses cheveux flottent au hasard;
 Le voile qui la couvre à peine,
 Et que des vents enfle l'haleine,
 Sur son corps est jeté sans art;
 Le pamre forme sa ceinture,
 Et de ses bras fait la parure;
 Sa main tient un thyrses léger.
 Sa bouche riante et vermeille
 Présente à celle du berger
 Le fruit coloré de la treille.
 Son abandon, sa nudité,
 Ses yeux lascifs et son sourire,
 Promettent l'amoureux délire
 Et l'excès de la volupté.
 Au loin ses bruyantes compagnes
 De cymbales et de clairons
 Fatiguent l'écho des montagnes,
 Mêlant à leurs libres chansons
 La danse qui peint avec grâce

L'embarras naissant du désir,
Et celle ensuite qui retrace
Tous les mouvements du plaisir.

Пушкинъ усвоилъ себѣ размѣръ и манеру Батюшкова въ этомъ стихотвореніи при переводѣ другаго отрывка изъ „Déguisements de Venus“—„Прозерпина“.

Весьма слабый разборъ „Вакханки“ былъ напечатанъ В. Н. Олиннымъ въ газетѣ Рецензентъ 1821 г., № 10.

CIV.

Мечта.

Элегія эта, первоначально написанная въ 1802—1803 гг., какъ уже объяснено выше на стр. 302 настоящаго тома, подвергалась со стороны автора неоднократнымъ исправленіямъ. Полная передѣлка элегій восходитъ къ 1811 г., а послѣднія исправленія въ ней относятся къ 1817 г.; въ этомъ окончательномъ видѣ элегія появилась на страницахъ ч. II „Опытъ“ и перепечатывается здѣсь. Тексты же Собранія р. стихотвореній (1811 г.) и Образцовыхъ сочиненій (1817 г.), а равно рукопись, принадлежащая П. А. Висковатову, даютъ слѣдующіе

варіанты:

Ст. 4	(С. р. ст., Обр. Соч., В.):	гдѣ мирная пустыня,
Ст. 5	(Обр. Соч., В.):	Къ которымъ правншь ты.....
Ст. 6	(С. р. ст., Обр. Соч., В.):	Иль любишь дебри ты и грозныхъ скалъ
хребеть,
Ст. 8	(ibid.):	Иль Муромскн лѣса угрюмы посѣщаешь,
Ст. 13	(ibid.):	ты ходишь по лугамъ,
Ст. 17	(ibid.):	Тобою вдохновеннымъ.
Ст. 27	(ibid.):	По небу носится.....
Ст. 31	(ibid.):	И эхо по холмамъ.....
Ст. 33	(С. р. ст., Обр. Соч., В.):	скальда гласъ
Ст. 35—37	(ibid.):	Сонмъ юношей безмолвный,
Склоняся на щиты, кругомъ его стоитъ,
И внимлетъ съ трепетомъ глаголъ его
священный.
Ст. 38	(С. р. ст., Обр. Соч., В.):	Царь пѣсней, древній скальдъ, мечтой
одушевленный
Ст. 39	(ibid.)	нѣтъ.
Ст. 40	(Обр. Соч.):	гдѣ прахъ героя спитъ.
	(С. р. ст., В.):	гдѣ прахъ героевъ спитъ.
Ст. 41—42	(С. р. ст., Обр. Соч., В.):	— составляютъ одну строку.
Ст. 43	(ibid.):	въ прозрачныхъ облакахъ.
Ст. 46	(ibid.):	Миръ праху твоему, герой!

- Ст. 48 (ibid.): Низвергнуть сильныхъ вождь, поля его
разбиты.
- Стт. 49—56 (ibid.): Ты палъ на груди тѣлѣ
Отъ тучи вражнихъ стрѣлъ,
Палъ витязь знаменитый...
И се ужъ надъ тобой,
Мой юноша герой,
Посланницы небесны,
Валькири прелестны,
Съ улыбкой на устахъ,
Съ копьемъ златымъ въ рукахъ,
Протяжнымъ хороводомъ
Со мѣсячнымъ восходомъ
Спустились въ облакахъ,
Невидимо спустились.
- Ст. 61 (ibid.): Ты самъ безплотный духъ
- Ст. 62 (ibid.): безвѣстна міра
- Ст. 68 (ibid.): На бархатныхъ лугахъ, среди прохладныхъ
сѣней,
- Ст. 70 (ibid.): И быстроногихъ сернь.
- Ст. 73 (ibid.): Тамъ съ арфой золотомъ
нѣтъ въ рукописи П. А. Висковатова.
- Стт. 87—88
- Ст. 92 (С. р. ст., Обр. Соч., В.): свѣтлый медь.
- Ст. 96 (ibid.): О сладостна мечта!.....
- Ст. 98 (ibid.): Гдѣ обмываютъ брегъ Гиперборейски воды,
Въ часъ полночи глухой
Раздастся вѣтровъ вой
- Стт. 106—108 Въ рукописи П. А. Висковатова вмѣсто этихъ трехъ стиховъ
только одинъ:
И вдвое счастливъ былъ.
- Ст. 106 (С. р. ст., Обр. Соч.): на персяхъ красоты,
- Ст. 108 (ibid.): И вдвое счастливъ былъ въ мечтахъ!
- Ст. 109 (С. р. ст., Обр. Соч., В.): Волшебница мечта! Дары.....
- Ст. 111 (ibid.): Съ котомкой нищему, невольнику въ цѣпяхъ.
- Стт. 115—116 (ibid.): И глиняный сосудъ съ холодною водой
Украшены твоей, волшебница, рукой.
- Ст. 119 (С. р. ст., Обр. Соч.): любимца твоего.
- Ст. 126 (С. р. ст., Обр. Соч., В.): Что предъ тобою душъ холодныхъ радость,
нѣтъ.
- Ст. 127 (ibid.)
- Ст. 128 (В.): Тому, кто ничего не ищетъ подъ луной,
И милый прахъ сокрытъ въ землѣ сырой.

Въ Собраніи р. ст. и въ Образц. Сочиненіяхъ послѣдній стихъ такъ:

И милый прахъ друзей сокрытъ въ землѣ сырой.

Стт. 129—130 нѣтъ въ Собраніи р. стихотв., въ Обр. Соч. и у В.

Стт. 131—144 нѣтъ у В.

- Ст. 131 (С. р. ст., Обр. Соч.): Кто въ жизни не любилъ и въ часъ глубокой ночи
нѣтъ.
Стт. 132—135 (ibid.)
Ст. 137 (ibid.): Всю сладость не вкушалъ обманчивой мечты?
- Ст. 153 (С. р. ст., Обр. Соч., В.): Ты съ лирою въ рукахъ мечталъ,
Стт. 167—168 у В. пропущены слова:
мечтой
Восторженъ сладострастной.
- Ст. 185 (С. р. ст., Обр. Соч., В.): и въ красотахъ природы.
Ст. 192 (ibid.): Не расточитесь тамъ ужъ болѣе цвѣтовъ
Ст. 194 (ibid.): могли разрываться.
Ст. 197 (ibid.): Во вѣкъ даровъ.....
Ст. 203 (ibid.) нѣтъ.
Ст. 204 (ibid.): Души поэтовъ свойство

CV.

Къ Н. М. Муравьеву.

Посланіе это напечатано: 1) въ *Опытахъ*, ч. II, стр. 199—201; 2) въ *Соч.*, изд. 1834 г., ч. II, стр. 195—197; 3) въ *Соч.*, изд. 1850 г., т. II, стр. 205—207,—вездѣ подъ заглавіемъ: „Къ Н.“. „Опыты“ и изданіе 1834 г. даютъ слѣдующіе

ВАРІАНТЫ:

- Стт. 33—34 переставлены въ обратномъ порядкѣ.
Ст. 44: Мы „хвалимъ Господа“ поемъ.

Время сочиненія этого посланія точно опредѣляется письмомъ къ Гибичу, отъ начала іюля 1817 г. (т. III, стр. 457). Изъ писемъ Батюшкова видно, что онъ питалъ самое дружеское расположеніе къ Н. М. Муравьеву и высоко цѣнилъ его дѣйствительно блестящія способности. Каковы были отношенія Н. М. Муравьева къ Батюшкову—трудно опредѣлить въ точности; изъ замѣчаній Муравьева, сдѣланныхъ имъ на поляхъ I-й части принадлежавшаго ему экземпляра „Опытовъ“, слѣдуетъ, кажется, заключать, что Никита Михайловичъ не сочувствовалъ умѣреннымъ убѣжденіямъ Батюшкова. Обнародованныя въ печати свѣдѣнія о Н. М. Муравьевѣ большею частью указаны въ книгѣ А. Н. Пыпина: *Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I*. Изд. 2-е. С.-Пб. 1885, стр. 492. Вышеупомянутыя замѣтки Муравьева на прозу Батюшкова см. въ примѣчаніяхъ т. II настоящаго изданія.

— Стт. 17—44 должно сравнить съ замѣткой о живописности „новѣйшихъ сраженій“ въ записной книжкѣ Батюшкова (т. II, стр. 313).

CVI.

Бесѣдка музъ.

Стихотвореніе это напечатано: 1) въ Сынѣ Отечества 1817 г., ч. 39, № 28, іюля 13-го, стр. 63—64, какъ извлеченное изъ печатавшейся въ то время II-й части „Опытовъ“; 2) въ Опытахъ, ч. II, стр. 254—256; 3) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 119—120; 4) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 131—132.

Стихотвореніе относится къ 1817 г., что видно изъ письма къ Гнѣдичу отъ мая 1817 г., при которомъ піеса была ему послана (т. III, стр. 440). Объясненіемъ къ ней могутъ служить слѣдующія строки того же письма (стр. 441): „Я убралъ въ саду бесѣдку по моему вкусу, въ первый разъ въ жизни. Это меня такъ веселитъ, что я не отхожу отъ письменнаго столѣика, и вѣришь ли?—цѣлые часы, цѣлыя сутки просяживаю, руки сложа на крестъ“ (ср. т. III, стр. 449).

CVII.

Къ друзьямъ.

Напечатано: 1) въ Опытахъ, ч. II-й; 2) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II; 3) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, — во всѣхъ трехъ изданіяхъ, какъ предисловіе къ стихамъ.

Относимъ это стихотвореніе къ 1817 г. по его содержанію.

CVIII.

Къ С. С. Уварову.

Посланіе это напечатано: 1) въ Сѣверн. Цвѣтахъ на 1826 г., стр. 4, подъ заглавіемъ: Къ NN; 2) въ Литер. Прибавленіяхъ къ Русс. Инвал. 1833 г., № 46, стр. 367, съ тѣмъ же заглавіемъ; 3) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 164, съ тѣмъ же заглавіемъ; 4) въ Москвитянинѣ 1841 г., ч. V, стр. 189—190; 5) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 176. Въ настоящемъ изданіи посланіе печатается по Москвитянину, такъ какъ М. П. Погодинъ пользовался автографомъ Ватюшкова. Текстъ Сѣверныхъ Цвѣтовъ, Литер. Прибавленій и изданій 1834 и 1850 гг. представляетъ слѣдующіе, неизвѣстно откуда происходящіе

варианты:

Ст. 3:	Ты не утратилъ....
Ст. 4:	Еще ты любишь....
Ст. 5:	Твоей вм. его.
Ст. 7:	И Аполлоновъ борзый конь
Ст. 8:	...тебя въ Клееру вм. его въ Цитеру...
Ст. 9:	Отъ древней Спарты до Афинъ,
Ст. 11:	До стѣнъ Пальмиры и Солима
Ст. 12:	Умомъ ты міра гражданниъ.
Ст. 13:	Ты любишь....
Ст. 15:	И насъ уносишь за собой
Ст. 16:	Въ міры фантазиі....
Ст. 17:	Тебѣ легко: ты награжденъ,

Стихотвореніе это относится къ 1817 г.; оно было написано Батюшковымъ собственноручно, въ видѣ посвященія, на экземплярѣ его „Опытовъ“, который онъ подарилъ С. С. Уварову. Экземпляръ этотъ хранится въ библиотекѣ села Порѣчья, въ Можайскомъ уѣздѣ Московской губерніи.

СІХ.

Н. М. Карамзину.

Это посланіе напечатано: 1) въ Полярной Звѣздѣ на 1824 г., стр. 21—22; 2) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 123—124; 3) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 135—136; 4) въ Утрѣ, сборникѣ, изданномъ М. Погодинымъ. М. 1866, стр. 186—187; 5) въ Русск. Архивѣ 1866 г., ст. 653, подъ заглавіемъ: „Къ Творцу Исторіи Государства Россійскаго“. Печатается нами по изданію 1834 г. Въ Утрѣ и Русскомъ Архивѣ находится слѣдующій

вариантъ:

Ст. 13: Съ какою жаждою внималъ.

Стихотвореніе это было сообщено Батюшковымъ А. Н. Тургеневу (т. III, стр. 469—470) и затѣмъ послано Е. А. Карамзинной при письмѣ отъ имени неизвѣстнаго (тамъ же, стр. 470—471). При печатаніи III-го тома настоящаго изданія мы отнесли оба вышеупомянутыя письма къ сентябрю 1817 г., но это не вѣрно. I-й томъ „Исторіи государства Россійскаго“ дѣйствительно уже былъ оконченъ печатаніемъ къ сентябрю 1817 г., но въ продажу не поступалъ до окончанія печатанія слѣдующихъ семи томовъ. Батюшковъ, пріѣхавшій въ Петербургъ въ концѣ августа 1817 г., едва ли могъ уже въ то время ознакомиться съ трудомъ Карамзина; напротивъ того, изъ письма его къ Тургеневу, отъ 30-го іюля 1818 г., изъ Одессы (т. III, стр. 525), видно,

что лишь въ это время онъ читалъ „Исторію“ Карамзина, поступившую въ продажу лишь въ февралѣ 1818 г. Поэтому и посланіе къ Карамзину могло быть написано только въ 1818 г.; это подтверждается и словами самого нашего поэта, который, въ письмѣ къ Тургеневу, отъ 10-го іюля 1818 г. (т. III, стр. 534), посылаетъ поклонъ Е. А. Карамзиной и притомъ прибавляетъ: „Везу ей подарокъ: пусть угадаетъ какой!“ Подарокъ этотъ, безъ сомнѣнія, и составляло посланіе къ Николаю Михайловичу.

Поэтическій мотивъ для посланія Батюшкова нашелъ въ извѣстномъ разсказѣ изъ жизни Фукидида, который переданъ между прочимъ М. Н. Муравьевымъ, въ „Эмиліевыхъ письмахъ“, слѣдующими словами: „Когда Геродотъ читалъ исторію свою на Олимпійскихъ играхъ, тогда все несчетное множество греческихъ народовъ въ глубокомъ молчаніи упоевалось слушаніемъ, и громъ плесканій увѣнчалъ оное. Каждая изъ девяти книгъ его удостоена именования Музы; а юный Фукидидъ, въ числѣ слушателей, проливалъ слезы соревнованія и полагалъ въ душѣ своей общаніе раздѣлить нѣкогда съ Геродотомъ палму исторіи“ (П. собр. соч. М. Н. Муравьева. С.-Пб. 1819, ч. I, стр. 171). Нѣкоторыя выраженія изъ разсказа Муравьева прямо воспроизведены въ стихахъ нашего поэта.

СХ.

Подражаніе Аріосту.

Напечатано: 1) въ Сѣверн. Цвѣтахъ на 1826 г.; 2) въ Опытѣ русск. аеологій, стр. 169; 3) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 220; 4) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 232.

Относимъ это стихотвореніе къ 1817—1818 гг. гадательно на томъ основаніи, что оно появилось въ печати лишь послѣ изданія „Опытовъ“. Оригиналь составляетъ слѣдующую 42-ю строфу изъ I-й пѣсни Аріостова „Orlando furioso“:

La verginella è simile alla rosa
 Ch'in bel giadin su la nativa spiná
 Mentre sola e sicura si riposa,
 Nè gregge nè pastor se le avvicina;
 L'aura soave e l'alba rugiadosa,
 L'acqua, la terra al suo favor s'inchina;
 Gioveni vaghi e donne innamorate
 Amano averne e seni e tempie ornate.

Бѣлинскій (Соч., т. IV, стр. 470) приводитъ эту піесу Батюшкова, какъ образецъ италіанской антологической поэзіи, сродной „съ классическимъ гениемъ древности“. Попытки Батюшкова переводить Аріоста восходятъ еще къ 1811 г. (т. III, стр. 170).

СХІ.

Посланіе къ А. И. Тургеневу.

Посланіе это напечатано: 1) въ Памятникѣ отечественныхъ музѣ на 1827 г., стр. 6—8; 2) въ Литер. Прибавл. къ Русск. Инвал. 1832 г., № 77, стр. 615; 3) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 161—163; 4) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 173—175,—вездѣ подъ заглавіемъ: „Посланіе къ А. И. Т—ву“; 5) въ Русск. Вѣстникѣ 1871 г., № 10, стр. 615, въ статьѣ Петербургскаго Старожила „Мое знакомство съ Воейковымъ“, подъ заглавіемъ: „Мыза Пріютно“, безъ семи послѣднихъ строкъ. Въ настоящемъ изданіи принята редакция 1834 г. Тѣкстъ Литер. Прибавленій представляетъ слѣдующіе

варианты:

Ст. 10:	И лаской на устахъ,
Ст. 18:	Для отдыха отъ дѣлъ,
Ст. 26:	И рветъ Парнасса розы

Стихотвореніе это относимъ гадательно къ 1817—1818 гг., ко времени послѣ изданія „Опытовъ“, ибо въ этотъ сборникъ оно не вошло.

Г. Петербургскій Старожилъ (В. П. Бурнашевъ) въ упомянутой выше статьѣ своей рассказываетъ, что Воейковъ получилъ посланіе Батюшкова, для напечатанія въ Литер. Прибавленіяхъ, изъ бумагъ Карамзина: извѣстіе не совсѣмъ понятное, такъ какъ стихотвореніе могло быть доставлено Воейкову самимъ Тургеневымъ, что и видно изъ намека барона Дельвига въ письмѣ его къ Пушкину отъ 1826 г. (Р. Арх. 1890 г., т. II, стр. 505).

Описываемая въ посланіи дача есть мыза Пріютно, принадлежавшая Ал. Н. и Елиз. Марк. Оленнымъ и находившаяся за Пороховыми заводами, въ 17-ти верстахъ отъ Петербурга. Кромѣ Батюшкова, она была воспѣта Ггѣдичемъ (Стихотворенія. С.-Пб. 1832, стр. 91—103).

— Ст. 31. Объ Ор. Ад. Кипренскомъ см. въ т. II, стр. 110—112 и 440. Въ письмѣ Кипренскаго къ Оленину, отъ 10-го іюля 1817 г., изъ Рима (Сынъ Отеч. 1817 г., ч. 42, № 46, 16-го ноября, стр. 3—25), упоминается о Батюшковѣ, какъ объ одномъ изъ „своихъ“ людей въ домѣ Оленина.

— Ст. 41. Тягисловъ—одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ комедіи Крылова „Проказники“, плохой поэтъ. По словамъ Греча (Газетныя замѣтки Эрміона въ Сѣв. Пчелѣ 1857 г., № 147), подъ именемъ Тягислова разумѣлся П. М. Карабановъ (см. о немъ выше, стр. 378).

— Ст. 42. Бардусъ—также прозваніе плохаго писателя, встрѣчающагося въ переведенномъ И. И. Дмитриевымъ „Посланіи отъ англійскаго стихотворца Попа къ доктору Арбутноту“. Въ одной изъ эпиграммъ Дмитриева (Сочинен-

нія. М. 1814, ч. I, стр. 69) подъ именемъ Бардуса выведенъ Александръ Ивановичъ Клушинъ, сотрудникъ Крылова по изданію журнала Санктпетербургскій Меркурій въ 1793 г. (Р. Архивъ, 1863 г., изд. 2-е, ст. 905). О сходномъ прозвищѣ Балдусъ см. въ примѣчаніяхъ т. III, стр. 677.

СХІІ.

Я вижу тѣнь Боброва...

Напечатано въ Русск. Архивѣ 1866 г., ст. 474, въ статьѣ „Литературныя арзамасскія шалости“.

Время сочиненія этой шуточной піесы опредѣлено предположительно, соображаясь съ тѣмъ, что со времени основанія Арзамаса (1815 г.) Батюшковъ участвовалъ въ его собраніяхъ только съ осени 1817 г. по ноябрь 1818 г. Но судя потому, что въ предпоследнемъ стихѣ находится обращеніе автора къ другу, безъ сомнѣнія—къ кн. Вяземскому, которымъ піеса сообщена въ Р. Архивъ, можно думать, что это стихотвореніе написано въ болѣе раннее время и въ такомъ случаѣ не относится къ числу арзамасскихъ шалостей; въ писмахъ Батюшкова къ Вяземскому нерѣдко встрѣчаются шуточные стихи.

О С. С. Бобровѣ см. въ т. II, стр. 536—538.

СХІІІ.

Изъ греческой Антологіи.

Помѣщенные подъ этимъ заглавіемъ стихотворенія извлечены изъ статьи о греческой Антологіи, приготовленной совокупными трудами С. С. Уварова и К. Н. Батюшкова въ 1817—1818 гг. для журнала, который предполагалось издавать отъ имени Арзамаса (Литерат. Воспоминанія, А. В. — въ Современникѣ 1851 г., т. XXVII, стр. 38). Изданіе журнала не состоялось, и статья, въ которой Уварову принадлежатъ текстъ и французскіе переводы, а Батюшкову—русскіе стихи, была напечатана отдѣльною брошюрой, подъ заглавіемъ: О греческой Антологіи. С.-Пб. Въ типографіи департамента народнаго просвѣщенія. 1820. Брошюра издана въ 8-ку и содержитъ въ себѣ 6 страницъ не нумерованныхъ и 44 нумерованныя. На заглавномъ листѣ эпиграфъ изъ VII-й эклоги Виргилія: „Arcades ambo...“; цензурная поштва: 7-го ноября 1819 г. Брошюра, не предназначавшаяся къ продажѣ, была издана въ числѣ 70 экземпляровъ, изъ которыхъ 40 были пожертвованы въ пользу бѣднаго семейства какого-то фонъ-Б. и продавались въ книжныхъ магазинахъ Сленяна, Плавильщикова и Сень-Флорана по 5 р. за экземпляръ (Сынъ Отеч. 1820 г., ч. 60,

№ 12, стр. 269, 273). Изданіе брошюры было сдѣлано Д. В. Дашковымъ, и имъ же написано слѣдующее предисловіе къ ней:

„Сію рукопись получили мы изъ Арзамаса слѣдующимъ образомъ: За нѣсколько лѣтъ предъ симъ жили тамъ два пріятели, оба любящіе страстно литературу. Во время свободное отъ хозяйственныхъ занятій читали они вмѣстѣ поэтовъ древнихъ и новыхъ и не рѣдко старались имъ подражать для собственнаго наслажденія—не для публики, которая ихъ не знала, и о коей они не помышляли. По стеченію обстоятельствъ, были они принуждены прекратить дружескія бесѣды свои; одинъ изъ нихъ былъ избранъ въ земскіе засѣдатели; другой поступилъ во внутреннюю стражу, и бумаги ихъ остались въ рукахъ арзамасскаго трактирщика, отъ котораго мы оныя получили. Въ томъ числѣ находилась статья, которую мы рѣшились напечатать. Она, конечно, не можетъ удовлетворить совершенно справедливое требованіе знатоковъ: бездѣлны двухъ безпечныхъ провинціаловъ могутъ ли не оскорбить неволью утонченный вкусъ столицы? Впрочемъ, предаемъ мы ихъ на общій судъ, безъ дальнѣйшихъ объясненій; статья была подписана такъ: Ст. и А.—*Davus sum non Oedipus*“.

Подпись означаетъ: Старушка и Ахилъ—арзамасскія прозвища Уварова и Батюшкова.

Брошюра „О греческой Антологіи“ цѣлкомъ, за исключеніемъ предисловія издателя, была перепечатана въ изданіи сочиненій Батюшкова 1834 г., ч. II, стр. 233—264, съ слѣдующимъ предисловіемъ: „Мы надѣемся, что любителямъ отечественной словесности пріятно будетъ найдти здѣсь помѣщеннымъ маленькое, вышедшее въ 1820 году въ весьма не многомъ числѣ экземпляровъ, сочиненіе о греческой Антологіи. Въ немъ стихи принадлежатъ Батюшкову и, можетъ быть, лучшіе, какіе онъ написалъ; а объясненіе, равно какъ и все изданіе, приписываютъ нѣкоторымъ молодымъ литераторамъ, соединеннымъ дружбою и любовью къ просвѣщенію, нынѣ занимающимъ важныя должности на поприщѣ государственной службы“. Въ этомъ изданіи опущено предисловіе издателя, а находящееся въ концѣ „Прибавленіе“ начинается прямо съ французскихъ стиховъ, безъ предварительной замѣтки переводчика. Въ томъ же самомъ видѣ эта статья повторена и въ изданіи сочиненій Батюшкова 1850 г., ч. II, стр. 263—294.

Нѣкоторыя изъ стихотвореній Батюшкова, вошедшихъ въ статью „О греческой Антологіи“, были неоднократно перепечатываемы, а именно: 1) „Въ обители ничтожества унылой“—въ Опытъ русской анеологіи, стр. 23, подъ заглавіемъ: „На смерть любовницы“, и въ Библ. для Чт. 1834 г., т. II, стр. 102; 2) „Яворъ къ прохожему“—въ Новомъ собр. русск. соч. и перев. въ стихахъ, ч. I, стр. 14; въ Опытъ русск. анеологіи, стр. 108; въ Библ. для Чт. 1834 г., т. II, стр. 102; 3) „Гдѣ слава, гдѣ краса, источникъ золь твоихъ“—въ Опытъ русск. анеологіи, стр. 86; 4) „Сокроемъ навсегда отъ зависти людей“—въ Дамскомъ Альбомѣ. С.-Пб. 1844, стр. 115; 5) „Въ Лансѣ нравится улыбка на устахъ“—въ Опытъ русск. анеологіи, стр. 105 и въ Дамск. Альб., стр. 96; 6) „Тебѣ ль оплакивать утрату юныхъ дней“—въ Опытъ русск. анеологіи, стр. 92, подъ заглавіемъ: „Къ престарѣлой красавицѣ“ и въ Дамск. Альб., стр. 115; 7) „Улыбка страстная и взоръ красно-

рѣчивый“—въ Опытѣ русск. анеологіи, стр. 37; 8) „Изнемогаетъ жизнь въ груди моей остылой“—въ Опытѣ русск. анеологіи, стр. 25 и въ Дамск. Альб., стр. 116.

Помѣщаемъ здѣсь статью Уварова, которая представляетъ собою не только объясненіе къ стихамъ Батюшкова, но частью и литературную оцѣнку ихъ.

О греческой Антологіи.

Въ числѣ несметныхъ сокровищъ древней литературы, донынѣ у насъ неприкосновенныхъ, находится богатая руда греческой Антологіи. Подъ именемъ Антологіи разумѣемъ мы собраніе мелкихъ стихотвореній, включая въ сіе число надписи и лирическіе отрывки. Собраніе сіе содержитъ всѣ эпохи греческой поэзіи. Оно огромно: но кто бы не пожелалъ, чтобы оно было еще огромнѣе? Если все, что означаетъ нравственное бытіе народа, занимавшаго первое мѣсто въ мірѣ, имѣетъ право на наше любопытство; то Антологія должна прочитаться драгоцѣннѣйшимъ памятникомъ. Посредствомъ Антологіи мы становимся современниками Грековъ, мы раздѣляемъ ихъ страсти, мы открываемъ даже слѣды тѣхъ быстрыхъ, мгновенныхъ впечатлѣній, которые какъ слѣды на пескѣ въ развалинахъ Геркуланума, заставляютъ насъ забывать, что двѣ тысячи лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ древнихъ. Посредствомъ Антологіи участвуемъ въ празднествахъ, въ играхъ, слѣдуемъ за гражданами на площадь, въ театръ, во внутренность домовъ: однимъ словомъ, мы съ ними дышемъ, живемъ. Самая глубокая ученость едва ли можетъ составить изъ остатковъ Греціи слабое изображеніе гражданской жизни древнихъ. Здѣсь отрывается намъ богатая и блистательная картина, представляющая въ цвѣтѣ жизни, въ полной юности, сей чудесный народъ, котораго благотворная природа надѣлила всѣми совершенствами ума, всѣми прелестями красоты и вкуса.

Не мы одни, Русскіе, мало занимались Антологіею. Въ Германіи, въ сей колыбели филологіи, прежде Гердера никто не помышлялъ о красотахъ и достоинствахъ оной. Здравая критика возникла не болѣе пятидесяти лѣтъ, и только съ сего времени сдѣлалась любимымъ предметомъ лучшихъ нѣмецкихъ филологовъ. Французскіе литераторы и ученые, выключая немногихъ, оставили Антологію почти безъ вниманія. Мы знаемъ нѣсколько подражаній Вольтера (мастерски переведенныхъ Дмитриевымъ); но вообще сей изобильный источникъ поэзіи и понынѣ въ невѣдѣнности или въ небреженіи. Виною сего, полагаю, великое затрудненіе въ самомъ чтеніи Антологіи. Она требуетъ необыкновеннаго знанія греческаго языка. Разнообразность діалектовъ, гибкость въ выраженіяхъ и оборотахъ и самая несправность печатнаго текста препятствовали узнать въ совершенствѣ сіе прекрасное произведеніе. Поэты, желавшіе подражать красотамъ Антологіи, чувствовали, сколь опасна борьба съ Греками (переводить ее въ прозѣ и помышлять не должно) Французы, лишеныя ритмической просодіи, должны были довольствоваться подражаніемъ. Нѣдцы старались всѣми силами перенести въ языкъ свой метрическія формы древнихъ: переводы Гердера и Якобса вѣрны, но можетъ

быть, не довольно гибки, не довольно игривы. Желая познакомить читателей нашихъ съ Антологіею, предлагаемъ здѣсь переводъ нѣкоторыхъ эпиграммъ; переводъ вольный, но, по мнѣнію нашему, напоминающій подлинникъ.

Надобно объяснить съ точностію то, что Греки понимали подъ словомъ эпиграмма. Мы называемъ эпиграммою краткіе стихи сатирическаго содержанія, кончащіяся острымъ словомъ, укоризною, или шуткою. Древніе давали сему слову другое значеніе. У нихъ каждая небольшая піеса, размѣромъ элегическимъ писанная (то-есть, гекзаметромъ и пентаметромъ), называлась эпиграммою. Ей все служить предметомъ: она, то поучаетъ, то шутитъ, и почти всегда дышетъ любовію. Часто она не что иное, какъ мгновенная мысль или быстрое чувство, рожденное красотами природы или напутниками искусства. Иногда греческая эпиграмма полна и совершенна, иногда небрежна и не кончена.... какъ звукъ, вдали исчезающій. Она почти никогда не заключается разительною, острою мыслию, и чѣмъ древнѣе, тѣмъ проще. Этотъ родъ поэзіи украшалъ и пиры, и гробницы. Напоминая о ничтожности мимолетной жизни, эпиграмма твердила: „Смертный, лови мигъ улетающій!“ Рѣзвилась съ Лансою и, улыбаясь кротко и незлобно, слегка уязвляла невѣжество и глудость. Истинный Протей, она принимаетъ всѣ виды; и когда мы, къ ея плѣнительной живости, прибавимъ неизъяснимую прелесть совершеннѣйшаго языка въ мірѣ, языка обработаннаго превосходнѣйшими писателями: тогда только можемъ имѣть понятіе ясное и точное, съ какимъ восхищеніемъ, съ какою радостію, любитель древности перечитываетъ греческую Антологію.

Но дабы почувствовать въ полной мѣрѣ сію красоту нѣжныя, тонкія, и, такъ сказать, убѣгающія, необходимо нужно знать не только языкъ греческій, но должно выискнуть глубоко въ самый геній сего народа, единственнаго во всѣхъ отношеніяхъ. Сіе сочетаніе ума и воображенія, столь гибкаго и богатаго, съ природою юга, столь роскошною и изобильною, должно обратить на себя все вниманіе наше.

Поэзія древнихъ объясняется небомъ, землею и моремъ Италіи и Греціи. Мы, жители Сѣвера, посредствомъ сильнаго напряженія ума, а не быстрого чувства, постигаемъ тѣ пламенныя впечатлѣнія, которыя природа производитъ на югѣ. И можемъ ли мы вполнѣ постигнуть сіе благоговѣніе къ солнцу, сіе страстное желаніе прохлады, свѣжести, ночи? Сіе сожалѣніе о лѣтахъ юности, въ землѣ столь счастливой; сію любовь къ наслажденіямъ, сіе искреннее восхищеніе при видѣ красоты; сіе чувство, коимъ Греки одарили и цвѣты, и растенія; однимъ словомъ, сіе дивное согласіе между всѣми существами міра, отъ коего и бездушная природа пріемлетъ движеніе и жизнь? Древніе ограничивались внѣшними, окружающими ихъ предметами и пренебрегали вносить свѣтлыя опыты въ мрачную глубину души челоувѣческой: все призывало ихъ ко внѣшнимъ предметамъ природы благотворной. Насъ, напротивъ того, все отталкиваетъ отъ нихъ, все принуждаетъ обращать вниманіе на самихъ себя. Для древнихъ жизнь была все: для насъ самая жизнь есть только переходъ къ другому, совершеннѣйшему бытію. Они устремляли неизмѣримую силу своего генія на кратковременное воприще настоящаго; насъ, можетъ быть—противъ воли, сердце увлекаетъ въ

невидимый, но извѣстный край, гдѣ другое солнце, другое небо насъ ожидаютъ. Поэзія древнихъ, при возвышенномъ своемъ полетѣ, не могла выступить за предѣлы ихъ гражданской жизни. Въ новѣйшихъ временахъ, все, что носить печать поэзіи, принадлежитъ къ такому высокому порядку вещей, что самая поэзія паритъ и теряется въ области безконечнаго.

Сіе отступленіе отъ главнаго предмета не совсѣмъ бесполезно: ибо необходимо нужно объяснить прежде всего, чѣмъ именно поэзія древнихъ различается отъ нашей. Кто не имѣетъ яснаго понятія о семъ различіи, тотъ не долженъ мечтать, что имѣетъ ключъ къ сокровищамъ словесности древнихъ. Въ особенности Антологія потеряетъ всю свою цѣну, если мы не станемъ смотрѣть на нее глазами древнихъ. Чѣмъ вѣрнѣе и ближе она изображаетъ всѣ подробности ихъ нравственнаго бытія, тѣмъ болѣе она требуетъ вѣрнаго и опытнаго взгляда. Если исторія народа не ограничивается повѣствованіемъ о войнахъ или родословною владѣльцевъ; если народный духъ, обычаи, нравы составляютъ драгоцѣннѣйшую часть историческихъ преданій, то можно смѣло сказать, что безъ Антологіи и Аристофана мы не знали бы Грековъ, и многое у нихъ осталось бы вѣчною загадкой.

Упомянувъ здѣсь объ Аристофанѣ, почитаю нужнымъ представить мои мысли: почему древніе такъ часто нарушали законы благопристойности и оскорбляли стыдливый слухъ? Давно уже почитаютъ Аристофана самымъ необузданнымъ стихотворцемъ. Онъ, конечно, заслужилъ сіе нареканіе, но сужденіе это не должно быть ограничено и рѣзко. Точное понятіе о компѣ аттическомъ прольетъ нѣкоторый свѣтъ на самую Антологію. Забѣтнимъ одну странность: Греки не писали для женщинъ, но были скромнѣе въ мысляхъ и выраженіяхъ, чѣмъ новѣйшіе писатели, конхъ творенія читаются и тѣмъ и другимъ поломъ. Я не хочу утверждать, чтобы нѣсколько эпиграммъ въ антологіи и большая часть комедій Аристофановыхъ не отличались необузданною свободою; но нагота въ Антологіи, особливо въ Аристофанѣ, походитъ на наготу греческихъ статуй: она не возбуждаетъ чувства. Привычка называть всѣ вещи, всѣ предметы настоящимъ и естественнымъ ихъ именемъ притупляетъ воображеніе. Сія грубость можетъ даже соединиться съ нѣкоторымъ простодушіемъ, совершенно противнымъ нашему искусству выражать все полусловами и развращать сердце, не оскорбляя слуха и вкуса. Въ Аристофанѣ мы видимъ безпечную наготу диваря; мы видимъ Отанти,

Où l'amour sans pudeur n'est pas sans innocence!

Слишкомъ утонченное просвѣщеніе и грубое первоначальное невѣжество дикихъ часто походятъ другъ на друга и почти равны относительно къ законамъ строгой нравственности. Но кто не коротко знакомъ съ Греками, тотъ, конечно, съ удивленіемъ замѣтитъ, что они, посреди самыхъ отвратительныхъ заблужденій чувственности, сохранили весь свой аттицизмъ, и, если смѣю сказать, всю свою грацію. Нельзя и думать безъ удивленія, что постыдный порокъ, которому дали они свое имя, не только не внушалъ имъ словъ грубыхъ, но внушалъ самыя нѣжныя и красивыя выраженія. Коротче: сладострастная поэзія Грековъ походитъ на нашу, какъ пламенный наслажденія атлета на прихоти взнеможеннаго сибарита.

Слѣдующій отрывокъ изъ Гераклида Понтійскаго показываетъ намъ въ нравахъ Аеннянъ самое странное сочетаніе силы и слабости, роскоши, любви къ наслажденіямъ и твердости духа. Вопреки общему мнѣнію, поставляющему бѣдность, строгость нравовъ и умѣренность основаніемъ каждаго республиканскаго правленія, Гераклидъ приписываетъ роскоши и сладострастію Аеннянъ ихъ могущество и храбрость. „Цари и владѣльцы“, говоритъ онъ, — „располагающіе всѣми благами жизни и узнавшіе ихъ по собственному опыту, предпочитаютъ роскошь, ибо ею возвышается духъ. Предающіеся нѣгѣ и сладострастію всегда великодушны и великогѣпны; такъ, напримѣръ, Персы и Меды. Болѣе всѣхъ они любятъ утѣхи и суть храбрѣйшіе изъ варваровъ. Наслаждаться и жить роскошно—вотъ удѣлъ свободныхъ: ибо наслажденіе даетъ уму ясность и благородство. Трудиться должны одни рабы: отъ того и способности душевныя стѣсняются въ нихъ природою. Аенны, утопая въ сладострастіи, процвѣтали и производили мужей великихъ. Подъ длинными пурпуровыми мантиями, въ позлащенныхъ и пестрыхъ одеждахъ Аенняне являлись на площади. Они связывали волосы свои на темѣ и украшали ихъ золотыми цѣпадами. Рабы носили складныя кресла, чтобы господа ихъ не были принуждены отдыхать на жесткомъ мѣстѣ. Вотъ каковы были побѣдители при Маратонѣ и рупители всѣхъ силъ Азіи“.

Можно не согласиться съ теоріею Гераклида; но признаться должно, что сей отрывокъ драгоцененъ въ отношеніи къ жизни Грековъ, которая намъ еще до сихъ поръ не совершенно извѣстна. Герои Маратона—изнѣженныя и роскошныя! Какая странность! Размышляя о свойствѣ Грековъ, мы всегда поражаемся неожиданными противоположностями. Чтобы узнать ихъ характеръ, надобно долго наблюдать за ними: надобно учиться исторіи ихъ, не столько въ дѣписателяхъ, сколько въ поэтахъ.

Исторія Антологіи извѣстна. Ученые знаютъ Мелеагра Сирійскаго, Константина Кефаласа и монаха Плануда. Между новѣйшими критиками никто не трудился надъ нею столь прилежно, какъ г. Якобъ въ Готѣ. Онъ издалъ лучшіе до нынѣ комментаріи съ новымъ изданіемъ Аналектовъ Брунка и, сверхъ того, напечаталъ вѣрный списокъ съ такъ-называемой Палатинской рукописи, изъ Гейдельберга въ Римъ, изъ Рима въ Парижъ, а теперь изъ Парижа обратно въ Гейдельбергъ перенесенной. Печатныя изданія Антологіи многочисленны: первое явилось во Флоренціи въ 1494 году. Расположеніе эпиграммъ въ сихъ изданіяхъ не одинаково. Привождая ихъ, я стану держаться порядка Аналектовъ Брунка, ибо сіе изданіе болѣе извѣстно любителямъ словесности.

Произведеніями Мелеагра Гадарскаго открывається Антологія. Онъ имѣетъ право на сіе преимущество, какъ поэтъ и первый ея собиратель. Мелеагръ жилъ во время послѣдняго изъ рода Селевкидовъ, вступившаго на престолъ въ 3-й годъ 170-й олімпіады. Въ его стихахъ единогласно находятъ чистоту, красоту и смѣлость въ выраженіяхъ, рѣдкую чувствительность и воображеніе пылкое. Вотъ какимъ образомъ оплакиваетъ онъ смерть любовницы:

Въ обители ничтожества унылой, и т. д.

Эта эпиграмма Мелеагра написана въ строгомъ и чистомъ вкусѣ древности: или отъ того, что поэтъ съ намѣреніемъ слѣдовалъ примѣру древнихъ,

или потому, что языкъ истиннаго чувства самъ собою принимаетъ видъ простоты непритворной. Въ поэзи древнихъ голосъ сердечной чувствительности поражаетъ насъ, какъ унылый звукъ посреди игривой и очаровательной музыки. Но у нихъ любовь чаще, нежели думаютъ, находить языкъ глубокой страсти и пѣвительной нѣжности. Приведемъ въ примѣръ эпиграмму Асклепіада Самосскаго, современника Теоокрита, но о которомъ мы болѣе ничего не знаемъ:

Свидѣтели любви и горести моей, и т. д.

Вотъ одна изъ прелестнѣйшихъ эпиграммъ во всей Антологіи! Ничто не можетъ сравниться съ очаровательными стихами подлинника! Повторимъ еще сказанное нами. Греки никогда не старались заострить конецъ эпиграммы. Всѣ предметы художества, всѣ явленія природы, всѣ случаи гражданской жизни могли служить поводомъ къ надписи. Иногда находимъ въ Антологіи картину безъ фигуръ (*tableau de genre*), гдѣ поэтъ, какъ живописецъ, изображаетъ нѣкоторыя мелкія подробности, но изображаетъ ихъ мастерскою кистью. Приведемъ для примѣра эпиграмму Геділа. Поэтъ входитъ въ великолѣпный чертогъ, видитъ остатки пиршества, осушенныя чаши, догорающіе свѣтильники, разбросанную одежду и цвѣты; повсюду слѣды веселія и роскоши; кругомъ глубокое молчаніе...

Свершилось: Никагоръ и пламенный Эротъ, и т. д.

Геділова жизнь мало извѣстна. Знаемъ только, что онъ жилъ въ царствованіе Птолемея Филадельфа; древніе полагали, что онъ родился въ Аѳонахъ или въ Самосѣ. Собиратели Антологіи не заботились оставить намъ біографическихъ свѣдѣній о стихотворцахъ, полагая, конечно, что жизнь поэта вся въ стихахъ его. Такъ, напримѣръ, находимъ мы въ Антологіи нѣсколько Антипатеровъ и не можемъ отличить одного отъ другаго. Нельзя даже отдѣлать того, что принадлежитъ Антипатеру Сидонскому, отъ того, что писалъ Антипатеръ Θεσσαлонійскій. Подъ именемъ перваго находится прелестная надпись, которую Якобъ называетъ *suave sagmen*:

(Яворъ къ прихожему).

Другая надпись того же Антипатера заслуживаетъ здѣсь мѣсто по необыкновенному великолѣпію и живости красокъ. Она написана на разореніе Коринеа консуломъ Мумміемъ (отъ основанія Рима въ 609 году). Поэтъ предполагаетъ, что Неренды, дочери Океана, сѣтуя на развалинахъ величественнаго Коринеа, поютъ:

Гдѣ слава, гдѣ краса, источникъ золь твоихъ? и т. д.

У древнихъ божества морскія имѣли свойство мягкосердія и сострадательности. Въ трагедіи Есхиловой Океаниды утѣшаютъ Прометея, прикованнаго къ вершинѣ Кавказа. Любители поэзи, читая сей отрывокъ, вспоминаютъ плачъ пророка на развалинахъ опустошеннаго Тира; они вспоминаютъ также, что по разореніи Коринеа Мумміи нашелъ отрока, который сказалъ ему нѣсколько стиховъ изъ Омера. Смыслъ сихъ стиховъ былъ: Блаженъ тотъ кто въ могилѣ!

Въ послѣднемъ стихѣ эпиграммы Антипатеровой сказано: *σὺν ἄγειον ἄλκυονες*, что въ буквальномъ переводѣ значить: мы (Перейды)—Алкіоны твоей горести. Трудно было сохранить такое выраженіе, и самая мысль, кажется мнѣ, далеко отъ природы. Знаю, какъ опасно подчинять строгимъ и мелкимъ правиламъ нашего вкуса совершенную свободу древнихъ; но въ этомъ случаѣ отступление позволительно. Сѣгующій Алкіонъ (въ естественномъ смыслѣ) кажется намъ трогательнѣе холодной метафоры. Видъ моря, берегъ, zagrożенный развалинами, бывшими нѣкогда Коринѳомъ (*et caprus ubi Troja fuit*), мертвое молчаніе, изрѣдка прерываемое стenanіемъ Алкіона: вся сія картина болѣе трогаетъ, болѣе поражаетъ, нежели метафора неожиданная и, повторю еще, холодная.

Имена сочинителей большей части эпиграммъ совершенно неизвѣстны, и къ нимъ безыменнымъ принадлежатъ эпиграфы, надписи, стихи на случаи историческіе и проч. Нѣкоторые имѣютъ видъ разговора; въ слогѣ ихъ легкость, краткость и быстрота неподражаема! Вотъ одна изъ оныхъ. Разговоръ, на улицѣ, молодого человѣка съ дѣвушкою не строгихъ нравовъ:

Куда красавица? и т. д.

Я съ намѣреніемъ оставилъ для заключенія сей статьи одного изъ новѣйшихъ и, можетъ быть, изъ лучшихъ стихотворцевъ Антологіи—Павла Силенціарія. Полагаютъ, что онъ жилъ въ седьмомъ вѣкѣ по Р. Х. Византійскіе историки пишутъ, что онъ происходилъ изъ богатаго и знатнаго рода. Стихи его свидѣтельствуютъ, что онъ имѣлъ рѣдкое дарованіе, пламенное воображеніе, глубокую чувствительность и былъ напитанъ чтеніемъ древнихъ писателей. Любопытно отличать въ его стихахъ древнія мысли отъ новѣйшихъ. Павелъ, рожденный и воспитанный въ христіанствѣ, долженъ былъ сохранить въ душѣ своей неизгладимую печать религіи, но поэзія его болѣе принадлежитъ къ роду поэзіи древнихъ: всѣ ихъ формы строго соблюдены. Иногда вамъ кажется, что Павелъ есть современникъ Мимнерма; но вдругъ черта, совершенно неожиданная, открываетъ въ немъ болѣе сходства съ нѣжнымъ Петrarкомъ, нежели съ пламенною Сафою. Вотъ его первая эпиграмма:

Скроемъ навсегда отъ зависти людей, и т. д.

Пятая эпиграмма Павлова представляетъ картину, полную жизни и движенія, и имѣетъ форму почти драматическую:

Въ Лансѣ нравится улыбка на устахъ, и т. д.

Въ этихъ стихахъ узнаемъ мы нравы народа, привыкшаго возвышать цѣну наслажденій искуснымъ смѣшеніемъ впечатлѣній противоположныхъ. Греки давали иногда наслаженію томный видъ меланхоліи; статую Смерти они нѣрѣдко ставили посреди пиршествъ и чашъ веселія.

Слѣдующая эпиграмма исполнена живости и жара. Поэтъ обращается къ постарѣлой красавицѣ:

Тебѣ ль оплакивать утрату юныхъ дней? и т. д.

Мы принуждены были смягчить и, можетъ быть, ослабили нѣкоторыя выраженія; впрочемъ, переводъ довольно вѣренъ.

Въ одной изъ своихъ надписей поэтъ мастерски изображаетъ грусть преждевременной старости: печальный плодъ нескромнаго наслажденія жизни и страстей огненныхъ:

Увы! глаза потухшіе въ слезахъ, и т. д.

Чтобы познакомить совершенно читателя съ нашимъ поэтомъ, избрали мы эпиграмму, которой мысли и оборотъ напоминаютъ французскіе мадригалы:

Улыбка страстная и взоръ краснорѣчивый и т. д.

Заключу сія выписки эпиграммою, которую почитаю лучшимъ произведеніемъ Павла. Она достойна примѣчанія и потому, что носитъ печать временъ новѣйшихъ. Не Петрарка ли слышимъ? Не его ли страстные и одушевленные звуки? Не та ли самая живость въ оборотахъ, которая плѣняетъ насъ въ краснорѣчивомъ любовникѣ Лауры?...

Изнемогаетъ жизнь въ груди моей остылой; и т. д.

Прибавленіе.

Желая облегчить трудъ поэта, обогащающаго нашу словесность сими прелестными произведеніями греческой поэзіи, сотрудничая его въ одно время переводилъ тѣ же самыя піесы на французскій языкъ. Эти стихи были написаны не для Парижа, равно какъ и русскіе—не для Петербурга. Мы рѣшились ихъ напечатать потому только, что они не могутъ ни придать, ни отнять славы у писателей, съ славою незнакомыхъ и совершенно неизвѣстныхъ на поприщѣ нашей литературы. Дружеское соревнованіе, удовольствіе слышать силы двухъ или трехъ языковъ, учиться ихъ механизму, наслаждаться ихъ красотами—вотъ цѣль и возмездіе сихъ опытовъ. Вольтеръ твердилъ часто:

Faites tous vos vers à Paris
Et n'allez pas en Allemagne.

Что сказалъ бы насмѣшливый старикъ при чтеніи стиховъ французскихъ, написанныхъ въ Арзамасѣ?

I.

(Méléagre. Br. Annal. CIX. T. I, pag. 30).

Dans le séjour des morts reçois ma triste offrande,
Ces soupirs douloureux, ces regrets superflus,
Ces pleurs cruels, amers, que le tombeau demande,
De tendresse et d'amour doux et derniers tributs;
L'Erèbe ne rend plus ton ombre gémissante,
Tout est sourd à mes cris en ces lieux pleins d'horreur.
Qu'avez vous fait, grands dieux, de cette fleur charmante?
La poussière a flétri son éclat enchanteur:
Déesse vénérable, ô Terre bienfaisante,
Dans ton sein maternel reçois-la sans douleur.

II.

(Asclépiade. Br. Annall. IV. T. I, pag. 24).

Sur le seuil de Phryné je suspends ces guirlandes:
Festons que j'ai tressés, que j'arrosai de pleurs,
Soyez de mon amour l'emblème et les offrandes,
Versez autour de vous vos suaves odeurs;
Mais si Phryné parait, repandez sur sa tête
Ces pleurs, témoins discrets de mes longues douleurs.
Qu'un spectacle si doux la surprenne et l'arrête;
Fleurs, versez vos parfums, et faites en ce jour
Boire à ses blonds cheveux les larmes de l'amour.

III.

(Hedyle. Br. Annall. I. T. I, pag. 483).

Le vin, les doux propos, l'amour et Nicogore
Ont vaincu d'Aglé la crainte et les refus.
O vous, dont sa beauté s'embellissait encore,
Je vous vois en désordre, épars et confondus,
Vêtemens somptueux, frais et légers tissus,
Fleurs qui pariez sa tête, élégante chaussure,
Voile délicieux par l'amour inventé,
Ornemens d'Aglé, débris de sa parure,
Témoins du doux sommeil et de la volupté.

IV.

Le platane sec au voyageur.

(Antipater. Br. Annall. XXXVII. T. II, pag. 16).

De mon tronc desséché cette vigne sauvage
Est encor la grâce et l'appui;
A ses fruits savoureux j'ai donné mon ombrage,
Je l'aimais autrefois, elle m'aime aujourd'hui.
Si ton coeur est sensible et tendre,
Demande aux dieux, ô voyageur,
De trouver ici bas un ami dont le coeur
Appartienne encor à ta cendre.

V.

Chant des méreïdes sur les ruines de Corinthe.

(Antipater. Br. Annall. L. T. II, pag. 20).

Où sont et ta grandeur et ta beauté fatale,
Ta couronne de tours, tes temples, tes trésors,
Tes superbes palais, ta pompe orientale,

Et ces flots d'habitants répandus sur tes bords?
La guerre a tout détruit, malheureuse Corinthe,
Tout, jusqu'à tes débris; nous seules en ces lieux,
Filles de l'Océan, nous implorons les dieux,
Et le triste alcyon redit au loin sa plainte.

VI.

(Anonyme. Br. Annall. LXV. T. III, pag. 163).

—Bon jour, la belle enfant, où vas-tu?—Que t'importe?
—Pourrait on espérer?—Qu' est-ce?—Une nuit.—Le lieu?
—Chez toi.—Mais les présens?—Voici ce que j'apporte,
C'est de l'or.... tiens!—Ceci? tu plaisantes, adieu....

VII.

(Paul le Silentiaire. Br. Annall. I. T. III, pag. 71).

Cachons à tous les yeux les combats de Cypris,
Nos baisers, nos transports, ta feinte résistance;
Il est doux de jouir dans l'ombre et le silence,
Et les plaisirs cachés n'en ont que plus de prix.

VIII.

(Le même. Br. Annall. V. T. III, pag. 72).

Le sourir de Laïs sans doute est plein de charmes;
Mais son regard baissé, ses yeux noyés de larmes,
Ont un attrait cent fois plus doux.
Hier tandis qu'à ses genoux
Je lui peignais l'excès de ma vive tendresse,
Tout à coup, au sein de l'ivresse,
Un long ruisseau de pleurs s'échappe de ses yeux;
Je la prends dans mes bras, je l'embrasse, la presse,
Je la prie en pleurant, j'interpelle les dieux:
„Parle, ô mon tendre amour!...—Eh bien, me répond-t-elle,
„Apprends le motif de mes pleurs:
„Je tremble que l'amour ne te rende infidelle,
„Vous êtes tous volages et trompeurs“.

IX.

(Le même. Br. Annall. VIII. T. III, pag. 73).

Pourrais-tu regretter l'inconstante jeunesse?
Tes traits n'ont rien perdu de leur vive beauté.
Crois-moi, mon aimable maîtresse,
Le temps, qui détruit tout, a pourtant respecté
Et tes appas et notre ivresse;

Une beauté novice est moins faite aux amours,
 Son ardeur incertaine use de cent détours
 Dont ne se sert jamais la nôtre;
 Mais habile à jouir, savante en volupté,
 Ton automne vaut mieux que le printemps d'une autre,
 Ton hiver a des feux que n'a pas son été.

X.

(Le même. Br. Annall. X. T. III, pag. 74).

Mes cheveux gris, mes yeux mouillés de larmes,
 Ont excité ton sourire moqueur,
 Ce sont les fruits de mes tendres alarmes,
 De mes soucis mêlés de mille charmes,
 Et des plaisirs qui consumaient mon coeur.
 Mon front ridé, ma démarche incertaine,
 Tout m'avertit de ma trop longue erreur;
 Comme l'éclair de la flamme inhumaine
 En dévorant s'enfuit l'âge trompeur;
 Les noirs regrets succèdent à l'ivresse;
 O toi, qu'Amour doua de mille attraits,
 Donne à mes vœux le prix de la tendresse,
 Et sur mon front, dans mon coeur, dans mes traits,
 Avec l'amour renaîtra la jeunesse.

XI.

(Le même. Br. Annall. XXI. T. III, pag. 77).

Hélas! ces doux propos, ces souris enchanteurs,
 Ces regards éloquens où l'ame se déploie,
 Des jaloux déchainés sont devenus la proie;
 Il faut leur cacher tout, tout jusqu'à nos douleurs.
 Toi, qu'un ennemi plaça près de ma belle,
 Affreux Argus, je brave tes fureurs!
 Nous saurons te cacher notre ardeur mutuelle,
 L'amour ne t'apprit pas à lire dans les coeurs.

XII.

(Le même. Br. Annall. XVIII. T. III, pag. 77).

La flamme de l'amour dans mon coeur est éteinte;
 J'ai cessé de lutter, ô Vénus, mais je meurs,
 Je meurs en t'adressant une inutile plainte,
 Car du cruel Amour je ressens les fureurs;
 Il se rit de mes maux, il insulte à mes peines,
 Il coule avec mon sang, il brûle dans mes veines;
 C'en est fait, je succombe! O regrets! ô douleurs!

En consumant l'offrande, ainsi la flamme avide
 Diminue et pâlit, puis sur l'autel sacré
 Se ranimant soudain, jette un éclat perfide,
 Et s'éteint sans effort quand tout est dévoré.

Сверхъ сего, найдена еще на обверточномъ листѣ издаваемой нами рукописи слѣдующая надгробная надпись, съ греческаго переведенная:

Съ отвагой на челѣ и съ пламенемъ въ крови
 Я плылъ,—но съ бурей вдругъ предстала смерть ужасна:
 О юный плаватель, сколь жизнь твоя прекрасна!
 Въбрайся челноку! Плыви!

Появленіе брошюры „О греческой Антологіи“ было встрѣчено горячимъ одобреніемъ со стороны любителей поэзіи. И. И. Дмитріевъ, отъ 25-го февраля 1820 г., писалъ А. И. Тургеневу: „Искренно благодарю васъ.... за присылку прекраснѣйшаго перевода изъ Антологіи. Это совершенство русской версификаціи: какая гибкость, мягкость, нѣжность и чистота! Словомъ, Батюшковъ владѣетъ языкомъ по произволу. Искренно уважаю талантъ его. Съ тою же искренностію отдаю справедливость и французскому переводчику. Ежели экземпляръ мой надписанъ Уваровымъ, то прошу васъ сказать ему чувствительную благодарность мою за драгоценный подарокъ“ (Р. Архивъ, 1867 г., ст. 1121).

Въ Сынѣ Отечества 1820 г., ч. 62, № 23, стр. 145—151, былъ напечатанъ довольно подробный разборъ брошюры Уварова и Батюшкова, написанный В. К. Кюхельбекеромъ, при чемъ рецензентъ обратилъ особенное вниманіе на русскій переводъ піесъ Антологіи: „Не знаемъ“, говоритъ онъ,—„кто изъ нашихъ поэтовъ скрылъ свое имя въ сихъ переводахъ подъ скромнымъ названіемъ безпечнаго провинціала; но, судя по наслаженію, которое чувствуешь, читая его стихи, по сладостной мелодіи каждаго изъ нихъ, особенно по удивительному искусству въ образованіи и сохраненіи піитическаго перевода, высочайшаго совершенства въ просодіи, совершенства, тайны для нѣкоторыхъ лучшихъ поэтовъ, вполне постигнутого только двумя изъ нихъ — Батюшковымъ и молодымъ гѣвцомъ „Руслана“, мы колеблемся, кого изъ обоихъ благодарить за подарокъ, сдѣланный русской словесности пересадкою сихъ душистыхъ, прекрасныхъ греческихъ цвѣтовъ въ Русскую землю; признаемся однако же, что, съ нашей стороны, по нѣкоторымъ примѣтамъ, въ конхъ не можемъ отдать отчета, мы склонны приписать сіи переводы Батюшкову: многіе стихи живо напоминаютъ его образъ выражаться“.

Впослѣдствіи Бѣлинскій, въ разныхъ своихъ статьяхъ, далъ нѣсколько отзывовъ о переводахъ Батюшкова изъ Антологіи, который признавалъ „истинно образцовыми, истинно артистическими“ (Соч., т. IV, стр. 476—478; т. VIII, стр. 158—160). Въ первомъ изъ этихъ отзывовъ, относящемся къ 1841 г., замѣчательно между прочимъ слѣдующія слова критика: „Всѣ, зная „Умирающаго Тасса“ и другія большія произведенія Батюшкова, какъ будто и не хо-

татъ знать о его переводахъ изъ Антологіи, лучшимъ произведеніемъ его музы. И это понятно: произведенія въ древнемъ родѣ, подобно камеямъ и обломкамъ барельефовъ, находящимся въ Помпѣяхъ, могутъ услаждать вкусъ только тонкихъ знатоковъ изящнаго; для толпы они недоступны“.

Можно не сомнѣваться, что подъ впечатлѣніемъ переводовъ Батюшкова изъ Антологіи были предприняты подобныя же переводы Д. В. Дашковымъ, который, въ бытность свою на Востокѣ, разыскивалъ и рукописи этого сборника (Соч. Бат., т. II, стр. 403). Последняя (XIII-я) изъ піесъ, вошедшая въ рядъ подражаній Батюшкова, была переведена и Дашковымъ (Сѣв. Цвѣты на 1825 г., стр. 307); въ подлинникѣ она помѣчена именемъ Теодоріада.

СХІV.

Князю П. И. Шаликову.

Посланіе это напечатано: 1) въ Новостяхъ литературы 1822 г., кн. 2, стр. 61—62, съ примѣчаніемъ кн. Шаликова: „Предчувствую съ какимъ удовольствіемъ читатели сихъ листковъ увидятъ стихи столь давно умолкшаго любезнаго поэта, полученные мною предъ отъѣздомъ его въ Италію“; 2) въ Обр. Соч., 2-е изд., ч. V, стр. 115—116; 3) въ Собр. нов. русск. стихотв. ч. I, стр. 243—244; 4) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 165—166; 5) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 177—178. Текстъ Образц. Сочиненій представляетъ слѣдующій

ВАРИАНТЪ:

Ст. 26: слабый Римъ вм. папскій.

Время сочиненія посланія означено самимъ авторомъ.

Князь Петръ Ивановичъ Шаликовъ (род. въ 1768 г. ум. 16-го февраля 1852 г.) былъ по происхожденію Грузинъ. Въ молодости онъ служилъ въ арміи, находился при взятіи Очакова и участвовалъ въ Польской войнѣ. Въ 1797 году, когда онъ былъ премьеръ-маіоромъ, ему поручено было усмирить взбунтовавшихся крестьянъ села Никольскаго (Тульской губерніи, Алексинскаго уѣзда), при чемъ онъ командовалъ эскадрономъ гусаръ полка имени генерала Шевича (Р. Арх. 1869 г., ст. 558—559). Выйдя въ отставку, Шаликовъ поселился въ Москвѣ и жилъ сперва на Прѣснѣ, гдѣ имѣлъ собственный домикъ, а впоследствии на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ университетской типографіи. Шаликовъ былъ художавый бровнеть, съ большимъ носомъ, широкими бровями и бакенбардами. Въ обществѣ онъ обращалъ на себя вниманіе тѣмъ, что старался говорить изысканнымъ языкомъ, сопровождая разговоръ свой какимъ-то кокетливымъ кривляньемъ. „Князь Шаликовъ“, говоритъ М. А. Дмитріевъ (Мелочи, стр. 95), — „былъ чрезвычайно извѣстенъ и смѣшонъ своею нѣжностью, которой совсѣмъ не было въ его характерѣ: онъ былъ только сластолюбивъ и раздражителенъ, какъ Азіятецъ; его сентиментальность была только прикрытіемъ эпикурейства. Онъ былъ страненъ и въ одеждѣ: гѣтомъ

всегда носилъ розовый, голубой или бланжевый платокъ на шеѣ... Его нѣжныя бульварныя похождения невообразимы! Иногда за это ему случалось попадать или въ неприятыя, или въ смѣшныя приключенія, которыя не подлежатъ скромному описанію, но которыя забавляли его современниковъ". Подобными же чертами характеризуетъ Шаликова и Воейковъ въ своемъ „Домѣ сумасшедшихъ". М. А. Дмитріевъ, говоря о раздражительности Шаликова, замѣчаетъ: „Если ѣмъ онъ былъ недоволенъ, тотъ не избѣгалъ его маленькаго мщенія и попадалъ въ его книжку „Мысли, характеры и портреты"... И на него за это ни мало не сердились, потому что эти сатирическіе портреты были очень вялы". Но мщеніе Шаликова не всегда отличалось такимъ невиннымъ характеромъ; часто запальчивость его переходила границы, и онъ не прочь былъ прибѣгнуть даже къ кулачной расправѣ съ своими противниками, примѣромъ чему можетъ служить ссора его съ М. А. Дмитріевымъ, повлекшая за собою исключеніе Шаликова изъ членовъ Общества любителей россійской словесности (Время, 1862 г., № 6, стр. 164—167), и столкновеніе съ М. Т. Каченовскимъ, кончившееся вмѣшательствомъ полиціи (ср. т. III, стр. 679). Въ борьбѣ съ своими литературными врагами Шаликовъ, судя по отзыву Батюшкова (т. III, стр. 166), не пренебрегалъ и клеветою, точно также какъ не считалъ предосудительнымъ льстить людямъ, въ которыхъ нуждался, и завсѣивать ихъ расположенія. Довказательствомъ тому служатъ отношенія его къ гр. Д. И. Хвостову, литературную бездарность котораго онъ сначала вполне признавалъ (Р. Арх. 1868 г., ст. 1097), а когда явилась возможность пользоваться „милостями" довѣрчиваго „благодѣтеля и мецената", сталъ расточать ему незаслуженныя похвалы. Любопытныя подробности по этому поводу находятся въ статьѣ Е. Я. Колбасина „Пѣвецъ Кубря" (Время 1862 г., № 6). Подобнымъ же неблаговиднымъ характеромъ отличались и отношенія Шаликова къ князю И. М. Долгорукому, который говоритъ о немъ слѣдующее: „Было время, въ которое я былъ съ нимъ очень пріятно знакомъ; онъ часто посѣщалъ нашъ домъ и неоднократно писывалъ на мое имя стихи, на которые я отвѣтствовалъ такими же.. Онъ издавалъ журналъ и въ ономъ выхвалялъ мои сочиненія, моихъ дѣтей, все наше семейство. Это пристрастіе не долго продолжалось.. Отставка моя его совсѣмъ противъ меня остудила: онъ пересталъ меня знать, ѣздить ко мнѣ, даже говорить со мною. Я ни чему плому приписать не могу такого сильнаго поворота въ пріязни, какъ изгнанію моему изъ адресъ-календаря, съ которымъ князь Шаликовъ пріученъ, можетъ быть, соображать свое знакомство, и потому мы теперь уже другъ другу вовсе посторонніе" (Капище моего сердца. М. 1874, стр. 179).

Принадлежа къ числу ревностнѣйшихъ поклонниковъ Карамзина, Шаликовъ, по своей бездарности, былъ однимъ изъ самыхъ неудачныхъ представителей сентиментальнаго направленія, служеніе которому доводилъ до смѣшнаго. За то ни одинъ изъ русскихъ писателей, за исключеніемъ развѣ гр. Хвостова, не подвергался такимъ жестокимъ насмѣшкамъ, какъ Шаликовъ. Князь П. А. Вяземскій осмѣялъ Шаликова подъ именемъ Вздохаова (Полн. собр. соч., т. III, стр. 275—279); А. Е. Измайловъ забавно прозвалъ его „кондитеромъ литературы" (Благонамѣренный 1823 г., № 11),

а Воейковъ въ своемъ „Парнасскомъ адресъ-календарѣ“ далъ слѣдующую потѣшную характеристику: „Князь П. И. Шаликовъ, присяжный оберъ-волокита, князь вралей; находится при составленіи изъ канарейсныхъ яицъ для Феба яшницы и при собраніи для него же жемчужной росы и любовныхъ вздоховъ“. Князь Шаховской въ комедіи „Новый Стернь“ представилъ Шаликова въ лицѣ графа Пронскаго. Даже И. И. Дмитріевъ, покровительствомъ котораго пользовался Шаликовъ (Р. Арх. 1867 г., ст. 1085, 1132; 1868 г., ст. 1097—1100), написалъ пародію на одно изъ его стихотвореній (Р. Арх. 1867 г., ст. 985), а въ частныхъ бесѣдахъ съ Карамзинимъ возмущался бездарностію своего поклонника. При этомъ Карамзинъ, также благоволившій Шаликову, какъ это видно изъ писемъ его къ Дмитріеву, иронически защищалъ слезливаго поэта, говорил, что въ немъ есть что-то тепленькое (Мелочи, стр. 93). До чего доходило въ печати глумленіе надъ Шаликовымъ, показываетъ слѣдующій случай: Однажды въ редакцію Дамскаго Журнала прислана была шарада, за подписью И. Кіовскаго, которую Шаликовъ и послѣшилъ напечатать (ч. VII, 1824 г., № 17, стр. 164—165), не замѣтивъ того, что она была вмѣстѣ съ тѣмъ и акростихомъ, начальныя буквы котораго составляли выраженіе „Шаликовъ глупъ какъ колода“. Первый открылъ эту мистификацію Каченовскій и былъ въ восторгѣ отъ своей находки.

Въ теченіе всей своей долготѣйшей жизни Шаликовъ исключительно занимался литературой и былъ искренне преданъ ей. О собственномъ талантѣ онъ былъ не высокаго мнѣнія: „Я служу граціямъ“, писалъ онъ С. Н. Глинкѣ, — „ибо надобно и имъ служить; посвящаю труды мои одной пріятности, ибо въ этомъ состоятъ вся моя способность“ (Аглая, 1808 г., августъ, стр. 59). Произведенія свои, въ стихахъ и прозѣ, онъ печаталъ, кромѣ собственныхъ изданій, въ Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени (1796—1798 гг.), Аонидахъ (1797—1799 гг.), Ипокрентѣ (1799—1801 гг.), Московскомъ Меркуріи (1803 г.), Патріотѣ (1804 г.), Вѣстникѣ Европы, Сынѣ Отечества, Современникѣ и Москвитянинѣ. Первый сборникъ его стиховъ изданъ въ 1798—1801 гг. подъ заглавіемъ: „Плодъ свободныхъ чувствованій“, а въ 1802 году вышли „Цвѣты грацій“. Въ подражаніе Карамзину и В. Измайлову Шаликовъ описалъ свои путешествія въ Малороссію въ 1803—1804 гг. и въ Кронштадтъ въ 1805 г. Безсодержательныя, лишеныя всякой наблюдательности, произведенія эти, по собственнымъ словамъ автора, представляютъ „одни впечатлѣнія путешественника, описанныя скромнымъ карандашемъ“. Первое путешествіе Шаликова въ Малороссію вызвало при своемъ появленіи въ свѣтъ въ 1803 г. неодобрительные отзывы П. И. Макарова и Жуковскаго (Москов. Меркурій, ч. II; Вѣстникъ Европы, ч. 8). Изъ всѣхъ произведеній Шаликова нѣкоторую цѣнность имѣетъ только „Историческое извѣстіе о пребываніи въ Москвѣ Французовъ 1812 г.“, такъ какъ заключаетъ въ себѣ любопытныя, хотя и весьма кратко изложенныя, показанія очевидца. Въ 1819 году вышло собраніе сочиненій Шаликова, въ двухъ частяхъ, и тогда же были напечатаны его повѣсти. Кромѣ того, своими переводами Шаликовъ знакомилъ русскую публику съ произведеніями г-жи Жанлисъ и Шатобриана.

Въ 1806 году Шаликовъ предпринялъ изданіе Московскаго Зрителя, напечатать предварительно особое объявленіе, въ которомъ заявлялъ между

прочимъ, что „хорошій вкусъ и чистота слога, тонкая разборчивость литераторовъ и нѣжное чувство женщинъ будутъ однимъ изъ главныхъ предметовъ его вниманія“ (С. П. Жихаревъ. Записки современника, стр. 194—195). Дѣятельнѣйшимъ сотрудникомъ Московскаго Зрителя былъ пріятель Шаликова В. К. Бланкъ. Кромѣ того, здѣсь находятся произведенія В. Л. Пушкина, В. В. Измайлова, А. П. Бунинной и нѣсколько басенъ И. А. Крылова. Послѣ Московскаго Зрителя въ подобномъ же направленіи издавались Шаликовымъ ежемѣсячныя журналы: Аглая (1808—1812 гг.) и Дамскій Журналъ (1823—1833 гг.). Составъ сотрудниковъ Аглаи отличался количествомъ въ ущербъ качеству. Набогѣе видными представителями, кромѣ перешедшихъ изъ Московскаго Зрителя, были: С. и Ѳ. Глинки, кн. И. М. Долгорукій, Ѳ. Ѳ. Ивановъ, А. Ѳ. Мерзляковъ и И. И. Лажечниковъ. Что касается Дамскаго Журнала, то особенность его состояла въ томъ, что на ряду съ сентиментализмомъ въ немъ занимаетъ видное мѣсто полемика, тонъ которой нерѣдко переходитъ всякія границы приличія и уже никакъ не согласуется съ претензіей издателя доставлять пріятное чтеніе „милымъ“. Особенно зазорныя и грубыя выходы направлены были противъ Н. А. Полеваго, какъ издателя Московскаго Телеграфа. Сотрудниками Дамскаго Журнала были большею частью лица, участвовавшія въ прежнихъ изданіяхъ князя Шаликова, и еще много другихъ бездарныхъ сочинителей; есть однако въ этомъ журналѣ одно стихотвореніе Жуковскаго и нѣсколько — И. И. Козлова. Забѣтнмъ кстати, что въ Дамскомъ Журналѣ началъ свою литературную дѣятельность Т. Н. Грановскій. Въ XXII-й части (1828 г. № 8) напечатано стихотвореніе его „Страдалецъ“, относящееся ко времени пребыванія будущаго историка въ пансіонѣ доктора Кистера, гдѣ Грановскій былъ предсѣдателемъ литературнаго общества, учрежденнаго воспитанниками этого заведенія. Кромѣ того, въ Дамскомъ журналѣ помѣщены переводы Грановскаго изъ Лейпцигскаго Журнала модъ (ibid., № 14). Прозаическій отдѣлъ Дамскаго Журнала представляетъ нѣкоторый историко-литературный интересъ. Въ немъ печатались „Матеріалы для исторіи русскихъ женщинъ-авторовъ“ М. Н. Макарова, а также письма: Маріи Ѳедоровны къ гр. Ник. Петр. Толстому, князя И. М. Долгорукаго къ М. Н. Макарову, В. И. Козлова къ нему же и къ кн. Шаликову (1829 г., ч. XXV, XXVII, XXVIII; 1830 г., ч. XXIX, XXX, XXXI; 1831 г., ч. XXXII, XXXVI). Кромѣ указанныхъ періодическихъ изданій, Шаликовъ вскорѣ послѣ 1812 года сталъ редакторомъ Московскихъ Вѣдомостей и несъ эти обязанности въ теченіе 25 лѣтъ.

Батюшковъ, разумѣется, вполне раздѣлялъ невысокое мнѣніе своихъ литературныхъ друзей о Шаликовѣ. Намѣщеніи надъ нимъ нерѣдко попадаются въ его письмахъ; нѣсколько строкъ посвящено ему и въ „Видѣніи на берегахъ Леты“ (т. I, стр. 80—82). Личное знакомство Батюшкова съ Шаликовымъ относится, безъ сомнѣнія, къ 1810 году. Настоящее посланіе Батюшкова вызвано было подаркомъ ему экземпляра „Новыхъ повѣстей“ Жюльенъ, переведенныхъ Шаликовымъ и напечатанныхъ съ посвященіемъ князю П. А. Вяземскому. (В. С.).

— (Ст. II). Этотъ стихъ заимствованъ изъ „Опаснаго Сосѣда“ В. Л. Пушкина.

СХV.

Есть наслажденіе и въ дикости гѣсовъ...

Піеса эта напечатана: 1) въ Сѣв. Цвѣтахъ на 1828 г., стр. 23; 2) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 74; 3) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 84, — вездѣ безъ послѣднихъ пяти строкъ. Эти послѣднія строки появились въ печати впервые въ Библиографическихъ Запискахъ М. Н. Лонгинова (Современникъ 1857 г., т. LXII, стр. 82). Съ присоединеніемъ гѣхъ же пяти строкъ стихотвореніе напечатано въ II, Собр. соч. кн. Вяземскаго, т. IX, стр. 86. Текстъ этого послѣдняго изданія представляетъ слѣдующіе

ВАРІАНТЫ:

- Стт. 6—8: Ты сердцу моему дороже;
 Съ тобой, владнчица, привмѣ я забивать
 И то чѣмъ былъ, когда я былъ моложе,
 Ст. 10: Тобою въ чувствахъ оживаю;

Впрочемъ, варианты эти произошли, вѣроятно, отъ того, что стихотвореніе записано кн. Вяземскимъ по памяти; онъ самъ указалъ на невѣрность 8-го стиха въ представляемой имъ редакціи. Въ стихѣ 13-мъ и у Лонгинова, и у кн. Вяземскаго читается:

Шуми же ты, шуми, огромный океанъ,

Въ нашемъ текстѣ слово огромный замѣнено словомъ угрюмый согласно преданію, сохраненному П. Н. Батюшковымъ.

Стихотвореніе составляетъ довольно близкій переводъ строфъ CLXXVIII-й и частію CLXXIX-й IV-й пѣсни Байронова „Чайльдъ Гарольда“. Для сравненія приводимъ подлинникъ:

CLXXVIII.

There is a pleasure in the pathless woods,
 There is a rapture on the lonely shore,
 There is society, where none intrudes,
 By the deep Sea, and music in its roar:
 I love not Man the less, but Nature more,
 From these our interviews, in which I steal
 From all I may be, or have been before,
 To mingle with the Universe, and feel
 What I can ne'er express, yet can not all conceal.

CLXXIX.

Roll on, thou deep and dark blue Ocean—roll!
 Ten thousand fleets sweep over thee in vain;

Man marks the earth with ruin—his control
Stops with the shore...

Извѣстно, что первые слѣды вліянія Байрона на Пушкина обнаруживаются въ написанной послѣднимъ въ 1820 г. элегіи: „Погасло дневное свѣтло...“ Элегія эта воспроизводитъ нѣкоторые мотивы изъ „Чайльдъ Гарольда“ и между прочимъ передаетъ первый стихъ вышеприведенной строфы CLXXIX-й слѣдующимъ образомъ:

Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!

Такимъ образомъ оказывается, что оба русскіе поэта замѣнили два эпитета Байрона *deep and dark* однимъ словомъ угрюмый. Кстати замѣтить, что задолго до Батюшкова и Пушкина еще у Ломоносова (Риторика, ч. II, гл. 3, § 182) встрѣчается въ числѣ образцовъ того вида метафоры, „когда реченіе, къ одушевленной вещи подлежащее, переносится къ бездушной“, такой примѣръ: угрюмое море.

Четвертая пѣсня „Чайльдъ Гарольда“ появилась въ подлинникѣ только въ 1818 г., а такъ какъ Батюшковъ не зналъ по англійски, французскаго же перевода IV-й пѣсни поэмы Байрона еще не появилось въ печати въ это время, то слѣдуетъ предположить, что Батюшковъ воспользовался какимъ-нибудь письменнымъ переводомъ тѣхъ строфъ, которыя переданы имъ въ русскихъ стихахъ; такой письменный переводъ онъ могъ получить, напримѣръ, отъ одного изъ тѣхъ Англичанъ, съ которыми познакомился въ Неаполѣ въ 1819 г. (т. III, стр. 549 и 557). Любопытно, что уже въ періодъ своей психической болѣзни онъ вспоминалъ о Байронѣ и выражалъ желаніе учиться англійскому языку (т. III, стр. 586).

Позже Батюшкова строфу CLXXVIII-ю IV-й пѣсни „Чайльдъ-Гарольда“ перевелъ И. И. Козловъ и включилъ въ свое посвященное Пушкину посланіе „Къ морю“ (Соч. Козлова, смір. изд., т. II, стр. 3). Бѣлинскій въ своей статьѣ о стихотвореніяхъ Козлова (Отеч. Зап. 1841 г.; Соч., т. V, стр. 281, 282) обратилъ вниманіе на то, что первая строфа этого посланія Козлова „есть не что иное какъ извѣстная элегія Батюшкова“, но не замѣтилъ, что обѣ онѣ взяты изъ Байрона. Впрочемъ, впоследствии, въ 1843 г., тотъ же критикъ указалъ на источникъ обѣихъ пѣсень и притомъ справедливо призналъ превосходство перевода Батюшкова надъ переложеніемъ Козлова (Соч. Бѣл., т. VIII, стр. 266, 267).

СХVI.

Ты пробуждаешься, о Байя, изъ гробницы...

Отрывокъ этотъ напечатанъ въ Библ. Зап. Лонгинова (Современникъ 1857 г., т. LXII, стр. 82), съ указаніемъ, что онъ написанъ Батюшковымъ въ Италіи въ 1819 г. Изъ письма нашего поэта къ Карамзину, отъ 24-го мая 1819 г. (т. III, стр. 557), видно, что онъ ѣздилъ въ Байю.

СХVII.

Надпись для гробницы дочери г-жи Малышевой.

Надпись эта напечатана: 1) въ Сынѣ Отечества 1820 г., ч. 64, № 35, стр. 83; 2) въ Опытѣ русск. анекдотическ. исторіи, стр. 33; 3) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 202; 4) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 212; 5) въ Запискахъ Н. И. Греча. С.-Пб., 1886, стр. 482,—вездѣ подъ заглавіемъ: „Надгробіе русскому младенцу, умершему въ Неаполѣ“. Кромѣ того, надпись эта вписана авторомъ въ экземпляръ II-й части „Опытовъ“, въ который онъ въ бытность за границей вносилъ поправки и дополненія для будущаго изданія своихъ стихотвореній.

Стихотвореніе это было написано Батюшковымъ въ Неаполѣ по просьбѣ С. И. Тургенева, а привезено въ Россію Д. Н. Блудовымъ (Сынъ Отечества 1820 г., ч. 64, № 36, стр. 137). Съ возвращеніемъ послѣдняго изъ-за границы новое произведеніе Батюшкова стало извѣстно въ литературныхъ кругахъ Петербурга, и Воейковъ напечаталъ его въ Сынѣ Отечества, передавъ притомъ текстъ невѣрно. Это искаженіе стиховъ Батюшкова возбудило полемику между Воейковымъ и Блудовымъ. Въ слѣдующемъ же номерѣ Сына Отечества Блудовъ помѣстилъ анонимное письмо къ издателю журнала Гречу (отъ 29-го августа 1820 г., изъ Царскаго Села), въ которомъ, возстановляя подлинный текстъ эпиграфа, выражаетъ сожалѣніе, что стихи Батюшкова, „коп равняются въ достоинствѣ съ лучшими надписями греческой Антологіи, уже сдѣлался жертвою безпамятныхъ раскодовъ или безграмотныхъ переписчиковъ“. На это письмо Воейковъ отвѣчалъ, за подписью П. К.—ва, статейкой „Благодарность знаменитому литератору“ (Сынъ От. 1820 г., ч. 64, № 37, стр. 190—191), въ которой иронически призналъ свою вину и затѣмъ сдѣлалъ слѣдующую выходку противъ Блудова: „Мнѣ осталось поблагодарить не подписавшаго своего имени сочинителя письма, который, суда по ревности, съ какою защищаетъ честь великаго писателя, самъ долженъ быть знаменитымъ поэтомъ и, конечно, кромѣ незабвенной перевозки восьми стиховъ изъ Неаполя, оказалъ важныя услуги российской поэзіи. Онъ поступилъ со мною довольно вѣжливо, и я счастливъ, что онъ, а не другой кто, пожурилъ меня. Я бы могъ попасться въ руки къ одному изъ тѣхъ немилосердныхъ крикуновъ, которые, будучи большыя желчью, всѣ предметы видятъ въ желтомъ цвѣтѣ, или, что еще хуже, къ тѣмъ, кои, страдая чернью (сплпномъ), то-есть, охотою все видѣть въ черномъ цвѣтѣ и ввуча наизусть Лагарпа, какъ сорока Якова, перебрали и перецѣнили все русское отъ поэмы до эпиграммы, хотя сами ни одною запятою не обогатили отечественной словесности. Отъ такихъ людей брань нестерпима“. Батюшковъ, узнавъ за границей объ этой полемикѣ, выразилъ неудовольствіе, какъ противъ издателей Сына Отечества, такъ и самымъ появленіемъ эпиграфа въ печати, въ письмѣ къ Гнѣдичу, отъ 26-го августа 1821 г. (Соч., т. III, стр. 570). А. И. Тургеневъ, въ письмѣ къ И. И. Дми-

тріеву, отъ 7-го октября 1820 г., упоминая о полемикѣ Блудова съ Воейковимъ, обвиняетъ послѣдняго, при чемъ замѣчаетъ: „Братъ Сергій изъ Царьграда просилъ Батюшкова сочинить другую эпиграфу матери того младенца, Малышевой, милой женщины, о которой знавшіе ее вспоминаютъ со слезами. Я бы напечаталъ письмо брата о ея характерѣ, если бы братство не принуждало меня къ скромности“ (Р. Арх. 1867 г., ст. 660). Въ настоящемъ изданіи піеса Батюшкова печатается въ томъ видѣ, въ какомъ она находится въ его автографѣ. Въ первоначальной редакціи, известной Блудову, и въ изданіи 1834 г. встрѣчаются слѣдующіе

варианты:

- Ст. 1: О Русской, мимый гость изъ отческой земли!
 Ст. 5 (первонач. ред.): Имъ молви отъ меня: Не плачьте, о друзья!

СХVIII.

Подражанія древнимъ.

Напечатаны въ газетѣ Русь 1833 г., № 23, стр. 23 съ автографа автора; стихотворенія эти сохранились въ томъ экземплярѣ II-й части „Опытовъ“, въ который Батюшковъ вносилъ свои поправки въ бытность за границей, и который сохранился въ бумагахъ Жуковского.

Время написанія этихъ стихотвореній означено самимъ Батюшковымъ въ вышеупомянутой книгѣ.

СХIX.

Изреченіе Мельхиседека.

Стихотвореніе это напечатано: 1) въ Библіотекѣ для чтенія 1834 г., т. II, стр. 18; 2) въ Соч., изд. 1834 г., ч. II, стр. 224; 3) въ Соч., изд. 1850 г., т. II, стр. 235; 4) въ Р. Старинѣ 1834 г., т. XLII, стр. 220. Автографъ этого стихотворенія, безъ заглавія, имѣется у П. Н. Батюшкова, и на немъ означено, что піеса написана въ 1821 г. Это же стихотвореніе написано рукою В. А. Жуковского подъ портретомъ К. Н. Батюшкова, принадлежащимъ П. Н. Батюшкову, и конія съ котораго приложена къ т. II настоящаго изданія. Въ настоящемъ изданіи піеса печатается по вышеупомянутому автографу. Въ изданіи 1834 г. текстъ представляетъ слѣдующій

вариантъ:

- Ст. 6: Долиной скорбной слезъ.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ КО ВСѢМЪ ТРЕМЪ ТОМАМЪ.

Къ тому I-му.

— (Стр. 72). „Мадригалъ новой Сафѣ“ хотя и имѣеть отношеніе къ эпиграммѣ П. Лебрена, тѣмъ не менѣе былъ переведенъ на французскій языкъ въ книгѣ Дюпре де-Сенъ-Мора: *Anthologie russe*, стр. 22.

— (Стр. 81, ст. 161). С. Н. Глинка названъ „русскимъ Локкомъ“ потому, что въ своемъ Русскомъ Вѣстникѣ вообще много толковалъ о народномъ воспитаніи, а въ одной изъ статей его (1808 г., кн. 9), умудрился даже сравнить учебныя правила воспитателя Петра I, Н. М. Зотова, съ педагогическими теоріями англійскаго мыслителя.

— (Стр. 130). „Мои Пенаты“ переведены на англійскій языкъ въ стихахъ Боурингомъ въ его „Россійской антологіи“, изд. 2-е (London 1821), стр. 47—64. Нѣмецкій переводъ этой піесы сдѣланъ былъ д-ромъ Ант. Дитрихомъ и сохранился въ рукописи въ бумагахъ В. А. Жуковскаго; нынѣ эта рукопись принадлежитъ П. Н. Батюшкову.

— (Стр. 176). Элегія „Переходъ черезъ Рейнъ“ переведена на французскій языкъ кн. Эл. П. Мещерскимъ въ сборникѣ: *Les poètes russes traduits en vers français*. P. 1846. T. I, стр. 273—281. Кромѣ того, подражаніе 6-й строфѣ той же элегіи находится во 2-й части „Россійской антологіи“ Боуринга, стр. 158.

— (Стр. 181). Романсъ „Разлука“ переведенъ на англійскій языкъ Боурингомъ въ „Росс. Антологіи“, ч. II, стр. 145—147.

— (Стр. 183). Элегія „Плѣнный“ переведена на французскій языкъ Евг. Порри въ сборникѣ: *Fleurs littéraires de la Russie*. P. 1861, стр. 131—136, и на англійскій — Боурингомъ въ „Росс. Антологіи“, ч. II, ст. 154—157.

— (Стр. 186). Элегія „Тѣнь друга“ переведена на французскій языкъ прозой въ сборникѣ: *Les Veillées russes. Par Heguin de Guerle, Paris. MDCCCXVII*, стр. 220—224, и на англійскій — Боурингомъ въ „Росс. Антологіи“, ч. 2, стр. 148—150.

— (Стр. 189). Элегія „На развалинахъ замка въ Швеціи“ переведена на французскій языкъ Евг. Порри въ сборникѣ: *Fleurs littéraires de la Russie*, стр. 123—130.

— (Стр. 198). Элегія „На смерть супруги *Ф. Ф. Коломжиной*“ переведена на англійскій языкъ *Боурингомъ* въ „*Росс. Антологія*“, ч. 2, стр. 143—144.

— (Стр. 202). „Посланіе къ *И. М. Муравьеву-Апостолу*“ переведено на французскій языкъ прозой, подъ заглавіемъ: „*Influence des impressions de l'enfance sur le génie du poète*“, въ книгѣ: *Les Veillées russes*, стр. 191—197.

— (Стр. 233). „Надежда“ переведена на нѣмецкій языкъ въ сборникѣ *А. Вальда*: *Anthologie russischer Dichter*. Odessa. 1860, стр. 111—112.

— (Стр. 238). „Пѣснь *Гаральда Смѣлаго*“ переведена на нѣмецкій языкъ съ переложенія *Батюшкова* въ сборникѣ: *Wolga und Aar. Gedichte und Uebersetzungen aus dem Russischen, von Friedrich von Wildermeth*. St.-Pbg. 1838, стр. 27—29.

— (Стр. 374). Въ примѣчаніи къ „Отрывку изъ *Шиллеровой трагедіи*“ этотъ переводъ *Батюшкова* приуроченъ къ 1813 году, но притомъ замѣчено, что онъ можетъ быть относимъ и къ болѣе позднему времени. Въ сочиненіи *Г. Кенига*: *Literarische Bilder aus Russland*. Stuttgart und Tübingen. 1837, стр. 125, встрѣчается указаніе, быть можетъ, не лишнее основанія, что *Батюшковъ* переводилъ *Шиллерову „Мессинскую Невѣсту“* въ 1821 году, въ бытность свою въ Дрезденѣ.

Къ тому II-му.

— (Стр. 92). О произведеніяхъ искусства, выставленныхъ въ Академіи Художествъ въ 1814 г., есть небольшая статья въ издававшейся въ Петербургѣ газетѣ *Le Conservateur Impartial* 1814 г., № 73.

— (Стр. 119). Со словами *Батюшкова* о *Монтанѣ* любопытно сравнить слѣдующія слова *Карамзина* въ его письмѣ къ *Малиновскому* изъ Нижняго Новгорода, отъ 17-го февраля 1813 г. (Письма къ *А. Ф. Малиновскому*. М. 1860, стр. 3): „*Читаю Монтаня и Тацита: они жили также въ бурныя времена*“. Когда *Батюшковъ* писалъ свою статью „О поэтѣ“, ему, быть можетъ, припомнились разговоры съ *Карамзинимъ* по поводу этихъ чтеній.

— (Стр. 403). Въ *Московскомъ Телеграфѣ* 1827 г., т. XVII, стр. 3—11, напечатаны еще „*Цвѣты, выбранныя изъ греческой анеалогіи*“; переводы эти, безъ сомнѣнія, также принадлежатъ *Д. В. Дашкову*.

— (Стр. 458). Подобно *Батюшкову*, *И. М. Муравьевъ-Апостолъ*, въ своемъ „*Путешествіи по Тавридѣ*“, стр. 155, посвящаетъ сочувственныя строки не только *Говарду*, но и *Ласъ-Казасу*.

— (Стр. 544). Евгений Алексѣевич Колычевъ умеръ въ 1806 г. Въ журналѣ Любитель Словесности того же года, ч. II, стр. 40, напечатано слѣдующее надгробіе ему, сочиненное И. П. Пнинимъ:

Лежить въ могилѣ сей
Природы другъ и другъ людей.

Къ тому III-му.

— (Стр. 76). „Я давно бы уѣхалъ въ гѣса пошехонскіе опять жить съ волками и съ китайскими тѣнями воображенія“ и т. д. Въ т. III на стр. 636 и 637 уже сказано, что въ этихъ словахъ письма Батюшкова можно видѣть подражаніе Карамзину и Дмитріеву. Въ дополненіе прибавимъ, что „Письма русскаго путешественника“ оканчиваются просьбой автора къ своимъ друзьямъ приготовить ему хижинку, въ которой онъ „могъ бы на свободѣ веселиться китайскими тѣнями своего воображенія“.

— (Стр. 121). „Лучшая сатира на Шишкова“ и т. д. Въ т. III на стр. 651 исчислены стихотворенія Шишкова, внесенныя Жуковскимъ въ изданное имъ въ 1811 г. „Собраніе русск. стихотвореній“, а въ т. II на стр. 539 и 540 сообщены свѣдѣнія объ этомъ изданіи и приведены слова Жуковского изъ предисловія къ нему. Шишковъ принялъ на свой счетъ нѣкоторыя выраженія этого предисловія и въ письмѣ къ Я. I. Бардовскому, отъ 20-го іюня 1811 г., исчисляя козни своихъ противниковъ, между прочимъ говоритъ: „Четвертый (противникъ), предпріявъ не трудное дѣло собрать изъ чужихъ сочиненій нѣсколько томовъ, вставилъ въ нихъ одну мою пѣсенку, которую я еще въ ребячествѣ написалъ; зачѣмъ вставилъ? Затѣмъ, чтобъ послѣ сочинить цѣлое предисловіе, доказывая въ немъ, что тотъ еще не писатель, кому удалось написать одну пѣсенку. Какая тонкая хитрость! Но подумалъ ли онъ, что, во первыхъ, я отнюдь не тщеславлюсь именованъ стихотворца. Повторныхъ, каковы не есть мои труды, но они состоятъ не въ стишкахъ и пѣсенкахъ. Вторыхъ, дѣну писателя опредѣляетъ время и потомство. Но онъ по какому праву, взявъ на себя лицо времени и потомства, изреклетъ судъ, кто первые у насъ писатели и кто послѣдніе? Не похоже ли это на то, какъ бы мужикъ началъ жаловать другихъ мужиковъ, кого въ генералы, кого въ капралы? Не сумасшедшее ли бы онъ затѣялъ дѣло? И неужели тѣ, которыхъ онъ пожаловалъ, были бы такъ глупы, что по его великому опредѣленію стали бы считать себя подлинно таковыми? Стихи писать хорошо, но еще лучше быть хорошимъ и здравомысленнымъ человекомъ. А у того какой разсудокъ, кто, будучи и малымъ писателемъ, и малымъ человекомъ, возмечтаетъ о себѣ, что онъ Аполлонъ и Юпитеръ; раздастъ славу кому хочетъ. Такая, при слабыхъ силахъ, исполненная надменность, слѣшкомъ самолюбива, и потому столько жъ дерзка, сколько и смѣшна. Время обнаружитъ и намѣреніе, и достоинство писателя; оно сохранитъ или истребитъ

его память; а злость не отниметь, равно какъ лести не прибавитъ ему чести“ (Двѣнадцать собственноручныхъ писемъ А. С. Пушкива. С.-Пб. 1841, стр. 13, 14).

— (Стр. 568). Въ бумагахъ Жуковскаго протестъ Батюшкова сохранился въ другой редакціи, которая здѣсь сообщается:

„Прошу васъ покорнѣйше извѣстить вашихъ читателей, что я не принималъ, не принимаю и не буду принимать участія въ изданіи журнала Сынъ Отечества. Равномѣрно прошу объявить, что стихи подъ названіемъ „Къ друзьямъ“, напечатанные въ Сынѣ Отечества, и другіе, могущіе быть или писанные, или печатные,—не мои. Предоставляю собственной совѣсти наказать гнуснаго автора, осмѣлившагося приписать мнѣ свое произведеніе. Не ограничась сямъ первымъ опытомъ злобы, онъ можетъ приписать мнѣ пасквиль или все, чѣмъ только пожелаетъ обременить заочно мое имя, мое единственное добро, и до сихъ поръ чистое. Дабы впередъ избѣжать и тѣмъ подозрѣнія объявляю, что я въ бытность мою въ чужихъ краяхъ ничего не писалъ, и впредь ничего не буду печатать подъ моимъ именемъ. Оставляю ¹⁾ поле словесности не безъ призвательности къ тѣмъ добрымъ соотечественникамъ, кои, единственно въ надеждѣ лучшаго, удостоили одобрить мои слабыя начинанія. Обѣщаю даже не читать критики на мою книгу: она мнѣ бесполезна, ибо я совершенно и навсегда покинулъ перо автора.

Константинъ Батюшковъ.

Чужіе края.

Августа 1-го 1821.

— (Стр. 661). Статья М. Е. Лобанова: „Мнѣніе о духѣ словесности какъ иностранной, такъ и отечественной“, прежде появленія въ III-й книгѣ Трудовъ Имп. Росс. Академіи (1840 г.), была напечатана въ брошюрѣ: „Засѣданіе, бывшее въ Императорской Россійской Академіи. Января 1836 года“, что и подало поводъ къ извѣстному возраженію А. С. Пушкина въ Современникѣ.

— (Стр. 691). Мать Д. П. Сѣверина, Анна Григорьевна, рожденная Брагина, была дочерью чиновника 12-го класса Григорія Трофимовича Брагина. Въ Вѣстникѣ Европы 1816 г., ч. 89, стр. 157, напечатано благодарственное письмо его за пособіе, доставленное ему изъ города Вязниковъ, отъ г. Л. П., черезъ редакцію названнаго журнала.

— (Стр. 713). Въ примѣчаніи къ письму Батюшкова къ Тургеневу, отъ октября—ноября 1814 г., содержащему въ себѣ замѣчанія нашего поэта на посланіе Жуковскаго „Къ императору Александру“, слѣдуетъ прибавить, что Жуковский, которому были сообщены эти замѣчанія, отвѣчалъ на нихъ своимъ стихотвореніемъ „Ареопагу“ (Соч. Жук., изд. 7-е, т. I, стр. 453—458):

¹⁾ Слово „оставляю“ написано вмѣсто зачеркнутаго: „покидаю“.

Съ моею музою смиренной
 Я преклоняюсь предъ тобою,
 О мой ареопагъ священный!
 Публичный обвинитель мой,
 Малютка-Батюшковъ, гигантъ по дарованью,
 Ужь судъ свой моему посланью
 Въ парнасскій протоколъ вписалъ,
 За скрѣпной Аполлона,
 И я къ подножію божественнаго трона
 Съ повинной головой предсталъ,
 Съ поправками посланья
 И парой словъ для оправданья...

Далѣе слѣдуетъ пересмотръ и исправленіе слабыхъ стиховъ, отмѣчен-
 ныхъ Батюшковымъ.

— (Стр. 732). Въ дополненіе къ сообщеннымъ здѣсь свѣдѣніямъ о Мещевскомъ, приводимъ еще любопытное извѣстіе, сохранившееся въ письмѣ П. М. Головина къ кн. П. И. Шаликову изъ Оренбурга, отъ 25-го февраля 1819 г. (Дамскій Журналъ 1829 г., ч. XXVIII, № 51, стр. 186): „Съ сею же почтою нѣкто Мещевскій, поэтъ, завидный по таланту, несчастный по судьбѣ, посылаетъ къ Михаилу Трофимовичу первое явленіе изъ Вольтеровой трагедіи „Смерть Цезаря“. Сколько могу судить, онъ перевелъ эту трагедію удачно, но можетъ ли она быть напечатана и, что еще важнѣе, играна? Примите еще на себя трудъ, по извѣстной мнѣ любви вашей къ одобренію талантовъ и къ отечественной музѣ, поговорить Михаилу Трофимовичу о предпріятіи Мещевского: можетъ ли оно принести нѣкоторую пользу? Тѣмъ больше обяжете меня, если скажете свой судъ о семъ дѣлѣ. Въ Мещевскомъ ума, силы, таланта много; вкусу меньше, разсудка также; чувство глубокое, но не изящное: онъ не умѣетъ, такъ сказать, растворяться душою; онъ чувствителенъ потому только, что имѣетъ талантъ поэта; однимъ словомъ, онъ не изященъ въ своей поэзіи: важный недостатокъ, особенно для поэзіи легкой, которую онъ преимущественно любитъ“.

— (Стр. 739). Н. И. Ильинъ похороненъ въ Симоновомъ монастырѣ въ Москвѣ; изъ надписи на его памятникѣ видно, что онъ родился 14-го сентября 1777 г., а умеръ 29-го августа 1823 г., въ чинѣ статскаго совѣтника.

— (Стр. 774). Въ примѣчаніи къ письму на имя К. А. Леоненковой ошибочно сказано, что Батюшковъ не былъ на Кавказѣ: онъ провелъ нѣкоторое время на кавказскихъ минеральныхъ водахъ въ 1822 году.

УКАЗАТЕЛЬ
ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ¹⁾.

- Августъ—21, 204.
Аврора—59, 60, 121, 195, 198, 205, 216, 240, 294, 389, 399.
Агатонъ—137, 211.
Аглая—285, 430.
Адемаръ—57.
Аксаковъ, С. Т.—375, 378, 392.
Александръ—379.
Александръ Николаевичъ, императоръ—362.
Александръ Павловичъ, императоръ—144, 155, 179, 311, 357, 358, 371, 416, 445.
Алексѣй Михайловичъ, царь—367, 379.
Алкей—25, 79, 309, 326.
Алквѣадъ—209.
Алкїоны—428.
Алквѣдъ—113.
Алленъ, В.—359.
Альбертранди, аббатъ—366.
Альдобрандини, кардиналь—260.
Альзира—378.
Альфонсъ, герцогъ Феррарскій—255, 258.
Альцестъ—391.
Амальтея—146, 354, 355.
Аминта—51.
Амуръ—32, 34, 65, 79, 81, 94, 100, 128, 182, 196, 216, 334, 335, 342, 384, 432.
Амуры—3, 108.
Анакреонъ—2, 34, 265, 352.
Анастасевичъ, В. Г.—173, 377, 382.
Анна Іоанновна, императрица—367.
Анлеита, іеромонахъ, см. Ширинскій-Шинятовъ, князь С. А.
Ансело—365, 366.
Антигона—69.
Антипатеръ Сидонскій—427, 428, 430.
Антипатеръ Бессамійскій—286, 427.
Антирихардсонъ—379.
Анубисъ—210.
Аониды—264, 278, 305, 306, 321, 322, 341, 384, 390, 412.
Аполлонъ—2, 24, 27, 50, 73, 76, 146, 149, 277, 291, 323, 326, 388, 418, 444, 446.
Араповъ, П. Н. 334, 383, 391, 392.
Арахна, Арашна—112, 339.
Арбутнотъ—420.
Аргусъ—108, 289, 432.
Аристиппъ—139, 403.
Аристъ—71.
Аристофанъ—394, 425.
Аріостъ—280, 317, 419.
Армида—26, 27, 52, 63, 64, 148, 152, 310.
Арно—378.
Арсеньевъ, К. И.—361, 362.
Архарова, В. И. см. Кокоскина.
Архидамій—252.
Асканій—51, 255, 411.
Асклепадъ Самосскій—285, 427, 430.
Аслега—125, 345, 346, 405.
Атала—344.

¹⁾ Въ указатель внесены, какъ имена лицъ, дѣйствительно существовавшихъ, такъ и дѣйствующихъ лицъ въ различныхъ литературныхъ произведеніяхъ.

- Аталия—16.
 Атилла—178.
 Атридъ—142.
 Ахиллъ—142, 256, 422.
 Аванасьевъ, А. Н. 314, 316, 319, 320, 325, 329—331, 337—339, 341, 342, 344, 349, 350, 353, 354.
 Бабрій—348.
 Байронъ—438, 439.
 Балдусъ—128, 282, 348, 376, 421.
 Бантышъ-Каменскій, Ник. Ник.—364.
 Баратынскій, Е. А.—361, 370.
 Бардовскій, Я. I.—444.
 Бардусъ—420, 421.
 Барковъ, И. С.—77.
 Баргеновъ, П. И.—317.
 Бартолинъ—404.
 Батюшковъ, Помп. Ник.—372, 397, 438, 441, 442.
 Батюшковъ, Ф. Д.—404.
 Бахметевъ, А. Н.—373.
 Безбородко, князь А. А.—368.
 Безрукоминъ—8, 33, 304, 306, 312.
 Бекъ, Н.—323.
 Бекъ, А. Х.—368.
 Беллона—65.
 Беницкий, Ал. П.—314.
 Берединовъ, Я. И.—367.
 Бестужевъ, А. Ф.—311.
 Бибрисъ—72, 322, 377.
 Бинъ—357.
 Бюнъ—353.
 Бланкъ, Б. К.—437.
 Блудовъ, графъ Д. Н.—356, 358, 364, 440, 441.
 Блуменбахъ—357.
 Боало—19—23, 76, 304, 309, 326.
 Бобринскій, графъ А. А.—409.
 Бобровъ, С. С.—76, 82, 283, 306, 322, 326, 328, 381, 421.
 Богдановичъ, Ип. Ф.—77, 137, 149, 326, 406.
 Бодоннъ—57.
 Бонштетень—362.
 Борей—46, 308.
 Боссъ—368.
 Боурингъ, Дж.—393, 442, 443.
 Брагина, см. Сѣверина, А. Гр.
 Брагинъ, Гр. Тр.—445.
 Браунъ, Ф. А.—409.
 Бредероде—368.
 Брунъ—426.
 Брумербасъ—11, 307.
 Брусловъ, Н. П.—311, 312.
 Бугаковъ, А. Я.—360.
 Бугаковъ, К. Я.—360.
 Бугаковъ, Я. И.—366.
 Буле, I. Ф.—357.
 Бунина, А. П.—322, 376, 437.
 Бурнашевъ, В. П.—420.
 Бурунъ—12, 17, 20.
 Булинскій, В. Г.—390, 408, 413, 419, 433, 439.
 Вакханга—261, 262, 414.
 Вакхъ—37, 97, 103, 109, 139, 261, 262, 285.
 Валкиринъ—264, 415.
 Вальдъ, А.—443.
 Вальтеръ-Скоттъ—360, 362.
 Вандикъ—282.
 Варенцовъ, А. А.—311.
 Вейнгольдъ—404, 405.
 Велеурскій, графъ М. Ю.—65, 66, 319, 385.
 Велисарій—352.
 Вельгорскій, Вельгорскій, см. Велеурскій, графъ М. Ю.
 Венера—77, 100, 334, 388, 413, 414, 432.
 Вериста—265.
 Вадхаловъ—435.
 Вигель, Ф. Ф.—334, 358, 369, 370, 381, 382.
 фонъ-Визинъ, Д. И.—78.
 Виландъ—356.
 Вильгельмъ—55, 57.
 Вильдерметъ, Фр.—443.
 Винскій, Г. С.—364.
 Виргилий—73, 79, 256, 316, 320, 323, 326, 347, 409, 421.
 Висковатовъ, С. И.—376.
 Висковатовъ, П. А.—301, 302, 314, 329, 332, 336, 343—345, 353, 373, 384, 385, 390, 392, 414, 415.
 Владиміръ—137.
 Воейковъ, Ал. Ф.—337, 344, 345, 361, 370, 374, 378, 381, 420, 435, 436, 440, 441.
 Вольтеръ—7, 14, 81, 93, 305, 311, 331, 340, 378, 380, 429, 446.
 Востоковъ, А. Х.—366.
 Вяземскій, князь П. А.—131, 139, 319, 325, 338, 345, 348—351, 360—365, 368—371, 373—375, 378, 384—386, 391, 392, 396, 397, 403, 404, 408, 409, 421, 335, 437, 438.
 Габріель—93.
 Гагаринъ, князь И. С.—361.
 Гаевскій, В. П.—338, 351, 377, 383, 393.
 Галаховъ, А. Д.—306, 351, 377, 410.
 Гаральдъ Годвинсонъ, король Англіяскій—406.

- Гаральдъ Сигльнъ—238, 239, 403—406, 443.
 Гарпагонъ—207.
 Геба—76, 89, 249, 250.
 Гегинъ де Герль—442.
 Геде—357.
 Гедиль—285, 427, 430.
 Гееренъ—357.
 Гезюдъ—247—252, 408.
 Гела—190, 239, 346.
 Гельфъ—55, 58.
 Геннади, Г. Н.—382, 392.
 Генрихъ Прусскій—368.
 Гераклидъ Понтийскій—426.
 Гераковъ—379.
 Гербель, Н. В.—388.
 Гервей—173, 376, 381.
 Гердери—404, 423.
 Германъ—177.
 Гермесъ—340.
 Гермогенъ—84, 328, 377.
 Геродотъ—419.
 Гете—356.
 Геснеръ—355, 356, 378.
 Гименей—108, 199, 200, 242, 338.
 Гиппократъ—146, 217.
 Гиды—250, 408.
 Геронъ Сиракузскій—309.
 Глазуновъ, И. П. 82, 169, 304, 306, 377.
 Глафира—80.
 Гликерія—209.
 Глинка, С. Н.—81, 311, 327, 384, 436, 437, 442.
 Глинка, Ф. Н.—369, 437.
 Глигера—10, 21.
 Глицерія—268.
 Глушицкий—73, 323.
 Глушониъ—8, 12, 19, 304.
 Глушониовъ—11.
 Голенщевъ-Кутузовъ, П. И.—324.
 Гвидичъ, Н. И.—24—28, 41, 42, 45, 46, 67, 68, 282, 302, 303, 307, 309, 313—328, 330, 333—335, 338, 339, 344, 346, 350, 374, 384, 396, 408, 409, 411, 416, 417, 420, 440.
 Говардъ—443.
 Голенщевъ - Кутузовъ Смоленскій, князь М. Ил.—155.
 Голицына, княгиня—358.
 Голицынъ, князь Ал. Н.—358, 359, 362, 366, 368.
 Головинъ, П. М.—146.
 Гомеръ, см. Омръ.
 Гораций—2, 44, 137, 246, 268, 310, 315, 352, 381, 407, 411, 412.
 Гордонъ, Патрикъ—364.
 Гостомыслъ—379.
 Готфредъ—55, 57, 59, 256.
 Грамматинъ, Н. Ф.—375.
 Грановскій, Т. Н.—437.
 Графовъ—377.
 Грацип—94, 111, 120, 268, 269, 281, 291.
 Грей—246.
 Грессетъ—14, 308, 349, 351, 352.
 Гречъ, Н. И.—312, 375, 382, 383, 391, 420, 440.
 Грибоѣдовъ, А. С.—391.
 Гриммъ—365.
 Громобой—147, 355.
 Гротъ, Я. К.—322, 352, 379.
 Груберъ—404.
 Грузинцовъ, А. Н.—376.
 Гуго Груцип—340.
 Гуть—57.
 Гумбольдтъ, А.—360, 362, 366.
 Густавъ—82.
 Густавъ III, король Шведскій — 368.
 Далниъ—405.
 Дамонъ—16, 19.
 Данаиды—197.
 Данилова, М.—100, 333, 334.
 Дантъ—411.
 Дафна—149.
 Дашкова, княгиня Е. Р.—379.
 Дашковъ, Д. В.—150—153, 327, 356, 362, 365, 372, 373, 422, 434, 443.
 Дезульеръ—378.
 Дендамія—84.
 Делія—44, 74, 75, 194, 195, 197, 198, 232, 324, 349.
 Делиль—380.
 Дельвигъ, баронъ Ант. Ант.—420.
 Демосеенъ—209.
 Державина, Д. А.—359.
 Державинъ, Г. Р.—137, 205, 303, 305, 322, 352, 360, 375, 377, 379, 380, 394, 405, 406, 412.
 Дефонтеъ, аббатъ—321.
 Дядло—334.
 Димитрій Донской—39.
 Дитрихъ, Ант.—442.
 Диана—249.
 Диогенъ—19, 209, 216.
 Дмитриевъ, И. И.—138, 205, 305, 307, 322, 339, 360, 364, 365, 370, 371, 377, 380, 384, 391, 394, 407, 420, 423, 433, 436, 440, 441, 444.
 Дмитриевъ, М. А.—304, 307, 325, 375, 391, 392, 407, 434, 435.
 Долгорукии, князь Ив. М.—435, 437.
 Долгоруковъ, князь—372.
 Дриада—63.
 Душенька—79, 100, 137, 149, 327.
 Дюваль—327.
 Дюгескиниъ—220.

Дю-Мериль, Эд.—404, 405.
 Дюпоръ—334.
 Дюпре де-Сенъ-Моръ, П. Ф.—410, 442.
 Дюси—351, 352.

Евгеній, митрополитъ Кіевскій—382, 406.

Евстафій—306.

Ежова, Е. И.—172, 378.

Екатерина I, императрица—367.

Екатерина II, императрица—364, 367, 368, 380, 382.

Екатерина Павловна, великая княгиня—318.

Елизавета Алексѣевна, императрица—178, 358, 359, 383.

Елизавета Петровна, императрица—367.

Елизавета Ярославна, княжна—404, 405.

Ермакъ—206, 394.

Жанлисъ—378, 436, 437.

Женгене—260, 410.

Жирарденъ—380.

Жихаревъ, С. П.—314, 356, 358, 360, 375, 378, 381, 391, 437.

Жуанъ, донъ—369.

Жуковский, В. А.—131, 139, 145—147, 246, 301, 302, 313, 316, 337, 341, 345, 349, 350, 353—356, 359—362, 364, 369, 370, 372, 384, 388, 392, 393, 396—400, 407—410, 436, 437, 441, 442, 444, 445.

Зафна—115, 116, 341.

Захаровъ, И. С.—173, 376, 378, 379.

Зевесъ—98, 109, 249, 250, 286, 301, 354, 355.

Зефирьяна—24.

Зотовъ, Н. М.—442.

Зюльмиса—80.

Ивановъ, О. О.—437.

Игорь—380, 406.

Изабелла—156—162.

Изида—195, 208, 210.

Измайловъ, А. Е.—311, 331, 334, 375, 379, 435.

Измайловъ, В. В.—436, 437.

Иконниковъ, В. С.—358.

Иксіонъ—197.

Ильинъ, Н. И.—446.

Илья Пророкъ—23.

Инггерда, королева Шведская—405.

Исмена—59.

Иснель—125, 264, 345, 346, 405.

Ио—72.

Иоанна д'Аркъ—326.

Иоахимъ—368.

Иосифъ II, императоръ Австрійскій—368.

Исайсаровъ, А. С.—356, 357, 366.

Исайсаровъ, М. С.—356.

Камены—120, 248.

Камилла—411.

Каятемиръ, князь А.—381.

Карабановъ, П. М.—172, 378, 420.

Карамзина, Ев. Андр.—360, 418, 419.

Карамзина, С. Н.—360.

Карамзинъ, Н. М.—137, 174, 278, 279,

305, 327, 350, 355, 358—361, 363—

366, 370, 375, 379, 405, 418—420,

435, 436, 439, 443, 444.

Каратыгинъ, П. А.—391.

Касты—120, 343—345.

Каченовскій, М. Т.—380, 381, 407, 408, 435, 436, 446.

Квашнина-Самарина, А. П.—333.

Кельбингъ—405.

Кенигъ, Г.—443.

Кесарь—177.

Кикинъ, П. А.—382.

Кинюльгъ—304.

Кипренскій, Ор. Ад.—282, 420.

Киприда—51, 120, 121, 146, 148, 196, 197, 290.

Кирѣевскій, И. В.—363.

Кистеръ—437.

Кишотъ, донъ—148.

Кіовскій, И.—436.

Климентъ VIII, папа—259.

Клптъ—112, 207—210, 217—219, 396.

Кля—237.

Клоринда—52.

Клушинъ, А. И.—379, 421.

Княжнинъ, Я. Б.—77.

Ковловъ, В. И.—437.

Козловъ, И. И.—362, 370, 437, 439.

Кокоскина, В. Ив.—199, 200, 390—392, 443.

Кокоскинъ, О. О.—199, 200, 390—392, 443.

Колбасинъ, Е. Я.—435.

Колонна—117, 342.

Колычевъ, Евг. Ал.—444.

Константиинъ—259.

Константиинъ Кефаласъ—426.

Кореджіо—320.

Коринна—24, 38.

Корнутскій графъ—57.

Корфъ, графъ М. А.—361.

Котень—304.

Котошихинъ, Гр.—367, 368.

- Коцебу—356.
 Котанскій, Н. О.—353.
 Кратесь—209.
 Крезъ—15, 123.
 Кругъ, Ф. И.—367.
 Крыловъ, И. А.—85, 138, 282, 328,
 396, 420, 421, 437.
 Ксенія—69.
 Ксенофонтъ—350.
 Кувольницъ, Н. В.—312.
 Кукъ—79, 326.
 Купидонъ—149.
 Куракинъ, князь А. Б.—364.
 Бургановъ, Н. Г.—84.
 Кюлье—362.
 Кюхельбекеръ, В. К.—383, 409, 410, 433.
- Лабать—358.
 Лагарпъ—340, 440.
 Лажечниковъ, П. И. 437.
 Лайа—323.
 Ланса—11, 21, 287, 422, 424, 428, 431.
 Лары—101, 118, 132, 138, 351.
 Ластъ-Казась—443.
 Лаура—117, 119, 149, 342, 343, 391,
 398, 399, 429.
 Лафатеръ—355, 356.
 Лафонтенъ—13, 47, 129, 307, 315, 316,
 348.
 Лебрень, П.—322, 348, 442.
 Лекувреръ, Адр.—311.
 Лель—350.
 Ленскій—402.
 Леоненкова, К. А.—446.
 Лепорелло—369.
 Ливія—103.
 Лиза—77, 96, 327.
 Лизета—105, 122, 123.
 Ливастъ—313.
 Лица—135, 147, 181, 199, 236, 349.
 Лилета—133.
 Лобановъ, М. Е.—303, 305—309, 393,
 445.
 Лобановъ-Ростовскій, князь А. Б.—
 392.
 Локъ—81, 442.
 Ломоносовъ, М. В.—77, 136, 169, 204,
 206, 394, 439.
 Лонгиновъ, М. Н.—304, 310, 311, 313,
 326, 337, 347, 375, 438, 439.
 Лопухинъ, Ив. В.—355.
 Лора, см. Лаура.
 Лукницкій, А. В.—323.
 Луттеротъ, Г.—358.
 Луцкій—411.
 Львовъ, Н. А.—405, 406.
 Львовъ, П. Ю.—173, 306, 376, 379, 380.
 Львовъ, О. П.—337.
- Магницкій, М. Л.—361.
 Маккавен—180.
 Макаровъ, М. Н.—437.
 Макаровъ, П. И.—436.
 Максимовичъ, М. А.—363.
 Макферсонъ—347.
 Малле, Маллетъ—404, 405.
 Малиновскій, А. О.—443.
 Малышева—295, 440, 441.
 Мальвина—26, 34, 35, 309, 313.
 Марія Θεодоровна, императрица—143,
 144, 358, 437.
 Мармонтель—350.
 Марсій—73.
 Марсъ—51, 67, 101, 104, 111, 318,
 334, 388.
 Мартыновъ, И. И.—313.
 Маршанжъ—404.
 Маттисонъ—386.
 Маша—94, 331.
 Мебиусъ—404, 405.
 Мегера—93, 197.
 Мейснеръ—357.
 Меланія—80.
 Мелеагръ Гадарскій—284, 426, 429.
 Мелеагръ Сирійскій—426.
 Мелина—72, 322.
 Мелпомена—39, 77, 376.
 Мельхиседекъ—298, 441.
 Мерзляковъ, А. О.—79, 309, 323, 326,
 327, 356, 361, 437.
 Месала—194, 196.
 Меццофанти, кардиналъ—365.
 Мещевскій—446.
 Мещерскій, князь Эл. П.—442.
 Мизонъ—306.
 Миликтриса—80.
 Милоновъ, М. В.—344, 370, 377.
 Мильвуа—252, 401, 408, 409.
 Милътонъ—352.
 Миннермъ—428.
 Минерва—339, 371.
 Минниъ, К. З.—327, 328, 377.
 Миниатюрениъ—379.
 Минось—79, 83, 85, 316, 379.
 Миртисъ—413.
 Мирто—412.
 Моро, Гежезиппъ—410.
 Михаилъ, князь Черниговской—327.
 Михаилъ Θεодоровичъ, царь—368.
 Мнемозина—248, 350.
 Моголедъ—47, 48, 315, 316.
 Монна—69.
 Монсѣяковъ, О. П.—405.
 Мольтеръ—392.
 Монтанъ—259, 352, 443.
 Мордвинновъ, графъ Н. С.—358.
 Морфей—46, 109.

- Моцартъ—369.
 Музы—41, 95, 111, 136, 138, 149, 153,
 203, 206, 226, 229, 236, 237, 250—
 252, 256, 257, 263, 273, 274, 277,
 279, 281, 291, 332, 407, 419, 446.
 Мумий, консуль—427.
 Мундтъ, Н. П.—334.
 Муравьева, Е. Ѳ.—396, 398, 400.
 Муравьевъ, Мих. Никит.—372, 419.
 Муравьевъ, Н. М.—270—272, 416.
 Муравьевъ—Апостолъ, И. М.—203—
 206, 393, 394, 443.
 Муррей—364.
 Мюгель—330.
 Мюллеръ, Э.—404.
 Мюллеръ, Иог.—362.
 Мура, графиня Генриетта де-Кастель-
 но—313.
 Мшадуровъ—305.
 Назонъ—51.
 Наполеонъ—351.
 Нарушевичъ—366.
 Наталья—327.
 Няды—66.
 Неандеръ—371.
 Незеленовъ, А. И.—402.
 Нелединскій-Мелецкий, Ю. А.—137.
 Немезида—296.
 Нептунъ—250.
 Неренды—427, 428.
 Несторъ—357.
 Нефедьева, А. И.—362, 368.
 Неэра—324.
 Никагоръ—285, 427, 430.
 Николай Павловичъ, императоръ—366.
 Николевъ, Н. П.—170, 378.
 Нимфы—44, 60, 62—64, 123, 149, 202,
 268, 332.
 Новиковъ, Н. И.—361.
 Новосильцевъ, Н. Н.—357, 358.
 Носель—355, 411.
 Оболенскій, князь М. А.—364, 369.
 Обрѣзовъ, А.—306.
 Овидій—339.
 Оденъ—190, 265.
 Одиссей—193, 388.
 Озеровъ, В. А.—39, 314, 320, 375.
 Озиридъ—210.
 Океаниды—427, 431.
 Оленна, Ел. Марк.—281, 420.
 Оленникъ, А. Н.—314, 326, 420.
 Олинъ, В. Н.—414.
 Омнръ—26, 50, 52, 54, 217—252, 388,
 408, 427.
 Олѣгничъ, Евгений—402.
 Орландъ Непстовый—419.
 Орфей—26, 40, 354.
 Орн—250.
 Оскаръ—1, 264, 303, 309.
 Осляковъ—93.
 Оссіанъ—303, 309, 378.
 Остолоповъ, Н. Ѳ.—301, 311.
 Шавель Силенціарій—287—290, 428,
 429, 431, 432.
 Палицынъ, А. А.—173, 376, 378—381.
 Палицынъ, Авр.—380.
 Памела—379, 380.
 Памфилъ—213—215, 220, 397.
 Пандіонъ—129.
 Парга—20, 38, 48, 49, 75, 94, 98, 100,
 140, 146, 194, 249, 257, 352.
 Пари—367.
 Парн, Эв.—29, 98, 108, 115, 125, 240,
 309, 310, 333, 338, 341, 346, 347,
 405, 406, 412, 413.
 Патерсонъ—359.
 Пенаты—102, 131—141, 335, 348, 351,
 352, 442.
 Пекарскій, П. П.—362, 367.
 Періандръ—252.
 Перфильева, Марія, см. Данилова.
 Петинъ, И. А.—91, 92, 186—188, 330,
 331, 386.
 Петрарка—117, 118, 199, 259, 342, 343,
 388, 391, 393, 399, 428, 429.
 Петръ Великій, императоръ—110, 178,
 297, 338, 364, 367, 377, 442.
 Петръ Пустынникъ—55.
 Пизарръ—205.
 Пиладъ—142.
 Пильпай—138.
 Пиндаръ—25, 110, 137, 204, 309.
 Пирнеой—142.
 Пиронъ—321.
 Писаревъ, А. А.—311.
 Пнеагоръ—208, 211.
 Піериды—138, 204.
 Главильщниковъ, В. А.—421.
 Плавсинянъ—8, 305.
 Планудъ—426.
 Платонъ—137.
 Плетневъ, П. А.—370, 371, 410, 412.
 Плутархъ—252, 408.
 Плутонъ—75, 93.
 Пнинъ, И. П.—31, 32, 311, 312, 444.
 Побѣдоносцевъ, П. В.—304.
 Погодинъ, М. П.—369, 417, 418.
 Пожарскій, князь Д. Т.—84, 328, 377.
 Полевой, Н. А.—366, 410, 437.
 Полянникъ—161.
 Политковскій, Гавр. Гер.—173, 174,
 382, 383.
 Поллуксъ—210.

- Попе—227, 420.
 Попова—407.
 Поповы—146, 244.
 Попугаевъ, В. В.—311.
 Порри, Евг.—410, 442.
 Поссельтъ, М. К.—364.
 Потанчякова—392.
 Потемкинъ, гр. С. П.—375, 376.
 Потемкинъ, князь Г. А.—368.
 Привѣта—379—381.
 Приамъ—250.
 Прогна—129, 130, 348.
 Прозерпина—414.
 Пронскій, графъ—436.
 Проперцій—186, 386.
 Протей—27, 51, 424.
 Прытковъ—312.
 Психея—77, 79, 100, 334.
 Птоломей Филадельфъ—427.
 Пушкина, Ел. Г.—361.
 Пушкинъ, А. С.—317, 338, 340, 351,
 361, 363, 370, 375, 377, 378, 383, 393,
 397, 402, 412, 741 420, 439, 445.
 Пушкинъ, В. Л.—291, 305, 306, 377, 437.
 Пушкинъ, Л. С.—397.
 Пушинъ, И. И.—340.
 Пынинъ, А. Н.—359, 360, 416.

Р
 Радичевъ, Н. А.—311.
 Раевскій, Н. Н.—373.
 Расинъ—81, 252.
 Рекамье—365.
 Рембрандтъ—381.
 Рене—344.
 Ржевскій, П. А.—348.
 Ринальдъ—52, 59—61, 63, 64, 256.
 Рихтеръ, I.—312.
 Ричардсонъ—379.
 Ричардъ Львиное Сердце—387.
 Риенинъ—25, 309, 326, 377.
 Роальдъ—192.
 Робертсонъ—350.
 Робертъ—57.
 Ролленъ—168.
 Романовы—379.
 Росселетъ—404.
 Румянцева, графиня М. А.—412.
 Румянцева, графъ Н. П.—361.
 Руманцовъ Задунайскій, графъ П. А.—
 381.
 Руничъ, Д. П.—361.
 Русланъ—433.
 Руссо, Ж.-Ж.—81, 327, 328, 378, 380.

С
 Саади—316.
 Самарина, см. Квашнина-Самарин.
 Самаринъ, Ю. Ф.—371.
 Сандвичъ—404.

 Сатурнъ—75, 195.
 Сафо—2, 72, 82, 149, 321, 322, 388,
 428, 442.
 Сахаровъ, И. П.—382.
 Свербеева, Е. А.—362.
 Свербеевъ, Д. Н.—365, 368.
 Свинынъ, П. П.—380.
 Свистовъ—147, 354.
 Свѣчнна, С. П.—365.
 Селадонъ—111.
 Селевкиды—426.
 Семенова, Е. С.—69, 70, 320.
 Сенека—411.
 Сентъ-Бевъ—344, 347, 401.
 Сентъ-Ламбертъ—380.
 Сентъ-При, графъ Эмм.—220, 397.
 Сентъ-Флоранъ—421.
 Сербиничъ, К. С.—358, 360—362,
 366—368, 370.
 Сердечкинъ—12.
 Сизифъ—93.
 Сильваны—66.
 Сильфы—66, 137.
 Синавъ—305.
 Сирени—60, 227.
 Сиряковъ, И.—331.
 Сисмонди—410.
 Сленниъ—421.
 Смирдинъ, А. Ф.—325, 382.
 Смоляетъ—378.
 Снорро Стурлесонъ—404, 405.
 Соколовскій—364.
 Соколовъ, П. И.—382.
 Соколовъ—173, 382.
 Соллогубъ, графъ Вл. А.—392.
 Соловьевъ, С. В.—367.
 Сохакій, П. А.—304.
 Сперанскій, графъ М. М.—361.
 Сплетниинъ—20.
 Срезневскій, Изм. Ив.—358.
 Станевичъ, Е. И.—173, 305, 376, 380—
 382.
 Станиславъ-Августъ, король Поль-
 ский—366.
 Старчевскій, А. В.—361, 366.
 Строгановъ, графъ Гр. А.—358, 361.
 Строевъ, С. М.—367.
 Стугодѣй—7, 21, 305.
 Суворовъ, князь А. В.—7, 112, 271.
 Сумароковъ, А. П.—77, 78.
 Сухомлиновъ, М. И.—311, 379, 382.
 Сушковъ, Н. В.—356, 376.
 Сципионъ—297.
 Сѣверина, А. Гр.—445.
 Сѣверинъ, Д. П.—386, 445.

Т
 Танса—322.
 Танкредъ—52.

- Ганталъ—197.
 Гассъ, Торквато—27, 50—54, 69, 253—260, 310, 317, 318, 320, 352, 409—412, 433.
 Гацитъ—443.
 Гезей—142.
 Гейффель, В. С.—324.
 Телемакъ—379.
 Теокрытъ—427.
 Терей—129, 130.
 Терпсихора—100.
 Тибуллъ—74, 75, 101—104, 194—198, 324, 325, 334, 335, 342, 351, 389, 390.
 Тизифона—197.
 Тимотей—344.
 Тиртей—246.
 Титиръ—204.
 Тифій—197, 390.
 Тихановъ, П. Н.—303—310, 315, 325.
 Тихонравовъ, Н. С.—304.
 Тоблеръ—355, 356.
 Тоблеръ, Юг.—355.
 Голстой, графъ Ник. Петр.—437.
 Томасъ—378, 380.
 Тордарсонъ, Ол.—404.
 Торрисмондо—253, 410.
 Тредіаковскій, В. К.—77, 78, 83, 84, 168, 328, 375.
 Тургеневъ, А. М.—364.
 Тургеневъ, Ал. И.—148—150, 243—245, 281, 282, 355—372, 384, 406, 407, 418—420, 433, 440, 445.
 Тургеневъ, Андр. Ив.—355, 356.
 Тургеневъ, Ив. П.—355.
 Тургеневъ, Ник. Ив.—355, 357—360, 362—365, 367, 371, 372.
 Тургеневъ, С. И.—440, 441.
 Тургеневы—355, 356.
 Тянисловъ—282, 420.
 ●аонт.—72, 265, 302, 322.
 Фабрицій—408.
 Фагима—25.
 Фебъ—8, 15, 21, 22, 27, 51, 53, 73, 77, 78, 138, 145, 149, 203, 204, 206, 208, 221, 225, 226, 250, 256, 277, 304, 305.
 Федръ—138.
 Фенелонъ—355, 378.
 Филалетъ—207—219, 395.
 Филаретъ—107.
 Филаретъ, митрополитъ Московскій—368.
 Филиса—7, 14—18, 307, 308.
 Филиппъ, король Шведскій—405.
 Филлида—120.
 Филмела—6, 129, 130, 231, 348.
 Фингалъ—303.
 Фирсъ—107, 337.
 Флора—244.
 Форіель—347.
 Фортуна—20, 22, 75, 138, 206, 221, 255, 260, 273, 275, 411, 412.
 Фотій, архимандритъ—359.
 Фрейгангъ, В. И.—357.
 Фряна—216.
 Фридрихъ-Вильгельмъ IV, король Прусскій—366.
 Фридрихъ II, король Прусскій—368.
 Фурип—93, 103, 388.
 Жариты—137, 153, 236, 250, 354.
 Хвостовъ, графъ Дм. Ив.—172, 173, 175, 283, 354, 376, 381, 435.
 Хемницеръ, И. И.—77, 138.
 Херасковъ, М. М.—77.
 Хлоя—10—12, 80, 99, 108, 112, 150, 306, 321.
 Хлмстовъ—354.
 Хомяковъ, А. С.—371.
 Христианъ VII, король Датскій—305.
 ■езарь—446.
 Пезаръ, донъ—156—166.
 Перера—102, 223, 250, 398.
 Циклопы—64.
 Цинтіо, кардиналь—259, 260.
 Царден—67, 152, 373.
 ■аадаевъ, П. Я.—361.
 Чайльдъ Гарольдъ—438, 439.
 Чарторижскій, князь А.—357.
 Чернышевъ, графъ И. Г.—368.
 Честонъ—21.
 ■актасъ—344.
 Шаликовъ, князь П. И.—81, 291, 292, 327, 434—437, 446.
 Шапеленъ—326.
 Шатобрианъ—344, 362, 365, 436.
 Шаховской, князь А. А.—172, 378, 391, 392, 436.
 Шевичъ—434.
 Шевыревъ, Ст. Петр.—364.
 Шекспиръ—392.
 Шенье, А.—412.
 де-ла-Шетарди, маркизь—367.
 Шиллеръ—156—166, 356, 374, 383, 392, 443.
 Ширинскій-Шихматовъ, князь П. А.—377.
 Ширинскій-Шихматовъ, князь С. А.—83, 169, 172, 283, 328, 338, 339, 366, 375—378.
 Шпшковъ, А. С.—84, 171, 172, 175, 305, 306, 328, 377, 378, 381, 382, 444, 445.

Шлецеръ—357, 362.

Шлихъ—337.

Шолье—352.

Уваровъ, графъ С. С.—277, 361, 366,
410, 417, 418, 421—423, 433.

Уранія—83.

Эвмениды—51.

Эврипидъ—39.

Эвры—261.

Эгида—250.

Эдипъ—422.

Элеонора—258.

Элиза, см. Оленина, Ел. М.

Элонза—380.

Эмилій—419.

Эмилія—89, 330.

Эммануэль—156—166.

Эмпедоклъ—212, 395.

Эней—217, 326.

Энкладъ—197, 390.

Эрата—65, 277.

Эрато—97, 332.

Эригона—261, 413.

Эрмій—78.

Эрмионъ—420.

Эротъ—79, 100, 139, 285, 290, 427.

Эроты—137.

Эскулапъ—317.

Эсхилъ—427.

Этеоклъ—161.

Эоль—363, 364.

Эригъ—346.

Эршъ—404.

Юлія—379.

Юнгъ—81, 327, 377, 381.

Юнтеръ—196, 212, 252, 444.

Юсуповъ, князь Н. Б.—393.

Языковъ, Д. И.—80, 311, 327.

Якобъ—423, 426, 427.

Яковлевъ, П. С.—393.

Ярославъ Владиміровичъ, вел. князь—
405, 406.

Фадѣй—105, 335.

Федоровъ, Б. М.—358, 367, 370.

Феодоридъ—434.

Фетида—247.

Фома Кемпійскій—361.

Фуксидидъ—278, 419.

Получая известия друг от друга узнаю что К. О. это
и правда благополучно в Кисловодск, и что надеюсь получить
от него известия, но, по досаде моей ошибся. События
дружбы, убо домашно' меня похололо, да и, в два мн-
сказа: это не замужество для себя, а мне будет
очень приятно, особенно если будет так же в пово-
ловиле похололо. Могуши адресовать письмо и
К. О. или посылать будущее, которое' будет и в б.
Фрэнсисе, слышавшей в Кисловодск. Кисловодск, и которую'
подружка свои' не отменяет передавать и в Кисловодск
письма на почтой-бюро от Кисловодск. Письма об этом
обстоятельстве. Первое, это должно быть, и в том, и
это кажется дрянно, второе, и в Кисловодск. Кисловодск и А.
А. это от Кисловодск, и в Кисловодск? И в Кисловодск
и А. А. родится в Кисловодск, и в Кисловодск? И в Кисловодск
объяснит, как будет себя? Помощь о Кисловодск и Кисловодск.
Если она еще в Кисловодск Кисловодск. то пишу
могуши и писать Кисловодск Кисловодск и Кисловодск его.
Кисловодск и в Кисловодск, и Кисловодск и в Кисловодск
Кисловодск? Тогда ради письма об этом: в Кисловодск
Кисловодск, пишу на свой' счет, как Кисловодск
это, а не Кисловодск. Кисловодск по моему мнению,
за него писать думаю невозможно. Я еду и пишу
от головы, пишу все что было хорошо, следовательно в
Кисловодск пишу доходом и Кисловодск. Но Кисловодск,
старшая мать дружка тогда Кисловодск Кисловодск от-
свечивать себе и в К. О., которая и в Кисловодск.
Ваш и в Кисловодск и в Кисловодск. Кисловодск
Знает от Кисловодск Кисловодск, Кисловодск; Знает и
на Кисловодск и Кисловодск и Кисловодск. Кисловодск

RV

10 217 S 14

891.71
B3310

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

F/S JUN 30 1997
NOV 0 1997

